This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES
Stacks
JUL 14 1980

издаваемыя

Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ

подъ редакціею

дѣйствительныхъ членовъ

И. А. ЛИННИЧЕНКА и В. М. МИХАЙЛОВСКАГО.

№ 1.

МОСКВА
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА
Якиманскій пер., д. Мамонтова.
1895

СОДЕРЖАНІЕ № 1.

Стр.

И. Е. Забѣлина, замѣтка о древности Днѣпровскаго Олешья 1

А. М. Павлинова, Московскій Успенскій соборъ. 4

Актъ 1690 г. о передѣлкѣ Успенскаго собора 11

Археологическая хроника 13

Засѣданія Общества. 19

Библіографія. 30

Письмо въ редакцію. 36

Въ библіотекѣ Императ. Московс. Археологическаго Общества, между прочимъ, имѣются нижеслѣдующія періодич. и повременн. изданія:

Археологическія Извѣстія и Замѣтки за 1893 и 1894 гг.

Вѣстникъ Императ. Русск. Географическаго Общ. 1854—1857 и 1860. (Неполное).

Древности. Труды Импер. Московск. Археологич. Общ., т. I—XV.

Древности Восточныя. I.

Журналъ Мин. Народн. Просвѣщенія 1867—1894. (Неполный).

Журналы засѣданій Совѣта С.-Петербургск. Духовн. Академіи за 1887/8 и 1888/9. Спб. 1894. (Также за извест. прежніе годы).

Записки Импер. Академіи Наукъ, т. I—LXXVI.

Записки Импер. Русск. Географическаго Общ., кн. III—XIII и XXIII, II.

Тоже, по отдѣленію этнографіи, т. I — V и VII.

Тоже, по общей географіи, т. II—V и VII.

Тоже, по отдѣл. статистики, т. I—IV.

Записки зап.-сибирскаго отд. И. Р. Географ. Общ., кн. I—VIII, X—XIII, XV и XVII, II.

Записки Кавказскаго отдѣла Императ. Русскаго Географ. Общ., кн. IV—VIII, X—XVI. (Неполны).

Записки Общ. Изученія Амурскаго края, т. II—IV.

Записки Одесскаго Общ. Исторіи и Древностей, т. IV—XVII.

Записки Импер. Археологич. Общ. (серія 1-я), т. III—IV, VI—VIII и X—XIV.

Записки отдѣленія Русской и Слав. археологіи Импер. Русск. Археологическаго Общ., I—IV.

Записки историко-филологич. факулт. Им. С.-Петербургск. унив., т. I—IV и ч. XXXII I и XXXIV, II.

Записки Импер. Новороссійскаго университета, т. I—LXIII. (Неполное).

Записки Императ. Харьковскаго Унив. 1874—1882 гг.

Записки Импер. Русскаго Археологическ. Общ., т. I—VII, 1 и 2.

Записки Восточн. Отдѣленія Импер. Русскаго Археологическаго Общ., т. I—VIII.

Записки Уральскаго Общ. Любителей Естествознанія, т. I, IV и X—XII.

Извѣстія и Ученыя Записки Казанскаго унив. 1865—1880 гг. (Неполное и съ перерывами).

Извѣстія Кавказскаго Отдѣла Импер. Русскаго Географ. Общ., т. I—III, V, IX и X.

Извѣстія Император. Общ. Естествознанія, Антропол. и Этнографіи при Импер. Моск. унив. т. I,—LXXXIII и LXXXVIII. (Съ перерывами).

Извѣстія Импер. Русскаго Географич. Общества, т. III—XXX. (Съ перерывами).

Извѣстія Историко - Филологич. Институт. кн. Безбородко въ Нѣжинѣ, т. I—XIII.

Извѣстія Общ. Исторіи, Археологіи и Этнографіи при Императ. Казанскомъ унив., т. VI, IX—XI и XIII, 1—3.

Извѣстія церковно-археолог. Общества при Кіевской Дух. Академіи, съ 1876 г. (Съ перерывами).

№ 1 1895 г.

303 714

ИЗДАВАЕМЫЯ
ИМПЕРАТОРСКИМЪ МОСКОВСКИМЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ

I.

Замѣтка о древности Днѣпровскаго Олешья.

Древнее *Олешье*, нынѣ городъ Олешки или Алешки (Таврич. Губ.), въ нашихъ лѣтописяхъ, сколько извѣстно, въ первый разъ упоминается въ 1084 г., когда князь Давыдъ Игоревичъ захватилъ и ограбилъ въ немъ такъ называемыхъ *грековъ* или *гречниковъ*, т. е. Русскихъ торговцевъ съ греками.

Въ 1160 г. Олешье взяли Берладники, но скоро были выгнаны и избиты посланною въ насадахъ ратью изъ Кіева. Въ другихъ случаяхъ объ Олешьѣ упоминается, какъ о добромъ пристанищѣ, на перепутьѣ изъ Корсуня и Царяграда въ Кіевъ

На томъ ли самомъ мѣстѣ стоялъ древній городъ, на которомъ уѣздный городъ находится теперь, неизвѣстно. Онъ расположенъ на протокѣ рѣки Конки, прозываемомъ Чайкою. Конка, какъ извѣстно, течетъ по одному руслу съ Днѣпромъ, держась лѣваго его берега, иногда сливаясь съ потокомъ Днѣпра, потомъ снова выходя въ свое независимое теченіе, сберегая и особенность состава своей воды до самаго своего впаденія въ Днѣпровскій лиманъ. У Геродота она названа рѣкою Пантикапомъ. Въ своемъ теченіи она раздробляется на множество протоковъ,

60ST2 005 XI 2119

которые образуютъ множество островов и такъ называемыхъ *плавней*, покрытыхъ и до сихъ поръ почти сплошнымъ лѣсомъ, особенно въ самомъ устьѣ Днѣпра.

Вотъ почему древнѣйшее Русское торговое пристанище на нижнемъ Днѣпрѣ, находившееся посреди сплошнаго лѣса, именовалось *Олешьемъ*, что означало вообще лѣсную болотистую область, покрытую по преимуществу ольховою породою растительности. Эта самая область по Геродоту была извѣстна подъ именемъ *Илеи*, лѣсной земли.

Въ средніе вѣка у Генуэзцовъ *Олешье* прозывалось *Elice Elissa*, какъ тѣмъ же именемъ они обозначали и самый Днѣпръ: *Elikė*, *Ellixe*, *Loxo*, Luxoni, Lussom, Lellexe и т. п. *) Едва ли можно сомнѣваться, что эти имена въ испорченномъ видѣ обозначаютъ то же самое Русское слово *Олешье*.

Любопытное свидѣтельство о существованіи нашего *Олешья* въ глубокой древности находимъ въ одномъ изъ сказаній нашихъ Прологовъ, гдѣ подъ 20 числомъ января и подъ 20 числомъ іюня записана память о св. Мученикахъ *Инны, Римы и Пинны*.

Тѣ святые мученики, говоритъ сказаніе на 20 января, были отъ Скиѳіи, отъ сѣверьскія земли варварскія, ученики были Андрея Апостола и своею проповѣдью многихъ отъ варваръ обратили отъ кумирской прелести на Вѣру Христову и за то взяты были и представлены князю варварскому, который сначала много прельщалъ ихъ ласкою и честью, чтобы отступили отъ Истинной Вѣры, но напрасно; они не покорились, а потому были биты безъ пощады и наконецъ, зимою, когда рѣки замерзли, такъ что можно было ходить по льду не только человѣку, но и скоту, и можно было ѣздить и на возахъ, варварскій князь велѣлъ ихъ заморозить въ текущей водѣ, для чего посреди рѣки на льду были поставлены великіе деревья и къ нимъ были привязаны мученики, которые отъ лютости мраза и предали души свои Господу.

Подъ 20 числомъ іюня записана память о перенесеніи ихъ мощей, въ которой повторена предыдущая запись, и затѣмъ прибавленъ разсказъ объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ это перенесеніе.

Послѣ кончины мучениковъ нѣкоторые изъ христіанъ погребли ихъ телѣса, вѣроятно, на общемъ кладбищѣ; но епископъ вскорѣ выгребъ ихъ и на своихъ раменахъ перенесъ и положилъ ихъ въ своей церкви. Гдѣ это происходило, сказаніе не упоминаетъ.

По прошествіи семи лѣтъ послѣ ихъ мученія святые, явившись, принудиша Годду епископа перенести мощи ихъ въ мѣсто, нарицаемое *Еликсъ* (въ другихъ болѣе позднихъ спискахъ—*Аликсъ и Лаксъ*), при-

*) Atlas de la Mer Noire, par. T. de Marigny. Одесса, 1850.—Черноморье Ф. Бруна I,78.

станище суще. Мы же, заключаетъ авторъ этого сказанія, невѣдуще времени ихъ скончанія, празднуемъ ихъ перенесеніе на славу Богу и св. мученикамъ.

При этомъ сказаніе въ заглавіи своей статьи упоминаетъ, что они пострадали въ *Готфѣхъ*, а это указываетъ на болѣе позднее время, когда было записано это сказаніе [1]).

Январское сказаніе помѣщено уже въ Минологіи импер. Василія X вѣка, гдѣ приложено и изображеніе ихъ мученія: посреди льдянаго покрова на трехъ столбахъ привязанные мученики погружаются въ воду.

Іюньское сказаніе встрѣчается въ греческой рукописи XI вѣка. Архим. Сергій въ своемъ почтенномъ трудѣ: Полный мѣсяцесловъ Востока, замѣчаетъ, что тѣ мученики были Славяне Малой Скиѳіи, и что въ Сербскомъ Прологѣ XIII в. имена ихъ значатся: *Ененъ*, *Ниринъ* и *Пень* [2]).

Если имя Еликсъ и Аляксъ достовѣрно указываетъ на наше *Олешье*, то для насъ очень важно свидѣтельство, что Святые Мученики были ученики Апостола Андрея. Оно подтверждаетъ Русское преданіе о проповѣди Св. Апостола по Днѣпру и можетъ быть послужило вмѣстѣ съ другими еще неизвѣстными намъ сказаніями о святыхъ, почившихъ въ нашихъ мѣстностяхъ, источникомъ или основаніемъ для этого преданія. Если Св. Апостолъ оставилъ учениковъ въ Олешьѣ, то, по древнерусскому соображенію, онъ необходимо благословилъ для Христовой Вѣры и Кіевскія Горы. Вотъ почему составители нашихъ Прологовъ имѣли достаточно основательный поводъ внести въ свои Сборники и особое сказаніе о путешествіи св. Апостола круговымъ, издревле извѣстнымъ, путемъ отъ устья Днѣпра въ Варяжкое море, и далѣе до Рима и до Царяграда, а затѣмъ Понтомъ или Русскимъ моремъ до Днѣпра.

Это сказаніе помѣщается подъ 30 числомъ ноября, когда совершается память о Св. Апостолѣ, съ слѣдующимъ заглавіемъ: „Въ той же день Слово о проявленіи Крещенія Русскія Земли Св. Апостола Андрея, какъ приходилъ въ Русь и благословилъ мѣсто и крестъ поставилъ, идѣже нынѣ градъ Кіевъ.“

Сказаніе заключаетъ въ себѣ сходный съ лѣтописнымъ, но самостоятельный, краткій разсказъ о пути изъ Варягъ въ Греки, по которому св. Апостолъ прошелъ до Рима.

Ив. Забѣлинъ.

---

[1]) На итальянскихъ картахъ XV в. Готтія показана съ западной стороны Днѣпра у моря.

[2]) Полный мѣсяцесловъ Востока, II, 18, 164, 173.

II

Московскій Успенскій соборъ.

Первоначальное основаніе Московскаго Успенскаго собора относится къ началу XIV вѣка. Когда великій князь Иванъ Даниловичъ Калита сдѣлалъ Москву своею столицею, и митрополитъ Петръ изъ г. Владиміра перенесъ сюда каѳедру митрополіи, тогда явилась необходимость имѣть храмъ, который могъ бы замѣнить Владимірскій Успенскій соборъ. Митрополитъ Петръ сталъ усиленно просить великаго князя о постройкѣ новаго храма и говорилъ: „Аще мене, сыне, послушаеши и храмъ Пресвятыя Богородицы воздвигнеши во своемъ градѣ, самъ прославишися паче иныхъ князей, и сынове и внуцы твои въ родъ и въ родъ, и градъ сей славенъ будетъ во всѣхъ градѣхъ россійскихъ, и святители поживутъ въ немъ, еще же и мои кости положены будутъ". Великій князь согласился исполнить желаніе митрополита, и въ 1326 г. соборъ былъ заложенъ. Митрополитъ Петръ не дождался окончанія собора и скоро умеръ. Соборъ былъ оконченъ въ 1327 г. и освященъ ростовскимъ епископомъ Прохоромъ. Храмъ этотъ существовалъ 145 лѣтъ и пришелъ въ такую ветхость, что великій князь Іоаннъ III рѣшилъ его разобрать и выстроить вновь бо́льшихъ размѣровъ.

Назначенъ былъ сборъ съ духовенства, бояръ и купцовъ. Изъ Пскова были выписаны мастера: Кривцовъ и Мышкинъ. Имъ были отданы работы въ 1472 г. и продолжались около двухъ лѣтъ. Самъ великій князь часто навѣдывался и слѣдилъ за ходомъ работъ. Казалось, все шло хорошо; но когда начали класть своды, къ удивленію всѣхъ, храмъ обрушился.

Двѣ неудачныя постройки вызвали сомнѣніе въ возможности собственными мастерами выстроить храмъ, и великій князь выписалъ изъ Италіи архитектора по имени Фіоравенти, за хитрость прозваннаго Аристотелемъ. Фіоравенти согласился ѣхать къ русскому царю за 10 руб. въ мѣсяцъ (что въ тѣ времена составляло значительную сумму).

Прибывъ въ Москву, Фіоравенти въ 1474 г. получилъ порученіе выстроить новый храмъ. Онъ осмотрѣлъ развалины старой церкви и замѣтилъ, что работа гладкая, но что известь не хороша и кирпичъ недостаточно твердъ. Онъ научилъ, какъ дѣлать кирпичъ, и далъ ему другіе размѣры. Изслѣдованіе кладки главъ существующаго собора показало, что размѣръ кирпича въ стѣнахъ $6\frac{1}{4}$, $2\frac{3}{4}$ и $1\frac{3}{8}$ вершка, на наличникахъ оконъ средней главы кирпичъ другой, болѣе крупный и чуть ли не лекальный, нарочно сдѣланный для тягъ.

Фіоравенти при составленіи проекта постройки храма было поставлено въ необходимость взять за образецъ старый Владимірскій Успенскій соборъ. Такимъ образомъ призванные къ намъ иностранные мастера не должны были вводить иностранныхъ формъ, а строить въ нашемъ мѣстномъ стилѣ, не отступая отъ старыхъ формъ. Аристотель, прежде чѣмъ составить проектъ собора, дѣйствительно ѣздилъ въ г. Владиміръ для осмотра церквей и Успенскаго собора. Но Успенскій соборъ въ г. Владимірѣ представляетъ двѣ разновременныя постройки (рис. 1). Первоначально Владимірскій соборъ былъ заложенъ въ 1158 году Андреемъ Боголюбскимъ. Этотъ храмъ былъ одноглавый. Но въ 1189 г. великій князь Всеволодъ обстроилъ храмъ съ трехъ сторонъ каменными стѣнами и по угламъ поставилъ четыре малыя главы. Такимъ образомъ первоначальный храмъ оказался какъ бы въ футлярѣ и изъ одноглаваго превратился въ пятиглавый. Проломавъ большія отверстія въ наружныхъ стѣнахъ прежняго храма, великій князь Всеволодъ превратилъ стѣны Андреевскаго

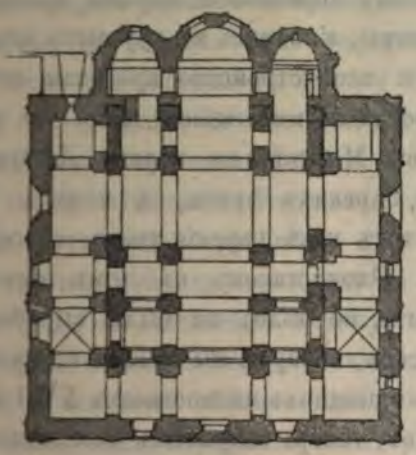


Рис. 1.

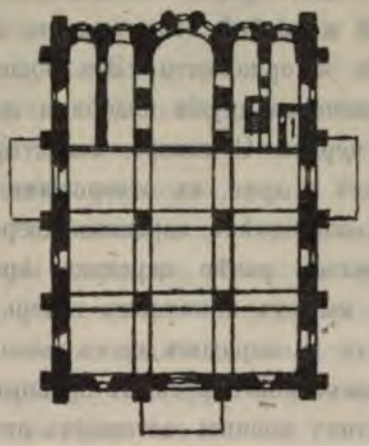


Рис. 2.

храма во внутренніе столбы и сдѣлалъ весь храмъ открытымъ. Такимъ образомъ, храмъ значительно увеличился. Не считая столбовъ, которые за иконостасомъ, внутри Владимірскаго собора стоитъ 12 столбовъ, въ Успенскомъ же Московскомъ соборѣ всего четыре столба, то есть столько же, сколько первоначально было во Владимірѣ въ Андреевскомъ храмѣ, пока его не обстроилъ Всеволодъ, какъ это видно на рис. 1.

Планъ Московскаго Успенскаго собора представляетъ прямоугольникъ съ четырьмя круглыми столбами внутри (рис. 2), стоящими на высокихъ базахъ, какъ бы пьедесталахъ. Средняя алтарная часть, внутри круглая, снаружи тоже отчасти выражается полукругомъ. Боковыя части состоятъ каждая изъ двухъ полукружій и внутри раздѣляются стѣнкой

вдоль. Слѣва отъ главнаго алтаря находится жертвенникъ и предѣлъ Петра и Павла. Справа находится предѣлъ Дмитрія Солунскаго и двѣ лѣстницы: одна ведетъ въ ризницу, и выше въ библіотеку, другая—въ предѣлъ Похвалы Пресвятой Богородицы, находящійся вверху, подъ главой, и выводитъ на крышу, то есть на плечи собора, а оттуда есть ходъ подъ крышу, то есть на чердакъ.

Первоначально алтарь не былъ отдѣленъ отъ храма высокимъ иконостасомъ, который видимъ теперь. Иконостасъ замѣняла каменная стѣнка, которая и до сихъ поръ находится за деревяннымъ иконостасомъ. При послѣдней реставраціи собора передъ коронаціей Императора Александра III, когда поправляли существующій иконостасъ, алтарная стѣнка была открыта. Съ нея Д. Н. Чичиговымъ былъ снятъ рисунокъ, который теперь пріобрѣтенъ Историческимъ музеемъ. Она не высока, правая же ея сторона, гдѣ ризница и лѣстницы, возвышается до пятъ арокъ столбовъ храма. Въ срединѣ преграды имѣется отверстіе, проходъ, гдѣ вѣроятно помѣщались рѣзныя деревянныя царскія врата; на самой же стѣнѣ обнаружились пилястры, живопись въ круглыхъ медальонахъ и орнаменты. Эта роспись и все устройство преграды весьма напоминаетъ другія подобныя же преграды, имѣющіяся, напр., въ главной церкви Симонова монастыря въ Москвѣ, въ церкви Лазаря въ Кремлѣ и друг. съ отверстіями для царскихъ вратъ, а можетъ быть и только однѣхъ царскихъ дверей, такъ какъ царскія двери, вѣроятно, появились ранѣе царскихъ вратъ. Иконостасовъ въ томъ смыслѣ, какъ мы ихъ понимаемъ теперь, тогда не было; не былъ выработанъ и тотъ распорядокъ иконъ иконостасовъ, который мы видимъ на существующихъ многоярусныхъ сравнительно позднихъ иконостасахъ XVII вѣка, а потому роспись алтарныхъ столбовъ, теперь закрытыхъ иконостасомъ, по роду иконописи, не относится къ циклу иконъ иконостаса, а относится къ внутренней росписи стѣнъ самого храма.

Внутренность Успенскаго собора вся расписана, но настоящее письмо—позднее, Екатерининскаго времени и позднѣе. Его контуры не сходятся съ древними, которые еще видны, потому что сдѣланы иглою (т. е. царапиной). Поэтому древнее письмо могло бы быть возстановлено, если бы представилась возможность смыть новое и реставрировать старое. Не входя въ подробности и разборъ содержанія картинъ, считаемъ не лишнимъ привести техническія свѣдѣнія изъ исторіи собора о приготовленіи стѣнъ для росписи при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, именно: „По учиненіи сметы поданной Государю Царю и Великому Князю за руками иконописцевъ Ивана Паисена съ товарищи, нашлось, что естьли собрано будетъ Государевымъ изволеніемъ знамень-

щиковъ и иконописцевъ шесдесятъ человѣкъ, то всю соборную церковь уповательно можно надписать въ два лѣта. По пріуготовленіи красокъ и всего матеріала, потребнаго къ сему дѣлу, начали левкасъ дѣлать изъ старой извести, которую возили изъ Ростова. Въ привозѣ оной значитъ 200 бочекъ цѣною каждая по 50 коп. и притомъ за провозъ по 50-же. Оную же известь въ левкахъ претворяли слѣдующимъ образомъ: смѣшавъ съ водою, цѣдили въ 20 творилъ черезъ рѣшеты, въ творилахъ гребками мѣшали и изъ Москвы рѣки воду въ опредѣленные часы перемѣняли, емжугъ же или соръ съ пѣною съ извести снимали и потомъ оную со льномъ збивали, а ленъ пріуготовляли такъ: во 1-хъ оный въ мельницахъ терли и выбирали изъ него кострицу, а потомъ сушили въ ведреное и теплое время на шестахъ, а въ ненастливое нарочно избы топили и, изсуша, вили въ веревки, которыя изрѣзавъ въ творилахъ же съ известью мѣшали. Такимъ образомъ пріуготовивъ левкасъ, снимали со стѣнъ старое иконное письмо на бумажные рисунки, потомъ старый левкасъ збивали, и гдѣ оказывались сверху въ сводахъ трещины, то заливали ихъ вареною смолою. Очистивъ стѣны, набивали оныя для укрѣпленія новаго левкаса гвоздьми, гдѣ же гвозди въ стѣну не входили, то наверчивали нарочно сдѣланными пробоями, а потомъ левкасили вновь стѣны и, чтобы гладокъ былъ левкасъ, потирали оный ветошками. Учредивъ все такимъ образомъ, писали иконописцы на стѣнахъ безъ свѣчъ, а по необходимости и при свѣчахъ противъ снятыхъ знаменщиками стараго письма рисунковъ, растворяя краски на яйцѣ да на пшеничной вареной водѣ, въ киноварь же сурикъ-масло, а въ баканъ и ярь-нефть и скипидаръ клали, золотили же точно на олифѣ и все оное стѣнное письмо прикрывали олифою жъ. Ревностно продолжая симъ порядкомъ свой трудъ, окончили они иконное писаніе въ 1644 году". Послѣднее возобновленіе стѣнописи собора было произведено въ 1773 году по повелѣнію императрицы Екатерины, въ которомъ между прочимъ говорится: „...желаемъ Мы, чтобы оное исправленіе иконописнаго письма и на стѣнахъ внутръ и съ лица водяными красками производились съ приличною освященнымъ храмомъ благопристойностью и для того поручаемъ Вамъ *) самимъ въ главное надсмотрѣніе производство онаго съ тѣмъ: 1-е, чтобъ все то живописство написано было такимъ искусствомъ какъ и древнее безъ отличія, и гдѣ было золото на стѣнахъ, тутъ и теперь употребить такое же, а не краску желтую; 2-е, чтобъ присланы къ сей работѣ живописцы для иконостасной и стѣнной работы не свѣтскіе, но духовные люди и проч..."

*) Амвросію, архіепископу Московскому.

Но выше было сказано, что контуры этого письма не сходятся съ контурами стараго, слѣдовательно повелѣніе императрицы не было соблюдено.

Вліяніе владимірской архитектуры выразилось всего болѣе на фасадѣ собора. Подобно Владимірскому, онъ получилъ поясъ изъ колонокъ, украшенныя аркатурой входныя двери, фронтонныя покрытія плечъ, какъ было во Владимірѣ, и невысокія каменныя главы. Все это, какъ увидимъ ниже, позволяетъ представить соборъ въ его первоначальномъ видѣ. Существующія луковичныя покрытія главъ (рис. 3) позднія; внутри ихъ имѣются другія главы каменныя, первоначальныя, по формѣ своей составляющія какъ бы переходъ отъ главъ владимірскихъ храмовъ къ главамъ болѣе поздняго времени, нѣсколько увеличеннымъ, какъ, напр., въ Архангельскомъ соборѣ. Поэтому эти главы имѣютъ весьма важное значеніе для исторіи русской архитектуры. Теперь онѣ скрыты, но несомнѣнно, было время, когда онѣ были открыты, вѣроятно, до 1550 г., когда Иванъ IV Грозный велѣлъ покрыть соборъ золотомъ. Раньше же главы были крыты желѣзомъ, какъ говоритъ сказаніе объ ударѣ молніи въ 1493 г. и пожарѣ „маковицы большія что подъ желѣзомъ". Главы эти и теперь покрыты листовымъ желѣзомъ; по бокамъ имѣются ушки, вдѣланныя въ каменную кладку, за которыя были укрѣплены кресты цѣпями. На верху главъ вставлены бѣлые камни съ отверстіями для крестовъ. Кресты первоначально были четырехъ конечные. Фіоравенти сдѣлалъ было надъ митрополичьимъ мѣстомъ въ алтарѣ латинскій крестъ, но его сейчасъ же сняли. Восьми-конечные же кресты на главахъ поставлены при Іоаннѣ IV. Возстановленіе главъ вполнѣ возможно и тѣмъ болѣе желательно, что существующія луковицы разновременны и по формѣ различны; именно средняя луковица болѣе поздняя и формою своею и конструкціей отличается отъ боковыхъ. Существующія луковицы весьма

Рис. 3.

некрасивы, велики, хотя и довольно стары; основаніе ихъ, можетъ быть, и относится ко временамъ царя Ивана IV Грознаго 1550 г. и едва ли позднѣе 1683 г., когда послѣ пожара, по указу Іоанна и Петра Алексѣевичей, велѣно было осмотрѣть соборъ „и буде своды крѣпки покрыть на время тесомъ и скалами (берестой) и окончины въ главахъ и въ окнахъ, которыя погорѣли, сдѣлать новыя, а то строеніе вѣдать окольничьему Богдану Ѳедоровичу Полибину, да дьяку Семену Иполитову...“ Далѣе говорится: „А по осмотру подмастерья Ивашка Апсина съ товарищи сказали: на соборной церкви своды крѣпки и до весны служить въ церкви безо всякаго опасенія можно, а впредь съ весны тѣмъ сводамъ безъ починки быть не мочно, а спуски надъ закоморами, что бѣлой камень и то все нынѣ отломать и очистить съ стѣнами равно и въ стѣнахъ и сводахъ и въ шеяхъ и около шей положить связи и утвердить накрѣпко [1]); и починя, и по сводамъ выровнять и сдѣлать спуски желѣзные покрыть бѣлымъ желѣзомъ, да сверхъ желѣза бѣлаго по дугамъ желѣзнымъ покрыть мѣдью досчатою, луженою.... у средней большой главы пробрать въ дву мѣстехъ сдѣлать вновь, у меньшихъ четырехъ главъ пробрать въ пяти мѣстѣхъ.... да около большой же средней главы поясъ, что былъ бѣлаго камня и отъ пожару обломался пробрать сдѣлать вновь изъ бѣлаго же камня ....надъ закоморами бѣлой камень обломавъ и на сводахъ и спуски выровнявъ сдѣлать кирпичемъ и проч.“. Все это взялся дѣлать Кадашевецъ Любимка Герасимовъ сынъ Олсуфьевъ. Въ это же время въ предѣлѣ Дмитрія Селунскаго сдѣланы своды и окна пробиты въ новь [2]) Позднѣе въ 1741 г. опять производится починка крыши, которая уже пришла въ совершенную ветхость. Въ смѣтѣ архитектора Мичурина говорится: „На ономъ Успенскомъ соборѣ и паперти верхнюю мѣдную кровлю надлежитъ починить, а подъ тою кровлею старую жестяную крышу снять и вмѣсто той сдѣлать вновь“.

Этихъ сокращенныхъ выписокъ изъ исторіи исправленій [3]) собора намъ достаточно, чтобы сдѣлать заключеніе о его первоначальномъ видѣ. Подробный осмотръ на мѣстѣ убѣждаетъ, что полную реставрацію собора возможно произвести только на рисункѣ, а не въ натурѣ, къ чему имѣются техническія препятствія. Такъ, напримѣръ, барабаны боковыхъ главъ имѣли карнизы и тяги аналогичные съ тягами средней главы, они были изъ бѣлаго камня и во время пожара отвалились. Для того,

---

[1]) Фіоравенти, строя Успенскій соборъ, клалъ связи желѣзныя, а до него клали связи деревянныя.

[2]) Изъ докладной выписки, за помѣтою дьяка Емельяна Украинцева. См. дополненіе къ этой статьѣ.

[3]) Матеріалы для исторіи, археологіи и стат. Москвы И. Забѣлина, ч. I, Москва, 1884 г., стр. 34—38, 151—154.

чтобы ихъ возстановить, необходимо выламывать старый бѣлый камень и вставлять новый; но эта работа весьма опасна, такъ какъ толщина стѣнъ главъ всего около 10 вершковъ, а сводовъ со штукатурной $3^3/_4$ вершка. Легкость сооруженія этого храма, вызвала необходимость укрѣпить его стѣны, и въ 1647 г. снаружи вокругъ всего собора поставили толстые столбы, какъ бы контрафорсы, вмѣсто бывшихъ лопатокъ; остатки первопечальныхъ лопатокъ сохранились только на восточной стѣнѣ собора выше алтаря.

Покрытіе плечъ собора, какъ выше было сказано, имѣло каменные спуски, которые оканчивались каменными сточными желобами. Спуски эти были фронтонные (никакъ не круглые), подобные покрытію Успенскаго собора въ г. Владимірѣ. Они существовали до 1683 г., когда и сдѣлана крыша круглая, т. е. по дугамъ), какъ сказано выше. Остатки этого фронтоннаго покрытія въ натурѣ сохранились до сихъ поръ между среднею главою и малыми въ четырехъ мѣстахъ. Борозды кругомъ средней главы подъ существующей круглой крышей ясно указываютъ на бывшее фронтонное покрытіе всего собора [1]).

Рис. 4.

Изъ вышеприведеннаго описанія ремонта собора заключаемъ, что фронтоны снаружи были бѣлокаменные и, соотвѣтствуя бороздамъ на средней главѣ, возвышались надъ арками на четыре аршина, какъ показалъ ватерпасъ бывшаго конька, т. е. верхняго угла фронтона, который конечно могъ быть только горизонтальнымъ, т. е. имѣть плоскіе скаты, сохраняя вездѣ одинъ и тотъ же уклонъ; въ противномъ случаѣ поверхности скатовъ были бы свинчены, чего конечно быть не могло.

На основаніи этихъ соображеній и составленъ общій рисунокъ нашей реставраціи (рис. 4), но при этомъ, конечно, показанныя нами подкар-

[1]) Круглой накладки на соборѣ быть не могло еще и потому, что она, подходя къ яндовамъ, закрыла бы сточные желоба, такъ какъ кладка должна бы быть поднята значительно, чтобы перевысить имѣющіяся каменныя возвышенія на сводахъ собора. Это указываетъ, что покрытіе собора никогда не было по сводамъ, а всегда было по стропиламъ.

низныя тяги и арки сдѣланы по соображенію, что составляетъ препятствіе для возстановленія ихъ въ натурѣ. На древнихъ рисункахъ, между которыми наибольшаго вниманія заслуживаютъ картины изъ книги объ избраніи на царство Михаила Ѳеодоровича, соборъ показанъ различно: на одномъ изъ нихъ показаны фасады фронтоновъ между круглыми закоморами, на другомъ круглыя закоморы, переходящія во фронтоны; на рисункѣ 1613 г. надъ юго-западнымъ угломъ показанъ фронтонъ [1]); но вообще эти рисунки Успенскаго собора не сходны между собою, и потому не могутъ быть приняты во вниманіе. На прилагаемомъ рисункѣ реставраціи, окна въ среднемъ поясѣ собора, растёсанныя позднѣе, показываемъ такими, какъ они были первоначально. Что же касается втораго покрытія собора, существующаго подъ мѣдною крышею, то оно фронтонное, но сдѣлано весьма небрежно: коньки наклонны, ихъ уклоны разные, и потому поверхности свинчены. Все это производитъ впечатлѣніе старыхъ фронтонныхъ стропилъ, которыя прежде были выше въ старой бороздѣ нынѣ забѣленныхъ известью, но потомъ спущенныхъ ниже съ обрубленными концами едва укрѣпленныхъ на мѣстѣ. Ниже этой второй крыши надъ пазухами была еще крыша, слѣды которой ясно видны на чердакѣ собора до сихъ поръ.

Такимъ образомъ Успенскій соборъ является сколкомъ съ церквей г. Владиміра. Отдавая должное его историческому значенію, замѣтимъ однако, что, по художеству, онъ гораздо ниже древнихъ памятниковъ г. Владиміра.

А. М. Павлиновъ.

Въ дополненіе къ статьѣ А. М. Павлинова помѣщаемъ нижеслѣдующій документъ, не лишенный интереса для исторіи передѣлокъ совершавшихся въ Успенскомъ соборѣ, разысканный въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи старшимъ помощникомъ архиваріуса I отдѣленія названнаго Архива А. Н. Зерцаловымъ и по просьбѣ В. Н. Сторожева переданный въ распоряженіе редакціи „Арх. Изв. и Зам.“, которая и воспроизводитъ его въ настоящемъ нумерѣ безъ всякихъ пропусковъ.

„Въ докладной выпискѣ, за помѣтою думнаго дьяка Емельяна Украинцова, нынѣшняго 198 году іюля въ 17 день написано.

Въ нынѣшнемъ во 198 году іюля въ 10 день по указу великихъ государей царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцевъ велѣно въ церкви Пресвятыя

[1]) Москва — снимки съ видовъ, мѣстностей, храмовъ, зданій и другихъ сооруженій, II, 1886 г.

Богородицы большаго Успенскаго собору иконы окладныя, и иконостасы, и паникадило большое серебряное, хрустальное и мѣдное вычистить и гдѣ что повгедило осмотрѣть и починить; а по осмотру въ церкви большаго Успенскаго собора иконостасы и у иконъ оклады запылились и во многихъ мѣстѣхъ почернело; да паникадило большое серебряное запылилось же и во многихъ мѣстехъ почернело; хрустальное паникадило да мѣдныхъ 9 паникадилъ почернели жъ;—а по сказкѣ серебрениковъ Срѣтенскія сотни Ивашка Петрова съ товарищи, паникадило де серебряное большое вычистить мочно не разбираючи, а надобно де къ тому паникадилу подвязать подвязи и намостить досками, а на очистку надобно 10 щетей мѣдныхъ простыхъ, мыла чистаго косякъ, квасовъ 30 ведръ, пива кислаго 20 ведръ, возъ песку Воробьевскаго, да холстовъ на очистку 15 аршинъ, 10 губъ грѣцкихъ, да на мѣдные паникадила дрожжей медовыхъ 15 ведеръ; а къ чищенью де иконостасовъ и на иконахъ окладовъ и паникадилъ надобно серебряныхъ мастеровъ по 20 человѣкъ на день; да въ придѣлѣ Дмитрія Селунскаго въ прошломъ во 192 году *сдѣланы своды и окна пробиты вновь*, а довелось своды и окна подписать иконнымъ письмомъ, и по нынѣшній по 198 годъ тѣ своды и окна не подписаны; а иконники отъ той подписи и за золото и за краски просятъ 25 руб., въ церкви жъ у сѣверныхъ вратъ у иконы Живоначальныя Троицы да у чудотворца Николая иконостасныя рамы старыя и ветхи; въ придѣлѣ Петра и Павла надъ гробомъ Петра митрополита у Спасова образа иконостасныхъ рамовъ нѣтъ, у образа Сергія чудотворца иконостасныя рамы деревянныя, а не вызолочены; у образа Пресвятыя Богородицы Печерскія, что у царскихъ дверей, рамовъ иконостасныхъ нѣтъ; въ алтарѣ надъ престоломъ шатеръ покрытъ серебряными досками и сдѣланы закаморы, и тѣ закаморы и на кровлѣ во многихъ мѣстехъ обломалось; на патріаршѣ мѣстѣ стѣнной образъ Всемилостиваго Спаса письмо облиняло, да въ церкви жъ въ нижнихъ и въ верхнихъ въ главныхъ окнахъ окончины слюдяныя во многихъ мѣстехъ попортились.

На докладной выпискѣ помѣта думнаго дьяка Емельяна Украинцова 198 г. іюля въ 17 день, великіе государи указали: то все вышеписанное по сей выпискѣ починить и вычистить изъ помѣстнаго приказу и деньги на тотъ расходъ давать съ добрымъ присмотромъ изъ Помѣстнаго жъ приказу. Сію выписку взялъ Андреянъ Ратмановъ.

И потому ихъ великихъ государей указу изъ Помѣстнаго приказу изъ пошлинныхъ денегъ дано на то вышеписанное церковное строеніе 50 руб. денегъ; а тѣ деньги и докладную выписку, за помѣтою думнаго дьяка Емельяна Украинцова, нынѣшняго 198 г. іюля 17 числа іюля въ 28 день, тѣ деньги принялъ Андреянъ Ратмановъ" [1]).

---

[1]) См. М. А. М. Ю. бывшаго Помѣстнаго приказа расходную кн. № 4895/17 л.л. 62 об.—63.

III

Археологическая хроника.

Въ 12-ой книгѣ за 1894 г. журнала „Фотографъ-Любитель“ находимъ свѣдѣніе о весьма важномъ открытіи въ области фотографіи, открытіи имѣющемъ особенную цѣнность для чтенія малоразборчивыхъ рукописей и палимпсестовъ. Открытіе это сдѣлано фотографомъ г. Буринскимъ и впервые примѣнено имъ по слѣдующему поводу:

Въ 1843 г. въ Московскомъ Кремлѣ, противъ Константино-Еленской церкви, подъ горою, при рытіи ледниковъ, найденъ въ землѣ мѣдный наполненный водою сосудъ съ пергаментными и бумажными свертками и двумя кусками желѣзной руды и глиняная фляга, въ которой оказалось небольшое количество ртути. Предметы эти были переданы Академіи наукъ, возложившей разсмотрѣніе ихъ на адьюнкта Академіи Я. И. Бередникова. Результаты своего изслѣдованія Я. И. Бередниковъ изложилъ въ статьѣ, напечатанной во 2-мъ томѣ Bulletin de la classe des sciences historiques, plilol. et polit. de l'Académic impériale des sciences de S. Petersb. t. II, N. 28—29. (Записка объ открытыхъ въ Московскомъ Кремлѣ древностяхъ, представленная второму отдѣленію Академіи Наукъ адьюнктомъ Я. И. Бередниковымъ). Нѣкоторые изъ найденныхъ документовъ были отчасти прочитаны Бередниковымъ, но нѣкоторые (12 пергаментныхъ свертковъ) оказались на столько поврежденными, что, по мнѣнію изслѣдователя, изъ нихъ нельзя сдѣлать никакого употребленія. Документы были переданы орд. академику Гессу для возстановленія на нихъ письменъ химическимъ способомъ. Нѣкоторые изъ документовъ, лучше сохранившіеся, стали болѣе четкими послѣ употребленія извѣстныхъ тогда химическихъ способовъ; остальные свертки (12) („болѣе важные по содержанію, что доказываютъ привѣшенныя къ нимъ печати“) не были подвергнуты химическимъ опытамъ.

Прочитанные документы относятся ко времени в. кн Димитрія Іоановича, или ко второй половинѣ XIV в. Я. И. Бередниковъ дѣлитъ ихъ на грамоты, дѣловые акты, выписи памятныя.

Съ такимъ результатомъ документы эти были впослѣдствіе переданы на храненіе въ Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Въ истекшемъ году Н. П. Лихачевъ, указывая на значительные успѣхи, сдѣланные въ послѣднее время свѣтописью, обратился въ Академію Наукъ съ просьбою о выпискѣ этихъ документовъ изъ Москвы

съ цѣлью примѣнить къ ихъ дешифрованію новѣйшихъ фотографическихъ способовъ. При любезномъ содѣйствіи А. А. Куника документы эти были доставлены въ Академію Наукъ, и въ ея химической лабораторіи фотографъ г. Буринскій началъ примѣнять къ нимъ изобрѣтенный ими способъ дешифровки испорченныхъ документовъ. Результатъ работы г. Буринскаго далъ поразительные результаты. Въ документѣ, представлявшемъ одно сплошное черное пятно и на обыкновенной бромисто-желлатинной пластинкѣ дававшемъ еле замѣтные слѣды письма, послѣ примѣненія изобрѣтеннаго г. Буринскимъ способа, получилось ясное изображеніе бо́льшей части документа. (Въ 12 № Фотографа-любителя фототипіей воспроизведены въ уменьшенномъ размѣрѣ снимки по способу г. Буринскаго. Намъ удалось видѣть снимки въ натуральную величину, гдѣ текстъ выступаетъ несравненно яснѣе, чѣмъ въ указанныхъ фототипіяхъ). Хотя еще не весь документъ прочитанъ, но содержаніе грамоты уже достаточно ясно: дѣло идетъ въ ней о договорѣ между убійцей и родственниками убитаго; убійца вмѣстѣ съ своими „гублянами“ долженъ уплатить родственникамъ убитаго дикую виру, и тогда „воленъ онъ крови ефремковой“.

Способъ г. Буринскаго имѣетъ огромную важность не тольво для дешифровки плохо сохранившихся документовъ, но и для возстановленія палимпсестовъ (какъ намъ извѣстно, надъ однимъ палимпсестомъ работаетъ въ настоящее время г. Буринскій) и для обнаруженія подчистокъ въ всевозможнаго рода документахъ. Весьма возможно, что этому способу будетъ принадлежать рѣшительное слово въ вопросѣ о подлинности такихъ произведеній, какъ Краледворская рукопись. Остается только пожелать возможно скораго обнародованія г. Буринскимъ сущности его открытія.

—— Изъ Юрьевскаго уѣзда пишутъ въ „Приб. Лист.“, что тамъ однимъ крестьяниномъ, при расчисткѣ поля отъ каменныхъ кучъ, найдены почти сохранившіеся человѣческіе скелеты съ разными украшеніями. Подъ одною кучею лежалъ на незначительной глубинѣ костякъ взрослаго человѣка, на груди котораго была тяжелая красивая цѣпь, съ большими крестовидными булавками при концахъ; на пальцахъ костяка два кольца, на рукахъ по пяти браслетовъ: первый отъ кисти браслетъ широкій, другіе поуже; сбоку найдена поясная пряжка и части ноженъ отъ короткаго кинжала; подъ другою кучею лежалъ костякъ женскій или дѣтскій, съ проволочнымъ ожерельемъ съ бусами и бубенцами; на шеѣ и на обѣихъ рукахъ по витому браслету. Въ изголовьѣ и въ ногахъ обоихъ костяковъ стояло по небольшому глиняному горшку, изъ которыхъ только одинъ былъ цѣлъ. Уцѣлѣвшій горшокъ и вещи представлены начальнику Юрьевскаго уѣзда. Мѣстность, гдѣ найдены костяки и вещи, нѣкогда служила мѣстомъ погребенія, и тамъ, по преданіямъ, погребены какіе-то

знатные военачальники. Желательно было бы въ этой мѣстности, по близости Чудского озера, произвести тщательныя раскопки въ мѣстахъ по указанію мѣстныхъ старожиловъ. Навѣрное труды изслѣдователя не пропали бы даромъ (Сынъ Отеч., № 3471).

—— Въ газетѣ „Иверія“ сообщаютъ: около Горатской церкви (близъ ст. Михайлово, на Боржомской вѣтви), рабочіе лезгины открыли древнія катакомбы, въ которыхъ находятъ массу мѣдныхъ вещей: ножи, кинжалы, наконечники стрѣлъ, топоры и т. п. Встрѣчаются также четки, ожерелья, ножницы и т. п. Вещи эти пропадаютъ, такъ какъ рабочіе продаютъ ихъ первымъ встрѣчнымъ; между тѣмъ весьма возможно, что онѣ имѣютъ какое-либо значеніе, судя по надписямъ на нихъ, которыя никто не безпокоится разбирать. Мѣсто, гдѣ открыты катакомбы, принадлежитъ дворянамъ Мурманашвилевымъ (Нов. Вр. № 6780, 1895 г.)

—— 10 сентября сего года въ пригородной г. Землянска сл. Солдатской, при раскопкѣ канавы на огородѣ крестьянки Бородкиной, крестьянскими мальчиками найденъ кладъ, состоящій изъ мелкой серебряной монеты временъ Петра Великаго, вѣсомъ 7 фунтовъ. Кладъ этотъ отправленъ на разсмотрѣніе въ Императорскую Археологическую коммиссію (Ворон. Телеграф. 1894, № 120).

—— Въ С.-Петербургской духовной академіи было собраніе любителей церковной старины для обсужденія вопроса объ учрежденіи въ Петербургѣ центральнаго церковно-археологическаго Общества съ филіальными отдѣленіями при каждой духовной семинаріи. Главныя задачи общества и отдѣленій будутъ заключаться въ розысканіи, описаніи и охраненіи вещественныхъ и письменныхъ памятниковъ, находящихся въ нашихъ монастыряхъ и церквахъ. Болѣе выдающіеся письменные памятники предполагается издавать, для чего центральное общество будетъ имѣть свой спеціальный органъ. Въ послѣднемъ засѣданіи присутствующіе познакомлены были съ отзывами провинціальныхъ дѣятелей и любителей археологіи по вопросу объ открытіи общества и отдѣленій, при чемъ всѣ почти отзывы говорятъ о необходимости и возможности открытія при семинаріяхъ археологическихъ отдѣленій и церковно-археологическихъ музеевъ, гдѣ бы воспитанники семинаріи, будущіе пастыри, могли получить и знанія, и любовь къ церковной старинѣ. Въ виду такихъ отзывовъ собраніе избрало особую коммиссію изъ спеціалистовъ по каждой отрасли вещественныхъ и письменныхъ церковныхъ памятниковъ, для выработки проекта устава. Въ составъ этой коммиссіи вошли профессора академіи А. И. Пономаревъ, Н. В. Покровскій, доцентъ П. К. Никольскій и начальникъ синодальнаго архива А. Н. Львовъ. (Нов. Вр. № 6741).

—— Газета „Мшакъ“ передаетъ, что нѣсколько времени тому назадъ католикосъ всѣхъ армянъ обратился въ Петербургское Археологическое Общество съ просьбой командировать въ Эчміадзинъ подходящее лицо для приведенія въ порядокъ эчміадзинскаго музея. Названное общество, уваживъ просьбу его святѣйшества, предложило директору музея гор. Керчи выѣхать въ Эчміадзинъ съ указанною цѣлью, и на-дняхъ онъ проѣхалъ черезъ Тифлисъ въ Эчміадзинъ. (Нов. № 323, 1894 г.

—— Въ настоящее время разрабатывается вопросъ объ учрежденіи въ г. Екатеринодарѣ музея археологическаго, историческаго и прикладныхъ знаній.

—— Въ волынское епархіальное древлехранилище въ періодъ времени съ 1 іюля 1893 по 1 авг. 1894 поступило нѣсколько сотъ предметовъ, рукописей и старо-печатныхъ книгъ. Наиболѣе интересныя пріобрѣтенія: портреты послѣдняго изъ князей Острожнихъ, Януша (копія) и княжны острожской Анны Алоизы; бронзовый образокъ-змѣевикъ съ иконой божіей Матери Кипрской и греческой надписью (славянскимъ алфавитомъ?), выкопанный въ с. Ярославичахъ; деревянный рѣзной шестиконечный крестъ со множествомъ изображеній и надписями, между которыми особенно важны: молба раба божія митрополита теоктиста с. (О. А. Фотинскій, Краткое описаніе памятниковъ древности, поступившихъ въ Волынское Епарх. Древнехранилище. Вып. 2-й, Почаевъ, 1894).

—— Въ Аѳинахъ коммиссія спеціально учрежденная для охраненія Партенона отъ разрушенія, недавно, послѣ весьма тщательнаго осмотра этого памятника, сдѣлала категорическое заявленіе, что благодаря послѣднимъ землетрясеніямъ, Партенону угрожаетъ скорое разрушеніе, и что поэтому необходимо немедленно принять мѣры для его укрѣпленія. Въ виду такого заявленія коммиссіи Археологическое Общество открыло неограниченный кредитъ, необходимый для выполненія предположенныхъ работъ. Что же касается самой системы укрѣпленій, то по этому вопросу мнѣнія членовъ коммиссіи раздѣлились, и для окончательнаго рѣшенія его греческое правительство намѣрено обратиться къ посредничеству наиболѣе извѣстныхъ европейскихъ архитекторовъ. („La chronique des arts“).

—— (Скульпторъ Тимоѳей). С. Рейнакъ въ № 36 Chronique des arts (1894 г.) помѣстилъ слѣдующую замѣтку о вышеназванномъ скульпторѣ. До раскопокъ, произведенныхъ греческимъ правительствомъ въ Эпидаврѣ, о скульпторѣ Тимоѳеѣ мы знали только по имени; намъ извѣстно было только, что его рѣзцу принадлежалъ южный фризъ Галикарнасскаго Мавзолея, и что въ этой работѣ ему со-

трудниками были, кромѣ Скопаса, Бріаксидъ и Леохаръ; мы также знали, что его стиль приближался къ стилю Леохара, такъ какъ, по Витрувію, одна статуя Марса въ Галикарнассѣ приписывалась одними Леохару, другими Тимоѳею. Наконецъ, онъ принадлежалъ къ тѣмъ художникамъ, произведенія которыхъ очень цѣнились въ римскую эпоху: Плиній говоритъ, что одна его Діана, находившаяся въ храмѣ Аполлона Палатинскаго, въ Римѣ, была повреждена, и передѣлка ея головы была поручена скульптору Авіанію Евандеру. Къ слову сказать, это одно изъ рѣдкихъ упоминаній въ древней литературѣ о *реставраціи* памятника. Другія произведенія, приписанныя древними Тимоѳею: Асклепій въ Трезенѣ, статуи атлетовъ, воиновъ и охотниковъ изъ бронзы — не бросаютъ свѣта на личность Тимоѳея, какъ на художника.

Раскопки въ Эпидаврѣ открыли цѣлый рядъ прекрасныхъ скульптуръ, украшавшихъ большой храмъ Асклепія, построенный въ 390 г. до Р. Х. Скульптуры находятся теперь въ Аѳинскомъ музеѣ. Найденная въ Эпидаврѣ и объясненная Фукаромъ надпись гласитъ, что Тимоѳей доставилъ за 900 драхмъ модели фронтонныхъ статуй и акротеровъ для храма въ Эпидаврѣ. Надпись сообщаетъ также, что Тимоѳей исполнилъ собственноручно только акротеры одного изъ фронтоновъ, но, къ сожалѣнію, неизвѣстно котораго. Акротеры другаго фронтона — произведеніе скульптора, имя котораго начиналось съ *Θεο*..., можетъ быть, Ѳеоксенида, который упомянутъ, какъ мастеръ одной части фронтоновъ.

Такимъ образомъ, для произведеній Тимоѳея точкою отправленія являются скульптурныя украшенія Эпидаврскаго храма, открытаго Кавваціей; если они и не цѣликомъ исполнены самимъ скульпторомъ, то по его моделямъ, подобно тому, какъ Фидій доставилъ модели для Парѳенона.

Каввадія сдѣлалъ замѣчаніе, что эпидаврскія скульптуры очень схожи со скульптурами Галикарнасскаго мавзолея, что теперь можетъ быть вполнѣ объяснимо. Винтеръ, въ Извѣстіяхъ Германск. Археол. Инст. въ Аѳинахъ, пошелъ еще далѣе. Какъ декораторовъ Мавзолея Плиній называетъ Скопаса и Бріаксида и Тимоѳея съ Леохаромъ. Мы знаемъ, что во время постройки Мавзолея (350 л. до Р. Х.) Скопасъ, родившійся около 400 года, былъ уже вполнѣ зрѣлымъ художникомъ, тогда какъ Бріаксидъ съ Леохаромъ были молодыми людьми. Можно предположить, что Бріаксидъ былъ ученикомъ, завѣдующимъ мастерской Скопаса, и что въ то же время Леохаръ былъ помощникомъ Тимоѳея. Эта гипотеза тѣмъ болѣе вѣроятна, что Бріаксидъ художникъ изъ рода Скопасовъ, тогда какъ сходство стилей произведеній

Тимоѳея и Леохара объясняетъ колебаніе древнихъ критиковъ въ вопросѣ о статуѣ Марса въ Галикарнассѣ.

Къ заслугѣ Винтера слѣдуетъ отнести, что онъ (въ 1892 г.) указалъ въ Аполлонѣ Бельведерскомъ, относимомъ обыкновенно къ 280 году, поразительное сходство стиля со статуей Ганимеда, уносимаго орломъ, лучшая реплика котораго находится въ Ватиканѣ. Древніе восхваляли бронзовую группу этого-же сюжета, работы Леохара; если Ганимедъ есть произведеніе Леохара, то Аполлонъ Бельведерскій вѣроятно того же мастера, что заставляетъ статую его отнести къ 340-му году, на полвѣка раньше противъ принятаго до сихъ поръ опредѣленія.

Въ Капитолійскомъ музеѣ находится статуя стоящей Леды съ приподнятой лѣвой рукой, которою она держитъ драпировку одежды, а правою прижимаетъ къ своей груди лебедя. Сопоставляя эту статую съ одною изъ скульптуръ, найденныхъ въ Эпидаврѣ, изображающею Нереиду, сидящую на морской лошади, Винтеръ съ большою вѣроятностью замѣтилъ, что пріемы въ обдѣлкѣ драпировокъ представляютъ чрезвычайное сходство въ обѣихъ статуяхъ. Голова эпидаврской Нереиды, къ сожалѣнію, повреждена, но мы имѣемъ изъ тѣхъ же раскопокъ другія головы, стиль которыхъ очень родственененъ Капитолійской Ледѣ. Такимъ образомъ, возможно считать капитолійскую Леду школы Тимоѳея. Такъ какъ въ этой школѣ талантливый художникъ Леохаръ, для созданія знаменитой группы Ганимеда, взялъ мотивомъ соединеніе юноши съ птицею, то не будетъ слишкомъ смѣло ему же приписать идею группы Леды съ лебедемъ, т. е. соединеніе женщины и птицы. Эту же мысль высказалъ еще въ 1847 г. О. Янъ: „Ганимедъ Леохара могъ доставить мотивъ для Леды, и возможно, что оба произведенія принадлежатъ къ одной эпохѣ“.

—— (Античная группа Асклепія и Гигіи). Музей Изящныхъ Искусствъ Императорскаго Московскаго Университета получилъ въ даръ отъ управляющаго страховымъ обществомъ „Саламандра“ въ Москвѣ Э. И. Бернера мраморную группу, представляющую Асклепія и Гигію. Асклепій и его дочь представлены въ стоячемъ положеніи на тонкомъ мраморномъ постаментѣ. Между ними небольшой жертвенникъ. У лѣвой ноги Асклепія находится связка свитковъ, какъ аттрибутъ бога врачебной науки. Съ правой стороны Гигіи, на гористомъ возвышеніи, представленъ маленькій крылатый геній, спящій, положивъ голову на приподнятое лѣвое колѣно и руки, скрещенныя на немъ. Асклепій представленъ положившимъ свою правую руку на лѣвое плечо Гигіи; кисть этой руки не сохранилась. Правое плечо и грудь до пояса открыты; широкая съ многочисленными складками одежда обнимаетъ ниж-

нюю часть тѣла до ступни; верхній конецъ ея перекинутъ черезъ лѣвое плечо. Лѣвая рука, скрытая подъ гиматіемъ, опирается на лѣвое бедро. Голова, перевязанная тэніей, слегка повернута въ сторону Гигіи. Пышные волосы, подымающіеся надъ лбомъ, раздѣлены посрединѣ проборомъ. Ноги обуты въ сандаліи. Центръ тяжести покоится на лѣвой ногѣ, тогда какъ правая слегка отставлена назадъ. Гигія, не имѣющая ни головы, ни кистей рукъ, одѣта въ безрукавный и до ступней ниспадающій хитонъ, сквозь который весьма замѣтно проступаютъ упругія формы ея молодаго и здороваго тѣла. Поясомъ перевитъ ея станъ высоко, подъ самыя груди. Мантія обвиваетъ поверхъ хитона нижнюю часть фигуры, спускаясь черезъ лѣвую руку. Правая рука ея дважды обвита змѣей. Лѣвая рука, вѣроятно, держала чашу, изъ которой богиня кормила змѣю. Ноги ея также обуты въ сандаліи и поставлены такъ же, какъ и у Асклепія. Что касается до крылатаго генія, то фигура эта находится въ фрагментарномъ состояніи: отбита часть крыльевъ, средняя часть лѣвой руки, и правая нога отъ колѣна до ступни (эта часть сохранилась); вся фигурка отдѣлена отъ ея постамента. Группа была обильно окрашена и доселѣ носитъ въ различныхъ мѣстахъ явные слѣды краснокоричневой окраски и позолоты. Работа отличается тщательностью.

Размѣры: общая высота группы съ базисомъ—11 вершковъ, высота фигуры Асклепія—10 $^1/_2$ вершковъ, длина базиса—9 $^1/_2$ вершковъ, высота жертвенника—1 $^1/_2$ вершка.

Э. И. Бернеръ пріобрѣлъ эту группу на мѣстѣ древнихъ Кумъ отъ одного изъ поселянъ (сообщ. И. В. Цвѣтаевъ).

IV

Засѣданія Обществъ.

Въ Засѣданіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества 24 мая 1894 г. Д. И. Эварницкій сдѣлалъ сообщеніе „О коллекціи древнихъ вещей изъ Афросіаба и другихъ мѣстъ Средней Азіи“.

Референтъ изложилъ въ краткихъ словахъ описаніе одной изъ лучшихъ частныхъ коллекцій мѣстныхъ древностей, коллекціи капитана 17-го Туркестанскаго линейнаго батальона, Л. С. Барщевскаго, заключающей въ себѣ массу древнихъ предметовъ и монетъ, и затѣмъ развилъ мысль о необходимости устройства Музея въ г. Самаркандѣ, какъ центральномъ пунктѣ исторической мѣстности. Къ сожалѣнію, мѣстныя научныя силы очень слабы,

средствъ для основанія музея нѣтъ, нѣтъ и иниціаторовъ. Въ заключеніе референтъ предложилъ Обществу ходатайствовать передъ г. туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ, барономъ А. И. Вревскимъ и г. самаркандскимъ губернаторомъ, графомъ Н. Я. Ростовцевымъ объ изысканіи средствъ къ основанію музея, причемъ указалъ, что основнымъ вкладомъ въ этотъ музей можетъ послужить описанная имъ коллекція г. Барщевскаго, которую владѣлецъ согласенъ уступить за 300 р. Въ томъ же засѣданіи г. А. П. Засимовичъ изъ Херсона демонстрировалъ часть своей коллекціи древнихъ вещей изъ разныхъ раскопокъ. По его объясненію, нѣкоторыя вещи, а именно: золотая діадема съ 6 большими и 32 малыми камнями, золотая брошь, 30 зеренъ ожерелья, фибула съ 10 камнями, браслетъ, кольцо, урна въ 25 золотниковъ вѣса, коробочка съ головой Пана, каменныя бусы и пр. были найдены сотникомъ земли войска Донскаго въ собственной его землѣ, близь Новочеркасска, но пріобрѣтены не отъ него, а отъ разныхъ скупщиковъ; другія вещи какъ 2 золотыя серьги, золотые кружки въ видѣ монетъ, золотой медальонъ съ грифономъ, 2 браслета, гривна, глиняный кувшинъ и др. были найдены крестьяниномъ въ могилахъ между сс. Натальевской, Сергіевской и др. Александр. уѣзда, Екатериносл. губ., проданы евреямъ, отъ которыхъ и перешли къ настоящему владѣльцу. Многія изъ вещей г. Засимовича возбудили сомнѣніе у членовъ Общества въ ихъ подлинности.

Н. Н. Харузинъ прочелъ рефератъ „Къ Исторіи Герцике". Рефератъ этотъ будетъ напечатанъ въ одномъ изъ №№ „Арх. Изв. и Зам.".

Въ засѣданіи того-же общества, 26 октября 1894 г., подъ предсѣдательствомъ гр. П. С. Уваровой, предъ началомъ засѣданія, по предложенію Предсѣдателя, всѣ присутствующіе почтили память въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Александровича, Державнаго Покровителя Общества, вставаніемъ, а панихида по почившемъ Государѣ была отслужена въ домѣ Общества 23 октября. Предсѣдатель заявилъ, что отъ имени Московскаго Арх. Общ. разослано ученымъ и художественнымъ Обществамъ и Музеямъ Москвы предложеніе возложить отъ всѣхъ Обществъ и Музеевъ одинъ общій вѣнокъ на могилу почившаго Государя.

А. А. Ивановскій прочелъ отчетъ о совершенной имъ на Высочайше дарованныя средства поѣздкѣ въ Закавказье для продолженія начатыхъ имъ тамъ въ прошломъ году археологическихъ изслѣдованій. Изслѣдованія были начаты въ окрестностяхъ г. Эривани, гдѣ г. Ивановскому посчастливилось найти совершенно новую клинообразную надпись временъ царя Аргишти (IX в. до Р. Х.), по счету 23-ю изъ найденныхъ доселѣ въ предѣлахъ Россіи надписей эпохи ванскихъ царей. Камень съ надписью привезенъ въ Москву и переданъ Обществу. Невдалекѣ же отъ Эривани, въ долинѣ Аракса, у подошвы Арарата, были произведены продолжительныя раскопки засыпаннаго землей города, открытаго г. Ивановскимъ еще въ прошломъ году. Раскопки обнаружили ряды построекъ, выложенныхъ изъ громадныхъ, хорошо

обдѣланныхъ камней (изъ чернаго туфа), со стѣнами, достигающими нерѣдко сажени толщины, съ поломъ изъ хорошо выдѣланныхъ и по большей части орнаментированныхъ кирпичей, съ оригинальными (складными) водосточными и, быть можетъ, водопроводными трубами, съ громадными каменными подставками для колоннъ (самыхъ колоннъ найденъ только одинъ небольшой обломокъ) и т. п. Въ большомъ количествѣ найдены обломки глиняныхъ сосудовъ различной формы и величины. Такъ какъ раскопками обнаружено одно зданіе церкви, то основаніе города нужно отнести, повидимому, къ началу уже христіанской эпохи. Городъ погибъ, вѣроятнѣе всего, въ одно изъ землетрясеній, такъ часто бывавшихъ въ области Арарата. Изъ Эриванской губерніи изслѣдованія были перенесены въ Турцію, гдѣ путешественника сопровождалъ секретарь русскаго консульства въ Эрзерумѣ В. В. фонъ-Циммерманъ. Изъ изслѣдованій, произведенныхъ г. Ивановскимъ въ Турціи, особенный интересъ въ археологическомъ отношеніи представляетъ найденный путешественникомъ около г. Баязета рядъ комнатъ, высѣченныхъ въ скалѣ. Комнаты расположены въ три этажа и соединяются между собой оригинальными проходами, лѣстницами и корридорами; стѣны, полъ и потолокъ ихъ тщательно обдѣланы; свѣтъ проникаетъ только въ средній этажъ чрезъ единственное небольшое окно, высѣченное на очень значительной высотѣ и служащее въ то же время входомъ въ комнаты. Вокругъ окна, на наружной сторонѣ скалы, довольно явственно сохранились фигуры людей; имѣя по типу немалое сходство съ ассирійскими, онѣ въ то же время представляютъ и нѣкоторыя характерныя отличія отъ нихъ, заставляющія предположить, что въ баязетскомъ барельефѣ впервые найдены изображенія ванскихъ царей. Къ эпохѣ ванскихъ же царей относятся, повидимому, и высѣченныя въ скалѣ комнаты, такъ какъ тождественная постройка найдена въ одной ванской (оз. Ванъ въ Турціи) скалѣ. Изслѣдованія г. Ивановскимъ этихъ памятниковъ, находящихся въ старой (полуразрушенной въ русско-турецкую войну) крѣпости, навлекали на него со стороны мѣстныхъ турецкихъ властей подозрѣніе въ съемкѣ крѣпостей; о немъ было телеграфировано въ Порту и эрзерумскому генералъ-губернатору. Послѣдній сдѣлалъ распоряженіе объ арестѣ „астронома Ивановскаго“, и только благодаря содѣйствію живущаго въ Баязетѣ персидскаго консула Мирзы Мехмедъ - Хана, путешественнику удалось обмануть бдительность турецкихъ заптіевъ (жандармовъ) и скрыться въ Персію, по которой онъ проѣхалъ чрезъ Макинское ханство. Возвратившись изъ Персіи чрезъ Нахичевань въ Эриванскую губернію, г. Ивановскій перенесъ отсюда свои изслѣдованія въ Карскую область. Описавъ и фотографировавъ многочисленные древніе памятники христіанской эпохи въ Кагазманскомъ округѣ, путешественникъ занялся изслѣдованіемъ долины р. Карсъ-чая, въ которой открылъ нѣсколько укрѣпленій, построеніе которыхъ онъ относитъ къ VIII — IX вв. до Р. Х. и видитъ въ нихъ слѣды похода ванскаго царя Аргишти изъ ванской области въ Александровскую низменность. Ко времени того же ванскаго царя, г. Ивановскій относитъ и откры-

тыя имъ на озерѣ Чалдырьгель, на Агджакалинскомъ полуостровѣ развалины древняго города и громадную около него крѣпость. Свой докладъ референтъ демонстрировалъ многочисленными фотографическими снимками, планами, эстампами и найденными при раскопкахъ вещами.

Въ засѣданіи того же Общества, 5 ноября 1894 г., К. Д. Чичаговымъ была прочитана „Поминка по Генрихѣ Бруннѣ и Дж. Б. де-Росси", написанная И. В. Цвѣтаевымъ и В. А. Уляницкимъ краткая характеристика покойнаго д. чл. Д. И. Прозоровскаго.

Въ засѣданіи того же Общества, 9 декабря 1894 г., при открытіи засѣданія, предсѣдатель гр. П. С. Уварова произнесла рѣчь, посвященную памяти почившаго Государя, всегда милостиво и сочувственно относившагося къ обществу. По окончаніи рѣчи всѣ присутствовавшіе почтили память почившаго вставаніемъ. И. А. Линниченко прочелъ „очеркъ ученой дѣятельности поч. чл. Общ. каноника А. С. Петрушевича". Въ томъ же засѣданіи (закрытомъ) были произведены выборы редактора на 1895 годъ для „Арх. Изв. и Зам."; избраны были И. А. Линниченко и В. М. Михайловскій.

Въ засѣданіи Славянской Коммиссіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, 4 октября 1894 г., предсѣдатель коммиссіи М. И. Соколовъ заявилъ объ оставленіи должности секретаря М. Н. Сперанскимъ, за многочисленностью занятій, и о замѣщеніи ея П. А. Лавровымъ. Проф. В. Ѳ. Миллеръ прочелъ сообщеніе „Къ былинѣ о Хотѣнѣ Блудовичѣ". Разсмотрѣвъ подробно ея содержаніе, референтъ поставилъ вопросъ о мѣстѣ и времени ея сложенія, въ отвѣтъ на который онъ обратилъ вниманіе на роль князя Владиміра, свидѣтельствующую о позднемъ прикрѣпленіи былины къ такъ называемому кіевскому циклу и на нѣкоторыя ея бытовыя черты. Въ личностяхъ князя, Хотѣна и обѣихъ вдовъ референтъ указывалъ отраженіе новгородскаго быта и въ подтвержденіе новгородскаго сложенія былины привелъ рядъ данныхъ, сохранившихся въ лучшихъ ея пересказахъ. Со стороны А. И. Кирпичникова рефератъ вызвалъ нѣсколько замѣчаній. Затѣмъ М. Н. Сперанскій прочелъ докладъ „О южно-славянской Четьей Минеѣ".

Въ засѣданіи Восточной Коммиссіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, 18 октября 1894 г., М. О. Аттая прочелъ въ русскомъ переводѣ житіе Джирджиса, т. е. св. Георгія, находящееся у арабскаго историка Ат-Табари, въ его сочиненіи: „Хроника о пророкахъ и царяхъ" по новому изданію Берта и Нёльдеке. Это сказаніе въ новомъ переводѣ по новому тексту, по словамъ А. И. Кирпичникова, присутствовавшаго въ засѣданіи, гораздо полнѣе, чѣмъ въ прежнемъ изданіи Козегартена, и оказывается ближе къ двумъ латинскимъ версіямъ, вышедшимъ изъ греческаго оригинала IX и X вв. Арабскій писатель слѣдуетъ имъ, но позволяетъ себѣ

украшать его риторическими и поэтическими вставками. Есть дополненія, которыхъ нѣтъ въ греческомъ, и которыя встрѣчаются въ нѣмецкихъ позднѣйшихъ переработкахъ.

Х. И. Кучукъ-Іоаннесовъ сообщилъ, что лѣтомъ нынѣшняго года онъ совершилъ поѣздку въ Кіевъ и Бессарабію. Въ Кіевѣ онъ занимался въ Центральномъ Архивѣ университета св. Владиміра, гдѣ нашелъ 32 огромныхъ сборника, составляющихъ документы армянскаго суда, куда въ хронологическомъ порядкѣ вносились протоколы судебныхъ рѣшеній и постановленій. Эти сборники переведены въ Центральный Архивъ изъ города Каменецъ-Подольска и заключаютъ въ себѣ дѣла Каменецъ-Подольскихъ армянъ XVI и XVII в. Протоколы въ нихъ написаны на 3-хъ языкахъ: на армянскомъ, татарскомъ и польскомъ, но армянскимъ шрифтомъ. Однако, сборники болѣе поздняго времени написаны уже по-польски и польскимъ шрифтомъ, вытѣснившимъ армянскій шрифтъ. Совмѣстное употребленіе татарскаго языка съ армянскимъ въ помянутыхъ сборникахъ объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что армяне, послѣ вторичнаго покоренія гор. Ани въ 1239 году Чарма-Ханомъ (полководцемъ великаго хана Ухатая), уведенные въ плѣнъ въ Сарай, съ XIII столѣтія находились въ постоянныхъ сношеніяхъ съ татарами и живя съ ними бокъ-о-бокъ сначала въ Сараѣ и по берегамъ Волги, потомъ въ степяхъ южной Россіи и въ Крыму (откуда въ концѣ XV столѣтія двинулись далѣе на сѣверъ и сѣверозападъ) они вполнѣ усвоили татарскій языкъ, получившій у нихъ право гражданства наравнѣ съ ихъ національнымъ языкомъ. Вотъ почему въ первыхъ же судебныхъ актахъ каменецъ-подольскихъ армянъ татарскій языкъ фигурируетъ рядомъ съ армянскимъ. Изъ означенныхъ сборниковъ референтомъ сдѣланы выписки.

Далѣе Х. И. Кучукъ-Іоаннесовъ сообщилъ о древней церковной утвари, хранящейся въ 2 армянскихъ церквахъ города Григоріополя, Херсонской губерніи. Тамъ же имъ списаны 26 армянскихъ надписей съ надгробныхъ каменныхъ плитъ, перевезенныхъ туда армянскими выходцами изъ Измаила, Киліи и Каушани. Эти мраморныя плиты находятся въ оградахъ двухъ армянскихъ церквей и отчасти на кладбищѣ. Помянутыя надписи представляютъ собою довольно цѣнный матеріалъ для исторіи армянскаго переселенія на Балканскій полуостровъ и юго-западную Русь. Нѣкоторыя изъ нихъ были доложены референтомъ въ русскомъ переводѣ. Референтъ выразилъ предположеніе, что въ Херсонской и Бессарабской губ. найдется и еще много древностей въ родѣ надписей, утвари и письменныхъ памятниковъ, ибо армяне, покидая родину, всегда возили съ собою свои святыни.

18-го ноября 1894 г. состоялось Общее собраніе Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, подъ предсѣдательствомъ Августѣйшаго Предсѣдателя Общества Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Константиновича. Общему собранію предшествовала панихида по въ Бозѣ почившемъ Покровителѣ Общества, Государѣ Императорѣ Алек-

сандрѣ III. Послѣдовавшее затѣмъ общее собраніе открылось рѣчью помощника предсѣдателя Общества А. Ѳ. Бычкова, посвященной памяти въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра III. Въ томъ же засѣданіи доложено о принесеніи въ даръ Обществу новаго труда Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Георгія Михаиловича: „Монеты царствованія императрицы Екатерины II". Князь П. А. Путятинъ сдѣлалъ сообщеніе о раскопкахъ, произведенныхъ около Кіева французскимъ археологомъ барономъ де-Баемъ и обнаружившихъ славянское погребеніе, при чемъ найдены византійскія монеты и скандинавскіе аграфы [1]). Избранъ въ почетные члены Общества графъ А. А. Бобринскій. (Нов. Вр. № 6728, 1894 г.).

9-го декабря 1894 г. состоялось засѣданіе *русскаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества* подъ предсѣдательствомъ С. Ѳ. Платонова. Доклады были сдѣланы В. Г. Дружининымъ: „О раскопкѣ городища на берегу озера Нанога въ Пермской губерніи", и Х. М. Лопаревымъ—„О самосожженіи въ русскомъ расколѣ по новонайденному памятнику старообрядческой литературы". Городище, тщательно изслѣдованное г. Дружининымъ, дало, при раскопкѣ верхняго жилаго слоя, остатки жизни первобытнаго человѣка, въ видѣ издѣлій изъ кости, глиняныхъ кружковъ обломковъ глиняной посуды, съ грубымъ орнаментомъ; но здѣсь есть также уже и желѣзныя издѣлія, попадаются на ряду со шлаками остатки плавленія руды безъ какихъ либо особыхъ приспособленій. Новонайденный Х. М. Лопаревымъ памятникъ старообрядческой литературы представляетъ собою любопытную рукопись конца XVII вѣка, заключающую въ себѣ обличительное сочиненіе старца Ефросина изъ старообрядцевъ, направленное противъ возникшаго въ расколѣ самосожигательнаго толка. Ефросинъ говоритъ, какъ современникъ, о цѣломъ рядѣ самосожженій или гарей (до 40), совершившихся въ различныхъ пунктахъ сѣвера Россіи въ періодъ времени съ 1675 по 1691 годъ, когда государственная власть не оказала еще энергическаго вмѣшательства въ это изувѣрское дѣло. Такъ, напримѣръ, въ Пошехоньѣ подвергли себя сожженію болѣе 4,000 человѣкъ, убѣжденные къ тому попомъ Семеномъ. Рукопись, содержащая въ себѣ сочиненіе Ефросина, пріобрѣтена Императорскимъ Обществомъ Любителей Древней Письменности, которое и издаетъ ее въ настоящее время вмѣстѣ съ изслѣдованіемъ о ней Хр. Меѳ. Лопарева; авторъ изслѣдованія поставилъ данныя, сообщаемыя Ефросиномъ, въ подлежащую связь съ наличной литературой о сектѣ самосожигателей и разобрался въ сбивчивомъ и неясномъ изложеніи Ефросина, сочиненіе котораго, при подобномъ коментаріи, должно найти для себя бо-

---

[1]) См. „Арх. Изв. и Зам.", стр. 363. Въ отчетѣ о докладѣ бар. де Бая, помѣщенномъ въ Revue critique, № 47, 1894 г., мѣстность, гдѣ была найдена могила, описана слѣд. обр.: Cette sépulture, découverte sur la colline où s'établirent les Varègues Askold, Dir, puis Oleg et Jgor... слѣдовательно въ самомъ Кіевѣ.

Ред.

ье широкій кругъ читателей, чѣмъ только среди спеціалистовъ по изуче-
ю раскола. (Нов. Вр. № 6749, 1894 г.).

10-го декабря 1894 г. состоялось засѣданіе *классическаго отдѣленія* мператорскаго Русскаго Археологическаго Общества подъ предсѣдатель-вомъ И. В. Помяловскаго. В. В. Латышевъ прочелъ рефератъ: „Къ во-осу о поддѣлкахъ предметовъ древности на сѣверномъ берегу Чернаго моря". абрикація предметовъ древности, преимущественно эпиграфическаго харак-ра, достигла въ послѣднее время такого совершенства, что камни съ над-сями пріобрѣтаются спеціалистами-археологами за большія деньги, помѣ-аются въ музеи, и надписи эти издаются въ казенныхъ университетскихъ даніяхъ, сопровождаемыя ученымъ коментаріемъ, выходящимъ изъ подъ-пера офессіональныхъ ученыхъ. Два подобныхъ фальсифицированныхъ документа, едшихъ въ полное заблужденіе людей науки, подробно были разобраны кладчикомъ, авторомъ труда о надписяхъ сѣвернаго побережья Чернаго ря (Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini), и выяснили какъ несом-нную подложность памятниковъ, о которыхъ идетъ рѣчь, такъ и пріемы ихъ готовленія. Южно-русскіе фабриканты предметовъ древности широко поль-ются роскошно изданными Русскимъ Археологическимъ Обществомъ томами шеупомянутыхъ Латышевскихъ „Inscriptiones", изъ которыхъ выхватываютъ дѣльныя фразы весьма ловко комбинир уемыявъ самостоятельныя композиціи, къ что получается весьма гладко написанный и довольно правдоподобный кументъ, тѣмъ болѣе, что техническая сторона дѣла поставлена прекрасно: ытный рѣзчикъ удивительно выдерживаетъ стиль письма, тщательно копируя къ точное воспроизведеніе „Inscriptiones", такъ и самые памятники, столь ступные у насъ на югѣ. Но не столь искушенъ опытомъ составитель текста, адающій себя со стороны плохаго знанія элементарной греческой грама-ики (ошибки въ падежныхъ окончаніяхъ собственныхъ именъ, которыя онъ ставляетъ отъ себя въ текстъ, скомбинированный изъ латышевскихъ Inscriptiones"), путается въ различныхъ греческихъ діалектахъ, а еще бо-ье въ тонкостяхъ различій стиля, свойственныхъ каждому роду докумен-овъ въ отдѣльности. Заключая свой рефератъ, докладчикъ выразилъ на-ежду, что разоблаченіе поддѣлокъ предметовъ древности должно само по ебѣ прекратить эту фабрикацію, убѣдивши ограниченный кругъ лицъ и реждений, пріобрѣтающихъ вышесказанныя древности, въ полной негод-ости этихъ послѣднихъ. (Нов. Вр. № 6751, 1894 г.).

14-го декабря 1894 г. состоялось засѣданіе *восточнаго отдѣленія* Им-ераторскаго Русскаго Археологическаго Общества, подъ предсѣдательствомъ барона В. Р. Розена. С. А. Бершадскій сдѣлалъ докладъ „объ устройствѣ турецкой имперіи въ началѣ XVI вѣка на основаніи документа, находяща-ся въ одной изъ посольскихъ книгъ коронной метрики времени короля Александра Ягеллона". Документъ этотъ относится ко времени дипломати-

ческихъ сношеній Польско-Литовскаго государства съ Венеціей, замышлявшей крестовый походъ противъ турокъ, и представляетъ реляцію, сообщающую подробности чиноначалія Великой Порты и состава султанскаго двора, при чемъ, конечно, дѣлаются невольныя сопоставленія со строемъ Литовско-Польскаго государства и нѣкоторыми началами его быта. (Нов. Вр. № 6754, 1894 г.).

10-го января 1895 г. состоялось засѣданіе *русскаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Археолоич. Общества*, подъ предсѣдательствомъ С. Ѳ. Платонова. Докладчикомъ явился С. В. Рождественскій („Къ исторіи княжескаго землевладѣнія въ XVI вѣкѣ") и Н. И. Веселовскій („О раскопкѣ скиѳскаго кургана въ Мелитопольскомъ уѣздѣ"). С. В. Рождественскій, обративъ вниманіе на тотъ земледѣльческій кризисъ, который пережило въ XVI вѣкѣ русское дворянство княжескаго происхожденія, ставитъ своей задачей вполнѣ объективное изслѣдованіе этого вопроса на основаніи документальныхъ данныхъ, представляемыхъ современными актами, грамотами и договорами, и независимо (въ смыслѣ свободы отъ предвзятой идеи) отъ обобщеній такихъ современныхъ писателей, какъ Курбскій и Флетчеръ. Докладчикъ тщательно прослѣживаетъ судьбы отдѣльныхъ княжескихъ родовъ, по уничтоженіи политическаго значенія удѣловъ, и констатируетъ фактъ сохраненія за каждымъ изъ многочисленныхъ представителей того или другого удѣла земельныхъ правъ на его вотчину, по имени которой возникла и фамилія каждаго князя въ отдѣльности. Такъ, изъ рода князей Бѣлозерскихъ возникли князья Вадбольскіе, Ухтомскіе, Пронскіе; изъ рода князей Ярославскихъ—Шаховскіе, Засѣкины; изъ Нижегородскихъ и Суздальскихъ — Шуйскіе, Горбатые, Скопины и др. Опираясь на громадное количество документовъ, изъ коихъ издана лишь незначительная часть, а прочіе хранятся въ нашихъ архивахъ, докладчикъ выяснилъ затѣмъ фактъ сразу же установившейся крайней подвижности владѣнія бывшихъ удѣльно-княжескихъ вотчинъ и привелъ, между прочимъ, такой наглядный примѣръ: въ 1557 году князь Гр. И. Ухтомскій заложилъ свою вотчину князю Пронскому, который, въ свою очередь, заложилъ ее Кирилло-Бѣлозерскому монастырю. Монастыри были богаты деньгами и, какъ банкиры, снабжали ими князей-помѣщиковъ, всегда нуждавшихся въ деньгахъ и обремененныхъ долгами. Изъ множества завѣщаній XVI вѣка, пересмотрѣнныхъ докладчикомъ, онъ указываетъ лишь на одно завѣщаніе князя Куракина, который пишетъ, что ни онъ никому, ни ему никто не долженъ. Съ другой стороны, князья, сохранившіе свои вотчины, не задумывались жертвовать значительныя земельныя пространства на поминъ души въ тѣ же монастыри. Все это привело къ сосредоточенію во владѣніи монастырей такихъ земельныхъ богатствъ, что въ XVI вѣкѣ для государства не столь важное значеніе имѣла конфискація княжескихъ земель, сколько секуляризація монастырскихъ.

Н. И. Веселовскій, въ своемъ докладѣ объ изслѣдованіи имъ въ теченіе

четырехъ послѣдовательныхъ лѣтнихъ экскурсій большаго (въ 10 саженъ вышины) скиѳскаго кургана „Огузъ“ въ Мелитопольскомъ уѣздѣ, Таврической губ., близь села Сѣрогузы, сообщилъ результаты своихъ изысканій, крайне незначительные, въ концѣ-концовъ, по количеству найденныхъ предметовъ, вслѣдствіе того, что курганъ оказался неоднократно разграбленнымъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ раскопка этого кургана, представляющаго царскую могилу съ каменнымъ склепомъ, обнаружила весьма важныя подробности скиѳскаго погребенія именно въ этомъ отношеніи, такъ какъ въ другихъ скиѳскихъ могилахъ до сихъ поръ не встрѣчалось каменныхъ склеповъ. (Нов. Вр., 6779, 1895 г.).

Въ Обществѣ любителей древней письменности 2-го декабря 1894 г. состоялось собраніе, передъ началомъ котораго была отслужена панихида по въ Бозѣ почившемъ Государѣ Императорѣ Александрѣ III. Засѣданіе было открыто рѣчью г. предсѣдателя, гр. С. Д. Шереметева, въ память въ Бозѣ почившаго Государя. Предсѣдатель указалъ на всегдашнее высокое вниманіе къ цѣлямъ и задачамъ Общества, которое выказывалъ покойный Государь; Общество было осчастливлено двукратнымъ посѣщеніемъ почившаго Государя—21-го февраля 1881 г. и 31-го марта 1885 г. Государь Александръ III слѣдилъ за дѣятельностью Общества, поощрялъ его личными вкладами рукописей и присылкой на разсмотрѣніе членовъ Общества предметовъ древности и искусства. Почившій Государь, по словамъ г. предсѣдателя, любилъ русскую старину, потому что „пламенно любилъ Россію“.

Послѣ рѣчи г. предсѣдателя Н. А. Смирновъ сдѣлалъ сообщеніе: „Изъ литературной исторіи древне-русской образованности XVII столѣтія“ — о „рѳмотворной псалтири“ Симеона Полоцкаго. Второе сообщеніе было сдѣ- В. В. Майковымъ о новой рукописи, содержащей въ себѣ разсказы о Петрѣ I. Хотя эти разсказы въ общемъ не представляютъ чего либо неизвѣстнаго, но заключаютъ въ себѣ подробности, доселѣ неизвѣстныя. Г. референтъ указалъ на то, что разсказы дѣйствительно написаны современникомъ, хотя, можетъ быть, и не принимавшимъ непосредственнаго участія въ событіяхъ. Для образца были прочтены четыре разсказа: 1) о пріѣздахъ Петра I по праздникамъ въ церковь св. Троицы; 2) о заступничествѣ ген.-адмир. Апраксина за дворянскихъ малолѣтнихъ дѣтей, бившихъ сваи на р. Мойкѣ; 3) о свадьбѣ князь-папы П. И. Бутурлина, и 4) о чудотворной иконѣ Казанской Божій Матери и Стефанѣ Яворскомъ. Въ заключеніе г. Майковымъ была высказана догадка, что неизвѣстнымъ авторомъ этихъ разсказовъ можетъ быть Крекшинъ, лично извѣстный Петру I за время, къ которому относятся и самые разсказы, т. е. къ 1717—1725 гг.

И. А. Шляпкинъ сдѣлалъ заявленіе о видѣнныхъ имъ надписяхъ на ребрахъ лѣстницы Софійскаго собора въ Новгородѣ, реставрируемаго въ настоящее время архитекторомъ Сусловымъ. По мнѣнію г. Шляпкина, приведшаго нѣкоторыя надписи: „Хотенъ пъсахъ“, „Ильмеръ писахъ“, онѣ относятся къ XII—XIII вв.

Доложено о пожертвованіяхъ: 1) копіи сѣни XVII в., находящейся въ церкви св. Иліи Пророка въ Ярославлѣ—отъ П. В. Жуковскаго; 2) собранія камней — отъ В. П. Костромитиновой; 3) Biblia ectypa въ гравюрахъ—отъ проф. М. П. Петровскаго; 4) снимковъ съ портретовъ Ивана IV, Екатерины II и съ картины, изображающей нарвское сраженіе — отъ Л. Н. Майкова, и 5) голосника изъ Новгородскаго Софійскаго собора—отъ И. А. Шляпкина. Въ составѣ Общества произошли слѣдующія перемѣны: скончался проф. Д. Ѳ. Масловскій, избраны въ члены-кореспонденты: А. М. Бѣловъ, Хр. М. Лопаревъ, В. В. Майковъ, А. П. Сабуровъ и В. В. Семенчиковъ; за отказомъ отъ секретарства Хр. М. Лопарева секретаремъ избранъ В. В. Майковъ и вмѣсто отказавшагося отъ обязанности библіотекаря В. В. Семенчикова—А. М. Бѣловъ. (Нов. Вр., № 6743, 1894 г.).

Въ *Императорскомъ Обществѣ Любителей Древней Письменности*, 16-го декабря 1894 г. состоялось собраніе Общества. Въ началѣ засѣданія Н. Д. Чечулинъ посвятилъ нѣсколько словъ памяти скончавшагося 3-го минувшаго ноября члена-корреспондента Общества г.-м. Д. Ѳ. Масловскаго. Указавъ на него, какъ на перваго профессора по каѳедрѣ русской военной исторіи въ Академіи Генеральнаго штаба, г. Чечулинъ сдѣлалъ характеристику научной дѣятельности покойнаго; въ ней г. Чечулинъ отмѣтилъ заслуги Д. Ѳ. Масловскаго по изданію матеріаловъ для военной русской исторіи и обработкѣ ихъ въ изслѣдованіяхъ, соотвѣтствующихъ современнымъ требованіямъ науки.

Затѣмъ Л. Н. Майковъ прочелъ записку С. Н. Северьянова о такъ-называемой Чудовской Псалтыри. Г. Северьяновъ желалъ обратить вниманіе Общества на пергаментную рукопись московскаго Чудова монастыря,—„Псалтырь съ толкованіемъ блаж. Ѳеодорита Кирскаго“, какъ на рѣдкій памятникъ письменности XI в., представляющій немаловажный интересъ въ лингвистическомъ и литературно-историческомъ отношеніяхъ.

Н. П. Лихачевъ прочелъ рефератъ „О родѣ Сукиныхъ“. Изложивъ мѣстническое столкновеніе окольничаго Ѳ. И. Сукина съ думнымъ дьякомъ С. И. Заборовскимъ въ 1663 году, референтъ указалъ на выводы, сдѣланные по этому поводу В. И. Сергѣевичемъ о томъ, что Заборовскіе—дворянская фамилія, а Сукины — дьяческая, и что производство Ѳ. И. Сукина въ бояре „показываетъ, насколько Грозный мало стѣснялся соображеніями объ отеческой чести служилыхъ людей“. Въ виду того, что такимъ образомъ въ вопросѣ о родѣ Сукиныхъ, совершенную неродовитость котораго признаютъ и В. О. Ключевскій, и А. И. Маркевичъ, изслѣдователь сталкивается съ важнымъ вопросомъ объ отношеніяхъ Ивана Грознаго къ боярскимъ традиціямъ объ отеческой чести, г. Лихачевъ подробно прослѣдилъ жизнь и дѣятельность Сукиныхъ эпохи Ивана IV и пришелъ къ выводу, что родъ Сукиныхъ образовалъ фамильное прозвище ранѣе конца XV вѣка, когда нѣсколько вѣтвей рода было испомѣщены въ Вотской и Бѣжецкой пятинахъ,

что въ Москвѣ еще въ 1494 году Сукины являются въ средѣ придворнаго дворянства, и что историческая вѣтвь рода, къ которой принадлежалъ и вышеупомянутый Ѳ. И. Сукинъ, состоитъ не только изъ дѣтей боярскихъ, но изъ того высшаго слоя ихъ, который имѣлъ права на кормленія (пошлинники), намѣстническую и воеводскую службу.

Разбирая дѣятельность старца Мисаила, Салтана, Бориса, Ѳедора, Григорія Сукиныхъ (все лица первой половины XVI столѣтія), г. Лихачевъ особенно остановился на томъ, что дьяческая служба Бориса Ивановича Сукина чередовалась съ чисто дворянской и воеводствомъ, и по поводу этого выяснилъ всю разницу между дьячествомъ XVI и XVII столѣтій. Въ XVII вѣкѣ для дворянина дьячество поношеніе, „худая“ „обышная“ служба, а еще за нѣсколько лѣтъ до воцаренія дома Романовыхъ дьяческое мѣсто было дано „дворянину“ за „вѣрную службу“ въ награду. Далѣе референтъ, на основаніи документовъ, доказалъ, что Мисаилъ, Ѳедоръ, Борисъ и Григорій Сукины родные и двоюродные братья, что въ вопросѣ о возвышеніи Ѳедора Ивановича Сукина не можетъ быть и рѣчи о личной выслугѣ (какъ, наприм., у Висковатаго) и фаворитизмѣ со стороны Ивана Грознаго. Просто цѣлая фамилія занимала опредѣленное служебное положеніе, и старшій въ родѣ шелъ впередъ всѣхъ и попалъ въ государеву думу. Для Ѳ. И. Сукина царь Иванъ Грозный не сдѣлалъ важнаго исключенія, о которомъ, на основаніи Шереметевскаго боярскаго списка, говоритъ В. И. Сергѣевичъ. Ѳ. И. Сукинъ не былъ произведенъ изъ казначеевъ прямо въ бояре, въ 1560 году онъ былъ сказанъ окольничимъ, въ 1561—бояриномъ и умеръ 12-го ноября 1565 года. Положеніе, которое занимали въ XVI столѣтіи Сукины, выясняется и изъ ихъ родственныхъ связей. Кромѣ брачныхъ союзовъ съ Хвостовыми, Замыцкими (а въ XVII ст.—съ кн. Голицыными), дочь Бориса Ивановича, Прасковья, была замужемъ за княземъ Данилою Ростовскимъ, а Стефанида Ѳедоровна Сукина—за однимъ изъ Захарьиныхъ, троюроднымъ братомъ царицы Анастасіи Романовны. Затѣмъ референтъ, на основаніи Тысячной книги и другихъ документовъ, высказалъ предположеніе о происхожденіи Сукиныхъ изъ среды вотчинниковъ Суздальскаго княжества.

Въ заключеніе А. І. Лященко сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній по поводу брошюры П. Н. Тиханова „Архангелъ Михаилъ. Псалка“. А. І. Лященко отмѣтилъ, что хотя у П. Н. Тиханова и находится лучшая рукопись „сужденія дьявола противъ рода человѣческаго“, чѣмъ та, по которой изданъ этотъ памятникъ проф. А. И. Кирпичниковымъ, тѣмъ не менѣе не всѣ замѣчанія г. Тиханова убѣдительны. (Нов. Вр., № 6759, 1894 г.).

V

Библіографія.

Кавказъ. Матеріалы по Археологіи Кавказа, собранные экспедиціями Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, снаряженными на Высочайше дарованныя средства. Выпускъ IV. Христіанскіе памятники. Графини Уваровой. Москва. 1894 г.

Содержаніе: Абхазія. Аджарія. Кобліанское ущелье. Посховскій участокъ. Рача. Тифлисская губернія.

Древности. Труды Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, изданные подъ редакціею В. К. Трутовскаго, секретаря Общества. Томъ пятнадцатый, выпускъ 1—2. Москва. 1894 г.

Содержаніе: *Кирпичниковъ, А. И.* Къ иконографіи Сошествія Св. Духа. *Шварцъ А. Н.* Къ исторіи древне-греческихъ рельефовъ на золотыхъ вещахъ, найденныхъ въ южной Россіи. *Его же.* По поводу вазы съ рельефными изображеніями, найденной въ с. Парутинѣ. *Щепкинъ, В. Н.* Памятникъ золотаго шитья начала XV в. *Павловъ, А. С.* О каталогѣ греческихъ рукописей іерусалимской патріархіи, изданномъ Императ. Полестинскимъ Обществомъ. *Орѣшниковъ, А. В.* Нѣсколько замѣчаній о древностяхъ, найденныхъ въ с. Парутинѣ въ 1891 г. *Станкевичъ, А. И.* Отрывокъ изъ былины объ Алешѣ Поповичѣ по списку XVII в. *Сперанскій, М. Н.* Апокрифическія Дѣянія Ап. Андрея въ славяно-русскихъ спискахъ. *Лихачевъ, Н. П.* О разрѣшительныхъ грамотахъ восточныхъ Патріарховъ. Отчетъ о дѣятельности Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества съ 17 февр. 1889—91. О засѣданіи 8 мая 1890 г. Празднованіе 25 лѣтія Общества. Протоколъ засѣданій Общества съ 17 февр. 1889 г. по 4 февр. 1891 г.

Památky archaeologické a místopisné. (Органъ Археологич. отдѣленія музея королевства Чешскаго и Историческаго Общества въ Прагѣ), изд. *Іос. Лад. Пичъ.* Томъ XVI. 1893 г., вып. I—VI.

„Археологич. изслѣдованіе въ долинѣ Святоюрьевской" (ýdoli svatojiřské). *Вацлава Шмидта.* (Вып. I; продолженіе въ вып. II—VI). Чешскія погребенія XI в. (датируются монетой Спитигнѣева II, 1055—1061 г.), найдены у сел. Želenic. Здѣсь вынуто 112 костяковъ, изъ нихъ нормально положенныхъ (головой на западъ, съ вытянутыми членами) 99, 10 — головой на востокъ, въ скорченномъ положеніи на правомъ боку, головой на югъ—1, головой на западъ 2. При нормально лежащихъ скелетахъ найдено: горшки въ ногахъ между колѣнами, или между голенями; на горшкахъ (на днѣ) клейма: крестъ, кругъ, крестъ въ кругу, квадратъ, квадратъ, разбитый крестомъ на четыре меньшіе квадрата, косой крестъ съ замкнутыми оконечностями (въ видѣ

угловатой 8); украшенія (ушныя кольца) преобладаютъ бронзовыя, желѣзо въ видѣ ножей (обычно у правой руки), кресала, обручи и дужки (отъ сосудовъ, вѣроятно); стекло, минералъ, янтарь—только въ бусахъ. Въ другихъ группахъ могилъ этой долины (у Либушина, Гуменъ, Ослухова, Голубицъ, Зволеневси (Zvoleněvsi), Нетовицъ) преобладаютъ костяки въ скорченномъ видѣ (большинство на правомъ боку), украшенія и предметы аналогичны съ Желеницкими, хотя желѣзо и янтарь въ меньшемъ количествѣ. У Нетовицъ найдено старое поселеніе, у Голубицъ тоже, а также погребенія съ сожженіемъ. У Knovize большое доисторическое поселеніе по остаткамъ должно относиться къ Hallstadt'ской эпохѣ и принадлежать народу, хоронившему своихъ мертвыхъ скорченными; здѣсь замѣчательны керамика, кости животныхъ, обработанныя и человѣческія кости вмѣстѣ съ „жилымъ мусоромъ". Между этими могилами попалась одна времени переселенія народовъ (у Zvoleněvsi) и могилы христіанской эпохи съ вытянутыми костяками, у Будчи (XI—XIV в.), Гуменъ (XI в.), Заколянъ (XII в.). Наконецъ—могилы эпохи la-tènes найдены въ Пхерахъ. Всѣ раскопки снабжены въ изданіи планами и многочисленными иллюстраціями въ текстѣ и отдѣльно.

Раскопки эти дополняются изслѣдованіями: „Черепа изъ Желеницкихъ могилъ" *I. Матейки* (I. Matiegka): череповъ типично-славянскихъ (брахицефальныхъ) нѣтъ; преобладаетъ типъ т.-н. германскій-среднеголовый (вып. I). По поводу найденныхъ въ Knovize человѣческихъ костей въ „жиломъ мусорѣ" тотъ же Матейка предполагаетъ существованіе людоѣдства среди населенія этой мѣстности (статья: „Людоѣдство въ доисторической стоянкѣ у Кновизъ и въ доисторическую эпоху вообще", вып. IV—VI). Людоѣдство и человѣческія жертвы были у всѣхъ древнихъ народовъ, были онѣ и на Кавказѣ и у народовъ юга Россіи (свидѣтельства: Геродота, Страбона, Діодора Сицилійскаго, Эратосѳена, Плинія Младшаго), также и во всей Европѣ; память о нихъ сохранилась въ преданіяхъ и сказкахъ народовъ; отдѣльные случаи засвидѣтельствованы даже въ началѣ XVII в. въ западной Европѣ, правда, при исключительныхъ обстоятельствахъ. Вызывалось и поддерживалось людоѣдство, во 1-хъ, нуждой (во время голода, осадъ); во 2-хъ, войнами, когда побѣдители поѣдали своихъ враговъ и товарищей, павшихъ въ битвахъ; въ 3-хъ, религіознымъ культомъ (человѣческія жертвы); въ 4-хъ (рѣдко), какъ результатъ судебнаго процесса въ древнее время.

Изъ мелкихъ археологическихъ находокъ отмѣтимъ: могилу эпохи la-tènes у Лисовицъ (вып. I—Zpravy a drobnosti), находку бронзы у Стараго Быджова (ст. I. Hansa—вып. II), печь въ Brvě (тамъ же, Zpravy a drobn.), нѣсколько золотыхъ монетъ около Неханицъ, подражаніе античнымъ, но варварское (ст. E. Fialy — вып. III). Къ позднѣйшему времени относятся: кладъ съ пражскими грошами времени Георгія Подѣбрадскаго у Главечника (I. Smolík.—вып. I), наконечники копій чешскихъ XV в. (I. Koula.—вып. III), кладъ XV—XVII в. монетъ средне-европейскихъ въ Драгорозѣ у Капидльна (I. Smolík—вып. VI). и др.

По художественной старинѣ: „Звонари Младоболеславскіе“ *I. Бареша*, богато иллюстрированная статья по колокольному производству въ М. Болеслави XVI—XVII в., съ именами наиболѣе выдающихся мастеровъ (вып. IV—V); „Чешской кубокъ въ Вѣнскомъ Историческомъ Музеѣ“ *I. Коулы*: стеклянный бокалъ 1624 года (вып. I); „Серебряный тронъ Телчскій“ (XVI вѣка)—*Ф. Мареша* и *I. Коулы* (вып. II); „Могила Крайровъ“ (XVI в.)—*I. Бареша* (вып. II). Техники монетнаго дѣла и девизовъ монетчиковъ касаются статьи *Э. Леминґера* и *Е. Фіалы* (вып. IV—V). Спеціально историческія статьи: „Извѣстія о кутногорскихъ зодчихъ и каменьщикахъ XVI в.“, „о кутногорскихъ мастерахъ-замочникахъ и производителяхъ мечей“—*I. Шимка* (I. Šimek) (вып. I—II). „Сношенія между Братской общиной и Подобоями въ 1592 г. въ М. Болеслави“—*Ф. Бареша* (вып. I). „Мелкія историческія извѣстія“ *В. Новачка* (вып. I, II, IV, V; выписки бытоваго характера изъ календаныхъ приписокъ при „доскахъ ческихъ“ XVI—XVII в.“); „Матеріалы для исторіи искусства и ремеслъ“ *Д. Мареша* (вып. III—VI в.); выписки изъ актовъ XV—XVI в.); „Къ исторіи чешской школы“—*I. Шимка* (вып. III—V; исторія Кутногорскихъ школъ XVI в.), „Голетинъ, Глинскаго округа“—*К. Адамка* (вып. II; изъ исторіи поселеній XV в.); „Къ исторіи Устецкаго края“—*К. Замастила* (вып. IV—V; выписки изъ актовъ объ Островѣ, Шпильбергѣ, Свиновѣ); „Ровень и Кневица около Кутной горы“—*I. Шимка* (вып. VI; изъ исторіи XV—XVI в.); „Конфискаціи крестоносцевъ (křizovníků) въ Špitalsku““—*I. Недома* (вып. VI; изъ исторіи Карлина (одного изъ предмѣстій Праги) въ XVII в.); „Пана Ладислава Старшаго изъ Лобковицъ инструкція подданнымъ 1599 г.“—*I. Граше* (вып. III); „По рукописямъ“—*О. В. Пича* (вып. IV—V; по поводу битвы съ татарами Яр. Штенберка у Оломуца и изображеніе ея въ замкѣ Штернберковъ на Зеленой Горѣ“; „О купаньяхъ въ Тржебони“—*О. Антля* (вып. IV—V; основаны въ XV вѣкѣ).

Цѣлый рядъ мелкихъ замѣтокъ помѣщается въ отдѣлѣ: „Zpravy a drobnosti“; изъ нихъ не безъинтересны: „Шутливая переписка цеховъ“ (вып. I; 1577 г.); „Кутногорскія ругательства и насмѣшки XVI в.“ (вып. II; текстъ); „Къ словарю чешскихъ художниковъ, особенно живописцевъ“, „Живописецъ Фабіанъ Полираръ“ (XVI в.) (вып. III; свѣдѣнія о живописцахъ XIII—XVII в.); „О жидахъ“ (тамъ же; мѣры противъ нихъ въ XVI в.); „Нѣчто о мѣстной метеорографіи“ (вып. IV—V, о небесныхъ знаменіяхъ подъ новый 1556 г.); „Извѣстіе о пожарѣ въ Кутной горѣ 1585 г.“ (вып. VI); „Какъ исполнялось публичное покаяніе“ (вып. VI; покаяніе помилованнаго, присужденнаго къ смертной казни, 1610 г.) и мн. др.

Въ отдѣлѣ рецензій (Literatura) достойны замѣчанія отчеты о книгахъ: „*P. Papaček*. „O pěedslovanské době v Cechách“ (Praha 1892), *Germ. Jireček*. „Antiquae Bohemiae usque ad exitum saec. XII topographia historica“ (Praha Vindol. 1893) (вып. I); *Woldřich*. „Beiträge zur Urgeschichte Böhmens“ (Wien 1893); *I. Matiegka*. „České lebky (черепа) XVI. století“. (Praha, 1893) (вып. III).

Наконецъ въ VI выпускѣ началось печатаніе статей *О. В. Пича* „Археологическое изслѣдованіе въ Средней Чехіи“ (Archeol. výzkum atd.), о которыхъ былъ данъ отчетъ въ „Археол. Извѣстіяхъ и Замѣткахъ“ 1894 г., № 9, стр. 284.

М. С.

Первая всероссійская выставка печатнаго дѣла. I группа. Исторія книгопечатанія. Списокъ изданій, предназначенныхъ для выставки (Спб. 1894 г.).

Выставку устраиваетъ съ 15 февр. 1895 г. Имп. Рус. Технич. Общество. Выставка будетъ обнимать: 1) исторію книгопечатанія (два отдѣла: иностранный и русскій), 2) современное издательское дѣло въ Россіи, 3) граверное дѣло, 4) словолитное дѣло, 5) писчебумажное производство, 6) краски, машины и проч., 7) типографскую технику, 8) литографію и металлографію, 9) геліографію, 10) переплетное дѣло, 11) спеціальныя школы и техническ. литературу, 12) художественный отдѣлъ. Участниками могутъ быть лишь русскіе экспоненты, иноземные — внѣ конкурса—по исключенію. Во время выставки предполагается съѣздъ печатниковъ. Расходы оплачиваются участниками выставки и посѣтителями.

До сихъ поръ опубликованъ списокъ старопечатныхъ изданій кирилловской печати (до 1700 г.) иноземныхъ и русскихъ. Списокъ составленъ довольно полно и достаточно наглядно долженъ будетъ представить старопечатное дѣло. Списокъ книгъ гражданской печати XVIII в., уже вошедшій въ изданный списокъ обнимаетъ книги, изданныя въ столицѣ и въ провинціи до 1800 года. Далѣе слѣдуетъ подборъ книгъ XIX в. *), до сихъ поръ не оконченный; (чѣмъ руководились составители списка книгъ нашего столѣтія, неизвѣстно). Наконецъ въ списокъ включены книги на литовскомъ языкѣ, печатанныя латиницей и гражданскимъ шрифтомъ. Руководителями отдѣла и составителями списковъ—извѣстные петербургскіе ученые спеціалисты, подъ предсѣдательствомъ С. Л. Пташицкаго.

М. С.

L'origine des Aryens et l'homme prehistorique, exposé de l'ethnologie et de la civilisation préhistorique de l'Europe par Isaac Taylor, traduction de l'anglais avec 40 figures dans le texte par Henry de Varigny, Paris, 1895.

Блестяще написанное сочиненіе извѣстнаго англійскаго этнолога и археолога, не смотря на нѣкоторыя увлеченія, представляетъ выдающійся трудъ. Хотя авторъ заявляетъ въ началѣ книги, что онъ не столько стремился къ самостоятельному изслѣдованію заинтересовавшихъ его вопросовъ, сколько къ болѣе полной передачѣ результатовъ, добытыхъ за послѣднее время соединенными трудами филологовъ, археологовъ и антропологовъ,— однако, его сочиненіе носитъ на себѣ слѣды оригинальнаго ума, который

*) Здѣсь (стр. 17) м. пр. отмѣчено: *Буслаевъ Ѳ. и архим. Савва.*—Матеріалы для исторіи писменъ. М. 1855 г.—Что это за изданіе? Не два ли это изданія подъ однимъ заглавіемъ: *Ѳ. И. Буслаева* „Матеріалы для исторіи писменъ“ и *Арх. Саввы*—Specimina palaeographnica?

своеобразно перерабатываетъ идеи и факты, полученные другими учеными, и произведеніе Исаака Тайлора вполнѣ заслуживало перевода на французскій языкъ, болѣе распространенный среди образованныхъ народовъ.

Нѣкоторые взгляды, относящіеся до происхожденія индо-европейцевъ, сдѣлались ходячими и долго считались незыблемой истиной. Въ послѣднія десять лѣтъ то, что считалось вполнѣ установившимся, было подвергнуто строгой критикѣ, и появилась обширная литература, совершенно ниспровергнувшая старыя теоріи, которыя уже пріобрѣли право гражданства даже на страницахъ учебниковъ. Исаакъ Тайлоръ попытался представить сводъ этой литературы. Онъ принадлежитъ, подобно Куно, Пёше, Пенка и Шрадеру, къ числу сторонниковъ европейской прародины индо-европейцевъ. Когда въ 1851 году, англійскій этнологъ и лингвистъ Латамъ высказалъ гипотезу, что индо-европейцы пришли не изъ Азіи въ Европу, какъ это утверждали многочисленные изслѣдователи того времени, а на оборотъ, что индусы и иранцы, единственные представители индо-европейцевъ въ Азіи, пришли на Иранское плоскогоріе и въ долины Инда и Ганга изъ Европы, заявленіе его было встрѣчено насмѣшками. Теперь теорія Латама, благодаря трудамъ антропологовъ и нѣкоторыхъ лингвистовъ, пріобрѣтаетъ съ каждымъ днемъ бо̀льшую прочность и, вѣроятно, совершенно вытѣснитъ ученіе, которое такъ недавно считалось вполнѣ признаннымъ наукой. Исаакъ Тайлоръ изложилъ всю литературу вопроса въ его генетическомъ развитіи, не не остановился на лингвистической обработкѣ и пошелъ дальше. Терминъ „арійцевъ" сохраненъ англійскимъ ученымъ въ его работѣ, хотя авторъ соглашается относительно неудачности его примѣненія въ этнологіи. Собственно арійцами имѣютъ право называться только двѣ вѣтви индо-европейской семьи—иранцы и индусы, поселившіеся въ Азіи. Но такъ какъ названіе арійцевъ слишкомъ уже укоренилось въ наукѣ, то Исаакъ Тайлоръ не рѣшается отъ него отказаться. Самая важная часть произведенія англійскаго ученаго посвящена изслѣдованію связи между народами индо-европейскими, принадлежащими къ эпохѣ исторической, и тѣми представителями доисторической культуры, которыхъ антропологія и археологія открыли на почвѣ Западной Европы. Если не всегда можно согласиться съ тѣми или другими выводами остроумнаго англійскаго ученаго, то, во всякомъ случаѣ, трудъ его, по всесторонности знаній, умѣнію комбинировать для цѣлей изслѣдованія результаты археологіи, лингвистики и антропологіи, представляетъ весьма важное пособіе для изученія западно-европейской доисторической культуры и имѣетъ выдающееся значеніе, какъ образецъ искуснаго примѣненія самыхъ точныхъ методовъ изслѣдованія въ этой запутанной области, составляющей весьма важный отдѣлъ археологической науки.

В. Михайловскій.

L'art indo-chinois par Albert de Pouvourville (Matgioi). Paris, 1894.

Какъ извѣстно, французская фирма Кантена издаетъ цѣлую серію книгъ подъ заглавіемъ: „Библіотека преподаванія изящныхъ искусствъ". Эта биб-

ліотека предназначена для популяризаціи искусствъ среди учащихся и находится подъ особымъ покровительствомъ министерства народнаго просвѣщенія. Хотя сочиненія, входящія въ составъ изданія фирмы Кантена, и не имѣютъ ученаго характера, но, по спеціальности вопросовъ и по компетентности авторовъ, нѣкоторыя изъ нихъ заслуживаютъ вниманія археологовъ спеціалистовъ. Къ числу произведеній этого рода должна быть отнесена монографія г. де-Пувурвилля объ индо-китайскомъ искусствѣ. Индо-Китай, какъ показываетъ самое названіе крайняго юго-восточнаго полуострова Азіи, лежитъ между двумя областями двухъ оригинальныхъ цивилизацій, Индіи и Китая. Желтая раса, населяющая этотъ полуостровъ, часто подвергалась политическому и культурному вліянію Серединной Имперіи. Но буддизмъ, принесенный ревностными миссіонерами изъ Индіи, наложилъ на эти страны не менѣе сильный отпечатокъ. Разумѣется, искусство должно было отразить на себѣ всѣ эти теченія и отличается эклектическимъ характеромъ. Авторъ разсматриваемой книги изучаетъ монументальныя постройки, гражданскія и религіозныя Камбоджи и Сіама, скульптуру во всѣхъ ея проявленіяхъ, художественную обработку металловъ, керамику, живопись, шитье, и во всѣхъ отрасляхъ искусства, какъ болѣе, такъ и менѣе серьезнаго, старается подмѣтить, на ряду съ заимствованіями, нѣкоторую самостоятельную основу. Разумѣется, это отдаленное искусство имѣетъ для насъ только второстепенное значеніе, и въ виду такой роли эстетическихъ произведеній индо-китайцевъ небольшое сочиненіе де-Пувурвилля можетъ вполнѣ удовлетворить нашимъ интересамъ.

В. Михайловскій.

Dahlmann-Waitz; Quellenkunde der Deutschen Geschichte. Quellen und Bearbeitungen systematisch und chronologisch Verzeichnet. 6 Auflage bearbeitet von E. Steindorff Goettingen, 1894.

Для занимающихся археологіей трудъ Дальмана и Вайтца былъ всегда однимъ изъ важнѣйшихъ пособій. Но въ послѣднее время эта справочная книга вышла изъ продажи, и г. Штейндорфъ, одинъ изъ учениковъ Вайтца, приступилъ къ новой обработкѣ устарѣлаго уже указателя всѣхъ источниковъ и пособій по исторіи Германіи. Планъ работы остался тотъ же, но объемъ ея увеличился значительно. Если сравнить прежнее изданіе съ новымъ, то окажется, что оно имѣетъ размѣры, по крайней мѣрѣ, въ три раза болѣе обширные, чѣмъ прежняя книга. Археологіи касаются, во-первыхъ, нѣкоторыя вспомогательныя науки исторіи, какъ напримѣръ палеографія, дипломатика, ученіе о печатяхъ и гербахъ, о монетахъ и медаляхъ. Эти отдѣлы занимаютъ въ обработкѣ Штейндорфа болѣе десяти страницъ и могутъ служить весьма полезнымъ пособіемъ для нашихъ ученыхъ. Богатая археологическая литература Германіи по изданіямъ памятниковъ приведена на страницахъ 70—74, гдѣ указаны всѣ важнѣйшія собранія различныхъ вещественныхъ памятниковъ; всѣхъ номеровъ тутъ 40, какъ спеціальныхъ, такъ и общихъ изданій. Обработки различныхъ вопросовъ германской архе-

ологіи распредѣлены по всей книгѣ, хотя, разумѣется, на первомъ планѣ стоять тѣ сочиненія и изданія, которыя интересуютъ историка спеціалиста. Для удобства, въ концѣ книги приложенъ алфавитный указатель, весьма тщательно составленный и занимающій болѣе ста страницъ; указатель этотъ содержитъ въ себѣ и имена авторовъ, и заглавія вещественнаго характера. Если сравнить по точности и богатству содержанія послѣднюю обработку библіографіи германской исторіи Дальманна-Вайтца съ однородными изданіями Пиренна—по исторіи Бельгіи и Моно—по исторіи Франціи, то первенство должно принадлежать замѣчательному во всѣхъ отношеніяхъ нѣмецкому справочному изданію.

В. Михайловскій.

VI

Письмо къ редактору.

Милостивый Государь
Господинъ Редакторъ!

Въ послѣднее время мнѣ приходится встрѣчать въ разныхъ газетахъ и журналахъ замѣтку (одинакого содержанія), касающуюся моихъ занятій въ архивѣ Варшавской Казенной Палаты (замѣтка была помѣщена также со словъ „Новостей" въ ноябрьскомъ номерѣ „Археологическихъ Извѣстій и Замѣтокъ"). Не имѣя возможности найти первоисточникъ, откуда исходитъ вышеуказанная замѣтка, покорнѣйше прошу не отказать помѣстить въ редактируемомъ Вами журналѣ нижеслѣдующее разъясненіе. Прежде всего, я занимаюсь не въ архивѣ Варшавской Казенной Палаты, а въ архивахъ бывшаго Финансоваго Управленія Царства Польскаго, состоящихъ при Варш. Казенной Палатѣ; никакого „интереснѣйшаго описанія Кіева въ полов. XVII ст." мной не найдено; встрѣтился лишь *подлинникъ* описанія Кіевскаго воеводства *половины XVI в.*, уже извѣстнаго въ копіи и *изданнаго*; въ архивахъ б. Фин. Упр. дѣйствительно хранится масса очень цѣнныхъ матеріаловъ по исторіи правобережной Украины, но никакихъ бумагъ *XIV в.*, какъ это говорится въ замѣткѣ, въ архивахъ нѣтъ,—самые ранніе подлинники относятся лишь къ *концу XV в.* Остается пожалѣть, что изъ-за неумѣстной предупредительности репортеровъ, изъ мухи сдѣлавшихъ слона, публика была введена въ заблужденіе.

Примите и проч.

И. д. начальника Архивовъ б. Финансоваго Управленія Царства Польскаго.

Н. Бѣлянинскій.

Печатано по опредѣленію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, на основаніи § 56 его Устава.

Предсѣдатель графиня Уварова.

кое Обозрѣніе, т. I—VII.
мбирск. отдѣла Импер. Русск. Гео-
., т. II—XXIV. съ перерыв. и не-

С.-Петербургск. Славянскаго Бла-
аго Общ., 1884—1888. (Неполное).
Импер. Русскаго Археологическаго
X.
Импер. Томскаго унив., кн. III —
ое).
Моск. Город. Думы, 1880 — 1884.

Матеріалы по археологіи Кавказа,

ніе, органъ Моск. Библіографич.
4.
Университ. Извѣстія, 1866—1867.
мперат. Публичной Библіотеки за
1891 гг.
мперат. Археологической Коммис-
г. (частію на франц. яз.).
ный Собесѣдникъ, 1866 — 1872,
.
ный Палестинскій Сборникъ, вып
(Неполное).
общ. собранія Троицко-Савско-
Отд. Приамурскаго Отдѣла Импер.
аф. Общ. № 1. Кяхта. 1894.
атеріаловъ для описанія мѣстно-
тъ Кавказа, I — XIX. (Съ пере-

Императ. Правосл. Палестинскаго
ъ 1886 г.
ск. Нумизматическаго Общ., I.
натыхъ отцевъ, 1882, 1884, 1885,

кологическихъ Съѣздовъ—всѣхъ,
скаго.
вской Духовной Академіи, 1869—
ное и съ перерывами).
точн. Отд. И. Русск. Археологи-
., т. 8—12, 13—17, 20 и 21.
писки Импер. Московск. универ-
VI—XII и XIV—XIX.
ъ юридическій, I—VII.
писки Импер. Юрьевскаго унив.,

писки Императ. Казанск. унив.,
съ 1886 г.
скія Записки, съ 1864 г. (Съ пе-

Импер. Общ. Исторіи и Древностей
1865—1881. (Неполное).
ческое Обозрѣніе, съ 1889 г.
ченныхъ Архивныхъ Коммиссій:

Саратовской, т. I и III. (Неполное).
Ярославской, т. I и II.
Таврической „Извѣстія", №№ 1, 2, 6—21.
Орловской „Труды", съ 1890. (Неполное).
Рязанской „Труды", т. I — II и IV — VIII. Нов. серія, т. I.
Костромской „Старина", вып. 2 и 3-й.
Тамбовской „Извѣстія", VII—XXXVI.

Славянскія:

Вѣстникъ „Народнаго Дома", число 1—145 (неполное).
Narodni Glásnik. Turč. 1894.
Sprawozdanie z czynności zakladu narodowego imienia Ossolinskich za rok 1894. We Lwowie. 1894.
Споменик. XXIII, XXIV. У Београду.
Kwartalnik historyczny. We Lwowie. 1894.
Записки Науковаго Товариства імени Шевченка, т. IV. У Львові, 1894.
Bihač. I. Zadar. 1894.
Глас. У Београду. XLI—XLIV. 1894.
Летопис Матице Српске. У Новомъ Саду. Кн. 179. 1894.
Годишњак. 1891—1893.
Památky archaeologické a místopisné. V Praze, XVI.
Періодическо Списание на българското кн. дружество. Браила. XLVI.
Старинар. X.
Zbiór wiadomości do antropologii krajowej. W Krakowie, II—XVII.
Rozprawy i sprawozdania Akad. Umiejętności w Krakowie, III—XV.
Idem. Wydział hist.-filozoficzny. 1—3, 6, 8, 10—13 и 15—25.
Pamiętnik Akademii Umiejętności w Krakowie. I—VIII. Неполное.

Иностранныя:

L'oriente. Roma. 1894.
Notizie degli scavi di antichità comunicate K. Accad. dei Lincei. Roma. 1894 (съ 1882 г. Неполное).
Bullettino di archeologia e storia Dalmata. Spalato. 1894. Съ 1885 (съ пропусками).
Bullettino di paletnologia italiana. Parma. Съ 1885 (съ пропусками)
Memorie della R. Accademia di scienze, lettere ed arti in Modena. XVII — XX и Seria, II, I—IX.
Annual report of the Board of regents of the Institution Smithsonian. Washington. Съ 1879 г.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

выходятъ въ 1895-мъ году (3-й годъ изданія) по той же программѣ и въ томъ же объемѣ подъ редакціею:

И. А. Линниченка и В. М. Михайловскаго,

при участіи А. В. Орѣшникова и многихъ членовъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества.

Подписная цѣна съ пересылкою и доставкою въ годъ ТРИ (3) рубля.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Для **московскихъ** подписчиковъ:

1) Въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ, Берсеневская набережная, собств. домъ, ежедневно отъ 10 до 1 часу и въ часы засѣданій.

2) У А. В. Орѣшникова, Историческій музей, на Красной площади, ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 1 до 4-хъ.

3) Въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Моховая, противъ Стараго Университета, д. Коха (и его иногородн. отд.).

4) Въ книжномъ магазинѣ А. Ланга, на Кузнецкомъ мосту.

Иногородніе подписчики благоволятъ присылать подписные **три** рубля **исключительно** въ Императорское Московское Археологическое Общество (Москва, Берсеневская набережная, собств. домъ).

Подписчики, **не получившіе** выпуска или **перемѣнившіе** свое мѣсто жительства, благоволятъ обращаться съ заявленіями исключительно въ Московское Археологическое Общество.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція обращается съ просьбою ко всѣмъ прежнимъ сотрудникамъ журнала и ко всѣмъ любителямъ старины присылать свѣдѣнія о раскопкахъ, случайныхъ находкахъ древностей, объ имѣющихся въ частныхъ рукахъ выдающихся предметахъ древности—церковныхъ и бытовыхъ, рукописяхъ и т. п., а также газетныя извѣстія, заключающія свѣдѣнія археологическаго характера (отдѣльными №№ или просто вырѣзками съ помѣтою, изъ какой газеты и отъ какого числа); особенно желательны №№ провинціальныхъ газетъ.

Письма и посылки могутъ быть адресованы:

1) Въ Москву, въ Императорское Московское Археологическое Общество, Берсеневская набережная, с. д., въ редакцію „Археологическихъ Извѣстій и Замѣтокъ“ или же

2) Алексѣю Васильевичу Орѣшникову, Москва, Историческій Музей, на Красной Площади.

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES
Stacks
JUL 14 1980

Издаваемыя

Императорскимъ

Московскимъ Археологическимъ Обществомъ

подъ редакціею

дѣйствительныхъ членовъ

И. А. ЛИННИЧЕНКА и В. М. МИХАЙЛОВСКАГО.

№№ 2—3.

МОСКВА
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА
ЛЕОНТЬЕВСКІЙ ПЕР., Д. МАМОНТОВА
1895

СОДЕРЖАНІЕ №№ 2—3.

I **И. Е. Забѣлинъ** Слѣды литературнаго труда Андрея Боголюбскаго
II **Н. Н. Харузинъ**. Къ исторіи Герцеке въ Ливоніи . . . . . .
III. Археологическая хроника . . . . . .
IV. Засѣданія Обществъ . . . . . .
V. Библіографія. . . . . .

Въ Императорскомъ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ ах въ продажѣ слѣд. изданія:

Изданія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. Рекомендованы Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Описаніе Кіева. Соч. Закревскаго. Два тома и атласъ. 1868 г. Ц. 7 р.

Труды I-го Археологич. Съѣзда въ Москвѣ. Два тома и атласъ. 1871 г. Ц. 25 р.

Труды III-го Археологич. Съѣзда въ Кіевѣ. Два тома и атласъ. 1878 г. Ц. 10 р.

Труды V-го Археологич. Съѣзда въ Тифлисѣ. Два тома. Ц. 15 р.

Труды VII-го Археологич. Съѣзда въ Ярославлѣ. Тома I, II и III по 5 р.

Труды VIII-го Археологич. Съѣзда въ Москвѣ. Томъ I. Ц. 10 р.

Матеріалы по археологіи Кавказа; вып. 1, 2 и 3-й. Кажд. вып. по 6 р.

Тоже, вып. 4-й, М. 1894. Ц. 8 р. 50 к.

Матеріалы по археологіи восточныхъ губерній. Вып. I. Ц. 8 р.

Древности. Труды Московскаго Археологическаго Общества:

Томъ I, два выпуска. 1865—67 г., ц. 6 р.
„ II, три выпуска. 1869—70 г., ц. 6 р.
„ III, три выпуска. 1870, 71 и 73 гг. Ц. 6 р.
Томъ IV, три выпуска. 1874 г. Ц. 8 р.
„ V, 1885 г. Ц. 6 р.
„ VI, три выпуска. 1875—76 г. Ц. 6 р.
„ VII, три выпуска. 1877—79 г. Ц. 8 р.

Древности. Труды Московскаго Археологическаго Общества.

Томъ VIII, 1870 г. Ц. 8 р.

Приложеніе къ VIII тому:
Пятый Археологическій Съѣ
ды предварительнаго Комитет
Ц. 6 р.
Томъ IX, три выпуска. 1882—83
„ X, 1885 г. Ц. 8 р.
„ XI, три выпуска. 1886—87
„ XII, два выпуска. 1888 г. 1
„ XIII, два выпуска. 1889—90
„ XIV, 1890 г. Ц. 7 р.
„ XV, два выпуска. 1894 г. I

Древности Восточныя. Томъ I, Ц.
Отдѣльно Т. I, 1 выпускъ 1889 г.
„ Т. I, 2 выпускъ 1891 г.
„ Т. I, 3 выпускъ 1893 г.

Незабвенной памяти Графа А. С.
Рѣчи, прочитанныя въ соединенномъ
ученыхъ обществъ 28 февраля 1885 г.
ретомъ Графа А. С. Уварова). 1885 г.
Ц. 75 к.

Историческая записка о 25-лѣтней
ности Моск. Арх. Общества. Ц. 2 р

Памяти Н. С. Тихонравова. М. 1894

Уступка гг. членамъ Общества 20
отекамъ учебныхъ заведеній—25%,
давцамъ—30%.

Изданія графа Уварова:

Археологіи Россіи. Каменный пері
графа А. С. Уварова. Два тома, 1881 г

Меряне и ихъ бытъ. Соч. гр. А
рова. Одинъ томъ и атласъ. 1872 г
(нѣтъ въ продажѣ).

Каталогъ собранія древн. гр. А. С.

№№ 2—3 1895 г.

ИЗДАВАЕМЫЯ
ИМПЕРАТОРСКИМЪ МОСКОВСКИМЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ

I.

Слѣды литературнаго труда Андрея Боголюбскаго.

Знаменитый въ нашихъ лѣтописяхъ Суздальскій князь Андрей, прозванный лѣтописцами Боголюбивымъ, по ихъ же свидѣтельству, очень недолюбливалъ Кіевской Руси за ея безпрестанныя усобицы, въ которыхъ, однако, по волѣ отца, Юрья Долгорукаго, самъ долженъ былъ участвовать не одинъ разъ. Онъ не боялся ратныхъ дѣлъ. Изъ всѣхъ князей, его современниковъ и сверстниковъ, онъ одинъ отличался въ бояхъ такою беззавѣтною удалью и отчаянною храбростію, которыя и въ тотъ удалый и храбрый вѣкъ возбуждали всеобщее удивленіе и восторженныя похвалы отъ всѣхъ старыхъ и храбрыхъ дружинниковъ. Онъ всегда былъ впереди рати и своимъ примѣромъ указывалъ, какъ надо было разбивать враговъ. Но кромѣ удалости и храбрости, онъ обнаруживалъ еще болѣе дорогое ратное достоинство, это въ виду крайнихъ опасностей — полное душевное спокойствіе; на ряду съ беззавѣтнымъ увлеченіемъ онъ былъ способенъ выдержать стойкую и непоколебимую разсудительность. Все это засвидѣтельствовали очевидцы его подвиговъ.

Но славный ратоборецъ по кореннымъ чертамъ своего характера

въ сущности былъ хозяинъ—домосѣдъ, добрый строитель и устроитель своего дома, какимъ въ Суздальской землѣ была его княжеская волость—небольшой городокъ Владиміръ. Къ этому *дому* всегда и неслись его помыслы. Сколько разъ онъ уговаривалъ отца покинуть Кіевъ и уйдти въ свой далекій Суздаль. Но отецъ, знаменитый также строитель и устроитель Суздальской области, безъ сомнѣнія воспитавшій и сына въ этомъ строительствѣ, не покидалъ Кіева, т. е. не покидалъ своихъ правъ на Великокняжеское старѣйшинство и время отъ времени вторгался туда съ своими полками, всѣми мѣрами добиваясь получить это старѣйшинство и сѣсть на Кіевскомъ Великокняжескомъ столѣ. Наконецъ, въ 1155 г., онъ достигъ своей цѣли, занялъ Кіевскій столъ, но черезъ два года померъ, и все-таки въ Кіевѣ, Великимъ княземъ, въ чемъ и заключалась его великая заслуга для Суздальской земли, такъ какъ достигнутое имъ великокняжеское старѣйшинство вскорѣ перешло по наслѣдству къ его дѣтямъ, и Суздальская область съ новымъ городомъ Владиміромъ сдѣлалась на мѣсто Кіева главою всея Руси.

Утвердившись на В. княженіи, онъ посадилъ сына Андрея поближе къ себѣ, въ Вышгородѣ, какъ самаго добраго и самаго надежнаго своего помощника и въ ратныхъ и въ другихъ княжескихъ дѣлахъ. А сынъ, видя, что отцовское дѣло теперь устроилось окончательно, попрежнему сталъ помышлять о своемъ домѣ.

Онъ хорошо зналъ, что отецъ не отпуститъ его. Но и прежде, не смотря на настойчивыя требованія отца оставаться при немъ, онъ уходилъ въ свой родной Суздаль, пользуясь законными предлогами, противъ которыхъ и воля отца ослабѣвала. Теперь онъ порѣшилъ совсѣмъ переселиться въ свою родную область. Законныхъ предлоговъ уже не было, и потому приходилось по просту бѣжать отъ отца тайно. Подвигъ предстоялъ опасный въ виду отцовскаго гнѣва и неизвѣстности, чѣмъ онъ можетъ окончиться.

Боголюбивый князь не даромъ носилъ это прозваніе. При многихъ доблестныхъ чертахъ своего характера, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ отличался глубокою религіозностью, глубокою вѣрою въ Промыслъ Божій, которая укоренилась въ немъ на томъ же ратномъ полѣ, гдѣ не одинъ разъ онъ чудесно спасенъ былъ отъ вѣрной гибели, „Божіимъ заступленіемъ и молитвою родителей своихъ“—объясняли очевидцы лѣтописцы, прибавляя, что „Многажды Богъ любящихъ его вметаетъ въ напасти, но милостію своею избавляетъ“.

Если все ратное общество видѣло въ такихъ событіяхъ святыя дѣла божественнаго Промысла, то какими же чувствами безпредѣльнаго упованія на Бога былъ исполненъ самъ ратоборецъ. Въ своей жизни

никакого дѣла онъ не начиналъ безъ усерднаго моленія о помощи, предавая всѣ свои желанія и начинанія волѣ Божіей.

Собираясь въ бѣгство отъ отца и больше всего отъ Кіева, гдѣ невозможно было основать прочнаго жилища, онъ сталъ бесѣдовать съ людьми объ иконахъ, какую по обычаю подобало бы взять себѣ въ благословенныя путеводительницы. Ему указали богородичную икону, написанную по преданію самимъ Еванг. Лукою, которая нѣкогда была привезена его отцу изъ Цареграда и находилась въ это время въ Вышегородскомъ женскомъ монастырѣ, въ его же стольномъ городѣ.

Икона передъ тѣмъ уже славилась нѣкоторыми чудесами: сама собою трижды соступала изъ кіота съ своего мѣста; видѣли ее стоявшую на воздухѣ среди церкви, потомъ въ другихъ мѣстахъ „о себѣ стоящу", не смотря на то, что каждый разъ ставили ее въ подобающее мѣсто. Эти чудныя явленія какъ бы предзнаменовали самыя помышленія боголюбиваго князя, желавшаго соступить съ своего Вышегородскаго мѣста. Услыхавши о такихъ дѣлахъ Божіихъ, князь очень обрадовался, пришелъ въ монастырь, осмотрѣлъ всѣ иконы и увидалъ, что указанная ему икона Богородицы превосходитъ всѣ другія художествомъ письма, „яко прешла бѣ всѣхъ образовъ". Князь упалъ въ моленіи передъ нею, прося Пресв. Владычицу, да будетъ она заступница ему на Ростовскую землю, да будетъ въ ея волѣ все, что ожидаетъ его впереди.

Собравшись совсѣмъ въ путь, Андрей съ молебнымъ пѣніемъ поднялъ своими руками чудотворный образъ и, таясь отъ отца, ночью ушелъ изъ Вышгорода и съ своею княгинею, съ боярами и со всѣмъ домомъ, взявши съ собою и церковный клиръ, попа Микулу и дьякона съ ихъ семьями.

Старые лѣтописцы и первоначальное сказаніе о чудотвореніяхъ этой святой иконы, говоря о ея перенесеніи изъ Вышгорода въ Суздальскую область, упоминаютъ только, что боголюбивый князь, „идя, вземъ икону, или: принесе съ собою икону". Поздній лѣтописецъ, внося это свѣдѣніе въ свой сборникъ (Ник. II, 151), прибавилъ, что князь „восхотѣ сію икону тайно отъ отца своего взяти съ собою и пойде тайно, не повѣда отцу своему, и ту икону Преч. Богородицы съ собою взявъ"... Здѣсь одно прямое обстоятельство, что князь тайно отъ отца ушелъ изъ своего города, произвольно приписано и относительно иконы, что и икону онъ взялъ тайно отъ отца. Историки, пользуясь этимъ двусмысленнымъ показаніемъ, уже прямо говорятъ, что Андрей „задумалъ похитить ее... подговоривши священника и дьякона, Андрей ночью унесъ чудотворную икону изъ монастыря и вмѣстѣ съ княгинею

и соумышленниками тотчасъ послѣ того убѣжалъ въ Суздальскую землю *).

Мы не станемъ возражать историку, имѣвшему свой (къ сожалѣнію неосновательный) взглядъ на всѣ подвиги и дѣятельность Андрея, и замѣтимъ только, что боголюбивому князю не представлялось никакой надобности похищать икону тайно отъ отца. Въ своемъ городѣ безъ всякой тайны онъ могъ взять съ собою любую изъ первыхъ его иконъ, какъ могъ взять и взялъ съ собою и избранный клиръ. Икона находилась не въ городскомъ соборѣ, а въ монастырѣ, и нѣтъ свидѣтельства, что въ городѣ она пользовалась такимъ же значеніемъ, какое въ послѣдствіи пріобрѣла уже во Владимірѣ, ставши святымъ знаменіемъ для всей Суздальской, а потомъ по прямому наслѣдству и для Московской земли.

Андрей *тайно* отъ отца только уходилъ и ушелъ даже въ ночную пору, боясь, конечно, остановки, какая могла случиться, еслибъ отецъ вòвремя узналъ объ его бѣгствѣ.

Но его бѣгство, то-есть окончательное переселеніе на сѣверъ съ постояннымъ жительствомъ уже не въ Кіевѣ, а въ своемъ Суздальскомъ Владимірѣ, „этотъ поступокъ Андрея, говоритъ другой историкъ, былъ событіемъ величайшей важности, событіемъ *поворотнымъ*, отъ котораго исторія принимала новый ходъ, съ котораго начинался на Руси новый порядокъ вещей“ **).

И въ этомъ-то величайшей важности событіи упоминаемая Богородичная икона являлась боголюбивому князю не только благословенною путеводительницею, но и постоянною заступницею и скорою помощницею во всѣхъ трудныхъ случаяхъ его княженія и домашней его жизни. Такъ чистосердечно вѣровалъ набожный князь и такъ потомъ увѣровалъ въ эту истину и весь Владимірскій народъ, сохранявшій во многихъ поколѣніяхъ живѣйшую вѣру въ непрестанную помощь и заступленіе Пресвятой Владычицы.

Еще въ самомъ началѣ, во время пути изъ Вышгорода, заступленіе Богородицы ознаменовалось чудотвореніями, которыя затѣмъ слѣдовали неоднократно и во Владимірѣ, такъ что спустя нѣсколько лѣтъ было составлено и особое сказаніе о чудесахъ Пресв. Богородицы Владимірскія, какъ съ того времени стала именоваться чудотворная икона. Чудеса записаны современникомъ и, повидимому, не безъ согласія или даже по приказу самого князя, потому что княжескія обстоятельства занимаютъ въ нихъ очень видное мѣсто.

---

*) Костомарова: Русская Исторія, вып. I, 75.

**) Соловьева: Исторія Россіи II, 244.

Этотъ драгоцѣнный литературный памятникъ XII вѣка открытъ профессоромъ Ключевскимъ и изданъ Импер. Обществомъ Древней Письменности № XXX, Спб. 1878 г., съ предисловіемъ г. Ключевскаго.

Всѣхъ чудесъ описано десять и всѣ они относятся къ первымъ годамъ водворенія князя Андрея во Владимірской области (1155—1163 гг.). Изъ нихъ три: 1, 4 и 10 совершились по молитвѣ самого князя, два—2 и 3—въ его присутствіи, остальныя, кромѣ Владиміра, и въ другихъ городахъ, въ Муромѣ, въ Переяславлѣ Русскомъ и въ Гвери, куда уже разнеслась слава о чудотвореніяхъ Владимірской иконы и гдѣ происходили исцѣленія посылаемою туда чудотворною водою съ иконы.

Весьма любопытны нѣкоторыя подробности въ описаніи первыхъ двухъ чудесъ. На пути во Владиміръ князю встрѣтилась наводнившаяся рѣка Возуза, такъ что явилось большое затрудненіе для переправы на другой берегъ. Князь и послалъ проводника пытать броду. Проводникъ на конѣ только что въѣхалъ въ рѣку, исчезъ въ волнахъ и съ конемъ. Почитая себя виновникомъ въ непредвидимой погибели проводника, князь сталъ усердно молиться предъ иконою о спасеніи погибающаго и, спустя нѣсколько времени, Скорая Помощница явила свою благодать, проводникъ выплылъ и съ конемъ на срединѣ рѣки и благополучно достигъ берега. Это было первое чудо.

Здѣсь останавливаетъ вниманіе рѣка Возуза, которая течетъ въ Волгу у города Зубцова и начинаетъ свое теченіе около ста верстъ отъ верховья Днѣпра. Такимъ образомъ, открывается, что дорога изъ Кіева во Владиміръ пролегала здѣсь по Днѣпру почти до самой его вершины, откуда, вѣроятно, отъ существующаго и до нынѣ селенія Волочка, она поворачивала на востокъ сухимъ путемъ, *волокомъ*, гдѣ и встрѣчала верхнюю половину теченія Возузы, направляясь далѣе къ верховью Москвы рѣки у Можайска, чтобы мимо городка Москвы достигнуть рѣки Клязьмы, текущей къ Владиміру. Этотъ волоковой путь подтверждаетъ сказаніе о второмъ чудѣ, совершившемся на *Рогожскихъ* поляхъ. Древнее село и волость *Рогожъ* — нынѣ городъ Богородскъ. Его древнее имя сохраняется доселѣ въ *Рогожской* мѣстности Москвы. Быть можетъ, этотъ путь былъ длиннѣе другихъ путей, напр., по Деснѣ и Окѣ, но князь могъ выбрать его, опасаясь погони отца.

На Рогожскихъ поляхъ произошло слѣдующее: взбѣсившійся конь разбилъ повозку, въ которой ѣхала беременная попадья попа Микулы съ снохою. Конь опрокинулъ попадью и, запутавшись передними ногами въ *кортли* попадьи (*кортель*—извѣстная въ XVII ст. верхняя

и соумышленниками тотчасъ послѣ того убѣжалъ въ Суздальскую землю *).

Мы не станемъ возражать историку, имѣвшему свой (къ сожалѣнію неосновательный) взглядъ на всѣ подвиги и дѣятельность Андрея, и замѣтимъ только, что боголюбивому князю не представлялось никакой надобности похищать икону тайно отъ отца. Въ своемъ городѣ безъ всякой тайны онъ могъ взять съ собою любую изъ первыхъ его иконъ, какъ могъ взять и взялъ съ собою и избранный клиръ. Икона находилась не въ городскомъ соборѣ, а въ монастырѣ, и нѣтъ свидѣтельства, что въ городѣ она пользовалась такимъ же значеніемъ, какое въ послѣдствіи пріобрѣла уже во Владимірѣ, ставши святымъ знаменіемъ для всей Суздальской, а потомъ по прямому наслѣдству и для Московской земли.

Андрей тайно отъ отца только уходилъ и ушелъ даже въ ночную пору, боясь, конечно, остановки, какая могла случиться, еслибъ отецъ вдругъ узналъ объ его бѣгствѣ.

Но его бѣгство, то-есть окончательное переселеніе на сѣверъ съ постояннымъ жительствомъ уже не въ Кіевѣ, а въ своемъ Суздальскомъ Владимірѣ, „этотъ поступокъ Андрея, говоритъ другой историкъ, былъ событіемъ величайшей важности, событіемъ *поворотнымъ*, отъ котораго исторія принимала новый ходъ, съ котораго начинался на Руси новый порядокъ вещей“ **).

И въ этомъ-то величайшей важности событіи упоминаемая Богородичная икона явилась боголюбивому князю не только благословенною путеводительницею, но и постоянною заступницею и скорою помощницею во всѣхъ трудныхъ случаяхъ его княженія и домашней его жизни. Такъ чистосердечно вѣровалъ набожный князь и такъ потомъ увѣровалъ въ эту истину и весь Владимірскій народъ, сохранившій во многихъ поколѣніяхъ живѣйшую вѣру въ непрестанную помощь и заступленіе Пресвятой Владычицы.

Еще въ самомъ началѣ, во время пути изъ Вышгорода, заступленіе Богородицы ознаменовалось чудотвореніями, которыя затѣмъ слѣдовали неоднократно и во Владимірѣ, такъ что спустя нѣсколько лѣтъ было составлено и особое сказаніе о чудесахъ Пресв. Богородицы Владимірскія, какъ съ того времени стала именоваться чудотворная икона. Чудеса записаны современникомъ и, повидимому, не безъ согласія или даже по приказу самого князя, потому что сказанія обстоятельства занимаютъ въ немъ очень видное мѣсто.

---

*) Погодинъ, Русская Исторія, часть I, 75.

**) Соловьевъ, Исторія России II, 364.

Этотъ драгоцѣнный литературный памятникъ XII вѣка открытъ профессоромъ Ключевскимъ и изданъ Импер. Обществомъ Древней Письменности № XXX, Спб. 1878 г., съ предисловіемъ г. Ключевскаго.

Всѣхъ чудесъ описано десять и всѣ они относятся къ первымъ годамъ водворенія князя Андрея во Владимірской области (1155—1163 гг.). Изъ нихъ три: 1, 4 и 10 совершились по молитвѣ самого князя, два—2 и 3—въ его присутствіи, остальныя, кромѣ Владиміра, и въ другихъ городахъ, въ Муромѣ, въ Переяславлѣ Русскомъ и въ Твери, куда уже разнеслась слава о чудотвореніяхъ Владимірской иконы и гдѣ происходили исцѣленія посылаемою туда чудотворною водою съ иконы.

Весьма любопытны нѣкоторыя подробности въ описаніи первыхъ двухъ чудесъ. На пути во Владиміръ князю встрѣтилась наводнившаяся рѣка Возуза, такъ что явилось большое затрудненіе для переправы на другой берегъ. Князь и послалъ проводника пытать броду. Проводникъ на конѣ только что въѣхалъ въ рѣку, исчезъ въ волнахъ и съ конемъ. Почитая себя виновникомъ въ непредвидимой погибели проводника, князь сталъ усердно молиться предъ иконою о спасеніи погибающаго и, спустя нѣсколько времени, Скорая Помощница явила свою благодать, проводникъ выплылъ и съ конемъ на срединѣ рѣки и благополучно достигъ берега. Это было первое чудо.

Здѣсь останавливаетъ вниманіе рѣка Возуза, которая течетъ въ Волгу у города Зубцова и начинаетъ свое теченіе около ста верстъ отъ верховья Днѣпра. Такимъ образомъ, открывается, что дорога изъ Кіева во Владиміръ пролегала здѣсь по Днѣпру почти до самой его вершины, откуда, вѣроятно, отъ существующаго и до нынѣ селенія Волочка, она поворачивала на востокъ сухимъ путемъ, *волокомъ*, гдѣ и встрѣчала верхнюю половину теченія Возузы, направляясь далѣе къ верховью Москвы рѣки у Можайска, чтобы мимо городка Москвы достигнуть рѣки Клязьмы, текущей къ Владиміру. Этотъ волоковой путь подтверждаетъ сказаніе о второмъ чудѣ, совершившемся на *Рогожскихъ* поляхъ. Древнее село и волость *Рогожъ* — нынѣ городъ Богородскъ. Его древнее имя сохраняется доселѣ въ *Рогожской* мѣстности Москвы. Быть можетъ, этотъ путь былъ длиннѣе другихъ путей, напр., по Деснѣ и Окѣ, но князь могъ выбрать его, опасаясь погони отца.

На Рогожскихъ поляхъ произошло слѣдующее: взбѣсившійся конь разбилъ повозку, въ которой ѣхала беременная попадья попа Микулы съ снохою. Конь опрокинулъ попадью и, запутавшись передними ногами въ *кортли* попадьи (*кортель* — извѣстная въ XVII ст. верхняя

женская одежда) сталъ зубами грызть ее. Упавшая подъ коня попадья лежала какъ мертвая и всѣ думали, что она на самомъ дѣлѣ померла. Попъ Микула помолился Богородичной иконѣ, и вскорѣ попадья встала въ добромъ здоровьѣ. Когда ее спросили, какой вредъ сдѣлалъ ей конь, грызя ее зубами, она отвѣчала, что молитвами Пресв. Богородицы совсѣмъ здорова. Только „жаль ми, говорила она, *увисла* же *отлогъ*, еже изъяде конь". *Увисло*, какъ мы полагаемъ, означаетъ какую-либо перевязку. Въ областномъ языкѣ *вясломъ*, *повясломъ*, *перевясломъ* называется поясокъ, вязка, которою перевязываютъ снопы; *свясло*, значитъ опояска; *увясло* — головная повязка. Что значитъ *отлогъ*, объяснить не можемъ. Въ древнемъ языкѣ это слово могло обозначать какую-либо часть женской одежды.

Изъ этихъ подробностей описанія чуда мы пріобрѣтаемъ свидѣтельство о существованіи и въ XII вѣкѣ женской одежды, называемой *кортель*, и если наше толкованіе темнаго мѣста вѣрно, то получаемъ указаніе и на другія принадлежности женскаго наряда въ именахъ *увисла* и *отлога*.

Въ описаніи другихъ чудесъ упоминаются также нѣкоторые предметы тогдашняго женскаго убора, приносимые къ иконѣ въ благодареніе по случаю исцѣленій. Таковы *усеряжъ* и *рясы* златыя, златыя *косы* и *серязи*. Вѣроятно, что рясы именовались также и косами, какъ серязи и усеряжи—серьги.

Чудо четвертое повѣствуетъ о самомъ князѣ. По нѣкоторомъ времени наступилъ праздникъ, Госпожинъ день (15 августа). Князь Андрей на канонѣ стоялъ въ церкви, „пѣнія лики сотворяя, а сердцемъ боляше, бѣбо княгиня его боляше дѣтиною болѣзнію (родами), два дни напрасно боляше. Послѣ службы омыли водою икону Богородицы и св. воду послали княгинѣ. Она вкусила той воды и родила дѣтя здраво и сама стала здрава въ тотъ часъ".

По смерти отца въ маѣ 1157 г. князь Андрей общею любовію Ростовцевъ и Суздальцевъ былъ посаженъ княжить въ Суздальской землѣ на отнемъ столѣ, „занеже, говоритъ лѣтописецъ, былъ любимъ всѣми за премногую его добродѣтель, юже имяше преже къ Богу и ко всѣмъ сущимъ подъ нимъ". Конечно, и это обстоятельство боголюбивый князь относилъ къ особому покровительству Пресв. Владычицы и потому весною на слѣдующій же годъ (въ 1158 г.) онъ заложилъ во Владимірѣ каменную церковь — Св. Богородицу, какъ выражается лѣтописецъ. Два года продолжалась постройка этого храма, удивительнаго для современниковъ, какъ и для потомства. Князь украсилъ его „дивно многоразличными иконами и драгимъ каменьемъ безъ числа, и

сосудами церковными и верхъ его позлати. По вѣрѣ же его и по тщанію его къ Святѣй Богородицѣ приведе ему Богъ изъ всѣхъ земель мастеры и украси ю паче иныхъ церквей".

Въ 1161 г. храмъ былъ украшенъ также и стѣнописью. Но первое диво въ этомъ храмѣ была чудотворная Богородичная икона, которую въ тѣ же годы князь украсилъ съ великою щедростію, вковалъ въ ея окладъ болѣе 30 гривенъ золота, кромѣ серебра и каменья драгаго и жемчюга. Все это свидѣтельствуетъ о необыкновенной глубочайшей сердечной приверженности князя къ этой святынѣ, въ которой онъ видѣлъ постоянное покровительство во всѣхъ случаяхъ своей жизни, сколько извѣстныхъ по сказанію о ея чудесахъ и быть можетъ еще болѣе намъ неизвѣстныхъ, составлявшихъ тайну его богомольныхъ воззрѣній.

Послѣднее изъ первоначальныхъ сказаній о чудесахъ Богородичной иконы описываетъ событіе, касающееся постройки Золотыхъ воротъ города Владиміра. Созидая новый храмъ Богородицы, князь строилъ и новый городъ, т. е. его стѣны объемомъ больше прежняго и съ московской стороны заложилъ каменныя ворота, именовавшіяся потомъ *Золотыми* по своимъ украшеніямъ. Врата составляли особое зданіе въ видѣ башни и въ проѣздѣ имѣли затворы, т. е. въ собственномъ смыслѣ ворота, конечно, какъ городскія, значительной величины. Князь украшалъ и готовилъ эти ворота къ Богородицыну празднику на удивленіе людямъ, сказывая въ радости боярамъ: „егда снидутся люди на праздникъ и врата узрятъ!" Насталъ праздникъ, собрался въ множествѣ народъ къ вратамъ. Но оказалось, что въ постройкѣ еще не высохла известь и врата внезапно отторглись отъ стѣнъ и упали на людей, покрывши 12 человѣкъ подъ своею тяжестію. Всѣ думали, что ихъ задавило. Боголюбивый князь съ воздыханіемъ сталъ молиться къ богородичной иконѣ, прося заступленія въ этой бѣдѣ. „Азъ бо грѣшный повиненъ въ смерти сихъ людей!" и послалъ боярина дать все на потребу мертвымъ. Но когда пріѣхалъ бояринъ и подняли врата, то увидѣли, что подъ вратами всѣ остались живы и здоровы. „И се слышавъ князь Андрей, радъ бысть; и се чудо видяще, народи чюдишася". Это чудо должно относиться къ 1163 г., потому, что въ 1164 г. была освящена церковь на Златыхъ воротахъ, устройство которой, конечно, совершилось уже послѣ постройки самыхъ воротъ.

Въ 1164 г. совершилось *новое* чудо Богородицы, какъ записалъ лѣтописецъ, обозначивши этимъ словомъ, что прежнія чудеса уже получили всенародную славу.

Новымъ чудомъ явилась достопамятная побѣда надъ Волжскими

Болгарами, которые несомнѣнно дѣлали большую тѣсноту Русской торговлѣ на своихъ пристанищахъ и тѣмъ вызвали особый походъ на нихъ князя Андрея.

Это событіе, какъ потомъ выяснилось, совпало въ одинъ день (на 1 августа) съ такимъ же побѣдоноснымъ походомъ Греческаго царя Мануила на Сарацынъ, въ слѣдствіе чего обоюднымъ рѣшеніемъ царя и Русскаго князя было установлено особое церковное празднованіе Всемилостивому Спасу и Пресвятой Богородицѣ.

Повидимому, въ тоже время было составлено и особое описаніе всѣхъ обстоятельствъ, подавшихъ поводъ къ установленію этого празднованія, особое сказаніе о новомъ чудѣ Пресв. Богородицы съ благодарными молитвенными похвалами Божіему заступленію. Въ послѣдствіи это сказаніе необходимо должно было занять свое мѣсто въ нашихъ Прологахъ, а быть можетъ оно и составлено съ этою самою цѣлью, дабы пополнить проложныя чтенія должнымъ сказаніемъ о новомъ церковномъ празднествѣ. Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ (Минеи свящ. Мимотина половины XVII ст.) оно предшествуетъ повѣсти о чудесахъ Владимірской Иконы, о которыхъ мы говорили выше, и составляетъ такимъ образомъ какъ бы новую главу въ описаніи этихъ чудесъ. Но чаще всего оно встрѣчается въ Прологахъ, хотя далеко не во всѣхъ ихъ спискахъ, на ряду съ другими проложными статьями. Архим. Сергій въ своемъ Полномъ Мѣсяцесловѣ Востока (II, 223) свидѣтельствуетъ, что это сказаніе объ установленіи празднованія 1 августа „современно событію“ или же „составлено на основаніи документовъ, современныхъ сему событію“. „Авторъ проложнаго сказанія, говоритъ далѣе о. Сергій, разсказавъ исторію праздника, заключаетъ словами грамоты изъ Царяграда Русскому митрополиту или князю: „*Азъ же написахъ ти се* повелѣніемъ царя Мануила и всего причта церковнаго, да празднуемъ вси обще мѣсяца Августа въ 1 день во славу Св. Троицы. Аминь. Такова редакція Макарьевской Минеи“. Эта рѣчь: *Азъ же написахъ ти се* въ Сказаніи представляетъ какой-то отрывокъ изъ неизвѣстной грамоты и должна указывать, что Сказаніе въ этой редакціи сокращено. Таже рѣчь читается и въ нѣкоторыхъ прологахъ, но въ другихъ спискахъ вмѣсто *ти се* читается *сице*: *Азъ же написахъ сице*... Въ печатномъ прологѣ (1643 г.) читаемъ: „Азъ же написахъ *сіе* малое писаніе... „Въ спискѣ Сказанія, напечатанномъ Обществомъ Древн. Письменности; читаемъ: „Азъ же написахъ повелѣніемъ царя Мануила“. Такимъ образомъ, выраженіе написахъ *ти се* можетъ явиться простою опискою, которая переносилась изъ списка въ списокъ и составила большое преткновеніе для правильнаго разумѣнія всего текста,

которомъ авторъ Сказанія увѣдомляетъ только, что онъ написалъ е, *сіе* повелѣніемъ царя Мануила и пр.

Кто-же былъ авторомъ этого сказанія?

По нѣкоторымъ спискамъ Пролога, авторомъ Сказанія является ь боголюбивый князь Андрей. Эти списки отличаются отъ другихъ ь, что содержатъ въ себѣ полный текстъ Сказанія съ его концомъ, рый въ другихъ спискахъ опущенъ, вѣроятно, потому, что, касатолько частнаго, такъ сказать, личнаго обстоятельства, по своимъ обностямъ, найденъ излишнимъ для общаго состава проложныхъ аній, обыкновенно очень сокращенныхъ.

Въ спискѣ Пролога XVI ст., принадлежащемъ нашей библіотекѣ ключающемъ въ себѣ только три мѣсяца: іюнь, іюль и августъ, аніе о празднованіи 1 августа записано два раза, и подъ 1 чиъ, и въ концѣ мѣсяца послѣ 31 числа. Это случилось по той, вѣно, причинѣ, что въ рукописи подъ 1 числомъ не было помѣщено анутое сказаніе, и писецъ, добавляля Прологъ, написалъ его въ цѣ мѣсяца, а потомъ, быть можетъ, другой писецъ написалъ его на мъ мѣстѣ подъ 1 числомъ, какъ это видно изъ различія почерковъ.

Въ нашемъ спискѣ конецъ Сказанія повѣтствуетъ слѣдующее:

„Яко же я въ Костянтинѣ градѣ уставиша... тако и сій праздникъ вленъ бысть *худымъ* и *грѣшнымъ* рабомъ Божіимъ Андрѣемъ кня-, сыномъ Георгіевымъ, внука Мономахова, именемъ Володимера и князя всея Русіи“.

Такъ выразиться о князѣ Андреѣ, худомъ и грѣшномъ, могъ ко самъ-же князь Андрей. Постороннему сказателю невозможно употребить этихъ словъ: они слишкомъ личны, если можно такъ ать. Худымъ назвалъ самъ себя и дѣдъ Андреевъ, славный Мона-ь, въ извѣстномъ своемъ завѣщаніи.

Но продолженіе текста, содержащее въ себѣ молитву къ Спасу и родицѣ, уже прямо объясняетъ, кто былъ авторъ и этой молитвы его сказанія. Здѣсь въ заключеніе молитвы уже самъ князь гово-: „*Тако и мнѣ грѣшному и недостойному рабу твоему Андрею* ожита неизрѣченныя милости своея свыше посылающе...“

Въ другомъ спискѣ Пролога, также XVI в., содержащемъ маркую половину года и принадлежащемъ Историческому Музею (инв. 8,967; рукопись значительно потерпѣла отъ давняго пожара) Ска-е помѣщено подъ 1 числомъ августа, но безъ этого конца. Позд-(XVII в.) владѣлецъ списка провѣрялъ его, повидимому, съ текстомъ е древнимъ, отмѣчая на поляхъ недостающія рѣчи, и найденный конецъ Сказанія приписалъ, какъ дополненіе, на особомъ листкѣ.

Текстъ этой приписки слово въ слово сходенъ съ нашимъ спискомъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ ошибокъ писца.

Предлагаемъ здѣсь это Сказаніе по нашему списку Пролога, внося нѣкоторыя разнорѣчія по списку Историческаго Музея. Въ этомъ послѣднемъ спискѣ выраженіе *написахъ ти се* читается *написахъ сице*.

Мц҃а авгоуста въ а҃ днь празн҃оуемъ всем҃лтивомоу Хо҃у Бг҃оу нашемоу и преч҃тѣи его мт҃ри.

Вѣдѣти есть о се҃ на҃ возлюбленнаа братіа пантократорныи дн҃ь мл҃ти Бжіа праз҃ноуемъ. Бл҃гоч҃тивомꙋ и вѣрномоу цр҃ю нашемоу кн҃зю Ан҃рею оуставившоу с҃е праз҃новати со цр҃е҃ Маноуило҃ повелѣніемъ Лоуки патріар҃ха и митрополита Костѧнтина всеѧ Роуси и Нестера еп҃па Ростовьска҃. Маноуилоу ц҃рю мирно в҃любви и братолюбіи живоущꙋ съ бл҃гоч҃тивымъ кн҃земъ нашимъ Ан҃рѣе҃ слоучисѧ имъ въ единъ д҃нь изити на брань, ономоу изо ц҃рѧграда на Срацины, а семꙋ из Ростова на Болгары. Обычай же имѣаше кн҃зь Андрѣи егда к воеви (на брань, на бой) идѧхоу всегда чистою дш҃ею и иконоу вл҃чца нашеа Б҃ца пр҃нодв҃ыа Мр҃іа и Кр҃тъ прозвитера два въ с҃щенны҃ риза҃ ношахоу и тоу пріиметь ѿ с҃ты҃ таинъ плоти и крови Гн҃ѧ и соущіи с ни҃ гл҃ѧ се: Вл҃чце Бце родив҃ши Х҃а Бг҃а нашего оуповааи на тѧ весь не погибнеть. Азъ рабъ твои имѣю тѧ стѣноу и покровъ и Кр҃тъ Сн҃а твоего ѡроужіе на брани ѡбоюдꙋ ѡстро и ѡгнь ѡпалѧа лица противны҃ наши҃ хотѧщи҃ с нами брани. И падоша вси на колѣноу пр҃е ст҃ою Бц҃ею со слезами целоующе.

И (тогда) взѧша четыри городы Бол҃гарьскіа Е҃ и брѧхимовъ в (на) Камѣ и воротивсѧ ѿ сѣча вси и видѣша (всвѣтима) лоуча ѡгнены ѿ иконы Сп҃са нашего вл҃ки и Б҃га и весь полкъ его ѿ крытъ (окрестъ) ѡн же воротивсѧ ѡпѧть и попали городы ѡгнемъ и положи землю тꙋ поустоу а прочіи городи ѡсади дань платити. То҃ видѣніе Маноуилъ цр҃ь (видѣ оу себѣ) тамо видѣ въ единъ д҃нь августа въ а҃ праз҃новати оуставиша мл҃ти бж҃іа чл҃колюбіа яко же рече пророкъ его же хощю помилоую помилованъ боудеть и н҃нѣ вл҃ко тако покры всѧ люди р҃оускіа землѧ оуповающаа на тѧ тѣмъ вси припадае҃ ти гл҃юще Г҃и і҃се х҃е что ти воздамы ѡ всѣ҃ яже воздалъ еси на҃ веліи еси Г҃и и чюдна дѣла твоѧ и величію твоемꙋ н҃ѣ конца врѡ҃ и рѡ҃ восхвалѧтъ дѣла твоѧ бл҃вен҃ъ г҃ь б҃гъ иже недасть н҃а во плѣнъ враго҃ но҃ самъ призри на ны мл҃тію своею и чл҃колюбіе҃ защити ны и съ славою вознеси десницоу оуповающи҃ на тѧ и мт҃рьне моленіе оуслѧша и помиловая люди своѧ мл҃тію ч҃лколюбіа своего ц҃ркви исполнисѧ славы своеѧ (твоея) вл҃ко юже яко дверь показалъ еси нб҃ноую на

земли в неи* ти сѧ молимъ глюще гⷭи призри съ высоты нб҃се и вижь и посѣти винограда своего сверши еже насади десница твоѧ ст҃аа всѣ бо ѡчи влко на тѧ оуповають твоеѧ млти и щедроты чающе хвалы и пѣніе славѣ твое и всылаемъ прослави самъ славою оуповающи на тѧ многоименитаго бг҃а и сп҃са наше ты бо прчтлъ нбо имѣа поножіе землю призри млтивныма своима ѡчима на всѧ люди оуповающаа на тѧ и на прчтоую твою мтрь и на всѧ стыа твоѧ иже пострадаша за имѧ твое ѡ на грѣшны тебѣ моленіа приносѧщи.

Аз же написа ти се (сице) повелѣніемъ цря Маноуила и всего причта цркованаго да празноуимъ обще вси мца авгоута въ а҃ днь вседержителѧ га бга нашего члколюбца млтію и стыа его мтри блгтію застоуплѧеми ѿ всѣ бѣдъ и болѣзни и ѿ вра видимы и невидимы и побѣдоу ѿ неа (нею) имоущи на враги по велицеи ею млти празноуемъ има вкоупѣ. Гоу бгоу нашемоу и прчтеи его мтри авгоута въ а҃ днь Маковѣи оуставихомъ якоже и в Костѧнтинѣ градѣ оуставиша стіи ѿци блговѣрніи пантократоръ млти бжіа и члколюбіа тако и сіи празникъ оуставленъ бы хоуды* и грѣшны* рабомъ Бжіи* Андрѣемъ кнземъ снмъ Георгіевы* вноука Мономахова именемъ Володимера црѧ и кнзѧ всеѧ Роусіи.

ѿ многомлтиве вседръжителю неизреченне едине члколюбче гⷭи Бже нашь. Прчтая гже бце дво рожьшіа всѣ творца га нашего чистаа Мтри бгоу блвенаа поюща а тѧ вѣрою спсаи напасти и молвѹ ѿгонѧщи млтивно яко (бга) рожьшіи все елико хощеши и свершаеши не въбранно и можеши двце еже не ѡсрамлѧета всѣ притѣкающи к вама со страхо* с вѣрою и любовію. Тако и мнѣ грѣшномоу и недостойномоу рабоу твоему Андрею приложита не изреченныа млти своеѧ свыше посылающе ѿ тебе бо влко и прчтаа мти Бжіа всѧко даніе блго и дари свершени посылаютсѧ оуповающимъ на тѧ с вѣрою всегда и в бесконечныи вѣкъ аминь.

Въ спискѣ Сказанія, изданномъ Обществомъ Древней Письменности (стр. 26) есть также упоминаніе отъ лица автора, но это позднѣйшая вставка, гдѣ авторъ молится только о своихъ грѣхахъ, чтобы Господь направилъ его на стезю покаянія — „И мнѣ многогрѣшному, говоритъ онъ, дай Господи преже конца покаяніе, зане согрѣшихъ паче Содома и Гомора и отгнахъ отъ себѣ ангела Хранителя моего“, — послѣ чего и слѣдуетъ рѣчь: Азъ же написахъ повелѣніемъ царя Манупла и пр. Очевидно, что это писалъ уже другой авторъ, пересочинявшій древнее сказаніе для своихъ собственныхъ богомольныхъ цѣлей. Такая вставка очень напоминаетъ многія сокрушенія о своихъ

въ сущности былъ хозяинъ—домосѣдъ, добрый строитель и устроитель своего дома, какимъ въ Суздальской землѣ была его княжеская волость—небольшой городокъ Владиміръ. Къ этому *дому* всегда и неслись его помыслы. Сколько разъ онъ уговаривалъ отца покинуть Кіевъ и уйдти въ свой далекій Суздаль. Но отецъ, знаменитый также строитель и устроитель Суздальской области, безъ сомнѣнія воспитавшій и сына въ этомъ строительствѣ, не покидалъ Кіева, т. е. не покидалъ своихъ правъ на Великокняжеское старѣйшинство и время отъ времени вторгался туда съ своими полками, всѣми мѣрами добиваясь получить это старѣйшинство и сѣсть на Кіевскомъ Великокняжескомъ столѣ. Наконецъ, въ 1155 г., онъ достигъ своей цѣли, занялъ Кіевскій столъ, но черезъ два года померъ, и все-таки въ Кіевѣ, Великимъ княземъ, въ чемъ и заключалась его великая заслуга для Суздальской земли, такъ какъ достигнутое имъ великокняжеское старѣйшинство вскорѣ перешло по наслѣдству къ его дѣтямъ, и Суздальская область съ новымъ городомъ Владиміромъ сдѣлалась на мѣсто Кіева главою всея Руси.

Утвердившись на В. княженіи, онъ посадилъ сына Андрея поближе къ себѣ, въ Вышгородѣ, какъ самаго добраго и самаго надежнаго своего помощника и въ ратныхъ и въ другихъ княжескихъ дѣлахъ. А сынъ, видя, что отцовское дѣло теперь устроилось окончательно, попрежнему сталъ помышлять о своемъ домѣ.

Онъ хорошо зналъ, что отецъ не отпуститъ его. Но и прежде, не смотря на настойчивыя требованія отца оставаться при немъ, онъ уходилъ въ свой родной Суздаль, пользуясь законными предлогами, противъ которыхъ и воля отца ослабѣвала. Теперь онъ порѣшилъ совсѣмъ переселиться въ свою родную область. Законныхъ предлоговъ уже не было, и потому приходилось по просту бѣжать отъ отца тайно. Подвигъ предстоялъ опасный въ виду отцовскаго гнѣва и неизвѣстности, чѣмъ онъ можетъ окончиться.

Боголюбивый князь не даромъ носилъ это прозваніе. При многихъ доблестныхъ чертахъ своего характера, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ отличался глубокою религіозностью, глубокою вѣрою въ Промыслъ Божій, которая укоренилась въ немъ на томъ же ратномъ полѣ, гдѣ не одинъ разъ онъ чудесно спасенъ былъ отъ вѣрной гибели, „Божіимъ заступленіемъ и молитвою родителей своихъ“—объясняли очевидцы лѣтописцы, прибавляя, что „Многажды Богъ любящихъ его вметаетъ въ напасти, но милостію своею избавляетъ“.

Если все ратное общество видѣло въ такихъ событіяхъ святыя дѣла божественнаго Промысла, то какими же чувствами безпредѣльнаго упованія на Бога былъ исполненъ самъ ратоборецъ. Въ своей жизни

никакого дѣла онъ не начиналъ безъ усерднаго моленія о помощи, предавая всѣ свои желанія и начинанія волѣ Божіей.

Собираясь въ бѣгство отъ отца и больше всего отъ Кіева, гдѣ невозможно было основать прочнаго жилища, онъ сталъ бесѣдовать съ людьми объ иконахъ, какую по обычаю подобало бы взять себѣ въ благословенныя путеводительницы. Ему указали богородичную икону, написанную по преданію самимъ Еванг. Лукою, которая нѣкогда была привезена его отцу изъ Цареграда и находилась въ это время въ Вышегородскомъ женскомъ монастырѣ, въ его же стольномъ городѣ.

Икона передъ тѣмъ уже славилась нѣкоторыми чудесами: сама собою трижды соступала изъ кіота съ своего мѣста; видѣли ее стоявшую на воздухѣ среди церкви, потомъ въ другихъ мѣстахъ „о себѣ стоящу", не смотря на то, что каждый разъ ставили ее въ подобающее мѣсто. Эти чудныя явленія какъ бы предзнаменовали самыя помышленія боголюбиваго князя, желавшаго соступить съ своего Вышегородскаго мѣста. Услыхавши о такихъ дѣлахъ Божіихъ, князь очень обрадовался, пришелъ въ монастырь, осмотрѣлъ всѣ иконы и увидалъ, что указанная ему икона Богородицы превосходитъ всѣ другія художествомъ письма, „яко прешла бѣ всѣхъ образовъ". Князь упалъ въ моленіи передъ нею, прося Пресв. Владычицу, да будетъ она заступница ему на Ростовскую землю, да будетъ въ ея волѣ все, что ожидаетъ его впереди.

Собравшись совсѣмъ въ путь, Андрей съ молебнымъ пѣніемъ поднялъ своими руками чудотворный образъ и, таясь отъ отца, ночью ушелъ изъ Вышгорода и съ своею княгинею, съ боярами и со всѣмъ домомъ, взявши съ собою и церковный клиръ, попа Микулу и дьякона съ ихъ семьями.

Старые лѣтописцы и первоначальное сказаніе о чудотвореніяхъ этой святой иконы, говоря о ея перенесеніи изъ Вышгорода въ Суздальскую область, упоминаютъ только, что боголюбивый князь, „идя, вземъ икону, или: принесе съ собою икону". Поздній лѣтописецъ, внося это свѣдѣніе въ свой сборникъ (Ник. II, 151), прибавилъ, что князь „восхотѣ сію икону тайно отъ отца своего взяти съ собою и пойде тайно, не повѣда отцу своему, и ту икону Преч. Богородицы съ собою взявъ"... Здѣсь одно прямое обстоятельство, что князь тайно отъ отца ушелъ изъ своего города, произвольно приписано и относительно иконы, что и икону онъ взялъ тайно отъ отца. Историки, пользуясь этимъ двусмысленнымъ показаніемъ, уже прямо говорятъ, что Андрей „задумалъ похитить ее... подговоривши священника и дьякона, Андрей ночью унесъ чудотворную икону изъ монастыря и вмѣстѣ съ княгинею

и соумышленниками тотчасъ послѣ того убѣжалъ въ Суздальскую землю *).

Мы не станемъ возражать историку, имѣвшему свой (къ сожалѣнію неосновательный) взглядъ на всѣ подвиги и дѣятельность Андрея, и замѣтимъ только, что боголюбивому князю не представлялось никакой надобности похищать икону тайно отъ отца. Въ своемъ городѣ безъ всякой тайны онъ могъ взять съ собою любую изъ первыхъ его иконъ, какъ могъ взять и взялъ съ собою и избранный клиръ. Икона находилась не въ городскомъ соборѣ, а въ монастырѣ, и нѣтъ свидѣтельства, что въ городѣ она пользовалась такимъ же значеніемъ, какое въ послѣдствіи пріобрѣла уже во Владимірѣ, ставши святымъ знаменіемъ для всей Суздальской, а потомъ по прямому наслѣдству и для Московской земли.

Андрей *тайно* отъ отца только уходилъ и ушелъ даже въ ночную пору, боясь, конечно, остановки, какая могла случиться, еслибъ отецъ вòвремя узналъ объ его бѣгствѣ.

Но его бѣгство, то-есть окончательное переселеніе на сѣверъ съ постояннымъ жительствомъ уже не въ Кіевѣ, а въ своемъ Суздальскомъ Владимірѣ, „этотъ поступокъ Андрея, говоритъ другой историкъ, былъ событіемъ величайшей важности, событіемъ *поворотнымъ*, отъ котораго исторія принимала новый ходъ, съ котораго начинался на Руси новый порядокъ вещей“ **).

И въ этомъ-то величайшей важности событіи упоминаемая Богородичная икона являлась боголюбивому князю не только благословенною путеводительницею, но и постоянною заступницею и скорою помощницею во всѣхъ трудныхъ случаяхъ его княженія и домашней его жизни. Такъ чистосердечно вѣровалъ набожный князь и такъ потомъ увѣровалъ въ эту истину и весь Владимірскій народъ, сохранявшій во многихъ поколѣніяхъ живѣйшую вѣру въ непрестанную помощь и заступленіе Пресвятой Владычицы.

Еще въ самомъ началѣ, во время пути изъ Вышгорода, заступленіе Богородицы ознаменовалось чудотвореніями, которыя затѣмъ слѣдовали неоднократно и во Владимірѣ, такъ что спустя нѣсколько лѣтъ было составлено и особое сказаніе о чудесахъ Пресв. Богородицы Владимірскія, какъ съ того времени стала именоваться чудотворная икона. Чудеса записаны современникомъ и, повидимому, не безъ согласія или даже по приказу самого князя, потому что княжескія обстоятельства занимаютъ въ нихъ очень видное мѣсто.

---

*) Костомарова: Русская Исторія, вып. I, 75.

**) Соловьева: Исторія Россіи II, 244.

Этотъ драгоцѣнный литературный памятникъ XII вѣка открытъ профессоромъ Ключевскимъ и изданъ Импер. Обществомъ Древней Письменности № XXX, Спб. 1878 г., съ предисловіемъ г. Ключевскаго.

Всѣхъ чудесъ описано десять и всѣ они относятся къ первымъ годамъ водворенія князя Андрея во Владимірской области (1155—1163 гг.). Изъ нихъ три: 1, 4 и 10 совершились по молитвѣ самого князя, два—2 и 3—въ его присутствіи, остальныя, кромѣ Владиміра, и въ другихъ городахъ, въ Муромѣ, въ Переяславлѣ Русскомъ и въ Твери, куда уже разнеслась слава о чудотвореніяхъ Владимірской иконы и гдѣ происходили исцѣленія посылаемою туда чудотворною водою съ иконы.

Весьма любопытны нѣкоторыя подробности въ описаніи первыхъ двухъ чудесъ. На пути во Владиміръ князю встрѣтилась наводнившаяся рѣка Возуза, такъ что явилось большое затрудненіе для переправы на другой берегъ. Князь и послалъ проводника пытать броду. Проводникъ на конѣ только что въѣхалъ въ рѣку, исчезъ въ волнахъ и съ конемъ. Почитая себя виновникомъ въ непредвидимой погибели проводника, князь сталъ усердно молиться предъ иконою о спасеніи погибающаго и, спустя нѣсколько времени, Скорая Помощница явила свою благодать, проводникъ выплылъ и съ конемъ на срединѣ рѣки и благополучно достигъ берега. Это было первое чудо.

Здѣсь останавливаетъ вниманіе рѣка Возуза, которая течетъ въ Волгу у города Зубцова и начинаетъ свое теченіе около ста верстъ отъ верховья Днѣпра. Такимъ образомъ, открывается, что дорога изъ Кіева во Владиміръ пролегала здѣсь по Днѣпру почти до самой его вершины, откуда, вѣроятно, отъ существующаго и до нынѣ селенія Волочка, она поворачивала на востокъ сухимъ путемъ, *волокомъ*, гдѣ и встрѣчала верхнюю половину теченія Возузы, направляясь далѣе къ верховью Москвы рѣки у Можайска, чтобы мимо городка Москвы достигнуть рѣки Клязьмы, текущей къ Владиміру. Этотъ волоковой путь подтверждаетъ сказаніе о второмъ чудѣ, совершившемся на *Рогожскихъ* поляхъ. Древнее село и волость *Рогожъ* — нынѣ городъ Богородскъ. Его древнее имя сохраняется доселѣ въ *Рогожской* мѣстности Москвы. Быть можетъ, этотъ путь былъ длиннѣе другихъ путей, напр., по Деснѣ и Окѣ, но князь могъ выбрать его, опасаясь погони отца.

На Рогожскихъ поляхъ произошло слѣдующее: взбѣсившійся конь разбилъ повозку, въ которой ѣхала беременная попадья попа Микулы съ снохою. Конь опрокинулъ попадью и, запутавшись передними ногами въ *корпли* попадьи (*кортель* — извѣстная въ XVII ст. верхняя

женская одежда) сталъ зубами грызть ее. Упавшая подъ коня попадья лежала какъ мертвая и всѣ думали, что она на самомъ дѣлѣ померла. Попъ Микула помолился Богородичной иконѣ, и вскорѣ попадья встала въ добромъ здоровьѣ. Когда ее спросили, какой вредъ сдѣлалъ ей конь, грызя ее зубами, она отвѣчала, что молитвами Пресв. Богородицы совсѣмъ здорова. Только „жаль ми, говорила она, *увисла* же *отлогъ*, еже изъяде конь". *Увисло*, какъ мы полагаемъ, означаетъ какую-либо перевязку. Въ областномъ языкѣ *вясломъ*, *повясломъ*, *перевясломъ* называется поясокъ, вязка, которою перевязываютъ снопы; *свясло*, значитъ опояска; *увясло* — головная повязка. Что значитъ *отлогъ*, объяснить не можемъ. Въ древнемъ языкѣ это слово могло обозначать какую-либо часть женской одежды.

Изъ этихъ подробностей описанія чуда мы пріобрѣтаемъ свидѣтельство о существованіи и въ XII вѣкѣ женской одежды, называемой *кортель*, и если наше толкованіе темнаго мѣста вѣрно, то получаемъ указаніе и на другія принадлежности женскаго наряда въ именахъ *увисла* и *отлога*.

Въ описаніи другихъ чудесъ упоминаются также нѣкоторые предметы тогдашняго женскаго убора, приносимые къ иконѣ въ благодареніе по случаю исцѣленій. Таковы *усеряжъ* и *рясы* златыя, златыя *косы* и *серязи*. Вѣроятно, что рясы именовались также и косами, какъ серязи и усеряжи—серьги.

Чудо четвертое повѣствуетъ о самомъ князѣ. По нѣкоторомъ времени наступилъ праздникъ, Госпожинъ день (15 августа). Князь Андрей на канонѣ стоялъ въ церкви, „пѣнія лики сотворяя, а сердцемъ боляше, бѣбо княгиня его боляше дѣтиною болѣзнію (родами), два дни напрасно боляше. Послѣ службы омыли водою икону Богородицы и св. воду послали княгинѣ. Она вкусила той воды и родила дѣтя здраво и сама стала здрава въ тотъ часъ".

По смерти отца въ маѣ 1157 г. князь Андрей общею любовію Ростовцевъ и Суздальцевъ былъ посаженъ княжить въ Суздальской землѣ на отнемъ столѣ, „занеже, говоритъ лѣтописецъ, былъ любимъ всѣми за премногую его добродѣтель, юже имяше преже къ Богу и ко всѣмъ сущимъ подъ нимъ". Конечно, и это обстоятельство боголюбивый князь относилъ къ особому покровительству Пресв. Владычицы и потому весною на слѣдующій же годъ (въ 1158 г.) онъ заложилъ во Владимірѣ каменную церковь — Св. Богородицу, какъ выражается лѣтописецъ. Два года продолжалась постройка этого храма, удивительнаго для современниковъ, какъ и для потомства. Князь украсилъ его „дивно многоразличными иконами и драгимъ каменьемъ безъ числа, и

сосудами церковными и верхъ его позлати. По вѣрѣ же его и по тщанію его къ Святѣй Богородицѣ приведе ему Богъ изъ всѣхъ земель мастеры и украси ю паче иныхъ церквей".

Въ 1161 г. храмъ былъ украшенъ также и стѣнописью. Но первое диво въ этомъ храмѣ была чудотворная Богородичная икона, которую въ тѣ же годы князь украсилъ съ великою щедростію, вковалъ въ ея окладъ болѣе 30 гривенъ золота, кромѣ серебра и каменья драгаго и жемчюга. Все это свидѣтельствуетъ о необыкновенной глубочайшей сердечной приверженности князя къ этой святынѣ, въ которой онъ видѣлъ постоянное покровительство во всѣхъ случаяхъ своей жизни, сколько извѣстныхъ по сказанію о ея чудесахъ и быть можетъ еще болѣе намъ неизвѣстныхъ, составлявшихъ тайну его богомольныхъ воззрѣній.

Послѣднее изъ первоначальныхъ сказаній о чудесахъ Богородичной иконы описываетъ событіе, касающееся постройки Золотыхъ воротъ города Владиміра. Созидая новый храмъ Богородицы, князь строилъ и новый городъ, т. е. его стѣны объемомъ больше прежняго и съ московской стороны заложилъ каменныя ворота, именовавшіяся потомъ *Золотыми* по своимъ украшеніямъ. Врата составляли особое зданіе въ видѣ башни и въ проѣздѣ имѣли затворы, т. е. въ собственномъ смыслѣ ворота, конечно, какъ городскія, значительной величины. Князь украшалъ и готовилъ эти ворота къ Богородицыну празднику на удивленіе людямъ, сказывая въ радости боярамъ: „егда снидутся люди на праздникъ и врата узрятъ!" Насталъ праздникъ, собрался въ множествѣ народъ къ вратамъ. Но оказалось, что въ постройкѣ еще не высохла известь и врата внезапно отторглись отъ стѣнъ и упали на людей, покрывши 12 человѣкъ подъ своею тяжестію. Всѣ думали, что ихъ задавило. Боголюбивый князь съ воздыханіемъ сталъ молиться къ богородичной иконѣ, прося заступленія въ этой бѣдѣ. „Азъ бо грѣшный повиненъ въ смерти сихъ людей!" и послалъ боярина дать все на потребу мертвымъ. Но когда пріѣхалъ бояринъ и подняли врата, то увидѣли, что подъ вратами всѣ остались живы и здоровы. „И се слышавъ князь Андрей, радъ бысть; и се чудо видяще, народи чюдишася". Это чудо должно относиться къ 1163 г., потому, что въ 1164 г. была освящена церковь на Златыхъ воротахъ, устройство которой, конечно, совершилось уже послѣ постройки самыхъ воротъ.

Въ 1164 г. совершилось *новое* чудо Богородицы, какъ записалъ лѣтописецъ, обозначивши этимъ словомъ, что прежнія чудеса уже получили всенародную славу.

Новымъ чудомъ явилась достопамятная побѣда надъ Волжскими

Болгарами, которые несомнѣнно дѣлали большую тѣсноту Русской торговлѣ на своихъ пристанищахъ и тѣмъ вызвали особый походъ на нихъ князя Андрея.

Это событіе, какъ потомъ выяснилось, совпало въ одинъ день (на 1 августа) съ такимъ же побѣдоноснымъ походомъ Греческаго царя Мануила на Сарацынъ, въ слѣдствіе чего обоюднымъ рѣшеніемъ царя и Русскаго князя было установлено особое церковное празднованіе Всемилостивому Спасу и Пресвятой Богородицѣ.

Повидимому, въ тоже время было составлено и особое описаніе всѣхъ обстоятельствъ, подавшихъ поводъ къ установленію этого празднованія, особое сказаніе о новомъ чудѣ Пресв. Богородицы съ благодарными молитвенными похвалами Божіему заступленію. Въ послѣдстіи это сказаніе необходимо должно было занять свое мѣсто въ нашихъ Прологахъ, а быть можетъ оно и составлено съ этою самою цѣлью, дабы пополнить проложныя чтенія должнымъ сказаніемъ о новомъ церковномъ празднествѣ. Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ (Минеи свящ. Мимотина половины XVII ст.) оно предшествуетъ повѣсти о чудесахъ Владимірской Иконы, о которыхъ мы говорили выше, и составляетъ такимъ образомъ какъ бы новую главу въ описаніи этихъ чудесъ. Но чаще всего оно встрѣчается въ Прологахъ, хотя далеко не во всѣхъ ихъ спискахъ, на ряду съ другими проложными статьями. Архим. Сергій въ своемъ Полномъ Мѣсяцесловѣ Востока (II, 223) свидѣтельствуетъ, что это сказаніе объ установленіи празднованія 1 августа „современно событію“ или же „составлено на основаніи документовъ, современныхъ сему событію“. „Авторъ проложнаго сказанія, говоритъ далѣе о. Сергій, разсказавъ исторію праздника, заключаетъ словами грамоты изъ Царяграда Русскому митрополиту или князю: „*Азъ же написахъ ти се* повелѣніемъ царя Мануила и всего причта церковнаго, да празднуемъ вси обще мѣсяца Августа въ 1 день во славу Св. Троицы. Аминь. Такова редакція Макарьевской Минеи“. Эта рѣчь: *Азъ же написахъ ти се* въ Сказаніи представляетъ какой-то отрывокъ изъ неизвѣстной грамоты и должна указывать, что Сказаніе въ этой редакціи сокращено. Таже рѣчь читается и въ нѣкоторыхъ прологахъ, но въ другихъ спискахъ вмѣсто *ти се* читается *сице*: *Азъ же написахъ сице*... Въ печатномъ прологѣ (1643 г.) читаемъ: „Азъ же написахъ *сіе* малое писаніе... „Въ спискѣ Сказанія, напечатанномъ Обществомъ Древн. Письменности; читаемъ: „Азъ же написахъ повелѣніемъ царя Мануила“. Такимъ образомъ, выраженіе написахъ *ти се* можетъ явиться простою опискою, которая переносилась изъ списка въ списокъ и составила большое преткновеніе для правильнаго разумѣнія всего текста,

которомъ авторъ Сказанія увѣдомляетъ только, что онъ написалъ *ие, сіе* повелѣніемъ царя Мануила и пр.

Кто-же былъ авторомъ этого сказанія?

По нѣкоторымъ спискамъ Пролога, авторомъ Сказанія является ъ боголюбивый князь Андрей. Эти списки отличаются отъ другихъ ъ, что содержатъ въ себѣ полный текстъ Сказанія съ его концомъ, орый въ другихъ спискахъ опущенъ, вѣроятно, потому, что, каса- только частнаго, такъ сказать, личнаго обстоятельства, по своимъ робностямъ, найденъ излишнимъ для общаго состава проложныхъ заній, обыкновенно очень сокращенныхъ.

Въ спискѣ Пролога XVI ст., принадлежащемъ нашей библіотекѣ аключающемъ въ себѣ только три мѣсяца: іюнь, іюль и августъ, заніе о празднованіи 1 августа записано два раза, и подъ 1 чи- мъ, и въ концѣ мѣсяца послѣ 31 числа. Это случилось по той, вѣ- тно, причинѣ, что въ рукописи подъ 1 числомъ не было помѣщено янутое сказаніе, и писецъ, добавляя Прологъ, написалъ его въ цѣ мѣсяца, а потомъ, быть можетъ, другой писецъ написалъ его на емъ мѣстѣ подъ 1 числомъ, какъ это видно изъ различія почерковъ.

Въ нашемъ спискѣ конецъ Сказанія повѣтствуетъ слѣдующее:

„Яко же и въ Костянтинѣ градѣ уставиша... тако и сій праздникъ авленъ бысть *худымъ* и *грѣшнымъ* рабомъ Божіимъ Андрѣемъ кня- ъ, сыномъ Георгіевымъ, внука Мономахова, именемъ Володимера я и князя всея Русіи“.

Такъ выразиться о князѣ Андреѣ, худомъ и грѣшномъ, могъ ько самъ-же князь Андрей. Постороннему сказателю невозможно ю употребить этихъ словъ: они слишкомъ личны, если можно такъ зать. Худымъ назвалъ самъ себя и дѣдъ Андреевъ, славный Мона- ъ, въ извѣстномъ своемъ завѣщаніи.

Но продолженіе текста, содержащее въ себѣ молитву къ Спасу и ородицѣ, уже прямо объясняетъ, кто былъ авторъ и этой молитвы сего сказанія. Здѣсь въ заключеніе молитвы уже самъ князь гово- ъ: „*Тако и мнѣ грѣшному и недостойному рабу твоему Андрею* ложита неизрѣченныа милости своея свыше посылающе...“

Въ другомъ спискѣ Пролога, также XVI в., содержащемъ мар- скую половину года и принадлежащемъ Историческому Музею (инв. 28,967; рукопись значительно потерпѣла отъ давняго пожара) Ска- ie помѣщено подъ 1 числомъ августа, но безъ этого конца. Позд- (XVII в.) владѣлецъ списка провѣрялъ его, повидимому, съ текстомъ ѣе древнимъ, отмѣчая на поляхъ недостающія рѣчи, и найденный конецъ Сказанія приписалъ, какъ дополненіе, на особомъ листкѣ.

Текстъ этой приписки слово въ слово сходенъ съ нашимъ спискомъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ ошибокъ писца.

Предлагаемъ здѣсь это Сказаніе по нашему списку Пролога, внося нѣкоторыя разнорѣчія по списку Историческаго Музея. Въ этомъ послѣднемъ спискѣ выраженіе *написахъ ти се* читается *написахъ сице*.

Мц҃а авгоуста въ а҃ днь празн҃оуемъ всем҃лтивомоу Хо҃у Бг҃оу нашемоу и преч҃тѣи его мт҃ри.

Вѣдѣти есть о се҃ на҃ возлюбленнаа братіа пантократорныи дн҃ь мл҃ти Бжіа праз҃ноуемъ. Бл҃гоч҃тивомꙋ и вѣрномоу цр҃ю нашемоу кн҃зю Ан҃рею оуставившоу с҃е праз҃новати со цр҃е҃ Маноуило҃ повелѣніемъ Лоуки патріар҃ха и митрополита Костѧнтина всеѧ Роуси и Нестера еп҃па Ростовьска҃. Маноуилоу ц҃рю мирно в҃любви и братолюбіи живоущꙋ съ бл҃гоч҃тивымъ кн҃земъ нашимъ Ан҃рѣе҃ слоучисѧ имъ въ единъ д҃нь изити на брань, ономоу изо ц҃рѧграда на Срацины, а семꙋ из Ростова на Болгары. Обычай же имѣаше кн҃зь Андрѣи егда к воеви (на брань, на бой) идѧхоу всегда чистою дш҃ею и иконоу вл҃чца нашеа Б҃ца пр҃нодв҃ыа Мр҃іа и Кр҃тъ прозвитера два въ с҃щенны҃ риза҃ ношахоу и тоу пріиметь ѿ с҃ты҃ таинъ плоти и крови Гн҃ѧ и соущіи с ни҃ гл҃ѧ се: Вл҃чце Бце родив҃ши Х҃а Бг҃а нашего оуповааи на тѧ весь не погибнеть. Азъ рабъ твои имѣю тѧ стѣноу и покровъ и Кр҃тъ Сн҃а твоего ѡроужіе на брани ѡбоюдꙋ ѡстро и ѡгнь ѡпалѧа лица противны҃ наши҃ хотѧщи҃ с нами брани. И падоша вси на колѣноу пр҃е ст҃ою Бц҃ею со слезами целоующе.

И (тогда) взѧша четыри городы Бол҃гарьскіа Е҃ и брѧхимовъ в (на) Камѣ и воротивсѧ ѿ сѣча вси и видѣша (всвѣтима) лоуча ѡгнены ѿ иконы Сп҃са нашего вл҃ки и Б҃га и весь полкъ его ѿ крытъ (окрестъ) ѡн же воротивсѧ ѡпѧть и попали городы ѡгнемъ и положи землю тꙋ поустоу а прочіи городи ѡсади дань платити. То҃ видѣніе Маноуилъ црь (видѣ оу себѣ) тамо видѣ въ единъ д҃нь августа въ а҃ праз҃новати оуставиша мл҃ти бж҃іа чл҃колюбіа яко же рече пророкъ его же хощю помилоую помилованъ боудеть и н҃нѣ вл҃ко тако покры всѧ люди р҃оускіа землѧ оуповающаа на тѧ тѣмъ вси припадае҃ ти гл҃юще Г҃и і҃се х҃е что ти воздамы ѡ всѣ҃ яже воздалъ еси на҃ веліи еси Г҃и и чюдна дѣла твоѧ и величію твоемꙋ н҃ѣ конца врѡ҃ и рѡ҃ восхвалѧтъ дѣла твоѧ бл҃вен҃ъ г҃ь б҃гъ иже недасть н҃а во плѣнъ враго҃ но҃ самъ призри на ны мл҃тію своею и чл҃колюбіе҃ защити ны и съ славою вознеси десницоу оуповающи҃ на тѧ и мт҃рьне моленіе оуслыша и помиловая люди своѧ мл҃тію ч҃лколюбіа своего ц҃ркви исполнисѧ славы своеѧ (твоея) вл҃ко юже яко дверь показалъ еси нб҃ноую на

земли в пеи^м ти сѧ молимъ глюще г҃и призри съ высоты нб҃се и виж^ь и посѣти винограда своего сверши еже насади десница твоѧ ст҃аа в^сѣ бо ѡчи вл^ко на тѧ оуповають твоеѧ мл҃ти и щедроты чающе хвалы и пѣніе славѣ твое҃и всылаемъ прослави самъ славою оуповающи^х на тѧ многоименитаго бг҃а и сп҃са наше҃ ты бо пр҃тлъ н҃бо имѣа по^ножіе землю призри мл҃тивныма своима ѡчима на всѧ люди оуповающаа на тѧ и на прч҃тоую твою м҃трь и на всѧ с҃тыа твоѧ иже пострадаша за имѧ твое ѡ н҃а грѣшны^х тебѣ моленіа приносѧщи^х.

Аз же написа^х ти се (сице) повелѣніемъ ц҃ря Маноуила и всего причта ц҃рковнаго да праз^ноуимъ обще вси м҃ца авгоу҃та въ а҃ д҃нь вседержителѧ г҃а б҃га нашего чл҃колюбца мл҃тію и ст҃ыа его м҃три блг^тію застоуплѧеми ѿ всѣ^х бѣдъ и болѣзни и ѿ вр҃а видимы^х и невидимы^х и побѣдоу ѿ неа (нею) имоущи на враги по велицеи ею мл҃ти праз^ноуемъ има вкоупѣ. Го҃у бго҃у нашемоу и прч҃теи его м҃три авгоу҃та въ а҃ дн҃ь Маковѣи оуставихомъ якоже и в Костѧнтинѣ градѣ оуставиша с҃тіи ѿци бл҃говѣрніи пантократоръ м҃лти бж҃іа и чл҃колюбіа тако и сіи праз^никъ оуставленъ бы҃ хоуды^м и грѣшны^м рабомъ Бжіи^м Андрѣемъ кн҃земъ сн҃омъ Георгіевы^м вноука Мономахова именемъ Володимера цр҃ѧ и кн҃зѧ всеѧ Роусіи.

ѿ многомл҃тиве вседръжителю неизреченне едине чл҃колюбче г҃и Бж҃е нашь. Прч҃тая г҃же бц҃е д҃во рож^ьшіа всѣ^х творца г҃а нашего чистаа Мт҃и бго҃у блвенаа поюща҃а тѧ вѣрою спс҃аи напасти и молвѹ ѿгонѧщи мл҃тивно яко (бг҃а) рожь^шіи все елико хощеши и свер҃шаеши не въ^бранно и можеши дв҃це еже не ѡсрамлѧета всѣ^х притѣкающи^х к вама со страхо^м с вѣрою и любовію. Тако и мнѣ грѣшномоу и недостои҃номоу рабоу твоему Ан^рею приложита не изреченныа мл҃ти своеѧ свыше посылающе ѿ тебе бо вл^ко и прч҃таа м҃ти Бж҃іа всѧко дааніе бл҃го и дари свершени посылаютсѧ оуповающимъ на тѧ с вѣрою всегда и в бесконечныи вѣкъ аминь.

Въ спискѣ Сказанія, изданномъ Обществомъ Древней Письменности (стр. 26) есть также упоминаніе отъ лица автора, но это позднѣйшая вставка, гдѣ авторъ молится только о своихъ грѣхахъ, чтобы Господь направилъ его на стезю покаянія — „И мнѣ многогрѣшному, говоритъ онъ, дай Господи преже конца покаяніе, зане согрѣшихъ паче Содома и Гомора и отгнахъ отъ себѣ ангела Хранителя моего“, — послѣ чего и слѣдуетъ рѣчь: Азъ же написахъ повелѣніемъ царя Манупла и пр. Очевидно, что это писалъ уже другой авторъ, пересочинявшій древнее сказаніе для своихъ собственныхъ богомольныхъ цѣлей. Такая вставка очень напоминаетъ многія сокрушенія о своихъ

грѣхавъ у царя Ивана Вас. Грознаго, который могъ помѣстить въ Сказаніе и эту вставку. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что въ тотъ же день, 1 августа, въ царскомъ быту совершалось царями торжественное купанье послѣ освященія на рѣкѣ воды несомнѣнно съ благочестивыми помышленіями, что омовеніе въ благословенной водѣ очищаетъ и содѣянные грѣхи. Соотвѣтственно этому бытовому значенію празднества Грозный царь могъ присовокупить и свое моленіе о покаяніи и прощеніи грѣховъ.

Относительно подобныхъ вставокъ и всегдашнихъ разнорѣчій въ спискахъ старыхъ рукописей должно вообще замѣнить, что наши переписчики книгъ никогда не бывали настоящими копіистами, но всегда были и редакторами тѣхъ статей, которыя списывали, неотмѣнно переставляя слова или приставляя надобныя по ихъ мнѣнію рѣченія для полноты или ясности, а затѣмъ и пересочиняя самый текстъ, особенно въ рѣченіяхъ молитвенныхъ, гдѣ требовалось извѣстное риторство.

Если предлагаемое здѣсь Сказаніе объ установленіи празднованія 1 августа все написано самимъ кн. Андреемъ, то въ немъ заслуживаетъ особаго вниманія титулъ *царя*, присвоенный князю въ первыхъ же строкахъ, въ видѣ заглавія, гдѣ онъ прямо именуется „благочестивымъ и вѣрнымъ царемъ“, даже и безъ прибавки титула княжескаго. Въ концѣ Сказанія царемъ и княземъ *всея* Русіи именуется и дѣдъ Андрея, Мономахъ. Это обстоятельство можетъ наводить на мысль, что Сказаніе писано уже въ позднее время, напр., въ XVI ст., когда царскій титулъ такъ страшно былъ утвержденъ во всенародномъ умѣ дѣяніями царя Ивана Вас. Грознаго.

Конечно, въ XII ст. народъ, да и сами князья, живя раздѣльными особняками, не имѣли еще должнаго понятія о государственномъ единствѣ, которое носилось еще такъ сказать въ воздухѣ, въ одномъ только дорогомъ имени: *Русская Земля*. За нее и для нея достославно всѣ и умирали. Еще меньше понятій существовало о государственной *единой* власти, выражаемой именемъ царя, которую, въ своихъ отношеніяхъ, раздѣльные независимые особняки не подпускали къ себѣ ни на одинъ шагъ. Такъ было въ между-княжескомъ житейскомъ быту. Но вмѣстѣ съ тѣмъ идея царской власти была хорошо извѣстна всѣмъ грамотнымъ людямъ того вѣка, потому что эта идея съ достаточною ясностію распространялась всею *книжностію*, иначе сказать, всею тогдашнею образованностію. И сами князья хорошо понимали, что значило царствовать въ своей волости. Покрайней мѣрѣ, отецъ Андрея, Юрій Долгорукій, уже употреблялъ это выраженіе, предлагая однажды своему сопернику Изяславу миръ на условіи: „Дай мнѣ Переяславль, а ты сѣди *царствуя* въ Кіевѣ“. (Ип., 43).

О самомъ князѣ Андреѣ лѣтописецъ выразился, что онъ „правдивый и благовѣрный князь, укротилъ горделиваго епископа Ѳедора рукою крѣпкою, мышцею высокою, рукою благочестивою *царскою*“ (Лавр., 152).

Очевидно, что *царская рука* уже обозначала правдивую крѣпкую самодержавную власть, чѣмъ и былъ знаменитъ кн. Андрей и за что, нѣтъ сомнѣнія, онъ и погибъ преждевременно. Исполненный идеями о такой власти, кн. Андрей, не обинуясь, могъ приписывать себѣ, хотя бы въ третьемъ лицѣ, и царскій титулъ, чему, вѣроятно, не мало способствовали и его дружескія сношенія съ царемъ Мануиломъ.

Въ заключеніе упомянемъ, что установленіе празднества не могло произойти раньше 1167 г., когда упоминаемый въ Сказаніи кіевскій митрополитъ Константинъ II, грекъ, только что прибылъ въ Кіевъ; а также и не позже 1169 года, когда упоминаемый также въ Сказаніи Ростовскій епископъ Несторъ, по всему вѣроятію, скончался и мѣсто его самовольно захватилъ упомянутый Ѳедоръ или Ѳедорецъ, не хотѣвшій ставиться на епископство у кіевскаго митрополита, и впослѣдствіи за свое буйство жестоко наказанный.

Такимъ образомъ, празднованіе могло установиться только въ 1168 г., когда, по всему вѣроятію, кн. Андрей и написалъ свое Сказаніе. Имѣя въ виду этотъ его трудъ, можно предполагать, что и Сказаніе о первоначальныхъ чудесахъ Владимірской Богородичной иконы, было составлено также при его участіи, какъ это можетъ обозначаться лично до него касающимися обстоятельствами чудесныхъ событій, о чемъ мы говорили выше.

Ив. Забѣлинъ.

II

Къ исторіи города Герцеке въ Ливоніи.

Въ исторіи Россіи весьма важнымъ является XIII вѣкъ: въ теченіе его совершаются событія, которымъ было суждено съиграть рѣшающую роль въ дальнѣйшемъ развитіи какъ процесса сложенія русскаго государства, такъ и общаго направленія его культуры. Въ то время какъ въ сѣверо-восточныхъ областяхъ начинаетъ крѣпнуть новое ядро, вокругъ котораго остальнымъ областямъ Россіи было суждено со временемъ сгруппироваться и образовать единое, могущественное государ-

ственное цѣлое — силамъ Россіи наносятся два крупныхъ удара почти одновременно съ востока и съ запада. Въ 1224 году происходитъ знаменитая битва при Калкѣ, которою открывается печальная глава русской исторіи — эпоха татарскаго ига, и въ этомъ же году паденіемъ Юрьева-ливонскаго окончательно завершается покореніе восточно-балтійскаго побережья нѣмцами, -- покореніе, благодаря которому Россія оказалась отрѣзанной отъ Балтійскаго моря въ теченіе почти полтысячелѣтія.

Исторія покоренія балтійскаго края нѣмцами представляетъ много интересныхъ страницъ: подъ медленнымъ, но неуклоннымъ наступательнымъ движеніемъ западныхъ пришельцевъ постепенно падаетъ свобода и культура туземцевъ; падаютъ одинъ за другимъ и русскіе города, бывшіе въ краѣ очагами вліянія и центрами распространенія власти русскихъ. Здѣсь въ теченіе слишкомъ четверти вѣка происходитъ упорная борьба двухъ цивилизацій, — одной, направлявшейся съ востока къ западу, другой, двигавшейся противоположнымъ путемъ; обѣ энергично оспаривали другъ у друга право на владѣніе областью, составляющую въ настоящее время Эстляндскую и Лифляндскую губерніи, пока наконецъ движенію съ востока не была поставлена на долго сильная преграда.

Одну изъ страницъ этой исторіи составляетъ эпизодъ о паденіи Герцеке — русскаго города на западной Двинѣ.

Судоходство по Двинѣ въ значительной степени затруднено многочисленными порогами. Валуны, каменистыя мели мѣшаютъ свободному теченію рѣки. Въ недалекомъ разстояніи отъ Двинска пороги становятся особенно частыми: въ 6 верстахъ выше Креславки находится заборапереръѣзъ *Закладня*, расположенная грядою поперекъ рѣки. У самой Креславки, много пороговъ; здѣсь фарватеръ извилистъ и узокъ. Далѣе слѣдуютъ еще пять пороговъ и, недалеко отъ Двинска, рѣка, наконецъ, выходитъ изъ стремнинъ и течетъ спокойно. Это такъ называемое Динабургское плесо; оно тянется, приблизительно, верстъ на 70. Затѣмъ за Ливенгофомъ снова начинаются опасные пороги [1]). На Динабургскомъ плесѣ, въ 18 верстахъ выше ливенгофскихъ пороговъ, среди невысокихъ береговъ Двины возвышается крутой холмъ, около 45 ф. высоты, на землѣ, принадлежащей къ имѣнію Шлосбергъ (около усадьбы). Съ южной и юго-западной стороны холмъ омывается Двиной, съ сѣверной и сѣверо-восточной — онъ окруженъ рвомъ, а западную сторону его омываетъ ручей Истокъ [2]). Вершина холма ровная и представляетъ непра-

---

[1]) А. Сапуновъ. Рѣка Западная Двина, стр. 153, 154.

[2]) Также *Истикке* (Сб. мат. и статей по ист. Прибалт. края, II, 179).

вильный овалъ или, пожалуй, закругленный треугольникъ; въ наибольшемъ поперечникѣ онъ имѣетъ 310 ф., въ наименьшемъ — 274 ф.; окружность вала 950 ф. Мѣстные жители называютъ его просто— Pilskalns — т. е. замковая гора, — имя, которое латыши обыкновенно употребляютъ для обозначенія древнихъ городищъ; нѣкоторые, впрочемъ, мѣсто между рвомъ и ручьемъ Истокомъ называютъ *Герзакъ* или *Бирзакъ* [3]). Долгое время никто не обращалъ вниманія на этотъ холмъ и никто не думалъ, что это — остатки укрѣпленія (кремля) русскаго города Герцеке. Нѣмецкіе изслѣдователи балтійскихъ древностей искали мѣстоположеніе его въ другихъ частяхъ балтійскаго края. Нѣкоторые думали, что Герцеке лежалъ при сліяніи Евсты съ Двиной, у Штокмансхофа, другіе, что современный Крейцбургъ стоитъ либо на мѣстѣ, либо въ непосредственной близости отъ древняго Герцеке. Наконецъ, настоящее положеніе его было доказано трудами гр. Борха и, главнымъ образомъ г. Дёринга.

Шесть съ половиной столѣтій тому назадъ вокругъ забытаго и пустыннаго нынѣ холма стоялъ пригородъ, а на самомъ холмѣ возвышался „городъ" въ непосредственномъ смыслѣ этого слова, т. е. укрѣпленіе; въ немъ имѣлъ мѣстопребываніе русскій князь съ дружиной, властвуя надъ Двиной и надъ окрестнымъ населеніемъ. Мракъ, который окутываетъ исторію этого города, разсѣевается на короткій срокъ, затѣмъ исторія о немъ забываетъ совершенно, и даже имя его не сохраняется въ памяти потомства. Русскія лѣтописи ничего о Герцеке не говорятъ; мы ничего не знаемъ о времени его возникновенія. Нѣмецкія хроники освѣщаютъ лишь краткую эпоху его существованія и только постольку, поскольку этотъ городъ, какъ оплотъ русскаго владычества на Западной Двинѣ, игралъ роль въ исторіи покоренія края нѣмцами. Само имя его Герцеке (Gerceke, Gerzeke,—ika,—ike, Gersike, Gertzichen, Gerseken и пр.), несомнѣнно искажено. Не безъ основаній, впрочемъ, Пабстъ, переводчикъ хроники Генриха Латышскаго, видитъ въ этомъ имени искаженіе слова *городище;* часть Новгорода въ нѣмецкихъ хроникахъ называется также *Герцеке*, *Горцеке* и пр. [4]). Во всякомъ случаѣ, съ полнымъ вѣроятіемъ можно сдѣлать предположеніе, что городъ носилъ названіе Городища, Города, Городца, Городка или другое аналогичное. Подобныя имена носились многими городами древней Руси; въ настоящее время подобными именами названы многія селенія, расположенныя либо на мѣстѣ древнихъ укрѣпленныхъ пунктовъ, либо въ непосредственной близости отъ нихъ. Наконецъ, и въ настоящее время извѣстны уѣздные

---

[3]) Ib., стр. 469.

[4]) Heinrich's v. Lettland Livländ. Chronik, c. VIII, § 8 примѣч.

города съ аналогичными именами, напр., Городище (Пензенской губ.) Городня (Черниговской губ.), Городокъ (Витебской губ.) [5]).

Появленіе русскаго города на среднемъ теченіи Двины является вполнѣ естественнымъ, если принять во вниманіе, что эта рѣка оказывалась наиболѣе удобнымъ путемъ для Полоцка въ стремленіи его князей расширить область своихъ владѣній. Кромѣ Герцеке извѣстенъ еще другой городъ—Кокенойсъ (совр. Кокенхузенъ), лежащій въ недалекомъ разстояніи отъ Риги и находившійся въ началѣ XIII в. въ русскихъ рукахъ. Слѣдуетъ также имѣть въ виду важную роль, которую играла р. Зап. Двина въ исторіи торговли Запада съ Востокомъ. Археологическія изысканія даютъ право утверждать, что, по крайней мѣрѣ, съ начала первыхъ вѣковъ нашей эры торговля двигалась уже по Западной Двинѣ. На берегахъ ея, какъ въ могильникахъ, такъ и при случайныхъ раскопкахъ, было находимо много римскихъ монетъ, начиная съ I вѣка по Р. Х. Съ VIII вѣка, когда торговля востока съ западомъ становится особенно оживленной, масса арабскихъ, византійскихъ, англо-саксонскихъ, англо-датскихъ, нѣмецкихъ и пр. монетъ, находимыхъ на берегахъ Западной Двины доказываетъ, что эта рѣка вполнѣ получила значеніе одной изъ главныхъ артерій, по которой торговля направлялась черезъ русскія области на западное и южное побережья Балтійскаго моря и обратно. Дѣйствительно, изъ всѣхъ рѣкъ, прорѣзывающихъ современныя балтійскія губ., Западная Двина является наиболѣе удобнымъ водянымъ путемъ изъ Россіи въ Балтійское море.

Въ 1202 г. нѣмцы окончательно завладѣваютъ устьемъ Двины и укрѣпляютъ свое господство надъ этими воротами въ западныя страны построеніемъ Риги, а въ 1203 г. мы находимъ первое упоминаніе о Герцеке: полоцкій князь совершаетъ нападеніе на Икскюль (Ykeskole), первое мѣсто поселенія нѣмцевъ на восточныхъ берегахъ Балтики, а князь (rex) Герцеке одновременно идетъ противъ только что возникшей Риги; „онъ похитилъ съ пастбищъ скотъ горожанъ, увелъ въ плѣнъ двухъ священниковъ Іоанна изъ Фехте и Волькхарда изъ Харпенштеде, которые на старой горѣ рубили лѣсъ съ пилигриммами, и убилъ Теодориха Брудегаме, который погнался за нимъ съ горожанами“. Такъ описываетъ этотъ походъ первый лѣтописецъ новыхъ пришельцевъ, современникъ разсказываемыхъ событій, Генрихъ Латышскій.

---

5) И. Бѣляевъ, Исторія Полотска (стр. 15), предполагаетъ, что Герцеке (Герсикъ) правильнѣе называть Берсикъ «можетъ быть Бережки или Берестье, перепутанныя латышомъ лѣтописцемъ». Это предположеніе Бѣляева основано на томъ, что въ позднѣйшее время встрѣчается форма *Берсикъ*, но, какъ въ хроникѣ Генриха латышскаго, такъ и въ актахъ XIII в.—первыхъ по времени источниковъ, говорящихъ объ этомъ городѣ, онъ встрѣчается подъ формой Герцеке.

Этотъ походъ является первымъ враждебнымъ столкновеніемъ русскихъ съ пришедшими въ край нѣмцами: хотя онъ и не имѣлъ никакихъ рѣшающихъ послѣдствій, но имъ открывается длинный рядъ почти непрерывныхъ походовъ изъ-за борьбы за обладаніе балтійскимъ краемъ; поэтому онъ требуетъ нѣкотораго поясненія. Слѣдуетъ вспомнить, что когда въ 1184 г. нѣмцы впервые появились на устьяхъ Двины подъ предводительствомъ Мейнгардта, они просили у полоцкаго князя разрѣшенія поселиться, такъ какъ признавали его владѣтельныя права на эту область. Разрѣшеніе было дано; первые насельники-нѣмцы въ началѣ не преслѣдовали никакихъ цѣлей, кромѣ обращенія туземцевъ въ христіанство, и отчасти торговыхъ; но туземцы крестились неохотно, часто отпадали отъ христіанства, наконецъ дѣлали нападенія на нѣмцевъ. Это вызывало репрессаліи со стороны послѣднихъ и, когда въ Ливонію прибылъ епископъ Альбертъ, то просвѣщеніе язычниковъ христіанствомъ въ скоромъ времени сдѣлалось лишь предлогомъ для расширенія области нѣмецкаго владычества на востокѣ. Въ разсчеты полоцкихъ князей не могло входить имѣть чужеземнаго сосѣда, который отнималъ у нихъ и земли и доходы, получаемые отъ дани съ туземцевъ, ограничивалъ сферу ихъ вліянія, и, наконецъ, захватывалъ ключъ къ выходу въ море главнаго торговаго пути. Походъ полоцкаго и герцекскаго князей и имѣлъ, повидимому, цѣлью уничтожить въ корнѣ нарождающееся и, въ то время, еще незначительное могущество нѣмцевъ взятіемъ двухъ главныхъ ихъ крѣпостей—Икскюля и Риги.

Мы видѣли, что въ этомъ походѣ принимаетъ участіе князь Герцеке. Хотя Генрихъ Латышскій и называетъ его, какъ и полоцкаго князя—*rex*, слово, которое онъ употребляетъ для обозначенія самостоятельныхъ владѣтелей, въ отличіе отъ *regulus*, которымъ означаются имъ мелкіе удѣльные князья, между прочимъ и князь Кокенойскій—Вячко, тѣмъ не менѣе, вѣроятно, Герцеке былъ лишь удѣльнымъ городомъ полоцкаго княжества; на эту мысль наводитъ: 1) то, что князь Герцеке всегда дѣйствуетъ за-одно съ полоцкимъ и 2) что первые насельники нѣмцы за разрѣшеніемъ поселиться на Двинѣ обратились къ полоцкому князю, чего-бы они не сдѣлали, если бы на Двинѣ, между ея устьемъ и Полоцкомъ лежало самостоятельное русское княжество.

Въ моментъ, когда лучъ исторіи падаетъ на Герцеке, онъ былъ центромъ извѣстной области. Современныя хроники молчатъ объ этомъ, но нѣсколько позже, изъ грамоты отъ 1209 [6]) мы узнаемъ, что часть владѣній герцекскаго князя составляли городъ (urbs) Антина, Цеессове

---

[6]) Bunge, Urkundenbuch, I. № 15.

(Zeessowe) и „другія мѣстности". Далѣе, въ грамотѣ отъ 1212 г. часть этой области, отошедшая въ это время уже подъ власть нѣмцевъ, состояла изъ Асцуте, укрѣпленія Лепене, и деревень (villae) въ предѣлахъ Бебнине. Бунге, опубликовавшій указанныя грамоты, замѣчаетъ, что названія мѣстности настолько искажены, что возстановить ихъ настоящее правописаніе почти слѣдуетъ считать невозможнымъ; вслѣдствіе этого въ современныхъ названіяхъ мѣстности нельзя найти тѣхъ, которыя разумѣлись въ грамотѣ 1212 [7]). Но для насъ важно лишь то, что Герцеке не былъ изолированной крѣпостью, только форпостомъ на Двинѣ—что онъ былъ также центромъ удѣла, что власть, сидѣвшаго въ немъ князя, распространялась на окрестныя земли.

Князя, котораго нѣмцы застали въ Герцеке и которому было суждено видѣть окончательную гибель роднаго города, нѣмецкія хроники называютъ Wiscewalde, Vissewalde; въ грамотѣ 1209 г. онъ названъ болѣе точно Wiscewolodo—имена, въ которыхъ не трудно узнать русское имя Всеволодъ.

Хроники сохранили намъ также извѣстіе, что Всеволодъ герцекскій былъ женатъ на литовкѣ. Арндтъ, собравшій въ XVIII вѣкѣ всѣ доступныя въ то время историческія свѣдѣнія о Ливоніи, пишетъ, безъ указаній, впрочемъ, источниковъ, что князь Всеволодъ былъ женатъ на дочери одного изъ литовскихъ владѣтелей, Свелегатена, и наслѣдовалъ ему въ Герцеке [8]). Съ этимъ указаніемъ не сходятся свѣдѣнія, сообщаемыя Генрихомъ Латышскимъ—единственнымъ достовѣрнымъ источникомъ для исторіи монаховъ и рыцарей въ Ливоніи въ первую четверть XIII вѣка.

Согласно этому источнику, Всеволодъ былъ женатъ на дочери литовца Даугеруте, который въ 1213 г. былъ взятъ нѣмецкими рыцарями въ плѣнъ, въ надеждѣ на полученіе выкупа, но такъ какъ родственники и друзья Даугеруте медлили выкупомъ, то онъ, по показанію лѣтописца, самъ закололъ себя мечомъ. Генрихъ Латышскій также молчитъ о томъ, что Герцеке перешолъ во власть Всеволода изъ литовскихъ рукъ, напротивъ того, если судить по другому указанію того же лѣтописца, какъ самъ Всеволодъ, такъ и рижскій епископъ считали этотъ городъ отчиной князя. Приведенныя свѣдѣнія Арндта, которымъ онъ, впрочемъ, самъ не придаетъ большаго значенія, вѣроятно, заимствованы имъ изъ позднѣйшихъ источниковъ, и не могутъ считаться

---

7) Bunge, Urkundenbuch. I, № 23. Нѣкоторые, впрочемъ, въ Лепене видятъ современный Крейцбургскій Ливенгофъ (Сб. мат. и статей по исторіи прибалтійскаго края. II. Ст. 180).

8) Arndt. Livländische. Chronik, I, 1747 p. 75.

достовѣрными. Кромѣ того, нѣмцевъ католиковъ поражалъ фактъ женитьбы русскаго христіанина на язычницѣ-литовкѣ, да и самъ Арндтъ, повидимому, считаетъ этотъ фактъ изъ ряда вонъ выходящимъ и какъ бы относится къ нему неодобрительно. Но браки русскихъ князей съ разноплеменными язычницами были вообще не рѣдки въ тѣ времена; къ тому же Литва въ то время начинала накоплять силы для созданія государственнаго организма и постепенно пріобрѣтала значеніе сильнаго и могучаго сосѣда. Литовцы часто дѣлали набѣги за Двину, грабили жителей, опустошали страну и наводили такой страхъ на населеніе края, что лѣтописецъ считаетъ возможнымъ изобразить положеніе страны слѣдующими чертами: „Литовцы были на столько господами надъ всѣми народами въ этихъ странахъ (Лифляндіи и Эстляндіи), какъ надъ христіанами такъ и надъ язычниками, что лишь немногіе рѣшались жить въ своихъ маленькихъ деревняхъ, въ особенности же латыши. Они всегда оставляли дома свои запустѣлыми и спѣшили въ мрачныя убѣжища, въ лѣса, но и тамъ они не могли избѣгнуть литовцевъ: эти послѣдніе слѣдили за ними безпрестанно и въ лѣсахъ схватывали ихъ, однихъ убивали, другихъ уводили въ плѣнъ въ свою страну и брали все ихъ имущество. И русскіе также бѣжали чрезъ лѣса и деревни передъ лицомъ литовцевъ, даже немногихъ, какъ зайцы бѣгутъ передъ лицомъ охотниковъ; и были ливы и латыши добычей и пищей литовцевъ, какъ овцы въ пасти волковъ, когда овцы безъ пастыря [9]).

При подобномъ положеніи дѣлъ естественно было желаніе брачными узами сдѣлать безопаснымъ воинственнаго сосѣда, нападавшаго безпрестанно на области, принадлежавшія русскимъ князьямъ и платившія имъ дань. Мы дѣйствительно видимъ впослѣдствіи кн. Всеволода всегда въ союзѣ съ литовцами.

О самомъ городѣ мы знаемъ немногое: несомнѣнно лишь то, что онъ представлялъ довольное сильное укрѣпленіе, что въ немъ было нѣсколько церквей, и что, повидимому, онъ былъ богатъ. Населеніе его вѣроятно составляли русскіе и туземцы-латыши.

Въ 1208 г. палъ Кокенойсъ: полоцкій князь не поддержалъ этотъ форпостъ русскаго владычества на Двинѣ и князь Вячко (Вячеславъ), не будучи въ состояніи держаться противъ нѣмцевъ, сжегъ свой городъ и ушелъ въ Россію.

Затѣмъ очередь пришла за Герцеке. Относительно паденія этого послѣдняго отъ XIII в. сохранилось два извѣстія.

Въ риѳмованной хроникѣ Альнпеке паденіе Герцеке описывается

---

[9]) Heinrich's von Lettland Livländische Chronic. 1209 г., c. XIII, § 4.

слѣдующимъ образомъ: при магистрѣ Винне рыцарь Хартмутъ изъ Ашерадена (мѣстность на Двинѣ), „собралъ лучшихъ людей вокругъ себя, желая совершить съ ними походъ такой, чтобы вдовы и сироты послѣ него подняли жалобные крики. Они поспѣшили вверхъ по Двинѣ.... Однажды рано утромъ пришли они къ Герцеке, взяли крѣпость, убили не одного храбраго мужа, такъ, что онъ кричалъ ахъ и увы, разбудили многихъ ото сна и разрубили имъ головы. Это была настоящая рыцарская поѣздка, во время которой шестьсотъ русскихъ было убито, а жены и дѣти ихъ уведены. Братья (ордена меченосцевъ) радовались этому и съ богатствомъ, безъ стыда, вернулись въ свою страну на корабляхъ и по сушѣ. Такимъ образомъ поѣздка кончилась хорошо для бѣднаго христіанства, а они (т. е. рыцари) жили со славой“ [10]).

Альнпеке, писавшій свою риѳмованную хронику во 2-й половинѣ XIII вѣка слилъ взятіе Герцеке съ какимъ нибудь походомъ Хартмута. О послѣднемъ современникъ паденія Герцеке—Генрихъ Латышскій ничего не говоритъ и описываетъ взятіе этого города иначе. Показаніе Генриха Латышскаго находитъ себѣ извѣстное подтвержденіе и въ немногихъ грамотахъ XIII в. въ которыхъ упоминается о Герцеке.

Враждебныя отношенія между русскими и нѣмцами, открывшіяся походомъ 1203 г., продолжались. Въ 1206 г. полоцкій князь предпринимаетъ большой походъ противъ Икскуля и другаго нѣмецкаго укрѣпленія—Холмъ. Между нѣмцами и кокенойскимъ княземъ Вячко начинаются враждебныя отношенія, которыя кончаются паденіемъ Кокенойса. Принималъ ли Всеволодъ участіе въ совершавшихся событіяхъ неизвѣстно. Поводами, однако, къ войнѣ нѣмцевъ съ княземъ Всеволодомъ Генрихъ Латышскій выставляетъ то, что князь Герцеке былъ враждебенъ христіанамъ, въ особенности латинянамъ, что онъ жилъ въ дружбѣ съ Литвою, часто предводительствовалъ ихъ войскомъ, содѣйствовалъ переправѣ Литвы черезъ Двину и снабжалъ ихъ припасами при ихъ походахъ, какъ на Русь, такъ и на Лифляндію и Эстляндію. „Герцеке, продолжаетъ лѣтописецъ всегда былъ ловушкой и какъ бы большимъ дьяволомъ для всѣхъ обитателей на этой сторонѣ Двины, какъ для крещеныхъ, такъ и для некрещеныхъ, и князь Герцеке безпрестанно совершалъ враждебныя дѣйствія противъ рижанъ и воевалъ съ ними и презиралъ вступать съ ними въ мирные переговоры“. Повидимому князь Всеволодъ понималъ опасность, которая грозила отъ возрастающаго могущества нѣмцевъ и всѣми силами старался имъ противодѣйствовать.

---

10) Alnpeke. Reimchronik (Riga 1853), стр. 534.

Въ 1209 г. епископъ Альбертъ собралъ войско изъ всѣхъ частей земли ливовъ и земли латышей и съ рижанами и пилигримами и „со всѣмъ народомъ своимъ“ двинулся къ Кокенойсу, а оттуда къ Герцеке. Когда нѣмецкое войско приблизилось къ Герцеке, русскіе вышли передъ городскія ворота. Произошла битва; русскіе не выдержали натиска и побѣжали; по ихъ слѣдамъ нѣмцы черезъ ворота ворвались въ городъ. „Изъ уваженія къ христіанскому имени, пишетъ при этомъ лѣтописецъ, нѣмцы убивали лишь немногихъ, брали большинство въ плѣнъ и охотно предоставляли имъ возможность спасаться бѣгствомъ. Взявши городъ они щадили женщинъ и дѣтей и многихъ взяли въ плѣнъ“. Въ руки побѣдителей досталась и княгиня, жена князя Всеволода, съ ея женской прислугой; ее передали въ руки епископа. Князь спасся, переплывъ на другой берегъ Двины.

Нѣмецкое войско цѣлый день предавалось грабежу и набрало большую добычу, собирая „со всѣхъ концовъ города одежды и серебро и пурпуръ и скотъ въ большомъ количествѣ и, взявши изъ церквей колокола и иконы, и украшенія, и деньги и прочее добро въ изобиліи, они потащили съ собой, благославляя Бога, что Онъ даровалъ имъ неожиданную побѣду противъ супротивниковъ безъ урона для побѣдителей“. Ограбленіе города продолжалось и на слѣдующій день. Послѣ этого нѣмцы, прежде чѣмъ окончательно покинуть городъ, зажгли его.

Затѣмъ, совершивъ раздѣлъ добычи, они подъ предводительствомъ епископа Альберта вернулись съ плѣнными въ Ригу.

Такимъ образомъ произошло первое разореніе Герцеке. Изъ источниковъ не выясняется, почему нѣмцы не завладѣли окончательно городомъ, какъ они сдѣлали съ Кокенойсомъ, а наоборотъ вступили въ переговоры съ побѣжденнымъ княземъ. Былъ ли это страхъ передъ тѣмъ, какъ взглянетъ на такое нападеніе нѣмцевъ на Герцеке полоцкій князь, съ которымъ нѣмцы завели уже мирные переговоры, или они боялись, что кн. Всеволодъ отмститъ съ помощью Литвы за свое униженіе; не слѣдуетъ также упускать изъ виду, что взятіемъ Герцеке власть Всеволода потерпѣла сильный ударъ, но не была уничтожена: въ его распоряженіи были еще укрѣпленные пункты и слѣдовательно онъ могъ продолжать войну. Какъ бы то ни было, но епископъ Альбертъ, возвратившись въ Ригу, вступилъ въ переговоры съ герцекскимъ княземъ: ему было сообщено, что онъ безопасно можетъ пріѣхать въ Ригу заключить миръ и возвратить плѣнниковъ. Условія мира сравнительно не были тяжелы. Епископъ требовалъ, чтобы Всеволодъ впредь избѣгалъ сообщества язычниковъ, посредствомъ ихъ (т. е. литовцевъ) не разорялъ латинскую церковь, а также не пропускалъ литовцевъ для разо-

ренія русскихъ областей. Это послѣднее требованіе нѣсколько странно, такъ какъ новые пришельцы все время сами стремились къ постепенному ослабленію русскихъ силъ въ краѣ, и поэтому разореніе русскихъ областей литовцами съ поддержкой герцекскаго князя шло лишь на встрѣчу желаніямъ новыхъ колонизаторовъ. Мы не можемъ съ полнымъ довѣріемъ отнестись къ этому мѣсту лѣтописи: если Всеволодъ и поддерживалъ литовцевъ противъ русскихъ, то это могло имѣть мѣсто лишь по отношенію къ новгородскимъ или псковскимъ владѣніямъ, а отнюдь не къ полоцкимъ, такъ какъ герцекскій князь, повидимому, былъ подчиненъ полоцкому и во всякомъ случаѣ являлся его союзникомъ. Междоусобныя же войны между князьями съ помощью инородческихъ сосѣдей не являются въ русской исторіи рѣдкостью. Пощадивши какъ самого герцекскаго князя, такъ и, какъ это мы увидимъ, часть его владѣній, нѣмцы дѣлали пріятное полоцкому князю. Заставляя Всеволода отказаться отъ союза съ литовцами противъ новгородцевъ или псковичей, если только этотъ пунктъ договора дѣйствительно существовалъ, епископъ вѣроятно хотѣлъ примирить съ собою Псковъ или Новгородъ, который въ то время собирался отразить нѣмецкія притязанія на принадлежащія ему въ предѣлахъ современныхъ Лифляндской и Эстляндской губ. земли и на слѣдующій годъ совершилъ подъ предводительствомъ князя Мстислава опустошительный походъ на Оденпэ (Медвѣжью Голову).

Далѣе епископъ требовалъ, чтобы герцекскій князь передалъ всѣ свои владѣнія въ собственность молодой ливонской церкви, но такъ, чтобы получить ихъ (по крайней мѣрѣ бо̀льшую часть) обратно отъ епископа на ленныхъ правахъ; онъ долженъ былъ жить въ мирѣ съ епископомъ, а за это епископъ возвращалъ ему плѣненную княгиню, всѣхъ прочихъ плѣнниковъ и обѣщалъ ему поддержку противъ враговъ.

При томъ положеніи, въ которомъ находился Всеволодъ, онъ охотно принялъ всѣ условія мирнаго договора. Договоръ былъ принудительный, и князь, возвративши себѣ свои владѣнія хотя бы и на ленныхъ правахъ, суть которыхъ едва ли была особенно ясна уму русскаго князя XIII в., возросшаго въ совершенно другихъ условіяхъ и смотрѣвшаго кромѣ того на Герцеке какъ на свою отчину,—могъ всегда надѣяться стряхнуть съ себя ярмо зависимости отъ нѣмцевъ.

Въ Ригѣ у церкви св. Петра, при торжественной обстановкѣ произошло заключеніе договора и передача отчины князя ему во владѣніе изъ рукъ епископа. Грамота, относящаяся къ этому событію, дошла до насъ. Приводимъ ее въ переводѣ: „Во имя святой и нераздѣльной Троицы. Аминь. Альбертъ, Божіей милостью епископъ рижскій... Доводя до свѣ-

дѣнія потомковъ то, что совершено въ наши дни, мы объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ во Христѣ, какъ живущимъ въ настоящее время такъ и будущимъ, какимъ образомъ щедрое Божіе милосердіе, которое до сихъ поръ содѣйствовало успѣху новаго насажденія ливонской церкви, продолжая ему содѣйствовать, заставило покориться намъ Всеволода, князя (rex) Герцеке. Именно придя въ Ригу, въ присутствіи многочисленной знати, духовенства, воиновъ и купцовъ, тевтонскихъ, русскихъ и ливонскихъ, онъ передалъ въ даръ церкви блаженной Матери Божіей и Дѣвы Маріи [11]) на законномъ основаніи, городъ Герцеке, свою отчину съ землей и со всѣми угодьями, прилежащими къ этому городу; тѣхъ же изъ своихъ данниковъ, которые приняли вѣру отъ насъ, онъ передалъ намъ свободными вмѣстѣ съ ихъ данью и землею, а именно городъ Антина, Цессове и прочіе города, обращенные въ вѣру. Затѣмъ вышеупомянутый городъ вмѣстѣ съ землею и прилежащими угодьями онъ торжественно получилъ изъ нашихъ рукъ въ пользованіе съ тремя хоругвями. (Слѣдуютъ подписи свидѣтелей). Совершено сіе въ годъ отъ Р. Хр. 1209 на церковной землѣ св. Петра въ Ригѣ при папѣ Иннокентіи III, въ царствованіе славнѣйшаго императора Оттона, въ 11-й годъ нашего епископскаго служенія" [12]).

Получивъ свои владѣнія обратно, Всеволодъ возвратился къ себѣ. Вокругъ него снова собрались тѣ, которые убѣжали при неожиданномъ нашествіи нѣмцевъ. Князь приступилъ къ отстройкѣ разрушеннаго Герцеке, но продолжалъ помогать литовцамъ противъ нѣмцевъ и побуждалъ Литву отнять у нихъ захваченный ими Кокенойсъ, въ которомъ нѣмцы успѣли уже стать твердой ногой и укрѣпиться.

Герцеке являлся теперь такъ сказать нейтральнымъ владѣніемъ между областью, отвоеванной нѣмцами, и Полоцкимъ княжествомъ. Въ немъ сидѣлъ русскій православный князь съ своею дружиной, но онъ былъ въ зависимости отъ католическаго епископа въ Ригѣ. Такое положеніе его вѣроятно объясняетъ фактъ, почему именно Герцеке былъ избранъ мѣстомъ свиданія между полоцкимъ княземъ Владиміромъ и епископомъ Альбертомъ. Хотя между Полоцкомъ и рижской епископіей и былъ заключенъ мирный договоръ въ 1210 г., но вслѣдствіе тревожнаго положенія края, поступательнаго движенія нѣмцевъ, снова появились недоразумѣнія между русскими и нѣмцами; рѣшили эти недоразумѣнія покончить личнымъ свиданіемъ князя и епископа. Въ 1212 г. подъ Герцеке съѣхались епископъ Альбертъ изъ Риги, и прибылъ полоцкій

---

[11]) Ливонская церковь была поставлена Альбертомъ подъ особое покровительство Пресв. Дѣвы.

[12]) Bunge, Urkundenbuch, I, № 15.

князь Владиміръ. Послѣ переговоровъ, грозившихъ подчасъ сдѣлаться бурными, обѣ стороны сошлись наконецъ въ условіяхъ мира. Это свиданіе подъ Герцеке интересно для исторіи Балтійскаго края и въ томъ отношеніи, что здѣсь былъ поднятъ впервые вопросъ по поводу принудительнаго обращенія въ христіанство мѣстныхъ язычниковъ. Современная событіямъ хроника даетъ ясное представленіе, что, подъ предлогомъ обращенія туземцевъ язычниковъ въ христіанство, нѣмецкіе монахи и рыцари ордена меченосцевъ совершали гибельные для мѣстнаго населенія набѣги, убивали мужчинъ, уводили многихъ въ плѣнъ, и когда доведенные до истощенія туземцы просили у побѣдителей мира, эти послѣдніе соглашались на него лишь подъ условіемъ принятія христіанства, а затѣмъ налагали на вновь обращенныхъ тяжелую дань, или обращали ихъ въ рабство. Бунге, собравшій древніе акты, относящіеся къ исторіи Ордена, приводитъ нѣсколько документовъ XIII в., изъ которыхъ явствуетъ, что даже римскіе папы, вообще довольно спокойно смотрѣвшіе на фактъ принудительнаго крещенія и истребленія язычниковъ, вмѣшивались неоднократно въ дѣло крещенія язычниковъ Ливоніи и въ буллахъ настаивали, чтобы по крайней мѣрѣ къ крещеннымъ туземцамъ относились мягче.

Противъ такого положенія вещей возсталъ и полоцкій князь. Онъ требовалъ, какъ верховный владѣтель страны, чтобы епископъ отказался отъ права обращенія въ христіанство ливовъ; онъ прибѣгалъ для этого и къ просьбамъ, и къ угрозамъ; тщетно Владиміръ полоцкій указывалъ на то, что отъ него зависитъ крестить или оставить некрещенными „своихъ слугъ“ — ливовъ: власть полоцкаго князя надъ Лифляндіей обратилась въ то время уже въ фикцію, и епископъ не отступился, въ сознаніи своей силы, отъ этого права. Едва ли, впрочемъ, можно приписывать Владиміру исключительно высокое побужденіе при его стремленіи оградить ливовъ отъ принудительнаго крещенія. Обращеніе въ христіанство являлось политическимъ орудіемъ въ рукахъ епископа для распространенія его власти: крещенныхъ, хотя бы насильно, туземцевъ молодая ливонская церковь принимала подъ свое покровительство и вѣдала управленіе надъ ними. Такимъ образомъ, принятіе крещенія отъ епископа было равносильно подчиненію ему. Съ этой точки зрѣнія сохраненіе туземцами свободы при выборѣ вѣры могло поставить границы разраставшейся власти епископа.

По поводу свиданья подъ Герцеке, Генрихъ Латышскій замѣчаетъ, что „у русскихъ князей вообще обыкновеніе въ тѣхъ случаяхъ, когда они покорятъ народъ, не обращать его въ христіанство, но подчинять его себѣ ради дани и денегъ, которыя они платятъ“.

Эти слова лѣтописца, приводимыя имъ въ оправданіе настойчивости епископа въ вопросѣ о крещеніи туземцевъ, требуютъ нѣкотораго поясненія: русскіе князья въ Балтійскомъ краѣ, какъ впрочемъ, вообще при покореніи язычниковъ, не вводили христіанства насильственно; этимъ объясняется, что фактовъ принудительнаго крещенія побѣжденныхъ язычниковъ мы почти не встрѣчаемъ въ русской исторіи. Такое отношеніе должно было поразить католическаго священника-лѣтописца, воспитаннаго въ этомъ отношеніи въ совершенно другихъ понятіяхъ: онъ привыкъ видѣть, что насиліе надъ язычниками разрѣшалось подъ предлогомъ принятія хотя бы частью ихъ христіанства. Есть однако указанія у того же Генриха Латышскаго, что при приходѣ нѣмцевъ часть туземцевъ была уже крещена русскими. Такъ напримѣръ, описывая подъ 1208 г. миссіонерскую поѣздку нѣмецкаго священника Алебранда, Генрихъ Латышскій указываетъ, что язычники латыши по р. Имерѣ прежде, чѣмъ принять крещеніе, бросили жребій, принять ли имъ его отъ нѣмцевъ или псковичей; ихъ сосѣди жители Толова (области населенной тоже латышами) въ это время были уже обращены въ христіанство псковичами, которымъ они платили дань. Подъ 1214 г. упоминается объ отпаденіи отъ православія и переходѣ въ католичество сыновъ толовскаго старѣйшины. Въ 1210 г. новгородскій и псковскій князья, по свидѣтельству хроники, послѣ осады Оденпэ (Медвѣжьей Головы) крестятъ эстонцевъ области Унгауніи, центромъ которой являлся Оденпэ, и собирались прислать имъ священниковъ: „Но здѣсь они впослѣдствіи опоздали, замѣчаетъ не безъ удовольствія лѣтописецъ, потому что жители Унгауніи приняли потомъ священниковъ изъ Риги, были ими крещены и причислены къ рижскимъ“.

Возвращаемся къ исторіи Герцеке. Такъ какъ князь Всеволодъ стремился въ особенности вырвать Кокенойсъ при помощи литовцевъ изъ нѣмецкихъ рукъ, и этимъ создать между своими владѣніями и епископскими преграду къ распространенію нѣмецкаго владычества, то естественно, что съ особенной ненавистью смотрѣли на него нѣмцы, жившіе въ Кокенойсѣ. Открыто герцекскій князь повидимому не враждовалъ больше съ новыми покорителями; поэтому Кокейнойскіе нѣмцы, чтобы оправдать открытіе съ ихъ стороны враждебныхъ дѣйствій противъ Герцеке, искали предлога въ нарушеніи княземъ своихъ обязанностей въ качествѣ вассала епископа. Въ 1214 г. Орденскіе рыцари Мейнардъ, Іоаннъ, Іорданъ и др. стали обвинять князя передъ епископомъ, что онъ уже нѣсколько лѣтъ не являлся къ епископу, какъ то требовалось со стороны вассала, и что онъ содѣйствуетъ Литвѣ въ ея набѣгахъ. Всеволоду нѣсколько разъ посылали приглашенія явиться, но онъ пренебрегалъ ими и даже не

посылалъ къ епископу своего замѣстителя. Тогда упомянутые рыцари, получивъ разрѣшеніе со стороны епископа, собрали войско изъ своихъ слугъ и латышей и по берегу Двины направились къ Герцеке. Приблизившись къ городу они схватили какого то русскаго, связали его и ночью вмѣстѣ съ нимъ подошли къ Герцеке; они заставили плѣнника подняться черезъ ровъ и завести разговоръ со сторожемъ, такъ, что тотъ подумалъ, что его запоздавшіе сограждане возвращаются въ городъ; въ это время нѣмецкое войско перешло все черезъ ровъ и съ разсвѣтомъ кинулось на безоружныхъ жителей: часть ихъ бѣжала, часть досталась въ плѣнъ побѣдителямъ; нѣмцы по словамъ хроники „грабили все и когда они награбили много добра они оставили городъ, возвратились домой и тамъ раздѣлили между собой всю принесенную добычу".

Этотъ разбойничій набѣгъ на Герцеке остался безнаказаннымъ, такъ какъ онъ былъ совершенъ съ разрѣшенія епископа; Всеволоду не у кого было искать управы, но онъ сталъ съ бо́льшимъ недовѣріемъ относиться къ нѣмцамъ и еще болѣе сблизился съ Литвой. Дѣйствительно, когда въ слѣдующемъ 1215 году тотъ же рыцарь изъ Кокенойса—Мейнардъ, съ прочими рыцарями собрался повторить свой набѣгъ, онъ не засталъ Всеволода врасплохъ. Двукратный погромъ Герцеке безъ сомнѣнія ослабилъ русскія силы, и Всеволодъ обратился за помощію къ Литвѣ. Литовцы пришли съ войскомъ, но не успѣли переправиться и подать своевременно помощи, такъ что нѣмцы снова заняли Герцеке и „взяли большую добычу и лошадей и рогатый скотъ". Они уже собирались пуститься въ обратный путь, когда литовцы, скрытые на другомъ берегу, подошли къ рѣкѣ. Литовцы стали просить нѣмцевъ прислать къ нимъ нѣсколько судовъ, чтобы они могли переправиться на другой берегъ и возобновить съ нѣмцами миръ. Рыцари поддались обману: литовское войско стало переправляться частью въ присланныхъ судахъ, частью вплавь. Нѣкоторые рыцари, находившіеся на судахъ, поняли враждебные замыслы литовцевъ и поспѣшно уплыли внизъ по рѣкѣ; литовцы ихъ не преслѣдовали, и они благополучно достигли Кокенойса. Рыцари же и войско, бывшіе на берегу стали при приходѣ литовцевъ поспѣшно отступать; литовцы погнались за ними и вступили въ бой. Первыми побѣжали латыши. Нѣмцы продолжали битву и были разбиты; въ битвѣ погибли и рыцари Мейнардъ, Іоаннъ и Іорданъ.

Это былъ послѣдній походъ нѣмцевъ на Герцеке, онъ кончился для нихъ неудачно, но и Герцеке былъ доведенъ повидимому до полнаго упадка троекратнымъ разореніемъ въ теченіи 6 лѣтъ. Владѣнія князя были урѣзаны, такъ какъ извѣстная часть ихъ отошла къ епис-

копу, а слѣдовательно сократились и княжескіе доходы. Торговля по Двинѣ падала благодаря постоянной войнѣ—и это должно было ускорить окончательное паденіе города. Всеволодъ, бывшій 6 лѣтъ тому назадъ опаснымъ врагомъ нѣмцевъ, теряетъ теперь свой угрожающій характеръ: не будучи опаснымъ сосѣдомъ онъ утрачиваетъ интересъ, который онъ возбуждалъ раньше; лѣтописи молчатъ о немъ. Нѣмцы, обезопасивъ себя со стороны Полоцка мирнымъ договоромъ, не обращаютъ больше вниманія на Герцеке. Правда, что дѣйствія ихъ побуждаютъ полоцкаго князя Владиміра въ 1216 г. идти противъ нихъ въ походъ; быть можетъ, что среди побудительныхъ причинъ къ этому походу были и разбойничьи набѣги на герцекскаго князя и разореніе союзнаго съ Полоцкомъ удѣльнаго княжества. Но походу не суждено было состояться: всѣ приготовленія были сдѣланы, собрано было большое войско; Новгородъ и Псковъ готовились напасть на нѣмцевъ съ своей стороны. Молодому нѣмецкому владычеству въ краѣ грозила серьезная опасность, но неожиданная смерть полоцкаго князя измѣнила положеніе дѣлъ: Владиміръ, готовый двинуться въ походъ и садясь уже на корабль, скоропостижно скончался. Походъ со стороны Полоцка не состоялся, и нѣмцы могли свободно обратить всѣ свои силы на области края, принадлежавшія Новгороду и Пскову. Безпрерывная война съ перемѣннымъ счастіемъ кипѣла въ балтійскомъ краѣ до 1224 г., когда взятіемъ нѣмцами Юрьева былъ нанесенъ окончательный ударъ власти русскихъ на балтійскомъ поморьѣ.

За этотъ періодъ мы не встрѣчаемъ ни въ лѣтописяхъ, ни въ грамотахъ упоминанія о Герцеке. Это дало поводъ позднѣйшимъ хроникамъ утверждать, что князь Всеволодъ погибъ при послѣднемъ взятіи роднаго города. Однако Генрихъ Латышскій упоминаетъ о немъ еще подъ 1225 г. Въ это время прибылъ въ новопокоренную страну папскій легатъ и въ числѣ лицъ, представлявшихся ему, упоминается и князь герцекскій Всеволодъ. Фактъ, что русскій православный князь явился къ папскому легату, долженъ былъ льстить самолюбію католическаго священника, тѣмъ болѣе, что папы надѣялись черезъ посредство ливонскихъ католиковъ повліять на русскихъ князей для соединенія ихъ съ латинской церковью [13]), и лѣтописецъ, бывшій очевидцемъ, занесъ это выдающееся событіе, какъ доказательство признанія православнымъ княземъ власти папскаго легата.

Это послѣднее упоминаніе о князѣ Всеволодѣ, которое мы встрѣчаемъ въ документахъ XIII вѣка. Мы не знаемъ, когда кончилъ свою

---

[13]) См. по этому вопросу грамоты у Bunge: Urkundenbuch I. № 55 и 95.

тревожную жизнь послѣдній борецъ за русскую власть на среднемъ теченіи Двины. Что городъ его пришелъ въ упадокъ мы узнаемъ изъ дошедшей до насъ грамоты отъ 1239 г. [14]), которою рижскій епископъ Николай уступаетъ половину Герцеке и прилежащихъ къ нему владѣній рыцарямъ тевтонскаго ордена; въ этой грамотѣ Герцеке не называется больше городомъ (urbs), даже просто крѣпостью (castrum), а лишь „мѣстомъ, гдѣ было укрѣпленіе, которое (т. е. мѣсто) называется Герцеке". Епископъ совмѣстно съ рыцарями предлагаетъ его укрѣпить въ виду стратегическаго значенія, которое оно имѣетъ для защиты вновь обращенныхъ въ христіанство туземцевъ отъ нападенія враговъ.

Былъ ли Герцеке укрѣпленъ въ то время, или нѣтъ, мы не имѣемъ свѣдѣній. Скорѣе нѣтъ, такъ какъ онъ вскорѣ переходитъ въ частныя руки и о немъ какъ о крѣпости, больше нигдѣ не упоминается. Несомнѣнно также то, что князь Всеволодъ былъ послѣднимъ русскимъ владѣтелемъ этой области, и что по его смерти нѣмцы завладѣли ею.

Герцеке постепенно приходитъ въ забвеніе: онъ навсегда съигралъ свою роль. Силы нѣмцевъ въ это время направлялись преимущественно на завоеваніе Курляндіи, борьбу съ Литвой и войну съ Новгородомъ и Псковомъ; они стараются завладѣть этими городами и распространить свою власть на внутреннія части Россіи, ослабленной несчастной для русскихъ Калкской битвой и послѣдовавшимъ вскорѣ послѣ этого разрушительнымъ нашествіемъ Батыя. Одно время, казалось, побѣда склонялась на сторону нѣмцевъ, пока наконецъ Александру Невскому не удалось рѣшительнымъ пораженіемъ рыцарей на Чудскомъ озерѣ положить предѣлъ завоевательнымъ стремленіямъ ихъ.

Балтійскій край остается въ теченіе слишкомъ трехъ столѣтій въ нѣмецкихъ рукахъ, пока, наконецъ, Русь не успѣла сложиться въ прочное государственное цѣлое и, стряхнувъ съ себя послѣдніе слѣды татарскаго ига, нанесши взятіемъ Казани и Астрахани рѣшительный, смертельный ударъ татарскому владычеству на Волгѣ, не обратила вновь своего оружія для покоренія отнятаго у нея въ XIII вѣкѣ балтійскаго края. Побѣдоносный ливонскій походъ при Иванѣ Грозномъ покрылъ Ливонію грудой развалинъ; взяты были обратно и древнія русскія крѣпости края; былъ отнятъ у нѣмцевъ и Кокенойсъ, нѣкогда первый павшій подъ напоромъ нѣмцевъ—но о Герцеке мы въ это время уже не встрѣчаемъ извѣстій.

Н. Харузинъ.

---

[14]) Urkundenbuch I. № 163.

Археологическая хроника.

По вопросу о каменныхъ бабахъ въ Таврической губерніи Н. И. Веселовскій прислалъ слѣдующее сообщеніе въ Императорское Московское Археологическое Общество:

„Каменныхъ бабъ“ въ Таврической губерніи, мнѣ хорошо извѣстной, безчисленное множество; но почти всѣ онѣ увезены съ своихъ мѣстъ, и частію пошли въ дѣло, какъ строительный матеріалъ, частію находятся въ городскихъ садахъ, какъ украшеніе (напр., въ г. Бердянскѣ и въ г. Ногайскѣ). Въ Васильевкѣ (имѣніе Попова) находится 15 каменныхъ бабъ. Иногда онѣ замѣняютъ тумбы на улицахъ селеній или врыты въ землю у воротъ. Такія „бабы“ отполированы на столько, что потеряли уже свое первоначальное очертаніе. Большею частію онѣ изъ сѣраго известковаго камня, но встрѣчаются и изъ болѣе твердыхъ породъ (напр., въ Ногайскѣ) и тогда отличаются грубой работой. На курганѣ я встрѣтилъ „каменныя бабы“ только дважды, близъ Симферополя: одна находится на курганѣ по дорогѣ изъ Симферополя въ имѣніе г. Шнейдера, но, по разсказамъ, она раньше стояла на другомъ курганѣ; другая открыта была мною въ курганѣ на землѣ А. А. Нестроева, въ 7 верстахъ отъ Симферополя.

Основная могила тамъ заключала скелетъ, окрашенный въ красный цвѣтъ, въ согнутомъ положеніи; а въ впускной (въ западной полѣ) лежалъ мужской скелетъ на спинѣ, сбоку его находилось желѣзное копье, и у головы небольшая золотая проволочная спираль (вѣроятно, отъ шапки). Думаю, что „каменная баба“ относилась къ этому погребенію. Обѣ „бабы“ были безъ головы; съ головою же встрѣчаются рѣдко. Почему головы отбиты, я не могу объяснить.

Типъ ихъ разнообразенъ (быть можетъ составится видовъ 5—6). Преобладающимъ является изображеніе въ узкомъ кафтанѣ съ поясомъ и иногда съ проймами на плечахъ. Оружія, или какихъ-либо украшеній, обыкновенно не встрѣчается; исключеніе составляютъ „каменныя бабы“, видѣнныя мною съ селеніи Большой Токмакъ (Бердянскаго уѣзда). Къ сожалѣнію, со мной не было въ то время (въ 1892 г.) фотографическаго аппарата, и я сдѣлалъ лишь замѣтки карандашемъ, что, конечно, не можетъ дать полнаго представленія о „бабахъ“.

„Каменная баба“ представляетъ мужскую фигуру съ разнообразнымъ вооруженіемъ: съ одной стороны привѣшены: лукъ, кривая сабля,

ножъ, и тутъ же гребенка о девяти выпуклыхъ зубцахъ; съ другой стороны прикрѣпленъ на трехъ ремняхъ колчанъ, отъ котораго спускается внизъ на шнуркѣ кружокъ, быть можетъ крышка отъ колчана [1]). Полы кафтана оторочены выпуклыми полосами съ насѣчкою; подолъ имѣетъ широкую полосу съ орнаментомъ зигзагообразнымъ. На головѣ конусообразная шапка съ оторочкой, имѣющей насѣчки вглубь; на лобъ спускается квадратная пластинка. Носъ отбитъ, но очертаніе его на лицѣ сохранилось. Усы длинные, бороды нѣтъ. Кругомъ шеи идетъ оторочка кафтана, выпуклая, съ насѣчкой; такія же выпуклыя полосы съ насѣчкой идутъ по груди, на которой двѣ звѣздообразныя бляхи (о двѣнадцати зубчикахъ). По рукавамъ вдоль идетъ высѣченная вглубь зигзагообразная полоса, возлѣ которой съ одной стороны тоже выпуклая полоса съ насѣчкой; кромѣ того, на одномъ рукавѣ еще высѣченный рисунокъ. Обшлага рукавовъ имѣютъ широкую оторочку съ насѣчкой, выпуклую. Руки придерживаютъ на животѣ плоскій предметъ, шириною (или здѣсь: высотою) 3 вершка слишкомъ. Этотъ предметъ я не могу признать чашей, онъ скорѣе походитъ ни свернутый платокъ. Начиная отъ пояса, идетъ плита въ видѣ доски, составляя нераздѣльную часть со статуей. Ноги врыты въ землю, и онѣ сдѣланы очень неотчетливо. Ширина въ плечахъ 11 вершковъ. Эта статуя находится у воротъ мѣстной гостиницы и разрисована владѣльцемъ (фамилію его не помню) масляной краской: голубой, красной и черной. Владѣлецъ купилъ у одного крестьянина 6 каменныхъ бабъ (въ томъ числѣ и эту), бывшихъ устоями для сарая. Прежній хозяинъ, примѣняя ихъ къ постройкѣ, выдолбилъ на задней сторонѣ ихъ крестъ и ямочку, въ которую наливалъ деревянное масло. Новый владѣлецъ 5 изъ этихъ „бабъ" употребилъ на постройку, а эту сберегъ.

Другая изъ „бабъ" въ томъ же селѣ представляетъ женскую фигуру съ характернымъ головнымъ уборомъ, съ 4 нитками ожерелья, съ гребешкомъ, зеркаломъ, съ ножемъ и какимъ-то непонятнымъ для меня предметомъ. Стоитъ на выпуклой подставкѣ. Въ рукахъ находится тотъ же предметъ, что у предыдущей. „Баба" находится у воротъ одного крестьянина. На сколько помню, украшеніе находится только на одномъ рукавѣ. Въ этомъ же селѣ валяются въ разныхъ мѣстахъ „каменныя бабы" съ разными головными уборами и разнообразной прической.

Мнѣ кажется, что слѣдовало бы снарядить въ Таврическую губернію экспедицію спеціально для фотографированія каменныхъ бабъ.

---

[1]) Если бы этотъ предметъ не былъ почти совершенно круглымъ, его можно было бы сравнить съ огнивомъ.

—— Въ Императорскую Археологическую Коммиссію поступилъ рѣдкій кладъ, состоящій изъ серебряныхъ блюдъ причудливой формы, чашекъ, украшенныхъ замѣчательно тонкою рѣзьбою, и шейныхъ колецъ съ браслетами, всего вѣсомъ около $^1/_2$ пуда. Вещи эти относятся къ концу XVI и началу XVII столѣтій; найдены онѣ крестьяниномъ Глазовскаго уѣзда, Вятской губерніи, на берегу рѣки Камы, во время рытья дренажныхъ канавъ. Коммиссія оцѣнила находку въ 1,250 рублей, которые и препровождены въ вятскій губернскій статистическій комитетъ для передачи нашедшему кладъ. *(С.-П-Б. Вѣд. № 43, 1895 г.).*

—— Изъ Астрахани пишутъ въ „Волжск. Вѣстн.", что тамъ, въ каменномъ зданіи, устроенномъ въ порту, хранятся драгоцѣнные памятники русской старины. Когда императоръ Петръ Великій направился въ Персію для расширенія границъ Россіи на Каспійскомъ морѣ, имъ была выстроена „Плезиръ-яхта" для осмотра устьевъ р. Волги и выбора фарватера для военныхъ судовъ. Здѣсь было построено другое, нѣсколько меньшее по размѣрамъ, судно, подъ названіемъ „Верейка", которое служило для морскихъ прогулокъ императора. Преданіе говоритъ, что рѣзьба „Верейки" исполнена руками великаго кораблестроителя. По мысли завѣдующаго судоходствомъ въ устьяхъ рѣки Волги, суда эти предполагается доставить съ подобающими почестями на всероссійскую выставку 1896 года въ Нижнемъ-Новгородѣ. *(Петерб. Вѣд. № 31, 1895 г.).*

—— По сообщенію газеты „Волгарь", устройство недавно открытаго музея въ Нижнемъ-Новгородѣ относится къ 1887 — 1892 годамъ. Музей возникъ при мѣстной губернской архивной коммиссіи стараніями нижегородскаго губернатора и трудами перваго предсѣдателя коммиссіи, покойнаго А. С. Гацисскаго. Связавъ мысль основанія историческаго музея съ мыслью сохранить Почайновскій домикъ, въ которомъ останавливался Петръ I во время посѣщенія имъ Нижняго-Новгорода, начальникъ губерніи предложилъ коммиссіи принять въ собственность пріобрѣтенный на частныя средства историческій домъ на Почайнѣ, для устройства музея, съ тѣмъ чтобы въ немъ было отведено видное мѣсто вещественнымъ коллекціямъ петровской этохи. Средства на ремонтъ дома, съ цѣлью приспособленія его подъ помѣщеніе музея, всего въ суммѣ до 5,000 руб., собраны путемъ пожертвованій. Составъ музея къ настоящему времени заключается въ 1,359 предметахъ. Всѣ они зарегистрованы; нѣкоторые описаны и раздѣляются на VIII отдѣловъ: первобытныя древности, памятники церковные, домашняя утварь, оружіе и доспѣхи, нумизматика, жетоны, медали и служебные знаки, картины, портреты, планы, и проч. Стоимость всѣхъ

собранныхъ предметовъ довольно значительна, хотя точную цифровою оцѣнку ихъ сдѣлать трудно. Изъ средствъ архивной коммиссіи, вмѣстѣ съ другими поступившими суммами, затрачено на пріобрѣтеніе вещей до 3,000 руб. Кромѣ того, въ музеѣ имѣется много пожертвованныхъ предметовъ. *(С.-П-Б. Вѣд. № 21, 1895 г.).*

—— Поселянинъ Михаилъ Мыйня, изъ окрестностей г. Рени, стараясь вырыть изъ своего виноградника корень засохшаго дерева, попалъ неожиданно на весьма драгоцѣнный кладъ, состоящій изъ 130 статеровъ золотыхъ Филиппа Македонскаго, изображающихъ съ одной стороны голову въ шлемѣ, а съ другой—колесницу, затѣмъ 364 золотыхъ статеровъ Александра Македонскаго и, наконецъ, 6 статеровъ города Тиринѳа, въ Арголидѣ. Всего поселяниномъ найдено 500 статеровъ, вѣсомъ около 3 фунтовъ. Деньги эти, по нахожденіи ихъ счастливымъ поселяниномъ, переданы приставу города Рени, а послѣднимъ пересланы измаильскому уѣздному полицейскому управленію для дальнѣйшаго слѣдованія. Минимальная стоимость найденнаго клада, по словамъ одесскихъ газетъ, не менѣе 50,000 руб. Извѣстіе это требуетъ еще подтвержденія. *(Кіевлянинъ № 45, 1895 г.).*

Раскопки въ Сициліи. — Акрополь стариннаго сицилійскаго города Селинонта обнаженъ на столько, что общій планъ крѣпости вполнѣ выяснился. Открыты двѣ широкія, пересѣкающія другъ друга улицы, развалины пяти храмовъ, изъ которыхъ одинъ посвященъ Аполлону, другой Афродитѣ, вся окружная стѣна, съ двумя воротами и четырьмя башнями. Двѣ изъ послѣднихъ круглыя, а двѣ — четырехугольныя. Форма башень, постройка стѣнъ и расположеніе матеріала указываютъ на пелазгическое происхожденіе этого укрѣпленія. Греки выстроили храмы, отъ которыхъ остались однѣ колонны, капители разныхъ стилей и нѣсколько статуй. Въ разныхъ мѣстахъ найдены вазы, фигурки изъ терракоты, и особенно много лампочекъ въ видѣ плоской чаши съ трубочкою, въ которую продѣвается свѣтильня. Въ одной комнатѣ найдены 1,200 лампъ, а немного далѣе, въ развалинахъ храма, еще 11,089 такихъ лампъ. Онѣ сдѣланы грубо, безъ полировки. На нѣкоторыхъ фигуркахъ видны слѣды красокъ, голубой и красной. Фигурки по большей части не изящной работы; онѣ, вѣроятно, принадлежатъ къ числу тѣхъ, которыя бѣдныя люди подносили богамъ; однако, между ними попадались и артистическія произведенія. Особенно хороша одна голова женщины, лицо коротой выкрашено бѣлою краскою, а волоса красною. *(С.-П-Б. Вѣд. № 19, 1895 г.).*

—— Раскопки въ Делосѣ, открывшія уже много древностей, въ настоящее время возбудили живой интересъ открытіемъ прекрасной статуи,

представляющей лучшую реплику со статуи Діадумена, работы извѣстнаго Поликлета.

Почтенный знатокъ греческихъ скульптурныхъ древностей г. Гёзи (Heuzeu) полагаетъ, что найденныя статуи значительно превосходятъ подобную же, находящуюся въ Британскомъ музеѣ. *(La chronique des arts)*.

Раскопками въ Делосѣ открыты также стѣны одного частнаго дома, на которыхъ прекрасно сохранились фрески; сюжеты фресокъ представляютъ сцены бытовыя и миѳологическія. Открытіе это представляетъ большой интересъ для изучающихъ исторію греческаго искусства.

Раскопки въ Делосѣ, какъ извѣстно, производятся французской школой въ Аѳинахъ.

——Въ журналѣ Атенеумъ разсказывается объ интересныхъ раскопкахъ, происходящихъ теперь въ Боскочеале, близъ Помпеи; раскопки эти открыли цѣлую виллу, засыпанную пепломъ въ одно время съ Помпеей т. е. въ 79 г. по Р. Х. Самую интересную часть виллы представляетъ зала для бани, чрезвычайно роскошно отдѣланная и снабженная прекраснымъ аппаратомъ для нагрѣванія воды. Счастливый владѣлецъ этого участка, г. Приско, здѣсь же открылъ прекрасныя мозаики и много мѣдной посуды.

—— Въ скоромъ времени выйдетъ въ свѣтъ на англійскомъ и арабскомъ языкахъ сочиненіе, приписываемое армянину Абу-Сали, относящееся къ первымъ годамъ XIII ст. и посвященное описанію церквей и монастырей Египта и нѣкоторыхъ сосѣднихъ странъ. Текстъ и переводъ изготовляется къ печати съ единственной рукописи, находящейся въ парижской національной библіотекѣ.—Издаваемый переводъ г. Эветтомъ (Evetts) будетъ сопровождаться статьей г. Бутлера, автора сочиненій „Anciennes églises coptes d'Egypte".

IV

Засѣданія Обществъ.

Въ засѣданіи *Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества* 23 января 1895 г. В. И. Сизовъ доложилъ сообщеніе В. А. Городцева объ изслѣдованной имъ стоянкѣ въ долинѣ р. Оки (подробное изложеніе этого сообщенія будетъ напечатано въ IV № Арх. Изв.).

Д. Н. Анучинъ доложилъ: сообщеніе Нижегородской Архивной Коммиссіи о раскопкахъ Гагинскаго могильника Сергачскаго у.; сообщеніе г. Черен-

нина о раскопкахъ Кузьминскаго могильника Рязанскаго у. и нѣкоторыя данныя изъ новѣйшей литературы по первобытной археологіи.

В. Ѳ. Миллеръ прочелъ часть своего изслѣдованія: „Галицко-Волынскіе отголоски въ русскомъ эпосѣ". Для уясненія вопроса, почему Галичъ-волынскій въ нѣкоторохъ былинахъ (о Дюкѣ и Михаилѣ Казарянинѣ, о сорока каликахъ) является *эпическимъ* городомъ, какъ Кіевъ, Черниговъ, референтъ предположилъ, что въ эпосѣ должны быть отголоски галицко-волынскихъ сказаній, относящихся къ періоду процвѣтанія галицкой и волынской земель, къ XII и XIII вв. Отыскивая такіе отголоски, В. Ѳ. Миллеръ въ этой части своего изслѣдованія остановился на былинѣ о Дюкѣ Степановичѣ, въ которой родиной Дюка называется Галичъ-волынскій, отождествляемый тутъ же съ Индіей богатой, и поставилъ вопросъ, можетъ-ли это указаніе въ связи съ содержаніемъ былины служить къ опредѣленію мѣста и времени сложенія основой пѣсни, прошедшей впослѣдствіи черезъ рядъ передѣлокъ въ устахъ сѣверно-русскихъ сказателей. Для отвѣта на поставленный вопросъ референтъ изложилъ: результаты изслѣдованій А. Н. Веселовскаго, М. Г. Халанскаго и В. М. Истрина, установившихъ связь былины съ Эпистоліей пресвитера Іоанна, извѣстной въ русскихъ передѣлкахъ подъ названіемъ „Сказанія объ Индіи богатой", причемъ выяснилось, что 2-я часть былины о Дюкѣ (описаніе его богатствъ) представляетъ сходство не съ русской, сравнительно поздней редакціей сказанія, а съ той частью латинской эпистоліи, которая считается переведенной съ греческаго языка и содержитъ описаніе дворца и обстановки пресвитера. Отсюда вытекаетъ предположеніе, что первоначальная пѣсня о Дюкѣ должна была сложиться еще въ домонгольскій періодъ и въ такой области Руси, куда могъ зайти путемъ сношеній предполагаемый византійскій прототипъ, послужившій отчасти матеріаломъ русской пѣснѣ. Для уясненія условій, при которыхъ могла появиться пѣсня, референтъ на основаніи византійскихъ источниковъ (Никиты Хоніата, Киннама) характеризовалъ отношенія Галицкаго княжества къ Византіи въ XII в. и особенно остановился на свѣдѣніяхъ о пребываніи византійскаго царевича Андроника, двоюроднаго брата императора Мануила, при дворѣ Ярослава Осмомысла въ 60-хъ годахъ XII в. Къ тѣмъ же годамъ относится письмо пресвитера Іоанна изъ Индіи, адресованное именно императору Мануилу и представляющее политическій памфлетъ направленный противъ него. Указавъ на извѣстность Мануила въ русской книжной литературѣ, референтъ сдѣлалъ заключеніе, что *основная* пѣсня о Дюкѣ по времени сложенія должна быть ближе ко времени появленія эпистоліи пресвитера Іоанна и могла явиться въ Галицкой области, причемъ идея противопоставленія боярина князю по богатству находится въ связи съ исторически-извѣстными отношеніями богатаго галицкаго боярства къ князьямъ. Внесеніе князя Владиміра и города Кіева въ былину принадлежитъ ея болѣе позднѣй редакціи, относящейся къ тому времени, когда Галичъ, давно отторгнутый отъ Руси, былъ окончательно забытъ и могъ въ эпосѣ отождествляться уже съ Индіей богатой и Корелой.

Въ засѣданіи *Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества* 31 января 1895 г. д. ч. И. А. Линниченко прочелъ рефератъ „Новый Свидѣтель эпохи убіенія Димитрія Самозванца". Предметомъ реферата былъ изданный г. Лозинскимъ въ 4 № 1894 г. журнала „Kwartalnik Historyczny" дневникъ пребыванія въ Москвѣ Львовскаго купца, аптекарскаго помощника, Станислава Колачковича. С. К. былъ отправленъ своимъ патрономъ, Мартыномъ Спыткомъ, въ Москву съ разнымъ аптекарскимъ, парфюмернымъ и кондитерскимъ товаромъ. По возвращеніи Колачковича во Львовъ, хозяинъ, недовольный малой выручкой за проданный товаръ, предъявилъ своему прикащику искъ въ лавничій судъ. Колачковичъ утверждалъ, что наибольшая часть привезенныхъ имъ въ Москву товаровъ была разграблена тамъ во время погрома 18 мая 1606 г. Въ особой запискѣ онъ даетъ описаніе этого погрома, весьма интересно и живо написанное. Не заключая въ себѣ какихъ либо новыхъ свѣдѣній о Самозванцѣ, записка Колачковича даетъ не мало интересныхъ бытовыхъ чертъ и живо рисуетъ настроеніе поляковъ въ эпоху катастрофы 18 мая. Нѣкоторыя изъ подробностей разсказа подтверждаются данными другихъ современныхъ источниковъ. Въ актахъ процесса находится и интересный матеріалъ для сравненія современныхъ цѣнъ на разные товары въ Москвѣ и Львовѣ. Несмотря на испытанныя въ первой экскурсіи въ Москву приключенія, Колачковичъ и вторично отправился туда же съ товаромъ въ эпоху втораго самозванца, но, къ сажалѣнію, въ актахъ нѣтъ свѣдѣній объ этомъ второмъ путешествіи и дальнѣйшей судьбѣ предпріимчиваго купца.

Въ засѣданіи *Славянской Комм. И. М. А. О.* былъ сдѣланъ докладъ А. С. Орловымъ подъ заглавіемъ: „Сказочная повѣсть о взятіи Азова". Это одна изъ повѣстей XVII в., вызванная взятіемъ у турокъ Азова (въ 1637 г.) донскими казаками. Задачей изслѣдованія было: а) установленіе первоначальнаго вида текстовъ этой „Сказочной повѣсти", б) опредѣленіе времени ея возникновенія и в) отношеніе „повѣсти" къ другимъ сказаніямъ, касающимся событій азовскихъ (1637 и 1641), а также къ малорусскимъ и великорусскимъ пѣснямъ объ этихъ событіяхъ. По выводамъ докладчика, наиболѣе близкимъ къ первоначальному слѣдуетъ признать текстъ Ундольскаго (Рум. Муз. № 795, XVII в.); время созданія повѣсти опредѣляется годами 1641—1676; первоначальная ред. была соединена съ особой редакціей сказанія объ Азовскомъ сидѣніи (1641 г.). Сравненіе съ пѣснями привело къ выводамъ: 1) пѣсенный сюжетъ бродилъ между Великороссіей и Малороссіей въ двухъ видахъ въ разсказѣ о воинскомъ подвигѣ и о мирной торговлѣ чумаковъ, при чемъ второй разсказъ стоитъ въ зависимости отъ перваго; 2) Сказочная повѣсть стоитъ въ зависимости отъ пѣсенъ, какъ источника; другимъ источникомъ повѣсти служитъ часть пѣсни про Бузанъ островъ (у Кирши Данилова); 3) сюжетъ пѣсенъ, переработанный „Повѣстью", въ свою очередь оказалъ вліяніе на пѣсни объ Азовской осадѣ (у Гильфердинга).—Въ обсужденіи доклада принимали участіе В. Ѳ. Миллеръ и М. И. Соколовъ. — Вторымъ до-

кладомъ было сообщеніе А. И. Яцимирскаго—о рукописяхъ ново-нямецкаго монастыря (въ Бессарабіи). — Наконецъ М. Н. Сперанскимъ былъ данъ отчетъ о новыхъ изданіяхъ: замѣткѣ И. Е. Забѣлина объ одномъ мѣстѣ Слова о п. И. (напеч. въ Археолог. Изв. и Зап. 1894 г. № 10), статьѣ акад. Ягича— о Цѣтинскомъ Октоихѣ (изд. въ Вѣнской акад.), изданіи М. Решетара — „Задрскій Лекціонарій" (Загребъ 1894 г.) и о книгѣ Зибрта — Indiculus superstitionum (изд. Чешской Акад. 1894) *).

Въ засѣданіи *Восточной Коммиссіи* Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества 17 ноября 1894 г. В. А. Грингмутъ сдѣлалъ сообщеніе: къ вопросу объ египетской транскрипціи семитическихъ словъ. Въ послѣднее время вопросъ о родствѣ египетскаго языка съ семитическими нарѣчіями, сдѣлался предметомъ изслѣдованій со стороны Hammel'a и Erman'a. Референтъ замѣтилъ, что названные ученые приводятъ въ числѣ доказательствъ слова заимствованныя въ позднѣйшее время египетскимъ языкомъ у какого нибудь чужаго народа, или наоборотъ. При изслѣдованіи этихъ словъ референту пришлось считаться съ особой транскрипціей семитическихъ словъ посредствомъ спеціально для этой цѣли изобрѣтеннаго египетскими писцами слоговаго письма съ обозначеніемъ гласныхъ звуковъ, въ противорѣчіе съ общей системой египетскаго письма, обозначающаго одни только согласные звуки. Изложивъ законы этой транскрипціи иностранныхъ словъ, референтъ указалъ на нѣкоторыя загадочныя въ ней явленія и пригласилъ присутствовавшихъ семитолиговъ къ совмѣстному ихъ разъясненію.

Въ пятницу, 20-го января, состоялось засѣданіе *восточнаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго общества* подъ предсѣдательствомъ барона В. Р. Розена. Предсѣдатель отдѣленія сообщилъ собранію доставленныя А. Г. Туманскимъ новыя свѣдѣнія о дѣйствующей въ Персіи мусульманской сектѣ бабидовъ. Интересенъ фактъ распространенія бабизма между шейхами кочевыхъ племенъ. Общее число бабидовъ, по заключенію А. Г. Туманскаго, простирается не свыше 150.000. Н. Я. Марръ прочиталъ рефератъ: „о мнимомъ географическомъ названіи Ротастакъ въ исторіи Агаѳангела". Рядомъ филологическихъ сближеній докладчикъ объяснилъ темное мѣсто въ исторіи обращенія Грузіи и указалъ, что здѣсь идетъ рѣчь о виноградникѣ на оросительныхъ каналахъ.

Въ томъ же засѣданіи была разсмотрѣна вновь присланная Н. Ѳ. Петровскимъ коллекція древностей (бронзы и терракоты). Пребываніе Н. Ѳ. Петровскаго въ Кашгарѣ оказывается въ высшей степени плодотворнымъ для русской оріенталистики. Благодаря его изысканіямъ, становится яснымъ ранѣе лишь намѣченный фактъ индійскаго вліянія на восточный Туркестанъ. На этотъ разъ присланныя древности являются обильными памятниками

---

*) Послѣдняя рецензія М. С. помѣщена въ „Этногр. Обозр." 1894. кн. 4.

буддизма въ Кашгарѣ, а терракоты заслуживаютъ вниманія по своему художественному значенію. (Нов. Вр. № 6789, 1895 г.).

Въ Археологическомъ Обществѣ. 14-го февраля, состоялось засѣданіе русскаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго общества, подъ предсѣдательствомъ С. Ѳ. Платонова. Выслушанъ былъ докладъ А. А. Спицына „О раскопкахъ кургановъ въ Бѣлозерскомъ краѣ". Докладчикъ, сдѣлавъ обзоръ археологическихъ изслѣдованій, произведенныхъ въ предѣлахъ Новгородской губерніи, указалъ на то, что въ мѣстности, примыкающей къ Бѣлому озеру, до настоящаго времени раскопокъ не производилось. Почвнъ въ этомъ дѣлѣ положенъ теперь раскопкой четырехъ кургановъ въ имѣніи А. В. Панина. Находки, обнаруженныя при этомъ, точно датируются оказавшимися здѣсь монетами XI вѣка и представляютъ предметы той культуры, за которой покойный графъ А. С. Уваровъ, на основаніи раскопокъ въ Ярославской и Владимірской губерніяхъ, утвердилъ названіе Мерянской. Въ преніяхъ, возбужденныхъ докладомъ А. А. Спицына, приняли участіе князь П. А. Путягинъ и С. В. Вольскій. („Нов. Вр." № 6813, 1895 г.).

Въ Обществѣ Любителей Древней письменности, 13-го января, Н. К. Никольскій сдѣлалъ сообщеніе о „новооткрытомъ библіографическомъ трудѣ"— о древнѣйшемъ, по мнѣнію докладчика, изъ извѣстныхъ намъ описаній русскихъ рукописей. Сдѣлавъ внѣшнее описаніе рукописнаго сборничка, хранящагося въ настоящее время въ С.-Петербургской духовной академіи, г. Никольскій указалъ на значеніе этого памятника въ исторіи русской библіографіи. Сборничекъ распадается на два отдѣла; изъ нихъ первый служитъ какъ бы указателемъ къ послѣдующему, представляющему собою описаніе весьма тщательное 24 сборниковъ, заключающихъ въ себѣ 947 статей. Въ настоящее время часть этихъ сборниковъ подверглась дополненію и раздробленію, часть же сохранилась болѣе или менѣе въ первоначальномъ видѣ. Описаніе обнаруживаетъ въ авторѣ пріемы, употребляемые и въ современной библіографіи. Время составленія, по мнѣнію г. Никольскаго, относится къ концу XV или началу XVI в., на что указываютъ рядъ приписокъ, имѣющихъ отношеніе къ борьбѣ кирилловскихъ старцевъ съ іосифлянами, и лѣтописныхъ замѣтокъ времени 1505—1509 годовъ. Высказавъ предположеніе, что владѣльцемъ сборничка могъ быть извѣстный старецъ Германъ Подольный, Н. К. Никольскій въ заключеніе указалъ, что поводомъ къ такому библіографическому труду могла послужить необходимость имѣть указатель статей, назначенныхъ для чтенія при богослуженіи и за трапезой. Послѣ этого сообщенія И. А. Шляпкинъ прочелъ пѣснь о взятіи Смоленска, сохранившуюся въ одномъ изъ сборниковъ Императорской Пуб. Библіотеки XVII в., предпославъ нѣсколько словъ объ исторической обстановкѣ событія—взятія Смоленска царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. (Нов. Вр. № 6784, 1895 г.).

Въ Обществѣ Любителей Древней письменности, въ засѣданіи 27-го января, по открытіи его секретарь довелъ до свѣдѣнія общества о внезапной кончинѣ, 26-го сего января, дѣйствительнаго члена его Ефима Савельевича Егорова. Память покойнаго, по предложенію предсѣдателя, была почтена вставаніемъ. Затѣмъ Н. П. Ретвихъ прочелъ рефератъ, въ которомъ остановился на разборѣ теоріи проф. Н. П. Мрочекъ-Дроздовскаго о такъ называемыхъ земскихъ боярахъ. Самъ референтъ примыкаетъ къ взглядамъ проф. В. О. Ключевскаго и свои возраженія основываетъ на разборѣ тѣхъ же лѣтописныхъ извѣстій, на которыя ссылается и П. Н. Мрочекъ-Дроздовскій, защищая существованіе на Руси земскихъ бояръ. Г. Ретвихъ на основаніи лѣтописныхъ извѣстій о взаимномъ отношеніи князя и населенія въ Ростово-Суздальской и Новгородской областяхъ не находитъ возможнымъ рѣзко разграничивать бояръ земскихъ и княжескихъ и болѣе склоненъ на дѣленію ихъ на служилыхъ и неслужилыхъ. Сообщеніе это вызвало нѣсколько замѣчаній со стороны проф. С. Ѳ. Платонова, который, между прочимъ, признавъ отсутствіе земскихъ бояръ въ Ростово-Суздальской области, не счелъ, однако, возможнымъ утверждать того же относительно Новгорода.

Слѣдующее сообщеніе „о происхожденіи ересей стригольниковъ и жидовствующихъ“ было сдѣлано В. Ѳ. Боцяновскимъ. Приведя многочисленные доводы, на основаніи которыхъ обѣ эти ереси можно считать заимствованными съ Запада, г. референтъ не счелъ возможнымъ согласиться съ мнѣніемъ проф. Ѳ. И. Успенскаго, ставящаго ересь стригольниковъ въ связи съ богумильствомъ. Главнымъ основаніемъ для возраженія служитъ, по мнѣнію г. Боцяновскаго, отсутствіе въ ереси стригольниковъ дуалистическаго ученія и принципіальнаго отрицанія іерархіи—типичныхъ чертъ богумильской ереси. Г. референтъ представилъ живую картину умственнаго броженія въ XV в. въ Московской Руси, являвшагося отголоскомъ гуманистическаго и реформаціоннаго движенія Западной Европы въ соотвѣтствующую эпоху. Взгляды Ѳ. И. Успенскаго, оспариваемые г. Боцяновскимъ, нашли себѣ защитника въ лицѣ П. А. Сырку, настаивавшаго на томъ, что русскія ереси имѣютъ много общихъ чертъ съ ересью богумиловъ, и что кажущееся отсутствіе дуалистическаго элемента въ ереси стригольниковъ можетъ быть объяснено скудостью свѣдѣній о ней.

Въ заключеніе засѣданія Н. К. Никольскій доложилъ о найденной имъ правой грамотѣ митрополита Геронтія XV в. Эта грамота освѣщаетъ вопросъ столкновенія Бѣлозерскаго князя Михаила Андреевича съ Ростовскимъ архіепископомъ Вассіаномъ, желавшимъ подчинить своей юрисдикціи Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, и притомъ освѣщаетъ этотъ споръ нѣсколько иначе, чѣмъ лѣтописное извѣстіе объ этомъ событіи. Лѣтописецъ, очевидно, сочувствуетъ ростовскому архіепископу, тогда какъ изъ правой грамоты видно, что притязанія его не находили себѣ достаточнаго основанія въ прежней исторіи Кирилло-Бѣлозерской обители, которая въ дѣлахъ духовныхъ подчинялась суду своего игумена, а въ прочихъ—бѣлозерскому князю.

Въ Императорскомъ Обществѣ Любителей Древней Письменности, 17-го февраля, С. А. Адріановъ сдѣлалъ сообщеніе о составѣ сибирскихъ лѣтописей: Есиповской, Строгановской и Ремезовской. Для первыхъ двухъ онъ указалъ на возможные источники ихъ; для Строгановской—царскія грамоты, мѣстныя народныя и казачьи преданія, а для Есиповской—записи митрополита Кипріана и разсказы участниковъ сибирскаго похода. Перейдя къ лѣтописи Ремезова, г. Адріановъ, на основаніи внѣшняго ея вида, пришелъ къ тому выводу, что она состоитъ изъ двухъ частей: 1) собственно разсказа Ремезова на основаніи есиповской лѣтописи и 2) какой-то лѣтописи, вклеенной въ первый разсказъ и тѣмъ нарушающей послѣдовательность этого разсказа; собственно къ этой лѣтописи и должно относиться, по мнѣнію г. Адріанова, названіе краткой кунгурской, а не къ труду Ремезова. Затѣмъ, С. Ѳ. Платоновъ познакомилъ собраніе съ новымъ сказаніемъ о самозванцѣ, которое находится въ сборникѣ первой половины XVII в., принадлежащемъ Московскому Румянцевскому и Публичному музеямъ. Съ литературной стороны сказаніе вполнѣ самостоятельно; интересъ и цѣнность ему придаютъ точныя хронологическія даты; различныя подробности, между прочимъ, маловѣроятное описаніе избіенія поляковъ въ Москвѣ, а всего болѣе оригинальный разсказъ о такъ-называемомъ „адѣ", поставленномъ Самозванцемъ на р. Москвѣ. Этотъ „адъ" представлялъ чудовище „о трехъ главахъ" и былъ на столько великъ, что въ немъ помѣщались люди, выходившіе оттуда въ страшныхъ нарядахъ, пугали и били людей, обмазывали дегтемъ и обливали водой. Это изображеніе вполнѣ ново и оригинально.

Послѣ сообщенія С. Ѳ. Платонова Д. А. Корсаковъ познакомилъ собраніе съ содержаніемъ новаго, еще не изданнаго, труда бывшаго профессора Казанскаго университета М. П. П—го. Въ этомъ трудѣ разсматривается напечатанная въ 1790 г. книга: „Похожденія нѣкоего россіянина", имъ самимъ описанныя. Это не что иное, какъ мемуары Петра Захаровича Хомякова, относящіеся ко второй половинѣ XVIII в. Эти похожденія, представляющія интересъ по заключающимся въ нихъ бытовымъ чертамъ о воспитаніи и первоначальной жизни офицера, вышедшаго изъ крестьянъ, и подробностямъ о военныхъ дѣйствіяхъ въ семилѣтнюю и первую турецкую войну при Екатеринѣ II.

Въ заключеніе г. Вольскій, помощникъ библіотекаря въ библіотекѣ гр. Красинскихъ въ Варшавѣ, сообщилъ, что въ библіотекѣ, князей Чарторыйскихъ находится польскій оригиналъ того памятника, русскій переводъ котораго подъ заглавіемъ: „Сужденіе дьявола противъ рода человѣческаго", напечатанъ А. И. Кирпичниковымъ въ „Памятникахъ древней письменности". Оригиналъ этотъ относится къ 1570 г. и изданъ въ 1892 году г. Бенисомъ въ XXII т. „Библіотеки польскихъ писателей" въ Краковѣ.

Въ этомъ же засѣданіи г. предсѣдатель сообщилъ о полученіи Высочайшаго разрѣшенія на принятіе обществомъ капитала въ 10,750 руб. метал., завѣщаннаго А. М. Кожевниковымъ для выдачи преміи за изданіе и ученую разработку древнихъ памятниковъ русской письменности.

Кромѣ того, было доложено о книгахъ, поступившихъ въ библіотеку общества; въ томъ числѣ поступила отъ члена-корреспондента общества Н. П. Барсукова только-что вышедшая въ свѣтъ IX книга его сочиненія: „Жизнь и труды М. П. Погодина“, обнимающая собою конецъ строгановскаго періода Московскаго университета, и отъ С. В. Вольскаго: „Ksiega przvslow polskich“, S. Adalberg'a. („Нов. Вр. № 6818, 1895 г.).

Въ Археологическомъ Обществѣ. 16-го февраля, состоялось засѣданіе классическаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго общества подъ предсѣдательствомъ И. В. Помяловскаго. Выслушаны доклады В. К. Мальмберга: „По поводу рельефовъ изъ Мантинеи“ и М. И. Ростовцева: „Новое о Пантеонѣ“.

Найденные въ 1887 году въ Мантинеѣ три рельефа съ изображеніемъ на одномъ изъ нихъ состязанія Аполлона и Марсія, а на двухъ другихъ изъ нихъ шести музъ, находящіяся нынѣ въ національномъ музеѣ въ Аѳинахъ, дали поводъ В. К. Мальмбергу разобраться въ возникшей по этому предмету литературѣ, при чемъ большинство изслѣдователей видитъ въ сказанныхъ рельефахъ облицовку базы описанной у Павзанія скульптурной группы: Латона съ ея дѣтьми, Аполлономъ и Артемидой. Докладчикъ высказывается за то, что рельефы эти представляютъ работу если не самого Праксителя, которымъ была сдѣлана группа, то мастеровъ его школы.

М. И. Ростовцевъ представилъ вниманію собранія новыя данныя по вопросу о знаменитомъ римскомъ храмѣ Пантеонѣ, время первоначальнаго сооруженія котораго относилось до сихъ поръ къ вѣку Августа (27-й годъ до Р. Хр.), вопреки извѣстію, что храмъ съ именемъ Пантеона, сооруженный при Августѣ, былъ уничтоженъ пламенемъ: признавалось невѣроятнымъ, чтобы разрушительному дѣйствію пламени могло подвергнуться зданіе, увѣнчанное куполомъ, который, по своей массивности и въ то же время конструктивной легкости, представляетъ чудо архитектурнаго искусства. Въ настоящее время, при работахъ по реставраціи внутренности храма, производимыхъ подъ руководствомъ французскаго архитектора Шедана, оказалось, что кирпичи всей системы арокъ, поддерживающихъ куполъ, носятъ на себѣ клеймо, точно опредѣляющее время сооруженія храма при Адріанѣ (123 г. по Р. Хр.). („Нов. Вр.“ № 6816, 1895 г.).

Въ засѣданіи *Историческаго Общества Нестора Лѣтописца* 22 января было сдѣлано сообщеніе дѣйств. членомъ В. З. Завитневичемъ „О Покровскомъ могильникѣ, Купянскаго уѣзда, Харьковской губерніи“. По обѣ стороны Гнилой балки, близъ рѣчки Гнилой, впадающей въ р. Дуванку, притокъ С. Донца, при земляныхъ работахъ стали попадаться человѣческіе остовы, сопровождаемые костями животныхъ, посудою, украшеніями и т. д. По свидѣтельству крестьянъ, разореніе этого кладбища началось лѣтъ 30 назадъ и за этотъ періодъ разрушено было нѣсколько десятинъ могилъ, а находимые предметы исчезали въ рукахъ крестьянъ. Минувшею весною, послѣ проливнаго дождя,

рая раскапываемой возвышенности обвалились, при чемъ обнаружены были слѣды новыхъ могилъ. Это стало извѣстно Императорской Археологической Коммиссіи, и г. Завитневичъ предпринялъ раскопки. Въ одномъ мѣстѣ упомянутаго обвала зарыты были въ безпорядкѣ составныя части двухъ разрушенныхъ во время обвала костяковъ; въ другомъ видны были слѣды разрушенной могилы.

Автору, удалось изслѣдовать 6 могилъ. Въ первой изъ нихъ, обнаруженной обваломъ, покойникъ лежалъ головою на западъ, черепъ былъ полуразрушенъ, руки вытянуты вдоль туловища, ноги оторваны обваломъ насыпи. На груди найдена привѣска изъ 4-хъ маленькихъ бусъ, раздѣленныхъ металлическими колечками и надѣтыхъ на проволоку. Возлѣ головы 2 разбитыхъ небольшихъ сосуда изъ черной и красной глины, грубой работы, по формѣ тождественныхъ съ описываемыми ниже. Найдены и кости козы или барана. Къ сѣверу отъ предыдущаго, на слоѣ бѣлой глины, въ направленіи съ запада на востокъ, обнаруженъ разрушенный костякъ ребенка, еще не перемѣнившаго молочныхъ зубовъ. Возлѣ головы найдены черепки раздробленнаго сосуда той-же формы, а у ногъ — кости козы или барана. Также найдена одна мелкая бусина, кусочекъ желѣза, какъ бы отъ горшка, около шеи обломки костяныхъ кружковъ, напоминающихъ своимъ видомъ извѣстныя пряслицы; тутъ же оказался желѣзный предметъ, имѣющій форму удлиненнаго кольца съ небольшимъ язычкомъ. Въ сосѣдствѣ съ этимъ костякомъ обнаруженъ третій, тоже дѣтскій, длиною 1 арш. 5 вер., обращенный головою на западъ; руки вдоль туловища, голова сдвинута съ мѣста впередъ; на груди тройчатая буса изъ стекловиднаго вещества, покрытая сверху серебряной пластинкой. У головы 2 сосуда. Форма болѣе сохранившагося такова: высотою $2^1/_2$ в., окружность самой выпуклой части 11 в.; шейка возлѣ вѣнчика 6 вер. Вѣнчикъ другаго горшка (раздробленнаго) украшенъ впадинами, выдавленными какъ бы пальцемъ.

Затѣмъ 3 остальныя могилы находились во дворахъ крестьянъ. Въ одной изъ нихъ оказался костякъ, обложенный съ двухъ сторонъ деревянными досками. Черепъ былъ раздробленъ. Головою покойникъ положенъ на западъ, руки вдоль туловища, у ногъ, слѣва, внѣ гроба найдены: маленькій ножикъ въ мѣдныхъ ножнахъ, каменная пряслица, костяное шило. У головы кости барана или козы, двѣ привѣски, верхняя часть небольшаго бубенчика и маленькій кусочекъ золотой бляхи. Другая (5) могила находилась въ серединѣ двора. На глубинѣ около 3 арш., на слоѣ бѣлой глины, обнаруженъ костякъ въ томъ же направленіи и положеніи, длиною 2 ар. $7^1/_2$ вер. Лицо обращено вверхъ. Съ правой стороны найдены: у пояса желѣзный кинжалъ въ деревянныхъ ножнахъ, длиною $5^1/_2$ в. (концы обломаны); желѣзный предметъ, оставлявшій, повидимому, часть удилъ отъ лошадиной уздечки, кремень, желѣзцо (огниво) и точильный камень; съ лѣвой стороны—кости козы или барана. Наконецъ, 3-я могила находилась въ клунѣ П. Иващенко. Костякъ оказался въ томъ же направленіи и положеніи. У головы 2 сосуда, вполнѣ

сохранившіеся. Одинъ формою напоминаетъ вышеописанный, другой имѣетъ видъ современнаго намъ обычнаго горшка. На основаніи найденныхъ предметовъ восточнаго характера (кинжалъ, сосуды), а также измѣреній череповъ и нѣкоторыхъ другихъ данныхъ, референтъ пришелъ къ убѣжденію, что этотъ могильникъ принадлежитъ одному изъ тѣхъ кочевыхъ племенъ, которыя въ такомъ множествѣ обитали въ сосѣдствѣ съ древнею Русью.

Затѣмъ было сдѣлано сообщеніе д. чл. В. И. Щербиной: „Объ историческихъ трудахъ Г. С. Трейера о Россіи" (род. въ 1683 г., ум. въ 1744 г.), автора двухъ сочиненій о Россіи: Апологіи Іоанна Грознаго и Московской исторіи (Кіевлянинъ, 1895 г., № 25).

V

Библіографія

Писаревъ, С. П., Княжеская мѣстность и храмъ князей въ Смоленскѣ. Историко-археологическое изслѣдованіе. Смоленскъ. 1894. 8°. IX+295 стр.+ 4 стр. рис. и снимк.—„Исторія Смоленска", говоритъ г. Писаревъ, „не будучи уясняема топографически, безъ знанія древняго расположенія города, является во многихъ случаяхъ темною". Взявъ на себя трудъ пополнить этотъ пробѣлъ въ имѣющихся по исторіи Смоленска изслѣдованіяхъ, авторъ воспользовался для того своими мѣстными археологическими изслѣдованіями, или точнѣе, наблюденіями, помимо, конечно, печатныхъ источниковъ.

Въ вопросѣ о такомъ важномъ предметѣ древней исторіи города, какъ княжеская мѣстность, автору пришлось имѣть дѣло и съ исторіей всего Смоленска, а потому, соблюдая хронологическую послѣдовательность событій, онъ старается дать свой ключъ не только къ разрѣшенію „древняго расположенія города", но и къ уясненію многихъ чисто-культурныхъ или даже и политическихъ событій.

Наибольшій интересъ въ этомъ трудѣ представляетъ, конечно, изложеніе древнѣйшей исторіи княжеской мѣстности (гл. I и II). Вѣчевой характеръ города, отношеніе народной партіи къ княжеской, причина появленія князя въ предмѣстьѣ, самое расположеніе предмѣстья (на западѣ) и его роль въ политическихъ и культурныхъ событіяхъ, его распространеніе и заселеніе въ позднѣйшее время, а потомъ его упадокъ, и многое другое: все это въ названномъ трудѣ ставится, какъ вопросъ, уже назрѣвшій въ наукѣ. Къ сожалѣнію, трудъ г. Писарева, содержащій не мало любопытнаго матеріала, очень не чуждъ увлеченій, неточностей, поспѣшныхъ выводовъ, неосмотрительности въ оцѣнкѣ матеріала, и притомъ написанъ не всегда удовлетворительнымъ въ литературномъ отношеніи языкомъ.

Академіей Наукъ *) напечатана небольшая замѣтка Dr. A. Боленштейна

*) Bull. de l'Académie Imp. des Sciences de St. Pétershonrg XXXVI. № 4. Отдѣльнымъ оттискомъ (Спб. 1894 г.).

„Zur topographischen Onomastik des Lettenlandes“, въ которой онъ знакомитъ съ характеромъ предпринятаго имъ изслѣдованія названій мѣстностей въ области, населенной латышами. Собраніе матеріала ведется посредствомъ разсылки мѣстнымъ пасторамъ и народнымъ учителямъ вопросныхъ пунктовъ для собиранія свѣдѣній о названіяхъ населенныхъ мѣстъ, равно какъ и урочищъ, рѣкъ, озеръ и пр. Собранный этимъ путемъ матеріалъ дастъ возможность освѣтить все еще недостаточно выясненный вопросъ о границахъ древняго разселенія латышей и дополнить имѣющійся въ этомъ отношеніи матеріалъ, собранный г. А. Боленштейномъ въ его трудѣ „Die Grenzen des lettischen Volksstammes“.

Отвѣты, полученные почтеннымъ изслѣдователемъ ко времени составленія имъ названной замѣтки, уже даютъ основаніе ожидать и важныхъ въ научномъ отношеніи выводовъ: намѣчаются новыя данныя, свидѣтельствующія объ олатышеніи нѣкоторыхъ мѣстностей средней части Лифляндской губ., которыя въ болѣе отдаленныя времена были населены Эстами; кромѣ того, крайне интересенъ выводъ, подкрѣпляемый вновь добытыми свѣдѣніями, что около Лемсаля латыши были болѣе древними насельниками, чѣмъ ливы. Наконецъ собранныя данныя дадутъ возможность, такъ какъ разсылка составленныхъ г. Боленштейномъ вопросныхъ пунктовъ не ограничивается Лифляндской губ., а распространяется и на сосѣднія съ ней области,—намѣтить и границы, отдѣлявшія нѣкогда литовцевъ отъ латышей.

Ed. Piette: L'époque éburnéenne et les races humaines de la période glyptique (St. Quentin., 1894, 8°, стр. 27). Въ названной брошюрѣ г. Піэтъ сообщаетъ о чрезвычайно интересныхъ результатахъ раскопокъ, предпринятыхъ имъ совмѣстно съ г. Лапортери (Laporterie) и Пуданъ (Poudant) въ Brassempouy (въ южной Франціи). Раскопки производились въ слоѣ, который соотвѣтствуетъ 3-й палеолитической эпохѣ по классификаціи Мортилье—именно эпохѣ Солютрэ; сдѣланныя находки въ значительной степени дополняютъ имѣвшіяся свѣдѣнія о культурѣ этой эпохи. Еще Мортилье указывалъ, что зачатки искусства палеолитическаго періода, которое дало такое большое количество рѣзныхъ изображеній на кости въ послѣднюю эпоху, по классификаціи Мортилье, эпоху Маделэнъ, встрѣчаются уже въ предшествующую эпоху — Солютрэ. Но находки, на которыхъ онъ основывалъ свое мнѣніе, были крайне малочисленны и возбуждали сомнѣнія въ научномъ мірѣ.

Раскопки г. Піэта обнаружили значительное количество скульптурныхъ изображеній изъ слоновой кости (преимущественно мамонта), чѣмъ неопровержимо доказывается, по мнѣнію г. Піэта, существованіе распространеннаго художественнаго творчества въ эпоху Солютрэ. Названіе самой эпохи г. Піэтъ предлагаетъ замѣнить названіемъ ея эпохой *éburnéenne* (отъ *ebur*—слоновая кость), такъ какъ найденныя изображенія выдѣланы изъ слоновой кости, а слѣдующую за тѣмъ эпоху, Маделэнъ, онъ предлагаетъ назвать *tarandienne* (отъ *cervus tarandus*—сѣверный олень), въ виду того, что кости

и рога сѣвернаго оленя служили въ эпоху Маделэнъ преимущественнымъ матеріаломъ для художественныхъ произведеній. Среди предметовъ, найденныхъ г. Піэтомъ, оказалось и нѣсколько изображеній человѣческихъ фигуръ, которыя вообще крайне рѣдко встрѣчаются среди художественныхъ произведеній палеолитическаго періода; на основаніи этихъ, крайне грубыхъ, изображеній, авторъ старается возстановить типъ обитателей Франціи въ эпоху Солютрэ—попытка, которая является нѣсколько рискованной и малодоказательной въ научномъ отношеніи. Къ классификаціи палеолитическаго періода по эпохамъ слѣдуетъ вообще относиться съ крайней осторожностью. Классификація Мортилье сыграла важную роль, когда дѣло изученія древняго каменнаго вѣка было еще ново; она помогла внести порядокъ въ разнообразныя находки и систематизировать ихъ. Но дальнѣйшее развитіе изслѣдованій заставляетъ лучшихъ французскихъ археологовъ все болѣе сомнѣваться въ пригодности установленной Мортилье классификаціи: въ настоящее время едва-ли можно сомнѣваться, что двѣ первыхъ эпохи—Chelles и Moustier слѣдуетъ соединить въ одну, равно какъ и двѣ послѣднихъ—Solutré и Madelaine. Если принять это послѣднее дѣленіе, то палеолитическій періодъ распался бы на двѣ крупныя эпохи, и одно изъ существенныхъ отличій второй отъ первой заключалось бы въ появленіи художественныхъ произведеній, при чемъ находки г. Піэта даютъ возможность составить себѣ болѣе широкій и ясный взглядъ на бытъ и художественное творчество палеолитическаго человѣка Зап. Европы, чѣмъ это было возможно до настоящаго времени.

Н. Х.

Въ органѣ Вѣнскаго Антропологическаго Общества (Mittheilungen d. Anthrop. Ges. in. Wien) за 1894 г. помѣщены слѣдующія работы по археологіи: *Dr. M. Kříž* въ статьѣ „*Die Lösslager in Predmost bei Prerau*", № 1, приводитъ доказательства въ пользу мнѣнія, что найденныя на возвышенности Хлумберга (иначе Градискобергъ) въ Моравіи въ слоѣ лесса остатки пребыванія доисторическаго человѣка должны считаться современными найденнымъ тамъ же костямъ мамонтовъ и др. вымершихъ животныхъ. Количество костей, найденныхъ на Хлумбергѣ, громадно; онѣ принадлежатъ преимущественно мамонтамъ (elephas primigenius); далѣе тамъ же найдены кости Rhinoceros tich. Bos primigenius, Cervus alces, C. tarandus, Ursus spel., Equus caballus, Hyaena spel., Felis spel. и др. Вмѣстѣ съ этими костями былъ найденъ слой угля и многочисленныя орудія изъ кремня, кости (въ томъ числѣ и изъ слоновой) и рога, свидѣтельствующія о пребываніи здѣсь палеолитическаго человѣка. K. Maška и Dr. Wankel сочли указанныя находки за доказательство пребыванія палеолитическаго человѣка здѣсь въ эпоху мамонта. F. Steenstrup, извѣстный датскій археологъ, лично осматривавшій Хлумбергъ, пришелъ къ выводу, къ которому впослѣдствіи примкнулъ до извѣстной степени и Wankel, что кости мамонта не являются современными слѣдамъ человѣка; что между исчезновеніемъ мамонтовъ и появленіемъ здѣсь человѣка протекли

быть можетъ тысячелѣтія, и что человѣкъ появился здѣсь лишь вмѣстѣ съ сѣвернымъ оленемъ, т. е. въ концѣ дилювіальнаго періода. Совмѣстное нахожденіе угля и орудій съ костями мамонта объясняется, по мнѣнію Стэенструпа, тѣмъ, что поселившіеся въ значительно болѣе позднюю эпоху на Хлумбергѣ люди откапывали кости мамонта для изготовленія изъ нихъ разныхъ предметовъ для собственнаго употребленія и для продажи. Ванкель отрицаетъ, что пребываніе здѣсь человѣка было современно мамонту, признаетъ его однако единовременнымъ съ пещернымъ медвѣдемъ. Dr. Kříž на основаніи произведенныхъ имъ раскопокъ старается опровергнуть мнѣнія Стэенструпа и Ванкеля и подтвердить, что существованіе на Хлумбергѣ палеолитическаго человѣка было современно мамонту. То или другое рѣшеніе этого вопроса является весьма цѣннымъ для археологіи, такъ какъ чѣмъ дальше подвигаться на востокъ отъ Рейна, тѣмъ слѣды пребыванія человѣка въ началѣ дилювіальнаго періода становятся рѣже, что подавало основаніе къ теоріи о болѣе позднемъ разселеніи человѣка въ названныхъ обладтяхъ. Вслѣдствіе этого находки, подобныя Хлумбергской, призваны подтвердить или опровергнуть указанную теорію. Въ отдѣлѣ протоколовъ засѣданій В. Антр. О. останавливаетъ вниманіе замѣтка г. *Нидерле,* посвященная доказательствамъ существованія въ Богеміи неолитическаго періода. Этотъ вопросъ все еще остается нерѣшеннымъ наукой: въ то время какъ Smolik и Píč отрицаютъ, что населеніе Богеміи когда нибудь переживало культуру неолитическаго періода, Woldrich, Jelinek, Snajdr, а также извѣстный своими изслѣдованіями археологіи Богеміи Нидерле, полагаютъ, что находки, сдѣланныя на почвѣ Богеміи, дѣлаютъ вопросъ о существованіи тамъ неолитическаго періода безспорнымъ. Въ № 2 помѣщена большая работа Br. *Jelinek'a*: Materialien zur Vorgeschichte und Volkskunde Böhmens, часть 2-я (съ 71 рис.), посвященная описанію находокъ въ различныхъ мѣстностяхъ Богеміи. Dr. *M. Much* посвящаетъ статью разбору названія „Кельтъ": „Kelt oder Celt oder Keines von beiden?", въ которой онъ доказываетъ, что изъ двухъ произношеній слѣдовало бы выбрать „кельтъ", такъ какъ въ концѣ IV вѣка по Р. Х. *), когда это слово встрѣчается впервые, *c* передъ *e* произносилось какъ *к*; но само это слово вкралось въ указанный источникъ по ошибкѣ переписчика и никогда не существовало въ латинскомъ языкѣ въ значеніи топора или долота. Слѣдовательно, археологи, означая извѣстныя орудія названіемъ *цельтъ* или *кельтъ*, воспользовались этимъ словомъ по недоразумѣнію, и г. Мухъ предлагаетъ изгнать его вообще изъ употребленія. Въ отдѣлѣ протоколовъ какъ этого № такъ и слѣдующаго № 3 сообщаются свѣдѣнія объ археологическихъ находкахъ въ различныхъ мѣстностяхъ; изъ нихъ обращаетъ особое вниманіе статья *М. Муха* о раскопкахъ за 1893 г. (№ 2) и *L. Bella* о раскопкахъ у Oedenburg'a, при которыхъ были найдены въ курганѣ глиняныя издѣлія, въ томъ числѣ осколки посуды, орнаментированные изображе-

*) Vulgata св. Іеронима. Кн. Іова, гл. XIX, 23, 24.

ніями человѣческихъ фигуръ, сценами изъ жизни, птицами и пр. Рисунки сдѣланы крайне грубо, въ особенности человѣческія фигуры. Къ статьѣ приложены важнѣйшія изображенія находокъ.

Въ дополненіе къ изложенному выше мнѣнію г. Нидерле о существованіи въ Богеміи неолитическаго періода служитъ работа *Р. Вейнцирля* (Weinzierl) о раскопкахъ могильника неолитическаго періода около Лобозитца, въ Богеміи (№ 3). Могильникъ интересенъ въ томъ отношеніи, что въ немъ найдено три способа погребенія: въ однѣхъ могилахъ, имѣвшихъ котлообразную форму, костяки находились въ скорченномъ положеніи, въ другихъ костяки лежали, при чемъ колѣни были слегка согнуты, въ третьихъ было найдено трупосожженіе. Всѣ три группы могилъ были не глубоки и представляли ямы, заполненныя золой, углемъ и землей. Въ одной изъ могилъ 2-й группы были найдены лошадиныя кости, вѣроятно погребенныя вмѣстѣ съ умершимъ. Въ могилѣ первой группы былъ найденъ просверленный топоръ изъ серпентина. Въ могилахъ съ трупосожженіемъ кости лежали въ глиняныхъ, сдѣланныхъ отъ руки, сосудахъ; сосуды встрѣчались и въ могилахъ 2-й группы; многіе имѣли орнаментъ (геометрическій); найденная лобная часть черепа въ одной изъ могилъ 2-й группы указываетъ на значительное развитіе надбровныхъ дугъ. Авторъ полагаетъ, что всѣ три группы могилъ относятся приблизительно къ одному времени; но въ виду того, что раскопано только 12 могилъ, и предметовъ найдено крайне мало, этотъ выводъ автора требуетъ подтвержденія, ровно какъ и отнесеніе ихъ къ періоду незнакомства населенія съ металлами. Къ статьѣ приложены многочисленные рисунки. *Dr. M. Noernes* помѣстилъ обстоятельный отчетъ о своихъ раскопкахъ въ Истріи „Ausgrabungen auf dem Castellier von Villanova am Quieto“ (№ 4), украшенный 98 рисунками. Кастелльерами принято, какъ извѣстно, называть холмы, на которыхъ находятъ слѣды пребыванія доисторическаго человѣка. Культуру, остатки которой обнаружены раскопками на кастелльерахъ, итальянскіе ученые называютъ „анеолитической“. Населеніе, вѣроятно, состояло изъ иллирійцевъ. Раскопки у Вилланова обнаружили сравнительно мало предметовъ древнѣйшей культуры, но зато много было найдено типовъ эпохи Гальштатта, La-Téne и періода римскаго господства въ краѣ. Формы, полученныя изъ кастелльери у Вилланова, замѣчаетъ г. Гёрнесъ, принадлежатъ къ кругу иллирійской или адріатической культуры, которую мы можемъ прослѣдить на востокъ до Дрины, на западъ до средины верхней Италіи, далѣе на большомъ протяженіи западнаго берега Адріатики и въ восточныхъ Альпахъ до Дуная. Въ болѣе древнее время эта культура однообразна, лишь впослѣдствіи подъ вліяніемъ различныхъ культурныхъ сосѣдей она диференцируется по мѣстностямъ. Въ томъ же № помѣщена обстоятельная статья *Dr. Нидерле* „Bemerkungen zu einigen Charakteristiken der altslavischen Gräber“ (съ 20 рис.), посвященная изученію преимущественно височныхъ колецъ и волнообразныхъ украшеній (на глиняной посудѣ), являющихся характерными для древне-славянскихъ могилъ. Авторъ довольно подробно намѣчаетъ

границы распространенія височныхъ колецъ той формы ихъ, которой онъ придаетъ названіе „колецъ въ видѣ буквы *S*“ (S-förmige), и приходитъ къ заключенію, что чѣмъ дальше на востокъ, тѣмъ они встрѣчаются рѣже; это обстоятельство заставляетъ его высказаться противъ мнѣнія, что эта форма была занесена къ славянамъ съ востока арабами. Родину ихъ слѣдуетъ искать у западныхъ славянъ, при чемъ, основываясь на датированіи могилъ, въ которыхъ былъ найденъ этотъ видъ височныхъ колецъ, онъ высказываетъ предположеніе, что первоначально эти кольца появились въ Венгріи и оттуда уже распространились на сѣверъ и востокъ. Что касается до волнообразнаго орнамента на посудѣ, то изученіе распространенія этого мотива по времени и мѣсту заставляетъ г. Нидерле высказаться въ пользу мнѣнія, что „этотъ типичный видъ орнамента перешелъ въ древне-славянскую керамику изъ римской провинціальной, а не наоборотъ“.

Josef Szombathy (№ 5) въ замѣткѣ „Neue figural verzierte Gürtelbleche aus Krain“ (съ таблицей и рисункомъ въ текстѣ) даетъ подробное описаніе поясныхъ бляхъ, найденныхъ въ могилахъ на Магдалененбергѣ у St. Marien и у Brezje, недалеко отъ Hönigstein'a. Могилы (погребеніе и трупосожженіе) относятся преимущественно къ позднему гальштаттскому періоду и доходятъ до средины эпохи La-Téne. На поясныхъ украшеніяхъ изображены чрезвычайно живо какъ человѣческія фигуры, такъ и миѳическія существа; они представляютъ интересные образцы произведеній искусства до-римской эпохи. Наконецъ, *Р. Мерингеръ* въ статьѣ „Ueber Spuren römischer Dachconstructionen in Carnuntum“ и г. *Делль* „Architektonisches auf den Reliefs der Matres aus Carnuntum“ доказываютъ, что ажурные металлическіе предметы, изображающіе женскія фигуры, окруженные рамками на подобіе зданій, найденные въ указанной мѣстности, представляютъ подражанія небольшимъ римскимъ храмамъ, которые строились при дорогахъ.

Н. Х.

Anthropologie 1894 г. Въ статьяхъ *Э. Картальяка* (Quelques faits nouveaux du préhistorique ancien des Pyrénées) и *М. Буль* (Note sur des restes de glouton et de lion fossiles de la caverne de l'Herm. Arriége) (№ 1) сообщается о находкахъ палеолитическихъ орудій и ископаемой фаунѣ въ названной пещерѣ, въ которой до того времени были находимы только слѣды неолитической эпохи. *Э. Піэтъ* (Notes pour servir à l'histoire de l'art primitif) (№ 2) даетъ характеристику художественнаго творчества человѣка палеолитической эпохи, при чемъ старается отмѣтить, каково было вліяніе измѣненій въ климатическихъ условіяхъ и связанныхъ съ ними измѣненій въ фаунѣ на выборъ первобытнымъ человѣкомъ матеріала и мотивовъ для художественныхъ произведеній, (къ статьѣ приложены рисунки лучшихъ образцовъ рѣзныхъ издѣлій). *Э. Картальякъ* (La divinité féminine et les sculptures de l'allée couverte d'Épone, Seine-et-Oise) описываетъ подробно скульптурное произведеніе, изо-

бражающее женскую фигуру и открытую въ дольменѣ. Прежнее мнѣніе, что дольмены были составлены изъ камней, лишенныхъ всякихъ изображеній, въ настоящее время падаетъ вслѣдствіе найденныхъ на камняхъ, образующихъ дольмены, грубыхъ скульптурныхъ изображеній. Перечень, гдѣ подобныя изображенія были открыты (а отчасти и рисунки) приведены въ статьѣ г. Картальяка. По техникѣ они близко примыкаютъ къ скульптурнымъ произведеніямъ, открытымъ бар. де-Баемъ въ гротахъ департ. Марны. Если справедливо мнѣніе, которое въ настоящее время имѣетъ за собой много вѣроятія, что эти послѣдніе относятся не къ неолитическому періоду, какъ думали раньше, а къ эпохѣ перваго знакомства съ металлами, то они окажутся современными описываемымъ г. Картальякомъ скульптурнымъ произведеніямъ дольменовъ. Находя въ послѣднихъ сходство съ сосудами, найденными Шлиманомъ въ Гиссарликѣ (извѣстныя подъ названіемъ сосудовъ съ головой совы), Картальякъ склоненъ видѣть вліяніе на первобытное искусство зап. Европы со стороны лежавшихъ на востокѣ культурныхъ центровъ. Первобытному искусству посвящена и обширная работа *Соломона Ренака* (La sculpture en Europe avant les influences gréco-romaines) (№№ 1—3). Авторъ имѣетъ цѣлью пополнить пробѣлъ, допускаемый обыкновенно при изученіи пластики на основаніи археологическихъ данныхъ: отъ искусства палеолитическаго періода изслѣдователи переходили обыкновенно къ восточной части Средиземнаго моря и возвращались на западъ только вмѣстѣ съ этрусками и римлянами; такимъ образомъ, оставались не изслѣдованными первые самостоятельные зачатки искусства на западѣ Европы. Въ настоящей работѣ С. Ренакъ оставляетъ въ сторонѣ изученіе другихъ видовъ искусства въ указанный періодъ и сосредоточиваетъ свое вниманіе исключительно на пластическихъ произведеніяхъ. Пользуясь обширнымъ матеріаломъ, авторъ сопоставляетъ многочисленныя находки, изображающія человѣческую фигуру и прослѣживаетъ ея развитіе отъ грубыхъ, едва распознаваемыхъ произведеній въ гротахъ деп. Марны, которыя онъ считаетъ наиболѣе архаичными, до изображеній въ сравнительно позднюю эпоху широкаго знакомства съ металлами. Чрезвычайно интересны доказательства С. Ренака о развитіи человѣческихъ изображеній изъ геометрическихъ фигуръ, (къ статьѣ приложены 141 рис.). Работа г. Ренака еще не доведена до конца: въ одиннадцати появившихся въ настоящее время главахъ, рядомъ съ интересными и остроумными сопоставленіями и гипотезами, мы встрѣчаемъ однако недостаточно внимательное отношеніе къ хронологической классификаціи изучаемыхъ предметовъ и вытекающее отсюда сопоставленіе произведеній исключительно по ихъ мотивамъ и техникѣ, такъ что нѣкоторыя скульптурныя произведенія, относящіяся къ сравнительно поздней эпохѣ (наприм., каменныя бабы, надгробный столбъ изъ подъ Пятигорска) отнесены авторомъ къ древнему періоду. Въ небольшой замѣткѣ „De l'age des stations lacustres en Suisse" г. *Вуа* (Vouga) (№ 2), на основаніи раскопокъ, произведенныхъ имъ между деревнями Оверньe и Коломбье (въ 4—5 кил. отъ Невшателя), присоединяется

къ мнѣнію Морло и Жильерона, что въ свайныхъ постройкахъ швейцарскихъ озеръ, по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ, періодъ господства бронзы продолжался около 3000, а господства камня 6—7000 лѣтъ. Изслѣдованныя г. Вуга свайныя постройки приводятъ его къ заключенію, что онѣ были покидаемы жителями нѣсколько разъ (2 раза въ неолитическій вѣкъ и разъ въ бронзовый). Въ замѣткѣ „La Créte mycenienne" *С. Ренакъ* знакомитъ съ результатомъ изслѣдованій, произведенныхъ Артуромъ Эвансомъ въ Критѣ (№ 4), благодаря которымъ можно считать въ настоящее время установленнымъ фактъ, что задолго до появленія въ Греціи финикійской азбуки островитяне Эгейскаго моря развили самостоятельную систему письма; это письмо можно прослѣдить въ двухъ фазисахъ развитія: болѣе древнее—пиктографическое, очень похожи на гіероглифическое письмо Малой Азіи, и силлабическое, отчасти тожественное съ надписями, найденными на Кипрѣ, но древнѣе послѣднихъ. По мнѣнію англійскаго ученаго, есть полное основаніе предполагать, что обѣ системы письма, главнымъ центромъ развитія которыхъ является Критъ, были распространены и въ Пелопонезѣ, и нельзя сомнѣваться, что это письмо было употребительно у грековъ въ микенскую эпоху. Не менѣе важны въ научномъ отношеніи раскопки *Flinders Petrie* и *Blissa'a*, произведенныя въ Палестинѣ на холмѣ Tel-el-Hesy на мѣстѣ древняго города *Λαχίς*, занятаго евреями при покореніи Ханаанской земли, и разрушеннаго Сеннахерибомъ въ 713 г. Въ верхнемъ культурномъ слоѣ были найдены черепки древне-греческой посуды; наиболѣе новые изъ нихъ относятся къ половинѣ V-го в. до Р. Х., такъ что является возможнымъ установить, что городъ окончательно прекратилъ свое существованіе около 450 г. до Р. Х. При углубленіи раскопокъ можно было постепенно прослѣдить по дѣлаемымъ находкамъ всю исторію города, и черезъ періодъ господства въ немъ іудеевъ и вліянія финикійской культуры довести до древнѣйшаго періода существованія города. Между прочими находками были встрѣчены и цилиндры съ клинописью, относящіеся къ 3000—1500 гг. до Р. Х., издѣлія египетскія (бусы) эпохи XVIII-й династіи (около 1400 до Р. Х.) и наконецъ клинообразная надпись періода, когда городъ принадлежалъ Египту. По значенію находокъ, сдѣланныхъ на холмѣ Тель-эль-Гези, *С. Ренакъ*, сообщающій (№ 4) о нихъ, справедливо называетъ найденный городъ Troie palestinienne. *Э. Картальякъ* (№ 6) (Le temple de Koptos) знакомитъ съ результатомъ раскопокъ Flinders Petrie въ Египтѣ, въ совр. м. Куфтъ (на прав. бер. Нила, 30 м. на сѣверъ отъ Ѳивъ); раскопки древнѣйшаго храма открыли скульптуру эпохи XI-й династіи; эти художественныя произведенія являются нап болѣе древними изъ всѣхъ извѣстныхъ (ок. 5000 л. до Р. Х.) и даютъ возможность заглянуть въ исторію египетскаго искусства того періода, когда металлы еще крайне мало были распространены въ Египтѣ. Обработка художественныхъ памятниковъ производилась посредствомъ каменныхъ орудій, въ выдѣлкѣ которыхъ египтяне достигли совершенства; кромѣ того, изслѣдователемъ были найдены и болѣе раннія каменныя орудія, которыя повто-

ряютъ типы палеолитическихъ орудій зап. Европы. *Евг. Тулузомъ* была открыта недалеко отъ Фонтенбло могила неолитической эпохи. Въ статьѣ (Découverte d'une sépulture de l'époque néolithique au vil'age de Saint-Mammés (Seine-et-Marne) (№ 4) г. Тулузъ описываетъ могилу въ слѣдующихъ чертахъ: она была устроена не глубоко (1 м. 10 цент.) и обставлена камнями; дно ея выложено бѣлымъ камнемъ; кладка сухая; сверху могила прикрыта большимъ камнемъ; незначительные размѣры заставляютъ полагать, что она была предназначена для одиночнаго погребенія. Слѣды огня и остатки угля заставляютъ думать, что передъ погребеніемъ въ могилѣ разводили огонь (обычай, подмѣченный при устройствѣ дольменовъ). Кости плохо сохранились; остатки черепа свидѣтельствуютъ о брахицефаліи погребеннаго. Въ могилѣ, кромѣ каменныхъ орудій, найденъ грубый сосудъ изъ глины. Въ работѣ „Note sur les stations préhistoriques de Gafsa" (Tunisie) (№ 5) *Dr. Couillault* сообщаетъ о сдѣланныхъ имъ находкахъ палеолитическихъ орудій въ Тунисѣ. Въ этомъ же № помѣщенъ обстоятельный отчетъ *С. Ренака* объ археологическомъ конгрессѣ въ Сараевѣ. Наконецъ въ статьѣ гг. *Pontnau и Capié* „Un cimetiére gaulois a Saint-Sulpice" (Tarn) (№ 6) описаны подробно раскопки въ названной мѣстности; могильникъ доставилъ обширный матеріалъ для изученія керамики галльскаго періода; къ статьѣ приложено большое количество рисунковъ погребальныхъ урнъ, найденныхъ въ могильникѣ.

Н. Х.

Memoires de la Société Finno-Ougrienne VI Antiquités de la Siberie Occidentale, concervées dans les musées de Tomsk, de Tumen, d'Ekaterinebourg, de Moscou et de Helsingfors, publiées par Axel Heikel. Helsingfors, 1894.

Названное выше сочиненіе г. Гейкеля представляетъ интересъ личнаго, весьма обстоятельнаго, знакомства автора съ коллекціями древностей, хранящихся въ различныхъ музеяхъ Западной Сибири. Авторъ главнымъ образомъ задался цѣлью не только осмотрѣть и изучить музеи названной мѣстности, но и подвергнуть критической оцѣнкѣ тѣ свѣдѣнія, которыя ему приходилось встрѣчать въ каталогахъ музеевъ и дневникахъ лицъ, производившихъ раскопки. Такъ, въ виду такой провѣрки авторъ сопоставляетъ дневникъ г. Дмитріева-Мамонова, производившаго раскопки близъ Тобольска, съ описаніемъ вещей, добытыхъ этими раскопками, въ указателѣ музея Томскаго университета, составленнаго проф. Флоринскимъ. Такое сопоставленіе даетъ поводъ автору указать цѣлый рядъ неточностей въ указаніяхъ какъ дневника, такъ и университетскаго каталога. Еще болѣе отрицательными свойствами отличаются, по мнѣнію автора, археологическія указанія художника Знаменскаго въ Тобольскѣ. Всѣ эти свѣдѣнія относятся къ археологическому матеріалу, добытому на полуостровѣ Чувашскомъ, близъ Тобольска, представляющемъ городище съ обширнымъ могильникомъ, состоящимъ изъ кургановъ. Въ означенной мѣстности авторомъ также произведены были раскопки, но изъ 10 разрытыхъ имъ кургановъ только одинъ оказался

неразграбленнымъ. Несмотря на такое печальное обстоятельство, автору однако удается установить тотъ фактъ, что могилы подъ насыпью кургановъ этой мѣстности покрывались деревянной крышей, состоявшей изъ брусьевъ и древесной коры. Приложенные планы раскопокъ отличаются отчетливостью. Обозрѣвая хранилища древностей въ городахъ Западной Сибири и Пермскаго края, авторъ иллюстрируетъ свое описаніе этихъ коллекцій цѣлой серіей рисунковъ, помѣщенныхъ въ концѣ книги. Что касается характеристики вещей и обобщеній обрядовъ погребальныхъ, то авторъ весьма скромно воздерживается отъ такихъ сужденій, за немногими исключеніями.

Неточность свѣдѣній по отношеніи къ означенному матеріалу въ вопросѣ о существованіи кремаціи въ курганахъ близъ Тобольска лишаетъ и мнѣніе автора твердой основы: мы не знаемъ точныхъ основаній, почему находки жженыхъ костей въ курганахъ приписываются исключительно животнымъ, принесеннымъ въ жертву. Авторъ отрицаетъ кремацію еще и на томъ основаніи, что вещи, найденныя вблизи такихъ жженыхъ костей, не носятъ слѣдовъ огня. Но въ могильникѣ Люцинскомъ вещи клались послѣ сожженія, а потому слѣды огня были не замѣтны, или едва замѣтны.

Вообще для рѣшенія такого важнаго вопроса желательно бо̀льшее количество фактовъ и ихъ точная интерпретація.

Очевидно, эта книга представляетъ лишь отчетъ или подготовительную работу для будущихъ изслѣдованій, и въ этомъ отношеніи она представляютъ весьма необходимую точку отправленія для археолога, который задумалъ бы заниматься сибирскими древностями. Книга г. Гейкеля представляетъ въ данномъ случаѣ весьма важную критику научнаго матеріала, хранящагося въ различныхъ городахъ Сибири.

Archeografo Triestino, изданіе Societa del Gabinetto di Minerva. Тріестинское ученое Общество это существуетъ уже 85 лѣтъ и выслало намъ новую серію своего журнала, начиная съ 1869 г., съ т. I—XIX.

Журналъ этотъ всецѣло посвященъ изученію мѣстной старины во всѣхъ ея частностяхъ и подробностяхъ. Разрабатываются и издаются древніе документы, акты, семейные архивы, изучается мѣстная топографія, мѣстныя наименованія; имѣется отдѣлъ біографіи и некрологовъ; очень серьезно представлена библіографія мѣстная и иностранная, имѣющая отношеніе къ изученію страны. Издаются также памятники и надписи древней Aquileia, Полы, предметы мѣстнаго Музея, собраніе находокъ въ древнѣйшей греческой колоніи въ Кумѣ, отчеты о раскопкахъ, произведенныхъ вокругъ Тріеста въ Барколо, въ гротахъ S. Canziano, въ S-ta Lucia и проч. (т. XVIII); отчетъ Puschi о находкахъ римскихъ построекъ въ S. Sabba (т. XII); находка Riccardo Burton въ Оссеро каменныхъ скребковъ, бронз. ножа и грубой глиняной лампы украшенной рунами (т. V); отчетъ Коммиссіи по реставраціи въ Тріестѣ храма S. Giusto и его древнѣйшихъ надъ алтарныхъ мозаичныхъ изображеній (т. V и XV).

Antonio Joppi и Buttazon разрабатываютъ историческіе вопросы: *первый* характеризуетъ весьма живо постоянное мѣстничество между Венеціанскою республикою и домомъ Габсбурговъ, сообщаетъ интересную замѣтку о засѣданіи Синода въ Павіи и Римѣ въ 698 г., на которомъ было рѣшено присоединеніе къ Римской куріи церкви схизматиковъ аріанцевъ, нашедшей пристанище въ древней Aquileia (т. I).

Второй передаетъ подробный списокъ патріарховъ аріанцевъ, заправлявшихъ церковью въ Aquileia (т. I), разрабатываетъ происхожденіе мѣстныхъ названій, какъ напр. Monte Cucco, Monte Catalano, La Vena, il Monte Venda и мѣстныхъ народностей какъ напр. Венетовъ и производитъ ихъ отъ Кельтовъ, передаетъ ва основаніи историческаго документа 1471 г. разсказъ о вторженіи Турокъ въ страну, объ осадѣ ими гор. Тріеста и геройскаго поведенія мѣстныхъ жителей, вышедшихъ въ поле и отбившихъ непріятеля (т. II).

Don Angelo Marsich занимается преимущественно Славянами, ихъ появленіемъ въ сосѣднихъ провинціяхъ въ 548 г., вторженіемъ въ страну вмѣстѣ съ Аварами въ 568 г., порабощеніемъ ими внутренности страны въ 602 и 604 г., передвиженіемъ ихъ вмѣстѣ съ Аварами по направленію къ Италіи, занятіемъ ими горныхъ проходовъ и пр. (т. XIII).

Don Pietro Tomasin и *Frauer Emilio* изучаютъ слѣды семитовъ въ исторіи и заселеніи страны: *первый* доказываетъ происхожденіе названія Истріи отъ Финикійцевъ, основывая свои доказательства на еврейскомъ текстѣ Библіи (т. II); *второй* доискивается слѣдовъ семитскихъ народностей въ Италіи (т. XV).

Pietro Pervanoglu въ цѣломъ рядѣ статей представляетъ доказательство о заселеніи страны выходцами изъ Малой Азіи и береговъ Ефрата и о вліяніи далекаго востока на преданія и религію мѣстныхъ народностей. Такъ напр., въ статьѣ своей (т. 4-й) о *Крылатомъ Львѣ*, эмблемѣ Венеціанской республики, украшающей и понынѣ ворота почти всѣхъ городовъ и мѣстечекъ отъ береговъ Истріи до Палестины и свидѣтельствующей о быломъ величіи и могуществѣ республики, онъ доказываетъ, что преданіе, передающее разсказъ о томъ, что въ 46 г. апостолъ Маркъ пришелъ съ своимъ крылатымъ львомъ проповѣдовать евангеліе въ Aquileia, тамъ основалъ якобы первую христіанскую общину, послѣ чего перешелъ въ Венецію — ничто иное, какъ смѣшеніе древнѣйшихъ народныхъ преданій съ позднѣйшими христіанскими; историческими же данными и вещественными памятниками легко доказать, что изображеніе крылатаго льва ничто иное, какъ семитическая эмблема бога солнца, занесенная далеко до христіанства изъ Ассиріи и Вавилона финикійскими выходцами.

Въ другой своей статьѣ (т. V) Pervanoglo доказываетъ, что несмотря,

на то, что, по мнѣнію Тита Ливія, въ 571 г. по основаніи Рима, то есть въ 183 г. до Рожд. Хр. сенатъ римскій рѣшилъ для защиты Италіи отъ воинственныхъ племенъ сѣвера основать укрѣпленный лагерь или фортъ, которому придалъ названіе Aquileia—на основаніи данныхъ слѣдуетъ считать это поселеніе болѣе древнимъ.

Въ т. 7 и 10, изучая *греческія колоніи вдоль Адріатическаго побережья* и Иллиріи и разбирая *происхожденіе самаго названія Адріатики*, которое Pervanoglu пріурочиваетъ къ IV ст. до Христа, онъ настаиваетъ на томъ, что первые насельники береговъ Адріатики, Сициліи и Греціи „пришли изъ Лидіи и береговъ Евфрата, откуда занесли въ новыя свои колоніи поклоненіе богу-солнцу, именуемому въ Азіи Адаръ, откуда Адраносъ въ Сициліи и городъ Адріа въ Италіи, близъ впаденія р. По въ море.

Въ томѣ 7 Pervanoglu трактуетъ о *Первыхъ насельникахъ лагунъ* вокругъ Венеціи и выводитъ ихъ изъ Малой Азіи.

Занимаясь въ т. XI *Происхожденіемъ названія Италія*, онъ сообщаетъ, что Антіохъ Сиракузскій, составляя въ V в. до Рожд. Хр. исторію Сициліи, не даетъ близлежащему полуострову его нынѣшняго названія. Ѳукидидъ же и Софоклъ придаютъ названіе Италіи только южной ея части, и лишь впослѣдствіи это наименованіе переходитъ на всю страну.

Въ т. XIII Pervanoglu поднимаетъ вопросъ о *Палеонтологическомъ сродствѣ Аппенинскаго и Балканскаго полуострововъ;* въ т. XIV—объ *Отношеніи металловъ къ миѳологіи и палеонтологіи этихъ полуострововъ* и о *Вліяніи острова Лемноса на древнѣйшія колоніи береговъ Адріатики.*

Въ т. XV, на основаніи богатѣйшаго собранія Музея въ Тріестѣ онъ разрабатываетъ *Типъ Горгоны* отъ древнѣйшихъ уродливыхъ изображеній съ огромнымъ ртомъ, выпадающимъ языкомъ и чудовищными клыками, до изящныхъ изображеній греческой Медузы, не имѣющей ничего страшнаго, ничего отталкивающаго.

Томъ XVII сообщаетъ намъ изслѣдованіе Pervanoglu касательно *Погребенія и сожженія въ древнѣйшія времена* и о *Культѣ Луны въ доисторическую эпоху.*

Merkbuch, Alterthümer aufzugraben und aufzubewahren. Eine Anleitung für das Verfahren bei Aufgrabungen sowie zum Konserviren vor-und frühgeschichtlicher Alterthümer. 2-е изд. (Berl. 1894) съ 8-ю таблицами.

I. Novotný. Návod ku sbírání a zachraňování předhistorických památek. (Praha, 1894).

Обѣ книжки—руководство для собирателей не-спеціалистовъ, для лицъ, случайно приходящихъ въ соприкосновеніе съ областью археологіи. Первая книжка содержитъ самыя необходимыя свѣдѣнія по археологіи, какъ-то: цѣль и назначеніе собраній доисторическихъ древностей, опредѣленіе доисторическихъ періодовъ, обзоръ главнѣйшихъ видовъ доисторическихъ древностей, съ указаніемъ главныхъ пунктовъ, на которые надо обращать вниманіе при

находкѣ и описаніи древностей, правила при обзорѣ находокъ, раскопкахъ. Затѣмъ идетъ описаніе и опредѣленіе наиболѣе типичныхъ и частыхъ (разумѣется, въ Германіи) предметовъ, находимыхъ въ землѣ; это—объясненіе къ приложеннымъ къ книжкѣ 8 таблицамъ рисунковъ. Наконецъ, руководство для сохраненія найденныхъ древностей: сохраненіе органическихъ веществъ, неорганическихъ веществъ. Въ приложеніи къ этой главѣ приводится рядъ весьма полезныхъ рецептовъ для сохраненія и очистки найденныхъ предметовъ. Наконецъ, приложенъ подробный перечень вопросовъ, отвѣтъ на которые долженъ служить основаніемъ для описанія. Книжка составлена очень методично и практично, рисунки (въ уменьшенномъ размѣрѣ) очень ясны.

Чешское руководство основано частью на первомъ изданіи предыдущей книжки, а также русскихъ руководствахъ. Составлена книжка „для собирателей въ Чехіи, т. е. имѣетъ дѣло съ тѣми только сортами доисторическихъ памятниковъ, которые находятся въ здѣшнемъ краѣ“ (стр. 4). Так. обр., здѣсь даны руководства при изслѣдованіи находокъ: въ пещерахъ и наносныхъ слояхъ (около рѣкъ), при находкахъ случайныхъ отдѣльныхъ предметовъ, при находкѣ кладовъ, изслѣдованіи валовъ и городищъ; затѣмъ слѣдуютъ остатки жилья („культурныя“ ямы) и могилы, съ сожженіемъ и безъ него. Приведены сначала *общія* правила, затѣмъ подробности при отдѣльныхъ случаяхъ. Главная цѣль—сберечь предметъ при находкѣ, дать матеріалъ для будущаго описанія. Постоянно же рекомендуется передавать предметъ возможно скорѣе спеціалистамъ, которымъ также рекомендуется давать знать немедленно о находкѣ. Ясно, книжка разсчитана на менѣе развитую, менѣе подготовленную публику, нежели имѣлась ввиду авторомъ нѣмецкой книжки.

М. С.

Старинар Српског археолошког друштва. Година VIII, кн. 4; IX, кн. 4; X, кн. 1—2. (Београд 1892—94) *).

Характеръ и направленіе журнала были указаны при обзорѣ первыхъ книжекъ „Старинара“ (см. Арх. Изв. и Зам. 1894, № 2, стр. 73—76).

Въ настоящихъ книжкахъ находятся слѣдующія статьи:

а) *По древне-христіанской и римской эпохѣ.* 1) „Добри пастир“ *М. Валтровича* (VIII, 4). Дѣло идетъ о бронзовой статуэткѣ „Добраго пастыря“, найденной на берегу Дуная вмѣстѣ съ изображеніями языческихъ божествъ *). Это изображеніе, довольно частое на западѣ, на востокѣ, по словамъ М. Вальтровича, встрѣчается довольно рѣдко. Авторъ статьи находитъ возможнымъ отнести бѣлградскую статуэтку къ *младшей* группѣ изображеній, приближающейся однако въ нѣкоторыхъ особенностяхъ къ *старшей* (именно къ латеранскому „Доброму пастырю“), т. е. занимаетъ проможуточное положеніе

*) Только перечисленныя тетради журнала и были доставлены въ Археологическое Общество.

*) Статуэтка въ 7 сант., ноги отломаны. Принадлежитъ она Бѣлградскому музею.

между этими группами. По типу онъ примыкаетъ ближе къ статуэткамъ, сдѣланнымъ на западѣ.

2) „Старо-хришћански мртвачки ковчег, нађен у Београду“ (Древне-христіанскій саркофагъ, найденный въ Бѣлградѣ) того же *М. Валтровича* (VIII, 4) (съ двумя снимками). Этотъ третій изъ подобныхъ памятниковъ, найденныхъ на Балканскомъ полуостровѣ, найденъ въ сѣв. части Бѣлграда и хранится теперь въ музеѣ. Происхожденія саркофагъ римскаго. Скульптурное изображеніе на немъ, довольно обычное на христіанскихъ саркофагахъ: Іона пророкъ поглощаемый и извергаемый китомъ (третье изображеніе человѣка на дельфинѣ) *) и „Добрый пастырь“; оба изображенія на одной сторонѣ (продольной) саркофага (остальные бока безъ изображеній). Добрый пастырь аналогиченъ съ приведеннымъ выше бронзовымъ. Обѣ статьи, въ видахъ популяризаціи, написаны пространно, съ общимъ очеркомъ исторіи обоихъ изображеній и въ связи съ идеями раннихъ вѣковъ христіанства; снабжены рисунками.

3) „Римски натписи изъ Костоца и Дрмна“ *Ц. Ф. Нубера* и *М. Валтровича* (IX, 4). Изданы пять римскихъ надписей, одна съ именемъ имп. Діоклитіана мож. быть отъ пьедестала статуи.

б) *По среднимъ вѣкамъ и старой славянской археологіи.* Самая крупная статья 1) „Микольски збор у Баци Которскоі“ (съ 15 рисунками) *Младена Црногорчевича* (X, 1,2). Въ статьѣ находимъ археолог. описаніе древностей, главн. обр. монументальныхъ памятниковъ: во-первыхъ, Превлаки (полуострова-перешейка у Боки Которской), гдѣ сохранились развалины церквей (наприм. арх. Михаила), монастыря, устроенныхъ еще въ XIII в. (времени Нѣманей), древнее кладбище. Затѣмъ идутъ описанія сосѣднихъ мѣстностей. Страдіоци (между Превлакой и Атокомъ)—древнее поселеніе, извѣстное еще въ VII в. (подъ именемъ Insula s. Gabrielis), съ храмомъ Арх. Гавріила, сооруженнымъ въ XI в., теперь въ развалинахъ, гдѣ находятъ до сихъ поръ много монетъ, преимущественно венеціанскихъ; Брдо (на вост. отъ Превлаки) съ остатками зданій XV—XVII в., Солила, Широка—река, Богдашићи, съ церковью XII в. и съ записью этого же времени *) и т. д.

2) „Надгробни запис од год 1648“ *Л. Стояновича*; находится около Соко-Бање. 3) „Соколовића гроб код Цариграда“ *ђ. Стратимировича*—могила серба, принявшаго магометанство и бывшаго визиремъ у Сулеймана II (въ 1565 г., убитъ 1579 г.). 4) „Старинарски прилошци“ *И. Руварца*. Архим. Руварцемъ описаны вновь: сербскій крестъ XIV в. въ Ватопедѣ, пожертвованный, какъ точно опредѣляетъ авторъ замѣтки, между 1381 и 1389 г., дѣтьми Мусича, погибшими на Косовѣ; запись на иконѣ въ Хиландарѣ также XIV в. (поправки къ замѣткѣ Архим. Дучича). Всѣ статьи 2—4 помѣщены въ IX, 4.

в) *Нумизматика* „Непознати новци“ (неизвѣстныя монеты) *М. Валт-*

*) Символъ Христа, по объясненію М. В.

*) 1269 г., издана въ Monumenta serbica (1858) Миклошича.

ровича (IX, 4) (съ таблицей). Четыре неопредѣленныхъ рѣдкихъ монеты находятся въ собраніи Вайферта (Бѣлградъ): двѣ бронзовыхъ, одна серебряная, одна золотая. На лицевой сторонѣ—голова (на одной монетѣ бронзовой—двѣ лицами другъ къ другу, одна женская) съ непонятными надписями; на обратной—свинья съ поросятами (въ разныхъ положеніяхъ и количествахъ). По типу надписей бронзовыя монеты староиталійскія; на серебряной и золотой, повидимому, греческая подпись. По вѣсу, характеру изображеній, авторъ считаетъ *отливку* монетъ бронзовыхъ возможнымъ отнести къ 310—290 г. до Р. Х. Серебряная и золотая монеты относятся къ VIII в. и производства византійскаго.

2) „Разни вести" *М. Валтровича* (VIII, 4). Въ этомъ отдѣлѣ помѣщены отзывы о Byzant. Ztschr. Крумбахера (по проспекту Крумбахера), о книгѣ H. Brockhaus'a—Die Kunst in den Athos Klöstern (Leepz, 1891) и I. Strzygowski. I. Das Etschmiadzin-Evangeliar (Wien, 1891).

М. Сперанскій.

Филологическое Обозрѣніе, журналъ классической филологіи и педагогики. Томы VI—VII. Москва, 1894 г.

Въ вышедшихъ въ 1894 году двухъ томахъ журнала, издаваемаго гг. Адольфомъ и Аппельротомъ, отмѣтимъ слѣдующія статьи, имѣющія отношеніе къ монументальной археологіи: *С. А. Жебелевъ.* Ликосурская группа ваятеля Дамофонта.—*Р. И. Шериль.* Значеніе изображенія созвѣздій на римскихъ денаріяхъ.—*А. Н. Щукаревъ.* Археологическая хроника Эллинскаго востока (Обзоръ раскопокъ на почвѣ Греціи).—*А. В. Никитскій.* Къ одной архаической надписи изъ Дельфъ.—*В. Г. Аппельротъ.* Оригинальный орнаментъ.—Діонисъ Каламиса и Праксителя.—Археологическія замѣтки (о новомъ обломкѣ сосуда съ рельефнымъ изображеніемъ Гермеса съ Діонисомъ, Праксителя).—*С. А. Жебелевъ.* Археологическая хроника Эллинскаго востока (статья, главнымъ образомъ, посвящена описанію раскопокъ въ Дельфахъ и Спартѣ). Журналъ, по прежнему, даетъ обстоятельный обзоръ изданій по классической археологіи и филологіи, какъ иностранной, такъ и русской.

Печатано по опредѣленію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, на основаніи § 56 его Устава

Предсѣдатель *Графиня Уварова.*

Вып. I и II (въ одной книгѣ): Древности каменнаго и металлическаго вѣка, съ портр. гр. А. С. Уварова и 35 таблицами рисунковъ. 1887 г. Ц. 4 р.

Вып. VII. Монеты Воспорскаго царства и древне-греческихъ городовъ, находившихся въ предѣлахъ нынѣшней Россіи, съ 5 таблицами. Состав. А. Орѣшниковъ. 1887 г., ц. 3 р.

Кавказъ. 2 тома. Ц. 3 р.

Каталогъ Спасо-Преображенскаго монастыря въ Ярославлѣ, ц. 9 р. 50 к.

Византійскій Альбомъ—посмертное изд. гр. А. С. Уварова. Т. I. 1889 г. Ц 15 р.

Уступка книгопродавцамъ и библіотекамъ учебныхъ заведеній 25%.

Продаются въ собственномъ домѣ Общества, въ Москвѣ, на Бересневкѣ, у Большаго Каменнаго моста.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ библіотеку Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества съ 10 марта 1894 г.

Архим., Леонидъ. Систематическое описаніе Славяно-Россійскихъ рукописей собранія гр. А. С. Уварова, 4 т. М., 1893—94 г.

Collections scientifiques de l'Institut des langues orientales du Ministère des Affaires Etrangères Spt 1877 — 91. I, II, III, IV, VI, 1 и 2, VII.

Теодоровичъ, Н. И. Историко-Статистическ. описаніе церквей и приходовъ Волынской Епархіи, т. III, Почаевъ, 1893.

Salmet Namèh, traité de gouvernement. Traduit par Ch. Schefer. Paris, 1893.

Иловайскій, Д. Исторія Россіи, т. III. М. 1890.

Уварова, А. С. Графа, Византійскій альбомъ, т. I, вып. I, съ альбомомъ. М., 1890.

Н. Толстой и Н Кондаковъ. Русскія древности въ памятникахъ искусства, т. I. II, IV. Спб., 1889—91.

Экземплярскій, А. В. Великіе и Удѣльные князья сѣв. Руси, въ 1238 1505. Изд. гр. И. И. Толстаго, т. I и II. Спб., 1889—91.

Толстой, И. Графъ. Древнѣйшія русскія монеты Великаго княж. Кіевскаго. Спб., 1882.

Толстой, И. И. Графъ. Древнѣйшія русскія монеты X—XI вѣка. Спб., 1893.

Графъ И. Толстой. Поддѣльныя Ассирійскія древности (изъ зап. Вост. отд.) Май, 1889.

Графъ И. И. Толстой. Кладъ куфическихъ и Зап. Евр. монетъ (изъ запис. Имп. Рус. Арх. Общ.).

M. W. Nicolsky. La deesse des cylindres et des statues balyloniennes. Paris., 1892 (изъ Revue Archéol.).

Никольскій, М. В, Клинообразная надпись Руси I—въ Эриван. губ. М. 1893.

Никольскій, М. В. По вопросу объ изображеніи женск. божества на вавилонскихъ цилиндрахъ и статуэткахъ (Отт. изъ Древн. Вост.), М. 1891.

Никольскій, М. В. О двухъ ассирійскихъ фрагментахъ, кн. И. А. Путятина (Изъ Др. Вост.). М. 1893.

Никольскій, М. В. Халдейскій вѣсъ и о сомнительныхъ древностяхъ изъ Месопотаміи (изъ Труд. Вост Комм.). М. 1889.

Никольскій, М. В. Вавилонскій контрактъ о продажѣ дома (изъ Др. Вост.). М. 1891.

Никольскій, М. В. Клинообразныя надписи Вавилонскихъ царей (изъ Др. Вост.). М. 1893.

Гр. И. И. Толстаго. Случай примѣненія визант. софрагистики къ вопросу по русской нумизматикѣ (изъ Др. И. М. А. О.).

Сперанскій, М. Н. Апокрифическія дѣянія апос. Андрея въ слав.-русскихъ спискахъ. М., 1894 (изъ XV т. Др.).

Baron de Bay. Une chasse de la cathedrale d'Astorga (Espagne) (IX Congrès á Vilna). Paris, 1894.

Henri de la Tour. Atlas de Monnaies Gauloises. Paris, 1892.

Планъ Кіева, составленный въ 1695 г. Кіевъ, 1893 г.

Powell, I. W. Ninth annual Report of. the bureau of Ethnology. 1887—88. Washington, 1892.

Харузинъ, Ал. Временникъ Эстлянд. губ. Ревель, 1894, кн. I, 1893 г.

Ковенская губернія за время 1843 - 1893 г. Ковно, 1893 (К. Гуковскій).

Корсунскій, И. Ученіе Аристотеля и его школы (перипатетической) о Богѣ. Харьковъ, 1891.

И. Соколовъ. Церковная реформа Императора Іосифа II, Саратовъ, 1892.

Годичный актъ въ С.-Петерб. Духовной Акад. въ 1894 г. (17 февраля). Спб. 1894 г.

Р. Брандтъ. Григоровичевъ паремейникъ I. М, 1894.

(Продолженіе при слѣд. №).

1-00

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

выходятъ въ 1895-мъ году (3-й годъ изданія) по той же программѣ и въ томъ же объемѣ подъ редакціею:

И. А. Линниченка и В. М. Михайловскаго,

при участіи А. В. Орѣшникова и многихъ членовъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества.

Подписная цѣна съ пересылкою и доставкою въ годъ ТРИ (3) рубля.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Для **московскихъ** подписчиковъ:

1) Въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ, Берсеневская набережная собств. домъ, ежедневно отъ 10 до 1 часу и въ часы засѣданій.

2) У А. В. Орѣшникова, Историческій музей, на Красной площади, ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 1 до 4-хъ.

3) Въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Моховая, противъ Стараго Университета, д. Коха (и его иногородн. отд.).

4) Въ книжномъ магазинѣ А. Ланга, на Кузнецкомъ мосту.

Иногородніе подписчики благоволятъ присылать подписные **три** рубля **исключительно** въ Императорское Московское Археологическое Общество (Москва, Берсеневская набережная, собств. домъ).

Подписчики, **не получившіе** выпуска или **перемѣнившіе** свое мѣсто жительства, благоволятъ обращаться съ заявленіями исключительно въ Московское Археологическое Общество.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція обращается съ просьбою ко всѣмъ прежнимъ сотрудникамъ журнала и ко всѣмъ любителямъ старины присылать свѣдѣнія о раскопкахъ, случайныхъ находкахъ древностей, объ имѣющихся въ частныхъ рукахъ выдающихся предметахъ древности—церковныхъ и бытовыхъ, рукописяхъ и т. п., а также газетныя извѣстія, заключающія свѣдѣнія археологическаго характера (отдѣльными №№ или просто вырѣзками съ помѣтою, изъ какой газеты и отъ какого числа); особенно желательны №№ провинціальныхъ газетъ.

Письма и посылки могутъ быть адресованы:

1) Въ Москву, въ Императорское Московское Археологическое Общество, Берсеневская набережная, с. д., въ редакцію „Археологическихъ Извѣстій и Замѣтокъ“ или же

2) Алексѣю Васильевичу Орѣшникову, Москва, Историческій Музей, на Красной Площади.

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES
Stacks
JUL 14 1980

издаваемыя

Императорскимъ

Московскимъ Археологическимъ Обществомъ

подъ редакціею

дѣйствительныхъ членовъ

И. А. ЛИННИЧЕНКА и В. М. МИХАЙЛОВСКАГО.

№ 4.

МОСКВА
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА
Леонтьевскій пер., д. Мамонтова
1895

СОДЕРЖАНІЕ № 4.

Стр.

I **Я. И. Смирновъ**. Двѣ бронзовыя статуэтки всадниковъ Историческаго Музея въ Москвѣ и Оттоманскаго Музея въ Константинополѣ. 93

II **В. И. Сизовъ** Содержаніе реферата г. Городцова: жилища неолитической эпохи въ долинѣ р. Оки 123

III. Археологическая хроника 126

IV. Засѣданія Обществъ 132

V. Библіографія. 136

Въ Императорскомъ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ находятся въ продажѣ слѣд. изданія:

Изданія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. Рекомендованы Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Описаніе Кіева. Соч. Закревскаго. Два тома и атласъ. 1868 г. Ц. 7 р.

Труды I-го Археологич. Съѣзда въ Москвѣ. Два тома и атласъ. 1871 г. Ц. 25 р.

Труды III-го Археологич. Съѣзда въ Кіевѣ. Два тома и атласъ. 1878 г. Ц. 10 р.

Труды V-го Археологич Съѣзда въ Тифлисѣ. Два тома. Ц. 15 р.

Труды VII-го Археологич. Съѣзда въ Ярославлѣ. Тома I, II и III по 5 р.

Труды VIII-го Археологич. Съѣзда въ Москвѣ. Томъ I. Ц. 10 р.

Матеріалы по археологіи Кавказа; вып. 1, 2 и 3-й. Кажд. вып. по 6 р.

Тоже, вып. 4-й, М. 1894. Ц. 8 р. 50 к.

Матеріалы по археологіи восточныхъ губерній. Вып. I. Ц. 8 р.

Древности. Труды Московскаго Археологическаго Общества:

Томъ I, два выпуска. 1865—67 г., ц. 6 р.
„ II, три выпуска. 1869-70 г., ц. 6 р.
„ III, три выпуска. 1870, 71 и 73 гг. Ц 6 р.
Томъ IV, три выпуска. 1874 г. Ц. 8 р.
„ V, 1885 г. Ц. 6 р.
„ VI, три выпуска. 1875—76 г. Ц. 6 р.
„ VII, три выпуска. 1877—79 г. Ц. 8 р.

Древности. Труды Московскаго Археологическаго Общества.

Томъ VIII, 1870 г. Ц. 8 р.

Приложеніе къ VIII тому:
Пятый Археологическій Съѣздъ. Труды предварительнаго Комитета, 1882 г. Ц. 6 р.

Томъ IX, три выпуска. 1882—83 г., ц. 8 р.
„ X, 1885 г. Ц. 8 р.
„ XI, три выпуска. 1886—87 г. Ц. 8 р.
„ XII, два выпуска. 1888 г. Ц. 8 р.
„ XIII, два выпуска. 1889—90 г. Ц. 8 р.
„ XIV, 1890 г. Ц. 7 р.
„ XV, два выпуска. 1894 г. Ц. 8 р.

Древности Восточныя. Томъ I, Ц. 12 р.
Отдѣльно Т. I, 1 выпускъ 1889 г. Ц. 4 р.
„ Т. I, 2 выпускъ 1891 г. Ц. 4 р.
„ Т. I, 3 выпускъ 1893 г. Ц. 4 р.

Незабвенной памяти Графа А. С. Уварова. Рѣчи, прочитанныя въ соединенномъ засѣданіи ученыхъ обществъ 28 февраля 1885 г. (съ портретомъ Графа А. С. Уварова). 1885 г. Брошюра. Ц. 75 к.

Историческая записка о 25-лѣтней дѣятельности Моск. Арх. Общества. Ц. 2 р.

Памяти Н.С. Тихонравова. М. 1894 г. Ц. 1 р.

Уступка гг. членамъ Общества 20%, библіотекамъ учебныхъ заведеній—25%, книгопродавцамъ—30%.

Изданія графа Уварова:

Археологія Россіи. Каменный періодъ. Соч. графа А. С. Уварова. Два тома. 1881 г. Ц. 18 р.

Мерянне и ихъ бытъ. Соч. гр. А. С. Уварова. Одинъ томъ и атласъ. 1872 г. Ц. 8 р. (нѣтъ въ продажѣ).

Каталогъ собранія древн. гр. А. С. Уварова.

№ 4 1895 г.

13750

ИЗДАВАЕМЫЯ
ИМПЕРАТОРСКИМЪ МОСКОВСКИМЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ

I.

Двѣ бронзовыя статуэтки всадниковъ Историческаго Музея въ Москвѣ и Оттоманскаго Музея въ Константинополѣ.

Въ 1893 году Императорскимъ Историческимъ Музеемъ была пріобрѣтена отъ одного частнаго лица, живущаго въ Кіевѣ, бронзовая поломанная статуэтка, найденная, по словамъ продавшаго ее, въ 1892 г. близъ развалинъ Херсонеса, если не въ самихъ развалинахъ.

Статуэтка эта, изображаемая здѣсь на рисункахъ 5, 7, 8 и 10, плохою сохранностью не позволяла высказать съ увѣренностью что либо о назначеніи ея и о томъ, кого она изображаетъ *). Но по счастливой случайности, лѣтомъ 1894 года, въ числѣ древнихъ бронзъ Константинопольскаго Музея древностей замѣтили мы такую-же бронзовую статуэтку, но значительно лучшей сохранности, которая и воспроизводится здѣсь авто-

*) Статуэтка Истор. Музея имѣетъ въ вышину отъ лѣваго плеча до низу 0,086 м., въ шир. отъ конца лошадиной морды до выступа хвоста 0,078 м. Лѣвая сторона статуэтки пострадала, повидимому, отъ огня, что подтверждается остатками угля, которые находились подъ рукою всадника; отъ огня-же, вѣроятно, погнулись и края пьедестала статуэтки. Рис. 5 и 8 въ величину оригинала, 7 и 10 въ половину натуральной величины. *Ред.*

типически въ настоящую величину на прилагаемой табл. I-й и въ уменьшенномъ наброскѣ на рис. 6 по фотографіямъ, любезно предоставленнымъ въ наше распоряженіе дирекціей музея. Статуэтка эта подъ № Br. 232 найдена была близъ Смирны въ Магнесіи, на горѣ Сипилѣ, въ святилищѣ Кибелы, какъ значится въ рукописномъ каталогѣ музея. Объясненіе константинопольской статуэтки предложено было вскорѣ по открытіи ея на ряду съ другими памятниками, большею частью приношеніями Кибелѣ (*Μητρὶ Πλαστήνῃ*) въ развалинахъ какого-то зданія на сѣверномъ склонѣ горы Сипила, близь древней Магнесіи [1]). Смирнскій археологъ A. M. Fontrier описалъ въ мѣстной газетѣ статуэтку эту такъ: „Всадникъ на подставкѣ (общая высота 0,165 m.), одѣтый въ персидскій хитонъ, анаксириды (штаны) и сапоги, держитъ шаръ. Верхняя, отсутствующая часть черепа была приставной и имѣла, можетъ быть, полумѣсяцъ, который носитъ фригійскій богъ мѣсяцъ (*Μήν*). Четыре ножки подставки представляютъ львиныя лапы“ [2]).

Рис. 5.

Другое извѣстіе о находкѣ [3]) основано, повидимому, на статьѣ Fontrier'а и говоритъ о статуэткѣ: „бронзовая статуя высотой 0,50 m. представляющая, быть можетъ, подъ видомъ всадника одно изъ главныхъ азіатскихъ божествъ, мѣсяцъ“ (Lunus *Μήν*).

Въ замѣткѣ Wolters'а указывается при описаніи статуэтки этой на надпись, изданную смирнскимъ же археологомъ Емм. Кандолеономъ [4]),

---

[1]) О раскопкахъ этихъ Wolters сообщилъ краткія свѣдѣнія въ Athenische Mittheilungen 1887, стр. 271—272 съ планомъ зданія, а S. Reinach въ своихъ Chroniques de l'Orient. Paris. 1891, стр. 369. (Revue archéolog. X. 1887, p. 96).

[2]) *Ἁρμονία* 13 марта 1887 г. = Athen. Mitth. 1887, стр. 273.

[3]) Moniteur Oriental 28 марта (н. с.) 1887 = Chron. d'Orient, стр 369.

[4]) Въ томъ же томѣ, Athen. Mittheilungen, стр. 253.

Арх. Изв. и Зам. 1895 г.

гласящую *Μητρὶ θεῶν Πλαστήνῃ (Καλβείσιος Ὀρφεὺς) ἀνέθηκεν* и находящуюся якобы „на бронзовомъ базисѣ со статуэткою, высотой 0,50 m., найденномъ въ святилищѣ Кибелы“, но на базисѣ издаваемой нынѣ статуэтки никакой надписи не замѣчено ни нами, ни любезно провѣрившимъ насъ хранителемъ Оттоманскаго Музея Балтаджи-Беемъ, а потому мы и недоумѣваемъ по поводу надписи этой, находилась ли она на какой иной бронзовой базѣ или же вовсе на иномъ предметѣ.

Изъ обстоятельствъ находки видно лишь, что наша статуэтка была, повидимому, принесена въ даръ, какъ приношеніе *(ἀνάθημα)*, или играла какую-либо служебную роль, если не въ самомъ храмѣ Кибелы, то въ какомъ то къ нему принадлежавшемъ зданіи. Одна изъ найденныхъ тамъ стелъ съ изображеніемъ Матери боговъ, изданная Conze[1]), относится имъ ко временамъ до римскаго владычества, а потому и бронзовая статуэтка принадлежитъ, вѣроятно, той же эпохѣ.

Что же касается назначенія статуэтки и значенія изображеннаго всадника, то отвѣты на эти два вопроса приходится извлекать изъ самой статуэтки; предлагаемое же газетными замѣтками объясненіе нуждается, разумѣется, въ строгой провѣркѣ.

Рис. 6

Статуэтка помѣщена на принадлежащемъ ей особомъ базисѣ 0,088 м. длиною и 0,07 шириной, съ четырьмя выдающимися по угламъ ножками въ обычной формѣ звѣриныхъ лапъ. Посрединѣ пьедестала поднимается второй, болѣе узкій, уступъ (0,037 × 0,065), такъ что весь пьедесталъ имѣетъ высоту въ 0,045 м. Въ эту верхнюю часть пьедестала и вдвинута съ одного узкаго ея края статуэтка всадника, вполнѣ тождественная херсонесской, но лучшей сохранности (см. рис. 6 въ $^2/_3$ вел.). При первомъ взглядѣ является даже предположеніе объ отливкѣ обѣихъ статуэтокъ въ одной

[1]) Athenische Mittheilungen 1888, стр. 202 сл.

и той-же формѣ, но, по ближайшемъ разсмотрѣніи, оказывается разница, не допускающая такого предположенія: лошадь херсонесской статуэтки нѣсколько выше и вообще крупнѣе, крупнѣе и самъ всадникъ, такъ, напр., отъ подола рубахи до свѣшивающейся надъ поясомъ пазухи праваго бока у херсонесской статуэтки 0,018 м., а у константинопольской 0,014 м.; отъ подола рубахи до подошвы у херсонесской 0,025 м., у константинопольской 0,022; правая нога у херсонесской отогнута назадъ, у к-польской виситъ почти вертикально. Вообще херсонесская статуэтка производитъ болѣе живое впечатлѣніе, нежели константинопольская, хотя послѣдняя и не поломана.

Такъ какъ всѣ детали конской сбруи и одежды всадника херсонесской статуэтки тождественны съ тѣми-же деталями к-польской, то вполнѣ позволительно предполагать, что и утраченныя ея части были таковыя-же, какъ у к-польской.

Рис. 7.

Правая рука согнута въ локтѣ и протянута впередъ; на ладони ея лежитъ шаръ, придерживаемый отставленнымъ большимъ пальцемъ. Этотъ шаръ верхнимъ краемъ своимъ приходится на уровнѣ нижняго края глаза лошади. Голова всадника сохранилась не вполнѣ: верхняя часть ея какъ бы срѣзана горизонтально, такъ что волоса надо лбомъ остались лишь на высоту 0,002 м. Въ верхней части обоихъ ушей проткнуты круглыя отверстія. Повидимому, голова не повреждена, а таковой и была первоначально; верхняя-же часть ея, головной-ли уборъ или что иное, была приставлена особо уже изъ другого куска. Служили ли отверстія въ вискахъ лишь для прикрѣпленія этой верхней части или для какихъ либо особо подвѣшенныхъ серегъ,—рѣшать не беремся. Волоса, образуя прямую линію надо лбомъ и висками, спадаютъ за ушами густою массой на плечи, затылокъ и спину, и нижній край ихъ на спинѣ образуетъ выгнутую внизъ линію; на этой тяжелой массѣ проведено нѣсколько изогнутыхъ слегка бороздъ, ясно показывающихъ, что это волоса, а не какой либо матерчатый покровъ. Самое лице всадника поражаетъ его варварскимъ характеромъ: лице слишкомъ выдается впередъ; оно имѣетъ округлую, одутловатую форму; носъ нѣсколько выгнутый, безъ углубленія на переносицѣ, слишкомъ широкъ; глаза раскрыты непомѣрно широко.

Этотъ типъ лица, равно какъ и одежда всадника, не допускаютъ и мысли о возможности принадлежности статуэтки къ т. н. античному искусству, даже къ позднимъ временамъ его: очевидно, это произведе-

ніе какого-то полуварварскаго ремесленника глухой провинціи [1]) грубостью работы объясняется, что лѣваго глаза теперь на оригиналѣ почти не видно: вмѣсто него сплошная выдающаяся слегка плоскость. Особенно дикимъ дѣлаетъ лице разинутый, и при томъ нѣсколько криво, ротъ. Незначительность размѣровъ и небрежность работы не позволяютъ пускаться въ какія либо стилистическія сравненія головы всадника съ иными статуэтками, такъ, напр., горбатый широкій носъ напоминаетъ носъ женской головы, служившей лампочкой, изъ одного изъ кургановъ Гнѣздовскаго могильника Смоленской губ. X-го вѣка (Историческій музей зала 4-я, витр. 1-я, № 35; Указатель памятниковъ, стр. 89, № 35. Рис. см. въ „Древностяхъ", т. IX, стр. 5), но мы не смѣемъ дѣлать изъ сходства этого, быть можетъ чисто случайнаго, какихъ либо дальнѣйшихъ выводовъ.

Рис. 8.

Лучшее впечатлѣніе, нежели всадникъ, производитъ его конь. Голова исполнена довольно живо, хотя и невѣрно анатомически въ положеніи и формѣ глазъ разинутый ротъ, хотя и кажется на первый взглядъ нѣсколько страннымъ, особенно при разинутомъ же ртѣ самого всадника, но значительно способствуетъ оживленію фигуры и въ изображеніяхъ лошадей является постоянно: и на знаменитыхъ коняхъ Парѳенона и на золотой головкѣ лошади въ сибирской коллекціи Эрмитажа (Русскія Древности III, рис. 52) и т. д., а здѣсь мотивированъ, конечно, удилами, хотя повода и не натянуты. Ноги исполнены также довольно живо, передняя отставленная нога касается земли копытомъ, а не поднята и не согнута подъ прямымъ угломъ по обычному шаблону, столь извѣстному и по множеству монетныхъ изображеній, и по коннымъ статуямъ. Одновременно съ правой

[1]) Ср., напр., грубое лицо статуэтки изъ Додоны въ Bulletin de Correspondance Hellenique 1890, pl. V.

передней выдвинута впередъ и правая задняя нога: лошадь идетъ, слѣдовательно, иноходью [?] (ср. рисунокъ 12 въ концѣ статьи, гдѣ лошадь идетъ обыкновеннымъ шагомъ). По этой особенности и по общему складу, по горбоносой головѣ, лошадь болѣе напоминаетъ нѣкоторыя горныя и степныя породы, нежели античные типы коней. Хвостъ на московскомъ экземплярѣ, если онъ только не погнутъ, уходитъ концемъ между колѣнами заднихъ ногъ въ живомъ движеніи: какъ бы лошадь махала хвостомъ или дулъ сильный вѣтеръ сзади (см. уменьш. рис. 7).

Челка лошади связана въ пучекъ и поэтому торчитъ между ушами: такія челки находимъ мы уже въ глубокой древности, такъ напр., на рельефахъ Персеполя [1]), у нѣкоторыхъ лошадей, запряженныхъ въ колесницы на извѣстной греческой вазѣ въ Болоньи, такъ называемой вазѣ François. Позднѣе встрѣчаемъ такія же челки у персидскихъ лошадей IV вѣка до Р. Х., на одномъ изъ сидонскихъ саркофаговъ въ Константинополѣ: на такъ называемомъ саркофагѣ Александра, а также на извѣстной помпейской мозаикѣ, представляющей битву его же съ Персами. Такъ же связаны челки на четверкѣ бронзовыхъ коней, найденныхъ въ театрѣ Геркуланума, и у одной статуэтки скачущей лошади изъ того же города (см. Antichita d'Ercolano: VI, 65 и 66) весьма ясно видна такая же челка на римскомъ рельефѣ, изображающемъ Діоскура, въ музеѣ Полы [2]). Еще позднѣе такія челки являются на нѣкоторыхъ изображеніяхъ временъ Сассанидовъ [3]) и въ IX вѣкѣ въ Византіи [4]). Найдутся, конечно, и еще болѣе новые примѣры такой же челки, и, такъ какъ такой способъ убранства ея существовалъ на ряду съ натурально распущенной челкой, то никакихъ хронологическихъ выводовъ изъ связанной въ пучекъ челки дѣлать нельзя.

Столь же мало хронологическихъ указаній даетъ и сбруя лошадей.

Узда характерна тѣмъ, что образующіе ее ремни идутъ по два рядомъ: подобные ремни образуютъ узду верблюда на одной терракоттѣ изъ Карѳагена (Revue Arch. 15 (1890) pl. I) и на миніатюрахъ арабскихъ рукописей [5]).

Повода свиты жгутомъ и кажутся поэтому веревочными; такіе же

---

[1]) См. Perrot et Chipiez. Histoire de l'art dans antiquité. V, fig. 474.

[2]) См. Archälogisch - Epigraphische Mittheilungen aus Oesterreich. XV (1892) S. 168 Abb. 11.

[3]) Напр. Journal of Asiatic Society of Bengal. X (1841) табл. къ стр. 570. Longpérier, Oeuvres complets, I. табл. къ стр. 87.

[4]) См. Schlumberger. Un empereur byzantin du X siècle, рис. на стр. 81.

[5]) См. Schlumberger'a l. l., рис. на стр. 117 и табл. къ стр. 124.

повода у всадника, императора быть можетъ, на одной лампочкѣ вѣка IV, изображенной (см. рис. 12) въ концѣ настоящей статьи [1]).

Отъ сѣдла видна ясно лишь задняя низкая лука; подъ нимъ небольшой съ округлыми углами подсѣдельникъ. Присутствіе сѣдла опять таки свидѣтельствуетъ, сколь далеко ушли отъ изображеній античныхъ всадниковъ эти статуэтки, но само сѣдло времени не опредѣляетъ, такъ какъ сѣдла имѣли уже обитатели южнорусскихъ степей IV—III вѣка до Р. Х. [2]).

Ремни, идущіе отъ сѣдла подъ хвостомъ и около груди, не имѣютъ тѣхъ пышныхъ украшеній, которыя часто являются при изображеніяхъ императоровъ [3]). Только на груди лошади московской статуэтки видно кольцо или круглая бляха, не выходящая изъ ширины двойнаго ремня. Эти двойные ремни находятъ себѣ аналогіи и на изображеніяхъ варваровъ Южной Россіи на надгробныхъ стелахъ [4]) и на сибирскихъ золотыхъ вещахъ неопредѣленнаго еще точно времени [5]) и на серебряныхъ блюдахъ персидской работы временъ Сассанидовъ [6]), и въ арабскихъ миніатюрахъ [7]); найдутся, вѣроятно, гдѣ нибудь такіе двойные ремни и теперь, а потому намъ кажется, что весь уборъ лошади, бу-

---

[1]) Изъ собранія Ráth'a, въ Венгріи, издана въ Mittheilungen der K. K. Central Commission XIX (1874), на стр. 233.

[2]) См., напр., Чертомлыцкую вазу, Русскія Древности II, рис. 116. Здѣсь кстати указать на любопытную по своимъ подробностямъ конную статуэтку Историческаго Музея (см. Указ. Пам. зала 3-и, стр. 45, № 1099), кажется не изданную, происходящую изъ земли Войска Донскаго (см. уменьш. рис. 9); вышина ея 0,164 м., длина 0,172 м. Работа всей фигуры довольно грубая и, кромѣ того, благодаря неумѣлой отливкѣ, части ея, напр., руки и голова всадника, не вышли; нѣсколько лучше отлита лошадь. Въ данномъ случаѣ для насъ интересъ представляетъ сбруя, сдѣланная очень тщательно, особенно лука и подсѣдельникъ.

Прим. Ред.

Рис. 9.

[3]) См., напр., Валентиніана (?) Montfaucon. Ant. Expl., III табл., 181. Императора (в. V) на керченскомъ блюдѣ; императора на извѣстной бамбергской ткани. (вѣка X-го) (ея изображенія—Schlumberger, l. l., стр. 367 въ краскахъ - Cahier et Martin, Mélanges d'archéologie т. II, табл. XXXII—XXXIV).

[4]) См., напр., Р. Др. II, рис. 55 и на многихъ стелахъ Истор. Музея.

[5]) См. Р. Др. III, рис. 69, 70, 84, 97.

[6]) См. Р. Др. III, рис. 82, Отчетъ Арх. Комм. 1868 табл. III, 4, и тамъ же рис. 84-ый

[7]) См. рис. у Schlumberger'a l. l. на стр. 117.

дучи весьма простымъ и лишеннымъ какихъ-либо характерныхъ украшеній, едва ли можетъ самъ по себѣ опредѣлить время изготовленія статуэтокъ.

Но и сбруя и типъ самой лошади ясно свидѣтельствуетъ, что эта лошадь не изъ тѣхъ породъ, которыя обычны были у Грековъ и Римлянъ. Если на основаніи нахожденія константинопольской статуэтки въ Лидіи сравнить лошадей нашихъ статуэтокъ съ лошадьми издревле разводившимися въ Лидіи [1]), то между ними окажется большое сходство [2]).

Больше надеждъ при попыткѣ опредѣлить время и мѣсто изготовленія статуэтокъ, можно возлагать, повидимому, на одежду всадника, состоящую изъ рубахи, штановъ и низкихъ мягкихъ сапожковъ. И рубахи и штаны извѣстны были на Востокѣ: въ Малой Азіи и Персіи, издревле и являются на восточныхъ дѣйствительныхъ и воображаемыхъ обитателяхъ на греческихъ расписныхъ вазахъ въ VI уже вѣкѣ до Р. Х. Но орнаментировка этихъ рубашекъ и узкихъ обтягивающихъ ногу „анаксиридъ" совсѣмъ иная, нежели у нашего всадника. Широкіе штаны и широкія рубахи у обитателей Малой Азіи, Ѳракіи и Скиѳіи извѣстны по множеству изображеній. Костюмъ Скиѳовъ и Сарматовъ достаточно извѣстенъ, конечно, читателямъ, чтобы останавливаться на немъ: въ немъ не найдемъ мы такихъ оторочекъ рукавовъ и вставки на груди, какъ у статуэтокъ. Ѳракійскій костюмъ изображенъ въ росписяхъ одного могильнаго склепа, въ Македоніи, недавно изданныхъ [3]), Ѳракійца же изображаетъ, быть можетъ, одна терракотта, найденная въ Керчи, т. к. со скиѳскимъ костюмомъ она не сходствуетъ [4]).

Различныя народности Малой Азіи также изображаются въ широкихъ штанахъ и рубахахъ: таковы, напр., изображенія на т. н. „саркофагѣ Сатрапа" въ Константинополѣ, ликійскаго, повидимому, происхожденія; такую же одежду носятъ всадники, украшавшіе галикарнасскій Мавзолей, въ такой же широкой пестрой одеждѣ являются обыкновенно Анхисъ, Парисъ на греческихъ памятникахъ; въ римскія времена одежда того же покроя представляютъ изображенія малоазійскихъ боговъ: Аттиса, Мѣсяца [5]), Миѳры, носящаго обыкновенно костюмъ скорѣе малоазійскій, чѣмъ персидскій. Европейскіе варвары также изо-

---

[1]) См. Radet. La Lydie et le monde grec etc. p. 45, гдѣ собраны свѣдѣнія о коневодствѣ въ Лидіи.

[2]) Ср. Radet. l. l., p. 45: Le cheval lydien... est de la forte race. Il a la tête grosse, l'encolure épaisse, le poitrail robuste, le corps massif, les jambes basses et trapues. Ses formes sont lourdes, mais vigoureuses.

[3]) Kinch'омъ въ его отчетѣ о путешествіи по Македоніи 4-му собранію сѣверныхъ филологовъ въ Копенгагенѣ, въ 1892 г.

[4]) См. Отчетъ Археолог. Коммиссіи за 1876, табл. VI рис. 8.

[5]) См., напр., ниже рис. 11.

бражаются обыкновенно въ широкихъ рубахахъ и штанахъ, въ покроѣ которыхъ незамѣтно какихъ-либо рѣзкихъ различій. Во II вѣкѣ по Р. Х. римская армія приняла варварское до тѣхъ поръ одѣяніе: широкую рубашку и штаны, и съ тѣхъ поръ одежда эта стала постепенно обыденною не только военной, но и домашней одеждой, такъ что въ IV вѣкѣ въ одеждѣ этой являются уже сами императоры и даже въ торжественныхъ случаяхъ [1]). Въ такомъ одѣяніи изображенъ на серебряномъ блюдѣ, происходящемъ изъ Керчи, какой-то императоръ V, вѣроятно, вѣка съ тріумфомъ возвращающійся съ побѣды [2]). Среди многочисленныхъ изображеній такого костюма отъ IV—VI вѣковъ различаются два типа: однѣ туники, кромѣ каемокъ вдоль ворота, подола и на концахъ рукавовъ, украшаются вертикальными, двумя обыкновенно, полосами, спадающими съ плечъ на грудь и на спину и до подола не доходящими, и парными круглыми или четыреугольными вставками на передней части рубашки ниже пояса, а иногда и круглыми вставками на плечахъ [3]); другія, являющіяся преимущественно на изображеніяхъ Персовъ [4]), а по образцу ихъ въ изображеніяхъ волхвовъ [5]), украшены кромѣ каемокъ двумя широко разставленными полосами на груди, идущими отъ плечъ до подола, при чемъ такія же полосы идутъ и по штанамъ. Повидимому, въ первыхъ тоникахъ можно видѣть издѣлія различныхъ мастерскихъ имперіи, особенно же Египта, а во вторыхъ костюмъ персидской Месопотаміи. И тѣ и другія рубашки имѣли длинные рукава и при широтѣ своей могли прикрывать поясъ спадающими на него пазухами, конечно если поясъ не былъ широкій, богато украшенный, и потому одеждою не скрываемый.

Рис. 10

Въ томъ византійскомъ костюмѣ, который сталъ шаблоннымъ во множествѣ миніатюръ, мозаикъ, фресокъ и другихъ памятниковъ X, XI и слѣдующихъ

[1]) См. знаменитое серебряное блюдо 388 года въ Мадридѣ; переиздано въ 8 № Матеріаловъ по Археологіи Россіи, изд. Имп. Арх. Коммиссіей на табл. V.

[2]) См. выше указанную книгу, а также Дм. Ѳ. Бѣлнева. Облаченіе императора на керченскомъ *щитѣ*. Спб. 1893 (=Ж. М. Н. Пр. октябрь 93 г.), гдѣ подробно говорится о различныхъ рубашкахъ византійскаго костюма.

[3]) Таковы туники вышеуказанныхъ изображеній императоровъ; оригиналы такихъ одеждъ во множествѣ находятся въ некрополяхъ Египта.

[4]) См., напр., Миѳру на глиняной чашкѣ съ рельефами въ Bulletino di Commissione Arch. Municipale 1873 (I) tav. III fig. 2 и Персовъ на рельефахъ тріумфальной арки въ Салоникахъ Kinch. L'arc de triomphe de Salonique.

[5]) См., напр., Арх. Изв. и Зам. 1894 г. миніатюры (по оригиналу VI вѣка) мюнхенскаго пурпуроваго кодекса стр. 146, а рисунокъ въ краскахъ въ изданіи Hefner-Alteneck'a Trachten, Kunstwerke etc. I, 12 A.

вѣковъ, постоянно встрѣчаемъ мы рубашки съ оторочкою на рукавахъ и съ широкою полосою вокругъ ворота и спускающейся отъ нея на грудь вертикальной, одной или нѣсколькими полосами [1]).

Такимъ образомъ, у всѣхъ исчисленныхъ народовъ, къ которымъ можно бы прибавить еще многихъ новѣйшихъ, и во всѣ времена былъ одинъ и тотъ же въ сущности покрой одежды.

Такого же покроя и рубаха нашего всадника: поясъ ея прикрытъ ясно видимыми бухтами пазухи, на рукавахъ широкіе обшлага, по подолу идётъ узкая кайма, но украшенія груди не сходствуютъ ни съ однимъ изъ вышеописанныхъ типовъ: вставка на груди спускается, расширяясь отъ ворота и кончается вогнутою линіей на высотѣ грудей; внутри узкой каймы, образующей эту трапеціеобразную фигуру, на московскомъ экземплярѣ находится орнаментъ, повидимому, въ формѣ розетки.

Это-то характерное украшеніе рубахи пестрыми, разумѣется, вставкой на груди и обшлагами и должно имѣть важное значеніе для опредѣленія мѣста и времени одежды, прочими частями не представляющей ничего характернаго.

Но намъ не удалось пока найти вполнѣ тождественнаго со всадникомъ нашимъ костюма. Правда, знаемъ мы одно изображеніе, гдѣ у бородатаго человѣка въ рубахѣ на груди видимъ расширающуюся внизу вставку [2]), но тамъ рубаха гораздо длиннѣе, вставка гораздо меньше, да и время памятника значительно новѣе статуэтокъ.

Остаются сапожки [3]): подобные низкіе сапоги изъ мягкой кожи носятъ Скиѳы, но у нихъ они перетягиваются обыкновенно ремнемъ, чего у нашихъ всадниковъ нѣтъ. Ближе стоятъ сапожки также со вшивными полосами на древнихъ рельефахъ (т. н. хеттейскихъ) въ Сѣверной Сиріи и Каппадокіи [4]), а безъ обозначенія вставокъ на изображеніяхъ бога Мѣсяца позднихъ временъ (см., напр., рис. 11).

Длинные волоса всадника также свидѣтельствуютъ о варварствѣ его: такихъ волосъ, спадающихъ на плечи, не носили въ позднее время

---

[1]) См., напр., фрески Кіево-Софійскаго собора.

[2]) На мраморной плитѣ въ баптистеріи собора въ Сплѣтѣ (Spalato), относимой къ IX—XI вѣку, см. Eitelberger'a въ Jabrbuch der K. K. Central Commission, 1861 г. и Булича. Djela Jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti. Knjiga, VIII (1888). Загребъ, стр. 38—40, табл. XV, 42. Намъ кажется возможнымъ привозъ плитъ этихъ съ востока готовыми.

[3]) Низенькіе сапожки статуэтки Историческаго Музея, очевидно, изъ мягкой кожи, имѣютъ любопытную подробность, видимую съ правой стороны (лѣвая повреждена огнемъ): вся та часть, куда входитъ пятка, окаймлена (см. рис. 5) цвѣтною, вѣроятно, полосой; верхъ голенища также окаймленъ полоской.

[4]) Perrot et Chipiez. Hist. de l'art. IV fig. 282 Морашъ, на томъ же барельефѣ лошадь со связанной челкой, ib., fig. 354: Ибризъ (близъ Тіаны).

ни греки, ни римляне. Но такія пышныя шевелюры, не завитыя, какъ то бывало на востокѣ семитическомъ, видимъ мы у Мавсола, на изображеніяхъ босфорскихъ царей [1]), а также на упоминавшихся выше изображеніяхъ мало-азійскихъ боговъ и героевъ (см. опять рис. 11).

Такимъ образомъ, и костюмъ всадника привелъ насъ въ Малую Азію, какъ и его лошадь.

Въ Лидіи же издревле и до позднеримскихъ временъ процвѣтали красильныя и ткацкія мастерскія [2]), гдѣ и могли быть изготовлены тѣ пестро-украшенныя вшивки, которыми отличается рубаха нашихъ всадниковъ отъ многихъ подобныхъ ей одѣяній разныхъ варваровъ.

Наши статуэтки мелочной отдѣлкой деталей костюма весьма интересны, т. к. обычныя греческія изображенія варваровъ передаютъ варварскій костюмъ въ общихъ лишь чертахъ, достаточныхъ для того, чтобы обозначить варвара; реалистическія изображенія варварской одежды со всѣми деталями ея гораздо рѣже: они являются лишь тогда, когда художникъ самъ видѣлъ изображаемыхъ варваровъ и имѣлъ нужду или желаніе изобразить ихъ со всѣми деталями ихъ костюма. На большинствѣ же изображеній всѣ варвары носятъ одинъ общеварварскій, такъ сказать, костюмъ. Наши же статуэтки даютъ точное представленіе о покроѣ и орнаментаціи малоазійской, лидійской, быть можетъ, одежды [3]), украшенной пестрыми вставками съ узорами внутри ихъ, вытканными или вышитыми.

Назначеніе статуэтки и ея пьедестала остается непонятнымъ: вдвигающаяся статуэтка образуетъ какъ бы крышку ящичка въ пьедесталѣ, такъ какъ широкая нижняя часть его имѣетъ дно. Но въ этомъ днѣ просверлено 4 круглыхъ отверстія, что̀ устраняетъ мысль о практическомъ назначеніи этой коробочки [4]). Кромѣ того, въ центрѣ этого дна находится пятое отверстіе, закрытое вставленнымъ въ него концемъ желѣзнаго стержня, приходящимся какъ разъ подъ пнемъ статуэтки; въ пустотѣ этого пня, снизу, виденъ также желѣзный стержень; отсюда является предположеніе, что часть, уцѣлѣвшая въ среднемъ отверстіи дна пьедестала, была нѣкогда концемъ стержня, вставленнаго въ пень статуэтки; тогда она, разумѣется, не могла быть выдвигаема. Но теперь нижняя часть стержня, вставленная въ пень, сглажена и выдвиганію нисколько не препятствуетъ. Проходилъ ли прежде стер-

---

[1]) На аѳинскомъ рельефѣ 346 г. до Р. Х. см. рис. Bull. de Corr. Hell. V. pl. V.

[2]) См. Radet. l. l., p. 44-45.

[3]) О варварскомъ костюмѣ см. замѣчанія у Daremberg'a, Saglio Dict. des antiquités. I p., 673 сл.

[4]) О коробочкахъ внутри различныхъ бронзовыхъ глиняныхъ фигурокъ см. Bull. de Corr. Hell. 1886, p. 498.

жень черезъ всю статуэтку и не на него ли насажена была отдѣльная верхняя часть, находившаяся надъ срѣзанной горизонтально головой, рѣшить трудно, такъ какъ теперь въ пустотѣ головы стержня этого не видно.

Если предположить такой сплошной стержень, шедшій отъ дна пьедестала черезъ втулку пня, пустоту самой статуэтки и выдававшійся еще надъ головой ея, и обратить вниманіе на весьма устойчивое устройство пьедестала, непомѣрно устойчивое [1]) для одной узкой [2]) и невысокой статуэтки, то невольно является предположеніе, что предметъ, основаніе котораго мы имѣемъ, или продолжался еще довольно значительно вверхъ, или расширялся, или, вообще, что вѣсъ той части, которая находилась надъ головой всадника, былъ довольно значителенъ, почему и требовались столь широко разставленныя ножки. Гаданія же о томъ, что̀ было надъ головою: стержень ли канделябра, или лампа, или какая либо чашка и т. д., мы, не зная вполнѣ аналогичныхъ цѣлыхъ предметовъ, считаемъ пока безполезными.

Находящійся въ концѣ настоящей замѣтки рисунокъ (см. рис. 12) бронзовой лампочки въ формѣ всадника [3]), можетъ быть, императора, IV-го вѣка, наглядно подтверждаетъ высказанныя предположенія о томъ, что фигурки эти могли служить украшеніями какихъ-либо предметовъ домашняго обихода. Такъ, весьма возможнымъ представляется намъ, что константинопольскій экземпляръ служилъ пьедесталомъ канделябры, подобно извѣстнымъ помпейскимъ канделябрамъ [4]), хотя указать примѣръ, гдѣ бы подставкою служила именно фигурка всадника, мы теперь и не можемъ.

Указанное выше сходство во всѣхъ деталяхъ между статуэтками Историческаго и Константинопольскаго Музеевъ, найденными въ разныхъ мѣстахъ, отлитыми въ разныя формы, но изображающими одно и то же, естественно наводитъ на мысль, что и та и другая маленькая и грубая статуэтка копируетъ одну и ту же статую, пользовавшуюся, очевидно, нѣкоторой извѣстностью. И вотъ этимъ-то только эти двѣ статуэтки и заслуживаютъ, по нашему мнѣнію, нѣкотораго вниманія.

Выше упомянутъ былъ уже пень подъ брюхомъ коня, пень, кото-

---

[1]) Ширина между ножками 0,105 и 0,115 м.

[2]) Ширина основанія 0,03 м.

[3]) Гдѣ-то въ степяхъ, къ востоку отъ Волги, найдены были въ началѣ прошлаго вѣка бронзовыя статуэтки римскихъ, повидимому, всадниковъ, служившія также лампами, и изданы были Montfaucon'омъ, Antiquité exliquèe (упоминаніе въ Русскихъ Древностяхъ, III, стр. 36).

[4]) См., напр., Dictionnaire des antiquités grecques et romaines, Daremberg'a и Saglio s. v. Candelabre.

рый каждому напомнилъ, конечно, многочисленныя статуи, изваянныя изъ мрамора или иного камня и не могущія вслѣдствіе большой массивности туловища и тонкости ногъ стоять безъ этого безобразнаго столба. Но большая часть такихъ статуй объясняется, какъ копіи въ мраморѣ статуй бронзовыхъ, гдѣ въ оригиналѣ пней этихъ, конечно, не было. Наши же бронзовыя статуэтки, наоборотъ, присутствіемъ пня могли бы доказывать, что онѣ копируютъ статую каменную, если бы не усложняло вопроса этого служебное назначеніе фигурокъ: если онѣ служили дѣйствительно основаніемъ вертикально пропущеннаго черезъ нихъ стержня, то пень этотъ могъ быть прибавленъ для маскированія этого стержня. И такъ, вопросъ о матеріалѣ той статуи, которую копируютъ наши фигурки, рѣшить мы не смѣемъ.

Увѣреннѣе можно толковать о томъ, кого изображала эта статуя. Мы видимъ шагомъ ѣдущаго всадника безъ оружія съ шаромъ въ правой рукѣ и поводами въ лѣвой. Аттрибутъ его, шаръ, можетъ изображать, очевидно, лишь или мячъ или державу.

Возможность перваго толкованія находимъ мы въ извѣстіяхъ объ играхъ въ мячъ всадниковъ: персидскихъ царей Сассанидовъ и ихъ вельможъ [1]) позднѣе, очевидно по преемственности, багдадскихъ халифовъ [2]), а еще позднѣе и византійскихъ императоровъ [3]). Но такое толкованіе какъ-то не вяжется со спокойнымъ и торжественнымъ характеромъ изображенія; мы ожидали бы бо̀льшаго оживленія отъ изображенія игрока въ такую игру, гдѣ равно требовалось проворство и ловкость и коня и всадника.

Напротивъ, эта торжественность въ позѣ всадника вполнѣ подходитъ къ предположенію, что шаръ этотъ — „держава", символъ міродержавія: аттрибутъ этотъ столь извѣстенъ, что распространяться о немъ надобности не представляется [4]).

Слѣдовательно, та статуя, копіями съ которой можно считать наши двѣ фигурки, изображала или властителя, или же бога.

Изображеній римскихъ императоровъ и иныхъ царей со сферою въ рукахъ ранѣе II-го вѣка по Р. Х., кажется, неизвѣстно: правда Sittl въ вышеуказанной статьѣ утверждаетъ, что „на многихъ дарикахъ персидскіе цари имѣютъ въ рукѣ шаръ, какъ міровластители" (стр. 43, ср. 45), но ни одного примѣра такого изображенія самъ онъ не ука-

---

[1]) См. Моисея Хоренскаго пер. Эмина, кн. III, гл. 55.

[2]) Kremer. Culturgeschichte des Orients unter den Chalifen. Wien. 1875 S. 142.

[3]) См. Указанія у Дм. Ѳ. Бѣляева. Byzantina I, стр. 76, пр. 1.

[4]) См. K. Sittl. Der Adler und die Weltkugel, als Attribute des Zeus. Leipzig. 1884, гдѣ во второй части (стр. 42—51) рѣчь идетъ объ шарѣ при изображеніяхъ Зевса и императоровъ.

залъ, а намъ въ книгѣ Babelon'a [1]) не удалось найти тому ни одного примѣра, почему мы и сомнѣваемся въ справедливости утвержденій Sittl'я и слѣдуемъ его же положенію (стр. 49), что „императоры держатъ въ рукѣ сферу лишь со времени Антонина". Слѣдовательно, пока неизвѣстно болѣе раннихъ изображеній властителей со сферою въ рукахъ, константинопольскую статуэтку приходится считать изображеніемъ какого-либо бога.

Конечно, съ наиболѣе извѣстнымъ держателемъ міровой сферы, Зевсомъ, нашъ варварскій всадникъ не имѣетъ ничего общаго, кромѣ этого аттрибута.

Въ греческомъ искусствѣ конныя изображенія боговъ почти отсутствуютъ: лишь весьма рѣдко изображался всадникомъ Посидонъ [2]). Гораздо чаще являются всадниками Діоскуры и притомъ съ древнѣйшихъ временъ: такъ были изображены они на амиклейскомъ тронѣ; такое же изображеніе ихъ найдено на архаическомъ рельефѣ въ Дельфахъ [3]). Иныхъ греческихъ изображеній конныхъ боговъ намъ неизвѣстно. Греки, особенно въ Беотіи и Сѣв. Греціи, часто представляли въ видѣ всадниковъ героевъ и героизированныхъ смертныхъ [4]).

На берегахъ Чернаго моря, во Ѳракіи и въ Малой Азіи, гдѣ должно искать объясненія нашимъ статуэткамъ, у населенія, съ древнѣйшихъ временъ знакомаго съ лошадьми, найдется гораздо болѣе изображеній всадниковъ, имѣющихъ отношеніе къ культу, нежели въ собственной Греціи.

О богахъ племенъ сѣвернаго и восточнаго берега Чернаго моря извѣстно слишкомъ мало: скиѳскіе боги, исчисленные Геродотомъ, ближе неизвѣстны, да едва ли и были изображаемы; Санергъ и Астара [5]) остаются загадкой, но статуи ихъ не были конными; болѣе позднему *δαῖ Οὐαταφάρνῳ* [6]) удалось сообщить намъ лишь свое имя. Но не имѣя прямыхъ указаній на существованіе боговъ-всадниковъ и никакихъ ихъ изображеній, можно однако предполагать, что степные наѣздники представляли себѣ всадниками и боговъ, по крайней мѣрѣ

---

[1]) Catalogue des monnaies grecques de la Bibliothèque Nationale. Les Perses achéménides. Paris. 1893.

[2]) Furtwängler. Collection Sabouroff. I, p. 36. Посидонъ верхомъ поражаетъ гиганта см. Отчетъ Арх. Комм. 1865 табл. V. 5, ср. Павсанія I. 2, 3; Посидонъ верхомъ на гипокампѣ - Gerhard. Auserlesene Vasenbilder. I табл. 8. Всадникъ, считаемый Gerhard'омъ за Геліоса (Akademische Abhandlugen, Tf. VIII. 1) едва ли - Геліосъ; всадникомъ съ факеломъ въ рукахъ изображенъ *Φώσφορος* (утренняя звѣзда)—ib. Tf. II.

[3]) См. Арх. Изв. и Зам. 1894, стр. 324.

[4]) См. Deneken, въ Ausführliches Lexicon der Mythologie Roscher'a, т. I, стр. 2554, сл.

[5]) Latyschew. Corpus inscr. orae Septentr. Ponti Euxini, II, № 346.

[6]) Русскія Древности. II, рис. 33. Вс. Ѳ Миллеръ въ Трудахъ Восточной Коммиссіи Московскаго Арх. Общ. I, стр. 129.

нѣкоторыхъ. Но ни одно изъ многочисленныхъ изображеній всадниковъ на памятникахъ Сѣвернаго берега Чернаго моря не можетъ, однако, считаться изображеніемъ бога: всадники на монетахъ босфорскихъ царей представляютъ ихъ самихъ то нападающими на враговъ [1]), то торжественно возвращающимися съ побѣды [2]). Многочисленныя изображенія всадниковъ на рельефахъ надгробій и росписяхъ керченскихъ „катакомбъ" проще и вѣрнѣе объяснять дѣйствительнымъ образомъ жизни этихъ полуварваровъ, нежели героизаціей ихъ въ греческомъ смыслѣ, хотя одна стихотворная надпись при такомъ рельефѣ и увѣряетъ, что умершій пребываетъ съ героями [3]). Одинъ терракоттовый рельефъ [4]), представляющій всадника въ варварской одеждѣ предъ деревомъ съ патерою въ правой рукѣ, дѣйствительно изображаетъ, вѣроятно, героя, но стоитъ, повидимому, въ зависимости отъ подобныхъ рельефовъ малоазійскихъ, т. к. костюмъ всадника не на столько характеренъ, чтобы можно было видѣть тутъ Скиѳа или Сармата. Изображеніе же всадника безъ оружія, остановившагося предъ жертвенникомъ съ рогомъ въ поднятой правой рукѣ, очевидно, собираясь совершить возліяніе [5]), можетъ объясняться изъ дѣйствительной жизни тѣмъ болѣе, что этотъ рельефъ на вѣнкѣ весьма близокъ по исполненію къ вышеупомянутому изображенію побѣдоноснаго царя, также безоружнаго и, можетъ быть, тождественнаго съ этимъ всадникомъ.

О героѣ Сосіи *(ἥρως Σωσίας)*, чтившемся въ Ольвіи, извѣстно лишь изъ упоминанія имени его въ протогеновомъ декретѣ (Latyschew, l. l. I, № 16).

Существованіе въ ѳракійскомъ городѣ Одиссѣ конныхъ изображеній какого-то „великаго Бога" указано Furtwängler'омъ [6]): на многихъ монетахъ этого города изображается бородатый богъ, называемый обыкновенно Сераписомъ, съ модіемъ на головѣ, рогомъ изобилія и патерою въ рукахъ; надписи на монетахъ называютъ его Великимъ Богомъ; онъ же изображается и верхомъ на конѣ съ тѣми же аттрибутами [7]).

Быть можетъ, въ нѣкоторой связи съ этими ѳракійскими представленіями боговъ въ видѣ всадниковъ стоитъ разсказъ, правда, довольно

---

[1]) См., напр., въ Catalogue of the greek coins in the British Museum. Pontos. Pl. XII, 6; XIV. 5.

[2]) Тамъ же pl. XVI, 6 и 8; XVII, 3 и 4. Ср. царя въ сопровожденіи побѣды на бляшкѣ золотаго вѣнка: Древности Босфора Киммерійскаго, табл. III, 3.

[3]) Latyschew. l. l. II, № 383.

[4]) Отчетъ Арх. Комм. за 1877, табл. VI, 17.

[5]) Древности Босфора Киммерійскаго III, 4.

[6]) Collection Sabouroff. I, p. 36, пр. 3.

[7]) Изображенія его пѣшимъ сопоставлены Michaelis'омъ въ Journal of Hellenic Studies VI, pl. *E*; конныя изображенія описаны Mionnet. Supl. II, p. 350, № 889 и сл.

самостоятельный [1]), что Константинъ В. удалилъ съ форума своего конную статую Максентія, потому что въ ней иные видѣли коннаго бога.

Во Ѳракіи давно уже отмѣченъ рядъ рельефныхъ изображеній всадниковъ, именуемыхъ „ѳракійскимъ всадникомъ"; при изображеніяхъ этихъ находятся посвятительныя надписи *ἥρωϊ* или *κυρίῳ ἥρωϊ;* всадники весьма часто изображены скачущими на конѣ вправо, на кабана, видимаго изъ-за ствола дерева; всѣ эти рельефы представляютъ въ общей схемѣ различныхъ мѣстныхъ героевъ [2]) и такимъ образомъ аналогичны малоазійскимъ изображеніямъ всадниковъ въ общей же схемѣ, но при посвященіяхъ различнымъ богамъ (см. ниже). Объясняется ли такая аналогія тѣмъ племеннымъ родствомъ ѳракійцевъ съ ѳригійцами, которое свидѣтельствуется многими древними писателями, или же указываетъ лишь на случайное сходство представленій о конныхъ богахъ—объ этомъ разсуждать здѣсь не мѣсто.

Въ римское время, въ Дакіи, по всему Балканскому полуострову, въ Дунайскихъ и иныхъ провинціяхъ, занятыхъ римскими легіонами, весьма распространены были изображенія въ видѣ всадниковъ, нерѣдко въ варварской одеждѣ и ѳригійскихъ колпакахъ, Кабировъ, культъ которыхъ съ Самоѳракіи распространился по всему древнему міру. Весьма часто Кабиры изображаются на коняхъ по сторонамъ женской фигуры, топчущими своего убитаго брата [3]). Эта чета всадниковъ весьма часто то смѣшивалась, то отождествлялась съ Діоскурами, почему въ толкованіи иныхъ изображеній является разногласіе, и тамъ [4]), гдѣ одни видятъ Кабировъ и Деметру, другіе находятъ Елену и Діоскуровъ. Но всѣ эти конные боги ближайшаго сходства съ нашими статуэтками не представляютъ: болѣе близкія аналогіи ей окажутся въ Малой Азіи, но тамъ также смѣшеніе и отождествленіе различныхъ боговъ будутъ препятствовать пониманію изображеній.

Въ Малой Азіи, помимо многихъ конныхъ изображеній героизированныхъ умершихъ [5]), находимъ рядъ всадниковъ иногда при посвятительныхъ различнымъ богамъ надписяхъ. Къ сожалѣнію, многіе изъ рельефовъ этихъ въ рисункахъ не изданы и судить о нихъ приходится лишь по краткимъ, а иногда и сомнительнымъ описаніямъ очевидцевъ.

---

[1]) Въ изд. Ant. Const. ed. Bonn, p. 169, 14 сл. „*θεὸς ἱππόσυνος*".

[2]) См. Dumont. Inscriptions et Monuments figurés de la Thrace въ Archives des missions scientifiques. 1876, p. 183 сл. Deneven l. l., p. 2560.

[3]) См. Lenormant'a въ Dictionn. Daremberg'a и Saglio, III, p. 771. Рисунки памятниковъ собраны Antonescu. Cultul Cabilor in Dacia. Bucuresci. 1889.

[4]) Напр., по поводу рельефа въ Stobi въ Македоніи; ср. Heuzey (Revue archéol. XXV (1873), p. 34 сл.) и Lenormant'a l. l. съ Furtwängler'омъ въ Ausf. Lexicon der Mythologie, I, стр. 1177.

[5]) См. указанія у Deneken'a l. c., стр. 2563 сл.

1) Рельефъ надъ надписью 173 года по Р. Х., содержащій стихотворное посвященіе „златокудрому Пэану, Гелію Фаэтону", представляетъ „всадника, ѣдущаго влѣво, съ лучами около головы, на лошади, поднявшей правую переднюю ногу" [1]) и судя по лучамъ около головы, можетъ быть объясняемъ какъ изображеніе Аполлона [2]).

2) Весьма грубый рельефъ надъ посвятительной надписью Аполлону: всадникъ въ рубахѣ (хитонѣ) и развѣвающемся плащѣ ѣдетъ вправо, лучей на головѣ нѣтъ, правой рукой держитъ повода, лѣвой—рукоятку лежащей на плечѣ двойной сѣкиры [3]).

3) Подобное изображеніе находится еще при надписи какому то *θεῷ Βοζηνῷ:* всадникъ ѣдетъ вправо, лѣвая рука лежитъ на шеѣ коня, правая держитъ двойную сѣкиру [4]).

4) Такое же изображеніе всадника, ѣдущаго вправо, съ сѣкирой на плечѣ находится при надписи 314 г. съ именами Гекаты, *Μάνου Δάου Ἠλιοδρόμου Διὸς* и *Φοίβου Ἀρχηγέτου Χρησμοδότου* на ряду съ двумя бюстами, изъ коихъ одинъ съ лучами, такъ что, повидимому, всадникъ долженъ изображать или Аполлона или Зевса, носящаго также имя Мана, древняго фригійскаго бога [5]).

5) Одна надпись въ Писидіи на камнѣ, величина и форма котораго, къ сожалѣнію, не указана издателемъ [6]), говоритъ о постановкѣ „коннаго Геліоса" *(ἔφιππον Ἥλιον)*, откуда явствуетъ существованіе въ Малой Азіи изображеній этого бога въ видѣ всадника и слѣдовательно возможность считать вышеуказанные рельефы изображеніями того бога, которому они были посвящены.

6) Надъ надписью *Διεὶ (= Διὶ) Γοώσου* помѣщенъ „крылатый (?) всадникъ, ѣдущій вправо, *держащій въ правой рукѣ мячъ* или патеру" [7]). Указанія на крылья кажутся намъ сомнительными въ виду склонности автора (Ramsay'я) [8]) смѣшивать съ крыльями серпъ мѣсяца, изображаемый за плечами бога мѣсяца.

7) Объ изображеніи всадника при надписи *Ποσειδῶνι ἐπηκόῳ* одинъ

---

[1]) Palaeopolis (Южн. Фригія) American Journal of Archaeology, IV, p. 20.

[2]) Ср. рельефъ на Ливанѣ. Рис. въ Etudes réligieuses, historiques et littéraires par des P. P. de Jesus. N. S. III (1864), стр. 301, гдѣ изображенъ всадникъ въ восточной одеждѣ, въ нимбѣ, и съ лучами около головы.

[3]) Купленъ въ Смирнѣ. Benndorf—Niemann. Reisen in Lykien, s. 153, fig. 77.

[4]) Кула (Мэонія) рис. въ Beschreibung der antiken Skulpturen (Берлинскаго музея) № 680; тамъ-же и оттуда же № 681: двойная сѣкира съ посвященіемъ *Ἀπολλώνι Ταρσῖ.*

[5]) Otourak. (Фригія) Journ. of Hell. St. IV, p. 419—421; о Манѣ см. Athen. Mittheil. 1883, s. 71 сл.

[6]) Papers of American School. III, p. 239 сл., № 371. Saghir.

[7]) Jour. of Hell. St. 1889, p. 224. Badinlar (Фригія). Эпитетъ Зевса читается плохо.

[8]) См. Journal of Hell. St. 1889, p. 230.

издатель надписи сказалъ лишь: „человѣкъ верхомъ на лошади“ [1]), а другой не упомянулъ вовсе [2]).

8) На плитѣ съ посвятительной надписью „богу спасающему“ *θεῷ Σώζοντι*, извѣстному изъ надписей [3]) и изображеній на монетахъ то стоящимъ съ вѣткою въ рукѣ [4]), то въ одномъ бюстѣ съ лучами, то видимъ мы всадника, ѣдущаго вправо, положивъ лѣвую руку на гриву коня, а въ правой держащаго какой-то продолговатый округлый предметъ, вѣроятно, патеру [5]).

9) На другой плитѣ [6]), также посвященной *Σώζοντι*, всадникъ, ѣдущій вправо, держитъ лѣвой рукой повода, а правой держитъ положенную на плечо двойную сѣкиру; вокругъ головы лучи.

10) На третьемъ рельефѣ, съ посвященіемъ тому же богу, всадникъ съ лучами около головы держитъ въ правой рукѣ палицу (B. de Corr. Hell., IV, p. 293).

11) Судя по остаткамъ надписи, сюда же можно причислить, кажется, и рельефъ изъ Смирны, находящійся въ Берлинѣ, съ изображеніемъ всадника предъ деревомъ, т. е. въ типѣ изображенія героевъ [7]).

12) Еще одинъ весьма интересный рельефъ описанъ Ramsay'емъ [8]): два всадника, подобные вышеописаннымъ, въ плащахъ, съ патерами въ правой рукѣ и сѣкирой на лѣвомъ плечѣ (у одного верхней части туловища не сохранилось), стоятъ по сторонамъ богини, имѣющей всѣ признаки Артемиды Эфесской; ниже рельефное изображеніе головы съ исходящими отъ нея лучами, но надпись имени божествъ не содержитъ. Эти всадники, очевидно, тѣ же, что и на вышеописанныхъ рельефахъ; положеніе ихъ по сторонамъ богини, стоящей en face, напоминаетъ группировку Діоскуровъ и Елены, Кабировъ и Деметры (?) (ср. еще примѣры у Daremberg et Saglio, I, p. 769).

13—69) На скалахъ, близъ дер. Тефени (др. Ormelion, Писидія), изсѣчено 56 небольшихъ рельефовъ, изображающихъ всадника, ѣдущаго вправо, положивъ одну руку на шею лошади, а въ правой, отведенной

---

1) Journ. of H. St. VIII, p. 249. Kaldjik (бл. Ormelion'a. Писидія).

2) Papers of American School, II, p. 112.

3) См. Bull. de Corr. Hell. II, p. 170, 172 (= Journ. of Hell. St. VIII, 238); III, p. 346; Papers of American School, III, p. 215—216 и можетъ быть еще Beschreibung der antiken Skulpturen, № 812.

4) См. Jmhoof Blumer, Monnaies grecques, p. 304. Antiochia ad Maeandrum и Themissanium.

5) См. рис. въ Bull. de Corr. Hell., IV, pl. X, 4. Adalia (Attalia Памфилія).

6) Рис. B. C. H., IV, pl. X, 3. Karamanly.

7) См. рис. въ Beschreibung der antiken Skulpturen, № 812.

8) Masyna (Фригія) Journ. of Hell. St., IV, p. 378.

назадъ, держащаго палицу или дротикъ [1]), а въ одномъ случаѣ, повидимому, рукоятку двойной сѣкиры, лежащей на плечѣ [2]).

Всѣ эти рельефы и Smith и Collignon, посвятившій имъ особую статью [3]), считаютъ, по сходству ихъ съ вышеописанными всадниками при надписяхъ, посвященныхъ „*Σώζοντι*“, изображеніями этого именно бога. Но, какъ видно изъ приведенныхъ нами примѣровъ, такія же изображенія находятся и при посвященіяхъ другимъ богамъ. Правда, лучи, исходящіе отъ головы *Σώζοντος* на монетѣ Ѳемиссанія, видимъ у всадника на другомъ рельефѣ (№ 9), также посвященномъ *Σώζοντι*, но вспомнивъ, что и изображенія „ѳракійскаго всадника“ посвящались иногда инымъ богамъ [4]), будетъ вѣрнѣе воздержаться пока рѣшать вопросъ, изображенія ли *Σώζοντος* посвящены во всѣхъ вышеуказанныхъ случаяхъ разнымъ богамъ, или, наоборотъ, изображенія иного бога посвящены *Σώζοντι* въ тѣхъ случаяхъ, на которые опирается Collignon.

Слѣдуетъ еще прибавить, что встрѣчающееся на монетахъ многихъ городовъ Малой Азіи изображеніе фигуры въ короткомъ хитонѣ съ двусторонней сѣкирой въ рукахъ, на конѣ, называемое обыкновенно амазонкой [5]), также стоитъ, повидимому, въ связи съ вышеисчисленными изображеніями всадниковъ, изъ коихъ многіе держатъ такую же сѣкиру.

Вопроса о значеніи и происхожденіи столь многихъ данныхъ изображеній, мы касаться не будемъ: иными всѣ эти разноименные изображенія сводятся къ единому первоначально мѣстному богу, который сталъ подъ вліяніемъ греческой миѳологіи принимать различныя имена, почему и произошло столько сходныхъ, но разноименныхъ боговъ [6]), а Furtwaengler сближаетъ эти малоазійскія изображенія конныхъ боговъ съ ѳракійскими и видитъ въ нихъ одного и тогоже общаго этимъ родственнымъ народамъ, какъ и грекамъ, коннаго властителя подземныхъ духовъ, который живетъ еще у новогрековъ въ народныхъ представленіяхъ о конномъ Харонѣ [7]).

---

[1]) См. описанія Smith'a въ Journ. of Hell. St., VIII, 235, ff. и Collignon'a въ Bull. de Corr. Hell., I, pp. 366, IV, p. 291 сл. Рисунки B. de C. H., IV, pl. IX.

[2]) Smith принялъ фигуру эту за Гермеса съ кадуцеемъ, ѣдущаго на баранѣ.

[3]) См. Bull. de Corr. Hellenique, IV, p. 290—295.

[4]) См. Dumont l. l. № 40 (Аполлону) и 61-я (Діоскуромъ), и что такіе же лучи изображены и на рельефахъ № 1, 4 и 12.

[5]) См. перечисленіе ихъ изображеній амазонокъ на мало-азійскихъ монетахъ у Radet. La Lydie etc., p. 29 сл.

[6]) Ramsay. Journ. of Hell. Studies 1889 p. 229., Lanskaronski. Lenilles de la Pisidie, p. 7—10; гдѣ въ число боговъ вносится *Ὀροφύλαξ* Papers of Am. Sch. II, p. 97) какъ божественный стражъ границъ, но что это слово означаетъ не бога, а какого-то пограничнаго сторожа видно изъ того, что другого «орофилака» убили разбойники; см. Pap. of Am. School, II p. 166, № 165.

Особенно досадно отсутствіе рисунка коннаго изображенія мѣсяца при посвятительной надписи ему, на которомъ, по описанію Colignon'a, [1]) „грубо изображенъ Мѣсяцъ на конѣ, идущемъ вправо, съ крыльями загнутыми на концахъ (recoquillées)". Это крылатое изображеніе всадника, какъ и описываемое Ramsay'емъ (см. выше, № 6), вселяетъ въ насъ большое сомнѣніе, не приняли-ли описатели роговъ полумѣсяца за плечами бога за крылья, тѣмъ болѣе, что на монетѣ Селевкіи (см. ниже) они имѣютъ видъ, дѣйствительно напоминающій крылья.

Здѣсь не мѣсто говорить объ этомъ богѣ и иныхъ изображеніяхъ его кромѣ конныхъ, [2]) тѣмъ болѣе, что рисунокъ одного рельефнаго изображенія *Μηνὸς Τιάμου* воспроизводится ниже. далѣе на рис. 11-мъ. Конныя же изображенія Мѣсяца находятся на монетахъ слѣдующихъ городовъ Малой Азіи: во Фригіи: Alia и Julia [3]), въ Писидіи: Olbasa, Seleucia и Sagalassus [4]), въ Памфиліи недалеко отъ берега Средиземнаго моря Syllium [5]) и въ провинціи Понтѣ — на Черномъ морѣ, Трапезунтѣ.

Несомнѣннымъ признакомъ Мѣсяца служитъ полумѣсяцъ за плечами бога, совершенно ясно видный на указываемыхъ рисункахъ; всѣ-ли указанные Head'омъ конные Мѣсяцы узнаны имъ по этому вѣрному признаку [6]) мы не знаемъ. На монетахъ, изображенныхъ у Roscher'a на одной (Сагаласса I[b] 12) Мѣсяцъ ѣдетъ влѣво, лѣвою рукой править, а правой совершаетъ повидимому возліяніе изъ патеры, на плечахъ плащъ; на другой (Селевкіи I[b] 11) Мѣсяцъ безъ плаща ѣдетъ вправо, правая рука стерта, повидимому она держала повода, лѣвой — не видно. Лошадь на обоихъ изображеніяхъ высоко подняла одну переднюю ногу; на головахъ всадниковъ фригійскіе колпаки, на плечахъ рога мѣсяца. Къ этимъ изображеніямъ слѣдовательно константинопольская статуэтка не подходитъ ни аттрибутомъ, ни отсутствіемъ полумѣсяца, ни позой лошади.

Болѣе интересны для насъ всадники на монетахъ Трапезунта, изображенныя у Roscher'a на табл. I[b] 7, 8 и 9: у одного изъ нихъ безъ Мѣсяца за плечами въ правой, согнутой въ локтѣ рукѣ виденъ какой-то круглый предметъ, въ которомъ по аналогіи нашей статуэтки

---

[1]) Bull. de Cor. Hell. III p. 334.

[2]) См. о немъ Alfr. Maury. Hist. des religions de la Grèce, III, p. 123, см. и новую любезно указанную намъ dr. P. Wolters'омъ работу Roscher'a въ Berichte der Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften. XLIII (1891) SS. 119 сл.

[3]) Head. Historia numorum, p. 556 и 565

[4]) Head. 591 рис. въ Bull. de Corr. Hell. I, p. 336; Roscher табл. I[b] 11 и I[b], 12.

[5]) Head, p. 588.

[6]) Два всадника называемые Мѣсяцемъ: Gerhard'омъ (Arch. Anzeiger. 1853 S. 174) на рѣзномъ камнѣ и Sterrett'омъ (Papers of Am. School II, p. 97) на рельефѣ, считаться за таковыхъ не должны: первый несомнѣнно — Кабиръ, второй, можетъ быть, *Σώζων*. Сомнительно также наименованіе Мѣсяцемъ всадниковъ на ѳракійскихъ монетахъ: Истра и Никополя (Head., p. 235 и 244); см. у Roscher'a на стр. 147 замѣчаніе Drexler'a.

мы видимъ „сферу". Roscher сферы въ число аттрибутовъ мѣсяца не помѣщаетъ, но ее совершенно ясно видно въ правой рукѣ стоящаго мѣсяца на монетѣ фригійскаго города Beudos vetus [1]), и самъ Roscher, описывая монету эту, замѣтилъ „einen kleinen kugelförmigen Gegenstand" (стр. 142); другое изображеніе стоящаго Мѣсяца со „сферой же въ рукѣ" указано Maury (l. l. 125) на монетѣ Лидійскаго города Saittai [2]); третій примѣръ сферы въ рукѣ Мѣсяца даетъ прилагаемый рисунокъ (рис. 11) рельефа изъ Меоніи [3]): правда первый издатель этого рельефа видѣлъ и нарисовалъ въ рукѣ бога шишку пиніи, его обыкновенный аттрибутъ, но два послѣдующіе рисовальщика вполнѣ согласно изобразили не коническую шишку, а скорѣе сферу [4]). Этотъ аттрибутъ въ рукѣ Мѣсяца отлично подходитъ къ одному изъ эпитетовъ его *Τέραντος*, т. е. господинъ, властитель, царь. Но аттрибутъ этотъ, повидимому, не былъ связанъ съ этимъ эпитетомъ, т. к. на изображенномъ выше рельефѣ представленъ *Μὴν Τιάμου*, а въ гор. Saittai чтился *Μὴν Ἀζιοττηνός*.

Рис. 11.

Такимъ образомъ наибольшее сходство изъ всѣхъ упомянутыхъ выше памятниковъ константинопольская статуэтка имѣетъ съ рельефомъ при надписи *Διὶ Γώσσον(?)* и всадникомъ, изображеннымъ на трапезунтскихъ монетахъ. Но первый извѣстенъ намъ лишь по описанію, къ тому-же не вполнѣ опредѣленному; о божествѣ же, которому посвященъ онъ, и вовсе ничего неизвѣстно, а всадникъ на трапезунтскихъ монетахъ также не можетъ съ полной увѣренностью быть названъ Мѣсяцемъ, какъ и статуэтка, т. к. у нихъ нѣтъ за плечами полумѣсяца. Предположеніе Fontrier'a, что полумѣсяцъ могъ быть на верхней утраченной части статуэтки,

---

[1]) См. рис. у Roscher'a табл. Ia 11.

[2]) Head, p. 552, объ аттрибутѣ бога не упоминаетъ; о сферѣ въ рукѣ говоритъ Mionnet. IV p. 113, № 622.

[3]) Съ надписью 172 года по Р. Х. *Μηνὶ Τιάμου* и проч. (C. I. Gr. № 3438=Wadd., № 667). Le Bas. Voyage archéologique. Monuments figurés, pl. 136.

[4]) См. замѣчаніе о рисункахъ этого рельефа S. Reinach'a. Bibliothèqne des monuments figurés I, p. 118.

совершенно невозможно, т. к. серпъ мѣсяца, характеризующій соименнаго ему бога, всегда бываетъ за плечами, а въ погрудныхъ изображеніяхъ иногда и ниже плечъ бога, но никогда не на головѣ, какъ небольшой полумѣсяцъ у Діаны.

Правда, бываютъ изображенія Мѣсяца и безъ этого характернаго признака, напр. на рельефѣ въ Аѳинскомъ центральномъ музеѣ, № 1406, гдѣ Мѣсяцъ, называемый посвятительной надписью, въ длинной одеждѣ сидитъ бокомъ на пѣтухѣ, [1]) но тогда богъ долженъ быть опредѣленъ какимъ либо инымъ способомъ.

Опредѣленіе же всадника на трапезунтскихъ монетахъ не можетъ быть сдѣлано съ полной увѣренностью. Одни называютъ его Миѳрой [2]), другіе Мѣсяцемъ [3]), а Roscher (стр. 121 и 134) даетъ ему двойное имя Мѣсяца-Миѳры.

Первое мнѣніе основано на присутствіи на одной монетѣ (Roscher I[b] 7) змѣи, ворона и двухъ юношей по сторонамъ всадника, на другой (I[b] 8) ворона на деревѣ, а на третьей (I[b] 9) змѣи, птицы, сидящей на столбѣ, которую одни называютъ пѣтухомъ, другіе вороном, и звѣзды надъ нею.

Дѣйствительно, всѣ эти фигуры находятся и на миѳрейскихъ рельефахъ, но называя всадника Миѳрой, ни Gerhard, ни Imhoof, ни Roscher не указали ни на одинъ несомнѣнный примѣръ изображенія Миѳры верхомъ на конѣ, намъ же таковаго въ обширномъ собраніи Lajard'a [4]) найти не удалось, а потому въ возможности видѣть въ этомъ всадникѣ Миѳры мы не увѣрены. Что же касается указанныхъ выше признаковъ, какъ присущихъ Миѳрѣ, то они же являются и при изображеніяхъ иныхъ божествъ.

Второе объясненіе зиждется на монетѣ второй (Roscher'a I[b] 8), гдѣ на плечахъ всадника, изображеннаго сбоку, видны два наклонныхъ острія, обращенныхъ впередъ, которыя опредѣлены Imhoof'омъ, а за нимъ и Roscher'омъ, какъ концы серпа мѣсяца на плечахъ бога. Иного объясненія этимъ страннымъ остріямъ и мы дать не можемъ; но на выше указанныхъ несомнѣнныхъ изображеніяхъ коннаго Мѣсяца этотъ серпъ виденъ всегда спереди, такъ что рога его приходятся по сторонамъ головы,—хотя бы и обращенной въ профиль,—въ зависимости

---

[1]) Sybel. Katalog der Skulpturen zu Athen. № 390; надпись см. въ C. Inscr. Attik., II, № 1593.

[2]) Gerhard. Arch. Zeit. 1854 стр. 210; Imhoof-Blumer, Gr. M., p. 583.

[3]) O. Müller. Arch. d. Kunst, § 400.2; Head, p. 427.

[4]) Recherches sur le culte de Mithra. pll. LXXIV—CIV, есть лишь Миѳра верхомъ на быкѣ, pl. XCVII, 1 и XCIX, 1. На таблицѣ LXXIV Миѳра стоитъ на убитомъ быкѣ съ мечемъ въ одной рукѣ и сферой (?) въ другой.

отъ чего и верхняя часть туловища бога изображается въ сильномъ поворотѣ. Но если представить себѣ статую бога съ наклонно-выходящими впередъ изъ плечей рогами мѣсяца и нарисовать ее сбоку, то дѣйствительно должно получиться нѣчто, подобное изображенію на монетѣ. Однако на единственномъ, переизданномъ Roscher'омъ (табл. III Gazette archéologique, VI. (1880) pl. 32), статуарномъ изображеніи Мѣсяца, полумѣсяцъ помѣщенъ не на плечахъ, а за плечами, образуя, какъ и на рельефахъ, фонъ плечей и шеи, но статуэтка эта назначена для разсматриванія лишь спереди; у конной же статуи, стоявшей очевидно на открытомъ мѣстѣ, такой полумѣсяцъ закрывалъ бы сзади и плечи и шею и отчасти голову, а сбоку казался бы тяжелой доской за плечами бога, поэтому намъ кажется вполнѣ возможнымъ, что у конной статуи рога мѣсяца, конечно золоченые, приставлены были на плечи въ наклонномъ положеніи, такъ какъ зрители находились значительно ниже. Если такъ, то на этой монетѣ можно видѣть конное изображеніе Мѣсяца, знаменитое святилище котораго гдѣ богъ носилъ имя *Μὴν Φαρνάκου*, находилось близъ Трапезунта, въ дер. Амерія; этого бога особенно чтили цари понтійскіе и даже клялись его именемъ, [1]) поэтому вполнѣ возможно предполагать, что конная статуя этого бога стояла гдѣ-либо на видномъ мѣстѣ въ Трапезунтѣ, судя по дереву и алтарю, въ какой то священной рощѣ, и изображалась на монетахъ города. Хотя на двухъ прочихъ монетахъ на плечахъ всадника и не видно роговъ мѣсяца, но поза всадника и коня, дерево позади и алтарь спереди, вмѣсто котораго на одной монетѣ (Roscher. I[b] 9) стоитъ колонна [2]), доказываютъ, что тутъ изображается таже самая статуя; къ ней же относятся конечно головы коня и всадника, изображенныя рядомъ на трапезунтской же монетѣ (см. рис. у Roscher'a I[b] 10 ср. Lajard l. l., pl. XLVII. 3) и напоминающія положеніемъ своимъ многочисленные вазовые рисунки изъ южной Россіи [3]). Однако отсутствіе роговъ мѣсяца въ этихъ трехъ случаяхъ и особенно отсутствіе ихъ на большомъ изображеніи головы и плечъ статуи (Roscher. I[b] 10) оставляютъ нѣкоторое сомнѣніе въ вѣрности наименованія всадника этого Мѣсяцемъ.

Для константинопольской же, а слѣдовательно, и московской, статуэтки эта статуя всадника во фригійской одеждѣ со сферою въ правой рукѣ является ближайшей, извѣстной намъ, аналогіей. Считать же статуэтки копіями съ этой предполагаемой трапезунтской статуи препят-

---

[1]) Страбонъ, XII, p. 557.; о значеніи прозвища см. Th. Reinach. Mithridate Eupator., p. 241.

[2]) Эта колонна сближаетъ этого всадника со всадникомъ на указанныхъ выше монетахъ ѳракійскихъ, въ которомъ видятъ Мѣсяцъ.

[3]) См. Stephani. Die Vasen-Samml. der Ermitage NN 1823a, 2193, 2196.

ствуетъ значительная разница позъ коня и всадника: на трапезунтскихъ монетахъ конь высоко поднялъ правую переднюю ногу, а всадникъ сидитъ согнувъ ноги въ колѣняхъ и вообще изображенъ гораздо живѣе нежели всадникъ обѣихъ статуэтокъ. Впрочемъ, послѣднее различіе могло бы объясняться, конечно, и крайней ремесленной грубостью обѣихъ статуэтокъ.

Возможно, быть можетъ, сближеніе сферы къ рукѣ всадника на трапезунтской монетѣ и константинопольской статуэтки съ шаромъ, который держитъ иногда въ лѣвой рукѣ Геліосъ на нѣкоторыхъ изображеніяхъ [1]), хотя у Геліоса шаръ гораздо больше, нежели у статуэтки; обозначаетъ онъ едва ли вселенную, а скорѣе солнце, хотя лучи, исходящіе отъ головы Геліоса, указываютъ, что и самъ онъ также представляетъ солнце. Если такъ, то и шаръ въ рукахъ мѣсяца будетъ обозначать луну, несмотря на то, что за плечами бога есть уже ея серпъ. Если такъ, то трапезунтскій всадникъ изображалъ, можетъ быть, коннаго Геліоса, *ἥλιος ἐφιππος* (см. выше, № 5), къ каковому изображенію вполнѣ подходятъ и юноши съ факелами: въ нихъ можно видѣть вечернюю и утреннюю звѣзду (*Ἕσπερος καὶ Φωσφόρος*). Относительно же нашей статуэтки, при отсутствіи признаковъ и мѣсяца и Геліоса (лучей на головѣ), никакихъ предположеній строить невозможно. Нахожденіе ея вмѣстѣ съ приношеніями Кибелѣ заставляетъ естественно вспомнить имя Аттиса, но конныхъ изображеній послѣдняго не указано [2]). Нахожденіе же другой статуэтки, изображавшей, очевидно, тоже самое малоазійское божество, въ Херсонесѣ ничего удивительнаго не представляетъ, такъ какъ тѣсныя связи сѣвернаго берега Чернаго моря съ южнымъ, съ Малой Азіей, давно засвидѣтельствованы рядомъ археологическихъ, эпиграфическихъ и нумизматическихъ данныхъ.

Но принадлежность статуэтки, найденной на Сипилѣ, къ до-римскому времени ставитъ ее во главу всѣхъ вышеисчисленныхъ изображеній всадниковъ, имѣющихъ отношеніе къ культу, въ Малой Азіи, такъ какъ всѣ они римскихъ временъ. Такимъ образомъ, наши статуэтки изображаютъ, повидимому, какого-то малоазійскаго бога, назвать котораго по имени возможнымъ не представляется.

Такія конныя изображенія боговъ—позднѣе, въ римское время,—привели къ интересному смѣшенію ихъ съ типомъ римскихъ конныхъ ста-

---

[1]) Напр., на помпейской фрескѣ Museo Borbonico VII, 55, на свинцовыхъ пластинкахъ съ изображеніями Кабировъ. Antonescu l. l. рис. 9 и 10.

[2]) См. Rapp'a у Roscher'a Wörterburch der Mythologie I, p. 725 сл. Есть однако одно изображеніе его ведущимъ лошадь въ поводу: см. Th. Schreiber. Die alexandrinische Toreutik., стр. 104.

туй, съ которыми наша статуэтка сближается аттрибутомъ. Намъ приходится поэтому коснуться въ краткихъ словахъ главнаго пункта статьи Roscher'a—конной статуи, изображаемой на никейскихъ монетахъ: этому всаднику въ восточной одеждѣ, со статуэткой Побѣды въ одной рукѣ и вѣнкомъ—въ другой (см. рис. Roscher I[b] 6), сидящему на конѣ съ человѣческими передними ногами, Roscher далъ объясненіе, какъ статуѣ Юлія Кесаря, поставленной въ святилищѣ (героонѣ) его въ Никеѣ, гдѣ конь изображенъ былъ въ такомъ ненатуральномъ видѣ дабы, передать уродливость боеваго копя Кесаря [1]); азіатскій же костюмъ всадника Roscher объясняетъ изображеніемъ Кесаря въ видѣ миѳическаго предка его Асканія или Юла, или же какого либо бога [2]) мѣсяца или, на основаніи хвоста лошади въ видѣ змѣи, мѣсяца-миѳры (см. Roscher'a, стр. 116—118).

Наши статуэтки,—если онѣ дѣйствительно копируютъ какую-либо большую статую, разумѣется бывшую не столь варварской работы, какъ онѣ сами,—показываютъ, что въ Малой Азіи существовали статуи конныхъ боговъ въ туземной одеждѣ, которыя могли подать мысль къ столь оригинальному изображенію Кесаря.

Я. И. Смирновъ.

Приложеніе. Въ статьѣ Roscher'a собраны свѣдѣнія о греческихъ и римскихъ монументальныхъ конныхъ статуяхъ Рима; мы считаемъ не лишнимъ привести здѣсь нѣкоторыя указанія на таковые памятники позднѣйшихъ временъ византійской имперіи, которые были продолженіемъ монументальнымъ изображеній императоровъ и вельможъ римской имперіи.

Для сужденія о конныхъ статуяхъ позднихъ временъ римско-византійской имперіи имѣется слишкомъ мало матеріала: мы можемъ теперь, не предпринимая длинныхъ поисковъ, указать лишь на слѣдующія. Въ половинѣ IV вѣка поставили жители Босры статую Сабиніану, полководцу Юліана, статую, которая, судя по длинѣ плиты съ надписью (C. J. Gr. № 8606) въ 4 метра была, вѣроятно, конная.

Послѣ побѣды Стилихона надъ Радагайстомъ (405 г.) въ Римѣ поставлена была конная статуя Стилихона, пьедесталъ которой найденъ былъ въ 1880 году. (См. Ephem. Epigr. 1881; p. 849).

Императоръ Зенонъ велѣлъ (Jordanis de rebus Geticis, 57) готскому королю поставить въ Равеннѣ передъ дворцомъ конную статую,

---

1) См. Діона Кассія. XXXVII, 54 и Светонія. Div. Iulius, 7.

2) Drexler (у Roscher'a, стр. 147) указалъ на изображеніе на одной монетѣ въ образѣ мѣсяца Каракаллы (съ рогами полумѣсяца за плечами); можно указать еще подобное изображеніе имп. Северины (III в.) см. Collection Dutuit, рис. на стр. 131, которая представлена какъ богиня Селена.

изображавшую этого императора (477—491). Эту самую статую позднѣе, по одному извѣстію подвергнутому нынѣ сомнѣнію [1]), передѣлалъ въ свою „suo nomine decoravit“ Остготскій король Θеодорихъ (493—526), подобно тому, какъ и конная статуя Юстиніана на Августеонѣ, по одному (и также сомнительному) [2]) свидѣтельству, передѣлана была изъ конной статуи Θеодосія В.

Вотъ объ этой конной статуѣ Θеодориха, перенесенной Карломъ Великимъ въ Ахенъ, имѣется рядъ свидѣтельствъ, сопоставленныхъ въ Schriftquellen zur Geschichte der Karolingischen Kunst, изданныхъ J. v. Schlosser'омъ (Wien. 1893) подъ № 1139—и разобранныхъ издателемъ въ особой статьѣ [3]): изъ описаній явствуетъ, что эта бронзовая статуя изображала Θеодориха съ копьемъ въ правой поднятой рукѣ и щитомъ на лѣвой—верхомъ на конѣ, или идущемъ тихо, поднявъ одну лишь переднюю ногу или бѣгущемъ (это не ясно). Хотя Schlosser и старается усмотрѣть въ статуѣ этой нѣчто особое, готское, отходящее отъ античныхъ образцевъ, но намъ кажется это стараніе не увѣнчавшимся успѣхомъ (см. стр. 166—169): авторъ противополагаетъ воинственную оживленность этой фигуры мирному спокойствію конныхъ статуй римскихъ и византійскихъ императоровъ.

Нельзя не упомянуть также статуэтки музея Карнавалé въ Парижѣ, извѣстной подъ именемъ статуи Карла Великаго [4]). Эта статуэтка—почти вдвое больше нашихъ и представляетъ всадника во франкскомъ костюмѣ временъ карловинговъ съ мечемъ (реставрированнымъ) въ правой рукѣ и державой безъ креста въ лѣвой. Статуэтка принадлежала прежде каѳедральному собору въ Майнцѣ и выставлялась въ день смерти Карла В. въ церкви [5]). Помимо того, что эта статуэтка не даетъ еще права думать, чтобы во времена Карла Великаго могли отливать монументальныя конныя статуи, большимъ сомнѣніямъ подвержено опредѣленіе ея времени: такъ какъ, тогда какъ одни, напр., Aus'm Weerth въ вышеуказанной статьѣ, считаютъ ее произведеніемъ карловингскихъ временъ, другіе, напр., J. v. Schlosser (l. c. стр. 122, прим. 1) издѣліемъ XVI вѣка.

Константинополь, какъ и Римъ, украшенъ былъ конными статуями, но по бо́льшей части не вновь поставленными, а привезенными изъ

---

[1]) J. v. Schlosser'омъ въ цитируемомъ ниже сочиненіи, стр. 169, прим. 1.

[2]) Ср. извѣстія о подобныхъ передѣлкахъ въ римское время у Roscher, стр. 103, примѣч. 11.

[3]) Sitzungsberichte der Wiener Akademie. Hist. Phil. Cl. CXXIII, II, стр. 164—175.

[4]) Лучшее изданіе ея въ Jahrbücher des Vereins der Alterthumsfreunde im Rheinlande LXXVIII (884), табл. III.

[5]) См. литературу о ней и извѣстія о назначеніи ея у Fr. Xav. Kraus'a, Kunst und Alterthum in Elsass-Lothringen, т. III, стр. 564—566.

провинцій для украшенія столицы. Въ сборникѣ Унгера: Quellen der byzantinischen Kunstgeschichte. Wien. 1878, сборникѣ, оставшемся къ сожалѣнію не оконченнымъ, находимъ мы упоминаніе о слѣдующихъ конныхъ статуяхъ: 1) Знаменитѣйшей была, безъ сомнѣнія, статуя Юстиніана на площади Августеона передъ св. Софіей: статуя эта, извѣстная изъ множества описаній [1]), была весьма отлична отъ нашихъ статуэтокъ: у лошади поднята лѣвая передняя нога, всадникъ держалъ шаръ съ крестомъ на немъ въ лѣвой рукѣ, а правую протягивалъ, какъ бы указывая на Востокъ; „ахиллесовская" одежда была античнаго характера: туловище прикрыто панцыремъ, на ногахъ безъ поножей подвязаны сандаліи; не античнаго характера была лишь „туфа" на головѣ, украшенная золотыми отгибающимися на всѣ стороны перьями.

Другая (Unger, № 885, Anthol. Graeca. VI, 538), также конная статуя Юстиніана въ Ипподромѣ, поставленная какимъ-то Евстаѳіемъ послѣ какой-то побѣды, представляла „на быстромъ какъ вѣтеръ" (т. е. можетъ быть скачущемъ) конѣ императора, увѣнчиваемаго Побѣдой, которую онъ или самъ держалъ на рукѣ, или же она была изображена особой бѣгущей предъ нимъ фигурою. Всѣ прочія извѣстныя конныя статуи Константинополя древнѣе Юстиніана: иныя изъ нихъ были античнаго еще происхожденія, какъ напримѣръ, изъ Антіохіи якобы привезена была статуя на форумѣ Ѳеодосія (площади Тавра), которую называли то Беллерофонтомъ, то Іисусомъ Навиномъ (Unger, №№ 403 и сл.): лошадь была безъ удилъ, но украшена фалерами, уши насторожены; всадникъ—„героическая фигура" съ протянутой правой рукою и сферою въ лѣвой, т. е. въ позѣ статуи Юстиніана на Августеонѣ. Упоминаемая маленькая фигурка скованнаго варвара въ копытѣ лошади, можетъ быть, представляла побѣжденныхъ всадникомъ враговъ, попираемыхъ его конемъ.

На той же площади стояли конныя статуи Ѳеодосія и сыновей его Аркадія и Гонорія (Unger, №№ 410 — 412). О первой извѣстно лишь, что она была въ блестящемъ вооруженіи и съ простертою рукою; двѣ же другія упоминаются уже въ V-мъ вѣкѣ, какъ „двѣ большихъ конныхъ статуи"; какова была поза этихъ статуй, изъ литературныхъ извѣстій неизвѣстно, но можно, кажется, полагать, что онѣ сходны были со статуей Ѳеодосія и Юстиніана и сохраняли еще античный типъ, представляемый намъ извѣстной статуей Марка Аврелія въ Римѣ и статуями, найденными въ Геркуланумѣ [2]).

---

[1]) Unger, №№ 323—332, къ коимъ слѣдуетъ добавить описаніе Антонія Новгородца 1200 года и англійскаго паломника Maundeville (XIV в.) съ рисункомъ; особенно-же важенъ рисунокъ ея 1340 года, найденный въ библіотекѣ сераля. См. Mordtmann. Esquisse topographique de Constantinople 1891, p. 15.

[2]) См. о римскихъ конныхъ статуяхъ Overbeck. Geschichte der griechischen Plastik, 4-е изд., т. II (1894), стр. 508.

Такого же типа была въ IV Regio, близъ „Милія“ (Unger № 692), другая конная статуя Θеодосія со сферою и вѣнчающею его статуэткой, очевидно Побѣды, въ рукахъ. Подлѣ этой статуи стояла еще конная же статуя Траяна и Элія Адріана, хотя послѣдняя, можетъ быть, та же, что и статуя Θеодосія (Unger, №№ 690—691). Эти статуи римскихъ императоровъ, равно какъ и упоминаемыя еще конныя статуи Граціана и Валентиніана и еще Θеодосія въ аркадахъ Ипподрома (Unger, № 876) и конная же очевидно (см. Unger'a, № 348) статуя Максентія на форумѣ Константина, удаленная впрочемъ Константиномъ же, также были, по всей вѣроятности, какъ по одеждѣ, такъ и по позѣ и по самой работѣ, прямымъ продолженіемъ римскихъ конныхъ статуй.

Упоминается еще одна (Unger, № 416) конная статуя стоявшая гдѣ-то въ кварталѣ Тавра, а именно Аспара, сына Ардабура, виднаго дѣятеля V-го вѣка [1]). Но объ этой статуѣ неизвѣстно никакихъ подробностей: хотя Аспаръ на помянутомъ блюдѣ изображенъ въ старой римской одеждѣ, но на конѣ онъ сидѣлъ, можетъ быть, и въ болѣе удобномъ нарядѣ своего времени, т. е. туникѣ и штанахъ, а что онъ носилъ такую одежду, можно кажется, заключить изъ облачнаго видѣнія, предсказавшаго убіеніе его императоромъ Львомъ, когда облако въ видѣ льва поглотило подобіе Гота [2]), узнаннаго, разумѣется, по одеждѣ.

Конныя статуи нерѣдко изображаются въ византійскихъ миніатюрахъ; такъ, напр., въ рукописи физіолога, въ Смирнѣ [3]), вѣка XI—XII-аго, видѣли мы изображенія такихъ статуй, украшающихъ на ряду съ пѣшими статуями стѣны городовъ: на л. 71 об., на башнѣ города стоитъ бѣлая статуя скачущаго влѣво всадника; на л. 75-мъ—бѣлая же статуя всадника въ развѣвающемся плащѣ, ѣдущаго шагомъ вправо и держащаго въ протянутой рукѣ шаръ. Послѣдняя статуя представляла, вѣроятно, какого-либо императора; хотя обѣ статуи нарисованы бѣлилами, но этого недостаточно еще, чтобы думать, что оригиналы, если только статуи не нарисованы художникомъ изъ головы, были мраморные, такъ какъ изъ мрамора безъ подпорокъ едва ли такія изображенія, какъ скачущій конь или развѣвающійся далеко назадъ плащъ, могли быть сдѣланы.

Но изъ изображеній конныхъ статуй на миніатюрахъ не слѣдуетъ

---

[1]) Онъ извѣстенъ по серебряному блюду, изготовленному по случаю консульства его въ 424 году, хранящемуся нынѣ въ музеѣ Uffizi во Флоренціи; см. старое изданіе Bracci. Dissertazione sopra un clipe votivo spettante alla famiglia Ardaburia. Lucca, 1771 г.

[2]) Дамасцій. Житіе Исидора, у Фотія bibliothéca. 242 ed. Bekker p. 340 в.

[3]) См. *Παπαδοπουλο-Κεραμεὺς. Καταλόγος τῶν χειρογράφω τῆς ἐν Σμύρνῃ βιβλιοθήκης τῆς εὐαγγελικῆς σχολῆς*· Смирна, 1877, стр. 32 : B. 8 (42).

еще, конечно, что ихъ воздвигали еще въ эти времена: слѣдуетъ лишь, что онѣ еще стояли.

Что касается постановки не конныхъ статуй, то позднѣйшее извѣстное намъ упоминаніе говоритъ (Unger, l. c., № 229—230) о статуѣ архангела Михаила, воздвигнутой Михаиломъ VIII Палеологомъ (1261 — 1282), но тамъ отсутствуетъ указаніе на матеріалъ; но постановка монументальной конной статуи требовала, разумѣется, бо̀льшаго искусства, такъ что это упоминаніе не даетъ еще права предполагать возможности постановки конныхъ статуй въ XIII-мъ вѣкѣ. Но тутъ является другое обстоятельство, а именно какъ разъ на монетахъ Михаила VIII является изображеніе двухъ всадниковъ, ѣдущихъ рядомъ на коняхъ, идущихъ шагомъ: одинъ держитъ въ правой поднятой рукѣ лабарумъ—это самъ императоръ, другой крестъ—архангелъ Михаилъ, по мнѣнію Сабатье [1]). На его же монетахъ находимъ мы изображенія стоящаго архангела Михаила, въ одномъ случаѣ держащаго даже построенную во имя его императоромъ церковь (l. l. табл. LIX, рис. 10 и 12). Если допустить, что это изображеніе архангела Михаила стоитъ въ связи со статуей его, поставленной императоромъ на площади на колоннѣ, то возникаетъ предположеніе, не объясняется ли появленіе на монетѣ конной фигуры императора конною его статуей.

Болѣе ранній примѣръ (единственный на таблицахъ Сабатье pl. IV. 15) изображенія на византійской монетѣ конной фигуры восходитъ къ царствованію Аркадія (395—408) и представляетъ императора съ шлемомъ на головѣ, съ плащемъ на лѣвомъ плечѣ, поднявшаго вверхъ правую руку съ открытой ладонью, въ жестѣ обращенія съ рѣчью къ войску, сидящаго на конѣ, который торжественно выступаетъ, поднявъ правую переднюю ногу; въ этомъ изображеніи можно, кажется, смѣло видѣть ту конную статую Аркадія на площади Тавра, о которой упомянуто выше. И вотъ, по прошествіи многихъ вѣковъ, является вновь на монетахъ конная фигура Михаила VIII, которая послужила, повидимому, примѣромъ трапезунтскимъ императорамъ На ихъ монетахъ, начиная съ Алексѣя II Комнена (1297—1330), видимъ изображенія двухъ всадниковъ по отдѣльности, а именно императоровъ, торжественно ѣдущихъ на конѣ, высоко поднявшемъ правую переднюю ногу, и держащихъ въ правой рукѣ скипетръ (Алексѣй II, l. l. LXVIII, 8 — 12); скипетръ въ видѣ прута „nartex“ (Василій Комненъ, 1333—1340, l. l. LXVIII, 16) и скипетръ съ крестомъ (Алексѣй IV, К. 1417 — 1447), и св. Евгенія, патрона Трапезунта, съ крестомъ въ правой рукѣ, также вер-

---

[1]) Sabatier, Description générale des monnaies byzantines, табл. LIX, рис. 15.

хомъ на конѣ, обыкновенно идущемъ (l. l. LXVIII, 8—12, LXIX, 25), но однажды и скачущемъ (LXVIII, 16) [1]).

Послѣднимъ примѣромъ всадника на монетѣ является константинопольскій уже императоръ Мануилъ II Палеологъ (1391—1427), изображенный (l. l. LXIII, 13) скачущимъ на конѣ, поднявъ правую руку.

Чѣмъ объясняется это появленіе на монетахъ конныхъ фигуръ? Что касается архангела Михаила и св. Евгенія, то они, конечно, изображены по иконамъ ихъ, и конныя статуи тутъ не при чемъ. Но возможно ли толковать конныя изображенія этихъ позднихъ императоровъ по аналогіи съ монетою Аркадія, какъ копіи ихъ конныхъ статуй, или, по крайней мѣрѣ, объяснять такимъ образомъ появленіе перваго коннаго изображенія императора Михаила на его монетѣ? На этотъ вопросъ отвѣчать утвердительно мы не рѣшаемся; предполагать постановку конныхъ статуй въ XIII—XIV вѣкахъ кажется намъ невѣроятнымъ; но, не имѣя свѣдѣній о томъ, когда прекращаются извѣстія о постановкѣ въ Византіи конныхъ статуй и не умѣя объяснить внезапнаго появленія конныхъ фигуръ на монетахъ XIII-го и слѣдующихъ вѣковъ, мы надѣемся, что люди, болѣе насъ свѣдущіе въ византійской археологіи и литературѣ, рѣшатъ этотъ вопросъ и значительно пополнятъ представленный здѣсь списокъ конныхъ статуй въ византійское время.

Рис. 12.

Я. И. С.

Вѣна, ноябрь 1894 г.

---

[1]) Интересно, хотя быть можетъ и случайно, сходство между христіанскимъ патрономъ города всадникомъ св. Евгеніемъ и языческимъ коннымъ же богомъ мѣсяцемъ или Минерою, почитаніе котораго въ языческомъ Трапезонтѣ извѣстно изъ монетныхъ же изображеній временъ римской имперіи (см. выше указанныя монеты).

II.

Содержаніе реферата г. Городцова: Жилища неолитической эпохи въ долинѣ р. Оки, въ связи съ открытіями въ окрестностяхъ с. Дубровичъ.

Въ началѣ своего реферата авторъ напоминаетъ читателю, что среди открытаго и изслѣдованнаго матеріала, относящагося къ періоду каменнаго вѣка, вообще весьма рѣдко встрѣчаются факты, бросающіе свѣтъ на устройство жилища человѣка, обитавшаго въ этотъ періодъ, и въ особенности эта бѣдность фактовъ чувствуется въ частности по отношенію къ бассейну Оки.

Такая бѣдность положительныхъ данныхъ объ этомъ вопросѣ вызвала гипотезы, подвергавшіяся въ свою очередь научной критикѣ.

Излагая и сопоставляя эти гипотезы авторъ оттѣняетъ ихъ и своей критикой. Съ особенной подробностію авторъ останавливается на гипотезѣ гр. Уварова, по мнѣнію котораго песчаные бугры, встрѣчавшіеся по направленію отъ г. Рязани къ с. Павлову (Владим. губ.), суть слѣды временныхъ стоянокъ человѣка переходной и неолитической эпохъ.

Постоянными же жилищами человѣку должны были служить—*пещеры*, но для временныхъ жилищъ или стоянокъ кратковременныхъ человѣкъ могъ пользоваться и шалашами и искусственными пещерами, при чемъ первые могли служить для лѣтняго времени, а послѣднія—для зимняго. Послѣдніе два рода жилищъ пріурочиваются гр. Уваровымъ въ особенности для Окскаго бассейна въ виду его топографическихъ особенностей.

Изложенная гр. Уваровымъ теорія вызвала нѣсколько замѣчаній въ научной литературѣ: такъ, г. Кротовъ предполагалъ скорѣе возможнымъ устройство первоначальныхъ жилищъ на буграхъ; что же касается пещеръ, то онъ находитъ ихъ неудобными и притомъ считаетъ ихъ существованіе въ качествѣ жилья фактически для себя неизвѣстнымъ; г. Докучаевъ вооружается также противъ пещерныхъ жилищъ, такъ какъ, по его мнѣнію, обитатель Окскаго бассейна въ древній періодъ былъ исключительно жителемъ равнины, богатой рѣками и озерами. Сходное мнѣніе выразилъ г. Поляковъ, предполагая болѣе возможнымъ существованіе жилищъ на дюнахъ, иногда съ характеромъ временнаго поселенія. Наконецъ мнѣніе г. Иностранцева, весьма важное для центральной Россіи, взамѣнъ пещеръ выставляетъ жилья, *ямы*, какъ имѣющія практическія удобства для тѣхъ мѣстностей, которыя по своему рельефу не могутъ имѣть естественныхъ или искусственныхъ пещеръ; для подкрѣпленія этого мнѣ-

Большая масса кремневыхъ орудій, находимыхъ вмѣстѣ съ известнякомъ крестьянами, указываетъ несомнѣнно на тотъ фактъ, что это сооруженіе было устроено въ періодъ каменнаго вѣка. Высота этой стѣны или обложки доходитъ до 4 $^1/_2$ арш. Среди разрытой крестьянами поверхности этого холма автору изслѣдованія удалось найти нетронутое, цѣльное, но не большое пространство поверхности холма, на которое онъ и обратилъ особое вниманіе.

При снятіи культурнаго слоя на этомъ цѣльномъ пространствѣ оказались въ большомъ количествѣ кремневыя стрѣлы, черепки, кости рыбъ, птицъ и разныхъ животныхъ; затѣмъ обозначилось овальной формы черное пятно, длиною до 4-хъ арш. Это пятно обозначало заплывшее отверстіе глубокой ямы, наполненной въ разныхъ мѣстахъ густыми наслоеніями кухонныхъ остатковъ. Дно этой ямы было обложено семью большими камнями, при чемъ восьмой камень находился посрединѣ. Г. Горцевъ, на основаніи различнаго рода признаковъ и доказательствъ, изложенныхъ имъ въ рефератѣ весьма обстоятельно и систематично, приходитъ къ убѣжденію, что изслѣдованная имъ яма въ Черепкахъ представляетъ весьма рѣдкій примѣръ очага или зимняго жилища первобытнаго обитателя Окскаго бассейна, и считаетъ на основаніи добытыхъ имъ фактовъ означенную яму болѣе поздней постройкой, сравнительно съ известковой кладкой, составляющей облицовку холма.

Сравнительно съ типами жилищъ первобытныхъ людей на западѣ Европы изслѣдованное авторомъ жилище или стоянка, по характеру своего устройства является вполнѣ оригинальной и свойственной извѣстной мѣстности, т. е. Окскому бассейну.

Въ отличіе отъ западно-европейскихъ сооруженій этого періода авторъ считаетъ своеобразнымъ устройство упомянутой *каменной плотины*, которая защищала холмъ отъ напора воды, служившей защитою жилища древнему человѣку. На основаніи сходства найденныхъ черепковъ и кремневыхъ орудій съ такими же находками въ Волосовѣ, авторъ относитъ изслѣдованную мѣстность къ той же эпохѣ Волосовой стоянки.

В. И. Сизовъ.

III.

Археологическая хроника.

—— Мы получили отъ Н. М. Павлова слѣд. письмо: „Вы разрѣшили мнѣ обратиться къ вамъ за разъясненіемъ одного обстоятельства по поводу „бѣлаго клобука“, носимаго русскими митрополитами. Вотъ

въ чемъ дѣло. По общепринятому мнѣнію полагается: 1) на Москву митрополичій бѣлый клобукъ перешелъ изъ Новгорода, гдѣ первоначально бѣлый клобукъ, вмѣсто чернаго, данъ былъ—бѣльцу мѣстному архіепископу въ отличіе именно „бѣльца“ отъ чернаго (слѣд., бѣлый цвѣтъ не означалъ высшей степени, или вообще верховенства); 2) на всемъ Востокѣ и сейчасъ „бѣлыхъ клобуковъ“ и въ заводѣ нѣтъ,—всѣ митрополиты—въ черныхъ клобукахъ искони, и сейчасъ; 3) несмотря на это, однако, есть легендарное сказаніе о переносѣ „бѣлаго клобука“ въ Римъ—позднѣйшее сказаніе, составившееся по взятіи Константинополя турками—время многихъ легендарныхъ сказаній о переносѣ святынь изъ отурченнаго Царьграда; 4) между тѣмъ во времена Ивана Грознаго—(ранѣе возведенія въ санъ московскаго митрополита Макарія)—упоминается о совѣщаніи царя по поводу „бѣлаго клобука“; царь обстоятельно указывалъ, что московскіе митрополиты и чудотворцы—Петръ и Алексѣй—носили бѣлый клобукъ; 5) еще важнѣе, онъ-же, царь, свидѣтельствуетъ: „Ростовскіе Чудотворцы Исаія и Леонтій носили бѣлый-же клобукъ“. На этомъ совѣщаніи и было установлено: впредь носить бѣлый клобукъ митрополиту.

Въ связи со всѣмъ этимъ, не столько разъясняющимъ, сколько затемняющимъ общій вопросъ о значеніи бѣлаго клобука,—какъ объяснить въ частности прозвище „бѣлый клобучекъ“, данное народомъ извѣстному Ѳеодорцу, стремившемуся къ самостоятельности при Андреѣ Боголюбскомъ. Въ Новгородской лѣтописи, ч. IV, стр. 12,—значится подъ 6676 годомъ: „изгна Богъ и святая Богородица... Ѳеодора бѣлаго клобучка“. Пріуроченіе бѣлаго клобука Ѳеодорцу особенно замѣчательно, такъ какъ онъ искалъ себѣ правъ автокефальныхъ; слѣдовательно, поневолѣ тутъ угадывается нѣкоторый намекъ, что „бѣлый цвѣтъ“ въ глазахъ по крайней мѣрѣ народа уже означалъ верховную степень,—это же, въ свою очередь, опять противорѣчитъ всѣмъ другимъ историческимъ фактамъ. Если Вы благоволите бросить хотя нѣкоторый свѣтъ въ разъясненіе этого вопроса,—весьма обяжете“.

—— (Каменный кружокъ съ Пижемскаго городища). Въ I выпускѣ „Матеріаловъ по археологіи восточной Россіи“ между прочимъ описываются каменные кружки, найденные въ Вятской губерніи на такъ называемомъ Пижемскомъ городищѣ [1]). Изъ найденныхъ донынѣ 13 кружковъ 7 (въ томъ числѣ 2 въ видѣ половинокъ) снабжены узорами, а 2 изображеніями. Изъ послѣднихъ на № 8 представленъ „драконъ“

[1]) Матеріалы и пр... Выпускъ I.

рѣзьбою, а на № 5 (если не ошибаюсь) такое же изображеніе, исполненно наливомъ. И то и другое изображенія не ясны: первое было очень затерто и потомъ подновлено, а второе—грубая и неудачная попытка. Мнѣ удалось, въ 1894 году, пріобрѣсть отсюда прекрасный, хорошо сохранившійся кружокъ съ изображеніемъ двухъ одинаковыхъ животныхъ. Кружокъ глиняный, свѣтло-сѣраго цвѣта, плотный, твердый, весьма гладкій. Отверстіе имѣетъ слѣды подвѣшиванія: край стертъ; равнымъ образомъ немного стерта приходящаяся надъ нимъ голова одного изъ животныхъ. Края оглажены. При передачѣ на прилагаемомъ рис. 13 я постарался сохранить сходство, но поперечникъ внутренняго круга (отъ ободка до наружняго отверстія) вышелъ на 2 mm. больше. Животныя расположены такъ, что ноги находятся на кружкѣ (ободкѣ) отверстія. Какія это животныя? Всего болѣе изображенія походятъ на медвѣдей: у животныхъ зубастая пасть, лапы съ длинными пальцами и короткій хвостъ. Ребра, лопатки, бедра врѣзаны глубоко, и послѣднія завитками, какъ бы въ стилѣ нѣкоторыхъ сибирскихъ издѣлій [1]). По манерѣ того же стиля сильно утолщенъ и загнутъ вверхъ носъ и вырѣзаны треугольникомъ уши.

Рис. 13

Кромѣ этого замѣчательнаго предмета, я имѣю съ того же городища $^1/_2$ опочнаго кружка съ 2 восьмиугольниками, стороны которыхъ обведены городками изъ тонкихъ черточекъ. Отверстіе тоже въ 8-угольномъ ободкѣ. Далѣе, напряслице, менѣе 1 дюйма въ поперечникѣ, изъ блѣднокрасной глины, грубой работы, съ двойной кругообразной чертой и тонкими черточками вокругъ отверстія. *(Сообщилъ П. М. Сорокинъ).*

—— Въ с. Волька Заборовская, подъ Варшавой, колонистъ Каспаръ Пытляковскій нашелъ случайно закопанный въ землѣ горшокъ со старыми польскими монетами. Всѣхъ монетъ (серебряныхъ) оказалось 233, въ томъ числѣ 19 большихъ, 15 среднихъ и 189 мелкихъ. Къ какому времени относятся найденныя монеты, газеты не сообщаютъ. (Wiadom. Numizmat. archeolog., т. II, № 3—4).

—— При постройкѣ дома въ Козловкѣ, подъ Любартовымъ (въ имѣніи гр. Константина Замойскаго) найденъ закопанный на глубинѣ сажени большой дубовый окованный желѣзомъ сундукъ, въ которомъ оказалось множество серебряныхъ и золотыхъ сосудовъ, какъ то: канделябръ, старыхъ кубковъ, чашъ, вазъ и пр. (Ibidem).

---

[1]) Русскія древности. Изданіе Толстого и Кондакова, в. III, №№ 59, 75.

—— Въ Новомъ Фастовѣ (Свирскаго у.) найденъ сундучекъ съ мелкими серебряными монетами временъ Сигизмунда III и Владислава IV. Всего монетъ было 8 фунтовъ. Монеты разошлись по рукамъ мѣстныхъ жителей. (Ib.).

—— Въ с. Пассахъ, Блонскаго у., найденъ небольшой глиняный сосудъ съ 37 серебряными монетами, мѣдною медалью и дукатомъ 1648 г. (Ib.).

—— Въ с. Сорочкахъ, Нешавскаго у. помѣщикъ Богатко нашелъ при раскопкѣ 12 глиняныхъ урнъ наполненныхъ костями и разными металлическими (преимущественно бронзовыми) предметами, какъ-то: тарелка (?), пила, щипчики (?). Интересно было бы получить болѣе точныя свѣдѣнія объ этой находкѣ. (Ib.).

—— Историческій музей обогатился недавно коллекціей греческихъ и римскихъ древностей, принадлежавшихъ покойному К. С. Мазурину, и подаренныхъ музею его душеприказчикомъ М. П. Боткинымъ. Въ коллекціи находятся двѣ большія апулійскія расписныя вазы и такой-же кратеръ, (съ рисунками изъ миѳовъ о Посейдонѣ, Гераклѣ и Ахиллѣ), подлинность, впрочемъ, этихъ сосудовъ оспаривается спеціалистами; два архаическихъ сосуда, также расписные, изъ Коринѳа и Танагры; нѣсколько глиняныхъ головокъ отъ статуэтокъ, прекраснаго стиля,—на одной даже сохранилась позолота; лампочки римской работы съ изображеніями миѳологическаго и эротическаго характера, одна лампочка съ монограммою Христа; нѣсколько сосудовъ мелкихъ глиняныхъ поливныхъ и стеклянныхъ и наконецъ небольшой мраморный торсъ юноши и часть глинянаго фриза съ рельефными фигурами.

—— Въ Далмаціи въ Сплитѣ (Spolato), открылось новое Общество—Hrvatsko družtvo za istraživanje domače povjesti „Bihač"—Хорватское Общество для изслѣдованія мѣстной исторіи — „Бигачъ"). 14 мая 1894 г. оно имѣло первое общее собраніе, открытое рѣчью археолога Фр. Булича, избраннаго вслѣдъ затѣмъ и предсѣдателемъ Общества. Поводомъ къ открытію Общества служило то обстоятельство, что „Далмація изобилуетъ старинными памятниками, историческими и художественными, какъ изъ доисторической эпохи, такъ и греко-иллирійской, римской и хорватской". Особенное вниманіе Общество удѣлитъ, повидимому, послѣдней эпохѣ, на первый разъ занявшись всестороннимъ изслѣдованіемъ наиболѣе важной въ этомъ отношеніи мѣстности—Сплита и его окрестностей. Одновременно съ этимъ основывается въ Сплитѣ и Музей для храненія находимыхъ памятниковъ (§ 2 Устава „Бигача"). Новымъ Обществомъ изданъ уже первый выпускъ его органа „Бигачъ", содержащій въ себѣ извѣстіе объ открытіи Общества, отчетъ о первомъ засѣданіи, Уставъ Общества и списокъ членовъ (Zadar. 1894. 80).

—— Въ засѣданіи Académie des Inscriptions, отъ 14 января сего года, Гёзэ (Heuzey) представилъ любопытный древній памятникъ: воинскій значекъ Парѳянъ. Это бронзовый кругъ, внутри котораго находятся 6 ажурныхъ фигуръ Горгонъ, гонящихся другъ за другомъ. Кругъ поддерживается двумя лежащими быками и украшенъ, съ внѣшней стороны, на подобіе греческихъ зеркалъ, водяными птицами и, наверху, лежащимъ оленемъ. Предметъ сей напоминаетъ весьма воинскіе значки (знамена), изображенные на ассирійскихъ барельефахъ—съ тою разницею, что богъ Ассуръ, стрѣляющій изъ лука, замѣненъ здѣсь греческимъ мотивомъ Горгонъ, съ одинаковою цѣлью, впрочемъ: защиты и ужаса. Смѣсь восточныхъ и греческихъ мотивовъ объясняется сильнымъ греческимъ вліяніемъ, перешедшимъ въ Азію вслѣдствіе македонскаго завоеванія. Знакъ принадлежитъ Луврскому музею. — С. Ренакъ представилъ копію гальванопластическую съ центральной части (umbo) щита, найденнаго въ Венгріи; она изъ серебра, позолочена и украшена выпуклыми изображеніями, въ стилѣ которыхъ чувствуется вліяніе грекоримское, рядомъ съ вліяніемъ варварскимъ, главнымъ образомъ скандинавскимъ. Этотъ umbo, по мнѣнію г. Ренака, относится къ 300 г. по Р. Х. и принадлежитъ Готамъ, которые отъ балтійскихъ береговъ перешли въ южную Россію и поселились по верхнему теченію Дуная.

—— Въ Revue archéologique, t. XXV (novembre-décembre) 1894 г. напечатана статья С. Ренака о женской головкѣ изъ бѣлаго мрамора, найденной въ Кизикѣ, составлявшей часть цѣлой статуэтки и нынѣ находящейся въ Дрезденскомъ музеѣ, гдѣ она значится просто подъ заглавіемъ „голова дѣвушки". С. Ренакъ, внимательно изучивъ ее, приходитъ къ заключенію, что головка принадлежала статуэткѣ, долженствовавшей изображать Артемиду. Особенно убѣждаетъ его въ семъ сходство Кизикской головки съ головами Артемидъ школы Праксителя, наиболѣе выдающимся типомъ которыхъ является Артемида, находящаяся въ Константинопольскомъ музеѣ и снимокъ съ которой помѣщенъ въ American Journal of archeology за 1885 г. Въ заключеніе г. Ренакъ указываетъ, какъ желателенъ былъ бы сборникъ снимковъ съ античныхъ головокъ для сравнительнаго ихъ изученія и опредѣленія.

—— Въ Италіи администрація изящныхъ искусствъ, озабочиваясь изученіемъ лучшихъ способовъ сохраненія и реставрированія старинной живописи, объявила конкурсъ по техникѣ древней и новой всякаго рода живописи и мозаики. Премія назначена въ 3,000 фр. (Нов. Вр., № 6816, 1895 г.).

—— Архіепископъ Месропъ, начальникъ Шемахинской Армяно-Григоріанской епархіи, сообщаетъ изъ Эчміадзина въ Им. Московское

Археол. Общество, что на юго-восточномъ склонѣ такъ называемаго Армавирскаго холма имъ найденъ большихъ размѣровъ тесаный камень, краснаго цвѣта, длиною 21 арш. и шириной два аршина. На поверхности этого камня, на три аршина отъ земли, видны слѣды пятистрочной клинообразной надписи, сильно пострадавшей отъ времени. Весною нынѣшняго года архіепископъ думаетъ очистить означенный камень и снять фотографію находящейся на немъ клинописи.

Тотъ же преосвященный Месропъ препроводилъ въ Им. Мос. Арх. Общество рисунокъ мозаическаго пола, открытаго имъ при раскопкѣ холмика Багнисъ (баня), находящагося на разстояніи одной версты отъ селенія Теджерлу, Сурмалинскаго уѣзда. Полъ почти квадратный и имѣетъ $10^1/_2$ арш. длины и 10 арш. ширины. Судя по характеру узоровъ и орнаментовъ на полу, зданіе могло принадлежать, по мнѣнію преосв. Месропа, арабскимъ владѣтелямъ, хотя мѣстные жители и утверждаютъ, что означенной мѣстностью нѣкогда владѣли помѣщики Сурмалинскаго участка князья Камсараканы. Тутъ же найдены два каменныхъ шарика, глиняная посуда, двѣ серебряныхъ и восемь мѣдныхъ монетъ, которыя присланы въ Общество при отношеніи архіеп. Месропа отъ 20 дек. 1894 г.

—— Рязанская уч. архивная Коммиссія въ виду предполагаемаго празднованія 800-лѣтія Переяславля-Рязанскаго предполагаетъ издать юбилейный сборникъ, въ который имѣютъ войти статьи и матеріалы, касающіеся города и проситъ лицъ, желающихъ доставить для сборника соотвѣтствующіе матеріалы, направлять ихъ въ Рязан. уч. арх. Коммиссію.

—— „Волжск. Вѣстн.“ сообщаетъ, что открытіе казанскаго городскаго музея назначено на 5 апрѣля. Открыты будутъ только два отдѣленія — музей А. Ѳ. Лихачева, составляющій особый отдѣлъ, и учебный. Другія отдѣленія, какъ естественно-историческое, историко-этнографическое и промышленное, пока еще не организованы. Совѣтъ музея разсчитываетъ, что устройство этихъ отдѣленій пойдетъ гораздо успѣшнѣе съ фактическимъ открытіемъ музея, хотя бы въ составѣ только двухъ отдѣленій. По уставу, казанскій музей долженъ служить для распространенія свѣдѣній о природѣ, жителяхъ, народномъ хозяйствѣ, исторіи и археологіи восточной полосы Россіи, для ознакомленія населенія съ памятниками изящныхъ искусствъ, и наконецъ, для содѣйствія къ развитію промышленности и торговли края. Преслѣдуя такія цѣли, музей собираетъ научныя, художественныя и промышленныя коллекціи, устраиваетъ временныя и постоянныя выставки по различнымъ отраслямъ знанія, характеризующія мѣстный край, его промышленность и

народное хозяйство, и изыскиваетъ средства для сбыта мѣстныхъ кустарныхъ, ремесленныхъ и фабрично-заводскихъ издѣлій, производя торговыя операціи съ продуктами этихъ отраслей мѣстной промышленности. Доступъ публики для обозрѣнія открытъ съ 6 апрѣля. (СПБ. Вѣд., № 77, 1895 г.).

—— Недавно скончался къ Лондонѣ на 78 году отъ роду англійскій археологъ Чарльзъ Ньютонъ. Извѣстность покойнаго основана главнымъ образомъ на томъ, что ему удалось открыть въ 1857 г. развалины галикарнасскаго мавзолея близъ города Будруна, въ Малой Азіи. Мавзолей былъ воздвигнутъ въ IV вѣкѣ до Р. Х. карійской царицей Артемизіей и причислялся въ древности къ семи чудесамъ свѣта. Производя въ 1856—59 гг. раскопки въ окрестностяхъ древняго Книда, Ньютонъ нашелъ и тамъ много замѣчательныхъ скульптуръ, мозаикъ, вазъ, монетъ и пр. Всѣ эти цѣнныя находки поступили въ британскій музей, гдѣ покойный археологъ долго занималъ потомъ должность хранителя греческихъ и римскихъ древностей. (Русск. Вѣд, 1895 г.).

IV

Засѣданія Обществъ.

Въ годичномъ засѣданіи *Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества* 21 февраля 1895 г. былъ доложенъ отчетъ о дѣятельности Общества за истекшій годъ: Общество имѣло 18 засѣданій, въ которыхъ было сдѣлано 23 доклада по различнымъ вопросамъ археологіи; кромѣ того, въ состоящихъ при Обществѣ коммиссіяхъ: Восточная—имѣла въ отчетномъ году 7 засѣданій съ 17 сообщеніями и Славянская—4 засѣданія съ 12 сообщеніями. Третья, состоящая при Обществѣ Коммиссія по Сохраненію Древнихъ Памятниковъ продолжала въ отчетномъ году энергично свою дѣятельность по охраненію древнихъ церквей какъ въ Москвѣ, такъ и въ провинціи. Изданы были Обществомъ XV т. „Древностей", IV-й вып. „Матеріаловъ по археологіи Кавказа", содержащій въ себѣ отчетъ о поѣздкахъ на Кавказъ гр. П. С. Уваровой, и наконецъ совмѣстно съ Обществомъ Любителей Россійской Словесности былъ изданъ Обществомъ Сборникъ „памяти Н. С. Тихонравова", заключающій рѣчи, читанныя въ обоихъ Обществахъ посвященныя памяти Н. С. Тихонравова. Дѣятельность Общества и выразилась и въ устройствѣ экспедицій, изъ которыхъ одна, на Высочайше дарованныя средства, была совершена д. чл. А. А. Ивановскимъ въ Закавказье, въ долину р. Аракса, и другая д. чл. Ф. Д. Нефедовымъ въ Вятскую, Пермскую, Уфимскую и Самарскую губерніи. По произведенной баллотировкѣ на пред-

стоящее трехлѣтіе были избраны на должность Секретаря Общества д. чл. В. К. Трутовскій, а на должность товарища Секретаря Общества за отказомъ д. чл. С. С. Слуцкаго отъ должности — д. чл. А. С. Хахановъ. Въ этомъ же засѣданіи д. чл. *М. В. Никольскій* прочелъ докладъ подъ заглавіемъ: „О неизданныхъ надгробныхъ памятникахъ съ надписями изъ развалинъ Пальмиры".

Въ засѣданіи *Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества* 7-го марта была разсмотрѣна богатая коллекція золотыхъ вещей, сосудовъ, масокъ и пр., принадлежащая г. Запорожскому изъ г. Керчи. Большая часть этой коллекціи пріобрѣтена Императорскимъ Россійскимъ Историческимъ Музеемъ. Далѣе были сдѣланы слѣдующія сообщенія: *Н. А. Шохинъ* прочелъ докладъ „Историческій очеркъ Николаевскаго кремлевскаго дворца", въ которомъ онъ сообщилъ, между прочимъ, объ остаткахъ нѣкоторыхъ древнихъ строеній, найденныхъ имъ при реставраціи дворца, стоящаго, какъ извѣстно, на мѣстѣ древняго митрополичьяго двора. *С. О. Долговъ* доложилъ о выпискѣ изъ рукописи изъ собранія г. Никифорова, присланной г. Добринкинымъ, подъ заглавіемъ „Картины Страшнаго суда XVIII столѣтія"; картины, фотографическіе снимки съ которыхъ приложены были къ докладу, украшаютъ рукопись, которую есть основаніе отнести къ 1-й половинѣ XVII в.; картины вырисованы опытной рукой художника и околерованы грязноватыми красной, зеленой и желтой красками. Разбирая указанныя изображенія Страшнаго суда, г. Долговъ отмѣтилъ мѣсто, которое слѣдуетъ отвести имъ въ общемъ рядѣ картинъ, трактующихъ тотъ же сюжетъ. *С. С. Слуцкій* сдѣлалъ докладъ о книгѣ, изданной И. К. Суручанъ и В. В. Латышевымъ подъ заглавіемъ „Inscriptiones greccae et latinae novissimis annis 1889—1894 гг." (Спб. 1895) и передалъ въ Общество гальваническій снимокъ, принадлежавшій В. Е. Румянцеву съ серебряно-вызолоченнаго оклада на Евхологіонѣ 1720 года, изд. Кіево Печерской лаврой и хранящемся въ Библіотекѣ Московской Синодальной типографіи.

Въ засѣданіи *Славянской Коммиссіи* Московскаго Археолоическаго Общества 19 февраля 1895 г. *В. Ѳ. Миллеромъ* сдѣланъ докладъ „Галицко-Волынскіе отголоски въ современныхъ былинахъ", составляющій продолженіе его доклада въ засѣданіи Московскаго Археологическаго Общества" 23-го января. Изложивъ свой взглядъ на былину о Дюкѣ Степановичѣ, референтъ подвергъ анализу былину о Чурилѣ Пленковичѣ, которая также пріурочивается имъ къ тому же галицкому циклу и только позднѣе входитъ въ циклъ кіевскій. Тѣсно въ пѣсняхъ связанъ съ Чурилой и Потокъ Михайловичъ; эта былина въ основѣ книжная, взятая изъ болгарскаго сказанія о Михаилѣ изъ Потуки (какъ полагаетъ и академикъ А. Н. Веселовскій), около XIII в. перешла въ галицкую народную пѣсню, гдѣ она и видоизмѣнила подробности. Къ такимъ же отголоскамъ относятся пѣсни о Дунаѣ, который, по взгляду референта, долженъ быть сопоставленъ съ Дунаемъ, воеводой волынскаго

князя Владиміра Васильковича. Вторымъ докладомъ былъ рефератъ *П. А. Лаврова* о найденномъ въ Хиландарскомъ монастырѣ сборникѣ XIII—XIV в. сербскомъ, аналогичномъ по составу съ извѣстнымъ Симеоновымъ сборникомъ, сохранившемся въ спискѣ 1073 года. (Святославовъ сборникъ). Изъ сравненія получается выводъ: Хиландарскій сборникъ (часть его (2 листа) приведена В. И. Григоровичемъ; нынѣ въ Рум. Музеѣ № 1703), въ общемъ совпадая съ Симеоновымъ, представляетъ и свои отличія. Во всякомъ случаѣ онъ долженъ занять видное мѣсто въ исторіи древнихъ сборниковъ того типа, представителемъ котораго является Сборникъ 1073 года.

7-го марта 1895 г. состоялось засѣданіе русскаго отдѣленія Императорскаго русскаго археологическаго Общества подъ предсѣдательствомъ С. Ѳ. Платонова. Докладчиками выступили Н. Ѳ. Романченко („Раскопки въ Евпаторійскомъ уѣздѣ, Таврической губерніи") и И. А. Шляпкинъ („Стѣнныя надписи новгородскаго Софійскаго собора"). Н. Ѳ. Романченко, изслѣдовавъ вопросъ о топографіи древней Керкенетиды, обращаетъ вниманіе на то, что, по достовѣрнымъ свидѣтельствамъ греческихъ авторовъ, это было скиѳское поселеніе съ конца VI вѣка до Р. Хр. Въ настоящее время близъ Евпаторіи, на участкахъ, предназначенныхъ городомъ для сдачи въ аренду, при вскапываніи этихъ участковъ, за которымъ докладчику удалось установить постоянный надзоръ, обнаружился древній некрополь. Здѣсь найдено 12 монетъ, среди которыхъ монета III вѣка до Р. Хр., кувшинъ съ остатками костяка, черная погребальная урна и расписная кратера, разбитая, но сохранившаяся въ достаточномъ для реставраціи количествѣ обломковъ. Докладчикъ указываетъ на настоятельную необходимость охраненія памятниковъ древности въ обслѣдованномъ районѣ. И. А. Шляпкинъ представилъ колекціи фотографическихъ снимковъ со стѣнныхъ надписей внутри Софійскаго собора въ Новгородѣ. Извѣстно, что въ настоящее время предприняты работы по общей реставраціи древняго нашего храма, и надписи, о которыхъ идетъ рѣчь, исчезаютъ подъ новой штукатурой, между тѣмъ какъ, судя по образцамъ, воспроизведеннымъ И. А. Шляпкинымъ, они представляютъ матеріалъ какъ для исторіи древнихъ русскихъ именъ, такъ и для палеографіи вообще. (Нов. Вр. № 6834, 1895 г.).

Въ собраніи 24-го февраля 1895 *Императорскаго Общества Любителей Древней Письменности.* Хр. М. Лопаревъ сдѣлалъ сообщеніе о недавно изданной болландистами книгѣ Bibliotheca hagiographica graeca (объ изданныхъ житіяхъ греческихъ святыхъ). Докладчикъ предпослалъ своему сообщенію нѣсколько словъ о литературной исторіи агіографіи и о значеніи переводныхъ житій въ древней Руси и въ наше время; затѣмъ подробно разсмотрѣлъ названную книгу, выяснилъ всѣ ея выдающіяся достоинства и сдѣлалъ нѣсколько дополненій именъ святыхъ и библіографическихъ справокъ, пропущенныхъ болландистами. Въ заключеніе г. Лопаревъ выяснилъ вопросъ о

происхожденіи слова перворѣтій (обозначеніе октября мѣсяца), до сихъ поръ считавшагося за древне-русское или славянское слово: на основаніи житій святыхъ докладчикъ доказалъ его греческое или вѣрнѣе древне-македонское происхожденіе (hyperberetis). Сообщеніе вызвало замѣчаніе почетнаго члена общества Т. И. Филлипова, который не вполнѣ согласился съ мнѣніемъ докладчика о неподвижности въ развитіи риторическаго искусства и замѣтилъ, что классическіе образцы даны были еще въ V в., и съ тѣхъ поръ византійцы не могли внести ничего новаго. П. А. Сырку къ числу пропущенныхъ именъ святыхъ добавилъ еще одно—имя св. Іоанна Ватаци.

Затѣмъ Н. В. Покровскій познакомилъ собраніе со значеніемъ и содержаніемъ сійскаго иконописнаго подлинника, рукописи XVII в., принадлежащей Императорскому Обществу Любителей Древней Письменности. Эта рукопись представляетъ собою сборникъ рисунковъ или бумажныхъ переводовъ съ разныхъ иконъ, подобранныхъ и расположенныхъ въ извѣстной системѣ, впрочемъ, не вполнѣ выдержанной. Систематизаторомъ, какъ видно изъ записей, является чернецъ Никодимъ, впослѣдствіи архимандритъ того же Сійскаго монастыря. По мнѣнію Н. В. Покровскаго, сійскій подлинникъ есть единственный полный памятникъ подобнаго рода, такъ какъ другихъ памятниковъ, кромѣ иконописныхъ подлинниковъ Строгановскаго и Прохорова, да отдѣльныхъ листовъ, до сихъ поръ не было извѣстно, особенно по отношенію къ сѣверному краю. Выяснивъ значеніе иконописныхъ подлинниковъ вообще, какъ руководство къ иконописанію, г. Покровскій замѣтилъ, что сійскій подлинникъ даетъ образцы бумажныхъ переводовъ не только XVII в., но и болѣе ранняго времени, а иногда и такіе образцы, въ которыхъ видно вліяніе западно-европейскихъ гравюръ, напримѣръ, изображеніе Воскресенія Іисуса Христа. Кромѣ большаго числа образцовъ, притомъ сдѣланныхъ съ выборомъ, сійскій подлинникъ даетъ имена многихъ иконописцевъ, какъ уже извѣстныхъ, напримѣръ, Прокопія Чирина, Симона Ушакова и друг., такъ и неизвѣстныхъ, напримѣръ, Москалева, дающаго одни изъ лучшихъ изображеній, Терентія Симона, Василія Мамонтова, Василія Осипова и др. Между прочимъ изъ одной записи оказывается, что Чиринъ принадлежалъ къ царской школѣ, а не Строгановской, какъ до сихъ поръ считали. Относительно Симона Ушакова Н. В. Покровскій сдѣлалъ замѣчаніе, что его изображеній въ данномъ сборникѣ мало, что, вѣроятно, объясняется принадлежностью Симона къ новаторамъ, подчинявшимся вліянію западно-европейскому. Въ заключеніе докладчикъ привелъ рядъ отмѣтокъ на изображеніяхъ, напримѣръ, „греческаго добрѣйшаго мастерства“, „мастерской переводъ“, „зѣло благолѣпное изображеніе“, „образецъ для изученія знаменія удобенъ“ и т. д., обличающихъ въ авторѣ человѣка съ художественнымъ чутьемъ и пониманіемъ, такъ какъ всѣ эти отмѣтки соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Въ томъ же собраніи было заявлено объ избраніи въ члены-корреспонденты Общества профессора Казанскаго университета Д. А. Корсакова и адъюнкта Академіи Наукъ А. А. Шахматова. („Нов. Вр.“ № 6825, 1895 г.).

V

Библіографія.

Gazette des Beaux-Arts. 1895 г., мартъ. Въ мартовской книжкѣ французскаго художественнаго журнала „Gazette des Beaux-Arts“ появилась небольшая статья, озаглавленная „Le Kremlin de Rostoff“ и принадлежащая перу французскаго моряка виконта Жюля де Кювервиля, попавшаго случайно въ качествѣ туриста въ нашъ Ростовъ-Великій. Авторъ, искренно сознаваясь въ своемъ невѣжествѣ въ области археологіи, передаетъ свои впечатлѣнія, произведенныя на него древностями Ростова, единственно съ цѣлью указать своимъ соотечественникамъ оригинальность и богатство древностей Ростова, весьма интересныхъ въ научномъ отношеніи для спеціалиста-археолога. Какъ и слѣдовало ожидать, добрыми геніями француза въ его знакомствѣ съ городомъ и музеемъ церковныхъ древностей были гг. Шляковъ и Титовъ; послѣдній снабжалъ французскаго туриста и историческими свѣдѣніями относительно ростовскаго края. О любезности этихъ уважаемыхъ лицъ, также какъ и вообще о прекрасномъ пріемѣ русскаго общества, авторъ вспоминаетъ съ теплой благодарностью. При всей симпатіи своей къ сюжету своей статьи, авторъ не уберегся отъ нѣкоторыхъ неточностей и промаховъ въ транскрипціи русскихъ названій. Такъ, напримѣръ, великаго князя Константина Всеволодовича, основателя ростовскаго собора, онъ произвелъ въ императоры, а г. Титова превратилъ въ „Tissoff“. Характеристика *мерянъ*, занимавшихъ ростовскій край до прихода славянъ, представлена авторомъ въ такихъ чертахъ, которыя болѣе свойственны эпохѣ каменнаго вѣка: „Cette tribu (Méria) ne vivait que de chasse et de pêche, s'abritant l'été dans des cabanes de bois, et l'hiver dans des huttes de terre, comme de véritables sauvages“.

Гораздо важнѣе текста прекрасно выполненные рисунки, которыми иллюстрирована статья скромнаго автора. Нельзя не замѣтить, что самый выборъ рисунковъ отличается большимъ вкусомъ: такъ мы здѣсь встрѣчаемъ и внутренность церкви „Спаса на сѣняхъ“, и изразцы съ характерными изображеніями „Сирина“, и часть рѣзной царской двери, и образцы стѣнныхъ фресокъ.

Вообще для французскихъ читателей статья эта должна имѣть интересъ въ томъ смыслѣ, что можетъ возбудить желаніе французскихъ археологовъ серьезнѣе ознакомиться съ древностями Россіи.

В. С—въ.

Sitzungsberichte der Gesellschaft für Geschichte und Alterthums-Kunde der Ostseeprovinzen Russlands. 1893. (Riga. 1894). Рижское Общество Исторіи и Древностей занято преимущественно изученіемъ историческихъ памятниковъ

мѣстной старины и отодвигаетъ доисторическую археологію на второй планъ. Въ указанномъ году въ засѣданіяхъ Общества было сдѣлано довольно значительное число докладовъ, имѣвшихъ цѣлью разработать мѣстную старину на основаніи изученія историческихъ вещественныхъ памятниковъ и архивныхъ данныхъ. Изъ рефератовъ, представляющихъ болѣе широкій интересъ, отмѣтимъ: *Фр. Бинеманъ: Bemerkungen zu einer Stelle in Dr. Bergengrüns „moskowitischer Ambassade von 1697 in Livland"* (о пребываніи Петра I въ Ригѣ). *А. Бергенгрюнъ: Bericht des Christian Hillebrand über den Aufenthalt Bischofs Hermann v. Dorpat in Moscau 1558—59* (нап. въ Mittheil. a. d. livl. Geschichte, Bd. XV, H. 2). *К. Меттигъ: Aus dem Tagebuche des rigaschen Kaufmanns Matthies Finck* (м. пр. о пребываніи Финка въ 60 хъ годахъ XVII в. въ Смоленскѣ). Изъ рефератовъ, посвященныхъ мѣстнымъ древностямъ представляютъ интересъ замѣтки *бар. Г. Бруйнинка* и *А. Бухгольца:* по возстановленію плана др. Риги, *К. Лёвисъ-офъ-Менаръ*: о башнѣ „langer Hermann" въ Венденѣ (подъ этимъ названіемъ извѣстны башни и въ Ревелѣ, Нарвѣ, Вейсенштейнѣ и Юрьевѣ), *его же:* о слѣдахъ бывшей рижской городской тюрьмы; *К. Меттига*: о значеніи изображеній св. Маврикія (патрона черноголовыхъ) и *его же:* die lübische Bank im Hause der Schwarzen-Häupter in Riga (о сношеніяхъ Риги съ Любекомъ).

Sitzungsberichte d. gel. estnischen Gesellschaft 1893 г. Работы *Юрьевскаго ученаго Эстонскаго Общества* за послѣдніе два года были направлены, какъ и въ предшествующіе годы, въ значительной степени на изученіе мѣстной старины. Въ отчетахъ о засѣданіяхъ Общества за 1893 г. (изд. въ 1884 г.) помѣщены слѣдующія замѣтки о древностяхъ края: *Г. Берманъ (Zwei alte Wege)* сообщаетъ о найденныхъ имъ остаткахъ древнихъ дорогъ, со слѣдами гати, въ сѣверо-восточной части Лифляндской губ.; по мнѣнію автора извѣстныя до настоящаго времени древнія дороги въ Лифляндской г. можно соединить съ подобными же дорогами, извѣстными въ Эстляндской губ.; народъ называетъ ихъ „шведскими", „монашескими" дорогами, но фактъ, что именно вдоль этихъ дорогъ сосредоточиваются мѣстности, съ которыми связаны воспоминанія о героѣ древняго эстонскаго эпоса—сынѣ Калева (Kalewipoeg), примѣры чего сообщаетъ между прочимъ и г. Берманъ, служитъ доказательствомъ, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ дорогами, извѣстными мѣстнымъ жителямъ еще въ глубокой древности. Въ виду того, что пути сообщенія, направлявшіеся по сушѣ и соединявшіе древніе торговые центры балтійскихъ губерній, почти совершенно неизвѣстны, изслѣдованіе сохранившихся до настоящаго времени остатковъ древнихъ дорогъ заслуживаетъ особаго вниманія. *П. А. Висковатовъ* сообщаетъ о результатахъ своихъ раскопокъ кургановъ въ Пюхтицѣ (Везенбергск. у. Эстляндской губ.) [1]; значительная доля указанныхъ могилъ принадлежитъ, по мнѣнію проф.

[1]) См „Временникъ" Эста. губ. Статист. Ком. I.

Висковатова, кореламъ; это мнѣніе, основанное впрочемъ исключительно на сходствѣ могильнаго инвентаря съ таковымъ же изъ Корельской части Финляндіи, вызвало замѣчаніе со стороны Л. Шрёдера, по словамъ котораго раскопки въ Пюхтицѣ являются связующимъ звеномъ между финляндскими могильниками и тѣми изъ лифляндскихъ, которые принято приписывать ливамъ (Кремонскій, Ашераденскій), такъ какъ между могильнымъ инвентаремъ этихъ послѣднихъ и корельскихъ существуетъ, по мнѣнію г. Шрёдера, поразительное сходство. *Проф. Хаусманъ* прочелъ рефератъ о предѣлахъ распространенія щитообразныхъ фибулъ въ балтійскихъ губ.; референтъ, повидимому, склоненъ считать указанныя фибулы типичными для корельско-ливскихъ могильниковъ и, между прочимъ, предполагаетъ, что на основаніи опредѣленія границъ распространенія щитообразныхъ фибулъ явилась бы возможность рѣшить вопросъ, пришли ли ливы въ области, гдѣ ихъ застаетъ исторія, съ сѣвера сухимъ или морскимъ путемъ; имѣющіяся до настоящаго времени въ распоряженіи науки данныя не позволяютъ, впрочемъ, придти къ какому-либо заключенію по этому вопросу. *Л. Шрёдеръ* сообщаетъ о раскопкахъ, произведенныхъ имъ около Трикатена (Лифляндской губ. въ им. Лубенхофъ); могильникъ расположенъ на естественномъ холмѣ, въ которомъ на глубинѣ $1^1/_2$—2 футовъ лежали костяки безъ слѣдовъ гробовъ, въ направленіи съ В. на З., лицомъ на востокъ; среди найденныхъ предметовъ (браслетовъ, цѣпочекъ, спиралей, бубенчиковъ) особое вниманіе обратили монеты и часть вѣсовъ съ гирькой. По опредѣленію *г-на Саксендаля* монеты нѣмецкія начала XI в.; что же касается до гирьки, то, по мнѣнію того же изслѣдователя, она примыкаетъ по вѣсу къ той же вѣсовой системѣ, къ которой относятся аналогичныя находки въ другихъ мѣстностяхъ балтійскихъ губерній и которую г. Саксендаль вслѣдъ за Крузе называетъ римско-норманской. Другая, произведенная *Л. Шрёдеромъ* около Трикатена раскопка близь двора Маскатъ, въ им. Планхофъ, дала слѣдующіе результаты: могильникъ состоялъ изъ очень низкихъ кургановъ; одинъ изъ двухъ раскопанныхъ имѣлъ около 70 центим. высоты и 23 метра въ окружности; раньше могильникъ былъ раскопанъ гр. Е. Сиверсомъ. Въ первомъ, изслѣдованномъ г. Шрёдеромъ, курганѣ, приблизительно на уровнѣ почвы, былъ найденъ костякъ (направл. В.—З.), подъ нимъ лежалъ другой костякъ (направл. ЮВ.—СЗ.); во второмъ было найдено 7 костяковъ (напр. преимущественно В.—З.); въ числѣ предметовъ находилось много раковинъ *cyprea moneta*, бусъ, бронзовыхъ спиралей и фибулъ. Въ указанномъ могильникѣ, по замѣчанію г. Шрёдера, мы имѣемъ дѣло съ семейными могилами; точно датировать ихъ не представляется возможнымъ, но на основаніи труда А. Биленштейна о древнихъ границахъ разселенія латышей, мѣстность около Трикатена слѣдуетъ включить въ районъ древне-латышскій; вслѣдствіе этого г. Шрёдеръ приписываетъ какъ этотъ могильникъ, такъ и лубенхофскій—латышамъ.

Н. Х.

А. Родосскій. Описаніе 432-хъ рукописей, принадлежащихъ С.-Петербургск. Духовной Академіи и составляющихъ первое по времени собраніе. Спб. 1894. 427 стр. (ц. 2 р. съ пересылкою).

Это первое по времени собраніе рукописей составило фондъ богатаго рукописнаго собранія Спб. Дух. Академіи. Второе, третье и четвертое представляютъ, повидимому, болѣе цѣнныя собранія для историка и изслѣдователя литературы: это рукописи Софійскаго Новгородскаго собора, давно пользующіяся почетной извѣстностью въ ученомъ мірѣ, и не менѣе цѣнное-собраніе рукоп. знаменитаго Кириллобѣлоозерскаго мон.; послѣднія рукоп. (четвертое собраніе)—пріобрѣтаемыя вновь рукописи. Описываемое въ настоящемъ выпускѣ первое собраніе представляетъ смѣсь рукописей на разныхъ языкахъ — славянскомъ, русскомъ, латинскомъ, греческомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, итальянскомъ, грузинскомъ; по времени собираніе восходитъ къ 20-мъ гг. XVIII в., когда въ Александровской лаврѣ была основана школа; сюда въ теченіе всего прошлаго вѣка поступали рукописи, завозимыя разными лицами, посѣщавшими Петербургъ. Въ 1812 г. поступили сюда (около 150) рукописи проф. Маттеи, матеріалы для его ученыхъ работъ. Большинство рукописей—XVIII и даже XIX в.; пергаминныхъ двѣ—латинскій молитвенникъ XIV в. и греческое евангеліе XI—XII в. Описаніе разбито на отдѣлы: Богословіе (197 №№), Философія (24), Словесность (17), Математика (7), Исторія (82), Языкознаніе (76) и смѣсь (26). Описаніе составлено очень внимательно, снабжено подробнымъ указателемъ. Остальныя собранія рукописей, составляющія библіотеку Академіи, также, по словамъ г. Родосскаго, имѣютъ рукописные каталоги: пожелаемъ, чтобы и эти описанія были также внимательно обработаны и изданы почтеннымъ библіотекаремъ Академіи.

Отчетъ о дѣятельности Тверской Ученой Архивной Коммиссіи за 1893 (X-й) годъ. Тверь, 1894.

Полученный недавно отчетъ одной изъ старѣйшихъ Архив. Ком.—тверской—показываетъ, что мѣстные ученые и любители старины энергично продолжаютъ трудиться надъ разработкой и сохраненіемъ своей старины, не смотря на ничтожныя средства, которыми имъ приходится располагать (на отчетный годъ въ кассѣ было 334 р. 77 к.). Такъ, коммиссіей начато дѣло по возстановленію часовни въ дер. Волговерховье (здѣсь истокъ Волги); по пріобрѣтенію и описанію древностей, сохраняемыхъ въ мѣстномъ Музеѣ и архивѣ Коммиссіи, дѣло продолжалось по прежнему энергично: 508 №№ поступило въ Музей, описи коллекцій котораго продолжали составляться, какъ самимъ предсѣдателемъ коммиссіи, такъ и его сотрудниками. Въ отчетномъ году коллекція бумагъ и рукописей увеличилась поступленіемъ цѣнныхъ семейныхъ дворянскихъ архивовъ (Вельяминовыхъ - Зерновыхъ, Кушелевыхъ, Поликарповыхъ). Архивъ Коммиссіи также разросся новыми связками матеріаловъ: изъ 21286 дѣлъ, просмотрѣнныхъ членами коммиссіи, 1140 поступило въ Архивъ на храненіе. Наконецъ, въ засѣданіяхъ коммиссіи (послѣднее

въ 1893 г. — было 44-е отъ основанія Комм.) доложенъ, а затѣмъ напечатанъ въ мѣстныхъ преимущ. изданіяхъ (Епархіальныя и Губернскія Вѣдомости) рядъ небольшихъ изслѣдованій. Кромѣ того, желая способствовать развитію интересовъ къ старинѣ, Ком. въ отчетномъ году передала свою библіотеку (ок. 2000 томовъ) въ мѣстную Публич. библ. съ готовымъ уже карточнымъ каталогомъ.

Тверской Музей и его пріобрѣтенія въ 1893 г. Тверь, 1894.

Соединенный съ Архивной Коммиссіей Музей по прежнему продолжалъ служить своимъ образовательнымъ цѣлямъ, привлекая по воскреснымъ днямъ толпы посѣтителей и обогащаясь новыми пріобрѣтеніями. Эти послѣднія состояли, какъ видно изъ отчета, изъ орудій каменнаго вѣка, пріобрѣтавшихся покупкой и случайно, а также изъ раскопокъ въ Ржевскомъ уѣздѣ; христіанскихъ древностей (иконы, между ними интересная аллегорич. икона „Живота законнаго изображенія"), металлическіе кресты и образки (древнѣйшіе относятся къ Хв.); утварь, ткани (богатая коллекція изъ Кашинскаго, Калязинскаго, Старицкаго монастырей), богатая коллекція домашней утвари и одеждъ, оружія; въ нумизматич. отдѣлъ поступило нѣсколько неизданныхъ до сихъ поръ монетъ времени Іоанна III, три гривны Кіевскаго типа. Рукописное отдѣленіе обогатилось нѣсколькими интересными рукописями: иконописный подлинникъ XVII в., монастырскій сборникъ XVII в. съ любопытными современными записями о поминальныхъ кормахъ, псалтирь XV в., нѣсколько романовъ въ спискахъ XVII—XVIII в. и т. п.; наконецъ упомянутыя выше семейныя бумаги мѣстныхъ дворянъ. Всего число предметовъ Музея увеличилось на 500 слишкомъ номеровъ. Кстати: по послѣднимъ извѣстіямъ Музей пріобрѣтаетъ новое, прочное, удобное помѣщеніе—въ мѣстномъ запасномъ дворцѣ, куда онъ въ скоромъ времени и переносится.

Жур. М. Нар. Просвѣщенія (1895 г., январь). *С. К. Буличъ* посвящаетъ подъ заглавіемъ „Дельфійскія музыкальныя находки" замѣтку найденнымъ въ 1893 г. при раскопкахъ въ Дельфахъ фрагментамъ гимновъ, изъ которыхъ 3 посвящены Аполлону и одинъ (небольшой) Діонису. Упомянутыя находки не являются единственными въ своемъ родѣ: какъ извѣстно, въ Дельфахъ же въ 1891—92 гг. были уже сдѣланы аналогичныя музыкальныя находки (см. Ж. М. Н. Пр. 1893. октябрь и ноябрь и 1894 г. май.) а именно: надпись Сейкила и отрывка хора изъ Ореста. Найденные фрагменты гимновъ вырѣзаны на каменныхъ плитахъ, при чемъ текстъ сопровождается греческими музыкальными нотами. Гимнъ Аполлону относится, по мнѣнію Вейля, ко II—III в. до Р. Х., и по догадкѣ Л. Кува принадлежитъ аѳинянину Клеохару. Въ статьѣ г. Булича помѣщены какъ текстъ гимновъ, такъ и ноты.

Печатано по опредѣленію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, на основаніи § 56 его Устава.

Товарищъ секретаря *А. Хахановъ.*

Вып. I и II (въ одной книгѣ): Древности каменнаго и металлическаго вѣка, съ портр. гр. А. С. Уварова и 35 табл. рис. 1887 г. Ц. 4 р.

Вып. VII. Монеты Воспорскаго царства и древне-греческихъ городовъ, находившихся въ предѣлахъ нынѣшней Россіи, съ 5 таблицами. Состав. А. Орѣшниковъ. 1887 г., ц. 3 р.

Архим., Леонидъ. Систематическое описаніе Славяно-Россійскихъ рукописей собранія гр. А. С. Уварова, 4 т. М., 1893—94 г. Ц. 15 р.

Каталогъ Спасо-Преображенскаго монастыря въ Ярославлѣ, ц. 9 р. 50 к.

Византійскій Альбомъ—посмертное изд. гр. А. С. Уварова. Т. I. 1889 г. Ц. 15 р.

Уступка книгопродавцамъ и библіотекамъ учебныхъ заведеній 25%.

Продаются въ собственномъ домѣ Общества, въ Москвѣ, на Бересневкѣ, у Большаго Каменнаго моста.

Кавказъ. 2 тома. Ц. 3 р.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ библіотеку Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества съ 10 марта 1894 г.

Н. Б. Археологическій Съѣздъ въ Вильнѣ. Кіевъ, 1893 г. (изъ Кіев. Стар.).

Н. Бѣляшевскій. Разсказы крестьянъ с. Пекарей о Т. Г. Шевченкѣ (тоже).

Проф. И. Н. Корсунскій. Высокопреосвященный Исидоръ, митрополитъ Петербур. и Новгор. М., 1893 г.

И. Кор—ій. Высокопреосвященный Савва, архіеппск. Тверской и Кашинскій. М., 1892 г. (изъ М. ц. Вѣд.).

И. Корсунскій. Новые труды въ области Палестиновѣдѣнія (изъ № 7 Богосл. вѣстн. за 1892 г.).

И. Корсунскій. Русская благотворительность, Филаретъ, митрополитъ Московскій, и Ѳ. И. Гаазъ. М., 1893.

И Корсунскій. Проповѣдническая дѣятельность Филарета (Дроздова) въ бытность его архіеп. Тверскимъ и Ярославскимъ (1819—1821) (изъ ж. „Вѣра и Разумъ"). Харьковъ, 1886.

К. Отношеніе въ Бозѣ почившаго отца архимандрита Леонида (Кавелина) къ Святогробскому братству (изъ № 12 Душеп. чтенія за 1891 г.).

Стороженъ, В. Н. Къ исторіи сел. хоз. быта Костромскихъ Ипатьевскаго и Богоявленскаго монастырей, I, М., 1894.

Корсунскій, Ив. Святитель Филаретъ. Харьковъ, 1894.

Annual Report of the board of regents of the Smithsonian Institution 1891. Washington. 1893

Сочиненія А. Котляревскаго, 3 т. Спб., 1893.

Исторія Арменіи Моисея Хоренскаго, нов. пер. И. О. Эмина. М., 1893.

Ст. Звѣревъ. Памятная книжка Воронежской губ. на 1894 г. Воронежъ, 1894.

И. Корсунскій. Намѣстникъ Сергіевой Лавры, Архим. Леонидъ. Некрологъ. Изъ №№ 1 и 7 Душеп. Чт. 1892.

И. Корсунскій. Высокпр. Леонтій, Митрополитъ Московскій. Изъ № 9 Богословск. Вѣстн. 1893.

И. К. Высокпр. Платонъ, Митрополитъ Кіевскій. Некрологъ. Изъ № 11 Душепол. Чт. 1891.

И. К—ій. Профессоръ В. Н. Потаповъ. Некрологъ.

И. К. Высокпр. Никаноръ, Архіеп. Херсонскій. Некрологъ. Изъ № 3 Душепол. Чт. 1891.

Торжественное публичное собраніе Кіевской Коммиссіи для разбора древнихъ актовъ въ день пятидесятилѣтняго ея юбилея, 19 ноября 1893. Кіевъ. 1893.

M. F. Barthelemy. Les congrès internationaux d'anthropologie et d'archéologie préhistohique et de zoologie à Moscou, 1892. Nancy. 1893.

Х. Религіозное міросозерцаніе историковъ Греціи: Геродота, Ѳукидида и Ксенофонта.

Порядокъ совершенія молебствій, ежегодно бывающихъ въ помѣщеніи Московской Биржи. М. 1893.

В. Н. Стороженъ. IX археологич. съѣздъ въ г. Вильнѣ. Спб. 1894. Изъ Историч. Обозрѣнія.

Его-же. Засѣчныя книги, какъ историко-географич. и археологическій источникъ. Спб. 1892. Изъ «Библіографа».

Д. И. Багалѣй, проф. Просвѣтительная дѣятельность Вас. Назаров. Каразина. Харьковъ. 1893.

Д. И. Багалѣй. Замѣтки и матеріалы по исторіи Слободской Украйны. Харьковъ. 1893.

Отчетъ церковно-археологич. Общества при Кіевск. Дух. Академіи за 1893 г. Кіевъ. 1894.

Извѣстія церковно-археологич. Общества при Кіевской Дух. Академіи за 1893 г. Кіевъ. 1894.

Г. И. Куликовскій. Указатель къ «Этнографич. Обозрѣнію», кн. I—XV. (1889—1892 гг.).

(Продолженіе при слѣд. №).

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

выходятъ въ 1895-мъ году (3-й годъ изданія) по той же программѣ и въ томъ же объемѣ подъ редакціею:

И. А. Линниченка и В. М. Михайловскаго,

при участіи А. В. Орѣшникова и многихъ членовъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества.

Подписная цѣна съ пересылкою и доставкою въ годъ ТРИ (3) рубля.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Для **московскихъ** подписчиковъ:

1) Въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ, Берсеневская набережная, собств. домъ, ежедневно отъ 10 до 1 часу и въ часы засѣданій.

2) У А. В. Орѣшникова, Историческій музей, на Красной площади, ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 1 до 4-хъ.

3) Въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Моховая, противъ Стараго Университета, д. Коха (и его иногородн. отд.).

4) Въ книжномъ магазинѣ А. Ланга, на Кузнецкомъ мосту.

Иногородніе подписчики благоволятъ присылать подписные **три** рубля **исключительно** въ Императорское Московское Археологическое Общество (Москва, Берсеневская набережная, собств. домъ).

Подписчики, **не получившіе** выпуска или **перемѣнившіе** свое мѣсто жительства, благоволятъ обращаться съ заявленіями исключительно въ Московское Археологическое Общество.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція обращается съ просьбою ко всѣмъ прежнимъ сотрудникамъ журнала и ко всѣмъ любителямъ старины присылать свѣдѣнія о раскопкахъ, случайныхъ находкахъ древностей, объ имѣющихся въ частныхъ рукахъ выдающихся предметахъ древности—церковныхъ и бытовыхъ, рукописяхъ и т. п., а также газетныя извѣстія, заключающія свѣдѣнія археологическаго характера (отдѣльными №№ или просто вырѣзками съ помѣтою, изъ какой газеты и отъ какого числа); особенно желательны №№ провинціальныхъ газетъ.

Письма и посылки могутъ быть адресованы:

1) Въ Москву, въ Императорское Московское Археологическое Общество, Берсеневская набережная, с. д., въ редакцію „Археолическихъ Извѣстій и Замѣтокъ“ или же

2) Алексѣю Васильевичу Орѣшникову, Москва, Историческій Музей, на Красной Площади.

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES
Stacks
JUL 14 1980

ИЗДАВАЕМЫЯ

ИМПЕРАТОРСКИМЪ

Московскимъ Археологическимъ Обществомъ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

ДѢЙСТВИТЕЛЬНЫХЪ ЧЛЕНОВЪ

И. А. ЛИННИЧЕНКА и В. М. МИХАЙЛОВСКАГО.

№ 5.

МОСКВА
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА
ЛЕОНТЬЕВСКІЙ ПЕР., Д. МАМОНТОВА
1895

СОДЕРЖАНІЕ № 5.

Стр.

I. **Д. Айналовъ**. Сцены изъ жизни Богородицы на саркофагѣ „Adelfia". 141

II. **К. Медоксъ**. Къ замѣткѣ „О загадачной надписи на монетѣ Великаго Князя Тверскаго, Ивана Михайловича" 148

III. Археологическая хроника 151

IV. **Василій Сторожевъ**. Подарки царя Алексѣя полковнику Лесли „для крещенья и за подначальство" 159

V. Засѣданія Обществъ 165

VI. Библіографія. 172

Въ Императорскомъ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ находятся въ продажѣ слѣд. изданія:

Изданія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. Рекомендованы Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Описаніе Кіева. Соч. Закревскаго. Два тома и атласъ. 1868 г. Ц. 7 р.

Труды I-го Археологич. Съѣзда въ Москвѣ. Два тома и атласъ. 1871 г. Ц. 25 р.

Труды III-го Археологич. Съѣзда въ Кіевѣ. Два тома и атласъ. 1878 г. Ц. 10 р.

Труды V-го Археологич. Съѣзда въ Тифлисѣ. Два тома. Ц. 15 р.

Труды VII-го Археологич. Съѣзда въ Ярославлѣ. Тома I, II и III по 5 р.

Труды VIII-го Археологич. Съѣзда въ Москвѣ. Томъ I. Ц. 10 р.

Матеріалы по археологіи Кавказа; вып. 1, 2 и 3-й. Кажд. вып. по 6 р.

Тоже, вып. 4-й, М. 1894. Ц. 8 р. 50 к.

Матеріалы по археологіи восточныхъ губерній. Вып. I. Ц. 8 р.

Древности. Труды Московскаго Археологическаго Общества:

Томъ I, два выпуска. 1865—67 г., ц. 6 р.
„ II, три выпуска. 1869—70 г., ц. 6 р.
„ III, три выпуска. 1870, 71 и 73 гг. Ц. 6 р.
Томъ IV, три выпуска. 1874 г. Ц. 8 р.
„ V, 1885 г. Ц. 6 р.
„ VI, три выпуска. 1875—76 г. Ц. 6 р.
„ VII, три выпуска. 1877—79 г. Ц. 8 р.
„ VIII, 1870 г. Ц. 8 р.
Приложеніе къ VIII тому:
Пятый Археологическій Съѣздъ. Труды предварительнаго Комитета, 1882 г. Ц. 6 р.
Томъ IX, три выпуска. 1882—83 г., ц. 8 р.
„ X, 1885 г. Ц. 8 р.
„ XI, три выпуска. 1886—87 г. Ц. 8 р.
„ XII, два выпуска. 1888 г. Ц. 8 р.
„ XIII, два выпуска. 1889—90 г. Ц. 8 р.
„ XIV, 1890 г. Ц. 7 р.
„ XV, два выпуска. 1894 г. Ц. 8 р.
Древности Восточныя. Томъ I, Ц. 12 р.
Отдѣльно Т. I, 1 выпускъ 1889 г. Ц. 4 р.
„ Т. I, 2 выпускъ 1891 г. Ц. 4 р.
„ Т. I, 3 выпускъ 1893 г. Ц. 4 р.

Незабвенной памяти Графа А. С. Уварова. Рѣчи, прочитанныя въ соединенномъ засѣданіи ученыхъ обществъ 28 февраля 1885 г. (съ портретомъ Графа А. С. Уварова). 1885 г. Брошюра. Ц. 75 к.

Историческая записка о 25-лѣтней дѣятельности Моск. Арх. Общества. Ц. 2 р.

Памяти Н.С. Тихонравова. М. 1894 г. Ц. 2 р.

Уступка гг. членамъ Общества 20%, библіотекамъ учебныхъ заведеній—25%, книгопродавцамъ—30%.

Изданія графа Уварова:

Археологія Россіи. Каменный періодъ. Соч. графа А. С. Уварова. Два тома. 1881 г. Ц. 18 р.

Меряне и ихъ бытъ. Соч. гр. А. С. Уварова. Одинъ томъ и атласъ. 1872 г. Ц. 8 р. (нѣтъ въ продажѣ).

Каталогъ собранія древн. гр. А. С. Уварова.

3603

№ 5 1895 г.

ИЗДАВАЕМЫЯ
ИМПЕРАТОРСКИМЪ МОСКОВСКИМЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ

I.

Сцены изъ жизни Богородицы на саркофагѣ „Adelfia".

Въ 1872 году, въ катакомбахъ города Сиракузъ въ Сициліи, былъ найденъ прекрасный мраморный саркофагъ.

На передней части крышки саркофага читалась надпись, гласившая, что въ немъ были похоронены тѣла Адельфіи и Валерія (IC. ADELFIA C. F. POSITA. CONPAR. VALERI. COMITIS.). Надпись эту относятъ ко времени владычества Готовъ въ Италіи, и потому полагаютъ, что саркофагъ былъ приготовленъ для другой, гораздо ранѣе существовавшей фамиліи [1]).

По количеству сценъ, изображенныхъ на крышкѣ саркофага и на его передней сторонѣ, онъ считается однимъ изъ прекраснѣйшихъ между памятниками подобнаго рода. Нельзя сказать, однако, чтобы стиль рельефовъ его приближался къ стилю раннихъ христіанскихъ саркофаговъ. Рѣзьба изобличаетъ уже грубость техники, паденіе изящества въ фигурахъ, приземистыхъ, топорныхъ и мало подвижныхъ. Это рѣзьба V вѣка со всѣми своими характерными свойствами и кажущейся

[1]) См. Garrucci, Storia dell'arte cristiana, I. V, t. 365, 1.

незаконченностью. Обиліе сценъ въ данномъ случаѣ указываетъ также на этотъ періодъ V вѣка, такъ какъ большинство ихъ повторяетъ въ шаблонномъ типѣ давно извѣстныя композиціи Ветхаго и Новаго Завѣтовъ. Здѣсь изображены: Жертва Каина и Авеля, Отреченіе Петра, Полученіе заповѣдей Моисеемъ, Жертвоприношеніе Исаака, Увеличеніе хлѣбовъ и рыбъ, Исцѣленіе слѣпаго, Воскрешеніе мертваго, Отказъ трехъ отроковъ поклониться изображенію Новуходоносора и многія другія.

При такомъ, ясно видимомъ, шаблонномъ воспроизведеніи многихъ сценъ, особый интересъ получаютъ три сцены, изображенныя на фризѣ крышки саркофага, до сихъ поръ различно объясняемыя разными учеными.

Здѣсь, на лѣво отъ зрителя (см. рис. 14), представленъ холмъ съ

Рис. 14.

головой божества источника, вытекающаго изъ средины холма. Холмъ обработанъ съ умысломъ, какъ торсъ человѣка, грубо задрапированнаго въ верхнюю одежду. Молодая дѣва, ставши на одно колѣно, наполняетъ прохусъ водой изъ источника, въ то время какъ позади нея представленъ юноша, протягивающій впередъ руку и о чемъ-то говорящій. Рядомъ съ этой сценой представленъ опять юноша, какъ-бы поддерживающій за локоть дѣву, которая отдаетъ или принимаетъ отъ другой дѣвы какой-то непонятный предметъ. Третья сцена представляетъ жену или дѣву, сидящую на тронѣ съ подножіемъ; по сторонамъ трона стоятъ три другихъ дѣвы; двѣ изъ нихъ въ умиленіи прикладываютъ руки къ груди, третья, задумчиво опирая локоть правой руки объ ручку трона, подноситъ ладонь къ устамъ и стоитъ въ раздумьѣ, глядя на дѣву, сидящую на тронѣ. Послѣдняя, оборачивая голову на лѣво отъ зрителя, указываетъ правой рукой на эту стоящую фигуру, а другую руку открываетъ ладонью въ знакъ изумленія, жестъ часто встрѣчаемый на христіанскихъ памятникахъ. У подножія трона сидитъ еще одна женская фигура, которая подобострастно глядитъ вверхъ на фигуру, сидящую на тронѣ, и выражаетъ свое подчиненное положеніе не только позой, но и жестомъ покорно сомкнутыхъ ладоней рукъ.

Нѣкоторые ученые полагали, что двѣ первыя сцены представляютъ собою: Моисея, источающаго воду въ пустынѣ и Свиданіе Христа воскресшаго съ Богородицей въ ея домѣ. Дѣва, зачерпывающая воду— это будто бы одна изъ израильскихъ дѣвъ. Лебланъ вторую сцену объяснилъ [1]), какъ веденіе души похороненной въ саркофагѣ Адельфіи въ рай, т.-е. къ тому мѣсту, гдѣ сидитъ на тронѣ Богородица, окруженная блаженными дѣвами. Garrucci [2]) видитъ во всемъ символическій смыслъ и первую сцену объясняетъ какъ проповѣдь юнаго Апостола о водѣ жизни, которую и зачерпываетъ изъ источника жаждущая душа въ видѣ дѣвы. Во второй сценѣ будто-бы представлено веденіе этой дѣвы на казнь двумя другими дѣвами, при чемъ третья изъ нихъ держитъ ручныя кандалы. Здѣсь совершенно ошибочно юную мужскую фигуру налѣво отъ зрителя, одѣтую въ хитонъ и гиматій, онъ принимаетъ за женскую фигуру. Въ третьей сценѣ, по его мнѣнію, представлены церкви: Іерусалимская, Константинопольская, Римская и Антіохійская въ образѣ женъ, окружающихъ царственный образъ церкви вселенской, сидящей на тронѣ. Женская фигура, сидящая у подножія трона—это общество вѣрующихъ, съ умиленіемъ глядящее и внимающее ученію церкви. Всѣ позы и жесты этихъ женскихъ фигуръ онъ старается подогнать подъ отношеніе перечисленныхъ церквей къ церкви вселенской. Нѣмецкій ученый Ленеръ [3]) выпустившій въ свѣтъ большое сочиненіе о почитаніи Маріи, соглашается во всемъ съ Леблановъ, но не упускаетъ случая объяснить инструментъ въ рукахъ дѣвы, который, по его мнѣнію, представляетъ кроталы, въ которыя радостно ударяетъ Богородица, обитая въ раю. Это объясненіе онъ подкрѣпляетъ выдержкой изъ св. Амвросія (De virginit. l. II. c. 11, и 16, 17). Объясненіе Леблана раздѣляетъ и de Rossi [4]). То же самое повторяетъ и г. Лиль въ своемъ сочиненіи объ изображеніяхъ Богородицы въ катакомбной живописи [5]). Одинъ лишь монсиньоръ de-Waal пожелалъ искать объясненіе третьей сцены на основаніи апокрифовъ. Въ особенной замѣткѣ [6]) онъ объясняетъ эту сцену словами апокрифическаго Евангелія Псевдо-Матѳея, что Марія „cum senioribus virginibus docebatur“ (воспитывалась съ дѣвами старшими по возрасту) въ храмѣ Іерусалимскомъ (cap. VI). Но оставляя въ сторонѣ объясненіе двухъ другихъ сценъ, онъ и не могъ прійти къ болѣе правильному объясне-

---

1) Revue Archéol. Dec. 1877, La Viérge au ciel.
2) Storia dell'arte cristiana, I. V., стр. 95, I T. Theorica, стр. 274—276.
3) *Lehner*, Marienverehrung in d. ersten Jahrhund. Stuttgart 1881, p. 197.
4) Bullettino 1877, p. 154.
5) Die Darstellungen d. allerheil. Iungfrau Maria, Freiburg in Breisgau 1877, стр. 343—46.
6) Römische Quartalschrift 1887, стр. 391, 3.

незаконченностью. Обиліе сценъ въ данномъ случаѣ указываетъ также на этотъ періодъ V вѣка, такъ какъ большинство ихъ повторяетъ въ шаблонномъ типѣ давно извѣстныя композиціи Ветхаго и Новаго Завѣтовъ. Здѣсь изображены: Жертва Каина и Авеля, Отреченіе Петра, Полученіе заповѣдей Моисеемъ, Жертвоприношеніе Исаака, Увеличеніе хлѣбовъ и рыбъ, Исцѣленіе слѣпаго, Воскрешеніе мертваго, Отказъ трехъ отроковъ поклониться изображенію Новуходоносора и многія другія.

При такомъ, ясно видимомъ, шаблонномъ воспроизведеніи многихъ сценъ, особый интересъ получаютъ три сцены, изображенныя на фризѣ крышки саркофага, до сихъ поръ различно объясняемыя разными учеными.

Здѣсь, на лѣво отъ зрителя (см. рис. 14), представленъ холмъ съ

Рис. 14.

головой божества источника, вытекающаго изъ средины холма. Холмъ обработанъ съ умысломъ, какъ торсъ человѣка, грубо задрапированнаго въ верхнюю одежду. Молодая дѣва, ставши на одно колѣно, наполняетъ прохусъ водой изъ источника, въ то время какъ позади нея представленъ юноша, протягивающій впередъ руку и о чемъ-то говорящій. Рядомъ съ этой сценой представленъ опять юноша, какъ-бы поддерживающій за локоть дѣву, которая отдаетъ или принимаетъ отъ другой дѣвы какой-то непонятный предметъ. Третья сцена представляетъ жену или дѣву, сидящую на тронѣ съ подножіемъ; по сторонамъ трона стоятъ три другихъ дѣвы; двѣ изъ нихъ въ умиленіи прикладываютъ руки къ груди, третья, задумчиво опирая локоть правой руки объ ручку трона, подноситъ ладонь къ устамъ и стоитъ въ раздумьѣ, глядя на дѣву, сидящую на тронѣ. Послѣдняя, оборачивая голову на лѣво отъ зрителя, указываетъ правой рукой на эту стоящую фигуру, а другую руку открываетъ ладонью въ знакъ изумленія, жестъ часто встрѣчаемый на христіанскихъ памятникахъ. У подножія трона сидитъ еще одна женская фигура, которая подобострастно глядитъ вверхъ на фигуру, сидящую на тронѣ, и выражаетъ свое подчиненное положеніе не только позой, но и жестомъ покорно сомкнутыхъ ладоней рукъ.

Нѣкоторые ученые полагали, что двѣ первыя сцены представляютъ собою: Моисея, источающаго воду въ пустынѣ и Свиданіе Христа воскресшаго съ Богородицей въ ея домѣ. Дѣва, зачерпывающая воду— это будто бы одна изъ израильскихъ дѣвъ. Леблан вторую сцену объяснилъ [1]), какъ веденіе души похороненной въ саркофагѣ Адельфіи въ рай, т.-е. къ тому мѣсту, гдѣ сидитъ на тронѣ Богородица, окруженная блаженными дѣвами. Garrucci [2]) видитъ во всемъ символическій смыслъ и первую сцену объясняетъ какъ проповѣдь юнаго Апостола о водѣ жизни, которую и зачерпываетъ изъ источника жаждущая душа въ видѣ дѣвы. Во второй сценѣ будто-бы представлено веденіе этой дѣвы на казнь двумя другими дѣвами, при чемъ третья изъ нихъ держитъ ручныя кандалы. Здѣсь совершенно ошибочно юную мужскую фигуру налѣво отъ зрителя, одѣтую въ хитонъ и гиматій, онъ принимаетъ за женскую фигуру. Въ третьей сценѣ, по его мнѣнію, представлены церкви: Іерусалимская, Константинопольская, Римская и Антіохійская въ образѣ женъ, окружающихъ царственный образъ церкви вселенской, сидящей на тронѣ. Женская фигура, сидящая у подножія трона—это общество вѣрующихъ, съ умиленіемъ глядящее и внимающее ученію церкви. Всѣ позы и жесты этихъ женскихъ фигуръ онъ старается подогнать подъ отношеніе перечисленныхъ церквей къ церкви вселенской. Нѣмецкій ученый Ленеръ [3]) выпустившій въ свѣтъ большое сочиненіе о почитаніи Маріи, соглашается во всемъ съ Лебланомъ, но не упускаетъ случая объяснить инструментъ въ рукахъ дѣвы, который, по его мнѣнію, представляетъ кроталы, въ которыя радостно ударяетъ Богородица, обитая въ раю. Это объясненіе онъ подкрѣпляетъ выдержкой изъ св. Амвросія (De virginit. l. II. c. 11, и 16, 17). Объясненіе Леблана раздѣляетъ и de Rossi [4]). То же самое повторяетъ и г. Лиль въ своемъ сочиненіи объ изображеніяхъ Богородицы въ катакомбной живописи [5]). Одинъ лишь монсиньоръ de-Waal пожелалъ искать объясненіе третьей сцены на основаніи апокрифовъ. Въ особенной замѣткѣ [6]) онъ объясняетъ эту сцену словами апокрифическаго Евангелія Псевдо-Матѳея, что Марія „cum senioribus virginibus docebatur“ (воспитывалась съ дѣвами старшими по возрасту) въ храмѣ Іерусалимскомъ (cap. VI). Но оставляя въ сторонѣ объясненіе двухъ другихъ сценъ, онъ и не могъ прійти къ болѣе правильному объясне-

---

[1]) Revue Archéol. Dec. 1877, La Viérge au ciel.
[2]) Storia dell'arte cristiana, I. V., стр. 95, I T. Theorica, стр. 274—276.
[3]) *Lehner*, Marienverehrung in d. ersten Jahrhund. Stuttgart 1881, p. 197.
[4]) Bullettino 1877, p. 154.
[5]) Die Darstellungen d. allerheil. Iungfrau Maria, Freiburg in Breisgau 1877, стр. 343—46.
[6]) Römische Quartalschrift 1887, стр. 391, 3.

нію третьей сцены. Если de-Waal думаетъ, что эта сцена представляетъ воспитаніе Дѣвы въ храмѣ, то чѣмъ можно объяснить то обстоятельство, что сама Богородица является какъ бы начальницей дѣвъ, сидитъ на тронѣ и говоритъ къ окружающимъ ее подругамъ. Если даже принять это объясненіе, то какъ тогда поступить съ остальными сценами, гдѣ встрѣчается и голова источника и юныя мужскія фигуры и загадочный инструментъ въ рукахъ одной дѣвы. Нельзя думать, чтобы три сцены, соединенныя въ одну общую композицію, не были бы объединены и одной художественной мыслью, и если кажущаяся непослѣдовательность въ изображеніи сценъ Ветхаго и Новаго Завѣта на саркофагахъ долго смущала археологовъ и вызывала самыя странныя объясненія, то, послѣ открытія Леблана, никто не поддерживаетъ ихъ. Сцены на саркофагахъ чередуются сообразно тѣмъ моленіямъ о спасеніи душъ, которыя были избраны заказчиками или самимъ мастеромъ. Но рядомъ съ этимъ многіе саркофаги даютъ сцены изъ Евангелія, прямо слѣдуя порядку евангельскаго разсказа, и такимъ образомъ на ряду съ фресками катакомбъ начинаютъ историческіе циклы сценъ взамѣнъ символическихъ. Такъ и въ данномъ случаѣ. Саркофагъ, соединяя три описанныя сцены въ одну композицію, даетъ хорошее указаніе на то, что первыя три сцены рисуютъ какія-то внутренно-связанныя между собою событія. Кромѣ, того на продолженіи крышки саркофага, въ томъ же масштабѣ изображены еще двѣ сцены: Видѣніе волхвами звѣзды и Рождество Христово, такъ что на фризѣ крышки изображены пять сценъ, имѣющихъ, очевидное отношеніе другъ къ другу. Такъ какъ Видѣніе волхвами звѣзды и Рождество служатъ художественнымъ продолженіемъ трехъ первыхъ сценъ, то и можно думать, что послѣднія рисуютъ три предшествовавшихъ момента по отношенію къ сценамъ Видѣнія волхвами звѣзды и Рождества Христова. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ никакихъ данныхъ отрицать сходство первой композиціи съ извѣстнымъ Благовѣщеніемъ у источника, которое изображено на двухъ современныхъ саркофагу памятникахъ, на Миланскомъ диптихѣ и на ящикѣ изъ города Вердюна (Garucci, VI. 447,1), принадлежащемъ нынѣ графу Солтыкову. На этихъ двухъ памятникахъ Богородица точно такъ же, какъ и на саркофагѣ склоняется на колѣни и зачерпываетъ въ прохусъ воду, въ то время, какъ сзади нея стоитъ благовѣствующій ей Ангелъ. На вердюнскомъ ящикѣ Богородица стоитъ на одномъ колѣнѣ, какъ и на саркофагѣ. Фигуру юноши на саркофагѣ никоимъ образомъ нельзя принять за Моисея, такъ какъ у него нѣтъ жезла, которымъ обыкновенно Моисей ударяетъ по скалѣ. Это есть Ангелъ, но еще безъ крыльевъ въ раннемъ, древне-христіанскомъ типѣ, въ которомъ древне-христіанское искусство отмѣчало лишь

блистающаго вѣстника и юношу, не надѣляя его крыльями. Подобное представленіе Ангела безъ крыльевъ доходитъ на памятникахъ искусства вплоть до VIII, IX вѣка и извѣстно по слоновой кости изъ собранія Тривульчи въ Миланѣ (Garrucci, T. VI, t. 449, 2), на второмъ Миланскомъ диптихѣ (Ув. 450, 1, 2), въ мозаикахъ церкви Maria Maggiore въ Римѣ и др., не говоря уже объ извѣстныхъ представленіяхъ подобнаго рода въ катакомбахъ Марцелина и Петра и др. гораздо позднѣйшихъ. Голова божества источника привлечена въ сцену еще по традиціямъ античнаго искусства, которыя христіанское искусство удерживаетъ довольно долго, особенно въ изображеніяхъ Крещенія Христова, гдѣ обыкновенно изображается рѣка Іорданъ въ видѣ старца, изумляющагося происходящему событію или просто сидящаго надъ урной, изъ которой изливается вода, какъ это можно видѣть и въ скульптурѣ, наприм., на упомянутомъ ящикѣ графа Солтыкова (Garrucci, ib. 447, 3). Первая сцена так. образ. и представляетъ Благовѣщеніе по Псевдо-Матѳею который въ главѣ IX разсказываетъ о Благовѣщеніи у колодца. Можно думать, что двѣ другія сцены изображаютъ какіе-нибудь моменты на основаніи того же апокрифическаго источника. Дѣйствительно, въ главѣ VIII находимъ слѣдующій разсказъ: „Тогда (т.-е. послѣ обрученія) Іосифъ принялъ Марію съ другими пятью дѣвами, которыя были съ нею, въ домъ свой. Были же эти дѣвы—*Ревекка, Сепфора, Сусанна, Абигея и Захель. Имъ данъ былъ отъ первосвященниковъ шелкъ, и гіацинтъ, и висонъ, и пурпуръ, и шерсть. Онѣ бросили* между собою *жребій* о томъ, что каждой изъ нихъ выпадетъ сдѣлать. Случилось такъ, что *пурпуръ получила Марія*, и сказали ей дѣвы: „какъ ты, будучи младшей изъ всѣхъ, удостоилась получить пурпуръ!“ И говоря это какъ бы въ утомленіи рѣчью *стали называть ее царицей дѣвъ*. Когда онѣ вели этотъ разговоръ между собою, *явился Ангелъ Божій посреди ихъ и сказалъ*: „Не будетъ слово ваше сказаннымъ въ утомленіи рѣчью, но пророчется въ истинное пророчество“. Испугались дѣвы при видѣ Ангела и отъ словъ его, и просили её, чтобы она простила ихъ и молилась за нихъ“ [1]). На основаніи этого текста объясняется число и имена

[1]) Tischendorf, Evangelia apocrypha, Evang. Pseudo-Matth., cap. VIII:

«Tunc Joseph accepit Mariam cum aliis quinque virginibus in domo Joseph. Eran autem istae virgines Rebecca, Sephora, Susanna, Abigea et Zachel: quibus datum est a pontificibus sericum et jacinthum et byssus et coccus et purpura et linum. Miserunt autem sortes inter se, quid unaquaeque virgo faceret; contigit autem ut Maria purpuram acciperet, dixerunt ei illae virgines: Cum tu sis minor omnibus, purpuram obtinere meruisti. Et hoc dicentes quasi in fatigatione sermonis coeperunt eam reginam virginum appellare. Cumque haec inter se agerent, apparuit angelus domini in medio earum et dixit: Non erit sermo iste in fatigatione missus, sed in profetationem verissimam prophetatus. Expaverunt autem in conspectu angeli et in verbis ejus, et rogaverunt eam ut indulgeret eis et oraret pro eis».

дѣвъ, окружающихъ Марію въ третьей сценѣ, а также и то обстоятельство, что дѣва, держащая загадочный предметъ во второй сценѣ, получаетъ въ сущности выпавшій ей по жребію пурпуръ отъ подруги, и есть никто иная, какъ Марія. Рядомъ съ этой пятой дѣвой, вручающей пурпуръ, стоитъ внезапно явившійся Ангелъ, который не только направляетъ дѣйствіе этой дѣвы, заставляя отдать пурпуръ Маріи, но и присутствуетъ при дальнѣйшемъ величаніи Богородицы царицей дѣвъ. Для того, чтобы выразить это величаніе—художникъ посадилъ Марію на тронъ съ подножіемъ, какъ царицу, и окружилъ ее подругами, которыя умиленно обращаются къ ней, называя ее царицей дѣвъ. Этимъ онъ не только выразилъ изумленіе дѣвъ передъ божественнымъ назначеніемъ Маріи, но и художественно развилъ тотъ намекъ на игру въ цари и царицы, которая была въ ходу въ античномъ мірѣ, перешла въ христіанство, и въ которую апокрифы заставляютъ играть не только Христа младенца, но какъ показываетъ выраженіе Псевдо-Матѳея и Богородицу съ ея подругами. Дѣвы стали называть Марію какъ бы невзначай (in fatigatione sermones) царицей дѣвъ, начиная, такимъ образомъ, дѣтскую игру въ царицы. Эта игра была весьма распространена и въ христіанское время, подвергалась иногда запрещеніямъ церкви (nec sustineant ludos de rege et regina, говоритъ по этому поводу Ворстерскій соборъ) и кое-гдѣ существуетъ и до настоящаго времени [1]). Понятно, далѣе, что лишь шуточной игрой въ царицы можно объяснить явленіе Ангела и его рѣчь, что сказанныя въ шутку слова дѣвъ будутъ имѣть смыслъ истиннаго пророчества. Испугъ дѣвъ настолько же зависитъ отъ внезапнаго явленія Ангела, сколько и отъ сознанія, что онѣ шуточной игрой могли оскорбить Дѣву Марію. Поэтому онѣ просятъ, чтобы она простила ихъ и молилась за нихъ.

Де-Ваалю былъ непонятенъ и страненъ весь ходъ событій на сценахъ саркофага, и потому онъ ошибочно объяснилъ эту третью сцену, гдѣ Богородица, какъ взрослая и царица сидитъ на тронѣ, а остальныя дѣвы составляютъ какъ бы штатъ почтительныхъ и послушныхъ придворныхъ дамъ, закутанныхъ въ широкія женскія паллы.

Одна изъ нихъ, изображая рабыню, усѣлась у подножія трона, другія умиленно выслушиваютъ приказанія Дѣвы. Нельзя не замѣтить также, что задумчивая фигура направо отъ трона проникнута тѣмъ глубокимъ размышленіемъ о судьбѣ Маріи, которое возбуждено было въ ней словами внезапно явившагося Ангела, а жестъ изумленія Маріи указываетъ, что она сама изумлена обращеніемъ шутки въ пророчество.

---

[1]) См. *А—ндръ Веселовскій*, Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха, VII, 139.

Выполненіе сценъ, не смотря на грубую технику, еще очень выразительно. Позы и жесты опредѣляютъ здѣсь настроеніе фигуръ, которыя этимъ способомъ ставятся въ художественную связь между собою. Если наблюдателя и можетъ останавливать различіе типовъ Ангела въ первой и второй сценахъ, главнымъ образомъ въ величинѣ волосъ, то это не можетъ служить даннымъ для того, чтобы считать эти фигуры за разныя личности.

По воззрѣнію художника это могъ быть другой Ангелъ, а не тотъ, который явился Дѣвѣ у колодца, такъ какъ апокрифы говорятъ о посѣщеніи Дѣвы многими Ангелами, и кромѣ того, такое отступленіе отъ разъ даннаго типа встрѣчается довольно часто на памятникахъ грубой техники V вѣка. Во всякомъ случаѣ плоско обозначенный торсъ и складка гиматія, проходящаго по обычаю подъ правой рукой, говорятъ за то, что художникъ имѣлъ ввиду изобразить мужскую юную фигуру. Если же мы видимъ, что въ третьей сценѣ всѣ дѣвы задрапированы въ широкія паллы, то это можетъ быть объяснено характеромъ самой игры, которая требовала отъ дѣвъ подражанія взрослымъ женщинамъ, носившимъ широкія одежды.

Извѣстно, что дѣвы послѣ замужества сбрасывали дѣвичье покрывало и одѣвали одежду женъ. Отсутствіе такихъ покрывалъ въ двухъ первыхъ сценахъ можетъ быть объяснено самымъ дѣйствіемъ въ домѣ Іосифа и близъ уединеннаго колодца, гдѣ не было надобности надѣвать эти покрывала. Сцена Благовѣщенія почти въ томъ же переводѣ, какъ на саркофагѣ, на Миланскомъ диптихѣ и Вердюнскомъ ящикѣ, изображена еще на одномъ почти никому неизвѣстномъ памятникѣ изъ гор. Милана. Здѣсь Богородица имѣетъ это дѣвичье покрывало и, стоя у источника на одномъ колѣнѣ и держа прохусъ, оборачивается, слыша голосъ слетающаго Ангела. Памятникъ принадлежитъ VI вѣку. (Онъ будетъ изданъ мною въ недалекомъ будущемъ).

Такимъ образомъ возстановляется утерянная многими изслѣдователями связь не только трехъ разобранныхъ сценъ между собою, но и связь ихъ съ двумя идущими далѣе—Видѣніемъ звѣзды волхвами и Рождествомъ Христовымъ. Эти двѣ сцены представляютъ прямое продолженіе событій, иллюстрированныхъ разобранными тремя сценами. На саркофагѣ есть еще одна сцена изъ жизни Богородицы въ томъ же масштабѣ, выполненная на передней доскѣ его подъ раковиной съ портретами двухъ супруговъ. Это—Поклоненіе волхвовъ. Помѣщеніе этой сцены здѣсь можетъ быть объяснено недостаткомъ мѣста на фризѣ крышки; а размѣръ фигуръ показываетъ, что художникъ относитъ эту сцену къ предыдущимъ.

На саркофагѣ, слѣдовательно, мы имѣемъ шесть сценъ изъ жизни Богородицы. Такое обиліе иллюстрацій къ жизни Богородицы на саркофагѣ представляетъ чрезвычайно рѣдкое явленіе въ раннемъ христіанскомъ искусствѣ и должно быть по достоинству оцѣнено.

Д. Айналовъ.

II.

Къ замѣткѣ „О загадочной надписи на монетѣ Великаго Князя Тверскаго, Ивана Михайловича".

Допуская возможность чтенія лицевой стороны монетъ, удостовѣряющей чеканку ихъ въ княженіе Великаго Князя Ивана Михайловича Тверскаго, нельзя согласиться съ вѣрностью чтенія надписей оборотной стороны этихъ монетъ ихъ изслѣдователями, упоминаемыми въ замѣткѣ г. Уляницкаго [1]).

Оборотную надпись вѣроятнѣе читать такъ: „росто [2]) жа, на безумнаго человѣка", т. е. взиманіе съ отданныхъ въ заемъ денегъ роста (процентовъ) можетъ быть допускаемо только безумнымъ человѣкомъ.

Помѣщеніе такой надписи на деньгахъ въ началѣ XV столѣтія, т. е. во времена В. К. Ивана Михайловича Тверскаго, весьма возможно. Въ давнюю старину, при скудости денежныхъ капиталовъ, займы совершались съ большими затрудненіями и стоили очень дорого. По „Русской правдѣ" взиманіе 40 процентовъ считалось терпимымъ. При Іоаннѣ IV обыкновенные проценты были 20 на сто [3]). При небольшомъ числѣ богачей приходилось занимать у немногихъ людей, пользовавшихся чужою нуждою, наблюдавшихъ лишь личную прибыль и притѣснявшихъ нуждающихся. Такія тяжелыя условія кредита и въ Россіи, и въ другихъ странахъ, должны были вызывать и вызывали отвращеніе къ займамъ и ненависть и презрѣніе къ капиталистамъ-процентщикамъ тѣмъ болѣе, что и религіозныя воззрѣнія были противъ ростовщичества.

Первые отцы церкви разумѣли Евангельское ученіе въ смыслѣ запрещенія взиманія роста. Въ „Хожденіи Пресвятой Богородицы по му-

---

[1]) См. Арх. Изв. и Зам. 1894 г. стр. 337.

[2]) Въ «Лексиконѣ Славено-росскомъ», составленномъ въ началѣ XVII столѣтія Памвою Берындою (у меня второе изданіе 1653 г.), на стр. 138 напечатано: «Ра́стъ: Лихва, "бо приращ҃ее». А на стр. 140: «Ро́стъ: то́ежъ що̀ и лихва».

[3]) Карамзинъ. Исторія Государства Россійскаго, т. 2, стр. 49. Неволинъ. Исторія Россійскихъ Гражданскихъ Законовъ, т. 5, стр. 123.

камъ“ [1]) разсказывалось: „И увидѣ Св. Богородица мужа висяща за нози и червье ядяху его,—и въпроси ангела кто сь есть чтоли грѣхъ створилъ есть? И рече къ ней архистратигъ: сь есть иже приклады (проценты) имаше на злато свое и на сребро, да за то на вѣкы мучиться“.

Въ картинахъ страшнаго суда [2]), какъ видно изъ описанія, помѣщеннаго въ рукописи XVII вѣка, принадлежащей гр. Строганову, издавна изображалось: „Мука лихву емлющимъ и сребролюбцамъ“. Рисовалось, что „бѣсы имъ въ горло льютъ“ (растопленное золото или серебро), „а они сидятъ и не хотятъ пить, отворачиваются, а бѣсы шелепами ихъ бьютъ“. Подобное изображеніе страшнаго суда весьма древнее и было занесено въ Россію изъ Византіи, что можно заключить какъ изъ замѣчательнаго сходства его съ византійскимъ даже въ надписяхъ о мученіяхъ, такъ и изъ того, что—по сказанію Нестора—изображеніе страшнаго суда было принесено въ Россію греческимъ философомъ къ кн. Владиміру Святому и послужило сильнѣйшимъ средствомъ къ обращенію его въ христіанство.

Въ древнемъ стихѣ о страшномъ судѣ народные пѣвцы сообщали:

„Инымъ будетъ грѣшникамъ,
Сребролюбцамъ и грабителямъ, —
Червь имъ будетъ неусыпаемая:
То имъ мука вѣчная...“ [3])

Каноническое право осуждало лихву и грозило за нее церковными наказаніями. Въ средніе вѣка церковь безусловно запрещала договоры о процентахъ, и гражданскіе законы строго держались такого же запрещенія. Псковская Судная Грамота, вѣроятно, подчиняясь необходимости, хотя и дозволяла взиманіе процентовъ, но лишь подъ названіемъ „гостинцевъ“ и только съ соизволенія Божія, что видно изъ слѣдующаго текста грамоты.

„А которому человѣку на комъ будетъ иманіе по записи, да и гостинецъ будетъ писанъ на записи, а прійдетъ зарокъ, ино ему явитъ Господѣ о своемъ гостинцѣ, ино по зароки ему взять свой гостинецъ“ [4]).

255 ст. X главы Уложенія царя Алексѣя Михайловича устанавливала: „А править заемныя деньги по кабаламъ и по духовнымъ, на заемщикахъ истцамъ истину, а росту на тѣ заемныя деньги не править,

---

[1]) Аристовъ. Хрестоматія по Русской исторіи...
[2]) Буслаевъ. Изображеніе страшнаго суда.. «Современникъ» 1857 г.
[3]) Аристовъ. Хрестоматія по Русской исторіи...
[4]) По изданію Мурзакевича 1847 года.

потому что по правиламъ Святыхъ Апостолъ и Святыхъ Отецъ, росту на заемныя деньги имати не велѣно".

Такое отношеніе къ лихвѣ т. е. взиманію процентовъ за данный взаймы капиталъ, а также, быть можетъ, и поученіе Апостола Петра: „тако есть воля Божія обуздывати безумныхъ человѣкъ невѣжество"— конечно могли вызвать, въ особенности у сильно религіозныхъ людей, принятіе мѣръ къ устраненію ростовщичества и, какъ оно возникало изъ денежныхъ знаковъ, то и къ помѣщенію на нихъ осужденія роста и совѣта о невзиманіи его, при чемъ взиманіе роста въ глазахъ вѣрующаго, какъ противное Евангелію, ученію Церкви и св. Отцевъ, не могло быть признаваемо ни чѣмъ инымъ, какъ безумнымъ.

Великій Князь Тверской Иванъ Михайловичъ, какъ человѣкъ крайне религіозный, что можно заключить изъ сказаній о немъ, а въ особенности объ его отцѣ и какъ имѣвшій постоянно на глазахъ картину Страшнаго Суда, изображавшую тѣ жестокія муки, которымъ подвергаются виновные въ лихвѣ, могъ быть въ особенности полонъ желанія противодѣйствовать ея существованію всевозможными мѣрами. Картина же Страшнаго Суда, какъ это видно изъ сказанія объ отцѣ кн. Ивана, дѣйствительно находилась у него на глазахъ, такъ какъ была въ его дворцовой церкви и дѣйствительно производила сильное впечатлѣніе, что можно заключить и изъ слѣдующаго стариннаго разсказа.

Отецъ Великаго князя Ивана Михайловича, великій князь Тверской Михаилъ Александровичъ, незадолго до своей смерти посылалъ посла, Тверскаго протопопа Даніила, съ церковниками въ Грецію для доставленія милостыни св. Софіи. 16 августа 1397 г. великій князь Михаилъ заболѣлъ, а черезъ нѣсколько дней возвратилось посольство и привезло отъ греческаго патріарха въ даръ князю „икону" Страшнаго Суда. Михаилъ, не смотря на свою болѣзнь, встрѣтилъ во дворѣ присланную „икону" Страшнаго Суда, цѣловалъ ее съ великимъ усердіемъ и, велѣвъ внести ее въ свою домовую церковь во имя св. Михаила, пригласилъ къ себѣ духовенство, нищихъ, слѣпыхъ, хромыхъ и разныхъ другихъ убогихъ, братски обѣдалъ съ ними и, водимый, по слабости здоровья, слугами, подносилъ каждому изъ гостей прощальную чашу вина, моля его благословить. Окончивъ трапезу, облобызавъ дѣтей, бояръ и слугъ, Михаилъ пошелъ въ соборную церковь, поклонился гробу отца и дѣда и указалъ мѣсто для своей могилы. Слабымъ и блѣднымъ вышелъ на паперть и, говоря народу: „Иду отъ людей къ Богу: братья! отпустите меня съ искреннимъ благословеніемъ!" сошелъ со ступеней паперти, указывая рукою отвести его въ лавру св. Аѳанасія. Въ лаврѣ вел. кн. Михаилъ принялъ монашество подъ именемъ Матѳея,

и умеръ на седьмой день 26 августа 1397 г. [1]). Князь Михаилъ, по изслѣдованіямъ Карамзина, уничтожилъ въ свое княженіе „злые налоги торговые“.

Религіозность же вел. кн. Ивана Михайловича Тверскаго выразилась между прочимъ въ принятіи монашества подобно отцу за нѣсколько дней до своей смерти, послѣдовавшей въ 1426 г.

Нравоучительная надпись на вышеупомянутыхъ монетахъ вел. кн. Ивана Михаиловича Тверскаго, хотя и необычная русскимъ монетамъ, могла быть вызвана и особенно сильнымъ развитіемъ ростовщичества и крайнею необходимостью ему противодѣйствовать религіознымъ воздѣйствіемъ, такъ какъ опытъ въ большинствѣ случаевъ показывалъ, что изданіе законовъ противъ ростовщичества не только что не достигаетъ своей цѣли, а напротивъ того нерѣдко служитъ вздорожанію кредита, больше оплачиваемаго за рискъ ростовщика попасть подъ отвѣтственность.

Что же касается до рисунка на лицевой сторонѣ монеты, изображающаго человѣческую фигуру безъ признаковъ одѣянія, сидящую на креслѣ, имѣющую на головѣ корону, въ лѣвой рукѣ мечъ, а въ правой рукѣ копье, то, быть можетъ, и рисунокъ этотъ составляетъ эмблематическое изображеніе того, что и обобранный до обнаженія ростовщикомъ-богачемъ, нравственный человѣкъ-бѣднякъ, въ противоположность ростовщику, заслуживаетъ чести быть посаженнымъ на кресло и имѣть корону, мечъ и копье, т. е. эмблемы благородства.

Такое предположеніе возможно и потому, что на другихъ монетахъ, приписываемыхъ в. к. Ивану Михайловичу Тверскому, большею частію на лицевой сторонѣ изображался звѣрекъ [2]), быть можетъ, изъ его герба.

К. Медоксъ.

III.

Археологическая хроника.

—— Лѣтомъ 1894 г. В. И. Нейманъ вмѣстѣ съ Е. Э. Нотбекомъ предпринялъ раскопки въ развалинахъ монастыря св. Бригитты около Ревеля. Стѣны главнаго корпуса этого монастыря, основаннаго въ 1407 г. и разрушеннаго во время ливонской войны въ 1577 г., хорошо сохра-

[1]) Кн. Щербатовъ. Исторія Россійская отъ древнѣйшихъ временъ, т. IV ч. I. Карамзинъ. Исторія Государства Россійскаго, т. V.

[2]) Сонцевъ. Деньги и пулы древней Руси... и Нумизматическія изслѣдованія славянскихъ монетъ.

нились до настоящаго времени; но возстановить его внутреннее устройство равно какъ и планъ всего монастыря, съ боковыми корпусами, о существованіи которыхъ можно было только догадываться, не представлялось возможнымъ. Раскопки тг. Неймана и Нотбека и имѣли цѣлью пополнить въ этомъ отношеніи имѣющійся матеріалъ. Работа увѣнчалась успѣхомъ, и г. Нейману удалось составить проектъ реставраціи монастыря, развалины котораго принадлежатъ къ числу наиболѣе цѣнныхъ изъ сохранившихся памятниковъ древности въ предѣлахъ Эстляндской губ. (Revaler Beobachter. № 68. 1895).

—— Мѣдные топоры на западѣ Вятской губерніи. Въ I выпускѣ „Матеріаловъ по археологіи Восточной Россіи" тщательно сведены имѣющіяся данныя по вопросу о нахожденіи въ Вятской губерніи мѣдныхъ (и бронзовыхъ) орудій (стр. 32—34); но, къ удивленію, я не нашелъ здѣсь никакихъ точныхъ указаній на одинъ видъ этихъ орудій, который, тѣмъ не менѣе, встрѣчается нерѣдко: это мѣдные топоры. Въ „Матеріалахъ" указано нѣсколько мѣдныхъ „молотковъ" одинаковой формы (стр. 32, 34), и одинъ изъ нихъ названъ также и „топоромъ", но отождествлять ихъ съ моими я не рѣшаюсь, такъ какъ у нихъ имѣется „втулка на обухѣ" (стр. 32), изъ чего слѣдуетъ заключить, что извѣстныя донынѣ подобныя топорамъ мѣдныя орудія — кельтообразны. Не имѣемъ ли мы дѣла съ недоразумѣніемъ?

Мѣдныхъ топоровъ у меня три экземпляра. Они отлиты изъ красной мѣди, вѣсомъ отъ $^5/_8$ до $^{17}/_{16}$ фунта (100 золотн.), узки и однообразно искривлены. Выгибъ веденъ очень изящно, лезвіе округлено. Садило круглое или слегка овальное спереди, такъ что топоръ не могъ соскальзывать по рукояткѣ при размахѣ. Обухъ округлый, гладкій или съ легкимъ гребешкомъ. Длина топора, съ котораго снятъ рисунокъ, (см. рис. 15) $3^1/_2$ вершка, толщина по срединѣ $^{2-3}/_8$, ширина въ средней части $^5/_8$, лезвіѣ $^7/_8$, садила — въ поперечникѣ $^3/_8$, со стѣнками $^6/_8$ (немного болѣе). Имѣющіеся у меня экземпляры найдены: въ Сердежской и Зыковской волостяхъ Яранскаго у., Лебяжской — Уржумскаго у., т. е. на западѣ губерніи. Два — почти одинаковой формы и величины, третій — значительно меньше. Первые два повреждены нашедшими, третій совершенно цѣлъ. Всѣ три покрыты обычнымъ на красной мѣди темнымъ налетомъ, но безъ зелени, откуда можно заключать объ ихъ сравнительно недавнемъ происхожденіи. Подобные топоры неоднократно были находимы въ Яран-

Рис. 15.

скомъ уѣздѣ, напр. въ Ихтинской волости, и сбывались большею частью въ Казань. (Сообщ. П. Сорокинъ).

—— Въ гор. Ромны Полт. губ. въ усадьбѣ Жуковскаго (на мѣстѣ старой крѣпости) произошелъ провалъ, въ которомъ обнаружилась подземная каменная постройка. Пытаясь ее изслѣдовать, владѣлецъ усадьбы проникъ въ длинный корридоръ, по обѣ стороны котораго (судя по разсказамъ) находились каменныя усыпальницы (?); одна изъ нихъ была изслѣдована и въ ней найдены желѣзныя стрѣлы, желѣзныя шпоры, мечъ и кольчуга. По распоряженію полиціи входъ въ открытый корридоръ снова засыпанъ. Интересно было бы получить болѣе точныя свѣдѣнія объ этомъ открытіи.

—— Недавно въ Ковенскомъ статистическомъ комитетѣ полученъ былъ кладъ, найденный однимъ крестьянскимъ мальчикомъ (Иваномъ Гробницкимъ) на полѣ деревни Струмильцы, Понѣмунской волости, Новоалександровскаго уѣзда. Кладъ состоитъ изъ 1 фун. 93 зол. крупныхъ и 1 фун. 18 зол. мелкихъ серебряныхъ монетъ. Изъ первой категоріи монетъ 25 штукъ величиною болѣе серебрянаго рубля, остальныя 5 монетъ величиною въ полтинникъ. По хронологическимъ даннымъ, сохранившимся на большинствѣ крупныхъ монетъ, онѣ относятся къ первой половинѣ XVII вѣка, между 1609 и 1650 гг. Большинство монетъ принадлежало соединеннымъ штатамъ Бельгіи и отчасти Голландіи и относятся къ тому времени, когда Нидерланды раздѣлились на сѣверные и южные штаты т. е. Голландію и Бельгію. Въ числѣ крупныхъ монетъ есть еще экземпляры: австрійская, испанская—1634, саксонская—1574, брауншвейгская—1637. На монетѣ послѣдней гербъ—изображеніе великана, вырвавшаго дерево съ корнями. Изъ меньшихъ монетъ—три польскія съ надписью Sigis. III D. g. rex Pol. M. D. Li. Rus. Prus. M. 1612, Можно думать, что большія монеты—это бывшія въ большомъ ходу въ Московскомъ государствѣ такъ наз. „голландскіе ефимки“ (Joachimstaler). Почти каждая изъ монетъ носитъ слѣды хищническаго поврежденія (срѣзана), что̀ такъ часто практиковалось во время 30-лѣтней войны и частными лицами и нѣмецкими князьями. Мелкія монеты почти всѣ — рижскіе солиды времени королевы Христины: Christina D. g. Re. S.—solidus civi. Rig. съ гербомъ и монограммой. Они очень плохаго металла; мѣдь съ ничтожной примѣсью серебра. Такихъ находятъ въ Ковенской губерніи цѣлыми пудами. Десятокъ фунтовъ ихъ имѣется въ статистическомъ комитетѣ, а часть была въ свое время сплавлена на монетномъ дворѣ и находчику выдана стоимость чистаго металла. (Прибавл. къ Ковенск. Г. В. № 13. 1895 г.).

—— Въ февральской книжкѣ Трудовъ Кіевской Духовн. Академіи на 1895 г. помѣщена статья Н. И. Петрова о коллекціи древностей, пожертвованной церковно - археологическому музею при Кіевской Дух. Академіи г. Н. А. Леопардовымъ. Къ статьѣ приложенъ перечневой каталогъ этой коллекціи, распадающійся на 2 отдѣла: 1) Археологическій отдѣлъ. 2) Нумизматическій отдѣлъ. Первый отдѣлъ имѣетъ еще слѣдующія подраздѣленія: а) священные предметы и образа, б) картины, портреты, бытовые предметы, в) предметы великокняжеской эпохи, г) предметы, полученные изъ раскопокъ на разныхъ мѣстахъ, и т. д. Второй отдѣлъ также распадается на нѣсколько подраздѣленій. Вообще число предметовъ доходитъ до 730 №№, а монетъ, медалей, жетоновъ и т. п. до 7636 №№.

—— 6 апрѣля Ихъ Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна, посѣтили Зимній Дворецъ, гдѣ осматривали выставку археологическихъ предметовъ, добытыхъ раскопками въ 1894 г. Выставка представляетъ интересное собраніе до-историческихъ древностей Европейской Россіи, Кавказа и Сибири, церковныхъ древностей и принадлежностей древняго архитектурнаго зодчества. Наиболѣе значительныя коллекціи принадлежатъ Арменіи, Рязанской, Петербургской, Пермской, Нижегородской и Енисейской губерніямъ, а украшеніемъ выставки являются вещи изъ Керченскихъ катакомбъ, шиферная икона изъ Херсонеса, кладъ золотыхъ греческихъ монетъ изъ города Рени и керченскій мраморный левъ. Заслуживаютъ вниманія: коллекція древностей камской Чуди, коллекція минусинскихъ древностей, бронзовый котелъ изъ города Вѣрнаго, литейныя формочки изъ Кіева, коллекція армянскихъ вещей изъ Бердянска, вещи бронзоваго вѣка изъ Симбирской и Ставропольской губерній, весьма интересная коллекція поливныхъ блюдъ изъ Херсонеса и пр.; особенный интересъ представляютъ височныя кольца и бусы, по типу и матеріалу сходныя съ бусами изъ египетской пасты и добытыя въ 1894 году раскопками г. Мальмгрена въ курганахъ близь с. Осьмина, Гдовскаго уѣзда, Петербургской губерніи. Цѣнное пріобрѣтеніе дали также раскопки А. И. Черепнина Кузьминскаго могильника Рязанской губерніи. Добытыя въ могильникѣ огромныя нагрудныя бляхи, прекрасная массивная серебряная фибула, большая пряжка съ эмалью, большія шейныя гривны, красивыя плетеныя изъ проволоки пряжки съ подвѣсками, звѣздчатыя височныя подвѣски, головной уборъ и поясной наборъ изъ спиралей представляютъ несомнѣнный интересъ. Культура могильника, повидимому, должна быть отнесена къ VIII и IX вѣкамъ. Далѣе на выставкѣ привлекаютъ вниманіе добытыя раскопками г. Черепнина въ Акае-

мовскомъ могильникѣ Рязанской губерніи вещи вятическаго типа, найденныя внѣ кургана и собранныя тѣмъ же археологомъ подѣлки изъ кремня на стоянкахъ каменнаго вѣка по Окѣ близь с. Бѣлоомута. Среди ихъ, между прочимъ, былъ найденъ костякъ человѣка. Здѣсь же выставлены таблицы съ предметами Шатрищенскаго могильника, обнаруженнаго въ 1894 году близь с. Старая Рязань и отчасти раскопаннаго проф. Кожевниковымъ. Среди вещей X и XI вѣковъ, собранныхъ въ Чердынскомъ уѣздѣ Пермской губерніи г. Береженцевымъ, наибольшій интересъ представляютъ литые чудскіе „образки", вогульскія литыя фигурки болѣе поздняго времени, коньковыя привѣски, бусы и наконечники стрѣлъ. Чрезвычайно оригинальны среди чудскихъ божковъ изображенія человѣческихъ фигуръ, опирающихся на ящера и окруженныхъ съ боковъ фантастическими существами, имѣющими длинныя драконовидныя головы. Среди вещей, доставленныхъ въ Археологическую Коммиссію г. Касаткинымъ изъ Соликамска наиболѣе выдѣляется поясная бляха съ наложенными на ней тремя красивыми позолоченными серебряными бляшками. Между выставленными случайными находками, полученными членомъ Археологической Коммиссіи А. А. Спицинымъ по нижнему теченію рѣки Вишеры, въ Чердынскомъ уѣздѣ, представляютъ большой интересъ: круглая мѣдная коробочка съ подвѣсками, литыя чудскія изображенія и фигуры, какъ, напримѣръ, птица съ распростертыми крыльями и очертаніемъ человѣческой головы на груди, фигура человѣкообразнаго существа съ рогами, серебряный „образокъ" съ тремя фигурками, коньковыя и якорныя привѣски, полыя фигуры въ видѣ птичекъ съ проходящею черезъ нихъ трубочкою и др. Тутъ же расположены желѣзный серпъ, желѣзный пластинчатый наконечникъ стрѣлы, глиняные кружки, добытые членомъ Археологической Коммиссіи В. Г. Дружининымъ при раскопкахъ въ 1894 году большаго городища на берегу озера Наноги, Екатеринбургскаго уѣзда. Далѣе слѣдуютъ таблицы древностей, собранныхъ на чудскихъ могильникахъ Глазовскаго уѣзда, Вятской губерніи, проф. И. Н. Смирновымъ. Крайне любопытны среди нихъ золотая серьга, костяныя острога и наконечники стрѣлъ, прекрасная мѣдная булавка съ головкой въ видѣ плоскаго кольца, орнаментированнаго головкой лисы и такъ-называемымъ скандинавскимъ узоромъ; тутъ же вещи, найденныя тѣмъ же ученымъ въ Пьяноборскомъ могильникѣ на Камѣ, и въ числѣ ихъ оригинальный пластинчатый браслетъ, серьги и вещи съ чудскихъ могильниковъ Пермскаго края.

Большой интересъ представляютъ каменный топоръ хорошей работы, пріобрѣтенный въ Масальскомъ уѣздѣ Калужской губерніи, Н. И.

Булычовымъ, изразецъ, покрытый бурою поливой, изъ города Дрогичина Гродненской губерніи, который встрѣчается въ древнихъ храмахъ XII столѣтія; наконецъ, горшечекъ и топоръ изъ кургановъ Себежскаго уѣзда Витебской губерніи, большое каменное тесло изъ деревни Шунги Повѣнецкаго уѣзда Олонецкой губерніи и др. Останавливаетъ вниманіе коллекція вещей, добытыхъ раскопками въ курганахъ разныхъ уѣздовъ Могилевской губерніи, исполненными въ 1893 году по порученію бывшаго могилевскаго губернатора А. С. Дембовицкаго гг. Фурсовымъ и Чолоковымъ. Результаты раскопокъ показали, что верховье рѣки Сожи занято курганами, заключающими вещи такъ называемаго кривичскаго типа (большія проволочныя височныя кольца), а среднее теченіе—курганами радимичскими (семилопастныя височныя кольца особаго типа), что курганы радимичскаго типа перемежаются курганными насыпями типа за-днѣпровскаго и что курганы кривическаго типа заходятъ и за западную границу губерніи. Въ общемъ на археологической выставкѣ собраны древности добытыя изъ 41 губерній и областей Россіи. („Моск. Вѣд.“ 1895. №№ 95, 96).

—— Недавно въ Богучарскомъ уѣздѣ (Воронежской губ.) около села Воробьева сдѣлана была любопытная археологическая находка. Желѣзнодорожные рабочіе, разчищая карьеры въ каменоломнѣ Голубцевы Лѣски, напали на мѣсто погребенія какого-то древняго воина. Воинъ былъ похороненъ вмѣстѣ съ лошадью. Откопаны были костяки человѣка и лошади, но при соприкосновеніи съ атмосфернымъ воздухомъ они сейчасъ же разсыпались. Удалось собрать, однако, нѣсколько предметовъ изъ вооруженія воина, именно: былъ найденъ большой серебряный перстень съ чернымъ камнемъ и тремя отломанными отъ него частями, 17 серебряныхъ пластинокъ разной величины, очевидно, остатки оправы ноженъ, разломанный на три части мечъ, части набора для ремня, служившаго поддержкой для меча, серебряная шарообразная пуговица, части отъ рукоятки меча, различной формы наконечники копій, удила, стремя и наконечники стрѣлъ. („Моск. Вѣд.“ 1895. № 103).

—— Строителю памятника Царю-Освободителю въ Москвѣ въ Кремлѣ гражданскому инженеру Н. В. Султанову, вольному общнику академіи художествъ А. А. Карелину, реставратору ростовскаго кремля А. А. Титову и предсѣдателю нижегородской ученой архивной коммиссіи г. Савельеву поручена реставрація Дмитровской башни нижегородскаго кремля, для помѣщенія въ ней, къ предстоящей выставкѣ 1896 г., художественнаго музея, иниціатива котораго принадлежитъ г. Карелину. Всѣ названныя лица образуютъ коммиссію подъ предсѣ-

дательствомъ Н. М. Баранова и въ Нижнемъ уже идутъ подготовительныя работы. („Нов. Вр.“ № 6866, 1895 г.)

—— (Бюстъ Миѳрадата Эвпатора въ Луврскомъ Музеѣ). С. Рейнакъ сообщаетъ въ № 8 „Chr. des Arts“ (1895 г.) о слѣдующемъ археологическомъ открытіи, сдѣланномъ въ Луврскомъ музеѣ нѣмецкимъ археологомъ Винтеромъ. Въ 1870 г. изъ кладовыхъ Лувра извлекли, чтобы выставить въ галлерею Молльена (№ 3000) мраморный бюстъ въ натуральную величину, значащійся до сихъ поръ, какъ *греческій царь въ видѣ Геркулеса*. Реставрированы: кончикъ носа, часть верхней губы и оконечность подбородка; остальное—удовлетворительной сохранности и довольно хорошей работы. Греческій царь, одѣтый въ шкуру Немейскаго льва, т. е. представленный съ чертами Геракла, заставляетъ, конечно, думать объ Александрѣ Великомъ. Однако луврскій бюстъ не имѣетъ ни малѣйшаго сходства съ Александромъ; можно даже сказать, что онъ совсѣмъ не походитъ на портретъ македонскаго завоевателя, снабженнаго древнею надписью: „Александръ, сынъ Филиппа“, находящійся въ Луврѣ, въ залѣ Мельпомены.

Винтеръ былъ пораженъ сходствомъ, которое представляетъ бюстъ съ профильными изображеніями Миѳрадата Эвпатора, находящимися на золотыхъ его статирахъ, чеканенныхъ въ Пергамѣ въ 88—85 гг. до Р. Х., въ то время, когда Миѳрадату было около 45 лѣтъ; сходство на столько значительно, что дѣлаетъ гипотезу нѣмецкаго археолога довольно вѣроятною, представляющую, однако, одну трудность. Извѣстно, что Миѳрадатъ изображалъ себя съ чертами Діониса, имя котораго онъ даже принялъ. Насколько можно было надѣяться встрѣтить Миѳрадата въ видѣ Діониса, настолько Миѳрадатъ-Гераклъ можетъ возбудить недовѣріе. Правда, что Миѳрадатъ всегда старался подражать Александру Великому, который часто себя изображалъ Геракломъ. Но эта причина была бы не достаточна, если-бы не могли сослаться на болѣе лучшее доказательство, основанное на изученіи монетъ Одисса. На нѣкоторыхъ монетахъ этогорода, расположеннаго въ древности тамъ, гдѣ теперь Варна, изображена голова Миѳрадата въ шкурѣ Немейскаго льва на лицевой сторонѣ и съ Зевсомъ на тронѣ на обратной. Изъ всѣхъ монетъ съ портретами Миѳрадата, монеты Одисса единственныя *), на которыхъ понтійскій царь появляется въ видѣ Геракла; поэтому болѣе чѣмъ вѣроятно, что въ Одиссѣ существовали статуи или бюсты,

*) Кромѣ монетъ Одисса, изображеніе Миѳрадата въ львиной шкурѣ носятъ нѣкоторыя монеты Каллатиса и Византіи; объ этомъ будетъ напечатано въ имѣющемъ скоро выйдти изданіи «Die antiken Münzen Nord-Griechenlands».

представлявшіе его въ такомъ видѣ. Извѣстно, что въ 73 г. до Р. Х. Маркъ Лукуллъ, братъ побѣдителя Миѳрадата, бывшій преторомъ въ Македоніи, взялъ и разграбилъ нѣсколько греческихъ городовъ черноморскаго побережья и, между прочимъ, Аполлонію, Одиссъ, Каллатисъ, Томи и Истръ. Во время своего тріумфа въ Римѣ, въ 71-мъ году, онъ представилъ колоссальную статую Аполлона въ 30 локтей вышиною, которую онъ увезъ изъ Аполлоніи и которая впослѣдствіи была постановлена на Капитоліи. А такъ какъ этотъ полководецъ, любитель искусствъ, завладѣлъ также Одиссомъ, то возможно предположить, что онъ оттуда вывезъ статую Миѳрадата въ видѣ Геракла, которая была выставлена въ одномъ изъ римскихъ садовъ и голова которой теперь находится въ Луврѣ. Эта гипотеза о происхожденіи бюста сообщена автору замѣтки его братомъ Ѳ. Рейнакомъ, авторомъ извѣстнаго изслѣдованія о Миѳрадатѣ Эвпаторѣ, и нѣмецкому археологу не пришла на умъ. Винтеръ дѣлаетъ заключеніе, основанное единственно на изученіи стиля, что луврскій бюстъ не римская копія, но греческое произведеніе, современное Миѳрадату; выводъ Винтера совпадаетъ съ гипотезой о происхожденіи бюста и вопросъ былъ-бы окончательно рѣшенъ, если-бы можно было отождествить матеріалъ луврскаго бюста съ какимъ нибудь изъ мраморныхъ скульптурныхъ произведеній сдѣланнымъ на Черноморскомъ побережьѣ.

—— Во время раскопокъ въ Телло (Telloh), въ Халдеѣ, Сарзекъ открылъ цѣлую библіотеку - архивъ, состоящую болѣе чѣмъ изъ 30,000 табличекъ, покрытыхъ надписями, содержащими указы, часто съ царскими именами и съ печатями, счета, инвентари и списки даровъ. Найдены также самые дары, въ видѣ предметовъ искусства, въ высшей степени любопытныхъ. Всѣ эти документы и предметы принадлежатъ очень отдаленной древности, такъ какъ, безъ сомнѣнія, датируются XXX или XL вѣками до Р. Х.—эпоха, когда еще не появлялось имя Вавилона (Chr. d. Arts, № 8, 1895).

—— Въ Revue des études grecques, t. VI, № 25 помѣщена статья Ю. Николя о хризовуллѣ византійскаго императора Іоанна Дука, 1229 года, изданномъ для охраненія имущества духовныхъ лицъ послѣ ихъ смерти отъ захвата свѣтскою властью и о вызванной этой буллой грамотѣ Константинопольскаго патріарха Германа II, доселѣ еще не изданной. Кромѣ важности которую она представляетъ какъ историческій матеріалъ, эта грамота любопытна какъ образчикъ церковнаго краснорѣчія византійскаго. Напечатана эта грамота по двумъ спискамъ, парижскому и женевскому.

—— Въ этой же книжкѣ помѣщена фототипіей исполненная таб-

лица греческихъ алхимистическихъ и астрономическихъ условныхъ сокращенныхъ знаковъ, такъ называемыхъ аббревіатуръ, собранныхъ А. Полиціаномъ и приложена транскрипція ихъ.

IV.

Подарки царя Алексѣя полковнику Лесли „для крещенья и за подначальство".

(1652 г.).

„Въ нынѣшнемъ во 161-мъ году въ розныхъ мѣсяцѣхъ и числѣхъ били челомъ государю....(т.)... иноземцы зъ женами и зъ дѣтьми, и вдовы иноземскіе жены, и недоросли о крещеньѣ въ православную христіанскую вѣру греческого закону, чтобъ государь пожаловалъ, велѣлъ ихъ иноземцовъ, и ихъ женъ, и дѣтей, и недорослей крестить въ православную христіанскую вѣру.

И по государеву... (т).. указу тѣ иноземцы, которые били челомъ государю о крещеньѣ, по ихъ челобитью въ православную христіанскую вѣру зъ женами и зъ дѣтьми крещены въ розныхъ же мѣсяцѣхъ и числѣхъ; а хто имяны, и хто какова полкового чину, и что кому по ево государеву указу и по докладнымъ выпискамъ Иноземского приказу дано государева жалованья у купели, и для крещенья, и за подначальство съ Казенного Двора и изъ Большово Приходу денегъ, и что кому учиненъ помѣстной и денежной окладъ, и что кому велѣно давать кормовыхъ денегъ помѣсечно, и въ которомъ мѣсяцѣ и числѣ кому имянемъ то государево жалованье дано, и то писано подъ сею статьею подлинно порознь (составы 1 — 3)".

Такимъ введеніемъ начинается неизданный столпъ Иноземскаго приказа 1652—53 г., изъ котораго узнаемъ интересныя для изслѣдователя древнерусскаго быта подробности о подаркахъ, дававшихся московскимъ правительствомъ служилымъ иноземцамъ, соглашавшимся „креститься" въ православную русскую вѣру. Названный документъ съ 18 сентября 1652 г. по 17 февраля 1653 г. перечисляетъ цѣлый рядъ лицъ, получившихъ подарки „для крещенья и за подначальство"; большинство изъ нихъ въ родѣ, напр., какихъ то помѣстныхъ рядовыхъ Михаила Палта и Гаврила Каря, написанныхъ тотчасъ послѣ „крещенья" на службу „по московскому списку во дворяне" (подъ 25 сент.), представляетъ только статистическій интересъ для спеціалиста по вопросу объ обрусѣніи иноземцевъ въ московскомъ государствѣ; болѣе обращаетъ на себя вниманіе нѣкій капитанъ (Томасъ) Лаврентій Инбергенъ съ сыномъ, прапорщикомъ Константиномъ (Андреемъ), получившій подарки „противъ новокрещена Ивана Иверлакова" (подъ 30 окт.). Капитанъ Инбергенъ, произведенный „для крещенья и за подначальство" въ маіоры съ помѣстнымъ и денежнымъ окладами въ 700 чети и въ 45 руб. [1]) и кормо-

---

[1]) Т. е. 1050 десятинъ въ трехъ поляхъ и около 765 руб. годового жалованья, если считать рубль времени царя Алексѣя равнымъ приблизительно 17-ти нынѣшнимъ рублямъ. Сынъ капитана Инбергена получилъ „для крещенья" деньгами изъ Большого Прихода 70 руб.

выми деньгами въ размѣрѣ 15 руб. на мѣсяцъ (т. е. 255 руб. на теперешній счетъ), получилъ подарковъ на 127 руб. 13 алт. двѣ деньги т. е. приблизительно на 2160 руб. по теперешнему счету. Помимо денежной дачи въ 90 руб., подарки эти заключались въ слѣдующихъ вещахъ:

1) „*Кубокъ* серебрянъ, золоченъ, съ кровлею,—вѣсу ѳунтъ двѣнадцать золотниковъ,—по семи рублевъ [2]) ѳунтъ".

2) „*Отласъ* золотной—цѣна пятнадцать рублевъ".

3) „Десять аршинъ *отласу* жолтова по 21 алтынъ аршинъ".

4) „Десять аршинъ *камки* куѳтерю червчатой по 27 алтынъ по двѣ деньги аршинъ".

5) „Сорокъ *соболей* въ сорокъ рублевъ".

Нашъ документъ даетъ не только перечень вещей, но и цѣну каждой изъ нихъ, что придаетъ ему большой интересъ особенно въ томъ случаѣ, ради котораго и написана настоящая замѣтка. Имя полковника Александра Лесли [3]) и его роль въ московскомъ государствѣ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ болѣе или менѣе извѣстны всѣмъ, кто хоть сколько-нибудь знакомъ съ нашей исторіей XVII вѣка. Въ книгѣ Д. В. Цвѣтаева „Протестантство и протестанты въ Россіи до эпохи преобразованій" (М. 1890, стр. 370—379) находимъ почти десятокъ страницъ посвященныхъ этой любопытной личности; авторъ касается между прочимъ и вопроса о переходѣ Лесли въ православіе, не имѣя, къ сожалѣнію, достаточнаго запаса документальныхъ данныхъ для его уясненія и выражая сожалѣніе объ утратѣ ихъ въ нашихъ архивахъ (стр. 378 прим., срв. замѣчаніе на стр. 355). Такое сожалѣніе оказывается нѣсколько преждевременнымъ: по мѣрѣ того какъ за послѣднее время все болѣе и болѣе начинаетъ выясняться составъ дѣлопроизводства уцѣлѣвшаго отъ Иноземскаго приказа, многое въ нашей литературѣ по исторіи иноземцевъ въ московскомъ государствѣ должно быть исправлено, дополнено, разъяснено. Такъ открылся документъ, объ утратѣ котораго жалѣлъ г. Цвѣтаевъ и вступительными строками котораго начата настоящая замѣтка.

„161-го году (1652 г.) сентября, въ 18 день,—*читаемъ въ немъ*,—по государеву.... указу и по докладной выпискѣ, за помѣтою думного дьяка (*имени дьяка не вписано и для него оставлено мѣсто*)....., старшему полковнику Александру Лесли во крещеньѣ Авраму (*Ильину*), государева жалованья велѣно дать зъ женою да зъ дѣтьми, съ сыномъ да зъ дочерью, съ Казенного Двора платья, какъ они вышли исъ купели,—ему полковнику Авраму, противъ выѣзжего иноземца ѳранцужскіе земли Яна Дегранова, Деграновской онъ же, во крещеньѣ Онтона,—сыну ево полковника Аврама Лесли Ивану противъ Онтонова Аграновского (sic) меньшова брата Карлуса, во крещеньѣ Данила Аграновского, — женѣ ево полковниковѣ Евдокеѣ противъ нагайсково Уракъ-мурзины жены Тилмаметева Евдокеи жъ,—дочери ево полковниковѣ Ульянеѣ трехъ лѣтъ по примѣру противъ Уракъ-мурзиной же дочери Тилмаметева (ставы 4—6)".

(т. е. около 1200 теперешнихъ рублей) и поверстанъ помѣстнымъ и денежнымъ окладами въ 500 чети (т. е. 750 десятинъ въ трехъ поляхъ) и въ 25 руб. (т. е. 425 руб. въ годъ); кормовыхъ денегъ ему назначено было по полуполтинѣ на день.

[2]) Стоимость кубка по теперешнему счету опредѣлится въ цифрѣ 122 руб.

[3]) Для исторіи его полка имѣется отличный матеріалъ въ столбцахъ и книгахъ Иноземскаго приказа въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи въ отдѣлѣ московскаго стола Разряда (тамъ же есть не одинъ его автографъ).

Лесли, оказывается, перешелъ въ православіе въ половинѣ сентября 1652 г. и въ подаркахъ поставленъ былъ въ версту съ выѣзжимъ французомъ Яномъ де Гроном (срв. у г. Цвѣтаева op. cit. стр. 378).

При выходѣ изъ купели полковникъ Лесли получилъ „платья съ Казенного Двора" на 126 руб. 15 алтынъ т. е. по теперешнему приблизительно на 2150 р. Вотъ перечень этого „платья", какъ выражается документъ.

1) „Крестъ золотъ съ каменьемъ въ пять рублевъ".
2) „Чехолъ".
3) „Шуба пластинчатая куньи, нагольная, съ ожерельемъ бобровымъ,—въ 20 рублевъ".
4) „Чюлки камчатые теплые въ полтора рубли".
5) „Сорочка да порты таетяные въ пять рублевъ; къ сорочкѣ ожерелье пристежное съ пугвицы въ 20 рублевъ".
6) „Поясъ верхней шолкъ червчатъ, кисти зъ золотомъ".
7) „Поясъ нижней тканой, шолкъ червчатъ".
8) „Тесьма кружковая шолкова съ оковы серебряными въ рубль пятнадцать алтынъ".
9) „Зипунъ отласъ желтъ въ четыре рубли".
10) „Каетанъ отласъ червчатъ въ десять.... (склеи 9-ой одно слово *не* прочитано) въ 12 рублевъ".
11) „Опашень объяринной свѣтлозеленъ съ круживомъ и съ образцы, нашивка золотная съ кистьми,—въ 12 рублевъ".
12) „Ѳерези теплые, пупчатые собольи, камка адамашка, нашивка кизыльбашская—въ десять рублевъ".
13) „Другіе ѳерези холодные, таетяные, съ нашивкою кизыльбашскою — въ шесть рублевъ".
14) „Однорядка красновишнева съ круживомъ и зъ завяски въ 15 рублевъ".
15) „Шапка бархатъ червчатъ съ душкою, петли низаны—въ 10 рублевъ".
16) „Штаны камчатые желтые въ два рубли въ двѣ гривны".
17) „На сапоги да на башмаки саѳьянъ турской въ 26 алтынъ въ четыре деньги". (*Сставы* 7—11).

По установившемуся обычаю Лесли съ сыномъ „видѣли его государевы очи, и челомъ ударили, и были у него государя...(т.)... у руки за перегородою". Увидавшій „государевы очи" новокрещенъ [4]) вновь получалъ подарки. На этотъ разъ Лесли-отецъ получилъ на 599 руб. на четыре алтына на полъденьги т. е. почти на 10,190 руб.; въ томъ числѣ деньгами [5]) изъ Большого Прихода 250 руб.

1) „Шуба отласъ золотной на соболяхъ, пугвицы серебряные золочены—въ 85 рублевъ въ 24 алтына въ полъ-деньги".
2) „Шапка горлатная въ 19 рублевъ въ 20 алтынъ".
3) „Кубокъ серебрянъ, золочонъ, съ кровлею—въ четыре гривенки".
4) „Ковшъ серебрянъ бѣлой въ двѣ гривенки".
5) „Десять аршинъ бархату рытого по червчатой землѣ, травы шолкъ зеленъ,—по 38 алтынъ аршинъ".
6) „Десять аршинъ бархату рытого зеленого по 38 алтынъ аршинъ".
7) „Десять аршинъ отласу червчатого по рублю зъ гривною аршинъ".
8) „Десять аршинъ отласу свѣтлозеленого по 30 алтынъ аршинъ".

---

[4]) Срв. стр. 17 моей брошюры „Георгъ Лермонтъ.—Родоначальникъ русской вѣтви Лермонтовыхъ". М. 1894.

[5]) Въ составъ этихъ 250 руб. входятъ 100 руб., выданные вмѣсто „лошеди съ конюшни со всѣмъ конскимъ нарядомъ".

9) „Десять аршинъ камки куѳтерю червчатой по рублю аршинъ".
10) „Десять аршинъ камки куѳтерю желтово по рублю аршинъ".
11) „Сорокъ соболей во 100 рублевъ".
12) „Сорокъ соболей въ 60 рублевъ". (*Ставы* 21—27).

„Да полковнику жъ Авраму Лесли, прибавляетъ нашъ документъ, дано государева жалованья до крещенья на платье зъ женою да зъ дѣтьми изъ Большого Приходу 200 рублевъ, а по чему ему деньги даны, и о томъ вѣдомо въ Большомъ Приходѣ" (42).

Такимъ образомъ Александръ Лесли „для крещенья и за подначальство" получилъ 450 рублей деньгами, 160 рублей соболями и на 315 рублей 19 алтынъ и полъ-деньги платьемъ и кубками т. е. всего приблизительно на 15,735 рублей. Это было *единовременной* дачей за переходъ въ православіе, за которой слѣдовало значительное увеличеніе ежегоднаго содержанія: новокрещенъ полковникъ Аврамъ Ильинъ Лесли поверстанъ былъ окладами помѣстнымъ въ 1200 чети и денежнымъ въ 200 рублей (т. е. 3400 руб. годовыхъ) да кормовыми деньгами въ 45 руб. [6]) на мѣсяцъ (т. е. 765 руб. въ мѣсяцъ); кромѣ того было назначено „на шесть лошедей ево конского корму зимою и лѣтомъ по указу", затѣмъ „изъ Большого Приходу по три воза дровъ на недѣлю" и наконецъ людямъ его въ количествѣ шести человѣкъ „велѣно давать питья изъ Новые четверти по четыре чарки вина, по четыре кружки пива человѣку на день". Самъ Лесли съ 23 сентября получалъ питье изъ Дворца ежедневно „по пяти чарокъ вина боярского, по кружкѣ романеи, по кружкѣ меду вишневого, по кружкѣ меду малинового, по кружкѣ меду паточново, по полуведра меду пива доброво" (*ставы* 34—37).

Теперь обратимся къ подаркамъ, полученнымъ женою и дочерью и затѣмъ сыномъ Александра Лесли.

Жена Лесли и его трехлѣтняя дочь по тогдашнему московскому этикету государевыхъ очей не видали, а потому подарки получили только у купели: первая деньгами изъ Большого Прихода получила 20 руб. и на 80 руб. вещами; вторая деньгами—15 руб. и на 45 руб. вещами. Вотъ перечень вещей, полученныхъ той и другой (*ставы* 15—20).

I.—1) „Опашень багрецовой, пугвицы серебряны—въ 20 рублевъ".
2) „Лѣтникъ камчатъ въ 20 рублевъ".
3) „Лѣтникъ другой дорогиленъ въ 10 рублевъ".
4) „Шапка шита золотомъ по отласу въ 10 рублевъ".
5) „Другая шапка отласъ червчатъ въ 3 рубли въ 12 алтынъ въ двѣ деньги".
6) „Шуба дорогильная на бѣлкахъ въ 8 рублевъ."
7) „Шуба киндяшная въ два рубли въ 24 алтына въ двѣ деньги".
8) „Волосникъ въ три рубли".
9) „Подъубрусникъ въ двѣ гривны" (въ 6 алтынъ въ 4 деньги?).
10) „Подзатыльникъ въ гривну" (въ 3 алтына въ 2 деньги? срв. у г. Цвѣтаева op. cit. стр. 378 въ прим.).
11) „Двѣ рубашки—одна въ 30 алтынъ, другая въ 20 алтынъ".
12) „Двои сапоги саеьянные въ рубль, чюлки въ гривну" (въ 3 алтына въ 2 деньги?)

А всего по итогу документа на 80 руб. вещами.

---

[6]) Срв. ошибку г. Цвѣтаева на стр. 379 op. cit.

II.—1) „Однорядка съ круживомъ и съ пугвицы серебряными въ 13 рублевъ".
2) „Шапка лисья въ 10 рублевъ".
3) „Лѣтникъ дорогиленъ въ 11 рублевъ".
4) „Шуба дорогильная въ 7 рублевъ".
5) „Шуба киндяшная въ два рубли".
6) „Двѣ рубашки въ рубль".
7) „Двои сапоги саѳьянные въ 30 алтынъ".
8) „Чюлки въ гривну".

А всего по итогу документа на 45 руб. вещами.

Сынъ Ал. Лесли Иванъ „для крещенья и за подначальство" поверстанъ былъ окладами помѣстнымъ въ 800 чети, денежнымъ въ 80 руб. и кормовыми деньгами по 18 руб. на мѣсяцъ; помимо этого назначено было „на три лошади ево конского корму зимою и лѣтомъ по указу", „два воза дровъ изъ Большого Прихода на недѣлю" да людямъ его двумъ „питья изъ Новые четверти по три чарки вина, по три кружки пива на день человѣку"; самъ Иванъ Лесли получалъ съ 23 сентября изъ Дворца „по три чарки вина боярского, по кружкѣ меду вишневого, по кружкѣ меду паточново, по три кружки пива доброво на день". (38—40).

Это назначеніе выдавать питье и дрова ему и отцу его сопровождалось посылкой памятей о томъ во Дворецъ къ боярину Вас. Вас. Бутурлину и къ дьякамъ Давыду Дерябину, Смирному Богданову, и Василью Михайлову отъ 23 октября,—въ Новую четверть къ окольничему Богд. Матв. Хитрово и къ дьякамъ Ѳед. Иванову и Игнатью Матвѣеву отъ 22 октября,—въ Большой Приходъ къ боярину князю Ѳед. Ѳед. Волконскому и къ дьякамъ Г. Дохтурову и Ар. Хватову отъ 24 октября (40—41).

Единовременной дачи Иванъ Лесли получилъ у купели на 67 руб. 13 алт. 2 деньги да при государѣ на 184 руб. 9 алт. 5 денегъ.

Въ первомъ случаѣ онъ получилъ:

1) „Крестъ золотъ въ три рубли".
2) „Чехолъ".
3) „Шуба бѣлья нагольная съ ожерельемъ бобровымъ—въ пять рублевъ."
4) „Чюлки таѳтяные теплые въ полтину".
5) „Сорочка да порты въ два рубли съ полтиною; къ сорочкѣ ожерелье пристежное съ пугвицы въ 12 руб."
6) „Поясъ верхней шолкъ червчатъ съ кистьми".
7) „Поясъ нижней тканой шолкъ червчатъ".
8) „Тесьма кружковая шолкова съ оковы серебряными въ 30 алтынъ".
9) „Зипунъ отласъ жолтъ въ три рубли".
10) „Каѳтанъ камка куѳтерь червчата въ 8 рублевъ."
11) „Охобень изувреной въ 7 рублевъ. (склея 13-ая).
12) „Ѳерези таѳтяные на хрептахъ бѣлыхъ въ 6 рублевъ".
13) „Другіе ѳерези таѳтяные жъ холодные въ 4 рубли".
14) „Однорядка красновишнева съ круживомъ и зъ завязки—въ 10 рублевъ."
15) „Шапка бархатъ червчатъ съ душкою въ три рубли."
16) „Штаны камчатые въ 40 алтынъ".
17) „На сапоги да на башмаки саѳьянъ червчатъ 26 алтынъ 4 деньги". (11—14).

„И о томъ государевѣ жалованьѣ, *прибавляетъ нашъ документъ*, что ему полковнику Авраму Лесли и сыну его Ивану, и женѣ ево Евдокеѣ, и дочери ево Ульянеѣ велѣно дать государева жалованья съ Казенного Двора у купели, на Казенной Дворъ хъ казначею къ

Богдану Миничю Дубровскому да къ дьякамъ къ Григорью Понкратьеву да къ Захарью Анофрееву память сентября въ 18 день" (21).

Да при государѣ Иванъ Лесли помимо 100 руб. деньгами (въ томъ числѣ 50 руб. вмѣсто лошади съ конюшни со всѣмъ конскимъ нарядомъ) получилъ вещами:

1) „Шуба соболья подъ камкою кизыльбашскою золотною въ 21 руб. въ 9 алтынъ пять денегъ".

2) „Шапка горлатная въ 6 рублевъ."

3) „Кубокъ серебрянъ, золоченъ, съ кровлею—въ двѣ гривенки".

4) „Десять аршинъ отласу червчатого по рублю зъ гривною аршинъ".

5) „Десять аршинъ камки кармазину червчатой по 30 алтынъ аршинъ".

6) „Сорокъ соболей въ 30 рублевъ". (27—31).

„И о томъ государевѣ жалованьѣ, что ему Авраму и сыну ево Ивану велѣно дать государева жалованья при государѣ для крещенья на Казенной Дворъ хъ казначею къ Б. М. Дубровскому, и къ дьякомъ къ Г. Понкратьеву да къ З. Анофрееву память октября въ 1 день, а въ Большой Приходъ о деньгахъ къ боярину ко князю Ѳедору Ѳедоровичю Волконскому да къ дьякомъ къ Герасиму Дохтурову да къ Артемью Хватову памяти сентября въ 27 день да октября въ 28 день" (32—33).

Общій итогъ подарковъ данныхъ семьѣ Александра Лесли „для крещенья и за подначальство" нашъ документъ выражаетъ такъ:

„И всего полковнику Ав. Лесли, и сыну ево Ивану Лесли, и женѣ ево Евдокеѣ, и дочери ево Ульянеѣ дано государева жалованья у купели и для крещенья при государѣ платья, и соболей, и кубковъ, и денегъ, и что дано за лошадей деньгами, и что дано до крещенья на платье на 1371 р. на 9 алтынъ на двѣ деньги".

Стало-быть семья Лесли получила за переходъ въ православіе приблизительно на 23.310 руб., т. е. цѣлое состояніе [7]) въ буквальномъ смыслѣ этого слова, не считая тысячнаго—[(3400 + 9180) + (1360 + 5202) т. е. всего 12580 руб. отцу и 6562 руб. на годъ.] годового жалованья, назначеннаго отцу и сыну Лесли.

Таковы любопытныя данныя, изъ дѣлопроизводства Иноземскаго приказа 161 г. [8]), которыхъ не могъ найти г. Цвѣтаевъ и счелъ ихъ поэтому утраченными въ Архивахъ; они представляютъ помимо общаго интереса, и нѣкоторое спеціально историко-археологическое значеніе. Въ дѣлопроизводствѣ того же приказа, затертаго архивной рубрикой Разряда, сохранился матеріалъ для характеристики состава и организаціи полка Александра Лесли, равно какъ и другихъ полковъ иноземнаго строя.

Василій Сторожевъ.

---

[7]) Срв. у г. Цвѣтаева op. cit. стр. 378, гдѣ приведено свидѣтельство Адама Олеарія.

[8]) Москов. Архивъ Мин. Юстиціи, Москов. столъ Разряда столбецъ № 906, ставы 1—88 и срв. начало (ставы 1—3) столбца № 606.

V.

Засѣданія Обществъ.

Въ засѣданіи *Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества* 14-го марта 1895 г. предсѣдателемъ *гр. П. С. Уваровой* было м. пр. доложено письмо начальника станціи Михайлово, Закавказской ж. д. съ приложеніемъ бронзоваго наконечника копья и пластинки съ изображеніемъ коней изъ числа предметовъ найденныхъ рабочими близь Боржомской вѣтви во время работъ. Интересъ присланныхъ изъ названной мѣстности Закавказья предметовъ древности усиливается тѣмъ, что присланные въ Общество предметы представляютъ значительное сходство съ вещами извѣстнаго кобанскаго могильника. Д. чл. *В. И. Сизовъ* прочелъ докладъ подъ заглавіемъ „Характеръ художественнаго стиля височныхъ колецъ изъ кургановъ Смоленской и Московской губ.". Докладъ В. И. Сизова имѣетъ быть напечатанъ въ ближайшей книжкѣ „Археол. Извѣстій".

Въ засѣданіи *Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества* 11-го апрѣля 1895 г. д. чл. И. В. Цвѣтаевымъ былъ прочитанъ докладъ подъ заглавіемъ „Вилла императрицы Ливіи близь Рима": развалины виллы, принадлежавшей императрицѣ Ливіи была открыта еще въ 1863 г.; она лежитъ верстахъ въ 9-ти отъ Рима по Фламиніевой дорогѣ; въ латинскихъ источникахъ вилла извѣстна подъ названіемъ Ad Gallinas, Ad Galinas albas, villa Caesarum или rus Veientanum. Среди памятниковъ, открытыхъ при раскопкахъ, первое мѣсто слѣдуетъ отвести остаткамъ стѣнной живописи: эта послѣдняя покрываетъ 4 стѣны залы нижняго этажа и по оригинальности художественной композиціи и по свѣжести красокъ получила первенствующее мѣсто во всемъ наслѣдіи въ этомъ родѣ отъ античнаго міра. Она представляетъ собою большой, богатый деревьями и другою растительностью садъ, исполненный здѣсь съ такимъ искусствомъ, какого мы не встрѣчаемъ въ ландшафтныхъ сценахъ ни Помпеи, ни Геркулана, ни Рима, ни другихъ мѣстъ классическаго міра. Что касается до деревьевъ, кустарниковъ, плодовъ и цвѣтовъ, то изученіе ихъ ботаниками, нѣмецкимъ Dr. Мёллеромъ и проф. К. А. Тимирязевымъ показало, что здѣсь изображены 5 породъ лиственныхъ деревьевъ, 3 типа фруктовъ, 3 типа фруктовыхъ деревьевъ, но безъ плодовъ, 6 породъ цвѣтовъ и 2 цвѣточныхъ кустарника, не покрытыхъ цвѣтами. Картину оживляетъ большое количество птицъ, которыя то летаютъ, то сидятъ на вѣткахъ, то клюютъ плоды. Другимъ важнымъ открытіемъ этихъ раскопокъ явилась статуя императора Августа, найденная разбитой на нѣсколько кусковъ и приведенная въ свой первоначальный видъ знаменитымъ римскимъ скульпторомъ Тенерани. Августъ изображенъ въ возрастѣ лѣтъ за 40, въ масштабѣ, превышающимъ натуральный ростъ; въ лѣвой

рукѣ скипетръ, правая рука поднята вверхъ и устремлена впередъ, выражая какъ-бы требоевані молчанія передъ началомъ рѣчи; у правой ноги статуи изображенъ эротъ, сидящій верхомъ на дельфинѣ — символъ происхожденія рода Юліевъ отъ Венеры и Анхиза. Панцырь, въ который облеченъ Августъ, въ отличіе отъ другихъ панцырей, часто встрѣчающихся на римскихъ, т. н. панцырныхъ статуяхъ, покрытъ рельефными изображеніями символическаго и историческаго характера, относящимся къ жизни императора. Художественный эффектъ статуи возвышался и отъ искусной *раскраски* ея частей. Туника была ярко-краснаго цвѣта, плащъ пурпуроваго, бахрома панцыря желтаго; ярко раскрашены были и рельефы панцыря въ цвѣта голубой, желтый и красный. (Гипсовый слѣпокъ съ этой статуи недавно полученъ музеемъ античнаго искусства организуемомъ при И. Московскомъ Университетѣ). Д. чл. *Д. И. Иловайскій* доложилъ „о загадочной надписи на сосудѣ Британскаго Музея". Надпись находится на наружной сторонѣ серебрянаго позолоченаго сосуда, имѣющаго видъ кубка или стакана, украшеннаго съ внутренней стороны медальономъ съ рельефными изображеніями Богородицы и Спасителя; вокругъ медальона идетъ аркада съ фигурами 12 апостоловъ, надпись сдѣлана кирилловскимъ алфавитомъ и свидѣтельствуетъ, что сосудъ сдѣланъ въ 1601 г. Разборъ надписи привелъ референта къ заключенію, что ее по языку слѣдуетъ пріурочить къ области, имѣющей смѣшанное сербо-болгарское населеніе—именно къ Македоніи. По поводу послѣдняго заключенія референта *проф. М. И. Соколовъ* возразилъ, что надпись по всѣмъ признакамъ языка сдѣлана на сербскомъ яз. Предсѣдателемъ *гр. П. С. Уваровой* доложено отношеніе, полученное отъ Августѣйшаго Московскаго Генералъ-Губернатора, въ которомъ Его Высочество извѣщаетъ Московское Археологическое Общество, что Государь Императоръ въ 17 день марта Высочайше повелѣть соизволилъ: отпустить изъ суммъ Государственнаго Казначейства 6000 руб. на производство археологическихъ изслѣдованій въ Прибалтійскихъ губ., по случаю предстоящаго X-го Археологическаго Съѣзда въ Ригѣ. Д. чл. *Д. Н. Анучинъ* доложилъ о „слѣдахъ бронзоваго вѣка въ Прикамьѣ по раскопкамъ Ф. Д. Нефедова", произведеннымъ послѣднимъ въ 1893—94 гг. Сообщеніе сопровождалось демонстраціей массы вещей, добытыхъ г. Нефедовымъ при раскопкахъ. Сообщеніе Д. Н. Анучина будетъ помѣщено въ ближайшей книжкѣ „Археол. Извѣстій".

Въ засѣданіи *Славянской Коммиссіи* Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества 17 марта 1895 года сдѣланы доклады: *В. Ѳ. Миллеромъ* „Къ былинѣ о Соловьѣ Будимировичѣ"; разборъ былины привелъ референта къ выводамъ: былина, представляя сходство по построенію съ былиной о Садкѣ, должна быть отнесена къ новгородскому циклу, а не къ кіевскому, куда она попала случайно; самый сюжетъ былины можетъ быть сопоставленъ съ подобными же въ западныхъ повѣстяхъ, переходившихъ на Русь, напр., съ повѣстью о Василіи, королевичѣ чешскомъ; присутствіе шутливой прибаутки

въ былинѣ указываетъ на участіе въ ея созданіи или обработкѣ скоморохъ. Второй докладъ—*А. В. Михайлова* „О текстахъ книги бытія Моисеева въ Толковой Палеѣ"—посвященъ былъ исторіи текста Бытія въ старо-славянской и русской литературѣ: переводъ Бытія, одинъ и тотъ же въ полныхъ текстахъ Священной Книги и въ Паримейникахъ—распался на двѣ редакціи, юго-славянскую и русскую; эта послѣдняя образовалась около XIV в. Толковая Палея, основу которой составляетъ книга Бытія, была составлена уже на основаніи славянскаго перевода Бытія и при томъ русской редакціи; отсюда выводъ: Палея въ XIII—XIV в. составлена въ Россіи и русскимъ авторомъ. Въ этомъ же засѣданіи приглашены въ члены коммиссіи А. Е. Грузинскій и А. С. Орловъ, а также установлена программа засѣданія въ память столѣтняго юбилея со дня рожденія слависта П. І. Шафарика (2 мая 1795 г.).

15-го марта 1895 г. состоялось засѣданіе *восточнаго отдѣленія Императорскаго русскаго археологическаго Общества* подъ предсѣдательствомъ барона В. Р. Розена, который сдѣлалъ докладъ „О приготовляемомъ van-Berchem'омъ изданіи свода арабскихъ надписей". Максъ фанъ Беркемъ, уроженецъ Швейцаріи, является въ настоящее время однимъ изъ наиболѣе выдающихся арабистовъ. Въ трудахъ французской археологической миссіи въ Каирѣ издано теперь большое изслѣдованіе фанъ-Беркема объ арабскихъ надписяхъ въ Каирѣ, какъ матеріалъ для предпринимаемаго фанъ-Беркемомъ изданія общаго свода арабскихъ надписей (Matériaux pour un Corpus inscriptionum arabicarum). Планъ изданія, задуманнаго фанъ-Беркемомъ, разсмотрѣнъ и одобренъ парижскою академіей наукъ, и, собирая подписи, фанъ-Беркемъ предполагаетъ въ скоромъ времени побывать и въ нашихъ среднеазіатскихъ владѣніяхъ. По отзыву барона В. Р. Розена, вышедшій трудъ фанъ-Беркема должно разсматривать какъ образцовый по серьезности даваемыхъ изслѣдователемъ толкованій палеографическихъ, историческихъ и археологическихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ баронъ В. Р. Розенъ признаетъ вполнѣ заслуживающими принятія къ руководству методологическія указанія фанъ-Беркема, какъ напримѣръ, ограниченіе времени изслѣдованія вопроса лишь памятниками первыхъ трехъ вѣковъ мусульманскаго лѣтосчисленія. Въ томъ же засѣданіи были предъявлены собранію древности, полученныя Я. Я. Лутшемъ изъ Хотана, въ Кашгарѣ. Среди этихъ древностей обращаетъ на себя вниманіе хорошо сохранившаяся ваза съ ручками въ видѣ грифоновъ. Это художественное произведеніе даетъ ключъ къ объясненію многихъ предшествующихъ находокъ въ той же мѣстности, въ видѣ обломковъ терракотовой скульптуры. (Нов. Вр. № 6842, 1895 г.).

20-го марта 1895 г. состоялось засѣданіе *классическаго отдѣленія Императорскаго русскаго археологическаго Общества*, подъ предсѣдательствомъ И. В. Помяловскаго, который открылъ собраніе рѣчью, посвященной па-

мяти только-что скончавшагося члена Общества Г. С. Дестуниса, и, по приглашенію предсѣдательствующаго, собраніе почтило память усопшаго вставаніемъ. Затѣмъ были сдѣланы сообщенія В. В. Латышевымъ „О христіанскихъ надписяхъ на югѣ Россіи", Р. Х. Леперомъ „О димѣ Суніи", Н. И. Веселовскимъ „О христіанскихъ катакомбахъ въ Керчи", а также прочтено сообщеніе Е. К. Рѣдина „О мозаикѣ пола въ церкви евангелиста Іоанна въ Равеннѣ". Изслѣдованіе В. В. Латышева представляетъ обзоръ всѣхъ обнаруженныхъ въ различныхъ пунктахъ сѣвернаго побережья Чернаго моря греческихъ надписей, какъ сохранившихся, такъ и извѣстныхъ только по описаніямъ и воспроизведеніямъ. Среди надписей, разобранныхъ В. В. Латышевымъ, обращаютъ на себя вниманіе: херсонесская надпись временъ императора Зенона (474—491), относящаяся къ сооруженію херсонесскихъ укрѣпленій; надпись надъ могилой епископа Θеодора (при Алексѣѣ Комненѣ 1081—1118), надписи, открытыя А. Л. Бертье-де-ла Гардомъ въ пещерныхъ церквахъ Инкермана (1272 года) и надписи въ Мангубѣ (средневѣковый городъ Θеодоро). Р. Х. Леперъ ознакомилъ собраніе съ недавно найденнымъ, при работахъ въ древнихъ Лаврійскихъ рудникахъ близъ мыса Сунія, декретомъ дима Сунія объ устройствѣ новой площади (агоры) и высказалъ свои соображенія о топографіи этой мѣстности. Н. И. Веселовскій сообщилъ доставленныя въ Императорскую археологическую коммиссію изображенія вновь открытыхъ въ Керчи катакомбъ, съ большой на стѣнѣ греческой надписью, заключающей въ себѣ девятидесятый псаломъ. Изслѣдованіе Е. К. Рѣдина о мозаикахъ, украшающихъ полъ церкви Іоанна Крестителя въ Равеннѣ, относящихся въ XIII вѣку, устанавливаетъ связь между имѣющимися здѣсь звѣриными изображеніями и литературными данными Физіолога, какъ равно и другими иконографическими памятниками того же рода. (Нов. В. № 6849, 1895 г.).

9-го апрѣля, въ помѣщеніи Императорской археологической коммиссіи, состоялось засѣданіе русскаго отдѣленія *Императорскаго русскаго археологическаго общества*, въ присутствіи Августѣйшаго Предсѣдателя Общества Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Константиновича, посвященное обзору годичной выставки древностей, поступившихъ въ Императорскую археологическую коммиссію въ теченіе 1894 г.

10-го апрѣля, состоялось засѣданіе *классическаго отдѣленія Императорскаго русскаго археологическаго общества* подъ предсѣдательствомъ И. В. Помяловскаго. Въ этомъ засѣданіи В. В. Латышевъ еще разъ вернулся къ вопросу о христіанскихъ надписяхъ въ южной Россіи и, между прочимъ, обратилъ вниманіе на херсонскую надгробную надпись 1059 года по Р. Хр , въ которой обозначено царствованіе Исаака Комнена, и надгробныя греческія надписи въ Керчи 436 и 757 гг. по Р. Хр. Въ томъ же засѣданіи былъ прочитанъ рефератъ Б. А. Тураева: „Страница изъ исторіи

древне-египетской литературы", относящійся къ памятнику іероглифическаго письма эпохи Рамзеса III и Рамзеса IV (Нов. Вр. № 6866, 1895 г.).

10-го марта 1895 года въ засѣданіи *Общества любителей древней письменности* А. П. Вороновъ сдѣлалъ сообщеніе о „Духовномъ завѣщаніи преп. Лазаря Муромскаго". Въ духовномъ завѣщаніи сообщаются свѣдѣнія о преп. Лазарѣ, уроженцѣ „славнаго Рима града", пріѣзжавшаго въ Новгородъ одинъ разъ съ епископомъ Евменіемъ для врученія новгородскому владыкѣ Василію бѣлаго клобука, а другой разъ по порученію кесарійскаго владыки Василія— для списанія иконы св. Софіи. Во второй свой пріѣздъ преп. Лазарь остался окончательно на Руси и послѣ двухъ видѣній отправился на о. Мучъ на Онежскомъ озерѣ, гдѣ основалъ обитель во имя Святой Богородицы и сдѣлался просвѣтителемъ Лопи и Чуди. Г. Вороновъ подробно изложилъ содержаніе духовнаго завѣщанія. Второе сообщеніе было сдѣлано А. І. Ляшенкомъ; онъ познакомилъ собраніе съ содержаніемъ автобіографіи Ивана Григорьевича Григорьева, рукопись которой хранится въ библіотекѣ Общества любителей древней письменности и писана во второй половинѣ XVIII ст. И. Г. Григорьевъ приходился дѣдомъ извѣстному оріенталисту В. В. Григорьеву и происходилъ изъ рода Пожарскихъ. Записки И. Г. Григорьева даютъ матеріалъ для характеристики быта духовенства во второй половинѣ прошлаго столѣтія. Кромѣ того въ запискахъ находится рядъ свѣдѣній: о пожарѣ въ Юрьевѣ-Польскомъ, о появленіи холеры въ 1768 г., о наводненіи въ Петербургѣ въ 1778 г., о погребеніи Екатерины II и Петра III и др. (Нов. Вр. № 6839, 1895 г.).

17-го марта 1895 года въ засѣданіи *Общества любителей древней письменности* Н. П. Лихачевъ сдѣлалъ докладъ по вопросу о составѣ боярской думы въ XVI в. Указавъ на важность рѣшенія вопроса, демократизировалъ ли или нѣтъ царь Иванъ Грозный боярскую думу введеніемъ въ нее двухъ новыхъ чиновъ думнаго дворянства и думнаго дьячества, докладчикъ обратилъ вниманіе на замѣчаніе С. М. Соловьева объ извѣстіи 1536 г. о „дѣтяхъ боярскихъ, которые въ думѣ живутъ", на основаніи какового С. М. Соловьевъ, В. О. Ключевскій и В. И. Сергѣевичъ признали присутствіе дворянъ въ думѣ еще въ малолѣтство Грознаго. Напомнивъ свое мнѣніе, высказанное въ книгѣ „Разрядные дьяки", о существованіи думнаго дворянства и думнаго дьячества еще въ эпоху Ивана III, докладчикъ указалъ, что нѣкоторые ученые, напр. М. Ф. Владимірскій-Будановъ и Н. П. Загоскинъ, держатся еще мнѣнія о демократизаціи думы Иваномъ Грознымъ. Проф. Загоскинъ, опровергая въ своей статьѣ мнѣніе докладчика, выразился такъ: „Несомнѣнно только то, что до 1572 г. мы не встрѣчаемся съ терминомъ „думный дворянинъ", а до конца XVI в. съ терминомъ „думный дьякъ". Только съ этого времени появляются эти два новыхъ думныхъ чина, которые отнынѣ на ряду съ боярами и окольничими засѣдаютъ въ думѣ уже не въ силу

факта, но въ силу права, засѣдаютъ здѣсь не случайно, но ex officio". Категоричность заявленія не соотвѣтствуетъ фактамъ: Н. П. Лихачевъ выяснилъ, что источникъ, откуда взято извѣстіе о 1572 г., какъ времени учрежденія думнаго дворянства, отнюдь не документъ, и показаніе его должно быть отвергнуто, и затѣмъ давъ сжатый очеркъ извѣстій о составѣ думы въ XV и первой половины XVI в., привелъ документальное извѣстіе отъ 10-го іюня 1570 г., гдѣ сказано: „и призвалъ государь къ себѣ бояръ и окольничихъ и приказныхъ людей и дворянъ думныхъ", при чемъ это выраженіе поставлено рядомъ и какъ синонимъ съ выраженіемъ — дворяне, которые у государя въ думѣ живутъ. Точно также и терминъ „думный дьякъ" былъ цитированъ докладчикомъ въ статейныхъ спискахъ за 1562 г. Далѣе г. Лихачевъ, на основаніи записей о засѣданіяхъ боярской думы за время съ 1564 по 1586 г., установилъ существованіе 8 ми думныхъ дворянъ, пропущенныхъ въ извѣстномъ боярскомъ спискѣ. Имена кн. Андрея Петр. Телятевскаго и Ивана Ѳед. Воронцова свидѣтельствуютъ, по мнѣнію г. Лихачева, что думное дворянство въ началѣ своего появленія не было чиномъ для „молодшихъ" и „малопородних", а появленіе въ числѣ думныхъ дворянъ Малюты Скуратова и Василія Грязнова интересно тѣмъ, что показываетъ, какъ Иванъ IV проводилъ въ думу своихъ любимцевъ, хотя происхожденіе родовъ Бѣльскихъ и Грязныхъ не хуже другихъ родовъ, имѣвшихъ представителей въ думномъ дворянствѣ XVI в.

Второе сообщеніе сдѣлалъ А. П. Барсуковъ о „Шереметевской вотчинѣ селѣ Чиркинѣ, Коломенскаго уѣзда". Это древнѣйшее поземельное владѣніе, сохранившееся понынѣ въ родѣ Шереметевыхъ. Г. Барсуковъ, по большей части на основаніи документовъ, найденныхъ Н. К. Никольскимъ въ архивѣ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря и хранящихся нынѣ въ библіотекѣ С.-Петербургской духовной академіи, изложилъ исторію перехода с. Чиркина отъ одного лица къ другому, начиная съ одного изъ предковъ Шереметевыхъ Константина Александровича Беззубцова (половины XV в.) до Бориса Петровича Шереметева (до 1650 г.), при чемъ съ особеннымъ вниманіемъ остановился на многотрудной жизни Ѳедора Васильевича Шереметева, вынужденнаго отстаивать свою вотчину с. Чиркино отъ притязаній своего племянника Петра Никитича Шереметева, и на тяжебномъ дѣлѣ между Петромъ Никитичемъ и Борисомъ Петровичемъ Шереметевыми съ одной стороны, и Кирилло-Бѣлозерскимъ монастыремъ—съ другой, дѣлѣ, возникшемъ вслѣдствіе того, что вышеупомянутый Ѳ. В. Шереметевъ далъ Кириллову монастырю двѣ вкладныя грамоты на Чиркино. Не смотря на протесты монастыря, вотчина осталась за Шереметевымъ. (Нов. Вр., № 6846, 1895 г.).

Въ засѣданіи *Историческаго общества Нестора Лѣтописца* 5-го марта 1895 г. дѣйст. чл. В. Г. Ляскоронскимъ было сдѣлано интересное сообщеніе объ археологической находкѣ близъ с. Таганчи, Каневскаго уѣзда. Находка эта была сдѣлана крестьяниномъ на своемъ полѣ, при раскопкѣ кургана,

который онъ желалъ распахать. Нѣкоторыя найденныя вещи едва не погибли, вслѣдствіе того, что крестьянинъ пожелалъ пожертвовать золото и серебро на переливку въ церковные сосуды, но священнику, къ которому онъ обратился по этому поводу, удалось убѣдить крестьянина, что лучше продать эти вещи за болѣе высокую цѣну, а затѣмъ уже деньги употребить согласно желанію жертвователя. Находка была куплена мѣстнымъ любителемъ древностей г. Хойновскимъ и помѣщена въ его кіевскій музей. Въ распаханномъ курганѣ, въ гробу изъ дубовыхъ брусьевъ, сбитыхъ желѣзными костылями, найденъ покойникъ, похороненный вмѣстѣ съ лошадью. Богатство вооруженія и полнота его возбуждаютъ особый интересъ Изъ предметовъ этого вооруженія найдены слѣдующіе, демонстрированные докладчикомъ рисунками на доскѣ: шлемъ-шишакъ, желѣзный, съ высокимъ около 4 вер. шпицемъ, съ особымъ щиткомъ для рта и носа. На шлемѣ видны слѣды серебряной пластинки; при немъ два обрывка сѣтки, защищавшей шею. Кольчуга изъ колецъ, желѣзная; кольца почти скипѣлись и слились въ неподвижный панцырь. 6 кусковъ серебряныхъ бляхъ, съ кусками ткани, защищавшихъ верхнюю часть груди и плечи. Шейная золотая гривна, половина которой утрачена при раскопкахъ, медальонъ на серебряной пластинкѣ позолоченный, съ изображеніемъ лика Спасителя и греческими буквами по сторонамъ—альфа и омега. Серебряная трость, въ видѣ скипетра, довольно длинная, съ серебрянымъ яблокомъ наверху; серебряный узорчатый аграфъ, для застегиванія одежды, желѣзная сабля въ серебряныхъ ножнахъ, на деревянной подбивкѣ, прямая, съ крестообразной рукояткой; наконечникъ сабли загнутъ. Широкая серебряная чаша, на круглой ножкѣ, наверху узорчатая кайма. 5 серебряныхъ пластинокъ, повидимому, составлявшихъ щитъ—самая большая сердцеобразная. 5 золотыхъ пластинокъ, вѣроятно, отъ колчана; наконечникъ стрѣлы, желѣзный серпъ, удила и желѣзныя стремена съ углубленіями для ноги. По мнѣнію докладчика, найденные предметы принадлежали какому-нибудь вождю, носятъ на себѣ византійскій характеръ и, быть можетъ, относятся къ X вѣку. Особенно интереснымъ представляется смѣсь христіанства (икона Спасителя) и язычества—погребеніе съ лошадью. Докладчикъ просилъ спеціалистовъ высказаться по этому вопросу. Проф. В. Б. Антоновичъ замѣтилъ, что по рисункамъ трудно судить, а необходимо тщательно изслѣдовать предметы въ настоящемъ ихъ видѣ. Почти всѣ найденные предметы, насколько можно судить по описанію, принадлежатъ къ разряду весьма стойкихъ, удерживающихся на протяженіи многихъ вѣковъ. Таковы кольчуга, восточная стрѣла, серебряная булава. Слѣдовало бы обратить тщательное вниманіе на икону и аграфъ. Типъ погребенія представляется, несомнѣнно, весьма интереснымъ и указываетъ на какую-то переходную эпоху. Вообще проф. В. Б. Антоновичъ не считаетъ возможнымъ высказаться опредѣленно по данному предмету. Затѣмъ слѣдовалъ докладъ дѣйст чл. А. Н. Ясинскаго „О положеніи государя въ Чехіи въ XII и XIII вв.“, въ которомъ авторъ обрисовалъ неустойчивость этого положе-

нія, благодаря отсутствію закона о престолонаслѣдіи, вслѣдствіе чего происходили вѣчныя смуты и раздоры за престолъ, при дѣятельномъ участіи знати. Многіе князья были ослѣплены, другіе изгнаны, третьи убиты. Такому положенію дѣлъ способствовали эгоистическіе разсчеты различныхъ партій. Съ конца XII в. престолъ началъ переходить непосредственно отъ отца къ сыну и Чехія стала мало по малу укрѣпляться въ государственномъ отношеніи. Чешскій государь пользовался автономіей въ вопросахъ законодательныхъ, по раздачѣ земель и по завѣдыванію войскомъ. (Кіевл. 1895, № 67).

VI.

Библіографія.

И. Е. Забѣлинъ. Домашній бытъ Русскихъ Царей въ XVI и XVII ст. Часть I, изданіе третье съ дополненіями. Москва 1895, XXI+759 стр. и 6 таблицъ рисунковъ (цѣна 4 рубля).

„Въ настоящее время излишне говорить о томъ, какое важное значеніе, при теперешнемъ направленіи историческихъ работъ, получаетъ изученіе домашняго быта, *житья-бытья* отжившихъ поколѣній“ (введ. стр IX). Это обстоятельство и побудило маститаго ученаго выпустить новое изданіе своего знаменитаго труда, ставшаго большой рѣдкостью въ первыхъ двухъ изданіяхъ (1862 и 1872 гг). Перепечатывая свой трудъ и слѣдуя своему плану—„каждому, даже и очень мелочному предмету стараго быта, особенно со стороны внѣшней обстановки, дать самый подробный и слѣдовательно наиболѣе полный обликъ, въ какомъ такой предметъ существовалъ въ извѣстное время“ (стр. XX), И. Е. Забѣлинъ, какъ и въ предыдущихъ изданіяхъ, дополнилъ и расширилъ свое изслѣдованіе и въ новомъ его изданіи. Такъ имъ присоединено здѣсь еще новое дѣло о нарушеніи чести Государева двора (стр. 357), значительно пополнены описанія стѣнописей Золотой и Грановитой Полатъ (стр. 151 и сл.), значительно расширенъ отдѣлъ матеріаловъ, изданы новые рисунки Коломенскаго и Кремлевскаго дворцовъ (изъ коллекцій Историческаго Музея). Въ концѣ книги—обстоятельный указатель предметамъ и матеріаламъ и подробное описаніе прилагаемыхъ чертежей.

О высокомъ научномъ значеніи этого новаго изданія „Быта Царей“ распространяться, понятно, совершенно излишне.

Извѣстія Восточно-Сибирскаго отд. И. Р. Г. О. XXV, (№ № 2—3 (1894) А. Еленевъ: Сообщеніе о Бирюсинскихъ пещерахъ за 1888 г. Названныя пещеры лежащія при устьѣ р. Бирюсы, притока Енисея съ лѣв. стороны, въ 50 вер. на Ю. отъ Красноярска, были еще въ 1886 г. изслѣдованы г. Еленевымъ (см. И. В.-С. отд. И. Р. Г. О. XVII, № 3—4). Въ 1888 г.

имъ было предпринято болѣе подробное изслѣдованіе какъ этихъ пещеръ, такъ и другихъ, лежащихъ вверхъ по теченію р. Бирюсы и по Енисею, недалеко отъ впаденія Бирюсы (всего 58 пещеръ, изъ которыхъ въ 42 были произведены раскопки). Въ результатѣ изслѣдованія выяснилось, что пещеры были обитаемы еще въ сравнительно недавній періодъ времени, и ожиданія найти въ нихъ слѣды культуры каменнаго или бронзоваго вѣковъ не оправдались. Къ отчету приложенъ списокъ найденныхъ въ пещерахъ предметовъ и карта. *И. И. Поповъ:* Открытія на Орхонѣ и дешифрированіе древнихъ надписей (исторія открытія). *Свѣдѣнія объ экспедиціи Д. А. Клеменца по Монголіи въ 1894 г.* Въ долинахъ Хангая экспедиціей было отмѣчено множество керексуровъ и каменныхъ могилъ; новыхъ руническихъ надписей не было найдено; въ области Гобійскаго Алтая, болѣе бѣднаго археологическими памятниками сравнительно съ Хангаемъ, на рѣчкѣ Цаганъ-голъ (лѣв. притокѣ Легинъ-гола) открыты остатки разрушеннаго города или монастыря, весьма древняго; о немъ доходили темные слухи еще до Г. Н. Потанина. Подробностей находокъ не отмѣчено.

Въ *Извѣст. Общ. Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Имп. Казанск. Ун. (т. XII, вып. 4. Каз. 1895)* помѣщенъ отчетъ пр. И. Н. Смирнова о произведенныхъ имъ раскопкахъ могильника около с. Каракулина, на берегу Камы (Сарапульск. у. Вятск. губ.). Могильникъ расположенъ на первой береговой террасѣ р. Камы въ направленіи Ю-З.—С-В., на половинѣ разстоянія между селами Каракулинымъ (точнѣе Пермяковымъ) и Вятскимъ, или Машкарой. Г. Смирнову удалось открыть только 4 могилы—все что уцѣлѣло отъ могильника. Раскопки обнаружили погребеніе: подъ чернымъ слоемъ земли (толщ. не болѣе $^1/_2$ арш.) на суглинкѣ лежали костяки на спинѣ въ направленіи съ С-З. на Ю-В.; лишь въ одной изъ раскопанныхъ могилъ были найдены вещи: горшокъ, мѣдная или бронзовая пряжка на лѣвомъ плечѣ и таковой же наконечникъ копья. Такъ какъ уже раньше въ этомъ могильникѣ было находимо бронзовое оружіе, то пр. И. Н. Смирновъ склоненъ отнести Каракулинскій могильникъ къ бронзовому вѣку; по культурѣ, выразившейся въ предметахъ (м. пр. орнаментѣ на черепкахъ), найденныхъ какъ въ могильникѣ, такъ и въ близь лежавшей отъ него стоянкѣ, изслѣдованной пр. И. Н. Смирновымъ, указанный могильникъ стоитъ по мнѣнію изслѣдователя въ близкой связи съ извѣстнымъ Ананьинскимъ могильникомъ и съ сибирской культурой. Предположеніе автора, „что орудія Каракулинскаго могильника представляютъ собою произведенія южно сибирской тюркской металлургіи и могутъ относиться приблизительно къ эпохѣ Геродота“ и что „нѣтъ ничего невѣроятнаго и въ томъ, что они служили тюркскимъ колонистамъ праваго берега Камы: Тюрки, скрывающіеся подъ именемъ ѳиссагетовъ, могли также легко укрѣпиться на Камскомъ правобережьѣ, какъ укрѣпились тамъ много вѣковъ позднѣе потомки маджгаровъ и башкиръ“—намъ кажется мало обоснованнымъ.

Сборн. Мат. для оп. мѣстностей и племенъ Кавказа (XIX вып.). Въ статьѣ Е. Меликъ-Шахназарова „*Изъ древностей сел. Ченахчи*“ (Елисаветпольск. губ., Шушинскій у.) сообщаются чрезвычайно интересныя свѣдѣнія о надгробныхъ памятникахъ, сохранившихся на кладбищѣ недалеко отъ монастыря *Кусанацъ анапатъ*, построеннаго по преданію агванскимъ царемъ Вачаганомъ III. Точно опредѣлить, къ какому вѣку слѣдуетъ отнести описываемые авторомъ и изображаемые на 10 таблицахъ (№ 3—12) надгробные памятники не представляется возможнымъ, такъ какъ надписи въ большинствѣ случаевъ стерты, а сохранившіяся не даютъ отвѣта на этотъ вопросъ. Но надгробные памятники интересны тѣмъ, что многіе изъ нихъ изображаютъ охотничьи сцены, пиршества и т. п. Такъ напр. на одномъ изъ приведенныхъ рисунковъ (№ 7) изображенъ всадникъ съ короной на головѣ; въ правой рукѣ крестъ; съ боку шашка; подъ передними ногами коня змѣя; около всадника двѣ мужскія фигуры, изъ которыхъ одна держитъ сосудъ (чашу?) въ одной рукѣ и кувшинъ въ другой; въ рукахъ другой — музыкальный инструментъ; около нихъ дикій козелъ. Рис. 10 изображаетъ распашку поля; въ соху запряжены 3 пары быковъ; рис. 11 и 12 представляютъ пирушки. Указанные надгробные памятники, при всей грубости исполненія, представляютъ интересные образцы древняго искусства въ Закавказьѣ.

Dr. J. L. Píč. Le studijny cesty po museich (Vestnik celke akademie 1893. 8⁰ 12).

Брошюрка D-ra Пича „Изъ ученаго путешествія по музеямъ“ — результатъ путешествія, предпринятаго авторомъ лѣтомъ 1892 г.: руководясь археологическими цѣлями, онъ посѣтилъ цѣлый рядъ своихъ чешскихъ музеевъ, нѣмецкія и наши русскія собранія древностей, въ томъ числѣ прошлогоднюю археологическую выставку, музеи Историческій и Румянцевскій и Оружейную палату. Не смотря на свой бѣглый характеръ, эти замѣтки не безполезны и для насъ, такъ какъ могутъ до нѣкоторой степени служить vade mecum для путешественника археолога.

I. L. Píč. Mohyly Lužanské jež zkoumali I. Hlávka... a Dr. I. L. Píč. (Могилы Лужанскія, изслѣдованныя I. Главкой и I. Л. Пичемъ). *(Praha, 1895, 4⁰, стлб. 26 и 5 табл. рис.).*

Это третій выпускъ изданія Чешской Академіи по археологіи Чехіи (см. Арх. Изв. и Зам. 1894 г., № 8—9, стр. 284—285). Описываемыя могилы расположены по рѣкѣ Углавкѣ (Uhlavka) между мѣстечками Лужаны и Червена Поржичь (Cervené Poříče — Красное Порѣчье). По опредѣленію О. В. Пича, эти могилы указываютъ на первыхъ обитателей края, слѣдовъ которыхъ, кромѣ этихъ могилъ, никакихъ не осталось, что̀ служитъ доказательствомъ того, что это племя не имѣло постоянныхъ жилищъ, а вело образъ жизни пастушескій и охотничій, кочуя въ этомъ кругѣ мѣстности (ст. 1). Это племя оставило могилы совершенно отдѣленныя отъ другихъ

въ этой мѣстности; оно, повидимому, мѣняло свои стоянки на небольшомъ пространствѣ, такъ что мы можемъ это племя (вѣроятнѣе всего, довольно большой родъ) изучить за все время его существованія въ этомъ краѣ (ст. 2). Могилы эти по мѣстоположенію распадаются на три группы: у Кбелъ, у Волчьяго (Vlče) и у Зеленаго. Кбельскія расположены по небольшому притоку-ручью, впадающему въ Углавку и представляютъ массивныя каменныя могилы, круглыя, въ діаметрѣ 9 слишкомъ метровъ; камень находится по верхнему краю могилы, далѣе уже — земля (глина); вездѣ слѣды сожженія (земля, смѣшанная съ пескомъ, и уголь); главныя находки въ нихъ — бронзовыя вещи: браслеты, шейныя кольца, иглы; вообще же по содержанію могилы бѣдны, во многихъ вещей не найдено никакихъ. При всемъ томъ этотъ могильникъ одинъ изъ лучшихъ въ Чехіи по своей величинѣ (отъ 30 до 40 могилъ), по устройству и по характерности. Величина могилъ находится въ прямомъ соотношеніи съ богатствомъ находокъ и устройства. Въ общемъ обрядъ погребенія (сожженія) рисуется такъ: пепелъ и кости покойника, сожженнаго въ иномъ мѣстѣ, ссыпались въ могилѣ на ея дно; сюда клали вещи, а затѣмъ надъ этимъ строился сводъ внизу изъ большихъ, выше изъ мелкихъ камней; около свода кругомъ клался вѣнецъ изъ крупныхъ камней. На находимыхъ вещахъ изъ бронзы слѣдовъ огня нѣтъ почти никогда—доказательство, что вещи складывались уже по сожженіи, въ пеплѣ. При двухъ воинахъ, найденныхъ въ могилахъ,—мечи (у одного цѣлый, у другаго—уже въ сломанномъ видѣ положенный въ могилу); при нихъ же найдены и топоры бронзовые съ рукоятью изъ дерева, кинжалы и по иглѣ (для скалыванія одежды). Въ женскихъ могилахъ находились кинжалы съ рукоятками, иглы, серповидные ножи, браслеты, иногда—шейныя кольца изъ витыхъ трубочекъ. Бронза вездѣ одинаковая, по типамъ вещей представляетъ нѣсколько разновидностей, особенно въ иглахъ; здѣсь есть типы, начиная съ древнѣйшаго бронзоваго, кончая Галльштатскимъ. Керамика — черепки сосудовъ,—однообразна, также подходящая къ типу Галльштатскому, но моложе. Въ общемъ могилы по типу должны быть отнесены къ младшей бронзовой эпохѣ: предметы старшаго періода находятся вмѣстѣ съ вещами младшаго, т. е. относятся къ старшему періоду Галльштатской эпохи. Могилы у Зеленаго, нѣсколько меньшаго объема, относятся къ той же эпохѣ. Могилы Волковскія находятся въ часѣ ходьбы отъ Лужанъ, представляютъ нѣкоторыя особенности въ погребальномъ обрядѣ: покойники были сожигаемы на мѣстѣ погребенія; въ числѣ найденныхъ предметовъ оказалось уже желѣзо—доказательство сравнительно съ прежними могилами поздняго происхожденія Волковскихъ; сообразно съ этимъ и каменная кладка отлична отъ предыдущихъ, керамика соотвѣтствуетъ младшему періоду Галльштатской эпохи. Въ результатѣ, можно могилы Волковскія отнести къ концу этой эпохи или къ началу эпохи La-tène, т. е. приблизительно къ 400 году до Р. Х. Кромѣ отдѣльныхъ таблицъ, изображающихъ Кбельскій и Волковскій могильники, въ текстѣ есть карты и рисунки (послѣдніе къ могиламъ у Зеленаго).

Путеводитель по г. Ревелю и его окрестностямъ (169 стр. 8°, Рев. 1895). Изданіе путеводителя, въ которомъ обращено особое вниманіе на памятники древности, весьма многочисленные въ Ревелѣ, заслуживаетъ полнаго сочувствія особенно въ виду предстоящаго X-го археологическаго съѣзда. Не смотря на нѣкоторые недосмотры, которые автору было бы однако легко избѣжать благодаря существованію обширной литературы о древнихъ памятникахъ города, — путеводитель въ значительной степени облегчитъ осмотръ столь интереснаго въ археологическомъ и историческомъ отношеніяхъ Ревеля. Нельзя не высказать пожеланія, чтобы къ слѣдующему изданію путеводителя былъ приложенъ и планъ города.

A. Bergengrün und K. P. Geuter: Illustrirter Führer durch Riga (Riga. 1895, стр. 88, 8°, съ 24 рис. и планомъ; 4-ое изд.). Авторы путеводителя преслѣдуя практическія цѣли, отводятъ однако и довольно значительное мѣсто ознакомленію съ памятниками древности Риги. Небольшія статьи: *A. Bergengrün*'а: *Uebersicht der Geschichte Livlands* и *Zur Geschichte der Stadt Riga* представляютъ удачную, хотя и краткую сводку данныхъ по исторіи края и города, долгое время бывшимъ центромъ др. Ливоніи. Съ древностями города мы знакомимся изъ составленнаго *K. P. Geuter*'омъ — *Wanderung durch die Stadt;* къ этой статьѣ приложены рисунки выдающихся памятниковъ старины. Въ замѣткѣ *Ausflüge in die Umgebung* особенно интересны въ археологическомъ отношеніи указанія на поѣздку въ т. наз. Лифляндскую Швейцарію, къ развалинамъ замковъ Зегевольда, Трейдена и Кокенхузена, изъ которыхъ послѣдній, какъ извѣстно, служилъ въ началѣ XIII в. мѣстопребываніемъ русскаго князя Вячко (Вячеслава, ошибочно названнаго въ путеводителѣ Всеславомъ), погибшаго впослѣдствіи при взятіи Юрьева епископомъ Альбертомъ.

Arthur Poelschau: Die livländische Geschichtsliteratur im Iahre 1893. (Riga 1894, стр. 111, 8°). Эта книжка представляетъ XII вып. изданія, заглавіе котораго мы выписали; въ немъ ежегодно помѣщаются перечни трудовъ по исторіи, археологіи, этнографіи, географіи, языковѣдѣнію, исторіи искусства и т. д., имѣющихъ отношеніе къ прибалтійскимъ губерніямъ, причемъ отмѣчаются не только труды мѣстныхъ изслѣдователей, но и изданія, выходящія въ столицахъ. Изданіе это даетъ такимъ образомъ возможность слѣдить за движеніемъ въ дѣлѣ изученія Прибалтійскаго края, причемъ, такъ какъ изученіе края сосредоточивается преимущественно въ мѣстныхъ ученыхъ и литературныхъ обществахъ, труды которыхъ имѣютъ лишь ограниченное распространеніе и вслѣдствіе этого мало извѣстны,—то изданіемъ этимъ дается возможность лицу, изучающему мѣстный край оріентироваться среди многочисленныхъ мелкихъ извѣстій и замѣтокъ, помѣщаемыхъ въ отчетахъ о работахъ мѣстныхъ обществъ.

Печатано по опредѣленію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, на основаніи § 56 его Устава

Предсѣдатель *графиня Уварова.*

Вып. I и II (въ одной книгѣ): Древности каменнаго и металлическаго вѣка, съ портр. гр. А. С. Уварова и 35 табл. рис. 1887 г. Ц. 4 р.

Вып. VII. Монеты Воспорскаго царства и древне-греческихъ городовъ, находившихся въ предѣлахъ нынѣшней Россіи, съ 5 таблицами. Состав. А. Орѣшниковъ. 1887 г., ц. 3 р.

Архим., Леонидъ. Систематическое описаніе Славяно-Россійскихъ рукописей собранія гр. А. С. Уварова, 4 т. М., 1893—94 г. Ц. 15 р.

Каталогъ Спасо-Преображенскаго монастыря въ Ярославлѣ, ц. 9 р. 50 к.

Византійскій Альбомъ—посмертное изд. гр. А. С. Уварова. Т. I. 1889 г. Ц. 15 р.

Уступка книгопродавцамъ и библіотекамъ учебныхъ заведеній 25%.

Продаются въ собственномъ домѣ Общества, въ Москвѣ, на Берсеневкѣ, у Большаго Каменнаго моста.

Кавказъ. 2 тома. Ц. 3 р.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ библіотеку Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества съ 10 марта 1894 г.

Ник. Харузинъ. Обзоръ доисторич. археологіи въ Балтійскихъ губерніяхъ по трудамъ мѣстныхъ изслѣдователей. Ревель. 1894. Изъ т. IX Трудовъ Эстл. Губ. Статистич. Ком.

И. Ф. Мацкевичъ. Памятная книжка Волынской губ. на 1894 г. Житоміръ. 1894.

К. Гуковскій. Памятная книжка Ковенской губ. на 1894 г. Ковно. 1893.

Вс. Миллеръ. О сборникѣ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Тифлисъ. 1893. Изъ Журн. М. Нар. Пр.

W. Ketrzynski. Zaklad narodowy imenia Ossolinski. Lwow. 1894.

Ст. Звѣревъ. Воронежскія древности. (Статист. данныя о находкахъ древнихъ издѣлій въ Ворон. г. съ 1863 по 1893).

Ст. Звѣревъ. Матеріалы по Арх. Дона. Изд. Воронеж. Губ. Статист. Комит. Воронежъ. 94 г.

Опись Московской *Оружейной палаты* М. 1894—1895, съ альбомомъ фототипій.

Гр. Алексѣй Бобринскій. Курганы и случ. археол. находки близь мѣстечка Смѣлы. Т. II. Спб. 1894.

Sprawozdania. Komisyi do bodania Historyi Srtuki w Polsce Wydawnictwo Akademii Umiejetnosci w Krakowie. T, I, 1—4; II, 1—4; III, 1—4; IV, 1—4; V, 1—3. W Krakowie 1877—1893.

Index do Tomow I, II, III, IV. Sprawozdan Komisyi dla badania H. S. w Polsce. Krakow. 1891.

Москва. Актовыя книги XVIII столѣтія. Т. II и XII. М. 93.

Переписныя книги города Москвы 1737—1745. Т. VIII. М. 1893.

Ungarische Revue. 1892. VI—X. Budapest 1893. I—V.

Archäologiai Ertesito. Budapest, 1892. XII, 3, 4, 5; 1893. XIII, 1, 2.

Pamietnik Akademli Umiejętnosci w Krakowie T. III—VIII, Krakow. 1876—1890.

Notizie degli scavi di antichita 1893. Roma 12 вып. и указатель.

Atti della Reale Academia di archeologia, lettere e delle arti XVI. 1891—93. Napoli. 1894.

Отчетъ Импер. Археол. Коммис. за 1891 г. Спб. 1893.

Записки Импер. Одесск. Общества Исторіи Древностей. Т. XVII. Одесса. 1894.

L'anthropologie. 1893. № 1—6. Paris.

Aarboger for Nordisk aldkyndighed og historie 1893. II. 8. 1—4,

Bullettino di paleotnologia italiana IX, № 1—12. Parma. 1893.

Mittheilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien. XXIII Band IV, V, IV. Wien. 1893.

Památky archaeologické a místopisné XV. 1—12. W Praze. 1890—1892.

Bulletin de la Société archéologique du Midi de la France. № 11, 12. Toulouse. 1893.

Mémoires de la Société Royale des Antiquaires du Nord. 1892. Copenhague.

Mitheilungen des Anthropologischen Vereins in Schlesvig-Holstein, VII. Kiel. 1894.

Mélanges Gréco-Romains VI, 1. 1892. Sit-Sit zungsberichte der Gelehrten Estnischen Geselschaft. 1893.

Sitzungsberichte der G. für Geschichte und Alterthumskunde der Ostsee-Provinzen Russlands 1893. Riga. 1894.

Verhandlungen der G. Estnischen Geselschaft zu Dorpat XVI, 3. Юрьевъ. 1894.

(Продолженіе при слѣд. №).

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

выходятъ въ 1895-мъ году (3-й годъ изданія) по той же программѣ и въ томъ же объемѣ подъ редакціею:

И. А. Линниченка и В. М. Михайловскаго,

при участіи А. В. Орѣшникова и многихъ членовъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества.

Подписная цѣна съ пересылкою и доставкою въ годъ ТРИ (3) рубля.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Для **московскихъ** подписчиковъ:

1) Въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ, Берсеневская набережная, собств. домъ, ежедневно отъ 10 до 1 часу и въ часы засѣданій.

2) У А. В. Орѣшникова, Историческій музей, на Красной площади, ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 1 до 4-хъ.

3) Въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Моховая, противъ Стараго Университета, д. Коха (и его иногородн. отд.).

4) Въ книжномъ магазинѣ А. Ланга, на Кузнецкомъ мосту.

Иногородніе подписчики благоволятъ присылать подписные **три** рубля **исключительно** въ Императорское Московское Археологическое Общество (Москва, Берсеневская набережная, собств. домъ).

Подписчики, **не получившіе** выпуска или **перемѣнившіе** свое мѣсто жительства, благоволятъ обращаться съ заявленіями исключительно въ Московское Археологическое Общество.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція обращается съ просьбою ко всѣмъ прежнимъ сотрудникамъ журнала и ко всѣмъ любителямъ старины присылать свѣдѣнія о раскопкахъ, случайныхъ находкахъ древностей, объ имѣющихся въ частныхъ рукахъ выдающихся предметахъ древности—церковныхъ и бытовыхъ, рукописяхъ и т. п., а также газетныя извѣстія, заключающія свѣдѣнія археологическаго характера (отдѣльными №№ или просто вырѣзками съ помѣтою, изъ какой газеты и отъ какого числа); особенно желательны №№ провинціальныхъ газетъ.

Письма и посылки могутъ быть адресованы:

1) Въ Москву, въ Императорское Московское Археологическое Общество, Берсеневская набережная, с. д., въ редакцію „Археологическихъ Извѣстій и Замѣтокъ“ или же

2) Алексѣю Васильевичу Орѣшникову, Москва Историческій Музей, на Красной Площади.

Stacks
JUL 14 1980

издаваемыя

Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ

подъ редакціею

дѣйствительныхъ членовъ

И. А. ЛИННИЧЕНКА и В. М. МИХАЙЛОВСКАГО.

№ 6.

МОСКВА
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА
ЛЕОНТЬЕВСКІЙ ПЕР., Д. МАМОНТОВА
1895

СОДЕРЖАНІЕ № 6.

Стр.

I. **В. Сизовъ.** О происхожденіи и характерѣ курганныхъ височныхъ колецъ преимущественно т. н. Московскаго типа. 177

II. **Д. Анучинъ.** Слѣды бронзоваго вѣка въ Прикамьѣ по раскопкамъ Ф. Д. Нефедова 188

III. **Я. Смирновъ.** Первый международный съѣздъ археологовъ въ Сплѣтѣ (Spalato). 196

IV. Археологическая хроника 223

V. Библіографія. 227

Въ Императорскомъ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ находятся въ продажѣ слѣд. изданія:

Изданія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. Рекомендованы Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Описаніе Кіева. Соч. Закревскаго. Два тома и атласъ. 1868 г. Ц. 7 р.

Труды I-го Археологич. Съѣзда въ Москвѣ. Два тома и атласъ. 1871 г. Ц. 25 р.

Труды III-го Археологич. Съѣзда въ Кіевѣ. Два тома и атласъ. 1878 г. Ц. 10 р.

Труды V-го Археологич. Съѣзда въ Тифлисѣ. Два тома. Ц. 15 р.

Труды VII-го Археологич. Съѣзда въ Ярославлѣ. Тома I, II и III по 5 р.

Труды VIII-го Археологич. Съѣзда въ Москвѣ. Томъ I. Ц. 10 р.

Матеріалы по археологіи Кавказа; вып. 1, 2 и 3-й. Кажд. вып. по 6 р.

Тоже, вып. 4-й, М. 1894. Ц. 8 р. 50 к.

Матеріалы по археологіи восточныхъ губерній. Вып. I. Ц. 8 р.

Древности. Труды Московскаго Археологическаго Общества:

Томъ I, два выпуска. 1865—67 г., ц. 6 р.
„ II, три выпуска. 1869 - 70 г., ц. 6 р.
„ III, три выпуска. 1870, 71 и 73 гг. Ц. 6 р.
Томъ IV, три выпуска. 1874 г. Ц. 8 р.
„ V, 1885 г. Ц. 6 р.
„ VI, три выпуска. 1875—76 г. Ц. 6 р.
„ VII, три выпуска. 1877—79 г. Ц. 8 р.
„ VIII, 1870 г. Ц. 8 р.
Приложеніе къ VIII тому:
Пятый Археологическій Съѣздъ. Труды предварительнаго Комитета, 1882 г. Ц. 6 р.
Томъ IX, три выпуска. 1882—83 г., ц. 8 р.
„ X, 1885 г. Ц. 8 р.
„ XI, три выпуска. 1886—87 г. Ц. 8 р.
„ XII, два выпуска. 1888 г. Ц. 8 р.
„ XIII, два выпуска. 1889—90 г. Ц. 8 р.
„ XIV, 1890 г. Ц. 7 р.
„ XV, два выпуска. 1894 г. Ц. 8 р.
Древности Восточныя. Томъ I, Ц. 12 р.
Отдѣльно Т. I, 1 выпускъ 1889 г. Ц. 4 р.
„ Т. I, 2 выпускъ 1891 г. Ц. 4 р.
„ Т. I, 3 выпускъ 1893 г. Ц. 4 р.

Незабвенной памяти Графа А. С. Уварова. Рѣчи, прочитанныя въ соединенномъ засѣданіи ученыхъ обществъ 28 февраля 1885 г. (съ портретомъ Графа А. С. Уварова). 1885 г. Брошюра. Ц. 75 к.

Историческая записка о 25-лѣтней дѣятельности Моск. Арх. Общества. Ц. 2 р.

Памяти Н. С. Тихонравова. М. 1894 г. Ц. 2 р.

Уступка гг. членамъ Общества 20%, библіотекамъ учебныхъ заведеній - 25%, книгопродавцамъ—30%.

Изданія графа Уварова:

Археологія Россіи. Каменный періодъ. Соч. графа А. С. Уварова. Два тома. 1881 г. Ц. 18 р.

Меряне и ихъ бытъ. Соч. гр. А. С. Уварова. Одинъ томъ и атласъ. 1872 г. Ц. 8 р. (нѣтъ въ продажѣ).

Каталогъ собранія древн. гр. А. С. Уварова.

03760

№ 6 1895 г.

ИЗДАВАЕМЫЯ
ИМПЕРАТОРСКИМЪ МОСКОВСКИМЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ

I.

О происхожденіи и характерѣ курганныхъ височныхъ колецъ и преимущественно т. н. московскаго типа.

(Археологическій этюдъ).

Въ области нашей курганной археологіи можно замѣтить съ одной стороны стремленіе къ широкимъ этническимъ обобщеніямъ, часто основаннымъ только на нѣкоторыхъ признакахъ погребальнаго обряда, безъ ясной связи съ инвентаремъ кургановъ, а съ другой стороны—отсутствіе установившихся прочно хронологическихъ опредѣленій инвентаря кургановъ—во всемъ разнообразіи его археологическаго матеріала. Между тѣмъ детальная научная разработка этого матеріала инвентаря можетъ дать прочныя основы для хронологическаго опредѣленія самыхъ кургановъ и встрѣчаемыхъ въ нихъ погребальныхъ обрядовъ. Для хронологіи кургановъ и могильниковъ до сихъ поръ археологи главнымъ образомъ опираются на монеты, но извѣстно, что находки монетъ въ курганахъ вообще чрезвычайно рѣдки; причемъ находимыя *монеты—привѣски* часто сами по себѣ имѣютъ гораздо бо́льшую древность, чѣмъ

насыпка кургановъ, въ которыхъ онѣ найдены, а потому эти монеты сами требуютъ провѣрки посредствомъ другихъ, съ ними найденыхъ, вещей.

Монеты, когда онѣ встрѣчаются въ курганахъ какъ монеты, а не служатъ украшеніемъ, могутъ имѣть весьма важное, рѣшающее, значеніе въ опредѣленіи хронологической даты кургановъ; однако крайняя рѣдкость такихъ находокъ, въ особенности въ курганахъ съ погребеніемъ, не можетъ содѣйствовать широкой и успѣшной классификаціи могильниковъ: эти монеты могутъ представлять только точку отправленія для опредѣленія курганныхъ древностей и вообще служить для нихъ лишь провѣркой. Наша археологическая наука въ области изученія кургановъ славянской эпохи должна дѣлать свои хронологическіе и этническіе выводы не только на основаніи монетъ, но главнымъ образомъ на основаніи всего курганнаго инвентаря, представляющаго вообще самый богатый археологическій матеріалъ, даже и помимо находки монетъ. Намъ кажется, что только такой методъ опредѣленій можетъ установить прочную чисто-археологическую почву для широкой классификаціи нашихъ могильниковъ.

Детальная разработка характерныхъ вещей могильника дастъ возможность ввести массу новаго археологическаго матеріала для классификаціи могилъ, а между тѣмъ достаточное вниманіе къ этому матеріалу у нѣкоторыхъ археологовъ до сихъ не пользуется еще правомъ гражданства; у другихъ-же встрѣчается тенденція придавать слишкомъ большое значеніе случайнымъ фактамъ, представляющимъ— въ силу самой случайности—какъ бы противорѣчіе съ общимъ характернымъ явленіемъ. Но при изслѣдованіи памятниковъ прошедшей жизни нельзя, намъ кажется, не имѣть въ виду возможности случайныхъ явленій, тамъ какъ онѣ всегда, во всѣ времена, встрѣчаются въ жизни. Задача археологической науки, между прочимъ, и состоитъ въ томъ, чтобы прежде всего отдѣлить это случайное отъ постояннаго и характернаго и только на фактахъ послѣдняго рода строить свои обобщенія и выводы, а факты случайные принимать какъ матеріалъ для иного рода выводовъ, какъ напр. для уясненія иноземныхъ вліяній, торговыхъ сношеній и т. п.

Въ настоящее время при наличности уже собраннаго археологическаго матеріала изъ кургановъ центральной и сѣверо-восточной Россіи намъ кажется возможнымъ приступить къ выясненію наиболѣе характерныхъ частей курганнаго инвентаря; предположенный нами рядъ такого рода задачъ мы ставимъ въ скромныя рамки „этюдовъ“, не желая увлекаться въ нашемъ изложеніи полнотою матеріала, которая можетъ явиться и впослѣдствіи.

На первый разъ мы ограничимся попыткой опредѣлить происхожденіе, хронологическую послѣдовательность и этническій характеръ женскихъ курганныхъ украшеній, извѣстныхъ подъ названіемъ „височныхъ колецъ"—и преимущественно семилепестнаго т. н. „московскаго" типа.

Какъ извѣстно, въ древнѣйшій языческій періодъ нашей исторіи предметы арабской индустріи, преимущественно предметы изъ серебра, относящіеся къ разряду украшеній, чрезъ посредство болгаръ камскихъ проникали въ центральную и сѣверо-западную Россію въ весьма значительномъ количествѣ, вмѣстѣ съ арабскими монетами — диргемами, наибольшее количество которыхъ относится къ IX—X вв.

Къ X-му вѣку относится и богатый гнѣздовскій кладъ, состоящій изъ разнообразныхъ серебряныхъ украшеній, дающихъ прекрасный матеріалъ для знакомства съ арабской техникой серебряныхъ издѣлій того времени. Среди разнообразныхъ привѣсокъ этого клада мы встрѣчаемъ привѣску, называемую обыкновенно „лунницей", потому что она представляетъ стилизованное изображеніе луны во время новолунія. Фототипическія изображеніи двухъ подобныхъ лунницъ въ натур. величину мы представляемъ на приложенной таблицѣ фот. 1-2; оригиналы ихъ находится въ Истор. музеѣ и происходятъ изъ Гнѣздова, также какъ и диргемы, относящіяся къ X-му вѣку. Обѣ изображенныя лунницы представляютъ намъ самыя яркія черты характерной арабской техники въ издѣліяхъ этого рода: поверхность серебряной пластинки, укрѣпленной сзади двумя поперечными ребрами, для прочности, украшена съ лицевой стороны крупными шипами и узоромъ изъ зерни, образующей входящіе углы, а въ меньшей—по сторанамъ угла параллельныя линіи. Какъ и теперь еще на Кавказѣ, у восточныхъ мастеровъ этотъ узоръ изъ зерни достигается припайкой, посредствомъ пояльной трубки, каждаго зернышка на гладкую поверхность серебряной пластинки; благодаря навыку такое укрѣпленіе зернышекъ производится весьма быстро. Вообще такая мастерская техника украшаетъ металлическія арабскія издѣлія, найденныя въ разное время на почвѣ Россіи и относящіяся ко времени отъ X—XIII в. и даже позднѣе.

Но всѣ эти арабскія издѣлія относятся къ украшеніямъ высшихъ классовъ общества, какъ украшенія привозныя, заморскія, сдѣланныя притомъ изъ дорогаго металла; въ народной же массѣ эти арабскія серебряныя издѣлія не могли имѣть распространенности, и дѣйствительно не имѣли, такъ какъ ихъ не находятъ въ нашихъ обыкновенныхъ могильникахъ, бѣдныхъ вообще благородными металлами; находки этого рода существуютъ лишь какъ исключенія. Однако съ теченіемъ времени эта завезенная съ востока лунница дѣлается излюбленнымъ украшеніемъ

или привѣской на женскихъ ожерельяхъ или монистахъ, находимыхъ въ нашихъ курганахъ, древность которыхъ можно опредѣлить концомъ X и главнымъ образомъ XI ст. Замѣтимъ кстати, что въ бѣдныхъ курганахъ съ трупосожженіемъ народный типъ лунницъ не встрѣчается. Время распространенности лунницъ совпадаетъ съ появленіемъ новаго сплавнаго металла, замѣнившаго для массы въ эту эпоху серебро арабскихъ издѣлій.

Такимъ образомъ благодаря дешевому металлу, замѣнившему серебро, формы привезенныхъ украшеній, составлявшихъ достояніе высшихъ слоевъ древняго русскаго общества, распространяются въ массѣ народа и такъ сказать демократизируются, но вмѣстѣ съ тѣмъ и утрачиваютъ первоначальную арабскую технику: такъ вмѣсто припайки отдѣльно каждаго зернышка здѣсь стали отливать цѣликомъ цѣлую лунницу съ рельефными дорожками, едва сохранившими намеки на прежнія зерна. Такое измѣненіе весьма легко замѣтить изъ сравненія двухъ упомянутыхъ арабскихъ лунницъ (фот. 1 и 2) съ лунницами изъ дешеваго сплавнаго металла (фот. 3 и 4). Нетолько новый металлъ, способный лишь къ отливкѣ, но и самое мастерство, производившееся на русской почвѣ могло содѣйствовать упрощенію и ухудшенію иноземной техники. На возможность туземнаго производства подобныхъ украшеній указываетъ, между прочимъ, привѣска (фот. 5), гдѣ фонъ остался мѣстами не пропиленнымъ.

Подобнаго рода измѣненія арабской техники можно наблюдать и въ пронизкахъ оливковой формы, отлитыхъ изъ того же сплавнаго металла и находимыхъ обыкновенно въ курганахъ XI ст., причемъ можно замѣтить, что эти бусы или пронизки составлялись изъ двухъ отлитыхъ половинокъ, находимыхъ обыкновенно отдѣльно—вслѣдстіе ихъ плохой спайки. Вообще, по многимъ вещамъ можно замѣтить, что умѣлая спайка трудно давалась нашимъ древнимъ мастерамъ.

Обращаясь затѣмъ къ височнымъ кольцамъ семизубчатаго и семилепестнаго типа мы должны замѣтить, что здѣсь намъ приходится встрѣчаться нетолько съ подобными измѣненіями техники, но и съ эволюціей формы ихъ, по крайней мѣрѣ по отношенію къ височнымъ кольцамъ т. н. московскаго типа.

Прежде всего замѣтимъ, что височныя кольца въ курганахъ съ трупосожженіемъ не встрѣчаются—по крайней мѣрѣ мы не знаемъ примѣровъ; напротивъ въ курганахъ съ обыкновеннымъ погребеніемъ, иногда датированныхъ монетами XI в.,—онѣ встрѣчаются въ большомъ изобиліи и притомъ съ разнообразіемъ типовъ. Если исходной точкой изобрѣтенія можно считать болѣе простую форму, то болѣе древними

изъ ряда колецъ различныхъ формъ намъ слѣдуетъ поставить тѣ височныя кольца, которыя имѣютъ форму небольшаго несомкнутаго кольца, сдѣланнаго изъ серебрянной проволоки, причемъ одинъ конецъ бываетъ изогнутъ въ формѣ буквъ S, почему въ Чехіи эти кольца и называются „есовидными“ (см. рис. 16) [1]).

Рис. 16.

Близкую форму къ этимъ кольцамъ представляютъ кольца изъ серебряной проволоки, уже сомкнутой и завязанной двумя узлами, напоминающими древніе золотые браслеты, недавно пріобрѣтенные Историческимъ музеемъ изъ Керчи и относящіеся къ V—VI вв., и къ издѣліямъ такъ назыв. готскаго стиля, характеризирующаго вообще эпоху, ближайшую къ переселенію народовъ. Височныя кольца этого типа встрѣчаются весьма часто.

Въ Чехіи онѣ также извѣстны: по крайней мѣрѣ на миньятюрѣ Велеславова евангелія, относящагося къ XII-му вѣку, мы встрѣчаемъ ихъ изображеніе (рис. 17) [2]), изъ котораго можно понять и способъ ихъ ношенія въ Чехіи.

Рис. 17.

Въ нашихъ курганахъ кольца эти встрѣчаются и въ измѣненномъ видѣ, представляющемъ, по всему вѣроятію, дальнѣйшее развитіе основнаго типа: серебряная проволока, образующая кольцо, въ трехъ

---

[1]) Рисунокъ взятъ изъ соч. Д-ра Čeněk Zibrt'a «Dejiny kroje v Zemich českých». V Praze, 1891. Изъ того же сочиненія взятъ и рис. № 2.

[2]) Височныя кольца вообще считаются многими западными учеными за несомнѣнный признакъ славянства и встрѣчаются въ могилахъ Чехіи, Моравіи, Силезіи, Познани, Пруссіи, Польши и вообще тѣхъ мѣстъ, гдѣ прежде жили славяне.

Въ Чехіи и Моравіи съ височными кольцами или «заушницами» находились и монеты; самыя древнія изъ нихъ относятся ко времени Болеслава II (967—999 г.). Въ Польшѣ по монетнымъ находкамъ височныя кольца относятся къ XI—XII вв. Но въ Венгріи находимыя височныя кольца относятъ къ VII, VI и даже V-му вѣку—къ эпохѣ переселенія народовъ. См. сочиненія Др. Нидерле и Др. Пича: Lidstvo v době předhistorické и Archaeologický výzkum ve středních Čechách.

или четырехъ мѣстахъ сплющивается, такъ что эти мѣста образуютъ ромбы, украшенные обыкновенно діагонально крестомъ изъ точекъ или двойнымъ крестомъ; эти мотивы украшеній встрѣчаются на древнихъ тканяхъ, добытыхъ изъ кургановъ и носятъ чисто народный характеръ. Болѣе рѣдкими можно считать височныя кольца изъ проволоки съ нанизанными на нихъ круглыми и гладкими серебрянами бусами. Но въ данномъ случаѣ насъ главнымъ образомъ интересуютъ тѣ височныя кольца, семизубчатая и семилепестная, самая сложная форма которыхъ заставляетъ предполагать болѣе позднее появленіе или иноземное изобрѣтеніе, хотя нельзя не замѣтить, что различные типы височныхъ колецъ встрѣчаются не только въ одномъ могильникѣ, но встрѣчаются вмѣстѣ на черепѣ одного костяка, что указываетъ на тотъ фактъ, что иногда старыя формы уживались вмѣстѣ съ новыми, болѣе сложными.

Происхожденіе или изобрѣтеніе семизубчатыхъ и семилепестныхъ височныхъ колецъ съ полной достовѣрностью можно приписать Арабамъ, чему доказательствомъ служатъ слѣдующіе факты:

Въ Смоленскомъ Музеѣ древностей находится височное семи-зубчатое кольцо, найденное въ Ельнинскомъ уѣздѣ при раскопкѣ кургана вмѣстѣ съ другими обычными курганными вещами (фот. 6). Кольцо это весьма небольшого размѣра, отлито изъ серебра и носитъ на себѣ свѣжія черты подражанія арабскому оригиналу: такъ, поверхность его еще сохранила украшеніе зернью, хотя не припаянной, какъ у Арабовъ, но отлитой сразу; вмѣстѣ съ тѣмъ средній зубецъ заканчивается лунницей чисто арабскаго типа. Грубость подражательной техники указываетъ, по нашему мнѣнію, на чисто мѣстное производство этого предмета. Такимъ образомъ мы имѣемъ дѣло съ мѣстнымъ подражаніемъ арабскому оригиналу; свѣжесть этого подражанія подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что это височное кольцо еще отлито изъ серебра, тогда какъ обыкновенно височныя кольца этого рода отливались уже изъ грубаго металлическаго сплава, замѣнившаго собою серебро для всякаго рода украшеній. Другое весьма рѣдкое височное кольцо было найдено Е. И. В. Великимъ Княземъ Сергіемъ Александровичемъ въ одномъ изъ раскопанныхъ имъ кургановъ близь д. Веригиной (фот. 9). Это кольцо семилепестное, т. н. московскаго типа, отлитое, по всей видимости, изъ плохаго серебра и покрытое сплошь рельефнымъ орнаментомъ характернаго арабскаго стиля; техника и чистый рисунокъ орнамента говорятъ безспорно за то, что кольцо вышло изъ рукъ арабскаго мастера: орнаментъ здѣсь состоитъ изъ стилизованныхъ травъ съ двумя главными вѣтвями. Но особенно интересна въ этомъ кольцѣ та подробность, что поверхность его лепестковъ сплошь весьма художественно заполнена этимъ

орнаментомъ, что указываетъ, по нашему мнѣнію, на тотъ фактъ, что характерный арабскій орнаментъ весьма умѣлой рукой приспособленъ къ своеобразно вырѣзной поверхности широкой части кольца; безъ сомнѣнія, такое приспособленіе арабскаго орнамента никакъ не могло совершиться среди мѣстнаго русскаго населенія, а это, вмѣстѣ съ прекрасной техникой, указываетъ, по нашему мнѣнію, не только на иноземное производство, но и на самое изобрѣтеніе формы, съ которой такъ тѣсно связывается арабскій орнаментъ. Принятое нами положеніе объ изобрѣтеніи арабами семилепестной формы височнаго кольца, мы можемъ подтвердить еще и слѣдующимъ фактомъ: отъ г. Брокара получено нами височное кольцо, добытое изъ кургановъ Московской губ. совмѣстно съ другими обычными вещами (фот. 10). Внутренняя плоская часть кольца украшена здѣсь раздвоенной вѣткой арабскаго стиля, характерной по чистотѣ контура; мотивъ этого орнамента мы встрѣчаемъ на фрагментѣ изразца, привезеннаго изъ развалинъ одной изъ

Рис. 18.

Рис. 19.

древнихъ мечетей Самарканда (рис. 18). Такимъ образомъ и это кольцо мы можемъ причислить къ арабскимъ издѣліямъ.

Вспомнимъ еще о двухъ височныхъ кольцахъ, извѣстныхъ намъ, впрочемъ, только по изображенію въ атласѣ гр. Уварова, приложенному къ его сочиненію „Меряне". Судя по этимъ изображеніямъ височныхъ колецъ, одно изъ которыхъ помѣщено и въ нашемъ текстѣ подъ № 19, мы можемъ предположить, что первоначальная техника этого кольца была также арабская; на это указываетъ какъ дѣленіе серьги на семь частей, такъ и грубое воспроизведеніе на поверхности серьги арабской зерни. Вообще это височное кольцо, какъ и кольца изображенныя на таблицѣ подъ №№ 6, 7, 8, представляетъ чистую разновидность семилепестнаго кольца московскаго типа. Такимъ образомъ всѣ указанныя нами рѣдкія височныя кольца, съ обычнымъ расширеніемъ нижней части, раздѣленной всегда на семь частей, или представляютъ собою арабское издѣліе, какъ серьга № 9 или близкое по времени, но грубое по техникѣ воспроизведеніе арабскаго оригинала.

Бо́льшее удаленіе отъ чисто арабскихъ издѣлій представляютъ тѣ височныя кольца, которыя находятся въ большомъ количествѣ въ курганахъ Московской и отчасти Смоленской губерній и въ силу уже своей распространенности могутъ относиться только къ мѣстному производству. Этотъ распространенный типъ височныхъ колецъ, сохраняя прежнюю арабскую форму, утрачиваетъ совершенно древній арабскій орнаментъ, который замѣняется другимъ, болѣе сподручнымъ для новаго металла и русскаго мастера.

Новый металлъ изъ сплава не встрѣчается, сколько намъ извѣстно, въ курганахъ съ трупосожженіемъ, гдѣ обыкновенно находятся украшенія только изъ серебра и бронзы или мѣди; эти курганы въ нашихъ раскопкахъ въ Смоленской губ. датируются началомъ X вѣка.

Съ другой стороны, нельзя не замѣтить, что могилы, находимыя вмѣстѣ съ украшеніями изъ сплавнаго металла относятся ко времени не древнѣе XI в. Такимъ образомъ можно установить для начала распространенія новаго металла конецъ X и XI в.

Сплавной металлъ при раскопкѣ сразу легко смѣшать съ серебромъ, но въ скоромъ времени онъ мутнѣетъ, принимая свинцовый оттѣнокъ, отличается онъ ломкостью и въ изломѣ имѣетъ зернистую поверхность; сильное окисленіе указываетъ на обильное присутствіе мѣди.

Височныя кольца въ этотъ періодъ времени, изготовленныя изъ упомянутаго сплавнаго металла, сохраняя арабскую семилепестную форму, принимаютъ при этомъ и нѣкоторыя чисто народныя русскія художественныя черты, такъ какъ вмѣсто арабскаго орнамента народная техника и вкусъ довольствуются рубчатыми поясками, соотвѣтствующими очертаніями плоской поверхности кольца и семью острыми городками, заходящими своими остріями въ лепестки, такъ что каждому лепестку соотвѣствуетъ входящее въ него остріе зубчика. Выраженная такимъ образомъ симметрія составляетъ характерное и постоянное явленіе. Техника этихъ городковъ и поясковъ, состоящихъ изъ черточекъ, представляется намъ уже чисто народной, такъ какъ этого рода линіи или пояски украшаютъ до сихъ поръ народныя металлическія издѣлія, какъ напр. гребешки поясные, оправы трубокъ и т. д., а въ курганныхъ вещахъ они встрѣчаются на браслетахъ, перстняхъ, гривнахъ — издѣліяхъ безъ всякаго сомнѣнія мѣстныхъ, а не привозныхъ.

Эволюція височнаго кольца однако на этомъ не останавливается и развивается далѣе въ томъ же народномъ русскомъ направленіи.

Въ Историческомъ Музеѣ находятся височныя кольца изъ Тульской губерніи; они уже имѣютъ пять лепестковъ и въ общемъ напоминаютъ фигуру вазы, такъ какъ нижній самый длинный лепестокъ не

измѣняетъ формы, а боковые сливаются и загибаются кверху. Это слитіе и расширеніе и сокращаетъ число лепестковъ, образуя изъ двухъ— одинъ. Здѣсь слѣдуетъ замѣтить то интересное обстоятельство, что при сокращеніи лепестковъ изъ семи на три и на пять, число зубчиковъ осталось попрежнему семь или пять, чѣмъ и нарушилась уже прежняя весьма устойчивая симметрія, и одинъ лишній зубчикъ не находится въ соотвѣтствіи съ лепестками (фот. 12—13) [1]).

Такое смѣшеніе въ симметріи указываетъ несомнѣнно на тотъ фактъ, что пятилепестное кольцо, было изобрѣтено позднѣе семилепестнаго, такъ какъ оно сохранило, какъ архаизмъ, прежніе семь зубчиковъ. Орнаментація внѣшняя также измѣнилась въ томъ отношеніи, что появился цѣлый бордюръ изъ пробитыхъ кружковъ, соотвѣтствующій контуромъ кольца и украшающій въ видѣ рѣшетки верхъ. Этотъ способъ украшенія можно считать чисто народнымъ, ибо онъ встрѣчается въ массѣ мелкихъ издѣлій и въ особенности въ ажурныхъ курганныхъ перстняхъ, состоящихъ изъ выбитыхъ кружковъ или треугольниковъ. Верхняя рѣшетка кромѣ того украшается двумя собачками, иногда птичками, близко стоящими другъ противъ друга. Это послѣднее изображеніе еще болѣе указываетъ на народный стиль. Семилепестное кольцо (фот. 11 и рис. 5) не исчезаетъ при пятилепестномъ, но соединяется съ нимъ въ одну болѣе позднюю группу связанную общими признаками народнаго орнамента — ажурными бордюрами, верхней рѣшоткой, парными животными и бо́льшимъ размѣромъ, причемъ однако плоскость кольца дѣлается тоньше, что представляетъ удобство для штамповки и выбиванія кружечковъ. На время, къ которому можно отнести означенныя кольца, указываетъ, по нашему мнѣнію „Лихвинскій кладъ“.

Описаніе этого клада было помѣщено во Временникѣ за 1849 г. вмѣстѣ съ изображеніями вещей.

Въ настоящее время вещи этого клада хранятся въ Историческомъ музеѣ, куда поступили уже не въ прежней цѣлости: такъ щитокъ перстня давно уже утратился; поэтому прилагаемые рисунки взяты нами изъ Временника, гдѣ можно получить болѣе полное понятіе о кладѣ. (рис. 20, 21, 22). По характеру орнамента и по формѣ височное кольцо Лихвинскаго клада можно съ увѣренностію отнести къ височнымъ кольцамъ, указаннаго нами, поздняго типа: такъ крайніе лепестки сливаются и завиваются кверху; техника состоитъ изъ штамповки и проч. (рис. 20). Поздняя дата этой серьги подтверждается другими совмѣстными находками, а именно: щитокъ перстня, утраченный теперь, украшенъ былъ изображеніемъ птицы съ львиной головой. Это изобра-

[1]) Изображеніе пятилепестной серьги здѣсь не помѣщено.

женіе характерное по квадратной головѣ обращенной en-face, по развѣтвленной въ цвѣтокъ оконечности хвоста заставляетъ насъ невольно вспомнить о подобныхъ изображеніяхъ фантастическихъ животныхъ на стѣнахъ храмовъ Суздальской области, относящихся къ XII—XIII в. Тоже можно сказать и объ изображеніи птицы—одноглаваго орла. Это, не представляющее сомнѣній, сходство, даетъ намъ право отнести височныя кольца поздняго сложнаго типа именно къ означенной эпохѣ Суздальскихъ церквей т. е. къ XII—XIII в. приблизительно. На то же время, по нашему мнѣнію, указываетъ и отдѣлка чернью.

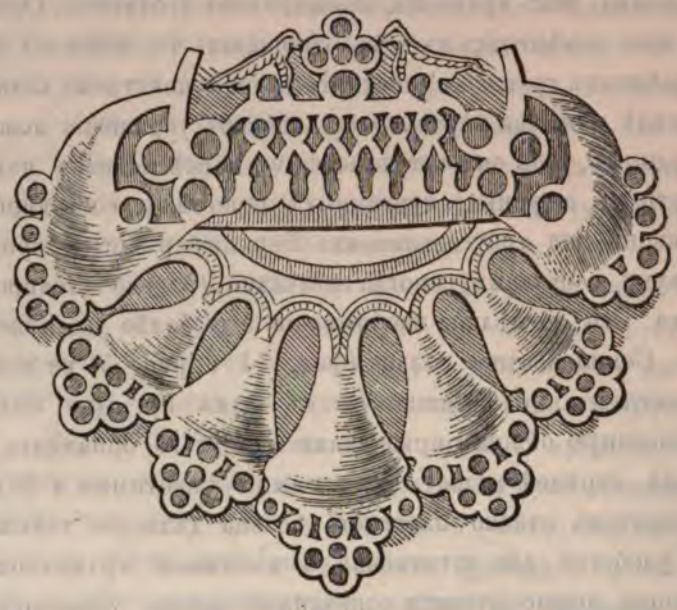


Рис. 20.

Рис. 21.

Рис. 22.

На приложенной таблицѣ съ изображеніями височн. колецъ весьма ясно видно, какъ оба типа колецъ—семизубчатый и семилепестный—видоизмѣняются, удаляясь отъ своего арабскаго прототипа, и съ теченіемъ времени получаютъ совершенно народную окраску; послѣднее особенно замѣтно въ височныхъ кольцахъ московскаго типа [1]).

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ частностяхъ въ формахъ височныхъ колецъ и о способѣ ихъ ношенія. Установившіяся названія у насъ—„височныя кольца“ и у чеховъ—„заушницы“ весьма мѣтко указываютъ на ношеніе серегъ у висковъ, по сторонамъ уха. Кольца надѣвались на тесьму или ленту, уже обвязанную вокругъ головы; для этой цѣли съ одной стороны дужки существуетъ всегда раз-

---

[1]) Височныя кольца *семизубчатыя* сохраняютъ болѣе устойчиво свою первоначальную форму; онѣ могутъ считаться болѣе древними. Переходную форму и семилепестный представляетъ кольцо, изображенное на таблицѣ подъ № 7.

рѣзъ, посредствомъ котораго удобно было кольцо надѣвать на тесьму и снимать съ тесьмы. Сквозь кольца продѣвались пряди височныхъ волосъ, такимъ образомъ, что плоская вырѣзная часть кольца выставляется наружу, выдѣляясь красиво на фонѣ волосъ. Кромѣ того, чтобы дать устойчивость этой части головного убора, кольца скрѣплялись другъ съ другомъ, посредствомъ кружечковъ, весьма характерныхъ въ кольцахъ семилепесныхъ. На служебное значеніе этихъ круглыхъ отверстій указываетъ отверстіе въ серьгѣ изъ раскопокъ гр. Уварова. Но вообще какъ видно и изъ рисунковъ семизубчатыя кольца не скрѣплялись съ боковъ, такъ какъ онѣ отличались меньшимъ размѣромъ.

Въ заключеніе высказанныя нами соображенія мы можемъ резюмировать въ слѣдующихъ тезисахъ:

1) Височныя кольца семизубчатыя и семилепестныя (т. н. московскаго типа) по своему происхожденію относятся къ арабской индустріи, чему примѣромъ служитъ височное кольцо изъ раскопокъ Великаго Князя Сергія Александровича, кольцо изъ коллекціи г. Брокара и кольцо изъ Смоленской губерніи, Ельнинскаго уѣзда, представляющее впрочемъ ближайшее по времени воспроизведеніе арабскаго оригинала.

2) Очень быстро височныя кольца, сохраняя арабскую форму, утрачиваютъ арабскую технику и выдѣлываются не изъ серебра, а изъ сплавнаго металла, когда изъ того же металла появляются и другія украшенія. Кольца эти обычнаго московскаго типа, а также и семилепестныя относятся къ XI ст. преимущественно.

3) Къ болѣе позднему періоду относятся тѣ височныя кольца, которыя украшаются ажурными штампованными орнаментами и вырѣзными парными звѣрями и птицами, причемъ иногда обычная семилепестная форма колецъ превращается въ пятилепестную заостренную, но при этомъ внутренній орнаментъ семизубчатый удерживается, нарушая соотвѣтствіе съ лепестками. Размѣры колецъ при этомъ увеличиваются, но самыя кольца дѣлаются тоньше. Позднѣйшая форма этихъ колецъ можетъ быть отнесена къ XII—XIII в.

4) Височныя кольца вообще составляютъ характерное украшеніе женскаго головного убора восточныхъ и западныхъ славянъ и въ могильникахъ финскихъ не встрѣчаются, а потому ихъ присутствіе въ курганахъ служитъ однимъ изъ признаковъ славянскаго погребенія. Московскіе курганы слѣдовательно принадлежатъ восточнымъ славянамъ. Типъ височнаго кольца „московскаго“ отъ Москвы распространяется не на Востокъ, а на Западъ—въ Смоленской губерніи, гдѣ встрѣчается вмѣстѣ съ другими типами височныхъ колецъ.

Мы здѣсь не упоминаемъ объ исключеніяхъ, ибо исключенія не

могутъ уничтожить значенія характерныхъ явленій. Точно также-не желая выходить за границы нашей темы, мы не указываемъ пока границъ распространенія височныхъ колецъ.

В. Сизовъ.

II

Слѣды бронзоваго вѣка въ Прикамьѣ по раскопкамъ Ф. Д. Нефедова.

Давно было извѣстно, что въ Прикамьѣ, какъ и вообще въ Приуральѣ, нерѣдки находки мѣдныхъ и бронзовыхъ орудій. Въ южной половинѣ Урала было открыто много слѣдовъ древнихъ чудскихъ мѣдныхъ копей, весьма облегчившихъ русскимъ разысканіе мѣдныхъ рудъ. Въ этихъ копяхъ были находимы иногда каменныя, деревянныя и мѣдныя издѣлія древнихъ рудокоповъ-чудиновъ, и подобные же слѣды древнихъ обитателей края открывались иногда случайно при земляныхъ работахъ, при паханіи, разработкѣ золотыхъ пріисковъ и т. д. Когда стали извѣстны продукты болгарской культуры (на мѣстѣ древнихъ Болгаръ, въ Билярскѣ и другихъ мѣстахъ), то не трудно было убѣдиться, что послѣдняя относится къ болѣе поздней эпохѣ и что она представляетъ бо̀льшія черты сходства съ культурой финскихъ могильниковъ средняго Поволжья, въ которыхъ, при изобиліи различныхъ бронзовыхъ украшеній, мы не встрѣчаемъ уже типичныхъ мѣдныхъ и бронзовыхъ орудій и оружій (цельтовъ, сѣкиръ, кирокъ, наконечниковъ копій и стрѣлъ и т. п.), которыхъ замѣнили уже желѣзныя и притомъ иныхъ типовъ. Долгое время не было однако извѣстно могильника, относящагося къ этой болѣе древней эпохѣ бронзоваго вѣка, когда мѣдь служила главнымъ матеріаломъ для выдѣлки орудій и оружія. Только въ 50-хъ годахъ былъ открытъ Ананьинскій могильникъ (около д. Ананьиной, близъ г. Елабуги), описаніе раскопки котораго, произведенной чиновникомъ удѣльнаго вѣдомства г. Алабинымъ, появилось въ „Вѣстникѣ Географическаго Общества“ 1860 г.; впослѣдствіи стало извѣстнымъ, что раскопка эта была произведена крайне поспѣшно: въ одинъ день было вскрыто до 48 могилъ, при чемъ найдены были слѣды погребенія и трупосожженія, а также частичнаго погребенія (т. е. отдѣльныхъ частей тѣла). Нѣкоторыя могилы были прикрыты каменными плитами или имѣли камни въ головахъ и ногахъ покойниковъ, около которыхъ находились также горшки (съ круглымъ дномъ), кости домашнихъ животныхъ (быковъ, лошадей) и разныя бронзовыя издѣлія, а отчасти также и желѣзныя (напримѣръ, кинжалы), имѣвшія форму бронзовыхъ. Позже этотъ могильникъ былъ предметомъ изученія Эйхвальда, Лерха, особенно же проф. Невоструева (въ

Трудахъ" I-го Арх. Съѣзда въ Москвѣ, 1871 г.), который нашелъ въ немъ ѣкоторыя черты сходства съ извѣстнымъ Галльштадтскимъ могильникомъ ъ Австріи, относящимся къ эпохѣ начала желѣзнаго вѣка (IV в. до Р. Х.). аскопка Алабина далеко не исчерпала содержаніе Ананьинскаго могильника; озже, при содѣйствіи мѣстныхъ крестьянъ, здѣсь успѣли собрать коллекціи . Пасынковъ, Радаковъ (коллекція послѣдняго находится теперь въ Моск. убличномъ и Румянцевскомъ Музеѣ) и особенно г. Аспелинъ, который отнесъ готъ могильникъ къ III в. до Р. Х. Въ 1881 г. новая раскопка была проведена здѣсь, по порученію Казанскаго Общества Археологіи, Исторіи и тнографіи, г. Пономаревымъ, который открылъ десять могилъ, отчасти предгавленныхъ теперь въ полномъ видѣ (съ костяками и плитами) въ Казанскомъ Университетскомъ Музеѣ. Г. Пономаревъ встрѣтилъ также на ряду ъ погребеніемъ и трупосожженіе, а равно и частичное погребеніе, и притомъ ослѣднее при условіяхъ, не позволяющихъ сомнѣваться въ его намѣренности. Иногда отъ цѣлаго костяка оказывались сохранившимися только нѣсколько зубовъ, но они были тщательно завернуты, вмѣстѣ съ маленькими ронзовыми издѣліями, въ бересту. Въ могилахъ были найдены бронзовыя опья, цельты[1]), сѣкиры, кинжалы, стрѣлки, шейные обручи („жгуты", гривны), акже кремневыя стрѣлки, точильные бруски, а равно желѣзные кинжалы ипа мѣдныхъ), желѣзныя копья, одна желѣзная стрѣлка и бронзовыя и *ребряныя* украшенія (серебр. гривна и небольшія серебр. спирали). Надъ огилами замѣтны были иногда слѣды настилки изъ бревенъ, въ другихъ учаяхъ—прикрытіе изъ каменныхъ плитъ. Особенно замѣчательною окалась одна могила, открытая на большой сравнительно глубинѣ. На аршинъ одъ черноземомъ встрѣчены были большія плиты (до $2^1/_2$ арш. въ длину), асположенныя кругомъ и наклоненныя подъ угломъ въ 45°. Подъ ними окалась яма, представляющая форму лодки (14 + 9 футовъ), выложенная каенными же плитами, причемъ на днѣ лодки плиты шли въ 2 — 3 ряда и одъ ними замѣтны были слѣды еще деревянной настилки. Подъ „лодкой" казался песокъ, въ которомъ, на глубинѣ 5 аршинъ отъ поверхности, обоначилась четырехугольная (9 + 4′) яма; въ головной части этой ямы лежали вѣ каменныхъ плиты, вблизи которыхъ были найдены: сѣкира съ бронзовой укояткой и желѣзнымъ лезвеемъ, часть человѣческаго черепа, бронзовая ляха, серебряная спираль, точильный камень, серебряная витая гривна, подъ ею—нижняя челюсть, далѣе (къ ногамъ) желѣзное копье, двѣ кремневыхъ трѣлки, конусообразный бронзовый наконечникъ, большой желѣзный кинжалъ, аконецъ кость быка и опять двѣ каменныхъ плиты. Другихъ человѣческихъ остей никакихъ не нашлось, а только остатки глинянаго сосуда [2]).

Въ 1893 г. вышелъ I-й выпускъ издаваемыхъ Московскимъ Археологи-

---

[1]) Названіе «кельтъ», какъ доказалъ недавно Вирховъ, должно быть признано неправильнымъ и вмѣсто него лучше употреблять названіе «цельтъ» (отъ лат. celtis).

[2]) Раскопка г. Пономарева была опубликована только въ 1892 г., въ «Извѣстіяхъ» Казанскаго Общества Археологіи и Этнографіи.

ческимъ Обществомъ „Матеріаловъ по археологіи восточныхъ губерній", заключающій въ себѣ трудъ А. А. Спицына: „Археологическія изысканія о древнихъ обитателяхъ Вятской губерніи". Въ этомъ трудѣ г. Спицынъ описалъ, между прочимъ, весьма обстоятельно такъ называемыя „костеносныя" городища, которыя онъ нашелъ возможнымъ пріурочить къ эпохѣ Ананьинскаго могильника. Несмотря на то, что культура этихъ городищъ гораздо бѣднѣе Ананьинской, что большинство найденныхъ здѣсь издѣлій—костяныя, почтенный изслѣдователь усмотрѣлъ однако нѣкоторыя особенности, сближающія эти городища съ эпохой бронзоваго вѣка. Рядомъ съ костяными стрѣлами, ножами, ложками, шилами, лопаточками, рыболовными крючками, гарпунами и т. д. (а также каменными молотками, клиньями, стрѣлками) здѣсь было найдено и нѣсколько бронзовыхъ цельтовъ, стрѣлокъ, иглъ, формы для отливки цельтовъ и мѣдныхъ украшеній, многіе тигли, путцы, льячки, указывающіе на литье мѣди, и даже немногія издѣлія изъ желѣза. Всѣ эти хотя и рѣдкіе слѣды знакомства съ металлами, совмѣстно съ нѣкоторыми особенностями орнамента и рѣзныхъ изображеній (напр., дракона, грифоновъ) дѣлали весьма вѣроятнымъ предположеніе г. Спицына, тѣмъ болѣе, что въ указанныхъ городищахъ не было найдено вовсе бронзовыхъ (шумящихъ) подвѣсокъ и другихъ украшеній позднѣйшей болгарской культуры. Тѣмъ не менѣе, самъ г. Спицынъ призналъ, что его предположеніе является не вполнѣ убѣдительнымъ, во-первыхъ потому, что Ананьинскій могильникъ остается одиночнымъ въ своемъ родѣ, во вторыхъ, что въ немъ вовсе не найдено характерныхъ для костеносныхъ городищъ костяныхъ стрѣлокъ, и въ третьихъ, что неизвѣстно вовсе городищъ съ характерными типами издѣлій Ананьинскаго могильника.

Въ такомъ положеніи былъ вопросъ о могильникахъ бронзоваго вѣка въ Прикамьѣ, когда Московское Археологическое Общество поручило изслѣдованія въ той мѣстности Ф. Д. Нефедову. Г. Нефедовъ сталъ заниматься антропологическими и этнографическими изысканіями уже болѣе 20 лѣтъ тому назадъ, по порученію Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, причемъ въ 70-хъ и 80-хъ годахъ имъ сдѣланы были также раскопки въ Владимірской губ., Тургайской области и въ городищахъ Ветлужскаго уѣзда, Костромской губ. Въ 1887 г. имъ были производимы раскопки и по порученію Московскаго Археологическаго Общества—въ Оренбургскомъ краѣ, землѣ Уральскаго казачьяго войска, Тургайской области, Самарской губ., при чемъ были констатированы и слѣды болѣе древней культуры, сходной съ Ананьинскою (бронзовые цельты въ курганахъ Самарской губ., желѣзные кинжалы въ формахъ бронзовыхъ и т. п.). Весною 1893 года г. Нефедовъ получилъ извѣстіе отъ одного изъ своихъ корреспондентовъ, что у одного селенія на Камѣ водою размыло древнія могилы съ находящимися при костяхъ мѣдными орудіями. Извѣстіе это побудило г. Нефедова обратить на него вниманіе Московскаго Археологическаго Общества, которое и поручило г. Нефедову произвести раскопки въ указанной мѣстности. Г. Нефедовъ, отправившись въ

Пермскую, Вятскую и Уфимскую губерніи, произвелъ раскопки въ могильникахъ у с. Дмитріевскаго (Котловки), у д. Ананьиной, также въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ и пріобрѣлъ покупкою нѣкоторыя интересныя древности. Въ 1894 году г. Нефедовъ получилъ отъ Московскаго Археологическаго Общества приглашеніе продолжить начатыя имъ изслѣдованія, вслѣдствіе чего имъ были произведены дополнительныя раскопки въ могильникахъ Котловскомъ и Пьяноборскомъ, также на многихъ городищахъ (текурахъ, шиханахъ) по теченію рѣкъ Камы и Бѣлой (до г. Уфы). Въ результатѣ получились довольно значительныя коллекціи, существенно расширяющія имѣющіяся свѣдѣнія о слѣдахъ бронзоваго вѣка въ Прикамьѣ.

Прежде всего заслуживаетъ вниманіе могильникъ у с. Дмитріевскаго или Котловки, открытый г. Нефедовымъ въ 1893 г. Могильникъ этотъ идетъ по обрыву праваго берега Камы, вдоль котораго тянется улица а за нею крестьянскія избы. Лѣтомъ 1893 г. г. Нефедовъ могъ вскрыть здѣсь 21 могилу съ остатками 28 покойниковъ, лежавшихъ головами къ С. и СЗ. Кости были настолько истлѣвши, что разсыпались отъ прикосновенія или отъ нихъ оставались только слѣды. При одномъ мужскомъ костякѣ по правую руку лежитъ цельтъ, около лѣвой руки бронзовый кинжалъ; въ головахъ кости животныхъ и глиняные черепки; при другомъ — у правой руки — бронзовый наконечникъ копья, выше головы — камень, около котораго бычья кость, глин. черепки и 6 бронзовыхъ пластинокъ (отъ пояса?), обернутыхъ въ какую-то ткань. При женскихъ скелетахъ оказались, у одного—бронзов. шейная гривна, въ головахъ—кости животныхъ и черепки; у другого—двѣ конькообразныхъ привѣски на плечахъ и бронзовая бусина на шеѣ, въ головахъ камень, кости животныхъ и черепки, въ ногахъ два камня; у третьяго — на головѣ бронз. бляшки изъ парныхъ кружочковъ, на шеѣ низка бусъ (одна сердоликовая), на плечахъ бронзовые коньки, у пояса узорчатая, съ привѣсками, пряжка, въ головахъ черепки и кости животныхъ. Нѣкоторыя могилы представляли частичное погребеніе; въ одной изъ такихъ оказался только черепъ, позвонки и ручные кости, причемъ у праваго плеча лежали костяныя стрѣлы, а у лѣваго — костяное долотцо и стрѣла; подлѣ черепа находился кусокъ мѣдной руды, сплавъ бронзы и обломки мѣдныхъ вещей, а выше — угли и черепки. Въ другой такой могилѣ оказался только черепъ и шейные позвонки; надъ головою лежали 2 кремневыхъ стрѣлки, 2 кремн. осколка, костяной съ орнаментомъ футляръ (или ручка), завернутый въ рогожку, кусокъ мѣди отъ руды и черепки. Лѣтомъ 1894 г. удалось отыскать еще 6 могилъ; въ одной изъ нихъ, въ головахъ лежала глиняная чашечка съ круглымъ дномъ, куски руды и черный обдѣланный камешекъ, у правой кисти 3 кремневыхъ стрѣлки, у лѣвой кисти — три бронзовыхъ стрѣлки и овальный камешекъ, въ ногахъ—бараньи кости, угли и черепки. Въ другой могилѣ — у кисти правой руки длинная кремневая стрѣлка и 6 бронзовыхъ, а у кисти лѣвой руки—бронзовый загнутый ножъ, бронзовая лопаточка и цельтъ; въ ногахъ—кости животныхъ, угли и черепки. У одного женскаго скелета на

шеѣ оказался круглый амулетъ изъ кости (черепной), съ отверстіемъ; около ушей и висковъ бронзовыя конусообразныя привѣски и бляшки, на груди—бронзовое украшеніе изъ 5 спаянныхъ колецъ, на пальцахъ правой руки 2 кольца, въ ногахъ угли и черепки. Въ другой женской могилѣ, на шеѣ костяка—бронзовая гривна и 8 бронз. бусъ, у лѣваго уха подвѣска, по бокамъ головы обломки бронзовыхъ спиралей, на поясѣ—бронз. пряжка въ видѣ веревочнаго банта и небольшая ручка (?) съ головой грифона весьма сходная съ добытой изъ Ананьинскаго могильника (у Аспелина), у правой ноги двѣ бронзовыхъ пластины (въ родѣ подошвъ) въ ногахъ—черепки и угли. У одного неполнаго скелета, въ числѣ вещей оказалась на поясѣ бляшка съ изображеніемъ хищнаго животнаго, съ поднятымъ и загнутымъ вдоль спины хвостомъ, схватившаго зайца (?), бронзовая пряжка съ городчатымъ на ней узоромъ и съ петелькой на задней сторонѣ, запонка съ изображеніемъ на ней головки какъ-бы въ коронѣ и разныя другія украшенія. Найдены были также бронзовые рыболовные крючки и маленькія бронзовыя спирали, но слѣдовъ желѣза не оказалось вовсе (за исключеніемъ, одного жел. колечка у бронзоваго рыболовнаго крючка). Сопоставляя этотъ могильникъ съ Ананьинскимъ, нельзя не видѣть многихъ чертъ сходства, напр. въ присутствіи частичныхъ погребеній, въ камняхъ у головы и ногъ покойниковъ, въ глиняной посудѣ съ круглымъ дномъ, въ бронзовыхъ цельтахъ, наконечникахъ копій и стрѣлъ, кинжалахъ, ручкѣ съ головкой грифона, птичкѣ съ петелькой (у Невоструева подобная же, но меньшей величины), также присутствіи кремневыхъ стрѣлокъ и т. д.; здѣсь не было найдено только желѣзнаго оружія, напр. желѣзныхъ кинжаловъ типа бронзовыхъ, что указываетъ, какъ-будто, на нѣсколько большую древность. Съ другой стороны—костяныя стрѣлы сближаютъ Котловскій могильникъ съ костеносными городищами, которыя напоминаетъ и бронзовая лопаточка, весьма сходная съ нѣкоторыми костяными орудіями того же типа (описанными г. Спицынымъ); амулетъ изъ черепной кости также напоминаетъ Ветлужское городище (см. о немъ статью: *Анучинъ*, „Амулетъ изъ кости человѣч. черепа“ и проч. въ „Трудахъ Вилен. Арх. Съѣзда“ I.). Наоборотъ, бронзовые коньки съ подвѣсками указываютъ какъ бы на болѣе позднюю эпоху, и такимъ образомъ какъ бы сближаютъ культуру Ананьинскаго могильника—съ одной стороны—съ культурой костеносныхъ городищъ, съ другой—съ такъ наз. болгарскою или культурой финскихъ могильниковъ средняго Поволжья.

Другой замѣчательный могильникъ, изслѣдованный г. Нефедовымъ, находится у с. Пьяный Боръ. Отсюда уже раньше были добыты характерныя большія бронзовыя грудныя бляхи, находящіяся въ Казанскомъ музеѣ, а также изображенныя и у Аспелина. Въ 1887 г. мнѣ также удалось пріобрѣсти изъ этой мѣстности, чрезъ посредство г. Суходоева, большую бляху (съ застежкой), разныя круглыя бляшки и обломки украшеній. Г. Нефедовъ могъ констатировать здѣсь слѣды нѣсколькихъ могильниковъ на возвышенныхъ частяхъ или холмахъ высокаго праваго берега Камы (второй терассы),

изолированныхъ одинъ отъ другаго дѣйствіемъ потоковъ. Холмы эти, лежащіе позади села на сѣверъ и тянущіеся вдоль берега рѣки съ востока на западъ, называются крестьянами „городищами", „шиханами", „рёлками" (болѣе острые, конусообразные холмы); на нихъ оказались слѣды трехъ могильниковъ. Первый изъ нихъ, „городище" былъ уже извѣстенъ ранѣе по находимымъ здѣсь вещамъ; теперь большая часть его размыта водой и раздута вѣтромъ, а около половины его площади застроено крестьянскими домами. Въ слояхъ черной земли и золы, гдѣ попадаются мѣстами и обломки костей, здѣсь удалось открыть остатки только двухъ женскихъ костяковъ съ разными при нихъ бронзовыми украшеніями, частью костянаго амулета, и пр., кромѣ того, среди безпорядочно разбросанныхъ костей и черепковъ были найдены бронзовые наконечники стрѣлъ, бронзовые плоскіе кружки, большая прорѣзная грудная бляха, цельтъ, спирали, фрагменты желѣзныхъ вещей и т. д., но въ особенности любопытною оказалось одна обломанная (съ негладкою, какъ бы изъѣденною поверхностью) бляха (съ петлею и крючкомъ), на которой изображены какихъ-то три животныхъ, пожирающихъ какъ бы жеребенка и видны еще части другихъ животныхъ. На западъ отъ этого могильника, около православнаго кладбища, нашлось еще нѣсколько древнихъ могилъ, въ томъ числѣ двѣ женскихъ съ разными мелкими при нихъ бусами, бронзовыми привѣсками въ формѣ бубенчиковъ и разными бляжками. Но болѣе цѣльныя и замѣчательныя погребенія были найдены на такъ наз. „рёлкѣ", гдѣ удалось отыскать семь могилъ (костяки лежали тоже головою на сѣверъ), съ полнымъ и частичнымъ погребеніемъ. При одномъ костякѣ, безъ ножныхъ костей, у правой кисти оказались: бронзовый цельтъ и кирка (или сѣкира), совершенно того же типа, какіе были найдены и въ Ананьинскомъ могильникѣ (именно съ головкою орла или грифона въ углу между передней половиной кирки и рукояткой), у лѣвой руки—бронзовый наконечникъ копья, на груди—бронзовая пуговица, круглая съ 7 отверстіями пряжка и бронзовыя бусы, нанизанныя на какой-то истлѣвшій прутикъ; на мѣстѣ ногъ лежали бараньи кости, черепки и угли. Въ другой могилѣ (въ 5 аршинахъ отъ первой) изъ костей оказались только черепъ и кости правой руки; у руки этой лежала бронзовая кирка, тоже съ орлиной головкой, но совершенно особаго типа (задняя половина кирки въ формѣ заостреннаго уха или крыла), два цельта и бронзовый наконечникъ копья съ боковыми выступами, покрытыми узоромъ (насѣчкой); на мѣстѣ ногъ тоже лежали угли, черепки и бараньи кости. Въ другихъ могилахъ были найдены бронзовые цельты, бронзовыя бляшки на головахъ, бронзовый браслетъ на рукѣ, бронзовыя кольца, спирали, одна бронзовая гривна на шеѣ, бронзовыя иглы, маленькая прорѣзная бронзовая чашечка, бронзовыя пластины въ формѣ подошвъ около ногъ, разныя привѣски, бляшки (между прочимъ изъ парныхъ полуцилиндриковъ) и пр. Въ числѣ бусъ есть изъ желтаго янтаря, красной пасты, синяго стекла, чернаго гагата, но многогранныхъ сердоликовыхъ и изъ горнаго хрусталя – нѣтъ. Характеръ погребеній и найденные при костякахъ предметы указываютъ во-

обще на культуру, сходную съ Ананьинскою. Многія издѣлья, напр. цельты, кирки, спирали, круглыя и парныя цилиндрическія бляшки—представляютъ, можно сказать, дублеты Ананьинскихъ. Любопытно, что здѣсь встрѣчаются нерѣдкіе слѣды желѣза, но не было найдено ни костяныхъ стрѣлъ, ни коньковъ и другихъ шумящихъ подвѣсокъ.

Г. Нефедовъ посѣтилъ таже окрестности с. Каракулина (выше по Камѣ), гдѣ въ 1893 г. профессоръ И. Н. Смирновъ нашелъ тоже слѣды древняго могильника, въ которомъ однако ему удалось найти только одинъ бронзовый наконечникъ копья, нѣсколько мѣдныхъ пряжекъ и обломковъ и глиняные черепки. По словамъ г. Нефедова мѣстность эта извѣстна у населенія подъ названіемъ „Клестъ"; она оказалась засѣянною хлѣбомъ, а потому раскопки въ ней оказались невозможными. По обрыву берега, впрочемъ, удалось констатировать слѣды нѣсколькихъ могилъ, въ которыхъ были найдены: привѣска бубенчикомъ, пластинка съ узоромъ и петлей и нѣсколько бляшекъ.— Что касается Ананьинскаго могильника, то онъ посѣщенъ былъ Нефедовымъ еще ранѣе, въ 1891 г., а затѣмъ въ 1893 и 94 гг., причемъ въ 1891 г. ему удалось отыскать тамъ нѣсколько, еще нетронутыхъ могилъ, а въ послѣдующіе пріѣзды собрать еще серію вещей, въ томъ числѣ—цельты, наконечники стрѣлъ, желѣзный кинжалъ типа бронзовыхъ, разныя пластинки и бляшки (въ томъ числѣ характерныя изображенія какихъ то животныхъ, въ родѣ жуковъ) и т. д.

Въ с. Чеганда г. Нефедовъ встрѣтилъ одного крестьянина, у котораго оказалось нѣсколько мѣдныхъ пуговицъ и бляшекъ, найденныхъ имъ при раскопкахъ поля. Крестьянинъ согласился показать мѣсто, гдѣ были найдены вещи и за извѣстное вознагражденіе дозволить раскопку на засѣянномъ полѣ. На глубинѣ $^3/_4$—1 аршина здѣсь посчастливилось напасть на кладъ: въ одномъ мѣстѣ оказалась грудка изъ 60 парныхъ бронзовыхъ полуцилиндриковъ (г. Теплоуховъ считалъ ихъ за игольники, но, очевидно, это части поясного или иного набора); далѣе нашлась кучка изъ 27 штукъ подобнаго же набора въ видѣ парныхъ развилокъ или загнутыхъ на концахъ и заостренныхъ парныхъ трубочекъ; затѣмъ—кучка бляшекъ въ видѣ трехпалыхъ лапокъ съ перепонками и съ кружочками на концахъ и наконецъ — кучка круглыхъ пуговицъ и небольшихъ плоскихъ дисковъ. Всего нашлось безъ малаго до 200 вещицъ, подобныя которымъ были встрѣчены отчасти и въ могильникахъ, а также на нѣкоторыхъ городищахъ по Камѣ и Бѣлой.

Изъ городищъ, г. Нефедовымъ было изслѣдовано 8, именно: 1) Чертово городище близь г. Уфы, на правомъ берегу р. Уфы; 2) Городище близь Благовѣщенскаго завода, на правомъ берегу р. Бѣлой; 3) Ханское городище, на Бѣлой, близь башкирскаго села Новаго Медведова; 4) Городище близь д. Ильнешь, Сарапульскаго уѣзда; 5) „Городокъ" у д. Муновой; 7) у с. Свиногорья, въ Елабужскомъ у. и 8) у д. Грохань, на правомъ берегу Камы, Мамадышскаго у., Казанской губерніи.

На городищѣ у завода Благовѣщенскаго были найдены такія же брон-

зовыя бляшки въ видѣ лапокъ и парныхъ полуцилиндриковъ, какъ и въ Чегандѣ, кромѣ того бронзовыя стрѣлки, кремневое орудіе и большое желѣзное копье. Ханское городище дало только глиняные черепки. Въ городищѣ у д. Муновой нашлись разныя мелкія бронзовыя вещицы, а въ городищѣ у д. Ильнешь—костяная обломанная рогулька съ отверстіемъ, бронзовое изображеніе лошади (каждая пара ногъ въ видѣ одного жгутика, которые соединены внизу также витой перекладиной), желѣзный мечъ и наконечникъ булавы съ выступами, совершенно той жо формы, какъ изображенныя г. Лахачевымъ въ его атласѣ Билярскихъ древностей. Въ земляномъ валу у с. Свиногорья найдены были бронзовыя и желѣзныя стрѣлы, желѣзные ножи и каменный молотокъ съ желобкомъ вокругъ. Но особенно замѣчательнымъ должно быть признано городище у д. Грохань, на правомъ берегу Камы, немного ниже устья р. Вятки; валъ этого городища ссыпанъ изъ земли и камней. Здѣсь за валомъ удалось найти одну могилу, съ костякомъ, лежавшимъ головою къ югу; около черепа оказались сосуды изъ листовой мѣди, а далѣе на площадкѣ разныя костяныя, бронзовыя и желѣзныя вещи. Въ валу, ниже его основанія на аршинъ, открылись „каменки", печи съ толстыми слоями около нихъ золы, костей животныхъ и черепковъ. Между костями и черепками было найдено нѣсколько любопытныхъ вещей, какъ-то: короткій бронзовый цельтъ; мѣдная ручка отъ желѣзнаго ножа, съ кольцомъ, покрытая узорами изъ кружковъ, спиралей и городковъ; желѣзный ножъ съ длинной загнутой рукояткой; бронзовая пластина (въ родѣ подошвы), но загнутая и съ гвоздиками; глиняный кружокъ съ изображеніемъ на немъ многихъ головокъ грифоновъ; бронзовый большой плоскій кружекъ (тарелка?); мѣдный, особенной формы, наконечникъ копья, почти совершенно похожій на такой же, найденный здѣсь же, костяной—изъ срѣзанной трубчатой кости, и другія.

Отъ городищъ г. Нефедовъ отличаетъ „Текуры", громадныя изолированныя земляныя насыпи на поемныхъ мѣстахъ, но никогда въ разливы не затопляемыя. Два такихъ „Текура" находятся въ долинѣ р. Тоймы, близь с. Тиханова или Пустобаева, и два по обоимъ берегамъ р. Бѣлой, недалеко отъ ея устья. Въ большомъ текурѣ у Пустобаева (съ окружностью, при основаніи, до 200 сажень) найдены были при раскопкахъ: кремневыя стрѣлки, овальный камешекъ съ узоромъ, бронзовый наконечникъ копья съ боковыми прорѣзами, сланцевые топорики, бруски и т. д. Въ текурѣ на правомъ берегу Бѣлой (напротивъ Чеганды) оказались такія же бронзовыя украшенія, какъ и тамъ, бронзовыя стрѣлки, кружки, мѣдный цельтъ съ ушкомъ, желѣзные ножи и наконечникъ копья.

Кромѣ того, г. Нефедовымъ добыты; изъ „Старыхъ Селищъ"—близь д. Ананьиной—любопытное бронзовое изображеніе лошади, овальная прорѣзная бляшка съ крестомъ внутри и бронзовый трехлопастной листикъ; при урочищѣ Гремучій ключъ—желѣзный кинжалъ типа бронзовыхъ и большія желѣзныя удила (въ родѣ тѣхъ, какія были найдены въ Ананьинскомъ мо-

гильникѣ); изъ окрестностей с. Новаго Медвѣдова—желѣзный шлемъ (мисюрка) съ кольчужнымъ покрытіемъ для шеи и изъ Чердынскаго уѣзда—такъ наз. чудскіе образки, серьги, желѣзныя стрѣмена, топоръ и 2 ральника.

Изъ сказаннаго видно, что изслѣдованія г. Нефедова во многомъ дополнили имѣвшіяся данныя о доисторическихъ древностяхъ Прикамья. Открыты и изслѣдованы новые могильники Ананьинскаго типа (Котловскій и на „рёлкѣ" у с. Пьяный Боръ), причемъ найдены предметы какъ совершенно сходные съ Ананьинскими, такъ и оригинальныхъ типовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ добыты данныя, доказывающія связь этой культуры съ культурой костеносныхъ городищъ съ одной стороны и съ позднѣйшей болгарской—съ другой, открыто также нѣсколько городищъ и „текуровъ", отчасти близкихъ къ эпохѣ Ананьинскаго могильника, отчасти болѣе позднихъ, добыты любопытные предметы изъ городища у д. Грохань, открытъ цѣлый кладъ бронзовыхъ украшеній у с. Чеганды и получены разныя вещи изъ многихъ находокъ по Камѣ, Бѣлой и изъ Чердынскаго уѣзда. Если принять во вниманіе изслѣдованія и раскопки, произведенныя г. Нефедовымъ ранѣе, въ Уфимской, Самарской, Оренбургской губ. и Тургайской области и давшія значительныя коллекціи, имѣющія быть описанными въ изданіяхъ Мос. Археологическаго Общества, то нельзя не признать, что едва-ли кто поработалъ болѣе за послѣдніе годы для изслѣдованія на мѣстѣ приуральскихъ и прикамскихъ древностей, чѣмъ г. Нефедовъ, раскопки котораго значительно обогатили имѣвшіяся коллекціи и существено расширили фактическія свѣдѣнія о доисторической эпохѣ Приуралья.

Д. Анучинъ.

III

Первый международный съѣздъ христіанскихъ археологовъ въ Сплѣтѣ (Spalato).

$\frac{8-10}{20-22}$ августа 1894 года.

Страхъ холеры, обуявшій въ 1893 году Европу, былъ причиною отмѣны перваго съѣзда христіанскихъ археологовъ, назначеннаго было на 3—8 сентября н. ст., и перенесенія его на 20 — 22 августа н. с. 1894 года.

У подготовительнаго комитета явился, такимъ образомъ, цѣлый годъ, которымъ комитетъ и воспользовался какъ нельзя лучше: ко дню открытія съѣзда появилось четыре спеціальныхъ изданія, ему посвященныхъ.

Для пріѣзжихъ членовъ съѣзда наиболѣе полезенъ былъ, конечно, путеводитель по Сплѣту и Солину (развалинамъ древней Салоны), вышедшій

одновременно двумя изданіями: хорватскимъ и итальянскимъ. Prof. d-r L. Jelić, Mons. Dir. Fr. Bulić. Prof. S. Rutar.

Vodja po Spljitu i Solinu.	Guida di Spalato e Salona, versione dal croato.

in 8°, стр. 280 съ 20 табл. рисунковъ. Задръ (Zara). 1894 годъ.

Этотъ тщательно составленный и весьма подробный путеводитель въ началѣ (стр. 1 — 10) даетъ необходимыя практическія свѣдѣнія о Сплѣтѣ, затѣмъ слѣдуетъ историческое введеніе, состоящее изъ очерковъ топографіи [1]) и исторіи области древней Салоны, исторіи самого города Салоны и исторіи Сплѣта (10—64); наибольшая же часть книги (65—222) посвящена описанію памятниковъ Сплѣта и салонскимъ древностямъ, хранящимся нынѣ въ трехъ складахъ, временныхъ музеяхъ, въ Сплѣтѣ.

Главная достопримѣчательность Сплѣта, дворецъ Діоклетіана, вмѣщавшій нѣкогда въ стѣнахъ своихъ весь городъ Сплѣтъ, описана на столько подробно, на сколько позволяла это авторамъ существующая литература, до сихъ поръ оставляющая, какъ извѣстно, этотъ замѣчательный памятникъ безъ достаточнаго вниманія: являются обширныя изслѣдованія о дворцахъ Рима и Константинополя, а связующее ихъ между собою звено все еще остается не изслѣдованнымъ въ достаточной степени, хотя большое количество дворцевъ Запада и Востока, древнѣйшихъ и позднѣйшихъ, даютъ для этого богатый матеріалъ. Авторы путеводителя не могли, разумѣется, подъять на себя столь обширной работы: они считаютъ знаменитую ротонду дворца (нынѣ соборъ) мавзолеемъ Діоклетіана, основываясь на словахъ Константина Багрянороднаго (ed. Bonn., III, p. 137) о церкви этой: *ὅπερ ἦν κοιτὼν τοῦ αὐτοῦ βασιλέως Διοκλετιανοῦ*,—и доказываютъ, что наименованіе ротонды храмомъ Діаны — новѣйшая выдумка; а для объясненія являющагося въ XI-мъ вѣкѣ наименованія этого же зданія templum Jovis предполагаютъ смѣшеніе имени Діоклетіана Iovius съ самимъ Юпитеромъ (стр. 93). Авторы привели все, что могли найти, о значеніи архитектурныхъ формъ и орнаментаціи дворца (стр. 82—85); но, сколь мало изслѣдована еще послѣдняя, видно изъ того напр., что ни въ путеводителѣ, ни въ спеціальной статьѣ сплѣтскаго уроженца архитектора *Hauser*'а [2]) не нашли мы даже упоминаній о двухъ мужскихъ рогатыхъ головахъ подъ консолями колоннъ Золотыхъ Воротъ, тѣмъ менѣе объясненій, суть ли это чисто декоративныя изображенія, или же онѣ имѣютъ какую-либо связь съ восточными рогатыми божествами [3]), вопросъ тѣмъ болѣе интересный, что подобныя изображенія встрѣчаются и на иныхъ римскихъ памятникахъ [4]). Описаніе ротонды сопровождается исторіей всѣхъ

---

[1]) Съ таблицею I-й: Arkeologična karta Solina i okolice.

[2]) Spalato und die römische Monumente Dalmatiens. Wien. 1883.

[3]) См., напр., рѣзной камень у Millin. Gallerie mythologique, pl. LXXV, № 311. Изображенія головъ этихъ на рис. Adams'а, конечно, не точны.

[4]) Двѣ рогатыхъ головы изъ Cilli у Conze. Römische Bildwerke einheimischen Fundort in Oesterreich. taf. XVI, A. B. и стр. III, 12—13, гдѣ однако о сплѣтскихъ головахъ

передѣлокъ, которымъ она подвергалась, будучи обращена въ соборъ, вплоть до послѣдней реставраціи архитекторомъ Перишичемъ по проектамъ Hauser'a, оконченной въ 1885 году; описаніе соборной ризницы украшено изображеніями нѣкоторыхъ древностей ея (табл. XII) и снимкомъ съ письма латинскаго евангелія VIII-го вѣка (табл. XIII), подробное описаніе котораго издано было къ съѣзду соборнымъ каноникомъ Девичемъ [5]).

Подробное описаніе реставрируемой нынѣ колокольни, построенной на мѣстѣ входнаго портика ротонды въ теченіе XIII—XVII вѣковъ [6]), и соборнаго баптистерія, устроеннаго въ XIII в. въ храмѣ, называемомъ въ XIII в. храмомъ Асклепія, а нынѣ безъ достаточныхъ на нашъ взглядъ основаній считаемъ авторами (117) храмомъ Юпитера Капитолійскаго, гдѣ особенно интересна купель, изъ древнихъ плитъ съ рельефами, относимыми къ XI в. [7]), кончаетъ описаніе древностей бывшаго дворца Діоклетіана.

Слѣдуетъ далѣе обширное описаніе всѣхъ трехъ отдѣленій археологическаго музея, почти всѣ древности котораго происходятъ изъ раскопокъ, ведущихся въ Салонѣ съ начала нынѣшняго столѣтія. Это подробное описаніе (стр. 120—199) важнѣйшихъ древностей является вмѣстѣ съ тѣмъ и первымъ каталогомъ [8]) музея, такъ какъ тутъ помянуты всѣ почти чѣмъ-либо интересные предметы. Нѣкоторыя изъ древностей музея изображены на таблицахъ XIV, XV, XVI и XVII, заимствованныхъ изъ изданія Oesterreich in Bild und Wort, а таблицы XIII, XVIII и XIX содержатъ вновь изготовленные рисунки мелкихъ древностей [9]).

Послѣдняя глава первой части описываетъ прочія древности и достопримѣчательности Сплѣта и его ближайшихъ окрестностей.

Слѣдующая часть (стр. 223—260) посвящена развалинамъ Салоны и

также не упоминается: von dieser Darstellung des Kopfes eines Stiermenshen ist mir, говоритъ авторъ, ausserhalb Cilli in Noricum oder angrenzenden Gebieten kein weiteres Beispiel bekannt, als auf dem Salzburger Mosaikfussboden (см. Arneth. Archeol. Analecten, taf. VII, но тамъ голова иного характера).

5) G. Devich. L'evangeliario Spalatense supplemento al Bulletino di Archaeologia e Storia Dalmata. a. 1893—1894.

6) Романскіе рельефы ея изданы на VI-ой таблицѣ въ Ephemeris Spalatensis; см. ниже.

7) Планъ баптистерія и плиты эти изданы въ Ephemeris Bihacensis на табл. XIV—XVI.

8) Вышелъ лишь каталогъ надписей: Mons. Fr. Bulić. Inscriptiones quae asservantur in I. R. Musaeo Salonitano. Spalati, 1887.

9) Находящіяся въ числѣ ихъ стеклянные кружки съ надписью: ἐπὶ ἰωάννου ἐπάρχου не суть „монеты", какъ названы они на стр. 173; см. о нихъ статью C. Ott. Castignoli въ Giornali dell' I. R. Istituto Lombardo. T. I (1847), p. 118 sq.; о нихъ же Karabaček. Wiener Numismatische Zeitschrift. XI (1879), стр. 404 и сл., который думалъ, что они были destinati a verificare il peso delle movete (p. 123), и издалъ рядъ подобныхъ кружковъ съ греческими (табл. III, 43—46; ср. Guida di Spalato, табл. XIX, 461 и 462) и арабскими надписями. О подобномъ кружкѣ съ арабскою надписью X вѣка, найденномъ въ Салонѣ, говоритъ prof. W. Neumann, принимающій мнѣніе Кастиньоли (см. Dalmatische Küstenstädte, Separatat-Abdruck der Beilage zu № 1 Monatsblätter des Wissenschaftlichen Club in Wien vom 5 October 1893, стр. 13).

произведеннымъ тамъ раскопкамъ. Приложенные планы всего города (II) и важнѣйшаго христіанскаго некрополя „Манастирине“ (III) позволяютъ оріентироваться не только при чтеніи описанія, но и при посѣщеніи самихъ развалинъ, разбросанныхъ среди виноградниковъ и хуторовъ прекрасной равнины, спускающейся отъ горъ къ морю. Изъ рисунковъ салонскихъ древностей (табл. XX—XXII) обратимъ вниманіе нашихъ читателей на планъ баптистерія и рисунокъ найденной тамъ нѣкогда мозаики (табл. XXI): два оленя „стремятся на источники водъ“, но не на дѣйствительный источникъ, а къ чашѣ съ водою, ибо мастеръ подъ словомъ fons понималъ не источникъ πηγή, а φιάλη—чашу или бассейнъ въ атріумѣ, или купель (fons baptismatis), хотя самый бассейнъ баптистерія имѣлъ иную форму—онъ былъ углубленъ въ землю, подобно тому какъ въ Херсонесѣ.

Особенно интересно сходство плана баптистерія этого съ херсонесскимъ: а именно двумя обширными помѣщеніями по сторонамъ восьмиугольнаго баптистерія. Не менѣе интересны капители четырехъ колоннъ, въ немъ найденныя, нынѣ въ I музеѣ (см. стр. 140, гдѣ стиль ихъ названъ „древне-христіанскимъ“ и рисунокъ одной на стр. 32 въ Ephemeris Salonitana) изъ бѣлаго съ синеватыми прожилками мрамора, богато украшенныя ажурной рѣзьбою изъ листьевъ, птичекъ, клюющихъ ягоды, рогами изобилія, павлинами съ распущенными хвостами и по угламъ прекрасно сдѣланными грифонами: весь стиль, напоминающій капители Равенны, Ѳессалоники и иныхъ мѣстъ Востока; и самый матеріалъ явно указываетъ, что эти капители происходятъ изъ одного общаго съ ними источника, а именно, какъ недавно прекрасно доказалъ это А. Л. Бертье Делагардъ [10]) изъ каменоломень Проконесса.

Особенно тщательно и подробно описана, конечно, большая базилики и окружающія ее маленькія усыпальницы и гробницы „Манастирине“ [11]), гдѣ покоились нѣкогда тѣла салонскихъ мучениковъ, гробницы которыхъ, засвидѣтельствованныя надписями, найдены были здѣсь при систематическихъ раскопкахъ, веденныхъ сперва проф. Главиничемъ, а затѣмъ Буличемъ. Послѣдняя часть (261—278) содержитъ довольно краткія свѣдѣнія о Трогирѣ (Trau), Шибеникѣ (Sebenico), Книнѣ и другихъ городкахъ вплоть до устья Наренты, до Метковича, откуда идетъ ж. д., связавшая нынѣ Далматинское прибрежье съ Венгріей.

Таково содержаніе этого путеводителя, образцоваго по тщательности описаній, точности данныхъ, и осторожности въ гипотезахъ: такой гидъ, имѣющій въ виду не праздныхъ туристовъ, только и могъ быть составленъ лицами, не только издавна занимающихся описываемыми древностями, но и извлекшими многія изъ нихъ изъ подъ земли на свѣтъ Божій. Но если авторомъ этого образцоваго путеводителя приходилось въ немъ по самой сущности книги ограничиваться компилляціями, правда, своихъ же по большей ча-

---

[10]) Изслѣдованія Древняго Херсонеса. О херсонесскомъ баптистеріи, тамъ же, стр.

[11]) См. статью Елича „Das coemeterium von Manastirine zu Salona въ Römische Quartalschrift за 1891 г. и его же статьи въ Ephemeris Salonitana (см. ниже).

сти научныхъ изслѣдованій, то три остальныхъ изданія представляютъ уже сборники чисто научныхъ статей.

Ephemeris Salonitana qua monumenta sacra praecipue Salonitana in honorem I-mi Congressus christianae antiquitatis cultorum consilio et auctoritate C. R. Musaei archaeologici Salonitani illustrantur. Jaderae 1894 in 4°, стр. 58, съ 6 таблицами и рис. въ текстѣ—представляетъ согласно международному характеру съѣзда собраніе статей разныхъ авторовъ на разныхъ языкахъ.

Dr. A. de Waal—Der Fisch auf den christlichen Monumenten von Salona—сопоставилъ на табл. III нѣсколько изображеній рыбы на различныхъ древностяхъ изъ Салоны.

A. Hytrek.—Starokršćansko grobište Sv. Sinerota u Sriemu—даетъ краткое описаніе, сопровождаемое чертежами, раскопокъ, произведенныхъ имъ въ 188²/₃ году на мѣстѣ древняго Срѣма (римскій Sirmium, нынѣ Митровица) съ цѣлью найдти базилику св. Синерота, мученика временъ Діоклетіана, указаніе на которую встрѣтилось въ двухъ найденныхъ близь Митровицы надписяхъ. На одной таблицѣ (I-ой) авторъ даетъ планъ своихъ раскопокъ и по незначительнымъ остаткамъ кирпичныхъ стѣнъ возстановляетъ слишкомъ смѣло, на нашъ взглядъ, искомую базилику, а на другой (II-ой)—изображены раскопки базилики св. Димитрія, по предположенію автора, гдѣ, дѣйствительно, судя по плану [12]), найдены были двѣ базилики, изъ коихъ одна интересной формы—въ видѣ четвероугольника съ абсидами на три стороны—спеціально примѣнявшейся для надгробныхъ церквей, какъ, напр., Ss. Sisto e Cecilia близь Рима [13]). Стр. 11 и 12 содержатъ рисунки съ краткимъ текстомъ къ раскопкамъ 1892 года въ Салонѣ, въ такъ называемомъ „Марусинцѣ", гдѣ, судя по надписямъ, покоился нѣкогда муч. Anastasius Corniculariusъ; вокругъ гробницы его выросло впослѣдствіи христіанское кладбище, какъ около гробовъ мучениковъ въ „Монастирине".

P. Thomas Maria Wehofer напечаталъ статью: Zur decischen Christenverfolgerung und zur Charakteristik Novatians, ein Beitrag zur Kirchengeschichte des dritten Jahrhunderts.

Непосредственно древностямъ Салоны посвящена статья *Prof. Dr. L. Jelić*'a: I monumenti scritti e figurati dei martiri Salonitani del cimitero della Lex sancta christiana (оно же и Манастирине) con tav. IV e V.

I-я часть заключаетъ новое изданіе по ркп. X в. сказанія, считаемаго проповѣдью какого-либо салонскаго епископа IV вѣка, о смерти Анастасія Фуллона: въ концѣ сказанія говорится о погребеніи тѣла его нѣкоей Асклепіей in terrioria salonitana и о построеніи надъ нимъ базилики.

II-я часть: le iscrizioni dei martiri, трактуетъ о найденныхъ около остатковъ этой самой базилики 10 надписяхъ съ именами мучениковъ изъ числа шестнадцати салонскихъ мучениковъ.

---

[12]) Описаніе раскопокъ авторъ отлагаетъ для Трудовъ Съѣзда.

[13]) См. Holtzinger, Altchristl. Architektur, fig. 177.

Въ толкованіи многихъ надписей, относимыхъ къ собственнымъ гробницамъ мучениковъ или мѣстамъ, куда тѣла ихъ положены были позднѣе, когда воздвигнута была на мѣстѣ погребенія Анастасія Фуллона большая базилика въ замѣнъ древней маленькой, авторъ расходится иногда съ прежними толкованіями Булича, де-Росси и даже Моммсена и предлагаетъ свои собственныя, иногда болѣе удачныя, каково, напр., чтеніе монограммъ на саркофагѣ мч. Гаіона, несомнѣнно болѣе вѣрное, нежели чтеніе, предложенное покойнымъ де-Росси.

III-я часть: I monumenti figurati, сперва описываетъ мозаику въ капеллѣ св. Венанція въ Латеранѣ (рис. на табл. V, 12), куда перенесены были въ 641 г. папою Іоанномъ IV тѣла десяти салонскихъ мучениковъ, которые и изображены на мозаикѣ этой, а затѣмъ весьма интересный памятникъ, найденный въ Салонѣ и доставленный на съѣздъ въ оригиналѣ изъ Загребскаго музея, гдѣ онъ хранится (рис. на табл. V, рис. 11). Это мраморная плита прямоугольная съ одной стороны и полукруглая съ другой, углубленная въ срединѣ и украшенная по широкимъ возвышающимся краямъ плоскими рельефными изображеніями на прямой сторонѣ Іоны, а на образующихъ аркаду 6 фигурами со свитками и крестами, стоящими подъ аркадами. Плита сломана вдоль и осталось менѣе половины: всѣхъ фигуръ, должно было быть 19. Исходя изъ формы плиты этой и расположенія фигуръ авторъ предполагаетъ, что плита эта стояла вертикально въ алтарѣ, какъ преграда „pettorale“, и дѣлаетъ невозможную, на нашъ взглядъ, гипотезу о существованіи нѣкоторой связи между этой плитою и мозаической росписью абсиды св. Венанція. Назначеніе этой плиты остается для насъ непонятнымъ: находящійся въ Вѣнскомъ музеѣ (Зала IX, витр. VIII, № 149) обломокъ, но съ языческими изображеніями, показываетъ, что назначеніе салонской плиты могло быть и чисто практическое, безъ всякаго отношенія къ церкви; если назначеніе виддинскаго фрагмента вѣрно опредѣлено Schneider'омъ (въ Uebersicht der Kunsthistorischen Sammelungen des Allerhöchsten Kaiserhauses. Wien. 1894, стр. 76), какъ плоскаго квадратнаго бассейна, стоявшаго на одной ножкѣ, то съ одной стороны надо то же назначеніе приписать и салонской плитѣ, а съ другой предположить, что и виддинскій бассейнъ былъ не квадратный и при значительной величинѣ не могъ стоять на одной лишь ножкѣ.

Prof. I. P. Kirsch — Le Bon Pasteur sur les monuments chrétiens de Salone — описываетъ сперва по отдѣльности изображенія Добраго Пастыря на различныхъ памятникахъ, изображенныхъ на стр. 35-й, а затѣмъ дѣлаетъ общія замѣчанія, въ которыхъ приходитъ къ предположенію объ особой школѣ скульпторовъ въ Салонѣ, „какъ, напр., въ Равеннѣ“, на томъ лишь основаніи, что на двухъ саркофагахъ Добрый Пастырь „носитъ палліумъ или, м. б., родъ хламиды поверхъ туники — особенность, которая происходитъ, вѣроятно, отъ костюма, носившагося въ эту эпоху далматинскими пастухами“ (стр. 36). Но неужели авторъ полагаетъ, что пастухи прочихъ мѣстъ могли

обходиться безъ плащей и довольствоваться во всякое время года одной рубахой? Кромѣ того, это предположеніе о мѣстной школѣ, „какъ, напр., въ Равеннѣ“, высказано какъ разъ по поводу большаго, прекраснаго саркофага [11]) „en marbe blanc avec des veines de couleur bleuâtre“, т. е. изъ мрамора проконесскаго. А потому и является у насъ, слѣдуя прекрасной гипотезѣ Бертье-Делагарда, именно по поводу Равенны, предположеніе: не привезенъ ли и этотъ саркофагъ готовымъ изъ каменоломень Мраморнаго моря? Указываемое авторомъ сходство плиты отъ преграды (№ 7) съ равеннскимм саркофагами (а также многими иными плитами Востока и Запада изъ того же проконесскаго мрамора) также проще всего объяснится этой гипотезой. То же происхожденіе можно предполагать и для № 6, считаемаго авторомъ за фрагменты саркофага, тогда какъ это (II музей № 161, Д) статуэтка, основаніе которой находится въ томъ же музеѣ (№ 160, Д), подобная указываемымъ авторомъ статуэткамъ Рима, Греціи и Константинополя, а также—кромѣ капителей баптистерія (см. выше) — для фрагмента капители того же византійскаго стиля съ бычачьими головами (I музей, III комната, № 45 Д), для витой колонны, вложенной въ ворота, ведущія къ „Манастирине“, и для другихъ издѣлій изъ бѣлаго съ синеватыми прожилками проконесскаго мрамора.

Кончается Ephemeris Salonitana обширной статьей *Jos. Wilpert'a*: Die altchristliche Inschriften Aqiuleja's (37—57), гдѣ изданы въ прекрасныхъ факсимиле 16 избранныхъ христіанскихъ надписей Аквилеи, интересныхъ помимо ихъ содержанія начерченными при нихъ изображеніями то орантъ, то умершихъ, изображеніями, которыя авторъ старается объяснить символически: такъ напр., № 16, мужскую фигуру, держащую лѣвой рукой за ушко большую амфору, а правой поднявшую молотокъ, авторъ толкуетъ какъ символическое изображеніе тлѣнности плоти, т. к. зачастую она сравнивается съ сосудомъ: въ Peristephanon V. 301—304 ангелъ говоритъ мученику:

„Pone hoc caducum vasculum
Compage textum terrea
Quod dissipatum solvitur
Et liber ad coelum veni“.

„Стоитъ, говоритъ авторъ, вставить вмѣсто „pone“ равно значущее ему „rumpe“, и получится возможность этимъ текстомъ объяснить это изображеніе“. Хотя вообще символическіе толкованія намъ не по душѣ, но въ этомъ нельзя не признать большаго остроумія. Въ числѣ иллюстрацій этого сборника кромѣ относящихся къ статьямъ находятся еще виды Салоны въ концѣ XVII-аго и XVIII-аго вѣка.

Ephemeris Spalatensis qua monumenta inprimis Spalatensia in honorem I Congressus christianae antiquitatis cultorum consilio et auctaritate VI virorum

---

[11]) О немъ существуетъ цѣлая литерата; она указана Еличемъ въ вышеупомянутой статьѣ его въ Römische Quartalschrift 1891 года, гдѣ онъ снова издалъ на табл. III-IV и объяснилъ этотъ саркофагъ.

instruendo Congressui Societatis archaeologicae historicae Bihač, nec non ephemeridis archaeolgicae historicae Dalmatiae illustrautur. Jaderae 1894 in 4° стр. 40 съ рис. въ текстѣ и 6 таблицами.

Первая статья *Л. Елича*: Prvobitno opredeljenje Spljetske stoljne crkve (стр. 1—4), доказываетъ высказанное въ путеводителѣ мнѣніе о первоначальномъ назначеніи ротонды и храма.

Главнымъ доказательствомъ является (приведенное уже выше) свидѣтельство Константина Багрянороднаго, что храмъ св. Дуйма былъ нѣкогда у Діоклетіана „китономъ" *(κοιτὼν)*, что авторъ безо всякихъ оговорокъ переводитъ „усыпальница", хотя слово это никогда въ такомъ значеніи не употреблялось, обозначая всегда лишь „спальню" „cubiculum", (см. Боннское изд. Константина Б., т. II p. 520—521); говоря же объ усыпальницахъ императоровъ, Константинъ употребляетъ античное слово *ἡρῷον* (ib. I pp. 642—644, ср. II, p. 756). Поэтому авторъ ошибается, переводя слово *κοιτὼν*, какъ „усыпальница" (*κοιμητήριον*, mausoleum). Итакъ это доказательство—невѣрно. Но изъ этого все же не слѣдуетъ, чтобы не вѣрна была мысль автора о томъ, что ротонда была дѣйствительно мавзолеемъ Діоклетіана: дѣло въ томъ, что разсказы Константина о дворцѣ вовсе не столь авторитетны, чтобы ихъ цѣликомъ принимать: въ то время дворецъ уже сильно разрушился (III, p. 126—137), и авторъ, очевидно, назначеніе сохранившихся частей угадывалъ лишь, какъ то приходится дѣлать теперь; такъ подвалы въ субструкціяхъ ротонды объяснялъ онъ (III, p. 138), какъ темницы мучениковъ, колоннады внутреннихъ дворовъ, какъ основанія платформы для задуманнаго якобы Діоклетіаномъ воздушнаго замка, (III, p. 57), и церковь св. Дуйма, какъ „китонъ" (III, p. 137). Очевидно нельзя принимать на вѣру этихъ догадокъ. Иное дѣло, почему въ ротондѣ этой онъ видѣлъ „китонъ"; какъ раньше J. v. Schlosser [13]) видитъ „consistorium", очевидно потому, что для этого покоя употребительна была круглая форма. Но этого одного, очевидно, недостаточно,—и ротонда могла быть въ дѣйствительности мавзолеемъ, а не китономъ Діоклетіана, и мнѣніе Елича весьма вѣроятно, но только текстъ Константина говоритъ противъ него и никакъ въ подтвержденіе мнѣнія этого проводимъ быть не можетъ. Сказать же что либо рѣшительное до спеціальнаго разбора кѣмъ либо топографіи дворца Діоклетіана кажется намъ невозможнымъ.

Мнѣніе Lanzi, якобы ротонда была храмомъ Діаны, а храмъ (баптистерій)—усыпальницей Діоклетіама, справедливо опровергается авторомъ, хотя нѣкоторые изъ 12 пунктовъ возраженій и не кажутся намъ вполнѣ справедливыми, напр.: можно найдти сколько угодно мавзолеевъ въ формѣ храма inantis и въ Сиріи, и въ Африкѣ (пунктъ 7), сфинксы же ничего о назначеніи самаго зданія свидѣтельствовать не могутъ, т. к. римляне употребляли ихъ просто для декораціи и не однихъ только мовзолеевъ, да и у Египтянъ сфин-

---

[13]) Sitzungsberichte d. Wiener Akademie. Ph. Hist. Cl. CXXIII, 1 стр. 53. (1891).

ксы вовсе небыли „izključivi simboli smrti“ (пунктъ II) и ставились часто передъ храмами, не имѣвшими никакихъ отношеній къ культу мертвыхъ. *Dr. A. de Waal* своимъ Relazione di un viaggio archeologico in Dalmazia (въ римской Academia dell' archeologia sacra), стр. 5—8, ничего новаго читателямъ сборниковъ не даетъ.

Обширная статья (стр. 9—22) *Dr. Alb. Ehrhard*'a: „Die altchristliche Prachtthüre von S. Sabina iu Rom uud die Domthüre von Spalato“, пересматриваетъ еще разъ рельефы св. Сабины, даетъ нѣкоторымъ изъ нихъ новыя толкованія и опредѣляетъ время ихъ изготовленія VI-ымъ вѣкомъ, т. к. ранѣе дверь завѣшивалась завѣсою (velum), которая могла служить по крайней мѣрѣ 70—80 лѣтъ послѣ основанія церкви въ 430 г. Но авторъ самъ приводитъ на рельефѣ одного соркафага примѣръ одновременнаго употребленія и завѣсы и дверей (стр. 19). Авторъ признаетъ важнѣйшее значеніе вопроса о принадлежности дверей этихъ римской или византійской школѣ, но самъ его не разсматриваетъ, почему, какъ намъ кажется, онъ только и можетъ согласиться съ порадоксальнымъ мнѣніемъ, якобы двери гильдесгеймскія (XI в.) и сплѣтскія (XIII в.) суть подражанія дверямъ Св. Сабины: если бы авторъ обратилъ побольше вниманія на памятники византійскіе, то онъ увидалъ бы, что сходныя на всѣхъ трехъ дверяхъ композиціи—просто шаблонныя изображенія византійскаго происхожденія, и ни о какомъ непосредственномъ подражаніи Андрея Бувины, изготовившаго въ 1205 году сплѣтскія двери, дверямъ св. Сабины не можетъ быть и рѣчи. Ein technischer Moment von grösster Wichtigkeit, усмотренный авторомъ въ сходствѣ орнаментовъ, намъ таковымъ вовсе не кажется, т. к. разница, указываемая самимъ же авторомъ, гораздо болѣе мнимаго сходства, происходящаго отъ сходства конструкціи всѣхъ дверей вообще. Авторъ самъ не указываетъ на существеннѣйшую разницу между этими дверями въ содержаніи рельефовъ: въ св. Сабинѣ—паралельные моменты изъ Вѣтхаго и Новаго завѣта, въ Сплѣтѣ—исключительно изъ Новаго завѣта.

Впрочемъ авторъ занимается болѣе дверями св. Сабины; а въ общемъ заключеніи, кромѣ сѣтованій на современный упадокъ христіанскаго искусства, онъ, указывая на ту громадную разницу въ стилѣ и композиціи, которая замѣтна между разновременными дверями Гильдесгейма и Сплѣта, предполагаемыми копіями дверей св. Сабины, требуетъ пересмотра хронологическихъ опредѣленій такъ наз. „антиквизирующихъ“ рѣзныхъ изъ кости рельефовъ начала среднихъ вѣковъ, относимыхъ къ IX—XI в., полагая возможнымъ считать ихъ болѣе древними, такъ какъ, по словамъ автора, подражаніе антику является лишь въ искусствѣ XIX вѣка (!).

На стр. 23 и 24 даны рисунки церковки св. Мартина X или XI вѣка, устроенной надъ золотыми воротами Діоклетіанова дворца; преграда внутри церкви напоминаетъ древнѣйшіе византійскіе иконостасы, но она дѣлитъ церковку почти пополамъ, а не отдѣляетъ одинъ лишь алтарь.

G. Alačević. La torre di Hervoja (стр. 25—32). Восьмиугольная башня,

стоящая близъ моря у юго-зап. угла дворца, носитъ имя башни Хервоя Вукича, босняка, богомила, которому въ 1403 году король венгерскій Владиславъ далъ во владѣніе Сплѣтъ и окрестныя области, съ титуломъ герцога. Алачевичъ въ статьѣ своей доказываетъ, что эта башня есть часть венеціанской крѣпости XV вѣка; замокъ же Вукича, разрушенный народомъ послѣ его смерти, находился къ вост. отъ дворца. Въ числѣ рис. на стр. 23 изданъ видъ венеціанской крѣпости въ 1549 году, по картинѣ сплѣтскаго художника Geronimo di Santa Croce, находящейся въ церкви Maria di Palude (см. Guida, p. 217).

Послѣдняя статья этого сборника prof. *W. Neumann'a*: Ueber das alte Evangeliar des Capitelarchives zu Spalato. Разбирая эту упомянутую уже нами ркп., онъ относитъ ее къ VIII вѣку и предполагаетъ происхожденіе изъ верхней Италіи. Иллюстраціи этого сборника и въ текстѣ и на VI таблицахъ изображаютъ древности Сплѣта: на табл. I историческій планъ города, на стр. 1 видъ города въ 1688 году и т. п.

Наконецъ, третій сборникъ посвященъ временамъ позднѣйшимъ: *Ephemeris Bihačensis*. Jaderae, 1894, стр. 24 (не окончено) съ XXX таблицами [16]).

Prof. S. Rutar, Das Ruinenfeld von Bihač (планъ на стр. 4), описываетъ незначительные остатки древности на равнинѣ сѣвернаго берега Каштелянскаго залива (между Салоной и Трогиромъ), гдѣ нѣкогда находился замокъ Bihač (Бигачъ), резиденція хорватскихъ бановъ, который помѣщался близъ теперешней деревни Стомрате (=Sta Martha, съ церковью этой святой), такъ какъ имѣется указаніе отъ 862 года, что банъ Трпимиръ творилъ судъ передъ церковью св. Марты.

G. Alačević—Lo sviluppo della citta di Spalato sotto l'aspetto fortificatorio—даетъ исторію укрѣпленій Сплѣта, начиная со временъ построенія Діоклетіаномъ своего дворца по образцу римскихъ лагерей и кончая венеціанскими укрѣпленіями XVII в., воздвигнутыми противъ турокъ. Далѣе слѣдуетъ начало интересной публикаціи средневѣковыхъ памятниковъ Далмаціи.

I monumenti medioevali della Dalmazia. Предисловіе говоритъ объ общемъ обзорѣ важнѣйшихъ памятниковъ; рисунки на 30 таблицахъ изображаютъ памятники различныхъ городовъ; нокъ съ ѣзду не удалось издать предположеннаго текста, и онъ будетъ изданъ впослѣдствіи.

I. Les Monuments du Moyen âge de Knin, стр. 12—15, табл. I—XIII, представляютъ сокращеніе I-го выпуска начатаго сочиненія *Булича* Hrvatski spomenici i Kninkoj okolici (Opera Academiae scientiarum et artium Slavorum Meridionalium, tom VIII. Загребъ, 1888, in 4°, стр. 44, табл. 18).

Въ этомъ сокращеніи вкратцѣ лишь описываются фрагменты интересные по ихъ орнаментаціи (плетенія) и читаются надписи на нѣкоторыхъ изъ нихъ; памятники относятся къ IX и X вѣку и найдены близъ города Книна, древней столицы хорватскихъ князей; фрагменты эти интересны сходствомъ ихъ съ плитами, изъ которыхъ устроена купель въ соборномъ баптистеріи, по

---

[6]) Ср. Археол. Извѣстія и Замѣтки, 1895, № 4, стр. 129.

поводу которыхъ на съѣздѣ велись столь ожесточенные дебаты, какъ увидимъ ниже.

II. I monumenti medioevali di Zara (tom XIX—XXIII), стр. 17—22.

1. *Prof. G. Smirich*. La collezione dei monumenti medioevali nel Museo di S. Donato in Zara. Каталогъ средневѣковыхъ памятниковъ Задрскаго музея, помѣщающагося въ интереснѣйшемъ восьмиугольномъ зданіи, относимомъ къ VIII вѣку [17]).

Часть перечисленныхъ скульптуръ изображена на табл. XIX, на изданія нѣкоторыхъ въ Mitth. d. Central—Commission и другихъ книгахъ сдѣланы указанія. Тщательно указаны размѣры и мѣста находки; изъ указаній этихъ узнаемъ, что №№ 36—39 добыты были въ развалинахъ шестиугольной церкви св. Урсулы, разрытыхъ въ 1883 году извѣстнымъ покойнымъ русскимъ архитекторомъ-археологомъ Ѳедоромъ Чагинымъ; имъ же подаренъ № 34.

2. S. Pietro vecchio in Zara, del prof. *G. Smirich* (tom XXI, fig. 3) описываетъ (стр. 22—23) церковку, считаемую древнѣйшею въ Зарѣ, VII—VIII в., весьма оригинальной формы въ два нефа; еще оригинальнѣе полукруглая стѣнка, около метра вышиною, съ проходомъ въ ней, примыкающая къ широкому открытому порталу, такъ что образуется какъ бы экседра, открытая наружу. Эту и еще другую подобную стѣнку авторъ склоняется объяснять, какъ перегородки между мѣстами для мужчинъ и женщинъ; но, казалось бы, это уже прекрасно исполняется рядомъ колоннъ, дѣлящихъ церковь пополамъ вдоль.

3. Статья: La chiesetta „de Pusterla", del prof. *G. Danilo* (стр. 24), осталась неоконченной еще; здѣсь описывается оригинальная церковка, относимая авторомъ къ VIII—IX-му вѣку, разрытая въ 1883—1884 гг. Ѳ. Чагинымъ (см. выше), имени котораго однако въ напечатанной части почему-то не упоминается. Церковка эта замѣчательна ея оригинальною формой: къ ротондѣ съ пятью абсидами вмѣсто шестой примыкаетъ четыреугольная пристройка, съ боку которой находится еще выступъ со входною дверью, а между этимъ выступомъ и ближайшей абсидой найденъ былъ саркофагъ, выдолбленный изъ барабана античной колонны. Внутри сохранились слѣды балюстрадъ, отгораживавшихъ три абсиды отъ прочаго пространства [18]).

4. Brevis historia primi Congressus Arch. Christ. Spalati Salonis habendi in 8°, стр. 20, Spalati. 1894. Содержитъ очеркъ дѣятельности предварительнаго комитета и списокъ членовъ съѣзда.

Таковы изданія, появившіяся къ открытію съѣзда. Пріѣзжіе сразу получили возможность ознакомиться съ памятниками, которые предстояло имъ видѣть, не по краткимъ свѣдѣніямъ гидовъ, а по подробнымъ описаніямъ, составленнымъ самими изслѣдователями или даже находчиками этихъ памят-

---

[17]) См. о немъ статью Булича и Hauser'a въ Mittheilungen d. k. Central—Commission, VIII, 1882 года, стр. 59—81. Отдѣльное итальянское изданіе 1884 года.

[18]) См. о церкви этой Mittheil. Central—Commisson 1883, т. CLXI, 1884 года. XCVII—VIII, планъ на стр. XCVIII. Но и тутъ о Чагинѣ—ни слова.

никовъ. Если послѣдній сборникъ и не поспѣлъ къ сроку, то вина въ томъ падаетъ не на предварительный комитетъ, а на мѣстныя условія: сплѣтскія типографіи таковы, что всѣ изданія пришлось печатать въ Задрѣ, но и тамъ не умѣли приправить, какъ слѣдуетъ, цинкографическихъ клише, почему многіе изъ рисунковъ, исполненныхъ этимъ способомъ, представляютъ совершенно неразборчивыя черныя пятна, хотя эти самыя клише въ иныхъ рукахъ дали бы значительно лучшіе оттиски.

И такъ, предварительный комитетъ сдѣлалъ съ своей стороны все, что могъ, и даже значительно болѣе, чѣмъ было необходимо, для пріѣзжихъ археологовъ. Но эти археологи отнеслись, какъ намъ кажется, не съ должнымъ вниманіемъ къ трудамъ и хлопотамъ, потраченнымъ на устройство I-го международнаго съѣзда христіанскихъ археологовъ мѣстными и вѣнскими учеными. Это сказалось прежде всего самымъ числомъ пріѣхавшихъ иностранцевъ: ихъ явилось на съѣздъ не болѣе двадцати. При этомъ бросалось въ глаза совершенное отсутствіе французовъ и англичанъ. Удивляло отсутствіе представителей русскихъ ученыхъ учрежденій, которымъ разосланы были приглашенія, и которыя знали о съѣздѣ изъ объявленій Министерства Народнаго Просвѣщенія. Особенно сожалѣть приходилось объ отсутствіи представителей нашихъ духовныхъ академій, гдѣ давно существуютъ уже спеціальныя каѳедры церковной археологіи, о необходимости учрежденія которыхъ говорилось на съѣздѣ. Присутствіе ихъ показало бы, что наши духовныя академіи давно уже имѣютъ то, о чемъ мечтаютъ только археологи католическіе. Непріятно поражало также совершенное отсутствіе мѣстнаго православнаго (т. п. „Сербскаго") духовенства, какъ будто оно не интересуется древне-христіанской археологіей.

Въ воскресенье 7 (19) августа вечеромъ состоялось засѣданіе въ помѣщеніи гимназіи. Почетнымъ предсѣдателемъ съѣзда былъ избранъ сплѣтскій епископъ Накичъ, предсѣдателями—Monsignor A. de Waal, издатель журнала Römische Quartalschrift für christliche Alterthumskunde, Monsignor Франьо Буличъ, извѣстный сплѣтскій археологъ, и профессоръ церковной исторіи и древностей Берлинскаго университета Nicolaus Müller, а секретарями вѣнскій профессоръ Wilhelm Neumann, римскій профессоръ Orazio Marucchi и профессоръ Лука Еличъ изъ Задра; тутъ же выбрали и предсѣдателей пяти отдѣленій, на которыя разбитъ былъ съѣздъ.

Раннимъ утромъ 8 (20) августа со спеціальнымъ поѣздомъ отправился съѣздъ на развалины Салоны; тутъ при торжественной обстановкѣ и стеченіи народа изъ Сплѣта и окрестныхъ деревень отслужена была еп. Накичемъ месса въ олтарѣ, временно устроенномъ въ абсидѣ большой базилики Манастирине, надъ самыми гробами салонскихъ мучениковъ. Затѣмъ у тріумфальной арки, устроенной при входѣ къ базиликѣ и украшенной изображеніями салонскихъ мучениковъ, скопированными съ мозаикъ св. Венанція, съѣздъ открытъ былъ длинною латинскою рѣчью епископа, на которую от-

вѣтилъ по-латыни же Буличъ. По дорогѣ къ развалинамъ базилики и обратно къ вокзалу осмотрѣны были, насколько позволяла праздничная обстановка и народное множество, отрытыя развалины Салоны.

По возвращеніи въ городъ въ $11^1/_2$ часовъ состоялось I-е общее собраніе, занятое поздравительными рѣчами, чтеніемъ полученныхъ и отправляемыхъ телеграммъ и т. п. Рѣчи говорились преимущественно по-латыни, но нѣкоторыя представители администрацій и различныхъ учрежденій и по-нѣмецки и по-хорватски.

Въ 5 ч. открылось засѣданіе II-го отдѣла—De doctrina archeologiae. А въ 6 часовъ второе общее собраніе, начавшееся опять рѣчами и телеграммами, послѣ которыхъ проф. *Еличъ* (по-итальянски) прочелъ интересный рефератъ „О состояніи христіанской археологіи въ Далмаціи", понимая послѣднюю въ римскомъ смыслѣ. Онъ сдѣлалъ краткій очеркъ изслѣдованій Салоны, при чемъ демонстрировалъ интересный рисунокъ начала этого вѣка, изображающій фигуру оранты, написанную красками на стѣнѣ гробницы, открытой близъ Салоны. Еще интереснѣе были свѣдѣнія, сообщенныя о базиликѣ V-го вѣка, недавно разрытой оксфордскимъ профессоромъ Anderson'омъ въ Черногоріи въ Діоклеѣ, близъ Подгорицы, со знаменитой въ христіанской археологіи стеклянною патерой, перешедшей съ собраніемъ Базилевскаго въ Императорскій Эрмитажъ [19]). Раскопки Дукліи начаты были русскимъ изслѣдователемъ Черногоріи Павломъ Ровинскимъ [20]), но ему удалось открыть лишь развалины римскихъ временъ; англичане же разрыли древне-христіанскую базилику, которую референтъ видѣлъ и изслѣдовалъ лично во время экскурсіи своей въ Черногоріи, гдѣ онъ собралъ много матеріала для особаго подготовляемаго имъ изданія. Были показаны и чертежи и фотографіи этой базилики. Римскій археологъ prof. *Orazio Marucchi* прочелъ рефератъ о новѣйшихъ открытіяхъ въ римскихъ катакомбахъ, при чемъ и въ этомъ сообщеніи его, и въ другихъ рѣчахъ римскихъ археологовъ сквозило недовольство тѣмъ, что итальянское королевское правительство плохо содержитъ катакомбы и мало способствуетъ „научному" ихъ изслѣдованію членами папской археологической академіи и особой коллегіи „Cultorum martirum".

Затѣмъ было прочтено письмо фрейбургскаго профессора *Kirsch*'а (по французски) „О наукѣ древне-христіанской археологіи въ Швейцаріи"; назначенный же по программѣ рефератъ проф. *W. Neumann'a* объ изслѣдованіяхъ христіанскихъ памятниковъ Палестины по недостатку времени такъ и остался не прочтеннымъ. Отъ 8 до 9 ч. вечера засѣдали отдѣленія I-е—de insciptionibus et monumentis—и V-е подъ именемъ, de rebus historicis Dalmatiae in de a saeculo VII, но въ сущности занимавшееся памятниками славянскими.

Утромъ слѣдующаго дня были засѣданія отъ 8 до 9 ч. III-го отдѣла—de Musaeis.

---

[19]) Референту, совершившему длинную археологич. поѣздку по Албаніи, удалось найти гробницу, гдѣ найдена была эта патера.

[20]) См. Ж. М. Н. Пр. 1890 г. № 6 (клас. отд.).

Отъ 9 до 10—IV-й отдѣлъ: de patrologia in seminariis catholicis tractanda et ad archaeologiam applicanda.

Отъ 10—12—III-е общее собраніе, начавшееся опять рѣчами и телеграммами. *Буличъ* сдѣлалъ по-латыни сообщеніе „О древне-христіанскихъ древностяхъ Салоны", главнымъ образомъ, разумѣется, о некрополѣ Manastirine, планы котораго были выставлены.

Представитель „босанской влады" (австрійскаго правительства Босніи и Герцоговины), баронъ *Молинари* по-сербски сдѣлалъ сообщеніе о древне-христіанскихъ памятникахъ Босніи и Герцоговины, иллюстрированное рядомъ прекрасно исполненныхъ рисунковъ. Сообщеніе это было особенно интересно описаніемъ двухъ базиликъ, выкопанныхъ въ Дабравинѣ (округъ Високо) въ 1891 г. и въ Зеницѣ (древн. Bistua) [21]) въ 1892 г., въ которыхъ найдены были многочисленныя фрагменты алтарныхъ преградъ въ особомъ оригинальномъ стилѣ, явно подражающемъ рѣзьбѣ изъ дерева и представляющемъ нѣкоторыя черты зависимости и отъ т. н. древне-христіанскаго искусства и отъ византійскаго [22]).

Развалины близъ Зеницы интересны и самымъ планомъ двухъ смежныхъ, лежащихъ на разныхъ уровняхъ базиликъ съ особымъ помѣщеніемъ въ видѣ третьей абсиды, пристроеннымъ между двумя абсидами ихъ (см. планъ въ Mittheilungen, I, стр. 274). Проф. *Марукки* сказалъ пространную рѣчь въ защиту извѣстной надписи Іераполь скаго епископа Аверкія [23]) противъ парадоксальной статьи dr. Ficker'a, напечатанной въ Трудахъ Берлинской Академіи Наукъ [24]), гдѣ доказывается, что Аверкій былъ не христіанскій епископъ, а жрецъ Кибелы.

Послѣ засѣданія *dr. Bosse* изъ Киля демонстрировалъ устроенную въ особой комнатѣ выставку фотографическихъ снимковъ прусскаго „Institut für Mess-Lichtbilder", исполненныхъ при помощи особыхъ объективовъ, изобрѣтенныхъ Meydenbaum'омъ въ Берлинѣ. Особенность объективовъ этихъ та, что они не только не искажаютъ перспективы, но даютъ возможность получать изображенія даже верхнихъ частей зданій, напр., шпиля колокольни, снятаго снизу, въ вертикальной проэкціи, какъ чертятся фасады архитекторами. Выставленныя прекрасныя увеличенія снимковъ, исполненныхъ этими объективами, подали поводъ къ выраженію желаній имѣть для преподаванія таблицы важнѣйшихъ памятниковъ, изданныя этимъ способомъ.

---

[21]) Ея епископъ присутствовалъ въ 582 г. на салонскомъ соборѣ.

[22]) Фрагменты изъ Дабравины хранятся въ Сараевѣ въ „Regirungsgebäude" и изданы въ Wissenschaftliche Mittheilungen aus Bosnien und Herzegowina. Томъ II, стр. 72—86, а фрагм. изъ Зеницы выставлены въ Земальскомъ музеѣ въ Сараевѣ и должны быть изданы консерваторомъ его Трухелькой въ «Гласникѣ» музея въ нынѣшнемъ году. Въ Сплѣтскомъ (П-мъ) музеѣ имѣется одна колонна въ такомъ же стилѣ (№ 45, Д.), но къ сожалѣнію намъ не удалось доискаться ея происхожденія.

[23]) См. о ней Арх. Изв. и Замѣт. 1894 г., стр. 79.

[24]) Именно: въ Sitzungsberichte Berliner Akademie 1894 г. подъ заглавіемъ: Der heidnische Charakter der christlichen Inschriften.

Послѣ этихъ засѣданій неутомимый Буличъ давалъ объясненія нѣкоторыхъ древностей музея.

Послѣ обѣда, отъ 3 до 4 ч. засѣдало отдѣленіе I-ое, отъ 5 до 6 II-ое, а въ 6½ началось IV общее собраніе: *Msgr. de Waal* прочелъ по-итальянски „О христіанскихъ древностяхъ Далмаціи и Иллиріи въ Римѣ“: Референтъ началъ со св. Кая, папы 283—296 г., далматинца родомъ и родственника Діоклетіана; его гробница должна быть въ катакомбахъ Каллиста, т. к. тамъ находятся гробницы съ надписями, показывающими, что погребенные лежатъ ad dominum Caium; онъ указалъ на одну бронзовую пластинку IV в. съ посвятительною надписью какого-то Mandrunus изъ Срѣма (Мандроній былъ посланъ общиной Карнунта), говорилъ о Петрѣ Иллирійцѣ, построившемъ въ V в. (430) въ Римѣ церковь, посвященную нынѣ св. Сабинѣ; о мраморщикахъ, пострадавшихъ въ Срѣмѣ же при Галеріи за отказъ изваять капители для храма Асклепія, тѣла которыхъ перенесены были въ Римъ и положены ad duos lauros; о папѣ Іоаннѣ IV, долматинцѣ родомъ, строителѣ капеллы св. Венанція, и наконецъ о Кириллѣ и Меѳодіи. Особенно подробно говорилъ референтъ о св. Квиринѣ, епископѣ иллирійскаго (?) города Siscia, погребенномъ въ катакомбахъ на Аппіевой дорогѣ св. Севастіана, гдѣ во время производившихся тамъ недавно изслѣдованій въ т. н. Platonia, найдено была на стѣнѣ изображеніе святыхъ Квирина, Севастіана и Поликама, а въ возвышеніи въ видѣ жертвенника найдены были гробы, при чемъ, т. к. надпись на стѣнѣ гласитъ, что выстроена для одного лишь Квирина, референтъ склонялся видѣть въ найденныхъ костяхъ останки св. Квирина. [25]).

Раскопки, произведенныя по просьбѣ славянскихъ епископовъ Австріи на мѣстѣ погребенія Кирилла (въ ц. св. Климента въ Римѣ), открыли фреску, изображающую Христа и двѣ фигуры „подающія ему“, по мнѣнію референта (конечно, принимающіе отъ него) чашу и книгу, въ которыхъ Mons. de Waal видѣлъ славянскихъ первоучителей. (Фреска эта издана въ вышеуказанной статьѣ). Референтъ допускалъ даже возможность, что найденныя фрески могутъ быть работой самаго Меѳодія.

Monsignor *Wilpert* по-нѣмецки сообщилъ о новооткрытыхъ имъ подъ слоемъ сталактитообразнаго известковаго налета фрескахъ въ „Capella graeca“ въ катакомбахъ св. Присциллы, при чемъ показаны были прекрасныя фототипическія таблицы, приготовленныя къ изданію по фотографіямъ, которыя изслѣдователь снялъ при *дневномъ* свѣтѣ, проведенномъ въ глубь катакомбъ при помощи цѣлой системы зеркалъ. Найдены слѣдующія изображенія, относимыя референтомъ къ первой половинѣ II-го вѣка: 1) Даніилъ между львами, но не „во рву“, а передъ роскошными зданіями (дворцемъ?), между коими видны ротонда и базилика, 2) Приношеніе Авраамомъ Исаака въ жертву, 3) Воскре-

---

[25]) См. Römische Quartalschrift, III Supplementheft. 1894. de Waal, Die Apostelgruft ad catacumbas an der via Appia. У одного паломника VII в. говорится, что въ церкви, гдѣ лежали ап. Петръ и Павелъ, въ западной части ея спускаются къ могилѣ св. Квирина «папы и мученика». Названіе Квирина папой референтъ объяснялъ ошибкой.

шеніе Лазаря и 4) Лазарь уже воскресшій и, наконецъ, 5) евхаристія, гдѣ на столѣ предъ бородатымъ сидящимъ человѣкомъ стоитъ кубокъ съ двумя ручками и двѣ тарелки съ пятью хлѣбами и двумя рыбами. Послѣднее изображеніе референтъ приводитъ въ связь съ мраморнымъ саркофагомъ, стоявшимъ въ абсидѣ и служившимъ престоломъ [26]).

Рефератъ на латинскомъ языкѣ маститаго хорватскаго поэта, *Окрушича*, изъ Митровицы, De basilica syrmiensi S. Demetrii, изложилъ сперва историческіе судьбы Срѣма и его святыхъ, а затѣмъ, упомянувъ о различныхъ находкахъ на мѣстѣ древняго Срѣма, напр., о мозаичномъ полѣ, найденномъ въ 40-хъ годахъ, референтъ просилъ послать въ Срѣмъ двухъ, трехъ „ученыхъ мужей", чтобы они указали мѣсто, гдѣ надо искать базилику св. Димитрія.

Dr. *Szobor* отъ имени устроительнаго Комитета Millenium-Ausstelle въ Будапештѣ въ 1896 году, въ тысячелѣтній юбилей прихода Венгровъ въ Венгрію, пригласилъ членовъ на проэктируемый тамъ археологическій съѣздъ.

Наконецъ Hof-kapellan dr. *Swoboda* изъ Вѣны демонстрировалъ египетскую ткань извѣстнаго Вѣнскаго собранія Graf'a, найденную какъ саванъ, но которая оказалось дверною завѣсою, по мнѣнію референта, церковной, бывшей ранѣе въ употребленіи [27]).

Отъ 8 до 9 вечера одновременно засѣдали отдѣлы III и V-ый. Послѣдній день съѣзда 10—22 Августа начался и кончился прогулками по морю. Утромъ въ 6 часовъ отправились члены съѣзда съ окружнымъ начальникомъ („поглаварь") Тончичемъ въ городъ Трогиръ. Пароходъ шелъ не прямымъ путемъ, а вдоль берега Каштелянскаго залива мимо семи бывшихъ „каштелей", а нынѣ деревень, лежащихъ на краю равнины подъ высокимъ хребтомъ горы „Козякъ".

Въ Трогирѣ, прекрасномъ древнемъ городкѣ на островкѣ, замыкающемъ проливъ между материкомъ и островомъ *Čiovo (Bio)*, послѣ торжественной встрѣчи городскимъ головою, горожанами съ музыкой конгрессисты отправились осматривать замѣчательный соборъ, построенный въ VIII вѣкѣ въ романскомъ стилѣ, и его богатую ризницу.

По возвращеніи въ Сплѣтъ засѣдали отдѣлы I-й и. IV-й. А затѣмъ во время перерыва, пока предсѣдатели составляли текстъ рѣшеній съѣзда, нѣкоторые изъ членовъ обозрѣвали музеи и древности Сплѣта, причемъ рельефы купели баптистерія возбудили разнорѣчивыя мнѣнія.

Отъ $3^1/_2$ до 5 засѣдалъ V-й отдѣлъ, а вслѣдъ за нимъ отъ 5 до $6^1/_2$ состоялось пятое и послѣднее общее собраніе. Послѣ чтенія полученныхъ и отправленныхъ телеграммъ, *A. de Waal* говорилъ (по-итальянски) о поддѣлкахъ древне-христіанскихъ памятниковъ въ Римѣ, жертвою коихъ ему

---

[26]) См. статью Вильперта въ Römische Quartalschrift 1894. Heft I—II. Ср. Арх. Изв. и Зам., 1894. стр. 288.

[27]) См. рис. ея и статью Свободы въ Archaeologische Ehrengabe zu siebzigsten Geburstage de Rossi's, herausgegeben von A. de Waal., стр. 95—113; рис. ткани табл. VI—VII; реставрація на стр. 105.

пришлось быть и самому, при покупкѣ древностей въ музей нѣмецкаго Campo Santo въ Римѣ, и вспомянулъ о своей статьѣ въ Römische Quartalschrift (I, 272 sq. IV, 148 sq. Langobardische Gold-und Silber Arbeiten) по поводу появившихся въ Римѣ издѣлій, происходящихъ якобы изъ одной находки. Эта коллекція издана была ея владѣльцамъ и относилась къ первымъ вѣкамъ христіанства [28]). Теперь же de Waal присоединился къ мнѣнію тѣхъ, которые считали всѣ эти вещи поддѣльными. А вслѣдъ за рефератомъ de Waal'я *Franghi de Cavalieri*, папскій „Cameriere segreto di Spada e Cappa", прочиталъ письмо Иннспрукскаго профессора *Grisar*'а, который путемъ критики разсказовъ объ этой находкѣ и особенно орнаментовъ и исполненія самихъ предметовъ неопровержимо доказалъ поддѣльность всей этой коллекціи.

Послѣ этихъ рефератовъ о поддѣлкахъ секретарь съѣзда, проф. Neumann прочелъ изложенныя по-латыни постановленія всѣхъ пяти отдѣловъ. Послѣ единогласнаго принятія ихъ, предсѣдатель de Waal предложилъ еще выразить благодарность правительству за содѣйствіе и вниманіе къ съѣзду и особенно къ иностраннымъ членамъ его, а также просить министерство (Kultus und Unterrichts Ministerium) о покупкѣ и возстановленіи базилики св. Варвары въ Трогирѣ, относимой къ VIII-му вѣку и осмотрѣнной утромъ съѣздомъ. А затѣмъ онъ же произнесъ заключительную латинскую рѣчь, въ которой, указавъ на результаты, достигнутые съѣздомъ, на знакомство между его членами, воздалъ должную благодарность императорскому правительству, мѣстнымъ властямъ и гражданамъ и особенно усерднымъ трудамъ предварительнаго комитета, закончилъ ее пожеланіемъ, чтобы за постановленіями съѣзда послѣдовало и исполненіе ихъ (facta sequantur consilia.)

Второй съѣздъ предложено было собрать черезъ три года (1897) въ Равеннѣ. Наконецъ почетный предсѣдатель съѣзда, епископъ Накичъ, отъ имени Сплѣчанъ, выразилъ удовольствіе успѣхамъ съѣзда, трудившагося invicto labore, mirabili doctrina, пожелалъ членамъ его благополучнаго возвращенія домой и, взойдя на каѳедру, закрылъ съѣздъ „папскимъ благословеніемъ".

Въ 7 часовъ вечера члены садились снова на пароходъ „Рагузу", чтобы ѣхать на вечерній праздникъ, устроенный для нихъ мѣстнымъ начальникомъ Тончичемъ, въ одномъ изъ „каштелей" Люкшичѣ (Ljukšić-Castel Vitturi) [29]).

Этимъ вечеромъ кончился оффиціально съѣздъ. Но еще на другой день 11/23 утромъ снова поѣхали нѣкоторые члены съѣзда подъ руководствомъ Булича на развалины Салоны, дабы осмотрѣть ихъ болѣе тщательно, нежели то оказалось возможнымъ при торжествѣ открытія съѣзда.

По возвращеніи оттуда осматривали музеи, гдѣ Буличъ давалъ объ-

---

[28]) Giancarlo Rossi. «Commento sopra suppellettili sacre di argento ed oro appartenute ai primissimi tempi della chiesa» in 4° u «Tavole XXV riproducenti il sacro tesoro G. Rossi» in f° Roma 1890; одинъ экземпляръ сочиненія этого поднесенъ былъ издателями съѣзду.

[29]) Поэтъ Илья Округличъ написалъ по этому поводу торжественное стихотвореніе, напеч. въ Katolička Dalmacija (№ 77).

ясненія о памятникахъ христіанскихъ, а Вѣнскій профессоръ O. Benndorf о памятникахъ языческихъ. Послѣ этого осмотрѣны были соборъ и реставрируемая колокольня его, а также древне-христіанскій саркофагъ (переходъ черезъ Чермное море и оранты) въ монастырѣ Францисканцевъ.

На слѣдующее утро 12/24 девять членовъ съѣзда отплыли на пароходѣ по приглашенію „Босанской влады" въ Боснію: эта экскурсія продолжалась цѣлую недѣлю, при чемъ сопровождавшія археологовъ лица (бар. Молинари и консерваторъ „Земальског Музеја" въ Сараевѣ dr. Truhelka) показывали имъ въ Сараевѣ, Илидже, Травнинѣ, Яйцѣ и Зеницѣ не однѣ только древности, но различныя культурныя нововведенія „Босанской влады" отъ іезуитской гимназіи въ Травнинѣ до образцовой тюрьмы въ Зеницѣ включительно.

Ранѣе боснійское правительство выразило свое вниманіе къ иностраннымъ членамъ съѣзда раздачею нѣсколькихъ экземпляровъ на его счетъ изданнымъ научныхъ трудовъ: великолѣпнаго факсимиле глаголической рукописи съ богатыми заставками, изданнаго подъ ред. акад. Ягича „Missale glacoliticum Hervoiae ducis" (Vindobonae MDCCCXCI), перваго выпуска труда Ph. Baliff'a, Römische Strassen in Bosnien und Herzegowina, herausgegeben vom bosnisch-hercegowinischen Landes-Museum, съ 24 геліогравюрами на 12 таблицахъ. NN „Гласника Земальског музеја у Босни и Херцеговини" и 2-хъ томовъ нѣмецкаго перевода статей, помѣщенныхъ въ Гласникѣ со времени его основанія (1884) до 1892 года: Wissenschaftliche Mittheilungen aus Bosnien und Herzegowina herausgegeben vam B. H. Laudesmuseum in Sarajevo, redigirt vieu Dr. Moriz Holtnes. 1894.

Другая компанія изъ двадцати членовъ съѣзда, преимущественно далматинцы и пріѣзжіе изъ другихъ славянскихъ земель, 25 августа совершили изъ Сплѣта экскурсію въ древлепрестольный городъ Книнъ, гдѣ, подъ руководствомъ неутомимаго Булича, осматривали древности VIII—X вѣка въ небольшомъ музеѣ при Францисканскомъ монастырѣ и мѣсто находки этихъ древностей [30]).

Такова внѣшняя исторія съѣзда, оставившаго въ памяти его участниковъ самыя пріятныя воспоминанія, какъ о красотахъ самой страны и ея художественныхъ и археологическихъ памятникахъ, такъ особенно о томъ радушіи и гостепріимствѣ, которое наперерывъ оказывали пріѣзжимъ и власти, и устроители съѣзда, и общество. Но если не забудется съѣздъ этотъ съ этой чисто субъективной точки зрѣнія, то, надѣемся, и для общей пользы науки христіанской археологіи онъ не прошелъ безплодно, и плодами его будутъ пользоваться и тѣ, которые не могли или по чему либо не хотѣли лично принять въ немъ участіе [31]).

---

[30]) См о нихъ. Djela Jugoslavenske akademije zvanosti i umjetnosti. Knjiga VIII (1889): Fran. Bulić. Hrvatski Spomenici u Kninskoj okolici. Svezak I. in 4° стр 46 табл. I—XVIII (таблицы переизданы въ Ephemeris Bihacensis; см. выше).

[31]) Отчеты о дѣятельности съѣзда все время печатались въ мѣстномъ журналѣ Katolička Dalmacija; см. № 69—83.

Любезность одного изъ дѣятельнѣйшихъ тружениковъ по устройству съѣзда, перваго секретаря съѣзда проф. Неймана даетъ возможность сообщить здѣсь болѣе детальный обзоръ засѣданій секцій и ихъ постановленія.

Первый отдѣлъ: De inscriptionibus et monumentis (Предсѣдатель проф. N. Müller, референты dr. Szobor, prof. Marucchi), обсуждали преимущественно два вопроса: объ изданіи сборника христіанскихъ надписей и сборника древнехристіанскихъ памятниковъ. По первому вопросу высказываемы были мнѣнія, что теперь, когда въ собранія, издаваемыя Берлинской Академіей Наукъ: Corpus Inscriptionum Graecarum и Corpus Inscr. Latinarum, входятъ отчасти и христіанскія надписи, а христіанскимъ надписямъ Рима посвященъ даже особый томъ, предпринимать особый обширный сборникъ древнехристіанскихъ надписей не представляется удобнымъ; поэтому разсужденія ограничились частнымъ вопросомъ объ изданіи древнехристіанскихъ надписей Далмаціи и Иллиріи, къ коимъ сочли возможнымъ присоединить, въ виду ихъ малочисленности, и древнехристіанскія надписи изъ прочихъ областей Австро-Венгріи. Не имѣя опредѣленнаго издателя и надѣясь лишь на Вѣнскую Академію Наукъ, говорили лишь объ общихъ основаніяхъ изданія, при чемъ настаивали на необходимости изданія всѣхъ важнѣйшихъ или сопровождаемыхъ рисунками надписей факсимиле, какъ Вильпертъ издалъ надписи Аквилеи, хотя такое воспроизведеніе требующее значительныхъ издержекъ, едва ли ускоритъ изданіе предположеннаго сборника; главнѣйшіе труды при составленіи котораго падутъ на долю мѣстныхъ ученыхъ Булича и Елича. Еще большія практическія затрудненія представитъ осуществленіе другаго предпріятія: изданія всѣхъ древнехристіанскихъ памятниковъ, въ необходимости каковаго всѣ были согласны.—Сужденія по этому вопросу были гораздо оживленнѣе, здѣсь ничего параллельнаго, подобнаго берлинскимъ сборникамъ не имѣется: всѣмъ извѣстна неудовлетворительность сборника Гаруччи Storia dell arte cristiana, какъ относительно точности рисунковъ, такъ и полноты. Довольно долго велись пренія, съ чего начинать; одни стояли за катакомбы и ихъ живопись, другіе за скульптуру, указывая на большую извѣстность этого рода памятниковъ и большую легкость поэтому привести ихъ въ извѣстность; мелкія произведенія художественной промышленности, какъ наиболѣе многочисленныя и разбросанныя, предполагается издать въ послѣднемъ томѣ. О мозаикахъ рѣчи почти не было вовсе, очевидно, въ виду изданія мозаикъ Рима Росси, о мозаикахъ Востока никто и не вспомнилъ: правда, онѣ могутъ войдти въ сборникъ лишь тогда, если хронологическія границы его расширятся; но этотъ существеннѣйшій вопросъ остался окончательно не рѣшеннымъ; повидимому, границею намѣревались поставить VIII-ой вѣкъ.

За то весьма тщательно обсуждался вопросъ о способахъ изданія памятниковъ: иные стояли за большой форматъ и наилучшіе автотипическіе способы: геліогравюру и фототипію, но другіе указывали на непомѣрную дороговизну такихъ способовъ, изъ коихъ второй къ тому же и весьма не со-

вершененъ. Проф. Бенндорфъ предлагалъ избрать цинкографію, которая при относительной дешевизнѣ позволяетъ долгое время пользоваться клише и дозволяетъ поэтому перепечатку любаго рисунка сборника, если кому это понадобится, безъ новыхъ расходовъ, а также позволяетъ на ряду или уже послѣ изданія сборника, издавать или атласы важнѣйшихъ древностей для учебныхъ цѣлей, или какіе иные сборники, гдѣ тѣ же древности должны будутъ быть скомбинированы въ иной системѣ. Вопросъ о средствахъ изданія остался, конечно, открытымъ; возможность же осуществленія видѣли въ привлеченіи къ изданію этому различныхъ ученыхъ и религіозныхъ обществъ и учрежденій. Судя по общему сочувствію этому предложенію, дѣло, повидимому, не заглохнетъ; для разработки плана изданія, привлеченія сотрудниковъ, составленія примѣрныхъ смѣтъ и изысканія средствъ избрана была особая коммиссія изъ де-Валя, Марукки и Вильперта, которая должна будетъ представить слѣдующему конгрессу отчетъ о своей дѣятельности.

Рѣшенія I-го отдѣленія формулированы такъ: Primus Congressus archaeologorum christianorum Spalati Salonis congregatus vota sua enunciat, 1) ut antiquae christianae inscriptiones Austriae, Hungariae, Illyrici ante reliquas in corpus redigantur et publicentur cum ectypis optima methodo expressis; 2) ut Corpus Monumentorum Christianorum, praecipue aetatis primaevae — videlicet picturarum coemeterialium et operum artis sculptoriae—ex omnibus regionibus collectorum et saltem solis ope depictorum cum accuratissima descriptione publicetur [31]).

Второй отдѣлъ – de doctrina archaeologiae (предсѣдатель проф. W. Neumann, референты dr. Swoboda и dr. Szentgyorgy) разсуждалъ о преподаваніи христіанской археологіи въ спеціальныхъ богословскихъ учебныхъ заведеніяхъ и университетахъ: гдѣ нѣтъ особой каѳедры христіанской археологіи, которая издавна существуетъ въ нашихъ духовныхъ академіяхъ, при чемъ у насъ съ археологіей соединена и литургика, тѣсно съ ней связанная. На Западѣ профессоръ исторіи церкви долженъ читать и христіанскую археологію, что при широкихъ областяхъ обѣихъ наукъ представляетъ, конечно, значительныя затрудненія. Поэтому-то съѣздъ, въ которомъ участвовало нѣсколько такихъ профессоровъ обѣихъ наукъ, и призналъ необходимымъ учрежденіе спеціальной каѳедры христіанской археологіи.

Говорили также и о томъ, чтобы и въ низшихъ, и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ при преподаваніи Закона Божія и церковной исторіи учителя обращали большее по возможности вниманіе на памятники христіанской древности, для большей успѣшности чего признано полезнымъ издать атласы или

---

[31]) Первый съѣздъ христіанскихъ археологовъ, собранный въ Сплѣтѣ, возвѣщаетъ свои желанія: 1) чтобы древнія христіанскія надписи Австріи, Венгріи и Иллиріи раньше остальныхъ были собраны въ одинъ сводъ и изданы со снимками, воспроизведенными наилучшимъ способомъ; 2) чтобы было издано съ тщательнымъ описаніемъ „Собраніе памятниковъ христіанскихъ“—преимущественно первыхъ вѣковъ—надгробныхъ живописныхъ изображеній и скульптуры, собранныхъ отовсюду и воспроизведенныхъ съ помощію фотографіи.

стѣнныя таблицы важнѣйшихъ памятниковъ. Мало того, проф. W. Neumann говорилъ о томъ, сколь полезно въ дѣлѣ стилистической оцѣнки памятниковъ умѣніе самого изслѣдователя рисовать или, по крайней мѣрѣ, умѣніе смотрѣть столь внимательно, какъ научаетъ только рисованіе, а потому онъ высказалъ даже желаніе, чтобы неумѣющіе хоть какъ-либо рисовать не брались и не допускались до преподаванія археологіи, а чтобы дать этотъ особенный взглядъ учащимся, предложилъ возбудить ходатайство объ обязательности рисованія и усиленіи преподаванія его въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Въ результатѣ отдѣлъ постановилъ... agnoscens maxima emolumenta scientiis theologicis ex archaeologia christiana obtingere:

1) Ut alumni ss. Theologiae im omnibus universitatibus et seminariis theologicis hanc disciplinam a professoribus ad id munus speciali modo electis doceantur. Rogat ergo Congressus et ecclesiasticas et civiles potestates, ut cathedras speciales ordinarias in omnibus institutis theologicis condant atque musaeis aliisque collectionibus ad institutionem necessariis instruant.

2) Congressus... enuntiat, ut alumni Gymnasiorum vel Lycaeorum artem delineatoriam doceantur; non ad artificum perfectionem attingendam, sed ad cultum animi formalem assequendum, quo autopsiae sollertiam et certitudinem acquirant.

3) In omnes scholas subsidia pictarum tabularum inducenda atque imprimis pro institutione religionis adhibenda esse, congressus censet [32]).

Третій отдѣлъ—de musacis, (предсѣдатель dr. Szobor, референтъ prof. Schultze изъ Greifswald'a, также разсуждалъ главнымъ образомъ о музеяхъ какъ пособіи для преподаванія и изученія христіанской археологіи. Будапештскій археологъ dr. Szobor сдѣлалъ по-латыни краткое сообщеніе о древне-христіанскихъ памятникахъ въ Венгріи, референтъ prof. Schultze раздѣлилъ музеи на двѣ группы: „хранилища“ (Conservatorien) въ большихъ городахъ, гдѣ положено уже начало таковымъ, и на самыхъ мѣстахъ находокъ, гдѣ собранныя древности въ мѣстной обстановкѣ всегда понятнѣе для изучающаго и возбуждаютъ въ мѣстномъ обществѣ интересъ къ продолженію изслѣдованій и сохраненію древностей, и „учебныя собранія“ (Lehrmittelsammlungen), гдѣ древности являются, конечно, по большей части въ копі-

---

[32]) Признавая величайшую пользу христіанской археологіи для наукъ богословскихъ, съѣздъ желаетъ: 1) чтобы воспитанники богословскаго факультета всѣхъ университетовъ и духовныхъ семинарій изучали эту науку подъ руководствомъ преподавателей, спеціально избранныхъ для этого. Поэтому съѣздъ обращается съ просьбой какъ къ духовнымъ, такъ и свѣтскимъ властямъ устраивать спеціальныя постоянныя каѳедры при духовныхъ учрежденіяхъ, а также снабжать ихъ музеями и другими собраніями для преподаванія необходимыми. 2) Съѣздъ выражаетъ желаніе, чтобы воспитанники гимназій и лицеевъ учились рисованію, не для того, чтобы достичь художественнаго совершенства, но для развитія формальныхъ способностей при быстротѣ и точности при наблюденіяхъ. 3) Съѣздъ признаетъ нужнымъ ввести во всѣхъ школахъ въ качествѣ пособія рисунки и прежде всего необходимы при религіозномъ образованіи.

яхъ съ наиболѣе важныхъ изъ нихъ, и гдѣ систематическій подборъ ихъ служитъ незамѣнимымъ никакими фотографіями и рисунками пособіемъ при преподаваніи и изученіи христіанскихъ древностей. Профессоръ N. Müller сообщилъ, демонстрируя при этомъ планъ, о кабинетѣ христіанскихъ древностей, устроенномъ еще проф. Пиперомъ при Берлинскомъ университетѣ [33]) и значительно расширенномъ настойчивыми трудами сообщавшаго: кабинетъ состоитъ изъ нѣсколькихъ комнатъ, наполненныхъ, кромѣ спеціальной библіотеки, собраніями эстампажей и слѣпковъ съ надписей, слѣпковъ съ важнѣйшихъ саркофаговъ и статуй и рѣзныхъ изъ кости рельефовъ, рисунками и фотографіями фресокъ, мозаикъ и памятниковъ архитектурныхъ и т. д., при чемъ въ составъ музея входятъ и памятники средневѣковые и даже современные церковные вещи—православныя, русскія и греческія. Кабинетъ этотъ является пока единственнымъ. Отсутствіе же представителей нашихъ духовныхъ академій оставило членовъ съѣзда въ невѣдѣніи объ устройствѣ, а м. б., и существованіи такихъ музеевъ при нашихъ академіяхъ, изъ которыхъ музеи въ Петербургской и Кіевской академіяхъ пользуются заслуженной извѣстностью. Некому было разсказать и объ особомъ музеѣ христіанскихъ древностей академіи художествъ, и о „хранилищахъ" при нѣкоторыхъ духовныхъ семинаріяхъ. Говорили, конечно, и о желательности лучшаго и болѣе внимательнаго сохраненія тѣхъ древностей, иногда весьма важныхъ, которыя находятся во владѣніи церквей и монастырей [34]).

Увидавъ воочію археологическія богатства Салоны, гдѣ открывается еще столь широкое поле будущимъ изслѣдованіямъ, и испытавъ неудобства для занятій отъ размѣщенія древностей этихъ въ трехъ помѣщеніяхъ, вовсе тому не соотвѣтствующихъ, члены съѣзда въ засѣданіяхъ этого отдѣла рѣшили ходатайствовать о постройкѣ въ Сплѣтѣ особаго для музея зданія и объ увеличеніи скуднаго содержанія, отпускаемаго правительствомъ на содержанія музеевъ Сплѣта и Задра. Наконецъ, римскій археологъ, архитекторъ баронъ Kanzler, предлагалъ составить общими силами краткій катехизисъ христіанскихъ древностей.

Желанія отдѣленія выражены были такъ: primus congressus etc... vota sua enuntiat:

1) ut musaea christiana antiquis monumentis vel eorum ectypis colligendis et conservandis erigantur non tantum in civitatibus historia christiana antiqua

---

33) О немъ писалъ нѣкогда Ѳ. И. Буслаевъ, см. «Мои досуги» I, 38—54.

34) Съѣздъ «христіанскихъ археологовъ», духовныхъ по большей части особъ, не поднималъ, конечно, вопроса о неизбѣжности храненія древностей въ ризницахъ и о ненадежности такого способа храненія, какъ тому учатъ многіе примѣры, у насъ особенно судьба нѣкоторыхъ древнихъ украшенныхъ эмалями образовъ закавказскихъ монастырей; лишь именуемыя «радикальными» правительства, отбирая у церквей и монастырей не нужныя имъ и драгоцѣнныя для науки и искусства древности, обезпечиваютъ цѣлость ихъ и будущимъ временамъ: такъ поступило недавно Румынское правительство, несмотря на сильную оппозицію духовенства, и Бухарестскій музей по справедливости гордится теперь огромнымъ и прекраснымъ собраніемъ церковныхъ древностей и рукописей, собранныхъ со всей Румыніи.

illustribus, sed et in omnibus universitatibus et seminariis theologicis ad cathedras archaeologiae christianae adiuvandas.

2) ut diligentius, quam fieri solet, in ecclesiis urbanis et ruralibus monumenta quae ibi habentur aut reperiantur conserventur.

3) ut Musaeum Salonitanum congruo aedificio exornetur et musaea Spalatense et Iadetense a gubernio publico liberarioribus subsidiis instruantur atque praesidibus propriis administranda tradantur [35]).

[In ultima sessione plenaria praeses rogationem movit Regimini publico per C. R. Commissionem Centralem Conservandis Monumentis Historicis propomendam, ut ecclesia antiquissima S. Barbarae Tragurina restauretur].

Четвертое отдѣленіе—de patrologia in Seminariis catholicis tractanda et ad archaeologiam applicanda (предсѣдатель іезуитъ Hoffer, профессоръ въ іезуитской гимназіи въ Травникѣ, референтъ prof. Karić изъ Задра) Какъ видно изъ самаго названія отдѣленія этого, оно къ археологіи отношеніе имѣло довольно отдаленное; и, дѣйствительно: въ преніяхъ говорилось не мало вовсе до археологіи не относящагося, какъ напр., о низкомъ состояніи изученія твореній св. отцовъ въ католическихъ семинаріяхъ и университетахъ; говорили о томъ, что нельзя ограничиваться чтеніемъ лишь отдѣльныхъ цитатъ или частей избранныхъ съ исторической или апологетической цѣлью, а что надо прочитывать все сочиненіе, давая комментаріи не только догматическаго, но также и археологическаго характера, и т. д.; предложеніе же dr. Mantovani, библіотекаря Вѣнской Hofbibliothek, составить общими силами сборникъ текстовъ изъ твореній свв. отецъ, церковныхъ историковъ, житій святыхъ и т. д. относящихся къ христіанскимъ древностямъ, оставлено было отдѣломъ безъ вниманія [36]). Какъ относительно церковной археологіи, такъ и относительно патрологіи члены съѣзда признали нужнымъ учрежденіе особой каѳедры по этому предмету, каковая издавна существуетъ, какъ извѣстно, у насъ не только въ духовныхъ академіяхъ, но и въ семинаріяхъ. Желанія эти формулированы такъ: congressus votum suum enuntiat ac competentes auctoritates rogat et orat:

1) ut in singulis facultatibus universitatum et seminariis theologicis propria patrologiae cathedra erigatur et ut studium SS. Patrum et scriptorum ecclesiasticorum, quorum opera uberrimi fontes archaeologiae christianae sunt, ad hanc disciplinam praecipue applicetur.

---

35) 1) Чтобы устраивались христіанскіе музеи для сохраненія древнихъ памятниковъ или для собиранія снимковъ съ нихъ не только въ городахъ, знаменитыхъ своей древностью въ христіанствѣ, но также во всѣхъ университетахъ, богословскихъ школахъ, въ качествѣ пособій для каѳедры христіанской археологіи; 2) чтобы тщательнѣе, нежели теперь, въ городскихъ и сельскихъ храмахъ сберегались памятники, гдѣ таковые имѣются или открываются; 3) чтобы Салонскій музей получилъ соотвѣтствующее зданіе, чтобы музеи Сплѣтскій и Задрскій получили бы бо́льшую субсидію отъ правительства и управлялись бы своими собственными чиновниками.

36) «Настоятельную необходимость» такого собранія призналъ одинъ изъ членовъ

2) ut, donec id obtineatur, professores illi quorum munus est tradere historiam ecclesiasticam aut doctrinam dogmaticam aut apologeticam, saltem unum alterumve ex operibus praecipuis supradictis in schola critice pertractent at discipulis viam ad profundius patrologiae studium monstrent [37]).

V ая секція (предс. проф. Любичъ (Ljubić), референтъ проф. Еличъ, секретарь проф. Аранца (Aranza)) носила имя, нѣсколько не соотвѣтствовавшее ея занятіямъ, а именно: de rebus historicis Dalmatiae a saeculo VII-mo usque ad XII-mum, тогда какъ занималась она славянскими древностями вообще, и вслѣдствіе этого не соотвѣтственнаго имени ея она, быть можетъ, и не видѣла въ своей средѣ вѣнскихъ и иныхъ болѣе многочисленныхъ спеціалистовъ по славяновѣдѣнію, участіе которыхъ значительно способствовало бы успѣхамъ ея дѣятельности.

Нечего и говорить, что всѣ засѣданія ея шли на хорватскомъ языкѣ, почему она и стояла нѣсколько въ сторонѣ отъ прочаго конгресса по недоступности ея для иностранцевъ, постановленія ея не представлены вмѣстѣ съ постановленіями другихъ секцій въ Австрійское министерство, какъ касающіяся только Юго-славянской Академіи въ Загребѣ.

Изъ рефератовъ, прочтенныхъ въ этой секціи, особенно долгіе споры возбудило сообщеніе учителя Раича о плитѣ отъ преграды (pluteum) хорватско-византійскаго стиля съ фигурнымъ рельефомъ въ крещальницѣ, св. Ивана въ Сплѣтѣ" [38]). Референтъ привелъ мнѣнія предшественниковъ относительно изображенной на одной изъ плитъ этихъ фигуры: Эйтельбергера, Кукулевича [39]), Джэксона [40]), Булича [41]) и Рачкаго [42]), и присоединился къ мнѣнію первыхъ трехъ, что фигура на тронѣ [43]) царь, и притомъ считаетъ

съѣзда Dr. Gradman изъ Neuenstein'a въ Баваріи въ замѣткѣ его о съѣздѣ въ Christliches Kunstblatt fur Kirche, Schule und Haus. 1894, № 10, стр. 145—149.

[37]) 1) Чтобы при спеціальныхъ факультетахъ университетовъ и богословскихъ школахъ были учреждаемы спеціальныя каѳедры патрастики, и чтобы изученіе св. отцовъ и церковныхъ писаній, этихъ обильнѣйшихъ источниковъ для христіанской археологіи, было направлено преимущественно къ цѣлямъ этой науки; 2) чтобы, пока это не устроилось, профессора, на обязанности которыхъ лежитъ преподаваніе церковной исторіи, догматики или апологіи, изучали бы въ школѣ то или другое изъ указанныхъ выше выдающихся твореній критически и указывали бы ученикамъ путь къ болѣе глубокому изученію патристики.

[38]) Рефератъ напечатанъ въ 79 номерѣ газеты «Katolička Dalmacija» за 1894 годъ; ранѣе авторъ говорилъ о томъ-же въ обширной критикѣ на вышеуказанное изданіе Булича, помѣщенной въ загребскомъ Viestnik'ѣ hrvatskoga arkeologičkoga druzstva XI (1889) стр. 50—55, 115—119, XII (1890) 12—24, 45—59, 90—95, 122—124.

[39]) Rad jigoslov. Akademiji IVIII. 47—48.

[40]) Jackson. Dalmatia and Quarnero, II стр. 68 рис. 37.

[41]) Hrvatski spomenici u Kninskoj okolici, стр. 39-40; въ главной фигурѣ рельефа Буличъ признаетъ Христа, въ двухъ другихъ (одна утрачена) верховныхъ апостоловъ, въ лежащемъ устроителя церковной преграды, откуда идетъ плита.

[42]) Rad jugoslov. Akad. XVI стр. 212—213.

[43]) На плитѣ этой, утратившей часть правой ея половины, изображенъ въ срединѣ бородатый человѣкъ, сидящій на тронѣ въ коронѣ съ тремя крестами на ней и держащій

возможнымъ видѣть (съ Кукулевичемъ) хорватскаго короля Томислава, который былъ въ 925 году на церковномъ соборѣ въ Сплѣтѣ, и считать этотъ рельефъ „увѣковѣчившимъ воспоминаніе о коронованіи перваго хорватскаго короля, принявшаго инсигніи свои изъ Рима“.

Противъ референта явилось много возражателей: проф. Еличъ отстаивалъ мнѣніе Булича, что фигура на тронѣ—Христосъ съ Петромъ и Павломъ по сторонамъ, опираясь на то, что на украшеніяхъ преградъ внутри церквей всегда бывали де лишь религіозныя изображенія; прив. доц. Петербургскаго Университета Сырку говорилъ о формѣ короны, не признавая въ рельефѣ короны сходства ни съ византійскими, ни съ болгарскими коронами. Прочіе ораторы одни склонялись къ мнѣнію Елича и Булича, другіе къ отстаиваемому Раичемъ. На другой день осмотрѣнъ тщательно оригиналъ и все же мнѣнія остались разногласными [44]); тѣмъ досаднѣе было спорящимъ констатировать на верхнемъ краю рельефа слѣды надписи, въ которой стояло, можетъ быть, имя или какое иное указаніе для положительнаго рѣшенія вопроса.

Прив. доц. Сырку говорилъ о рукописи XVI вѣка, писанной кириллицей, найденной имъ въ 1893 году въ Сараевѣ и долженствующей быть изданною въ „Гласникѣ Земальског Музеја у Сарајеву“, которая содержитъ молитвы противъ различныхъ болѣзней и напастей, гдѣ въ числѣ именъ святыхъ есть и имена мѣстныхъ славянскихъ святыхъ. Рукопись эту референтъ сравнивалъ съ имѣющейся у него греческой ркп. XV в., гдѣ между прочими призывается также и Климентъ Охридскій, ученикъ Кирилла и Меѳодія.

Библіотекарь вѣнской Hofbibliothek dr. Mantovani по-славенски читалъ „О важности литургичныхъ рукописей далматинскихъ для исторіи церковнаго пѣнія“. Референтъ демонстрировалъ фотографію рукописи Graduale францисканскаго монастыря въ Шибеникѣ (Sebenico), гдѣ ноты обозначены надстрочными значками, и указалъ на значительное число подобныхъ рукописей Далмаціи, содержащихъ оригинальные напѣвы и драгоцѣнныхъ для возстановленія древняго церковнаго пѣнія. Референтъ возражалъ на замѣчаніе Сырку, что рукописи эти могутъ быть драгоцѣнны и для изученія народныхъ мотивовъ, говоря, что народное пѣніе слѣдовало, быть можетъ, за напѣвами церковными, какъ то доказывается древними греческими „литургичными книгами“.

Послѣдній рефератъ, Елича, былъ объ искусствѣ Хорватовъ въ средніе вѣка: онъ перечислилъ важнѣйшіе памятники архитектуры (церкви различныхъ видовъ) и скульптуры, которая въ XIII вѣкѣ особенно „самостоятельно“

въ правой рукѣ крестъ, а на лѣво одна стоящая фигура, мужская, въ позѣ адораціи; подъ ногами ея совершенно распростертая на землѣ другая меньшая фигурка.

[44]) Мы лично не считаемъ возможнымъ видѣть въ сидящей на тронѣ фигурѣ безъ нимба съ крестомъ въ правой поднятой рукѣ—Христа, а въ предстоящихъ фигурахъ, безъ нимбовъ же и въ свѣтской одеждѣ—апостоловъ; очевидно на тронѣ—земной властитель, но назвать его по имени, не зная ни времени и мѣста изготовленія плитъ этихъ, ни прежняго назначенія ихъ—разумѣется—не возможно.

будто бы развилась; главными дѣятелями и въ той и другой считаетъ авторъ „съ наибольшей вѣроятностью“ Бенедиктинцевъ, каковыми были маисторъ Андрей, строитель церкви на о. Кркѣ, авторъ знаменитой древнѣйшей глаголической надписи временъ короля Звониміра и сплѣтскій ваятель Оттонъ XI вѣка.

Болѣе поздними художниками являются какъ бы продолжатели той же школы Бувина (см. о немъ выше) и Радованъ, строитель Трогирскаго собора.

Памятниковъ живописи сохранилось меньше. Къ чему такихъ памятниковъ южно-славянской иконописи референтъ относитъ два знаменитыхъ Римскихъ образа.

Одинъ—знаменитый Ватиканскій нерукотворный образъ Спасителя, т. н. образъ Вероники,—прикрытъ въ настоящее время и ризою и новою живописью—и самого его не видно, но на копіи его, исполненной въ Римѣ въ XIII в. для одного французскаго монастыря, находится внизу славянская надпись: ОБРАЗЪ ГСПДНЬ НА УБРУСѢ, откуда слѣдуетъ, что если надпись эта не прибавлена копистомъ произвольно, то въ Ватиканскомъ образѣ Вероники сохранилось произведеніе славянской живописи значительно древнѣйшей XIII вѣка.

Другой образъ—так. наз. „икона царя Константина“, также въ Ватиканѣ [45]). Изслѣдователь приходитъ къ мысли, что икона эта поставлена Кирилломъ и Меѳодіемъ славянскими въ бытность ихъ въ Римѣ, въ 867 году; поэтому въ фигурахъ (на полѣ) жертвователей иконы онъ видитъ славянскихъ первоучителей, а въ средней папу Адріана II, посылающаго ихъ на проповѣдь. Подпись иконы (СТЬ·.· ПЕТРЬ·:·—СТЫ ПАВЬЛЬ) относится къ XII в. и объясняется реставраціей. Въ подтвержденіе древности иконы референтъ указывалъ на сходство иконы въ одеждахъ съ фресками въ S. Clemento (что едва-ли основательно) и на свидѣтельство 1192 г. о какой-то иконѣ Петра и Павла, якобы показанной Сильвестромъ Константину В. (гипотеза опять довольно шаткая).

Обѣ эти иконы референтъ приготовляетъ къ изданію въ особой публикаціи съ прекрасными автотипическими изображеніями образовъ.

Главнымъ же предметомъ занятій этой секціи было обсужденіе вопроса объ изданіи сборника средневѣковыхъ надписей. Далмаціи: референтъ Еличъ началъ I-ое засѣданіе секціи указаніемъ на эту главнѣйшую задачу секціи, на задуманный Corpus inscriptionum Dalmaticarum a saeculo VII usque ad s. XII. Во время преній предложеніемъ прив. доц. Сырку задача была расширена: ораторъ желалъ изданія сборника болѣе общаго характера: хронологическаго собранія славянскихъ надписей всѣхъ юго-славянскихъ земель, средства же для изданія, кромѣ надеждъ, возлагаемыхъ на загребскую

---

[45]) О немъ референтъ повторилъ свое изслѣдованіе, напечатанное въ сборникѣ въ честь де-Росси. «Archaeologische Ehrengabe zum 70. Geburtstage de Rossi's» (herausg. von A. de-Waal), стр. 82-94, tab. V.: Nuove asservazioni sull' icona vaticana dei ss. Pietro e Paolo, di dr. Luca Jelić.

академію, полагалъ онъ возможнымъ найти путемъ подписки въ юго-славянскихъ земляхъ и Россіи. Иные выражали сомнѣнія въ осуществимости столь широкой задачи; но если-бы дѣло велось съ бо́льшимъ согласіемъ между учеными разныхъ славянскихъ земель [46]), то и эта задача оказалась бы исполнимой. V-я секція постановила: V sectio in congressu archaeolgorum christianorum Spalati Saloni vota exprimet, ut Academia Slavorum Meridionalium curam gerat, ut quamprimum edatur corpus inscriptionum mediae aetatis Dalmatiae et aliorum regionum meridionalium [47]).

Вышеприведенныя постановленія съѣзда, изложенныя на латинскомъ языкѣ, на которомъ говорились торжественныя рѣчи, читались нѣкоторые рефераты, печатались приглашенія и будутъ напечатаны протоколы засѣданій,—представлены будутъ австрійскому министерству исповѣданій и просвѣщенія, такъ какъ отъ него зависитъ удовлетвореніе многихъ высказанныхъ съѣздомъ желаній; въ виду международнаго характера съѣзда обратятъ, вѣроятно, на постановленія его вниманіе и министерства иныхъ странъ, гдѣ существуютъ особые богословскіе факультеты, тѣмъ болѣе можно ожидать вниманія къ постановленіямъ съѣзда учрежденій католическихъ, такъ какъ и численностью, и дѣятельностью преобладали на съѣздѣ католическія духовныя особы. Если немногочисленны были иностранцы на самомъ съѣздѣ, то въ трудахъ его, изданіе которыхъ, какъ увѣряли насъ, обезпечено, появятся статьи ученыхъ различныхъ націй, статьи, которыя за недостаткомъ времени не могли быть прочтены на съѣздѣ. Эти научные труды—рядъ важныхъ постановленій и предпріятій, задуманныхъ первымъ международнымъ съѣздомъ въ Сплѣтѣ—побудитъ, вѣроятно, изслѣдователей и любителей христіанской древности въ бо́льшемъ числѣ собраться на будущій съѣздъ въ Равеннѣ, къ ея знаменитымъ древностямъ. Именно эти равеннскія древности и терминъ „равеннскаго стиля", употреблявшійся на сплѣтскомъ съѣздѣ и заставляютъ насъ желать, чтобы русскіе ученые явились въ Равенну представить достойнымъ образомъ восточную науку христіанской археологіи и доказать ту общепризнаваемую у насъ прямую зависимость равеннскихъ древностей отъ Константинополя. Но, если и исполнятся наши желанія, если равеннсскій съѣздъ будетъ многочисленнѣе сплѣтскаго, если русская наука будетъ представлена тамъ достойнымъ образомъ, если тамъ больше вниманія удѣлятъ христіанскимъ древностямъ востока, и если этотъ эллинскій востокъ самъ представитъ себя болѣе дѣятельно, нежели въ Сплѣтѣ, гдѣ проф. Schultze явился представителемъ отъ аѳинскаго общества *Ἑταιρία τῆς χριστιανικῆς ἀρχαιολογίας*, о научной дѣятельности котораго ничего не слышно даже въ самихъ Аѳинахъ, если постановленія равеннскаго съѣзда будутъ важнѣе выше приведенныхъ, во всякомъ случаѣ съѣздъ въ

---

[46]) Надписи Босанскія уже издаются самостоятельно Трухелькой въ «Гласникѣ земаљског музеја» въ Сараевѣ.

[47]) Чтобы академія Юго-славянская приняла на себя заботы издать, какъ можно скорѣе, собраніе средневѣковыхъ надписей Далмаціи и другихъ южныхъ странъ.

Сплѣтѣ будетъ памятенъ участникамъ его тѣмъ, что онъ былъ первымъ и доказалъ осуществимость мысли такихъ съѣздовъ, что протекалъ онъ среди столь интересныхъ древностей и въ такихъ дивныхъ мѣстахъ. Не забудутъ участники съѣзда и двухъ столповъ его, которые несли на своихъ плечахъ всю тяжесть, какъ долговременнаго устройства съѣзда, такъ и всѣ неисчислимыя хлопоты во все его продолженіе: директора гимназіи и музея издавна извѣстнаго изслѣдователя салонскихъ и книнскихъ древностей монсиньора Франца Булича и молодаго, даровитаго ученаго, профессора Задрской гимназіи, Луки Елича: если съѣздъ состоялся, если онъ прошелъ столь пріятно и поучительно для участниковъ, этимъ обязаны они непоколебимой энергіи этихъ двухъ лицъ.

Я. Смирновъ.

Вѣна, 1894 г.

IV

Археологическая хроника.

—— Въ первыхъ числахъ мая Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ были предприняты археологическія изслѣдованія у с. Спасъ-Тушино (15—16 в. отъ Москвы) подлѣ урочища Барышиха. Разрыто было 15 кургановъ средней величины ($1\frac{1}{2}$—$3\frac{1}{2}$ метровъ высоты). Найденные въ курганахъ предметы относятъ къ извѣстному изъ другихъ раскопокъ московскому типу (характерныя крупныя металлическія семилепестныя привѣски). Особенный интересъ возбудила необыкновенная сохранность могильнаго сруба въ самомъ большомъ изъ кургановъ (срубъ вмѣстѣ съ берестой); въ томъ же курганѣ найдена превосходной сохранности мужская обувь (короткое голенище, острый носокъ, подошва безъ каблуковъ). Болѣе подробный отчетъ о раскопкѣ будетъ сообщенъ въ одномъ изъ ближайшихъ №№ „Арх. Изв.“.

—— При производствѣ земляныхъ работъ для прокладки канализаціонныхъ трубъ въ Москвѣ, 8-го мая въ Ипатьевскомъ переулкѣ, на Ильинкѣ, сдѣланы на глубинѣ 5 аршинъ цѣнныя въ археологическомъ отношеніи находки: нѣсколько остроконечныхъ тяжелыхъ шлемовъ, сильно, къ сожалѣнію, попортившихся отъ времени, 5 кольчугъ, 12 разныхъ копій, нѣсколько конскихъ уборовъ, сосудъ краснаго металла съ ясно виднымъ на немъ изображеніемъ оленя. Всѣ эти вещи найдены были городскимъ десятникомъ Лопатинымъ сложенными въ одномъ мѣстѣ. Затѣмъ однимъ изъ рабочихъ была найдена мелкая серебряная монета съ обрубленными неровными краями, находившаяся въ истлѣвшемъ отъ времени кисетѣ.

На нѣкоторыхъ монетахъ довольно ясно видны изображеніе Георгія Побѣдоносца и надпись „князь великій Иванъ...“ На слѣдующій день, 9-го мая, рабочіе, несмотря на праздникъ, собрались для продолженія раскопокъ и нашли еще нѣсколько мелкой серебряной монеты. (Русск. Вѣд., 1895, № 128).

—— 25 февраля 1895 г. воспослѣдовало Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе на уступку западной части Тверскаго Императорскаго Дворца подъ помѣщеніе Тверскаго историко-археологическаго музея. До сихъ поръ музей, основанный въ шестидесятыхъ годахъ, не имѣлъ собственнаго помѣщенія и занималъ одну изъ большихъ залъ мужской гимназіи. Помѣщеніе это давно стало недостаточнымъ. Съ начала семидесятыхъ годовъ стараніемъ А. К. Жизневскаго музей началъ быстро и обильно наполняться предметами Тверской древности и старины, поступавшими сюда со всѣхъ концовъ губерніи и давно уже, за тѣснотою, все, что можетъ находиться на открытомъ воздухѣ, помѣщено на дворѣ дома Архивной Коммиссіи, а очень большое количество вещей хранится въ закрытыхъ ящикахъ музея, или остается почти незамѣтнымъ въ переполненныхъ шкапахъ его. Въ тверскомъ музеѣ хранится болѣе семи тысячъ замѣчательныхъ рукописей и болѣе восьми тысячъ семисотъ древнихъ и старинныхъ предметовъ кромѣ старопечатныхъ книгъ, каменныя и костяныя орудія и горшки каменнаго вѣка, предметы курганнаго періода, большая коллекція бытовыхъ и церковныхъ древностей края. — Теперь, съ переходомъ во дворецъ, открывается полный просторъ къ новому обогащенію музея по всѣмъ отраслямъ его программы и дальнѣйшее преуспѣяніе этого учрежденія становится внѣ всякихъ сомнѣній.

—— Въ Маріуполѣ, въ Харлампіевскомъ соборѣ, хранится крайне интересная икона св. Георгія, перевезенная въ Маріуполь выселившимися изъ Крыма греками; по преданію, она была взята изъ Балаклавскаго Георгіевскаго монастыря. Икона вырѣзана рельефомъ на доскѣ и покрыта мастикою; „отъ древности мастика осыпается, дерево само отваливается; на копьѣ и панцырѣ остались слѣды позолоты“; въ описи 1859 г. объ этой иконѣ сказано, что она помѣщена „въ позолоченой съ рѣзьбой рамѣ; на ней шата серебряная, вызолоченная, на поляхъ страданія святаго покрыты также серебряной шатою; на главѣ святаго серебряный вызолоченный вѣнецъ, украшенный стразами и яхонтами“. *) Снимокъ съ этой иконы, къ сожалѣнію, не достаточно удавшійся для воспроизведенія его въ печати, былъ направленъ Моск. Археол. Обще-

*) Маріуполь и его окрестности, изд. Д. А. Хараджаева, стр. 124, 125 (Маріуп. 1892).

ствомъ къ Н. В. Покровскому, который любезно сообщилъ свой взглядъ на этотъ интересный памятникъ старины. „Икона, пишетъ Н. В. Покровскій, имѣетъ около 1 ½ арш. высоты и потому, вѣроятно, предназначалась для церковнаго, а не для домашняго употребленія. Св. Георгій, изображенный на иконѣ, пользовался большимъ уваженіемъ издревле какъ въ Византіи, такъ и въ Сиріи, и въ Россіи, и особенно на Кавказѣ, гдѣ онъ, какъ каппадокіецъ по происхожденію, считался національнымъ святымъ. Эта неясность происхожденія иконы, а равно и то, что я не видѣлъ оригинала, не позволяютъ мнѣ высказаться прямо: въ Византіи или на Кавказѣ (два наиболѣе вѣроятные пункта) изготовлена она. Но гдѣ бы и кѣмъ бы она ни была изготовлена, во всякомъ случаѣ она носитъ на себѣ несомнѣнные признаки древняго византійскаго стиля. Посмотримъ на главную фигуру и композиціи по полямъ. Изображенъ воинъ съ щитомъ въ лѣвой рукѣ, снабженнымъ обычною выпуклостью *(ὀμφαλός)*, какъ на щитахъ греко-римскихъ и византійскихъ; въ правой рукѣ длинное копье; воинъ одѣтъ въ броню и тунику, выпущенную изъ подъ брони; на ногахъ, повидимому, поножи; головной уборъ не ясенъ; какъ будто тутъ есть слѣдъ восточнаго вліянія, столь обычнаго въ но искусствѣ византійскомъ, (если только это не просто волосы?). Фигура вся напоминаетъ св. воина Георгія; и это несомнѣнно св. Георгій, какъ видно изъ изображеній на поляхъ. Вверху, съ лѣвой стороны отъ зрителя, изображены Діоклитіанъ и его соправитель; предъ ними св. Георгій въ сопровожденіи воина; это—Георгій объявляетъ себя христіаниномъ; ниже—воины ведутъ Георгія въ темницу; Георгій въ темницѣ съ закованными въ кандалы ногами, мучители накладываютъ на его грудь камень; ниже — колесованіе св. Георгія, наконецъ, въ самомъ низу, мученіе въ негашеной извести. На правой сторонѣ, вверху, біеніе Святаго воловьями жилами, или желѣзными крючьями; ниже—св. Георгій воскрешаетъ мертвеца; поселянинъ съ воломъ, воскрешеннымъ св. Георгіемъ, стоитъ передъ нимъ въ темницѣ; Георгій обличаетъ языческое идолослуженіе; усѣкновеніе главы св. Георгія. Всѣ эти композиціи, за исключеніемъ одной, описаны и въ греческомъ иконописномъ подлинникѣ, который въ своей послѣдней редакціи относится къ эпохѣ возрожденія греческаго искусства, но на ряду съ новшествами удерживаетъ и многія черты отдаленной византійской старины. Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло именно съ этими древними чертами. Что изображеніе св. Георгія въ видѣ стоящаго воина въ христ. иконографіи древнѣе Георгія-всадника, объ этомъ свидѣтельствуютъ довольно многочисленные памятники. Вся фигура центральнаго изображенія дышитъ тѣмъ величавымъ спокойствіемъ, которымъ отличаются

памятники вторичнаго процвѣтанія византійскаго искусства въ XI—XII в. Она довольно правильна и красива, но тонкія длинныя ноги даютъ понять, что мы здѣсь имѣемъ дѣло съ эпохою, близкою къ упадку византійскаго искусства. Въ боковыхъ композиціяхъ замѣтна значительная жизненность и простота, чуждыя того отталкивающаго реализма, которымъ щеголяютъ художники эпохи упадка. Трактованіе сценъ мученія здѣсь напоминаетъ соотвѣтствующія сцены въ миніатюрахъ ватиканскаго минологія X вѣка, и если нужно указать еще примѣръ изъ области скульптуры, то я указалъ бы на Беневентскія врата XII в., на которыхъ многочисленныя сцены изъ Евангелія трактованы съ тѣмъ же непринужденнымъ спокойствіемъ, какъ и здѣсь; тамъ и здѣсь сцены не очень сложныя, а въ фигурахъ видна правильность и красота. Въ частности по отношенію къ главной фигурѣ—центральной, мы имѣемъ аналогію въ чеканномъ изображеніи св. Георгія въ Джумати XII в., но наша икона, повидимому, не имѣетъ грузинскихъ примѣсей, очевидныхъ въ Джуматскомъ изображеніи. Техника иконы довольно высокая, соотвѣтствующая намѣченной эпохѣ; орнаментика на поляхъ изящная. Необыкновенная пластичность формъ, высота рельефа выдѣляетъ икону изъ ряда однородныхъ произведеній того времени. При первомъ впечатлѣніи у меня даже возникъ вопросъ: не имѣетъ ли близкаго соотношенія эта икона съ аѳонскою рѣзьбою XVI в., которая отличается подобною же высотою рельефовъ; но при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи иконы я оставилъ это предположеніе и объяснилъ эту особенность свойствомъ матеріала и характеромъ техники. Я оставляю въ сторонѣ нѣкоторыя детали, напр., въ костюмировкѣ, архитектурныхъ формахъ (колонна), въ строеніи пещеры погребальной и саркофага (сцена воскрешенія мертвеца), которыя прямо указываютъ на византійскую древность, но разборъ которыхъ для ближайшихъ цѣлей представляется излишнимъ. Полагаю, что, въ виду указанныхъ соображеній, икону слѣдуетъ отнести къ XI или XII в., скорѣе къ первому, чѣмъ ко второму".

—— Въ Дашурѣ найдены при раскопкахъ новыя драгоцѣнности: золотое украшеніе временъ 12 династіи, десять гипсовыхъ статуй, изображающихъ людей въ сидячемъ положеніи, въ двойную величину человѣческаго роста, временъ 13 династіи, украшавшіе храмъ въ Узертесенѣ. Онѣ отправлены въ музей Гизе, а также и красивая барка 1,70 метровъ длиною и 60 сантиметровъ вышиною. Барка представляетъ новость. Она сдѣлана изъ дерева и выкрашена въ красноватую краску. На ней есть палуба и двѣ каюты, съ дверями, украшенными фигурами и надписями. На крытой палубѣ пять человѣкъ сидятъ на

полу, а на носу стоятъ капитанъ и матросъ, и два человѣка сидятъ на корточкахъ. Мачта сломана, но есть рея и длинный руль. („Спб. Вѣд.“ № 94, 1895).

—— Проф. Флиндерсъ Петри въ „Royal Society“ въ Эдинбургѣ сообщилъ о своихъ новѣйшихъ раскопкахъ въ 30 миляхъ къ сѣверу отъ Ѳивъ въ Египтѣ. Онъ нашелъ тутъ большое число могилъ съ костями людей, жившихъ тамъ за 3,000 лѣтъ до Р. Х. и совершенно непохожихъ на египтянъ. Онъ доказалъ это не только различіемъ въ строеніи костей, но и остатками предметовъ, найденныхъ въ могилахъ. По мнѣнію Флиндерса Петри, эти кости принадлежали народу, который находился на очень низкой культурной ступени. Это — вѣтвь тѣхъ либійцевъ, переселившихся на востокъ, которые основали амонитское племя въ Сиріи. („Нов. Вр.“ № 871, 1895 г.)

V

Библіографія.

Труды Рязанской уч. архивной коммиссіи, т. X, вып. 2 (Рязань, 1895). *А. Черепнинъ* — „Мѣстная старина“ (продолж.): *Борковскій могильникъ* (стр. 71—103). Предпославъ очеркъ исторіи изученія извѣстнаго Борковскаго моильника, авторъ даетъ обстоятельный отчетъ о раскопкахъ, предпринятыхъ имъ въ такъ называемыхъ Придорожномъ и Жемчужномъ буграхъ, входящихъ въ составъ названнаго могильника. Было обнаружено три вида похоронныхъ обрядовъ: 1) *простое погребеніе* (тѣло умершаго полагалось въ могилу въ лежачемъ положеніи, преимущественно на спину); 2) *трупосожженіе* (трупъ предварительно сожигался на кострѣ; затѣмъ остатки пережженныхъ костей зарывались въ могилу вмѣстѣ съ украшеніями и оружіемъ; предметы въ *большинствѣ случаевъ* не имѣли на себѣ слѣдовъ дѣйствія огня); 3) *погребеніе въ сидячемъ положеніи* (тѣло умершаго помѣщалось въ могилу въ сидячемъ положеніи, при чемъ ноги были протянуты горизонтально, подъ прямымъ угломъ къ туловищу). Слѣдовъ внѣшнихъ насыпей надъ могилами не было. Глубина могилъ колебалась отъ $^3/_4$ — $1^3/_4$ арш., хотя изрѣдка были находимы могилы и на болѣе значительной глубинѣ, до $2^1/_2$ арш. Въ могилахъ съ простымъ погребеніемъ, находились большею частью остатки одного костяка (направ. головы преимущественно на СВ., СВВ., В. и С.), но въ 4-хъ могилахъ оказались остатки двухъ погребеній. Костяки въ большинствѣ случаевъ истлѣли, вслѣдствіе чего Борковскій могильникъ вообще далъ лишь крайне мало матеріала для антропологическаго изученія. Въ могилахъ не было найдено остатковъ колодъ или гробовъ, но довольно часто встрѣчались

куски луба (особенно въ женскихъ могилахъ), служившіе подстилкой или прикрытіемъ умершему; иногда покойникъ былъ завернутъ въ одинъ большой кусокъ луба. Въ ногахъ, а иногда въ головахъ костяка, находились глиняные сосуды, въ общемъ довольно однообразные: почти всѣ они, по словамъ г. Черепнина, были темно-сѣраго цвѣта, хорошаго обжига, довольно грубой ручной работы, $2^3/_4$—3 верш. высоты, къ дну съужены, съ прямыми вѣнчиками и съ небольшой выпуклостью боковъ подъ вѣнчикомъ; большая часть сосудовъ была лишена украшеній; на нѣкоторыхъ, впрочемъ, верхній край вѣнчика орнаментированъ наклонно-параллельными углубленіями; далѣе на одномъ—подъ вѣнчикомъ были выдавлены небольшіе кружочки, расположенные въ два ряда, въ шахматномъ порядкѣ; на другомъ горшкѣ, ниже вѣнчика, на выпуклости идетъ кругомъ рядъ наклонно-параллельныхъ короткихъ черточекъ. Кромѣ подобныхъ сосудовъ въ могилахъ были находимы еще отдѣльные черепки разбитыхъ сосудовъ, положенныхъ уже разбитыми въ могилы; эта послѣдняя находка, въ связи съ находимыми въ могилахъ угольками, слѣдами золы и пепла, приводятъ г. Черепнина къ заключенію, что во время похоронъ, надъ покойникомъ, передъ засыпаніемъ могилы, совершались религіозные обряды, сопровождавшіеся поминальнымъ питьемъ и ѣдой, при чемъ черепки разбиваемыхъ сосудовъ вмѣстѣ съ угольками, золой и пепломъ кидались въ могилу. Борковскій могильникъ доставилъ большое количество металлическихъ украшеній, желѣзнаго оружія (мечи, копья, ножи), бусъ и гончарныхъ издѣлій. Серебряныхъ украшеній было найдено сравнительно мало, а именно: три шейныя гривны, въ видѣ гладкихъ обручей изъ проволоки, утончающейся къ концамъ, двѣ небольшія фигурныя бляшки, серебряныя тонкія пластины, которыми были обложены ножны одного меча; разнообразной формы бляшки отъ поясовъ, пряжки и наконечники отъ нихъ же, три привѣски въ видѣ бутылочекъ, крупная крестообразная фибула и два колечка съ несведенными концами, найденныя въ двухъ мужскихъ могилахъ у лѣваго виска. Гривна и крестообразная фибула были изъ низкопробнаго серебра; небольшія вещи имѣли болѣе высокую пробу. Въ нѣкоторыхъ могилахъ были находимы и куски полуистлѣвшей шерстяной ткани, тонкихъ снурковъ, скрученныхъ изъ шерстяныхъ, иногда льняныхъ или шелковыхъ (въ двухъ случаяхъ) нитей, обрывки шерстяной бахромы, кожи, ремней, изрѣдка холщевой и, кажется, хлопчато-бумажной ткани. Сравнивая остатки шерстяныхъ тканей, замѣчаетъ г. Черепнинъ, легко было замѣтить различіе какъ въ качествахъ тканей, такъ и въ способахъ ихъ выдѣлки. Одни лоскутки представляли грубую, неплотную шерстяную матерію, темно-коричневаго цвѣта; на основу и утокъ шла одинаковой толщины шерстяная пряжа; другіе—представляли тонкую, болѣе плотную и тщательно вытканную шерстяную матерію; на двухъ клочкахъ, наконецъ, хорошо сохранился узоръ въ видѣ затканныхъ узкихъ долевыхъ полосокъ, расположенныхъ параллельно одна другой. Цвѣтъ тканей преимущественно темный: коричневый, темно-коричневый и почти черный.

Český lid. (Сборникъ по этнографіи Чехіи, Моравіи, Силезіи и Словеніи моравской, 6 книгъ въ годъ) 1894. Прага.

Помимо чисто этнографическаго матеріала, въ каждой книжкѣ вторую половину занимаютъ статьи по мѣстной археологіи, представляющія не малый интересъ. Представляемъ перечень этихъ статей съ краткими замѣтками объ ихъ содержаніи.

L. Niederle: „О главныхъ задачахъ (uloha) чешской археологіи". Авторъ находитъ возможнымъ въ виду накопившагося матеріала попытаться сдѣлать систематическое изложеніе чешской археологіи, по крайней мѣрѣ, для доисторическаго ея періода. Пересмотръ этотъ показываетъ то, что сдѣлано и доступно обобщенію, а также и тѣ пробѣлы, которые наука должна восполнить. Оказывается, что даже такіе крупные вопросы, какъ существованіе неолитической культуры въ Чехіи, еще вопросы спорные *). Въ связи съ этимъ стоитъ вопросъ о первоначальныхъ поселеніяхъ Чехіи. Значительное число могилъ бронзоваго періода еще не опредѣлены этнографически, также не ясна хронологія для исторіи Чехіи за I, II, III в. по Р. Х.; роль разныхъ пришельцевъ (Бойевъ, Маркомановъ); существованіе культуры т. н. меровингскаго типа (иначе готскаго, германскаго) далеко не установлено точно и т. д. Наконецъ авторъ отмѣчаетъ крупный вопросъ, важный для хронологіи, вопросъ о керамикѣ, особенно славянской (I, 65—73). *I. Matiegka*: „Матеріалы для изученія чешскаго неолита". Описаніе неолитическаго могильника и поселенія у Лосовицъ, могилъ со скорченными костяками у Малыхъ Жерносекъ; здѣсь найдены окрашенные въ красную краску скелеты, подобные нашимъ смѣльскимъ, кіевскимъ, херсонскимъ, а также западнымъ (въ Бельгіи, Англіи, Франціи); въ окраскѣ авторъ статьи видитъ своеобразную татуировку, употреблявшуюся и живыми съ цѣлью украшенія и защиты тѣла (напр. отъ насѣкомыхъ) (I, 73—76; II, 177—182). *L. Šnajdr*: „Палеонтологическіе афоризмы, относящіеся къ Чехіи". Исходя изъ устойчивости этническихъ особенностей расъ, авторъ, пользуясь статистикой современнаго населенія, пытается указать (по цвѣту волосъ и глазъ) на двѣ струи въ составѣ чешскаго племени; между прочимъ онъ въ голубоглазыхъ типахъ находитъ остатки Хорватовъ, зашедшихъ въ Чехію и жившихъ частью около Балтійскаго моря въ I в. по Р. Х. (I, 77—84; II, 172—177). *Fr. Kučera*: „Доисторическія находки въ Лонскомъ" (Lounsko) описываетъ кладбище первыхъ временъ христіанства, могилы неолитич. эпохи у Veltež, могилы бронзоваго вѣка, остатки поселеній галльскихъ въ этой же мѣстности (I, 84—86; II, 164—171; VI, 563—568). *K. I. Maška*: „Человѣкъ дилювіальнаго періода въ Пржедмостьи"—первое извѣстіе о находкѣ (II, 161—164) (см. Арх. Изв. и Зам. 1894 г., № 8—9; стр. 262). *L. Niederle*: „О позднѣйшемъ каменномъ періодѣ въ Чехіи" (III, 257—275; IV, 350—359) (см. Арх. Изв. и Зам. 1894 г. № 89, стр. 282 и сл.). *I. Matiegka*: „О распространеніи каменныхъ

*) Авторъ—сторонникъ существованія этого періода, другіе, компетентные археологи, какъ Пичъ, Смоликъ, отрицаютъ этотъ періодъ (см. Арх. Изв. и Зам. 1894, стр. 282—3).

орудій въ Чехіи и на Моравѣ въ связи съ геологіей края". Сравнивъ карту находокъ каменныхъ орудій съ геологической картой края, авторъ убѣдился въ тожественности территорій, откуда выводъ: жители, употреблявшіе каменныя орудія, селились тамъ, гдѣ природа давала матеріалъ для издѣлія; это подтверждается сходствомъ матеріала въ орудіяхъ съ геологич. строеніемъ мѣстности (III, 276—280). *Его же* „О типахъ серповъ и ихъ употребленія въ доисторическое время".—Попытка свести воедино и классифицировать матеріалъ, собранный изъ раскопокъ въ Чехіи, у античныхъ народовъ и современныхъ дикарей (IV, 359—366). *B. Moravec*: „Homberg (Hohenberk)"—чешское городище доисторической эпохи (III, 280—283). *J. Hávelka*: „Валъ и Градекъ у Милетина"—городище (IV, 366—367). *Jan Knies*—„Доисторич. находки поздней славянской эпохи на Моравѣ". Изложивши библіографію по моравскимъ древностямъ, разсѣянную въ массѣ мелкихъ журналовъ, авторъ даетъ краткое описаніе и примѣры всѣхъ родовъ древностей, встрѣчающихся на Моравѣ: городищъ нѣсколько типовъ (древнѣйшаго типа—подковообразныя, на высотахъ, родовыя — менѣе укрѣпленныя, нѣчто въ родѣ караванъ-сараевъ, временныя и т. д.), ямъ съ культурными отложеніями, погребенія съ трупосожженіемъ (двухъ видовъ: въ могильной ямѣ и съ горшкомъ-пепельницей), обыкновенное погребеніе (уже отъ времени начатковъ христіанства). Эпоха младшая доисторическая опредѣляется авторомъ съ IV в. до XII в. по Р. Х. (I, 449—468; VI, 545—549). *I. Kučera*: „Доисторическія поселенія въ бассейнѣ Ольшавы, Влары и Сеницы въ Моравской Словеніи". Статья по характеру сходная съ предъидущей (VI, 550—563). *Jar. Haasz*: „Сохраненіе памятниковъ и древностей". Авторъ одобряетъ поднятый мѣстнымъ археолог. обществомъ (Společnost přátel starožitností českých v Praze) вопросъ о мѣрахъ сохраненія древностей: названное общество внесло въ мѣстный сеймъ предложеніе объ учрежденіи правительственной коммиссіи для выработки подобнаго плана (IV, 366—375). „Мелкія алхеолог. извѣстія"; не лишены интереса между ними: извѣстіе о находкѣ костей мамонта въ Чехіи и на Моравѣ въ сочиненіи іезуита Kasp. Schotta „Fysica curiosa" (1697 г.); фибула оригинальнаго типа (приложенъ рисунокъ), относимая издателями къ половинѣ перваго тысячелѣтія нашей эры (II, 182—184; VI, 569—573) *N*(iederle) „Девятый русскій археологич. съѣздъ въ Вильнѣ"—краткій отчетъ (V, 469—471).

Sitzungsberichte der gel. estnischen Gesellschaft. 1894. (Юрьевъ 1895). *Проф. Хаусманъ* въ краткой замѣткѣ подъ загл. Materialien zur liv. u. estl. Geschichte in Moskau обращаетъ вниманіе мѣстныхъ изслѣдователей на документы, хранящіеся въ Моск. Архивѣ М. Юстиціи и имѣющіе отношеніе къ исторіи прибалтійскихъ губ.

Въ статьѣ Estnische Alterthümer aus der Gegend von Oberpahlen *проф. Хаусманъ* сообщаетъ о находкахъ, сдѣланныхъ случайно и путемъ раскопокъ, въ двухъ мѣстностяхъ около Оберпалена: въ им. Каннаферъ и Пайусъ;

въ послѣднемъ раскопки были произведены проф. Хаусманомъ. Въ древности указанныя мѣстности входили въ предѣлы эстонской области Саккала. По своему устройству могильникъ им. Пайусъ близко подходитъ къ могильникамъ, которые проф. Хаусманъ называетъ *Steinreihengräber*—имя, которымъ онъ предложилъ замѣнить неудачное названіе подобныхъ могилъ *корабельными*; находки въ обоихъ имѣніяхъ, состоящія изъ желѣзнаго оружія и бронзовыхъ украшеній, свидѣтельствуютъ, что въ культурномъ отношеніи оба могильника относятся къ одной эпохѣ и принадлежатъ одному народу; кромѣ того онѣ стоятъ въ ближайшей связи съ находками изъ аналогичныхъ могильниковъ о-ва Эзеля. Приписывая могильники эстонцамъ проф. Хаусманъ замѣчаетъ, что на основаніи имѣющихся въ настоящее время предметовъ, могильники могутъ быть отнесены приблизительно къ концу 1-го тысячелѣтія по Р. Х.; но находка фибулы (Hakenfibel) болѣе древняго типа позволяетъ ему предположить, что могильникъ служилъ погребеніемъ и въ болѣе отдаленный періодъ времени. Находки аналогичныя были сдѣланы и около Тарваста (Реума на юв. отъ Феллина). *Паст. М. Липпъ* (Ein Fund in der Kirche zu St. Michaelis) обращаетъ вниманіе на интересъ, который представляютъ найденные въ Эстляндіи при ремонтѣ церкви документы конца XVII и начала XVIII в.; въ числѣ этихъ документовъ находится между прочимъ перечень съ точнымъ топографическимъ указаніемъ 13-ти древнихъ могильниковъ, на которыхъ въ XVII в. эстонцы продолжали погребать умершихъ, избѣгая, быть можетъ вслѣдствіе дороговизны, церковнаго погребенія. *А. Шнейдеръ* (Ueber nachträgliche Ausgrabungen beim Lubbenhofschen Begräbnisshügel) даетъ свѣдѣнія о раскопкахъ, произведенныхъ имъ въ могильникахъ около лубенховскаго могильника, изслѣдованнаго въ предшествующемъ году г. *Шрёдеромъ* (см. Арх. Изв. № 4, стр. 138), при чемъ культура послѣдняго могильника оказывается болѣе древней, чѣмъ обнаруженная раскопками г. Шнейдера, нашедшаго между прочимъ и слѣды гробовъ или досокъ, на которые полагались умершіе. *Л. Шрёдеръ* (Die Steinhügel-gräber v. Randen) сообщаетъ о произведенныхъ имъ раскопкахъ въ могильникѣ съ погребеніемъ на берегу оз. Вирціервъ; могильникъ состоялъ изъ невысокихъ кургановъ, сложенныхъ изъ камней; костякъ лежалъ на насыпномъ пескѣ, замощенномъ камнями. Изслѣдованъ былъ одинъ курганъ; предметовъ не было найдено. Этотъ видъ погребенія является, по мнѣнію г. Шредера, совершенно новымъ и не смотря на свою бѣдность инвентаря заслуживаетъ вниманіе изслѣдователей. *Л. Шрёдеръ*: Die Begräbnisstätte des Wez-Dangen-Gesindes in Schloss-Salisburg. Раскопки г. Шредера въ названной мѣстности обнаружили могильникъ по устройству и по инвентарю сходный съ лубенховскимъ, вслѣдствіе чего онъ и приписываетъ его латышамъ; лично изслѣдователемъ не было найдено монетъ, но на основаніи монетъ, найденныхъ крестьянами, г. Шредеръ склоненъ относить погребеніе къ XVI—XVII вв. Въ замѣткѣ Die archäologische Excursion des Sommers 1889 *Л. Шредеръ* даетъ обстоятельный отчетъ о раскопкахъ, произведенныхъ имъ, гг. Лешке, Хаусманомъ, Бемомъ и др.

во время ихъ поѣздки на Эзель и въ разныя мѣстности Лифляндіи; особенное вниманіе заслуживаютъ раскопки невысокихъ кургановъ съ погребеніемъ (прибл. 1 метръ выс.) въ имѣніи Аллашъ; костяки лежали на поверхности земли (напр. СВ—ЮЗ), въ головахъ или ногахъ находился глиняный сосудъ; среди предметовъ (оружіе, бусы, бронз. украшенія) были найдены и щитообразныя фибулы съ монетой Этельреда; раскопка городища ок. Фрейденберга дала большое количество черепковъ глиняной посуды, костей и костяныхъ орудій (бронзовыя украшенія были прежде находимы на городищѣ случайно); въ могилахъ около городища при одномъ изъ костяковъ былъ найденъ рижскій шиллингъ.

Bibliothèque de l'école des Chartes (т. LV, вып. 5-й, 1894) *Г. Moranvillé* напечаталъ по рукописи Націон. Библіотеки весьма интересный памятникъ, сообщающій свѣдѣнія о Тамерланѣ *(Mémoire sur Tamerlan et sa cour par un dominicain en 1403)*. Въ іюнѣ 1403 г. прибылъ въ Парижъ съ востока епископъ города Султаніи Іоаннъ съ порученіемъ отъ Тамерлана вручить письмо королю Карлу VI; посольство имѣло цѣлью завязать торговыя сношенія. Для популяризаціи цѣли своего посольства и для ознакомленія современниковъ съ покорителемъ Азіи епископъ издалъ на французскомъ языкѣ небольшой трудъ, въ которомъ онъ сообщаетъ довольно подробныя свѣдѣнія о жизни и дѣятельности Тамерлана; въ латинскомъ переводѣ, весьма близкомъ къ французскому подлиннику, трудъ еп. Іоанна былъ помѣщенъ въ Chronographia regum Francorum подъ 1403 г., вслѣдъ за разсказомъ о прибытіи епископа въ Парижъ. Въ рядѣ небольшихъ главъ епископъ знакомитъ своихъ современниковъ съ личностью Тамерлана; описываетъ исторію его возвеличенія, останавливается на его внѣшности, характерѣ, личныхъ вкусахъ и на составѣ его семьи; далѣе перечислены границы новой монархіи, разсказывается о способахъ ея управленія, дворѣ Тамерлана и, наконецъ, рядомъ съ историческими свѣдѣніями о его побѣдахъ, помѣщено и нѣсколько анекдотовъ изъ его жизни. Кромѣ интереса, который представляетъ вообще опубликованіе подобнаго памятника, изданіе г. Moranvillé особенно цѣнно въ томъ отношеніи, что въ примѣчаніяхъ издателемъ указаны черты сходства и различія повѣствованія еп. Іоанна съ разсказами нѣкоторыхъ другихъ современниковъ о Тамерланѣ.

Печатано по опредѣленію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, на основаніи § 56 его Устава

Предсѣдатель *Графиня Уварова.*

Вып. I и II (въ одной книгѣ): Древности каменнаго и металлическаго вѣка, съ портр. гр. А. С. Уварова и 35 табл. рис. 1887 г. Ц. 4 р.

Вып. VII. Монеты Воспорскаго царства и древне-греческихъ городовъ, находившихся въ предѣлахъ нынѣшней Россіи, съ 5 таблицами. Состав. А. Орѣшниковъ. 1887 г., ц. 3 р.

Архим., Леонидъ. Систематическое описаніе Славяно-Россійскихъ рукописей собранія гр. А. С. Уварова, 4 т. М., 1893—94 г. Ц. 15 р.

Каталогъ Спасо-Преображенскаго монастыря въ Ярославлѣ, ц. 9 р. 50 к.

Византійскій Альбомъ — посмертное изд. гр. А. С. Уварова. Т. I. 1889 г. Ц. 15 р.

Уступка книгопродавцамъ и библіотекамъ учебныхъ заведеній 25%.

Продаются въ собственномъ домѣ Общества, въ Москвѣ, на Бersеневкѣ, у Большаго Каменнаго моста.

Кавказъ. 2 тома. Ц. 3 р.

Отъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей.

Императорское Одесское Общество Исторіи и Древностей объявляетъ, что съ 1-го января 1894 года, *учреждается на средства, пожертвованныя г. Почетнымъ членомъ Общества* **Александромъ Львовичемъ Вертье-Делагардомъ,** *единовременная премія, въ размѣрѣ 600 р. с. за лучшее рукописное и оригинальное сочиненіе по исторіи и археологіи Новороссійскаго края и преимущественно Крыма, на какомъ либо изъ европейскихъ языковъ.* Сочиненіе представляется на имя Общества Исторіи и Древностей въ Одессѣ къ 1-му января 1896 года и послѣдующихъ годовъ, до тѣхъ поръ пока на данную тему не будетъ выдана награда, или самая тема не будетъ снята съ очереди (§ 5), при девизѣ и съ указаніемъ имени автора, въ запечатанномъ конвертѣ. Присужденіе преміи состоится не позже апрѣля соотвѣствующаго года.

Пользуясь правомъ предоставленнымъ жертвователемъ, Общество объявляетъ, что премія предпочтительно будетъ выдана за сочиненія на слѣдующія четыре темы (изъ нихъ первыя двѣ оставлены отъ минувшаго года на конкурсъ).

1. Исторія и государственное устройство Херсонеса по извѣстіямъ писателей, равно по эпиграфическимъ и археологическимъ даннымъ, отъ древнѣйшаго времени до эпохи Юстиніана.

2. Историко-Этнографическое изученіе русскаго черноморскаго побережья въ VIII, IX и X вѣкахъ.

3. Торговыя сношенія колоній на сѣверномъ побережьѣ Чернаго моря въ эпоху древняго міра.

4. Южная Русь и Византія, въ ихъ сношеніяхъ, въ XI столѣтіи.

Премированное сочиненіе печатается на средства Общества, обязательно на русскомъ языкѣ, причемъ автору выдаются оттиски.

За дальнѣйшими разъясненіями просятъ обращаться къ вице-президенту Общества В. Н. Юргевичу въ Одессѣ.

Пользуюясь настоящимъ случаемъ, Общество объявляетъ, что въ его распоряженіи находятся *еще двѣ преміи: первая—имени* **Димитрія Максимовича Княжевича,** на проценты съ капитала 2000 руб., въ теченіе 5 лѣтъ, срокъ коимъ истекаетъ къ 14-му ноября 1899 г., *за выдающійся ученый историко-археологическій трудъ по вопросамъ, касающимся юга Россіи, и вторая* — **Одесской Городской Думы**—*безсрочная въ 500 руб. за сочиненіе по археологіи и исторіи Новороссійскаго края.*

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

выходятъ въ 1895-мъ году (3-й годъ изданія) по той же программѣ и въ томъ же объемѣ подъ редакціею:

И. А. Линниченка и В. М. Михайловскаго,

при участіи А. В. Орѣшникова и многихъ членовъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества.

Подписная цѣна съ пересылкою и доставкою въ годъ ТРИ (3) рубля.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Для **московскихъ** подписчиковъ:

1) Въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ, Берсеневская набережная, собств. домъ, ежедневно отъ 10 до 1 часу и въ часы засѣданій.

2) У А. В. Орѣшникова, Историческій музей, на Красной площади, ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 1 до 4-хъ.

3) Въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Моховая, противъ Стараго Университета, д. Коха (и его иногородн. отд.).

4) Въ книжномъ магазинѣ А. Ланга, на Кузнецкомъ мосту.

Иногородніе подписчики благоволятъ присылать подписные **три** рубля **исключительно** въ Императорское Московское Археологическое Общество (Москва, Берсеневская набережная, собств. домъ).

Подписчики, **не получившіе** выпуска или **перемѣнившіе** свое мѣсто жительства, благоволятъ обращаться съ заявленіями исключительно въ Московское Археологическое Общество.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція обращается съ просьбою ко всѣмъ прежнимъ сотрудникамъ журнала и ко всѣмъ любителямъ старины присылать свѣдѣнія о раскопкахъ, случайныхъ находкахъ древностей, объ имѣющихся въ частныхъ рукахъ выдающихся предметахъ древности—церковныхъ и бытовыхъ, рукописяхъ и т. п., а также газетныя извѣстія, заключающія свѣдѣнія археологическаго характера (отдѣльными №№ или просто вырѣзками съ помѣтою, изъ какой газеты и отъ какого числа); особенно желательны №№ провинціальныхъ газетъ.

Письма и посылки могутъ быть адресованы:

1) Въ Москву, въ Императорское Московское Археологическое Общество, Берсеневская набережная, с. д., въ редакцію „Археологическихъ Извѣстій и Замѣтокъ“ или же

2) Алексѣю Васильевичу Орѣшникову, Москва Историческій Музей, на Красной Площади.

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES
Stacks
JUL 14 1980

издаваемыя

Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ

подъ редакціею

дѣйствительныхъ членовъ

И. А. ЛИННИЧЕНКА и В. М. МИХАЙЛОВСКАГО.

№№ 7—8.

МОСКВА
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА
ЛЕОНТЬЕВСКІЙ ПЕР., Д. МАМОНТОВА
1895

СОДЕРЖАНІЕ №№ 7—8.

Стр.

I. **Д. Айналовъ**. Нѣкоторые христіанскіе памятники Кавказа 233
II. **Н. Троицкій**. О городѣ Обояни и его соборномъ храмѣ 244
III. **Н. Харузинъ**. Движеніи къ изученію Россіи среди французскихъ археологовъ. 247
IV. Археологическая хроника. 264
V. Засѣданія Обществъ 278
VI. Библіографія 282

308624

Арх. Изв[illegible] 395 г.

Фототипія Шерегъ Набгольцъ и К° въ Москвѣ

№№ 7—8 1895 г.

ИЗДАВАЕМЫЯ
ИМПЕРАТОРСКИМЪ МОСКОВСКИМЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ

I.

Нѣкоторые христіанскіе памятники Кавказа.

(Съ таблицею)

Вышедшій къ концу 1894 года, новый, четвертый выпускъ „Матеріаловъ по археологіи Кавказа" принадлежитъ перу графини П. С. Уваровой. Большой томъ in 4° изданъ роскошно. Текстъ сопровождается 162 рисунками въ цинкографіяхъ и 61 таблицей фототипій, между которыми таблицы XVIII и XIX представляютъ хромолитографіи, воспроизводящія образцы орнаментовъ. Одни эти внѣшнія качества выпуска уже обращаютъ на себя вниманіе какъ любителя старины, такъ и спеціалиста. При дальнѣйшемъ знакомствѣ съ выпускомъ, съ его содержаніемъ и задачами, все болѣе возрастаетъ убѣжденіе, что трудъ автора представляетъ совершенно новую и въ высшей степени важную страницу въ исторіи изученія Кавказа и его древностей. Въ самомъ дѣлѣ, весь матеріалъ, наполняющій этотъ увѣсистый томъ, является въ печати впервые; всѣ памятники, съ которыми знакомится читатель — изданы впервые и представляютъ совершенно новыя, неизвѣстныя до сихъ поръ, данныя, цѣнность которыхъ опредѣлится не сразу, но предъ

которыми съ полной благодарностью останавливается изслѣдователь. Мы постараемся отмѣтить всѣ выдающіяся стороны этого труда, постепенно опредѣляя научное значеніе тѣхъ матеріаловъ, которые его составляютъ и которые вошли въ этотъ томъ, благодаря тому серьезному отношенію къ своей задачѣ, которое обнаруживаетъ авторъ отъ первой и до послѣдней страницы своего труда. Такимъ образомъ выяснится не только самое достоинство труда, но и заслуга автора передъ наукой.

Чрезвычайный интересъ возбуждаютъ, изданные на таблицахъ VII и VIII, рельефы на бѣломъ плитнякѣ (?), сохранившіеся въ церкви имѣнія Воронова въ Абхазіи. Мы приписываемъ изданіе этихъ рельефовъ тонкому пониманію старины у автора. Въ настоящее время эти рельефы, благодаря заботливости графини П. С. Уваровой, находятся въ залахъ Историческаго Музея въ Москвѣ, вслѣдствіе чего становится возможнымъ изучать всѣ интересныя детали композиціи на самихъ памятникахъ. Плиты сохранились не вполнѣ. Отъ первой изъ нихъ дошла до насъ только верхняя часть, отъ второй средняя и нижнія части. Характеръ рѣзьбы, пріемъ расположенія сюжета на плоскости, величина плитъ и мелкія черты стиля, или скорѣе стилей, совершенно одинаковы на обоихъ плитахъ и потому безъ всякаго затрудненія должны быть отнесены къ одной эпохѣ и приписаны одному направленію и даже одной мастерской. Болѣе интересной является, однако, вторая плита (см. табл. III). Плоскость ея разбита на нѣсколько отдѣльныхъ пространствъ, при чемъ съ совершенной ясностью опредѣляется самый типъ расчлененія, удержанный рѣзчикомъ. Нижнему длинному фризу, очевидно соотвѣтствовалъ такой же фризъ въ верхней части, какъ это можно видѣть на первой плитѣ съ сохранившимся верхомъ. Центральная часть представляетъ параллелограммъ, по сторонамъ котораго идутъ небольшіе квадраты, заключающіе, каждый, отдѣльную сцену. Такой типъ расчлененія пространства извѣстенъ на древне-христіанскихъ диптихахъ изъ слоновой кости. Здѣсь мы встрѣчаемъ верхній и нижній фризъ, центральный квадратъ и боковыя стѣны. Въ верхнемъ фризѣ обыкновенно изображаются два летящихъ ангела въ типѣ античныхъ викторій, несущихъ вѣнокъ съ монограммой Христа. На миланскомъ диптихѣ (V, VI вѣка), однако въ верхнихъ фризахъ вмѣсто викторій представлены сцены Рождества и Поклоненія волхвовъ. Нижній фризъ обыкновенно занимается одной болѣе сложной композиціей, какъ, напримѣръ, сценами Входа Христа въ Іерусалимъ и Поклоненіемъ волхвовъ (эчміадзинскій диптихъ), или сценами Избіенія младенцевъ, или Брака въ Канѣ Галилейской (миланскій диптихъ,) или же тремя сценами, идущими рядомъ одна за другой какъ и на античныхъ фризахъ, гдѣ сцены, какъ

отдѣльные моменты одного событія укладываются въ одну общую композицію. Этотъ пріемъ античнаго рельефа переходитъ и въ христіанское искусство и, на переднихъ фризахъ древне-христіанскихъ саркофаговъ, сцены библейскія и евангельскія очень часто располагаются рядомъ, не будучи отдѣлены никакими посредствующими архитектоническими или орнаментальными формами. Таковы и фризы разсматриваемыхъ рельефовъ. Здѣсь для нихъ требуется большая цѣльная композиція. На фризѣ первой плиты мы видимъ двухъ всадниковъ другъ противъ друга, замѣнившихъ летящихъ викторій древне-христіанскихъ диптиховъ, а на нижнемъ фризѣ второй плиты двѣ сцены, соединенныхъ въ одну общую композицію.

Но, кромѣ этихъ свойствъ, рельефы обнаруживаютъ еще замѣчательную близость къ древне-христіанскимъ диптихамъ и въ употребленіи орнаментальныхъ формъ. Первая сцена налѣво отъ зрителя, на второй плитѣ, отдѣлена отъ нижней орнаментомъ изъ меандра, выполненнаго въ неправильныхъ, плохо выраженныхъ формахъ, которыя повторяются и на первой плитѣ подъ центральнымъ изображеніемъ Богородицы и образуютъ прорѣзной крестъ. Первая сцена направо отдѣлена отъ нижней родомъ жгута, который повторяется на прекрасномъ диптихѣ собранія покойнаго графа А. С. Уварова, подъ сценой Испытанія Богородицы водой обличенія и справа вдоль пластины; вторая сцена отдѣлена отъ третьей орнаментомъ, состоящимъ изъ формы треугольнаго полулиста, повторяющагося въ длину. Этотъ характерный орнаментъ употребителенъ на раввенскомъ диптихѣ и на части диптиха изъ собранія графа Г. С. Строганова въ Римѣ. Широкій бордюръ изъ листьевъ аканѳа, обрамляющій центральный четыреугольникъ обнаруживаетъ весьма близкое сходство съ широкимъ бордюромъ изъ аканѳа же на миланской таблеткѣ изъ слоновой кости съ изображеніемъ Благовѣщенія, находящейся въ индустріальномъ музеѣ (№ 110 фотографій Росси въ Миланѣ. Garr.), и съ такимъ же широкимъ бордюромъ, обрамляющимъ центральный четыреугольникъ раввенскаго диптиха. Отмѣтимъ также, что на равеннскомъ диптихѣ повторяется и та, очень рѣдкая черта, которая состоитъ въ осложненіи центральнаго четыреугольника: вмѣсто одной сцены въ этомъ четыреугольникѣ, какъ и на нашей плитѣ, представлены двѣ сцены, одна подъ другой, раздѣленныя орнаментальной полосой. Также точно можно найти близкія аналогіи и тому орнаменту, который отдѣляетъ нижній фризъ отъ верхнихъ сценокъ. Онъ представляетъ уродливые, съ большимъ трудомъ и совершеннымъ неумѣніемъ, исполненные завитки листьевъ аканѳа, извѣстные на множествѣ памятниковъ древне-христіанскаго искусства въ Равеннѣ, Римѣ и на востокѣ, и довольно близокъ

къ прекрасно развивающимся формамъ завитковъ на слоновой кости флорентійскаго національнаго музея съ изображеніемъ воиновъ съ копьями, попирающихъ враговъ, лежащихъ подъ ихъ ногами.

Рядомъ съ этими чертами, указывающими на древне-христіанскіе элементы, вошедшіе въ составъ украшенія плитъ—сюжеты и ихъ выборъ обнаруживаютъ большое отклоненіе отъ раннихъ формъ и композицій. Въ центрѣ первая сцена представляетъ Распятіе. Часть сцены слѣва вверху не дошла до насъ, но можетъ быть легко возстановлена. Христосъ, какъ правильно отмѣчаетъ авторъ, представленъ въ очень древнемъ типѣ: онъ одѣтъ въ колобій, тѣло его не согнуто. По сторонамъ представлены два разбойника, ростомъ меньше Христа, не распятые, а привязанные ко кресту. Эта черта встрѣчается въ сценахъ распятія очень часто, но до сихъ поръ извѣстна на памятникахъ позднѣе VI вѣка. На одной ампуллѣ изъ святой земли, сохраняемой въ ризницѣ собора Леоноры [1]) два разбойника изображены съ руками, связанными за спиной, что повторяется и въ памятникахъ болѣе позднихъ [2]).

Оригинальной и, до сихъ поръ, нигдѣ неизвѣстной чертой распятія является изображеніе Богородицы налѣво отъ зрителя въ то время, какъ направо представленъ воинъ, прободающій копьемъ ребро Христа. На мѣстѣ Богородицы слѣдовало бы ожидать воина, подающаго губку съ оцетью. Между тѣмъ женское одѣяніе фигуры, ея простертая впередъ рука, черезъ которую свисаетъ конецъ ея одѣянія, голова, покрытая мафоріемъ, указываетъ, что изображена Марія. Она изображена безъ нимба. Крестъ имѣетъ подножіе, т. е. онъ былъ шестиконечный, воины, безъ препоясаній, имѣютъ на ногахъ легкое одѣяніе, въ родѣ шароваръ. Руки ихъ связаны на груди. Все это черты, неизвѣстныя на древне-христіанскихъ памятникахъ. Надъ крестомъ видна справа полуфигура ангела съ крыльями, который лѣвой рукой держитъ перекрестье. Воинъ съ копьемъ одѣтъ въ длинную подпоясанную тунику, а справа отъ зрителя, рядомъ съ распятымъ воиномъ, находится какое-то ступеньчатое возвышеніе, роль котораго является совершенно непонятной, если не предположить, что это совершенно подѣтски представленная лѣстница. Въ композиціи Распятія, т. о. черты VI вѣка являются рядомъ съ чертами VIII, IX вѣка, т. е. ангелы надъ крестомъ рядомъ съ Христомъ распятымъ въ колобіи и въ несогнутомъ положеніи, на крестѣ съ подножіемъ, и воинами меньшаго роста.

Нижняя сцена представляетъ Воскресеніе Христово, данное въ связи съ приходомъ женъ мvроносицъ ко гробу. Изображено всего двѣ

---

[1]) *Garrucci*, Storie dell'arte cristiana, t. 434, 4.

[2]) См. *Н. В. Покровскій*. Евангеліе въ памятникахъ иконографіи. Спб. 1892, с. 365.

жены, какъ на памятникахъ V и VI вѣка, вплоть по позднѣйшій періодъ съ тѣмъ, однако, различіемъ, что жены изображены подходящими не справа, а слѣва отъ зрителя, какъ это изображается на болѣе позднихъ памятникахъ, начиная съ рѣдкаго, въ VI вѣкѣ, примѣра въ Сирійскомъ Евангеліи Лаврент. Библ. Точно также изображеніе гроба Господня отличается отъ типа, извѣстнаго на памятникахъ отъ V—VIII вѣка, представляемаго въ видѣ ротонды. Онъ представленъ здѣсь въ видѣ открытаго саркофага справа отъ зрителя, какъ на слоновой кости Ватикана (неизданной, шкафъ 19, безъ n°), на окладѣ Лувра и на многихъ другихъ памятникахъ отъ IX—XIII вѣкѣ и позднѣе [1]). Изображеніе павшихъ, но не спящихъ воиновъ, изъ которыхъ одинъ стоитъ, подымая въ изумленіи одну руку вверхъ, какъ на позднихъ памятникахъ (они опять просыпаются въ эпоху ренессанса), соотвѣтствуетъ тому типу композицій на памятникахъ V, VI вѣка, на которыхъ воины падаютъ въ ужасѣ, изумленные происшедшимъ воскресеніемъ. Эта деталь удерживается, однако, и на позднихъ памятникахъ, какъ, напримѣръ, въ мозаикахъ собора Монреале и др. [2]). Жены мvроносицы имѣютъ съ собой кувшины съ масломъ и пиксиды (ящики) съ ароматами. Ангелъ представленъ безъ жезла и безъ нимба, что является уже не совсѣмъ обычнымъ для памятниковъ, идущихъ отъ VI столѣтія. Ангелъ, однако, представленъ съ крыльями.

Направо изображена сцена плача апостола Петра (ее надо различать отъ сцены отреченія Петра), неизвѣстная совершенно на древнехристіанскихъ памятникахъ и появляющаяся впервые, сколько извѣстно, въ Лобновской псалтыри, но въ иной композиціи. На нашей плитѣ нѣтъ колонки, на которой обыкновенно сидитъ пѣтухъ, и, кромѣ того, живая поза Петра, грустящаго у колонки, замѣнена его фигурой, закрывающей обѣими руками лицо. Рядомъ пѣтухъ, по величинѣ несоотвѣтствующій росту Петра, сидитъ на вѣткѣ. У его зоба видна еще другая птичья голова, клюющая вѣтку. Такъ какъ голова не имѣетъ гребня, то и должно думать, что здѣсь изображена курица. Такимъ образомъ, переводъ сцены во всемъ представляетъ полное отступленіе отъ принятаго въ иконографіи типа композиціи.

Ниже представлена сцена распятія какого-то апостола. (Въ Евангеліи Пар. Нац. Библ., № 510). Распятіе Петра приведено въ связи съ допросомъ царя, стоящаго у распятія. Въ данномъ случаѣ, можно думать и о распятіи св. Андрея, съ именемъ котораго связывается проповѣдь христіанства на Кавказѣ. Однако за казнь Петра говоритъ его

---

[1]) *Н. В. Покровскій.* Евангеліе въ памятникахъ иконографіи, стр. 397, 8.
[2]) Ibid., 398.

положеніе внизъ головою, помѣщеніе сцены подъ сценой плача Петра, а также удлиненная форма креста. Типъ лица апостола не можетъ служить показателемъ ни въ ту, ни въ другую сторону. Голова апостола представлена съ короткими волосами и съ большой бородой, раздѣлившейся на стороны отъ неестественнаго положенія тѣла. По сторонамъ, ноги апостола привязываютъ двое бородатыхъ мужчинъ въ длинныхъ, до ступней, спадающихъ хитонахъ и гиматіяхъ. Крестъ, какъ и въ распятіи Христовомъ, шестиконечный.

По другую сторону центральнаго квадрата представлена въ уродливыхъ формахъ, далеко отступая отъ обычныхъ композицій, сцена жертвоприношенія Исаака. Удержаны лишь самыя общія черты композиціи, т. е. овца налѣво, Авраамъ съ Исаакомъ направо, но вмѣсто стоящаго на четырехъ ногахъ барана, послѣдній представленъ стоящимъ на заднихъ ногахъ, какъ бы висящимъ на деревѣ. Авраамъ одѣтый въ ту же длинную одежду, какъ и двое мужчинъ въ распятіи Петра, своей позой едва намекаетъ на живыя позы принятыя для него въ иконографіи сюжета. Одна нога его неуклюже выставлена впередъ, другая подогнута. Онъ держитъ Исаака руками, какъ бы поднимая его вверхъ. Жертвенника не изображено; десницы нѣтъ или, быть можетъ, ея не видно. Вообще эта сцена показываетъ такое же полное забвеніе оригиналовъ, какъ сцена плача Петра, такое же неумѣніе и полное отсутствіе мастерства техническихъ пріемовъ, сказывающихся не только въ полномъ неумѣніи изобразить человѣческую фигуру, но и расположить сцену въ опредѣленномъ пространствѣ, которое рѣзчикъ назначаетъ себѣ самъ. Подъ этой верхней сценой въ узенькомъ пространствѣ изображенъ слуга держащій на уздѣ осѣдланнаго осла,—деталь совершенно неизвѣстная на древне-христіанскихъ памятникахъ и появляющаяся въ рукописяхъ VIII—IX вѣка, напр. въ рукописи Космы Индикоплова и Рѣчей Григор. Наз. Пар. Нац. Библ. № 510 [1]). Ниже представлено крещеніе Христово, въ переводѣ близкомъ къ обычнымъ, съ той разницей, что нѣтъ волнъ Іордана и что Христосъ изображенъ налѣво отъ зрителя въ наивной согбенной позѣ, отмѣченной дѣтской чертой натурализма, преувеличивающей черты византійскихъ композицій. Христосъ, какъ и раньше Ангелъ и Марія, лишенъ нимба. Два ангела сзади Христа напоминаютъ композиціи VII, VIII вѣка (напр., фреску изъ катакомбы Тиціана въ Римѣ), но они представлены безъ платовъ въ рукахъ. Сверху слетаетъ голубь, а надъ голубемъ видна именословная десница. Іоаннъ Креститель одѣтъ въ одежды, подражающія хитону и гиматію визан-

---

[1]) *Н. П. Кондаковъ*. Исторія византійскаго искусства, стр. 93, 178.

тійскихъ памятниковъ VIII—IX вѣка, а не въ милоти, какъ на болѣе позднихъ памятникахъ, совпадающихъ въ этомъ отношеніи съ памятниками VI вѣка, на которыхъ также Іоаннъ Креститель изображается въ милоти (равеннскія мозаики и слоновыя кости).

На нижнемъ фризѣ представлена весьма интересная сцена, не особенно часто встрѣчаемая на памятникахъ византійскаго искусства. Представленъ всадникъ, держащій въ лѣвой рукѣ лукъ со стрѣлой, а правую простирающій впередъ открытой ладонью. Впереди всадника летитъ соколъ, котораго спустилъ всадникъ. На ногѣ сокола видны концы тесьмы или цѣпочки, указывающіе ближайшимъ образомъ, что соколъ ручной и охотничій. Рядомъ, впереди коня, идетъ собака охотника, направляясь къ оленю, повернувшему голову по направленію ко всаднику. На рогахъ оленя изображена фигура по грудь, съ большой бородой, держащая руками рога оленя. Это воспроизведеніе легенды о св. Евстафіи, который однажды во время охоты, увлекшись преслѣдованіемъ оленя, отсталъ отъ своей свиты и, нагнавши оленя на вершинѣ одной горы, намѣревался было уже пустить въ него стрѣлу, какъ вдругъ услыхалъ голосъ оленя: „о, Плакида, зачѣмъ ты преслѣдуешь меня?“ и проч. Среди роговъ оленя Евстафій увидѣлъ „образъ богоноснаго Тѣла, воспріять которое Овъ (т. е. Христосъ) соблаговолилъ ради нашего спасенія, а на рогахъ крестъ, сіявшій сильнѣе блеска солнечнаго“ [1]). Креста на рогахъ оленя не изображено. Этотъ крестъ является въ композиціяхъ возрожденія среди роговъ оленя съ изображеніемъ на немъ распятаго Христа. Болѣе ранній типъ композиціи, именно тотъ, который данъ на нашей плитѣ, т. е. съ нагруднымъ бюстомъ Христа между рогами оленя. Этотъ типъ повторенъ въ рукописи Хлудовской псалтыри IX вѣка, а также на поливномъ рельефѣ музея Клюни въ Парижѣ, вѣка XIII. Въ Псалтыри X в. Пар. Нац. Библ. № 20, св. Евстафій (л. 97) представленъ на колѣняхъ, поклоняющимся бюсту Христа въ медальонѣ, явившемуся между рогами оленя. Въ Псалтыри Барберини (№ 217, л. 96) св. Евстафій, верхомъ на конѣ, преслѣдуетъ оленя, между рогъ котораго является бюстъ Христа въ медальонѣ. Къ этому типу композиціи приближается и сцена на разбираемой плитѣ. Интереснѣе всего въ этой сценѣ то обстоятельство, что исполненіе ея отличается чрезвычайно рѣзкими чертами стиля восточнаго сассанидскаго искусства. Евстафій одѣтъ какъ сассанидскій царь. У бедра его виситъ длинный мечъ на перевязи, черезъ плечо.

---

[1]) Такъ разсказываетъ эту легенду Іоаннъ Дамаскинъ. См. Три защитительныхъ слова противъ порицающихъ святыя иконы, перев. съ греческаго *Александръ Бронзовъ*. Спб., 1893, стр. 136; также Analecta Bollandiana. T. III, p. 69.

Отъ головнаго убора спадаетъ по вѣтру за спину длинный конецъ, сходящійся съ зубчатыми украшеніями въ видѣ лентъ на головахъ сассанидскихъ царей,—детали, измѣненныя на рельефныхъ памятникахъ Персеполиса, на сассанидскихъ серебряныхъ блюдахъ и на монетахъ. Роскошная двойная попона коня, свисающая внизъ, вся испещрена точками, которыя, очевидно, передаютъ звѣриную шерсть попоны. Хвостъ коня перевязанъ узломъ, какъ на сассанидскихъ памятникахъ. Сбруя коня на крупѣ украшена такъ же, какъ и тамъ привѣсками (фалларами). Ноги въ стремени, у меча виситъ налучникъ. Мнѣ кажется, что малопонятный двойной зубчатый орнаментъ близъ правой протянутой руки всадника можетъ быть объясненъ неумѣло переданными полосами тѣхъ же лентъ головного убора, которыя изображаются иногда и впереди головы и имѣютъ именно эту форму зубчатаго орнамента. Характерна также и фигура сокола, данная совершенно въ восточномъ вкусѣ и изобличающая близкое знакомство съ востокомъ. Рядомъ съ исполненіемъ этой птицы, весьма стильнымъ, фигура оленя является дряблой и слабой. Длинная морда, ровная шея и тѣло въ видѣ деревяннаго сглаженнаго обрубка, напоминаетъ кавказскія бронзы самой грубой техники и чисто младенческаго рисунка.

Какъ ни ничтожны и ни грубы техническіе пріемы рѣзчика, однако повтореніе типа лица въ профиль у Христа и Евстафія указываетъ на подражаніе тѣмъ же сассанидскимъ рельефамъ, дающимъ тотъ же ровный, къ концу утолщенный, носъ, широкую бороду и широкое лицо. Изувѣрскій типъ лицъ en face также отдаленно напоминаетъ своими широко-раскрытыми глазами, широкими овалами и большими бородами типъ сассанидскихъ рельефовъ. Далѣе представлено деревцо, и двѣ фигуры съ воздѣтыми вверхъ руками, изъ которыхъ одна держитъ два факела, или двѣ свѣчи. Надъ головой первой изображенъ крестъ. Рядомъ стоитъ кувшинъ, а сбоку, вверху, изображенъ кругъ въ видѣ звѣзды. Отсутствіе развитаго техническаго пріема сказывается въ томъ несоотвѣтствіи, которое замѣтно въ расположеніи боковыхъ квадратовъ по сторонамъ центральнаго, въ полномъ неумѣніи овладѣть формой мелкаго орнамента и композиціей, и въ совершенномъ отсутствіи знанія формъ человѣческаго тѣла. Вмѣсто человѣческихъ фигуръ, изображаются ровные обрубки, скорѣе антропоморфическія существа, чѣмъ люди. Въ этомъ обстоятельствѣ мы можемъ, съ полнымъ правомъ, видѣть черты мѣстнаго грубаго художества, къ которымъ присоединяются и такія, какъ напримѣръ, кружки на одеждахъ съ точкой внутри, встрѣчающіяся и на другихъ кавказскихъ художественныхъ издѣліяхъ, а также формы тѣла оленя. Это въ высшей степени несовершенное искусство стоитъ въ пол-

ной зависимости отъ указанныхъ нами образцовъ христіанскаго (византійскаго) искусства и сассанидскаго или персидскаго. Въ типахъ композицій мы видимъ довольно близкое знакомство съ византійскими композиціями, но на ряду съ этимъ и большія отступленія отъ ихъ установившихся переводовъ. Но не только въ отдѣльныхъ композиціяхъ эти отступленія характеризуютъ собою мѣстное искусство, а также и отступленіе въ общемъ планѣ украшенія плиты. Здѣсь удержано лишь внѣшнее расчлененіе на квадраты и фризы, извѣстное на древне-христіанскихъ памятникахъ. Выборъ сюжетовъ по замыслу совершенно отличается отъ выбора ихъ на древне-христіанскихъ памятникахъ. Главные сюжеты: Распятіе, жены у гроба, отреченіе Петра, относятся къ циклу страстей Господнихъ. Въ эту тему привносится иной элементъ. Сцена жертвоприношенія Исаака можетъ быть понята, какъ ветхозавѣтная параллель къ Распятію, но рядомъ съ этой сценой здѣсь изображено и распятіе Петра (или Андрея), Крещеніе Христово и сцена охоты св. Евстафія, которыя не относятся ни къ страстямъ Христовымъ, ни къ ихъ аналогіямъ. Мысль, руководившая выборомъ, останется темной до тѣхъ поръ, пока обнародованіе новыхъ памятниковъ не уяснитъ намъ направленіе, принятое христіанской иконографіей на Кавказѣ. На христіанскихъ памятникахъ (скульптуры) выборъ сценъ всегда обусловливается понятными причинами, и по сторонамъ Христа и Богородицы, изображаемыхъ въ центральномъ квадратѣ, располагаются сцены изъ исторіи Христа или Богородицы. Въ другихъ случаяхъ наряду съ циклами новозавѣтныхъ сценъ изображаются циклы сценъ ветхозавѣтныхъ. Здѣсь мы не видимъ ни того ни другаго.

Въ виду всѣхъ высказанныхъ данныхъ, особенно интереснымъ является вопросъ о времени возникновенія подобныхъ памятниковъ. Первая плита лишь подтверждаетъ высказанные ранѣе доводы. Здѣсь мы видимъ то же дѣленіе плиты и тѣ же формы орнамента, близкія къ формамъ на древнѣйшихъ памятникахъ, между которыми отмѣтимъ пальметту въ углу квадрата налѣво. Рядомъ съ ними въ центральномъ квадратѣ удержано изображеніе Богородицы съ Младенцемъ, какъ на парижскомъ и эчміадзинскомъ диптихахъ, осложненное, однако, завѣсами и аркадами съ концами. Въ квадратѣ налѣво представлена сцена Даніила во рву львиномъ, при чемъ фигура Даніила повторяетъ позу Оранте, сообразно съ памятниками древне-христіанскими и византійскими. Вмѣсто двухъ львовъ, представлено четыре, при чемъ двое нападаютъ на Даніила. Ниже находимъ изображеніе оленихи съ дѣтенышемъ и части оленя, быть можетъ отрывокъ изъ сценъ, рисовавшихъ легенду о св. Евстафіи, а по другую сторону—изображеніе какихъ-то

зданій съ двумя полуфигурами по сторонамъ. Десница, спустившаяся сверху, держитъ средину зданія за крышу. Быть можетъ, это и Іерусалимъ небесный, какъ предполагаетъ авторъ. Ниже видна голова какого-то животнаго. Два всадника верхняго фриза повторяютъ фигуру Евстафія, но не имѣютъ того же вооруженія. За спинами ихъ развѣваются тѣ-же волнистые концы.

Если сравнить рельефы этихъ плитъ съ тѣми памятниками чисто византійскаго стиля, которые изданы въ томъ же IV выпускѣ „Матеріаловъ", то окажется значительная и важная разница не только въ пріемѣ художественнаго производства, но и въ содержаніи и въ стилѣ. Удлиненныя пропорціи въ фигурахъ, тонкая техника рѣзьбы, точность передачи композицій и совершенное отсутствіе чертъ древне-христіанскаго искусства въ орнаментѣ, въ выборѣ и расположеніи сценъ. Въ этой группѣ памятниковъ, къ которымъ мы возвратимся особо, виденъ совершенно зрѣлый стиль византійскаго искусства X—XI вѣка вплоть по XV—XVI вѣкъ. Эта группа рѣзко отличается отъ той, представителями которой являются двѣ разобранныя плиты. Свѣжесть чертъ древне-христіанскихъ рельефовъ должна считаться рѣшающей въ нашемъ сужденіи объ эпохѣ, къ которой принадлежатъ плиты. Эти черты находятъ себѣ полную аналогію съ чертами существующихъ на Кавказѣ, незначительныхъ по числу, памятниковъ древне-христіанскаго искусства, каковы капители колоннъ, эчміадзинскій диптихъ, обломокъ пиксиды V вѣка. Построеніе Юстиніаномъ пицундскаго храма въ Абхазіи, которой принадлежатъ и наши плиты, построеніе и укрѣпленіе Юстиніаномъ города Севастополя (Сухумъ) должны считаться за наиболѣе яркія явленія въ исторіи сношеній Кавказа и Византіи, а слѣдовательно и въ исторіи появленія и развитія византійскаго стиля на Кавказѣ и, въ частности, въ Абхазіи. Присутствіе въ украшеніи плитъ чертъ ранняго византійскаго стиля становится понятнымъ. Съ другой стороны, также понятнымъ является присутствіе на плитахъ и деталей сассанидскаго или персидскаго искусства. Близость Кавказа къ сассанидамъ и персамъ, частыя политическія и постоянныя торговыя сношенія вплоть до самой смерти послѣдняго сассанида (въ 636 г.), погибшаго въ борьбѣ съ арабами, и позднѣе, объясняютъ намъ присутствіе этихъ чертъ. Византійское вліяніе и политическое значеніе Византіи для Кавказа ослабѣваютъ въ VII—IX вѣкахъ, когда на Кавказѣ появляются арабы, начинается проповѣдь ислама въ восточномъ Кавказѣ, и когда основывается могущественное хазарское царство послѣ походовъ ихъ въ Грузію и Арменію въ 683, 689, 693 гг. Послѣ этихъ походовъ владѣтели Кахетіи, Карталиніи и Абхазіи входятъ въ родственныя связи съ

хазарскими каганами. Безпрерывный рядъ войнъ съ арабами и войны междуусобныя приводятъ къ главенству Баграта, соединившаго подъ своей властью Абхазію, Карталинію и Имеретію (980 — 1008). Съ этой эпохи, какъ мы сказали, опять начинаются ряды памятниковъ византійскаго стиля, отмѣченнаго чертами зрѣлаго и установившагося искусства, вслѣдствіе начавшихся живыхъ сношеній Кавказа съ Византіей. Какъ извѣстно, сынъ Георгія, царевичъ Багратъ получилъ свое образованіе въ Византіи и женился на дочери Романа Лакапена, Еленѣ (1027—1072) [1]).

Такимъ образомъ, время возникновенія нашихъ плитъ падаетъ на промежутокъ времени между VI—IX столѣтіями, что подтверждается и деталями композицій и историческими данными. Рельефы удерживаютъ, однако, такія интересныя черты, какъ отсутствіе нимбовъ у ангеловъ, Христа, Богородицы и святыхъ, имѣютъ наклонность къ выбору сценъ, особенно свойственныхъ древне-христіанскому искусству, каковы Богородица съ Младенцемъ въ центральномъ квадратѣ первой плиты, жертвоприношенія Исаака, Даніила во рву львиномъ, отреченіе Петра. Вслѣдствіе этого обстоятельства, а также и того отмѣченнаго нами свойства рельефовъ, которое состоитъ въ большихъ отступленіяхъ композицій отъ установившихся ихъ переводовъ въ византійскомъ искусствѣ, промежутокъ времени между VI и IX вѣками долженъ быть съуженъ. Рельефы отдаленно подражаютъ памятникамъ эпохи Юстиніана и обнаруживаютъ такую же отдаленность отъ формъ искусства IX вѣка. Не будетъ ошибкой отнести ихъ къ VII, VIII вѣку, т. е. къ эпохѣ наибольшей зависимости отъ памятниковъ предыдущаго времени и наибольшей отторженности Кавказа отъ Византіи.

Внѣ всякаго сомнѣнія, изученіе памятниковъ, подобныхъ плитамъ, изданнымъ графиней П. С. Уваровой въ ея IV выпускѣ, становится на твердую почву въ нашей археологической и исторической литературѣ. Интересъ такихъ памятниковъ, художественный и историческій, стоитъ внѣ всякихъ сомнѣній. Но, кромѣ памятниковъ, каковы разобранныя нами плиты, трудъ автора даетъ громадный и совершенно новый матеріалъ, освѣщающій древнюю христіанскую культуру Кавказа и во многихъ другихъ отношеніяхъ.

Д. Айналовъ.

---

[1]) См. *А. Л — ъ*, Абхазія и въ ней Симоно - Кананитскій монастырь. Москва 1885, стр. 78—93.

II.

О городѣ Обояни и его соборномъ храмѣ.

(По неизданному документу XVII-го вѣка).

При посѣщеніи г. Обояни и обозрѣніи его достопримѣчательностей, въ августѣ 1885 года, мнѣ пришлось встрѣтить въ ризницѣ мѣстной соборной церкви три историческихъ акта, писанныхъ на столбцахъ, XVII-го вѣка. Памятники эти имѣютъ разносторонній историческій интересъ, и на столько научно-значительный, что я снялъ съ нихъ точныя копіи, съ соблюденіемъ орѳографіи подлинниковъ — для изданія ихъ. Эти акты, въ хронологическомъ порядкѣ, слѣдующіе: 1) Выпись съ обоянскихъ писцовыхъ книгъ письма и мѣры воеводы Бахтеяра Ѳедоровича Мякинина, данная обоянскимъ соборнымъ попамъ Исааку Петрову и Іову Семенову на церковную землю, 1656 года, 2) Грамота царей Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича, данная с. Покровскаго попу Григорію на рыбныя ловли, 1686 года, и 3) Выпись съ обоянскихъ писцовыхъ книгъ письма и мѣры писцовъ—стольника Авраама Богдановича Мантурова да подъячаго Акима Боева, данная обоянской соборной церкви протопопу Ивану да попу Антипу съ церковниками на церковную землю, 1692 года. Акты эти представляютъ хорошій источникъ по мѣстной топографіи и исторической географіи, но главный интересъ имѣютъ въ отношеніи исторіи самаго города Обояни и его соборнаго храма.

Раннее извѣстіе о построеніи Обояни встрѣчается въ извѣстномъ „Описаніи Курскаго намѣстничества“ 1786 года, сост. Ларіоновымъ. О началѣ Обояни Ларіоновъ говоритъ: „сей городъ построенъ въ 1650 году, при государѣ царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, въ защищеніе отъ татарскихъ набѣговъ; и былъ, до открытія курскаго намѣстничества, приписнымъ къ губерніи Бѣлогородской и собственно провинціи ея [1]). Собирая „древнія и новыя извѣстія“, г. Ларіоновъ, къ сожалѣнію, не говоритъ, откуда онъ заимствовалъ точное извѣстіе, что городъ Обоянь построенъ именно въ 1650 году. Позднѣйшее указаніе на время основанія г. Обояни встрѣчается въ „Историко-статистическомъ описаніи обоянскаго Богородицко-Знаменскаго монастыря“, составленномъ Рыльскимъ архимандритомъ Анатоліемъ въ 1882 году.

---

[1]) Описаніе курскаго намѣстничества, изъ древнихъ и новыхъ о немъ разныхъ извѣстій вкратцѣ собранное Сергѣемъ Ларіоновымъ, того намѣстничества верхней расправы прокуроромъ. Въ Москвѣ. 1786 года. Отд. VIII. Описаніе г. Обояни и округи его. Стр. 101 и. Книга Ларіонова составляетъ библіографическую рѣдкость.

Составитель описанія этого монастыря, между прочимъ, старался опредѣлить и время построенія самаго города Обояни; имѣя подъ руками нѣкоторыя точныя извѣстія, онъ между прочимъ говоритъ, что 1) въ „межевой выписи на землю города Сумъ, относящейся къ 1657 году, упоминается уже городъ Обоянской; что 2) въ грамотѣ царя Алексѣя Михайловича курскому воеводѣ Семену Алексѣевичу Хитрово, 1659 г., упоминается и Обоянь и Обоянскъ; что 3) въ 1663 году Обоянь показывается уже сторожевымъ городкомъ, имѣющимъ своего воеводу и станичниковъ, приносящихъ ему вѣсти о татарскомъ нашествіи“ и пр. Изложивъ эти и прочія свѣдѣнія, о. Анатолій заключаетъ: „мѣстность, занятая теперь городомъ Обоянью, а нѣкогда лежавшая въ „дикомъ полѣ“, по всей вѣроятности, оставалась такою до того времени, когда правительство наше стало болѣе и болѣе заботиться объ увеличеніи числа сторожевыхъ городковъ въ этой сторонѣ. А потому, нельзя не согласиться и съ тѣмъ показаніемъ, по которому начало города Обояни относится, хотя и предположительно (?), къ царствованію Алексѣя Михайловича и именно къ 1650 году“ [1]). Ссылаясь, при этомъ, на изданіе „Городскія поселенія Россійской Имперіи“ (III, стр. 35), о. Анатолій, очевидно, обнаруживаетъ, что ему незнакомо было „Описаніе курскаго намѣстничества“, въ которомъ г. Ларіоновъ не предположительно, а положительно свидѣтельствуетъ, что г. Обоянь построенъ въ 1650 году.

Принимая временемъ основанія г. Обояни 1650-й годъ, какъ предположеніе, о. Анатолій утверждаетъ, что въ это время Обоянь была только сторожевой острогъ, въ которомъ не было ни церквей, ни монастырей, и при этомъ ссылается на историческій документъ, именно: на грамоту царя Алексѣя Михайловича, данную въ 1662 году на имя игумена Знаменскаго курскаго монастыря, Моисея, въ которой велѣно было ему съ братіею, и всѣмъ православнымъ христіанамъ всякаго чина и возраста въ наступившій тогда Филипповъ постъ поститься и „жить по заповѣдямъ Господнимъ и по правиламъ св. восточныя церкви“ и пр. и, кромѣ того, велѣно ему, игумену Моисею, послать отъ себя о томъ же наказныя памяти въ города: Бѣлгородъ, Яблоновъ, Новый-Осколъ, Старый-Осколъ, Верхососенскъ, Ольшанскъ, Валуйки и Урывъ, велѣть тамошнимъ архимандритамъ, игуменамъ и прочимъ монастырскимъ настоятелямъ съ братіею, также протопопамъ и священникамъ съ причтомъ, и всѣмъ православнымъ христіанамъ, всякаго чина и возраста, выше-

---

[1]) Историко-статистическое описаніе обоянскаго Богородицко-Знаменскаго монастыря. Бѣлгородъ. 1882. Отдѣльный оттискъ изъ Курскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей за 1882 г. Стр. 3, 4, 5 и 6.

упомянутый постъ „имѣть и молебны показанные отправлять". Перечисленные здѣсь съ такою подробностію города украинскіе съ настоятелями монастырей и церквей, состоявшихъ, вѣроятно, въ ближайшемъ вѣдѣніи украинскаго игумена (?), непосредственно подчиненнаго вѣдомству патріарха московскаго, съ умолчаніемъ о городѣ Обояни, даютъ намъ, говоритъ о. Анатолій, основаніе заключать, что въ существовавшемъ тогда Обоянскомъ острожкѣ не было еще ни монастыря съ настоятелемъ, ни церквей съ протопопами и священниками" [1]).

Подобныя соображенія совершенно устраняются прямымъ свидѣтельствомъ подлинныхъ историческихъ документовъ, принадлежащихъ самому обоянскому собору, которыхъ о. Анатолій, очевидно, не зналъ. По „Выписи 1656 года", въ это время (т. е. въ 1655—1656 годахъ) существовалъ уже „острогъ обоянскаго лѣсу", былъ „подгородный станъ", въ городѣ находилась соборная церковь съ тремя престолами „во имя Рождества Пресвятыя Богородицы, да в предѣлехъ святого Николы чудотворца и святого страстотерпца Димитрея Селунскаго", а при ней существовалъ причтъ, состоявшій изъ двухъ поповъ да дьякона, владѣлъ землею и пр. Слѣдовательно, основаніе города несомнѣнно относится къ первой половинѣ XVII-го вѣка, такъ что и показаніе Ларіонова, будто городъ Обоянь основанъ въ 1650 году, должно признать далеко неточнымъ. Вотъ текстъ „Выписи 1656 года" [2]):

„Лѣта 7164-го Ѳевраля в 9 день по Государеву цареву і Великого князя Алексѣя Михайловича всеа великия и малыя и бѣлыя росиі самодержца указу воевода Бахтеяръ Ѳедоровичъ Мякининъ далъ выпись с книгъ писма своего и мѣры обоянскимъ соборнымъ попомъ Исакею Петрову да Иеву Семенову на церковную землю что прошлаго 163-го года в абоянскихъ книгахъ писма и мѣры воеводы Бахтеяра Ѳедоровича Мякинина написано в подгородномъ стану дано к соборной церкви к тремъ престоламъ во имя рожества пресвятыя Богородицы да в предѣлехъ святого Николы чудотворца и святого страстотерпца димитрея Селунскаго двумъ попамъ Исакею Петрову да Иеву Семенову да дьякону одному человѣку усадища дано на речке Рудавце да к темъ усадищамъ пашни паханые и дикого поля и дубровъ по пятнатцати четі человѣку и обоего дано к соборной церкви двумъ попамъ да дьякону пашни паханые и дикого поля и дубровъ 45 четі в полѣ а в дву потомужъ а на по речке по Пселцу и по Рудавцу 208 копенъ а межа церковной земли соборныхъ поповъ і дьякона от усадовъ вверхъ речкою Рудавцомъ до обоянского лѣсу налѣве земля и лесъ и сенные по-

[1]) Тамъ же. Стр. 13—14.

[2]) Писана на столбцѣ изъ двухъ листовъ, подложенныхъ синей тафтой.

косы церковная земля соборныхъ поповъ и дьякона а направо земля и лесъ и сенные покосы села Рудавца разныхъ помѣщиковъ а отъ речки Рудавца налѣво прямо на острогъ обоянского лѣсу а с острогу до большие яблоновские дороги а большою яблоновскою дорогою до Томпилова лѣска налѣве земля и лесъ и сенные покосы соборныхъ поповъ и дьякона а направе земля и лесъ и сенные покосы стрелецкіе а Томпиловымъ лескомъ налево врагомъ і водомоиною до речки до Пселца налѣве земля и лесъ и сенные покосы соборныхъ поповъ и дьякона а направе земля и лесъ и сенные покосы стрелецкие а речкою Пселцомъ ввѣрхъ до устья речки Рудовца налевѣ земля и лесъ и сѣнные покосы соборныхъ поповъ и дьякона а направѣ земля и лесъ и сенные покосы села Рудовца разныхъ помѣщиковъ а речкою Рудовцомъ ввѣрхъ до усадовъ налевѣ земля и лесъ и сенные покосы соборныхъ поповъ и дьякона а направе земля и лесъ и сенные покосы деревни Малаго Рудовца разныхъ помѣщиковъ да соборнымъ же попамъ Исакею Петрову да Иеву Семенову дано ниже города на усть речки Трубѣжа въ черномъ лесу по обѣ стороны реки Псла для мелничново строенья по двѣ четі в полѣ а в дву потомужъ и обоего дано соборнымъ попамъ для мелничного строенья по обѣ стороны реки Псла четыре четі в полѣ а в дву потомужъ а лесъ имъ сечь хоромный и дровѣной въ обоянскомъ в черномъ лесу и по реке по Пслу и по Пселцу вопче съ разными помѣщики да къ соборной же церкви рожества Пресвятыя Богородицы дано для церковнова строенья по реке по Пслу рыбныя ловли і волоковыя плеса от усть речки Трубѣжа до усть речки Каменки по обѣ стороны реки Псла".

Николай Троицкій.

III.

Движеніе къ изученію Россіи среди французскихъ археологовъ.

За послѣднее время среди французскихъ археологовъ сдѣлалось замѣтнымъ довольно сильное стремленіе къ изученію Россіи, и къ отысканію въ археологическихъ находкахъ нашей родины ключа къ объясненію многихъ вопросовъ какъ французской, такъ и вообще западноевропейской археологической науки. Это стремленіе является крупнымъ поворотомъ въ исторіи французской археологіи.

До половины текущаго столѣтія, усилія ученыхъ были почти исключительно направлены на изслѣдованіе классическихъ древностей, которыми Франція очень богата, и на изученіе средневѣковыхъ памятниковъ. Остальныя категоріи мѣстныхъ древностей почти не привлекали къ себѣ вниманія ученыхъ: большинство смотрѣло нѣсколько свысока на стремленія возстановить первоначальную исторію края на основаніи данныхъ, добытыхъ археологическими изысканіями, и относилось скептически къ попыткамъ освѣтить при помощи ихъ бытъ древнихъ обитателей современной Франціи, какъ до времени покоренія ея римлянами, такъ и въ переходное время—эпоху нашествія варварскихъ племенъ. Количество находокъ однако постепенно возрастало, и археологамъ оказалось невозможнымъ не считаться съ ними и обходить ихъ молчаніемъ.

Всѣ находимые предметы естественно были раздѣлены на двѣ группы сообразно съ тѣмъ, принадлежали ли они къ до-римскому періоду существованія Галліи (кельтскій, галльскій періоды) или къ эпохѣ великаго переселенія народовъ и первымъ временамъ жизни пришельцевъ-варваровъ на новыхъ мѣстахъ. Относительно каждой изъ этихъ двухъ главныхъ группъ находокъ ученые высказывали разные взгляды. Нѣкоторые, пользовавшіеся большимъ авторитетомъ, ученые исходили изъ положенія, что въ древней Европѣ не могло быть никакой самостоятельной культуры кромѣ той, которая развилась на берегахъ Средиземнаго моря; вслѣдствіе этого всѣ предметы, находимые во Франціи и относящіеся къ періоду до покоренія Галліи римлянами, считались занесенными во внутрь страны, благодаря торговымъ сношеніямъ съ финикіянами, этрусками и греками. Между тѣмъ археологія дѣлала быстрые шаги въ другихъ странахъ западной Европы; матеріалъ накоплялся благодаря сильно увеличившемуся количеству раскопокъ. Знакомство съ нимъ заставило, по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ французскихъ ученыхъ, иначе взглянуть на бронзовые предметы, находимые въ могилахъ до-римской эпохи. Сравненіе, напр., бронзовыхъ мечей, находимыхъ въ этихъ могилахъ во Франціи, съ мечами, находимыми въ Швейцаріи среди остатковъ свайныхъ построекъ (напр., въ Мёрингенѣ), въ Австріи (Гальштатъ), въ разныхъ мѣстностяхъ Германіи (какъ-то: въ Ганноверѣ, Мекленбургѣ и др.), наконецъ въ Ирландіи и даже въ Швеціи не могло не привести къ выводу, что между мечами, находимыми въ столь различныхъ мѣстностяхъ существуетъ поразительное сходство. То же самое сходство предметовъ, найденныхъ во Франціи, съ предметами, происходящими изъ находокъ въ указанныхъ странахъ подтвердилось и по отношенію къ нѣкоторымъ бронзовымъ сосудамъ, далѣе, въ отношеніи къ фибуламъ, кольцамъ и многимъ другимъ укра-

шеніямъ. Невольно напрашивалась мысль о существованіи въ тѣ отдаленныя времена самостоятельной, чисто мѣстной культуры, развивавшейся независимо отъ т. н. классическихъ вліяній. Къ этому выводу приводило, съ одной стороны, несходство этихъ предметовъ съ извѣстными издѣліями финикіянъ, этрусковъ и грековъ, съ другой стороны сомнѣніе въ томъ, что эти народы могли имѣть настолько значительныя торговыя сношенія, что предметы ихъ производства имѣли возможность заходить въ столь отдаленныя отъ культурныхъ центровъ страны, какъ современный Мекленбургъ, Швеція или Ирландія. Этотъ взглядъ пріобрѣлъ довольно большое число послѣдователей, послѣ того какъ въ Италіи были раскопаны могильники, несомнѣнно до-этрусскаго происхожденія. Первое мѣсто въ этомъ отношеніи слѣдуетъ отвести извѣстному могильнику Поджіо-Ренцо, до-этрусское происхожденіе котораго было тщательно провѣрено и доказано. Въ погребальныхъ урнахъ (найдено было сожженіе) постоянно встрѣчались очень типичные бронзовые предметы, получившіе общее названіе бритвъ. Ближайшее изученіе этихъ предметовъ, предпринятое А. Бертраномъ (Bertrand) [1]) привело его къ слѣдующему заключенію: совершенно одинаковыя бритвы встрѣчаются: 1) въ нѣсколькихъ могильникахъ до-этрусской эпохи въ Италіи, 2) въ остаткахъ свайныхъ построекъ бронзоваго вѣка или начала желѣзнаго въ Нидау и Мёрингенъ, на озерѣ Женевскомъ, озерѣ Гардо и др., 3) въ курганахъ бронзоваго вѣка въ Ганноверѣ, Мекленбургѣ и въ Даніи, 4) въ курганахъ перваго періода желѣзнаго вѣка въ восточныхъ частяхъ Галліи (Швейцарія, Котъ д'Оръ, Юра и въ Бельгіи). Между тѣмъ бритвы, аналогичныя найденнымъ въ Поджіо-Ренцо, не встрѣчаются въ болѣе новыхъ могильникахъ, въ которыхъ можно найти признаки этрусскаго вліянія, какъ-то въ Гагенау, Риксгеймѣ и Гильдосгеймѣ (нижній Рейнъ), Беррю и Шеппъ (департаментъ Марны) или въ Гальштатѣ. Эти факты, неожиданно явившіеся подкрѣпленіемъ теоріи мѣстнаго развитія культуры, не были однако въ состояніи пошатнуть вѣру французскихъ археологовъ въ иностранное (финикійское, этрусское, греческое) происхожденіе указанныхъ предметовъ: большинство оставалось при прежнемъ убѣжденіи, но и второе мнѣніе получило право гражданства, по крайней мѣрѣ оно не считалось уже мечтой, какъ это было раньше.

Нѣкоторые французскіе археологи и, пожалуй, наиболѣе серьезные изъ нихъ, не впитавшіе въ себя правилъ и рамокъ, предписанныхъ академіей, не могли примкнуть ни къ тому, ни къ другому взгляду.

---

[1]) Sépultures pré-historiques de Poggio-Renzo.

Выраженія—„мѣстная культура“, „мѣстное производство“ ихъ не удовлетворяли; возникалъ естественно рядъ вопросовъ: откуда взялась въ отношеніи къ древней Галліи эта мѣстная культура, гдѣ она черпала свои мотивы, и гдѣ основы ея? Появляется неясное сознаніе, что рѣшенія этихъ вопросовъ слѣдуетъ искать въ изученіи Востока, Россіи, Кавказа и т. д. Это сознаніе, въ началѣ очень смутное, является новой эрой въ исторіи французской археологіи въ двоякомъ отношеніи: этимъ, по крайней мѣрѣ, часть французскихъ археологовъ ясно дѣлала признаніе въ невозможности придти къ прочнымъ научнымъ выводамъ, не выходя за узкіе предѣлы изученія исключительно древностей Западной Европы; съ другой стороны, это направило ихъ къ изученію древностей восточной Европы, Кавказа и нѣкоторыхъ частей Азіи, съ которыми французскіе археологи не были почти вовсе знакомы, отчасти благодаря мало распространенному знанію иностранныхъ языковъ, отчасти вслѣдствіе нѣсколько высокомѣрнаго взгляда на Востокъ вообще, въ частности на Россію и ея науку.

Такъ, еще въ 1867 г. извѣстный Ленорманъ (Lenormand) старался обратить вниманіе французскихъ археологовъ на изученіе Кавказа: тамъ, по его мнѣнію, находился главный очагъ, если не мѣсто происхожденія бронзовой культуры, распространившейся впослѣдствіи по всей западной Европѣ. Но доказать это положеніе было трудно, вслѣдствіе почти полнаго незнанія Кавказа и его доисторической культуры; Ленорманъ, равно какъ и нѣкоторые другіе, раздѣлявшіе его убѣжденія, ученые были такимъ образомъ силою обстоятельствъ вынуждены ограничиваться общими фразами.

Если не первымъ, то во всякомъ случаѣ наиболѣе энергичнымъ и неутомимымъ поборникомъ въ пользу новыхъ идей является А. Бертранъ (Bertrand). Онъ не перестаетъ въ теченіе слишкомъ 20-ти лѣтъ обращать вниманіе своихъ соотечественниковъ на значеніе Россіи и Востока для научнаго освѣщенія французской археологіи. Въ многочисленныхъ рефератахъ, читанныхъ имъ въ разныхъ ученыхъ обществахъ Франціи и въ академіи, онъ вступалъ постоянно въ борьбу съ устарѣлыми взглядами и неустанно твердилъ о необходимости распространенія во Франціи знакомства съ древностями, находимыми въ Россіи, на Кавказѣ, и далѣе на Востокѣ. По его мнѣнію, въ до-римскую эпоху слѣдуетъ признать самостоятельную культуру въ западной Европѣ, ничего не имѣющую общаго съ культурой, развившейся по берегамъ Средиземнаго моря, кромѣ общаго происхожденія. Эта культура была занесена въ западную Европу съ востока, также какъ и въ страны, окаймляющія Средиземное море, но путемъ совершенно инымъ. „Помимо

Финикіи, —говорилъ онъ еще въ 1873 г. [1]) въ рефератѣ, читанномъ имъ въ академіи, —помимо Греціи и Этруріи, въ древности существовали значительные центры цивилизаціи; я разумѣю обширныя страны, во главѣ которыхъ стоитъ Кавказъ... Бросимъ теперь взглядъ на карту странъ, знакомыхъ древнимъ и спросимъ себя, гдѣ проходитъ самая короткая, самая естественная дорога изъ страны халибовъ, или отъ горъ Фригіи [2]) къ берегамъ Балтійскаго моря или къ подножію Альпъ. Мы увидимъ безъ труда, что это—долина Дуная съ одной стороны, долины Днѣпра и Вислы съ другой". По этимъ двумъ путямъ направлялись, по убѣжденію А. Бертрана, и племена и торговля съ самыхъ отдаленныхъ временъ. „Цивилизація перваго періода эпохи употребленія металловъ въ Европѣ, пишетъ онъ нѣсколько далѣе [3]),—можетъ объясняться восточнымъ вліяніемъ, прямымъ и непосредственнымъ, параллельнымъ вліянію, сказавшемуся въ началѣ въ Греціи и Этруріи—но направившимся совершенно другимъ путемъ". А. Бертрану однако было нелегко заставить воспитанныхъ въ другихъ идеяхъ археологовъ примкнуть къ его мнѣнію. Когда въ 70-хъ годахъ Э. Бартелеми былъ найденъ при раскопкѣ галльской могилы въ департаментѣ Марны бронзовый шлемъ извѣстный подъ названіемъ casque de Berru [4]) несомнѣнно восточнаго происхожденія, А. Бертрану стоило не малаго труда заставить признать большинствомъ французскихъ археологовъ восточное происхожденіе шлема: лишь послѣ того какъ онъ представилъ въ засѣданіе Общества Антикваріевъ (S. des Antiquaires de France) вмѣстѣ съ рисункомъ шлема рисунки ассирійскихъ барельефовъ, на которыхъ воины были изображены съ шлемами, подобными casque de Berru—большинство археологовъ сдалось въ виду очевидности доказательствъ—настолько мысль о возможности вліянія на древнихъ Галловъ со стороны востока считалась невѣроятной. Въ своемъ рефератѣ по поводу casque de Berru А. Бертранъ говоритъ: „...если насъ упрекнутъ въ томъ, что мы ищемъ слишкомъ далеко типы этихъ предметовъ (на востокѣ), мы отвѣтимъ, что удивленіе лицъ, несогласныхъ съ нашимъ взглядомъ, происходитъ отъ ихъ ошибочной точки зрѣнія. Мы, во Франціи, напрасно боимся обращать нашъ взоръ на востокъ. Намъ уже не кажется невѣроятнымъ, что предметъ франкской эпохи напоминаетъ Византію или Кавказъ; намъ покажется даже естественнымъ, если намъ скажутъ, что варвары въ

---

[1]) Alexandre Bertrand. Archéologie Celtique et Gauloise. Paris. 1889, pp. 197—199.

[2]) Мѣстности, въ которыхъ по преданіямъ классическихъ народовъ, впервые появилось умѣнье обработывать металлы и изъ которыхъ это искусство распространилось въ области заселенныя древними греками.

[3]) l. c. p. 203.

[4]) Хранится въ Musée de St-Germain.

V-мъ вѣкѣ нашей эры принесли слѣдомъ за Аттилой предметы, образцы которыхъ можно было бы, пожалуй, встрѣтить у береговъ Каспійскаго моря. Мы потеряли привычку, въ отношеніи къ этимъ эпохамъ, искать происхожденіе всѣхъ предметовъ въ Римѣ или въ Аѳинахъ. Мы мало по малу привыкнемъ относиться также къ предшествующимъ эпохамъ. Мы со временемъ научимся считаться съ этимъ кавказско-дунайскимъ міромъ, который такъ долго оставался неизвѣстнымъ грекамъ. Между тѣмъ цивилизація и притомъ цивилизація болѣе развитая, чѣмъ обыкновенно принято думать, существовала на нѣсколькихъ пунктахъ этой обширной области. Предметы, извлекаемые изъ земли, доказываютъ это безпрестанно. Нашъ шлемъ, по нашему мнѣнію, является однимъ изъ такихъ неопровержимыхъ свидѣтелей того, чѣмъ былъ въ тѣ времена этотъ варварскій, столь сильно презираемый міръ" [1]).

Успѣхъ проповѣди А. Бертрана о необходимости знакомства съ Россіей и Кавказомъ для уясненія вопросовъ французской археологіи сильно страдалъ вслѣдствіе того, что самъ Бертранъ часто не имѣлъ возможности обставить научно свои положенія, благодаря недостаточному знакомству съ находками въ тѣхъ странахъ, значеніе которыхъ для французской археологіи онъ такъ сильно оттѣнялъ. Такъ, напримѣръ, въ одномъ изъ своихъ трудовъ [2]) онъ сравниваетъ бронзовый браслетъ, найденный въ остаткахъ свайныхъ построекъ въ Швейцаріи (Мёрингенъ), съ бронзовымъ браслетомъ, найденнымъ въ курганѣ въ Минской губ. Такое сравненіе съ научной точки зрѣнія имѣетъ, конечно, мало вѣса, такъ какъ издѣлія, находимыя въ Мёрингенѣ, археологи относятъ приблизительно за X вѣковъ до нашей эры, слѣдовательно почти за 2000 лѣтъ до эпохи, къ которой относятся курганы съ погребеніемъ въ Минской губ. Но этотъ фактъ служитъ лишь доказательствомъ, съ какимъ интересомъ французскій ученый схватывалъ тѣ немногія свѣдѣнія, приходившія ему изъ Россіи и подтверждавшія его, еще недостаточно научно обставленное, стремленіе искать въ Россіи ключа къ рѣшенію вопросовъ своей національной археологіи.

Мнѣнія А. Бертрана не сдѣлались господствующими, но вліяніе его было весьма значительно, и онъ побудилъ многихъ своихъ ученыхъ соотечественниковъ обращать особое вниманіе на страны, которыя до него оставались за предѣлами знаній французскихъ археологовъ.

Г. Флуестъ (Flouest), не мало потрудившійся въ дѣлѣ изученія древностей до-римской эпохи во Франціи, также высказывалъ мысль, что основы произведеній кельтской и галльской эпохъ слѣдуетъ искать

---

[1]) Le casque de Berru, p. 369.

[2]) Le bronze dans les pays transalpins, pp. 200, 201.

въ Россіи, преимущественно на Кавказѣ. Онъ былъ твердо убѣжденъ, что археологія Россіи должна дать отвѣтъ на всѣ важные вопросы доисторической культуры жителей западной Европы. Но и онъ, какъ и Бертранъ, не имѣлъ возможности обставить научно свои положенія. Это скорѣе была вѣра, чѣмъ научный выводъ, вѣра, требовавшая подтвержденія, раздѣлявшаяся, дѣйствительно, многими послѣдователями, къ сожалѣнію, однако мало дѣлавшими въ этомъ направленіи. Въ отношеніи къ кельтской и галльской эпохамъ эта вѣра почти безъ измѣненій оставалась до появленія въ свѣтъ работъ г. Шантра (Chantre), т. е. почти что черезъ 10 лѣтъ послѣ первыхъ рефератовъ г. Бертрана.

Г. Шантру принадлежитъ безусловно честь быть первымъ во Франціи археологомъ, рѣшившимся перейти отъ словъ къ дѣлу въ вопросѣ объ изученіи Россіи для освѣщенія французской археологіи. Онъ давно уже спеціально занимался культурой до-римской эпохи во Франціи [1]), и основательно былъ знакомъ съ коллекціями предметовъ бронзоваго вѣка, хранящимися въ западно-европейскихъ музеяхъ. Въ своихъ поискахъ за разъясненіемъ вопроса о мѣстѣ происхожденія бронзы онъ направился въ 1879 г. на Кавказъ и познакомился на мѣстѣ съ главными могильниками Кавказа; въ 1881 г. онъ посѣтилъ его вторично съ цѣлью дополнить свои разысканія въ этой области, при чемъ включилъ въ районъ своихъ изслѣдованій и сѣверныя области Сиріи и верхнюю Мессопотамію. Результатомъ его трудовъ были многочисленныя статьи и, наконецъ, обширное сочиненіе, въ которомъ онъ отводитъ значительное мѣсто разъясненію интересовавшаго его вопроса о бронзовой культурѣ [2]).

Работы г. Шантра хорошо извѣстны въ Россіи; ограничимся поэтому лишь краткимъ перечнемъ тѣхъ, выдвинутыхъ г. Шантромъ на основаніи изученія Кавказа, положеній, которыя имѣютъ отношеніе къ вопросу о роли Кавказа для освѣщенія вопроса о бронзовой культурѣ на Западѣ, въ частности во Франціи. Онъ долженъ былъ признать, что Кавказъ не является мѣстомъ, гдѣ впервые возникло искусство обработывать бронзу; по его мнѣнію, мѣстность, гдѣ человѣкъ впервые научился этому искусству, слѣдуетъ искать далеко на востокѣ отъ Кавказа — въ Индіи. Но Кавказъ былъ мѣстомъ, въ которомъ бронзовая культура остановилась надолго, прежде чѣмъ проникнуть далѣе на за-

---

[1]) См. его трудъ: Etudes paléoethnologiques dans le bassin du Rhône; âge du bronze. 1876.

[2]) См. статьи г. Шантра въ Matériaux pour l'histoire... de l'homme, начиная съ 1880 г. въ трудахъ Société d'Anthropologie de Lyon и его работу Recherches anthropologiques dans le Caucase (4 тома). 1885—1887.

падъ; на Кавказѣ она окрѣпла и развилась, приняла своеобразную физіогномію. Тамъ, по мнѣнію г. Шантра, слѣдуетъ искать первоначальный типъ издѣлій, которыя, въ болѣе совершенной и изящной формѣ, находятъ въ западной Европѣ. На Кавказѣ же, по его словамъ, мы находимъ первые начатки выемчатой эмали: „... развѣ, говоритъ онъ въ одной изъ своихъ статей, кобанскій могильникъ не открылъ передъ нами зарю выемчатой эмали?“ Дѣйствительно, существуетъ большая разница между кобанскими эмалями — первыми попытками художника, испытующаго новый способъ производства—и эмальированными фибулами (запада), которыя доказываютъ глубокое знаніе этого искусства. Между тѣмъ, съ полнымъ вѣроятіемъ, можно допустить, что эти послѣднія являются продуктомъ развитія и полнаго усовершенствованія искусства, начатаго въ Кобани. Это мнѣніе, продолжаетъ онъ, покажется безъ сомнѣнія недопустимымъ тѣмъ археологамъ, которые думаютъ, что выемчатая эмаль является на свѣтъ только въ римскую эпоху, равно и тѣмъ, которые, какъ напр. Тишлеръ (въ Кенигсбергѣ), полагаютъ, что кобанскій могильникъ относится къ первой половинѣ I-го вѣка до Р. Хр. Этотъ взглядъ не имѣетъ смысла оспаривать съ тѣхъ поръ, какъ этотъ обширный могильникъ подвергся изученію, и послѣ того какъ было доказано, что онъ относится къ первому періоду желѣзнаго вѣка — эпохѣ болѣе древней, чѣмъ эпоха Гольштата“ [1]). Предметы украшенія, находимыя въ западной Европѣ, являются также лишь дальнѣйшимъ развитіемъ искусства, типы котораго мы находимъ въ древнѣйшихъ кавказскихъ могильникахъ (преимущественно въ кобанскомъ); г. Шантръ старается доказать это относительно фибулъ, ножныхъ и ручныхъ браслетовъ, привѣсокъ, ожерелій, поясовъ и т. д. Это искусство, по мнѣнію г. Шантра, быть можетъ, не зародилось на Кавказѣ; оно, вѣроятнѣе всего, было занесено „странствующими мастерами“, быть можетъ, новымъ слоемъ среди населенія Кавказа; но, окрѣпнувъ тамъ, оно двинулось на западъ, принесло туда встрѣчаемые на Кавказѣ типы. Слѣдовательно, Кавказъ, не будучи родиной бронзовой культуры, является очагомъ, откуда, въ древнѣйшія времена, она распространилась въ западной Европѣ, видоизмѣняясь, въ извѣстной степени, подъ вліяніемъ среды и времени. Не будучи знакомымъ съ кавказскими бронзовыми издѣліями, нельзя, по убѣжденію г. Шантра, имѣть ясное представленіе о происхожденіи подобныхъ же издѣлій на Западѣ.

Таковы въ самыхъ общихъ чертахъ основныя положенія г. Шантра. Въ наши цѣли не входитъ подвергать его мнѣнія критикѣ, кото-

---

[1]) Кобанскій могильникъ относится г. Шантромъ приблизительно за 1,500 л. до Р. Хр.

рой они уже подверглись какъ со стороны его соотечественниковъ, такъ и со стороны русскихъ ученыхъ. Нельзя признать всѣ выводы, выставленные имъ въ его трудахъ, справедливыми; но нельзя также не согласиться, что труды г. Шантра, въ основу которыхъ положено широкое сравненіе предметовъ бронзовой культуры почти что всей Европы, съ Кавказомъ во главѣ, являются крупнымъ вкладомъ въ науку. Въ настоящее время никто почти не сомнѣвается въ необходимости изученія Кавказа для точнаго рѣшенія вопроса о бронзовой культурѣ древней Франціи. Однако, такъ какъ и на Кавказѣ эта культура оказалась занесенной извнѣ, то надѣются, что въ другой части Россіи будетъ найденъ ключъ къ разрѣшенію вопроса о первоначальныхъ источникахъ этой культуры. Далеко не всѣ склонны вмѣстѣ съ г. Шантромъ искать колыбель бронзы въ южныхъ частяхъ Индіи. Многіе надѣются, что рѣшительный отвѣтъ на этотъ вопросъ дадутъ изслѣдованія Сибири. Въ этомъ отношеніи, это—опять новая вѣра въ значеніе русской археологіи для запада, но вѣра, которая принимается большинствомъ легко, которой не приходится бороться, какъ это было сравнительно еще недавно, съ косностью взглядовъ почти всѣхъ французскихъ археологовъ. Всякое новое свѣдѣніе, приходящее изъ Россіи и способное пролить лучъ свѣта на вопросъ о бронзовой культурѣ Запада, встрѣчаютъ во Франціи съ должнымъ вниманіемъ, подвергаютъ по возможности серьезному анализу и, во всякомъ случаѣ, не относятся къ поборникамъ новой идеи съ недовѣріемъ и извѣстнымъ недоброжелательствомъ. Въ музеѣ St. Germain, въ залѣ „для сравненій“ отведено довольно обширное мѣсто предметамъ, найденнымъ въ предѣлахъ Россіи, преимущественно на Кавказѣ (часть коллекціи г. Шантра) и на югѣ Россіи; управленіе музея старается всѣми силами дополнить это собраніе, которому всѣми придается существенное значеніе для французской археологіи.

Другой французскій изслѣдователь Морганъ (Morgan), съ тою же цѣлью отысканія основъ западно-европейской бронзовой культуры, совершаетъ поѣздки въ Закавказье. Совершенныя имъ тамъ и на сѣверномъ Кавказѣ археологическія разысканія не отвѣтили ему на выдвинутый вопросъ. Теоріи Моргана отводятъ незначительное мѣсто Кавказу въ исторіи проникновенія бронзы въ среднюю Европу и онъ, какъ кажется, болѣе склоненъ примкнуть къ старой школѣ. Но, если кавказскій перешеекъ теряетъ, по мнѣнію Моргана, значеніе „ключа“ для рѣшенія вопроса о бронзѣ, онъ въ своей части, занимаемой Арменіей, пріобрѣтаетъ важное значеніе для уясненія мѣста, откуда впервые желѣзо двинулось къ жителямъ, населявшимъ берега Тигра и Ефрата, а при посредствѣ ихъ дальше на югъ и на западъ.

Обратимся къ перевороту, совершившемуся въ дѣлѣ изученія древностей, такъ называемаго, меровингскаго стиля. Хотя ходъ изученія ихъ во Франціи имѣетъ много общихъ чертъ съ ходомъ изученія предметовъ бронзовой культуры, нельзя однако не замѣтить, что имъ посчастливилось больше, чѣмъ этимъ послѣднимъ: они привлекали гораздо бо̀льшее вниманіе французскихъ ученыхъ, чѣмъ древности до-римской эпохи. Интересъ къ нимъ во Франціи особенно усилился послѣ того, какъ въ 50-хъ годахъ аббатомъ Кошé (Cochet) было обращено вниманіе на предметы, найденные еще въ 1653 г., въ, такъ называемой, гробницѣ Шильдерика [1]) и послѣ находки, почти одновременно съ появленіемъ въ свѣтъ работъ аббата Кошé, такъ назыв. гуарразарскаго клада около Толедо [2]).

Большое количество аналогичныхъ находокъ въ разныхъ мѣстностяхъ Франціи привело къ накопленію обширнаго матеріала, какъ въ музеяхъ, такъ и въ частныхъ коллекціяхъ и давало возможность поставить изученіе, такъ называемаго, меровингскаго стиля на широкую ногу. Обильныя находки подобныхъ же предметовъ въ различныхъ частяхъ Германіи, Австро-Венгріи, Бельгіи, Испаніи и Италіи позволяли прибѣгнуть съ пользой къ сравнительному методу. Передъ несомнѣнной очевидностью находокъ должно было пасть долго господствовавшее мнѣніе, подкрѣпляемое именами наиболѣе авторитетныхъ ученыхъ, что варварскія племена, разрушившія древній міръ, не имѣли вовсе никакого искусства. „Развалины, пишетъ Ластейри [3]),—которыя эти свирѣпые завоеватели оставляли по всему пути своему, способъ, которымъ они попирали ногами послѣдніе слѣды древней цивилизаціи, соединили съ ихъ именемъ такое воспоминаніе варварства, что, естественно, пришли къ заключенію, что такіе люди не имѣли никакого собственнаго искусства". „Открытія прошлаго и, главнымъ образомъ, текущаго столѣтій, продолжаетъ онъ,—измѣнили этотъ взглядъ: у варваровъ было *свое* искусство; но было ли оно произведеніемъ *собственнаго* генія ихъ?" На этотъ вопросъ большинство отвѣчало утвердительно; но нѣкоторые, основываясь на удивительной оригинальности стиля, стоящаго въ рѣзкомъ противорѣчіи со всѣми традиціями классическаго искусства, съ другой стороны, на иностранномъ (восточномъ) происхожденіи матеріаловъ, упо-

---

[1]) Хранится въ Departement des médailles et antiques de la Bibliothèque Nationale. См. Cochet: Le tombeau de Childéric, 1-er roi des Francs.

[2]) Этотъ кладъ, найденный однимъ изъ французскихъ офицеровъ въ 1858 г. состоитъ изъ нѣсколькихъ золотыхъ вѣнцовъ, украшенныхъ жемчугомъ, сапфирами и другими драгоцѣнными камнями. Одинъ изъ этихъ вѣнцовъ снабженъ надписью: Reccervinthus rex offeret, что позволяетъ съ точностью опредѣлить эпоху, къ которой относится кладъ, именно между 649 и 672 гг. по Р. Х.—время правленія вестготскаго короля Рексесвинда. (Кладъ хранится въ Musée de Cluny въ Парижѣ).

[3]) Lasteyrie: Histoire de l'orfévrerie. 1877.

треблявшихся варварами для своихъ издѣлій (какъ-то драгоцѣнныхъ камней, жемчуга и т. п.), были болѣе склонны видѣть вліяніе на основы меровингскаго стиля со стороны востока, въ весьма широкомъ и неопредѣленномъ значеніи этого слова. Однако, какъ и въ отношеніи древностей кельтскихъ и галльскихъ, мнѣніе о восточномъ происхожденіи элементовъ варварскаго искусства довольно долго не переходило на почву научныхъ доказательствъ, и французскіе археологи предпочитали ограничиваться общими указаніями даже въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ представлялась возможность приступить къ изученію вопроса путемъ болѣе серьезнымъ. Такъ г. Ластейри [1]), говоря о варварскомъ искусствѣ ограничивается объяснить восточные мотивы его общей фразой, что „эти страны (въ которыхъ были найдены предметы меровингскаго стиля) не были лишены сношеній съ другими болѣе развитыми странами: Греціей, Малой Азіей и впослѣдствіи съ Восточной Имперіей... Наиболѣе древніе памятники этого искусства, которые намъ извѣстны, находятся въ Россіи въ Эрмитажѣ. Русское правительство, владѣя въ настоящее время обширными областями, бывшими, повидимому, истинной колыбелью этихъ варварскихъ племенъ, собираетъ... древности этихъ странъ". Въ дальнѣйшемъ изложеніи онъ даетъ описаніе Новочеркасскаго и Петросскаго (Румынія) кладовъ, но онъ не останавливается на значеніи этихъ находокъ для освѣщенія затронутаго вопроса и не выясняетъ соотношенія между предметами, найденными въ Россіи и въ западной Европѣ. Считая варварскій стиль національнымъ, появившимся какъ разъ въ эпоху великаго переселенія народовъ изъ генія готовъ и прочихъ варваровъ, г. Ластейри не отрицаетъ возможности вліянія на него востока, но онъ не ищетъ основъ и мѣста зарожденія этого стиля.

Роберъ (Robert) въ одномъ изъ своихъ сообщеній въ академіи о предметахъ меровингскаго стиля, найденныхъ въ сѣверной части Франціи, дѣлаетъ простое замѣчаніе, что „это искусство несомнѣнно пришло съ востока къ сѣвернымъ варварамъ, благодаря теченію, которое заглушило въ Византіи все, что у ней оставалось еще отъ греческихъ и римскихъ традицій".

Бо́льшую опредѣленность въ выраженіи своихъ взглядовъ мы встрѣчаемъ у Лабарта (Labarte) [2]). По его мнѣнію, источникомъ варварскаго стиля была Византія; элементы его проникли туда несомнѣнно съ востока, но въ Византіи онъ окрѣпъ и оттуда распространился по западной Европѣ. Линасъ (Linas) [3]) не менѣе ясно высказываетъ свою

---

[1]) l. c.

[2]) Labarte: Histoire des arts industriels.

[3]) Linas: Orfévrerie mérovingienne.

мысль относительно перегородчатой эмали: „я, право, не могу повѣрить, говоритъ онъ, въ существованіе искусства, родившагося въ тѣни германскихъ лѣсовъ... Мнѣ кажется яснымъ, что это искусство (émail cloisonné) проникло на западъ съ береговъ Дуная, гдѣ ему научились Готы благодаря византійскимъ и восточнымъ издѣліямъ". Впослѣдствіи, продолжая свои занятія, Линасъ сдѣлался горячимъ защитникомъ вліянія востока на западное искусство этой эпохи; познакомившись съ нѣкоторыми издѣліями Кавказа и южной Россіи, онъ посвятилъ въ своемъ сочиненіи L'orfévrerie cloisonnée (1887) отдѣльную главу разбору этихъ находокъ. Въ этомъ сочиненіи онъ развиваетъ и дополняетъ приведенныя нами выше свои положенія.

Г. Флуестъ, защитникъ мнѣнія о вліяніи Кавказа и востока въ вопросахъ, касающихся искусства до-римской эпохи во Франціи, является таковымъ же и въ отношеніи къ издѣліямъ меровингскаго стиля: отыскивая въ немъ вліяніе востока, онъ обратилъ особое вниманіе на видъ фибулъ, часто встрѣчающійся въ варварскихъ могилахъ, имѣющихъ форму латинской буквы *S*. Въ своемъ трудѣ, посвященномъ спеціально этому вопросу [1]) онъ старается доказать восточное происхожденіе мотива этой фибулы и объяснить ея значеніе: по его мнѣнію это—символъ обилія, плодородія, употреблявшійся искони на востокѣ, принесенный оттуда варварами на западъ, вмѣстѣ съ прочими элементами типичнаго для нихъ искусства.

Какъ мнѣнія Линаса, такъ и Флуеста, вызвали оживленныя возраженія со стороны другихъ французскихъ археологовъ [2]). Но общія идеи ихъ были приняты, по крайней мѣрѣ стали съ бо̀льшимъ вѣроятіемъ допускать значительное вліяніе востока на западное искусство этого періода: большинство однако продолжало искать очагъ его развитія въ Византіи или въ неопредѣленныхъ областяхъ отдаленнаго востока. Но путь для новыхъ идей постепенно очищался.

Не мало, конечно, содѣйствовали принятію нѣкоторыхъ положеній новой школы и труды иностранныхъ для Франціи ученыхъ. Описаніе г. Одобеско Новочеркасскаго и Петросскаго (Румынія) кладовъ [3]), пожалуй, впервые познакомили Францію съ издѣліями меровингскаго стиля, находимыми въ Россіи и на Дунаѣ; оно заставило французскихъ ученыхъ отнестись къ нимъ съ бо̀льшимъ вниманіемъ и прислушаться къ мнѣніямъ г. Одобеско, который видѣлъ въ этихъ издѣліяхъ восточное вліяніе

---

1) Flouest: Le signe symbolique en S. 1885.

2) Напримѣръ, теорія Линаса, что искусство распространялось съ востока при посредствѣ „странствующихъ мастеровъ" и т. п.

3) Предметы, найденные въ Петроссѣ, были выставлены на международной выставкѣ въ Парижѣ въ 1867 г.

яніе. Мы видѣли, однако, что Ластейри не воспользовался въ достаточной мѣрѣ указаніями г. Одобеско. Далѣе, въ Венгріи находки предметовъ, аналогичнаго, съ меровингскимъ, производства, сдѣлались объектомъ серьезныхъ изслѣдованій и, въ дѣлѣ опредѣленія ихъ происхожденія, нѣкоторые мѣстные ученые опередили въ значительной степени многихъ своихъ западныхъ собратьевъ, продолжавшихъ искать основнаго очага этого искусства то на берегахъ Рейна, то въ Скандинавіи.

Какъ извѣстно еще въ 1876 г., на конгрессѣ въ Будапештѣ, Генцельманнъ обратилъ особое вниманіе на произведенія меровингскаго стиля и предложилъ замѣнить разныя названія, придаваемыя этимъ предметамъ (франкскіе, бургундскіе, лангобардскіе и т. д. древности) общимъ наименованіемъ *готскихъ древностей*, такъ какъ готамъ слѣдуетъ приписать честь распространенія этого производства въ западной Европѣ. Но французскіе археологи вообще сравнительно мало интересуются научнымъ движеніемъ, происходящимъ внѣ ихъ отечества; труды иностранныхъ ученыхъ имъ обыкновенно мало знакомы; кромѣ того, къ научному достоинству ихъ во Франціи часто относятся нѣсколько скептически. Вотъ почему иногда случается, что какой нибудь археологическій вопросъ, сдѣлавшій за предѣлами Франціи большой шагъ къ своему окончательному рѣшенію, еще долго остается во мнѣніи французскихъ ученыхъ на прежней стадіи развитія.

Движеніе среди иностранныхъ ученыхъ въ вопросѣ о происхожденіи меровингскаго стиля обратило на себя вниманіе нѣкоторыхъ французскихъ археологовъ и заставило ихъ серьезно заняться изученіемъ тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ, по ихъ предположенію, долженъ былъ возникнуть впервые меровингскій стиль.

Византія не оправдывала ихъ ожиданій; было очевидно, что нѣкоторые виды византійскаго искусства (эмаль, орнаменты и т. д.) имѣютъ общій источникъ съ меровингскимъ, но различія между этими двумя стилями также бросались въ глаза; вслѣдствіе этого являлось затруднительнымъ считать меровингскій стиль прямымъ заимствованіемъ изъ византійскихъ основъ. Кромѣ того, нахожденіе въ южной Россіи и, въ частности, въ Крыму предметовъ меровингскаго стиля, относящихся къ III-му и IV-му вѣку по Р. Хр., т. е. эпохъ, когда въ Византіи еще были живы греко-римскія традиціи и когда византійскій стиль еще не успѣлъ принять своеобразной типичной формы, дѣлало невозможнымъ указанное выше предположеніе [1]). Утвердилось мнѣніе, что эти два

[1]) Не лишенъ интереса фактъ, что нѣкоторые археологи Франціи были склонны считать предметы меровингскаго стиля, находимые въ Россіи, послѣдствіемъ вліянія небольшой Франкской колоніи, устроенной римлянами въ концѣ III-го вѣка по Р. Хр. на югѣ Россіи.

стиля (византійскій и меровингскій) не представляютъ данныхъ, позволяющихъ признать Византію „матерью“ меровингскаго стиля; ея стиль является лишь параллельно развившимся вмѣстѣ съ меровингскимъ изъ общихъ восточныхъ мотивовъ. Слѣдовательно, для рѣшенія вопроса о происхожденіи меровингскаго стиля слѣдуетъ обратиться къ археологіи Россіи, гдѣ встрѣчаются наиболѣе древнія издѣлія его и искать главнаго его очага на югѣ ея, въ Крыму, на Кавказѣ.

Между французскими археологами, перешедшими въ дѣлѣ рѣшенія этого вопроса отъ общихъ словъ и идей къ положительнымъ научнымъ доказательствамъ, особенно видное мѣсто слѣдуетъ отвести барону де-Бай и опять-таки г. Шантру.

Г. Шантръ при своихъ изысканіяхъ на Кавказѣ долженъ былъ столкнуться съ находимыми тамъ предметами, аналогичными съ предметами меровингскаго стиля (онъ изложилъ результатъ своихъ спеціальныхъ занятій о происхожденіи варварскаго искусства въ своемъ большомъ трудѣ о Кавказѣ и въ брошюрѣ La bijouterie Caucasienne, 1892). По его мнѣнію, основы, проявившіяся въ такой блестящей формѣ въ издѣліяхъ византійскихъ и меровингскихъ, слѣдуетъ искать на Кавказѣ и на берегахъ Чернаго моря и отнести ихъ приблизительно за семь вѣковъ до нашей эры. Когда сношенія кавказскихъ народностей съ Греціей, Римомъ, и въ особенности, съ Византіей сдѣлались болѣе оживленными, классическій міръ, такъ сказать, воспринялъ существовавшіе уже на Кавказѣ элементы этого стиля и, усовершенствовавъ его, передалъ варварскимъ народамъ, которые, продолжая работать надъ нимъ и наложивъ на него свой отпечатокъ, принесли его въ разныя мѣстности Европы при своихъ переселеніяхъ, начиная съ IV в. по Р. Х. Вотъ почему, допуская различныя названія предметовъ этого стиля сообразно съ различными мѣстностями, гдѣ проходили, оставляя свои слѣды, варварскія племена, г. Шантръ предлагаетъ замѣнить употребительныя многочисленныя названія общимъ именемъ *скиво-византійскихъ* или что, по его словамъ, одно и то же *скиво-греческихъ* древностей. Во всякомъ случаѣ, всякое другое наименованіе этого стиля примѣнительно къ находкамъ на Кавказѣ, въ Крыму и въ бо̀льшей части восточной Европы, будетъ несправедливо и не логично, такъ какъ въ указанныхъ мѣстностяхъ этотъ стиль возникъ изъ сочетанія этихъ двухъ элементовъ.

Мнѣнія г. Шантра вызвали возраженія со стороны нѣкоторыхъ французскихъ археологовъ, въ томъ числѣ г. Флуеста.

„Мнѣ трудно увѣрить себя, говоритъ г. Флуестъ вполнѣ справедливо въ рецензіи на книгу г. Шантра [1]),—чтобы Понто-каспійскій пере-

[1]) Materiaux pour l'histoire... de l'homme. 1888, т. 22.

шеекъ, въ виду его отдаленности, его отчужденности, трудности проникнуть въ него, однимъ словомъ, въ виду его относительной изолированности, могъ быть мѣстомъ происхожденія и центромъ распространенія этого стиля. Мнѣ кажется болѣе разумнымъ отнести происхожденіе этихъ предметовъ, въ которыхъ сказывается большой вкусъ, къ тому широкому и могучему теченію, вышедшему въ первыхъ вѣкахъ нашей эры изъ неизмѣримой глубины обширной Скиѳіи, чтобы двинуть на западъ потокъ варваровъ... Вліяніе этого стиля должно было сказываться и въ издѣліяхъ Кавказа, какъ оно сказывалось еще въ Египтѣ, въ сассанидской Персіи, въ Византіи. Область, изслѣдованная г. Шантромъ, является въ отношеніи къ эпохѣ скиѳо-византійской еще яснѣе, чѣмъ въ болѣе отдаленныя времена, лишь мѣстомъ прохода, этапа, гдѣ откладывались слѣды различныхъ культуръ, но гдѣ мы не находимъ данныхъ, позволяющихъ утверждать, что въ ней находится родина новаго искусства, или центръ, изъ котораго это искусство распространилось". Г. Флуестъ болѣе склоненъ видѣть вліяніе готовъ на развитіе этого стиля: „у насъ (во Франціи), замѣчаетъ онъ, справедливо изгнали наименованіе „готическаго" въ отношеніи архитектуры среднихъ вѣковъ; это названіе, однако, имѣетъ теперь серьезные шансы войти въ употребленіе, чтобы отмѣчать съ бо́льшей справедливостью и правильностью искусство, стиль, типъ обширной группы древностей, которыя мы называемъ меровингскими".

Это послѣднее мнѣніе покойнаго археолога является послѣдствіемъ признанной имъ теоріи, которую старался научно обставить во Франціи впервые бар. де-Бай (de Baye).

Баронъ де-Бай, въ статьяхъ, посвященныхъ находкамъ предметовъ меровингскаго стиля въ Россіи [1]), старается доказать готское происхожденіе этого послѣдняго. Онъ уже давно былъ хорошо знакомъ съ находками меровингскаго стиля, хранящимися во французскихъ и заграничныхъ музеяхъ [2]) и подобно г. Шантру совершилъ нѣсколько поѣздокъ въ Россію для того, чтобы изучить на мѣстѣ аналогичные предметы, находящіеся въ нашихъ музеяхъ въ Москвѣ и Петербургѣ. Прежде, отстаивая свои положенія, онъ былъ вынужденъ почти исключительно ограничиваться изученіемъ предметовъ, вывезенныхъ изъ Россіи на западъ, въ томъ числѣ и богатой коллекціи Артура Эванса. Болѣе близкое знакомство съ древностями меровингскаго стиля, находимыми въ Россіи

---

[1]) См. статьи, Les bijoux gothiques de Kertch; La bijouterie des Gots en Russie; Origine orientale de l'orfévrerie cloisonnée et son introduction en occident par les Goths и др.; а также статьи, посвященныя находкамъ меровингскаго стиля въ Венгріи, Франціи и Италіи.

[2]) См. его работы: L'industrie Longobarde и L'industrie Anglosaxonne.

и сравненіе ихъ съ таковыми же, находимыми въ разныхъ мѣстностяхъ западной Европы, дали барону де-Бай возможность выдвинуть въ различныхъ работахъ, посвященныхъ этому вопросу, слѣдующія положенія: основы стиля, который принято называть меровингскимъ, слѣдуетъ искать въ южной Россіи, куда онъ былъ занесенъ съ востока народностями, извѣстныхъ подъ общимъ именемъ скиѳовъ; матеріалы, употреблявшіеся для издѣлій этого стиля (золото, гранаты и т. д.) шли съ востока; восточнымъ же вліяніемъ слѣдуетъ объяснить и мотивы въ орнаментахъ. Наука въ настоящее время еще не въ состояніи опредѣлить съ точностью, гдѣ слѣдуетъ искать основы всѣхъ элементовъ, образовавшихъ стиль, который въ южной Россіи мы застаемъ въ III-мъ и IV вѣкѣ по Р. Х. уже вполнѣ развившимся, но южная Россія является мѣстностью, гдѣ онъ издавна существовалъ и до этого времени, хотя и въ менѣе развитой формѣ. Когда готы заняли южныя области Россіи, они уже встрѣтили готовыми всѣ основы новаго искусства; они въ теченіе своего пребыванія въ этихъ мѣстностяхъ развили, усовершенствовали это искусство и положили на него печать своего генія [1]). Двинувшись на западъ, готы, вслѣдствіе огромной роли, которую они съиграли въ эпоху великаго переселенія народовъ, отчасти сами занесли въ разныя мѣста западной Европы свои издѣлія, отчасти распространили ихъ среди другихъ племенъ, участвовавшихъ въ великомъ переселеніи. Легкое усвоеніе готскаго искусства прочими варварскими племенами объясняется тѣмъ, что это искусство, отличавшееся скорѣе богатствомъ, чѣмъ изяществомъ, соотвѣтствовало въ бо́льшей степени неразвитому вкусу варваровъ. При своемъ постепенномъ движеніи съ востока на западъ готское искусство мало-по-малу утрачиваетъ свой прежній блескъ и, чѣмъ дальше мы отодвигаемся отъ мѣста родины его, тѣмъ издѣлія становятся болѣе бѣдными и менѣе совершенными. Зооморфный орнаментъ на предметахъ, найденныхъ въ Россіи, Румыніи и Венгріи, изображаетъ по словамъ барона де-Бай, „животныхъ съ яснымъ восточнымъ характеромъ и съ неопровержимыми признаками культа...“ Но этотъ зооморфный орнаментъ, пересѣкая Европу, искажается по мѣрѣ своего движенія на западъ. Нѣкоторые основные типы теряютъ свои первоначальныя формы вслѣдствіе постояннаго копированья съ образцовъ, подчасъ уже испорченныхъ; художники постепенно позабыли смыслъ этихъ изображеній (животныхъ) и преданія, съ ними

[1]) Ближайшіе сосѣди готовъ, равно какъ и покоренные готами народы, восприняли это искусство; этимъ и торговыми сношеніями объясняется, по мнѣнію барона де-Бай, фактъ нахожденія готскихъ предметовъ въ разныхъ мѣстностяхъ и въ могилахъ, принадлежащихъ народностямъ, чуждымъ готамъ по крови и по культурѣ (напр., въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Кавказа и въ болѣе сѣверныхъ областяхъ Россіи).

занныя, затерялись. Это же вырожденіе, продолжаетъ авторъ, за-
ается также и въ предметахъ, украшенныхъ вставленными драго-
ными каменьями. Достигнувъ запада, искусство украшать предметы
натами, повидимому, обѣднѣло, хотя оно и продолжаетъ сохранять
и основныя черты. Золото, гранаты и другіе драгоцѣнные камни
новятся рѣже по мѣрѣ удаленія предметовъ отъ родины готскаго
ля. Золото, которое раньше употреблялось въ большомъ количествѣ,
и судить по находкамъ на Кавказѣ, въ Крыму, на берегахъ Азов-
го моря и даже близь устьевъ Дуная, употребляется лишь въ не-
чительномъ количествѣ въ мѣстностяхъ по верхнему Дунаю, на Рейнѣ
дальше на западѣ... Гранаты часто замѣняются краснымъ стекломъ
чтобы заставить думать, что эти настоящіе или поддѣльные камни
авлены на золотомъ фонѣ, подъ нихъ подкладывали фольгу, которая
зала имъ бо́льшій блескъ; наконецъ сами пластинки гранатовъ дѣ-
отся тоньше и меньше [1]).

Таковы въ общихъ чертахъ основныя положенія барона де-Бай.
нечно, вопросъ о восточномъ вліяніи на этотъ стиль, о путяхъ, ко-
рыми шло это вліяніе остается открытымъ, но путь къ рѣшенію этого
проса до извѣстной степени уже намѣченъ; въ настоящее время почти
кто изъ французскихъ археологовъ уже не обращается за рѣшеніемъ
проса къ Византіи и не указываетъ неопредѣленно на востокъ—всѣ
ѣждены, что дальнѣйшія изысканія въ области русской археологіи да-
тъ ключъ къ его рѣшенію.

Мы прослѣдили въ самыхъ общихъ чертахъ исторію движенія среди
ранцузскихъ археологовъ къ изученію Россіи; мы видѣли, что это
иженіе, выразившееся сначала лишь въ очень смутномъ сознаніи о
обходимости обратить свои силы къ изученію археологіи Россіи при-
ло къ серьезнымъ работамъ какъ по вопросамъ до-римской цивили-
ціи Франціи, такъ и цивилизаціи варварской эпохи. Конечно, число
аботъ въ этомъ направленіи еще незначительно, но онѣ важны тѣмъ,
о отмѣчаютъ окончательный поворотъ во французской археологіи—
менно стремленіе расширить предѣлы своего изученія, включивъ въ
ихъ новую обширную область; русская археологія, бывшая долгое время
глазахъ французскихъ ученыхъ, наукой, имѣющей лишь исключи-
льно мѣстный интересъ, пріобрѣла въ настоящее время въ ихъ гла-
хъ существенное значеніе для международной археологіи; изученіе ея,
ихъ мнѣнію, тѣмъ болѣе важно, что отъ нея ждутъ отвѣта на боль-

---

[1]) Origine orientale de l'orfévrerie cloisonnée.

шинство основныхъ вопросовъ европейской археологической науки. Теперь уже раздается много голосовъ въ пользу мнѣнія, что Россія, давшая ключъ къ отысканію хода развитія бронзовой культуры и меровингскаго стиля въ западной Европѣ, прольетъ свѣтъ и на неясные вопросы, касающіеся каменнаго вѣка на западѣ.

Этотъ взглядъ на роль Россіи и русскихъ ученыхъ въ рѣшеніи цѣлаго ряда археологическихъ вопросовъ, касающихся культуры племенъ, въ разное время обитавшихъ въ различныхъ областяхъ западной Европы, несомнѣнно имѣетъ за себя много основаній. Русскіе ученые археологи очевидно призваны вложить свою крупную долю въ общую сокровищницу науки. Не слѣдуетъ забывать, какъ совершенно справедливо выразился въ одной изъ своихъ статей П. Н. Милюковъ [1]), „что для русской археологіи востокъ лежитъ дальше, чѣмъ для французской, и что тамъ, гдѣ кончается задача послѣдней, задача первой только начинается". Имѣя передъ собой еще мало, либо вовсе неизслѣдованныя, обширныя области Сибири и Средней Азіи, русскимъ ученымъ предстоитъ, хотя и не легкая, но славная задача открыть и изучить скрытыя археологическія сокровища этихъ странъ и этимъ дать широкое освѣщеніе вопросамъ какъ своей собственной, такъ и обще-европейской археологіи.

Н. Харузинъ.

IV.

Археологическая хроника.

—— А. Э. Мальмгренъ доставилъ въ редакцію сообщеніе о раскопкѣ кургановъ, совершенной имъ при с. Осьмино, Гдовскаго уѣзда. Раскопки этого года составляютъ окончаніе изслѣдованія кургановъ названной мѣстности; въ этомъ году А. Э. Мальмгреномъ было раскопано 26 „сопокъ".

Курганъ № 1, выш. 1 арш., діам. 6, окр. основ. 23, былъ обложенъ въ основаніи валунами. На материкѣ, въ центрѣ, найдена кучка человѣческихъ костей.

Курганъ № 2, выш. $2^1/_2$ а., а съ сѣв. 3, діам. 13, окружн. 42. На материкѣ лежалъ скелетъ въ 150 сант. длины, на спинѣ, голова на зап. Лѣвая рука на груди, правая на животѣ. На шеѣ рядъ бусъ,

---

[1]) „Русская Мысль", 1892. Сентябрь.

ниже ихъ во 2-мъ ряду украшенія и подъ ними ажурныя подвѣски. Среди украшеній были 3 лунницы, одна съ изображеніемъ человѣческаго лица. У лѣвой лопатки—металлическая пряжка. У каждой щеки по височному кольцу съ маленькими цѣпочками. На каждой рукѣ по 2 браслета. Въ правой сторонѣ скелета лежали обломки серпа.

Курганъ № 3, выш. $2^1/_2$ а., діам. 10, окр. осн. 36. Скелетъ на материкѣ, на спинѣ, по направленіи головою къ зап. Обѣ руки положены на грудь, но лѣвая подъ угломъ почти 49°, а правая 45°. У лѣвой лопатки метал. пряжка. У праваго бедра небольшой желѣзный ножъ. Подъ костякомъ, по лѣвую сторону его, у ногъ найдены 2 крупныхъ обломка глинянаго горшка, по правую же сторону были разбросаны мелкіе обломки. Длина костяка=160 сант.

Курганъ № 4, выш. около $2^1/_4$ (неравномѣрно), діам. по линіи OW=8 а., а NS=$9^1/_4$, окр. осн. 30. Въ основаніи окруженъ валунами. На высотѣ $1^1/_4$ ар. на OS сторонѣ, лежала кучка дѣтскихъ костей. На материкѣ лежали рядомъ 3 скелета на спинѣ, головою по направленію къ зап. Длина всѣхъ скелетовъ по 150 с. Скелетъ № 1, средній, имѣлъ правую руку на груди, а лѣвую на животѣ. На лѣвой рукѣ браслетъ, на шеѣ бусы, у правой лопатки металлическая пряжка. Подъ шеей деревянная подстилка и шерстяная матерія. Скелетъ № 2—обѣ руки протянуты къ лопаткамъ. Вещей никакихъ. Скелетъ № 3—руки протянуты къ тазовымъ костямъ. Вещей никакихъ. Голова была повернута немного направо, вѣроятно отъ тяжести земли, такъ какъ нижняя челюсть лежала прямо.

Курганъ № 5, выш. 2 а., діам. 8, окр. осн. 24 а. На материкѣ лежалъ скелетъ на спинѣ, головою по направленію сѣв.-зап., длиною въ 170 с. Обѣ руки протянуты къ лопаткамъ. На правой рукѣ браслетъ, сильно разогнутая у лѣвой лопатки метал. пряжка. У лѣваго таза небольшой желѣзный ножикъ.

Курганъ № 6, выш. 2 а., діам. 10 а., окр. осн. 37 а. На материкѣ 2 скелета, рядомъ, на спинѣ, головою по направленію къ сѣв.-з. Скелетъ № 1, длиною въ 170 с., имѣлъ руки обѣ на груди. Вещей не было. Скелетъ № 2, длиною въ 150 с., имѣлъ правую руку на груди, а лѣвую на животѣ. На правой рукѣ былъ браслетъ, на лѣвой — 2 браслета и 2 перстня. У ушей по сережкѣ, у лѣвой лопатки пряжка, на шеѣ бусы, подъ затылкомъ подстилка.

Курганъ № 7, выш. $1^1/_2$ а., діам. 9 а., окр. осн. 29 а. Въ южной части кургана, на вышинѣ 1 арш., были найдены мелкіе обломки глинянаго горшка съ куриными костями. На материкѣ лежали рядомъ 3 скелета, головою на сѣв.-зап., на спинѣ. Скелетъ № 1, средній,

имѣлъ руки протянутыми къ лопаткамъ. Подъ затылкомъ шерстяная матерія и деревянная подстилка. У лѣвой лопатки—пряжка. На шеѣ бусы, на груди пуговка, на правой рукѣ браслетъ. Скелетъ № 2 имѣлъ руки на животѣ. На лѣвой рукѣ былъ широкій перстень. На каждой рукѣ по 2 браслета. На груди былъ 4-конечный небольшой мѣдный крестъ, но онъ былъ потерянъ. На шеѣ бусы. У лѣваго уха—серьги, у лѣвой лопатки—пряжка. Скелетъ № 3 не имѣлъ вещей. Правая рука была протянута къ лопаткѣ, а лѣвая положена на животѣ.

Курганъ № 8, выш. $2^1/_2$ ар., діам. 12 ар., окр. осн. 36 ар. Длина костяка 170 с., а болѣе сѣвернаго 155 с. Оба они лежали рядомъ на спинѣ, головами по направленію къ западу. Скелетъ № 1—руки протянуты къ лопаткамъ. У лѣвой лопатки — пряжка (100). На правой же рукѣ перстень и браслетъ. Длина его 170 с. Скелетъ № 2 — обѣ руки лежатъ на животѣ. На шеѣ бусы, на правой рукѣ браслетъ. Длина 155 с.

Курганъ № 9, имѣлъ ровную поверхность, покатую съ сѣв. на югъ, такъ что въ сѣв. части онъ имѣлъ 2 арш. вышины, а въ южной выш. 1 арш., діам. 14 ар., окр. осн. 39 ар.

Верхняя поверхность была покрыта пескомъ и, повидимому, срѣзана, но, по увѣреніямъ рабочихъ, этотъ курганъ не былъ раскопанъ никѣмъ. Раскопка подтвердила это. На материкѣ лежалъ по направленію къ сѣв.-зап. скелетъ на спинѣ, длиною въ 168 с. Руки были сложены на животѣ. На груди, близко отъ горла, была пуговка, на правой рукѣ браслетъ и витое кольцо, у лѣвой ключицы пряжка, подъ затылкомъ подстилка изъ волосъ (?).

Курганъ № 10, выш. 5 ар., діам. 16, окр. осн. 50. На вышинѣ 4 арш. найденъ скелетъ на спинѣ, головою по направленію къ зап. съ руками, сложенными подъ прямымъ угломъ на груди. Длина его 106 с.; вещей не было.

Курганъ № 11, выш. 1 ар., діам. 8, окр. осн. 23. На материкѣ найдены 3 скелета на спинѣ, головою по напр. къ зап., на разстояніи $^1/_2$ арш. другъ отъ друга. Скелетъ средній, длиною въ 163 сант., имѣлъ правую руку на груди, а лѣвую на животѣ. Вещей нѣтъ. Скелетъ, болѣе южный, длиною въ 150 с., имѣетъ обѣ руки протянутыми къ лопаткамъ. На лѣвой рукѣ былъ браслетъ. Скелетъ сѣверный, длиною въ 164 с., имѣлъ обѣ руки также протянутыми къ лопаткамъ. На правой рукѣ браслетъ, на шеѣ бусы, подъ затылкомъ подстилка.

Курганъ № 12 въ основаніи обложенъ валунами. Срытъ ранѣе, такъ что возвышался надъ материкомъ только почти на 1 арш.,

діам. 5 ар., окр. осн. 18 ар. На материкѣ скелетъ на спинѣ, головою по направленію на зап. Длина его 156 с. Правая рука протянута къ лопаткѣ, а лѣвая на животѣ. Вещей не было.

Курганъ № 13, выш. $2^1/_2$ ар., діам. 11 ар., окр. осн. 30 ар. На материкѣ 2 скелета на разстояніи $^1/_2$ арш. другъ отъ друга. Оба—на спинѣ головами по напр. къ зап. У № 2 голова повернута налѣво. Скел. № 1 (южный), длиною въ 170 с., имѣлъ руки на животѣ. У правой лопатки пряжка, на лѣвой рукѣ браслетъ и перстень. Скелетъ № 2, длиною въ 180 с., имѣлъ руки на груди. У правой лопатки пряжка, на шеѣ бусы, на каждой рукѣ по 2 браслета. Подъ затылкомъ дерево и матерія. На 1 арш. выше скелета, въ сѣв. сторонѣ кургана находится скелетъ младенца.

Курганъ № 14 въ основаніи обложенъ валунами. Выш. $1^1/_2$ ар., діам. 6 ар., окр. осн. 22 ар. На материкѣ скелетъ на спинѣ, головою по направленію къ NW. Голова повернута налѣво. Руки на животѣ. На правой рукѣ браслетъ, у лѣваго бедра небольшой желѣзный ножъ и желѣзная вещь. Длина 150 с.

Курганъ № 15, выш. $2^1/_4$ ар., діам. 11 ар., окр. осн. 12 саж. На материкѣ 2 скелета на разстояніи $1^1/_2$ арш. одинъ отъ другаго. Оба—на спинѣ головою по направленію къ зап. Скелетъ № 1 (южный), длиной въ 130 с., имѣлъ правую руку на груди, а лѣвую на животѣ. На правой рукѣ 2 браслета, у лѣвой лопатки пряжка, у ушей по серьгѣ, на шеѣ бусы. У шеи матерія, подстилка и дерево. Скелетъ № 2, длиной въ 135 с., имѣлъ руки протянутыми къ лопаткамъ. На правой рукѣ браслетъ, у лѣвой лопатки пряжка.

Курганъ № 16, выш. $1^1/_2$ ар., діам. 9 ар., окр. осн. 30. На материкѣ, лежалъ головою на сѣв.-зап., на спинѣ скелетъ длиною въ 161 с. Руки были на груди, на правой рукѣ браслетъ. У лѣваго уха серьга.

Курганъ № 17 имѣлъ повидимому, уже испорченную раскопкою форму, на южной сторонѣ круто обрывающуюся. Выш. $2^1/_2$ ар., окр. осн. 46 ар. На 2 аршина надъ материкомъ была найдена небольшая голова, хорошо сохранившаяся. Тутъ же лежала кучка дѣтск. костей. На материкѣ лежалъ, на спинѣ, головою по направл. къ N. скелетъ, длиною въ 170 с., руки на животѣ. Изъ вещей только пряжка у лѣвой лопатки.

Курганъ № 18, выш. $2^1/_4$ ар., діам. 12, окр. осн. 39. На материкѣ лежалъ на спинѣ головою по напр. къ зап., скелетъ въ 138 с. длиной. Руки на животѣ подъ прямымъ угломъ. На шеѣ бусы и ажурныя подвѣски къ нимъ. У лѣвой лопатки пряжка, на правой рукѣ браслетъ, а также и на лѣвой.

Курганъ № 19, выш. 2 ар., діам. 8 ар., окр. осн. 27 ар. На материкѣ скелетъ, длиною въ 160 с., на спинѣ, головою по напр. къ сѣв.-зап. Руки на животѣ. На шеѣ бусы.

Курганъ № 20, выш. $2^1/_4$ ар., діам. 6, окр. осн. 24 ар. На материкѣ скелетъ, длиною въ 150 с., головою по направл. къ ю.-з., на спинѣ. Руки на груди подъ прямымъ угломъ. У ушей по серьгѣ, на шеѣ бусы, у лѣвой лопатки на рукахъ по браслету. Недалеко отъ праваго бедра желѣзная вещь. Подъ головой подстилка и шерстяная матерія.

Курганъ № 21, выш. 2 ар., діам. 9, окр. осн. 33. Скелетъ, длиною въ 173 с., лежалъ на материкѣ головою по направл. къ зап., на спинѣ. Голова повернута направо. Руки протянуты къ лопаткамъ. У лѣвой лопатки пряжка. У шеи матерія и дерево.

Курганъ № 22, выш. $1^1/_4$ ар., діам. 7, окр. осн. 23. На материкѣ лежали рядомъ, головами по направленію къ зап., на спинѣ 3 скелета. Скел. № 1, длиной въ 155 с., имѣлъ правую руку протянутою къ лопаткѣ, а лѣвую на животѣ, подъ прямымъ угломъ. На шеѣ бусы, на правой рукѣ браслетъ. Скелетъ № 2, средній, длиной въ въ 160 с., имѣлъ руки протянутыми къ лопаткамъ. Вещей нѣтъ. Скелетъ № 3, сѣверный, длиною въ 150 с., имѣлъ обѣ руки на груди подъ прямымъ угломъ. Вещей тоже никакихъ.

На 1 арш. надъ материкомъ, на сѣв. сторонѣ кургана лежало рядомъ 2 младенца.

Курганъ № 23, выш. $2^1/_4$ ар., діам. 12 ар., окр. осн. 39 ар. На высотѣ 1 арш. надъ материкомъ, въ сѣв. части кургана найдены скелеты 2 младенцевъ головою на западъ. По обыкновенію, головы разбиты. По мѣсту младенца, лежащаго южнѣе, разсыпаны были глиняныя бусенки. Нѣсколько выше другого младенца въ вост. части кургана былъ найденъ небольшой горшокъ, лежавшій вверхъ дномъ, но отъ него, по небрежности рабочихъ, осталось только нѣсколько обломковъ.

Слѣдующіе 3 кургана находились совершенно отдѣльно отъ описанной мною группы. Отъ послѣдней они отдѣлены Кровавымъ ручьемъ, высохшимъ русломъ ручейка.

Курганъ № 24, выш. 1 ар., діам. 10 ар., окр. осн. 33. Подножіе его основанія окружали большіе камни, лежавшіе на материкѣ. Въ центрѣ кургана, на материкѣ, лежала куча человѣческихъ костей и 2 разбитыхъ черепа. Изъ вещей—германская монета X—XI вв.

Курганъ № 25, выш. 1 ар., діам. 8 ар., окр. осн. 24. На материкѣ въ центрѣ кургана лежала кучка человѣч. костей и разбитый черепъ, а также 2 кольца и стрѣлы, въ дорогѣ очень попортившіяся.

Курганъ № 26, обложенъ въ основаніи валунами. Выш. $1^1/_2$ ар., діам. $7^1/_2$ ар., окр. осн. 27 ар. На материкѣ кучка человѣч. костей и разбитый черепъ, а рядомъ же, западнѣе, лошадиный скелетъ. Вещей не было.

—— Извѣстный трудъ булгарскаго писателя Шерефэддина Ибнъ Хисамуддина Булгари — „Исторія Булгара", уже сослужилъ однажды большую службу археологіи, давъ поводъ къ открытію Ананьинскаго могильника. Въ немъ есть и еще одно замѣчательное указаніе, которое можетъ привесть къ новымъ открытіямъ. Въ предпосланномъ „Исторіи" географическомъ введеніи Ш-нъ, описывая рѣку Каму, которую называетъ Чулманъ до впаденія р. Бѣлой, а далѣе—Бѣлой, такъ какъ принимаетъ за главную эту рѣку, говоритъ: „при соединеніи Чулмана съ Бѣлой находится гора, называемая Юнчэ, у которой течетъ родникъ „исчезновенія", названный такъ потому, что здѣсь похороненъ „глава мужей исчезновенія", по имени Абдель Самэдъ".

Замѣтка Ш-на содержитъ указаніе на какую-то доисторическую народность, обитавшую близъ устья Бѣлой. Если опираться на буквальный смыслъ перевода [1]) арабскаго выраженія اجال الغيب—*мужи исчезновенія*, то не имѣемъ ли права видѣть въ немъ намекъ на преданіе о Чуди? По русскому преданію, Чудь, уходя отъ крещеной вѣры, сама себя хоронила. Въ преданіи, какъ и въ арабскомъ выраженіи, слышится недоумѣніе предъ фактомъ полнаго уничтоженія (цѣлаго) племени, народа. Странно только, что „глава мужей исчезновенія" названъ у Ш-на по имени, а имя это арабское.

Какъ видимъ, указаніе Ш—на относится къ могилѣ или могильнику; гдѣ они могутъ находиться?

Близъ соединенія Бѣлой съ Камой лѣвый берегъ послѣдней на далекое разстояніе—низменный; высоты находятся только на правомъ берегу (Камы). Это, во-первыхъ, высоты ниже села Чеганды; здѣсь находятся извѣстныя пещеры, есть городище. Однако, у нашего писателя имѣется дальнѣйшее опредѣленіе мѣстности: гора, называемая Юнчэ. Выше Чеганды и ниже с. Каракулина есть высокая гора, близъ которой находится черемисская деревня Юньга. Не объ этой ли мѣстности идетъ рѣчь? Свою догадку я основываю на томъ обстоятельствѣ, что никакой горы Юнчэ вблизи устья Бѣлой нѣтъ, а Юньга деревня *самая старая* во всей мѣстности, старѣе села Каракулина [2]). Населеніе въ деревнѣ русское, а слѣдовательно и названіе ея, слово инородческое, только

---

[1]) *И. Н. Березина*. Ученая записка Имп. Казанскаго унив. 1852 г., III, 74 и пр.

[2]) Матеріалы по статистикѣ Вятской губ., т. VII, 61. Добавлю, что при жизни Ш-на (средина XVI вѣка) устье Бѣлой могло находиться выше современнаго, ближе къ Юньгѣ.

усвоено жителями, какъ обычное и старинное, а не принесено съ собой. Между тѣмъ у Ш-на произошла весьма легкая и возможная ошибка въ транскрипціи: вмѣсто يونچه - يونقه [1]).

Деревня лежитъ у подножія горы, за небольшой рѣчкой. На вершинѣ углового выступа горы находится городище.

П. Сорокинъ.

Примѣчаніе. Описаніе Юньгинскаго городища въ Матеріалахъ по археологіи вост. губ. Россіи I, 117—118, какъ я убѣдился личнымъ осмотромъ въ 1894 г., не точно. Здѣсь одно городище, а не два. „Первое, ближайшее къ Камѣ" городище (l. c. 118), по моему взгляду, вала не имѣло. Полукруглое возвышеніе, усматриваемое на немъ, слишкомъ низко и произошло отъ испахиванія площадки въ одну сторону; слѣдовъ рва нѣтъ. Валъ второго, т. е. дѣйствительнаго городища, очень выгнутъ; хорда—13 с. Вышина вала не менѣе 4 аршинъ въ срединѣ, ширина 7—6 при основаніи. Ровъ—1 с.; $1^1/_2$ саж. ширины при основаніи имѣетъ наружный валъ, очень низкій 1—$1^1/_2$ арш. Саженяхъ въ 20 отъ вала на городищѣ замѣчается какая-то куча камней. 1-й и 2-й валы городища раздѣлены только рвомъ. Площадку стали распахивать.

—— Изъ ст. Псебайской, Кубанской области, пишутъ въ „Сѣверный Кавказъ" о счастливой раскопкѣ кургана, въ которомъ станичники нашли богатый кладъ, заключающійся въ золотыхъ вещахъ. Найдены: ваза съ придѣланною къ ней въ видѣ украшенія головкой барана, цѣпочка шейная, браслетъ, панцырь, весь литой, толщиной въ сахарную бумагу и нѣсколько пластинокъ, вѣроятно, застежки къ нагруднику, всего вѣсомъ 3 фунта 20 зол. Счастливцы-кладокопатели, найдя этотъ кладъ, отправились подъ благовиднымъ предлогомъ въ ст. Лабинскую, гдѣ думали сбыть найденныя вещи. Дѣло это, можетъ быть, такъ и кануло бы въ вѣчность, если бы не случайная болтливость одного изъ счастливцевъ. Теперь всѣ они отправлены въ Майкопъ на благоусмотрѣніе атамана отдѣла за необъявленіе о находкѣ. Нашедшіе всѣ проживаютъ въ Псебаѣ; всѣ они домохозяева. Постоянно носились здѣсь слухи, что Майкопскій отдѣлъ, преимущественно въ нагорной его полосѣ, богатъ насыпными курганами, почему нѣкоторые изъ кургановъ и раскапывались смѣльчаками, и рѣдко случалось, когда поиски не увѣнчались бы успѣхомъ.

Вышеописанная находка,—говоритъ газета, такъ повліяла на жителей нашихъ и другихъ окрестныхъ станицъ, что породила настоящую манію кладокопательства. Все это дѣлается, конечно, кое-какъ, безъ научной цѣли, и потому многое, можетъ быть, весьма цѣнное въ научномъ отношеніи навсегда пропадаетъ для археологіи. („Рус. Лист.", № 167, 1895 г.).

—— Императорскій Харьковскій университетъ обогатился недавно

[1]) Быть можетъ, мы имѣемъ дѣло даже не съ ошибкой, а съ діалектической разностью.

замѣчательнымъ памятникомъ искусства—древнимъ египетскимъ саркофагомъ, или гробомъ, въ которомъ находилась мумія женщины. Саркофагъ этотъ—одинъ изъ числа шести, подаренныхъ египетскимъ хедивомъ русскому правительству. Присланные въ Одессу, саркофаги вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими памятниками, были распредѣлены, по порученію учебнаго начальства, Новороссійскимъ университетомъ между десятью учеными учрежденіями. Изъ саркофаговъ — два большихъ, три среднихъ и одинъ маленькій, изъ другихъ памятниковъ—четыре крышки отъ саркофаговъ, 92 статуэтки (oushebti), три пелены и три ящика съ надписями. На долю Харьковскаго университета, по словамъ харьковскихъ газетъ, достался саркофагъ средней величины и 9 статуэтокъ. Саркофагъ—деревянный, состоитъ изъ гроба и крышки, имѣющей форму муміи женщины; онъ весь снаружи и внутри украшенъ живописными миѳологическими картинами и іероглифическими надписями; онъ прекрасной сохранности и представляетъ, какъ и другіе однородные предметы, которыми такъ богаты европейскіе музеи и, въ частности, Императорскій эрмитажъ, весьма интересный и поучительный памятникъ для знакомства со способомъ украшенія гробницъ одного изъ древнѣйшихъ восточныхъ культурныхъ народовъ, съ состояніемъ у него искусства живописи и съ загробными его вѣрованіями. Саркофагъ хранится въ музеѣ изящныхъ искусствъ и древностей университета и доступенъ обозрѣнію въ воскресные дни. (Кіевлянинъ, 1895, № 105).

—— Въ Евпаторійскомъ уѣздѣ, на землѣ пот. почетн. гражд. Сеитъ-Халиль-Капарія, во время пахоты плугомъ, выкопана каменная статуя, высѣченная изъ простого камня, изображающая женщину. Величина статуи 2 арш. 14 вершк.; на головѣ шляпа, вышиною въ 10 вершк.; ширина лица 7 вершк.; подписей на статуѣ никакихъ незамѣтно. Мѣсто, гдѣ найдена статуя, охраняется, а фотографическій снимокъ со статуи посланъ въ Императорскую археологическую коммиссію.

—— Въ началѣ февраля 1895 г. въ Баталпашинскомъ отдѣлѣ, Кубанск. обл., около ст. Попутной, близъ колоніи Левенталь, на участкѣ Гусарова былъ открытъ кирпичный четырехугольный склепъ, длиною 6 арш., шир. 3 арш., высотою около 2 ар. 4 в. Ходъ не былъ заложенъ, пола не было. Въ склепѣ, какъ говорили, ничего не было, кромѣ земли.

—— 20-го декабря 1894 г., какъ сообщаютъ „Ставроп. Епарх. Вѣд.“, послѣдовало открытіе въ г. Ставрополѣ епархіальнаго церковно-археологическаго общества. По приглашенію епископа ставропольскаго и екатеринодарскаго Агаѳодора, въ помѣщеніе его явились предсѣда-

тель учреждаемаго общества, ректоръ семинаріи, протоіерей П. Смирновъ, и члены-составители устава общества: каѳедральный протоіерей А. Яковенковъ и преподаватель семинаріи К. Кутеповъ. Въ присутствіи преосвященнаго, предсѣдателемъ общества былъ прочитанъ указъ Святѣйшаго Синода объ учрежденіи въ г. Ставрополѣ епархіальнаго церковно-археологическаго общества. По окончаніи чтенія указа, преосвященный Агаѳодоръ объявилъ общество открытымъ и въ основаніе фонда общества пожертвовалъ 200 р.

Цѣль открытаго церковно-археологическаго общества указана въ 1 § устава сего общества; это—всестороннее изученіе церковно-религіозной жизни въ современныхъ предѣлахъ епархіи, отъ начала насажденія христіанства до настоящихъ временъ. Поле церковно-археологической дѣятельности предстоитъ обширное. Сѣверный Кавказъ не менѣе замѣчателенъ своею глубокою древностью, какъ и Закавказье: тамъ и сямъ на сѣверномъ Кавказѣ можно находить замѣчательные вещественные церковные памятники, относящіеся чуть не къ первымъ двумъ вѣкамъ христіанства" (Кавказъ, № 16, 18 янв. 1895 г.).

—— Лѣтомъ 1893 г. въ с. Великой Буромкѣ, Золотоношскаго у., Полтавской губ., кн. Кантакузеномъ-Сперанскимъ была произведена раскопка кургана и найденъ окрашеный костякъ. Въ виду рѣдкости подобнаго рода находокъ, желательно было бы имѣть подробное описаніе раскопки. (Сообщено проф. А. И. Маркевичемъ).

—— Въ засѣданіи Варшавскаго общества садоводства г. Маевскій сдѣлалъ сообщеніе о доисторическихъ каменныхъ топорахъ, находимыхъ въ мѣстности верхняго Буга и Стыря. Топоры однообразнаго типа, грубой работы, безъ полировки, сдѣланы изъ весьма непрочнаго матеріала, снабжены отверстіями, въ которыя продѣвалась деревянная рукоятка. Топоры эти попадаются спорадически на значительномъ пространствѣ въ предѣлахъ указанной выше мѣстности. Залежи камня, изъ котораго сдѣланы топоры, находятся въ разстояніи нѣсколькихъ миль отъ мѣста нахожденія ихъ. Матеріалъ, изъ котораго сдѣланы топоры, смѣшанной породы, изобилующей квасцовымъ песчаникомъ, кусками кремня и окаменѣлыми роговинами. (Wiek, 1895, 24 апрѣля).

—— Въ концѣ апрѣля проѣхала черезъ Одессу на Кавказъ венгерская ученая экспедиція, въ составъ которой входитъ венгерскій магнатъ графъ Зичи и нѣсколько венгерскихъ ученыхъ. Цѣль экспедиціи найти на Кавказѣ слѣды пребыванія угровъ, на что венгерскихъ ученыхъ наводитъ мѣстность съ наименованіемъ Маджары. Экспедиція займется археологическими и лингвистическими изслѣдованіями. Мы думаемъ, что путь, избранный экспедиціей (изъ Одессы черезъ Таманскій

полуостровъ) не вполнѣ правиленъ. Путь этотъ лежитъ черезъ Москву, гдѣ венгерскіе ученые имѣли бы возможность ознакомиться съ богатымъ археологическимъ матеріаломъ, хранящимся въ Историческомъ музеѣ. Случайныя археологическія изслѣдованія едва ли могутъ дать цѣнный научный результатъ, тѣмъ болѣе, что изслѣдователи могутъ напасть на могильникъ уже обслѣдованный и получить лишь новый запасъ уже давно знакомыхъ предметовъ.

—— А. Гаркави, извѣстный оріенталистъ, по поводу обращенія къ нему, высказать свое мнѣніе о принадлежности Чуфутъ-Кале караимамъ,—между прочимъ, пишетъ:

„Древнѣйшее достовѣрное извѣстіе объ этой мѣстности относится къ началу XIV вѣка по Р. Х., у арабскаго географа Абульфеды (писалъ въ 1321 г.), который разсказываетъ, что въ неприступной крѣпости Киркери—такъ гласитъ первоначальное имя Чуфутъ-Кале, живетъ племя Асъ, Ясы русскихъ лѣтописей, родственные нынѣшнимъ осетинцамъ. Позднѣе, къ концу XIV и началу XV в., извѣстный путешественникъ Шильтбергеръ нашелъ эту крѣпость (Karcerí въ области Suti-Oscti?) населенною греческими, т. е. православными, христіанами. Затѣмъ изъ исторіи извѣстно, что до перенесенія столицы крымской орды изъ Солхата (Стараго Крыма) въ Бахчисарай, нынѣшній Чуфутъ-Кале служилъ резиденціей особаго хана, упоминаемаго въ русскихъ и польскихъ лѣтописяхъ подъ названіемъ Киркіельскаго (Кыркорскаго, Херхіельскаго и т. д.) хана. Имѣется тамъ среди города памятникъ-мавзолей дочери татарскаго султана Ненекеджанъ-Ханымъ. Затѣмъ, по оставленіи татарами этой крѣпости (Кале по-арабски и татарски) и переселеніи туда изъ покинутой столицы Солхатъ евреевъ-крымчаковъ и караимовъ, татары стали называть ее презрительно Чуфутъ-Кале (жидовская крѣпость, впервые въ татарск. документѣ 1650 года по Р. Х.). Но и еврейское и караимское населеніе въ теченіе нынѣшняго столѣтія мало-по-малу оставило неудобное горное обиталище и переселилось въ Бахчисарай, Карасубазаръ, Ѳеодосію и др. крымскія мѣстности. Еще со временъ первыхъ обитателей древней крѣпости Керкери на ея возвышенности было наготовлено, вѣроятно, для постройки различныхъ зданій, множество правильно высѣченныхъ камней громадныхъ размѣровъ (еще въ 1874 году я видѣлъ огромную массу ихъ), и начиная съ XVII вѣка евреи и караимы пользовались ими для надгробныхъ камней на своихъ могилахъ. Но особенно усилилось употребленіе караимами этихъ камней для означенной цѣли съ появленія А. Фирковича съ своими нелѣпыми выдумками и фальсификаціями, о которыхъ, какъ я вижу, мнѣ придется говорить еще обстоятельно и въ общедоступной формѣ“. (Од. Лист. 1895, № 100).

—— Кладъ фальшивыхъ монетъ XVI вѣка. Въ Варшавской губерніи, Гостынскомъ уѣздѣ, въ имѣніи Камень, при рытьѣ колодца, на глубинѣ около полутора аршинъ, подъ небольшой каменной плитой рабочіе нашли глиняный горшечекъ со старыми монетами. Владѣлецъ Каменя, г. Слубицкій взялъ этотъ кладъ, состоящій изъ 200 штукъ одинаковыхъ. Три четверти клада г. Слубицкій раздалъ своимъ сосѣдямъ, остальныя же 46 штукъ привезъ въ Варшаву и продалъ нижеподписавшемуся. По словамъ г. Слубицкаго, всѣ монеты были имъ пересмотрѣны самымъ подробнымъ образомъ, и никакой разновидности штемпеля онъ въ нихъ не замѣтилъ; всѣ были чеканены однимъ и тѣмъ же штемпелемъ и имѣли 1531 годъ.

При осмотрѣ 46 штукъ, въ дѣйствительности, оказался на нихъ одинъ и тотъ же 1531 годъ; всѣ онѣ были фальшивые солиды Эльбинга царствованія Сигизмунда I. Рисунокъ ихъ очень хорошей работы, въ особенности прусскаго орла; буквы надписи нарѣзаны въ пунсонъ отъ руки, но очень равномѣрны; немного только разнится съ настоящимъ исполненіемъ рисунка самъ гербъ г. Эльбинга и весь штемпель болѣе плоскій. Нѣкоторыя изъ нихъ величиной своей равняются современному грошу; надпись на нихъ тоже иная; на оригинальныхъ имѣемъ: SIGIS *P*REX*POLO*PO PRYS, на фальшивыхъ же: SIGIS*DEIGRA*REX*POLON и тѣмъ только по наружному своему виду они отличаются отъ оригинальныхъ.

Замѣчательнымъ здѣсь является тотъ фактъ, что фальшивыя монеты были чеканены, по отношенію къ оригинальнымъ, въ довольно хорошемъ металлѣ, именно 12 пробы серебра, когда извѣстно, что настоящіе эльбингскіе солиды въ XVI вѣкѣ чеканились изъ 18 пробы, но зато фальшивые солиды вѣсомъ своимъ гораздо тяжелѣе оригинальныхъ, почти вдвое, нѣкоторые изъ нихъ доходятъ до 2,15 грамма, такъ что количествомъ чистаго серебра въ экземплярахъ стоятъ выше правительственной монеты, такъ что невольно задаешь себѣ вопросъ: какой разсчетъ могъ имѣть поддѣлыватель солидовъ въ выпускѣ подобной фальшивой монеты? Быть можетъ, онъ хотѣлъ сначала пріучить народъ къ подобной монетѣ, чтобы впослѣдствіи выпускать и въ низкой пробѣ; только подобное заключеніе можно вывести изъ разбора и анализа настоящаго клада.

Вѣроятно распространитель или же самъ мастеръ фальшивыхъ солидовъ, будучи преслѣдуемъ правительственными властями, припряталъ свои издѣлія; въ настоящемъ предположеніи нашемъ утверждаетъ фактъ отсутствія въ этомъ кладѣ подлинной правительственной монеты, которой, какъ законной, поддѣлыватель не нуждался припрятывать отъ глазъ правосудія, которое въ то время, по польскому закону, наказывало за поддѣлку монеты смертной казнью.

В. Виттыгъ.

—— Въ с. Анджело Романо (близъ Тиволи) найдена при рытьѣ колодца хорошо сохранившаяся античная статуя, изображающая, повидимому, императора Октавіана въ тогѣ.

—— Важныя археологическія находки сдѣланы въ прошломъ году французскимъ ученымъ Пьеттомъ между Жирондою и Пиринеями, на равнинахъ западной Франціи, носящихъ названіе „ландовъ". По близости мѣстечка Брассампюи, на берегу протока, открыта глубокая пещера, внутри которой найдены предметы, относящіеся къ до-историческимъ временамъ и свидѣтельствующіе о культурности людей, населявшихъ западную Францію въ, такъ называемую потретичную, эпоху. Отверстіе пещеры, шириною въ 6 метровъ, обращено къ сѣверо-востоку; къ нему ведетъ узкій проходъ между отвѣсными скалами въ 12 метровъ длины. Въ расщелинахъ этихъ скалъ, съ правой стороны отъ входа, Пьеттъ нашелъ двѣ фигурки, выточенныя изъ слоновой кости. Одна изъ нихъ изображаетъ воина, повязаннаго широкимъ поясомъ, другая—человѣка въ длинной мантіи. Внутри пещеры тѣмъ же Пьеттомъ найдены куски слоновой кости цилиндрической формы съ высѣченными на нихъ геометрическими фигурами. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ пещеры найдены слѣды очаговъ, обложенныхъ кольцеобразно гранитными осколками. Подъ ними, на нѣкоторой глубинѣ, сопровождавшіе Пьетта землекопы отрыли подобные же круглые очаги, явно свидѣтельствующіе, что пещера служила очень много лѣтъ обиталищемъ для людей, что подъ мрачными ея сводами жило и вымерло немало поколѣній и что уровень ея грунта вслѣдствіе годами накоплявшихся въ немъ отбросовъ постепенно поднимался. У входа въ пещеру Пьеттъ отрылъ обломки человѣческихъ фигуръ, выточенныхъ изъ слоновой кости: женскій торсъ, плечи и руку женской статуэтки и человѣческую голову на длинной шеѣ, съ шапкой, напоминающей по формѣ древне-египетскій головной уборъ. Въ одномъ углу пещеры лежали въ кучѣ куски необдѣланной слоновой кости. Пьеттъ обратилъ вниманіе на два типа людей, изображенныхъ на найденныхъ имъ фигуркахъ. Одинъ изъ нихъ, судя по формамъ женскихъ туловищъ, близко подходитъ къ готтентотскому, современными представителями котораго считаютъ бушменовъ. Къ другому принадлежали обитатели той же пещеры, отличавшіеся болѣе правильнымъ строеніемъ тѣла и меньшимъ ростомъ. Оба племени, какъ должно полагать, жили вмѣстѣ въ изслѣдованной Пьеттомъ пещерѣ. Это общежитіе представителей двухъ разныхъ до-историческихъ народовъ указываетъ какъ бы на то, что первобытные обитатели западной Европы, подвергаясь нашествіямъ другихъ народовъ, постепенно подвигавшихся съ востока, не только уживались, но и роднились съ ними.

—— Въ засѣданіи Académie des inscriptions et belles lettres 8 февраля сего года, Е. Мюнцъ прочелъ докладъ о папскихъ золотыхъ розахъ въ средніе вѣка. До послѣдняго времени въ пожалованіи этихъ розъ видѣли лишь актъ вѣжливости, знакъ благосклонности. Г. Мюнцъ доказываетъ, что посылка розъ вызывалась разнаго рода дипломатическими соображеніями и нерѣдко возбуждала, какъ всякій другой политическій шагъ, оживленные споры среди святѣйшей коллегіи, такъ что открывается неизвѣстная доселѣ страница дипломатической исторіи папъ. Засимъ г. Мюнцъ сообщилъ, что розы, сообразно съ лицомъ, кому онѣ назначались, были разной стоимости, доходившей иногда до 20,000 фр. Начиная съ XIV в. эти розы, въ видѣ вѣтки съ цвѣтками, вполнѣ или на половину, распустившимися и съ бутонами, украшались сапфирами, гранатами, жемчугомъ, рѣже рубинами и т. п. Обыкновенный вѣсъ ихъ былъ около 300 граммъ.— Въ томъ же засѣданіи г. Гёзе (Heuzey) предъявилъ небольшую бронзовую группу, пріобрѣтенную въ Ерзерумѣ, изображающую оленя, на высокихъ рогахъ коего помѣщается орелъ. Относя ее къ римской эпохѣ, г. Гёзе считаетъ эту группу приношеніемъ по обѣту (ex-voto) причемъ указалъ на цѣлый рядъ подобныхъ же приношеній, гдѣ изображенъ орелъ на рогахъ оленя, на головѣ быка, въ свою очередь помѣщенной на колоннѣ, на алтарѣ, на пирамидѣ, наконецъ, на горѣ, и указывающихъ на мало-азійскій культъ Зевса, покровителя вершинъ *(Ζεύς ὕψιστος)*, которому поклонялись на высокихъ мѣстахъ. Съ теченіемъ времени подобныя изображенія перешли въ геральдику и часто встрѣчаются въ гербахъ западной Европы.

Въ засѣданіи той же Академіи г. Ле-Бланъ сообщилъ о вновь найденныхъ, въ развалинахъ базилики въ Гоаджебельайсунъ, плиткахъ изъ обожженной глины, украшенныхъ разнаго рода фигурами львовъ, оленей, павлиновъ, а также и различными сценами изъ Св. исторіи. Между прочими тамъ находятся слѣдующія сцены: 1) Адамъ и Ева, стоящіе по сторонамъ дерева, которое обвиваетъ змѣй, 2) чудесное умноженіе рыбъ и хлѣбовъ: изображенъ Христосъ и предъ нимъ два апостола съ хлѣбами и рыбами; всѣ три имѣютъ сіяніе около головы, 3) св. Петръ получаетъ ключъ изъ рукъ Христа, 4) жертвоприношеніе Авраама, 5) Христосъ, съ крестомъ, бесѣдуетъ съ самаритянкою, и др. Плитки эти покрывали нѣкогда стѣны базилики: во время находки часть ихъ находилась еще на остаткахъ стѣнъ базилики. Ле-Бланъ относитъ эти плитки къ VI вѣку.

—— Въ Zeitschrift für christliche Kunst (VIII г. вып. 12) помѣщена статья С-ъ Бейсселя о коврахъ, тканыхъ и вышитыхъ, которые употреблялись въ Римѣ во второй половинѣ VIII-го и въ началѣ IX-го

вѣковъ въ церквахъ, какъ завѣсы, отдѣляющія разныя части храма, одну отъ другой. Авторъ подробно останавливается на матеріалѣ изъ коего они дѣлались, на ихъ формѣ и ихъ орнаментаціи. Мѣстами изготовленія сихъ ковровъ были главнымъ образомъ: Византія, Сирія, Александрія, Тиръ, Испанія и Неаполь.

—— Благодаря раскопкамъ англійскаго археологическаго общества въ Луксорѣ, недавно открыта усыпальница (temple funéraire) времени XVIII-й династіи. Въ ней сохранилось вполнѣ нѣсколько рядовъ колоннъ, а затѣмъ, кромѣ мумій и нѣсколькихъ свитковъ папирусныхъ, въ ней найдено много бронзовыхъ вещей, разныя изваянія, между ними три статуи времени XI-й династіи, надгробная плита съ именемъ Тотмеса III-го, жертвенникъ, воздвигнутый жрецами боговъ Хатора и Аммона, фризъ, составленный изъ орловъ, увѣнчанныхъ коронами и много другихъ.

—— Въ засѣданіи Académie des inscriptions et belles-lettres отъ 10 апрѣля 1895 г. г. Мюнцъ сдѣлалъ сообщеніе о папскихъ тіарахъ съ XII по XIV вѣка. Авторъ подробно останавливается на вопросѣ о значеніи тіаръ, какъ знака свѣтской власти папъ и на послѣдовательномъ измѣненіи ихъ формы, при чемъ доказываетъ, что бо̀льшая часть тіаръ, изображенныхъ на средневѣковыхъ картинахъ, плоды чистой фантазіи. Въ заключеніе Мюнцъ останавливается подробно на судьбѣ тіары, по преданію, принадлежавшей св. Сильвестру, и доказываетъ, что она идентична съ тіарами папъ Николая IV и Бонифація VIII. Въ 1485 году она была украдена и съ тѣхъ поръ безслѣдно пропала.

—— Находка черепа первобытнаго быка (bos primigenis) [1]). Въ имѣніи Жабинъ, Варшавской губ., Влоцлавскаго уѣзда, у помѣщика З. Шремовича, во время работы при добываніи торфа, на глубинѣ около 10 аршинъ, торфяная машина выбросила громадный черепъ животнаго съ рогами, хорошо сохранившійся; только, вѣроятно, при захватѣ машиной, нижняя часть черепа повреждена, именно отломана кость пониже глазъ; осталось только: черепъ до роговъ (6 вершковъ), рога надъ черепомъ, толщиной у основанія въ полтора вершка въ діаметрѣ, а длиной въ 18 вершковъ каждый; промежутокъ черепа между основаніемъ роговъ въ 4 вершка. По всѣмъ признакамъ, кости эти представляютъ остатки первобытнаго быка (bos primigenis).

—— Геркуланумъ Центральной Америки. Въ среднеамериканской республикѣ Гватемалѣ недавно производились археологическія раскопки, которыя привели къ замѣчательнымъ результатамъ. Подъ

---

[1]) Размѣры поданы со словъ владѣльца, такъ какъ сейчасъ же послѣ осмотра, на другой же день вывезли этотъ черепъ въ Краковъ.

пепломъ недѣйствующаго уже вулкана Агуа, въ окрестностяхъ древняго индѣйскаго поселенія Аматитланъ, обнаруженъ до-историческій городъ. Когда приступили къ раскопкамъ, то на нѣкоторой глубинѣ было найдено множество разрисованной и глазированной глиняной посуды, стеклянныя издѣлія, палицы, копья и каменные кинжалы, кромѣ того, цѣлый рядъ идоловъ, всевозможныхъ видовъ. Самымъ замѣчательнымъ пріобрѣтеніемъ является огромное человѣческое изображеніе, изваянное въ черномъ базальтѣ и представляющее отдыхающаго воина, головной уборъ котораго чрезвычайно напоминаетъ головной уборъ древне-римскихъ преторіанцевъ. Художественное исполненіе этого изображенія тѣмъ болѣе загадочно, что всѣ орудія ваянія: молотки, долота и ножи, найденные по близости,—грубой работы и мало пригодны для художественнаго издѣлія. Вблизи воина найдены разноцвѣтныя бусы и предметы украшенія, стеклянные и жемчужные. Какому народу принадлежали находки,—покажутъ будущія раскопки, которыя теперь значительно расширены. („Моск. Вѣд.", 3 мая 1895 г.).

V.

Засѣданія обществъ.

19 апрѣля 1895 г. состоялось засѣданіе *классическаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго общества*. А. Н. Щукаревъ прочиталъ рефератъ—„Объ архитекторѣ-скульпторѣ Каллимахѣ". Докладчикъ поставилъ своей задачей познакомить собраніе съ новымъ взглядомъ на художественную дѣятельность этого прославившагося въ древности изобрѣтателя Коринѳской капители, взглядомъ, высказаннымъ нѣмецкимъ ученымъ Фуртвенглеромъ въ его трудѣ по исторіи греческой пластики (Adolf. Furtwängler. Meisterwerke der griechischen Plastik. 1893). Каллимахъ, дѣйствовавшій въ началѣ IV в. до Р. Хр., былъ сторонникомъ Кимона и Никія, какъ Фидій былъ сторонникомъ Перикла. Направленіе Каллимаха было архаистическимъ, т. е. онъ стремился проводить въ искусствѣ освященный преданіемъ старый стиль, лишь внося въ него изящество деталей, доходящее до изысканности. Раздѣляя этотъ взглядъ Фуртвенглера, докладчикъ критически отнесся къ обобщеніямъ нѣмецкаго ученаго относительно принадлежности Каллимаху всѣхъ тѣхъ памятниковъ, которые, по мнѣнію Фуртвенглера, составляютъ работу Каллимаха или ближайшихъ его послѣдователей и значительно ограничиваетъ кругъ этихъ обобщеній, указывая однако на необходимость частныхъ изслѣдованій въ проложенномъ Фуртвенглеромъ направленіи. Въ томъ же засѣданіи секретарь отдѣленія С. А. Жебелевъ познакомилъ собраніе съ изслѣ-

дованіемъ Я. И. Смирнова—„Объ изображеніяхъ фригійскаго бога мѣсяца". Я. И. Смирновъ, издавая теперь впервые нѣкоторыя скульптурныя изображенія съ рогами мѣсяца на плечахъ, собралъ и весь прежде изданный матеріалъ, относящійся къ вопросу о перенесеніи въ Грецію въ III вѣкѣ до Р. Хр. фригійскаго культа мѣсяца. („Нов. Вр.", № 6880, 1895 г.).

---

24 апрѣля 1895 г. состоялось засѣданіе *Восточнаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго общества.* Прочтены были сообщенія В. В. Бартольда—„Новое мусульманское свидѣтельство о Русахъ" и барона В. Р. Розена—„Къ вопросу объ арабскихъ переводахъ Худай-Намэ". В. В. Бартольдъ представилъ точный переводъ отрывка изъ одного персидскаго писателя XIII вѣка нашей эры, гдѣ говорится о посольствѣ Владиміра святого къ мусульманамъ. Баронъ В. Р. Розенъ, разрабатывая вопросъ о Худа-Намэ, какъ лѣтописи персидскихъ царей, ставитъ вопросъ объ отношеніи этого источника къ извѣстной „Книгѣ царей" Фирдуси и въ частности выясняетъ роль персидскаго историческаго писателя аль-Кисравія, упоминаемаго въ антологіи его современника персидскаго же поэта IX вѣка нашей эры аль-Джахиза. Въ томъ же засѣданіи были выставлены вновь присланныя Н. Ѳ. Петровскимъ бронзы и терракоты изъ Кашгара. („Нов. Вр.", № 6881, 1895 г.).

---

25 апрѣля 1895 г. состоялось засѣданіе *Русскаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго общества.* Докладчиками явились: В. Г. Бокъ—„По поводу изданія Звенигородскаго: Византійскія эмали" и А. А. Спицынъ—„Курганы радимичей". В. Г. Бокъ представилъ обзоръ вышедшаго въ 1892 году сочиненія Н. П. Кондакова „Исторія и памятники эмали", изданнаго Звенигородскимъ съ роскошью и изяществомъ, въ духѣ истинной художественности. Сочиненіе профессора Кондакова представляетъ собою цѣльное и всестороннее изслѣдованіе о византійскихъ эмаляхъ, въ которомъ онъ прочно устанавливаетъ восточное происхожденіе перегородчатыхъ эмалей, находя колыбель этого производства въ Персіи, не предрѣшая вопроса о персидскомъ происхожденіи наиболѣе древнихъ изъ извѣстныхъ наукѣ памятниковъ перегородчатой эмали. Описывая отдѣльные памятники византійской эмали и останавливаясь подробно на анализѣ запрестольнаго образа въ соборѣ св. Марка въ Венеціи (Palo d'oro), авторъ опредѣляетъ время производства каждаго изъ эмалевыхъ тябелъ, входящихъ въ составъ оклада, и только нѣкоторые изъ нихъ относитъ къ западному производству. Докладъ А. А. Спицына былъ направленъ къ освѣщенію лѣтописныхъ указаній къ разселенію древнихъ славянскихъ племенъ при помощи данныхъ, представляемыхъ раскопкою кургановъ. Докладчикъ разбирается въ матеріалѣ, извлеченномъ изъ 400 кургановъ, раскопанныхъ на рѣкѣ Сожи, гдѣ, по лѣтописи, сидѣли радимичи, и, по найденнымъ въ нихъ монетамъ, пріуроченнымъ къ X вѣку по Р. Хр. Обрядъ погребенія, здѣсь обнаруженный, за предѣлами даннаго района уступаетъ мѣсто обрядамъ погребенія совершенно отличнымъ

и свидѣтельствующимъ о поселеніяхъ уже другихъ племенъ. Докладъ А. А. Спицына вызвалъ оживленныя пренія, въ которыхъ приняли участіе графъ А. А. Бобринской, А. И. Соболевскій, А. С. Лаппо-Данилевскій, Н. И. Веселовскій и А. В. Комаровъ, причемъ поставлены на очередь вопросы: о границахъ компетенціи археологіи въ дѣлѣ пріуроченія находимыхъ костяковъ и вещей при нихъ къ той или другой народности; значеніи находимыхъ въ могилахъ монетъ для датированія находокъ въ связи съ вопросомъ о времени обращенія разъ отчеканенной монеты, о значеніи слова „тризна" и др. Въ томъ же засѣданіи А. И. Соболевскій представилъ вновь изданный Р. Р. Голике—„Сборникъ снимковъ съ славяно-русскихъ старопечатныхъ книгъ". Первая часть этого сборника относящаяся къ XV и XVI вѣкамъ, составлена С. Л. Пташицкимъ, а вторая (XVII вѣкъ)—А. И. Соболевскимъ. А. И. Соболевскій обратилъ особое вниманіе на нѣкоторые памятники старопечатнаго дѣла, впервые воспроизводимые въ настоящемъ изданіи. ("Нов. Вр.", № 6882, 1895 года).

---

1 мая 1895 года состоялось общее собраніе *Императорскаго Русскаго Археологическаго общества*, подъ предсѣдательствомъ А. Ѳ. Бычкова. Выслушаны были отчеты секретаря и казначея за 1894 г. и разрѣшены нѣкоторыя текущія дѣла; между прочимъ разсмотрѣнъ докладъ спеціальной коммиссіи по вопросу о празднованіи пятидесятилѣтняго юбилея Общества, предстоящемъ 15 декабря 1895 г. Въ члены-сотрудники Общества избраны Д. М. Познѣевъ и Г. Ф. Церетели. Въ томъ же засѣданіи князь П. А. Путятинъ сдѣлалъ сообщеніе о новѣйшихъ изслѣдованіяхъ французскихъ ученыхъ по вопросу о королевѣ французской Аннѣ Ярославовнѣ, супругѣ Генриха I, и познакомилъ собраніе съ вышедшей въ прошломъ году въ городѣ Senlis, гдѣ находится сооруженное королевой Анной русское аббатство St.-Vincent, книгой виконта de Caix de Saint-Aymour подъ заглавіемъ: „Anne de Russie, Reine de France, puis comtesse de Valois" (Senlis, 1894 г.). („Нов. Вр.", № 6887, 1895 года).

---

12 мая 1895 года состоялось засѣданіе *Русскаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго общества*, подъ предсѣдательствомъ С. Ѳ. Платонова. Докладчиками явились: Г. И. Котовъ—„О ханскомъ дворцѣ въ Бахчисараѣ", графъ А. А. Бобринскій—„О нѣкоторыхъ скиѳскихъ древностяхъ Венгріи" и князь П. А. Путятинъ—„Новѣйшія изслѣдованія о височныхъ кольцахъ и волнообразномъ орнаментѣ, приписываемомъ славянамъ". Г. И. Котовъ изложилъ результаты произведеннаго имъ по порученію Императорской археологической коммиссіи осмотра Бахчисарайскаго дворца въ цѣляхъ составленія проекта его реставраціи. Усматривая неподдѣльный восточный характеръ этого памятника зодчества, Г. И. Котовъ, даже отдѣляя наслоенія бывшихъ доселѣ реставрацій, которыя докладчикъ называетъ „малярными", все же констатируетъ двойственность впечатлѣнія, производимаго

Бахчисарайскимъ дворцомъ, и несомнѣнное проникновеніе здѣсь въ чисто восточный стиль европейскаго барокко. Это и должно было случиться во время перестройки резиденціи крымскихъ хановъ послѣ 1736 года, когда Бахчисарайскій дворецъ былъ сожженъ русскими войсками. Среди отдѣльныхъ частей дворца Г. И. Котовъ указалъ на нѣкоторыя детали болѣе древняго происхожденія. Таковы, напримѣръ, желѣзныя двери въ итальянскомъ стилѣ ранней эпохи возрожденія, сдѣланныя при Менгли-Гиреѣ I, современникѣ великаго князя Іоанна III. Равнымъ образомъ изслѣдователю удалось видѣть слѣды старой раскраски, описанной Манштейномъ. Весьма многія постройки, существовавшія въ концѣ прошлаго вѣка, какъ то видно изъ плана, составленнаго англійскимъ архитекторомъ Гестомъ, въ настоящее время не сохранились; но при реставраціи докладчикъ предлагаетъ ограничиться приведеніемъ въ надлежащій видъ лишь уцѣлѣвшихъ частей дворца и организовать при немъ собраніе древностей, уясняющихъ его стиль.—Графъ А. А. Бобринскій познакомилъ собраніе съ открытіями венгерскаго ученаго Гампеля, обнаружившаго своими раскопками въ предѣлахъ Венгріи типическія скиѳскія вещи. Среди этихъ предметовъ обращаетъ на себя вниманіе бронзовое зеркало, тожественное съ найденнымъ профессоромъ Самоквасовымъ въ Пятигорскѣ и г. Мазараки въ Роменскомъ уѣздѣ, Полтавской губ. Отмѣчая весьма важный фактъ опредѣленія западной границы распространенія скиѳскаго племени, графъ А. А. Бобринскій ставитъ вопросъ о выясненіи детальныхъ чертъ скиѳской цивилизаціи и живо рисуетъ обликъ скиѳскаго всадника, дѣлая это на основаніи курганныхъ находокъ, оговариваясь, однако, что далѣе II вѣка по Р. Хр. нѣтъ уже никакихъ слѣдовъ скиѳской цивилизаціи, какъ равно нѣтъ и слѣдовъ другихъ народностей, обитавшихъ въ послѣдующіе вѣка въ предѣлахъ древней Скиѳіи вплоть до VII—VIII вв., когда начинаютъ обнаруживаться бѣдныя славянскія погребенія.—Князь П. А. Путятинъ познакомилъ собраніе съ изслѣдованіемъ чешскаго ученаго, доктора Нидерле по вопросу о древне-славянскихъ погребеніяхъ, помѣщенномъ въ трудахъ бывшаго въ августѣ прошлаго года въ Инсбрукѣ съѣзда членовъ вѣнскаго антропологическаго общества. („Нов. Вр.", № 6899, 1895 г.).

Въ засѣданіи 21 апрѣля 1895 г. *Общества любителей древней письменности* происходили выборы на новое трехлѣтіе предсѣдателя Общества. Согласно предложенію п. чл. Общ. Т. И. Филиппова, единогласно вновь избранъ предсѣдателемъ графъ С. Д. Шереметевъ. Послѣ прочтенія секретаремъ отчета за 18-й годъ дѣятельности Общества, С. Ѳ. Платоновъ обратилъ вниманіе собранія на новый текстъ „Описи дѣламъ, вынесеннымъ изъ Разряда во время московскаго пожара 1626 г.", изданный въ приложеніяхъ къ труду Н. П. Лихачева „Библіотека и архивъ московскихъ государей въ XVI столѣтіи" (Спб. 1894) Среди многихъ новыхъ показаній этого текста важно упоминаніе, что отъ пожара уцѣлѣлъ и хранился въ XVII в. „приговоръ московскаго государства всякихъ чиновъ людей, какъ выбрали подъ Москвой

бояръ и воеводъ князя Д. Т. Трубецкова въ правительство къ земскому дѣлу 119 (1611) году". Этотъ приговоръ, отчасти изданный Карамзинымъ въ его „Исторіи", былъ извѣстенъ исторіографу по неполной копіи начала нашего вѣка, и теперь, кромѣ этой самой копіи, хранящейся въ Императорской Публичной Библіотекѣ, неизвѣстно ни одного списка земскаго приговора 1611 года. Лишь съ той поры, какъ удостовѣряется существованіе этого акта офиціальною „описью" XVII в., мы можемъ отложить сомнѣніе въ самой подлинности этого акта. Это тѣмъ болѣе важно, что приговоръ 1611 года, съ точки зрѣнія новѣйшей исторіографіи, получаетъ особую цѣнность и въ исторіи московскаго сословнаго представительства, и въ исторіи взаимныхъ отношеній общественныхъ классовъ въ ту эпоху.—Затѣмъ было прочтено присланное проф. П. В. Владиміровымъ сообщеніе о двухъ пергаментныхъ листахъ изъ книги Апостольскихъ чтеній XII в. Эти два листа, хранящіеся въ кіевскомъ церковно-археологическомъ музеѣ, составляютъ, по мнѣнію г. Владимірова, часть извѣстнаго Слѣпченскаго апостола XII в.; это видно изъ того, что листы эти какъ въ палеографическомъ и грамматическомъ отношеніяхъ, такъ и по содержанію соотвѣтствуютъ извѣстнымъ описаніямъ различныхъ частей этого памятника, сдѣланнымъ Викторовымъ, Срезневскимъ и Воскресенскимъ.—Въ томъ же засѣданіи было заявлено о принесеніи въ даръ Обществу Г. А. Эзовымъ: 1) трубки, работы аварцевъ изъ окрестностей Темиръ-Ханъ-Шуры и 2) трости работы ванскихъ армянъ, а И. П. Барсуковымъ—„Новой пограничной карты Россійской Имперіи отъ Балтійскаго моря до Каспійскаго, 1795 года". („Нов. Вр.", № 6879, 1895 г.).

VI.

Библіографія.

Труды восьмаго археологическаго съѣзда въ Москвѣ. Томъ второй. Подъ редакціей гр. П. С. Уваровой и М. Н. Сперанскаго. Москва. 1895 г.

Содержаніе: *Ѳ. И. Буслаевъ.* Первое дополненіе къ лицевому Апокалипсису.—*М. С. Дриновъ.* Сказаніе о Святогорѣ и земной тягѣ въ южнославянской нар. словесности.—*Х. М. Лопаревъ.* Іерусалимскій патріархъ Хрисанѳъ (1707—1731).—*С. І. Долговъ.* Новый видъ „Пренія живота и смерти".—*Н. Ѳ. Красносельцевъ.* Новый списокъ русскихъ богослужебныхъ „дѣйствъ" XVI—XVII вв.—*М. Н. Сперанскій.* Славянскія апокрифическія евангелія.—*А. И. Соболевскій.* Грамата князя Ивана Берладника 1134 г.—*Д. П. Лебедевъ.* Неизвѣстный московскій проповѣдникъ половины XVI в.—*А. Мержинскій.* Прусскій жрецъ „Siccо".—*Ѳ. Ѳ. Лашковъ.* Крымскія шертныя граматы XVI—XVII вв.—*Его же.* Къ вопросу о губернскихъ историческихъ архивахъ.—*А. И. Кирпичниковъ.* Взаимодѣйствіе иконописи и словесности

народной и книжной.—*Еп. Амфилохій.* О латинской пергаминной псалтири св. Іоанна Милостиваго.—*Его же.* О фрескахъ въ Ростовскомъ Спасо-Яковлевомъ Дмитріевомъ монастырѣ.—*М. И. Соколовъ.* О редакціяхъ житія св. Авраамія Ростовскаго —*П. А. Лавровъ.* Одна изъ передѣлокъ Исторіи славяно-болгарской іеромонаха Паисія.—*Х. И. Кучукъ-Іоаннесовъ.* Древне-армянскія рукописи.—*А. С. Хахановъ.* Грузинскія рукописи Румянцев. музея.

Н. Ф. Петровскій. Древніе арабскіе дорожники по средне-азіатскимъ мѣстамъ, входящимъ въ настоящее время въ составъ русскихъ владѣній. (Извлеченіе изъ сочиненія Sprenger'a „Die Post und Reiserouten des Orients"). Пособіе для розысканія древнихъ путей и мѣстностей. Ташкентъ, 1894 годъ, 16° (5+60 страницъ).

Вышеозначенная книга, какъ и сказано въ ея предисловіи, есть извлеченіе изъ сочиненія Sprenger'a подъ заглавіемъ „Die Post und Reiserouten des Orients", напечатанная въ журналѣ „Abhandlungen der deutschen Morgenländischen Gesellschaft (Band III, № 3, 1864 г.) и касается мѣстности и путей къ сѣверо-востоку отъ города Кэйшавура до Амуръ-Даріи, Мавараль-награ и Хаварезма, т. е. мѣстностей, входящихъ въ составъ нынѣшнихъ азіатскихъ владѣній. Авторъ перевелъ часть первой главы, вторую и третью и одну выдержку изъ четвертой главы, а также нѣсколько извлеченій изъ предисловія и введенія и снабдилъ переводъ нѣкоторыми цѣнными примѣчаніями. Цѣль переводчика дать любителямъ археологіи, живущимъ въ нашихъ средне-азіатскихъ владѣніяхъ, руководство къ указаніямъ арабскихъ писателей, дабы они попытались открыть древніе пути и мѣстности, подобно тому какъ это недавно сдѣлалъ бывшій старожилъ города Ташкента г. Шварцъ, объяснившій, на основаніи свидѣтельствъ греческихъ писателей и своихъ путешествій по краю, путь Александра Македонскаго по Туркестану.

Изъ числа арабскихъ писателей, которыми воспользовался авторъ, назовемъ Якуби, Ибнъ-Хардадбехъ, Кодама, Мокаддаси, Альбируни, Истахри, Ибнъ-Хаукала (и турецкаго писателя Хаджи-Хальфа) жившихъ въ промежутокъ времени между 260 и 430. Безъ сомнѣнія, книга Шпренгера пользуется и до сего времени большимъ авторитетомъ среди ученыхъ, и переводъ хотя нѣсколькихъ главъ ея на русскій языкъ является необходимымъ при изученіи древнихъ путей и мѣстностей въ средней Азіи. Намъ остается пожалѣть, что такой важный трудъ нѣмецкаго ученаго еще до сихъ поръ не переведенъ на русскій языкъ, и благодарить Н. Ф. Петровскаго за добрый починъ.

Д. Н. Анучинъ. Амулетъ изъ кости человѣческаго черепа и трепанація череповъ въ древнія времена въ Россіи. (Изъ I-го т. Труд. Виленск. Археол. Съѣзда. 4° стр. 17, съ 3-мя таблиц. и 13 рис. М. 1895 г.).

Поводомъ къ чрезвычайно интересной и содержательной работѣ проф. Д. Н. Анучина послужила находка Ф. Д. Нефедовымъ пластинки, вырѣзан-

ной изъ кости человѣческаго черепа и снабженной у верхняго, съуженнаго своего конца сквознымъ отверстіемъ для привѣшиванія. Г. Нефедовъ нашелъ ее при раскопкѣ городища на р. Ветлугѣ (Ветлужск. у., Костромск. губ.), лежащаго въ 1 верстѣ отъ с. Николо-Одоевскаго и дер. Мундура. Среди найденныхъ слѣдовъ жилищъ (землянокъ, ямъ) и очаговъ изслѣдователь нашелъ и издѣлія изъ камня и кости, черепки посуды, кости различныхъ животныхъ и между прочимъ и указанную привѣску. Д. Н. Анучинъ относитъ изслѣдованную Ф. Д. Нефедовымъ стоянку къ концу неолитическаго періода. Несмотря на то, что раскопки были произведены въ 1883 г. и что отчетъ о нихъ появился въ печати въ 1890 г. [1]), онѣ не были предметомъ болѣе подробнаго изученія до 1893 г., когда проф. Анучинъ обратилъ вниманіе на привѣску изъ кости человѣческаго черепа и посвятилъ этой интересной находкѣ особое сообщеніе въ Имп. Московскомъ Археологич. Обществѣ (26-го янв. 1893 г., см. „Археол. Изв. и Замѣтки" за 1893 г., стр. 137 — 138) и впослѣдствіи на Виленскомъ Археологическомъ Съѣздѣ (см. „Археол. Изв. и Зам." 1893, стр. 365—366). Интересъ указанной привѣски усиливается тѣмъ, что она была первой найденной въ Россіи при археологическихъ раскопкахъ, въ то время какъ на западѣ обычай носить амулеты и украшенія, вырѣзанныя изъ кости человѣческаго черепа—извѣстный и въ настоящее время среди нѣкоторыхъ некультурныхъ племенъ другихъ частей свѣта—былъ констатированъ еще въ 70-хъ годахъ для неолитической и такъ наз. галльской эпохи во Франціи и, повидимому, въ бронзовомъ вѣкѣ въ Германіи. Д. Н. Анучинъ со свойственной ему эрудиціей подробно разбираетъ вопросъ о трепанаціи череповъ, сообщаетъ важнѣйшія находки этого рода на западѣ и въ Америкѣ, опредѣляетъ мѣсто, которое слѣдуетъ отвести найденной г. Нефедовымъ привѣскѣ среди другихъ аналогичныхъ находокъ, и старается привлечь къ сравненію имѣющійся въ этомъ отношеніи матеріалъ и въ Россіи. По мнѣнію автора, черепная пластинка, найденная на Одоевскомъ городищѣ", служила не только украшеніемъ, но составляла нѣчто бо́льшее и была, по всей вѣроятности, религіознымъ талисманомъ, *черепнымъ амулетомъ*". Если фактъ находки г. Нефедовымъ указанной привѣски даетъ возможность отодвинуть границы распространенія обычая ношенія черепныхъ амулетовъ на материкѣ Европы далеко на востокъ, то изслѣдованіе, предпринятое пр. Анучинымъ по поводу этой находки, обратило вниманіе русскихъ археологовъ на интересъ аналогичныхъ находокъ и заставило ихъ отмѣчать ихъ: едва ли мы ошибемся, если припишемъ интересу, возбужденному Д. Н. Анучинымъ къ указанному вопросу въ Россіи, фактъ, что находка трепанированнаго черепа, открытаго Н. Ф. Бѣляшевскимъ при раскопкахъ въ городищѣ на Княжей горѣ (Кіевской губ., Каневскаго у.) не прошла незамѣченной и появилась какъ доказательство, что обычай трепанаціи существовалъ въ Россіи повидимому еще въ XII —

[1]) Прилож. къ Проток. засѣд. Антропол. Отд. И. О. Л. Е. А. и Э. 2-го декабря 1884 г., IX т. Труд. Антр. Отд. М. 1890.

XIII вв.; что г. Нефедовъ обратилъ вниманіе на найденную имъ при раскопкахъ могильника и городища „Шишка“ (Вятск. г., Елабужск. у., близъ с. Котловки) кругловатой костяной пластинки съ небольшимъ отверстіемъ для привѣски, вырѣзанной, повидимому, изъ кости дѣтскаго черепа. Наконецъ, самъ пр. Анучинъ по тщательномъ разсмотрѣніи многочисленныхъ череповъ, хранящихся въ Антропологическомъ Музеѣ въ Москвѣ, отмѣтилъ черепъ съ ясными слѣдами трепанаціи, доставленный пр. В. Ѳ. Миллеромъ изъ древняго могильника въ Хуланѣ (Терской области, въ верховьи Терека). Такимъ образомъ за краткій періодъ, истекшій послѣ перваго сообщенія Д. Н. Анучина о черепномъ амулетѣ Одоевскаго городища, свѣдѣнія по этому вопросу относительно Россіи обогатились настолько, что позволяютъ думать о распространенности обычая носить черепные амулеты и трепанаціи череповъ на обширномъ районѣ. Будемъ надѣяться, что съ выходомъ въ свѣтъ труда г. Анучина интересъ, поднятый къ этому вопросу его сообщеніями, будетъ рости среди русскихъ археологовъ и приведетъ къ отмѣчанію другихъ аналогичныхъ находокъ, какъ при раскопкахъ, такъ и при изученіи, хранящихся въ музеяхъ череповъ.

Землевѣдѣніе: 1895 г., № 1. М. В. Никольскій. Древняя страна Урарту (Араратъ) и слѣды ассиро-вавилонской культуры на Кавказѣ. Въ періодическомъ изданіи Географическаго Отдѣла Имп. Общ. Люб. Естествознанія напечатана подъ приведеннымъ заглавіемъ интересная работа нашего извѣстнаго знатока древняго Востока М. В. Никольскаго, имѣющая одинаковый интересъ какъ для исторической географіи, такъ и для археологіи. Авторъ набрасываетъ любопытный очеркъ исторіи древняго періода области, которая за много вѣковъ до Р. Хр. находилась подъ значительнымъ культурнымъ вліяніемъ ассиро-вавилонской цивилизаціи и въ настоящее время образуетъ значительную часть Закавказья. Источниками автору служатъ клинообразныя надписи, какъ уже раньше извѣстныя, такъ и открытыя и разобранныя г. Никольскимъ, во время его поѣздки по порученію Имп. Московскаго Археолог. Общества совмѣстно съ А. А. Ивановскимъ въ Закавказье.

Просвѣта (лист за цркву, школу и поуку), изд. І. Сундечичъ, на Цѣтиньѣ.

Въ этомъ маленькомъ журналѣ черногорскаго правительства, выходящемъ съ 1893 г. ежемѣсячно, есть небольшой отдѣлъ, посвященный описанію древностей Черной Горы. Большая часть этихъ замѣтокъ принадлежитъ *Ф. Радичевичу*. Имъ въ 1-й книжкѣ 1893 г. описана панагія нач. XVII в., принадлежавшая св. Стефану (въ мон. Морача), съ записью на ней имени мастера, славянина; въ 3-й—Успенскій монастырь (въ Рѣчьской нахіи), въ немъ могила извѣстнаго Стефана Црноіевича († 1471). Самая церковь монастыря сооружена имъ же. Въ 4-й и 5-й книжкѣ отмѣчены: Евангеліе (серб-

ское) 1562 г., обычнаго типа, и осмогласникъ Божидара Вуковича 1537. Вся X книга 1893 года посвящена юбилею ободской типографіи (1493—изданіе Октоиха). Въ 9-й книжкѣ *Р. М. Поповичемъ* описаны развалины монастыря Рыбницы (между Бокой Которской и Виромъ). Изъ другихъ статеекъ заслуживаютъ вниманія: „Сборникъ Якова Македонца 1556 г.“; этотъ Яковъ Македонецъ былъ продолжателемъ дѣла Божидара Вуковича въ Венеціи (годъ II, 1). „Описаніе мон. Морачи“, важнаго въ исторіи Сербіи; онъ упоминается уже въ 1252 г., какъ построенный Стефаномъ Вукановымъ, внукомъ Ст. Немани (II, 2, 5); подробно описана стѣнопись, надгробныя надписи (позднія—XVIII в.), рукописи. Въ 3 кн. 1894 г. изложена исторія Кіева, компилятивная замѣтка Радичевича.

Argo. Zeitschrift für krainische Landeskunde, herausgeg. von. Alf. Müllner-Laibach.

Журналъ (около 1—1½ печ. листа въ мѣсяцъ, цѣна 4 гульд.) издается уже 4-й годъ въ Люблянѣ, пользуясь субсидіей въ 200 гульд. Въ нынѣшнемъ году почти весь № 1 посвященъ археологіи; здѣсь помѣщены статьи: *A. Müllner*'a—Das Eisen in Krain, гдѣ находимъ свѣдѣнія о краинскомъ желѣзѣ въ античное время, о ввозѣ желѣзныхъ издѣлій въ Крайну изъ Италіи. Zwei doppelköpfige Bronzeidole—описываетъ двѣ статуэтки Люблянскаго музея, римскаго происхожденія найденныхъ около Отока: одна — женская головка съ двумя лицами и луной наверху; другая — полная фигурка двуликая болѣе грубая; авторъ замѣтки (A. Müllner) считаетъ ихъ идолами Януса (Jana und Janus-Idol); первую относитъ къ I—II стол., вторую—къ V-му.—Sarkofag-fund am Laibacher Bahnhofe—саркофагъ мѣстнаго камня, ранѣе уже ограбленный; въ немъ найденъ биллонъ имп. Постума (258—267). Въ концѣ номера замѣтки о находкахъ оружія (XV—XVII в.) и списокъ археологическихъ и художественныхъ пріобрѣтеній Люблянскаго музея.

П. А. Сырку. Краткій отчетъ о занятіяхъ за-границей въ лѣтніе мѣсяцы 1893 и 1894 г. (Оттискъ изъ Изв. Имп. Ак. Н. Томъ II, № 5 (май, 1895). 8⁰, стр. 30.

Предметомъ занятій П. А. Сырку были преимущественно памятники славянской письменности, сохранившіеся въ Австріи, Черногоріи и Сербіи. Путешественнику удалось найти довольно много интересныхъ и важныхъ матеріаловъ; часть ихъ имъ издана. Вниманіе обращено было преимущественно на болгарскіе древніе памятники, а также и на рѣдкіе русскіе. Изъ числа послѣднихъ, даны свѣдѣнія объ извѣстной, но почему то мало обращавшей на себя вниманіе рукоп. XII—XIII в.; это—Апостолъ чисто русской редакціи (во Львовѣ); изъ него г. Сырку даетъ нѣсколько выписокъ, равно какъ и изъ другого, хранящагося во Львовѣ же, драгоцѣннаго памятника—Евангелія Перемышльскаго XIV в., писаннаго въ Галиціи. Въ числѣ новыхъ пріобрѣтеній Сараевскаго областнаго музея, найдена въ спискѣ XVI в. сербская по

языку лѣтопись (можетъ быть лѣтописный сборникъ, въ родѣ хронографа) съ весьма интересными по редакціи статьями о крещеніи Болгаръ и Руси, цѣликомъ напечатанными г. Сырку въ отчетѣ. Другой рядъ памятниковъ, отмѣченный ученымъ путешественникомъ, касается старой литературы заговоровъ, гаданій; такъ имъ изданы цѣликомъ: молитва-заговоръ съ именами Козьмы и Даміана противъ вредныхъ полевыхъ насѣкомыхъ (грьгрици, жужелицы, детилины), по списку XV—XVI в. Ягеллонской библ. (Краковъ), молитва-заговоръ св. царя Фоки, того же содержанія, по списку XVII вѣка (серб., въ Дубровникѣ). Сюда же относится текстъ апокриф. „Заповѣдей св. ап. Петра и Павла" (изд. по болгарск. сп. XVI в. № 41. Оссолинеума въ „Виз. Времен." I, 1, 215). Наконецъ, въ числѣ матеріаловъ, въ этомъ интересномъ отчетѣ отмѣчено и издано частью нѣсколько памятниковъ по славянской письменности, напр.: неизвѣстная до сихъ поръ грамота Стефана Уроша Дечанскаго, данная Койницкому монастырю (въ Боснѣ), сборникъ сербскихъ народныхъ пѣсенъ, Патерикъ 1346 г., молитвы Кирилла Туровскаго въ серб. спискѣ XVII в. и мн. др.

Во время путешествія П. А. Сырку посѣтилъ и съѣздъ христіанскихъ археологовъ въ Сплѣтѣ (см. „Арх. Изв. и Зам." 1895, № 6, стр. 220).

Bulletins et mémoires de la Société Archéologique et Historique de la Charente. Во Франціи существуетъ большое количество провинціальныхъ ученыхъ обществъ, задающихся цѣлью изучать древности преимущественно своего департамента. Къ числу такихъ обществъ слѣдуетъ отнести и археологическо-историческое Общество въ деп. Шаранты. Въ текущемъ году исполняется 50-ти лѣтіе со времени появленія въ свѣтъ перваго тома его изданій. За этотъ періодъ Обществомъ было напечатано 43 тома протоколовъ и трудовъ, при чемъ характеръ работъ, въ виду спеціальныхъ цѣлей Общества, имѣетъ преимущественно мѣстный интересъ. Но общее движеніе археологической мысли во Франціи, направленное къ расширенію круга наблюденій, преимущественно по отношенію къ областямъ, лежащимъ на востокъ отъ Франціи, не осталось безъ вліянія и на дѣятельность Общества въ Шарантѣ, чему въ значительной степени содѣйствовали работы г. *Chauvet* и гр. *de Fleury*. Послѣдній сдѣлалъ въ Обществѣ нѣсколько сообщеній объ XI международномъ Съѣздѣ доисторической археологіи въ Москвѣ, на которомъ онъ былъ депутатомъ отъ названнаго Общества (6-я серія, т. I), равно какъ и о собственныхъ раскопкахъ въ Привислянскомъ краѣ. Далѣе гр. де-Флёри напечаталъ (т. II) результаты раскопокъ Д. Я. Самоквасова подъ Пятигорскомъ и пытается провести параллель между устройствомъ могильниковъ на Кавказѣ и въ Шарантѣ. Г. Шове (т. II) дѣлаетъ попытку сравненія древностей, найденныхъ въ Малой Азіи съ находимыми во французскихъ долинахъ и обращаетъ (т. III) особенное вниманіе на раскопки предметовъ каменнаго вѣка въ Привислянскомъ краѣ и въ Сибири. Изъ мѣстныхъ раскопокъ преимущественный интересъ возбуждаютъ находки въ могилахъ около Hergres богатой культуры эпохи великаго переселенія народовъ (т. I).

Festrede des Präsid. Freih. v. Andrian-Werburg geh. anlässlich des 25 jährigen Stiftungfestes d. Anthropol. Ges. in Wien. (Wien, 1895). Вѣнское антропологическое Общество праздновало 12 февраля текущаго года свой 25-лѣтній юбилей. Въ рѣчи г. Андріана-Вербурга сдѣланъ краткій очеркъ разносторонней дѣятельности общества: оно съ одинаковой тщательностью преслѣдовало свои цѣли, направленныя къ изученію антропологіи, этнографіи и археологіи земель, входящихъ въ составъ Австро-Венгріи. Для насъ наиболѣе интересны работы Общества по археологіи. Возникнувъ въ эпоху, когда изученіе доисторической археологіи было еще дѣломъ новымъ, Общество съ особымъ вниманіемъ направило изученіе на находимые въ Австро Венгріи слѣды господства каменнаго вѣка; работы его въ данномъ направленіи въ значительной степени расширили археологическій кругозоръ, дали возможность дополнить и развить выводы, основанные на изученіе матеріаловъ въ областяхъ, лежащихъ на западъ отъ Австро-Венгріи. Кромѣ изслѣдованій культуры каменнаго вѣка, общество продолжало изученіе знаменитаго гальштаттскаго могильника и вмѣстѣ съ тѣмъ открывало въ разныхъ пунктахъ новые могильники бронзоваго и древняго желѣзнаго вѣка. Расширяя область своихъ работъ, общество обращало не мало вниманія и на славянскія земли и въ этомъ отношеніи ему выпадаетъ доля заслугъ по изученію славянской археологіи, которая за послѣднее время дала много чрезвычайно цѣнныхъ въ научномъ отношеніи работъ.

Печатано по опредѣленію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества на основаніи § 56 его Устава.

Секретарь *В. Трутовскій.*

Императорскомъ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ находятся въ продажѣ слѣд. изданія:

данія Императорскаго Московскаго Архео-
ескаго Общества. Рекомендованы Мини-
твомъ Народнаго Просвѣщенія для фун-
тальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ
евій.
исаніе Кіева. Соч. Закревскаго. Два тома
асъ. 1868 г. Ц. 7 р.
уды I-го Археологич. Съѣзда въ Москвѣ.
тома и атласъ. 1871 г. Ц. 25 р.
уды III-го Археологич Съѣзда въ Кіевѣ.
тома и атласъ. 1878 г. Ц. 10 р.
уды V-го Археологич Съѣзда въ Тифлисѣ.
тома. Ц. 15 р.
уды VII-го Археологич. Съѣзда въ Яро-
. Тома I, II и III по 5 р.
уды VIII-го Археологич. Съѣзда въ Мо-
Томъ I. Ц. 10 р.
ке, томъ II. Цѣна 8 р.
теріалы по археологіи Кавказа; вып. 1,
-й. Кажд. вып. по 6 р.
ке, вып. 4-й, М. 1894. Ц. 8 р. 50 к.
теріалы по археологіи восточныхъ губер-
Вып. I. Ц. 8 р.
нности. Труды Московскаго Археологи-
го Общества:
въ I, два выпуска. 1865—67 г., ц. 6 р.
II, три выпуска. 1869—70 г., ц. 6 р.
III, три выпуска. 1870, 71 и 73 гг.
р.
въ IV, три выпуска. 1874 г. Ц. 8 р.
V, 1885 г. Ц. 6 р.
VI, три выпуска. 1875—76 г. Ц 6 р.
VII, три выпуска. 1877—79 г. Ц. 8 р.
VIII, 1870 г. Ц. 8 р.
ложеніе къ VIII тому:
Пятый Археологич. Съѣздъ. Труды предварител. Комитета, 1882 г. Ц. 6 р.
ъ IX, три выпуска. 1882—83 г., ц. 8 р.
X, 1885 г. Ц. 8 р.
XI, три выпуска. 1886—87 г. Ц. 8 р.
XII, два выпуска. 1888 г. Ц. 8 р.
XIII, два выпуска. 1889—90 г. Ц. 8 р.
XIV, 1890 г. Ц. 7 р.
XV, два выпуска. 1894 г. Ц. 8 р.

Древности Восточныя. Томъ I, Ц. 12 р.
Отдѣльно Т. I, 1 выпускъ 1889 г. Ц. 4 р.
„ Т. I, 2 выпускъ 1891 г. Ц. 4 р.
„ Т. I, 3 выпускъ 1893 г. Ц. 4 р.
Незабвенной памяти Графа А. С. Уварова. Рѣчи, прочитанныя въ соединенномъ засѣданіи ученыхъ обществъ 28 февраля 1885 г. (съ портретомъ Графа А. С. Уварова). 1885 г. Брошюра. Ц. 75 к.
Историческая записка о 25-лѣтней дѣятельности Моск. Арх. Общества. Ц. 2 р.
Памяти Н. С. Тихонравова. М. 1894 г. Ц. 2 р.
Уступка гг. членамъ Общества 20%, библіотекамъ учебныхъ заведеній — 25%, книгопродавцамъ — 30%.

Изданія графа Уварова:

Археологія Россіи. Каменный періодъ. Соч. графа А. С. Уварова. Два тома. 1881 г. Ц. 18 р.
Меряне и ихъ бытъ. Соч. гр. А. С. Уварова. Одинъ томъ и атласъ. 1872 г. Ц. 8 р. (нѣтъ въ продажѣ).
Каталогъ собранія древн. гр. А. С. Уварова. Вып. I и II (въ одной книгѣ): Древности каменнаго и металлическаго вѣка, съ портр. гр. А. С. Уварова и 35 табл. рис. 1887 г. Ц. 4 р.
Вып. VII. Монеты Воспорскаго царства и древне-греческихъ городовъ, находившихся въ предѣлахъ нынѣшней Россіи, съ 5 таблицами. Состав. А. Орѣшниковъ. 1887 г., ц. 3 р.
Архим., Леонидъ. Систематическое описаніе Славяно-Россійскихъ рукописей собранія гр. А. С. Уварова, 4 т. М., 1893—94 г. Ц. 15 р.
Каталогъ Спасо-Преображенскаго монастыря въ Ярославлѣ, ц. 9 р. 50 к.
Византійскій Альбомъ — посмертное изд. гр. А. С. Уварова. Т. I. 1889 г. Ц. 15 р.
Уступка книгопродавцамъ и библіотекамъ учебныхъ заведеній 25%.
Продаются въ собственномъ домѣ Общества, въ Москвѣ, на Бersеневкѣ, у Большаго Каменнаго моста.
Кавказъ. 2 тома. Ц. 3 р.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

выходятъ въ 1895-мъ году (3-й годъ изданія) по той же программѣ и въ томъ же объемѣ подъ редакціею:

И. А. Линниченка и В. М. Михайловскаго,

при участіи А. В. Орѣшникова и многихъ членовъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества.

Подписная цѣна съ пересылкою и доставкою въ годъ ТРИ (3) рубля.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Для **московскихъ** подписчиковъ:

1) Въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ, Берсеневская набережная, собств. домъ, ежедневно отъ 10 до 1 часу и въ часы засѣданій.

2) У А. В. Орѣшникова, Историческій музей, на Красной площади, ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 1 до 4-хъ.

3) Въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Моховая, противъ Стараго Университета, д. Коха (и его иногородн. отд.).

4) Въ книжномъ магазинѣ А. Ланга, на Кузнецкомъ мосту.

Иногородніе подписчики благоволятъ присылать подписные **три** рубля **исключительно** въ Императорское Московское Археологическое Общество (Москва, Берсеневская набережная, собств. домъ).

Подписчики, **не получившіе** выпуска или **перемѣнившіе** свое мѣсто жительства, благоволятъ обращаться съ заявленіями исключительно въ Московское Археологическое Общество.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція обращается съ просьбою ко всѣмъ прежнимъ сотрудникамъ журнала и ко всѣмъ любителямъ старины присылать свѣдѣнія о раскопкахъ, случайныхъ находкахъ древностей, объ имѣющихся въ частныхъ рукахъ выдающихся предметахъ древности—церковныхъ и бытовыхъ, рукописяхъ и т. п., а также газетныя извѣстія, заключающія свѣдѣнія археологическаго характера (отдѣльными №№ или просто вырѣзками съ помѣтою, изъ какой газеты и отъ какого числа); особенно желательны №№ провинціальныхъ газетъ.

Письма и посылки могутъ быть адресованы:

1) Въ Москву, въ Императорское Московское Археологическое Общество, Берсеневская набережная, с. д., въ редакцію „Археологическихъ Извѣстій и Замѣтокъ“ или же

2) Алексѣю Васильевичу Орѣшникову, Москва Историческій Музей, на Красной Площади.

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES
Stacks
JUL 14 1980

Издаваемыя

Императорскимъ

Московскимъ Археологическимъ Обществомъ

Подъ редакціею

дѣйствительныхъ членовъ

И. А. ЛИННИЧЕНКА и В. М. МИХАЙЛОВСКАГО.

№№ 9—10.

МОСКВА
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА
Леонтьевскій пер., д. Мамонтова
1895

СОДЕРЖАНІЕ №№ 9—10.

Стр.

I. **Ѳ. Е. Коршъ**. Колоссъ Домиціана 289

II. **М. И. Соколовъ**. Славянскіе стихи монаха Мардарія Хоникова къ лицевой Библіи Пискатора 300

III. **Н. Н. Харузинъ**. О древностяхъ Томскаго музея 321

IV. Археологическая хроника. 329

V. Засѣданія Обществъ 337

VI. Библіографія 339

Въ Императорскомъ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ находятся въ продажѣ слѣд. изданія:

Изданія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. Рекомендованы Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Описаніе Кіева. Соч. Закревскаго. Два тома и атласъ. 1868 г. Ц. 7 р.

Труды I-го Археологич. Съѣзда въ Москвѣ. Два тома и атласъ. 1871 г. Ц. 25 р.

Труды III-го Археологич. Съѣзда въ Кіевѣ. Два тома и атласъ. 1878 г. Ц. 10 р.

Труды V-го Археологич. Съѣзда въ Тифлисѣ. Два тома. Ц. 15 р.

Труды VII-го Археологич. Съѣзда въ Ярославлѣ. Тома I, II и III по 5 р.

Труды VIII-го Археологич. Съѣзда въ Москвѣ. Томъ I. Ц. 10 р.

Тоже, томъ II. Цѣна 8 р.

Матеріалы по археологіи Кавказа; вып. 1, 2 и 3-й. Кажд. вып. по 6 р.

Тоже, вып. 4-й, М. 1894. Ц. 8 р. 50 к.

Матеріалы по археологіи восточныхъ губерній. Вып. I. Ц. 8 р.

Древности. Труды Московскаго Археологическаго Общества:

Томъ I, два выпуска. 1865—67 г., ц. 6 р.
„ II, три выпуска. 1869—70 г., ц. 6 р.
„ III, три выпуска. 1870, 71 и 73 гг. Ц. 6 р.
Томъ IV, три выпуска. 1874 г. Ц. 8 р.
„ V, 1885 г. Ц. 6 р.
„ VI, три выпуска. 1875—76 г. Ц. 6 р.
„ VII, три выпуска. 1877—79 г. Ц. 8 р.
„ VIII, 1870 г. Ц. 8 р.

Древности Восточныя. Томъ I. Ц. 12 р.
Отдѣльно Т. I, 1 выпускъ 1889 г. Ц. 4 р.
„ Т. I, 2 выпускъ 1891 г. Ц. 4 р.
„ Т. I, 3 выпускъ 1893 г. Ц. 4 р.

Незабвенной памяти Графа А. С. Уварова. Рѣчи, прочитанныя въ соединенномъ засѣданіи ученыхъ обществъ 28 февраля 1885 г. (съ портретомъ Графа А. С. Уварова). 1885 г. Брошюра. Ц. 75 к.

Историческая записка о 25-лѣтней дѣятельности Моск. Арх. Общества. Ц. 2 р.

Памяти Н. С. Тихонравова. М. 1894 г. Ц. 2 р.

Уступка гг. членамъ Общества 20%, библіотекамъ учебныхъ заведеній—25%, книгопродавцамъ—30%.

Изданія графа Уварова:

Археологія Россіи. Каменный періодъ. Соч. графа А. С. Уварова. Два тома. 1881 г. Ц. 18 р.

Мерянне и ихъ бытъ. Соч. гр. А. С. Уварова. Одинъ томъ и атласъ. 1872 г. Ц. 8 р. (нѣтъ въ продажѣ).

Каталогъ собранія древн. гр. А. С. Уварова. Вып. I и II (въ одной книгѣ): Древности каменнаго и металлическаго вѣка, съ портр. гр. А. С. Уварова и 35 табл. рис. 1887 г. Ц. 4 р.

Вып. VII. Монеты Воспорскаго царства и древне-греческихъ городовъ, находившихся въ предѣлахъ нынѣшней Россіи, съ 5 таблицами. Состав. А. Орѣшниковъ. 1887 г., ц. 3 р.

Архим., Леонидъ. Систематическое описаніе Славяно-Россійскихъ рукописей собранія гр. А. С. Уварова. 4 т. М., 1893—94 г. Ц. 15 р.

№№ 9—10 1895 г.

ИЗДАВАЕМЫЯ
ИМПЕРАТОРСКИМЪ МОСКОВСКИМЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ

I.

Колоссъ Домиціана.

Папиній Стацій въ первой изъ своихъ Silvae, посвященной колоссальной конной статуѣ Домиціана, которую этотъ императоръ воздвигъ на forum Romanum, сохранилъ описаніе самой статуи, но, къ сожалѣнію, оно дошло до насъ въ довольно искаженномъ видѣ. Въ рукописяхъ испорченные стихи (37 — 43) читаются приблизительно такъ:

Dextra vetat pugnes Latium. Tritonia vulgo
Non gravat et sectae praetendit colla Medusae
Ceu stimulis accendit equum. Nec dulcior usquam
Lecta deae sedes, nec si, pater, ipse teneres
Pectora, quae mundi valeant evolvere curas
Et qui se totis thames edidit hausta metallis
Et tergo demissa clamys.

Перевести это мѣсто нѣтъ никакой возможности, такъ какъ оно, очевидно, кишитъ всякаго рода ошибками и сверхъ того послѣ стиха 42-го, насколько можно судить по грамматическому строенію этой части приведеннаго отрывка, недостаетъ цѣлаго стиха, если не больше.

Не вдаваясь въ подробности критическаго разбора текста, которыя едва-ли были-бы умѣстны въ „Археологическихъ Извѣстіяхъ и Замѣткахъ“ [1]), я ограничусь тѣмъ, что выпишу это мѣсто въ томъ видѣ, въ какомъ оно представляется по внесеніи въ него поправокъ Поджіо (или Полиціана), Беренса и моихъ съ дополненіемъ пропущеннаго въ рукописяхъ стиха, возстановленнаго мною по предполагаемому смыслу фразы, разумѣется, безо всякой отвѣтственности за вѣрность своей догадки:

Dextra vetat pugnis Latium; Tritonia, laevam
Dum gravat et sectae praetendit colla Medusae,
Ceu stimulis accendit equum; nec dulcior usquam
Lecta deae sedes, nec si, Pater, ipse teneres.
Pectora, quae mundi valeant evolvere curas
Et quis se totis Temese dedit hausta metallis,
(Aegide tecta sacra spirare ut viva videntur).
It tergo demissa chlamys.

Смыслъ этихъ стиховъ можно передать по-русски такъ: „Правая рука устраняетъ отъ Лація [2]) битвы; Тритонія [3]), отягощая собою лѣвую и протягивая впередъ отрубленную голову Медузы, какъ будто стрекаломъ возбуждаетъ пылъ коня; и ни одно мѣсто изъ выбираемыхъ когда-либо богиней для своего пребыванія не было ей болѣе пріятно,— хоть бы даже ты самъ, Отецъ [4]), держалъ ее. Грудь, которая была бы въ силахъ справиться съ заботами о цѣломъ мірѣ и для которой Темеза [5]) предоставила себя всю, истощивъ безъ остатка свои рудники, (дышитъ, словно живая, подъ покровомъ священной эгиды). По спинѣ свободно спускается плащъ“.

Получается картина, написанная живо и отчетливо, хотя не безъ нѣкотораго злоупотребленія красками. Но эта картина выступаетъ лишь при помощи реставраціи. Можетъ-ли попорченный предметъ, цѣлость котораго возстановлена путемъ догадки, служить достаточно надежной почвой для научнаго изслѣдованія? Рѣшеніе этого вопроса зависитъ 1) отъ степени порчи, 2) отъ ясности лежащей въ основѣ этого предмета мысли и 3) отъ знакомства реставраторовъ съ техникой даннаго произведенія. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ занимающее насъ мѣсто

---

[1]) Эти подробности я надѣюсь изложить въ одномъ изъ ближайшихъ нумеровъ «Филологическаго Обозрѣнія».

[2]) Вмѣсто «Италіи» или «Латинскаго племени».

[3]) Минерва. [4]) Юпитеръ.

[5]) Городъ въ Бруттіи, извѣстный находившимися въ его окрестностяхъ мѣдными рудниками.

Стація обставлено на столько благопріятно, что сомнѣніе можетъ касаться только частностей выраженія; самая фигура памятника въ главныхъ очертаніяхъ представляется неподлежащей спору, что̀, какъ позволяемъ себѣ надѣяться, вполнѣ подтвердится дальнѣйшими соображеніями и аналогіями.

Можно привести нѣкоторыя данныя даже въ пользу вставленнаго по догадкѣ стиха. Марціалъ VII, 1 говоритъ о латахъ, поднесенныхъ Домиціану, слѣдующее:

Accipe belligerae crudum thoraca Minervae,
Ipsa Meduscae quem timet ira comae.
Dum vacat, haec, Caesar, poterit lorica vocari,
Pectore cum sacro sederit, aegis erit.

Очевидно, не даромъ эти латы названы у Марціала панцыремъ Минервы, и не даромъ упомянуты при нихъ Медузины волосы: по всей вѣроятности, Медузина голова, часто изображаемая на щитѣ или эгидѣ Минервы, находилась и на латахъ, предназначенныхъ для Домиціана. Профессоръ Шварцъ, которому это изслѣдованіе, какъ увидитъ читатель, обязано весьма существенными дополненіями, напомнилъ мнѣ особенное расположеніе Домиціана къ Минервѣ, богинѣ и наукъ и войны,— двухъ родовъ человѣческой дѣятельности, любителемъ которыхъ выказывалъ себя и Домиціанъ, возстановившій погорѣвшія библіотеки (Sueton. Domit. 20) и довольно счастливо воевавшій. Когда онъ предсѣдательствовалъ на состязаніяхъ, учрежденныхъ имъ въ честь Юпитера Капитольскаго, у него на головѣ былъ вѣнецъ, украшенный изображеніями не только Юпитера и Юноны, но и Минервы (ib., 4). Ежегодно онъ съ большимъ великолѣпіемъ справлялъ въ Альбанѣ праздникъ Квинкватрій, посвященный Минервѣ, и для устройства этого торжества назначилъ особый коллегій (ibidem). Сюда относится Martial. IV, 1, 5: Hiccolat Albano Tritonida multus in auro. Тотъ-же поэтъ, перечисляя все то, чѣмъ обязаны отдѣльные боги Домиціану, объ его заслугахъ передъ Минервой выражается такъ (IX, 3, 10): Pallada praetereo: res agit illa tuas. Въ другомъ мѣстѣ (VIII, 1, 3) онъ восклицаетъ:

Nuda recede Venus: non est tuus iste libellus;
Tu mihi, tu, Pallas Caesariana, veni.

Зато не иное божество, а именно Минерва, къ которой, какъ замѣчаетъ Светоній по этому поводу (15), онъ питалъ суевѣрное благоговѣніе (quam superstitiose colebat), предувѣдомила его во снѣ о близкой смерти.

Эти подробности служатъ хорошимъ комментаріемъ къ словамъ Стація въ удовольствіи, которое Минерва испытываетъ, стоя на рукѣ Домиціана, и еще пригодятся намъ впослѣдствіи.

И такъ, Стацій изображаетъ статую Домиціана слѣдующимъ образомъ. Изваяніе огромныхъ размѣровъ; матеріалъ его — мѣдь; императоръ, верхомъ на скачущемъ или взвившимся на дыбы конѣ, одѣтый въ плащъ и, вѣроятно, въ латы (особеннаго рисунка, если онѣ у Стація въ самомъ дѣлѣ назывались эгидой), правую руку съ распростертыми пальцами протягиваетъ впередъ (въ знакъ умиротворенія), а на лѣвой держитъ Минерву, вооруженную щитомъ съ изображеніемъ Медузиной головы. Таковы черты, обнаруживающіяся съ перваго взгляда; но изъ сопоставленія ихъ между собою легко вывести и другія данныя для возсозданія памятника. Если всадникъ держитъ Минерву на рукѣ, это значитъ, что она значительно меньше его (едва-ли болѣе $^1/_6$ его роста). Если она „отягощаетъ" его лѣвую руку, положеніе фигуры относительно руки близко къ перпендикулярному и притомъ вертикально, откуда слѣдуетъ, что рука или, по крайней мѣрѣ, нижняя часть ея (отъ локтя до кисти) поставлена приблизительно параллельно горизонту. Если правая рука вытянута, поводья должны находиться въ лѣвой (какъ обыкновенно), а потому эта рука была согнута въ локтѣ, который былъ прижатъ къ боку. Если конь, тѣмъ не менѣе, видитъ изображенную на щитѣ или эгидѣ Минервы голову Медузы, лѣвый глазъ коня, очевидно, смотритъ налѣво, а это возможно лишь при поворотѣ головы въ ту-же сторону, а для такого поворота лѣвый поводъ долженъ быть натянутъ, а правый—отпущенъ. Если при этомъ поворотѣ головы конь скакалъ, аллюръ его былъ галопъ съ правой ноги, изъ чего видно, что правая нога всадника была отведена назадъ и прижата къ боку коня, а лѣвая висѣла вольно. Такимъ образомъ, тѣло коня было направлено по кривой линіи, внутреннюю часть которой составляла лѣвая его сторона, а внѣшнюю—правая. Съ положеніемъ коня согласовалось и положеніе всадника: такъ какъ его лѣвое плечо и правая нога были отведены назадъ, а правая рука была поднята и вытянута, почему и правое плечо выдвигалось впередъ, вся лѣвая сторона его тѣла была нѣсколько сжата, а правая—развернута.

Въ этихъ соображеніяхъ можетъ показаться сомнительнымъ аллюръ коня, необычный въ древней скульптурѣ: греческіе, а за ними и римскіе, ваятели, на барельефахъ охотно представлявшіе коней скачущими, въ статуяхъ довольствовались обыкновенно изображеніемъ рыси или даже намекомъ на рысь, такъ какъ этотъ аллюръ замѣтенъ только въ переднихъ ногахъ, тогда какъ заднія лишь нѣсколько разставлялись (и то не

всегда), чтобы одна была впереди другой, какъ бываетъ при шагѣ. Такая неестественная постановка, вслѣдствіе которой спереди виденъ одинъ аллюръ, а сзади—другой, вызывалась, вѣроятно, заботой объ устойчивости статуи. Одно исключеніе указано мнѣ профессоромъ А. Н. Шварцемъ: это бронзовая конная статуэтка Александра Македонскаго, воспроизведеніе статуи неизвѣстнаго художника изъ школы Лисиппа. Здѣсь конь представленъ поднявшимся на дыбы, но для осуществленія этого новшества понадобилась подпорка въ видѣ стрѣлы, поддерживающая животъ скакуна *). Которымъ изъ этихъ двухъ способовъ воспользовался художникъ, компоновавшій статую Домиціана, едва-ли возможно выяснить безъ помощи какихъ-нибудь новыхъ открытій, но весьма вѣроятно, что онъ предпочелъ первый, какъ болѣе реальный, особенно при галопѣ съ одной ноги. Дѣло въ томъ, что при этомъ аллюрѣ лошадь присѣдаетъ на заднія ноги, а переднія поднимаетъ не равномѣрно. Такимъ образомъ, ваятель могъ схватить такой моментъ, когда конь, опершись на заднія

*) Есть и другое скульптурное изображеніе скачущаго коня, на которое обратилъ мое вниманіе также проф. Шварцъ. Это — обломокъ мраморной конной статуи, найденный въ Галикарнасѣ, у сѣверной стороны Мавзолея. Сохранилась лишь самая массивная часть изваянія—корпусъ коня (безъ головы и безъ ногъ) и на немъ ноги всадника (безъ ступней и примыкающія къ нимъ части его тѣла приблизительно до пояса (по крайней мѣрѣ, съ правой стороны, а съ лѣвой — вѣроятно, нѣсколько выше, такъ какъ Ньютонъ говоритъ о локтѣ и кисти). Мнѣ эта статуя извѣстна только по рисунку въ Geschichte der griechischen Plastik Овербека (viertes Buch, S. 74), гдѣ она представлена только съ праваго бока. Этотъ недостатокъ до нѣкоторой степени восполняется приложеннымъ тутъ-же превосходнымъ описаніемъ Ньютона. Судя по направленію остатковъ переднихъ ногъ, онѣ были подняты такъ, что конь стоялъ на заднихъ. На рисункѣ не видно никакихъ признаковъ подставки, и, по свидѣтельству проф. Шварца, видѣвшаго этотъ торсъ въ Британскомъ музеѣ, ихъ нѣтъ и въ подлинникѣ. Однако, едва-ли возможно допустить, чтобы конь держался на однихъ заднихъ ногахъ. Такая сравнительно слабая опора мыслима при постановкѣ коня на дыбахъ,— пожалуй (хоть и то трудно), на крутомъ курцъ-галопѣ; но галикарнасскій конь, судя по посадкѣ наѣздника, откинувшагося назадъ, находился въ положеніи, болѣе близкомъ къ горизонтальному, нежели то, въ которомъ бываетъ лошадь, когда стоитъ на дыбахъ. Насколько уцѣлѣла лѣвая нога всадника, на рисункѣ не видно, да и Ньютонъ говоритъ только о правой; правая же сильно согнута въ колѣнѣ и вся крѣпко прижата къ боку коня, но шенкель отведенъ назадъ лишь на столько, что каблукъ (если бы онъ сохранился) пришелся бы немного позади подпруги (впрочемъ, также не существующей и даже не существовавшей, такъ какъ лошадь не осѣдлана). Корпусъ всадника былъ, повидимому, не только откинутъ, но и отодвинутъ къ крупу, какъ это возможно лишь при отсутствіи сѣдла. Совокупность всѣхъ этихъ чертъ заставляетъ предполагать, что конь былъ изображенъ не скачущимъ въ галопъ (о карьерѣ и рѣчи быть не можетъ), а прыгающимъ черезъ какой-нибудь невысокій предметъ, напр. пень. Онъ-то, вѣроятно, и служилъ опорой коню. Если такая подставка была изъ одного куска не со статуей, а съ ея цоколемъ или сработана особо, то совершенно понятно, почему на животѣ коня нѣтъ слѣдовъ какого-либо нѣкогда соединеннаго съ нимъ предмета. Вообще слѣдуетъ, кажется, принять за правило, что какъ у грековъ такъ и у римлянъ мраморныя изваянія коней, не только скачущихъ, но и стоящихъ на дыбахъ, всегда снабжались подпорками. Если бы упомянутая въ текстѣ статуя Александра дошла до насъ въ подлинникѣ, который былъ изъ мрамора и, вѣроятно, не меньше естественной величины, конь оказался бы опертымъ, конечно, не на что-то въ родѣ стрѣлы, а на предметъ, болѣе объемистый.

ноги и уже взмахнувъ правой передней, еще не успѣлъ поднять съ земли лѣвую. Для постановки его въ такомъ положеніи стоило только довольно круто подогнуть его заднія ноги подъ двумя разными углами согласно съ разстояніемъ между задними копытами по продольной линіи основанія и согнуть лѣвую переднюю въ колѣнѣ и въ бабкѣ лишь на столько, чтобы передній край копыта оставался на землѣ. При такой постановкѣ конь опирался на три ноги, — на обѣ заднія и на лѣвую переднюю, чего было достаточно, тѣмъ болѣе, что центръ тяжести всадника помѣщался ближе къ лѣвой сторонѣ, хотя, вѣроятно, не такъ сильно въ сторону, какъ въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ новѣйшихъ скульпторовъ, при взглядѣ на которыя всякій, кто когда-либо сидѣлъ въ сѣдлѣ, платитъ невольную дань удивленія по истинѣ кошачьей цѣпкости всадника, въ другихъ отношеніяхъ отнюдь непохожаго на кошку. Впрочемъ, какъ мы увидимъ ниже, весьма вѣроятно, что и правая передняя нога коня не висѣла на воздухѣ.

Таковы были мои представленія о колоссѣ Домиціана на основаніи выше приведеннаго мѣста Стація. Но для того, чтобы провѣрить ихъ и уяснить себѣ вопросъ объ одновременномъ держаніи Минервы и повода въ лѣвой рукѣ, я рѣшилъ поискать нумизматическихъ данныхъ, на которыя возлагалъ тѣмъ бо̀льшія надежды, что подлинникомъ для изображеній на монетахъ и медаляхъ нерѣдко служили художественныя произведенія, чему блестящій примѣръ представляетъ анхіальская монета, сохранившая, какъ показалъ проф. Шварцъ, фигуру Праксителева Гермеса (Археол. Изв. 1893, № 3—4). Съ просьбой о помощи при этихъ разъисканіяхъ я обратился къ А. В. Орѣшникову и получилъ отъ него всяческое содѣйствіе въ видѣ не только выписокъ изъ пособій, но и самыхъ монетъ, которыя оказались въ его распоряженіи (впрочемъ не Домициановыхъ). Вотъ описаніе нѣсколькихъ относящихся къ нашему памятнику монетъ, заимствованное изъ 1-го тома сочиненія Henry Cohen, Description historique des monnaies frappées sous l'empire romain.

373. CAES. DIVI F. DOMITIANVS COS VII. Sa tête laurée.

Rev. PRINC. IVVENT. Domitien galopant à droite, tenant un sceptre et étendant la main droite.

388. CAESAR. AVG. F. DOMITIAN. COS. VI. Sa tête laurée.

Rev. PRINCEPS IVVENTVTIS. S. C. Domitien à cheval à gauche, levant la main droite et tenant un sceptre surmonté d' une tête humaine. 830—832=77—79 [6]).

---

[6]) Года отъ основанія Рима и отъ Р. Х.

400. Надписи тѣ-же, но COS., II, и такая-же увѣнчанная лаврами голова Домиціана, а изображеніе на обратной сторонѣ: Domitien à cheval à gauche, tenant un sceptre et levant la main droite. 826=73.

Снимокъ въ Collection de M. le Vicomte E. De Quelen. Paris 1888, planche III № 993 (or). Аверсъ: голова Домиціана въ вѣнкѣ; кругомъ надпись: CAES. AVG. F. DOMIT. COS. II. Реверсъ: императоръ на конѣ, скачущемъ въ галопъ налѣво и почти поднятомъ на дыбы, съ правой передней ногой выше лѣвой, съ соединенными задними, съ развѣвающимся хвостомъ; у всадника правая рука съ разставленными пальцами простерта впередъ, лѣвая опущена до бедра; въ ней жезлъ съ человѣческой головой, кажется, въ шлемѣ. Поводьевъ не видно, но о нихъ ничего не сказано и въ описаніяхъ Когена. Зато они являются на одномъ медальйонѣ Марка Аврелія, также указанномъ мнѣ А. В. Орѣшниковымъ; здѣсь императоръ изображенъ на конѣ, идущемъ шагомъ или ходою; правая рука всадника поднята и протянута, какъ у Домиціана, а лѣвая держитъ поводъ и скипетръ съ шаромъ на верхнемъ концѣ.

Я очень сожалѣю о томъ, что монеты, описанныя Когеномъ, извѣстны мнѣ со словъ этого нумизмата, а не по рисункамъ: онъ говоритъ только, что императоръ представленъ верхомъ на конѣ и всего лишь одинъ разъ опредѣляетъ аллюръ коня, да и то не совсѣмъ точно, такъ какъ галопъ у лошади полудикой бываетъ съ обѣихъ переднихъ ногъ вмѣстѣ, а выѣзженная по-манежному, какъ выѣзжались лошади и въ императорскомъ Римѣ, идетъ галопомъ или съ правой или съ лѣвой ноги, смотря по тому, съ которой стороны натянутъ поводъ и прижатъ шенкель. Правда, и на рисункѣ де-Келена нельзя ручаться за частности аллюра, однако то обстоятельство, что правая передняя нога поднята выше лѣвой,—можетъ быть, не простая случайность. Какъ бы то ни было, при всемъ сходствѣ Домиціановой статуи по описанію Стація съ конными изображеніями того-же императора на монетахъ есть однако-же между тѣмъ и другими замѣтная разница въ трехъ пунктахъ. 1) Въ изваяніи конь былъ свернутъ, а потому, вѣроятно, собранъ и посаженъ на заднія ноги, тогда какъ на монетахъ онъ вытянутъ въ прямую линію. 2) Въ изваяніи Домиціанъ держалъ лѣвой рукой поводья, которыя и натягивалъ съ лѣвой стороны (иначе конь не смотрѣлъ бы налѣво), а на монетахъ поводьевъ нѣтъ. 3) Стацій говоритъ о Минервѣ на лѣвой рукѣ императора, а на монетахъ онъ держитъ въ той-же рукѣ жезлъ съ человѣческой головой.

Первое изъ этихъ различій не существенно въ вопросѣ о видѣ Домиціанова колосса, потому что зависитъ отъ причинъ техническихъ,

связанныхъ съ условіями скульптуры съ одной стороны и монетнаго искусства съ другой: ваятель свободно пользуется всѣми тремя измѣреніями, а монетчикъ или медальёръ въ одномъ изъ нихъ, именно въ толщинѣ (или въ глубинѣ), значительно стѣсненъ. Это измѣреніе онъ можетъ изобразить лишь въ очень ограниченной степени, особенно на монетѣ, предназначенной не для храненія, а для обращенія по рукамъ. При изображеніи сколько-нибудь толстаго предмета, т. е. такого, который представляется болѣе или менѣе глубоко вдающимся въ поверхность поля монеты или высоко выступающимъ надъ нею, монетчикъ вынужденъ прибѣгнуть къ раккурсу, а для примѣненія этого пріема у него нѣтъ такихъ средствъ, какими располагаетъ живописецъ, производящій тѣнями оптическое впечатлѣніе глубины. Особенно безпомощенъ въ этомъ отношеніи былъ древній художникъ, плохо справлявшійся съ перспективой. Впрочемъ, уже и по самой своей сущности раккурсъ не принадлежитъ къ числу законныхъ пріемовъ ваянія, хотя бы и барельефнаго, которое во всякомъ случаѣ должно воспроизводить всѣ измѣренія въ дѣйствительности, а не посредствомъ оптическаго обмана. Вообще условность въ изображеніи глубины на монетахъ сводится къ сравнительной плоскости изображаемаго предмета; такъ человѣческая голова далеко не имѣетъ на нихъ естественной округлости. Въ силу этихъ условій изобразить два округлыхъ предмета одинъ на другомъ, напр., повернутую къ зрителю лошадиную голову на фонѣ шеи, представляется дѣломъ въ высшей степени труднымъ для монетнаго художника. Правда, на которыхъ монетахъ мы находимъ изображенія цѣлой четверки лошадей, обращенныхъ не только лбами, но всею передней частью прямо впередъ, и позади, на почти невидной колесницѣ, фигуру императора,— все, конечно, въ сильномъ раккурсѣ; но это уклоненіе отъ общаго правила объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что подлинниками для такихъ рисунковъ служили не самостоятельныя статуи, которыя можно обозрѣвать со всѣхъ сторонъ, а помѣщенныя надъ фасадомъ какого-нибудь сооруженія, напр., арки, въ которыхъ снизу почти только и видно, что переднюю сторону коней, да верхнюю часть тѣла возницы. Встрѣчается и по четыре лошади рядомъ въ профиль, но это гораздо легче исполнить на плоскости, нежели сильно выпуклыя части одного и того-же предмета, какъ при изображеніи лошади, поставленной на галопъ съ одной ноги. Потому совершенно естественно, что въ монетной копіи такой скульптурной фигуры лошадь, такъ сказать, развертывалась, т. е. вытягивалась въ прямую линію.

Отсутствіе поводьевъ на монетѣ объясняется также техническими условіями. Для того, чтобы былъ виденъ жезлъ въ лѣвой рукѣ импе-

ратора, фигуру обращали къ зрителю лѣвой стороной (помѣтка Когена при № 373 „galopant à droite“ очень подозрительна), а такъ какъ та-же рука, если бы держала и поводья, была бы приподнята въ уровень съ шеей коня, то жезлъ казался бы торчащимъ чуть не подъ носомъ всадника. Безспорно, эту техническую трудность можно преодолѣть, что и сдѣлалъ художникъ, изготовлявшій рисунокъ монеты Марка Аврелія; но при малыхъ размѣрахъ фигуръ на монетахъ легче и проще было опустить жезлъ ниже, а безсмысленные при такомъ положеніи руки поводья устранить совсѣмъ. Понятно, что при такой постановкѣ, которая вполнѣ зависѣла отъ управленія поводьями, какъ, напр., галопъ съ одной ноги, такой пропускъ былъ бы нелѣпостью, но при естественномъ крупномъ галопѣ или при карьерѣ онъ не такъ бросался въ глаза, почему и помимо монетъ Домиціана мы встрѣчаемъ изображенія всадниковъ на вольно скачущихъ коняхъ безъ поводьевъ. Впрочемъ при статуэткѣ Александра поводья изображены.

Труднѣе объяснить замѣну Минервы жезломъ, но и здѣсь, повидимому, рѣшающее значеніе имѣла техника. Въ самомъ дѣлѣ, если казалось неудобнымъ помѣстить жезлъ у самаго лица императора, то еще труднѣе было на той-же высотѣ найти мѣсто цѣлой богинѣ, хоть и въ уменьшенномъ размѣрѣ сравнительно со всадникомъ, но все-же занимающей болѣе широкое пространство, чѣмъ жезлъ, особенно когда эта богиня держала въ рукахъ щитъ или эгиду съ Медузиной головой. Опустить ее ниже, какъ жезлъ, значило перевернуть ее внизъ головой, словно какую-нибудь куклу. Вотъ, вѣроятно, причина, по которой художникъ предпочелъ замѣнить Минерву бездушнымъ жезломъ съ какой-то неопредѣленной человѣческой головой, тѣмъ болѣе, что такой жезлъ встрѣчается на монетахъ часто, въ чемъ я удостовѣрился по экземплярамъ, любезно показаннымъ мнѣ А. В. Орѣшниковымъ. Что же касается статуи, то на ней Минерва могла быть изображена не только въ видѣ изваянія богини, но и какъ живое существо, державшееся на рукѣ собственными силами, подобно богинѣ побѣды при нѣкоторыхъ статуяхъ, что̀ было бы вполнѣ согласно съ тѣмъ благоволеніемъ, съ которымъ она будто-бы относилась къ Домиціану.

Подведемъ итоги тѣмъ даннымъ, которыя можно извлечь изъ стихотворенія Стація для возсозданія Домиціанова колосса.

Онъ былъ воздвигнутъ на нижнемъ (сѣверо-западномъ) концѣ Римскаго форума между Капитоліемъ и святилищемъ Согласія (aedicula Concordiae), къ которымъ онъ стоялъ спиной (ст. 31) [7]), и между алта-

---

[7]) Terga Pater placidoque videt Concordia vultu.

ремъ, носившимъ названіе Курціева озера (lacus Curtius), къ которому онъ, очевидно, былъ обращенъ лицемъ. Что мѣсто памятника было именно здѣсь, видно изъ ст. 65, гдѣ Курцій называется стражемъ мѣста (Ipse loci custos), а что онъ стоялъ ниже алтаря, доказывается двумя другими топографическими опредѣленіями: справа отъ него находилась Basilica Iulia, а слѣва—Basilica Aemilia (ст. 29—30) [8]). Если бы онъ былъ поставленъ по ту сторону алтаря, дальше на юго-востокъ, Стацій едва-ли удержался бы отъ опредѣленія мѣста по храму другого великаго всадника, Кастора, слѣдовавшему, кажется, непосредственно за Юліевой базиликой въ юго-восточномъ направленіи и также упоминаемому Стаціемъ, но въ иной связи [9]). При такомъ помѣщеніи памятника особенный смыслъ получаютъ слова Курція (ст. 81—83), что, если бы Домиціанъ жилъ въ его время, а Курцій не рѣшился бы броситься въ открывшееся на форумѣ озеро, то на это отважился бы Домиціанъ, но Римъ удержалъ бы его коня. Самъ Стацій упоминаетъ изъ предметовъ, находящихся впереди памятника, лишь храмъ Юлія Цезаря [10]), имѣя въ виду не столько точное указаніе пункта на площади, сколько его квалификацію (ст. 22: „сооруженію соотвѣтствуетъ мѣсто"), для чего и беретъ три храма—Юпитера Капитолійскаго, Согласія и основателя царственнаго положенія Юліевъ.

Громадный (если вѣрить ст. 33, выше храмовъ) памятникъ отлитъ изъ мѣди или, пожалуй, бронзы [11]). Императоръ изображенъ сидящимъ на конѣ. На плечахъ у него хламида, на боку виситъ мечъ [12]), на ногахъ шпоры [13]). Правая рука его съ разставленными пальцами протянута впередъ, лѣвая прижата локтемъ къ боку и согнута почти подъ

---

8) At laterum passus hinc Iulia templa tuentur,
Illinc belligeri sublimis regia Paulli.

Несмотря на выраженіе templa, здѣсь разумѣется не aedes Iulia, находившаяся на юго-восточномъ концѣ форума, а несомнѣнно базилика, что ясно изъ противопоставленія базилики Эмиліевой.

9) Ст. 52—54: Hunc et Adrasteus visum extimuisset Arion
Et pavet aspiciens Ledaeus ab aede propinqua
Cyllarus.

10) Ст. 22—24: Par operi sedes: hinc obvia limina pandit,
Qui fessus bellis adscitae munere prolis
Primus iter nostris ostendit in aethera divis.

11) Светоній (гл. 13) говоритъ, что Домиціанъ „разрѣшилъ ставить ему статуи въ Капитоліи только изъ золота или изъ серебра и притомъ опредѣленнаго вѣса". Можетъ быть, это распоряженіе относилось лишь къ статуямъ именно въ Капитоліи, а не въ другихъ мѣстахъ. Во всякомъ случаѣ употребленіе благородныхъ металловъ въ качествѣ исключительнаго матеріала для уличной статуи огромныхъ размѣровъ было бы такимъ самодурствомъ, передъ которымъ отступилъ бы самъ Домиціанъ.

12) Ст. 43 слѣд.: latus ense quieto (т. е. въ ножнахъ)
Securum.

13) Ст. 49 слѣд. (см. ниже примѣч. 15)

прямымъ угломъ; въ сжатыхъ ея пальцахъ поводья, а на кисти или на пясти Минерва, держащая передъ собой щитъ или эгиду съ головой Медузы. Лѣвое плечо всадника подалось назадъ, правое выдвинуто впередъ. Лѣвая нога свѣшена вольно, правая отведена назадъ и прижата къ боку коня. Лице императора выражаетъ воинственность и вмѣстѣ миролюбіе [14]), которое сказывается и въ движеніи правой руки. Конь, полный огня, начинаетъ галопъ съ правой ноги; грива у него поднялась отъ сопротивленія воздуха; голова притянута поводомъ налѣво, вслѣдствіе чего лѣвая ея сторона, вѣроятно, нѣсколько ниже правой, но такъ какъ конь осаженъ на заднія ноги, морда не кажется опущенной. Подъ его ногами лежитъ скованная фигура олицетворенной рѣки Рейна впередъ головой, на которую опущено копыто коня, вѣроятно, правое [15]).

Таковъ былъ, повидимому, общій видъ колосса, несомнѣнно красивый, а еще того больше—эффектный. До эффекта римляне были большіе охотники и умѣли его достигать какъ въ словесныхъ, такъ и въ образовательныхъ искусствахъ: въ первыхъ—громозвучной фразой или реторическимъ сопоставленіемъ, и въ обоихъ случаяхъ тщательной отдѣлкой формы, въ послѣднихъ — громадными размѣрами или бросающимся въ глаза соотношеніемъ частей и такой-же тщательной отдѣлкой подробностей. Какова была работа Домиціановой статуи, мы, конечно, въ точности не знаемъ, но едва-ли ошибемся, если предположимъ, что послѣ отливки кое-какія мелочи въ ней были отдѣланы рѣзцемъ. Что же касается общаго эффекта, то, помимо величины, все изваяніе цѣликомъ было воплощеніемъ любимой римлянами реторической фигуры, антитеза: съ одной стороны все сжато, стѣснено, все указываетъ на силу, готовую преодолѣть и покорить всякое сопротивленіе, съ другой—и конь, и всадникъ развернуты во все свое протяженіе, и виденъ знакъ, сулящій повсемѣстное водвореніе мира. Но этотъ антитезъ поражаетъ своею рѣзкостью лишь тогда, когда зритель, разсмотрѣвъ одну сторону памятника, перейдетъ къ другой; какъ только онъ взглянетъ на него спереди, противоположныя свойства всадника

---

[14]) Ст. 15 слѣд.: Hunc mitis commendat eques. Iuvat ora tueri
Mixta notis belli placidamque gerentia pacem

[15]) Ст. 46—51:

At sonipes habitus animosque imitatus equestres
Acrius attollit vultus cursumque minatur;
Cui ridigis stant colla iubis, vivusque par armos
Impetus, et tantis calcaribus ilia late
Suffectura patent. Vacuae pro caespite terrae
Aenea captivi crinem terit ungula Rheni.

окажутся въ его глазахъ примиренными самымъ удовлетворительнымъ образомъ: этотъ гигантъ, соединяющій въ себѣ грозную мощь и миролюбіе, проявляетъ первую лишь для водворенія тишины и порядка въ своихъ обширныхъ владѣніяхъ; конь его черезъ тѣло опрокинутаго нарушителя общаго покоя скачетъ туда, куда обращенъ взоръ всадника и куда простерта его рука, устраняющая отъ государства бѣдствія войны.

Ѳ. Коршъ.

II

Славянскіе стихи монаха Мардарія Хоникова къ лицевой Библіи Пискатора.

Извѣстно, что лицевая Библія Пискатора играла весьма важную роль въ исторіи русскаго искусства. Рисунки изъ нея послужили оригиналами для нѣсколькихъ русскихъ иллюстрированныхъ изданій какъ всей Библіи, такъ и отдѣльныхъ ея частей, или для особыхъ картинокъ на библейскіе сюжеты [1]). По гравюрамъ Библіи Пискатора производились стѣнныя росписи многихъ русскихъ церквей въ XVII и XVIII в. [2]). Вліяніе гравюръ Пискатора замѣтно также на лицевыхъ русскихъ рукописяхъ, напр. Страстей Господнихъ и Апокалипсиса [3]).

Первое изданіе Библіи Пискатора вышло въ Амстердамѣ въ 1650 году подъ заглавіемъ: „Theatrum Biblicum, hoc est historiae veteris et novi testamenti tabulis aeneis expressae. Opus praestantissimorum hujus ac superioris seculi pictorum atque sculptorum summo studio conquisitum et in lucem editum per Nicolaum Johannis Piscatorem. Anno 1650". Это — большое изданіе въ листъ, въ длину, на 459 листахъ, выгравированныхъ Садлерами и многими другими граверами по рисункамъ Гемскера, Мартина Дево и др. Картины этой Библіи выходили сначала отдѣльными театрадями, а въ 1650 году выпущены въ одной книгѣ. Въ 1674 году вышло новое изданіе подъ тѣмъ же заглавіемъ. Для

---

[1]) См. *Ровинскаго* „Русскія народныя картинки" 1881 г., текстъ, по указателю въ т. V подъ именемъ *Пискаторъ*.

[2]) Много указаній на это можно найти въ трудѣ *Н. В. Покровскаго*: „Стѣнныя росписи въ древнихъ храмахъ греческихъ и русскихъ". Труды VII археол. съѣзда въ Ярославлѣ, т. I, М. 1890.

[3]) См. ibid., стр. 284, 288.

Библіи Пискатора послужила образцомъ и источникомъ Biblia ad vetustissima exemplaria nunc recens castigata... Francofurti ad Moenum. 1566. Fol. [1]). Копировка картинъ изъ Библіи Пискатора русскими граверами началась весьма рано, повидимому еще до выхода полнаго изданія 1650 года [2]). Но особенное распространеніе въ Россіи получило изданіе Библіи Пискатора 1674 года. Ея вліяніе видно на гравюрныхъ работахъ монаха Иліи (лицевая Библія), Кореня (лицевая Библія и Апокалипсисъ), Григорія Тепчегорскаго, іерея Прокопія (Апокалипсисъ) и многихъ другихъ [3]). Особенно много копировали изъ Пискатора ученики извѣстнаго гравера Петровскаго времени Шхонебека (пріѣхавшаго въ Россію въ 1698 году), какъ, напр., Алексѣй и Иванъ Зубовы, Петръ Бунинъ, Василій Ильинъ Томиловъ [4]). Г. Ровинскій предполагалъ, что Шхонебекъ, вѣроятно, и привезъ въ Россію Пискаторову Библію въ изд. 1674 года [5]), но, какъ увидимъ далѣе, она появилась въ Россіи ранѣе, вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ.

Въ Библіи Пискатора находятся подъ всѣми картинами подписи на латинскомъ языкѣ, бо́льшею частію въ стихахъ, съ указаніемъ соотвѣтствующихъ главъ и стиховъ библейскаго текста. Въ русскихъ гравированныхъ изданіяхъ по образцу Пискатора находятся также подписи въ стихахъ на русскомъ языкѣ, таковы описанныя у Ровинскаго № 811 Библія мастера „ІД“, № 813 копія съ нея въ обратную сторону, работы Нехорошевскаго, № 819 Лицевой Апокалипсисъ, № 840 Пѣсни Пѣсней царя Соломона, работы А. Зубова 1740 г., № 861 Страсти Господни, работы Бунина, № 876 Тайная вечеря, работы А. Зубова, № 912 Распятіе со страстями, работы Нехорошевскаго, и др. [6]). Всѣ эти вирши подъ гравюрами напечатаны г. Ровинскимъ [7]). Въ указанныхъ въ примѣчаніи 5 экземплярахъ Библіи Пискатора, разсмотрѣнныхъ Ровинскимъ, латинскія подписи переведены по славянски и подписаны перомъ, полууставомъ, подъ каждымъ изображеніемъ [8]). Г. Ровинскій не говоритъ, въ

---

[1]) *Ровинскій*, „Русск. нар. карт.“, IV, 590.

[2]) Ibid.

[3]) См. у *Ровинскаго* по указателю къ „Р. нар. карт“ подъ Пискаторовой Библіей.

[4]) *Ровинскій*. Русскіе граверы. М. 1870, стр. 346, ср. стр. 34.

[5]) Ibid., стр. 34. По словамъ г. Ровинскаго въ Москвѣ есть нѣсколько полныхъ и отлично сохраненныхъ экземпляровъ: въ Музеумѣ (изъ собранія П. И. Севастьянова), у Е. М. Маковскаго, у Ровинскаго, у И. И. Астафьева и въ библіотекѣ Троицкой лавры. Ibid., стр. 346. Послѣдній экземпляръ, какъ видно изъ скрѣпы по листамъ, принадлежалъ патріарху Адріану.

[6]) „Русск. нар. карт.“, т. III, см. подъ соотвѣтствующими №№.

[7]) Ibid.

[8]) „Русскіе граверы“, стр. 346. Бывшій у насъ въ рукахъ экземпляръ Пискаторовой Библіи, недавно пріобрѣтенный Рум. Муз., славянскихъ подписей не имѣетъ; экземпляръ этотъ не полный и плохой сохранности.

стихахъ ли сдѣланъ переводъ, или въ прозѣ. Въ экземплярѣ Библіи Пискатора, на который ссылается Н. В. Покровскій, славянскія подписи сдѣланы въ стихахъ скорописью XVII вѣка [1]). Стихотворныя подписи встрѣчаются также и на церковныхъ стѣнныхъ росписяхъ, сдѣланныхъ по образцамъ рисунковъ въ Библіи Пискатора [2]).

Кто сочинялъ стихотворныя славянскія подписи къ латинскимъ экземплярамъ Библіи Пискатора, равно какъ и къ русскимъ гравированнымъ изданіямъ библейскихъ картинъ и стѣннымъ росписямъ, указаній на это мы нигдѣ не встрѣчали. Равнымъ образомъ нѣтъ у г. Ровинскаго свѣдѣній (за исключеніемъ нѣкоторыхъ случаевъ, отмѣчаемыхъ ниже) о томъ, сочинялись ли подписи нарочно для гравированныхъ изданій, или же брались готовыя уже. Для разъясненія этихъ вопросовъ мы нашли весьма цѣнныя данныя, съ которыми и желаемъ познакомить интересующихся судьбою Библіи Пискатора въ Россіи. У насъ находится въ рукахъ рукопись [3]) 4° въ кожаномъ переплетѣ на 127 л. превосходной крупной скорописи Петровскаго времени подъ заглавіемъ на первомъ листѣ:

СІѦ КНИГА БИБЛІѦ

Издана оудобнѣйшаго ради познанія (на полѣ: вѣденія).

Изѡбраженныхъ немецкіѧ резбы лицъ.

Которыѧ лица печатаны вцѣлый лист, въ лѣто ҂ахоѳ.

Спописью Латінскаго ꙗзыка.

А вмосквѣ сочинена краткими виршами, имѣющи всебѣ 1912 виршей,

А подлинно

Ветхомъ завѣте 951.

Новомъ завѣте 847.

во Апокалїѵисѣ 100.

къ Читателю 14.

Всего 1912.

На л. 2 находится второе заглавіе: Преводъ библіи латінскіѧ личныѧ преведенный виршами. Имѣющіи всебѣ виршей 1912.

---

[1]) „Стѣнныя росписи“, стр. 288, примѣч. 1.

[2]) См. у *Н. В. Покровскаго*, ibid. Намъ припоминаются такія подписи подъ изображеніями на книгу Пѣсни Пѣсней въ Спасскомъ соборѣ въ г. Романовѣ-Борисоглѣбскѣ.

[3]) Собственность И. Н. Михайловскаго въ Нѣжинѣ.

На оборотѣ 2-го листа находится:

ѡ̓писа́нїе
на листъ а҃.

1. Зрѣ́лище сіе̂ е̂сть кни́гъ бж҃твенныхъ,
вѣ́тхихъ и̓ но́выхъ повѣсте́й с҃ще́нныхъ.
2. Мѣ́дными дска́ми бы́сть и̓зѡ̓бражѐнно,
хи́трыми ѕѣло̀ творцы́ сотворе́нно.
И҃же пре́жде си́хъ времѐнъ вмїрѣ̀ бы́ша,
и̓ и̓же всїя̀ времена̀ пожи́ша.
3. Преизря́днїи їко́нъ писа́тели
и̓му́дрїи си́хъ весма̀ вая́тели.
Сія̀ же собра̀ свѐлїимъ тща́нїемъ
и̓произведѐ вмї́ръ сприлѣжа́нїемъ.
4. Му́жъ му́дръ НІКОЛА́Й, с҃нъ їѡ̓а́нно҃ сы́и̓,
ПИСКА́ТОРЪ зово́мъ, худо́жество сѐ и̓мы́й,
Ты̀ща ше́сть со́тъ се̂мьдесятъ вчетве́ртомъ,
лѣ́тѣ, похр҃тѣ накр҃тѣ̀ просте́ртомъ.
Дѣла̀ б҃жїя здѣ́ и̓зѡ̓бражѐнна,
И҃же всѐмъ мїрѣ̀ ди́вно сотворе́нна.
Зри́телю чт҃ны́й на сїя̀ взира́я,
Бл҃готвори́ же, Творца̀ прославля́я.

Изъ этого стихотворнаго „описанія на листъ первый“ видно, что оно представляетъ собою не что иное, какъ переложеніе въ стихи съ нѣкоторыми распространеніями приведеннаго въ началѣ нашей замѣтки латинскаго заглавія Библіи Пискатора 1674 года и слѣдующей латинской стихотворной подписи подъ рисункомъ на выходномъ листѣ:

Facta stupendā Dei, Populi delicta profani,
Horribiles poenas, Magnis quae digna trophaeis
Heroum gessêre manus, Lapsusque Piorum:
Hoc tibi, Spectator, doctâ exhibet arte Theatrum.

Съ листа 3-го нашей рукописи идутъ строфы виршей къ отдѣльнымъ листамъ Пискаторовой Библіи подъ №№, обозначенными славянскими буквами в҃, г҃, д҃ и т. д. Всѣхъ строфъ въ рукописи помѣчено 468, вѣроятно, соотвѣтственно количеству листовъ того экземпляра Пискаторовой Библіи, который былъ подъ руками у автора. Кто былъ авторомъ виршей и когда ихъ сочинялъ, открывается изъ слѣдующаго обращенія къ читателю, помѣщеннаго въ концѣ (на л. 98):

К҃ чита́телю.

Му́дрости сла́ва бу́ди Бг҃у пода́телю,
о҃цу҃, с҃ну҃, и д҃ху. Мі́ра созда́телю.
Наꙋчи́вшему дѣ́ло се бла́го нача́ти,
а҃бл҃говоли́вшему впо́лзу всѣ́хъ сконча́ти.
Худо́жнѣ ли́ца вкни́зѣ се́й и҃з҃ѡбраже́нна,
мѣ́рными славе́нскими стихи́ и҃зъясне́нна.
Асіѐ бысть тща́ніемъ му́жа всебл҃га́го,
рачи́теля писа̀ніи весма̀ предрага́го.
До́бръ у҃бо се́й, до́брыхъ же желатель соверше́нъ
а҃ѳана́сій и҃менемъ, ї҃ѡа́нномъ рожде́нъ.
Реко́мый Ѳедосі́евъ, и҃же мя пону́ди,
і҃и҃съ же хр҃та̀, се́й цр҃тва о҃бщникъ бу́ди.
Ѝси́це а҃зъ преслу́шникъ ѕо́лъ все́м несмѣ́хъ бы́ти,
худоꙋ́менъ сы́й дерзну́хъ сі̀я (стіхи́) сочини́ти.
Ѡба́че, чита́телю, и҃зрещи̇̀ дерза́ю,
неда́ждь зои́лу мѣ́ста, тебѐ у́моля́ю.
И҃же зави́стливъ сы́й ѕра́гъ, и҃благи́хъ нещадя́й,
кова́ренъ бо ѕлы́й, сему̀ никогда̀ же внима́й.
О҃наго ѕлобу тще́тну пр҃но поверга́я,
ве́село же нху́ды труды̀ призира́я.
Твое́ю му́дростію гру́бая и҃спра́ви,
рабу́же ми́лостиве твоему̀ ѡ҃ста́ви.
Оу҃се́рдіе моѐ все́мъ бо́лѣе возлюби̇̀,
долгихъ же мои́хъ трудо́въ вотщѐ непогуби̇̀.
Ѝзда́вый, се́мь ты́сящь сто̀ о҃смьдеся́т седма́го,
лѣ́по хвали́ти до́лжен̾ствую творца̀ бл҃га́гѡ.
Стро́ящаго всѐ е҃же есть у҃го́дно ему̀,
Ꙗ҃ко ц҃рю и҃б҃гу зався̀ сла́ва тому̀.

Эти вирши представляютъ собою акростихъ, содержащій указаніе на автора, именно: „Монах Мардарій Хоников трудился“. Изъ содержанія же приведеннаго обращенія къ читателю видно, что Хониковъ изъяснялъ мѣрными славянскими стихами художественныя изображенія Библіи по побужденію нѣкоего „добраго рачителя писаній“ Аѳанасія Іоаннова Ѳедосіева и закончилъ свой нелегкій и усердный трудъ въ 7187 или 1679 году, черезъ пять лѣтъ по выходѣ въ свѣтъ бывшаго у него подъ руками втораго изданія Библіи Пискатора. Хониковъ насчитываетъ въ своемъ трудѣ, включая и обращеніе „къ читателю“, 1912 виршей, принимая за виршу двустишіе, такъ что всего онъ на-

писалъ 3824 строки, или стиха. Строфы къ отдѣльнымъ картинамъ не равны; по бо̀льшей части это четверостишія, но есть строфы строкъ въ двадцать. Рифмуются вездѣ два сосѣдніе стиха. Къ отдѣльнымъ библейскимъ книгамъ строфы находятся въ слѣдующемъ соотвѣтствіи: Бытіе 1—62, Исходъ 63—76, Числъ 77—81, книга Іисуса Навина 82—91, Судей 92—115, Руѳь 116—119, 1 кн. царствъ 120—128, 2 кн. царствъ 129—139, 3 кн. царствъ 140—144 (противъ № 140 на полѣ надъ славянскою ссылкою г҃ цр҃ в҃ а҃ надписано полатыни 1 Regum, противъ № 141 цитата: 1 Reg. а҃ цр҃ в҃ ѳ҃), Cantica cantic. 1 vers. 1 № 145, противъ № 146—150 латинскія ссылки на Cantica; далѣе опять 3 кн. Царствъ №№ 151—166, 4 кн. Царствъ 167—194, кн. прор. Іереміи 195—198; съ № 199 идетъ перечень царей съ ссылками полатыни и пославянски на соотвѣтствующія главы разныхъ библейскихъ книгъ, именно №№ 199 Саулъ, Давидъ, Соломонъ, № 200 Ровоамъ, Авіа, Аса, 201 Іосафатъ, Іеровоамъ, Агазіа, 202 Іоасъ, Амасіа, Азаріа, 203 Іоаѳамъ, Ахазъ, Езекіа, 204 Манасіа, Аммонъ, Іосіа, 205 Іоагасъ, Іоакимъ, Іоіахинъ, 206 Седекіа, 207 Коресъ или Кѵрусъ, Камвизесъ, со ссылкой: Іустинъ кн. а҃, 208 Дарій, Ксерксесъ, съ той же ссылкой, 209 Артаксерксесъ, Дарій, безъ ссылокъ, какъ и слѣд. два №№, 210 Артаксерксесъ Мнемонъ, Охусъ, 211 Арсамесъ, Даріусъ; книга Есѳирь 213—215, кн. Іова 216—219, кн. пророка Даніила 220—224; подъ № 225, съ помѣтой на полѣ Аросгурh. и д҃, кв҃, читаются слѣдующіе стихи:

Даніи̑лъ ѕмі̑я стра̑шна умерщвля̑етъ,
Смолы̀ бо у̑кру̑гъ вче̑люсти влага̑етъ.
Вавѵлѡ̑нскъ бо лю̑дъ сего̀ почита̑ше,
Ꙗ̑коже Бо̑га, и же̑ртвы дая̑ше.
Тѣ̀мже пр҃ро̑къ и̑хъ пре̑лесть ѡ̑блича̑етъ,
У̑мори̑въ сего̀, небо̑га явля̑етъ [1]).

Далѣе идутъ №№ опять со ссылками на кн. прор. Даніила, именно 226 Нинусъ, 227 Кѵрусъ, 228 Александръ Великій, 229 Ꙗ҆лїꙋ̀съ кесарь (это толкованіе видѣнія четырехъ звѣрей). Затѣмъ идутъ пророки: 230—234 Іона, 235 Исаіа, Іереміа, Іезекіиль, 236 Давидъ, Даніилъ, Иліа (безъ ссылокъ), 237 Елисей, Іона, Авдій, 238 Амосъ, Захаріа, Малахіа. Затѣмъ слѣдуютъ вирши къ 3 кн. Ездры №№ 239—242,

[1]) У Пискатора соотвѣтствуютъ слѣдующіе стихи:
Obiecta serpens moritur Babilonicus offa,
Numinis hinc in eo constat adesse nihil.
Эти стихи помѣщены вверху картины съ помѣтой: Danielis 14 Apocryph.

4 кн. Эздры (съ латин. ссылками) 243—246, Товіи 247—252, Іудиѳь 253—256; снова изъ кн. пр. Даніила 257—260; кн. Маккавейскія 261—268. На этомъ заканчиваются стихи къ изображеніямъ изъ ветхаго завѣта. Очевидно, вирши расположены въ томъ порядкѣ, въ какомъ оказались картины въ томъ экземплярѣ Библіи, которымъ пользовался авторъ.

№ 269 представляетъ слѣдующіе стихи:

Вѣ́ра, наде́жда, любо́вь всѣ́хъ спаса́ютъ,
И҆ Бга я҆́сно зрѣ́ти сподобля́ютъ.
Наде́жда сія тще́тна небыва́етъ,
Ꙗ҆́ко бо ко́тва (на полѣ я҆́корь) ввѣ́рѣ утвержда́етъ.
Любо́вь же сБгомъ всѣ́хъ соединя́етъ,
Стяжа́вый бо ю҆ въ Бзѣ пребыва́етъ.
Сихъ соверши́тель Хр҇то́съ показа́ся,
Сѐ вс҃ще́нныхъ си́хъ по́вѣстяхъ писа́ся.

Противъ этихъ стиховъ вдоль поля находится снизу вверхъ надпись: „Podpis werchniaia“. Далѣе слѣдуютъ стихи:

Ꙗ҆́же Хр҇то́съ Бгъ содѣ́я воплощся,
Ѿдвы же мі́ръ спасти҆ чи́сто ро́ждься.
Премно́га влю́дехъ показа́въ чюдеса҆,
И҆ вознося всѣхъ вѣрныхъ на нбса.
И҆ я҆́же его҆ раби́ сотвори́ша,
И҆ е҆ли́ко и҆́хъ тому҆ послужи́ша.
Вои҆́мя его҆ вѣ́рити уча́ще,
И҆ ѿзлы́хъ ско́рби неви́нно терпя́ще.
Сія҆ о҆́бразы о҆чесе́мъ ꙗ҆вля́ютъ,
Ели́цы наня҆ тща́телно взира́ютъ.
Творцу҆ си́хъ Бгу хвалу҆ воздаю́ще,
И҆ преда́нная и҆́мъ крѣ́пцѣ брегу́ще.

Противъ этихъ стиховъ на полѣ надпись: „Podpisiwai naniznom poli“. Изъ содержанія приведенныхъ стиховъ и изъ надписей на поляхъ слѣдуетъ заключать, что эти стихи составляютъ какъ бы введеніе въ Новый Завѣтъ и назначались для помѣщенія на вводномъ или заглавномъ листѣ къ Новому Завѣту въ Библіи Пискатора. Въ послѣдней дѣйствительно для Новаго Завѣта помѣщенъ особый заглавный листъ съ картиной. Первая часть приведенныхъ стиховъ Хоникова представляетъ самостоятельное его объясненіе рисунка, и для нея нѣтъ соотвѣтствующихъ латинскихъ стиховъ. На рисункѣ въ центрѣ, вверху, изо-

бражено святое семейство (Любовь), по сторонамъ женскія фигуры: одна съ крестомъ (Вѣра), другая съ якоремъ (Надежда), и четыре евангелиста. Второй части стиховъ Хоникова соотвѣтствуютъ слѣдующіе латинскіе стихи внизу подъ картиной:

Quae Christus, quae Discipuli miracula patrarunt,
Quinetiam illatas a saevis hostibus olim
Immeritis poenas Nec non quae visa Ioanni
In Pathmo; Hoc iterum praebet spectanda Theathrum.

Вирши подъ №№ 270 — 273 относятся къ изображеніямъ четырехъ евангелистовъ, подъ № 274 описывается рождество Пресвятой Богородицы со ссылкою: „с дама слóво в на рж тво Бцы". Та же ссылка и у Пискатора.

Съ № 275 до 307 идетъ евангельская исторія со ссылками на разныя мѣста четырехъ евангелій. №№ 307—314 изъясняютъ „Блаженства" по евангелію отъ Матѳея. №№ 315—322 — Молитва Господня. Въ бывшемъ у насъ подъ руками экземплярѣ Пискаторовой библіи картины „Блаженствъ" утрачены; сохранившіеся два листа изъ Молитвы Господней (7-й и 8-й, послѣдніе) стиховъ не имѣютъ. Съ № 223 идутъ чудеса и притчи Христовы. Не у мѣста находятся №№ 350, объ отверженіи Петра, и 351—о распятіи; №№ 389—404 относятся къ евангельскимъ сказаніямъ о страстяхъ Христовыхъ.

Съ № 405 идутъ „Acta apostolorum" по № 440 включительно. № 441, со ссылкой на Лук. 23, 33, о крестной смерти Спасителя, повидимому, не у мѣста.

№№ 442—453 относятся къ изображеніямъ 12 апостоловъ.

№№ 454—460 излагаютъ апостольскій символъ вѣры. Такъ какъ картины Пискаторовой Библіи къ апостольскому символу воспроизводились на стѣнописяхъ въ русскихъ православныхъ церквахъ, не смотря на несоотвѣтствіе его принятому въ нашей церкви символу никео-цареградскому [1]), при чемъ, вѣроятно, живописцы руководились и русскими стихотворными объясненіями къ западной лицевой Библіи, то мы считаемъ полезнымъ привести изложеніе апостольскаго символа сполна. Въ нашей рукописи символъ находится на лл. 91 и 92.

Противъ первой строфы на полѣ помѣщены ссылки: „Actor. 10. Actor. 15. дѣя. і: сти мг. и глав єі сти і":

УНД
FIDEI APOSTOLICAE

[1]) См. у *Н. В. Покровскаго* описаніе такой стѣнописи въ Ярославской Николоподеинской церкви. „Стѣнныя росписи" и пр., стр. 283.

Вѣ́ры здѣ̀ члены разположи́шася,
И҆ худо́жнѣ вся̀ и҆з҆ѡ҆брази́шася.
Кі́яже всебѣ̀ та́йны заключа́ютъ,
Зри́телю: сі̑я̀ і҆кѡ́ны ꙗ҆вля́ютъ.
Бг҃ъ бо вѣ́рою ср҃ца̀ ѡ҆чища́етъ,
И҆ вои҆ мени Хр҃товѣ спаса́етъ.
Всемъ грѣхо́въ взе́млетъ вся́къ ѡ҆ставле́ніе,
И҆ бо то́й вѣ́ры е҆́сть соверше́ніе.

CREDO УН҃Є

а҃ Вѣ́рую вБг҃а безнача́лна о҆ц҃а̀,
Зри́мыхъ у҆́бо всѣ́хъ и҆ незри́мыхъ творца.
Нб҃а и҆ земли̇̀, и҆ели́ка су́ть вни́хъ,
То́й соверши́тель и҆ вседержи́тель си́хъ.

——ET——IN——

в Іи҃са Хр҃та, сн҃а егѡ̀,
Спр҃нѡсу́щна же, и҆ су́ща и҆ знегѡ.
Гд҃а тва́рей, я҆́ко же яви́ся,
Внегда̀ нагорѣ̀ сы́й преѡ҆брази́ся.

QVI JH҃S

Вочре́вѣ дх҃омъ ст҃ымъ зачѐнѐшася,
Мр҃іи д҃вы, и҆ вплоть ѡ҆блѐкшася.
Ро́ждьшагося же нетлѣ́нно и҆ знея̀.
Невреди́вшаго ключи̇̀ дѣ́вства сея̀.

PASSUS

Припила́тѣ же на́съ ра́ди страда́вша,
И҆ нак҃ртѣ кро́вь свою и҆ злія́вша.
Оу҆ме́ршаго же бы́вша погребе́нна,
си́мъ бо яви́ся зла̀ сме́рть у҆мерщвле́нна.

DESCENDIT УН҃З

ѕ҃ Низше́дша во҆ Адъ плѣ́нныхъ свободи́ти,
И҆ дїа́волю крѣ́пость разруши́ти.
И҆ зме́ртвыхъ же вде́нь тре́тїи воскре́сшаго,
И҆ ве́сь ро́дъ а҆да́мль ѿу҆зъ и҆зве́дшаго.

ASCENDIT

ѕ Вън҃бо возше́дша апл҃омъ зря́щымъ,
И҆ ѕѣлѡ̀ яко ѿи́де слезя́щымъ.
Сѣдя́щаго же та́мо о҆ц҃а̀ вдесны́хъ,
Сподобля́юща на́съ жили́щъ нбн҃ыхъ

INDE УНИ

з Ѿо́ну́ду же гряду́ща суди́ти,
и҆ цр҃тво своѐ вовѣ́къ утверди́ти.
Живы́мъ и҆ ме́ртвымъ подѣло́мъ возда́ти,
О҆ны́х вжи́знь, си́же вгее́нну ѿсла́ти.

CREDO IN SPIRITUM

и Вѣ́рую вд҃ха ст҃а, жизнь даю́ща,
О҆ц҃у и҆ с҃ну Бг҃а сопр҃нѡсу́ща.
Наап҃лы преслáвно низше́дша,
Утѣ́шителя ѿо҆ц҃а и҆зше́дша.

SANCTAM УНѲ

ѳ Ст҃у́ю крк҃овь вхр҃тѣ у҆твержде́нну,
Правосла́вну [1]) же я҆ соедине́нну.
Внейже и҆сты́хъ взе́млемъ о҆бще́ніе,
Ꙗ҆же Мт҃и всѣ́хъ е҆сть, и҆спасе́ніе.

REMISSIONEM

і Вохр҃тѣ грѣхо́въ всѣ́мъ ѡ҆тавле́ніе,
Апл҃ское взе́мшымъ уче́ніе.
И҆же вѣ́руютъ и҆ кр҃тя́тся внегѡ҆,
Неспасе́тся бо ни еди́нъ безнегѡ҆.

CARNIS УѮ

і Ѿжида́юже дне̂ воскресе́нія,
Бжіимъ дх҃омъ всѣ́хъ ѡ҆живле́нія.
Вси бо вопло́ти и҆ мамы воста́ти,
И҆ я́коже кто содѣ́я прія́ти.

ET VITAM

ві Жи́знь же вѣ́чная прв̂ныхъ ꙗ҆ви́тся,
Нбн҃ый сі҃ѡ́нъ, вне́мже Бг҃ъ всели́тся.
Хрто́съ соо҆ц҃е́мъ и҆ дх҃омъ вовѣ́ки,
Возводя́й вогра́дъ о҆́ный человѣ́ки. А҆ми́нь.

Въ извѣстномъ намъ экземплярѣ Пискаторовой Библіи (Рум. Муз.) картины къ символу вѣры утрачены.

Съ № 461 до конца, т. е. до № 468 включительно, описываются VISIONES APOCALYPTICAE. № 461 относится къ заглавному листу Апокалипсиса:

Ꙗ҆же ꙗ҆ѡа́ннъ бг҃осло́вецъ зря́ше,
Егда воо҆стровъ Па́тмосъ и҆згна́нъ бя́ше:

---

[1]) На полѣ: соборную.

Зри́телю че́стнѣ, тебѣ̀ представля́емъ,
и҆ я́сно сі̑а̀ и҆з҆ѡ́бражаемъ.
Се́дмь бо свѣ́щникъ, се́дмь цр҃квей зна́менаша,
Ꙗ҆́же Хрт҃ово сло́во воспріяша.
Се́дмьже аг҃ловъ, се́дмь тру́бъ и҆му́щіи,
И҆ и҆́ніи, се́дмь фіа́лъ лію́щіи.

Противъ этихъ строкъ на полѣ отмѣчено: „Podpisywai na werchnem poli sie nad ahheły“, а противъ нижеслѣдующихъ подъ тѣмъ же № находится отмѣтка: „Podpisywai sie naniznom poli“. Продолжимъ выписку:

Ꙗ҆́же таи́нства разли́чна ꙗ҆вля́ху,
И҆мно́га на мі̑ръ зла́я зна́менаху.
Кни́гаже таи́нствъ бя́ше бж҃твенныхъ,
Ю҆́же никто́же ѡ҆вéрзе ѡ҆земны́хъ,
Се́дмь бо печа́тей о҆́ная и҆мя́ше,
Ꙗ҆́же Агнецъ с҃нъ бж҃іи разрѣша́ше.
И҆ а҆н҃лъ, и҆́же ключь бе́здны нося́ше,
То́й дія́вола е҆́мъ, у҆́жемъ вяза́ше.
Та́же красе́нъ гра́дъ сн҃бсе ꙗ҆ви́ся,
внéмже спра̑вныхъ ли́ки Бг҃ъ всели́ся.

Эти стихи представляютъ самостоятельное изъясненіе Хоникова къ рисункамъ на заглавномъ листѣ къ Апокалипсису у Пискатора, который стиховъ здѣсь никакихъ не помѣстилъ. Рисунокъ изображаетъ вверху въ срединѣ седмь свѣтильниковъ, справа и слѣва—ангеловъ, посылающихъ на землю бѣдствія; внизу слѣва ангелъ держитъ книгу съ семью печатями, справа—другой ангелъ держитъ ключъ и цѣпью вяжетъ діавола. Заглавіе къ Апокалипсису у Пискатора на этомъ листѣ читается такъ:

Visiones apocalypticae, exhibitae Iohanni Apostolo in insula Pathmo, elegantissimis iconibus expressae edente N. I. Piscatore.

Въ Апокалипсисѣ у Пискатора на каждомъ листѣ помѣщено по четыре рисунка въ отдѣльныхъ рамкахъ. Хониковъ сочинялъ стихи отдѣльно къ каждой картинкѣ и помѣтилъ каждую подпись особыми №№ арабскими цифрами, такъ что къ семи листамъ апокалипсическихъ изображеній (№№ 462—468) онъ составилъ 28 стихотворныхъ подписей, соотвѣтственно числу картинъ подлинника. Передъ № 462 находится замѣтка: „Siia podpisywai nad perwym licem apocalipsisa“. На полѣ противъ №№ 1 и 2 стиховъ къ Апокалипсису поставлена буква „W“, т. е. верхъ, а противъ №№ 3 и 4 буква „N“, т. е. низъ — указанія, гдѣ

подписывать стихи. У Пискатора подъ картинами къ Апокалипсису нѣтъ стихотворныхъ подписей, а лишь указанія на соотвѣтствующія главы и стихи; не приводятся даже и тексты. Хониковъ самостоятельно сочинялъ стихи къ Апокалипсису, описывая рисунки. Вообще у Пискатора подо многими картинами изъ Новаго Завѣта стиховъ нѣтъ, и Хониковъ составлялъ свои вирши самостоятельно.

Изъ представленнаго обозрѣнія стиховъ Хоникова и изъ находящихся при нѣкоторыхъ изъ нихъ замѣтокъ на поляхъ латинскими буквами становится очевиднымъ, что славянскіе стихи назначались для подписыванія ихъ на экземплярахъ подлинной Библіи Пискатора по изданію 1674 года. Въ нашей рукописи нѣтъ никакихъ указаній на то, чтобы имѣлось въ виду сдѣлать полное русское изданіе Пискаторовой Библіи и выгравировать подъ картинами такого изданія только русскія стихотворныя подписи. Намъ не привелось видѣть латинскихъ экземпляровъ Библіи Пискатора съ приписанными на поляхъ славянскими стихами, но, какъ выше было указано, существуетъ нѣсколько такихъ экземпляровъ. Интересно будетъ убѣдиться, находятся ли тамъ стихи монаха Мардарія Хоникова, или же другихъ авторовъ. Наша рукопись, судя по замѣткамъ на поляхъ о томъ, гдѣ должно вписывать въ Библію стихи, ведетъ свое происхожденіе отъ авторскаго экземпляра, отъ книги или тетради, а не списана съ латинскаго экземпляра съ славянскими подписями. Въ пользу этого говоритъ и замѣчательная исправность текста; ошибокъ, искаженій намъ не удалось замѣтить.

Стихотворныя славянскія подписи и съ латинскихъ экземпляровъ Библіи Пискатора переписывались однако въ отдѣльныя тетрадки. Объ этомъ свидѣтельствуетъ рукописный сборникъ Моск. Публ. и Рум. Музеевъ № 3058, состоящій изъ 19 тетрадей [1]), изъ коихъ на обложкѣ 16 тетради читаемъ: „Сия книга надпись, изъ личной библіи переведена с немецкой библіи, и написася Троицкого Сергиева монастыря монахомъ Антоніемъ Шешковымъ, лѣта Христова 1733-го маия въ день". Шешковъ былъ только переписчикомъ, а не переводчикомъ, такъ какъ въ его тетрадкѣ содержатся тѣ же стихи, что и въ нашей рукописи, т. е. стихи Мардарія Хоникова. У Шешкова выписаны стихи не ко всей Библіи, и не подрядъ, равно какъ и не всѣ строфы сполна. Всего выписано 7 первыхъ №№ (безъ стиховъ, относящихся у Хоникова къ заглавному листу) и потомъ съ новымъ счетомъ еще 199 №№. Выписки кончаются на царствованіи Соломона. Только четыре №№ виршей въ тетради Шешкова, именно 146 — 149 (съ особой нумераціей

[1]) Краткое описаніе этого сборника см. въ отчетѣ музеевъ за 1886 — 1888 г., стр. 99—100.

на полѣ 1—4), взяты не изъ труда Хоникова. Эти вирши относятся къ притчамъ Соломона. У Хоникова, по нашей рукописи, совсѣмъ нѣтъ виршей къ Притчамъ Соломоновымъ. Можно бы подумать, что въ нашей рукописи пропускъ, и списокъ Шешкова его восполняетъ. Но такого заключенія сдѣлать нельзя въ виду особаго характера стиховъ къ притчамъ въ тетрадкѣ Шешкова. Вотъ, напр., № 1 (146) изъ рукописи Шешкова:

На де́львѣ спя̀ ни́цъ лѣнивый самъ скверно храпляше,
Ни совѣта, не токмо труда, той пріимаше.
Не оряй нивы, всуе надежда о плодѣ,
Жда житъ, но и нынѣ вѣры за лѣность оскудѣ.

У Пискатора соотвѣтствуютъ слѣдующіе стихи:

Dolio indormit deses, stertitque supinus,
Nec male consultum cura illum tangit agelli,
Defluit inculta et spem vinea fallit herilem
Et folium infelix pro rugibus obsidet arva.

Всѣ четыре строфы къ Притчамъ содержатъ стихи тринадцатисложные и длиннѣе (нѣкоторые стихи несомнѣнно искажены переписчиками), тогда какъ у Хоникова всѣ стихи одиннадцатисложные. Кромѣ того, въ 20 стихахъ къ Притчамъ въ рукоп. Шешкова нѣсколько риѳмъ не глагольныхъ (о плодѣ—оскудѣ, убожество—множество, древу—чреву), у Хоникова же это встрѣчается чрезвычайно рѣдко. Очевидно Шешковъ или его оригиналъ заимствовали эти стихи къ Притчамъ изъ другого источника. Стихи Хоникова въ рукописи Шешкова представляютъ множество ошибокъ и искаженій. У Шешкова послѣ № 154 (= № 144, о царицѣ Савской, у Хоникова) находится замѣтка: „Здѣ надлежитъ писати Пѣсни Пѣсней, такожде виршевые“, но они не выписаны; у Хоникова, какъ указано выше, стихи на Пѣсни Пѣсней есть.

Обращаясь къ стихотворнымъ подписямъ на гравюрныхъ русскихъ изданіяхъ отдѣльныхъ частей Библіи или на отдѣльныхъ картинахъ на библейскіе сюжеты, находимъ, что многія изъ нихъ, если не большая часть, заимствованы изъ труда Мардарія Хоникова. Въ данномъ случаѣ единственнымъ, но незамѣнимымъ пособіемъ служитъ трудъ Г. Ровинскаго: „Русскія народныя картинки“, въ III томѣ котораго перепечатаны всѣ вирши, встрѣчающіяся на гравированныхъ изданіяхъ, относящихся къ Библіи. Подъ № 840 (т. III, стр. 307 и сл.) описано изданіе „Пѣсни Пѣсней царя Соломона“ (шесть листовыхъ картинъ, гравированныхъ А. Зубовымъ въ 1740 году) и напечатаны вирши, помѣщенныя подъ каждымъ листомъ. Эти вирши, оказывается, взяты Зубо-

мъ у Хоникова. Въ доказательство приведемъ по нашей рукописи рвыя двѣ строфы, №№ 145 и 146, отмѣчая въ примѣчаніяхъ тѣ искаенія, какія находятся въ гравированномъ изданіи Зубова.

№ 145.

Соломо́нъ ц҃рь сы́й ѕѣло̀ богатѣ́йшій,
Никто́ же бо и҆́нъ [1]) егѡ̀ бысть краснѣ́йшій.
Му́дростію [2]) же, и҆ мно́гимъ держа́вствомъ,
Ѝвели́къ вся́кимъ бѣ благопріа́тствомъ.
Ѿбг҃а честнымъ да́ромъ препочте́нный,
Ѝмѣ́яй прт҃о́лъ зла́тъ [3]) преухищре́нный.
Мно́ги вдово́лствѣ и҆ му́щъ человѣ́ки,
Небу́детъ же и҆́нъ си́цевъ и҆ вовѣ́ки [4]).
Се́й пѣ́сни пѣ́сней сла́дцѣ воспѣва́етъ,
Та́ин̑ственны же ѕѣло̀ составля́етъ.
Хрт҃а жениха̀ цр҃кве ѿпису́я,
Ѝкъ дру́гъ дру́гу и҆́хъ любо́вь показу́я.

№ 146.

Азъ е҆́смь цвѣ́тъ по́лный жени́хъ возглаша́етъ,
Невѣ́сту же крі́нъ чистѣ́йшіи взыва́етъ.
Є҆гѡ̀ же я҆́блонь вдрева́хъ нарица́етъ,
Подъегѡ̀ же сѣ́нь вита́ти жела́етъ.
Невѣ́ста, плодо́мъ егѡ̀ сладя́щися [1]),
Ѝвино́мъ любвѐ здѣ веселя́щися [2]).

Кстати, для сужденія объ отношеніи Хоникова къ латинскому оригиналу, приведемъ соотвѣтствующіе латинскіе стихи изъ Пискатора:

Rex Salomon quo non alius florentior unquam
Extitit ille sua jam Maiestate verendus.
Dives opum, sceptrisque potens, populisque superbus,
Acceptus superis, et consultissimus inter
Mortales, toto regnavit ab asse beatus
Haec repetens grato soluit sua pectora voto,
Dulce canens taedas, thalamique Encomia casti
Carmina divino deprompsit mystica sensu.

---

[1]) опущено.
[2]) мудрости.
[3]) злыѣ.
[4]) Небудетъ же на сицѣ воинъ вовѣкѣ.

Scilicet haec Sponsa est, et Flos et nobile germen
Quem Deus ante alios Sponsus sibi praetulit omnes,
Atque velut ramis Mali felicis obumbrat,
Et fructu beat ubertim, foliisque decorat
Dextra DEI cultus, et ritus fraude carentes
Laeva magistratus et publica munia signat:
Hinc velut exhilarata mero laetatur et altis
Exilit acta iugis, Ceruae de more volantis.

На гравюрахъ Трухменскаго, изображающихъ четырехъ евангелистовъ (у Ровинскаго, III, 527—528, №№ 1317—1320), подписи взяты у Хоникова, но только для Матѳея и Марка, и то не сполна, а лишь по четыре первыхъ стиха (у Хоникова по нашей рукописи №№ 270 и 271 по 12 стиховъ). Подъ изображеніями Луки и Іоанна помѣщены стихи другого какого-то автора, быть можетъ самого Трухменскаго, съ явными признаками не московскаго нарѣчія (риѳмы: всвѣтѣ—може мѣти, вечеры—пекелной пешеры).

Подъ гравюрой А. Зубова „Тайная Вечеря“ (у Ровинскаго, III, 340, № 876) стихотворная подпись „Со учн҃ки Хр҃тосъ вечеряетъ“ и т. д., восемь стиховъ также оказываются у Хоникова (въ нашей рукописи № 390); Зубовъ награвировалъ подпись съ ошибками (строка 4-я должна читаться такъ: „кто же предатель есть ѕлый, непознаша“; въ строкѣ 6-й вмѣсто „сицево“ должно читать „сицевъ“).

Копированныя съ Библіи Пискатора „Страсти Господни“ П. Бунинымъ на 21 листѣ имѣютъ стихотворныя подписи, заимствованныя опять изъ труда Хоникова; всѣ подписи перепечатаны г. Ровинскимъ (см. № 861, т. III, стр. 319 — 322; ср. т. IV, стр. 610). Бунинъ только подъ первой картиной (Тайная Вечеря) помѣстилъ другіе стихи, не Хоникова; сверхъ того, подъ картинами 18, 20 и 21 помѣщены подписи не въ стихахъ. У Хоникова стихи на „Страсти“, заимствованные Бунинымъ, занимаютъ №№ 389, 391—398 и вторую половину № 399; №№ 391—398 у Хоникова по 12 строкъ; у Бунина они раздѣлены пополамъ, подъ особыми нумерами, и видоизмѣненъ кой-гдѣ порядокъ. И у Бунина находимъ въ текстѣ довольно много ошибокъ.

На листовой картинѣ „Распятія“, работы воскресенскаго іеродіакона Петра 1701 г., находятся въ разнымъ мѣстахъ надписи въ стихахъ (у Ровинскаго № 934, III, 363—366). Имя „виршеписца“, по его собственному указанію, „обретается“ въ виршахъ, помѣщенныхъ въ лучахъ отъ креста, „въ срединѣ строкъ отъ длинныхъ словъ“ (т. е. буквъ); имя это — *Іоаннъ Никитинъ*. Этотъ авторъ оказывается не

вполнѣ самостоятельнымъ: кой-что онъ взялъ у Хоникова, слегка измѣнивъ, именно: въ виршахъ надъ распятіемъ строки:

Кр҃томъ бо всѣхъ ѿ клятвы свобождаетъ,
Вмірѣ пребывающъ грѣхъ потребляетъ,

напоминаютъ стихи Хоникова въ № 398:

Ка́ко кр҃томъ всѣ́хъ кля́твы спаса́еши,
Дре́вомъ же прибы́вшъ грѣ́хъ потребля́еши [1]).

Подпись надъ Богородицею:

Рыдаетъ мати чистая се зрящи
И біетъ перси жалосно слезящи,

заимствована буквально у Хоникова изъ № 397 [2]). Точно также при изображенномъ въ клеймѣ въ углу воскрешеніи Лазаря:

„Четверодневна мертва воскрешаетъ“

и т. д. (четыре стиха) находятся буквально у Хоникова, № 306. Никитинъ, быть можетъ, по примѣру Хоникова объявилъ свое имя въ акростихѣ, только Хониковъ не сдѣлалъ на это указанія, а Никитинъ позаботился дать ключъ къ открытію его имени.

На отмѣченной у Ровинскаго гравюрѣ Вознесенія № 996 (т. III, стр. 388—389) стихотворная подпись также взята у Хоникова (№ 319, ср. у Ровинскаго, III, 323, послѣднія вирши къ „Страстямъ“ работы Бунина).

Подъ № 819 у Ровинскаго описанъ лицевой Апокалипсисъ—двадцать гравированныхъ картинокъ неизвѣстнаго мастера половины XVIII вѣка (т. III, стр. 277 — 281). Подъ каждой картинкой вирши (всѣ напечатаны Ровинскимъ); эти вирши оказываются заимствованными у Хоникова. Приведемъ для образца изъ № 462 у Хоникова вторую строфу, соотвѣтствующую подписи подъ первой картинкой разсматриваемаго лицеваго Апокалипсиса, гдѣ неправильно раздѣлены стихи.

Ѿбра́щся зря́ше а҃п҃лъ зову́ща,
Ви́дѣ ѿкрестъ се́дмь свѣти́лникъ и҃му́ща.
Ѝхъ же посреди́ са́мъ зва́вый стоя́ше,
Ѝже яко с҃нъ чл҃вѣ́ческъ бя́ше.
Се́дмь же вдесни́цѣ ѕвѣ́здъ зри́мый держа́ше,
Лицѐ же сл҃нцу подо́бно и҃мя́ше.

Въ разсматриваемомъ лицевомъ Апокалипсисѣ стихи Хоникова приводятся не сполна. Такъ, въ подписи подъ картинкой в҃ опущены въ концѣ стихи (у Хоникова конецъ № 3):

---

[1]) Ср. у Ровинскаго вирши къ „Страстямъ“ Бунина, л. 16, III, 322.
[2]) Ср. ibid., л. 14.

Тр҃тое же живо́тна поя́ху,
Четыре: ему̀ де́нь и҆но́щь глаша́ху.
И҆ ста́рцы вѣнцы̀ поло́жше взыва́ху,
Покло́ншеся: че́сть сла́ва восклица́ху.

Подпись на картинкѣ д҃ совершенно искажена: взяты только вторыя строки риѳмующихся двустишій. У Хоникова эта подпись читается такъ (№ 463, особаго счета къ Апокалипс. № 5):

Агнецъ пе́рвую печа́ть ѿрѣша́етъ,
Живо́тное же еди́но глаша́етъ.
И҆тѝ и҆зрѣ́ти і҆ѡа́нну вели́тъ,
О҆ный же слу́ко҆ вовѣнцѣ̀ ѣздца̀ зри́тъ.
Па́ки печа́ти а҆́гнецъ ѿрѣша́етъ,
Живо́тное же ко́еждо глаша́етъ.
О҆со́бь ккое́йждо и҆́хъ ѿрѣше́нію,
Ѣздца̀ же свѣ́сы прои҆схожде́нію.
И҆сме́рти: А҆́да поне́й же и҆ду́ща,
Гла́домъ же земли̇ ча́сть злѣ̀ вреждаю́ща.

Выше было замѣчено, что у Пискатора при картинахъ къ Апокалипсису подписей нѣтъ; Хониковъ сочинялъ самостоятельно.

Вотъ тѣ заимствованія виршей изъ труда Хоникова, которыя мы замѣтили въ подписяхъ къ гравюрамъ, напечатанныхъ Ровинскимъ. Вѣроятно, окажутся и другіе случаи пользованія стихами Хоникова. Интересно будетъ убѣдиться, пользовались ли его виршами для стѣнныхъ росписей и лицевыхъ рукописей.

Въ разсматриваемой нами рукописи, содержащей стихи Мардарія Хоникова, вслѣдъ за приведеннымъ выше обращеніемъ къ читателю (на л. 98 об.), находится замѣтка: „Пе́рвой би́блїи коне́цъ, и Бг҃у сла́ва“. Далѣе находится чистый (не помѣченный) листъ, а на слѣдующемъ 99-мъ листѣ читается такое заглавіе (полууставомъ): „Прево́дъ би́блїи ли́чныѧ кото́рая печа́таетсѧ впо́лъ десть си́рѣчь впо́лъ листа̀“. На слѣдующемъ 100-мъ листѣ читаемъ:

лїстъ а҃

Сщ҃еннагѡ писа́нїя ве́тхагѡ и҆но́вагѡ завѣ́та и҆з҆ѡ́бражє́нїи и҆сторі́ческихъ, подписа́нїя равномѣ́рно, и҆краесогла́сно у҆стро́енная.

2.

Бг҃ъ, н҃бо, зе́млю, во́ды, сло́вомъ созида́етъ, Бы҃ а
И҆потмѣ̀ первобы́тной свѣ́тъ вмірѣ явля́етъ.

3.

Сл҃нце, луна̀, нан҃бѣ бг҃мъ ѹ҆тверди́ся. а҃
Земля̀ траво́ю, дре́вы, ди́внѣ ѹ҆краси́ся.
Ѕвѣ́ри, ско́ти, и҆га́ди, сло́вомъ сотворе́нни,
ры́бы вода́хъ, пти́цы же и҆во́дъ и҆зведе́нны.

4.

Вде́нь шесты́й бг҃ъ и҆зво́лилъ А҆да́ма созда́ти, а҃
И҆ мі́ръ воо҆́бласть ему̀ а҆́ки ц҃рю да́ти. к҃з

И т. д. слѣдуютъ подписи въ двѣ-четыре строки (изрѣдка въ шесть) къ изображеніямъ изъ Ветхаго и Новаго Завѣта и Апокалипсиса, всего 261 подпись. На л. 118 № 176 представляетъ заглавіе:

Сокро́вище і҆сторі́и но́ваго завѣ́та
И҆зря́днѣйшими і҆ко́ны и҆з҆ѡ҆бражённое.

№№ 177—239 относятся къ Евангеліямъ, 240—249 къ Дѣяніямъ Апостольскимъ и 250—261 къ Апокалипсису.

Всѣ стихи тринадцатисложные, риѳмуются два сосѣдніе. Эта часть рукописи писана тѣмъ же писцемъ, что и первая, прекрасною крупною скорописью. Противъ каждой подписи находятся на поляхъ ссылки славянскими буквами на соотвѣтствующія главы и стихи библейскихъ книгъ. Помѣтокъ латинскими буквами здѣсь нѣтъ.

Итакъ, разсматриваемыя вирши, судя по приведенному выше заглавію, сочинены или переведены для лицевой Библіи, которая печатается въ полдесть или въ поллиста на 261 листѣ. Какое здѣсь разумѣется изданіе, заграничное, съ иноязычными подписями, для замѣны которыхъ и приготовлены были эти вирши, подобно тому, какъ къ большой подлинной Библіи Пискатора были изготовлены вирши Хониковымъ, или же здѣсь разумѣется русское изданіе Библіи? Заграничнаго изданія лицевой Библіи въ поллиста на 261 л. мы не знаемъ. Намъ неизвѣстно и русскаго изданія такого объема. Въ извѣстномъ трудѣ г. Ровинскаго такого изданія не указано, но въ собранномъ имъ матеріалѣ есть однако намеки на то, что такое, или подобное, русское изданіе существовало, или, по крайней мѣрѣ, подготовлялось. У Ровинскаго подъ № 811 (т. III, стр. 259—268, т. IV, стр. 600) описана русская лицевая Библія мастера „І Д“. Въ ней всего 60 картинокъ въ малую четвертку, гравированныхъ на мѣди крѣпкой водкой. Монограммы граверовъ на картинкахъ „І Д“, а на нѣкоторыхъ „Г І Г“, Ровинскій раскрываетъ такъ: „Іерей Димитрій (Пастуховъ)“, и „грыдоровалъ іерей

Григорій", т. е. поясняетъ г. Ровинскій, извѣстный граверъ конца XVII и начала XVIII вѣка Григорій Павловичъ Тепчегорскій. На сохранившемся экземплярѣ этой Библіи въ Румянцевскомъ музеѣ (по этому экземпляру и сдѣлано г. Ровинскимъ описаніе) на всѣхъ картинкахъ находится двойная помѣта—славянскими буквами и арабскими цифрами, при чемъ эти помѣты между собою не совпадаютъ, а на листѣ 52 по славянской помѣтѣ стоитъ цифровая помѣта „95", что, по справедливому замѣчанію г. Ровинскаго, „указываетъ на то, что для перваго изданія библіи было приготовлено больше шестидесяти досокъ" (IV, 600).

Въ лицевой Библіи мастеровъ „І Д" и „Г І Г" подъ всѣми картинками находятся стихотворныя подписи; тоже было, конечно, и въ ея недошедшемъ прототипѣ. Всѣ эти вирши перепечатаны Ровинскимъ въ т. III подъ № 811. Сочиненіе ихъ Ровинскій приписываетъ, повидимому, одному изъ граверовъ, именно Григорію Тепчегорскому, на томъ основаніи, что подъ виршами къ гравированному въ 1718 году изображенію Николая Чудотворца (у Ровинскаго № 1705, т. III, 711 — 712) находится подпись: „григорїи грийдеръ стихотворїлъ". Тому же Тепчегорскому принадлежитъ изданіе гравированныхъ большихъ святцевъ, также съ виршами (см. у Ровинскаго № 959, III, 373 — 378). Но такое мнѣніе не можетъ быть принято: вирши въ библіи и подъ изображеніемъ Николая Чудотворца рѣзко отличаются по языку и риѳмовкѣ. Въ виршахъ къ изображенію Николая Чудотворца читаемъ, напр., такіе стихи:

Вторимъ вѣнчаю Вѣнцемъ, изсребра *чистѣйша*
За побѣду преславну: арія *мерзчїйша*

или:

Даждь и мнѣ Николае, миръ д҃шевныи *всвѣти*
Да и азъ могу вѣнчанъ съ праведными *быти*.

Въ виршахъ лицевой библіи такихъ явныхъ малороссійскихъ особенностей языка совсѣмъ нѣтъ. Кромѣ того, изъ 11 риѳмъ (всего 22 стиха) при картинѣ Николая Чудотворца только три глагольныя (вѣнчаю—величаю, сохранити—быти, вѣнчаетъ—взимаетъ), тогда какъ въ виршахъ Библіи риѳмы обыкновенно глагольныя, исключенія крайне рѣдки. Можно съ увѣренностью полагать, что помѣщенныя въ разсматриваемомъ изданіи библіи (относимомъ г. Ровинскимъ къ первой половинѣ XVIII вѣка) вирши не были сочинены Тепчегорскимъ (или другимъ лицемъ) спеціально для этого изданія, но существовали ранѣе и были употреблены для изданія подобно тому, какъ вирши Хоникова къ большой Библіи Пискатора помѣщались при изданіи Пѣсни Пѣсней, Страстей, Апокалипсиса и т. д., какъ мы видѣли выше. Вирши въ ли-

цевой Библіи мастера „І Д“ оказываются тѣ самыя, которыя находятся въ разсматриваемой нами рукописи, во второй ея части, подъ приведеннымъ уже заглавіемъ: „Переводъ библіи личныя, которая печатается вполдесть“. Въ рукописи нашей нѣтъ указанія на автора виршей, но мы думаемъ, что ихъ сочинялъ тотъ же монахъ Мардарій Хониковъ, который написалъ вирши къ большой лицевой Библіи Пискатора. Такъ мы думаемъ на томъ основаніи, что языкъ и способъ риѳмовки въ виршахъ къ обѣимъ Библіямъ одинъ и тотъ же, и находятся онѣ въ одной рукописи, которая, повидимому, весьма близко стоитъ къ авторскому экземпляру.

Въ Библіи мастера „І Д“ всего 60 картинокъ, столько же и виршей, а въ нашей рукописи, какъ было замѣчено, 261; вѣроятно, въ такомъ объемѣ предполагалось, а можетъ быть, и выпущено было неизвѣстное теперь русское изданіе лицевой Библіи (если только и эти вирши не предназначались для вписыванія къ какому либо неизвѣстному намъ за-граничному изданію). Вирши въ Библіи „І Д“ находятся въ такомъ соотвѣтствіи съ виршами въ нашей рукописи: №№ 1—2 Библіи= №№ 3—4 рукописи, 3—5=6—8; № 6 безъ стиховъ: Каинъ убиваетъ Авеля; въ нашей рукописи подъ № 9 стихи:

Бг҃у а҃вель же́ртвою благоꙋгожда́етъ,
Ка́инъ тому̀ зави́дя бра́та ꙋ̀бива́етъ.

№№ 7—9=12—14; 10—11=16—17; 12=20, 13=22, 14=26; 15—17=29—31; 18=36; 19—20=38—39; 21=183; эта картинка находится въ Библіи не на мѣстѣ: предыдущая картина и вирши изображаютъ толкованіе сновъ Фараона Іосифомъ, а эта—поклоненіе пастырей. №№ 22—24=49—51; № 25=128, тоже не у мѣста: картинка эта изображаетъ воскресеніе мертваго на костяхъ Елисея, а предыдущая—переходъ израильтянъ черезъ Чермное море; № 26=55, 27=54, 28=107, тоже не у мѣста: картинка изъ исторіи Авессалома помѣщена среди разказовъ о Моисеѣ; № 29=57, 30=60, 31=79, 32=83, 33=88, 34=90, 35=99, 36=131, не у мѣста: болѣзнь Іезекіи среди разсказовъ о Давидѣ; 37—40=101—104, 41=106, 42=109, 43=113, 44=111, 45=116, 46=110, 47—48=117—118, 49=120, 50=135, 51=127; 52 (95)=248, не у мѣста: предыдущая картинка изображаетъ смерть Іезавели (по 4 кн. Ц. 8, 3), а эта — исцѣленіе хромаго ап. Павломъ; 53=129, 54=156, 55=132, 56=150, 57=136, 58=141, 59=151, 60=152.

Картинки Библіи „І Д“, по словамъ Ровинскаго (IV, 600), „скопированы съ нѣмецкаго образца“, но съ какого именно—онъ не ука-

зываетъ. Въ свою очередь Библія „I Д“ послужила оригиналомъ для двухъ новыхъ изданій; одно (у Ровинскаго № 812) представляетъ простую копію, другое, лицевая Библія Нехорошевскаго (ibid. № 813),— копію въ обратную сторону; вирши тѣ же.

Какъ въ Библіи „I Д“, такъ и Нехорошевскаго, текстъ стихотворныхъ подписей представляетъ немало искаженій сравнительно съ нашею рукописью, которая и въ этой части даетъ текстъ весьма исправный. Тепчегорскій и Нехорошевскій, уроженцы юго-западной Руси, при гравированіи подписей внесли въ ихъ первоначальный московскій текстъ кой-гдѣ особенности малорусскаго произношенія и правописанія.

Разсмотрѣнная нами здѣсь рукопись представляетъ такимъ образомъ значительный интересъ. Мы узнаемъ, что нѣкій монахъ Мардарій Хониковъ, по порученію нѣкоего Аѳанасія Іоаннова Ѳедосіева, въ 1679 г. написалъ въ стихахъ объясненія къ картинамъ Библіи Пискатора 1674 года. Мы не имѣемъ пока никакихъ свѣдѣній объ этихъ лицахъ, и было бы интересно отыскать ихъ. Стихи назначались для вписыванія на поляхъ за-граничныхъ экземпляровъ, но когда стали появлятся русскія гравированныя изданія на библейскіе сюжеты, то граверы воспользовались трудомъ Хоникова для подписей къ своимъ гравюрамъ. Интересно будетъ убѣдиться со временемъ, не изъ этого ли же труда брались подписи въ стихахъ къ стѣннымъ росписямъ въ церквахъ. Если такіе случаи найдутся, то по стихамъ можно будетъ опредѣлять, не ранѣе какого года появилась та или другая роспись. Хониковъ въ Библіи Пискатора не вездѣ нашелъ стихотворныя подписи, да и тамъ, гдѣ онѣ были, онъ не переводилъ ихъ буквально, а въ обоихъ случаяхъ имѣлъ въ виду самыя картины и соотвѣтствующія библейскія тексты, такъ что стихотворныя подписи Хоникова представляютъ въ нѣкоторомъ родѣ самостоятельное его толкованіе картинъ Пискатора. Для копировщиковъ картинъ Пискатора, какъ граверовъ, такъ и живописцевъ, толкованія Хоникова могли имѣть значеніе, и было бы интересно убѣдиться, не стоятъ въ связи съ этими толкованіями тѣ отступленія отъ Пискатора, которыя встрѣчаются какъ у граверовъ русскихъ, такъ и живописцевъ. Наша рукопись представляетъ превосходно сохранившійся текстъ стиховъ Хоникова и должна служить для исправленія тѣхъ ошибокъ и искаженій, какія встрѣчаемъ на гравюрахъ. Въ виду всего этого, рукопись заслуживаетъ полнаго изданія. Оцѣнка труда Хоникова со стороны литературной можетъ быть сдѣлана при сравненіи его стиховъ съ картинами Пискатора и латинскими подписями къ нимъ; но мы въ настоящее время могли сдѣлать только бѣгло такое сравненіе, при томъ по крайне не полному и испорченному экземпляру Пискато-

ровой Библіи. Стихи къ малой Библіи, приписываемыя нами также Хоникову, повидимому, имѣютъ въ виду не Пискаторову лицевую Библію, а какую-то другую, вѣроятно, подобную той, которая послужила оригиналомъ для русской лицевой Библіи „І Д“ и Нехорошевскаго; этотъ оригиналъ Ровинскій называетъ нѣмецкимъ, но точно не опредѣляетъ. Желательно было получить указанія по этому вопросу отъ свѣдущихъ лицъ.

М. Соколовъ.

III

О древностяхъ Томскаго музея.

Въ западной Сибири существуетъ нѣсколько музеевъ, частью посвященныхъ храненію древностей, находимыхъ на почвѣ Сибири. Изъ этихъ музеевъ особенное вниманіе заслуживаютъ музеи въ Тобольскѣ и Томскѣ. Въ археологическихъ отдѣлахъ обоихъ хранится много интересныхъ древностей, изученіе которыхъ важно не только для знакомства съ сибирской археологіей, но и для освѣщенія многихъ вопросовъ, разрѣшить которые при наличности данныхъ, добытыхъ на почвѣ Европейской Россіи, наука безсильна.

Въ августѣ текущаго года мнѣ привелось посѣтить оба изъ упомянутыхъ музеевъ; въ предлагаемой замѣткѣ я не имѣю въ виду дать полнаго описанія древностей, хранящихся въ нихъ: мнѣ казалось лишь небезынтереснымъ сдѣлать бѣглый обзоръ коллекцій Томскаго музея; Тобольскій—значительно бѣднѣе древностями Томскаго, и мы на этотъ разъ не будемъ останавливаться на немъ. Замѣтимъ лишь, что въ весьма краткій періодъ своего существованія (основанъ въ концѣ 60-хъ годовъ, но въ своемъ современномъ видѣ существуетъ лишь съ 1888—89 г.) онъ успѣлъ составить интересную коллекцію изъ слишкомъ 1,500 предметовъ древности, изъ которыхъ большинство добыты раскопками или случайно въ предѣлахъ Тобольской губ. Кромѣ того не можемъ не отмѣтить, что Тобольскимъ музеемъ изданъ каталогъ, одно изъ изданій котораго, ставшее рѣдкостью, иллюстрировано, и что музей настолько, гостепріимно открываетъ свои двери посѣтителямъ, что для ѣдущихъ на пароходѣ изъ Тюмени въ Томскъ и обратно двери музея открываютъ даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда пароходъ приходитъ значительно послѣ

часа оффиціальнаго закрытія музея. Мы особенно отмѣчаемъ эту черту, такъ какъ Томскій музей въ этомъ отношеніи составляетъ прямую противоположность Тобольскому: онъ закрытъ для публики и осматривать его можно только съ разрѣшенія попечителя учебнаго округа, что, несмотря на всю любезность, которую встрѣчаютъ посѣтители со стороны попечителя округа В. М. Флоринскаго, не можетъ не отразиться вредно на количествѣ посѣтителей.

Основаніе Томскому музею было положено въ 1882 году, когда М. К. Сидоровъ, по просьбѣ В. М. Флоринскаго, пріобрѣлъ и пожертвовалъ въ музей богатую коллекцію древностей Тобольской губ., принадлежавшую г. Знаменскому; далѣе пожертвованія А. И. Дмитріевымъ-Мамоновымъ коллекціи, собранной имъ при раскопкѣ кургановъ Тобольской губ., Л. Н. Некрасовымъ—большаго количества предметовъ бронзоваго и желѣзнаго вѣка Томской губ., результаты раскопокъ подъ Томскомъ на извѣстномъ городищѣ Таянъ, предметы, найденные въ с. Самаровѣ (у устья Иртыша)—составляютъ лучшее украшеніе музея. Благодаря энергіи и любви къ дѣлу В. М. Флоринскаго, не мало и лично собравшаго древностей во время своихъ поѣздокъ по Сибири, музей продолжалъ расти и развивается до настоящаго времени. Достаточно вспомнить, что по каталогу музея изд. въ 1888 г. въ немъ числилось 2469 предметовъ, а въ 1890 г. музей насчитывалъ послѣднихъ уже 4340—количество въ настоящее время значительно увеличившееся (свыше 5000 предметовъ) преимущественно путемъ частныхъ пожертвованій, такъ какъ раскопки, которыя велись вначалѣ весьма энергично нѣкоторыми членами открытаго въ 1889 году Общества естествоиспытателей и врачей, за послѣдніе годы, насколько намъ извѣстно, почему-то прекратились. Этотъ, хотя надо надѣяться и временный, застой тѣмъ болѣе прискорбенъ, что коллекцій изъ Томской губ., въ особенности предметовъ, найденныхъ не случайно, въ музеѣ меньше, чѣмъ это желательно было бы видѣть въ городѣ, являющемся, благодаря университету, однимъ изъ наиболѣе крупныхъ просвѣтительныхъ центровъ Сибири.

Музей помѣщается въ самомъ зданіи университета и занимаетъ двѣ залы, изъ которыхъ первая посвящена этнографіи, а вторая археологіи. Въ этнографическомъ залѣ обращаетъ на себя вниманіе большой старинный (горельефный) рѣзной на деревѣ образъ св. Николая Можайскаго, прежде находившійся на городскихъ воротахъ Кузнецка [1]). Свя-

---

[1]) Въ Сибири, какъ и слѣдуетъ ожидать, находится много старинныхъ иконъ, могущихъ служить крайне цѣннымъ матеріаломъ для нашей иконографіи: онѣ отчасти занесены были раскольниками, отчасти составляли украшеніе преимущественно городскихъ церквей западной Сибири. Впрочемъ, мѣстные музеи этой стороной русской старины интересуются

той представленъ во весь ростъ, въ облаченіи, съ мечемъ (въ настоящее время поврежденнымъ) въ одной рукѣ и съ церковью въ другой; окраска иконы сравнительно хорошо сохранилась.

Въ археологическомъ отдѣлѣ преобладаютъ предметы изъ бронзы; это вполнѣ естественно, если вспомнить, что именно издѣлія изъ бронзы и привлекали болѣе всего вниманіе изслѣдователей древностей Сибири. На изученіе каменнаго вѣка мѣстные изслѣдователи обращали мало вниманія, и время, когда В. Радловъ могъ утверждать, что въ зап. Сибири нѣтъ слѣдовъ каменнаго вѣка, еще недалеко ушло отъ насъ. Дѣйствительно, это прежнее мнѣніе Радлова въ настоящее время не имѣетъ уже серьезнаго значенія, съ тѣхъ поръ, какъ въ Пермской губерніи за Ураломъ были находимы стоянки каменнаго вѣка, послѣ открытій г-на Савенкова подъ Красноярскомъ и, наконецъ, послѣ сравнительно многочисленныхъ находокъ каменныхъ орудій въ предѣлахъ Томской и Тобольской губ. Но незначительный интересъ, который высказывается къ этой области археологіи, отражается на характерѣ самой коллекціи каменныхъ орудій, впрочемъ количественно довольно богатой для такого молодаго музея, какъ Томскій. Но большинство предметовъ—результатъ случайныхъ находокъ, въ значительной мѣрѣ сдѣланныхъ при производствѣ работъ на Обь-Енисейскомъ каналѣ; не мало и орудій, доставленныхъ изъ Тобольской и Енисейской губ. и южныхъ частей Томской губ. Далеко не всѣ каменные предметы должны быть отнесены къ каменному вѣку: рядомъ съ относящимся, повидимому, къ нему каменнымъ скребкомъ, найденнымъ близъ г. Томска, кремневыми стрѣлами, подчасъ очень изящной работы, найденными около Самаровскаго въ Тобольской губ. и при работахъ Обь-Енисейскаго канала, можно встрѣтить чрезвычайно интересныя полированныя каменныя орудія, относящіяся внѣ сомнѣнія къ болѣе позднему періоду: это—орудія, воспроизводящія по формѣ бронзовые кельты, типичные для Сибири, при чемъ ушки, которыми часто снабжены бронзовые сибирскіе кельты, воспроизведены въ видѣ выступовъ на каменныхъ орудіяхъ, такъ что по контуру бронзовые и каменные кельты имѣютъ большое сходство. Быть можетъ, и нѣкоторые просверленные полированные каменные топоры, находящіеся въ музеѣ,

еще, къ сожалѣнію, слишкомъ мало. Кромѣ того многія древнія иконы по требованію мѣстныхъ духовныхъ властей, были пересланы изъ церквей зап. Сибири въ миссіи для раздачи ихъ новообращеннымъ остякамъ. Большая коллекція иконъ взятыхъ у раскольниковъ хранится, какъ говорятъ, въ Тобольской ризницѣ, которую мнѣ не удалось посѣтить. Въ Кузнецкѣ до послѣдняго времени хранился богатый архивъ, который въ виду роли, которую игралъ этотъ городъ въ исторіи Сибири, долженъ былъ быть весьма интереснымъ. Говорятъ, что Кузнецкій архивъ постигла участь многихъ нашихъ провинціальныхъ архивовъ: онъ постепенно разошелся по рукамъ, и отъ него сохранилась, если вѣрить слухамъ, лишь ничтожная часть.

слѣдуетъ отнести къ той же группѣ издѣлій подражательныхъ болѣе дорогимъ бронзовымъ образцамъ. Въ виду того, что подобные каменные орудія, повторяющіе типы бронзовыхъ издѣлій, извѣстны и въ западной Европѣ и у насъ, въ Европейской Россіи, мнѣ казалось небезынтереснымъ отмѣтить аналогичные типы и для Сибири. Въ общемъ однако коллекція каменныхъ орудій Томскаго музея оставляетъ желать многаго, и слѣдуетъ надѣяться, что мѣстные изслѣдователи обратятъ свое вниманіе и на эту отрасль археологіи, которая, если судить по результатамъ, добытымъ гг. Савенковымъ, Овчинниковымъ и др. для восточной Сибири, обѣщаетъ дать много интересныхъ данныхъ для науки.

Коллекція бронзовыхъ и мѣдныхъ предметовъ древности чрезвычайно богата: она состоитъ изъ издѣлій, собранныхъ г. Дмитріевымъ-Мамоновымъ при раскопкѣ кургановъ около Тобольска, найденныхъ случайно и при раскопкахъ въ Тобольской, Томской губ., Семипалатинской и Семирѣченской областяхъ, богатыхъ коллекцій изъ Минусинскаго, Ачинскаго и Енисейскаго округовъ, пожертвованныхъ И. П. Кузнецовымъ и И. Г. Гадаловымъ и многихъ другихъ предметовъ изъ различныхъ мѣстностей Сибири. Часть коллекцій остроумно сгруппирована по типамъ предметовъ, что даетъ возможность легко познакомиться съ видоизмѣненіями и развитіемъ той или иной группы издѣлій. Особенно значительна коллекція ножей и кинжаловъ, обычнаго для сибирскихъ древностей типа; къ нимъ близко примыкаютъ кинжалы уже желѣзные, но повторяющіе типы бронзовыхъ и мѣдныхъ. Значительное количество бронзовыхъ и мѣдныхъ сѣкиръ, кельтовъ, долотъ, стамесокъ, наконечниковъ копій и стрѣлъ (послѣдніе чрезвычайно разнообразны) дополняютъ собраніе орудій, которое и производитъ впечатлѣніе цѣльности. Къ этой же группѣ предметовъ слѣдуетъ присоединить и такъ наз. скиѳскіе котлы, прекрасные образцы которыхъ, найденныя въ Бійскомъ округѣ, Томской губ., украшаютъ залу музея. Среди предметовъ культа и украшенія слѣдуетъ отмѣтить прежде всего бронзовыя пластинки, изображающія птицъ съ распростертыми крыльями, хорошо извѣстныя уже по находкамъ въ Пермскомъ краѣ (см. рис. Кондаковъ и Толстой: Русск. Древ. III, №№ 41, 42); на хранящихся въ Томскомъ музеѣ предметахъ этого рода мы видимъ ту же хищную птицу и то же человѣческое лицо, начертанное на груди птицы; существенная разница хранящихся въ Томскомъ музеѣ пластинокъ этого рода отъ изображенныхъ въ „Русск. Древностяхъ“ заключается въ томъ, что у первыхъ птица имѣетъ во многихъ случаяхъ высокія, торчащія уши животнаго. Эти предметы найдены въ Кузнецкомъ округѣ, на берегу Ини; къ этой же группѣ предметовъ слѣдуетъ отнести и най-

денную въ Каинскомъ округѣ бронзовую пластинку, представляющую хищную птицу съ распущенными крыльями. Голова съ большими круглыми глазами, клювъ тупой; шея украшена ожерельемъ, помѣченнымъ 10 выпуклыми точками; впереди птицы—человѣческая фигура со сложенными у груди руками; на плечахъ этой фигуры покоятся лапы птицы; пластинка снабжена ушками для привѣшиванія.

Не менѣе интересны металическія ажурныя и литыя бляхи, съ изображеніями разныхъ животныхъ; одинъ изъ видовъ предметовъ этого типа (съ изображеніемъ буйволовъ), помѣщенный въ „Русск. Древн." № 77 (изъ Кузнецкаго округа) представленъ въ коллекціяхъ Томскаго музея въ числѣ нѣсколькихъ экземпляровъ, повидимому, вышедшихъ изъ одной мастерской; онѣ найдены въ Кузнецкомъ округѣ, одна, впрочемъ, и въ Тобольской губ. Вообще, металлическихъ пластинокъ и фигуръ съ звѣринымъ орнаментомъ, столь характернымъ для сибирскихъ древностей, въ музеѣ много. Мы отмѣтимъ небольшую литую фигуру изъ бѣловатаго металлическаго сплава, изображающую стоящаго человѣка, у котораго на груди представлено другое человѣческое лицо: по сторонамъ фигуры двѣ вытянувшіяся ящерицы или змѣи, лижущіе человѣку уши; литую пластинку съ изображеніемъ человѣческой фигуры со сложенными на животѣ руками; надъ головой фигуры, въ связи съ нею голова миѳическаго животнаго. Оба предмета принадлежатъ къ коллекціи тобольскихъ древностей г. Знаменскаго. Къ этой же коллекціи принадлежатъ и пластинки, отмѣченныя въ каталогѣ музея подъ №№ 663, 669 и 670 и изображающія: первая—медвѣдя съ опущенной головой, вторая (кольцеобразная)—двухъ звѣрей, обращенныхъ другъ къ другу головами и ногами и третья—двухъ грызущихся звѣрей, сцѣпившихся мордами и ногами. Обращаетъ на себя вниманіе и ажурная пластинка, найденная при работахъ въ Обь-Енисейскомъ каналѣ, и представляющая группу животныхъ: ободокъ бляхи состоитъ изъ тонкой орнаментированной пластинки, изображающей изъ себя нѣчто въ родѣ змѣй съ головами какого-то животнаго; въ срединѣ помѣщается большой звѣрь, похожій на тигра, съ открытой пастью. Нижняя губа его соприкасается съ мордою змѣи, хвостъ и уши украшены рядомъ выпуклыхъ шишечекъ, тѣло полосатое (кат. № 2,407).

Далѣе, довольно богата коллекція зеркалъ, изъ которыхъ нѣкоторыя украшены орнаментомъ и китайскими надписями. Нѣкоторыя зеркала украшены, кромѣ буквъ, еще орнаментомъ, на другихъ орнаментъ безъ буквъ. Такъ, напр., на одномъ изъ подобныхъ предметовъ находится рельефный рисунокъ человѣческой фигуры подъ развѣсистымъ деревомъ, на другомъ—изображены дерево, 4 человѣческихъ фигуры и

животное, третій представляетъ—двѣ человѣческой фигуры, птицу, луну и деревья (кат. № 2,910, 3,308 и 3,317). Описанныя зеркала составляютъ часть коллекцій изъ Енисейск. губ., пожертвованныхъ гг. Кузнецовымъ и Гадаловымъ. Зеркала, орнаментированныя и гладкія, иногда снабжены ушками и рукоятками. Къ древностямъ указанныхъ коллекцій принадлежатъ и мѣдныя и бронзовыя удила и стремена, въ довольно значительномъ количествѣ представленныя въ музеѣ, далѣе типичные для сибирскихъ древностей бронзовые колокольчики съ фигурами горныхъ барановъ наверху, литыя изъ бронзы фигуры оленя, барана, птицъ и т. п.

Чрезвычайно интересенъ какъ въ археологическомъ, такъ и въ этнографическомъ отношеніяхъ рядъ предметовъ, съ изображеніями человѣческихъ фигуръ, которыя даютъ возможность познакомиться до извѣстной степени съ типомъ и костюмомъ древнихъ обитателей Сибири. Всѣ подобные предметы найдены въ Тобольской губ. и частью принадлежатъ къ коллекціи г. Знаменскаго, частью добыты г. Дмитріевымъ-Мамоновымъ при раскопкахъ кургановъ Тобольской губ. Одна изъ такихъ пластинокъ, не сохранившаяся, впрочемъ, въ цѣлости, изображаетъ нѣсколько человѣческихъ фигуръ, изъ которыхъ одна представляетъ человѣка съ круглымъ лицомъ, одѣтаго въ короткое платье, съ широко открытымъ спереди воротомъ; ноги обуты въ сапоги; на шеѣ отмѣченъ рядъ точекъ, вѣроятно—ожерелье. Литая изъ бронзы изящной работы фигура, найденная г. Дмитріевымъ-Мамоновымъ въ курганѣ, изображаетъ бюстъ женщины. Отъ висковъ, по сторонамъ лица, рядъ выпуклыхъ точекъ представляетъ, повидимому, ожерелье или цѣпь, идущую отъ головы къ передней части шеи. На головѣ сложный уборъ изъ бляхъ и завитковъ; волосы заплетены въ двѣ косы, опускающіяся до плечъ; пространство, соотвѣтствующее верхней части груди представлено въ видѣ четырехъ тонкихъ ажурныхъ пластинокъ, украшенныхъ по длинѣ рядомъ точекъ. На шеѣ полукруглая полоска, соотвѣтствующая шейному обручу. Найденная въ томъ же курганѣ литая бронзовая фигура, болѣе грубой работы, чѣмъ предыдущая, изображаетъ человѣка, одѣтаго въ длинное платье; на шеѣ видны три горизонтальныя выпуклыя полоски, вѣроятно, шейныя гривны; подъ ними на верхней части груди кружокъ, и въ самомъ низу по обѣ стороны подола два такихъ же кружка нѣсколько меньшихъ размѣровъ. Пространство между верхнимъ и нижнимъ кружкомъ раздѣлено по срединѣ продольною полоскою и двумя поперечными, на мѣстѣ положенія пояса. Къ сожалѣнію, голова у фигуры отломана, а нижній край пластинки гладко срѣзанъ, такъ что не представляется возможности судить ни о

головномъ уборѣ, ни объ обуви фигуры. Наконецъ, найденная въ другомъ курганѣ бронзовая пластинка изображаетъ человѣка съ обручемъ на шеѣ и головнымъ уборомъ (кат. №№ 10, 696, 699 и 724). Вообще курганы, раскопанные г. Дмитріевымъ-Мамоновымъ, дали весьма богатые результаты для изученія быта древнихъ обитателей Тобольской губ. Кромѣ многочисленныхъ костяныхъ подѣлокъ, предметовъ обихода и пр. особенный интересъ представляютъ предметы украшенія, изъ которыхъ нѣкоторые могутъ служить доказательствомъ связи, существовавшей между культурами зап.-сибирской и той, которая намъ извѣстна изъ могильниковъ безъ надземныхъ насыпей Тамбовской губ. и др. Въ частности украшенія, основу котораго составляетъ треугольникъ съ привѣсками, прикрѣпленными къ послѣднему цѣпочками, типичное для названныхъ могильниковъ Европейской Россіи, встрѣтились и въ означенныхъ курганахъ.

Менѣе эффектна съ внѣшней стороны, но не менѣе важна въ научномъ отношеніи, чѣмъ собраніе бронзовыхъ предметовъ,—чрезвычайно богатая коллекція глиняныхъ и костяныхъ издѣлій, которой Томскій музей по справедливости можетъ гордиться. Въ ней прежде всего обращаетъ вниманіе обширное собраніе вещей, найденныхъ на городищѣ на Чувашскомъ мысу около Тобольска: изъ числа костяныхъ издѣлій особенно интересны костяныя ложки, частью украшенныя орнаментомъ, и значительное количество костяныхъ наконечниковъ стрѣлъ (плоскихъ, трехъ и четырехгранныхъ, съ шипами и безъ нихъ, круглыя и т. д.). Далѣе слѣдуютъ костяные ножи, костяныя стремена, различныя орудія (скребки и проч.) и т. д. [1]) — однимъ словомъ цѣлая „костяная культура“; коллекція этого рода издѣлій дополняется находками В. М. Флоринскаго костяныхъ предметовъ, въ числѣ которыхъ видное мѣсто занимаютъ также наконечники стрѣлъ; коллекція собрана на берегу Томи, недалеко отъ Томска. Изъ числа глиняныхъ издѣлій прежде всего обращаютъ на себя вниманіе предметы, имѣвшіе, повидимому, жертвенное значеніе; таковы небольшія глиняныя изображенія: человѣческихъ фигуръ, лошадей, сѣдла (формой своей напоминающее, по мнѣнію г. Флоринскаго, современное киргизское: съ высокою лу-

---

[1]) Изъ предметовъ, имѣющихъ интересъ для выясненія художественныхъ способностей древняго населенія, отмѣтимъ между прочимъ: 1) предметъ изъ кости, представляющій голову и шею какого-то животнаго, быть можетъ оленя; шея украшена рядомъ параллельныхъ, идущихъ кругомъ рубчиковъ, а по длинѣ съ той и другой стороны извивающеюся полосой изъ нарѣзныхъ шашечекъ. Отъ головной части сохранились уши и вѣтвистые рога; морда отколота; 2) костяное изображеніе животнаго, подобное вышеописанному; шея круглая, прямая, гладко обдѣланная, но безъ украшеній; на головѣ, нѣсколько приподнятой кверху, отмѣчены широкія ноздри, ротъ и прижатыя назадъ уши; роговъ нѣтъ (кат. №№ 204, 206).

кою спереди и сзади), рогатыхъ животныхъ (коровы и овцы); далѣе небольшіе глиняные сосуды отъ $2^1/_2''$ въ діаметрѣ, найденные на Чувашскомъ мысу, въ тобольскихъ курганахъ, при раскопкахъ Искера, у Тюмени и пр.; наконецъ, глиняная посуда, при чемъ особый интересъ представляютъ орнаментированные черепки, въ большомъ количествѣ найденные случайно и при раскопкахъ въ разныхъ мѣстностяхъ бассейна р. Оби, отъ Тюмени до Томска. Большинство этихъ черепковъ изъ темной глины; орнаментъ несмотря на грубость довольно разнообразенъ; это—рубчики, палочки, треугольники, зубчики, ёлки, ямки и пр. размѣщенные въ нѣсколько рядовъ съ соединеніемъ подчасъ орнаментальныхъ мотивовъ, напр., 9 рядовъ косыхъ рубчиковъ и 4 ряда ямокъ, крестики и палочки, зубчики и бороздки, шишки, зубчики и гвоздики и т. д. Эти предметы, равно какъ и множество другихъ (пряслицъ, цилиндровъ и пр.), найденные въ различныхъ мѣстахъ и относящіеся, вѣроятно, къ различнымъ эпохамъ, представляютъ особенный интересъ для изученія быта и, такъ сказать, будничной обстановки населенія, при чемъ они могутъ служить прекраснымъ матеріаломъ для сравненія и освѣщенія аналогичныхъ находокъ въ Европейской Россіи; въ виду этого нельзя не желать, чтобы управленіе музеемъ и на будущее время обращало особенное вниманіе на эти, хотя и не бросающіеся въ глаза, но важные въ научномъ отношеніи матеріалы для исторіи культуры древнихъ насельниковъ Сибири.

Коллекція желѣзныхъ предметовъ, составившаяся частью благодаря раскопкамъ, частью благодаря случайнымъ находкамъ, приближаетъ насъ уже къ историческому періоду Сибири; желѣзныя удила, наконечники копій и стрѣлъ, стремена, топоры, кольчуги, шлемы и пр. даютъ недурное представленіе о древнемъ вооруженіи. Наконецъ, интересна хотя и небольшая коллекція камней и фотографическихъ снимковъ съ памятниковъ съ несторіанскими надписями изъ Семирѣченской области.

Въ виду близкаго отношенія археологіи съ антропологіей и необходимости для первой обращаться ко второй для опредѣленія физическаго типа населенія, культурой котораго занимается археологъ, считаю нелишнимъ отмѣтить, какіе матеріалы для краніометріи находятся въ распоряженіи музея: въ общемъ нельзя не признать, что этотъ матеріалъ крайне незначителенъ, что объясняется отчасти тѣмъ, что многія коллекціи предметовъ, пожертвованныя въ музей, не содержали краніометрическаго матеріала, отчасти же и тѣмъ, что раскопки городищъ, на которыя изслѣдователи обратили вполнѣ основательно свое вниманіе, сравнительно мало обогащали антропологическую коллекцію музея. Довольно обширная коллекція череповъ была доставлена въ му-

С. К. Кузнецовымъ, преимущественно изъ раскопокъ могильника зъ Таянова городка, противъ Томска. Кромѣ этого имѣются: отьные черепа, найденные при раскопкѣ городища на Чувашскомъ у, на Таяновомъ городищѣ, изъ кургана у г. Вѣрнаго, обширный еологическій матеріалъ изъ раскопокъ тобольскихъ кургановъ г. Дмиева-Мамонова и т. д. [1]).

Мы остановились на этотъ разъ исключительно на древностяхъ ıскаго музея, такъ какъ коллекціи его *въ общемъ* богаче и разноазнѣе, чѣмъ въ Тобольскомъ музеѣ, что впрочемъ нисколько не умать интереса, представляемаго этимъ послѣднимъ. Во всякомъ слу оба музея служатъ лишнимъ доказательствомъ существованія въ бири сравнительно значительнаго количества лицъ, безкорыстно навляющихъ свои силы къ изученію прошлаго своей родины и умѣюкъ заинтересовать и окружающихъ къ собиранію древностей. Успѣхи, тигнутые обоими учрежденіями въ короткій періодъ ихъ существоія, служатъ ручательствомъ, что и въ будущемъ имъ предстоитъ ьнѣйшее развитіе на пользу нашего отечествовѣдѣнія.

Н. Харузинъ.

IV

Археологическая хроника.

—— Въ Неврологическій музей Императорскаго московскаго унисситета недавно поступили три головы египетскихъ мумій (мужскія), гавленныя проф. *Н. Ф. Огневымъ* изъ Каира (музей египетскихъ вн.). Одна изъ этихъ головъ остается въ покрывающихъ ее бинтахъ; попыткѣ освободить отъ бинтовъ вторую голову, оказалось, что кіе покровы головы и лица сохранились очень плохо и обсыпались стѣ съ бинтами, такъ что пришлось очистить черепъ совершенно антропологическихъ цѣлей; онъ оказался прекрасной сохранности. етью голову удалось очистить отъ бинтовъ и смолистыхъ веществъ нь хорошо. Мягкіе покровы лица и черепа сохранились почти вполнѣ, лючая только кончика носа и верхней губы (отломлены, вѣроятно, упаковкѣ и перевозкѣ); даже волосы на лѣвой брови сохранились. ка на лицѣ и черепѣ черно-аспиднаго цвѣта. По первому взгляду

[1]) Этотъ матеріалъ отчасти описанъ въ Томск. Университ. Извѣстіяхъ.

можно предположить принадлежность субъекта къ черной расѣ; но болѣе внимательное разсмотрѣніе не оставляетъ сомнѣнія, что этотъ цвѣтъ искусственный продуктъ бальзамированія, потому что на темени цвѣтъ кожи темно-коричневый, а главное, что и мышцы на изломѣ шеи такого же черно-аспиднаго цвѣта. Черепъ большой, красивый, долихоцефалическій. Носъ крупный съ горбомъ.

—— Отъ проф. И. Ф. Огнева мы получили слѣдующія свѣдѣнія относительно храненія и торговли муміями въ Египтѣ.

Муміи, повидимому, хранятся въ Гизехскомъ музеѣ также, какъ и вездѣ, т. е. болѣе рѣдкія и замѣчательныя въ стеклянныхъ закрытыхъ наглухо витринахъ. Многія муміи (напр. жрецовъ Аммона) лежатъ въ шкапахъ на полкахъ, притомъ съ однѣхъ пелены сняты, на другихъ же оставлены. Какихъ-либо мѣръ для предохраненія мумій отъ вреднаго вліянія температуры, сырости, насѣкомыхъ и т. под., повидимому, не принимается.

Для продажи дубликатовъ отведено въ нижнемъ этажѣ музея двѣ комнаты: въ одной изъ нихъ разложены на полу муміи, саркофаги, росписные ящики и т. п.; въ другой въ стеклянныхъ шкапахъ въ большомъ порядкѣ разставлены скарабеи, идолы, кольца и т. п. мелкіе предметы. Мумій и разной мелочи продается очень много. На каждомъ предметѣ билетъ съ означеніемъ цѣны. Цѣны весьма разнообразны, начиная отъ нѣсколькихъ сантимовъ, кончая тысячами франковъ. Торговля идетъ, по словамъ хранителей, очень бойко, особенно много покупаюсъ американцы и англичане. Для вывоза изъ Египта музей даетъ два свидѣтельства, одно для провоза по желѣзной дорогѣ, другое для представленія въ таможню. Ящики запечатываются печатью музея, и въ таможнѣ въ Александріи внимательно осматриваются.

—— Н. П. Авенаріусъ сообщаетъ редакціи слѣдующія подробности о своихъ раскопахъ въ 1895 г.: „Лѣтомъ я раскопалъ шесть кургановъ на берегу р. Удая, близъ с. Поставмуки, Лохвицкаго уѣзда, Полтавской губ. Въ этихъ курганахъ найдены мною слѣдующія вещи, частью древне-греческаго, частью варварскаго происхожденія: большая ($10^1/_4$ в. вышины) амфора съ остроконечнымъ дномъ; изящная терракотовая вазочка съ черными полосками; массивное бронзовое зеркало; большая бронзовая фибула со звѣринымъ орнаментомъ; длинныя (4—6 вершк.) гвоздеобразныя мѣдныя булавки или шпильки; мѣдные наконечники стрѣлъ и т. п. Всѣ эти вещи, за исключеніемъ амфоры, отправлены мною въ Императорскую археологическую коммиссію. Кромѣ того, одинъ изъ череповъ переданъ чрезъ доктора Владыкина въ антропологическое общество“.

—— Настоящимъ лѣтомъ состоялось нѣсколько археологическихъ экскурсій въ Крымъ.

Ю. А. Кулаковскій изслѣдовалъ территорію на югъ отъ Симферополя къ Бахчисараю и до моря на западъ, раскопалъ нѣсколько кургановъ между Альмой и Качей, розыскалъ нѣсколько надписей въ развалинахъ старыхъ церквей и въ церквахъ пещерныхъ городовъ, снялъ на кальку надписи вновь найденной христіанской катакомбы въ Керчи. Эта надпись содержитъ 90-й псаломъ и молитву Трисвятое.

Н. И. Веселовскій раскопалъ къ западу отъ Симферополя 20 кургановъ, не давшихъ однако никакихъ непосредственно цѣнныхъ находокъ. Въ материкѣ оказывались повсюду погребенія съ красными костями, а впускныя могилы были вообще бѣдны или разграблены.

—— Въ общемъ собраніи членовъ костромской архивной коммиссіи, состоявшемся 29-го августа, предсѣдателемъ коммиссіи, статсъ-секретаремъ-сенаторомъ Н. Н. Селифонтовымъ, прочитанъ докладъ объ его экскурсіи въ село Домнино и окрестныя села и деревни, съ цѣлью разысканія рукописей и другихъ памятниковъ старины, которые могли бы войти въ учреждаемый при костромской архивной коммиссіи „Романовскій отдѣлъ древностей". Н. Н. Селифонтовымъ, по словамъ „Костр. Губ. Вѣд.", передано уже въ коммиссію болѣе десяти собранныхъ имъ рукописей, касающихся подвига Ивана Сусанина и вотчинныхъ владѣній бояръ Романовыхъ. Имъ намѣчено также нѣсколько пунктовъ въ окрестностяхъ села Домнина, имѣющихъ историко-археологическое значеніе, для снятія съ нихъ фотографическихъ видовъ, и указано нѣсколько лицъ, въ предѣлахъ села Домнина, изъявившихъ готовность содѣйствовать своими археологическими изысканіями осуществленію цѣли архивной коммиссіи — учрежденію Романовскаго Отдѣла древностей. (Спб. Вѣд. № 269, 1895 г.).

—— „Туруханск. Вѣдом." сообщаютъ, что въ нынѣшнемъ году снаряжается въ Самаркандъ, подъ начальствомъ графа А. А. Бобринскаго, особая экспедиція по изслѣдованію тамошнихъ древнихъ памятниковъ зодчества. Въ Самаркандъ прибудутъ къ начатію работъ академистъ Покрышкинъ, которому поручена чисто архитектурная часть, и художникъ Дудинъ, которымъ будутъ изготовляться фотографическіе снимки съ подлежащихъ изданію памятниковъ. Ближайшія распоряженія по занятіямъ экспедиціи и наблюденіе за ходомъ всѣхъ работъ возложены на члена Императорской археологической коммиссіи, профессора Веселовскаго; ему же разрѣшены раскопки, которыя онъ призналъ нужнымъ произвести какъ въ Самаркандѣ, такъ и въ окрестностяхъ этого города. (Спб. Вѣд. № 269, 1895 г.).

—— Интересныя находки, какъ сами по себѣ, такъ и по мѣсту, гдѣ онѣ были сдѣланы, поступили въ Аренсбургскій музей. На городищѣ о-ва Монъ, сыгравшаго видную роль въ исторіи защиты эстами своей родины противъ ордена, были найдены предметы вооруженія и украшенія, какъ-то: наконечники копій и стрѣлъ, ножъ, топоръ, бронзовыя шейныя гривны, фибулы, браслеты, кольца, бусы и пр. Кромѣ того найдены чашки вѣсовъ и монеты; послѣднія относятся приблизительно къ эпохѣ завоеванія Мона (1227 г.) нѣмцами, а именно кельнскія епископскія монеты конца XII и начала XIII в., мюнстерскія, англійскія и шотландская того же времени. (Düna Z. Beil. № 115, 1895).

—— Изученіе древностей г. Ревеля, предпринятое гг. В. Нейманомъ и Э. Нотбекомъ, успѣшно подвигается впередъ. Въ настоящее время окончено описаніе церковныхъ древностей города. Церкви: вышгородская, св. Николая, св. Духа, шведская св. Михаила и др. изобилуютъ памятниками старины; въ нихъ находятся старинные гербы, гробницы представителей мѣстныхъ дворянскихъ фамилій, старинныя священныя картины и пр., сохранившіяся еще отъ времени, когда въ балтійскихъ губерніяхъ господствовало католичество. Изслѣдователями была между прочимъ обнаружена алтарная картина XVII в. (въ вышгородской церкви), старинные документы, имѣющіе генеалогическій интересъ (ц. св. Николая), опредѣлено мѣсто нахожденія часовень св. Антонія и св. Варвары въ той же церкви и наконецъ разобраны надписи на надгробныхъ плитахъ, поскольку эти послѣднія не были уже раньше прочитаны г. Э. Нотбекомъ Результаты изслѣдованій обоихъ ученыхъ должны войти въ обширное сочиненіе, посвященное древностямъ Эстляндской губ., при чемъ есть основаніе надѣяться, что авторы успѣютъ издать хотя часть своихъ интересныхъ трудовъ къ предстоящему X-му археологическому съѣзду въ Ригѣ. (Düna Zeit., № 108, 1895 г.).

—— С. Троицкое на Днѣстрѣ, Одесскаго уѣзда. Днѣстровское побережье представляетъ не малый интересъ въ археологическомъ отношеніи, такъ какъ рѣка эта искони служила торговымъ путемъ и берега ея имѣютъ слѣды поселеній глубокой древности. Въ нижнемъ ея теченіи, еще за нѣсколько вѣковъ до Рождества Христова, прочно поселились предпріимчивые греки, основавъ здѣсь города: Тирасъ—на мѣстѣ нынѣшняго Аккермана и Никоній—на противоположномъ берегу Днѣстровскаго лимана.

Мѣсяцевъ пять тому назадъ, семеро крестьянъ села Троицкаго, Одесскаго уѣзда, наслушавшись легендарныхъ разсказовъ про несмѣтныя сокровища, зарытыя будто бы въ здѣшнихъ курганахъ, надумали

раскопать одинъ изъ нихъ, самый высокій, верстахъ въ двухъ къ сѣверу отъ села. Но работа оказалась не по ихъ силамъ, такъ какъ курганъ этотъ слишкомъ высокъ, а расплывшееся его основаніе имѣетъ въ окружности до полуверсты (?). Рѣшили сдѣлать пробу на меньшемъ. Курганчиковъ небольшихъ размѣровъ вокругъ большаго много, до двѣнадцати, и большинство изъ нихъ уже разрыты прежними кладоискателями. Выбравъ нетронутую могилу, крестьяне принялись рыть. На глубинѣ сажени отъ поверхности насыпи они провалились въ глубокое подземелье. Это была погребальная камера, размѣрами немного менѣе кубической сажени.

Страхъ обуялъ мужиковъ; но съ надеждой на завѣтный кладъ принялись они обшаривать подземелье. Оно было вырыто въ слоѣ желтой глины, потолокъ и стѣны его гладко обтесаны; въ одной стѣнѣ оказалось завалившееся полукруглое отверстіе.

Вмѣсто желаннаго клада крестьяне наткнулись на истлѣвшій человѣческій скелетъ—и со страху бросились вонъ изъ могилы, захвативъ, однако, съ собою лежавшій при покойникѣ огромный глиняный остродонный кувшинъ (амфору, древне-греческой работы) и глиняную же лампочку.

Слухъ объ этихъ раскопкахъ мигомъ облетѣлъ село, и двое другихъ крестьянскихъ парней задумали испробовать счастье въ любопытномъ провалѣ, обнаружившемся подъ проѣзжей дорогой въ самомъ селѣ. Яма эта оказалась также входомъ въ подземелье. И здѣсь также нашли они огромный остродонный кувшинъ, кости—и ничего больше.

Спустя нѣсколько времени, приставъ города Маяка получилъ предписаніе отъ г. херсонскаго губернатора принять всѣ мѣры къ прекращенію хищническихъ раскопокъ у с. Троицкаго, найденныя вещи доставить въ херсонскій археологическій музей, а виновныхъ въ хищническихъ раскопкахъ крестьянъ привлечь къ уголовной отвѣтственности. („Новор. Тел.“ 1 іюня 1895 г.).

—— По сообщенію „Одесскаго Листка“ манія кладоискательства овладѣла также и нѣкоторыми обитателями Одессы, мечтавшими найти клады на Шишмановской площади, въ Дюковскомъ саду, у Строганова моста и, наконецъ, на Хаджибейскомъ лиманѣ, гдѣ будто бы въ 1769 г. былъ зарытъ кладъ запорожцами, какъ повѣствуетъ объ этомъ распространившаяся въ Одессѣ выпись или копія какого-то документа, изъ котораго названная газета приводитъ только нѣкоторые отрывки. Начинается она такимъ образомъ: „Писано въ 1811 г. 12 апрѣля, писавъ дьякъ Микита“. Затѣмъ подробно описывается то мѣсто на лиманѣ, гдѣ будто зарыты: „4 чушки съ серебромъ, 1 съ золотомъ, струментъ и

дорога козацька золота сбруя". Въ заключеніи говорится: „Буде тоби и внукамъ и правнукамъ, и не проживешь, тилько молыся Богу и не забувай четырехъ братовъ и товарищей Микиту, Василя, Петра и Федора, котори покладали цы гроши и добро. Боже, поможи добрымъ людямъ найти нашъ кладъ та й не забудьте и насъ грѣшныхъ, бурлакъ запорожцивъ", (Кіевск. Старина, 1895, № 9).

—— Въ воскресенье, 1-го октября, въ одной изъ аудиторій С.-Петербургскаго университета Д. В. Айналовъ защищалъ магистерскую диссертацію подъ заглавіемъ „Мозаики IV и V вѣковъ. Изслѣдованія въ области иконографіи и стиля древне-христіанскаго искусства". Главная тема диссертаціи — анализъ сюжетовъ мозаикъ и ихъ общаго и частнаго иконографическаго содержанія. Такъ г. Айналовъ даетъ совершено новое объясненіе мозаикъ церкви св. Пуденціаны въ Римѣ и обстоятельно разрабатываетъ мозаики тріумфальной арки и нефа ц. S. Maria Maggiore въ Римѣ (мозаики послѣдней вновь рисованы авторомъ и исправляютъ неточности изд. Дж. Де-Росси). Диспутъ начался рѣчью диспутанта, въ которой онъ выяснилъ важное значеніе мозаикъ для изученія величаваго движенія христіанскаго искусства — древняго предвѣстника ренесанса, при чемъ обратилъ особенное вниманіе на связь искусства запада съ искусствомъ востока. Взятыя въ связи съ другими памятниками античнаго искусства, мозаики являются наиболѣе сохранившимися и содержательнымъ памятникомъ. Онѣ развертываютъ картину постепеннаго развитія творческаго процесса и отражаютъ въ себѣ отзвуки древнихъ вѣковъ. Исторія, легенды, апокрифъ, словомъ все, чѣмъ живетъ христіанство въ первые вѣка церкви, даетъ содержаніе и тему для мозаичной живописи; развитіе искусства на востокѣ отражается въ композиціи и даже въ стилѣ мозаикъ. „Историкъ литературы найдетъ въ мозаикахъ, — закончилъ свою тѣчь г. Айналовъ, — новыя данныя, новыя черты легендъ и апокрифовъ, историкъ народовъ найдетъ новыя ясныя данныя для исторіи сношеній востока и запада, историкъ религіи увидитъ въ нихъ направленіе идей и вѣрованій, историкъ культуры почерпнетъ нѣсколько данныхъ, характеризующихъ связи античнаго міра съ христіанскимъ и черты, выражающія постепенное ослабленіе этихъ связей".

—— Въ Симбирскѣ открыла свои дѣйствія ученая архивная коммиссія, утвержденная 27 апрѣля 1895 г. Въ первомъ засѣданіи коммиссіи были произведены выборы должностныхъ лицъ, членовъ почетныхъ и дѣйствительныхъ. Предсѣдателемъ коммиссіи избранъ В. Н. Поливановъ, товарищемъ предсѣдателя И. А. Ивановъ, правителемъ дѣлъ Д. И. Сапожниковъ. Въ почетные члены м. пр. избраны: высо-

копреосвященный Савва, архіепископъ Тверской, гр. П. С. Уварова, А. К Жизневскій и др.; въ дѣйствительные члены 22 лица. При коммиссіи предположено устроить историко-археологическій музей, архивъ и библіотеку. („Симбирск. губ. Вѣдом.“ 1895, № 56).

—— Саратовъ. Раскопки. По словамъ саратовскихъ газетъ, раскопки на Увекѣ, начатыя 24 сентября текущаго года, продолжались до 1 октября. Увекъ — село Саратовской губерніи, въ 12 верстахъ отъ губернскаго города, при впаденіи рѣчки Увековки въ Волгу,—любопытно въ археологическомъ отношеніи; здѣсь въ древности находился татарско-монгольскій укрѣпленный городъ. Раскопки велись членами мѣстной ученой архивной коммиссіи, и уже въ самомъ началѣ изслѣдованія пространства между Большими и Малыми буграми была открыта стѣна кирпичной кладки на протяженіи восьми саженъ, а въ 10 саж. отъ нея обнаружена другая стѣна, въ полтора аршины толщины. При этомъ найдены: много разноцвѣтныхъ изразцовъ, весьма изящной работы фигурныя изображенія изъ неглазированной массы, нѣсколько монетъ, два глиняные сосуда, много костей—остатки разныхъ животныхъ, употреблявшихся въ пищу. При раскопкахъ, производившихся 1 октября, удалось опредѣлить дальнѣйшее направленіе стѣны на протяженіи $5^1/_2$ саж., при этомъ обнаружена лѣстница въ девять ступеней, ведущая въ подвалъ. („М. В.“ окт. 15, № 284).

—— Раскопки въ Эденбургѣ.—Городъ Эденбургъ, въ Венгріи, оказался при раскопкахъ особенно богатымъ древними памятниками временъ римлянъ. На площади Деака отрыто нѣсколько могилъ, и между прочимъ, каменный ящикъ съ двумя скелетами. Ящикъ представляетъ большой интересъ тѣмъ, что боковыя стѣнки его составлены изъ двухъ половинъ римской записной доски, обращенныхъ письменами во внутреннюю часть ящика. Археологи объясняютъ, что городъ Эденбургъ былъ разрушенъ варварами во второй половинѣ второго столѣтія послѣ Рождества Христова, и снова выстроенъ римлянами. Записная или памятная доска имѣетъ 164 сант. въ вышину и 84 въ ширину. На верхнемъ концѣ ея высѣчена роза и двѣ кружки съ двумя ручками. Надпись изъ одиннадцати строкъ гласитъ, что доска была поставлена нѣкіимъ Флаккомъ на могилѣ его родителей — девяносто-лѣтняго отца Гиларуса изъ рода Семпроніевъ, и семидесяти-лѣтней матери Сассы, родившейся въ Дакіи. При возведеніи новой постройки въ улицѣ Цсенгери, было снова разрыто девять римскихъ гробницъ. Въ трехъ изъ нихъ хранился одинъ пепелъ, а въ шести прочихъ—скелеты. Большую разбитую урну удалось возобновить въ цѣлости. Въ ней заключалось и металлическое зеркало. Въ одномъ гробу, вмѣстѣ съ человѣческимъ ске-

летомъ, лежалъ собачій скелетъ. Всего найдено 33 гробницы, остатки римской стѣны и два каменныхъ ящика. Въ одномъ ящикѣ заключались обуглившіяся кости скелета и четыре глиняныя лампы. Въ другомъ — скелетъ ребенка, монета императора Адріана и лампа со штемпелемъ „Fortis". Въ ногахъ ребенка лежали обуглившіяся кости взрослой особы, Въ пеплѣ найдены тонко выточенные изъ слоновой кости набалдашникъ палки и продыравленный кругъ. (Спб. Вѣд. № 269, 1895 г.).

—— Изъ Константинополя сообщаютъ въ „Фоссову Газету", что въ Вилайетѣ Конья найденъ замѣчательный документъ, одинаково важный въ историческомъ отношеніи какъ для христіанъ, такъ и для мусульманъ. Документъ этотъ—фирманъ Омара I, втораго мусульманскаго калифа, данный имъ Іерусалимскому патріарху Софронію, немедленно послѣ взятія Святаго Града мусульманами. Омаръ, современникъ Магомета, отличался, какъ извѣстно, особенною ненавистью къ христіанамъ, несмотря на данный имъ фирманъ, въ которомъ обезпечивалась полная свобода вѣроисповѣданій. Онъ былъ убитъ въ 644 году христіаниномъ, возмущеннымъ его жестокостью. Омаръ считается настоящимъ основателемъ калифата, подъ главенствомъ котораго онъ соединилъ власть свѣтскую и духовную. Со временъ Омара, калифы приняли титулъ „повелителя правовѣрныхъ", носимый султанами до настоящаго времени. (Моск. Вѣд. 1895, 7 окт., № 276).

—— Барка императора Тиберія. Между жителями Ненійскаго озера, въ Италіи, съ давнихъ поръ существуетъ повѣріе, что на днѣ того озера лежитъ потонувшая роскошная барка императора Тиберія. Еще въ шестнадцатомъ столѣтіи, по приказанію кардинала Колонна, производились розыски этой барки. Въ настоящее время владѣлецъ озера, князь Орсини, съ помощью двухъ водолазовъ снова началъ розыски, на этотъ разъ оказавшіеся болѣе счастливыми. Между Генцено и хижинами рыбаковъ водолазы нашли, наконецъ, судно въ тридцати метрахъ отъ берега и на глубинѣ въ двадцать метровъ. Барка имѣетъ въ длину 23 метра и девять въ ширину. Къ сожалѣнію, нѣтъ возможности поднять изъ воды судно цѣликомъ, но только по частямъ. До сихъ поръ изъ озера извлечены нѣсколько украшенныхъ балокъ и двѣ бронзовыя фигуры льва и волка. Вообще судно убрано многими бронзовыми и мозаичными украшеніями. На дняхъ италіянскій министръ Бачелли отправился къ мѣсту нахожденія барки для осмотра ея драгоцѣнныхъ остатковъ. („М. В." № 284).

V

Засѣданія Обществъ.

Послѣднее передъ лѣтними вакаціями засѣданіе Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, состоявшееся 19 го мая, было почти все посвящено вопросу о лѣтнихъ экспедиціяхъ и, главнымъ образомъ, раскопкамъ въ Прибалтійскомъ краѣ, въ виду приближающагося созыва X Археологическаго Съѣзда въ Ригѣ въ 1896 г. Рѣшено было послать туда двѣ экспедиціи: одну съ барономъ Р. Р. Штакельбергомъ во главѣ, другую—подъ руководствомъ д. чл. В. И. Сизова. Согласно представленнымъ этими лицами программамъ ихъ поѣздокъ, экспедиціи эти должны обнять слѣдующіе районы. Первая (бар. Штакельбергъ)—Аллолинъ и Туддолинъ въ Везенбергскомъ у., гдѣ между Пюпиртищемъ и Чудскимъ оз. находится интересное городище. Изъ Везенбергскаго у. бар. Штакельбергъ предполагалъ проѣхать въ Вейсенштейнскій у. для изслѣдованія городищъ и могильниковъ Сейдель, Этель, Лехтсъ и т. д. Затѣмъ въ Ревельскій и Гапсальскій уу. на городища Сонтага и Лиинусе и на могильникъ около и. Мунналосъ. Изъ Эстляндской губ. экспедиція должна была перейти на о-ва Эзель и Монъ для изслѣдованія городищъ и могильниковъ Кальмомогги, Каррисъ, Кильконд и на полуостровъ Шворбэ. Въ Лифляндской губ. бар. Штакельбергъ надѣялся изслѣдовать городище и могильники близъ Оденпэ.

В. И. Сизовъ избралъ райономъ своихъ изслѣдованій мѣстность, образующую треугольникъ, ограниченный крайними пунктами: Либава, г. Виндава и теченіе р. Виндавы до Грёзена, составляющаго юго-западный пограничный пунктъ Курляндской губ. Въ этой площади находятся слѣдующія урочища, завѣдомо интересныя для изученія, а именно: Гробинъ, Капсетенъ, могильникъ около г. Виндавы, мог. у Хазау, Пильзенъ, Вензау, Акботенъ, Грёзенъ и нѣкот. другіе. Если позволитъ время, то изслѣдованія продолжатся до р. Свѣнты и Палонгена, а также въ мѣстностяхъ по теченію р. Ангера, въ и. Папенъ и Угаленъ и по бассейну р. Абава въ мѣстностяхъ Цабельнъ, Кандау и Зантенъ. До этой поѣздки г. Сизовъ предпологалъ посѣтить еще с. Гнѣздово, Смоленской губ., для наблюденія за результатами уничтоженія кургановъ на землѣ г. Филимонова, (по личному предложенію послѣдняго). В. А. Городцовъ командированъ для изслѣдованія бассейна р. Оки въ Бѣлевскомъ, Зарайскомъ, Рязанскомъ и Спасскомъ уѣздахъ. Что же касается до Кавказа, то въ этомъ году предсѣдатель Общества гр. П. С. Уварова предполагала продолжать начатыя ранѣе изслѣдованія христіанскихъ его памятниковъ и посѣтить неизвѣстныя еще мѣста Хевсуріи, Тушетіи и Сванетіи, д. чл. А. С. Хахановъ командированъ въ Душетскій уѣздъ, Тифлисской губ., а чл. кор. В. М. Сысоевъ въ Кубанскую область.

Въ Ревелѣ образовалось Отдѣленіе Предвар. Ком. Рижскаго Съѣзда подъ предсѣдательствомъ Я. Э. фонъ-Нотбека, а въ Ригѣ при предсѣдателѣ

фонъ-Бухгольцѣ; къ послѣднему примкнули и курляндскіе археологи. Отъ секретаря Курл. Стат. Ком. А. И. Лудмера получена его статья о герцогскомъ архивѣ въ Митавѣ, которая войдетъ въ труды Предвар. Комитета X Археол. Съѣзда, нынѣ уже печатающіеся. Въ виду того же Съѣзда хранитель Виленскаго Музея Ѳ. В. Покровскій предпринимаетъ по порученію Общества изслѣдованіе площади между р. Виліей и оз. Нарочъ. Единогласно было рѣшено ходатайствовать передъ г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія о всеподданнѣйшемъ докладѣ Его Императорскому Величеству о соизволеніи на посвященіе Трудовъ Предварительнаго Комитета Рижскаго Съѣзда памяти въ Бозѣ Почивающаго Императора Александра III, по Высочайшему желанію и указанію котораго X Археологическій Съѣздъ созывается въ Ригѣ. Въ томъ же засѣданіи постановлено было дать, по окончаніи реставраціонныхъ работъ въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ, отчетъ объ этой реставраціи съ планами, рисунками, фотографіями и протоколами.

Въ пятницу 15-го сентября, состоялось засѣданіе Восточнаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, подъ предсѣдательствомъ барона В. Р. Розена. Докладъ представилъ В. В. Радловъ: „О результатахъ дешифровки енисейскихъ надписей". Надписи эти сдѣланы на томъ же тюркскомъ языкѣ, какъ и надписи долины рѣки Орхана. Первая изъ енисейскихъ надписей, сдѣланная на каменномъ обелискѣ, открыта еще въ 1721 году Мессершмидтомъ. Послѣдующіе изслѣдователи Сибири, начиная съ Миллера и Палласа и кончая нынѣ дѣйствующими Кузнецовымъ и Клеменцемъ, открыли цѣлый рядъ этихъ надписей, которыя въ настоящее время В. В. Радловъ сдѣлалъ предметомъ точнаго изслѣдованія. Всѣ эти надписи имъ воспроизведены по изобрѣтенному имъ способу дѣлать эстампажи съ камней на коленкорѣ и прочтены. Всѣ надписи заключаютъ въ себѣ надгробія, писанныя отъ перваго лица погребеннаго, исчисляющаго съ кѣмъ онъ изъ своихъ близкихъ разлучился и что въ жизни совершилъ. На основаніи этихъ памятниковъ выясняется фактъ сношеній тюркскихъ хановъ на Енисеѣ съ китайскими императорами Тангской династіи, и вообще рядъ хронологически-послѣдовательныхъ фактовъ исторіи тюрковъ VII и VIII вѣковъ до уничтоженія ихъ владычества пришедшими уйгурами. Въ томъ же засѣданіи іеромонахъ Алексій Виноградовъ представилъ напечатанный имъ обширный трудъ „Исторія Библіи на востокѣ", имѣющій цѣлью установить правильныя начала для перевода Слова Божія на восточныя языки. (Нов. Вр. 17 сент. 1895 г.).

1895 г. 10-го октября состоялось засѣданіе Русскаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, подъ предсѣдательствомъ С. Ѳ. Платонова. Доклады представили С. М. Середонинъ („Наказъ князю М. И. Воротынскому и роспись полкамъ 1572 года") и Х. М. Лопаревъ („Новое свидѣтельство о нашествіи Руси на Константинополь въ 860 году")

С. М. Середонинъ издаетъ въ настоящее время впервые вышесказанный памятникъ который въ значительной мѣрѣ дополняетъ имѣвшіяся доселѣ извѣстія о второмъ походѣ крымскаго хана Девлетъ-Гирея на Москву, окончившемся его пораженіемъ на берегахъ рѣки Лопасни. Вмѣстѣ съ тѣмъ подробный анализъ этого памятника даетъ поводъ къ нѣкоторымъ весьма важнымъ выводамъ и соображеніямъ. Здѣсь мы впервые находимъ точное упоминаніе о служилыхъ нѣмцахъ, особый отрядъ которыхъ обозначается въ росписи, а также о томъ, что съ именитыхъ людей Строгоновыхъ полагалось взять тысячу казаковъ. Сдѣланныя въ Наказѣ указанія о боярскихъ дѣтяхъ въ числѣ 184 человѣкъ, распредѣляемыхъ по полкамъ, обращаютъ на себя вниманіе изслѣдователя въ томъ отношеніи, что въ данный моментъ, когда дѣйствуетъ опричнина и когда царь стоитъ въ Новгородѣ, это число составляютъ дѣти боярскіе городовые, а не дворовые. Изслѣдованіе Хр. Меѳ. Лопарева имѣетъ своимъ предметомъ памятникъ византійской литературы. Это—„Слово на положеніе ризы Богородицы во Влахернахъ". Докладчикъ доказываетъ, что Слово это принадлежитъ писателю IX вѣка Георгію, библіотекарю Софійскаго собора, а впослѣдствіи митрополиту никомидійскому, и что заключающіяся въ Словѣ подробности о нашествіи разорительнаго для Византіи племени относятся къ походу Аскольда и Дира. Въ томъ же засѣданіи были представлены присланныя И. А. Голышевымъ печатныя покрывала для покойниковъ, съ изображеніями на одномъ Распятія Христова и на другомъ—Воскресенія Христова. (Нов. Вр. № 7043, 1895 г.).

VI

Библіографія.

Д. В. Айналовъ. Мозаики IV и V вѣковъ. Изслѣдованія въ области иконографіи и стиля древне-христіанскаго искусства. Спб. 1895. 8° IV+198+II табл.

Еще до послѣдняго времени труды Чіампини [1]), д'Аженкура [2]) служили главнымъ источникомъ при изученіи древней христіанской живописи, представленной въ мозаической росписи итальянскихъ церквей, начиная съ IV вѣка. Насколько не удовлетворительны рисунки съ памятниковъ въ этихъ трудахъ, теперь, когда есть возможность пользоваться фотографическими снимками, особенно для всѣхъ ясно и понятно: рисунки эти совершенно искажаютъ оригиналъ, и не даютъ возможности судить о стилѣ его, о типахъ лицъ, и тѣмъ оцѣнить научнымъ образомъ памятника, поставить его въ

[1]) Vetera monimenta, pars I - II Romae, 1690—1699.

[2]) Histoire de l'art par les monuments depuis le IV-me siècle jusqu'au XVI-me s.

связь съ другими одновременными памятниками. Болѣе удовлетворительны снимки при монументальномъ трудѣ Гарруччи [2]), но и они все же, къ сожалѣнію, во многомъ искажаютъ оригиналъ.

Мозаикамъ римскимъ далѣе посвящено замѣчательное изданіе покойнаго великаго археолога Джіованни Баттиста де-Росси; въ немъ всѣ мозаики представлены въ краскахъ и такимъ образомъ, повидимому, могли бы замѣнить оригиналъ. Къ сожалѣнію, и въ это замѣчательное, лучшее, что имѣемъ въ настоящее время по своимъ достоинствамъ, научное изданіе римскихъ мозаикъ, вкралось не мало ошибокъ, неточностей; часто въ основу берется невѣрный рисунокъ Гарруччи и онъ лишь раскрашивается.

Отдавая должное трудамъ названныхъ ученыхъ. сослужившимъ въ свое время великую службу и служащимъ и въ настоящее время, особенно что касается двухъ послѣднихъ трудовъ, незамѣнимымъ источникомъ и пособіемъ, должны сказать, что все же желающему научно изучить мозаики церквей Италіи ими одними ограничиться не приходится; является настоятельная необходимость въ изученіи ихъ на мѣстѣ, въ изданіи другихъ болѣе точныхъ снимковъ.

Какъ не удовлетворительны во многомъ снимки съ мозаикъ въ указанныхъ изданіяхъ, такъ многаго оставляютъ желать и объясненія ихъ. Не говоря о трудахъ Чіампини, д'Аженкура и болѣе новые, напр., Гарруччи—даютъ слабыя описанія съ символическими толкованіями и если касаются стиля, какъ, напр, Лобортъ, Витте, Кроу и Кавальказелле, Чинаазе и др., то большей частью повторяя болѣе раннія сужденія, или трактуютъ о стилѣ весьма мало, не въ той степени, какъ того и требуютъ самые памятники; иконографическій же разборъ въ нихъ почти отсутствуетъ; изслѣдованія де-Росси въ этомъ отношеніи представляютъ исключеніе, но въ нихъ археологическая сторона, или вѣрнѣе историческая, беретъ перевѣсъ надъ художественной; нѣтъ углубленія въ стиль и иконографію.

Выставленный въ заглавіи выше трудъ Д. В. Айналова касается лишь мозаикъ IV—V вѣка нѣкоторыхъ церквей Италіи. Онъ выполненъ имъ, какъ видно изъ предисловія къ труду, послѣ изученія памятниковъ на мѣстѣ, и послѣ составившагося у него убѣжденія, какъ мало еще изученъ одинъ изъ важнѣйшихъ отдѣловъ древне-христіанской живописи—древне-христіанская мозаика. Онъ вкратцѣ указываетъ на то положеніе изученія ихъ, на какое мы указали выше: „Въ изданіи мозаичныхъ памятниковъ, говоритъ онъ, допущено множество ошибокъ; въ объясненіяхъ ихъ сюжетовъ и композицій господствуетъ еще старый методъ символики, и описанія мозаикъ являются почти безцѣльными, такъ какъ въ нихъ нѣтъ ни художественнаго, ни историческаго анализа композицій и стиля". „Въ настоящемъ сочиненіи—продолжаетъ онъ—предлагается заново изслѣдованіе декоративнаго стиля мозаиче-

---

[2]) Storia della arte cristiana nei primi otto secoli della chiesa. Prato.

[3]) Musaici delle chiese anteriori al secolo XV. Roma. Spithöver. 1872 - 1892. Fasciculi I—XXIII.

скихъ росписей, сохранившихся въ церквахъ Италіи, при чемъ естественно пришлось искать новыхъ объясненій для многихъ композицій и попытаться исправить многія ошибки, укоренившіяся въ наукѣ. Результатъ работъ на лицо предъ читателемъ". Результатъ этотъ весьма плодотворенъ. Сочиненіе автора вноситъ богатѣйшій вкладъ въ науку христіанской археологіи, даетъ богатый матеріалъ для начальнаго періода исторіи византійскаго искусства и будетъ оцѣненъ не только въ небогатой русской научной литературѣ по исторіи искусствъ, но и въ западно-европейской.

Авторъ вполнѣ слѣдуетъ методу своего учителя Н. П. Кондакова, проводимому послѣднимъ въ своихъ трудахъ и выраженному также теоретически въ послѣднемъ капитальномъ сочиненіи „Исторія византійскихъ эмалей" [4]); „памятникъ долженъ быть освѣщенъ предварительно самъ по себѣ, по своимъ историческимъ признакамъ, и эти признаки должны быть указаны какъ историческія черты, въ ходѣ иконографическаго типа, сюжета, въ движеніи художественной формы". Онъ именно прежде всего исходитъ изъ данныхъ, почерпаемыхъ въ самыхъ памятникахъ, анализируя ихъ и въ отношеніи стиля, и въ отношеніи хода иконографическаго типа, и въ общемъ получается богатѣйшій матеріалъ для характеристики состоянія искусства въ эпоху, которой принадлежатъ памятники. Въ то же время авторъ въ объясненіи многихъ композицій, въ объясненіи началъ ихъ исходитъ также изъ мыслей приводимыхъ его учителемъ въ послѣднихъ трудахъ, именно, что въ изученіи памятниковъ Палестины, обрядовъ, совершавшихся на мѣстахъ дѣятельности Христа, легендъ, связанныхъ съ этими мѣстами лежитъ объясненіе многихъ деталей памятниковъ древне-христіанскаго искусства, а также уясненіе вообще началъ этого искусства, его происхожденія, равно какъ и происхожденія и византійскаго искусства. [5]) Авторъ даетъ блестящее подтвержденіе этихъ мыслей анализомъ напр., мозаикъ ц. св. Пуденціаны въ Римѣ. Авторъ вообще слѣдитъ за связью изучаемыхъ имъ памятниковъ съ памятниками восточными, и наблюденія его надъ стилемъ этихъ памятниковъ приводятъ къ опредѣленію декоративныхъ свойствъ новаго стиля, явившагося на востокѣ и въ аналогичныхъ чертахъ распространившагося въ V вѣкѣ. Новый стиль этотъ—византійскій. Никто еще такъ широко, всесторонне не разбиралъ мозаикъ IV—V вѣка (Рима, Неаполя, Капуи, Милана), въ указанномъ отношеніи, какъ авторъ. Онѣ уяснены имъ и въ источникахъ ихъ, въ отношеніи къ антику, къ зарождающемуся византійскому искусству, въ отношеніи къ развитію росписи христіанскаго храма, и со стороны художественныхъ формъ ея и внутренняго содержанія.

---

[4]) Византійскія эмали. Собраніе А. В. Звенигородскаго. Спб. 1892, стр. 254.

[5]) „Древности Палестины и Сиріи, говоритъ онъ, имѣютъ первенствующее значеніе для исторіи христіанскаго искусства отъ начала IV до половины VII вѣка. Восточный характеръ византійскаго искусства имѣетъ свой источникъ столько же въ мало-азійскихъ центрахъ, сколько въ Іерусалимѣ и Антіохіи"... (См. рѣчь „Значеніе Византійской эпохи въ исторіи Святой земли для общей науки христіанской археологіи" въ VII отчетъ Имп. Прав. Палест. Общ. Спб. 1891.).

При изученіи памятниковъ на мѣстѣ авторомъ были сдѣланы многочисленныя копіи въ краскахъ, и нѣкоторыя изъ нихъ изданы при настоящемъ трудѣ; онѣ впервые воспроизводятъ нѣкоторыя мозаики въ томъ видѣ, какъ онѣ въ оригиналѣ, а не въ искажаемомъ, какъ издавалось ранѣе [6]).

Кромѣ того, авторомъ впервые издаются съ нѣкоторыхъ погибшихъ, мозаикъ рисунки, которые находятся въ рукописяхъ библіотекъ Италіи [7]).

Трудъ автора, повторяемъ, вообще вноситъ богатѣйшій матеріалъ для исторіи христіанской живописи и станетъ незамѣнимымъ пособіемъ и источникомъ для будущихъ изслѣдователей другихъ мозаикъ того же и послѣдующаго времени.

Постараемся же хотя кратко познакомить съ содержаніемъ его. Въ видѣ предисловія авторъ кратко, но мѣтко, сильными характерными штрихами, опредѣляетъ живопись катакомбъ, указывая на способъ, пріемы декораціи, употребительные въ нихъ; при обозрѣніи ихъ дѣйствительно получается болѣе ясное понятіе о роли новаго декоративнаго стиля, который появляется уже въ V вѣкѣ и существуетъ вплоть до паденія Византійской имперіи. Отъ декорацій усыпальницъ прямой переходъ къ декораціи христіанскихъ храмовъ. „Здѣсь, говоритъ авторъ, также на первомъ планѣ стоитъ декорація выгнутаго потолка, купола, коробоваго свода, люнета. Однако существенно измѣняются условія, при которыхъ появляется эта декорація. Изъ темныхъ и тѣсныхъ кубикуловъ мы переходимъ въ свѣтлыя и просторныя зданія базиликъ, крещаленъ и купольныхъ церквей. Мѣсто погребенія замѣняется мѣстомъ молитвъ и собранія вѣрующихъ. Измѣняются поэтому и самые пріемы декораціи и ея основная тема. Первое и существенное важное измѣненіе происходитъ въ замѣнѣ легкой фрески драгоцѣнной мозаической живописью, далѣе легкій и поверхностный декоративный пріемъ постепенно переходитъ въ монументальный. Измѣняется и самая тема росписи. Изобрѣтаются новыя композиціи, появляются здѣсь евангельскія и библейскія живописныя поэмы и сцены изъ жизни мучениковъ; рѣшительные и важные успѣхи искусство дѣлаетъ между IV—V вѣками (стр. 9).

Авторъ, какъ мы сказали уже, останавливается лишь на мозаикахъ IV—V в. Отъ приведенной общей характеристики новыхъ пріемовъ декораціи храма онъ переходитъ къ изслѣдованію мозаикъ Рима.

Разбирая мозаики *мавзолея св. Констанцы*, онъ подробно описываетъ на основаніи дошедшихъ документовъ и погибшія купола. Изъ сравненія найденныхъ рисунковъ выясняется, что мозаическая роспись купола лишь въ

---

[6]) Очевидно, что недостатокъ въ средствахъ не позволилъ автору издать ихъ всѣ, и при томъ въ краскахъ; нужно надѣяться, что со временемъ найдется издатель для такого цѣннаго научнаго матеріала.

[7]) Наброски съ погибшихъ мозаикъ церкви св. Констанцы (См. рис. 2, стр. 15); прориси съ рисунка карандашемъ XVI вѣка, хранящагося въ биб. Берберини—съ сохранившихся до нашего времени архитектурныхъ деталей въ мозаикахъ ц. св. Пуденціаны (См рис. 7, 8, стр. 59—60.).

болѣе роскошныхъ формахъ повторяла роспись потолковъ въ катакомбахъ (стр. 11), и выборъ сценъ и ихъ композиціи также близко напоминалъ катакомбы (стр. 18).

Разборъ украшеній сводовъ галлереи указываетъ на близость ихъ къ антику, къ лучшимъ образцамъ античныхъ мозаикъ (стр. 19).

Замѣчателенъ разборъ композицій въ 12-й нишѣ и 4-й, дошедшихъ до нашего времени и относимыхъ авторомъ къ V вѣку. Это—Христосъ, идущій по облакамъ и окруженный Петромъ и Павломъ—въ одной, и Христосъ, сидящій на сферѣ—въ другой.

Авторъ устанавливаетъ исторію первой композиціи, объясняетъ ея значеніе и даетъ блестящую характеристику типа Христа. Этотъ типъ, какъ онъ доказываетъ цѣлымъ рядомъ фактовъ, долженъ быть считаемъ однимъ изъ наиболѣе раннихъ, сохраняющихъ всю свѣжесть первоначальныхъ художественныхъ типовъ и близко напоминающихъ посланіе Лентула (стр. 29).

Строгій художественный анализъ, подмѣчающій легко черты оригинальныя и наносныя, обязанныя реставраціи—далъ возможность автору доказать, что Христосъ во второй композиціи былъ изображенъ не старымъ, какъ полагали прежде, а юнымъ (стр. 30 и рис. 4).

Въ указанныхъ композиціяхъ, авторъ отмѣчаетъ „связанность движеній, оборотъ фигуръ лицомъ къ зрителю при положеніи фигуръ въ полуоборотъ, что напоминаетъ иконописный пріемъ монументальныхъ византійскихъ композицій“ (стр. 32). Византійскій элементъ отмѣчается и въ одеждѣ Христа, и въ характерѣ орнаментаціи, и въ другихъ деталяхъ.

Разборъ мозаики *ц. св. Пуденціаны*—служитъ, какъ сказано выше, блестящимъ подтвержденіемъ того положенія, что изученіе древностей Палестины имѣетъ первенствующее значеніе для пониманія памятниковъ искусства въ IV вѣкѣ. Авторъ даетъ совершенно новое объясненіе композиціи въ этой мозаикѣ именно благодаря обращенію къ указаннымъ древностямъ, въ описаніяхъ ихъ у паломниковъ.

Основываясь на современныхъ мозаикѣ описаніяхъ св. мѣстъ Іерусалима и нѣкоторыхъ зданіяхъ его, онъ видитъ въ мозаикѣ одно изъ наилучшихъ изображеній креста на голгоѳской скалѣ, существовавшаго въ IV—V в. въ Іерусалимѣ; въ зданіяхъ, представленныхъ на заднемъ фонѣ—нѣкоторыя изъ зданій Константиновыхъ построекъ „Здѣсь въ композицію привнесены довольно точныя и близкія къ дѣйствительности данныя устройства и вида святыхъ мѣстъ, которыя изрѣдка повторяютъ и рельефъ саркофаговъ. . . . . Это первая извѣстная пока сцена, вносящая въ свою композицію историческія черты, происхожденіе которыхъ должно искать въ Іерусалимѣ“ (стр. 66).

Въ типѣ Христа, изображеннаго въ этой мозаикѣ, вновь отмѣчаются черты византійскаго искусства, указывается на принадлежность его не Риму и его школѣ, а востоку (стр. 70).

Разборъ мозаики *ц. S. Maria Maggiore*, украшающихъ тріумфальную арку

(сцены изъ Новаго Завѣта) и сторонъ нефа (сцены изъ Ветхаго Завѣта)— составляетъ въ трудѣ автора самую большую часть, отмѣченную тѣми же пріемами и способомъ изслѣдованія, что и въ другихъ частяхъ; для этой части имъ наиболѣе всего предложено новыхъ снимковъ. Авторъ указываетъ на связь въ мозаикахъ тріумфальной арки въ нѣкоторыхъ пріемахъ декораціи съ равеннскими мозаиками, съ византійскимъ искусствомъ. „Отдѣльныя черты, соединяемыя въ мозаикѣ въ одно общее цѣлое, розсыпаны на памятникахъ равеннской, миланской школы, на памятникахъ сирійскаго искусства, изрѣдка встрѣчаются въ искусствѣ Рима и оживаютъ внезапно въ собственно византійскомъ искусствѣ VIII—XIII вѣка“ (стр. 106).

Въ анализѣ мозаикъ нефа авторъ отмѣчаетъ въ нихъ довольно сильный античный элементъ, тонко и устроумно указываетъ на едва уловимыя усилія въ переводѣ античныхъ формъ въ христіанскія, которыя встрѣчаются въ нѣкоторыхъ сценахъ, наряду со струей чисто византійскихъ формъ. Мы не можемъ указать всѣхъ примѣровъ, въ которыхъ авторъ отмѣчаетъ эти византійскія формы (такъ ихъ много); укажемъ лишь на одинъ, наиболѣе интересный—это пріемъ Моисея дочерью фараона; краткія слова библіи о пріемѣ Моисея (Исх. II, 9, 10) художникъ развилъ въ роскошной сценѣ пріема у византійской царицы; сцена имѣетъ много общаго съ извѣстной въ равенской мозаикѣ ц. св. Виталія, представляющей выходъ Θеодоры, жены Юстиніана [8]).

Въ мозаикѣ *ц. св. Сабины* авторъ отмѣчаетъ уже прямое измѣненіе декоративнаго пріема: сюжетъ римскій, но въ исполненіи мозаики — связь съ равеннской школой. Это проявляется въ цвѣтѣ костюма фигуръ обоихъ олицетвореній церкви, и въ цвѣтѣ фона (синяго), и въ орнаментѣ (стр. 133). Та же связь съ равеннской школой отмѣчается имъ и въ мозаикѣ *боковыхъ капеллъ Латеранскаго баптистерія*.

Въ мозаикахъ *баптистерія св. Януарія въ Неаполѣ* авторъ отмѣчаетъ „измѣненный и созрѣвшій декоративный пріемъ и мотивы украшенія, извѣстные въ V вѣкѣ въ Равеннѣ и въ римской школѣ“ (стр. 137). Описывая и иконографически разбирая мозаики, авторъ даетъ новые снимки со многихъ изъ нихъ: общій видъ купола, фигуры льва, ангела, святыхъ. Сближеніе неаполитанской школы съ равеннской дается—синимъ фономъ, общностью мотивовъ мозаики, монументальнымъ декоративнымъ пріемомъ (въ символахъ евангелистовъ).

Въ мозаикахъ *ц. св. Приска въ Капуѣ* изслѣдователь отмѣчаетъ переходъ отъ легкой декораціи катакомбъ къ формамъ византійскаго стиля (стр. 142). Въ исчезнувшихъ мозаикахъ процессіи святыхъ близко напоминаютъ мозаическія росписи Равенны, а въ сохранившихся повторяются тѣ же синіе фоны, золото и монументальный пріемъ декораціи, что и въ равеннскихъ памят-

---

[8]) См. рисунокъ 13-й, наиболѣе любопытный по точности передачи костюмовъ придворныхъ дамъ.

никахъ. Благодаря вниманію и старанію автора, имъ открытъ какъ бы заново образъ Христа надъ западнымъ входомъ въ алтарѣ: очищенный имъ отъ накопившейся копоти образъ Христа и представляемый имъ впервые въ рисункѣ совершенно не походитъ на того, что изданъ у Гарруччи (tav. 257, 3) и у Салазаро [9]). Типъ его—византійскій и повторяется въ мозаикахъ ц. св. Аполинарія во Флотѣ въ Равеннѣ.

Изслѣдованіе мозаикъ заканчивается анализомъ росписи *капеллы св. Аквилины въ ц. св. Лаврентія* и *капеллы св. Виктора въ ц. св. Амвросія въ Миланѣ*. При описаніи мозаикъ второй капеллы авторомъ впервые обращается вниманіе на незамѣченныя никѣмъ прежде изображенія четырехъ евангелистовъ, представленныхъ по склонамъ потолка по четыремъ угламъ, или на отрѣзкахъ арокъ, соотвѣтствующихъ парусамъ купольныхъ церквей въ Византіи. Имъ же эти изображенія и издаются впервые въ точныхъ копіяхъ (см. рис. 27, стр. 162).

И въ этихъ мозаикахъ вновь указываются мотивы и пріемы, общіе съ равеннскими памятниками.

Въ заключительной главѣ авторъ подводитъ итоги своимъ наблюденіямъ, указывая, что въ мозаикахъ V в. ясно обозначаются черты того стиля, который принимаетъ характеръ стиля византійскаго и который характеризуется „монументальнымъ исполненіемъ, употребленіемъ синихъ и золотыхъ фоновъ, большихъ фигуръ, новой, неизвѣстной въ катакомбахъ цвѣтовой гаммы: соединеніемъ золота съ зелеными и синими цвѣтами, пурпурными и бѣлыми одеждами“ (стр. 169). Этотъ новый стиль, какъ мы указывали, отмѣчается и въ мозаикахъ Пуденціаны, и во всѣхъ остальныхъ мозаикахъ Рима, Неаполя, Капуи, онъ же отмѣчается и въ памятникахъ Равенны и востока.

Эта близость въ формахъ указанныхъ памятниковъ, общее сходство въ декоративныхъ пріемахъ, идутъ изъ одного источника, какимъ, какъ это доказываетъ авторъ массой аналогій и примѣровъ, — является восточное искусство, т. е. греческое, возрожденное на восточной почвѣ. Авторъ рисуетъ цѣлую картину искусно подобранными литературными свидѣтельствами—высокаго состоянія искусства на востокѣ въ IV—V вѣкѣ и въ ней оттѣняетъ тѣ же черты новаго стиля, который намъ уже извѣстенъ по дошедшимъ памятникамъ на востокѣ и западѣ.

Таково содержаніе изслѣдованія Д. В. Айналова, цѣннаго и богатаго своими результатами. Авторъ посвящаетъ его своему учителю Никодиму Павловичу Кондакову.

Е. Рѣдинъ.

Труды девятаго Археологическаго Съѣзда въ Вильнѣ 1893 г. Подъ редакціей графини Уваровой и С. С. Слуцкаго, съ 91 цинкографіями въ текстѣ, 10 табл. и одной картой. Т. I. Москва, 1895.

Содержаніе: *А. М. Павлиновъ*, Древніе храмы Витебска и Полоцка.

---

[9]) Studi sui monumenti dell'Italia meridionale dal IV ob VI secolo, p. 48.

Его же. Деревянная церковь въ Витебскѣ. *В. И. Нейманъ*. Военное зодчество въ Прибалтійскомъ краѣ въ средніе вѣка. *Пасторъ Билленштейнъ*, Le village d'Apoule dans le gouvernement de Kowno et la ville finnoise Apulia. *Селивановъ*, *А. В.*, О раскопкахъ Борковскаго могильника. *А. А. Кочубинскій*, Литовскій языкъ и наша старина. *Н. И. Петровъ*, Монеты великаго князя кіевскаго Изяслава Ярославича. *Корелинъ*, *М. С.*, Первые шаги классической археологіи. *Сторожевъ*, *В. Н.*, Московское управленіе въ Вильнѣ XVII в. *Его же*, Виленскія приходныя каменишныя книги 1658 г. *Площанскій*, *В. М.*, Акты Холмскихъ судовъ XV—XVII в. въ ихъ указаніяхъ для исторіи и этнографіи русскаго Забужья. *Покровскій*, *Ѳ. В.*, Курганы на границѣ современной Литвы и Бѣлоруссіи. *Завитневичъ*, *В. З.*, Формы погребальнаго обряда въ могильныхъ курганахъ Минской губ. *Фурсовъ*, *М. В.*, Курганныя раскопки въ пяти уѣздахъ Могилевской губ. въ 1892 г. *Мѣржинскій*, *А. Ѳ.*, О надровскомъ жрецѣ огня Криве. *Данилевичъ*, *В. С.*, Монетные клады Кіевской губ. до первой четверти XV в. *Поповъ*, *Х. И.*, Гдѣ находилась хозарская крѣпость Саркелъ. *Маркевичъ*, *А. И.*, Къ вопросу о народахъ, жившихъ въ древнее время въ Черноморьѣ. *Анучинъ*, *Д. Н.*, Амулетъ изъ человѣческой кости и трепанація череповъ въ древнія времена въ Россіи. *Свящ. Левъ Паевскій*, Жировицкій и Брестъ-Литовскій архивы. *Его же*, Городъ Брестъ-Литовскъ и его древніе храмы.

Приложеніе. *Покровскій*, *Ѳ. В.* Археологическая карта Гродненской губерніи.

A. Mierzyński. O władzy Criwégo nad wszystką Litwą i jej sąsiądami (въ сборникѣ Charitas, ksiega zbiorowa wydana na rzecz R. K. Tow. dobroczynności perzy kościele św. Katarzyny w Petersburgu; Спб. 1894 г.).

Его же. Nuncius cum baculo, studjum archeologiczne o krywuli, Warszawa, 1895 (изъ IX т. Wisly).

Первая статья извѣстнаго знатока литовскихъ древностей представляетъ собою сокращенное изложеніе реферата, читаннаго на Виленскомъ Археологическомъ Съѣздѣ и напечатаннаго въ I томѣ трудовъ Съѣзда.

Вторая статья составляетъ дополненіе къ реферату почтеннаго автора; она занимается разборомъ одного мѣста Дюсбурга, трактующаго о громадномъ значеніи жреца Криве: „Nuncius cum baculo vel alio signo noto, transiens terminos infidelium predictorum, a regibus et nobilibus et communi populo in magna reverentia (halebatur)“. Какъ извѣстно, въ упомянутыхъ уже статьяхъ проф. Мѣржинскій пришелъ къ заключенію, что жрецъ Криве вовсе не имѣлъ относительно всѣхъ литовскихъ племенъ той огромной власти, которую ему приписываетъ Дюсбургъ. По мнѣнію А. Ѳ. М—го, Криве былъ лишь главнымъ жрецомъ области Надровіи, и значеніе его не выходило за предѣлы этой области.

Для объясненія приведеннаго выше мѣста Дюсбурга проф. М. прибѣгаетъ къ аналогіи. Массою примѣровъ онъ доказываетъ, что „во всей Польшѣ,

Галиціи, Силезіи, Лужичахъ, Познани, у пруссовъ восточныхъ и западныхъ, въ Литвѣ, на жмуди, въ Швеціи, Норвегіи, Даніи, у нѣмцевъ, кельтовъ и даже у племенъ туранскихъ существовалъ (а отчасти существуетъ и теперь) обычай посылать кривую, иногда и прямую палку (иногда молотъ, крестъ и т. д.) для извѣщенія кого надлежало о необходимости исполнить какую-либо общественную обязанность". Надровія представляла собой обширную землю, раздѣленную на нѣсколько удѣловъ, которыми правили отдѣльные кунигасы. Послѣдніе въ предѣлахъ своихъ владѣній имѣли право посылать жезлъ („кривулю") для извѣщенія всѣхъ свободныхъ о предстоящемъ собраніи или для увѣдомленія о необходимости исполнить какую-нибудь повинность. Посреди этихъ удѣловъ находилось Ромове, составлявшее также отдѣльный удѣлъ, посвященный богу огня. Главный жрецъ огня, имѣвшій здѣсь права кунигаса, имѣлъ и право обсылать подвластныхъ ему жрецовъ для извѣщенія о времени дежурства ихъ при священномъ огнѣ, а также обсылать и служебныхъ людей, обязанныхъ доставлять дерево для поддержанія священнаго огня и т. п. Территоріальная власть его даже въ Надровіи не шла далѣе.

Но кромѣ этого, онъ могъ и по собственной иниціативѣ, или по иниціативѣ какого-либо кунигаса собирать народъ на общій совѣтъ. Такія собранія могли тѣмъ удобнѣе происходить въ самомъ Ромове, такъ какъ тутъ можно было немедлено узнать и волю высшаго божества.

Любопытны также замѣчанія (въ § 2) почтеннаго ученаго относительно пресловутой лѣтописи Ярослава. Проф. Мѣржинскій доказываетъ, что ни лѣтопись Ярослава, ни дневникъ Дивониса не существовали вовсе, а вымышлены Симономъ Грюнау, чтобы придать своему разсказу болѣе достовѣрности.

П. Сорокинъ. О распространеніи каменныхъ орудій въ Котельническомъ и Яранскомъ уѣз. (Вятск. г.) (16-й стр. 24 1895.). Небольшая работа г. Сорокина, составленная на основаніи какъ личныхъ изысканій автора, такъ и матеріала, собраннаго земскими статистиками при производствѣ подворной описи названныхъ уу. въ 1891—92 г.—представляетъ интересный матеріалъ какъ для составленія археологической карты Вятской губ., такъ и для направленія изслѣдованій каменнаго вѣка въ западной части губерніи. Въ виду научнаго значенія, представляемаго подобными обзорами археологическихъ находокъ нельзя не пожелать, чтобы трудъ г. Сорокина — вызвалъ аналогичныя работы и по тѣмъ мѣстностямъ, для которыхъ указанныхъ обзоровъ еще не существуетъ.

Сборникъ трудовъ Орхонской экспедиціи II. Д. Клеменцъ: Археологическій дневникъ поѣздки въ среднюю Монголію въ 1891 г. (СПб. 1895. стр. 76, 8°). Д. Клеменцъ посвящаетъ большую часть своего дневника описанію многочисленныхъ развалинъ, видѣнныхъ имъ во время своего путешествія въ качествѣ члена извѣстной Орхонской экспедиціи. Описаніе развалинъ чрезвычайно детально и служитъ лишнимъ доказательствомъ интереса, который

представляетъ для археологіи, мало еще изслѣдованная. въ этомъ отношеніи Монголія. Авторъ дневника отмѣчаетъ и точное мѣстонахожденіе встрѣченныхъ имъ на пути керексуровъ. Къ этому же тому трудовъ экспедиціи прилеженъ и извлеченный изъ письма В. А. Обручева къ правителю дѣлъ В. С. Отд. И. Р. Геогр. Общества списокъ древнихъ могилъ, замѣченныхъ на пути изъ Кяхты въ Ургу и Каманъ.

С. Спицынъ. Производство археологическихъ раскопокъ. Спб. 1895 8°, 70 стр. съ 74 рис. въ текстѣ.

Какъ видно изъ предисловія, авторъ приведенной книжки имѣлъ въ виду дать практическое руководство для начинающихъ археологическія изслѣдованія въ области раскопокъ. Подобное руководство не является первымъ трудомъ въ этой области: въ русской и западной литературѣ существуютъ уже напр. краткое, но весьма содержательное и практичное наставленіе, изданное нашимъ Обществомъ, затѣмъ ранѣе этого изданное Антропологическимъ Отд. Общ. Люб. Естествозн. руководство (Изв. XVII, 1877—78 г.), наконецъ книжка Сахарова, имѣющая нѣкоторое отношеніе къ интересующей насъ области (Записка для обозрѣнія древностей, Спб. 1851—въ Зап. Отд. рус. и слав. археол. И. А. О., т. I, стр. 1—16). Затѣмъ извѣстны также изданныя за послѣднее время нѣмецкая брошюра (Merkbuch и т. д.) и ея чешская переработка (Novotny), обѣ преслѣдующія и удобно выполняющія эту же практическую цѣль въ назначенныхъ ими предѣлахъ (см. Арх. Изв. и Зам. нын. года, № 2—3, стр. 89). Главное достоинство всѣхъ подобныхъ руководствъ должно состоять въ систематичности, краткости и ясности изложенія, чтобы пользующійся имъ начинающій археологъ нашелъ бы сразу твердыя и опредѣленныя практическія указанія при самомъ началѣ своей работы. Въ этомъ отношеніи книжка г. Спицына, хотя и превосходитъ по объему всѣ предшествовавшія руководства, однако значительно уступаетъ имъ, именно вслѣдствіе принятаго авторомъ плана и способа изложенія. Начинающій растеряется среди общихъ, неопредѣленныхъ, иногда слишкомъ опредѣленныхъ (стр. 53, прим.) указаній автора, не зная, который изъ перечисленныхъ пріемовъ выбрать при началѣ раскопки. Способъ изложенія во многихъ мѣстахъ далеко не ясенъ, затрудняя иногда самое пониманіе даннаго мѣста руководства (15 стр., 60, 53, 46, 38, 37 и т. д.); одна изъ самыхъ важныхъ частей работы изслѣдователя—веденіе дневниковъ, дающихъ вмѣстѣ съ вещами главный матеріалъ при научной уже разработкѣ добытаго, не нашло себѣ мѣста въ руководствѣ; наконецъ, въ числѣ многочисленныхъ рисунковъ, вмѣсто картинокъ, изображающихъ знаменитыя раскопки, однако слабо иллюстрирующихъ указываемый пріемъ (рис. 9, 10, 16, 70 и др.), желательно было бы встрѣтить хотя бы простые схематическіе чертежи для даннаго пріема. Въ дѣйствительности, надо сказать, область раскопокъ такъ обширна и такъ разнообразна по своему характеру, что едва ли въ настоящее время можно счесть возможнымъ объединеніе въ одной книжкѣ и въ трудѣ одного лица всѣхъ почти безконечныхъ случаевъ и видовъ археологи-

ческихъ раскопокъ. Въ виду краткости и бѣглости въ описаніи многихъ способовъ раскопки, желательно было бы встрѣтить въ книжкѣ перечень наиболѣе пригодныхъ, хотя бы по мнѣнію автора-спеціалиста, ранѣе напечатанныхъ руководящихъ статей съ болѣе детальными указаніями того или другаго способа раскопки. Къ сожалѣнію, подобнаго списка нѣтъ, а книжка г. Спицина замѣнить собою подобныя статьи не можетъ.

М. Сперанскій.

Сборникъ за народни умотворения, наука и книжнина. Издава Министерство на народното просвѣщение. София.

До сихъ поръ, начиная съ 1889 г., вышло уже 11 книгъ приведеннаго выше журнала болгарскаго министерства народн. просвѣщенія. Въ объемистыхъ, богатыхъ по содержанію томахъ этого Сборника помѣщено не мало статей и матеріаловъ для археологич. описанія Болгаріи. Статьи касаются преимущ. доисторической эпохи и античныхъ временъ; нѣсколько статей посвящено средневѣковой Болгаріи. Привожу перечень статей съ краткими замѣтками о содержаніи ихъ.

Илиевъ Ат. Т. „Погледъ върху българската нумизматика". I. 97—132 съ 4 табл.—Обстоятельная работа по староболгарской нумизматикѣ: въ началѣ—исторія изученія болгарской нумизматики (В. Априловъ, ок. 1838 г., Я. Шафарикъ, Раковскій, Любичъ). Старшими монетами, точно извѣстными, считаются монеты Асѣня I (1186—95). Главное содержаніе статьи—описаніе всѣхъ доселѣ извѣстныхъ монетъ болгарскихъ, числомъ 224; изъ нихъ 211 серебряныхъ, 1 золотая, 12 мѣдныхъ. Кончается описаніе монетами краля Марка († 1394).

В. Добруски. „Археологически издирвания въ западна България", II, 1—45. Теперешняя западн. Болгарія составляла часть римской Moesia superior. Надписи, собранныя когда то Каницомъ въ этой мѣстности, издалъ въ свое время Th. Momsen въ III т. Corpus'a inscript. Latin. Надписи, собранныя авторомъ, греческія и латинскія. Главная мѣстность, гдѣ встрѣтились надписи и развалины римскихъ временъ: село Голѣма Кутловица, Ломъ (древн. Almus). Относятся по времени надписи къ II—IV вѣкамъ по Р. Хр. При изданіи надписей изложены обстоятельства и указаны мѣста находки ихъ.

Братия Шкорпилови. „Срѣдне-вѣкови черкви и гробища въ София". II, 46—60. съ 5 табл. Описаніе найденныхъ при постройкѣ Народнаго Собранія въ 1888 г. основаній церквей и кладбища около нихъ. Послѣ подробнаго описанія (съ планами) церквей и гробницъ, авторы приходятъ къ выводу, что какъ тѣ, такъ и другія относятся къ византійскимъ и восходятъ къ 1018—1186 г., когда византійцы владѣли Софіей. Въ числѣ находокъ интересенъ черепъ, оказавшійся трепанированнымъ, т. е. съ круглымъ отверстіемъ (ок. 0,08 м. въ діаметрѣ).

Братия Шкорпилови „Черноморското крайбрѣжие и съсѣднитѣ подбалкански страни въ южна България. Археологически изслѣдования". III,

3—40, съ 8 табл. и 23 рис. въ текстѣ; IV, 102—155, съ 28 рис. въ текстѣ [1]). Послѣ общаго географическаго очерка южной Болгаріи описаны древнѣйшіе слѣды поселенія по берегу: мегалитическіе памятники около с. Ченгелъ, с. Мехмечкьой (дольмены), могильники около г. Анхіала, мон. св. Власія (у села Мънастирскьой). Подробно описаны древности Месемврiи, города, игравшаго важную роль еще въ древне-греческій періодъ исторіи. Всѣ памятники подѣлены на 4 группы: ѳракійскіе, древнегреческіе, стратегическіе-средневѣковые и христіанско-средневѣковые. Единственнымъ остаткомъ старой, ѳракійской Месемврiи, лежащей, по мнѣнію авторовъ, глубоко въ землѣ, служитъ ѳракійское окончаніе ея названія на *βρία*. Главная масса памятниковъ древнегреческаго времени въ Месемврiи находится у пристани и встрѣчается при случайныхъ раскопкахъ (статуи, колонны); частью они въ разное время утилизированы были въ другихъ зданіяхъ; напр. въ церквахъ „Панагіи" и св. Параскевы найдены двѣ античныя надписи [2]). Въ средніе вѣка при Ѳеофилѣ имп. Месемврія была обращена византійцами въ укрѣпленіе, на которое употреблено было не мало матеріала изъ античной Месемврiи. Часть этихъ укрѣпленій сохранилась въ современныхъ. Средневѣковыми христіанскими памятниками Месемврiи являются красивыя старыя церкви, самыя замѣчательныя по своей архитектурѣ во всей Болгаріи. По стилю онѣ византійскія, начиная отъ базилики и кончая типичнымъ купольнымъ храмомъ: вплоть до его паденія. Изъ церквей замѣчательны особенно: „Старая митрополія" (два плана и 2 табл. ея вида съ ю.-з. и с.-з.) въ первоначальномъ типѣ базилики (19,50 × 18,76 м.) съ тремя продольными нефами (средній 9,44), раздѣленными колоннами, и съ полукруглой абсидой (діаметръ—6,66); вверху окна на поперечной стѣнѣ. Церковь въ развалинахъ. „Христосъ Акротеріосъ"—почти разобранъ для постройки иной церкви — былъ также въ типѣ базилики съ тремя абсидами. Къ той же категоріи, но съ коекакими отмѣнами относятся въ Месемврiи еще 3 церкви. Въ византійскомъ чисто стилѣ церковь св. Іоанна; въ основаніи ея греческій крестъ; она съ высокимъ тамбуромъ и куполомъ. Церкви „Вседержителя" и архистратига Михаила и Гавріила: въ основѣ прямоугольникъ съ тремя абсидами, раздѣлены на 3 нефа. Снаружи церковь украшена цвѣтными кирпичами. Обѣ церкви въ полуразвалинахъ. Въ „Новой митрополіи" найдена икона Богородицы, подаренная въ 1342 г. Іоанномъ, Александромъ и Михаиломъ Асѣнями—образецъ хорошаго византійскаго чеканнаго дѣла.

Въ гор. Анхіалѣ (Палеокастро—византійцевъ) сохранилъ также въ своихъ постройкахъ куски античнаго города; здѣсь находили мраморныя доски съ „ѳракійскимъ всадникомъ" (chevalier de Thrace); одна доска задѣлана въ алтарь мон. св. Георгія, изображеніемъ котораго и считали всад-

---

[1]) Это—продолженіе (2-я часть) статьи „Паметници изъ Българско" (Тракия, I); см. Славянскія извѣстія (Спб.) № 30 (1889 г.), стр. 742 и сл.

[2]) Другія античныя месемврійскія надписи изданы К. Иречкомъ въ Archeol. Fragmente aus Bulgarien (X.).

ка; подобный же случай встрѣтился въ г. Ямболи. Въ Анхіалѣ же найдены
кже античныя надписи и круглая гробница со сводомъ подъ курганомъ.
рестности Ахіала богаты также остатками римской и византійской старины.

В. Добруски. „Нѣколко историческо-археологически бѣлѣжки", (т. е.
мѣтки) III. 41—48. Описаніе старой крѣпости Батилъ (около с. Боянъ),
рестроенной вѣроятно печенѣгами во время ихъ переселенія на Балканскій
луостровъ (при Константинѣ Порфирородномъ). Здѣсь же издано нѣсколько
ч. и латинскихъ надписей времени Авреліана († 275) и Пія († 161) изъ
фійскаго округа.

„Битолско, Прѣспа, Охридско". IV, 3—101 съ 7 табл. Въ общемъ
исаніи этихъ мѣстъ нѣсколько страницъ посвящено древностямъ, главн.
раз. надписямъ (греч., визант.) которыя и изданы на прилагаемыхъ таб-
дахъ.

„*Българиия въ царуването на императора Никифора Фока*". V, 233—266.
поводу книги G. Schlumberger'a Un empereur byzantin au dixième siècle
90), сообщаются свѣдѣнія о знаменитомъ иллюстрированномъ спискѣ хро-
ки Манассіи (болгар. перев.), при чемъ изданы миніатюры рукописи, изо-
ажающія болгаръ и эпизоды войны ихъ византійцами. Разбору и описанію
ѣ же рукописи посвящена ст. д-ра *П. Т. Гудева* „Българския рукописъ
Ватиканъ" VI, 310—361.

К. и Х. Шкорпилъ „Сѣвероисточна България въ географическо и
кеологическо отношение" VII (1892) 3—83., Добрая половина статьи по-
щена археологич. описанію края (со стр. 40). Описаніе начинается съ
едметовъ, найденныхъ около с. Иридере въ Шуменскомъ окр. въ мѣло-
хъ пластахъ (grimes graves), доисторическаго поселенія при с. Галатѣ
коло Варны) затѣмъ идутъ мегалитическіе пам. у с. Абоба (на с.-з. отъ
ваго Базара). состоящіе изъ неправильныхъ камней, положенныхъ въ
дѣ четвероугольника., искусственныя пещеры по берегу моря (между Вар-
й и румынской границей), около Добруджи, на Правадійской планинѣ,
уменской планинѣ, по р. Руссенски Ломъ. Всѣ онѣ въ образованіяхъ
етичныхъ. За ними въ описаніи слѣдуютъ могилы, изсѣченныя въ ска-
хъ, сходныя съ находимыми въ старой Ѳракіи; нѣкоторыя могилы закры-
отся плитой, другія помѣщаются въ пещерахъ. Найдены также мѣста
ртвъ съ камнями (жертвенниками), каменныя бабы (въ видѣ неправиль-
хъ стоячихъ камней—„менхиръ"), наконецъ, цѣлыя группы пещерныхъ
еленій. Далѣе описаны остатки „римскихъ путей", т. е. слѣды римскихъ
енныхъ поселеній (на с. отъ Месемврiи), съ воротами, храмомъ Зевса
коло р. Чифте-дере, у моря) и укрѣпленіями (въ Янку-тепе) [1].

К. и Х. Шкорпилъ. „Староврѣмски надписи изъ разни крайща на
лгария" VII, 84—110. Издано 20 греческихъ и латинскихъ надп. рим-
ихъ временъ изъ Софійскаго преим. округа. Подъ № 21—поздния славян-
и надписи XVI—XVII в. Затѣмъ, № 22—40 опять греко-римскія надписи.

[1]) Всѣ описанія снабжены обильно хорошо исполненными рисунками.

П. Т. Гудевъ. „Български рукописи въ библиотеката на лордъ Zouche“ VII, 159—223, VIII, 137—168. Собраніе рукописей сдѣлано въ 30-хъ годахъ лордомъ Curson'омъ на Балканскомъ полуостровѣ, нынѣ находится въ Британскомъ музеѣ. Описана богато иллюстрированная рукопись (евангеліе), писанная по повелѣнію царя Іоанна Александра (1331—1362); при подробномъ описаніи миніатюръ изданы (въ краскахъ) изображенія этого царя. За нимъ слѣдуетъ еще два четвероевангелія: одно, ок. 1355, съ миніатюрой, изображающей епископа въ греческой мантіи, другое, ок. 1333—48 гг. безъ изображеній.

К. и Х. Шкорпилъ „Надписи и изображения на конници разни крайща на България“. VIII, 59—81. Продолженіе предъидущаго (см. т. VII). Кромѣ надписей издано нѣсколько (2) изображеній т. н. „Ѳракійскихъ всадниковъ“.

И. Бассановичъ. „Къмъ епиграфиката и археологията на Горна и Долна Мизия“. XI, 55—67. Статья служитъ дополненіемъ къ труду В. Добруски „Археологически издиривания въ западна България (см. выше, II, 1—45.), самого г. Бассановича „Матеріали за санитарната етнография на България Ломския округъ“ (ibid V, 19.) Изданы латинскія надписи изъ с. Голѣма Кутловица, Лома (др. Almus), Малтепе (Pomadiana), Арчара (Remedotia).

В. Добруски. „Материали по археологията на България“. XI, 68—102 съ 18 таблицами. Здѣсь собраны и описаны: 1) изображенія „ѳракійскихъ всадниковъ“; ихъ происхожденіе связывается съ вотивными изображеніями бога-героя и съ культомъ мертвыхъ; служили они и надгробными украшеніями; они могли изображать различныя божества, обоготворенныхъ умершихъ. Авторъ подробно описываетъ вновь найденныя и неизданныя ихъ изображенія, всѣхъ 77 штукъ. 2) Изображенія Артемиды найдены въ Поповскомъ округѣ, Берховскомъ и Софійскомъ (всего 3). 3) Изображенія Митры также встрѣчены въ западной Болгаріи; авторомъ издано три. 4) Около Пловдива и въ Кадомирскомъ округѣ найдено два изображенія Геракла съ греческими подписями. 5) Наконецъ издано 5 греческихъ подписей на постаментахъ статуй.

М. С.

Печатано по опредѣленію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества на основаніи § 56 его Устава.

Предсѣдатель *Графиня Уварова.*

Приложеніе къ VIII тому:
Пятый Археологич. Съѣздъ. Труды предварител. Комитета, 1882 г. Ц. 6 р.
Томъ IX, три выпуска. 1882—83 г., ц. 8 р.
" X, 1885 г. Ц. 8 р.
" XI, три выпуска. 1886—87 г. Ц. 8 р.
" XII, два выпуска. 1888 г. Ц. 8 р.
" XIII, два выпуска. 1889—90 г. Ц. 8 р.
" XIV, 1890 г. Ц. 7 р.
XV, два выпуска. 1894 г. Ц. 8 р.

Каталогъ Спасо-Преображенскаго монастыря въ Ярославлѣ, ц. 9 р. 50 к.

Византійскій Альбомъ—посмертное изд. гр. А. С. Уварова. Т. I. 1889 г. Ц. 15 р.

Уступка книгопродавцамъ и библіотекамъ учебныхъ заведеній 25%.

Продаются въ собственномъ домѣ Общества, въ Москвѣ, на Бересневкѣ, у Большаго Каменнаго моста.

Кавказъ. 2 тома. Ц. 3 р.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ библіотеку Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества

Sprawozdanie z cynności zakladu narodowege imienia Ossolinskich, 1893. We Lwowie. 1893.

Сообщенія Импер. Прав. Палестинскаго Об. Ст. за 1893 г. (2, 4, 6, 8, 10, 12) вып. 1—6.

Прав. Палестинскій Сборникъ, № 37. СПб. 1894.

Палестинскій Патерикъ, 4-й вып. СПб. 1894.

Αναλεκτα Ιερουολυμτικης Εταξολογιας Τ. Β. Εν Πετροπολει. 1894.

Ιεροσολυμτικη Βιβλιοθηκη Τ. Β. Β. Π. Εν. Πετροπολει. 1894.

Евг. Аквилонова. Церковь СПб. 1894.

Ѳ. Калугинъ. Зиновій инокъ Отенскій СПб. 1894.

Стефана Рункевича. Исторія Минской Архіепископіи. СПб. 1893.

Записки Импер. Одесск. Общ. Исторіи и Древностей Т. IV. V. IX. XIV. XV. XVI г. Одесса.

Каталогъ библіотеки Импер. Од. Общ. И. и Д. Одесса. 1893.

В. Юркевичъ. Историческій очеркъ пятидесятилѣтія Импер. Одес. Общ. Ис. и Др. Одесса 1889.

Каталогъ картъ, плановъ въ Музеѣ Одес. Общ. Ист. и Др. А. Л. Б. Д. Одесса. 1888.

Acta eruditorum T. I—XXIX, XXXI, XXXVIII, XL—LIII. «Nova» 1732—1761; «Ad Nova» I—VI. 1785—1749; «Supplementa» T. I—IV, VI, IX, d. Lipsiae 1682—1761. 92 тома.

Zbiór wiadomoscy do antropologii Krajowey. W. Krakowie. 1887—1893. T. IX—XVII. 10 т.

Br. Dembinski. Rzym i Europa. Krakow 1890.

Ant. Borzemski. Kronika Miechowity. Krakow. 1890.

Rozprawy, i sprawozdania z prosiedzeń wydziału filologicznego Ak. Umiejetnosci T. III—XV. u ser. II, I—IV. W. Krakowie 1875—93 14 том.

Тоже Wydzial historiczno—filozoficzny. W. Krakowie 1877—92. т. 6, 8, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17—25 и ser. II, I. IV. 18. том.

П. Саввaитова Адмиралъ Пустошкинъ СПб. 1853.

С. Ушакова. Жизнь Гр. Алекс. Гр. Орлова Чесменскаго 3 ч. СПб. 1811.

Хавскій П. Мѣсяцесловы, календари. Изд. 2-ое. М. 1856.

Историческая записка о бывшей въ Пер. Залѣсскомъ флотиліи. М. 1853.

Первое изданіе Матеріаловъ редакціон. Коммиссіи для составленія положенія о крестьянахъ ч. I—VIII и XVIII. СПб. 1859—60. 9 том.

Учрежденіе И. Воспитательнаго Дома. СПб. 1767.

J. de Sacy. Relation de l'Egypte. Paris. 1810.

P. Bavaisse. Zoubdat Kach.—El Mamalik Paris. 1894.

Moravske ornamenty. I, III. Olomuc. 1888—91. 2 вып.

Чтенія въ Ист. Общ. Нестора Лѣтописца. VIII. Кіевъ. 1894

Congrès international à Moscou. Moscou 1893. II.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

выходятъ въ 1895-мъ году (3-й годъ изданія) по той же программѣ и въ томъ же объемѣ подъ редакціею:

И. А. Линниченка и В. М. Михайловскаго,

при участіи А. В. Орѣшникова и многихъ членовъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества.

Подписная цѣна съ пересылкою и доставкою въ годъ ТРИ (3) рубля.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Для **московскихъ** подписчиковъ:

1) Въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ, Берсеневская набережная, собств. домъ, ежедневно отъ 10 до 1 часу и въ часы засѣданій.

2) У А. В. Орѣшникова, Историческій музей, на Красной площади, ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 1 до 4-хъ.

3) Въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Моховая, противъ Стараго Университета, д. Коха (и его иногородн. отд.).

4) Въ книжномъ магазинѣ А. Ланга, на Кузнецкомъ мосту.

Иногородніе подписчики благоволятъ присылать подписные **три рубля исключительно** въ Императорское Московское Археологическое Общество (Москва, Берсеневская набережная, собств. домъ).

Подписчики, **не получившіе** выпуска или **перемѣнившіе** свое мѣсто жительства, благоволятъ обращаться съ заявленіями исключительно въ Московское Археологическое Общество.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція обращается съ просьбою ко всѣмъ прежнимъ сотрудникамъ журнала и ко всѣмъ любителямъ старины присылать свѣдѣнія о раскопкахъ, случайныхъ находкахъ древностей, объ имѣющихся въ частныхъ рукахъ выдающихся предметахъ древности—церковныхъ и бытовыхъ, рукописяхъ и т. п., а также газетныя извѣстія, заключающія свѣдѣнія археологическаго характера (отдѣльными №№ или просто вырѣзками съ помѣтою, изъ какой газеты и отъ какого числа); особенно желательны №№ провинціальныхъ газетъ.

Письма и посылки могутъ быть адресованы:

1) Въ Москву, въ Импеаторское Московское Археологическое Общество, Берсеневская набережная, с. д., въ редакцію „Археологическихъ Извѣстій и Замѣтокъ“ или же

2) Алексѣю Васильевичу Орѣшникову, Москва Историческій Музей, на Красной Площади.

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES
Stacks
JUL 14 1980

издаваемыя

Императорскимъ

Московскимъ Археологическимъ Обществомъ

подъ редакціею

дѣйствительныхъ членовъ

И. А. ЛИННИЧЕНКА и В. М. МИХАЙЛОВСКАГО.

№ 11.

МОСКВА
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА
ЛЕОНТЬЕВСКІЙ ПЕР., Д. МАМОНТОВА
1895

СОДЕРЖАНІЕ № 11.

Стр.

I. Е. **Рѣдинъ**. Сирійскія рукописи съ миніатюрами Парижской Національной библіотеки и Британскаго музея 353
II. П. **Сорокинъ**. Слѣды чуди въ Слободскомъ уѣздѣ Вятской губ. . . . 361
III. Археологическая хроника 366
IV. Засѣданія Обществъ 378
V. Библіографія 383

Въ Императорскомъ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ находятся въ продажѣ слѣд. изданія:

Изданія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. Рекомендованы Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Описаніе Кіева. Соч. Закревскаго. Два тома и атласъ. 1868 г. Ц. 7 р.

Труды I-го Археологич. Съѣзда въ Москвѣ. Два тома и атласъ. 1871 г. Ц. 25 р.

Труды III-го Археологич. Съѣзда въ Кіевѣ. Два тома и атласъ. 1878 г. Ц. 10 р.

Труды V-го Археологич. Съѣзда въ Тифлисѣ. Два тома. Ц. 15 р.

Труды VII-го Археологич. Съѣзда въ Ярославлѣ. Тома I, II и III по 5 р.

Труды VIII-го Археологич. Съѣзда въ Москвѣ. Томъ I. Ц. 10 р.

Тоже, томъ II. Цѣна 8 р.

Матеріалы по археологіи Кавказа; вып. 1, 2 и 3-й. Кажд. вып. по 6 р.

Тоже, вып. 4-й, М. 1894. Ц. 8 р. 50 к.

Матеріалы по археологіи восточныхъ губерній. Вып. I. Ц. 8 р.

Древности. Труды Московскаго Археологическаго Общества:

Томъ I, два выпуска. 1865—67 г., ц. 6 р.
„ II, три выпуска. 1869-70 г., ц. 6 р.
„ III, три выпуска. 1870, 71 и 73 гг. Ц. 6 р.
Томъ IV, три выпуска. 1874 г. Ц. 8 р.
„ V, 1885 г. Ц. 6 р.
„ VI, три выпуска. 1875—76 г. Ц. 6 р.
„ VII, три выпуска. 1877—79 г. Ц. 8 р.
„ VIII, 1870 г. Ц. 8 р.

Древности Восточныя. Томъ I, Ц. 12 р.
Отдѣльно Т. I, 1 выпускъ 1889 г. Ц. 4 р.
„ Т. I, 2 выпускъ 1891 г. Ц. 4 р.
„ Т. I, 3 выпускъ 1893 г. Ц. 4 р.

Незабвенной памяти Графа А. С. Уварова. Рѣчи, прочитанныя въ соединенномъ засѣданіи ученыхъ обществъ 28 февраля 1885 г. (съ портретомъ Графа А. С. Уварова). 1885 г. Брошюра. Ц. 75 к.

Историческая записка о 25-лѣтней дѣятельности Моск. Арх. Общества. Ц. 2 р.

Памяти Н.С. Тихонравова. М. 1894 г. Ц. 2 р.

Уступка гг. членамъ Общества 20%, библіотекамъ учебныхъ заведеній—25%, книгопродавцамъ—30%.

Изданія графа Уварова:

Археологія Россіи. Каменный періодъ. Соч. графа А. С. Уварова. Два тома. 1881 г. Ц. 18 р.

Меряне и ихъ бытъ. Соч. гр. А. С. Уварова. Одинъ томъ и атласъ. 1872 г. Ц. 8 р. (нѣтъ въ продажѣ).

Каталогъ собранія древн. гр. А. С. Уварова. Вып. I и II (въ одной книгѣ): Древности каменнаго и металлическаго вѣка, съ портр. гр. А. С. Уварова и 35 табл. рис. 1887 г. Ц. 4 р.

Вып. VII. Монеты Воспорскаго царства и древне-греческихъ городовъ, находившихся въ предѣлахъ нынѣшней Россіи, съ 5 таблицами. Состав. А. Орѣшниковъ. 1887 г., ц. 3 р.

Архим., Леонидъ. Систематическое описаніе Славяно-Россійскихъ рукописей собранія гр. А. С. Уварова. 4 т. М., 1893—94 г. Ц. 15 р.

3671

№ 11 1895 г.

ИЗДАВАЕМЫЯ
ИМПЕРАТОРСКИМЪ МОСКОВСКИМЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ

I.

Сирійскія рукописи съ миніатюрами Парижской Національной библіотеки и Британскаго музея.

Въ исторіи христіанскаго искусства востоку, а въ частности Сиріи еще не отведено то мѣсто, которое они должны играть. Съ востокомъ и Сиріей должно связывать, повидимому, начало и образованіе христіанскаго искусства; здѣсь сложилась монограмма Христа, монограмматическій крестъ, простой крестъ; здѣсь созданы первые типы и образы Христа, апостоловъ. Здѣсь же было положено начало развитію византійскаго искусства [1]), формы котораго отсюда уже стали переходить на западъ. Такъ, большинство круглыхъ церквей въ Италіи, крещаленъ еще при самомъ Константинѣ дѣлалось по восточному образцу, какъ напр. ц. S. Croce in Jerusaleme въ Римѣ по образцу св. Гроба (позже также соборъ Ахена); ц. S. Maria Maggiore въ Римѣ (V в.) — по образцу храма Виѳлеемскаго; ц. св. Виталія въ Равеннѣ отъ 546 г. имѣетъ своимъ образцомъ не только св. Софію Константинопольскую,

[1]) См. интересный докладъ проф. Н. П. Кондакова, читанный въ Прав. Пал. Общ. 13 марта 1892 г., ставящій вопросъ о началахъ византійскаго искусства и заключающій данныя, указывающія на сирійское происхожденіе его.

но и сирійскіе храмы, какъ ц. св. Георгія (515 г.) въ Эзрѣ и ц. свв. Сергія, Вакха и Леонтія въ Босрѣ (511 — 512 г.). Капители коринѳскихъ колоннъ, встрѣчаемыхъ въ Равеннѣ въ VI в., имѣютъ своимъ образцомъ капители колоннъ Сиріи, съ типомъ листвы, сгибаемой въ одну сторону. Сами равеннскія мозаики, повидимому, слѣдуютъ сирійскимъ образцамъ, какъ и нѣкоторые изъ христіанскихъ памятниковъ этого времени, находящіеся въ той же Равеннѣ, напр., кресло изъ слоновой кости еп. Максиміана (VI в.), часть диптиха [2]), и въ другихъ мѣстахъ, какъ наприм. диптихъ Парижской Національной библіотеки, Эчміадзинской Патріаршей библіотеки, и пиксида съ тонковырѣзанными изображеніями—изъ Керчи, входящая въ рядъ еще рѣдкихъ христіанскихъ памятниковъ Босфора [3]).

Сирійскаго происхожденія нѣкоторые древне-христіанскіе стеклянные сосуды, съ эмблебами, надписями, изображеніями, распространявшіеся по всему востоку и западу и встрѣчаемые у насъ въ могилахъ Керчи и Кавказа, какъ напр. стеклянныя патеры съ изображеніемъ вѣрующаго, двухъ монограмматическихъ крестовъ и таблицъ закона—изъ Керчи, и стаканчикъ изъ краснаго стекла съ изображеніемъ крестовъ и сирійскою надписью—изъ некрополя въ Чми [4]).

Наибольше значеніе востока и въ частности Сиріи для начальной исторіи византійскаго искусства особенно еще проявляется въ рукописяхъ, украшенныхъ миніатюрами. Такимъ образомъ исторія собственно византійскаго искусства по миніатюрамъ открывается лучшими и доселѣ извѣстными рукописями — сирійскаго происхожденія—ев. монаха Рабулы 586 г., въ Лаврентійской библіотекѣ во Флоренціи, евангеліе армянское 989 г. съ сирійскими миніатюрами въ началѣ и въ концѣ его—VI вѣка, изданными недавно Стржиговскимъ [5]), и египетскаго—Россанскій кодексъ—VI в.,—и др.

Если такимъ образомъ роль востока и въ частности Сиріи была велика въ начальной исторіи византійскаго искусства, то не меньше она была и въ періодъ вторичнаго его процвѣтанія, съ конца IX по конецъ XII вѣка. Византійское искусство въ этотъ періодъ имѣло весьма сильное вліяніе, самое широкое распространеніе. „Миніатюры цареград-

---

[2]) Garrucci, Storia, tav. 456. Отъ второй половины того же диптиха, по догадкѣ Д. В. Айналова,—пластинка въ собраніи графа Г. С. Строганова въ Римѣ (см. описаніе ея въ Арх. Изв. и Зам., № 6, 1893).

[3]) См. описаніе ея въ ст. Д. В. Айналова „*Три древне-христіанскіе сосуда изъ Керчи*“ въ Запис. Импер. Рус. Археол. Общ., т. V, стр. 201—214.

[4]) Русскія Древности, издаваемыя гр. И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ, вып. IV. Спб 1891, стр. 32—34.

[5]) *Das Etschmiadzin-Evangeliar*. Byzantinische Denkmäler. Wien 1891.

скихъ рисовальщиковъ, говоритъ Н. П. Кондаковъ, служили колодкою не только во всей имперіи, но и въ отдаленной Грузіи и Арменіи"; въ то же время оно въ эту эпоху воспринимало и различныя могущественныя восточныя вліянія, не потерпѣвъ отъ того существенныхъ перемѣнъ [6]). Поэтому не удивительно, если въ сирійскихъ миніатюрахъ этого періода встрѣчаемъ съ одной стороны въ значительной степени элементы византійскаго искусства, съ другой элементы мѣстныхъ и племенныхъ вліяній, особенно сильныхъ въ памятникахъ, происходящихъ изъ какихъ нибудь-глухихъ мѣстностей.

Въ виду важнаго значенія сирійскихъ памятниковъ и малой извѣстности ихъ мы остановимся на трехъ рукописяхъ съ миніатюрами, одной уже извѣстной въ нашей литературѣ [7])—Парижской библіотеки VI в. и двухъ—Британскаго музея, XII—XIII в.

1) ЕВАНГЕЛІЕ ПАРИЖСКОЙ БИБЛІОТ. SYR. № 33, VI В.

По каталогу библіотеки—одна половина рукописи принадлежитъ VI вѣку, а другая XII вѣка. Въ рукописи есть даты, но позднія. Въ одной припискѣ говорится, что рукопись принадлежала монастырю Мар-Апавіое въ Мардинѣ; въ другой, что она куплена въ 1342 (1031 хр. эры) священникомъ Іоанномъ; въ третьей—замѣтка отъ 1039 года.

Миніатюры принадлежатъ той части рукописи, которая относится къ VI вѣку. Онѣ встрѣчаются только при канонахъ, обрамленныхъ аркадами, въ видѣ виньетокъ на поляхъ.

На л. 2 об. и л. 3—миніатюры орнаментальнаго характера: корзина съ цвѣтами, возлѣ которой стоитъ аистъ.

На л. 3 об. и 4 дана сцена *Благовѣщенія*, разбитая, какъ и въ ев. Рабулы, на двѣ части: на одномъ листѣ изображена стоящая на подножіи Богородица, въ голубомъ хитонѣ съ двумя коричневыми клавами, въ пурпурной пенулѣ и въ голубомъ чепцѣ; въ лѣвой рукѣ у нея клубокъ пурпурной шерсти и веретено; правой рукой, выставленной впередъ, она дѣлаетъ жестъ благословенія. Вокругъ головы Богородицы желтый нимбъ; фонъ миніатюры естественный.

На другомъ листѣ изображенъ арх. Гавріилъ, ,,истинно классическая фигура'' бѣлокурый, въ бѣлыхъ одеждахъ, съ зелеными тѣнями, съ голубыми крыльями, съ желтымъ нимбомъ. Въ лѣвой рукѣ онъ держитъ красный жезлъ, а правой благословляетъ.

---

[6]) Н. П. Кондаковъ, *Исторія византійскаго искусства и иконографіи*. Одесса, 1876 стр. 131-135.

[7]) Кондаковъ, ib., стр. 83—84.

Композиція изображенія—совершенно почти тождественная съ изображеніемъ въ миніатюрѣ ев. Рабулы [8]).

На л. 4 об. и 5 изображено *исцѣленіе искривленной женщины*: Христосъ съ курчавыми каштановыми спадающими за плечи волосами, съ небольшой, раздвоенной, слегка опушающей лицо бородкой—въ типѣ, весьма близкомъ къ данному въ мозаикахъ ц. св. Аполлинарія Новаго въ Равеннѣ—благословляетъ неименословно искривленную женщину въ желтой пенулѣ.

На л. 5 об. изображена сцена—*исцѣленія кровоточивой женщины:* Христосъ въ бѣломъ хитонѣ съ голубыми тѣнями, въ пурпурномъ гиматіи, почти въ томъ же типѣ, что въ предыдущей миніатюрѣ, но еще съ меньшей бородкой, благословляетъ именословно, смотря влѣво, женщину въ пурпурной пенулѣ, стоящую на колѣняхъ и касающуюся рукой гиматія Христа. Композиція сцены почти тождественна съ той, что имѣется въ миніатюрахъ ев. Рабулы [9]).

Л. 6. Видна лишь одна овца. Миніатюра, какъ и большинство разрушена обрѣзками, сдѣланными по краямъ листовъ. Здѣсь можетъ быть была дана сцена *отдѣленія овецъ отъ козлищъ*, представляющая подъ символической формой рѣшительный моментъ страшнаго суда, и извѣстная въ современныхъ мозаикахъ ц. св. Аполлинарія Новаго въ Равеннѣ [10]).

На л. 6 об. дана сцена—*чуда на бракѣ въ Канѣ Галилейской*: Христосъ въ томъ же типѣ, что въ первой сценѣ, держа въ лѣвой рукѣ свитокъ, правой благословляетъ видные у его ногъ три сосуда.

На л. 7, 7 об., 8 об., 9—орнаментальнаго характера изображенія: пѣтухъ, павлинъ на вѣтвяхъ дерева, сосудъ, изъ котораго бьетъ вода фонтаномъ, аистъ, клюющій змѣю.

На л. 9 об. изображены — *жены у гроба Господня:* ангелъ, сидя въ бѣлыхъ одеждахъ, съ голубыми крыльями, съ розовымъ нимбомъ, съ жезломъ, благословляетъ. Предъ нимъ стоятъ двѣ жены; одна въ розовой пенулѣ, другая въ голубой; первая держитъ въ правой рукѣ кадило, а лѣвую простираетъ впередъ. Сзади ангела — виденъ гробъ, но онъ обрѣзанъ.

Самые каноны лишены орнаментаціи, это—простыя колонки, квадратныя, разноцвѣтныя, съ коринѳскими капителями.

Миніатюры имѣютъ поразительное сходство съ миніатюрами ев.

---

[8]) См. рис. 3 на стр. 155. *Сочиненій С. А. Усова*, т. II, Статьи по археологіи. Москва, 1892.

[9]) Усовъ, ib., рис. 6, стр. 159.

[10]) Н. В. Покровскій, *Страшный судъ въ памятникахъ византійскаго и русскаго искусства* (труды VI Археологич. Съѣзда въ Одессѣ. Т. III. Одесса 1887, стр. 292, табл. I.

Рабулы. „Онѣ, по замѣчанію Н. П. Кондакова, представляютъ небрежный, но умѣлый рисунокъ, античную технику; однако, драпировка одеждъ моделлируется мельче прежняго". Какъ и миніатюры ев. Рабулы,— онѣ имѣютъ ближайшія аналогіи съ мозаиками ц. св. Аполлинарія Новаго въ Равеннѣ, что можетъ во многомъ служить подтвержденіемъ восточнаго происхожденія ихъ.

Пользуемся здѣсь-же случаемъ издать замѣчательный коптскій фрагментъ библіи VII—VIII в., имѣющій также ближайшее отношеніе къ указаннымъ мозаикамъ и свидѣтельствующій также о восточномъ происхожденіи ихъ.

1 а. КОПТСКІЙ ФРАГМЕНТЪ КНИГИ ІОВА НЕАПОЛИТАНСКОЙ БИБЛІОТЕКИ.

Фрагментъ этотъ изъ числа другихъ (№ I, B. 19), принадлежащихъ различнымъ энохамъ упоминается въ описаніи Цоеги, Catalogus codicum corficorum, qui in Museo Borgiano etc, 1810, гдѣ дана часть миніатюры, украшающей его, но въ неудовлетворительномъ снимкѣ. Значеніе фрагмента въ исторіи византійскаго искусства опредѣлено Н. П. Кондаковымъ; имъ-же сдѣлано описаніе его, которое воспроизводимъ здѣсь буквально [11]).

„Этотъ фрагментъ, несомнѣнно принадлежитъ къ VII или VIII вѣку, не имѣетъ еще удареній, и его начертанная перомъ миніатюра, изображающая Іова съ женою и двумя дочерьми, имѣетъ весь характеръ и детали рисунковъ Космы (Индикоплова): на пергаментномъ фонѣ, въ широкой манерѣ, полныя силъ, здоровья и величавыя фигуры Іова и женщинъ въ царственномъ орнатѣ съ усыпанными жемчугомъ діадемами и богатыми украшеніями на поясахъ и груди представляютъ намъ фигуры Юстиніанова вѣка, а позы и верхнія туники женщинъ тѣ-же, что у Святыхъ Дѣвъ въ мозаикѣ св. Аполлинарія Новаго, рано исчезающія въ византійскомъ костюмѣ; Іовъ держитъ скипетръ и вѣнецъ мученичества, а мускулы его обнаженныхъ рукъ очень близки къ типамъ Космы".

2. СИРІЙСКОЕ ЕВАНГЕЛІЕ БРИТАНСКАГО МУЗЕЯ. (№ 25, Addit. 7169), XII в.

По каталогу (Cat. cod. mss. orientalium), рукопись „charactere Estrangelo, literis pregrandibus et crassioribus, descriptus a quodam Mosc Danielis filio (Vide fol. 8)".

---

11) Ист. виз. иск. стр. 100—101.

Миніатюры, украшающія рукопись—свидѣтельствуютъ о томъ, что она исполнена гдѣ нибудь въ глухомъ углу Сиріи, вдали отъ вліяній, богатаго въ разработкѣ композицій евангельскихъ сценъ и въ роскоши и разнообразіи техническихъ средствъ византійскаго современнаго искусства. Онѣ даютъ незатѣйливыя, простыя композиціи, исполненныя быть можетъ по древнимъ образцамъ, и при томъ грубой, часто дѣтской рукой, мутными красками, хотя съ преобладающими цвѣтами: краснымъ, голубымъ, зеленымъ.

Миніатюры даны начиная съ л. 8 об.

1) Л. 8 об. Въ двухъ рамкахъ, раздѣленныхъ каждая на двѣ части, даны сцены *Рождества Христова, поклоненія пастырей и волхвовъ*— въ оригинальныхъ композиціяхъ. Въ 1-й рамкѣ, въ верхней части, на голубомъ фонѣ, лежитъ бѣлый спеленатый Христосъ, съ желтымъ крестчатымъ нимбомъ, между головами быка и осла. Вверху надъ нимъ желтая круглая звѣзда.

Въ нижней части—изображены Іосифъ и Богородица стоящими; на первомъ одежды голубаго и краснаго цвѣта, на второй голубого и пурпурнаго.

Во 2-й рамкѣ въ верхней части изображена Богородица en face, держащей на колѣняхъ Младенца; предъ ней три волхва съ лицами восточнаго типа, другъ на друга похожіе, съ бородой, въ короткихъ рубашкахъ, въ остроконечныхъ колпакахъ.

Въ нижней части два пастуха, смотрящіе вверхъ. Фонъ миніатюры вверху зеленый, внизу красный.

Въ памятникахъ византійскаго искусства, въ сценѣ Рождества Христова, Младенецъ весьма рѣдко представляется одинъ, возлѣ него обычно на ложѣ возлежитъ Богородица, а ниже сидитъ въ задумчивой позѣ Іосифъ. Въ нашемъ памятникѣ Богородица и Іосифъ представлены стоящими. Положеніе пастырей не мотивировано; ихъ мѣсто въ нижней части первой рамки (справа), гдѣ Іосифъ и Богородица.

Композиція поклоненія волхвовъ дана обычно, но по позѣ Богородицы, по типамъ волхвовъ—она приближается къ композиціи, имѣющейся въ миніатюрѣ армянскаго ев. 989 года Эчміадзинской библіотеки[12]).

Человѣческія фигуры во всѣхъ сценахъ, какъ и въ послѣдующихъ миніатюрахъ, совершенно уродливы; такъ волхвы—низкія приземистыя фигуры съ ножками карликовъ, съ большими головами на тонкой шеѣ.

2) На л. 9 изображено *Крещеніе Христа*: Іоаннъ Креститель, (лицо его дано en face, ноги въ профиль), одѣтый въ одежду краснаго

---

[12]) См. рис. на стр. 23 въ Byzantinische Denkmäler Стржиговскаго.

цвѣта, кладетъ руки на голову Христа. Типъ Христа напоминаетъ тотъ, что извѣстенъ по нерукотворнымъ образамъ: продолговатое лицо, раздвоенная бородка, большіе широко открытые глаза, волосы, спускающіеся на плечи двумя косичками. Слѣва изображенъ ангелъ, держащій на рукахъ рубашку. Въ водѣ видны рыбы. Композиція такимъ образомъ обычная и имѣетъ аналогіи. Нимбы у всѣхъ лицъ желтые.

3) На л. 9 об. изображены, повидимому, *чудеса Христа*: Онъ благословляетъ какую-то скорченную мужскую фигуру, благословляетъ юношу, лежащаго на постели.

Кромѣ того, здѣсь видимъ: воина, заносящаго мечъ надъ человѣкомъ, сидящимъ на землѣ (м. б. смерть Предтечи), Іосифа, держащаго на рукахъ Младенца Христа.

4) На л. 10. дано изображеніе *Воскрешенія Лазаря* въ композиціи древне-христіанскихъ памятниковъ, дающихъ лишь двѣ фигуры: Христа и Лазаря у гроба; далѣе еще здѣсь же дано: Христосъ у дерева, на которомъ стоитъ Закхей.

5) На л. 10 об. миніатюра представляетъ: *Изгнаніе торгующихъ изъ храма* и *Умовеніе ногъ*. Въ первой сценѣ Христосъ съ плетью стоитъ предъ двумя человѣками, изъ которыхъ одинъ съ клѣткой, а другой съ голубями, находящимися на блюдѣ. Во второй сценѣ—Христосъ въ голубомъ хитонѣ, повязанный бѣлымъ полотенцемъ, и благословляя стоитъ, взявшись за ногу сидящаго Петра. Сзади стоятъ одиннадцать апостоловъ,—всѣ безъ нимбовъ. Композиція этой сцены близка къ композиціямъ и въ памятникахъ византійскаго искусства, но въ послѣднихъ апостолы представляются почти всегда сидящими [13]).

6) На л. 11 изображена *Тайная Вечеря* въ замѣчательной композиціи, аналогіи которой нигдѣ не встрѣчали: вмѣсто полукруглаго стола, за которымъ обыкновенно изображаются сидящими Христосъ и апостолы, здѣсь данъ кругъ съ двумя концентрическими кругами; въ ближайшемъ расположены вокругъ 12 круглыхъ хлѣбцевъ, къ которымъ протягиваютъ руки сидящіе (или стоящіе) апостолы (всѣ безъ нимбовъ, возмужалые, за исключеніемъ Іоанна, ближайшаго къ Христу); Христосъ (въ нимбѣ) стоитъ и указываетъ рукой, повидимому, на Іуду—старца, стоящаго на противоположной сторонѣ и дѣлающаго тотъ же жестъ, что и Христосъ, въ центральномъ кругѣ — находится неясный полукруглый предметъ: быть можетъ рыба, какъ въ раннихъ памятникахъ византійскаго искусства, напр., мозаикахъ ц. св. Аполлинарія Новаго въ Равеннѣ.

---

[13]) См. у R. Fleury, *L'Évangile, Études iconographiques et archéologiques*, т. II. Paris 1874, pl. 75, 76.

7) На л. 11 об. въ верхней половинѣ изображено *цѣлованіе Іуды*, а въ нижней *Распятіе Христа*.

Первая сцена въ обычной композиціи, но только съ двумя воинами, стоящими по сторонамъ Христа и держащими его за руки, и съ Іудой, неестественно протягивающимъ изъ-за Христа лицо для поцѣлуя. Вторая сцена—въ композиціи сложной и отчасти сходной съ современными въ византійскихъ памятникахъ: Христосъ на четырехконечномъ крестѣ, въ безрукавномъ колобіи, съ привязанными (а не прибитыми) къ кресту руками и ногами, *съ закрытыми глазами*; по сторонамъ два разбойника, висящіе на крестѣ такъ же, какъ и Христосъ, но нагіе, прикрытые лишь по чреслу; *глаза ихъ открыты;* ко Христу протягиваетъ одинъ воинъ губку, а другой копье; надъ крестомъ, по сторонамъ его, вверху солнце и луна и по слетающему ангелу. Христосъ въ нимбѣ, того же типа, съ восточнымъ отпечаткомъ что и во всѣхъ сценахъ: пожилой, съ длинными волосами и бородой.

8) На л. 12 изображены трудно объяснимыя сцены: въ одной ангелъ стоитъ предъ человѣкомъ; въ другой Христосъ протягиваетъ руку старцу, ниже котораго какая-то фигура (это м. б. *Сошествіе Христа въ адъ*).

9) На л. 12 об.—имѣется лучшая миніатюра сравнительно съ другими, старательно исполненная, съ болѣе правильнымъ очеркомъ фигуръ человѣческихъ. Композиція, какъ и въ мозаикахъ ц. св. Аполлинарія Новаго, разбита на двѣ части Гробомъ Господнимъ, изображеннымъ въ видѣ капеллы, передняя часть которой представляетъ дверь съ завѣсами и спускающейся сверху на цѣпочкахъ лампадой; надъ дверьми фронтонъ въ видѣ полукруглой арки, украшенной растительнымъ орнаментомъ; въ глубинѣ капеллы видны пелены; у дверей одинъ воинъ спящій, а другой сидящій на землѣ и въ испугѣ приподнимающій одну руку вверхъ. Справа ангелъ, сидящій и простирающій правую руку въ направленіи къ стоящимъ на другой сторонѣ двумъ женамъ, которыя два пальца лѣвой руки прикладываютъ къ губамъ (жестъ изумленія, или молчанія). Фигура ангела выдѣляется несоразмѣрно съ туловищемъ большой головой, а фигуры воиновъ—меньшимъ размѣромъ сравнительно съ другими фигурами. По обѣимъ сторонамъ гроба по дереву съ характерной листвой, и формой, напоминающей форму деревьевъ и на коптскихъ тканяхъ (собранія Эрмитажа), и въ мозаикахъ ц. св. Софіи Ѳессалоникійской и въ нѣкоторыхъ другихъ византійскихъ памятникахъ.

10) На л. 13 изображено *Невѣріе Ѳомы*, въ довольно обычной композиціи; Христосъ поднимаетъ правую открытую руку, Ѳома касается, однако, не груди Христа, а этой руки. Сзади остальные апостолы.

11) На л. 13 об.—дана тоже одна изъ лучшихъ миніатюръ, представляющая *Вознесеніе Христа* въ композиціи, хотя напоминающей византійскія, но съ деталью, не встрѣчаемой въ послѣднихъ: Христосъ сидитъ на тронѣ, съ книгой, благословляя правой рукой, въ мандорнѣ, несомой четырьмя ангелами. Внизу 12 апостоловъ по сторонамъ стоящаго въ центрѣ ангела. Характерно, что между апостолами вновь изображенъ лишь одинъ юный; нѣкоторые дѣлаютъ жестъ печали, прикладывая руку къ подбородку.

12) На л. 14 изображено *Сошествіе Св. Духа на апостоловъ*, въ композиціи, отчасти близкой къ той, что въ сирійскомъ ев. Робулы [14]); какъ и тамъ, 12 апостоловъ стоятъ (желтая почва), но безъ Богородицы въ центрѣ; съ полукруглаго голубаго неба на апостоловъ исходитъ двѣнадцать красныхъ лучей.

13) На л. 14 об. изображено, повидимому *обрѣтеніе св. Еленою Креста*. Св. Елена въ сопровожденіи воина, держащаго крестъ, стоитъ съ книгой. Два воина кладутъ крестъ на мертвеца. Юноша подводитъ къ св. Еленѣ на веревкѣ четырехъ плѣнныхъ со связанными позади руками.

На л. 15, 16 даны орнаментальные кресты; на л. 16, одинъ крестъ повторяетъ извѣстный на Березинскомъ блюдѣ.

14) На л. 247—какъ бы копія съ изображеній въ равеннскихъ мозаикахъ V—VI в.: въ медальонахъ по грудь Христосъ и шесть апостоловъ (или святыхъ), на фонахъ—красномъ, голубомъ, зеленомъ,—уродливыхъ формъ, съ продолговатымъ носомъ, большими глазами.

15) На послѣднемъ 248 л. изображенъ желтый крестъ, украшенный разноцвѣтными камнями.

Е. Рѣдинъ.

II

Слѣды чуди въ Слободскомъ уѣздѣ Вятской губ.

Существованіе когда-то чудской народности въ восточной части Вятской губерніи, а въ частности въ Слободскомъ уѣздѣ, считается твердо установленнымъ фактомъ [1]), и хотя попытки ближе опредѣлить ея этнографическій habitus, такъ сказать—обличье, остались незакон-

---

[14]) Кондаковъ, О. с.. стр. 75, Усовъ, стр. 188.

[1]) См. Матеріалы по археол. восточ. губ. Россіи, вып. I, 66—67.

ченными [1])—тѣмъ не менѣе можно говорить о чуди, какъ о народѣ, этнографической особи. Территорія, гдѣ извѣстна чудь, какъ народность, охватываетъ Слободской уѣздъ, Глазовскій и Сарапульскій; на западѣ губерніи это названіе къ древностямъ не прилагается; здѣсь чуди какъ бы не существовало. Такое обстоятельство, мнѣ кажется, обусловливается, между прочимъ, и тѣмъ, откуда и въ какую эпоху явились въ край русскіе. Котельническій и Яранскій уѣзды посѣщались русскими съ Ветлуги и Двины, по лѣтописямъ, съ 3-й четверти XIV вѣка. Двиняне и новгородцы тѣхъ временъ, конечно, были слишкомъ хорошо знакомы съ „чудью", хотя бы ливонской или бѣлозерской, чтобы смѣшать съ ней другую народность, и именно они впервые заселили западъ и средину губерніи. Яранскій уѣздъ даже заселился въ значительной мѣрѣ поздно выселенцами изъ Орловскаго и Котельническаго уѣздовъ, о чуди ничего не слыхавшими. Востокъ губерніи сталъ заселяться позже и переселенцы туда наѣхали въ значительномъ числѣ изъ-подъ Москвы, изъ средней Россіи и вообще имѣютъ болѣе сходства съ „Пермью", съ русскимъ населеніемъ П—ой губерніи, чѣмъ съ „Вяткой". У нихъ слово чудь или чучь даже имѣетъ еще живое значеніе страннаго, дикаго или безобразнаго человѣка.

Изучая преданія о чуди по Слободскому уѣзду, я пришелъ къ тому заключенію, что они относятся и къ различнымъ эпохамъ, и къ разнымъ народностямъ. Не касаясь послѣдняго вопроса, чудь преданій и археологическихъ памятниковъ слѣдуетъ отнести къ 3 эпохамъ: древней, средней и новѣйшей. Древняя чудь, носительница „чудской" культуры,—національности неизвѣстной; она оставила послѣ себя безыменные памятники: селища, городища, могильники, вещи особеннаго стиля. Чудь средней эпохи непосредственно предшествовала русскому населенію; она въ немногихъ случаяхъ, что я доказываю для Кайскаго края въ особой статьѣ, сохранилась и донынѣ въ видѣ обрусѣлыхъ потомковъ. Имена, названія селеній, рѣчекъ и пр. урочищъ, имѣющія отношенія къ этой чуди, тожественны съ зыряно-пермяцкими. Новѣйшая чудь сожительствовала съ русскими, и это не была особенная народность, а тѣ же пермяки-зыряне, а также и русскіе, поселившіеся въ разбросъ, особнякомъ, чуждавшіеся сосѣдей или не признававшіе правительственной власти, религіозныхъ обязанностей, что и дѣлало ихъ въ глазахъ болѣе культурнаго населенія страннымъ, дикимъ, „чуднымъ" людомъ.

Съ чудью новѣйшей эпохи встрѣчаемся мы въ Маракулинской волости [2]). Эта волость находится на сѣверѣ уѣзда и принадлежитъ къ

---

[1]) Проф. Смирновъ. Монографіи: Вотяки, Пермяки.

[2]) М—ая волость расположена по теченію (гл. обр. по лѣвому берегу) р. Кобры,

числу самыхъ захолустныхъ и глухихъ мѣстностей. Однако, повидимому, она знала лучшія времена. Въ XVII и началѣ XVIII вѣка черезъ нее проходилъ путь на Кай, такъ называемая „Государева дорога“ [1]). По разсказамъ крестьянъ, эта дорога заброшена со времени открытія Кирсинскаго завода, т. е. съ 1729 г.; проведена же, вѣроятно, въ концѣ XVI столѣтія, послѣ основанія г. Кая (1550), какъ путь съ Вятки на Усолье. Ко времени проведенія Государевой дороги пріурочиваетъ населеніе изгнаніе чуди изъ края (но, кажется, ошибочно), передаетъ разсказы стариковъ, что въ то время была здѣсь „Березовская или Березовая волость“ (станъ такого названія существовалъ въ уѣздѣ Хлынова въ XVII вѣкѣ), народъ здѣсь жилъ самоуправный, не хотѣлъ знать властей; однако у него были церкви или по крайней мѣрѣ часовни. Я предоставляю будущему точное рѣшеніе вопроса о времени разогнанія чуди Березовской волости, но кажется яснымъ, что происшествіе это имѣло мѣсто не въ столь отдаленную эпоху. Главнѣйшія мѣстности, гдѣ жила эта „чудь“: небольшая рѣчка Подрѣщиха, ея притокъ рч. Лебяжья, рч. Федюшевка, устье рч. Соза—притока Кобры, устье рч. Черной — притока Вятки. По рѣчкамъ разбросаны покосы, принадлежащіе нынѣ разнымъ селеніямъ волости, но первоначально расчищенные „чудью“. Въ лѣсахъ замѣтны слѣды селищъ: овинныя ямы, огородныя гряды, пахотныя полосы, у которыхъ еще явственны межники. На рч. Лебяжьей замѣтны остатки часовни; неподалеку имѣются овинныя ямы и рядомъ по угору множество ямъ мелкихъ, по грудь человѣка; въ послѣднихъ нашли копасы—ручное земледѣльческое орудіе и какую-то желѣзную вещь. На рч. Федюшевкѣ замѣтны остатки значительнаго селенія, дв. 10. На устьѣ или по близости рч. Соза замѣтны слѣды жилищъ; здѣсь находили мѣдныя деньги, и здѣсь же находится множество костей, прямо на поверхности земли, почему мѣсто называется „Костянка“ [2]). Близъ устья рч. Черной въ урочищѣ „Подбанное“ въ угорѣ имѣются ямы; ихъ приписываютъ то „чуди Березовской волости“, то и той, которая ушла въ землю и закопалась.

притока Вятки. Она вся затонула въ лѣсу. На В. отъ нея на 100 в. тянется „волокъ“ до кайскихъ селеній, къ С. не менѣе того до немногочисленныхъ и рѣдкихъ селеній Вологодской губ., на З. лѣсъ верстъ на 50 до селеній Орловскаго уѣзда. Большинство селеній не давняго происхожденія.

[1]) Слѣды ея въ видѣ колей еще извѣстны. У нѣкоторыхъ охотниковъ по ней пролегаетъ „тропа“, привычный, строго охраняемый обычаемъ путь для лѣсованья. На р. Кобрѣ есть „Государевъ перевозъ“.

[2]) Урочище находится въ 12 в. отъ пч. Ныроговскаго (Сибирь) по берегу Кобры. Берегъ возвышенный. Есть какая-то большая яма. Находки: желѣзная стрѣла, желѣзный инстр. для вырѣзыванія ложекъ и мѣдныя скалки (чашки) вѣсовъ. Указаніе мѣстности въ Мат. по арх. ошибочно: п. Сибирь въ 15—17 в. отъ Синегорья, устье Соза въ 12 в. отъ перваго; М—лы указываютъ здѣсь „чудской могильникъ“. В. I, 84.

Слѣдующія селища можно причислить къ той же новѣйшей эпохѣ: близъ пч. Сычевскаго, Морозовскаго (здѣсь есть колодцы, овинныя ямы), въ 4 в. отъ пч. Соболевскаго (слѣды огородовъ). Есть и селенія, считающія себя современниками „чуди". Въ пч. Дзевскомъ (чужеговцы) старикъ увѣрялъ, что „чудской нашъ починокъ-то! чудь была, вътѣ-поры завелся"... Указываютъ двѣ фамиліи въ с. Екатеринѣ, происходящія прямо отъ березовскихъ выселенцевъ: Осколковы и Чумины (такъ прозваны потому, что гнали водку повотски въ „чумѣ" — называя его „чумá"). Съ устья Соза и др. мѣстностей, увѣряютъ единогласно старики, согнали „самоправниковъ" за неплатежъ податей и переселили въ Красноглинье (Перм. в. Глазов. у.). Насколько недавно это произошло, доказывается тѣмъ, что „въ старые годы" видали дома, развалившіеся, но еще съ замѣтными окнами. Около такого дома стоялъ овинъ, сложенный такъ, что бревна лежали пазами внизъ. Чудскія расчистки въ тѣхъ мѣстахъ лѣса, которыя не тронули лѣсные пожары, поросли лѣсомъ въ возрастѣ не болѣе 150 лѣтъ. Лѣтъ 50 назадъ подъ елью нашли даже бороны, конечно, уже сгнившія.

Если всѣ поименованныя мѣстности слѣдуетъ отнести къ числу новочудскихъ, т. е. нечудскихъ, сомнительно подобное заключеніе для цѣлаго ряда памятниковъ. Народъ зоветъ ихъ чудскими, но преданій не имѣетъ. Такъ, жила „чучь" въ пч. Огневскомъ, выс. Михайловскомъ, пч. Степановскомъ (Пычи), Чернышевскомъ. Въ Рапаловской в., южнѣе М—ой, въ д. Новая Гарь, основанной л. 300, жители увѣряютъ, что до нихъ жила чудь, а не вотъ или др. народъ. Далѣе къ ю.-з. въ Лекомской в. чудь жила близъ д. Волынцы (при рч. Б. Исаковкѣ), Георгіевской в., въ пч. Лутошкинскомъ. Къ ю. отъ названныхъ волостей лежитъ большая территорія, гдѣ преданій о чуди нѣтъ; за то вотскихъ селищъ здѣсь много, хотя о вотяхъ давно уже нѣтъ помина. Она или выселилась, что опредѣленно можно сказать во многихъ случаяхъ, или обрусѣла. Съ чудью мы встрѣчаемся снова въ Островновской волости, на ю. в. уѣзда, пограничной съ Глазовскимъ. Селища чуди указываются здѣсь у д. Денинской (верхъ рч. Елховки), сущ. лѣтъ 200, д. Шмелевшинѣ, при селеніяхъ: Тѣстоѣдовскомъ, Михеевскомъ, Кривцовскомъ, Новоселищенскомъ, Кулаковскомъ, Голодаевскомъ, Хохонинскомъ („чукша"), Степунинскомъ, Степунинскомъ — Большія Квашни, Нижнеполомскомъ (вездѣ чудь или „чукша"), д. Кочегаровской, пч. Кленовскомъ.

Только что перечисленныя селища можно отнести къ средней эпохѣ: на нихъ жили инородцы, м. б. пермяки (или вотяки?).

О чуди древнѣйшей эпохи свѣдѣній по Слободскому уѣзду собрано

пока мало. Могильники, указанные въ литературѣ, весьма сомнительны. Городищъ въ уѣздѣ 6: 1) Подгуршинское — естественный бугоръ съ искусственно обдѣланной вершиной, приписывается русскимъ. 2) Въ Ракаловской волости при д. Пустынцы близъ р. Вятки. Маленькое, слабое городище изъ сыпучаго песка. Я здѣсь нашелъ куски кремня и черепки. Причислять къ чудскимъ нѣтъ основаній. 3) При д. Деветьяровской „Кала тау“ — приписывается предкамъ деревни (татарамъ, арскимъ князьямъ). 4) При пч. Мало-Тютрюмовскомъ, Островнов. в. Отсюда у меня есть мѣдная вещица; по находкамъ можетъ быть отнесено къ позднѣйшимъ чудскимъ. 5) При д. Гуси (Городище) небольшое, находокъ не было, черепки попадаются, но культурный слой смытъ. 6) Мухинской вол., при д. Мухинской, чудское. Указываются еще „городища“ при с. Низевскомъ и д. Городищѣ Ѳедосѣевской волости, при пч. Бизяевскомъ, д. Монастырской, но слѣдовъ искусственнаго укрѣпленія въ этихъ мѣстностяхъ я не нашелъ при тщательномъ осмотрѣ (я не былъ только въ Ѳедосѣевской в., но разспросы кр—нъ близкихъ селеній и изъ самой д. Городища позволяютъ заключить, что „городища“ здѣсь нѣтъ).

Къ древнѣйшей эпохѣ, быть можетъ, принадлежатъ замѣчательныя „костища“ Неясное указаніе на одно есть въ „Матеріалахъ по арх. вост. Россіи“ [1]). Сюда относится вышеупомянутое урочище „Костянка“, въ которомъ находится большое количество лосиныхъ и оленьихъ костей. Второе костище находится въ лѣсу на рч. Лебяжьей. Здѣсь въ кучѣ оленьихъ и лосиныхъ костей, расколотыхъ пополамъ, при розыскахъ крестьяне нашли обыкновенный точильный брусокъ. Подобное костище имѣется еще у пч. Бутята Сочневской в. Здѣсь на небольшомъ угорѣ (возвышеніи) есть куча такихъ же костей, расколотыхъ пополамъ; кости перемѣшаны съ углемъ; вышина кучи 1 ар., поперечникъ 1 с. Замѣтимъ, что костище есть въ Гординской в., Глазовскаго уѣзда и изслѣдовано г. Ивановымъ. Оно находится у д. Гордино близъ берега Камы. „Складъ костей изумителенъ, но онъ рѣзко ограниченъ извѣстнымъ участкомъ, приблизительно на протяженіи 10 кв. с. Осматривая остатки, я не могъ не обратить вниманія, что всѣ кости были трубчатыя и раздробленныя. Ни одного зуба, ни одной плоской, ни одной цѣльной кости“. Повидимому, съ такимъ же фактомъ сталкиваемся мы и въ слободскихъ костищахъ. Не кроется ли его объясненіе въ охотничьихъ обычаяхъ старины? Не происходило ли въ этихъ мѣстностяхъ приношенія извѣстной доли добычи въ жертву и пр. покровителю охотниковъ лѣшему?

П. Сорокинъ.

III

Археологическая хроника.

—— Лѣтомъ 1895 г. Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ были командированы для производства археологическихъ изслѣдованій въ прибалтійскихъ губерніяхъ В. И. Сизовъ и баронъ Р. Р. Штакельбергъ [1]). Бар. Р. Р. Штакельбергъ въ сопровожденіи С. К. Богоявленскаго сосредоточилъ свои изслѣдованія на Эстляндской губ., о-вахъ Эзелѣ, Монѣ и сѣверной материковой части Лифляндской губ. Раскопки были произведены въ 8 городищахъ и въ 9 могильникахъ. Изъ городищъ особенный интересъ представили слѣдующія: Аллолинъ (Везенбергск. у.), Вольде и Монъ (Аренсбурск. у.) и Оденпэ (Юрьевскій у.); послѣднее представляетъ древнее эстонское укрѣпленіе, хорошо извѣстное нашимъ лѣтописямъ подъ переводнымъ именемъ Медвѣжья голова. Раскопки на полуостровѣ Шворбэ (о. Эзель) дали интересные результаты, тѣмъ болѣе, что эта часть о-ва не подвергалась ранѣе археологическимъ изслѣдованіямъ. Обширный матеріалъ доставили между прочимъ и могилы съ трупосожженіемъ въ другихъ частяхъ Эзеля, равно и обложенный камнями могильникъ, изслѣдованный въ Вейсенштейнскомъ у., при чемъ всѣ изученные могильники, не смотря на различія въ устройствѣ, обнаружили, однако, единую по своему типу культуру. Археологическія изслѣдованія въ Курляндіи были поручены дѣйствительному члену В. И. Сизову, пригласившаго въ помощь себѣ студента Ю. Н. Сперанскаго. Въ теченіе двухъ съ половиною мѣсяцевъ г. Сизовъ объѣхалъ многія интересныя въ археологическомъ отношеніи мѣстности Курляндіи, при чемъ во многихъ были произведены и пробныя раскопки; но дѣятельность этой экспедиціи главнымъ образомъ сосредоточилась въ мѣстности по р. Виндавѣ и по р. Хазавѣ, гдѣ были найдены могильники съ трупосожженіемъ, давшіе много вещей. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательнымъ является могильникъ въ Пассельнѣ, близъ Шлека, на лѣвомъ берегу Виндавы, въ 35 в. отъ г. Виндавы. Здѣсь было найдено много оружія, такъ, напр., болѣе 20 мечей и, между прочимъ, желѣзный шлемъ норманскаго типа; кромѣ того здѣсь же найдены орудія земледѣлія, какъ серпы и косы, а также разнаго рода бытовые предметы и украшенія; особенно много найдено бронзовыхъ оправъ отъ роговъ для питья меда или другого напитка. По характеру вещей мо-

[1]) См. «Арх. Изв.», стр. 337.

гильникъ можно отнести къ XI—XII вв., хотя точно опредѣлить дату пока еще трудно, такъ какъ найденныя здѣсь 11 серебр. монетъ еще не разобраны. Мѣстность эта, изслѣдованная г. Сизовымъ, была прежде населена Вендами, на что указываютъ кромѣ историческихъ свидѣтельствъ, названія рѣкъ (Виндава) и урочищъ (Вензава). Въ той же мѣстности могильники съ погребеніемъ относятся къ болѣе гораздо позднему времени и, по всему вѣроятію, принадлежатъ латышскому племени. Въ настоящее время вся коллекція эта приводится въ порядокъ.

—— Раскопки въ Херсонесѣ продолжаютъ обогащать науку многими интересными данными[1]). Изъ сообщенія завѣдующаго раскопками г. Косцюшко-Валюжинича „Археологическія раскопки въ Херсонисѣ въ 1894 г.". (Севастополь, 1895 г.) выясняется, что изслѣдованія за отчетный годъ производились какъ въ городищѣ, такъ и въ некрополѣ. Изъ работъ, направленныхъ къ выясненію плана города, особеннаго вниманія заслуживаетъ изслѣдованіе древней городской оборонительной стѣны; было прослѣжено направленіе стѣны, и открыты ворота, которыя вели къ гавани, и башня съ выходомъ въ городъ. Кромѣ того, открыты водоотводы, изъ которыхъ одинъ обнаруженъ м. пр. и подъ каменнымъ поломъ башни. По мнѣнію г. Косцюшко, указанная стѣна представляетъ слѣды укрѣпленій древняго Херсонеса, занимавшаго мѣсто значительно меньшее, чѣмъ въ византійскую эпоху. Изъ древностей, открытыхъ въ городищѣ, интересна шиферная икона, найденная разбитой на 15 кусковъ и рельефно изображающая св. Георгія и Димитрія en face, въ кольчугахъ и богатыхъ длинныхъ одеждахъ; рамка иконы рѣзная; во многихъ мѣстахъ сохранилась позолота. Икона найдена въ большомъ помѣщеніи, служившемъ, по мнѣнію автора отчета, несомнѣнно торговымъ складомъ, такъ какъ въ немъ были закопаны въ землѣ 7 пиѳосовъ, отъ $1\frac{1}{2}$—3 арш. высоты,—въ которыхъ обыкновенно хранились вино, зерно и т. п. Въ этомъ же помѣщеніи найдены: бронзовое кадило на длинной прямой ручкѣ, большой желѣзный, обтянутый листовымъ серебромъ, крестъ, бронзовый небольшой крестикъ, помѣщающійся внутри круга и т. д., и наконецъ, какъ въ этомъ помѣщеніи, такъ и въ сосѣднихъ были въ числѣ прочихъ предметовъ найдены глиняныя глазурованныя блюда съ изображеніями нападающихъ другъ на друга на одномъ—удава и грифона, на другомъ—орла и грифона, повидимому персидской работы. Черепки и днища аналогичной посуды, поражающей свѣжестью и разнообразіемъ красокъ и орнаментовъ, были найдены и при изслѣдованіи оборонительной стѣны

[1]) см. Библіографію: «Отчетъ Им. Арх. Ком. за 1893 г.» стр. 383.

въ количествѣ болѣе 2000 экземпляровъ. Изъ числа остальныхъ найденныхъ въ городищѣ предметовъ отмѣтимъ еще серебряную фибулу, со слѣдами рѣзьбы, украшенную по угламъ гранатами и съ одной стороны головой птицы; фибула принадлежитъ къ числу издѣлій такъ наз. готскаго стиля. Монетъ: херсонесскихъ дохристіанскаго періода найдено 21, христіанскаго—161, разныхъ греческихъ колоній—11, римскихъ и византійскихъ—224, восточныхъ—4 и свинцовыхъ вотивныхъ знаковъ—10. Раскопки могилъ дали слѣдующіе результаты: всего открыто было 113 разнородныхъ погребальныхъ сооруженій, изъ коихъ 8 относятся къ древне-греческой эпохѣ, а остальныя—къ римской эпохѣ, преимущественно къ II—III вв. по Р. Х. Къ числу этихъ послѣднихъ слѣдуетъ отнести катакомбу съ остатками фресокъ; содержимое могильнаго сооруженія было разграблено, при чемъ грабители изуродовали острымъ орудіемъ и фрески, изображающія человѣческія фигуры и орнаменты изъ растительнаго царства. Другая катакомба, интересная тѣмъ, что она не подвергалась хищенію, содержала однако лишь дѣтскіе остовы и сравнительно бѣдный могильный инвентарь (золотыя проволочныя и бронзовую серьги, бусы, бронзовыя привѣски и пр., равно какъ и монеты Ѳеодосія В.). Изъ гробницъ, сложенныхъ изъ каменныхъ плитъ, интересна большая гробница, датированная найденной въ ней херсонесской монетой 54 г. по Р. Х.: она представляетъ сооруженіе $1^1/_2$ саж. длины, $2^3/_4$ арш. ширины и $2^1/_4$ арш. высоты, съ крышей на два ската и 8-ю небольшими нишами; въ ней найдено: 8 глиняныхъ урнъ съ жженными костями, глиняная посуда, 28 глиняныхъ лампочекъ, изъ которыхъ 12 съ рельефными изображеніями и 1 съ греческимъ именемъ, стеклянный флаконъ, 37 стеклянныхъ бальзамаріевъ („слезницъ"); кромѣ того, 6 золотыхъ перстней, изъ которыхъ одинъ съ сердоликомъ съ вырѣзаннымъ на немъ изображеніемъ Иракла, золотая бляшка съ вытисненнымъ на ней изображеніемъ Иракла, другая—съ изображеніемъ Эрота, 20 золотыхъ пришивныхъ бляшекъ съ вытисненными изображеніями оленя, звѣзды и пирамиды изъ шариковъ, золотыя бусы, 25 кусочковъ тонкаго листового золота, амулетъ, привѣски и пр. Въ одиночныхъ земляныхъ гробницахъ и въ насыпи некрополя было найдено много интересныхъ предметовъ, изъ которыхъ отмѣчаемъ слѣдующіе: пара золотыхъ серегъ въ видѣ диска, украшеннаго вѣночкомъ, кружками и гранатомъ по срединѣ, съ привѣшанными золотыми двуручными амфорками, низъ которыхъ составляютъ пирамидки изъ шариковъ; перстень серебряный съ сердоликомъ, на которомъ вырѣзана фигура Пегаса; медальонъ, украшенный коричневаго цвѣта яшмой съ вырѣзанными изображеніями Асклепія и Гигіеи, и терракотовую статуэтку мо-

лодого Вакха въ плющевомъ вѣнкѣ и съ повязкой вокругъ таліи.—Кромѣ того, въ гробницахъ было найдено 36 монетъ, относящихся къ эпохѣ отъ I-го в. до Р. Х. до конца IV в. по Р. Х. греческихъ, римскихъ и византійскихъ. Наконецъ, раскопки некрополя привели къ открытію еще значительнаго количества эпиграфическихъ памятниковъ.

—— Изъ Херсонской губерніи. Недавно въ „Нов. Тел." помѣщена была обстоятельно изложенная исторія Григоріево-Бизюковой обители, при чемъ упомянуто о сохранившихся памятникахъ глубокой древности вблизи монастыря. Считаемъ поэтому нелишнимъ сообщить объ археологическихъ изслѣдованіяхъ, произведенныхъ на дняхъ въ окрестностяхъ Бизюкова монастыря В. И. Гошкевичемъ. Древнее городище на крутомъ и высокомъ берегу Днѣпра, въ полуверстѣ отъ монастыря, примыкаетъ одной стороной къ глубокой „Пропастной балкѣ", о которой въ народѣ ходятъ легендарные разсказы, какъ о мѣстопребываніи нечистой силы, стерегущей зарытыя запорожцами несмѣтныя сокровища. Правдоподобно въ этихъ разсказахъ только то, что въ прошломъ столѣтіи гдѣ-то надъ „Пропастной балкой" были „зимовки" запорожцевъ, а на старомъ городищѣ сто лѣтъ тому назадъ стояло подворье Софроніевскаго (Курской губерніи) монастыря. Въ народѣ городище то слыветъ турецкимъ: говорятъ, что оно представляло важный укрѣпленный пунктъ на русской въ тѣ времена границѣ и что въ городищѣ же помѣщалась и турецкая мечеть. Осмотръ городища, произведенный г. Гошкевичемъ совмѣстно съ историкомъ Бизюковой обители Н. О. Ногачевскимъ, показалъ полную возможность важнаго стратегическаго значенія городища въ турецкія времена. Съ рѣки оно непреступно: подъемъ слишкомъ крутъ и высокъ; со стороны „Пропастной балки" подняться не такъ трудно; поэтому побережная сторона вовсе не имѣетъ вала, по другимъ же сторонамъ городище окружаетъ высокій и донынѣ валъ, сложенный изъ огромныхъ глыбъ известняка, составляющаго массивъ скалы, на которой расположено городище. Явственно замѣтенъ выѣздъ на сѣверной сторонѣ, къ степи, видимо сильно защищенный въ древности, судя по возвышающимся здѣсь грудамъ камней. Но изслѣдованіе это привело къ заключенію, что первыя поселенія на мѣстѣ городища слѣдуетъ отнести къ глубочайшей древности, къ эпохѣ образованія первыхъ въ нашемъ краю человѣческихъ поселеній. Въ этомъ убѣждаютъ найденные г. Гошкевичемъ фрагментъ каменнаго молота со сверлиной, черепки черно-лаковыхъ и красно-лаковыхъ сосудовъ, обломки греческихъ амфоръ и другіе остатки культуры древней Эллады. Дальнѣйшія разысканія въ этомъ интересномъ „городкѣ" навѣрное дадутъ возможность приподнять завѣсу, скрывающую отъ на-

шихъ глазъ обстановку жизни его первоначальныхъ обитателей, которыми вовсе не были турки или запорожцы, какъ полагали до сихъ поръ. Еще одно доказательство дотурецкаго существованія этого опустѣлаго сельбища—монеты императора Θеодосія В. найденная г. Ногачевскимъ въ томъ же „городкѣ". Всѣ вышеупомянутыя находки поступили для храненія въ Херсонскій археологическій музей.

Другая осмотрѣнная г. Гошкевичемъ интересная въ археологическомъ отношеніи мѣстность—устье р. Ингульца, впадающей въ Днѣпръ на 17 верстѣ выше Херсона. Въ 10 верстахъ выше устья этой рѣчки въ скалистомъ берегу находится замѣчательная пещера, видимо образованная просачивающейся въ почву атмосферной водой, но приспособленная для жилья еще въ отдаленной древности. Входъ въ нее широкъ и высокъ, но дальше можно проникнуть только ползкомъ. Пробраться въ пещеру возможно на разстояніе 63 аршинъ отъ устья: дальше отверстіе такъ узко, что продвинуться въ него немыслимо. Народная фантазія наградила эту пещеру коллосальнымъ кладомъ, будто бы зарытымъ въ ней запорожцами: „40 мѣръ одного жемчугу, а золота и серебра несмѣтная сила". Опредѣлить время, съ какого пещера была обитаема, невозможно, безъ правильныхъ раскопокъ почвы подъ ея устьемъ; пробныя же раскопки обнаружили здѣсь присутствіе древняго очага: слой золы съ мелкими углями, птичьи и рыбьи кости, кусочки битыхъ сосудовъ.

Въ д. Понитовкѣ г. Гошкевичемъ осмотрѣно древнее укрѣпленіе на берегу р. Ингулки и смежное съ нимъ селище по другой сторонѣ балки, которая изстари слыветъ подъ именемъ „городка". Укрѣпленіе и селеніе могутъ быть отнесены ко временамъ запорожскимъ, хотя могутъ оказаться впослѣдствіи данныя, по которымъ выяснится время перваго здѣсь поселенія человѣка.

Въ с. Никольскомъ, лежащемъ на лѣвомъ берегу р. Ингульца, находятъ часто древнія монеты. (Новор. Телегр., № 6558).

—— Массивное мраморное изваяніе привезено въ Херсонскій аргеол. музей В. И. Гошкевичемъ, возвратившимся изъ экскурсіи по берегамъ Днѣпра. Этотъ мраморъ имѣетъ форму усѣченной 4-гранной пирамиды, съ притупленными ребрами; въ верхней ея части находится значительное углубленіе, сдѣланное, видимо, для укрѣпленія какого-то другого предмета. Всѣ стороны пирамидки, за исключеніемъ одной, покрыты символическими барельефами: въ центрѣ помѣщается букетъ ирисовъ, окаймленный двумя вѣтвями трилистника, по сторонамъ—два стилизованныхъ кипариса, а за ними — два равноконечныхъ креста. Это мраморное изваяніе должно отнести къ среднимъ вѣкамъ, къ эпохѣ раз-

витія въ нашемъ краѣ генуэзскихъ колоній. Найдено оно на мѣстѣ древняго прибрежнаго поселенія, понынѣ изобилующаго строительными матеріалами отъ разрушенныхъ зданій и другими остатками глубокой старины, но не изслѣдованнаго еще археологами (Нов. Телегр., № 6569).

—— Недавно въ небольшой музей мѣстныхъ древностей, существующій въ Херсонѣ при Губернскомъ Статистическомъ Комитетѣ, поступила отъ Императорской Археологической Комиссіи интересная коллекція серебряныхъ монетъ хановъ Золотой Орды и нѣсколько средневѣковыхъ чешскихъ монетъ. Все это найдено въ прошломъ году двумя крестьянами въ Елисаветградскомъ уѣздѣ въ рѣчкѣ Синюхѣ. Та же комиссія доставила въ музей собраніе мѣдныхъ клиновидныхъ топориковъ и серпообразныхъ мѣдныхъ ножей также изъ Елисаветградскаго уѣзда, коллекціи древнегреческихъ вещей изъ развалинъ Ольвіи и золотыя бусы изъ одного кургана въ Херсонскомъ уѣздѣ.

—— Наряду съ высокими курганами, хранителями скиѳскихъ древностей, южно-русскія степи усѣяны тысячами маленькихъ могилокъ, еле видныхъ отъ земли, примѣтныхъ только по кучкамъ бѣлаго известняка, обнажившагося изъ-подъ ихъ насыпей. Эти маленькія могилки заключаютъ въ себѣ останки разныхъ кочевниковъ, наводнявшихъ въ оны времена наши степи. Немало такихъ могилокъ на степи вокругъ с. Привольнаго. Херсонск. у. Въ минувшую зиму одинъ изъ привольнянскихъ крестьянъ, Павелъ Домашевъ, добывая известнякъ, раскопалъ одну изъ этихъ маленькихъ могилокъ и нашелъ въ ней между камнями два глиняныхъ горшка, повидимому поставленныхъ съ пищею при погребенномъ тамъ покойникѣ. Одинъ изъ горшковъ—гладкій, другой покрытъ по бокамъ оригинальными узорами. Другую такую могилу раскопалъ тотъ же крестьянинъ въ самомъ с. Привольномъ, вблизи общественнаго магазина. Въ ней оказался истлѣвшій человѣческій скелетъ и при немъ металлическая, гладко отполированная съ одной стороны круглая бляха, служившая, вѣроятно, украшеніемъ для конской сбруи, и мѣдная позеленѣвшая стрѣлка. Узнавъ объ этихъ находкахъ, мѣстный священникъ о. Ѳома Черновъ направилъ ихъ въ херсонскій археологическій музей.

—— Въ непродолжительномъ времени въ Кіевѣ откроется выставка коллекцій, пожертвованныхъ въ будущій историческій музей, для сооруженія котораго собрано уже болѣе 70 т. р. с. Въ числѣ выставленныхъ коллекцій будетъ и извѣстное собраніе малорусскихъ древностей В. В. Тарновскаго.

—— Въ г. Черниговѣ организуется губернская ученая архивная комиссія съ историческимъ при ней музеемъ и архивной библіотекой. („Кіевлянинъ“, 1895 г. № 343). Въ виду того, что открытіе архивной

комиссіи зависитъ отъ возможно большаго числа членовъ, а предполагаемый членскій взносъ въ 3 руб. не можетъ обезпечить прочнаго существованія комиссіи, г. начальникъ губерніи обратился къ городскимъ общественнымъ управленіямъ губерніи съ циркулярнымъ предложеніемъ внести въ городскія думы и собранія городскихъ уполномоченныхъ вопросъ о назначеніи ежегодной субсидіи на содержаніе губернской ученой архивной комиссіи, историческаго при ней музея и архивной библіотеки. Дѣло организаціи этой комиссіи встрѣчаетъ со стороны общества большое сочувствіе.

—— Въ половинѣ іюня состоялась археологическая экскурсія въ Новгородъ студентовъ Спб. дух. акад., собранная по иниціативѣ проф. Н. В. Покровскаго при матеріальной поддержкѣ с.-петербургскаго митрополита. Экскурсія прибыла въ Новгородъ 20 іюня, подробно осмотрѣла фрески реставрируемаго собора. Особенное вниманіе экспедиціи было обращено на предметы церковнаго и богослужебнаго обихода; осмотрѣны детально были Сигтунскія и Корсунскія ворота, при чемъ дававшимъ объясненіе Н. В. Покровскимъ было отмѣчено ихъ западное (магдебургское) происхожденіе; послѣ Новгорода посѣщены были Благовѣщеніе на Городищѣ, ц. Нередицкая, Юрьевскій мон., при чемъ Н. В. Покровскій обратилъ особенное вниманіе на рѣдкія по композиціи иконы Сошествія св. Духа *(κόσμος)*, Благовѣщенія XVII в., на плащаницу 1449, работы супруги Димитрія Юрьевича Шемяки. Наконецъ, осмотрѣнъ Антоніевъ мон. и другія церкви XII—XIII в. (Церковн. Вѣд., № 31 (95 г.), стр. 1066—1073).

—— Среди сослуживцевъ и бывшихъ слушателей профессора университета Св. Владиміра В. Б. Антоновича, устроена подписка на учрежденіе при историко-филологическомъ факультетѣ стипендіи или преміи въ память 25-лѣтія службы проф. В. Б. Антоновича въ Кіевскомъ университетѣ и въ ознаменованіе 35-лѣтія его полезной учено-литературной дѣятельности, начавшейся еще въ 1860 году, вслѣдъ за окончаніемъ университетскаго курса со степенью кандидата историко-филологическихъ наукъ. Въ 1851—1856 гг. онъ прослушалъ полный курсъ и медицинскихъ наукъ, изучалъ между прочимъ антропологію, что впослѣдствіи придало особый вѣсъ столь цѣннымъ вообще археологическимъ изслѣдованіямъ почтеннаго профессора.

—— Въ Сальскомъ округѣ, близъ станицы Великокняжеской, въ области войска Донскаго, при проведеніи желѣзной дороги, идущей, отъ Царицына на Волгѣ до станціи Тихорѣцкой, владикавказской желѣзной дороги, найдены въ землѣ 15 кувшиновъ древней формы, съ острымъ дномъ и съ небольшимъ горлышкомъ. При раскопкѣ 8 кув-

шиновъ было разбито, а 7 вырыто цѣлыми. Кувшины оказались наполненными какимъ-то чернымъ смолистымъ веществомъ. Два изъ этихъ кувшиновъ прислано въ донской музей: по опредѣленію управляющаго областною аптекою, жидкость оказалась асфальтовымъ лакомъ, съ примѣсью небольшаго количества дегтя каменнаго угля. Какое назначеніе имѣли эти кувшины пока не опредѣлено. Тамъ же найдены, по сообщенію газеты „Донск. Рѣчь", кирпичи квадратной формы, въ родѣ тѣхъ, какіе находятся на извѣстномъ цымлянскомъ городищѣ, кувшинъ круглой формы съ двумя ручками, небольшой жерновокъ и мѣдная кругленькая гирька съ дырочкою посрединѣ. („Спб. Вѣд.", № 283, 1895 г.).

—— В. Г. Олѣсовъ даетъ весьма обстоятельное описаніе осмотрѣнныхъ имъ извѣстныхъ пещеръ, находящихся около р. Исети, близъ с. Смолинскаго, Покровской волости, Екатеринбургскаго уѣзда, Пермской губ. (Зап. Ур. Общ. Люб. Естествознанія, XV, вып. 1, 1895). Устье пещеры представляетъ сплюснутую воронку, отъ которой ступени приводятъ саженъ черезъ десять въ большую темную комнату, длиной и шириной около 10 саж., высотой мѣстами до 6 саж. Изъ этой камеры ведутъ два корридора, пройденные: лѣвый на протяженіи $50^1/_2$ саж., правый — на $48^1/_2$ саж. Въ обоихъ корридорахъ есть еще развѣтвленія, спускающіяся внизъ или поднимающіяся кверху; сами корридоры не равны: каменныя ступени то спускаются, то поднимаются вверхъ. На протяженіи пространства, изслѣдованнаго г. Олѣсовымъ, были встрѣчены нѣсколько камеръ (келій), иногда съ деревянными срубами и распорами; изображеніе креста, обрамленнаго сіяющими лучами, на юго-восточной сторонѣ отъ котораго стоялъ деревянный 8-ми конечный крестъ; въ одной изъ келій стояла икона св. Николая и деревянное приспособленіе для чтенія книгъ. Въ правомъ корридорѣ, въ $48^1/_2$ саж. отъ устья, оказался ключъ съ хорошей водой. Къ статьѣ г. Олѣсова приложенъ подробный планъ обслѣдованной имъ части пещеръ. Не можетъ быть сомнѣнія, что пещеры служили убѣжищемъ для раскольниковъ; но вопросъ, были ли эти послѣдніе первыми обитателями ихъ, остается нерѣшеннымъ.

—— По поводу появившагося въ „Нов. Вр." извѣстія, что начальникомъ Витебск. губ. возбужденъ вопросъ объ учрежденіи въ Витебскѣ археологическаго общества, съ цѣлью привести въ извѣстность рукописные, печатные, архитектурные и иные памятники сѣверо-западнаго края и сохранить ихъ отъ истребленія, — „Витебск. Губ. Вѣд.". вполнѣ сочувствуя мысли учрежденія подобнаго Общества, замѣчаютъ, что этотъ вопросъ слишкомъ серьезный: въ виду того, чт для разрѣшенія его необходима обстоятельная предварительная подго-

товка, необходимъ кругъ сочувствующихъ и освѣдомленныхъ лицъ, которые съ успѣхомъ бы выполнили тѣ задачи, которыя поставлены будутъ археологическому обществу, — оффиціально вопросъ объ учрежденіи общества еще не возбужденъ. (Вит. Губ. Вѣд., 1895, № 18, часть неоффиц.).

—— Извѣстный изслѣдователь Витебской старины А. Сапуновъ сообщаетъ въ „Витебск. Губ. Вѣд.“ (1895, № 27, неоф. ч.) слѣдующую историческую справку о костелѣ въ мѣстечкѣ Міоры (Мі(и)ры, Ме(ѣ)ры), Дисненскаго у., Виленской губ.: Міоры въ XVII в. были во владѣніи Святополкъ-Мирскихъ, сохранявшихъ въ то время православіе. Въ 1644 г. Севастіанъ Мирскій основалъ около Міоръ православный монастырь, ограбленный однако уже въ 1691 г. сыномъ Севастіана — Михаиломъ, который, изгнавъ греческихъ монаховъ, передалъ монастырь католикамъ. Документы объ основаніи монастыря и объ его ограбленіи сохранились и приведены въ статьѣ г. Сапунова. М. Н. Муравьевъ сдѣлалъ распоряженіе о передачѣ этого костела православнымъ, исходя изъ положенія, что костелъ прежде былъ православнымъ монастыремъ. Вскорѣ однако міорскій костелъ снова перешелъ въ руки католиковъ. До 1894 г. на колокольнѣ костела хранился колоколъ; г. Сапуновъ при осмотрѣ его записалъ и снялъ факсимиле слѣдующей надписи на колоколѣ: „*Року 1644 мця ноіабря 2 дніа тот звон ест надаиы от мене Савастіана Мирскаго, суди земского браславского, до церкви пресвіатеи Троици и маетности моеи на Мирахъ стоіачои с костелом римским не в унии будучои*“. Этотъ интересный памятникъ старины недавно отосланъ въ Варшаву и какъ „негодный“ разбитъ.

—— Императорская археологическая коммиссія обогатилась, какъ мы слышали, стариннымъ документомъ, полученнымъ отъ костромской архивной коммиссіи. Документъ этотъ—грамота царя Василія Ивановича Шуйскаго къ воеводѣ Годунову о помилованіи жителей города Свіяжска, бывшихъ нѣкоторое время въ неповиновеніи царю, и о мѣрахъ къ прекращенію бунтовъ и волненій въ областяхъ. Грамота эта найдена въ частномъ архивѣ имѣнія „Свѣточева гора“, перешедшемъ въ собственность предсѣдателя костромской губернской земской управы П. В. Исакова, который и предоставилъ ее, вмѣстѣ съ другими рукописями, въ распоряженіе костромской архивной коммиссіи.

—— „Витебск. Губ. Вѣд.“ сообщаютъ, что въ настоящее время производится срытіе Замковой горы, находящейся на дворѣ мужской гимназіи въ Витебскѣ. Замокъ этотъ возникъ не позже XII вѣка и окончательно уничтоженъ пожаромъ 1757 г. При раскопкѣ, въ южной

части, подъ слоемъ чернозема, найдено 14 костяковъ, лежавшихъ головами къ западу, съ руками, повидимому, сложенными на груди; никакихъ предметовъ при костяхъ не замѣчено. Изъ предметовъ въ черноземномъ слоѣ горы найдены: глиняныя грузила, точильные камни, ручные жернова, весьма грубой работы. Очень много встрѣчалось глиняныхъ черепковъ и осколковъ перегорѣвшаго стекла. Среди черепковъ замѣчательны части своеобразнаго голосника, съ толстыми стѣнками и довольно широкимъ отверстіемъ, края котораго оригинально орнаментированы волнистою линіею, съ перемежающимися вогнутостями и выпуклостями. Много черепковъ найдено зеленыхъ, глазированныхъ съ внутренней стороны; найденъ также глазированный сосудъ, въ видѣ небольшой кубышки. Кухонныхъ остатковъ повсемѣстно множество; здѣсь найдены кости быка, свиньи, овцы, лося, медвѣдя, птицъ, рыбья чешуя и т. п. Изъ оружія при раскопкахъ найдено нѣсколько желѣзныхъ ножей, позднѣйшаго времени, часть сабельной рукоятки, круглыя свинцовыя пули, небольшія чугунныя ядра, желѣзные наконечники стрѣлъ. Раньше здѣсь находили каменныя ядра, желѣзныя копья, топоры. 27 іюля, въ сѣверной части раскапываемой площади, рабочіе наткнулись на подземную кирпичную арку, и часть ея, вмѣстѣ съ подходящими къ ней стѣнами, по невѣдѣнію, сломали. До 2 августа уже отрыто три стѣны, съ нѣсколькими подвалами. (Петер. Вѣд. № 224, 1895 г.).

—— Въ имѣніи Кардисъ, на границѣ Эстляндской губерніи, какъ сообщаетъ „Рижск. Вѣстн.“, профессоромъ Хаусманомъ, г. фонъ-Левисомъ (изъ Риги) и другими лицами были предприняты раскопки могильнаго кургана. Въ курганѣ найдено нѣсколько бронзовыхъ и желѣзныхъ вещей, представляющихъ значительный интересъ для археологовъ.

—— Проф. Соколовскій представилъ въ Краковскую Академію Наукъ (филологич. отд.) фотографію съ иконы Благовѣщенія XVI в. съ глаголической надписью; икона находится въ Загорьѣ, близъ Санока.

—— Извѣстный румынскій археологъ Адріанъ Діакону сообщаетъ, что имъ были найдены среди развалинъ древняго римскаго форта, носившаго названіе „Bersovia“, по близости трансильванскаго города Темешвара, предметы, наглядно свидѣтельствующіе, что искусство печатанія было извѣстно древнимъ римлянамъ. Дальнѣйшія разслѣдованія привели румынскаго археолога къ тому заключенію, что римскій IV легіонъ Флавія Феликса, квартировавшій въ Дакіи, былъ знакомъ съ типографскимъ дѣломъ, и для свѣдѣнія легіонеровъ печатались распоряженія ихъ начальниковъ разборнымъ шрифтомъ. Двое членовъ бухарестской

академіи наукъ изслѣдовали найденный Діакону римскій шрифтъ и согласились съ его мнѣніемъ. Находка румынскаго археолога въ окрестностяхъ Темешвара, по словамъ „Foia diecesana", не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что печатное дѣло существовало въ Дакіи при римлянахъ.

—— Въ редакцію присланъ изъ Херсона литографическій рисунокъ съ мраморнаго надгробія съ древнегреческою надписью, найденнаго весною 1895-го года на мѣстѣ ольвійскаго некрополя, въ селѣ Парутинѣ и доставленнаго херсонскому губернатору приставомъ г. Очакова; къ рисунку (см. рис. 23) приложено краткое объясненіе, которое здѣсь приводимъ:

Рис. 23.

Вышина передней стороны A A¹ имѣетъ 54 сантиметра, задней B B¹—47; ширина 35 с. и толщина 7 с.

Сверху внизъ по боку, A—A=A₁—A₁ вырѣзана надпись въ двѣ строки (см. рисунокъ 24):

На другомъ боку B—B=B₁—B₁ также была надпись, отъ которой уцѣлѣли только двѣ буквы (см. рис. 25):

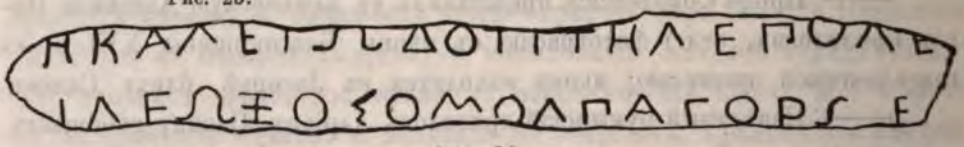


Рис. 24.

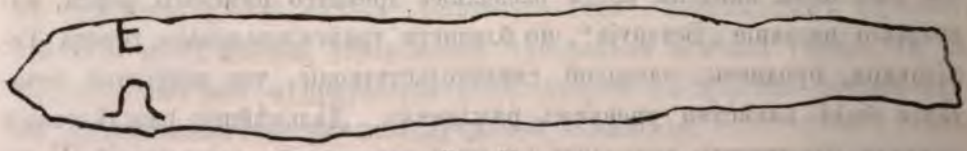


Рис. 25.

Надпись можетъ быть прочитана такимъ образомъ:

.... *η Καλειωδότι, τήλε πόλε* [ως].....
..... [φ, χ] *ιλεώξος ὁ Μολπαγόρω*[ς] *ἔ* [*θηκε*]....

т. е. „Калейодоту, вдали отъ города... [Ф, Х]илеоксъ сынъ Молпагора [поставилъ]“....

Типичная фигура вооруженнаго скиѳа очень напоминаетъ изображенія на Куль-Обской вазѣ.

—— Знаменитый историкъ Момсенъ получилъ отъ друзей и учениковъ подношеніе въ 28 т. марокъ, собранныхъ для него по случаю празднованія 50-лѣтія со дня пріобрѣтенія докторской степени. Момсенъ предоставилъ эту сумму Академіи Наукъ на продолженіе изданія греческихъ и римскихъ монетъ. Академія поручила проф. Кубичку изданіе малоазіатскихъ монетъ. Описаніе монетъ сѣверной Греціи выйдетъ въ скоромъ времени.

—— Раскопки Американской школы, производившіяся въ Аргосѣ подъ руководствомъ профессора Вальдштейна, дали въ нынѣшнемъ году весьма богатые результаты. Кромѣ двухъ храмовъ и пяти другихъ зданій, открытыхъ раньше, найдены были у южной стороны второго храма на глубинѣ 25 футовъ части метопъ, двѣ мраморныя головы изъ времени процвѣтанія греческаго искусства, около сотни мѣдныхъ и серебряныхъ предметовъ, украшенія, сосуды, глиняныя подѣлки изъ гомеровской эпохи, аргивскія надписи, рѣзаныя на мѣди, по всей вѣроятности религіознаго содержанія. Эти раскопки по своему значенію не уступятъ дельфійскимъ, такъ какъ онѣ обнимаютъ почти всѣ періоды въ развитіи греческой жизни. Начиная съ доисторическаго времени, онѣ дали обильные образцы изъ гомеровской эпохи, многія произведенія архитектоники и пластики вѣка Перикла и прекрасно освѣщаютъ исторію древнѣйшей керамики.

—— Въ засѣданіи Académie des inscriptions et belles lettres отъ 28 іюня с. г. г-нъ Г. де Вильфоссъ (H. de Villefosse) представилъ фотографическіе снимки съ предметовъ, найденныхъ 13 апрѣля с. г. въ Боско Реале, близь Помпеи. Кладъ этотъ состоитъ болѣе чѣмъ изъ 40 предметовъ изъ серебра—кратеры для вина, чаши, стаканы и т. п., украшенныхъ рельефами высокохудожественной работы. На нѣкоторыхъ предметахъ находится подпись художника, на другихъ—портреты Еврипида, Менандра, Зенона, Епикура, Софокла, вмѣстѣ съ изреченіями, приглашающими воспользоваться пріятностями земной жизни. Кладъ относится ко времени, предшествующему изверженію Везувія, т. е. ранѣе 79 года. Въ засѣданіи 5 іюля с. г. г. Бреаль прочелъ докладъ о божествахъ древней Италіи, гдѣ доказывалъ, что отожествленіе римскихъ боговъ съ греческими—Марса съ Аресомъ, Минервы съ Аѳиною и т. п.—сдѣлано еще Этрусками. Основаніе сему предположенію г. Бреаль видитъ въ именахъ (Марсъ, Минерва), кои не латинскія, а

академіи наукъ изслѣдовали найденный Діакону римскій шрифтъ и согласились съ его мнѣніемъ. Находка румынскаго археолога въ окрестностяхъ Темешвара, по словамъ „Foia diecesana“, не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что печатное дѣло существовало въ Дакіи при римлянахъ.

—— Въ редакцію присланъ изъ Херсона литографическій рисунокъ съ мраморнаго надгробія съ древнегреческою надписью, найденнаго весною 1895-го года на мѣстѣ ольвійскаго некрополя, въ селѣ Парутинѣ и доставленнаго херсонскому губернатору приставомъ г. Очакова; къ рисунку (см. рис. 23) приложено краткое объясненіе, которое здѣсь приводимъ:

Рис. 23.

Вышина передней стороны A A¹ имѣетъ 54 сантиметра, задней B B¹—47; ширина 35 с. и толщина 7 с.

Сверху внизъ по боку, A—A=A₁—A₁ вырѣзана надпись въ двѣ строки (см. рисунокъ 24):

На другомъ боку B—B=B₁—B₁ также была надпись, отъ которой уцѣлѣли только двѣ буквы (см. рис. 25):

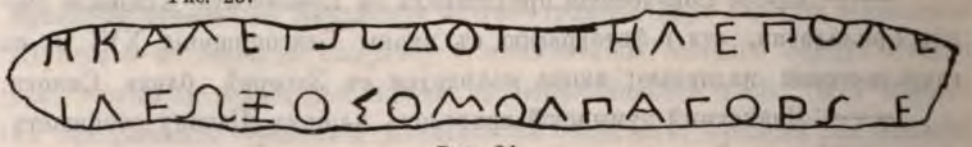


Рис. 24.

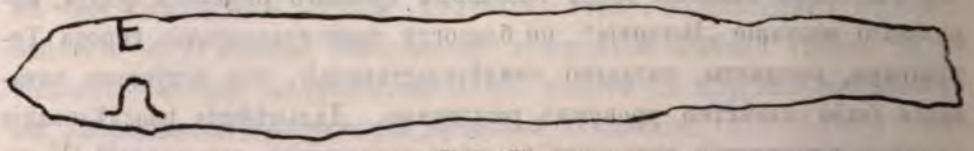


Рис. 25.

Надпись можетъ быть прочитана такимъ образомъ:

.... *η Καλειωδότι, τήλε πόλε* [ως].....
..... [φ, χ] *ιλεώξος ὁ Μολπαγόρω*[ς] *ἔ* [*θηκε*]....

т. е. „Калейодоту, вдали отъ города.... [Ф. Х]илеоксъ сынъ Молпагора [поставилъ]“....

Типичная фигура вооруженнаго скиѳа очень напоминаетъ изображенія на Куль-Обской вазѣ.

—— Знаменитый историкъ Момсенъ получилъ отъ друзей и учениковъ подношеніе въ 28 т. марокъ, собранныхъ для него по случаю празднованія 50-лѣтія со дня пріобрѣтенія докторской степени. Момсенъ предоставилъ эту сумму Академіи Наукъ на продолженіе изданія греческихъ и римскихъ монетъ. Академія поручила проф. Кубичку изданіе малоазіатскихъ монетъ. Описаніе монетъ сѣверной Греціи выйдетъ въ скоромъ времени.

—— Раскопки Американской школы, производившіяся въ Аргосѣ подъ руководствомъ профессора Вальдштейна, дали въ нынѣшнемъ году весьма богатые результаты. Кромѣ двухъ храмовъ и пяти другихъ зданій, открытыхъ раньше, найдены были у южной стороны второго храма на глубинѣ 25 футовъ части метопъ, двѣ мраморныя головы изъ времени процвѣтанія греческаго искусства, около сотни мѣдныхъ и серебряныхъ предметовъ, украшенія, сосуды, глиняныя подѣлки изъ гомеровской эпохи, аргивскія надписи, рѣзаныя на мѣди, по всей вѣроятности религіознаго содержанія. Эти раскопки по своему значенію не уступятъ дельфійскимъ, такъ какъ онѣ обнимаютъ почти всѣ періоды въ развитіи греческой жизни. Начиная съ доисторическаго времени, онѣ дали обильные образцы изъ гомеровской эпохи, многія произведенія архитектоники и пластики вѣка Перикла и прекрасно освѣщаютъ исторію древнѣйшей керамики.

—— Въ засѣданіи Académie des inscriptions et belles lettres отъ 28 іюня с. г. г-нъ Г. де Вильфоссъ (H. de Villefosse) представилъ фотографическіе снимки съ предметовъ, найденныхъ 13 апрѣля с. г. въ Боско Реале, близь Помпеи. Кладъ этотъ состоитъ болѣе чѣмъ изъ 40 предметовъ изъ серебра—кратеры для вина, чаши, стаканы и т. п., украшенныхъ рельефами высокохудожественной работы. На нѣкоторыхъ предметахъ находится подпись художника, на другихъ—портреты Еврипида, Менандра, Зенона, Епикура, Софокла, вмѣстѣ съ изреченіями, приглашающими воспользоваться пріятностями земной жизни. Кладъ относится ко времени, предшествующему изверженію Везувія, т. е. ранѣе 79 года. Въ засѣданіи 5 іюля с. г. г. Бреаль прочелъ докладъ о божествахъ древней Италіи, гдѣ доказывалъ, что отожествленіе римскихъ боговъ съ греческими—Марса съ Аресомъ, Минервы съ Аѳиною и т. п.—сдѣлано еще Этрусками. Основаніе сему предположенію г. Бреаль видитъ въ именахъ (Марсъ, Минерва), кои не латинскія, а

этрусскія. Равно и „Нептунъ“ встрѣчается въ формѣ „Нефтиль“ на ручкѣ этрусскаго зеркала. Въ зас. отъ 12 и 19 іюля г. С. Рейнакъ демонстрировалъ бронзовую статуэтку Минервы, недавно найденную близъ Дарданельскаго пролива и пріобрѣтенную Константинопольскимъ музеемъ. Статуэтка воспроизводитъ типъ извѣстный по колоссу, описанному историкомъ Никетомъ и разрушенному въ 1203 году. Въ засѣданіи отъ 9 августа с. г. г. де Вильфоссъ представилъ фотографіи, съ найденной въ іюлѣ мѣсяцѣ въ Карѳагенѣ, женской статуэтки изъ слоновой кости и интересной, какъ рѣдкій образчикъ карѳагенскаго костюма. Повидимому, эта статуэтка служила ручкой для зеркала.

IV.

Засѣданія Обществъ.

Первое осеннее засѣданіе Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, 10-го ноября с. г., было открыто сообщеніемъ предсѣдателя, графини П. С. Уваровой, о новомъ ВЫСОЧАЙШЕМЪ знакѣ вниманія и сочувствія къ дѣятельности Общества его ДЕРЖАВНАГО ПОКРОВИТЕЛЯ: въ 6-й день минувшаго октября ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ Всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ отпустить Обществу изъ суммъ Государственнаго Казначейства 10,000 руб. на продолженіе изслѣдованій на Кавказѣ и въ восточныхъ губерніяхъ. Сообщеніе это было выслушано всѣми присутствовавшими съ глубокимъ благоговѣніемъ и затѣмъ единогласно было одобрено содержаніе письма гр. П. С. Уваровой съ выраженіями безпредѣльныхъ чувствъ всепреданнѣйшей благодарности Общества ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ за таковой милостивѣйшій МОНАРШІЙ даръ. Такимъ образомъ, нынѣ дальнѣйшіе труды Общества по изслѣдованію, описанію и изданію древностей Кавказа и восточной Россіи вполнѣ обезпечены ВЫСОЧАЙШЕЮ Волею. Въ томъ же засѣданіи было доведено до свѣдѣнія Общества и о понесенныхъ имъ тяжелыхъ утратахъ текущимъ лѣтомъ въ лицѣ дѣйствительныхъ членовъ П. И. Савваитова († 12 іюля) и Д. А. Ровинскаго († 12 іюня). Въ числѣ доложенныхъ затѣмъ бумагъ были прочитаны увѣдомленія г. Министра Народнаго Просвѣщенія о ВЫСОЧАЙШЕМЪ соизволеніи на посвященіе Имени въ Бозѣ Почивающаго ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III „Трудовъ“ X Археологическаго Съѣзда въ Ригѣ и его Предварительнаго Комитета и о рекомендаціи Ученымъ Комитетомъ М. Н. П. для фундаментальныхъ библіотекъ учебныхъ заведеній Министерства журнала Общества „Археологическія Извѣстія и Замѣтки“. Общество единогласно постановило повергнуть чрезъ

графа И. Д. Делянова къ стопамъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА чувства глубочайшей признательности и просить его сіятельство принять выраженія почтительнѣйшей благодарности за вниманіе къ ходатайству Общества. Въ концѣ засѣданія дѣйств. чл. А. С. Хахановъ и Х. И. Кучукъ-Іоаннесовъ прочли свои отчеты о лѣтнихъ поѣздкахъ по порученію Общества. Г. Хахановъ посѣтилъ памятники христіанскаго искусства въ Тифлисской губ. и осматривалъ главнымъ образомъ памятники, или неизслѣдованные до сихъ поръ, или неполно описанные, какъ, напр., Самтавійскій соборъ въ Ксанскомъ ущельѣ. Результаты изслѣдованія заставляютъ референта отнести этотъ храмъ не къ V—VI в., какъ до сихъ поръ предполагали, а къ X, а придѣлъ къ XVIII в. Въ томъ же ущельѣ онъ осмотрѣлъ еще храмы Ахалгорскій, Хонскій, Канчавстскій, Ларгивскій, Коринтскій, и др., и кромѣ того, Бодорискій и Цилканскій, впервые посѣщаемый. Кромѣ самыхъ храмовъ, осмотрѣны были подробно и ихъ ризницы и книгохранилища. Х. И. Кучукъ-Іоаннесовъ посѣтилъ юго-западный край и Крымъ съ цѣлью отысканія и описанія армянскихъ памятниковъ тамъ, при чемъ привезъ много надписей армянскихъ, арабскихъ и еврейскую. Оба сообщенія сопровождались демонстраціей фотографій и др. снимковъ съ древностей.

Въ засѣданіи Славянской Коммиссіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества 17 октября произведены были выборы на новое трехлѣтіе предсѣдателя и его товарища: избранными оказались: предсѣдателемъ—М. И. Соколовъ, его товарищемъ—И. А. Линниченко. Первымъ чтеніемъ былъ докладъ М. И. Соколова „О славянскихъ стихахъ монаха Мардарія Хоникова къ лицевой библіи Пискатора“ (докладъ напечатанъ въ „Арх. Изв. и Зам.“ № 9—10, стр. 300 и сл.). Второй докладъ М. Н. Сперанскаго посвященъ былъ изреченіямъ Менандра въ славянскомъ переводѣ сохранившихся въ рукописяхъ съ именемъ Григорія Богослова.

Въ Археологическомъ институтѣ 25 октября 1895 г. происходило торжественное собраніе для чествованія памяти учредителя института Н. В. Калачова, со дня кончины котораго исполнилось десять лѣтъ, Д. А. Ровинскаго и П. И. Савваитова. По этимъ тремъ лицамъ была отслужена панихида, на русскомъ и на греческомъ языкахъ.

Послѣ богослуженія А. П. Вороновъ произнесъ рѣчь о значеніи Н. В. Калачова, какъ архивиста. Это былъ человѣкъ, посвятившій всю свою жизнь удивительно разносторонней и въ то же время полезной дѣятельности: онъ былъ юристомъ, историкомъ, общественнымъ дѣятелемъ, выдающимся архивистомъ, организаторомъ архивнаго дѣла въ Россіи, горячимъ дѣятелемъ по освободительной реформѣ и учредителемъ единственнаго пока въ Россіи Археологическаго института. Онъ съ юныхъ лѣтъ почувствовалъ любовь къ родной старинѣ, еще студентомъ читалъ лѣтописи и надписи въ московскихъ храмахъ и на старыхъ могильныхъ плитахъ и въ

этихъ письменахъ искалъ живой связи прошлаго съ настоящимъ. Это исканіе онъ преслѣдовалъ всю свою жизнь. Въ 50-хъ годахъ онъ изъѣздилъ большую часть Россіи, изучая провинціальные архивы, а за-границею познакомился съ веденіемъ архивнаго дѣла и съ подготовкою ученыхъ архивистовъ, Въ архивахъ онъ видѣлъ богатыя сокровищницы, въ которыхъ найдутся отвѣты на очень многіе вопросы жизни, и видѣлъ въ нихъ условія для развитія научнаго, государственнаго и національнаго.

Директоръ института А. Н. Труворовъ произнесъ рѣчь отсутствовавшаго професора Н. П. Лихачева, посвященную памяти сенатора Д. А. Ровинскаго—почетнаго члена института. Ровинскій одинъ изъ первыхъ отыскалъ съ удивительнымъ чутьемъ корень изученія техники нашего древняго иконописанія. Изучая это дѣло, онъ объѣхалъ много старинныхъ храмовъ и раскольничьихъ молелень. Второй трудъ его о гравированіи, также представленный на уваровскій конкурсъ, былъ строго осужденъ еще въ рукописи В. В. Стасовымъ. Ровинскій понялъ, что критикъ правъ и съ этой поры въ немъ исчезъ диллетантъ и вмѣсто него явился серьезный ученый и знатокъ дѣла. Одно за другимъ выходятъ его роскошныя, дорогія многотомныя изданія, охватывающія цѣлыя области народнаго творчества: гравированные портреты, русскія народныя картинки, снимки съ портретовъ Рембранта, быстро разошедшіеся въ Россіи и за-границей, и многое другое. Онъ былъ чуждъ отдыха и смерть застала его больнымъ физически, но бодрымъ духомъ и полнымъ энергіи и замышлявшимъ текущей осенью приступить къ новому изданію. Въ одной изъ залъ института была устроена выставка всѣхъ изданій Д. А. Ровинскаго.

Проф. Н. В. Покровскій посвятилъ рѣчь памяти перваго піонера русской археологической науки П. И. Савваитова и сдѣлалъ характеристику его личности, дѣятельности и археологическихъ трудовъ. Онъ очертилъ его, какъ труженика, прокладывавшаго первыя тропинки въ мало еще разработанной въ его время археологіи. (Нов. Вр. № 7062, 1895).

Засѣданіе историческаго общества Нестора Лѣтописца. Засѣданіе 15 октября открылось сообщеніемъ поч. чл. В. Б. Антоновича о раскопкахъ въ Обсерваторномъ переулкѣ. Весною текущаго года кіевское акцизное управленіе получило распоряженіе устроить казенный винный складъ, для чего и пріобрѣло усадьбу на углу Обсерваторнаго и Подвальнаго переулковъ. Здѣсь находился, между прочимъ, отрѣзокъ стараго вала, который и былъ снесенъ при постройкѣ. По этому поводу въ одной изъ кіевскихъ газетъ („Жизнь и Искусство") появилась статья г. Кибальчича, которая обратила вниманіе на то, что будто бы уничтоженъ очень древній русскій памятникъ, именно „сѣверный бастіонъ Ярославова вала". Статья носитъ, по словамъ докладчика, болѣе фельетонный, чѣмъ научный характеръ, и на нее не слѣдовало бы обращать вниманія, если-бы не то обстоятельство, что она вызвала извѣстный шумъ въ нѣкоторыхъ ученыхъ обществахъ Россіи, недостаточно знакомыхъ съ мѣстной кіевской топографіей.

Акцизное управленіе отнеслось къ обществу Нестора Лѣтописца, отъ котораго проф. В. Б. Антоновичъ и получилъ порученіе произвести разслѣдованіе справедливости такихъ сѣтованій. Затѣмъ, референтъ въ подробностяхъ разсмотрѣлъ указанную статью г. Кибальчича, носящую заглавіе „Уничтоженіе древняго Ярославова вала въ Кіевѣ", которая распадается на часть историческую и археологическую и снабжена рисунками найденныхъ тамъ предметовъ. Первая часть состоитъ изъ доказательствъ, что уничтоженный валъ построенъ Ярославомъ, на мѣстѣ, извѣстномъ кіевлянамъ подъ именемъ урочища Кудрявецъ.

Хотя статья снабжена многочисленными текстами, въ томъ числѣ и изъ соч. Закревскаго, но тексты выбраны крайне неудачно и ни одинъ не говоритъ объ урочищѣ Кудрявецъ. Референтъ указалъ далѣе на то обстоятельство, что изслѣдованія Максимовича и Закревскаго о Ярославовыхъ валахъ дали имъ возможность установить только гипотетическую схему этихъ валовъ, имѣя только три опредѣленныхъ пункта ихъ: Золотыя ворота, Жидовскія (примѣрно тамъ, гдѣ Львовская площадь) и Лядская—въ началѣ нынѣшней Софійской улицы, отъ Думы; но Кудрявца нигдѣ нельзя пріурочить къ валамъ Ярослава. Остановившись на стратегическихъ соображеніяхъ г. Кибальчича, по которымъ на Кудрявцѣ долженъ быть „бастіонъ" Ярослава, В. Б. Антоновичъ сообщилъ, что соображенія эти съ одинаковымъ успѣхомъ могутъ быть приложены ко всякому мѣсту—„отъ Межигорья до Екатеринослава", и преисполнены анахронизмовъ. Такъ, по словамъ г. Кибальчича выходитъ, что Ярославъ долженъ былъ защищаться отъ „Галиціи", которой въ то время вовсе не было, а была Червонная Русь, его-же собственная провинція, отъ которой не было нужды обороняться. Самое названіе „бастіонъ", многократно повторяющееся въ статьѣ, совершенно не можетъ примѣняться къ укрѣпленіямъ этой эпохи, ибо бастіоны имѣютъ строго опредѣленное фортификаціонное строеніе, пріуроченное къ защитѣ огнестрѣльнымъ оружіемъ, и появились только въ 16-мъ вѣкѣ. Затѣмъ В. Б. Антоновичъ указалъ, что авторъ могъ-бы доказывать свои положенія, не имѣя лѣтописныхъ текстовъ, путемъ сравненія даннаго памятника съ городищами княжескаго періода, но онъ этого не сдѣлалъ по той простой причинѣ, что сходства здѣсь никакого нѣтъ: въ городищахъ той эпохи нигдѣ нѣтъ прямыхъ линій и прямыхъ угловъ, какъ въ отрѣзкѣ, о которомъ идетъ рѣчь, ибо не было надобности въ огнестрѣльной защитѣ; древніе валы имѣютъ вогнутую и выпуклую кривизну, иногда съ учащеніемъ валовъ концентрическими кругами. Указавши далѣе на то, что мнимый Ярославовъ валъ не вошелъ и въ черту тѣхъ укрѣпленій, которыя были сдѣланы русскими и малорусскими войсками въ концѣ 17-го вѣка (воевода Шереметьевъ), планы которыхъ имѣются и которыя не захватываютъ Кудрявца,—В. Б. Антоновичъ сослался на планъ въ соч. Берлинскаго, гдѣ изображенъ этотъ отрѣзокъ, какъ ретраншементъ Миниха, первой половины 18 го вѣка. Берлинскій же имѣлъ возможность получить достовѣрныя свѣдѣнія, какъ современникъ лицъ второго поколѣнія послѣ Ми-

ниха (нач. 19-го вѣка). Часть археологическая статьи г. Кибальчича отличается той-же неосновательностью, какъ и историческая. Полагая, что „Ярославовъ бастіонъ“ покрылъ другой болѣе древній валъ, каменнаго или скиѳскаго періода, авторъ останавливается на ямѣ съ бараньими рогами, говоря, что это былъ военный складъ кинжаловъ первобытныхъ людей. В. Б. Антоновичъ пояснилъ, что въ коллекціи этихъ роговъ онъ не видѣлъ обдѣланныхъ, какъ утверждаетъ авторъ статьи. Что касается найденныхъ скелетовъ, то они могутъ быть остатками „жидовскаго“ кладбища, существовавшаго до послѣдняго времени, вопреки мнѣнію автора, что это „поляне,“ имѣвшіе характерные признаки погребенія. Г. Кибальчичъ указываетъ и на яму съ человѣческими и лошадиными костями на самомъ валу, называя ее „общей братской могилой защитниковъ Кіева“. Не имѣя точныхъ данныхъ, здѣсь можно дѣлать самыя широкія догадки. Что же касается „пещеры“, В. Б. Антоновичъ осматривалъ ее и пришелъ къ заключенію, что это—яма, откуда окрестные жители брали бѣлый песокъ. Относительно найденныхъ предметовъ, изображенныхъ на рисункахъ г. Кибальчича—это сбродъ перемѣшанныхъ и переломанныхъ предметовъ, какіе можно найти на любой квадратной сажени культурнаго слоя г. Кіева, пережившаго 20 вѣковъ.

Выяснивъ истинное значеніе нѣкоторыхъ „рѣдкостей“ въ видѣ точильнаго бруска, кусковъ кремня и черепковъ, В. Б. Антоновичъ указалъ на медальонъ съ изображеніемъ какого-то звѣря, по мнѣнію г. Кибальчича, грифа, сказавши, что онъ не могъ разсмотрѣть таковаго. Такое же значеніе имѣетъ и выпуклая мѣдная монета, „принимаемая за монету Владиміра“. Во 1-хъ, подобныя монеты, извѣстныя въ Византіи, еще при Владимірѣ не существовали, а во 2-хъ, это не монета, а обыкновенная мѣдная пряжка. Наконецъ, кружокъ, который г. Кибальчичъ считаетъ „монограммой Христа“, ничего общаго съ таковой не имѣетъ, ибо монограмма должна имѣть буквы, которыхъ здѣсь вовсе нѣтъ: „Монограмма“ эта сдѣлана въ видѣ кружка, съ двумя пересѣкающимися крестообразно линіями, и есть ни болѣе, ни менѣе, какъ гончарное клеймо. Сдѣлавъ общее резюме сказанному, проф. В. Б. Антоновичъ, подтвердилъ еще разъ, что изъ всей этой коллекціи нѣтъ ни одного предмета, характернаго для княжескаго періода. Вообще же всѣ сѣтованія о разрушеніи Ярославова вала не имѣютъ никакого основанія.

Затѣмъ былъ прочитанъ докладъ д. ч. В. Г. Ляскоронскаго объ атласѣ Боплана, пріобрѣтенномъ В. Б. Антовичемъ за-границей. Французскій инженеръ Бопланъ былъ приглашенъ польскимъ правительствомъ для защиты польскихъ и малорусскихъ земель устройствомъ укрѣпленій, которыхъ онъ сдѣлалъ нѣсколько десятковъ, въ началѣ 17-го вѣка, послѣ чего возвратился во Францію, гдѣ издалъ брошюру «Déscription d'Ucraïne», первое изданіе которой вышло въ 1650 г., при чемъ Бопланъ обѣщалъ приложить генеральную карту при второмъ изданіи. Но граверъ, которому были переданы рисунки и чертежи картъ, Гильомъ Гондіусъ, умеръ, и рисунки были проданы польскому королю. Такимъ образомъ, можно было полагать, что ни одно „Описаніе

Украины" Боплана не снабжено той точной и подробной картой, о которой говорится во второмъ изданіи. Но карта эта имѣется въ полученномъ проф. В. Б. Антоновичемъ подробномъ атласѣ Боплана, о существованіи котораго стало извѣстно изъ за-граничныхъ каталоговъ. Онъ дошелъ до насъ не въ полномъ видѣ, и состоитъ изъ 4 картъ: генеральной и областныхъ. Первая изъ нихъ имѣетъ заглавіе: «Tipus Generalis Ucrainae sive palatinaturum Podoliae, Kioviensis et Braczlaviensis terras nova declinatione exhibens». Вторая карта содержитъ Подолію, третья—Брацлавщину и четвертая—южную часть Галиціи (Изд. половины 17-го вѣка). Всѣ карты съ золотымъ обрѣзомъ. Каждое изъ заглавій карты украшено фигурами лицъ; одѣтыхъ въ національные костюмы, съ вооруженіемъ. Сдѣланы онѣ акварелью. Не только заглавія картъ, но также масштабная скала изукрашена вокругъ особой рамкой и различными прекрасно исполненными акварелью фигурами, по большей части маленькихъ крылатыхъ ангеловъ. Каждая изъ фигуръ служитъ аллегорическимъ изображеніемъ народовъ и условій мѣстности, которая обозначена въ заглавіи.

На отдѣльныхъ картахъ изображены очень точно и подробно, между прочимъ, ретраншементы тѣхъ крѣпостей, которыя были или вновь выстроены, или перестроены Бопланомъ. На картахъ Боплана изображено не одно только политически-административное дѣленіе страны съ ея городами, селами и т. д., но и топографія страны. Особенно интересны районы лѣсовъ. Такъ, на лѣвой сторонѣ Днѣпра лѣса находились: по теченію Десны до самаго впаденія въ нее р. Сейма; близъ Кіева—широкой полосой по лѣвому берегу отъ Кіева почти до Канева и группы лѣсовъ указаны также по верховьямъ рѣкъ Удая, Остра, Перевода, Супоя, Трубежа, лѣвой стороны Сейма, близъ Батурина, Конотопа. Также подробно обозначены лѣса и на правой сторонѣ Днѣпра: къ западу отъ Кіева по р. Ирпеню, къ Югу отъ Канева, между рр. Росью и Тясминомъ, до верховьевъ рѣкъ Ингула и Ингульца. Равно лѣсныя чащи указаны въ Волынской землѣ, въ Подоліи, въ Покутьѣ и проч. Ниже Чигирина показана пустыня loca deserta. Генеральная карта Боплана обнимаетъ обширный районъ—отъ Лоева на сѣверѣ до верхнихъ береговъ Крыма на Югѣ; и отъ Курска и верховьевъ сѣвернаго Донца до Карпатскихъ горъ и западнаго Буга—на западѣ. Вообще атласъ этотъ возстановляетъ, кромѣ прочаго, и много такихъ поселеній и городовъ, которые отрицались разными изслѣдователями, и въ этомъ отношеніи, особенно интересенъ. Референтъ предложилъ, поэтому, обществу Нестора Лѣтописца издать хотя бы одну генеральную карту Боплана о южной Россіи.

V.

Библіографія.

Отчетъ Императорской Археологической Коммиссіи за 1893 г. (Спб. 1895 г. 4°, стр. 121 съ 58 политипажами въ текстѣ). За послѣдніе годы

отчеты Коммиссіи получили особенный интересъ, такъ какъ на основаніи ихъ дается возможность слѣдить не только за работами членовъ Коммиссіи, но и постороннихъ лицъ, работающихъ на Коммиссію въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи. Въ виду того, что настоящій отчетъ касается раскопокъ, произведенныхъ два года тому назадъ, многія работы уже извѣстны нашимъ читателямъ какъ изъ обзора о дѣятельности Археологическаго Съѣзда въ Вильнѣ (см. Арх. Изв. и Зам. 1893. № 9—10), такъ и изъ отдѣла хроники журнала. Во избѣжаніе повтореній мы въ нижеслѣдующемъ обзорѣ дѣятельности Коммиссіи остановимся только на тѣхъ работахъ, о которыхъ или вовсе не упоминалось въ „Арх. Извѣстіяхъ", или упоминалось лишь кратко; кромѣ того мы коснемся лишь изслѣдованій съ наиболѣе интересными результатами. Въ отчетномъ году дѣятельность Коммиссіи была по примѣру прежнихъ лѣтъ направлена и на продолженіе раскопокъ на *Херсонесскомъ городищѣ*; [1]) наиболѣе интересныя находки состоятъ въ слѣдующемъ: 1) въ ю.-з. углу городища, на протяженіи 65 саж. былъ обнаруженъ уголъ городской стѣны, облицованной тесаными плитами; кромѣ того открыты слѣды водопровода, остатки башенъ далѣе слѣды 2-й стѣны и двухъ покрытыхъ сверху камнями водопроводовъ; 2) при раскопкѣ некрополя было открыто 114 разнаго рода погребеній, которыя относятся отчасти къ греческому, отчасти къ римскому и византійскому періодамъ исторіи города. Среди множества предметовъ, найденныхъ какъ при раскопкѣ некрополя, такъ и въ другихъ мѣстахъ раскопокъ, обращаютъ на себя особое вниманіе: 3 нашивныя золотыя пластинки съ изображеніемъ грифона, льва и женской фигуры съ завитками вмѣсто ногъ, золотой перстень, украшенный мелкою зерньо и 2-мя гранатами, серебряная фибула, мѣдная удлинненная сердцевидная бляшка, инкрустированная гранатами, терракотовыя лампочки (одна съ изображеніемъ амура, другая — собачки), терракотовыя статуэтки, шиферныя рѣзныя изображенія сѣдящаго Спасителя и группы изъ трехъ лицъ въ положеніи молящихся, мѣдныя удила и пр. (Изображенія нѣкоторыхъ изъ указанныхъ предметовъ приложены къ отчету). 3) Въ числѣ эпиграфическихъ памятниковъ обращаетъ на себя вниманіе осколокъ мраморнаго пьедестала съ частью надписи, посвященной босфорскому царю Аспургу (II-й в. по Р. Х.). Раскопки въ *Керчи* ограничились въ отчетномъ году открытіемъ катакомбы на сѣв. покатости Митридатовой горы; катакомба оказалась разграбленной. Въ *Кубанской области* г. Думбергомъ были произведены раскопки м. пр. въ обрывѣ берега близъ колоніи Михаэльфельдъ, гдѣ въ 1892 г. была найдена золотая византійская цѣпь съ монетой VI в.; раскопки въ отчетномъ году были начаты у подножія берегового склона, при чемъ въ числѣ прочихъ предметовъ были найдены двѣ великолѣпныя золотыя подвѣски, круглыя и украшенныя зерньо и эмалью (отч. рис. 9). Изъ археологическихъ изслѣдованій *Могилевской губ.* кромѣ раскопокъ В. Б. Антоновича у Чечерска и Гомеля (см. „Арх. Изв." 1893,

---

[1]) См. «Арх. Изв.» стр. 366.

№ 9—10), интересны по результатамъ раскопки Е. Р. Романова кургановъ съ трупосожженіемъ близь с. Вядца Сѣнинскаго у. причемъ построеніе одного изъ изслѣдованныхъ кургановъ было слѣдующее: на самой поверхности земли положена была длинная дубовая колода, а въ $^3/_4$ арш. отъ нея находились остатки большого костра со слѣдами костяка (головой, повидимому, къ ю.-з.); между костями найдена саманидская монета (915 г. по Р. Х.) не просверленная и поясной наборъ изъ мѣдныхъ бляшекъ; у ногъ оказался крошечный горшочекъ и въ особой ямкѣ грудка костей; въ разстояніи 2-хъ арш. лежала еще грудка костей. Слой песку надъ костромъ оказался пережженнымъ. Въ разстояніи приблизительно $^1/_4$ арш. отъ кострища по всей ширинѣ кургана лежалъ толстый (до $^1/_2$ арш.) слой изъ угля, черепковъ и костей животныхъ. Въ разстояніи 3-хъ арш. отъ этого слоя обнаруженъ небольшой зольный прослоекъ. Наибольшую аналогію указанные курганы имѣютъ съ курганами, расположенными ниже по теченію зап. Двины. Изслѣдованія г. Покровскимъ кургановъ Ново-Александровскаго уѣз., *Ковенской губ.*, (напеч. въ Тр. Вил. Арх. Съѣзда I.) относящихся, повидимому, ко времени около X в., интересны въ томъ отношеніи, что обнаружили въ нихъ господство мѣдныхъ предметовъ типа Люцинскаго могильника; литыя шейныя гривны, пластинчатыя подвѣски, лучистыя пряжки, цѣпочки, спиральныя кольца, литые браслеты и пр. Небольшія кольца неопредѣленнаго назначенія и соотвѣтствующія пластинчатымъ гривнамъ—встрѣчены здѣсь впервые. Въ *Витебской губ.*, кромѣ раскопокъ Люцинскаго могильника, обращаютъ вниманіе изслѣдованные г. Романовымъ остатки могильника въ Дрейманахъ, близъ границы Лифляндской губ. Направленіе, найденныхъ изслѣдователемъ 13 костяковъ—съ з. или ю.-з. на в. или с.-в.; руки сложены на груди, голова обложена камнями или плитами; въ одной изъ могилъ слѣва отъ костяка былъ обнаруженъ очагъ съ углями и золой; въ могильникѣ найдены желѣзные удлиненные кельты, узкіе топоры съ круглымъ обухомъ, ножи съ закругленнымъ обухомъ, шейная гладкая гривна съ мелкими нарѣзками, шейная гривна, гладкая, съ обернутыми проволокой концами и пр.; кромѣ того, большая круглая серебряная пластинчатая пряжка съ хвостовидными придатками на концахъ, до настоящаго времени извѣстная лишь изъ древнихъ могильниковъ Тамбовской губ. Въ *Архангельской губ.* были изслѣдованы г. Рево стоянки каменнаго вѣка у Ненокскаго посада, по берегу рч. Истокъ, въ уроч. Куртяво и у дер. Красная Гора; стоянки находились въ наиболѣе попорченныхъ мѣстахъ дюнныхъ образованій; органическихъ культурныхъ остатковъ не было найдено; собрано большое количество кремневыхъ издѣлій и черепковъ, повидимому, аналогичныхъ съ найденными на Зимнемъ берегу у Золотицъ. Кромѣ того, во всѣхъ осмотрѣнныхъ г. Рево мѣстностяхъ были найдены очаги (каменки), подобные тѣмъ, которые и до настоящаго времени употребляются на сѣверѣ; въ виду того, что по близости этихъ очаговъ почти всегда находятся только древніе черепки, каменки возможно относить къ древнему періоду.

Одно изъ изслѣдованныхъ А. А. Спицынымъ въ *Вятской губ.* костеносныхъ городищъ, именно Пижемское, кромѣ обычныхъ для подобныхъ городищъ типовъ дало еще слѣд. новые предметы: мѣдный (или бронзовый) конекъ, такую же овальную рубчатую пряжку, желѣзный наконечникъ стрѣлы (отч. рис. № 12—14), помятый кружокъ типа найденныхъ на Тимскомъ могильникѣ и костяной гребень о 4 зубцахъ. В. Г. Дружининъ продолжалъ раскопки на Иртяшскомъ городищѣ въ Екатеринбургскомъ у. *Пермской губ.*; знакомство древнихъ обитателей городища съ обработкой металловъ доказывается найденными шлаками, кусками желѣзной и малахитовой руды, значительнымъ количествомъ формъ, вырѣзанныхъ въ мягкомъ сланцевомъ камнѣ, для литья мелкихъ подѣлокъ изъ мѣди. Въ *Казанской губ.* около дер. Булымеръ было раскопано г. Пономаревымъ нѣколько кургановъ съ трупосожженіемъ, давшихъ довольно ясную картину какъ обряда трупосожженія, равно и расположенія предметовъ; раскопанный г. Пономаревымъ-же „Стромиловскій городокъ" (въ 6 верст. отъ д. Булымеръ) доставилъ большое количество глиняныхъ черепковъ. Наконецъ, въ с. Болгарахъ въ т. н. „маломъ городкѣ" были обнаружены изслѣдованіями гг. Смирнова и Александрова основанія двухъ отлично сложенныхъ и облицованныхъ тесанымъ камнемъ башенъ, остатки жилого помѣщенія изъ 2-хъ комнатъ, оштукатуреннаго внутри, и фундаментъ небольшаго зданія, имѣвшаго широкій входъ съ юж. стороны, цементный полъ и цементныя лавки вдоль стѣнъ. Въ *Симбирской губ.* раскопка В. Н. Поливановымъ 115 могилъ извѣстнаго Муранскаго могильника дали до 400 различныхъ предметовъ, изъ которыхъ отмѣчаемъ: серебряный сложно-витой изъ нѣсколькихъ проволокъ браслетъ, серебряный сюлгамъ съ подвѣсками-цѣпочками, зубъ волка или собаки въ серебряной оправѣ, четырехугольная серебряная подвѣска къ ожерелью, украшенная зернью (отч. рис. 15—17). Изслѣдованія г. Духовниковымъ Увека въ *Саратовской губ.* привели, между прочимъ, къ открытію угла какого-то зданія, сложеннаго изъ кирпичей поставленныхъ вертикально; кромѣ того, найдено и пріобрѣтено много предметовъ вооруженія и быта, въ томъ числѣ восточныя зеркала, замочки въ видѣ коньковъ, фигурки людей, вырѣзанныхъ изъ мѣдныхъ пластинокъ, аналогичныя находимымъ въ сарайскихъ раскопкахъ, чашечки отъ вѣсовъ, глиняныя, каменныя и мѣдныя формы для литья, наборъ крестовъ и складней, круглая бляшка съ подвѣсками внизу и выступомъ вверху, аналогичная съ подобными вещами изъ тамбовскихъ могильниковъ. Наконецъ, почти противъ Увека близь с. Квасниковки были найдены г. Духовниковымъ развалины еще неизвѣстнаго золото-ордынскаго города. Кромѣ того, были произведены изслѣдованія и осмотры нѣкоторыхъ другихъ золото-ордынскихъ городовъ („Арх. Изв." 1893 г., стр. 262), въ частности Ст. Сарая въ с. Селитряномъ *Астраханской губ.*, гдѣ непрерывно обнаруживаются остатки зданій, жилыхъ помѣщеній со вмазанными въ полъ огромными глиняными кувшинами, изрѣдка „комнаты" сплошь облицованныя внутри изразцами. Наконецъ, въ *Закавказьѣ* Н. Я. Марръ продолжалъ изслѣдованія Ани, увѣнчавшіяся открытіемъ древ-

нѣйшей стѣны города (постр. въ 964 г.), церквей и зданій. Кромѣ того найденъ склепъ, въ которомъ оказался скелетъ, похороненный въ сидячемъ положеніи, при немъ глиняные сосуды, металлическія вещи и 127 монетъ, изъ которыхъ одна времени грузинской царицы Русуданы—XIII в. Далѣе г. Марръ осмотрѣлъ много древнихъ архитектурныхъ памятниковъ Закавказья, въ частности въ Карской области развалины древнихъ городовъ Багарана и Нахичевани, въ Гарни—остатки приписываемаго царю Тиридату дворца IV в., изъ котораго вывезены въ Эчміадзинъ капители съ греческими буквами и произвелъ раскопки нѣсколькихъ могильниковъ. Г. Думбергъ изслѣдовалъ въ Эчміадзинскомъ у. около с. Эшнахъ, холмъ, который обнаружилъ при раскопкѣ старинную армянскую церковь, обращенную впослѣдствіи въ крѣпость; кромѣ того имъ-же изслѣдованы нѣкоторые другіе памятники древностей Арменіи.

Въ числѣ многочисленныхъ поступившихъ въ отчетномъ году случайныхъ находокъ и частныхъ приношеній особенно обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія: 1) пріобрѣтенный изъ частныхъ рукъ, найденный по слухамъ въ Астраханской губ. на рыбныхъ ватагахъ г. Базилевскаго близь Кривого Бузана, мѣдный бурханъ, представляющій человѣка на слонѣ; всадникъ помѣщается на особомъ сѣдлѣ, окруженъ 3-мя вооруженными фигурами, управляетъ животнымъ при помощи остраго орудія, которое онъ держитъ въ лѣвой рукѣ, а въ правой у него палица; на головѣ длинные локоны. Въ ногахъ слона 4 фигуры животныхъ, изъ нихъ 3 рогатыя; по верхней части слона идетъ неразборчивая арабская надпись, повидимому поздняя (отч. рис. 21); 2) таблица вещей изъ могильниковъ и городища Глазовскаго у. (Вятской г.), относящихся къ культурѣ пермской чуди; 3) сассанидскія: 5 блюдъ серебряныхъ (одно съ изображеніемъ сидящей на грифонѣ флейтщицы, другое—съ изображеніемъ каменнаго барана, украшеннаго развѣвающейся лентой на шеѣ, третье—большое, плоское съ византійскими клеймами, остальныя два—проще орнаментированныя); четыре чарки съ ручками, орнаментированныя рисунками лозы, кружками и изображеніями животныхъ (на ручкѣ одной чарки мужская фигура) и др. предметы: шейныя гривны и обломки сосуда; указанныя вещи найдены въ 1893 г. при поднятіи новины въ 2-хъ вер. отъ р. Томызъ и въ 7 в. отъ Камы. Кромѣ того, два серебряныя сассанидскія блюда, найденныя въ Чердынскомъ и Соликамскомъ у. Пермской губ.: одно имѣетъ изображеніе льва, терзающаго лань, другое—охоту царя на кабановъ; 2 серебряныхъ блюда изъ Кунгурскаго у. той же губерніи, изъ которыхъ одно имѣетъ изображеніе поединка двухъ богатырей; 4) монеты: серебряный рубль типа саумовъ (вѣсомъ 46 зол. 54 дол., съ рѣзами по нижней части) и 450 золото-ордынскихъ монетъ XIV в. изъ Астраханской губ. (с. Тамбовка, Енотаевскаго у.); три саума изъ Глазовскаго у. и 57 серебряныхъ монетъ новгородскихъ, псковскихъ, тверскихъ и велик. князя Василія II и Ивана III изъ Орловскаго у. Вятской губ.; 595 джучидскихъ и гиреевскихъ монетъ (1402—1462 гг.), найденныя въ Казани и 3 золотые динара патан-

скихъ султановъ Индіи (1335—1342 гг.) изъ Спасскаго у. Казанской губ.; кладъ изъ 92 серебряныхъ слитковъ кіевскаго типа вѣсомъ отъ 34 золот. 12 д.—38 з. 60 д. каждый изъ изъ Рогачевскаго у. Могилевской губ.; изъ Ласкаго у. Петроковской губ. 2 клада монетъ XI—XII вв.: въ одномъ—Вирцбургская, Аугсбургскія, арх. Майнцскаго, г. Вердена, Страсбургская, имп. Оттона, Венденскія, Этельреда II, въ другомъ—вендскія, богемскія, венгерскія, германскія и арабскія; 40 пантикапейскихъ монетъ изъ Ѳеодосійскаго у. Таврической губ.; 20 золото ордынскихъ монетъ изъ Тарскаго окр. Тобольской губ.; 55 серебряныхъ илекскихъ монетъ изъ Наманганскаго у. Ферганской обл.; 425 серебряныхъ золото-ордынскихъ монетъ 1380—1412 гг. изъ Харьковскаго у. и др.; 5) предметы вооруженія и быта прибл. X вѣка изъ Кубанской обл.; 6) бронзовый или мѣдный кельтъ, такія же долото и пряжка съ фигурами звѣрей, нѣсколько поясныхъ бляшекъ съ головками сокола (отч. рис. 26—28), найденныя въ курганѣ Полтавской губ. Прилукскаго у.; 7) большой мѣдный котелъ съ головками каменныхъ барановъ, выкопанный близь г. Вѣрнаго; 8) кладъ серебряныхъ вещей изъ Тарскаго окр. Тобольской губ., съ отмѣченными выше монетами, состоящій изъ двухъ ковшей съ ручками въ видѣ головки неопредѣленнаго звѣря и съ изображеніемъ лисицы на днѣ (рис. совершенно такого же ковша см. отчетъ Ком. 1890 г. стр. 121, изъ находокъ въ Ставропольской губ.) и двѣ гладкія съ черненымъ узоромъ по краю чашки („Арх. Изв.“ 1893 г., стр. 452). Въ приложеніяхъ къ „отчету“ помѣщены, между прочимъ: 1) отчетъ завѣдующаго раскопками въ Херсонесѣ за 1893 годъ, 2) отчетъ о поѣздкѣ А. А. Спицына, 3) извлеченія изъ отчетовъ о раскопкахъ въ Казанской губ. и г. Долбежева объ археологическихъ поискахъ въ Нальчинскомъ окр. Терской области.

В. А. Жуковскій. Древности Закаспійскаго края. Развалины Стараго Мерва. (Мат. по Арх. Россіи, изд. Им. Арх. Коммиссіею, № 16. 4°, стр. 216, съ 1 снимкомъ съ рукописи, 49 рис. въ текстѣ и 8-ю таблицами. Спб. 1894). Отмѣчаемъ серьезный трудъ г. Жуковскаго, какъ крупный и цѣнный вкладъ въ русскую археологическую литературу. „Развалины стараго Мерва“ дѣлятся на двѣ одинаково интересныя и содержательныя части: 1) Историческій очеркъ Мерва (стр. 3—94) и 2) Развалины ст. Мерва (стр. 95—199) *). Въ первой части собраны по возможности всѣ источники, касающіеся исторіи Мерва до перенесенія его на новыя мѣста. Въ виду выдающейся роли, которая выпала Мерву, въ исторіи средней Азіи, эта часть труда г. Жуковскаго даетъ чрезвычайно интересныя свѣдѣнія какъ археологу, такъ и историку, свѣдѣнія, тѣмъ болѣе, интересныя, что они основаны на изученіи первоисточниковъ—преимущественно восточныхъ писателей. Вторая часть труда начинается съ обзора развалинъ Мерва на основаніи ихъ изученія предшественниками г. Жуковскаго въ этомъ дѣлѣ (Фрезера, Бёрнса, Аббота, Ко-

*) Къ работѣ приложенъ указатель, въ значительной степени облегчающій пользованіе ею.

нолли, Вольфа, О'Донована, А. В. Комарова). Далѣе слѣдуетъ подробное описаніе архитектурныхъ и надгробныхъ памятниковъ какъ въ городищахъ, на которыхъ находился Мервъ въ древности, такъ и въ окрестностяхъ ихъ. Собраны и народныя преданія, касающіяся этихъ памятниковъ. По независящимъ отъ г. Жуковскаго обстоятельствамъ раскопокъ почти не удалось совершить; исключеніемъ является небольшая раскопка въ Гяуръ Кале, городищѣ, которое, по мнѣнію автора, представляетъ собой остатки Мерва, арабскихъ путешественниковъ и стало быть, по всей вѣроятности, городъ, унаслѣдованный арабами отъ персовъ сасанидовъ: предметовъ найдено сравнительно немного; изъ нихъ обращаютъ на себя вниманіе: глиняная статуэтка человѣка, костяная, тонкой работы шпилька, оканчивающаяся сжатою въ кулакъ рукою, глиняныя изображенія животныхъ (собаки и ежа), бусы, монеты и пр. Г. Жуковскій въ заключеніи высказываетъ основательное соображеніе, касающееся вообще древностей Закаспійскаго края и Туркестана, что, въ виду быстрой порчи и уничтоженія древнихъ памятниковъ, „прежде чѣмъ предпринимать въ краѣ раскопки... слѣдуетъ позаботиться о томъ, что уцѣлѣло еще на поверхности (земли), уберечь и сохранить для науки развалины городовъ и памятниковъ путемъ снятія рисунковъ, фотографій... плановъ" и пр. Но такъ какъ для стараго Мерва эта работа уже совершена и при томъ такъ блестяще г. Жуковскимъ, мы не можемъ не выразить пожеланія, чтобы за описаніемъ надземныхъ памятниковъ старины, послѣдовало возможно скорѣе и изученіе хранящихся въ землѣ древностей Мерва, и это не только въ виду крупнаго интереса, ими представляемаго для археологіи, но и въ виду того, что и онѣ подвергаются расхищенію.

Н. Е. Бранденбургъ. Курганы южнаго Приладожья (Мат. по археол. Россіи, изд. Имп. Арх. Коммиссіей, № 18. 4°, стр. XVI+156 съ 24 таблицами рисунковъ и съ 26 политип. въ текстѣ. Спб. 1895). Названный трудъ г. Бранденбурга представляетъ цѣнную разработку результатовъ, добытыхъ авторомъ въ теченіе его изслѣдованій (1878—84 г.) значительнаго числа кургановъ на юж. Приладожьѣ: по Волхову, Сяси, Кивуи, Воронегѣ, Пашѣ, нѣкоторымъ притокамъ послѣдней и Ояти. Курганы по Волхову представляютъ значительныя отличія отъ похоронныхъ памятниковъ по теченію другихъ изъ указанныхъ рѣкъ; въ настоящемъ трудѣ г. Бранденбургъ изучаетъ преимущественно лишь 2-ю группу кургановъ. Похоронный обрядъ въ этой послѣдней двоякаго рода: сожженіе и погребеніе; кургановъ съ погребеніемъ встрѣчено значительно больше. Хронологически курганы опредѣляются приблизительно найденными монетами VIII—XI в. Данныхъ относить курганы съ сожженіемъ къ болѣе ранней эпохѣ, чѣмъ курганы съ погребеніями, недостаточно, тѣмъ болѣе, что культура въ обоихъ типахъ кургановъ въ существенномъ одинакова. Но нельзя не обратить вниманія на отмѣченную г. Бранденбургомъ особенность, что скорлупообразныя фибулы, мечи и конскія удила встрѣчены почти исключительно лишь въ могилахъ съ сожженіемъ.

Авторъ подробно описываетъ найденные имъ предметы, находитъ аналогіи имъ среди предметовъ, найденныхъ въ другихъ мѣстностяхъ Россіи и Запада, приводитъ результаты химическаго анализа главнѣйшихъ типовъ и, такимъ образомъ, постепенно обрисовываетъ передъ читателемъ культуру древнихъ обитателей юж. Приладожья. Въ отдѣлѣ „*Общія сравнительныя замѣчанія*“ авторъ суммируетъ разработанныя имъ данныя и пытается рѣшить вопросъ о національности погребенныхъ. Способы погребенія не даютъ отвѣта на этотъ вопросъ, не даетъ на него и культура. Въ послѣдней замѣчается господство различныхъ типовъ, часть которыхъ приводитъ насъ преимущественно на западъ, въ частности къ Скандинавіи (скорлупообразныя, щитообразныя и др. фибулы, пряжки, въ частн. подковообразныя, мечи, одинъ видъ топоровъ, остатки щитовъ и т. д.); часть, наоборотъ, имѣетъ связь съ востокомъ, въ частности съ пермской чудской культурой (привѣски и пр.); наконецъ, часть находится въ близкой связи съ славянской культурой (височныя кольца). Въ соотвѣтствіи съ этимъ стоятъ и монеты: рѣже — восточныя, чаще – западныя. При этихъ условіяхъ краніометрическій матеріалъ могъ бы служить въ особенности къ подтвержденію того или иного предположенія о національности погребныхъ. Но его-то мы и не находимъ въ названномъ трудѣ, что, впрочемъ, не можетъ быть поставлено въ вину автору: „Всѣ найденные черепа, пишетъ по этому поводу г. Бранденбургъ, были въ разное время переданы въ Антропологическій отдѣлъ И. О. Л. Е. А. и Э. въ Москвѣ, но, къ величайшему моему сожалѣнію и по причинамъ отъ насъ не зависѣвшимъ, помѣстить въ нашъ трудъ какія-либо краніометрическія о тѣхъ же черепахъ данныя намъ возможности не представилось“. При такихъ неблагопріятныхъ для рѣшенія поставленнаго вопроса условіяхъ, мнѣніе г. Бранденбурга о принадлежности большей части кургановъ южнаго Приладожья финнамъ, не можетъ быть принято безъ нѣкотораго колебанія. Въ приложеніи помѣщенъ авторомъ журналъ раскопокъ, дающій возможность подробнѣе ознакомиться съ отдѣльными погребальными памятниками, далѣе дополнительныя замѣчанія г. Спицына, который предпринялъ „самостоятельную обработку всего добытаго г. Бранденбургомъ археологическаго матеріала путемъ цифровой характеристики его“ и наконецъ очень полезный перечень помѣщенныхъ на таблицахъ рисунковъ съ указаніемъ костяковъ при которыхъ соотвѣтственные предметы были найдены.

Труды Рязанской уч. архивной Коммиссіи. XI. (Ряз. 1895). *А. Черепнинъ* продолжаетъ въ своей работѣ: *Мѣстная старина. Борковскій могильникъ* (стр 103—167), изученіе древностей, добытыхъ раскопками названнаго могильника (см. „Арх. Изв.“ 1893 г., стр. 114; 1894 г., стр. 175; 1895 г., стр. 288). На этотъ разъ г. Черепнинъ дѣлаетъ м пр. остроумную попытку — на основаніи найденныхъ предметовъ возстановить костюмъ погребенной въ могильникѣ народности. Въ существенномъ въ этомъ отношеніи нѣтъ разницы между типами погребеній какъ на Придорожномъ, такъ и на Жемчуж-

помъ буграхъ, какъ при погребеніи въ лежачемъ или сидячемъ положеніи, такъ и при сожженіи покойника. Въ краткихъ словахъ выводы автора можно резюмировать слѣд. обр.: общеупотребительною и почти необходимою частью *мужской одежды* слѣдуетъ признать поясъ (преимущественно съ металлическимъ наборомъ), которымъ стягивалась домашняя, обыденная одежда; верхняя, выходная одежда не охватывалась поясомъ, иначе, по справедливому мнѣнію автора, на наружной сторонѣ металлическаго пояснаго набора и на пряжкахъ не сохранились бы остатки грубой шерстяной ткани, которые безъ сомнѣнія, представляютъ остатки истлѣвшей верхней одежды. Находимыя на мѣстѣ шеи и верхней части груди, преимущественно у лѣваго плеча, пряжки и фибулы заставляютъ думать, что онѣ служили для застегиванья плаща. Безслѣдное разрушеніе головныхъ уборовъ и обуви позволяетъ предполагать, что то и другое приготовлялось изъ матеріаловъ легко уничтожаемыхъ тлѣніемъ (шерст ткань, кожа и б. м. лапти). Оружіе составляетъ обычную принадлежность мужскихъ погребеній: предметами вооруженія служили: рѣже—мечи (преимущественно прямые съ лезвіемъ съ одной стороны, обоюдоострый мечъ найденъ только одинъ), чаще—копья, дротики, топоры, стрѣлы, пращи (если судить по нахожденію въ могилахъ небольшихъ круглыхъ камней) и ножи, которые въ виду колеблющихся размѣровъ ихъ (длина лезвія $1^1/_2$—$3^1/_2$ верш.) служили вѣроятно частью оружіемъ, частью домашнимъ орудіемъ. Нахожденіе кусковъ кремня безъ огнивъ заставляетъ г. Черепнина думать, что населеніе, современное могильнику, высѣкало огонь тыльемъ желѣзныхъ ножей. Въ качествѣ украшенія мужчины носили шейныя гривны, пряжки, фибулы и браслеты; послѣднія преимущественно согнуты изъ толстой бронзовой проволоки; встрѣчаются и массивные литыя браслеты, иногда съ изображеніями на концахъ головокъ змѣи, какого-то животнаго (льва?) и т. п.; мужчины преимущественно имѣли по одному браслету (на лѣвой рукѣ); кромѣ того, нашлись и бронзовыя (часто спиральныя) кольца. Что касается *женской одежды*, то она состояла изъ льняной, шерстяной, и въ рѣдкихъ случаяхъ, повидимому, хлопчато-бумажной ткани. Въ одной изъ могилъ костякъ былъ найденъ со слѣдами нижней одежды изъ тонкой шерстяной ткани съ рукавами, доходившими до кистей рукъ. Сверхъ этой одежды женщины надѣвали еще спускавшуюся до колѣнъ или немного ниже одежду съ рукавами изъ шерстяной ткани. Къ подолу ея пришивали за колечки мелкія бронзовыя конусообразныя и плоскія трапеціевидныя привѣски, въ видѣ сплошной бахромы кругомъ подола юбки; къ послѣдней, кромѣ того, были въ разныхъ мѣстахъ еще прикрѣпляемы сложныя привѣски. На ношеніе женщинами еще верхней одежды, впрочемъ, неизвѣстнаго покроя, повидимому, указываютъ крупныя бронзовыя пряжки и фибулы, найденныя на верхней части груди возлѣ шеи. Пояса хотя и встрѣчались и въ женскихъ могилахъ, но употреблялись, повидимому, рѣже, чѣмъ мужчинами. Остатковъ обуви не было найдено; головные уборы были разнообразны, если судить по разнообразію ихъ украшеній это—бронзовыя спирали, такія же круглыя бляшки съ

отверстіями, мелкія конусообразныя и трапеціевидныя привѣски и пр. Трехъ-четырехъ и пятилопастныя височныя подвѣски, которыя, какъ и найденныя въ могилахъ другіе типы этого вида украшенія, (напр., ажурныя съ 3—4 продолговатыми бутылкообразными привѣсками), повидимому, прикрѣплялись къ головнымъ уборамъ. Серьги были рѣдки. Къ головнымъ уборамъ принадлежатъ красивыя ленты, составленныя изъ нѣсколькихъ звеньевъ бронзовыхъ спиральныхъ трубочекъ ($^1/_2$ верш. длины), нанизанныхъ на шерстяные шнурки или узкіе ремешки; ленты оканчиваются кистью изъ 4-хъ бронзовыхъ бутылкообразныхъ привѣсокъ; эти ленты однимъ концомъ прикрѣплялись на затылкѣ, вѣроятно, къ головному убору, а кисти находились на груди. Въ числѣ женскихъ украшеній слѣдуетъ отмѣтить шейныя гривны, ожерелья изъ привѣсокъ, спиралей и бусъ, браслеты, число которыхъ въ богатыхъ могилахъ доходило иногда до 6-ти, и пр. Изъ предметовъ быта могильникъ доставилъ немного: глиняную посуду, гливяныя и каменныя пряслица и желѣзныя удила; послѣднія встрѣчались и въ женскихъ и дѣтскихъ могилахъ. Не можемъ не выразить сожалѣнія, что къ интересной работѣ г. Черепнина, содержаніе которой передано нами лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, не приложено рисунковъ, отсутствіе которыхъ не замѣняется даваемымъ авторомъ детальнымъ описаніемъ предметовъ. *Н. Х.*

Временникъ Эстляндской губ. II. (подъ ред. А. Харузина и А. Андріяшева; Рев. 1895 г, 8° стр. 226). Во 2-мъ томѣ новаго изданія Эстляндскаго губ. Стат. Комитета помѣщены слѣдующія работы, имѣющія отношеніе къ изученію прошлаго и современнаго быта населенія Эстляндской губ., частью вызванныя предстоящимъ Съѣздомъ въ Ригѣ. Памятникамъ древности въ Эстляндіи посвящены статьи: о. *К. Тазика*: „Остатки древняго православнаго храма въ Эстляндской губ.“, Пюхаіеги, въ Іевенскомъ приходѣ, гдѣ по преданію до Сѣверной войны жило русское населеніе, и *Г. Ханзена* „Остатки нѣкоторыхъ древнихъ замковъ въ Эстляндской губ.“ (Боркхольмъ, Тольсбургъ, Асъ, Эцъ, Фегефейеръ, Фельксъ, Фикель, Лоде, Леаль, Нишлѣтъ и Везенбергъ); этнографіи посвящена статья *А. Солодовникова*: „Жилище Эстонцевъ въ его постепенномъ развитіи“ (съ 22 рис.), и *Ю. Трусмана*: „Исакскіе полувѣрцы въ Эстл. губ.“, антропологіи—*А. Харузинъ*: „Къ антропологіи населенія Эстляндской губ.“, исторической этнографіи и исторіи—статьи: *Ю. Трусмана*: „Происхожденіе населенія на о. Эзелѣ, Даго и Монѣ“, и *Н. Харузина*: „Обзоръ документовъ, относящихъ къ исторіи Балтійскаго края и кранящихся въ Московскихъ архивахъ Министерства Иностранныхъ дѣлъ и Юстиціи“.

Печатано по опредѣленію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общест на основаніи § 56 его Устава.

Предсѣдатель *Графиня Уварова.*

Приложеніе къ VIII тому:

Пятый Археологич. Съѣздъ. Труды предварител. Комитета, 1882 г. Ц. 6 р.

Томъ IX, три выпуска. 1882—83 г., ц. 8 р.

„ X, 1885 г. Ц. 8 р.

„ XI, три выпуска. 1886—87 г. Ц. 8 р.

„ XII, два выпуска. 1888 г. Ц. 8 р.

„ XIII, два выпуска. 1889—90 г. Ц. 8 р.

„ XIV, 1890 г. Ц. 7 р.

„ XV, два выпуска. 1894 г. Ц. 8 р.

Каталогъ Спасо-Преображенскаго монастыря въ Ярославлѣ, ц. 9 р. 50 к.

Византійскій Альбомъ—посмертное изд. гр. А. С. Уварова. Т. I. 1889 г. Ц. 15 р.

Уступка книгопродавцамъ и библіотекамъ учебныхъ заведеній 25%.

Продаются въ собственномъ домѣ Общества, въ Москвѣ, на Берсеневкѣ, у Большаго Каменнаго моста.

Кавказъ. 2 тома. Ц. 3 р.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ библіотеку Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества

Congrès international d'archeologie à Moscou Août 1892. M. 1893. VII.

Рукописи П. У. Шафарика въ Прагѣ. *М. Сперанскій.* М. 84 г.

Стихи на Страсти Господни Димитрія, Ростовскаго. Ярославль. 89 г.

Voyage d'Afrique. Atlas.

Норовъ. А. *С.* Изслѣдованія объ Атлантидѣ. СПБ. 84 г.

Journal de la S. Finno-ougrienne XI Helsingesa. 93.

Тихонравовъ Н. С. и Миллеръ, В. Ѳ. Русскія былины старой и новой записи.

Смоленскій Этнографическій Сборникъ П. *В. Н. Добровольскій,* СПБ. 94.

Драгановъ. П. Македонско-Славянскій Сборникъ. I. СПБ. 94.

Архивъ Юго Западной Россіи, ч. I, т. IX, и ч. VIII, т. I. Кіевъ 93 2 т.

Bibliography of the Salishan languages. Washington. 93 г.

Bibliography of the Chinoo languages. Washington. 93.

Bulletin et mémoires de la S. archéologique de la Charente VI, 2. A. Angoulême. 93.

Отчетъ о дѣятельности Раз. Учен. Архивн. Коммиссіи за 93 г. С. Д. Яхонтовъ. Рязань. 94.

Zur Freiheit aus Deutschland und Russland. *Fr. Dukmayer.* Berlin. 93

Dukmayer. Fr. Kritik der reinen und prakt. unvernunft. Berlin. 92.

Fr. Dukmayer Der Arbeiterkaiser. Berlin. 92

Mitteilungen Litauischen litterarischen gesellschaft. 18 Heft. Heidelberg. 93.

Galauste ter Mekertchion. La langue des inscriptions cunéiformes de l'Armenie. 93.

Index Genéral de matiérs contenües dans les mémoires de la S. des lettres de Bar-le-Duc. 1871—1890 г. 1893 г.

Schlesiens Vorzeit in Bild und Schrift. VI Band. № 9 April. 93 г.

Rendiconto delle tornate e dei lavori delle Academia di Arsheologia, Lettere e Belle Arti 1893—1864 Napoli 2 т.

Letopis Matice Slovence 1871—1881, 1884—1887, 1891—92. V. Ljulljani, 18 т.

Listy filologické V Praze, 1893. 1 и 2. 3, 2 вып.

Глас Српско кролевско Академиця XXXVI—XI. У Београду 93, 5 тетр.

Летопис Матице Српске, 174, 175, 176 У Новомъ Саду, 93, 3 т.

Narodni Glasnik 4-9 и 11. 93. 7 вып.

Костромская старина. Вып. 3-й Кострома 94 г.

Агаѳодоръ Еписк. Успенско-Драндскій монастырь въ Абхазіи. Ставрополь. 94 г.

Berozi sacerdotis chaldaici antiquitatum Jtaliae libri quinque Antverpiae 1552.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

выходятъ въ 1895-мъ году (3-й годъ изданія) по той же программѣ и въ томъ же объемѣ подъ редакціею:

И. А. Линниченка и В. М. Михайловскаго,

при участіи А. В. Орѣшникова и многихъ членовъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія рекомендованы для фундаментальныхъ библіотекъ учебныхъ заведеній Министерства.

Подписная цѣна съ пересылкою и доставкою въ годъ ТРИ (3) рубля.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Для **московскихъ** подписчиковъ:

1) Въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ, Берсеневская набережная, собств. домъ, ежедневно отъ 10 до 1 часу и въ часы засѣданій.

2) У А. В. Орѣшникова, Историческій музей, на Красной площади, ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 1 до 4-хъ.

3) Въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Моховая, противъ Стараго Университета, д. Коха (и его иногородн. отд.).

4) Въ книжномъ магазинѣ А. Лапта, на Кузнецкомъ мосту.

Иногородніе подписчики благоволятъ присылать подписные **три** рубля **исключительно** въ Императорское Московское Археологическое Общество (Москва, Берсеневская набережная, собств. домъ).

Подписчики, **не получившіе** выпуска или **перемѣнившіе** свое мѣсто жительства, благоволятъ обращаться съ заявленіями исключительно въ Московское Археологическое Общество.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція обращается съ просьбою ко всѣмъ прежнимъ сотрудникамъ журнала и ко всѣмъ любителямъ старины присылать свѣдѣнія о раскопкахъ, случайныхъ находкахъ древностей, объ имѣющихся въ частныхъ рукахъ выдающихся предметахъ древности—церковныхъ и бытовыхъ, рукописяхъ и т. п., а также газетныя извѣстія, заключающія свѣдѣнія археологическаго характера (отдѣльными №№ или просто вырѣзками съ помѣтою, изъ какой газеты и отъ какого числа); особенно желательны №№ провинціальныхъ газетъ.

Письма и посылки могутъ быть адресованы:

1) Въ Москву, въ Императорское Московское Археологическое Общество, Берсеневская набережная, с. д., въ редакцію „Археологическихъ Извѣстій и Замѣтокъ“ или же

2) Алексѣю Васильевичу Орѣшникову, Москва Историческій Музей, на Красной Площади.

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES
Stacks
JUL 14 1980

издаваемыя

Императорскимъ

Московскимъ Археологическимъ Обществомъ

подъ редакціею

дѣйствительныхъ членовъ

И. А. ЛИННИЧЕНКА и В. М. МИХАЙЛОВСКАГО.

№ 12.

МОСКВА
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА
ЛЕОНТЬЕВСКІЙ ПЕР., Д. МАМОНТОВА
1895

СОДЕРЖАНІЕ № 12.

Стр.

I. **М. Сперанскій**. Придорожные кресты въ Чехіи и Моравіи и византійское вліяніе на Западѣ 395
II. **В. Сысоевъ**. Находка близъ ст. Курджипской 413
III. Археологическая хроника 418
IV. Засѣданія Обществъ 425
V. Библіографія 430
VI. Указатель . . . . . I—XI

303685

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ

ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ

ИЗДАВАЕМЫЯ

ИМПЕРАТОРСКИМЪ МОСКОВСКИМЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

дѣйствительныхъ членовъ

И. А. ЛИПИЧЕНКА и В. М. МИХАЙЛОВСКАГО.

Томъ III.

МОСКВА.
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА.
ЛЕОНТЬЕВСКІЙ ПЕР., Д. МАМОНТОВА.
1895.

Печатано по опредѣленію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества на основаніи § 56 его Устава.

Предсѣдатель *Графиня Уварова.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Д. Н. Анучинъ. Слѣды бронзоваго вѣка въ Прикамьѣ по раскопкамъ Ф. Д. Неведова 188

Д. Айналовъ. Сцены изъ жизни Богородицы на саркофагѣ „Adelfia“ 141

— Нѣкоторые христіанскіе памятники Кавказа 233

Н. Бѣляшевскій. Письмо къ редактору 36

И. Е. Забѣлинъ. Замѣтка о древности Днѣпровскаго Олешья 1

— Слѣды литературнаго труда Андрея Боголюбскаго 37

Ѳ. Е. Коршъ. Колоссъ Домиціана 289

К. Медоксъ. Къ замѣткѣ „о загадочной надписи на монетѣ вел. князя тверского, Ивана Михаиловича“ 148

А. М. Павлиновъ. Московскій Успенскій соборъ 4

Е. Рѣдинъ. Сирійскія рукописи съ миніатюрами Парижской національной библіотеки и Британскаго музея 353

В. И. Сизовъ. Содержаніе реферата г. Городцова: жилища неолитической эпохи въ долинѣ р. Оки 123

— О происхожденіи и характерѣ курганныхъ височныхъ колецъ преимущественно т. н. московскаго типа 177

Я. И. Смирновъ. Двѣ бронзовыя статуэтки всадниковъ Историч. Музея въ Москвѣ и Оттоманск. музея въ Константинополѣ 93

— Первый международный съѣздъ археологовъ въ Сплѣтѣ 196

М. И. Соколовъ. Славянскіе стихи монаха Мардарія Хоникова въ лицевой библіи Пискатора 300

П. Сорокинъ. Слѣды Чуди въ Слободскомъ у., Вятской губ. 361

М. Н. Сперанскій. Придорожные кресты въ Чехіи и Моравіи и византійское вліяніе на Западѣ 393

В. Н. Сторожевъ. Подарки царя Алексѣя полковнику Лесли „для крещенія и за подначальство“ 159

В. М. Сысоевъ. Находка близъ ст. Курджипской Кубанской обл. 413

Н. Троицкій. О городѣ Обояни и его соборномъ храмѣ 244

Н. Н. Харузинъ. Къ исторіи г. Герцеке въ Ливоніи 49

— Движеніе къ изученію Россіи среди французскихъ археологовъ . 247

— О древностяхъ Томскаго музея 321

Хроника.

Стр.
Открытіе г. Буринскаго воспроизводства фотографическимъ способомъ малоразборчивыхъ рукописей и палимпсестовъ 13
Находка въ Юрьевскомъ у., Лифляндской губ., скелетовъ съ украшеніями 14
Открытіе древнихъ катакомбъ съ мѣдными орудіями около ст. Михайлово, на Боржомской вѣтви 15
Находка монетъ времени Петра I 15
Проектъ учрежденія въ Петербургѣ центральнаго церковно-археологическаго Общества 15
Археологическая командировка въ Эчміадзинъ 16
Проектъ учрежденія въ Екатеринодарѣ музея археологическаго, историческаго и прикладныхъ знаній 16
Пріобрѣтенія волынскаго епархіальнаго древлехранилища 16
Мѣры къ охраненію Пареенона отъ разрушенія 16
Новыя данныя о скульпторѣ Тимоѳеѣ 16
Античная группа Асклепія и Гигіи 18
О каменныхъ бабахъ въ Таврической губ. (сообщ. Н. И. Веселовскимъ) 65
Кладъ серебряныхъ блюдъ и украшеній XVI — XVII вв. изъ Глазовскаго у., Вятской губ. 67
Яхты, построенныя Петромъ I въ Астрахани 67
Состояніе музея въ Нижнемъ-Новгородѣ 67
Находка древне-греческихъ монетъ въ окрестностяхъ г. Рени 68
Раскопки въ Сициліи 68
Раскопки въ Делосѣ 68
Раскопки въ Боскочеале близъ Помпеи 69
Изданіе труда о христіанскихъ древностяхъ Египта 69
О возникновеніи обычая носить русскими митрополитами бѣлаго клобука 126
Каменный кружекъ съ Пижемскаго городища (съ рис.) 127
Кладъ старинныхъ польскихъ монетъ подъ Варшавой 128
Находка старинныхъ серебряныхъ и золотыхъ сосудовъ подъ Любартовымъ . . . 128
Находка монетъ Сигизмунда III и Владислава IV въ Свирскомъ у. 129
Находка старинныхъ монетъ въ Блонскомъ у. 129
Находка погребальныхъ урнъ въ Нешавскомъ у. 129
Пріобрѣтеніе Историческимъ музеемъ въ Москвѣ апулійскихъ вазъ, сосудовъ изъ Коринѳа и Танагры и пр. 129
Открытіе хорватскаго Общества для изслѣдованія мѣстной исторіи „Бигачъ“ въ Сплѣтѣ 129
Воинскій значекъ пареянъ (съ изображ. горгонъ) 130
Мнѣніе С. Ренака о мраморной женской головкѣ изъ Кизика въ Дрезденскомъ музеѣ 130
Конкурсъ по техникѣ древней и новой живописи и мозаики въ Италіи 130
Клинообразная надпись, открытая на склонѣ Армавирскаго холма 131
Находка мозаическаго пола въ Сурмалинскомъ у. 131
Предположеніе о празднованіи 800-лѣтія Переяславля Рязанскаго 131
Открытіе Казанскаго городского музея 131
Кончина Чарльза Ньютона 132
Раскопки въ развалинахъ м—ря св. Бригитты у Ревеля 151
Мѣдные топоры на западѣ Вятской губ. (съ рис.) (сообщ. П. Сорокинымъ) 152

Стр.
Находка гробницъ въ г. Ромны, Полтавск. губ. 153
Кладъ монетъ XVII в. изъ Новоалександровскаго у. 153
Коллекція древностей, пожертвованная Н. А. Леопардовымъ церковно-археологическому музею при Кіевской Дух. Академіи 154
Выставка археолог. предметовъ, въ Петербургѣ, добытыхъ раскопками 1894 г . . 154
Находка могилы древняго воина въ Богучарскомъ у., Воронежск. губ. 156
Реставрація Дмитровской башни въ Нижн.-Новгородѣ 156
Бюстъ Миѳрадата Эвпатора въ Луврскомъ музеѣ 157
Раскопки въ Телло, въ Халдеѣ 158
Хризовулла византійскаго императора Іоанна Дука 1229 г. 158
Греческіе алхимистическіе и астрономическіе условные знаки 158
Раскопка кургановъ у с. Спасъ-Тушино, близъ Москвы 223
Находка стариннаго вооруженія въ Москвѣ, въ Ипатьевскомъ пер., на Ильинкѣ . 223
Новое помѣщеніе Тверскаго историко-археологическаго музея 224
Икона св. Георгія въ Харлампіевскомъ соборѣ въ Маріуполѣ 224
Раскопки въ Дашурѣ 227
Раскопки близъ Ѳивъ, въ Египтѣ 227
Раскопки кургановъ въ Гдовскомъ у. А. М. Мальмгреномъ 264
Свидѣтельство булгарскаго писателя Шерефэддина Ибнъ Хисамуддина Булгари о „мужахъ исчезновенія“ на р. Камѣ 269
Раскопки кургана у ст. Псебайской, Кубанской области 270
Древній египетскій саркофагъ Харьковскаго университета 270
Находка каменной статуи въ Евпаторійскомъ у. 271
Находка кирпичнаго склепа въ Баталпашинскомъ отд., Кубанск. обл. 271
Открытіе епархіальнаго церковно-археологическаго Общества въ Ставрополѣ . . 271
Раскопка кургана съ окрашеннымъ костякомъ въ Золотоношск. у. Полтавск. г. . 272
Каменные топоры, находимые въ мѣстности верхняго Буга и Стыря 272
Венгерская археологическая экспедиція на Кавказъ 272
О древности поселенія караимовъ въ Чуфутъ-Кале 273
Кладъ фальшивыхъ монетъ XVI в. въ Гостынскомъ у., Варшавск. губ. 274
Находка античной статуи имп. Октавіана близъ Тиволи 275
Находки Пьетта издѣлій каменнаго вѣка въ Брассампюи 275
Докладъ Е. Мюнца о папскихъ золотыхъ ризахъ въ средніе вѣка 276
О коврахъ VIII—IX в., употреблявшихся въ Римѣ въ качествѣ церковныхъ завѣсъ . 276
Раскопки въ Луксорѣ 277
Папскія тіары XII—XIV вв. 277
Находка черепа первобытнаго быка (bos primigenius) въ Влоцлавск. у., Варшавской губ. 277
Археологическія раскопки въ Гватемалѣ 277
Египетскія муміи, доставленныя въ Неврологическій музей Московскаго университета 329
Способы храненія и торговли муміями въ Египтѣ 330
Раскопка кургановъ въ Лохвицкомъ у., Полтавской губ , Н. П. Авенаріусомъ . 330
Археологическія экскурсіи въ Крымъ Н. И. Веселовскаго и Ю. А. Кулаковскаго . 331
Рукописи, касающіяся Ив. Сусанина и вотчинныхъ владѣній бояръ Романовыхъ, собранныя Н. Н. Селифонтовымъ 331
Археологическая экспедиція въ Самаркандъ подъ начальствомъ графа А. А. Бобринскаго 331
Находки предметовъ древности и древнихъ монетъ на о-вѣ Монѣ 332
Изученіе памятниковъ г. Ревеля гг. Нейманомъ и Потбекомъ 332

Стр.

Кладоискательство и находки древнегреческихъ амфоръ въ с. Троицкомъ Одесскаго у., на Днѣстрѣ 332
Кладоискательство въ предѣлахъ г. Одессы 333
Защита Д. В. Айналовымъ маг. диссертаціи „Мозаики IV и V вв.“ 334
Открытіе уч. архивной коммиссіи въ Симбирскѣ 334
Раскопки на Увекѣ 335
Находка римскихъ могилъ и надписей въ г. Эденбургѣ, въ Венгріи 335
Фирманъ Омара I іерусалимскому патріарху Софронію 336
Находка барки имп. Тиберія въ Ненійскомъ оз. въ Италіи 336
Поѣздки съ археологической цѣлью В. И. Сизова и бар. Р. Р. Штикельберга въ Прибалтійскія губ. 366
Раскопки въ Херсонесѣ въ 1894 г. 367
Изслѣдованія древнихъ укрѣпленій въ Херсонской губ. 369
Мраморное средневѣковое изваяніе, поступившее въ Херсонскій музей 370
Коллекція золото-ордынскихъ и чешскихъ монетъ, мѣдныхъ топоровъ, серпообразныхъ мѣдныхъ ножей и древнегреческихъ предметовъ, поступившая въ Херсонскій музей 371
Раскопка могилъ у с. Привольнаго, Херсонской губ. и у. 371
Выставка коллекцій, пожертвованныхъ въ будущій Кіевскій историческій музей . 371
Устройство въ Черниговѣ ученой архивной коммиссіи 371
Археологическая экскурсія въ Новгородъ студентовъ СПБ. дух. Академіи 372
Стипендія имени В. Б. Антоновича при историко-филологическомъ факультетѣ въ университетѣ св. Владиміра 372
Находка древнихъ кувшиновъ въ Сальскомъ округѣ Области В. Донскаго 372
Осмотръ пещеръ у с. Смолинскаго, Екатеринбургскаго у., Пермской губ. 373
Вопросъ объ устройствѣ въ Витебскѣ археологическаго Общества 373
Историческая справка о костелѣ въ м. Міоры, Виленской губ 374
Грамота Василія Шуйскаго воеводѣ Годунову 374
Находки при производствѣ земляныхъ работъ на Замковой горѣ, въ Витебскѣ . . 374
Раскопки въ им. Кардисъ, на границѣ Эстляндской губ. 375
Икона Благовѣщенія XVI в. съ глаголической надписью 375
Находка у Темешвара (Трансильванія) предметовъ, свидѣтельствующихъ о существованіи у римлянъ искусства печатанія 375
Находка мраморнаго надгробія съ изображеніемъ скиѳа на мѣстѣ ольвійскаго некрополя (съ рис.) 376
Пожертвованіе Момсена на продолженіе изданія Академіей Наукъ греческихъ и римскихъ монетъ 377
Раскопки въ Аргосѣ 377
Находки въ Боско-Реале, близъ Помпеи 377
Рефератъ Бреаля о божествахъ древней Италіи 377
Бронзовая статуэтка Минервы, найденная близъ Дарданеллъ 378
Статуэтка женской фигуры изъ Карѳагена 378
Празднованіе 800-лѣтняго юбилея г. Рязани 418
По поводу 50-лѣтія со времени основанія Имп. Русск. Археолог. Общ. 418
Находки предметовъ и монетъ XV в. въ Рязанской губ. 419
Церковь XVII в. въ Костромѣ 419
Открытіе древняго могильника при д. Горѣ, Бѣлостокскаго у., Гродненск. г. . . 420
Раскопка кургана въ Воля-Суфчинской, Новоминскаго у. 420
Находки на Цымлянскомъ лѣвобережномъ городищѣ 421
Археологическія открытія Д. Клеменца во время путешествія по Монголіи въ 1894 г. 421

Стр.
Дѣятельность русскаго археологическаго института въ Константинополѣ 422
Запись XV в. (И. А. Линниченко) 422
Глаголическій служебникъ 1494 г. въ музеѣ въ Будапештѣ 424
О древностяхъ „варварскаго стиля" въ Россіи (цикадовидныя украшенія) . . . 424
Открытіе слѣдовъ др. римской стѣны близъ Кёльна 424
Находка мозаичнаго пола въ Имолѣ (Италія) 424

Засѣданія Обществъ.

Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества: Доклады въ засѣданіяхъ: 24 мая 1894 г.- Д. И. Эварницкій: „О коллекціи древнихъ вещей изъ Афросіаба и др. мѣстъ Средней Азіи"; Н. Н. Харузинъ: „Къ исторіи Герцеке въ Линіи" (стр. 19 – 20). – 26 октября 1894 г. А. А. Ивановскій: „Отчетъ о совершенной имъ на Высочайше дарованныя средства поѣздкѣ въ Закавказье" (стр. 20 — 22). – 5 ноября 1894 г. К. Д. Чичаговъ: „Поминка по Генрихѣ Бруннѣ и Дж. Б. де-Росси"; И. В. Цвѣтаевъ и В. А. Уляницкій: „Краткая характеристика дѣятельности покойнаго д. чл. Общества Д. И. Прозоровскаго" (стр. 22). – 9 декабря 1894 г. Гр. П. С. Уварова: Рѣчь, посвященная памяти почившаго Государя Александра III; И. А. Линниченко: „Очеркъ ученой дѣятельности поч. чл. Общ. каноника А. С. Петрушевича" (стр. 22). – 23 января 1895 г. В. И. Сизовъ: „Изслѣдованія В. А. Городцова стоянки каменнаго вѣка въ долинѣ р. Оки"; Д. Н. Анучинъ: „О раскопкахъ Гагинскаго могильника Сергачскаго у., Кузьминскаго могильника Рязанскаго у., и нѣкоторыя данныя изъ новѣйшей литературы по первобытной археологіи"; В. Ѳ. Миллеръ: „Галицко-волынскіе отголоски въ русскомъ эпосѣ" (стр. 69 - 70). - 31 января 1895 г. И. А. Линниченко: „Новый свидѣтель эпохи убіенія Дмитрія Самозванца" (стр. 71). – 21 февраля 1895 г. (годичное засѣданіе), Отчетъ о дѣятельности Общества; М. В. Никольскій: „О неизданныхъ надгробныхъ памятникахъ съ надписями изъ развалинъ Пальмиры" (стр. 132 –133).—7 марта 1895 г. Н. А. Шохинъ: „Историческій очеркъ Николаевскаго Кремлевскаго дворца"; С А. Долговъ: „Картины страшнаго суда"; С. С. Слуцкій: О соч. Латышева: „Inscriptiones gr. et latinae nov. an. 1889 —1895" (стр. 133).—14 марта 1895 г. Гр. П. С. Уварова: „О находкахъ бронзовыхъ предметовъ вооруженія близъ Боржомской вѣтви ж. д"; В. И. Сизовъ: „Характеръ художественнаго стиля височныхъ колецъ изъ кургановъ Смоленской и Московской губ." (стр. 165).—11 апрѣля 1895 г. И. В. Цвѣтаевъ: „Вилла императрицы Ливіи близь Рима"; Д. И. Иловайскій: „О загадочной падписи на сосудѣ Британскаго Музея"; Д. Н. Анучинъ: „О слѣдахъ бронзоваго вѣка въ Прикамьѣ по раскопкамъ Ф. Д. Нефедова" (стр. 165 — 166).—19 мая 1895 г. Командировки В. И. Сизова, бар. Р. Р. Штакельберга, В. А. Городцова, А. С. Хаханова, В. М. Сысоева, Ѳ. В. Покровскаго для археологическихъ изслѣдованій въ разныя мѣстности Россіи; предполагаемая поѣздка предс. гр. П. С. Уваровой въ Хевсурію, Тушетію, Сванетію и др мѣстности Кавказа. Открытіе дѣятельности предвар. Ком. Рижск. Съѣзда въ Ревелѣ и Ригѣ. Докладъ Я. И. Лудмера о состояніи герцогскаго архива въ Митавѣ (стр. 337 – 338).—31 октября 1895 г. Гр. П. С. Уварова: сообщенія 1) о состоявшемся Высочайшемъ повелѣніи объ отпускѣ изъ суммъ Государственнаго Казначейства 10,000 р. на продолженіе изслѣдованій на Кавказѣ и въ восточныхъ губ.; 2) о скончавшихся членахъ Общества Д. А. Ровинскомъ и П. И. Савваитовѣ; 3) о Высочайшемъ соизволеніи на посвященіе имени Императора Александра III „Трудовъ" X Археолог. Съѣзда и 4) о рекомендаціи Уч. Комитетомъ М. Н. Пр. „Археол. Изв." для фундам. библіотекъ учебн. заведеній. А. С. Хахановъ и Х. И. Кучукъ-Іоаннесовъ: отчеты о лѣтнихъ поѣздкахъ (стр. 378 379).

Славянской Коммиссіи Имп. Московскаго Археологическаго Общества. Докладъ въ засѣданіяхъ: 4-го октября 1894 г. В. Ѳ. Миллеръ: „Къ былинѣ о Хотѣнѣ Блудовичѣ"; М. Н. Сперанскій: „О Южно-славянской Четьей Миней" (стр. 22); А. С. Орловъ: „Сказочная повѣсть о взятіи Азова"; А. И. Яцимирскій: „О рукописяхъ ново-нямецкаго м-ря въ Бессарабіи"; М. Н. Сперанскій: О новыхъ изданіяхъ И. Е. Забѣлина, Ягича, Решстара и Зибрта (стр. 71—72). 19-го февраля 1895 г. В. Ѳ. Миллеръ: „Галицко-Волынскіе отголоски въ современныхъ былинахъ" (прод.); П. А. Лавровъ: „О найденномъ въ Хиландарскомъ м рѣ сборникѣ XIII-XIV в. (стр. 133-134). 17-го марта 1895 г. В. Ѳ. Миллеръ: „Къ былинѣ о Соловьѣ Будимировичѣ"; А. В. Михайловъ: „О текстахъ книги бытія Моисеева въ Толковой Палеѣ" (стр. 166—167). 17-го октября 1895 г.. избраніе должностныхъ лицъ. М. И. Соколовъ: „О славянскихъ стихахъ монаха Мардарія Хоникова въ лицевой библіи Пискатора"; М. Н. Сперанскій: „Изреченія Менандра въ слав. переводѣ" (стр. 379).

Восточной Коммиссіи Имп. Московскаго Археологическаго Общества. Доклады въ засѣданіяхъ: 18-го октября 1894 г. М. О. Аттая: „Житіе св. Георгія по соч. арабск. историка Ат-Табари"; Х. И. Кучукъ-Іоаннесовъ: „Отчетъ о поѣздкѣ въ Кіевъ и Бессарабію" (стр. 22—23); 17 ноября 1894 г. В. А. Грингмутъ: „Къ вопросу объ египетской транскрипціи семитическихъ словъ" (стр. 72); 24 января 1895 г. Г. А. Муркосъ: „О служебникѣ антіохійскаго патріарха Макарія, находящемся на Аѳонѣ" А. С. Хахановъ: „О грузинской рукописной Барсовой кожѣ, гл. арх. М. И. Д. въ Москвѣ"; А. Е. Крымскій: „Исмаилитское вліяніе на суффизмъ въ 3-мъ в. Гижры" (стр. 425); 10-го ноября 1895 г. Х. И. Кучукъ-Іоаннесовъ: „О древне-армянскихъ рукописяхъ"; М. В. Никольскій: „О двухъ еврейскихъ надписяхъ, находящихся въ Ѳеодосійскомъ Музеѣ"; его-же: „О клинообразныхъ надписяхъ изъ Эриванской губ."; М. Н. Сперанскій: „Объ армянской рукописи 1616 г., привезенной Х. И. Кучукъ-Іоаннесовымъ" (стр. 425-426).

Императорское Русское Археологическое Общество. Доклады въ засѣданіяхъ: 18 ноября 1894 г. Кн. П. А. Путятинъ: „О раскопкахъ бар. де-Бая у Кіева" (стр. 24). 9 декабря 1894 г. (русск. отд.), В. Г. Дружининъ: „О раскопкѣ городища на бер. оз. Нанога въ Пермской губ." Х. М. Лопаревъ: „О самосожженіи въ русскомъ расколѣ" (стр. 24—25). 10 декабря 1894 г. (классич. отд.), В. В. Латышевъ: „Къ вопросу о поддѣлкахъ предметовъ древности на сѣв. берегу Чернаго моря" (стр. 25). 14 декабря 1894 г. (вост. отд.), С. А. Бершадскій: „Объ устройствѣ Турецкой имперіи въ началѣ XVI в." (стр. 25-26). 10 января 1895 г. (русск. отд.), С. В. Рождественскій: „Къ исторіи княжескаго землевладѣнія въ XVI в." Н. И. Веселовскій: „О раскопкѣ скиѳскаго кургана въ Мелитопольскомъ у." (стр. 26—27). 20 января 1895 г. (вост. отд.), А. Г. Туманскій: „О мусульманской сектѣ бабидовъ". Н. Я. Марръ: „О мнимомъ географическомъ названіи Ротастакъ въ исторіи Агаѳангела". „О коллекціи древностей изъ Кашгара" Н. Ѳ. Петровскаю (стр. 72—73). 14 февраля 1895 г. (русск. отд.). А. А. Спицынъ. „О раскопкахъ кургановъ въ Бѣлозерскомъ краѣ" (стр. 73). 16 февраля 1895 г. (классич. отд.), В. К. Мальмбергъ: „По поводу рельефовъ изъ Мантинеи". М. И. Ростовцевъ: „Новое о Пантеонѣ" (стр 76). 7 марта 1895 г. (русск. отд.), Н. Ѳ. Романченко: „Раскопки въ Евпаторійскомъ у." И. А. Шляпкинъ: „Стѣнныя надписи новгородскаго Софійскаго собора" (стр. 134). 15 марта 1895 г. (вост. отд.), Бар. В. Р. Розенъ: „О приготовляемомъ van-Berchem'омъ изданіи свода арабскихъ надписей" (стр. 167). 20 марта 1895 г. (класс. отд.), И. В. Помяловскій: „Памяти Г. С. Дестуниса". В. В Латышевъ: „О христіанскихъ надписяхъ на югѣ Россіи". Р. Х. Леперъ: „О димѣ Суніи". Н. И. Веселовскій: О христіанскихъ катакомбахъ въ Керчи". Е. К. Рѣдинъ: „О мозаикѣ пола въ церкви ев. Іоанна въ Равеннѣ" (стр. 167—168). 9 апрѣля 1895 г. (русск. отд.), Обзоръ выставки древностей за 1894 г. (стр. 168). 10 апрѣля 1895 г. (класс. отд), В. В. Латышевъ: „О

христіанскихъ надписяхъ на югѣ Россіи". Б. А. Тураевъ: „Страница изъ исторіи др. египетской литературы" (стр. 168—169). 19 апрѣля 1895 г. (класс. отд.), А. Н. Щукаревъ: „Объ архитекторѣ-скульпторѣ Каллимахѣ". Я. И. Смирновъ: „Объ изображеніяхъ фригійскаго бога мѣсяца" (стр. 278—279). 24 апрѣля 1895 г (вост. отд.), В. В. Бартольдъ: „Новое мусульманское свидѣтельство о Русахъ". бар. В. Р. Розенъ: „Къ вопросу объ арабскихъ переводахъ Худай-Намэ" (стр. 279). 25 апрѣля 1895 г. (русск. отд.), В. Г. Бокъ, по поводу изданія Звенигородскаго: Византійскія эмали. А. А. Спицынъ: „Курганы Радимичей" (стр. 279—280). 1 мая 1895 г. (общ. собр.), кн. П. А. Путятинъ: „О новѣйшихъ изслѣдованіяхъ французскихъ ученыхъ объ Аннѣ Ярославнѣ" (стр. 280). 12 мая 1895 г., Г. И. Котовъ: „О ханскомъ дворцѣ въ Бахчисараѣ". Гр. А. А. Бобринскій: „О нѣкоторыхъ скиѳскихъ древностяхъ Венгріи". Кн. П. А. Путятинъ: „Новѣйшія изслѣдованія о височныхъ кольцахъ и волнообразномъ орнаментѣ, приписываемомъ славянамъ" (стр. 280—281). 15 сент. 1895 г. (вост. отд.), В. В. Радловъ: „О результатахъ дешифровки енисейскихъ надписей". Іер. А. Виноградовъ: „Исторія Библіи на востокѣ" (стр. 338). 10 октября 1895 г. (русс. отд.), С. М. Середонинъ: „Наказъ кн. М. И. Воротынскому и роспись полкамъ 1572 г." Х. М. Лопаревъ: „Новое свидѣтельство о нашествіи Руси на Константинополь въ 860 г." (стр. 338—339). 17 ноября 1895 г. (общ. собр.), А. Ѳ. Бычковъ: „Памяти П. И. Савваитова". В. В. Стасовъ: „Памяти Д. А. Ровинскаго". В. Г. Дружининъ: „О кладѣ съ готскими древностями, найденными въ Пермской губ" (стр. 426). 10 ноября 1895 г. (вост. отд.) С. Ѳ. Ольденбургъ: „La d'Aristote и его восточные источники (стр. 427). 23 октября 1895 г. (класс. отд.). В. В. Латышевъ: „О херсонскомъ декретѣ въ честь Навклара Синопскаго (стр. 427). 18 ноября 1895 г. (класс. отд.), В. В. Латышевъ: „О діониспольскомъ декретѣ съ именемъ ц. Биребисты. Его же: „О XVIII т. Зап. Одесск. Общ. Ист. и Древностей". В. Г. Бокъ: „О мнимомъ эмалевомъ агнцѣ на костяномъ окладѣ Миланскаго собора". С. А. Жебелевъ: „О нѣкоторыхъ предметахъ изъ собр. гр. Тышкевича" (стр. 428).

Императорское Общество Любителей Древней Письменности. Доклады въ засѣданіяхъ: 2-го декабря 1894 г. Гр. С. Д. Шереметевъ: „Рѣчь, посвященная памяти покойнаго Государя Александра III".; Н. А. Смирновъ: „О рифмотворной псалтири Симеона Полоцкаго"; И. А. Шляпкинъ. „О надписяхъ на ребрахъ лѣстницы Софійскаго Собора въ Новгородѣ"; Докладъ о пожертвованіяхъ, поступившихъ въ общество (стр. 27—20); 16-го декабря 1894 г. Н. Д. Чечулинъ: „Памяти Д. Ѳ. Масловскаго"; С. Н. Северьяновъ: „О рукописной псалтири XI в. въ Моск. Чудовомъ М-рѣ"; Н. П. Лихачевъ: „О родѣ Сукиныхъ"; А. І. Лященко: „Замѣчанія по поводу брошюры П. Н. Тихонова: Архангелъ Михаилъ. Псалка" (стр. 28—29); 13-го января 1895 г. Н. К. Никольскій: „О новооткрытомъ русскомъ библіографическомъ трудѣ XV—XVI в." (стр. 73); 27-го января 1895 г. Н. П. Ретвихъ: „О теоріи Н. П. Мрочка-Дроздовскаго о т. н. земскихъ боярахъ"; В. Ѳ. Боцяновскій: „О происхожденіи ересей стригольниковъ и жидовствующихъ"; Н. К. Никольскій: „О найденной референтомъ грамотѣ митрополита Геронтія XV в." (стр. 74); 17-го февраля 1895 г. С. А. Андріановъ: „О составѣ сибирскихъ лѣтописей"; С. Ѳ. Платоновъ: „О новомъ сказаніи о самозванцѣ, по рукописи Моск. Рум. и Публ. Музеевъ"; Д. А. Корсаковъ: о трудѣ „Похожденія нѣкоего россіянина"; Вольскій: „О польскомъ оригиналѣ въ библіотекѣ кн. Чарторыйскихъ: „сужденія дьявола противъ рода человѣческаго" (стр. 75); 24-го февраля 1895 г. Х. М. Лопаревъ: „Объ изданной Голландистами Bibliotheca hagiographica graeca"; Н. В. Покровскій: „О сійскомъ иконописномъ подлинникѣ" (по рукоп. XVII в.) (стр. 134—135); 10-го марта 1895 г. А. П. Вороновъ: „Духовное завѣщаніе пр. Лазаря Муромскаго"; А. І. Лященко: „Объ автобіографіи И. Г. Григорьева" (стр. 169); 17-го марта 1895 г. Н. П. Лихачевъ: „О составѣ боярской думы въ XVI в."; А. П. Барсуковъ: „О Шереметевской вотчинѣ с Чиркинѣ, Коломенскаго у." (стр. 169—170); 21-го апрѣля 1895 г. С. Ѳ. Пла-

тоновъ: „О новомъ текстѣ „Описи дѣламъ“, вынесеннымъ изъ разряда во время московскаго пожара 1626 г.“; П. В. Владиміровъ: „О двухъ пергаментныхъ листахъ изъ книги апостольскихъ чтеній XII в.“ (стр. 281—282); 10-го ноября 1895 г. Преосв. Никаноръ: „Синодикъ Двинскаго Михаило-Архангельскаго М-ря“; Н. В. Волковъ: „Статистическое распредѣленіе древне-русскихъ книгъ въ XI—XV вв.“ (стр. 428).

Историческое Общество Нестора Лѣтописца. Доклады въ засѣданіяхъ: 22-го января 1895 г. В. З. Завитневичъ: „О Покровскомъ могильникѣ, Купянск. у. Харьков. губ.“; В. И. Щербина: „Объ историческихъ трудахъ Г. С. Трейера о Россіи“ (стр. 76—78); 5-го марта 1895 г. В. Г. Ляскоронскій: „Объ археол. находкѣ близъ с. Таганчи, Каневскаго у.“; А. Н. Ясинскій: „О положеніи государя въ Чехіи въ XII—XIII вв.“ (стр. 170—172); 15-го октября 1895 г. В. Б. Антоновичъ: „О раскопкахъ въ Обсерваторномъ пер.“; В. Г. Ляскоронскій: „Объ атласѣ Боплана“ (стр. 380—383); 12-го ноября 1895 г. Ю. А. Кулаковскій: „Отчетъ о раскопкахъ и разслѣдованіяхъ въ Крыму“ (стр. 429 - 430).

Засѣданіе Археологическаго Института. 25-го октября 1895 г., посвященное памяти Н. В. Калачова, Д. А. Ровинскаго и П. И. Савваитова (стр. 379—380).

Библіографія.

Стр.

Кавказъ. Матеріалы по археологіи Кавказа. IV. Христіанскіе памятники (М. 1894). 30
Древности, Труды Импер. Московскаго Археологическаго Общества т. XV, вып. 1—2. 30
Труды VIII археологическаго съѣзда въ Москвѣ. II. (М. 1895) 282
Труды IX археологическаго съѣзда въ Вильнѣ. I. (М. 1895) 345
Památky archaeologické a místopisné, изд. I. Л. Пичъ. XVI. 1893 30
Первая всероссійская выставка печатнаго дѣла. I группа (Спб. 1894). 33
Isaac Taylor: L'origine des Aryens (Paris. 1895) 33
A. de Pouvourville: L'art indo-chinois (Paris. 1894). 34
Dahlmann-Waitz: Quellenkunde d. deutschen Geschichte (Gött. 1894). 35
С. П. Писаревъ: Княжеская мѣстность и храмъ Князей въ Смоленскѣ. (См. 1894). 78
Ed. Piette: L'époque éburnéenne et les races humaines de la période glyptique (St. Quentin. 1894) 79
Mittheilungen d. Anthropolog. Gesellschaft in Wien за 1894 г 80
Anthropologie за 1894 г. 83
A. Heikel: Antiquités de la Sibérie Occidentale (Helsing. 1894). 86
Archeografo Triestino t. I—XIX 87
Merkhuch Alterthümer aufzugraben u. aufzubewahren (Berl. 1894) u I. Novotny: Návod ku sbírání a zachranování prédhist. památek (Praha. 1894) 89
Старинар Српског археолошког друштва. VIII, 4, IX, 4, X, 1—2 (Београд. 1892 - 94). 90
Филологическое Обозрѣніе. VI—VII. (М. 1894). 92
Gazette des Beaux-Arts 1895 г. мартъ 136
Sitzungsberichte d. Gesellschaft f. Geschichte u. Alterthums-Kunde d. Ostseeprovinzen Russlands. 1893 (Riga. 1894) 136
Sitzungsberichte d. gel. estnirch. Gesellschaft 1893 (Юрьевъ. 1894). 137
„ „ „ „ „ 1894 (Юрьевъ. 1895). 230
А. Родосскій: Описаніе 432-хъ рукописей, принадл. Спб. Дух. Академіи (Спб. 1894). 139
Отчетъ о дѣятельности Тверской уч. Архивной Коммиссіи за 1893 (Спб. 1894) . . 139
Тверской музей и его пріобрѣтенія за 1893 г. (Тв. 1894). 140

Стр.
Журналъ Мин. Народнаго Просвѣщенія (1895 г. январь) 140
И. Е. Забѣлинъ: Домашній бытъ русскихъ царей въ XVI и XVII ст. I. (М. 1895) . 172
Извѣстія Восточно-Сибирскаго Отд. И. Р. Г. О. XXV, № 2—3 (1894). 172
Извѣстія Общ. Археологіи, исторіи и этнографіи при И. Казанск. у. XII, 4 (1895). 173
Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа XIX 174
I. L. Pič. Mohyly Lužanské (Praha. 1895) 174
Путеводитель по г. Ревелю (Рев. 1895) 176
A. Bergengrün u. K. P. Geuter: Illustrirter Führerdurch Riga (Riga. 1895) 176
A. Poelschau: Die livländische Geschichtsliteratur im Jahre 1893 (Riga 1894). . . . 176
Труды Рязанской уч. Архивной Коммиссіи X. 2 (Ряз. 1895). 227
„ „ „ „ „ XI. (Ряз. 1895). 390
Cesky lid за 1894 г. 229
Bibliothèque de l'école des Chartes, т. LV, 5 (1894). 232
Н. Ф. Петровскій: Древніе арабскіе дорожники (Ташк. 1894). 283
Д. Н. Анучинъ; Амулетъ изъ кости человѣческаго черепа (М. 1895). 283
Землевѣдѣніе 1895 г., № 1 285
Просвјета (лист за цркву, школу и поуку). 285
Argo: Zeitschrift fur Krainische Landeskunde 1895. № 1. 286
П. А. Сырку: Краткій отчетъ о занятіяхъ за границей въ лѣтніе мѣсяцы 1893 и 1894 г. (Спб. 1895) 286
Bulletins et mémoires de la Soc. Archéol. et Historique de la Charente, т. I—III. 287
Festrede d. Präsid. geh. anlässlich des 25 jähr. Stiftungsfestes d. Anthropol. Gesell. in Wien (Wien. 1895). 288
Д. В. Айналовъ: Мозаики IV и V вв. (Спб. 1895 г.) *(Е. Рѣдинъ)* 339
A. Mierzynski: Owladzy Criwégo nad wszystka Litwa i jej sasiadami (1894). Его-же: Nuncius cum baculo (1895). 346
П. Сорокинъ: О распространеніи каменныхъ орудій въ Котельническомъ и Яранскомъ уу., Вятск. губ. (1895 г.). 347
Сборникъ Трудовъ Орхонской экспедиціи II (Спб. 1895) 347
С. Спицынъ: Производство археологическихъ раскопокъ (Спб. 1895) (*М. Сперанскій*). 348
Сборникъ за народни умотворения, наука и книжнина. I—XI. *(М. С.)*. 349
Отчетъ Имп. Археологической Коммиссіи за 1893 г. (Спб. 1895). 383
В. А. Жуковскій: Развалины Стараго Мерва (Спб. 1894). 388
И. Е. Бранденбургъ: Курганы южнаго Приладожья (Спб. 1895). 389
Временникъ Эстляндской губ. вып. II (Рев. 1895). 392
Древности: Труды Славянской коммиссіи Имп. Моск. Археол. Общ. I (М. 1895) . 430
Византійскій Временникъ I, 2—4, II, 1—3. . . . . —
А. Ф. Риттихъ: Четыре лекціи по русской этнографіи (Спб. 1895) 432
Český Lid 1895 . . . . . —
Starohrvatska Prosvjeta 433
G. Schlumberger: Mélanges d'archéologie byzantine 434

№ 12 1895 г.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

ИЗДАВАЕМЫЯ

ИМПЕРАТОРСКИМЪ МОСКОВСКИМЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ

I.

Придорожные кресты въ Чехіи и Моравіи и византійское вліяніе на Западѣ.

Вопросъ о византійскомъ вліяніи на культуру западно-европейскую въ области искусства и археологіи принялъ въ Чехіи, благодаря мѣстнымъ причинамъ, оттѣнокъ, котораго онъ не имѣетъ въ другихъ мѣстахъ запада: изслѣдованіе византійскаго вліянія въ Чехіи, въ ея археологической литературѣ, тѣсно связано съ дѣятельностью св. Кирилла и Меѳодія, какъ первыхъ людей, принесшихъ византійское христіанство на народномъ живомъ языкѣ и тѣмъ положившихъ начало національной, славянской культурѣ Чехіи. Поэтому византійскія начала въ археологіи чешской, памятники, носящіе этотъ характеръ, считаются болѣе или менѣе близкими къ національнымъ, при чемъ ихъ противополагаютъ памятникамъ и началамъ культуры латино-германской, какъ не національнымъ. Отсюда нѣкоторая тенденціозность во взглядѣ на памятники византійскаго вліянія въ Чехо-Моравіи. Историки Чехіи точно также стараются прослѣдить это вліяніе въ культурной исторіи края, стараясь даже въ XV в. въ явленіяхъ гусситской эпохи найти

слѣды кирилло-меѳодіевской дѣятельности, прослѣдить послѣдствія этой дѣятельности на пространствѣ вѣковъ, начиная съ IX-го [1]).

Археологи съ своей стороны, исходя изъ вещественныхъ памятниковъ, изъ данныхъ монументальной археологіи, идутъ на встрѣчу этому же стремленію. Они на основаніи своихъ данныхъ стараются подтвердить эти же выводы съ большей или меньшей осторожностью и успѣхомъ. Поэтому тщательно отмѣчается и собирается въ Чехіи то, что выходитъ изъ ряда многочисленныхъ памятниковъ чешской германо-латинской культуры. Имѣя постоянно въ памяти фактъ миссіонерства Кирилла и Меѳодія, чешскіе археологи желаютъ видѣть въ этихъ остаткахъ вещественное доказательство того, что насажденное Солунскими Братьями не умерло, но, если и не разрослось, всетаки уцѣлѣло частію и до сихъ поръ. При этомъ главное вниманіе обращается, понятно, на церковную старину, гдѣ и находило себѣ главнымъ образомъ выраженіе это восточное вліяніе, принесенное Братьями. Сложились даже, если такъ можно выразиться, теоріи, какъ и въ чемъ слѣдуетъ видѣть эту кирилло-меѳодіевскую старину; рядъ предметовъ, сюда относящихся, подведенъ подъ отдѣльныя рубрики и категоріи.

Къ числу такихъ свидѣтелей кирилло-меѳодіевской старины, уцѣлѣвшихъ до сихъ поръ, относятся церкви, часовни и мѣстности, которыя народное *преданіе* связываетъ съ миссіонерской дѣятельностью Братьевъ — Солунцевъ; сюда же относятся и такъ называемые *кирилло-меѳодіевскіе* кресты, въ числѣ которыхъ главную массу занимаютъ монументальные, каменные, попадающіеся въ большомъ количествѣ по Чехіи и Моравіи [2]).

Что касается церквей и часовень, то въ посвященіи ихъ св. Клименту Римскому, обрѣтеніе мощей котораго Кирилломъ играло такую важную роль въ дѣятельности Кирилла (и кстати сказать, въ отношеніяхъ его къ Риму), Воздвиженію Животв. Креста, Успенію Богородицы (иногда ап. Петру и Павлу) видятъ указаніе на то, что самыя церкви, (или до сихъ поръ сохранившіяся на тѣхъ же мѣстахъ, или новыя, замѣнившія старыя) восходятъ къ эпохѣ Кирилловской проповѣди и возникли подъ ея вліяніемъ; стало быть, эти церкви — памятники національнаго славянскаго и византійскаго, а не западно-латинскаго и нѣмецкаго прошлаго Чехіи [3]).

---

[1]) Подробнѣе см. въ замѣчательной статьѣ В. И. Ламанскаго: „Видные дѣятели западно-славянской образованности". (Слав. сборн., т. I, главы: 10 и 11).

[2]) См. Сборникъ статей по славиновѣдѣнію (въ честь В. И. Ламанскаго). Спб. 1883; ст. *И. С. Пальмова*: „Памятники кирилло-меѳодіевской старины въ Чехіи и Моравіи", (стр. 43 и сл.).

[3]) И. С. Пальмовъ, ук. ст., стр. 43—44.

Въ подтвержденіе силы этой традиціи, приводятъ и иныя данныя, именно—преданія народныя: то это домъ, гдѣ якобы ночевали св. Братья, то память о камнѣ (теперь уже исчезнувшемъ), гдѣ были слѣды ступни св. Кирилла, то колодцы и ручьи, гдѣ якобы крестили Кириллъ или Меѳодій и т. д. [4]). Конечно, всѣ эти попытки и основанія для доказательства кирилло-меѳодіевской традиціи, имѣютъ силу только относительную: какъ названіе церквей въ честь Климента, можетъ найти себѣ истолкованіе какъ разъ въ обратную сторону [5]), такъ и возникновеніе церквей въ честь Воздвиженія Креста и Успенія можетъ найти иное объясненіе, помимо связи съ православіемъ [6]). Не надо забывать и того, что память св. Кирилла, уже съ XIV в. канонизированнаго Римомъ ради Славянъ (сообразно обычной тактикѣ западнаго духовенства въ подобныхъ случаяхъ), чтилась и на западѣ. Поэтому и преданіе о немъ, разъ мы не можемъ точно доказать его древность и притомъ большую, нежели XIII—XIV в., особенной силы для насъ не имѣетъ: оно могло возникнуть уже и послѣ.

Преданіе же о колодцахъ и источникахъ, при которыхъ была проповѣдь, и въ которыхъ могло совершаться крещеніе, преданіе общераспространенное у христіанскихъ народовъ [7]); правда, эта легенда, дѣйствительно, указываетъ съ большой вѣроятностью на бывшій когда то фактъ крещенія на ручьѣ, рѣчкѣ, колодцѣ и т. д. (ср. извѣстіе нашей лѣтописи о крещеніи Руси) и на свое возникновеніе въ эпоху массовыхъ крещеній; это вполнѣ естественно;—но дѣло то все въ томъ,

---

[4]) И. С. Пальмовъ, стр. 45. Соединеніе креста и источника считается многими чешскими археологами особенно цѣннымъ доказательствомъ, подпорой преданій о Кириллѣ и Меѳодіи. Впрочемъ, объ этомъ ниже.

[5]) Напр. хотя бы такъ: обрѣтеніе мощей Климента, одного изъ столповъ христіанства и притомъ тѣсно связаннаго съ Римомъ и его христіанствомъ—фактъ не менѣе важный для самого Рима, которому это событіе давало еще шансъ къ подтвержденію своего владычества; поэтому, постановка храмовъ въ честь св. Климента, могла быть прямо въ интересахъ того же Рима и могла быть дѣломъ того же западнаго католичества. Не даромъ фактъ обрѣтенія мощей Климента, создалъ цѣлый рядъ памятниковъ и въ католической литературѣ IX—X в. (Итальянская легенда, труды Гаудериха). См. И. В. Ягича „Новое свидѣтельство о дѣятельности Константина философа“ (Спб. 1893), стр. 3.

[6]) Успеніе Богоматери—по чешски „взятіе на небо“ (Assumptio B. V. Mariae)—праздникъ одинаково и восточный и западный (здѣсь онъ также назначенъ на 15 авг.); разница въ сказаніи объ Успеніи Богородицы въ западной и восточной церкви не отразилась въ разныхъ названіяхъ праздника: *κοίμησις* и assumptio, т. е. взяты въ основу два момента одной общей легенды: у насъ смерть Богоматери, на западѣ слѣдующій моментъ—взятіе ея на небо, что есть и въ нашей легендѣ. Другое дѣло, если бы церкви посвящались „коронованію“ Богородицы, основанному и въ искусствѣ на той части легенды объ Успеніи, которая у насъ не признается. Названіе церкви не даетъ ничего. Воздвиженіе Креста—также память не исключительно восточной церкви (Exaltatio s. Crucis); праздникъ для востока и запада установленъ въ 628 г.; ранѣе этого повсюду праздновался онъ передъ Вознесеніемъ (И. Малышевскій, стр. 333).

[7]) См. подробнѣе въ ст. *Ив. Малышевскаго*. О придорожныхъ крестахъ, стр. 343—345.

насколько мы можемъ поручиться, что имя проповѣдника (въ данномъ случаѣ Кирилла или Меѳодія), *искони* связано съ легендой въ томъ видѣ, какъ мы ее знаемъ *теперь*, было въ ней съ самаго ея возникновенія, а не замѣнило собой другого: а, вѣдь, именно въ имени въ подобной, общей по содержанію, легендѣ и вся сила ея доказательности, Что подстановка возможна, доказываетъ сама чешская исторія, гдѣ мы видимъ искусственную, прямо тактическую подстановку имени Яна Непомуцкаго (святого, пущеннаго въ ходъ іезуитами во время борьбы ихъ съ гусситствомъ) вмѣсто имени Яна Гуса; подстановка удалась: Янъ Непомукъ сталъ народнымъ святымъ не только въ Чехіи, но и въ Польшѣ, вытѣснивъ значительно память объ истинно народномъ дѣятелѣ Янѣ Гусѣ [8]). Все сказанное ведетъ, разумѣется, не къ тому, чтобы отрицать существованіе кирилло-меѳодіевской (т. е. византійской) традиціи въ Чехіи: она не подлежитъ сомнѣнію на основаніи историческихъ данныхъ и ихъ указаній; но, на мой взглядъ, сказанное должно доказывать, что устное преданіе, легенда, какъ источникъ историческій, далеко не такъ надежны, какъ другія пособія, что, съ преданіемъ, не брезгуя, конечно, имъ, приходится обращаться крайне осторожно, особенно въ такомъ частномъ случаѣ, каковъ разсматриваемый.

Нѣсколько иначе обстоитъ дѣло по отношенію къ послѣдней категоріи „кирилло-меѳодіевскихъ“ памятниковъ въ Чехіи, именно по отношенію къ крестамъ, относимымъ къ эпохѣ Кирилла и Меѳодія или продолжающимъ эту традицію.

И здѣсь преданіе давало руководящую нить собирателямъ этихъ памятниковъ; но здѣсь не одно преданіе руководитъ въ оцѣнкѣ крестовъ: какъ памятники монументальной археологіи, кресты эти подлежатъ разсмотрѣнію и со стороны ихъ внѣшней формы, характера, положенія. Здѣсь уже есть болѣе твердыя основанія для ихъ пріуроченія, если не къ опредѣленному точно времени, то, по крайней мѣрѣ, къ опредѣленной болѣе или менѣе группѣ по типу. Чешскіе т. н. „кирилло-меѳодіевскіе“ кресты, въ которыхъ видятъ вліяніе византійской культуры времени распространенія восточнаго христіанства въ Чехіи (IX в.), извѣстны двухъ видовъ: небольшіе (отъ 2-хъ до 4-хъ и даже 8 дюймовъ), мѣдные или бронзовые, „носильные“ (м. б. частью тѣльные) кресты [9]) и кресты монументальные, каменные, врывавшіеся въ землю [10]). Что касается крестовъ перваго рода, то, судя по словамъ

---

[8]) И. С. Пальмовъ, стр. 55.

[9]) Изданы эти кресты въ Památkách archeolog. I, III, IV. Не имѣя въ настоящее время этого журнала подъ рукой, ограничиваюсь указаніемъ свѣдѣній о нихъ въ упомянутой статьѣ И. С. Пальмова.

[10]) Нѣкоторые (7 штукъ) изъ этихъ послѣднихъ, отмѣчены въ упомянутой только что статьѣ И. С. Пальмова.

мѣстныхъ археологовъ, сомнѣваться въ византійскомъ вліяніи на ихъ технику нельзя. Съ другой стороны нельзя не отмѣтить того, что чисто византійскими признать ихъ нельзя: повидимому, они (или нѣкоторые изъ нихъ) дѣлались уже на мѣстѣ—фактъ интересный, усиливающій значеніе ихъ, какъ доказательства византійскаго вліянія въ Чехіи. Такъ „островскій" крестъ (найденъ въ развалинахъ Островскаго мон., построеннаго въ 999 году), весьма сходный съ крестомъ на ватиканскомъ саркофагѣ, съ крестами флорентійскаго сирскаго ев. VI в. и византійскихъ миніатюръ парижской рук. Григорія Назіанзена (867—886 гг.) [11]), имѣетъ и свое отличіе: на головѣ Спасителя надѣтъ вѣнецъ, — особенность уже чисто западная, на востокѣ не встрѣчающаяся [12]). Что же касается того, что ноги Спасителя на островскомъ крестѣ положены рядомъ, а не одна на другую, въ чемъ видятъ одно изъ доказательствъ византійскаго типа распятія [13]), то фактъ этотъ особеннаго значенія имѣть не можетъ: нарушеніе преданія о четырехъ гвоздяхъ въ изображеніи распятія въ западной церкви фактъ поздній, не древнѣе XIII вѣка, а м. б. и еще позднѣе [14]).

Изъ другихъ крестовъ („опочницкихъ") обращаютъ на себя вниманіе тѣ, которые снабжены краткими греческими подписями (№ 2— съ надписью: *XC NHKA* (т. е. *νίκα* или *νικᾷ*), которыя до извѣстной степени [15]) указываютъ на византійскую традицію.

Послѣдній изъ бронзовыхъ крестовъ даетъ любопытное указаніе, подобное первому: при византійской техникѣ, онъ не старше XIII в., съ нимбомъ въ видѣ сіянія: подробность опять западная и поздняя сравнительно [16]).

Каменныхъ крестовъ, привлекаемыхъ къ рѣшенію вопроса, гораздо больше: ихъ издано [17]) уже болѣе тридцати.

Прежде, чѣмъ перейти къ оцѣнкѣ этого рода археологическаго

---

[11]) Пальмовъ, стр. 46.

[12]) Корона на Спасителѣ въ распятіи признается характерной западной особенностью для крестовъ XI—XIII в. См. I. Stockbauer und I. A. Messmer o. s. c. p. 259.

[13]) Пальмовъ, о. с. р. 46.

[14]) *Ив. Малышевскій*, ук. ст. стр. 357.

[15]) На первомъ изъ опочницкихъ крестовъ (см. Пальмова, 47): *IAE O YC COY—IAOY MHTIP COY* указываетъ на греческое вліяніе; на другихъ же, гдѣ есть буквы, онѣ традиціонны и могли быть и не на греческихъ только крестахъ; это: *MP ΘY* (*μητὴρ Θεοῦ*) и *IC XC*, монограммы, унаслѣдованныя даже латинскими рукописями. Буквально такой же, какъ первый опочницкій крестъ (но безъ изображенія оранты на оборотѣ), - крестъ Теодолинды Лангобардской, современницы Григорія Великаго; онъ считается восточнымъ, по работѣ и происхожденію. (I. Stockbauer und I. A. Messmer—Kunstgesch. des Kreuzes (Schaffhausen 1870), S. 160).

[16]) Пальмовъ, стр. 50.

[17]) Часть издана въ клерикальномъ чешскомъ журналѣ Sbornik Velehradský т. II.; одинъ въ Časop. Česk. Mus. 1875 г. (стр. 53).

матеріала, перечислю нѣкоторые изъ крестовъ, до сихъ поръ неизвѣстные или мало извѣстные въ нашей литературѣ [18]): кресты эти дѣлались изъ гранита, чаще изъ болѣе мягкаго песчаника, довольно грубы по формѣ, въ большинствѣ случаевъ; многіе изъ нихъ представляютъ едва обработанную глыбу, иные отъ разныхъ причинъ утратили свою первоначальную форму [19]). Съ нѣкоторыми крестами связаны мѣстныя преданія, любопытныя, по крайней мѣрѣ, въ глазахъ чешскихъ изслѣдователей, для опредѣленія цѣнности крестовъ, какъ археологич. памятниковъ. Положеніе крестовъ относительно мѣстности, далеко не безъинтересно.

I. Славоницкій крестъ, первоначально стоялъ на проѣзжей дорогѣ (изъ Славонина къ Зеленой улицѣ, около Оломуца) потомъ лежалъ въ видѣ мостковъ черезъ канаву, и въ этомъ мѣстѣ народъ молился на основаніи преданія, что на этомъ мѣстѣ отдыхали Кириллъ и Меѳодій, идя на проповѣдь въ Оломуцъ.

II. Крестъ Недвѣзскій—стоялъ у дороги; на немъ надпись, весьма неясная; по начертаніямъ считаютъ ее кирилловской. На мой взглядъ, такого характера надпись не имѣетъ: она по вышинѣ буквъ, ихъ узкости не похожа на извѣстныя до сихъ поръ кирилловскія рѣзныя надписи [20]). Преданіе объ этомъ крестѣ гласитъ, что онъ поставленъ или крестоносцами или Шведами [21]).

---

[18]) Единственная мнѣ извѣстная русская, имъ посвященная,—это упомянутая статья И. С. Пальмова, вышедшая въ 1883 г.. Слѣдующія ниже извѣстія, равно какъ и рисунки, заимствованы мною изъ статьи *И. Гавельки* „Кирилловскіе кресты" (I. Havelka—въ Časop. Museiního spolku Olomouckého (1884 г. № 2.; 1885, № 7.; 1886, № 9), а также изъ журнала Zlatá Praha 1885 г. № 13, 14.

[19]) Кресты эти напоминаютъ иногда мегалитическіе памятники—balvany и baby чешскаго простонародья. Отсюда г. Гавелька дѣлаетъ рискованное, на мой взглядъ, заключеніе: кресты эти, якобы, замѣна идоловъ (ихъ онъ отождествляетъ, кстати сказать, съ нашими каменными бабами): обращенные Кирилломъ язычники на кресты перенесли почитаніе прежнихъ идоловъ. Постановка креста на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ идолъ,—дѣло обыкновенное въ исторіи обращенія въ христіанство: это результатъ побѣды новой вѣры надъ старой, выражаемый наглядно, или средство уничтожить памятникъ язычества, пользуясь тѣмъ уваженіемъ, которымъ пользовалось мѣсто прежде. Это обычай общехристіанскій, обычный пріемъ миссіонеровъ (см. Ив. Малышевскій, ук. соч. 360 стр. и сл.). Гавелька же приходитъ къ этому выводу на основаніи внѣшняго вида памятника, (да еще въ современномъ его состояніи), опираясь на недоказанное еще положеніе о томъ, что бабы (русскія) были идолами; о чешскихъ бабахъ предполагать подобное еще меньше возможности и данныхъ: онѣ по Чехіи далеко не такъ часты, какъ у насъ; значеніе чешскихъ бабъ (menhir) остается неизвѣстнымъ (см. L. Píč. Archeolog. výzkum. 3, стр. 1; также Арх. Изв. и Зам. 1894 г., стр. 284). Народъ называетъ нѣкоторые кресты «бабами» (напр., у насъ XIII) по ихъ грубой *формѣ*, сближая ихъ по *формѣ* съ мегалит. памятникомъ. — Наружный видъ крестовъ я не описываю: всѣ кресты изображены на таблицахъ, гдѣ см. ихъ подъ соотв. нумеромъ.

[20]) Древнѣйшія (а съ ними и надо сравнивать въ данномъ случаѣ)—уставныя, т. е. широкія и потому низкія; даже въ вязяхъ буквы не дѣлаются узкими. (Ср. Стерженскій кр. 1133 г. у В. И. Колосова. «Стерж. и Лопаст. кресты». Тверь, 1890). Узкая вязь въ надписяхъ явленіе позднее.

[21]) Г. Гавелька считаетъ почему то это преданіе вымышленнымъ (?).

III. Годолянскій крестъ, налѣво отъ дороги изъ Новаго Свѣта въ Оломуцъ; глубоко ушелъ въ землю; на немъ какое-то непонятное изображеніе; преданій о немъ не сохранилось.

IV. Крестъ Пржиказскій, почти ушелъ въ землю; стоялъ при дорогѣ на ю.-з. отъ Пржиказа (теперь вынутъ) на мѣстѣ, гдѣ, по преданію, учили Кириллъ и Меѳодій.

V. Луковицкій крестъ (изображенія его нѣтъ), стоитъ прямо у дороги; ямки, образовавшіяся на немъ, произошли отъ того, что песокъ отъ этого камня считался цѣлебнымъ [22]). Вышина 1 м. 14 с. Преданіе гласитъ, что былъ поставленъ этотъ крестъ, въ память прекращенія мора, постигшаго Луковицу.

VI. Яворскій крестъ, — у дороги между Яворомъ и Крхлебами; мѣстные Нѣмцы, никакого преданія съ крестомъ не связываютъ; чешскіе же крестьяне сообщаютъ, что здѣсь былъ убитъ мечемъ какой-то офицеръ. [23]). Рядомъ съ этимъ крестомъ, высокій новый, на могилѣ какого-то военнаго человѣка.

VII. Крестъ Кралёвскій, стоитъ въ дубравѣ у дороги между Новой мельницей (Nový Mlyn.) и Кралёвымъ (Kralův.). За его грубую форму прозванъ онъ у народа „камнемъ". Преданій съ нимъ не связано [24]).

VIII. Врановскій крестъ, лежитъ между Врановой (Vranova) и Граничками (Hranicky) на дорогѣ, разбитъ на два куска, и куски эти вверхъ отломомъ воткнуты въ землю. Преданій о немъ нѣтъ [25]). На поверхности креста такія же ямочки, какъ на кр. Луковицкомъ (нашъ V).

IX. Стржелицкій (Стрѣлицкій) крестъ, у самой дороги изъ Стрѣлицы въ Унчову; считается, по преданію, кирилло-меѳодіевскимъ [26]).

X. (Рисунка нѣтъ). Дубицкій крестъ, плохой сохранности, служилъ тумбой, высота 1 м. 25 с.; преданій о немъ нѣтъ [27]).

XI. Свиседлицкій крестъ; на крестѣ выставленъ 1542 годъ; надпись считается современной кресту; преданій о немъ много, но связанныхъ съ Кирилломъ и Меѳодіемъ нѣтъ [28]).

XII. Бржезовскіе два креста, у дороги при ручьѣ. Пользовались

---

22) Мнѣніе г. Гавельки.

23) Гавелька преданіе считаетъ вымышленнымъ или пріуроченнымъ.

24) Г. Гавелька полагаетъ, что ничего общаго съ крестами „кирилловскими", онъ не имѣетъ.

25) Гавелька считаетъ его весьма древнимъ; основаній къ этому не приводится.

26) Гавелька даетъ объясненіе для меча и сѣкиры, встрѣчающихся на крестахъ: здѣсь, быть можетъ, присягали сельчане на вѣрность предъ „божіими муками", т. е. предъ крестомъ; въ формулѣ клятвы упоминается: pravice useknuta ti bude.

27) Г. Гавелька считаетъ его византійскимъ.

28) Г. Гавелька считаетъ ихъ не цѣнными; форму креста считаетъ латинской.

почитаніемъ у людей, отправляющихся въ путь. Считаются въ числѣ кирилло-меѳодіевскихъ крестовъ [29]).

XIII. Тржебицкій крестъ, стоитъ на пути между Тржебицемъ и Подсудцовымъ; на немъ начерченъ крестъ и 1622 годъ; народъ зоветъ его „бабой“ [30]).

XIV. Трнавскій крестъ, на перекресткѣ трехъ дорогъ у дер. Пржибора, между Velkým Petřvald'омъ и Brušperk'омъ, вышина 96 с. По преданію, здѣсь былъ убитъ мужиками музыкантъ. Считается также кирилловскимъ, древнимъ. На немъ кое-гдѣ ямки.

XV. Стебеницкій крестъ у дер. Стебны. Преданія о его происхожденіи нѣтъ.

XVI Мальмержицкій крестъ, въ мѣстечкѣ Мальмержице (Albritz). По преданію, относится къ древнимъ, кирилловскимъ.

XVII. Дубровицкій крестъ, на дорогѣ изъ Дубровицы въ Палонику. На немъ двѣ даты 1171 и 1773 г. Въ первой однако вторая цифра (1) сомнительна, ибо камень представляетъ очень неровную поверхность, и можетъ быть прочитана, какъ 7, т. е. 1771 г..

XVIII. Велико-Сеницкій (?) крестъ, (около Оломуца), стоялъ прежде на холмикѣ.

XIX. (Изображенія нѣтъ) Огницкій крестъ сильно пострадалъ отъ времени; на немъ изображеніе креста, весьма близкое къ равноконечному.

XX. Мало-Сеницкій крестъ. Преданій нѣтъ.

XXI. Велико-Слатеницкій [31]).

XXII—XXIV. Два креста равноконечныхъ и одинъ, также равноконечный, но высѣченный на безформенной скалѣ. Мѣсто первоначальнаго ихъ нахожденія не извѣстно [32]).

XXV. (Изображенія нѣтъ). Яромержицкій крестъ, на пути изъ Оломуца въ Прагу; камень въ видѣ креста; съ нимъ соединено преданіе о Меѳодіи [33]).

XXVI—XXVIII. Три придорожныхъ креста въ Чехіи [34]).

XXIX—XXXI. Три придорожныхъ креста, стоящіе рядомъ. Съ этими крестами соединено преданіе о тройномъ убійствѣ: влюбленный

---

29) Крестъ и источникъ, по мнѣнію Гавельки, —условія, доказывающія возможность проповѣди здѣсь Братьевъ.

30) См. выше прим. 19.

31) Кресты XVIII — XXI взяты изъ ст. Гавальки, объясненія къ нимъ изъ статьи И. С. Пальмова, стр. 52—53. Судя по типу меча на кр. XXI, В. И. Сизовъ находитъ возможнымъ считать крестъ не позднѣе XII—XIII ст.

32) Изданы Г. Гавелькой.

33) Časop. Česk. Mus. 1875 г. 53.—И. С. Пальмовъ, 53.

34) Zlatá Praha 1885 г. № 13.

юноша, убилъ свою возлюбленную и ея жениха, а затѣмъ и съ собою покончилъ.

Помимо Чехіи и Моравіи, подобные кресты встрѣчаются и въ Лужицахъ [35]). У этихъ крестовъ, иногда лѣтомъ, совершаются моленія о плодородіи, чаще всего на день евангелистовъ (15 іюля) [36]).

Въ доказательство „кирилло-меѳодіевскаго" происхожденія большей части указанныхъ крестовъ, приводятся слѣдующія соображенія: а) преданія народныя простой выдумкой быть не могутъ; невѣроятность проповѣди Кирилла или Меѳодія въ мѣстахъ, гдѣ находятся кресты, доказана быть не можетъ. б) Народъ до сихъ поръ относится къ этимъ крестамъ съ вѣрой; будь эти кресты, напр., межевыми знаками, этого бы не было; кресты, въ качествѣ межевыхъ знаковъ, въ Чехіи неизвѣстны. в) Христіанство восточное (славянское), сохранялось въ Моравіи еще въ XIII в. *) г) Византійскій крестъ низкій, съ короткой нижней частью, латинскій—съ длинной [37]); но не каждый крестъ низкій есть византійскій: это должна рѣшить критика. д) Кресты, вытесанные на камняхъ, — просто могильные памятники или рыцарскіе знаки (крестоносцевъ); такіе кресты ставились на мѣстѣ погребенія или смерти и къ Кириллу и Меѳодію отношенія могутъ не имѣть. Это взглядъ *Ив. Гавельки*, попытавшагося внести, какъ видимъ, нѣкоторую классификацію въ крестахъ; онъ всетаки на первое мѣсто выдвигаетъ преданіе, подтверждаетъ его съ помощью аргумента: отрицать возможность проповѣди нельзя, нельзя доказать противнаго. Затѣмъ у него доказательство—археологическаго свойства: различіе типа византійскаго креста отъ латинскаго; правда, онъ осторожно его выражаетъ, ослабляя этимъ доказательность своего довода. *И. С. Пальмовъ* исходитъ изъ тѣхъ же данныхъ, доказывая связь крестовъ съ кирилловской традиціей, но археологическое доказательство старается выдвинуть, указывая на форму креста, скорѣе византійскую, нежели латинскую, именно на равнораменность описываемыхъ имъ крестовъ. Но и здѣсь онъ встрѣчаетъ препятствія; длинная нижняя часть Мальмержицкаго креста (у насъ XVI) смутила его нѣсколько, но не помѣшала ему высказать: „но это основаніе не настолько рѣшительно, чтобы могло уничтожить древность креста и его византійское происхожденіе [38]), твердо запеча-

---

[35]) Zlatá Praha 1885. № 14.

[36]) По личному сообщенію А. О. Патеры.

*) Съ другой стороны нельзя не замѣтить, что вліяніе западное, да еще въ области *церковнаго обряда*, восходитъ именно въ Моравіи чуть ли еще не ко времени жизни самого Меѳодія, какъ полагаетъ И. В. Ягичъ; см. его Glagolitica II (Wien. 1890), p. 8.

[37]) Поэтому крестъ Свиседлицкій (у насъ XI) считается *латинскимъ* по формѣ.

[38]) Именно поэтому онъ и характеризуетъ этотъ крестъ такъ: „три верхніе конца

тлѣнныя народной традиціей" (стр. 51). Т. о. оба изслѣдователя стараются найти связь между данными археологіи и преданіемъ, подкрѣпляя то преданіе указаніемъ археологіи (Гавелька), то указаніе археологіи преданіемъ (Пальмовъ). Не повторяя уже сказаннаго о доказательности преданія вообще, сопоставимъ фактическій матеріалъ, даваемый самими крестами, съ матеріаломъ изъ преданій, сообщаемыхъ обоими изслѣдователями; посмотримъ, насколько имъ служитъ это преданіе и насколько оно подтверждаетъ ихъ археологич. доказательство. Изъ 31 экземпляра собранныхъ мною крестовъ кирилло-меѳодіевская традиція присоединяется только къ семи; съ остальными крестами или не связано никакой традиціи, или связано преданіе, общаго съ кирилловскимъ ничего не имѣющее (почему, кстати сказать, г. Гавелька, готовъ иногда счесть его вымышленнымъ, не цѣннымъ [39]), не допуская подобнаго же случая съ преданіемъ кирилловскимъ). Но и въ этихъ семи случаяхъ вотъ какъ кирилловское, т. е. византійское, преданіе подкрѣпляется археологич. опредѣленіемъ византійскаго креста, какъ равноконечнаго (опредѣленіе г. Гавельки):

1) Славоницкій крестъ (I у насъ),—по преданію кирилловскій, но по формѣ латинскій.

2) Крестъ Пржиказскій (IV),—не смотря на преданіе кирилловское, скорѣе латинскій, нежели византійскій: равноконечные кресты, напр. Великослатеницкій (XXI), даже при закапываніи въ землю нижней части, имѣютъ всѣ концы равные.

3) Стржелицкій кр. (IX)—и по преданію считается кирилловскимъ и по формѣ равноконечный (т. е. византійскій), но на немъ сѣкира „франциска".

4) Бржезовскій крестъ (XII),—по преданію кирилловскій и по формѣ византійскій; но онъ высѣченъ на скалѣ: а кресты, вытесанные на камняхъ,—просто могильные памятники или рыцарскіе знаки (крестоносцевъ); такіе кресты ставились на мѣстѣ погребенія или смерти и къ Кириллу и Меѳодію отношенія могутъ не имѣть (5-е положеніе г. Гавельки).

5) Трнавскій кр. (XIV), — формы „латинской", не смотря на древность и кирилловское преданіе.

его какъ бы въ формѣ полумѣсяца *расширяются* къ своимъ оконечностямъ". (ibid.). Они не расширяются, а на концахъ брусьевъ съ параллельными сторонами перпендикулярно прикрѣплены серпы, (см. на табл.) что скорѣе соотвѣтствуетъ не расширенію, а тѣмъ перекладинкамъ, которыя идутъ перпендикулярно концамъ въ рядѣ крестовъ и западныхъ и восточныхъ, (см. напр. *В. Колосова*, Стерженскій и Лопастицкій кресты (Тверь, 1890), стр. 14 и 15).

[39]) См. выше, описанія крестовъ: II, VI.

6) Мальмержицкій кр. (XVI); преданіе о немъ кирилловское, но оно должно покрыть собою отклоняющуюся отъ византійской форму креста, какъ указалъ И. С. Пальмовъ.

7) Яромержицкій крестъ (XXV), тоже, судя по его описанію, несмотря на кирилловскую традицію, придется признать скорѣе латинскимъ по формѣ (И. С. Пальмовъ, стр. 53): это камень въ видѣ креста, въ человѣческій ростъ.

Какъ видимъ, особеннаго взаимнаго согласія между преданіемъ и археологіей здѣсь не оказывается. Если мы начнемъ съ археологіи, найдемъ тоже: изъ ряда собранныхъ крестовъ, четыре признаны по формѣ византійскими: это Дубицкій (X), Стебеницкій (XV), Огницкій (XIX) и Велико-слатеницкій (XXI) (украшенный мечемъ при этомъ); ни объ одномъ изъ нихъ преданій кирилловскихъ нѣтъ; иначе ихъ сообщили бы Гавелька и Пальмовъ: это прямо входитъ въ ихъ интересы. Т. о. самый матеріалъ уже даетъ доказательство, на сколько ненадежно преданіе въ смыслѣ источника.

Второй аргументъ г. Гавельки — взглядъ народа, отношеніе къ крестамъ — также едва-ли много помогаетъ: придорожный крестъ, не зависимо отъ его происхожденія, какъ предметъ священный, долженъ возбуждать религіозное чувство. Т. о. исходя изъ преданія, г. Гавелька долженъ былъ впасть въ односторонность. А исходить изъ преданія и дѣлать натяжки, ища имъ оправданія на археологической почвѣ, заставила его тенденція, м. б. патріотическая. Она же была причиной того, что онъ подъ этимъ угломъ зрѣнія и началъ разборку собраннаго матеріала; вмѣсто того, чтобы, если позволитъ матеріалъ и его изслѣдованіе, въ результатѣ получить нѣсколько данныхъ, доказывающихъ византійское, а слѣдовательно также (съ его точки зрѣнія) и кирилловское, преданіе въ чешской культурной старинѣ, онъ началъ съ à priori'наго положенія: „вещественные памятники славяно-византійской старины, сохранились до сихъ поръ въ Чехіи", и этому положенію, искалъ опоры въ матеріалѣ; т. е. онъ шелъ въ обратномъ направленіи, нежели слѣдовало. Съ нимъ въ извѣстной степени сходится по методу и И. С. Пальмовъ.

Какъ бы то ни было, собранные ими кресты представляютъ интересъ для изслѣдователя, давая матеріалъ при изученіи вопроса о придорожныхъ крестахъ вообще и въ частности въ Чехіи, гдѣ, кромѣ того, по нимъ, можетъ быть, въ иныхъ случаяхъ удастся, дѣйствительно, отмѣтить слѣды византійскаго вліянія на западную культуру страны. Связано ли это вліяніе съ дѣятельностью Кирилла и Меѳодія, или нѣтъ, — иной вопросъ, котораго теперь мы касаться подробнѣе не въ правѣ.

Появленіе придорожныхъ крестовъ во всемъ христіанскомъ мірѣ, относится къ первымъ вѣкамъ христіанства; общимъ становится водруженіе креста при дорогѣ, на открытыхъ мѣстахъ, со времени бо́льшей свободы христіанства [40]). Поводомъ къ постановкѣ креста, служили различныя обстоятельства. Такъ, „есть основаніе думать, что крестъ водружался, какъ знаменіе начинающейся въ странѣ христіанской проповѣди“ [41]); такого рода случай имѣла въ виду, кстати сказать, русская легенда, о постановкѣ креста ап. Андреемъ на горахъ Кіевскихъ. Водружаемый при дорогѣ крестъ могъ также имѣть значеніе креста могильнаго: это или продолженіе античной традиціи устраивать кладбища и отдѣльныя погребенія при дорогѣ, внѣ города, тотчасъ за его воротами [42]); или же крестъ напоминалъ и безъ могилы смерть славнаго мученика и, какъ постановленный при дорогѣ, онъ именно на бойкомъ мѣстѣ лучше исполнялъ свое назначеніе; позднѣе подобныя мѣста украшались также часовнями и храмами (напр. Pietro fuori le mure); или же крестъ прямо былъ могильнымъ крестомъ, указывая на мѣсто, гдѣ похороненъ случайно умершій (часто убитый) христіанинъ: этотъ обычай сохранился и до сихъ поръ не только на западѣ, но и на востокѣ. Съ такимъ случаемъ мы имѣемъ дѣло еще въ 1213 г. у насъ: Даніилъ Галицкій, воюя съ Поляками по Бугу, послалъ за ними погоню; произошла стычка: „Тогды же Климъ убіенъ бысть Хрьстиничъ, единъ отъ всихъ его воинъ, егоже крестъ и донынѣ стоить на сухой Дорогви“ [43]). Ставились кресты при источникахъ и рѣчкахъ, какъ память о крещеніи народа [44]).

Наконецъ, ставились они и въ качествѣ пограничныхъ знаковъ, освящая собой, дѣлая неприкосновенными границы земли; такой крестъ могъ весьма часто, въ силу положенія вещей, оказаться при дорогѣ, которая весьма и весьма часто оказывалась (что весьма понятно) такой линіей владѣній. Этотъ обычай былъ распространенъ и на востокѣ, въ Византіи и ея колоніяхъ; къ числу такихъ камней съ крестами, служившихъ межевыми знаками относится, напр., византійскій крестъ у Цымлянской станицы, возстановленный В. И. Сизовымъ [45]).

Въ качествѣ межевыхъ же знаковъ крестъ употреблялся въ сѣв. Германіи: въ грамотѣ г. Любека межа опредѣляется отъ церкви, гдѣ стоитъ крестъ, по двумъ крестамъ, несомнѣнно стоявщимъ на пути [46]). Обычай сохранялся позднѣе и у насъ даже въ XVI—XVII в.; въ числѣ

---

[40]) И. Малышевскій, стр. 3.6.
[41]) Ibid. p. 328.
[42]) Ibid. p. 336.
[43]) Ипатьев. лѣт., стр. 490 (подъ 6721 г.).
[44]) И. Малышевскій, стр. 341.
[45]) Роскопки близь Цымлянской станицы на Дону, стр. 8.
[46]) *Д. Фартинскій.* Приморскіе вендскіе города (Кіевъ, 1877 г.), стр. 209.

межевыхъ знаковъ часто мы видимъ крестъ, хотя онъ уже вырѣзался на деревѣ, столбѣ, и поэтому отмѣчался онъ въ межевыхъ книгахъ. [47]). Наконецъ, кресты, являются монументальными памятниками при прокладкѣ новыхъ путей, въ качествѣ предметовъ, освящающихъ эти пути сообщенія. Въ русской литературѣ достаточно извѣстны кресты Стерженскій (XII в.) и Лопастицкій, стоявшіе при Селигерскомъ водномъ пути [48]). Сюда же съ нѣкоторой вѣроятностью можно отнести и такъ наз. Борисовы Двинскіе камни съ крестами: ими, быть можетъ, обозначался путь (форватеръ) по Двинѣ [49]). Эти кресты и камни съ крестами можно также отнести къ числу придорожныхъ. Такимъ образомъ чешскіе кресты являются далеко не одинокими. Какъ кресты придорожные, они принадлежатъ къ цѣлой группѣ крестовъ, появляющихся въ силу сохраняющаго свое значеніе древне-христіанскаго обычая, распространеннаго во всемъ христіанствѣ. Подвигаясь на востокъ отъ Чехіи и Моравіи, мы встрѣчаемся постоянно съ этимъ же явленіемъ, болѣе часто въ странахъ католическихъ — въ Польшѣ, гдѣ придорожный крестъ и совершенно равносильное ему по значенію скульптурное изображеніе — явленіе настолько обычное, что даже считалось признакомъ спеціально католическимъ. Далѣе на востокъ—въ краяхъ русскихъ, принадлежавшихъ нѣкогда Польшѣ и находившихся въ кругу вліянія католичества, придорожный крестъ, существовавшій тамъ и помимо вліянія католицизма и до эпохи его вліянія, получилъ только больше распространенія подъ вліяніемъ католической пропаганды [50]). Подвигаясь на востокъ, въ Московской губ. и Владимірской губ., точно также придорожные кресты рѣдкости не составляли [51]). Конечно, крестовъ древнихъ, каменныхъ у насъ сранительно сохранилось немного по очень понятной причинѣ: камень далеко не такъ часто въ Россіи встрѣчается даже въ постройкахъ: преобладаетъ же дерево, даже въ постройкѣ церквей; поэтому мы не можемъ судить точно о распространеніи крестовъ въ древней Руси: деревянные кресты не долговѣчны;

---

[47]) Сообщено Н. Н. Харузинымъ.

[48]) *В. Н. Колосовъ*. Стерженскій и Лопастицкій крестъ въ связи съ древними водными путями въ верхнемъ поволожьи. Тверь 1890.

[49]) *А. Сапуновъ*. Двинскіе или Борисовы камни. Витебскъ 1890.

[50]) Малышевскій стр. 404, 409.

[51]) Малышевскій, стр. 368—369; *Доброхотовъ*. Древній Боголюбовъ городъ (М. 1852): «Около сѣверо-восточнаго угла Покровской церкви небрежно положенъ снятый съ своего кирпичнаго фундамента крестъ, высѣченый изъ бѣлаго камня; изъ плохо, впрочемъ, сохранившейся надписи видно, что перенесенъ онъ сюда съ берега рѣки Нерли, и находился въ 50 саженяхъ отъ церкви. По преданію такихъ крестовъ въ 25 в. отъ Владиміра было не мало»... По подобнымъ крестамъ, вѣроятно, какъ полагаетъ Доброхотовъ, названо село Ставрово (*σταυρὸς*) (стр. 80—81)—Въ Бронницкомъ уѣздѣ Моск. губ. особенно часто встрѣчаются подобные кресты (сообщ Н. Н. Харузинымъ).

на западѣ же камень игралъ, поводимому, бо̀льшую роль, поэтому и число крестовъ, сохранившихся отъ древности, значительнѣе. Къ какой же катеторіи слѣдуетъ относить разбираемые мною чешскіе придорожные кресты? Полагаю, что къ одной опредѣленной категоріи относить ихъ нельзя; несомнѣнно, между ними дѣйствительно могутъ быть и кресты, какъ воспоминаніе о началѣ христіанства въ странѣ. Могли быть между разсматриваемыми и кресты, замѣнившіе собою болѣе древніе, дѣйствительно, восходящіе къ начальной эпохѣ христіанства. Кромѣ подобныхъ поводовъ чешскіе кресты могли быть и надгробными надъ могилами случайно погребенныхъ у дороги: подобный обычай, какъ обще-христіанскій, могъ имѣть мѣсто и въ Чехіи, на что̀ косвеннымъ указаніемъ служатъ легенды, имѣющія цѣлью въ глазахъ народа осмыслить, оправдать существованіе креста то здѣсь, то тамъ [52]). Между тѣми же крестами, весьма возможно, находятся и такіе, которые приходится поставить въ связь съ обще-христіанскимъ обычаемъ ставить кресты въ воспоминаніе событія важнаго для даннаго времени, мѣстности [53]); этотъ древне-христіанскій обычай былъ и въ Чехіи; косвенно подтверждаетъ существованіе его опять таки преданіе, желающее объяснить въ глазахъ народа существованіе Луковицкаго креста (V): онъ, говоритъ народъ, поставленъ будто бы въ память прекращенія мора, постигшаго Луковицу. Наконецъ въ числѣ чешскихъ крестовъ были и такіе, которые были такимъ же общимъ выраженіемъ обычая ставить придорожные кресты (безъ какого-нибудь спеціальнаго повода), благодаря которому явились они и въ Польшѣ, и на Руси; это тѣмъ вѣроятнѣе, что католичество въ этомъ отношеніи развивало обычай болѣе, нежели православіе, какъ это мы видѣли на примѣрѣ въ юго-западной Руси, гдѣ католичество способствовало умноженію этихъ памятниковъ въ краѣ. Распредѣлить же чешскіе кресты по этимъ категоріямъ едва ли у насъ теперь есть достаточно средствъ: форма, внѣшній видъ креста даютъ для этого весьма мало матеріала, да и то мало устойчиваго. Нѣсколько больше для исторіи придорожныхъ крестовъ въ Чехіи даютъ изрѣдка встрѣчающіяся надписи на крестахъ [54]): онѣ указываютъ намъ на довольно позднее сохраненіе стараго обычая, что̀ даетъ намъ новое подтвержденіе существованія старо-христіанскаго обычая ставить придорожные кресты, вѣроятно, независимо отъ кирилловской традиціи, по крайней мѣрѣ сознательной.

---

[52]) Напр. VI, XIV, XXXI. Я пользуюсь здѣсь легендой, но повторяю: она только въ *глазахъ народа* имѣетъ полную силу объясненія, а не для людей науки; для науки она имѣетъ только *общее* значеніе *побочнаго* доказательства.

[53]) Малышевскій 346.

[54]) На XVII—1773 г., на XII—1622, на XI—1542 г.

Такимъ образомъ остается у насъ одно средство извлечь археологическія данныя изъ чешскихъ придорожныхъ крестовъ: это—обратить вниманіе на ихъ форму и посмотрѣть, какія она даетъ указанія для опредѣленія какъ времени самихъ крестовъ, такъ и той культуры, подъ воздѣйствіемъ которой они создались [55]). Поэтому считаю не лишнимъ напомнить въ нѣсколькихъ словахъ то, что извѣстно намъ о формахъ четырехконечныхъ крестовъ. Условно различаютъ ученые, напр. Martigny [56]), Didron [57]), два типа креста: греческій, равносторонній крестъ идеальный, символически напоминающій Христа, и типъ латинскій, съ удлиненной нижней частью—крестъ реальный, подобіе подлиннаго креста Христова [58]). Въ силу своего различнаго характера оба типа, идеальный и реальный, никоимъ образомъ не могли исключать другъ друга; въ разныхъ случаяхъ, при разныхъ обстоятельствахъ примѣнялся какъ на западѣ, такъ и на востокѣ то тотъ, то другой типъ: идеальное изображеніе Христа, напр. на гробницѣ, на стѣнѣ церкви, въ мозаикѣ, въ т. н. хризмѣ (впрочемъ рѣдко [59]): здѣсь преобладаетъ т. н. андреевскій, косой крестъ), въ нимбѣ, и на западѣ и на востокѣ являлось въ формѣ креста равноконечнаго; реальное изображеніе Распятаго Христа, уже по смыслу своему, требовало удлиненной формы креста, т. е. латинской; поэтому византійское по работѣ распятіе, каково найденное въ Римѣ [60]), V—VI в. имѣетъ нижнюю часть удлиненной [61]). Поэтому названіе одного типа греческимъ, другого латинскимъ — условно, относительно точно и оправдывается тѣмъ, что четвероконечный равнораменный крестъ получилъ большее распространеніе на востокѣ, въ греческо—византійскомъ мірѣ, а крестъ удлиненный—въ западномъ христіанствѣ [62]). Но чѣмъ эпоха древнѣе, тѣмъ меньше у насъ права примѣнять это различіе для опредѣленія происхожденія памятника по типу, и обратно: чѣмъ позднѣе памятникъ, тѣмъ

---

55) Конечно, имѣя въ виду матеріалъ и грубость техники этихъ крестовъ, мы не можемъ быть очень требовательны; приходится основываться на общихъ очертаніяхъ, не входя въ подробности. Кромѣ того, кресты эти, какъ произведеніи грубой техники, не даютъ, какъ мнѣ кажется, важнаго матеріала для опредѣленія ихъ характера: орнамента на нихъ нѣтъ.

56) Dictionnaire des antiquités chrétiennes (s. v. Croix), стр. 217.

57) Iconographie chrétienne (Paris 1843), p. 383, 384.

58) Didron. o. c. p. 384.

59) См. Didron. o. c. p. 403, гдѣ подобныхъ случаевъ указано нѣсколько изъ катакомбъ; здѣсь же орнаментальный, изображающій крестъ тѣльный; онъ формы удлиненной.

60) „Древности" М. А. О. I, 101.

61) Даже въ орнаментаціи, гдѣ этого требовало мѣсто, примѣнялась т. н. латинская форма на востокѣ; таковъ Сирійскій крестъ VI в. у Мартиньи (p. 479). Также см. Дидрона, (p. 385)—о крестахъ въ Аѳинахъ, Мореѣ, Македоніи и Константинополѣ.

62) Didron, p. 385. Мартиньи, p. 217.

рѣзче въ немъ выраженъ типъ его, хотя это и не исключаетъ чертъ, оставшихся въ немъ изъ болѣе древней эпохи. Разумѣется, отсюда можно предположительно, только съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ заключать, что памятникъ, сохранившій форму, отклоняющуюся отъ получившей преобладаніе, но подходящую къ старой, или самъ восходитъ къ отдаленной эпохѣ, когда эта старая форма была еще въ ходу, или же онъ создался позднѣе, но подъ вліяніемъ той культуры, гдѣ форма, устарѣвшая и отошедшая на второй планъ на его родинѣ, еще остается въ силѣ. Примѣнительно къ крестамъ это значило бы: чешскіе кресты — ровноконечные — среди другихъ удлиненныхъ, болѣе часто встрѣчающихся и болѣе распространенныхъ—или относятся къ эпохѣ, когда была въ ходу и на западѣ форма равноконечнаго креста и еще не была вытѣснена до извѣстной степенной удлиненной; или же они создались подъ вліяніемъ византійской культуры, дольше запада сохранявшей идеальный типъ въ крестѣ. A priori можно высказаться за послѣднее предположеніе и объяснить появленіе крестовъ равнораменныхъ въ Чехіи, сравнительно молодой странѣ по христіанской культурѣ и при томъ довольно долго, какъ показываютъ историческія свѣдѣнія, сохранявшей хотя и слабые слѣды вліянія востока въ христіанствѣ, именно вліяніемъ Византіи: въ IX и X в. началась въ ней борьба двухъ культуръ въ сферѣ религіи и обряда, и востокъ не сразу уступилъ западу, гдѣ въ это сравнительно позднее время мы вправѣ предполагать уже значительное преобладаніе въ типѣ креста реальной формы, уже развившей и свою символическую, т. е. крестъ безъ распятія, но удлиненный [63]). На западѣ равнораменный крестъ далъ начало большей части орнаментальнымъ, декоративнымъ, эмблематическимъ крестамъ (напр. на монетахъ), тогда какъ въ основу креста, какъ самостоятельнаго предмета, легъ крестъ реальный. Въ этомъ случаѣ любопытно сравнить т. н. stationales—т. е. кресты, носимые въ крестныхъ ходахъ: на востокѣ, у насъ, на Кавказѣ, въ Греціи преобладаетъ форма равнораменнаго креста, насаженнаго на длинную рукоять, т. ч. рукоять не зависима отъ креста [64]); на западѣ же рукоять есть удлиненное продольное древо самаго креста. Въ связи съ этимъ стоитъ еще одна черта, получившая особенное развитіе на востокѣ и не нашедшая себѣ широкаго примѣненія на западѣ: это расширеніе лопастей отъ перекрестья къ концамъ. Эта особенность, можетъ быть, и

---

[63]) Didron, p. 393.

[64]) Ср. Кавказъ (Мат. для арх.) IV, ст. 137, 187. На миніатюрѣ Минологія Василія, изображающей обрѣтеніе мощей Климента Кирилломъ Славянскимъ у одного изъ присутствующихъ въ рукахъ видимъ такой стаціональный крестъ.

была причиной того въ стаціональныхъ крестахъ византійскихъ, обладавшихъ этимъ расширеніемъ, иначе, какъ отдѣльно, и нельзя было придѣлать рукоять, тогда какъ тонкій съ параллельными гранями западный крестъ легко позволялъ браться за удлиненную часть креста. Эта особенность—расширеніе лопастей въ соединеніи съ равнораменностью еще больше напоминаютъ въ нѣкоторыхъ каменныхъ чешскихъ крестахъ Византію, т. е. даетъ еще опору нашему предположенію. Такимъ образомъ сюда можно отнести, съ нѣкоторой долею вѣроятности изъ всѣхъ болѣе или менѣе равнораменныхъ крестовъ (т. е XXIII, XXIV, XV, XVI, XXI, XXXI, XII), только XXI, XV, XVI, XXXI, потому что помимо равнораменности въ нихъ есть и характерное для византійскихъ преимущественно крестовъ расширеніе лопастей [65]). Повторяю, что, относя эти кресты къ области византійскаго вліянія, я считаю это предположеніе только какъ возможное, а не категорическое, такъ какъ древне-христіанская форма креста идеальнаго никогда на западѣ не исчезала и находила себѣ почву и подновленіе въ сношеніяхъ запада съ Византіей, хотя бы, напр., въ эпоху крестовыхъ походовъ, когда Мальтійскіе рыцари усвоили себѣ знакъ креста древне-христіанскій идеальный, равноконечный, съ византійскимъ или вообще восточнымъ [66]) расширеніемъ лопастей, какъ это мы видимъ и на одномъ изъ нашихъ крестовъ (XXI). Эта аналогія, примѣненная къ чешскимъ крестамъ, можетъ быть указаніемъ на время возникновенія нѣкоторыхъ чешскихъ крестовъ съ расширенными лопастями; какъ вѣроятное соображеніе, это сопоставленіе м. б. также указаніемъ на частный случай византійскаго вліянія, занесеннаго крестоносцами; возможность подобнаго вліянія вполнѣ ясна и едва ли нуждается въ подтвержденіи. Съ другой стороны сказанное мною о восточномъ типѣ стаціональнаго креста какъ будто находитъ себѣ отраженіе въ крестѣ XXXI, гдѣ мы видимъ равнораменный крестъ съ расширеніями или закругленіями на концахъ какъ бы утвержденнымъ на отдѣльномъ подножіи [67]). Во всякомъ случаѣ такіе оффиціальные памятники, какъ придорожные кресты, безъ болѣе или менѣе основательныхъ причинъ, какова, напр., привычка народа, едва ли бы стали отклоняться отъ принятыхъ образцовъ. Всѣ остальные наши кресты даютъ обычный типъ креста съ удлиненнымъ концомъ; эти одни

---

[65]) На западѣ (у Дидрона, p. 400) можно указать рѣдкій примѣръ такого креста въ видѣ орнамента, въ катокомбахъ; и позднѣе, впрочемъ, но опять, какъ орнаментальный, встрѣчаемъ равноконечный крестъ даже съ расширеніемъ лопастей (Didron o. c. p. 407—409). Объясненіе этого явленія см. ниже.

[66]) См. Древности Восточныя, т. I (М. 1893), табл. 5.—Кресты семирѣченскіе относятся къ XIII—XIV в. Ср. тамъ же, стр. 19.

[67]) Ср. Матеріалы для археол. Кавказа, IV, табл. XLIX, стр. 118, 110, табл. XXV.

XXI и XXXI какъ-то одиноко смотрятъ. Причина этого, можетъ быть, въ ихъ происхожденіи: конечно, безъ западнаго вліянія не обошлось и на нихъ: присутствіе меча едва ли не есть слѣдъ той композиціи, какая возникла въ головѣ дѣлавшаго крестъ. Тоже, можетъ быть, сказалось и въ удлиненномъ крестѣ на кр. XVI. Въ этомъ, конечно, нѣтъ ничего удивительнаго: для дѣлавшаго крестъ, вѣроятно, католика-Чеха едва ли существовала сознательная потребность придерживаться одного типа; равноконечная форма могла для него быть безсознательнымъ преданіемъ, можетъ быть византійскимъ, могла вызываться объемомъ, формой матеріала, а крестъ удлиненный онъ видѣлъ постоянно; отсюда эта комбинація равноконечнаго большого креста и удлиненнаго маленькаго; она, можетъ быть, и вызвала расширеніе верхней части креста. Такимъ образомъ его, разъ такое объясненіе вѣрно, придется допустить въ число вѣроятныхъ показателей византійскаго вліянія.

Устойчивѣе кажется крестъ XV; въ немъ расширеніе лопастей, повидимому, входило въ типъ креста, выразившись въ поперечинѣ. Маленькіе крестики на концахъ, можетъ быть, восходятъ къ крестамъ въ кругахъ орнаментальнаго свойства. Но эта древняя особенность украшенія креста, именно украшеніе крестиками лопастей креста, общераспространена и у насъ, и на востокѣ, и даже въ прибалтійскомъ краѣ [68]).

Такимъ образомъ, изъ цѣлаго ряда придорожныхъ крестовъ въ Чехіи мы едва немногіе выбрали въ подтвержденіе византійскаго преданія въ странѣ. Главное основаніе для разбора крестовъ, какъ памятниковъ того или другого направленія въ культурѣ, — форма. Но сама форма даетъ весьма и весьма мало; поэтому и выводовъ точныхъ быть не могло; но выводы эти пріобрѣтаютъ нѣкоторое вѣроятіе, будучи сопоставлены съ другими точными данными, которыми они контролируются. Форма крестовъ, съ вѣроятностью признанная византійской или восходящей къ ней, становится для чешскихъ крестовъ еще болѣе вѣроятной, если мы другимъ путемъ докажемъ возможность и фактъ проникновенія въ Чехію восточно-византійской культуры [69]), а это доказываетъ исторія...

Разумѣется, въ виду невозможности точно характеризовать кресты

---

[68]) Ср. Семирѣченскія несторіанскія надписи (Древн. Восточ. I стр. 20).

[69]) Византійское вліяніе особенно замѣтно въ нѣкоторыхъ областяхъ западнаго искусства и заходитъ довольно далеко отъ первоисточника: цѣлый рядъ ковчеговъ для реликвій, красивыхъ ящиковъ, идущихъ изъ прирейнскихъ странъ, въ XII в. носитъ въ орнаментѣ (и въ крестахъ въ томъ числѣ) типъ византійскій (Stockbauer и Messmer, o. c., § 257). «Въ каменныхъ крестахъ художники даже XII в. на западѣ придерживаются византійскихъ традицій» (ibid. S. 272). Для Чехіи и Моравіи, странъ, рано ставшихъ западными по культурѣ, подобные факты не лишены значенія; см. ниже.

по очертаніямъ, мое предположеніе такъ и остается предположеніемъ. Главное основаніе его въ бо́льшей или меньшей распространенности извѣстной формы въ двухъ культурахъ, имѣющихъ общее происхожденіе, но разошедшихся значительно въ теченіи вѣковъ. Такая постановка дѣла, конечно, не заключаетъ въ себѣ понятія обязательности той или другой формы въ каждой изъ этихъ культуръ: существованіе на западѣ удлиненной формы съ параллельными ребрами креста не исключаетъ и равноконечнаго креста съ расширеніемъ лопастей даже въ болѣе позднее, нежели древне-христіанское время [70]); но первая форма креста, какъ форма реальная, получила на западѣ преобладаніе надъ второй идеальной [71]); отсюда и идеальная, точнѣе символическая, эмблематическая форма запада стоитъ въ родствѣ съ реальной. На востокѣ же эта реальная форма привела къ созданію формы реальной и символической 6 и 8 конечнаго креста, который, въ силу своего смысла равноконечнымъ быть и не могъ. Несомнѣнно, что и для востока удлиненный крестъ не былъ исключенъ, какъ мы уже видѣли [72]). Это особенно возможно для монументальныхъ крестовъ, каменныхъ, ставившихся на фундаментѣ или вкапывавшихся въ землю; поэтому мы и на востокѣ не будемъ требовать всегда и вездѣ или 6—8 конечнаго длиннаго креста, или равноконечнаго (четырехконечнаго) и не будемъ считать 4-конечнаго удлиненнаго креста, съ параллельными ребрами результатомъ вліянія западнаго: они могутъ восходить въ своемъ прототипѣ къ древне-христіанскому реальному кресту; или же удлиненіе могло вызываться техническими и практическими соображеніями, особенно въ придорожномъ крестѣ, который и ставился на видномъ мѣстѣ и по своему назначенію предназначался быть возможно болѣе замѣтнымъ. Поэтому нельзя удивляться неравнораменности креста Лопастицкаго [73]), у котораго нижняя часть вытянута, не смотря на клинъ, которымъ онъ снабженъ для вставки въ гнѣздо пьедестала (маленькій высѣченный на немъ крестикъ (замѣчу къ стати) всетаки равно-

---

[70]) См. Didron o. c. p. 408—9; здѣсь рядъ крестовъ французскихъ: между ними есть и «мальтійскій», и равноконечные съ расширеніемъ лопастей (изъ коихъ одинъ относится къ X в.), и косой (андреевскій). Всѣ они орнаментальные.

[71]) Въ скульптурѣ уже въ IV в. есть уже примѣры длиннаго символическаго креста: на гробницѣ Проба (+395) статуя съ длиннымъ четвероконечнымъ крестомъ; крестъ украшенъ подражаніями украшеніямъ изъ драгоцѣнныхъ камней; см. *J. Stockbauer u. J. A. Messmer*. Kunstgeschichte des Kreuzes (Schaffhausen, 1870), S. 142—143.

[72]) Напр. *орнаментальный* крестъ въ кругу (гдѣ бы мы ожидали равноконечнаго), окруженный звѣздами есть въ мозаикѣ св. Аполлинаріи (въ Равеннѣ) VI в.; онъ украшенъ подобіемъ камней; по бокамъ его *A* и *Ω*; характеръ его символическій, но форма вышла изъ реальной. Didron op. cit. p. 407.

[73]) Колосовъ, ук. соч. стр. 14—15.

конечный). Этого типа кресты часты и въ юго-западной Руси, извѣстны и въ древности у насъ [74]). У насъ, повидимому, какъ и на востокѣ, обѣ формы, и ровноконечная и удлиненная, въ монументальныхъ памятникахъ не рѣдкость; возьмемъ напр. орнаментальные кресты древнихъ церквей Кавказа [75]). На западѣ же преобладаніе удлиненнаго креста надъ ровноконечнымъ выражено гораздо сильнѣе; поэтому ровноконечные чешскіе кресты съ византійскимъ преимущественно расширеніемъ, именно, и наводятъ на мысль, что они обязаны въ извѣстной степени своимъ появленіемъ вліянію чуждому: они рѣдки и рѣзко бросаются въ глаза своей формой среди крестовъ общаго типа.

Наконецъ позволю себѣ закончить свои замѣтки, коснувшись вопроса, отмѣченнаго мною въ началѣ: въ глазахъ чешскихъ изслѣдователей, по крайней мѣрѣ, тѣхъ, которые мнѣ извѣстны, византійское вліяніе въ Чехіи связано съ кирилло-меѳодіевскимъ вопросомъ; иначе: имъ представляется, что впервые византійское вліяніе принесено было Кирилломъ и Меѳодіемъ и ихъ греческими сотрудниками, и что слѣды византійскаго вліянія, находимые въ Чехіи и Моравіи въ послѣдующее время, должны считаться продолженіемъ этой дѣятельности Солунянъ. Какъ уже мною не разъ указано было, въ западно-европейскомъ искусствѣ вообще (это—фактъ давно извѣстный), а въ частности въ крестахъ запада, если не всегда, то въ весьма многихъ случаяхъ можно указать слѣды культурнаго вліянія востока: крестъ Лангобардской Теодолинды, какъ образецъ для креста опочницкаго, островскій, „мальтійскіе“ кресты (какъ наглядные показатели восточнаго вліянія вообще), цѣлый рядъ прирейнскихъ ковчеговъ съ византійскими крестами и византійскими же по стилю украшеніями XII в., наконецъ, византійская традиція у западныхъ мастеровъ каменнаго дѣла того же времени, именно при выдѣлкѣ крестовъ,—факты, о которыхъ говорятъ Stockbauer и Messmer—все это говоритъ вмѣстѣ съ цѣлымъ рядомъ фактовъ литературныхъ, художественныхъ вообще за то, что византійское вліяніе на западѣ не было случайностью. Съ другой стороны Чехія и Моравія, такъ рано и такъ тѣсно вошедшія въ область западной культуры и потому такъ слабо отстаивавшія зачатки своей культуры, несомнѣнно, наравнѣ съ другими западно-европейскими странамъ принимали участіе въ общемъ культур-

---

[74]) Малышевскій стр. 402. Можно указать на греческій крестъ т. н. Марка Пещерника (изданъ у Закревскаго: „Описаніе Кіева“ (М. 1868), въ атласѣ, л. X): онъ съ удлиненнымъ концомъ и параллельными ребрами брусьевъ. Въ извѣстномъ Пятигорскомъ крестѣ (См. Вѣстникъ Общ. Древне-Русскаго искуства 1874—1876 г., стр. 68 (изслѣдованій)) при очень короткомъ перекрестьѣ поражаетъ длина нижней части: это вызвано желаніемъ помѣстить извѣстныя сцены; въ орнаментѣ кресты равноконечные.

[75]) Мат. для арх. Кавказа, IV. стр. 174, таб. LIII, стр. 111, таб. XXVII.

I.
II.
III.
IV.
V.
VI.
VII.
VIII.
IX.
X.
XI.
XII.
XIII.
XIV.
XV.

XIII
XVI
XVII
XVIII
XXI
XX
XXII
XXVII
XXVI
XXIV
XXVIII
XXX
XXXI
XXIX
XXIII

турномъ движеніи и даже въ XIV в. стояли, особенно Чехія, въ числѣ передовыхъ странъ по культурѣ; поэтому культура Чехіи непонятна внѣ связи съ западно-европейской. Поэтому трудно допустить, чтобы Чехія и Моравія, по какому-то исключенію, остались чуждыми той византійской струѣ, которая, напр., въ XII в., пробивалась въ западномъ искусствѣ. Наоборотъ, мнѣ кажется, если принять во вниманіе проникновеніе въ IX в. въ Чехію и Моравію прямаго византійскаго вліянія въ видѣ славянской проповѣди и восточнаго обряда, легче допустить, что Чехія, какъ уже подготовленная ранѣе, вполнѣ была готова (если даже не болѣе, нежели другіе края, не имѣвшіе прямыхъ столкновеній съ Византіей) къ воспріятію того византійскаго вліянія, которое и позднѣе сказывалось въ западной культурѣ. Такимъ образомъ, и внѣ прямой связи, а можетъ быть и вовсе внѣ этой связи, съ Кирилло—Меѳодіевской проповѣдью, найдутъ объясненіе себѣ памятники чешскіе, носящіе на себѣ визатійскій отпечатокъ, каковъ, напр., указаный мною бронзовый крестъ островскій, который, судя по коронѣ на Спасителѣ, надо отнести къ XI—XIII вв., именно къ эпохѣ, которая, какъ мы видѣли, даетъ указанія на слѣды византійскаго искусства на западѣ.

М. Сперанскій.

II.

Находка близъ ст. Курджипской.

(Кубанской области, Майкопскаго отдѣла).

Къ югу, въ 19 верстахъ отъ г. Майкопа, Кубанской области, находится Курджипская станица. Майкопъ стоитъ при самомъ выходѣ изъ горъ. Хотя возвышенія продолжаются еще далеко къ сѣверу до р. Кубани, но горы въ видѣ болѣе или менѣе высокихъ и рѣзкихъ возвышеній, имѣющихъ опредѣленныя очертанія, кончаются передъ самымъ г. Майкопомъ. Станица Курджипская лежитъ уже совершенно въ горахъ: хотя долина р. Курджипса, впадающей въ р. Бѣлую, имѣетъ видъ ровной плоскости, но эта плоскость съ обѣихъ сторонъ сопровождается горными хребтами.

Въ маѣ 1895 г. четыре человѣка изъ жителей ст. Курджипской отправились въ сосѣдній со станицею лѣсъ, чтобы поискать дикихъ пчелъ. Во время отдыха на одномъ изъ курганчиковъ они разговори-

лись, что нужны будутъ для фундамента камни. Обратили кстати вниманіе на камни, которые торчали изъ курганчика. Желая узнать, не годятся ли эти камни для указанной цѣли, они стали разбирать ихъ внимательнѣе, тѣмъ болѣе, что камни оказались хорошими плитами.

Когда разобрали плиты на $^1/_2$ аршина, вдругъ замѣтили мелкія золотыя вещи. Вниманіе удвоилось, работа закипѣла быстрѣе, и скоро курганчикъ раскрыли вполнѣ и нашли нѣсколько цѣнныхъ золотыхъ вещей. Въ какомъ порядкѣ были вещи, пока неизвѣстно. Можетъ быть, это и не удастся опредѣлить. Единственныя свѣдѣнія: „съ сѣверной стороны была найдена мѣдная ломь, глубиною на $1^1/_2$ арш.; золотой колпакъ съ южной стороны, кувшинчикъ (!?)—съ восточной стороны, остальныя же золотыя вещи въ разныхъ мѣстахъ кургана“ — слишкомъ скудны, неопредѣленны и сбивчивы. Они не даютъ никакихъ основаній для выводовъ.

Рис. 26.

Вещи были найдены: золотыя (около 30 золотниковъ), серебряныя (2 зол.) и мѣдныя (мѣдный котелъ 23 фунта и мѣднаго лому 17 ф.).

Среди золотыхъ вещей первое мѣсто занимаетъ предметъ въ видѣ стаканчика, съ сферическими боками, но съ отверстіемъ въ серединѣ дна (рис. 26). Можетъ быть, это колокольчикъ, погребальное украшеніе для лошади, тѣмъ болѣе что среди прочихъ мелкихъ золотыхъ вещей есть небольшой слитокъ неправильной формы, вѣсомъ въ $3^3/_4$ зол., имѣющій въ одномъ концѣ отверстіе для ремня. Можетъ быть, это и есть язычекъ къ данному колокольчику [1]).

Вѣсъ этого колокольчика около 17 зол. Высота его около $1^1/_4$ в., діаметръ дна $^7/_{16}$ в., діам. отверстія въ днѣ $^1/_8$ в. и діаметръ широкаго отверстія $1^3/_8$ в.

На наружной сторонѣ выдавлены четыре выпуклыя фигуры, соединенныя попарно, при чемъ каждая пара представляетъ почти полное повтореніе другой. Фигуры изображены такъ, что, если поставить ко-

[1]) Прилагаемый рисунокъ имѣетъ цѣлью представить *лишь очертаніе и форму* этого оригинальнаго предмета. Вслѣдствіи недостаточной ясности фотографическаго снимка нельзя получить точнаго представленія о фигурахъ, изображенныхъ на оригиналѣ. *Ред.*

локольчикъ широкимъ отверстіемъ внизъ, то онѣ будутъ въ естественномъ положеніи человѣка, — ногами внизъ. Фигуры изображаютъ воиновъ, скиѳовъ. Каждая пара фигуръ представляетъ слѣдующую сцену. Лѣвый воинъ въ правой, отведенной назадъ, рукѣ держитъ горизонтально, противъ пояса, мечъ, повидимому, обоюдоострый. Мечъ направленъ остріемъ вправо. Въ то же время лѣвой рукой воинъ ухватился за толстое копье, которое стоитъ вертикально, остріемъ внизъ, между этимъ воиномъ и вторымъ Второй, правый воинъ ухватился за копье (или держитъ копье) правой рукой, а лѣвой, тоже отведенной назадъ, рукой держитъ за волосы отрубленную голову.

Разница между обѣими парами, кромѣ подробностей въ отдѣлкѣ, заключается въ слѣдущемъ: 1) Въ одной парѣ лѣвая фигура ниже правой и имѣетъ на головѣ шапочку—нѣчто въ родѣ ермолки; тогда какъ въ другой парѣ лѣвая фигура ниже правой и имѣетъ, какъ и всѣ остальныя фигуры, обнаженную голову. Пара, въ которой лѣвая фигура имѣетъ шапочку, я буду называть первой 2) Въ первой парѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ одинъ долженъ держать своей рукой древко копья, видны кисти: лѣвой руки лѣвой фигуры и правой руки правой фигуры; во второй парѣ въ томъ же мѣстѣ изображена на переднемъпланѣ только кисть правой руки правой фигуры. 3) Въ первой парѣ мечъ, находящійся въ правой рукѣ лѣвой фигуры, короче и толще, чѣмъ мечъ второй пары.

Всѣ четыре фигуры въ сущности представляютъ повтореніе одного и того же типа; одежда тоже очень сходна.

Головы и лица правыхъ фигуръ большія и мясистыя; головы обѣихъ лѣвыхъ фигуръ меньше. Мертвыя головы несоразмѣрно велики.

Черты лица изображены грубо, невѣрно. Лобъ и носъ составляютъ одну нераздѣльную линію, глазъ и бровь неправильно поставлены, ухо изображено ниже линіи рта.

Волосы у всѣхъ фигуръ длинные, прямые; только у лѣвой фигуры первой пары они прикрыты шапочкой, у всѣхъ прочихъ они обнажены.

Усовъ и бороды у живыхъ фигуръ нѣтъ; у мертвой головы первой пары изображена борода, но очень похожая на усы.

Руки фигуръ не одинаковой величины правыя и лѣвыя.

Бедра ногъ толстыя—у лѣвой фигуры второй пары, у остальныхъ среднія. Фигуры изображены идущими, потому что только правая нога правой фигуры первой пары и лѣвая нога лѣвой фигуры второй пары стоятъ на землѣ всей ступней, остальныя же ноги касаются земли только носками.

Постановка фигуръ неправильная: въ то время какъ туловища

всѣхъ фигуръ представлены совершенно прямо (en face), лица и ноги всѣхъ фигуръ представлены въ полоборота, въ профиль.

Одежда у всѣхъ одинаковая: короткіе полукафтаны, отороченные по бортамъ чѣмъ-то полосатымъ или мохнатымъ, узкіе шаровары, короткіе сапоги. Вся одежда испещрена точечнымъ узоромъ. На правыхъ фигурахъ есть гладкіе пояса, у лѣвыхъ фигуръ пояса закрыты мечами.

Копья, длиною въ человѣческій ростъ, имѣютъ толстое древко.

Мечи обоюдоострые; мечъ первой пары толще и короче меча второй пары; у меча во второй парѣ замѣтенъ эфесъ.

Вообще работа фигуръ ихъ частей и оружія чрезвычайно грубая, неизящная. Но все не оставляетъ никакого сомнѣнія, что здѣсь изображены скиѳы: типъ людей, одежда и способъ ея украшенія достаточно часто встрѣчаются на памятникахъ, признанныхъ скиѳскими.

Второе мѣсто среди этихъ вещей занимаетъ маленькая золотая головка лошади или грифона. Выс. головки $^3/_8$ в. Головка прежде была прикрѣплена къ ножкѣ небольшого кружка (діам. $^5/_{16}$ в.). Теперь она отдѣлилась; она сдѣлана изъ двухъ спаянныхъ половинокъ, не совсѣмъ равныхъ по величинѣ. Особенно изящно сдѣланы уши изъ маленькихъ трубочекъ и цѣпочки изъ крошечныхъ золотыхъ шариковъ, идущія нѣсколькими рядами по шеѣ и мордѣ. Изящны также глаза, но они сдѣланы „на выкатѣ". Эта головка представляетъ образецъ хорошей греческой работы. Вмѣсто удилъ на петелькахъ прикрѣплены маленькіе бубенчики.

Третье мѣсто занимаетъ бронзовая пластинка, обтянутая золотымъ листикомъ съ изображеніемъ, вѣроятно, Афродиты, по сторонамъ которой находятся два Эрота. Богиня изображена по грудь, при чемъ правая грудь обнажена, а правая рука положена на лѣвую грудь.

Греческую довольно хорошую работу обнаруживаетъ также головка барса (?), прикрѣпленная къ небольшой трубочкѣ.

Точно также несомнѣнно греческаго происхожденія: а) 20 золотыхъ кружочковъ (діам. $^3/_8$ в.), имѣющихъ большую выпуклость въ серединѣ и меньшія выпуклости по краямъ; б) 8 треугольниковъ (сторона $^9/_{16}$ в.), украшенныхъ нѣсколькими рядами небольшихъ выпуклостей; в) квадратная большая пластинка съ цвѣточнымъ и геометрическимъ орнаментомъ; г) двѣ небольшихъ квадратныхъ пластинки съ изображеніемъ лежащаго грифона; д) два узлообразныхъ украшенія; е) небольшая подвѣсочка, украшенная нѣсколькими линіями и пирамидками изъ мельчайшихъ золотыхъ шариковъ; ж) маленькая трубочка съ петелькой; з) маленькая пластинка съ изображеньемъ орла; и) другая съ изображеніемъ человѣческаго (?) лица; к) различныхъ формъ маленькіе бубенчики и л) крошечный золотой гвоздикъ.

Кромѣ того, представлено еще нѣсколько обломковъ отъ вещей подобнаго же рода и др.

Всѣ указанныя вещи—золотыя.

Изъ серебряныхъ вещей (2 золотн.) ничего не сохранилось въ цѣломъ видѣ; изъ нихъ заслуживаютъ нѣкотораго вниманія только маленькая пластинка съ изображеніемъ орла и другая съ изображеніемъ лица юноши (?). Та и другая пластинка обломаны.

Кромѣ того еще есть двѣ серьги, каждая состоитъ изъ бусы — камня свѣтловишневаго цвѣта, одна изъ нихъ длиною $^3/_8$ в., другая $^1/_8$ в. Большая охвачена четырьмя золотыми полосками и четырьмя золотыми проволочками, которыя проходятъ черезъ отверстіе по срединѣ бусы и образуютъ вверху петлю; маленькая буса охвачена только четырьмя золотыми проволочками, тоже образующими вверху петлю. Есть также большая буса (длиною $^1/_4$ в.) зеленоватаго стекла съ тремя косыми рядами глазковъ (по три въ каждомъ ряду). Глазки—бѣлые съ синимъ глазкомъ внутри.

Наконецъ, есть маленькая буса (длина $^3/_{16}$ в.) синеватаго стекла съ такими же глазками, расколатая на два куска.

Мѣдныя вещи пока еще не получены. Главное значеніе, конечно, заключается въ описанныхъ золотыхъ вещахъ. Эти вещи греко-скиѳскаго періода: едва ли ихъ можно отодвинуть далѣе III в. по Р. Х. Большая часть вещей уже знакома намъ по другимъ находкамъ, но несомнѣнную цѣнность представляетъ золотой колокольчикъ со скиѳами, который займетъ видное мѣсто среди скиѳскихъ древностей. Интересно также изображеніе Афродиты и голова грифона по своей художественности.

Эта находка еще разъ указываетъ, что археологическія богатства Кавказа также неисчерпаемы, какъ и его естественныя богатства, что сѣверный Кавказъ, подарившій насъ если не самыми художественными изображеніями скиѳовъ, то большинствомъ ихъ, можетъ дать еще много по этому отдѣлу археологіи.

Съ другой стороны она указываетъ лишній разъ, что слѣдуетъ позаботиться объ этихъ богатствахъ, чтобы ихъ не расхитили лица, которымъ нѣтъ дѣла ни до науки, ни до искусства. Здѣсь вещи уцѣлѣли и попадутъ въ государственное хранилище древностей, лишь благодаря добросовѣстности нашедшихъ.

Но сколько пропадаетъ вслѣдствіе недобросовѣстности искателей кладовъ! Въ текущемъ же 1895 г. жители станицы Псебайской разрыли курганъ въ верховьяхъ р. Шедока и нашли въ курганѣ золотыхъ вещей—4 фунта!! Счастливые искатели сейчасъ же отправились въ станицу Лабинскую и продали найденное купцу С. Вещи исчезли.

Искатели получили около 1000 рублей и вернулись въ ст. Псебайскую. Станичное начальство тогда-же пыталось отыскать вещи, но поиски оказались самыми безуспѣшными. — Надо позаботиться, чтобы такихъ случайностей вовсе не было. Въ зимнее время, когда на Кавказѣ льетъ дождь, а жителямъ нечего дѣлать, воровскія раскопки производятся особенно ревностно. Вѣроятно, и въ нынѣшнемъ году придется поздно узнать о нѣсколькихъ счастливыхъ воровскихъ находкахъ. Въ ст. Псебайской, послѣ указанной находки, стали рыть даже женщины и не только ночью, но и днемъ.

В. М. Сысоевъ.

III.

Археологическая хроника.

—— 20-го—22-го сентября текущаго года, въ Рязани происходило празднованіе 800-лѣтняго юбилея города. 21-го числа состоялось торжественное засѣданіе рязанской ученой архивной Коммиссіи, 11-тилѣтнее существованіе которой ознаменовалось, между прочимъ, и изданіемъ цѣнныхъ работъ, посвященныхъ изученію исторіи края. На засѣданіи 21-го числа, Д. И. Иловайскій, въ „привѣтственномъ словѣ", въ сжатомъ очеркѣ изобразилъ выдающіеся моменты вел. кн. Рязанскаго и закончилъ свое сообщеніе сравненіемъ характеровъ рязанцевъ и москвичей. Прот. І. К. Смирновъ прочелъ докладъ „О святыняхъ Рязани", въ которомъ описалъ какъ храмы, такъ и находящіяся или находившіяся въ нихъ святыни. В. С. Буймистровъ посвятилъ свой рефератъ вел. кн. рязанскому Олегу Ивановичу, при чемъ старался возстановить въ настоящемъ свѣтѣ личность князя, равно и характеръ, умственное и нравственное развитіе тогдашняго боярства и духовенства. Сообщеніе А. И. Черепнина „Очеркъ до-историческаго прошлаго Рязанскаго края", составленное на основаніи имѣющагося археологическаго матеріала, имѣло цѣлью намѣтить главныя звенья длинной цѣпи до-исторической жизни края: каменный вѣкъ, періодъ употребленія металловъ и эпоху возникновенія и развитія торговли съ арабами. Коммиссія имѣетъ въ виду издать подробное описаніе празднества, равно и читанныя на упомянутомъ засѣданіи сообщенія.

—— Въ будущемъ году исполнится пятьдесятъ лѣтъ со времени основанія Императорскаго русскаго археологическаго Общества, именовавшагося первоначально археологическо-нумизматическимъ Обществомъ

въ С.-Петербургѣ. Уставъ этого Общества получилъ Высочайшее утвержденіе 15-го мая 1846 г., и первое засѣданіе его состоялось 17-го іюня того же года. Первымъ президентомъ археологическо-нумизматическаго Общества былъ его Императорское Высочество герцогъ Максимиліанъ Лейхтенбергскій. Изъ числа членовъ-учредителей, къ числу которыхъ принадлежалъ основатель и пожизненный предсѣдатель Моск. Арх. Общество А. С. Уваровъ, продолжаютъ работать на пользу науки и Общества А. А. Куникъ и А. Ѳ. Бычковъ, помощникъ предсѣдателя Императорскаго русскаго археологическаго Общества. Празднованіе юбилея Императорскаго русскаго археологическаго Общества предположено осенью 1896 года.

—— Истекшимъ лѣтомъ въ Рязанской губ. были сдѣланы слѣдующія, чрезвычайно интересныя въ археологическомъ отношеніи, находки: 1) въ слободѣ Тырновской (почти на границѣ Спасскаго и Касимовскаго уу.), на Окѣ были найдены бронзовыя украшенія типа, аналогичнаго съ добытыми изъ другихъ окскихъ могильниковъ; этимъ увеличивается число извѣстныхъ своей типичной культурой окскихъ могильниковъ. 2) Въ той же слободѣ, изъ подмытаго Окою берега, былъ добытъ интересный кладъ, состоящій изъ серебряныхъ браслетовъ, медальоновъ, серегъ, золотыхъ и серебряныхъ перстней и монетъ XV в. (вел. кн. Ивана Ѳедоровича). Большая часть клада разошлась по рукамъ.

—— Въ Костромѣ существуетъ съ XVII столѣтія достопримѣчательный храмъ въ честь Воскресенія Христова, сооруженный на англійскія деньги. Московскій купецъ Кириллъ Григорьевичъ Исаковъ, въ царствованіе Алексѣя Михайловича, велъ въ Костромѣ торговлю красками, которыя онъ получалъ изъ Англіи. Одинъ разъ, вмѣстѣ съ красками, онъ получилъ изъ Англіи боченокъ чистаго золота. Списавшись съ отправителемъ (въ исторіи имя его осталось неизвѣстнымъ), Исаковъ получилъ отвѣтъ—употребить слитки золота на богоугодное дѣло. Исполняя волю неизвѣстнаго жертвователя, Исаковъ построилъ храмъ на англійское золото въ мѣстности „Нижняя дебря“ (лѣсъ), гдѣ существовалъ также храмъ Воскресенія Христова (построенъ былъ въ XIV в.), но уже обветшавшій къ тому времени. Храмъ былъ сооруженъ каменный; онъ существуетъ и тщательно поддерживается до настоящаго времени. Снаружи храмъ украшенъ розетками, переплетенными лентами, окаймляющими двухглавыхъ орловъ изъ известковаго камня, квадратами въ видѣ шахматныхъ полей, вазами и кувшинами; среди кирпичныхъ кессоновъ сдѣланы розетки съ изображеніемъ звѣрей и птицъ. Съ трехъ сторонъ церковь окружена крытою галлереею, папертями, тремя входными портиками оригинальной формы въ видѣ шатровъ. Внутри храма хранится пѣ-

сколько достопримѣчательностей: царскія врата искусной работы въ два створа, съ рѣзными украшеніями, съ образомъ Пресвятой Дѣвы Маріи, изображенной прядущею ленъ, съ веретеномъ въ рукахъ; образъ Воскресенія Христова, замѣчательной живописи, написанный въ XVI вѣкѣ; образъ Божіей матери Ѳедоровской XVI в.; два осьмиконечныхъ напрестольныхъ серебряныхъ вызолоченныхъ креста, унизанныхъ жемчугомъ (1645 и 1682 г.), и Евангеліе, напечатанное на Кутейнѣ въ 1651 г. (Спб. Вѣд. № 311, 1895 г.).

—— Обширный могильникъ обнаруженъ весной текущаго года при дер. Горѣ, Бѣлостокскаго у., Гродненской губ.; деревня находится на берегу Нарева и окружена равнинами, образовавшимися отъ выдуванія песка вѣтромъ. Одна изъ подобныхъ равнинъ, въ нѣсколькихъ десяткахъ саженей отъ деревни къ сѣв.-зап., обращаетъ на себя вниманіе тѣмъ, что усѣяна человѣческими костями, подвергшимися порчѣ отъ атмосферическихъ вліяній. При костякахъ, направленіе которыхъ, было головой къ З. и къ Ю., были найдены слѣды гробовъ, гвозди древняго типа, монеты XVII в., серебряный, повидимому, католическій образокъ и пр. Но это позднее кладбище было устроено на мѣстѣ болѣе древняго могильника: были найдены бусы курганнаго типа, спиральныя кольца; кромѣ того, судя по окраскѣ костей можно судить, что на костякахъ прежде были браслеты, шейныя гривны и металлическія головныя украшенія; далѣе попадались орнаментированные черепки глиняной посуды и, наконецъ, осколки кремневыхъ орудій. Нѣтъ сомнѣнія, что въ могильникѣ было нѣсколько наслоеній; интересъ, который онъ представляетъ, заставляетъ желать, чтобы въ немъ были произведены раскопки научнымъ образомъ. (Гродненск. Г. В., часть неоф., № 33, 1895).

—— Изъ Новоминскаго уѣзда пишутъ въ газету „Варш. Дн.“, что въ имѣніи Воля-Суфчинская, прихода Старавесь, недавно сдѣлана интересная археологическая находка. Имѣніе расположено при р. Свидрѣ; поверхность представляетъ изъ себя равнину, слегка спускающуюся къ рѣкѣ. На этой равнинѣ, шагахъ въ 400 отъ рѣки, давно уже стоялъ небольшой холмикъ, не обращая на себя ничьего вниманія. Между тѣмъ подъ нимъ на глубинѣ одного аршина оказался кусокъ обожженной глины, подъ которымъ стояла сѣровато-красноватаго цвѣта глиняная урна, покрытая еще чернымъ глинянымъ кружкомъ. Стѣнки урны были украшены четырьмя парами небольшихъ выпуклыхъ шариковъ, между которыми острымъ орудіемъ сдѣланы были углубленія въ видѣ черточекъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ трещинъ видны были блестки. Внутри урны оказались пережженныя кости; слѣдовъ же какихъ-нибудь украше-

ній изъ металла или камня не найдено вовсе. Подъ урною лежала подставка изъ такой же сѣровато-красной глины. (Спб. Вѣд., № 304, 1895 г.).

—— Цымлянское лѣвобережное городище постепенно доставляетъ все новые и новые предметы находокъ и свѣдѣнія о находкахъ прежняго времени, выясняющія древность и продолжительность существованія бывшаго здѣсь города. Такъ, изъ числа монетъ, полученныхъ съ этого городища, одна (по опредѣленію проф. А. К. Маркова) оказалась очень древнею — „халькъ автономнаго города Амиса (въ Понтѣ), чекан. въ 121—63 г. до Р. Хр.", другая — „римскаго императора Константина Великаго, чеканен. въ Антіохіи въ 330—337 г. по Р. Хр.", а это указываетъ, быть можетъ, на существованіе цымлянскаго города одновременно съ Танаисомъ. Затѣмъ недавно получена мною оттуда же электроновая византійская монета Алексѣя Комнена, а на дняхъ сообщено мнѣ еще о четырехъ интересныхъ монетахъ, которыя вскорѣ будутъ доставлены въ Новочеркасскъ. Наконецъ, съ того же городища разновременно получено нѣсколько джучидскихъ монетъ, одна изъ которыхъ Узбека, битая въ Сараѣ въ 731 г. гижры. Послѣднія монеты какъ бы подтверждаютъ предположеніе о существованіи города и въ первыя времена татарскаго владычества, быть можетъ до мамаевскаго погрома. Есть еще сообщеніе о находкѣ при раскопкахъ въ одномъ склепѣ или какомъ-то подземномъ зданіи деревяннаго ящичка, длиною около 5 вершк., и въ немъ деревяннаго же креста съ изящною рѣзьбою распятія Спасителя и друг. священныхъ изображеній, обдѣланнаго серебромъ — новое доказательство существованія христіанскаго города (принимаются мѣры къ отысканію этого креста). *(Сообщено Х. И. Поповымъ).*

—— Въ „Краткомъ отчетѣ о путешествіи Д. Клеменца по Монголіи 1894 г." (Изв. И. Академіи Наукъ, III, № 3, октябрь 1895 г.) авторъ „Отчета" сообщаетъ о слѣдующихъ древностяхъ, встрѣченныхъ имъ на своемъ пути: по долинѣ *Толы* отмѣчены остатки сооруженія, состоящаго изъ земляного вала и высокой платформы по срединѣ, тукюэсскія могилы, множество керексуровъ и каменныхъ могилъ. На *Хойту-Тамирѣ* путешественникомъ отмѣчены 4 городища, состоящія изъ громадныхъ квадратныхъ валовъ съ плоскою насыпью въ серединѣ замкнутаго пространства; далѣе, среди могильныхъ памятниковъ обращаютъ вниманіе тукюэсскія могилы, съ узорными плитами и каменными бабами; между послѣдними интересенъ истуканъ съ посохомъ въ рукахъ. Мѣстность между Алтайскими хребтами оказалась особенно интересной въ археологическомъ отношеніи: кромѣ керексуровъ и каменныхъ могилъ, г. Клеменцъ встрѣтилъ въ верстахъ 50-и отъ *Суджи на р. Цаганъ-голъ* (впадающей въ Легинъ-голъ) развалины города, отъ котораго сохрани-

лись остатки 8 зданій, состоящихъ, по большей части, изъ 2 комнатъ; матеріаломъ для постройки служили: глина, дикій камень и отчасти слабо обожженный громадныхъ размѣровъ (по большей части квадратный) кирпичъ; городъ извѣстенъ мѣстнымъ жителямъ подъ именемъ Эберхенъ-балгасунъ. Въ долинѣ *Верхняго Орхона* авторъ отчета отмѣтилъ на могилахъ плиты съ выбитыми грубыми фигурами на нихъ, сходными по содержанію изображенныхъ сценъ съ извѣстными на плитахъ минусинскихъ могилъ. Г. Клеменцъ въ заключеніи „Отчета" справедливо замѣчаетъ, что „послѣ тѣхъ открытій и громадныхъ вкладовъ, которые сдѣланы Имп. Академіей Наукъ въ исторію тюркскихъ племенъ въ центр. Азіи, нельзя уже отступаться отъ этой задачи... Необходимо добыть матеріалъ для исторіи культуры этихъ племенъ... изученіе керексуровъ и каменныхъ могилъ можетъ быть съ успѣхомъ начато и въ нашихъ предѣлахъ. При наличности обширнаго матеріала, добытаго въ Россіи, нѣсколько могилъ, вскрытыхъ на Толѣ, Хойту-Тамирѣ и Орхонѣ, выяснятъ многое".

—— *Русскій археологическій институтъ въ Константинополѣ.* Директоръ института, совершивъ нынѣшнимъ лѣтомъ научную экспедицію въ Трапезундъ, привезъ до 200 неизвѣстныхъ до сихъ поръ важныхъ рукописей, которыя и готовятся теперь къ изданію. Въ настоящее время предпринята институтомъ новая экскурсія въ аѳонскіе монастыри, съ цѣлью разысканія новыхъ научныхъ матеріаловъ. (Нов. Вр. № 7096, 1895).

—— *Запись XV вѣка.* Въ рукописномъ евангеліи апракосъ XV вѣка, принадлежащемъ Императорскому Историческому Музею въ Москвѣ (№ 297), на послѣднемъ листѣ находится слѣд. запись:

Се ѧзь кнѧгини . настасьѧ
федорова . Корьбутовича
записала есми. оу стое еу
лие. въ цркви прѣтои. десѧ
тину. ѿ рьжи. и ѿ всѧкого
ѿ ѧрого жита . по кнзи . федо
ре . и по собѣ. а хто имѣть
оу ступатисѧ. а сию запи
сь рушаи. разьсудитсѧ со
мною прѣ бмь . в лѣ . г. у
ѯ г. индй . г . на памѧть
прѣнаго ѿца нашего . леѡ
ита . а записано. в су фдѡро
ву.

Упоминаемый въ записи князь Федоръ Корибутовичъ, былъ однимъ изъ сыновей Корибута-Димитрія Ольгердовича и его жены Анастасіи, дочери Олега Ивановича Рязанскаго, бывшей въ первомъ бракѣ за княземъ Дмитріемъ Васильевичемъ Друцкимъ [1]).

О судьбѣ Федора Корибутовича мы знаемъ очень мало. Мы встрѣчаемъ его подпись на нѣсколькихъ документахъ 1422—1432 г., находимъ его на сторонѣ Свидригайла въ Вилькомирской битвѣ 1435 г., въ которой онъ попался въ плѣнъ. Послѣдній разъ Федоръ Корибутовичъ упоминается въ источникахъ подъ 1440 г. [2]).

Въ Родословіи Литовскихъ князей, находящемся въ лѣтописи по Воскресенскому списку говорится, что всѣ трое Корибутовичи умерли безъ потомства. Печатаемая нами запись даетъ намъ имя жены Федора Корибутовича, доселѣ неизвѣстной. Изъ записи видно, что жена пережила мужа [3]).

Запись даетъ и косвенное подтвержденіе о бездѣтности брака кн. Федора: въ противномъ случаѣ въ задушной записи были бы упомянуты и дѣти.

Мы не знаемъ удѣла Федора Корибутовича: отецъ его княжилъ сначала въ Новгородъ-Сѣверскѣ, но около 1432—3 г., потерялъ этотъ удѣлъ; имѣлъ ли онъ послѣ того какой нибудь другой удѣлъ — неизвѣстно.

Храмъ, въ пользу котораго сдѣлана запись княгини Анастасіи, конечно есть храмъ во имя Успенія Пресвятой Богородицы во Владимірѣ (Мстиславовъ храмъ) [4]). (Въ разныхъ мѣстахъ этотъ храмъ именуется храмомъ Пречистой, какъ и въ настоящей записи).

Это обстоятельство могло бы служить указаніемъ на то, что имѣнія, съ которыхъ записаны десятины въ пользу церкви, находились гдѣ нибудь на Волыни; къ сожалѣнію, въ записи имѣнія не поименованы.

Обычай записывать церкви десятину, какъ извѣстно, очень древній, онъ перешелъ къ намъ изъ Византіи и встрѣчается еще въ первые года христіанства на Руси [5]). *И. А. Линниченко.*

---

[1]) Wolf Ród Gedymina. p. 153. Корибутъ имѣлъ трехъ сыновей: Ивана, Сигизмунда и Федора, и трехъ дочерей: Анастасію (замужемъ за кн. Василіемъ Михайловичемъ Тверскимъ-Кашинскимъ); Елену, (замужемъ за кн. Яномъ Ратиборскимъ) и Марію, (замужемъ за кн. Федоромъ Львовичемъ Воротынскимъ); (ib. p. 153—4).

[2]) Wolf. Ród. Gegymina, p. 155. Stadnicki, Bracia Władysława Jagielly, p. 104—5.

[3]) Запись сдѣлана въ 1455 г.

[4]) О Мстиславовомъ храмѣ см. О. Левицкій, Историческое описаніе Владиміро-Волынскаго Успенскаго храма, построеннаго въ половинѣ XII в., кн. Мстиславомъ Изяславичемъ, Кіевъ, 1892. П. Теодоровичъ, городъ Владиміръ Волынской губ., въ связи съ исторіей Волынской іерархіи. Почаевъ, 1893, (стр. 103 и слѣд.). Дверницкій, Памятники древняго православія въ г. Владимірѣ Волынскомъ. Кіевъ, 1889.

[5]) Владиміръ св. даетъ церкви Пресвятой Богородицы въ Кіевѣ сотъ имѣнія своего

—— Музей въ Будапештѣ пріобрѣлъ недавно въ Мюнхенѣ неизвѣстное до сихъ поръ въ библіографіи, старославянское изданіе, Глаголическій служебникъ, напечатанный въ Сѣни въ 1494 г. (Сѣнь, ит. Zeng, нѣм. Zengg, гор. б. Оточац. полка въ Хорв. воинск. границѣ, присоединенной къ Рѣчскому уѣзду, см. Головацкій, Географ. Словарь западно сл. и юго-сл. земель, Вильна, 1884). Это древнѣйшее послѣ краковскихъ изданій Святополка Фіова (1491—2) находилась въ библіотекѣ гр. Ностица. (Pvrzew. bibliogr. 1895, № 6).

—— Французскій археологъ бар. де-Бай издалъ небольшую замѣтку подъ заглавіемъ: Note sur des bijoux barbares en forme de Mouches (нап. въ Mém. de la Soc. nat. des Antiquaires de France. P. 1895), касающуюся предметовъ украшенія, воспроизводящихъ форму мухи, или точнѣе цикады и извѣстныхъ на западѣ изъ могильнаго инвентаря памятниковъ, относящихся къ періоду великаго переселенія народовъ и къ меровингской эпохѣ (могила Хильдерика). Прослѣживая границы распространенія этого типа украшенія на востокѣ, бар. де-Бай доказываетъ, иллюстрируя свое изложеніе многочисленными рисунками, что цикадовидныя украшенія (золотыя съ инкрустированными гранитами и болѣе простыя—бронзовыя), были занесены на западъ потокомъ варварскихъ племенъ, наводнившимъ зап. Европу въ періодъ великаго переселенія народовъ: находки подобныхъ украшеній были дѣлаемы и въ Венгріи и на берегахъ Чернаго Моря — въ Херсонесѣ, Керчи и на Кавказѣ; на послѣднемъ они были м. пр. найдены въ бассейнахъ Баксана и Чегема. Авторъ приходитъ къ заключенію, что, если въ стилѣ другихъ предметовъ, характерныхъ для т. н. варварскаго искусства, несомнѣнно сказывается вліяніе востока,—то цикадовидныя украшенія имѣютъ свои прототипы въ аналогичныхъ издѣліяхъ греческихъ черноморскихъ колоній.

—— При производствѣ земельныхъ работъ около Кёльна, на правомъ берегу Рейна, нѣсколько выше города были открыты слѣды древнеримской стѣны. (Atiquit.-Zeit. № 46. 1895).

—— Въ Имолѣ (Италія), гдѣ лѣтъ 20 тому назадъ, при по-

и отъ моихъ градъ десятую часть» (Ип. 85 и 379). Князь Ярополкъ Изяславичъ «десятину дая отъ всихъ скотъ своихъ святѣй Богородицѣ (въ Кіевѣ) и отъ жита на вся лѣта» (ib. 145). (въ Лавр. 200 «десятину дая святѣй Богородицѣ отъ всего своего имѣнья по вся лѣта»). Андрей Боголюбскій даетъ Владимірской Богородичной церкви «много имѣнья, и свободи купленыя и с даньми, и селя лѣпшая, и десятины въ стадехъ своихъ, и торгъ десятый» (ib. 337). Любопытное объясненіе происхожденія десятины находимъ въ поученіи преп. Ѳеодосія Печерскаго «яко Богъ далъ есть намъ сию 40 дний (великій постъ) на очищение души; се бо есть десятина отъ лѣта даема Богу; дний бо есть отъ года до года 300 и 60 и 5 дний, и отъ сихъ дний десятый день воздавша Богу десятину, еже есть постъ си четырѣдесядный...» (ib. p. 129).

стройкѣ домовъ были найдены остатки зданій и украшеній римской эпохи, въ ноябрѣ текущаго года былъ открытъ при постройкѣ семинаріи прекрасный мозаичный полъ: онъ представляетъ большое сходство съ подобными мозаичными работами, найденными въ прошломъ году въ Помпеи (Antiquit-Zeit. № 46, 1895).

IV.

Засѣданія Обществъ.

Въ засѣданіи *Восточной Коммиссіи* Им. Московскаго Археологическаго Общества 24-го января 1895 г. *Г. А. Муркосъ* сдѣлалъ докладъ „О служебникѣ антіохійскаго патріарха Макарія, находящемся на Аѳонѣ"; референтъ во время своей поѣздки въ 1893 г. на Аѳонъ разсмотрѣлъ въ Ватопедскомъ монастырѣ означенную рукопись, подписанную рукой патріарха и датированную 1612 годомъ; интересъ рукописи усиливается тѣмъ, что въ ней находится и дарственная запись патріарха, согласно которой онъ жертвуетъ свою рукопись церкви св. Космы и Даміана въ Дамаскѣ, разрушенной въ 1860 г. Второй референтъ *А. С. Хахановъ* „О грузинской рукописной Барсовой кожѣ главнаго Московскаго Архива М. иностр. дѣлъ" отмѣтилъ отличія этого памятника отъ другихъ редакцій его какъ по содержанію, такъ и со стороны языка и стихосложенія; референтъ относитъ рукопись къ концу XVI или къ началу XVII в. *А. Е. Крымскій* прочелъ рефератъ подъ заглавіемъ „Исмаилитское вліяніе на суфизмъ, въ 3-мъ в. гижры", составляющій продолженіе его сообщеній о суфизмѣ; изложивъ по арабскимъ источникамъ исторію этой секты, референтъ остановился съ особеннымъ вниманіемъ на исмаилитскихъ книгахъ, гдѣ изложены воззрѣнія исмаилитовъ и обрисована система ихъ пропаганды; такъ какъ между воззрѣніями суфизма и исмаилитизма существуетъ много сходства, и исмаилиты старались принимать внѣшность суфіевъ, то подъ ихъ вліяніемъ самое понятіе „суфизмъ" сильно измѣнилось, и суфизмъ началъ быстро распространяться во всемъ исламскомъ мірѣ.

Въ засѣданіи *Восточной Коммиссіи* Им. Московскаго Археологическаго Общества 10-го ноября 1895 г. *Х. И. Кучукъ-Іоаннесовъ* прочиталъ докладъ о древнихъ армянскихъ рукописяхъ, найденныхъ имъ въ Кишиневѣ у одного частнаго лица г. Оханджаньяна; число рукописей доходитъ до 10, онѣ представляютъ собой Евангеліе, Четьи-минеи, Служебникъ и календарь и относятся частью къ XIV, частью къ XVI и XVII в. *М. В. Никольскій* сдѣлалъ сообщеніе о двухъ еврейскихъ надписяхъ, находящихся въ Ѳеодосійскомъ музеѣ, эстампажи съ которыхъ привезены Обществу Х. И. Кучукъ-Іоаннесовымъ.

Одна изъ надписей оказалась уже изданной Д. А. Хвольсономъ (Сборн. еврейскихъ надписей № 174), но хорошій эстампажъ далъ возможность сдѣлать нѣкоторыя исправленія въ текстѣ, напечатанномъ г. Хвольсономъ. Другая надпись, неизданная, содержитъ эпитафію и дату 1531 г. по Р. Х. Разбирая надпись, референтъ коснулся вопроса о подлинности датъ Крымскихъ еврейскихъ надписей, при чемъ пришелъ къ заключенію, что какъ армянскіе, такъ и еврейскіе выходцы не могли быть въ Ѳеодоссіи ранѣе XIII в. и что Крымскія еврейскія надписи въ Ѳеодосіи вообще относятся къ болѣе поздней эпохѣ, чѣмъ это полагали нѣкоторые изслѣдователи, относившіе иные памятники этого рода къ X вѣку. Другое сообщеніе *М. В. Никольскаго* было посвящено описанію и разбору клинообразной надписи, недавно открытой въ Эриванской губ., на правомъ берегу Аракса, около селенія Карзкала: она содержитъ извѣстіе о сооруженіи царемъ Аргишти I (VIII в. до Р. Х.) канала, проведеннаго изъ Аракса въ столицу этого царя Аргишти-хинили (Армавиръ). Эстампажъ надписи присланъ архіепископомъ Месропомъ; другой эстампажъ, присланный послѣднимъ съ клинообразной надписью на кирпичѣ, оказался поддѣлкой надписи, находящейся въ настоящее время въ Эчміадзинѣ, въ помѣщеніи Духовной Академіи. Московское Археологическое Общество намѣрено выписать кирпичъ въ Москву для экспертизы. *М. Н. Сперанскій* сдѣлалъ докладъ объ одной изъ армянскихъ рукописей, помѣченной 1616 г. и привезенной Х. И. Кучукъ-Іоаннесовымъ изъ Бессарабіи; въ рукописи нашелся текстъ „Посланіе Пилата къ Тиверію Кесарю о Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ", представляющій нѣкоторыя особенности по составу отъ извѣстныхъ редакцій этого памятника, которыя позволяютъ референту видѣть въ интерполяторѣ армянина по національности; такой видъ памятника, представляющій именно соединеніе Посланія и Смерти Пилата съ легендой объ Авгарѣ до сихъ не былъ извѣстенъ, въ чемъ и заключается значеніе текста, найденнаго Х. И. Кучукъ-Іоаннесовымъ.

17-го ноября состоялось общее собраніе Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, въ которомъ А. Ѳ. Бычковъ прочелъ свои воспоминанія о П. И. Савваитовѣ, а В. В. Стасовъ—о Д. А. Ровинскомъ. Въ томъ же засѣданіи В. Г. Дружининъ прочиталъ рефератъ—„О кладѣ съ готскими древностями, найденномъ въ Пермской губерніи". Кладъ этотъ найденъ въ маѣ текущаго 1895 года въ деревнѣ Муслюмовской, Шадринскаго уѣзда, Пермской губерніи. Между прочимъ, здѣсь оказалась шейная золотая гривна, золотыя оправы ноженъ мечей и инкрустированныя пряжки отъ конскаго убора. До сихъ поръ самымъ сѣвернымъ пунктомъ нахожденія готскихъ кладовъ считался городъ Нѣжинъ, Черниговской губерніи, такъ что нахожденіе въ Пермской губерніи вещей, коихъ инкрустація заставляетъ относить ихъ къ типу готскихъ предметовъ, является весьма важнымъ фактомъ при опредѣленіи сѣверной границы распространенія готской культуры въ предѣлахъ нынѣшней Россіи. (Нов. Вр., № 7087, 1895 г.).

Въ засѣданіи 10-го ноября 1895 г., восточнаго отдѣленія Императорскаго русскаго археологическаго Общества были предъявлены собранію древности, вновь присланныя изъ Кашгара Н. Ѳ. Петровскимъ. Среди этихъ вещей обращаетъ на себя вниманіе шиферный обломокъ изображенія Нирваны Будды. С. Ѳ. Ольденбургъ сдѣлалъ сообщеніе о „Lai d'Aristote и его восточныхъ источникахъ". Памятникъ французской литературы XIII вѣка, одно изъ лучшихъ фабліо, разсказывающее объ Аристотелѣ, какъ учителѣ Александра Македонскаго, тщетно пытавшемся отклонить своего ученика отъ чрезмѣрнаго увлеченія женщиной, которая, въ отмщеніе, увлекла самого философа до того, что онъ далъ себя осѣдлать и проѣхаться на себѣ верхомъ, остановилъ на себѣ вниманіе нашего оріенталиста вслѣдствіе сказавшагося въ послѣднее время во французской ученой литературѣ отрицанія восточнаго происхожденія большинства средневѣковыхъ фабліо. Между тѣмъ, эти, полные жизненной правды, коротенькіе разсказы, или своего рода поэмки, хотя и отражаютъ въ себѣ, какъ въ зеркалѣ, міросозерцаніе средневѣковаго горожанина, однако обязаны своимъ происхожденіемъ отдаленнѣйшему Востоку, большею частью Индіи, и, по своему содержанію, находятся въ тѣсной связи съ санскритской буддистской литературой. Приверженецъ того же взгляда, С. Ѳ. Ольденбургъ прослѣдилъ данный сюжетъ въ его индійской, персидской, арабской и турецкой версіяхъ и тѣмъ внесъ необходимыя поправки въ обобщенія одного новаго фанцузскаго изслѣдователя, опровергающаго восточное происхожденіе французскихъ фабльо. (Нов. Вр. № 7080, 1895 г.).

23-го октября 1895 года состоялось засѣданіе классическаго отдѣленія Императорскаго русскаго археологическаго общества, въ которомъ былъ прочитанъ докладъ В. В. Латышева „О херсонесскомъ декретѣ въ честь Навклара Синопскаго". Найденный въ 1893 году въ развалинахъ Херсонеса отрывокъ почетнаго декрета о дарованіи проксеніи (т. е. права предстательства въ Херсонесѣ за своихъ синопскихъ соотечественниковъ), права гражданства и другихъ привилегій нѣкоему Каію Евтихіану Навклару, гражданину города Синопа, оказывается составляющимъ одно цѣлое съ другимъ отрывкомъ декрета, начертаннымъ на камнѣ, найденномъ въ 1822 году сарептскимъ колонистомъ Г. А. Цвикомъ въ настилкѣ пола какого-то древняго зданія въ развалинахъ Сарая, былой столицы хановъ Золотой Орды. Названный декретъ, по заключенію докладчика, принадлежитъ къ царствованію императора Адріана и, хотя не заключаетъ въ себѣ никакихъ указаній или намековъ на историческія событія или политическое положеніе Херсонеса въ данное время, а лишь характеристику Навклара, однако въ настоящемъ, почти цѣльномъ его видѣ представляетъ цѣнный памятникъ въ области херсонесской эпиграфики. Въ томъ же засѣданіи А. Н. Щукаревъ и В. К. Ернштедтъ сдѣлали сообщенія о вновь вышедшихъ книгахъ по классической археологіи. („Нов. Вр.", № 7061, 1895 г.).

18-го ноября, въ засѣданіи классическаго отдѣленія Русскаго Археологическаго общества были сдѣланы слѣдующіе доклады. 1) *В. В. Латышевъ*: а) О діонисопольскомъ декретѣ съ именемъ царя Биребисты; б) О XVIII т. Записокъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. 2) *В. Г. Бокъ*: О мнимомъ эмалевомъ агнцѣ на костяномъ окладѣ Миланскаго собора. 3) *С. А. Жебелевъ*: О нѣкоторыхъ предметахъ изъ собранія графа Тышкевича.

Въ Императорскомъ Обществѣ Любителей Древней Письменности, въ засѣданіи, происходящемъ 10-го ноября, И. В. Помяловскій посвятилъ нѣсколько словъ характеристикѣ научной дѣятельности П. И. Савваитова и отношеніямъ его къ Обществу, а секретаремъ послѣдняго были прочтены некрологи Е. А. Бѣлова и И. С. Некрасова. Преосвященный Никаноръ, епископъ архангельскій и холмогорскій, прочелъ сообщеніе о „Синодикѣ Двинскаго Михаило-Архангельскаго монастыря". Предпославъ своему сообщенію краткую исторію развитія синодиковъ изъ диптиховъ, куда въ первыя времена христіанства вносились имена христіанъ, по мѣрѣ вступленія ихъ въ церковь и по кончинѣ ихъ, преосвященный выяснилъ значеніе двинского синодика, какъ образца самаго полнаго изъ сохранившихся этого рода памятниковъ, а затѣмъ перешелъ къ подробному описанію самой рукописи. Синодикъ былъ составленъ въ 1719 году архимандритомъ Двинского монастыря Іосафомъ Черноруцкимъ и раздѣляется на три части. Въ первой находятся наставленія и разсужденія о поминовеніи усопшихъ: любопытную особенность ея представляютъ риѳмованные стихи, находящіеся въ концѣ предисловія, подъ заглавіемъ „Извѣстіе о смерти яко имамы вси умрети" и наставленіе поминать усопшихъ, написанное стихами же. Во второй части находится до 52 рисунковъ изъ священной исторіи, изъ повѣсти о Щилѣ, сказаній о мытарствахъ души и др.; эти рисунки представляютъ интересныя подробности въ археологическомъ и особенно бытовомъ отношеніи. Наконецъ, третья часть Синодика содержитъ въ себѣ помянники, въ которые занесены роды не только Архангельскаго края, но и изъ другихъ областей Россіи, напримѣръ, изъ Москвы, Смоленска, Вятки и др. Второе сообщеніе—„Статистическое распредѣленіе древне-русскихъ книгъ въ XI—XV вѣкахъ", было прочтено Н. В. Волковымъ. Г. Волковъ указалъ на первую попытку привести въ извѣстность количество сохранившихся древне-русскихъ книгъ, сдѣланную И. И. Срезневскимъ, который насчитывалъ ихъ до 302. По исчисленіямъ, произведеннымъ самимъ докладчикомъ въ русскихъ древлехранилищахъ и отчасти за границей, число уцѣлѣвшихъ рукописей доходитъ до 619, но оно далеко не составляетъ всего, что не только существовало, но и могло уцѣлѣть. Болѣе всего сохранилось рукописныхъ книгъ отъ XIV—XV вѣковъ—406, менѣе всего отъ XI—XII вѣковъ—26, при чемъ изъ всего числа уцѣлѣло болѣе всего книгъ священнаго писанія (209) и богослужебныхъ (240); книгъ историческаго содержанія сохранилось лишь 6. Въ дѣлѣ писанія книгъ Новгороду принадлежитъ безспорно первое мѣсто. (Нов. Вр., № 7082, 1895 г.).

Засѣданіе Историческаго общества Нестора Лѣтописца. Въ засѣданіи 12 ноября проф. Ю. А. Кулаковскимъ было сдѣлано сообщеніе о его раскопкахъ и разслѣдованіяхъ въ Крыму лѣтомъ текущаго года, по порученію Археологической коммиссіи. Въ началѣ своего доклада лекторъ сообщилъ о своихъ работахъ по срисовкѣ надписей въ христіанской катакомбѣ, найденной въ Керчи зимою текущаго года. Памятникъ этотъ представляетъ полную аналогію той христіанской катакомбѣ, которая была открыта г. Кулаковскимъ въ 1890 г., и вскорѣ затѣмъ издана въ „Матеріалахъ", издаваемыхъ Императорской археологической коммиссіей. На стѣнахъ вновь открытой катакомбы написанъ текстъ 90 псалма и молитва „Святый Боже". По характеру написанія буквъ ее можно пріурочить къ тому же времени, что и первый памятникъ этого рода, имѣвшій точную дату, а именно 491 г. по Р. Х. Часть надписи въ точномъ воспроизведеніи на калькѣ была демонстрирована собранію. Затѣмъ проф. Кулаковскій сообщилъ о другой сторонѣ своего порученія—собираніи матеріаловъ для составленія археологической карты Крыма. Центромъ экскурсій былъ избранъ Симферополь. Предпринимая оттуда поѣздки въ разныхъ направленіяхъ, г. Кулаковскій вмѣстѣ со своимъ сотрудникомъ г. Маркевичемъ, наносилъ на карту большого масштаба (1 верста въ дюймѣ) всѣкурганы и всякаго рода археологическія данныя. Такъ былъ обслѣдованъ районъ отъ Симферополя до моря къ западу и до начала горныхъ долинъ къ югу и востоку. Раскопки, предпринятыя г. Кулаковскимъ, имѣли цѣлью дополнить имѣющіяся уже данныя. Онъ ихъ предпринималъ на некрополѣ городища, лежащаго надъ Симферополемъ и въ мѣстности между нижнимъ теченіемъ рѣкъ Альмы и Качи. Здѣсь раскопано было четыре кургана, въ которыхъ оказались погребенія разныхъ типовъ и разныхъ эпохъ. На одномъ изъ этихъ кургановъ стояла каменная баба, но какъ показали раскопки, безъ отношенія къ совершеннымъ тамъ погребеніямъ. Типы погребенія попадались при раскопкахъ кургановъ различные. Болѣе древній, когда костякъ лежитъ съ подогнутыми ногами, въ ямѣ, углубленной въ материкѣ и закрытой дубовыми брусьями, иногда окрашенный, лежитъ или на боку, или кверху лицомъ, руки протянуты; предметовъ никакихъ. Второй типъ—склепы изъ большихъ плитъ, безъ углубленія въ материкѣ. Въ одномъ изъ такихъ склеповъ, вмѣстимостью въ одинъ кубическій аршинъ, два костяка найдены въ сидячемъ положеніи. На лѣвомъ костякѣ найдены были тонкія костныя пуговицы и за спиной горшокъ изъ черной глины. Погребенія обоихъ этихъ типовъ относятся къ временамъ доисторическимъ. Въ числѣ могилъ 3-го типа (впускныя могилы) была раскопана гробница съ характерными предметами скиѳскаго происхожденія. Тамъ были найдены бронзовыя массивныя застежки, желѣзный мечъ, наконечникъ копья и полный колчанъ стрѣлъ. Наконецъ, лекторъ указалъ еще на могилу, видимо временъ степныхъ кочевниковъ, гдѣ отыскана длинная кривая сабля и нѣкоторые др. предметы. Далѣе Ю. А. Кулаковскій сообщилъ о посѣщеніи имъ нѣкоторыхъ христіанскихъ развалинъ въ горныхъ долинахъ Крыма

и пещерныхъ городовъ, при чемъ имъ были найдены новыя надписи, которыя онъ и демонстрировалъ въ собраніи.

V.

Библіографія.

Древности. Труды Славянской Коммиссіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. Томъ первый. Съ одной фототипіей, таблицей нотъ и семью рисунками въ текстѣ. Изданъ подъ редакціей М. Н. Сперанскаго. (М. 1895). *В. М. Истринъ. Сказаніе объ индійскомъ царствѣ.* Стр. 1—75. *А. В. Михайловъ. Къ вопросу объ Учительномъ Евангеліи Константина, епископа Болгарскаго.* Стр. 76—133. *М. И. Соколовъ. Новый матеріалъ для объясненія амулетовъ, называемыхъ змѣевиками.* Стр. 134—202. *Фр. Миклошичъ. Изобразительныя средства славянскаго эпоса.* Перев. съ нѣмецкаго *А. Е. Грузинскаго.* Стр. 203—236. Библіографія стр. 237—284.—Протоколы № 1—15. Стр. 1—37.

Византійскій Временникъ, издав. при Имп. Ак. Наукъ. Т. I, вып. 2—4; т. II, вып. 1—3 *).

Въ указанныхъ выпускахъ по своему значенію для археологіи заслуживаютъ упоминанія статьи:

Выпускъ 2 перваго тома: *Д. Ѳ. Бѣляева*: разборъ сочиненія д-ра Мордтманна Esquisse topographique de Constantinople (Lille, 1892): книга Мордтманна описываетъ главнымъ образомъ стѣны и ворота Константинополя, при чемъ попутно обозрѣваются и прилегающія къ нимъ зданія; книга вноситъ нѣсколько поправокъ въ трудъ Labart'a (стр. 389—402). *П. Помяловскаго*: разборъ книги Н. Покровскаго „Евангеліе въ памятникахъ иконографіи" (Труды VIII Арх. Съѣзда, т. I), представляющій подробное изложеніе труда Н. В. Покровскаго и нѣсколько поправокъ къ ошибкамъ у автора, проистекшимъ отъ недостаточнаго вниманія къ памятникамъ литературнымъ, каковы ев. апокрифическія, творенія Отцовъ, постановленія соборовъ, церковныя пѣснопѣнія, паломники и т. д. (стр. 407—412). Рецензія *А. Дмитріевскаго* на трудъ Порфирія Успенскаго „Христіанскій Востокъ" (ч. III) исправляетъ неточности въ изданіи, даетъ общую оцѣнку труда (стр. 413—429).

Вып. 3—4. *А. Дмитріевскаго* „Чинъ пещного дѣйства": въ противуположность общераспространенному мнѣнію о пещномъ дѣйствѣ, якобы стоящемъ въ связи съ начатками мистеріи, широко развившейся подъ вліяніемъ запада, авторъ находитъ возможнымъ указать источникъ этого „дѣйства"

*) См. Арх. Изв. и Зам. 1894 г., № 8—9, стр. 270 и сл.

въ драматическомъ элементѣ восточныхъ церковныхъ уставовъ; хотя прямаго источника до сихъ поръ указать нельзя, но можно привести греческіе уставы, довольно близко подходящіе къ „дѣйству“ (обычный уставъ Великой церкви, *Ἀκολουθία Ἰωάννου τοῦ Κουκουζέλη* (стр. 553—600). *В. Латышевъ* „Этюды по византійской эпиграфикѣ“: приведена и объяснена надпись временъ Юстиніана, найденная въ Тамани; дано новое объясненіе таманской же надписи Евпатерія, относимой авторомъ къ 590 году (стр. 657 — 672). Въ разборахъ книгъ *Я. С.* отрицаетъ существованіе особой иконописной школы Доксарадовъ, вносившихъ въ XVII—XIX в. итальянскій стиль въ греческія иконы; такую школу предполагаетъ Г. Маврояни въ своей статьѣ: *Ἡ ἐν Ἑπτανήσῳ σχολὴ τῶν Δοξαράδων* (*Ἑστία*, 1894) (стр. 697—699). Тотъ же *Я. С.* въ разборѣ статьи Gabriel'я Millet—о распятіи мозаичномъ въ Дафнѣ—не находитъ убѣдительными доказательства Millet, будто мозаика относится къ XI в. (стр. 699 — 701). Третья статья *Я. С.* посвящена подробному изложенію и разбору труда того же Маврояни—*Βυζαντίνη τέχνη καὶ βυζαντίνοι καλλιτέχναι* (*Ἀθ.* 1893)—популярной исторіи византійскаго искусства: какъ научная книга, трудъ Маврояни не цѣненъ, но какъ популярный удовлетворителенъ (стр. 701—721). Въ приложеніи (отд. III)—*Д. Ѳ. Бѣляевъ* въ ст. „Храмъ св. Ирины и землетрясеніе въ Константинополѣ 28 іюня 1894 г.“ (стр. 769—798) даетъ подробное описаніе трудно доступнаго для иноземцевъ храма Ирины, современнаго св. Софіи.

Томъ второй. Вып. 1—2. *Д. Ѳ. Бѣляевъ* „Внѣшній и внутренній видъ храма св. Ирины въ Константинополѣ“: дополненіе къ предъидущей статьѣ съ двумя фототипіями, изображающими, одна—храмъ съ сѣв. стороны, другая—внутренность, восточную часть храма (стр. 177 — 183). *В. Латышевъ* „Этюды по византійской эпиграфикѣ“ (см. выше): надпись 1059 года (время Исаака Комнина), найденная въ Херсонисѣ (стр. 184—188). *Ю. Кулаковскій* „Къ объясненію надписи съ именемъ имп. Юстиніана“ (см. выше): текстъ надписи, изд. В. Латышевымъ, ставится въ связь съ назначеніемъ епископа готамъ - тетракистамъ, надпись пріурочивается къ городу Фанагоріи (стр. 189—198). Въ числѣ рецензій отмѣтимъ: *Е. К. Рѣдина* о соч. Н. П. Кондакова въ изданіи А. В. Звенигородскаго „Византійскія эмали“ (Спб. 1892) (стр. 222—233). Въ отд. III: *П. А. Сырку* „Съѣздъ христіанскихъ археологовъ въ Далмаціи“ (стр. 303—306)—краткій отчетъ о Сплѣтскомъ съѣздѣ (ср. Арх. Изв. и Зам. 1895, стр. 196 и сл.). *И. С.* „Археологич. памятники византійской эпохи въ русскомъ музеѣ“ (стр. 312—313): о пріобрѣтеніи Церковно-археолог. музеемъ въ Кіевѣ въ даръ коллекцій Н. С. Леопардова.

Вып. 3. *Е. К. Рѣдинъ* „Половая мозаика церкви св. еванг. Іоанна въ Равеннѣ“ (стр. 327—339; 5 табл. рисунковъ): мозаики изображаютъ животныхъ, частію фантастическихъ, и небольшія сцены, значеніе которыхъ не ясно; по времени мозаики относятся къ XIII в. Въ отдѣлѣ рецензій: *Хр. Лопаревъ* о изданіи Баллаидистовъ: Bibliotheca graeca hagiographica (Bruxelles, 1895), весьма справочной полезной книжкѣ по греческимъ житіямъ, ука-

возникъ, повидимому, благодаря послѣднему съѣзду христіанскихъ археологовъ въ Сплѣтѣ. Редакторомъ его—неутомимый *Фр. Радичъ*; журналъ выходитъ (съ 1895 г.) четыре раза въ годъ (цѣна 9 фр.), посвященъ мѣстнымъ христіанскимъ древностямъ, преимущественно стараго времени, такъ какъ Далматинское побережіе, какъ видно было уже изъ отчетовъ упомянутаго съѣзда (см. Арх. Изв. и Зам. 1895 г. стр. 196 и сл.), представляетъ одну изъ богатѣйшихъ мѣстностей для изученія древне-христіанской археологіи.

G. Schlumberger: *Mélanges d'archéologie byzantine*. Извѣстный ученый G. Schlumberger недавно издалъ первый томъ (серію) собранія разныхъ своихъ статей по византійскимъ древностямъ—церковнымъ и бытовымъ, нумизматикѣ, сфрагистикѣ и т. п. Статьи эти были помѣщены въ разныхъ спеціальныхъ журналахъ и не представляютъ, по словамъ автора, ничего новаго, но тѣмъ не менѣе собраніе ихъ въ одной книгѣ окажетъ несомнѣнную услугу всѣмъ интересующимся византійскими искусствомъ и древностями. Изданіе снабжено многими рисунками, въ томъ числѣ нѣсколькими превосходными фототипіями съ золотыхъ буллъ и предметовъ изъ слоновой кости и по цѣнѣ своей, 12 франковъ, весьма доступно.

Печатано по опредѣленію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества на основаніи § 56 его Устава.

Предсѣдатель *Графиня Уварова*.

Въ Императорскомъ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ находятся въ продажѣ слѣд. изданія:

Изданія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. Рекомендованы Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Описаніе Кіева. Соч. Закревскаго. Два тома и атласъ. 1868 г. Ц. 7 р.

Труды I-го Археологич. Съѣзда въ Москвѣ. Два тома и атласъ. 1871 г. Ц. 25 р.

Труды III-го Археологич. Съѣзда въ Кіевѣ. Два тома и атласъ. 1878 г. Ц. 10 р.

Труды V-го Археологич. Съѣзда въ Тифлисѣ. Два тома. Ц. 15 р.

Труды VII-го Археологич. Съѣзда въ Ярославлѣ. Тома I, II и III по 5 р.

Труды VIII-го Археологич. Съѣзда въ Москвѣ. Томъ I. Ц. 10 р.

Тоже, томъ II. Цѣна 8 р.

Матеріалы по археологіи Кавказа; вып. 1, 2 и 3-й. Кажд. вып. по 6 р.

Тоже, вып. 4-й, М. 1894. Ц. 8 р. 50 к.

Матеріалы по археологіи восточныхъ губерній. Вып. I. Ц. 8 р.

Древности. Труды Московскаго Археологическаго Общества:

Томъ I, два выпуска. 1865—67 г., ц. 6 р.
„ II, три выпуска. 1869—70 г., ц. 6 р.
„ III, три выпуска. 1870, 71 и 73 гг. Ц. 6 р.
Томъ IV, три выпуска. 1874 г. Ц. 8 р.
„ V, 1885 г. Ц. 6 р.
„ VI, три выпуска. 1875—76 г. Ц. 6 р.
„ VII, три выпуска. 1877—79 г. Ц. 8 р.
„ VIII, 1870 г. Ц. 8 р.
Приложеніе къ VIII тому:
Пятый Археологич. Съѣздъ. Труды предваритель. Комитета, 1882 г. Ц. 6 р.
Томъ IX, три выпуска. 1882—83 г., ц. 8 р.
„ X, 1885 г. Ц. 8 р.
„ XI, три выпуска. 1886—87 г. Ц. 8 р.
„ XII, два выпуска. 1888 г. Ц. 8 р.
„ XIII, два выпуска. 1889—90 г. Ц. 8 р.
„ XIV, 1890 г. Ц. 7 р.
„ XV, два выпуска. 1894 г. Ц. 8 р.

Древности Восточныя. Томъ I, Ц. 12 р.
Отдѣльно Т. I, 1 выпускъ 1889 г. Ц. 4 р.
„ Т. I, 2 выпускъ 1891 г. Ц. 4 р.
„ Т. I, 3 выпускъ 1893 г. Ц. 4 р.

Незабвенной памяти Графа А. С. Уварова. Рѣчи, прочитанныя въ соединенномъ засѣданіи ученыхъ обществъ 28 февраля 1885 г. (съ портретомъ Графа А. С. Уварова). 1885 г. Брошюра. Ц. 75 к.

Историческая записка о 25-лѣтней дѣятельности Моск. Арх. Общества. Ц. 2 р.

Памяти Н.С. Тихонравова. М. 1894 г. Ц. 2 р.

Уступка гг. членамъ Общества 20%, библіотекамъ учебныхъ заведеній—25%, книгопродавцамъ—30%.

Изданія графа Уварова:

Археологія Россіи. Каменный періодъ. Соч. графа А. С. Уварова. Два тома. 1881 г. Ц. 18 р

Меряне и ихъ бытъ. Соч. гр. А. С. Уварова. Одинъ томъ и атласъ. 1872 г. Ц. 8 р. (нѣтъ въ продажѣ).

Каталогъ собранія древн. гр. А. С. Уварова. Вып. I и II (въ одной книгѣ): Древности каменнаго и металлическаго вѣка, съ портр. гр. А. С. Уварова и 35 табл. рис. 1887 г. Ц. 4 р.

Вып. VII. Монеты Воспорскаго царства и древне-греческихъ городовъ, находившихся въ предѣлахъ нынѣшней Россіи, съ 5 таблицами. Состав. А. Орѣшниковъ. 1887 г., ц. 3 р.

Архим., Леонидъ. Систематическое описаніе Славяно-Россійскихъ рукописей собранія гр. А. С. Уварова, 4 т. М., 1893—94 г. Ц. 15 р.

Каталогъ Спасо-Преображенскаго монастыря въ Ярославлѣ, ц. 9 р. 50 к.

Византійскій Альбомъ—посмертное изд. гр. А. С. Уварова. Т. I. 1889 г. Ц. 15 р.

Уступка книгопродавцамъ и библіотекамъ учебныхъ заведеній 25%.

Продаются въ собственномъ домѣ Общества, въ Москвѣ, на Бересневкѣ, у Большаго Каменнаго моста.

Кавказъ. 2 тома. Ц. 3 р.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

выходятъ въ 1895-мъ году (3-й годъ изданія) по той же программѣ и въ томъ же объемѣ подъ редакціею:

И. А. Линниченка и В. М. Михайловскаго,

при участіи А. В. Орѣшникова и многихъ членовъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія рекомендованы для фундаментальныхъ библіотекъ учебныхъ заведеній Министерства.

Подписная цѣна съ пересылкою и доставкою въ годъ ТРИ (3) рубля.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Для **московскихъ** подписчиковъ:

1) Въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ, Берсеневская набережная, собств. домъ, ежедневно отъ 10 до 1 часу и въ часы засѣданій.

2) У А. В. Орѣшникова, Историческій музей, на Красной площади, ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 1 до 4-хъ.

3) Въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Моховая, противъ Стараго Университета, д. Коха (и его иногородн. отд.).

4) Въ книжномъ магазинѣ А. Ланга, на Кузнецкомъ мосту.

Иногородніе подписчики благоволятъ присылать подписные **три** рубля **исключительно** въ Императорское Московское Археологическое Общество (Москва, Берсеневская набережная, собств. домъ).

Подписчики, **не получившіе** выпуска или **перемѣнившіе** свое мѣсто жительства, благоволятъ обращаться съ заявленіями исключительно въ Московское Археологическое Общество.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція обращается съ просьбою ко всѣмъ прежнимъ сотрудникамъ журнала и ко всѣмъ любителямъ старины присылать свѣдѣнія о раскопкахъ, случайныхъ находкахъ древностей, объ имѣющихся въ частныхъ рукахъ выдающихся предметахъ древности—церковныхъ и бытовыхъ, рукописяхъ и т. п., а также газетныя извѣстія, заключающія свѣдѣнія археологическаго характера (отдѣльными №№ или просто вырѣзками съ помѣтою, изъ какой газеты и отъ какого числа); особенно желательны №№ провинціальныхъ газетъ.

Письма и посылки могутъ быть адресованы:

1) Въ Москву, въ Императорское Московское Археологическое Общество, Берсеневская набережная, с. д., въ редакцію „Археологическихъ Извѣстій и Замѣтокъ“ или же

2) Алексѣю Васильевичу Орѣшникову, Москва Историческій Музей, на Красной Площади.

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES
Stacks
JUL 14 1980

издаваемыя

Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ

подъ редакціею

дѣйствительныхъ членовъ

И. А. ЛИННИЧЕНКА и В. М. МИХАЙЛОВСКАГО.

№ 1.

МОСКВА
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА
ЛЕВШИНСКІЙ ПЕР., Д. МАМОНТОВА
1896

СОДЕРЖАНІЕ № 1.

		Стр.
I.	**Юліанъ Кулаковскій**. Замѣтки по исторіи и топографіи Крыма	1
II.	**Николай Троицкій**. Перстень Юффонъ-Амынъ-хана	6
III.	Археологическая хроника	10
IV.	Засѣданія Обществъ	19
V.	Библіографія	22

304/63

1896 г. № 1

издаваемыя
Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ

I.

Замѣтки по исторіи и топографіи Крыма.

I.

Съ какихъ поръ извѣстны цѣлебныя свойства грязей?

Плиній въ своей Historia Naturalis въ сообщеніи о чудодѣйственныхъ свойствахъ почвы, II, § 211, приводитъ цѣлый рядъ свидѣтельствъ о разныхъ мѣстностяхъ „земного круга", имѣвшихъ извѣстность въ этомъ отношеніи. На ряду съ чудесными и невѣроятными свойствами, въ родѣ того, что близъ одного города Малой Азіи есть скала, которая подается, если ее тронуть однимъ пальцемъ, но оказываетъ сопротивленіе, если на нее напирать всѣмъ тѣломъ, — Плиній даетъ свѣдѣнія не менѣе чудеснаго характера, какъ напр., что въ Локрахъ и Кротонѣ не бывало никогда ни моровой язвы, ни землетрясеній. Тамъ же помянутъ у Плинія и одинъ городъ Крымскаго полуострова, по имени Парасинъ, Parasinum. По сообщенію Плинія, на его территоріи есть „земля", которая исцѣляетъ всякія раны (terra est qua sananturomnia vulnera).— Позволяемъ себѣ думать, что

предложенное въ самомъ заголовкѣ толкованіе этого сообщенія Плинія въ томъ смыслѣ что уже въ ту давнюю пору туземное населеніе Крыма, было знакомо съ цѣлебными свойствами грязей и пользовалось ими какъ медицинскимъ средствомъ, не покажется слишкомъ смѣлымъ или невѣроятнымъ, хотя мы и должны оговориться, что въ настоящее время не располагаемъ никакими другими свидѣтельствами объ этомъ изъ послѣдующаго времени.

Значеніе свидѣтельства Плинія нимало не умаляется тѣмъ, что о городѣ Парасинѣ не упоминаетъ онъ самъ въ перечисленіи городовъ Крыма (въ IV кн.); не называютъ его и другіе писатели. Если подъ всеисцѣляющей землей слѣдуетъ разумѣть грязи, то городъ Парасинъ не принадлежалъ къ приморскимъ, которые только и перечисляютъ намъ какъ самъ Плиній, такъ и другіе писатели. Имена городовъ, расположенныхъ внутри Крыма, называетъ одинъ только Птолемей (III 6, 5). Онъ приводитъ 14 именъ. Въ числѣ ихъ нѣтъ имени, точно соотвѣтствующаго названному у Плинія Парасину; но есть одно, которое, какъ справедливо указывалъ на то Мюллеръ въ своемъ изданіи Птолемея (Parisiis, Didot, 1883, стр. 439), можетъ быть принято за другую передачу имени, сообщеннаго у Плинія въ формѣ Parasinum. Это— городъ Пароста, *Παρόστα*. Его мѣстоположеніе обозначено у Птолемея градусами: 61° 30′ широты и 48° 10—долготы, т. е. на сѣверо-востокъ отъ Евпаторіи (60° 45′—47° 40′) и къ юго-востоку отъ Тафра (60° 40′—48° 15′), расположеннаго на перешейкѣ, соединяющемъ полуостровъ съ континентомъ. Въ виду крупныхъ погрѣшностей, какими отличаются представленія Птолемея объ очертаніяхъ и размѣрахъ Крыма въ цѣломъ [1]), было бы весьма рисковано искать городъ Паросту на территоріи Крыма непосредственно на основаніи сообщенныхъ имъ данныхъ долготы и широты; вполнѣ достаточно заимствовать у него указаніе на то, что городъ этотъ лежитъ въ западной части полуострова.

Не вдалекѣ отъ нынѣшней Евпаторіи лежатъ знаменитыя Сакскія грязи. Къ этому мѣсту и можно съ большой вѣроятностью пріурочить Парасинъ Плинія или Паросту Птолемея, независимо отъ окончательнаго рѣшенія вопроса о томъ, совпадала ли древняя Евпаторія съ нынѣшней, или же древнее имя дано татарскому Гёзлеву (въ произношеніи русскихъ—Козлову) безъ достаточнаго основанія, такъ какъ разстояніе, отдѣляющее нынѣшнюю Евпаторію отъ Севастополя приблизительно соотвѣтствуетъ тому, какое древніе периплы даютъ между Херсонесомъ и древней Евпаторіей.

---

[1]) Весьма возможно, что нѣкоторые города, каковы: Киммерія, Портакра, Китэй, попали по ошибкѣ Птолемея или его источника внутрь полуострова съ приморскаго берега.

II.

Къ вопросу о пещерныхъ городахъ.

Къ числу археологическихъ достопримѣчательностей Крыма, пользующихся наибольшей извѣстностью, принадлежатъ несомнѣнно такъ называемые „пещерные города". Тѣмъ не менѣе вопросы о томъ, когда они были обитаемы, когда возникли, какому изъ племенъ, занимавшихъ преемственно территорію, на которой они расположены, можно ихъ пріурочить,—остаются и понынѣ безъ ясныхъ и опредѣленныхъ отвѣтовъ. Древнѣйшее историческое свидѣтельство о крымскихъ пещерахъ, въ частности Инкерманскихъ, относится къ позднему времени, когда онѣ были уже въ запустѣніи. Разумѣемъ упоминаніе въ запискахъ священника Іакова, посѣтившаго Инкерманъ въ 1634—35 году [1]).

Авторитетный знатокъ крымскихъ древностей, А. Л. Бертье—Делагардъ, въ своемъ обстоятельномъ изслѣдованіи, посвященномъ преимущественно Инкерману (Записки Имп. Одесскаго Общ. Ист. и Древ. т. XIV, статья: Остатки древнихъ сооруженій въ окрестностяхъ Севастополя и пещерные города Крыма, стр. 166—279), привелъ нѣсколько весьма существенныхъ данныхъ, свидѣтельствующихъ о позднемъ происхожденіи многихъ группъ пещеръ, которыя суть не что иное, какъ христіанскіе монастыри, возникшіе, быть можетъ, въ XIV и XV вѣкѣ; но онъ не утверждаетъ, конечно, что „пещерные города" суть только монастыри и что всѣ они имѣютъ такую позднюю дату. Не задаваясь цѣлью подробно входить здѣсь въ изложеніе этого вопроса, какъ онъ стоитъ въ настоящее время, мы позволимъ себѣ указать здѣсь на одно мѣсто въ памятникѣ X вѣка, которое, какъ намъ думается, можетъ быть истолковано въ смыслѣ свидѣтельства объ обитаемости пещеръ въ пору хазарскаго владычества въ Крыму. Разумѣемъ слѣдующее мѣсто въ письмѣ испанскаго министра Ибнъ-Хаздая къ хазарскому кагану Іосифу, которое пріурочивается ко времени ок. 960 года. Цитату приводимъ по переводу г. Гаркави (Сказанія еврейскихъ писателей о Хазарахъ и хазарскомъ царствѣ. Прбгъ. 1874, стр. 109).

„Предки наши разсказывали намъ, что мѣсто, гдѣ они (хазарскіе евреи) жили, прежде называлось „Гора Сеиръ"; но государь мой знаетъ, что гора эта далека отъ его мѣстожительства. Наши старцы же говорятъ, что сначала жили они на горѣ Сеирѣ, но впослѣдствіи времени, когда они терпѣли гоненія и бѣдствія ихъ увеличились, перешли

---

[1]) Записки Одесск. Общ. и Ист. Древн., т. II, стр 688.

они на настоящее мѣстожительство. Старцы предшествовавшаго поколѣнія разсказываютъ также, что по грѣхамъ ихъ (хазарскихъ евреевъ), воздвигнуты были на нихъ преслѣдованія, и когда возстали на нихъ халдеи съ необузданной яростью, то они (евреи) спрятали свои свитки пятикнижія и другія священныя книги въ пещерѣ, гдѣ и стали молиться, а также обучали своихъ дѣтей, по причинѣ этихъ книгъ, молиться утромъ и вечеромъ въ пещерѣ. Впослѣдствіи же времени, они совершенно забыли о причинахъ, заставившихъ ихъ молиться въ пещерѣ, а только слѣдовали примѣру своихъ предковъ, не зная почему. Наконецъ появился между ними одинъ Еврей, желавшій узнать причину сему; онъ зашелъ въ пещеру, нашелъ ее полною книгами, вытащилъ ихъ оттуда, и съ того времени между ними распространилось изученіе закона. Такъ разсказывали наши предки, какъ они слышали другъ отъ друга, и вещь эта извѣстна издавна".

Въ этомъ разсказѣ все темно и неясно. Г. Гаркави останавливается въ своемъ комментаріи (стр. 145 и сл.) на вопросѣ о томъ, что слѣдуетъ разумѣть подъ горой Сеиръ и склоняется къ предположенію, что Сеиромъ разумѣется Кавказъ, гдѣ онъ ищетъ также и тѣхъ гонителей, которые названы здѣсь Халдеями. По данному вопросу мы не имѣемъ своего мнѣнія. Что же касается до общаго смысла повѣствованія, то здѣсь г. Гаркави оставляетъ своего читателя безъ всякой помощи. Но что же можетъ значить этотъ обычай молиться въ пещерѣ, причины котораго не знали державшіеся его хазарскіе евреи? и почему туземцу, какъ слѣдуетъ изъ текста письма, выпало на долю содѣйствовать распространенію изученія закона тѣмъ, что онъ извлекъ свитки пятикнижія изъ наполненной ими пещеры? Какъ могъ онъ не знать, что хранится въ пещерѣ, если онъ былъ туземецъ и еврей? Какимъ образомъ и почему это извлеченіе хранившихся въ пещерѣ книгъ, куда всѣ ходили молиться изъ рода въ родъ, могло содѣйствовать распространенію изученія закона? — Всѣ эти вопросы и разные другіе, которые можетъ вызвать повѣствованіе Ибнъ-Хаздая, остаются безъ отвѣта.

Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ какимъ то разсказомъ, который долго ходилъ изъ устъ въ уста, прежде чѣмъ ему дано было это изложеніе. Онъ относился къ хазарскимъ евреямъ и въ основѣ его могло быть сообщеніе одного изъ немногихъ въ ту пору еврейскихъ путешественниковъ съ запада, которые заходили къ хазарамъ и видѣли, какъ живутъ тамъ люди, исповѣдующіе одно съ ними ученіе. Молитва въ пещерѣ объясняется очень просто, если городъ былъ пещернымъ, каковъ и нынѣ знаменитый Чуфутъ-Кале.—Мы не можемъ, конечно, настаи-

вать на справедливости нашей догадки, но позволяемъ себѣ высказать ее, такъ какъ она представляется намъ весьма вѣроятной. Уже въ VII вѣкѣ хазары имѣли отношеніе къ Мангупу, такъ какъ имп. Юстиніанъ II, отсюда велъ сношенія съ хазарскимъ каганомъ [1]), а въ VIII они имъ владѣли и здѣсь стоялъ ихъ гарнизонъ, какъ извѣстно то изъ Житія Іоанна Готскаго [2]).

III.

Гурзуфъ или Карасанъ (Харасанъ) помянутъ въ житіи Іоанна Готскаго?

Въ 8-й главѣ названнаго житія сообщается о чудѣ, которое совершилъ этотъ святой надъ ученикомъ своимъ Василіемъ, при чемъ дано точное обозначеніе мѣстности гдѣ это случилось. Текстъ гласитъ такъ: *Ἐν Κουρασαίτοις τῷ ἐμπορίῳ ἀναπαυόμενος εἰς ἐκκλησίαν ἦν ὁ Ὁσίας. ἐν ᾗ ἐνδον ὑπῆρχεν μνήματα πλεῖστα. ὁ δὲ ταῖς νυξὶν ἀναστάμενος καὶ εὐχόμενος τούτοις ὥςπερ ζῶσιν διελέγετο...*, т. е. „Въ торжищѣ Курасаитахъ святой спалъ въ церкви, внутри которой было очень много гробницъ. По ночамъ, вставая для молитвы, онъ бесѣдовалъ съ мертвыми какъ съ живыми“...

Проф. Васильевскій въ своемъ прекрасномъ изслѣдованіи о житіи Іоанна Готскаго—Русско-византійскіе отрывки VII. Жур. Мин. Просв. 1878. ч. CXCV,—призналъ въ Курасаитахъ — Гурзуфъ. Ближайшимъ поводомъ къ такому отожествленію послужило прежде всего то, что у Прокопія въ извѣстномъ мѣстѣ о сооруженіяхъ Юстиніана въ Крыму (De aed. III ч.) дано намъ имя *Γορςουβῖται*, которое живетъ и понынѣ въ формѣ Гурзуфъ. Проф. Васильевскій ссылается при этомъ на „Крымскій Сборникъ“ Кеппена. Позволимъ себѣ замѣтить, что Кеппенъ, хотя и поминаетъ объ Іоаннѣ Готскомъ (стр. 66), не приводитъ однако нигдѣ даннаго мѣста его житія и въ перечисленіи разныхъ именъ, подъ какими является Гурзуфъ въ средніе вѣка (стр. 177) не называетъ формы *Κουρασαῖτοι* (или *Κουρασαῖτα*). Отожествленіе „торжища Курасаиты“ съ Гурзуфомъ сдѣлано очевидно по созвучію именъ *Κουρασαῖται* и *Γορςουβῖται*. Но если это такъ, то позволяемъ себѣ думать, что гораздо ближе къ интересующему насъ имени названіе мѣста, которое звучитъ Карасанъ, какъ оно приводится въ путеводителѣ Головкинскаго, или Харасанъ, какъ значится на картѣ генеральнаго Штаба новой съемки. Это урочище лежитъ между Партенитомъ, ро-

---

[1]) Theoph. Chron. p. 372 de Boor.

[2]) Житіе Іоанна Готскаго, гл. 5. *Ἀποστείλας γὰρ ὁ Χαγάνος παρέλαβε τὸ κάστρον-ἀντῶν (Γότθων) τὸ λεγόμενον Δόρος.*

диной св. Іоанна Готскаго, и Ламбатомъ, древнимъ *Λαμπάς*, извѣстными изъ перипловъ и позднѣйшихъ источниковъ. Приморское положеніе этого мѣста очень хорошо подходитъ къ обозначенію его какъ торжище, *ἐμπόριον*, какъ названъ въ томъ же памятникѣ Партенитъ.

Мы должны упомянуть еще объ одномъ отожествленіи торжища Курасаитовъ, которое принадлежитъ Мурзакевичу и сдѣлано имъ въ примѣчаніи къ переводу житія, помѣщенному въ XIII томѣ Записокъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, а именно: „Нѣчто подходящее къ Карасубазару при потокѣ Кара су". Полагаемъ, что здѣсь не приняты въ соображеніе историческія условія. Кара-су есть чисто татарское названіе и значитъ: черная вода. Появленіе Татаръ въ Крыму относится къ болѣе позднимъ временамъ, а потому и названіе это врядъ ли могло существовать въ VIII вѣкѣ. Къ тому же святой находился, очевидно, въ предѣлахъ своей епархіи, на территоріи занятой готами, а мѣстность нынѣшняго Карасу-базара лежитъ далеко за этими предѣлами.

Что касается до обстановки чуда, на которую указано въ текстѣ житія, и именно: ночлегъ святаго въ церкви со множествомъ гробницъ внутри ея, то проф. Васильевскій высказываетъ предположеніе, что „здѣсь нужно разумѣть одну изъ пещерныхъ церквей Крыма". Совершенно соглашаясь съ тѣмъ, что указанная въ текстѣ житія обстановка невольно вызываетъ въ воображеніи церкви и монастыри въ пещерахъ Инкермана, Черкесъ-Кермена или Тепе-Кермена, мы должны однако замѣтить, что ни въ Гурзуфѣ ни въ Карасанѣ нѣтъ пещеръ, а поэтому если разумѣть слѣдуетъ одно изъ этихъ двухъ мѣстъ подъ торжищемъ Курасаиты, то церковь, въ который ночевалъ св. Іоаннъ, была надземнымъ сооруженіемъ. Это однако нисколько не исключаетъ возможности нахожденія въ ней гробницъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ хотя бы церковь св. Іоанна Предтечи въ Керчи, на колонкахъ которой читается эпитафія VIII вѣка. Обычай погребенія въ церкви исконный какъ на западѣ, такъ и на востокѣ.

Юліанъ Кулаковскій.

II

Перстень Юффонъ-Амынъ-хана.

Между различными предметами моего собранія археологическихъ памятниковъ имѣется древній серебряный перстень представляющій,

на мой взглядъ, не малый интересъ. Перстень найденъ на берегу рѣки Упы, въ селѣ Никольскомъ, Одоевскаго уѣзда Тульской губерніи, и первоначально хранился у мѣстнаго жителя купца - заводчика, Ив. Ив. Чистикова, который любезно уступилъ его мнѣ, по знакомству. Перстень массивный, изъ чистаго серебра.—Значеніе перстней не одинаково. Что же такое перстень вообще и какое значеніе въ употребленіи имѣлъ перстень Аминь-хана?

Перстень, какъ названіе, конечно есть, сокращеніе имени прилагательнаго перстный—отъ слова перстъ (перстянъ,—енъ и ень). Какъ таковое, названіе перстень показываетъ, что обозначаемый имъ предметъ имѣетъ отношеніе къ персту—пальцу (какъ наперстокъ); но какой именно предметъ и соотвѣтствующее ему имя существительное предполагаются словомъ перстень? Полагаю, что — обручь. Слово обручь, по его значенію, собственно есть кольцо, замыкающееся на рукѣ или около руки—объ руку, т. е., металлическая перевязь, въ видѣ кольца, сканная, чеканная, панцырная и т. п. Если такая перевязь возлагалась на шею, это—гривна, если на руку выше локтя—обручь, если на руку близъ кисти или пясти — запястье, а если на перстъ — перстень. Всѣ такія кольца, отъ перстня до гривны включительно, первоначально были только украшеніемъ—убранствомъ, затѣмъ отличительнымъ украшеніемъ особыхъ лицъ, по ихъ выдающемуся общественному положенію или за знаменитыя дѣянія (гривна, перстень, какъ—цѣпь и ключъ и, наконецъ, принадлежностью опредѣленнаго званія, сана, должности (царь, митрополитъ и др.). Но изъ числа разнаго рода колецъ—обручей перстень получилъ свое особое и преимущественое значеніе.

Важное значеніе перстня, исторически—бытовое, стоитъ въ тѣсной связи съ символикой руки. Если рука, какъ органъ, служитъ орудіемъ непосредственнаго исполненія внутреннихъ движеній воли, по влеченію сердца, и, потому, всегда была символомъ воли человѣка, его силы и власти; то и перстень, какъ украшеніе руки, сталъ именно символическимъ знакомъ силы и власти, и какъ таковой, онъ былъ всегда необходимою и неотъемлемою принадлежностію властителей — повелителей. Смотря по тому, какому лицу принадлежалъ перстень (военному, гражданскому, духовному), онъ получалъ соотвѣтствующее ему значеніе и носилъ на себѣ соотвѣтственное тому изображеніе. Съ такимъ знаменательнымъ изображеніемъ перстень получилъ назначеніе печати, коей утверждались и удостовѣрялись разнаго рода акты, приводимые въ исполненіе отъ имени повелителей, имена коихъ были на печатяхъ. Именно къ такого рода памятникамъ относится и перстень

Аминъ-хана. Подробное разсмотрѣніе гравюры на его щиткѣ не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что этотъ перстень служилъ печатью.

1. Перстень на своемъ щиткѣ, въ видѣ усѣченнаго конуса имѣетъ изображеніе бюста хана, съ подписью его полнаго имени. Изображеніе и подпись выгравированы вглубь, при чемъ буквы выгравированы въ обратномъ порядкѣ, какъ именно дѣлается на печатяхъ и печатныхъ доскахъ (матрицахъ). Цѣль такого гравированія, очевидно, въ томъ, чтобы давленіемъ на воскъ и подобный матеріалъ воспроизвесть рельсефно изображеніе и относящуюся къ нему подпись.

2. Подпись на перстнѣ такова: перстень юфбон амын хан. Само собою понятно, что если для собственника печати нужно обозначать на ней свое имя, а ею обозначать оное на собственной вещи, то, по крайней мѣрѣ, слово „перстень“ уже вовсе излишне при обозначеніи принадлежности вещей могучему хану; и ношеніе самимъ ханомъ простого серебрянаго перстня—печати, безъ всякаго на немъ убранства также мало вѣроятно. Между тѣмъ все это вполнѣ совмѣстимо съ употребленіемъ перстня, какъ печати, назначенной ханомъ для своихъ подданныхъ. Иначе говоря, этотъ перстень не составлялъ принадлежности собственно или лично ханскаго убранства, а былъ именно и только печатью.

3. Значенію и употребленію перстня, какъ печати, вполнѣ соотвѣтствуетъ и самое изображеніе бюста хана (см. рис.). Оно представлено въ такомъ видѣ: лицо съ рѣзкими чертами—влѣво (на оттискѣ вправо); голова покрыта шеломомъ съ вьющейся по немъ гривой; широкая (парадная) одежда завершается глухимъ широкимъ воротомъ и отъ него съ плечъ спускается прямыми скадками; правая рука подвышена впередъ, съ кривой саблей противъ лица; лѣвая рука приложена къ груди противъ сердца. Этотъ важный и грозный видъ рельефно выражаетъ власть хана, восточнаго повелителя-деспота, предъ мечемъ котораго когда то трепеталирусскіе князья со своимъ народомъ.

Рис. 1

Рис. 2

4. Этотъ перстень, какъ печать, несомнѣнно былъ въ уотребленіи—въ дѣлѣ, что обнаруживается тѣмъ, что тонкая (нижняя) часть его кольца нѣсколько пригнута по направленію къ центру, что, конечно, произошло отъ постояннаго нажима на эту часть перстня при печатаніи имъ, когда щитокъ обращается внизъ.

Если, такимъ образомъ, этотъ перстень есть ханская печать, то самому ли Аминь-хану она принадлежала или его намѣстнику уполномоченному и т. п.?—Полагаю, что не самому хану принадлежала эта печать, а какому-либо его уполномоченному. За это говоритъ и самая простота перстня и русская надпись на немъ. Подпись русская нужна русскимъ людямъ, къ которымъ имѣла то или другое отношевласть хана. Вѣроятно, въ видѣ особой льготы, на что такъ склонны иной разъ бывали и ханы, или при исключительныхъ обстоятельствахъ русскому правителю—уполномоченному дана была эта ханская печать, чтобы утверждать разнаго рода письменные акты и распоряженія отъ имени хана печатью съ его именемъ и изображеніемъ его лица. А такъ какъ этотъ перстень найденъ въ предѣлахъ Одоевскаго уѣзда, то естественно предположить, что эту печать имѣлъ кто-либо изъ князей Одоевскихъ или иной кто, пребывавшій здѣсь по дѣламъ, уполномоченный хана.

Какой же ханъ, съ именемъ Аминя, имѣлъ отношеніе къ области, въ предѣлахъ которой найденъ перстень?—При отвѣтѣ на этотъ вопросъ, я признаю возможнымъ обратить вниманіе только на двухъ хановъ съ именемъ Аминя (при чемъ я не имѣю въ виду опредѣлять прибавленнаго къ этому имени, непонятнаго для меня, названія ю ф б о н). Воскресенская лѣтопись, подъ 1541 годомъ, между прочимъ, разсказываетъ, что крымскій „ханъ Сафа Гирѣй", возвращаясь съ берега Оки, осадилъ было городъ Пронскъ; но получилъ извѣстіе, что московскіе воеводы спѣшно идутъ на помощь Пронску, и „приступъ отложилъ, а туры и нарядъ велѣлъ пожечь, а самъ пошелъ прочь отъ города въ субботу на Преображеньевъ день. А царевичъ Аминь вышедъ на полѣ да отъ отца своего отворотилъ со многими людми на Одоевскіе мѣста; и князь Володимеръ Ивановичъ Воротынской съ своею братьею противъ татаръ изъ Одоева вышедъ и многихъ татаръ побиша, а иныхъ живыхъ переимавъ къ великому князю на Москву прислалъ 45 человѣкъ. А великаго князя воеводы пріидоша на Москву къ великому князю съ Коломны всѣ здравы" [1]). Изъ разсказа очевидно, что царевичъ Аминь не много пребывалъ и неудачно дѣйствовалъ въ „Одоевскихъ мѣстахъ" и, не имѣя здѣсь никакой власти, не могъ оставить здѣсь и никакого ея знака въ видѣ перстня—печати. Если можно указать еще на какого либо хана Аминя, который бы притомъ получилъ власть отъ Московскаго царя и былъ бы владѣтелемъ въ Одоевскихъ или сосѣднихъ съ Одоевскимъ княжествомъ предѣлахъ, то такимъ

---

[1]) П. С. Р. Л. т. VIII. Продолженіе Лѣтописи по Воскресенскому списку. Спб. 1859 Стр. 130.

Аминъ-хана. Подробное разсмотрѣніе гравюры на его щиткѣ не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что этотъ перстень служилъ печатью.

1. Перстень на своемъ щиткѣ, въ видѣ усѣченнаго конуса имѣетъ изображеніе бюста хана, съ подписью его полнаго имени. Изображеніе и подпись выгравированы вглубь, при чемъ буквы выгравированы въ обратномъ порядкѣ, какъ именно дѣлается на печатяхъ и печатныхъ доскахъ (матрицахъ). Цѣль такого гравированія, очевидно, въ томъ, чтобы давленіемъ на воскъ и подобный матеріалъ воспроизвесть рельсефно изображеніе и относящуюся къ нему подпись.

2. Подпись на перстнѣ такова: перстень юфбон амын хан. Само собою понятно, что если для собственника печати нужно обозначать на ней свое имя, а ею обозначать оное на собственной вещи, то, по крайней мѣрѣ, слово „перстень“ уже вовсе излишне при обозначеніи принадлежности вещей могучему хану; и ношеніе самимъ ханомъ простого серебрянаго перстня—печати, безъ всякаго на немъ убранства также мало вѣроятно. Между тѣмъ все это вполнѣ совмѣстимо съ употребленіемъ перстня, какъ печати, назначенной ханомъ для своихъ подданныхъ. Иначе говоря, этотъ перстень не составлялъ принадлежности собственно или лично ханскаго убранства, а былъ именно и только печатью.

3. Значенію и употребленію перстня, какъ печати, вполнѣ соотвѣтствуетъ и самое изображеніе бюста хана (см. рис.). Оно представлено въ такомъ видѣ: лицо съ рѣзкими чертами—влѣво (на оттискѣ вправо); голова покрыта шеломомъ съ вьющейся по немъ гривой; широкая (парадная) одежда завершается глухимъ широкимъ воротомъ и отъ него съ плечъ спускается прямыми складками; правая рука подвышена впередъ, съ кривой саблей противъ лица; лѣвая рука приложена къ груди противъ сердца. Этотъ важный и грозный видъ рельефно выражаетъ власть хана, восточнаго повелителя-деспота, предъ мечемъ котораго когда то трепеталирусскіе князья со своимъ народомъ.

Рис. 1

Рис. 2

4. Этотъ перстень, какъ печать, несомнѣнно былъ въ употребленіи—въ дѣлѣ, что обнаруживается тѣмъ, что тонкая (нижняя) часть его кольца нѣсколько пригнута по направленію къ щитку; это конечно, произошло отъ постоя[illegible] печатанія имъ, когда щиток[illegible]

Если, такимъ образомъ, этотъ перстень есть ханская печать, то самому ли Аминь-хану она принадлежала или его намѣстнику уполномоченному и т. п.?—Полагаю, что не самому хану принадлежала эта печать, а какому-либо его уполномоченному. За это говоритъ и самая простота перстня и русская надпись на немъ. Подпись русская нужна русскимъ людямъ, къ которымъ имѣла то или другое отношевласть хана. Вѣроятно, въ видѣ особой льготы, на что такъ склонны иной разъ бывали и ханы, или при исключительныхъ обстоятельствахъ русскому правителю—уполномоченному дана была эта ханская печать, чтобы утверждать разнаго рода письменные акты и распоряженія отъ имени хана печатью съ его именемъ и изображеніемъ его лица. А такъ какъ этотъ перстень найденъ въ предѣлахъ Одоевскаго уѣзда, то естественно предположить, что эту печать имѣлъ кто-либо изъ князей Одоевскихъ или иной кто, пребывавшій здѣсь по дѣламъ, уполномоченный хана.

Какой же ханъ, съ именемъ Аминя, имѣлъ отношеніе къ области, въ предѣлахъ которой найденъ перстень?—При отвѣтѣ на этотъ вопросъ, я признаю возможнымъ обратить вниманіе только на двухъ хановъ съ именемъ Аминя (при чемъ я не имѣю въ виду опредѣлять прибавленнаго къ этому имени, непонятнаго для меня, названія юффон). Воскресенская лѣтопись, подъ 1541 годомъ, между прочимъ, разсказываетъ, что крымскій „ханъ Сафа Гирѣй", возвращаясь съ берега Оки, осадилъ было городъ Пронскъ; но получилъ извѣстіе, что московскіе воеводы спѣшно идутъ на помощь Пронску, и „[illegible] [illegible], а туры и нарядъ велѣлъ пожечь, а самъ пошелъ [illegible] отъ [illegible] въ субботу на Преображеньевъ день. А царевичъ Аминь [illegible] на полѣ да отъ отца своего отворотилъ со многими [illegible] [illegible] и князь Володимеръ Ивановичъ Воротынской [illegible] противъ татаръ изъ Одоева вышедъ и многихъ [illegible], а живыхъ переимавъ къ великому князю [illegible] человѣкъ. А великаго князя воеводы [illegible] князю съ Коломны всѣ здравы" [1]). [illegible] [illegible] [illegible] ревичъ Аминь не много пребывалъ [illegible] скихъ мѣстахъ" и, не имѣя здѣсь [illegible] [illegible] [illegible]

былъ, конечно, царевичъ, а потомъ царь Казанскій Аминь, получившій власть на Руси отъ Московскаго царя Ивана III-го Васильевича. По свидѣтельству той же лѣтописи, въ 1496-мъ году весной „Князь Великій пожаловалъ бывшаго Казанскаго царя Могомедъ Аминя, далъ ему Коширу, да Серпуховъ, да Хотунъ съ всѣми пошлинами, и отпустилъ его, съ Москвы маіа 9: онъ же и тамо своего обычая не перемѣни, но насилствомъ живяше и халчно къ многымъ“ [1]). Вотъ, вѣроятно, тотъ Аминь-ханъ, коему власть дана была Иваномъ Васильевичемъ, и очевидно, какова была эта власть. Но какова бы она ни была, Аминь-ханъ долженъ былъ имѣть печать—перстень при собираніи пошлинъ съ подданныхъ ему городовъ, какъ именно ихъ князь, входившій, конечно, въ сношенія и съ сосѣдними князьями, каковы ближайшіе Одоевскіе [2]).

Если настоящія наши соображенія не встрѣтятъ рѣшительнаго опроверженія, то мы имѣемъ интересный бытовой памятникъ XV-го вѣка подлинный перстень-печать, Коширскаго-Серпуховскаго-Хотунскаго князя-хана Аминя [3]).

Николай Троицкій.

III.

Археологическая хроника.

—— Св. Синодъ предписалъ епархіальнымъ начальствамъ составить списки церковныхъ и монастырскихъ рѣдкостей: царскихъ грамотъ и Высочайшихъ указовъ, старинныхъ рукописей, старопечатныхъ книгъ, драгоцѣнной утвари и другихъ цѣнныхъ памятниковъ историческихъ, археологическихъ и художественныхъ. Списки эти должны быть представлены въ Св. Синодъ въ началѣ текущаго года (Нов. Вр. № 7118, 1895 г.).

---

[1]) Тамъ же, стр. 232.

[2]) *Примѣчаніе.* Времени господства этого хана, въ данной ему области, отнюдь не противорѣчатъ ни техника перстня, простая и съ простымъ орнаментомъ - веревочкой, ни палеографія подписи съ отсутствіемъ буквы Ъ, которая опущена, конечно, по недостатку мѣста для троекратнаго ея помѣщенія на небольшомъ щиткѣ, по необходимости и по назначенію толстомъ, но узкомъ.

[3]) Рисунокъ перстня разсматривалъ нашъ извѣстный оріенталистъ баронъ В. Г. Тизенгаузенъ, который любезно сообщилъ Редакціи, что надпись на перстнѣ „Юсфонъ Амынхан“ есть сокращеніе татарскаго имени يوسف بن امين خان т. е. Юсуфъ бенъ Аминь ханъ (Юсуфъ сынъ Аминь-хана). Изображенія поясныя человѣка съ мечемъ встрѣчаются на деньгахъ Димитрія Донскаго и нѣкоторыхъ удѣльныхъ князей XIV-го и начала XV вѣка.

Ред.

—— Въ дополненіе къ сообщеннымъ нами археологическимъ находкамъ, сдѣланнымъ г. Гошкевичемъ въ Херсонской губ. (см. „Археол. Изв.“ 1895 г., № 11, стр. 369—371) присоединяемъ слѣдующія свѣдѣнія о раскопкѣ тѣмъ же изслѣдователемъ кургановъ въ 3-хъ верстахъ отъ с. Архангельскаго (Херсонск. у.), изъ которыхъ одинъ извѣстенъ народу подъ названіемъ „Бузыняна могила“; у подошвы его при устройствѣ могилы были найдены слѣды подземнаго хода. Произведенное г. Гошкевичемъ изслѣдованіе показало, что раскопка хода очень неудобна, такъ какъ при этомъ пришлось бы потревожить гробы нѣсколькихъ недавнихъ покойниковъ. Имѣя однако въ виду раскопать „Бузыняну могилу“, г. Гошкекичъ предполагаетъ производить работы съ противоположной стороны кургана, не занятой еще свѣжими могилами. Для выясненія плана этой работы и ознакомленія со способомъ погребенія въ здѣшнихъ курганахъ названнымъ археологомъ произведены раскопки окружающихъ „Бузыняну могилу“ трехъ меньшихъ ея кургановъ, одного въ $1^1/_2$, другого въ $2^1/_2$ и третьяго въ 3 аршина вертикальной высоты, съ очень расплывшимися основаніями. Задача эта оказалась далеко не легкою, такъ какъ насыпи всѣхъ трехъ кургановъ переполнены огромными известняковыми камнями, а слои земли до того тверды, что поддавались только ломамъ. Въ самомъ меньшемъ курганѣ отрыто два скелета, лежавшіе одинъ подъ другимъ: верхній, въ насыпи кургана, всего на глубинѣ $^3/_4$ аршина, нижній—въ неглубокой могилѣ, выкопанной уже въ грунтѣ. Верхній покойникъ лежалъ на правомъ боку, головою къ сѣверо-востоку; кисть правой руки была подложена ему подъ голову, нижній покойникъ—на лѣвомъ боку, головою къ юго-западу, ноги у него въ колѣняхъ изогнуты. Никакихъ вещей при нихъ не оказалось. Интересно, что невдалекѣ отъ верхняго покойника найдены кусочки черепа ребенка, другихъ же костей дѣтскаго скелета, несмотря на самые тщательные поиски, не найдено. Поотдаль отъ второго скелета обнаружена яма, размѣромъ въ кубическій аршинъ, сверху заваленная каменной плитой; яма оказалась засыпанною землей, но ни скелета, ни вещей въ ней не найдено. Другой курганъ, среднихъ размѣровъ, заключалъ въ себѣ одну только могилу, а въ ней покойникъ былъ сидячій; съ лѣвой стороны скелета найденъ горшочекъ грубой работы. Третій курганъ, самый высокій, оказался сложеннымъ съ особымъ стараніемъ: вся насыпь его переполнена огромными глыбами известняка, утрамбованными, видимо, въ залитую водою глину, такъ что, несмотря на работу ломами, дѣло шло медленно, и чѣмъ дальше, тѣмъ земля становилась все тверже. Наконецъ, дошли до грунта, и обнаружилось очертаніе огромной могилы, въ 2 кв. саж.: это былъ склепъ,

весь обставленный дубовыми брусьями, совершенно сгнившими. Могила была переполнена камнями, вбитыми въ необыкновенно твердую землю. Склепъ имѣлъ и потолокъ, утвержденный на четырехъ столбахъ, но онъ провалился, и камни всей своей тяжестью раздавили мертвеца. Скелетъ лежалъ среди склепа, на каменныхъ плитахъ; все дно могилы гладко выстрогано и побѣлено. Голова покойника направлена прямо на югъ, и все туловище его расположено правильно, только черепъ повернутъ на правый високъ. На правой рукѣ скелета найденъ массивный, два раза свитый браслетъ изъ чистаго золота прекрасной античной работы, на шеѣ — четыре золотыя спиральки и янтарная буса; у лѣвой ноги — желѣзный небольшой ножикъ, вблизи черепа — остатки деревяннаго колчана и въ немъ 20 костяныхъ стрѣлокъ; тутъ же лежалъ кусочекъ красной краски и створка маленькой раковины устрицы. Судя по такой обстановкѣ погребенія, можно предположить, что могила принадлежала къ скиѳскому періоду (Новор. Телегр. 1895 г., № 6620).

Рис. 3

Рис. 4

—— Г. Гошкевичемъ любезно доставлено въ Редакцію рисунки золотого браслета (рис. 3) и такой же волосной спиральки (Lockenhalter) (рис. 4)—одной изъ 4-хъ, найденныхъ у височныхъ костей скелета. *Ред.*

—— Ѳ. В. Покровскій сообщаетъ слѣдующій краткій отчетъ раскопокъ, предпринятыхъ имъ лѣтомъ 1895 г. по порученію Имп. Московск. Археологическаго Общества. „Въ виду намѣченной мною еще въ 1893 году программы систематическаго изслѣдованія археологическихъ памятниковъ на современной литовско-бѣлорусской границѣ, археологическія изысканія 1895 года произведены были въ той части бассейна р. Виліи, которая непосредственно прилегаетъ, съ южной стороны, къ мѣсту прошлогоднихъ моихъ археологическихъ изысканій, и точное астрономическое положеніе которой опредѣляется 54°40′—55° с. ш. и 43°45′—44°25′ в. д. На этомъ пространствѣ, цѣликомъ входящемъ въ составъ Свенцянскаго уѣзда, Виленской губерніи, изслѣдовано было одиннадцать курганныхъ группъ, три—четыре мастерскихъ кремневыхъ стрѣлокъ, и осмотрѣно было, съ производствомъ нѣкоторыхъ пробныхъ изысканій, три городища.

Изслѣдованныя курганныя группы расположены въ слѣдующихъ мѣстахъ: 1) на кладбищѣ села Занарочъ, 2) на полѣ дер. Выголенепты, 3) на берегу р. Виліи, близъ дер. Рымшанцы, 4) близъ дер. Гузки, 5) на запущенномъ полѣ и въ лѣсу, близъ села Засвирь, 6) въ лѣсныхъ

урочищахъ — Тущѣ и Погорѣльѣ, близъ дер. Понизья, 7) на полѣ, близъ заст. Черная Лужа, 8) близъ лѣсничёвки Зезюлька им. Сидоришки, 9) на пасѣкѣ, близъ дер. Пильвины, 10) въ казенномъ и помѣщичьемъ лѣсу, близъ дер. Будраны и 11) среди сосновыхъ порослей, близъ м. Желядь.

Мастерскія кремневыхъ стрѣлокъ, съ яснѣе обозначенными характерными признаками подобныхъ мѣстъ, наблюдаемы были въ двухъ мѣстахъ,—на берегу озера Свирь,—на горахъ Лысой и Волчьей, принадлежащихъ крестьянамъ дер. Гузковъ, и въ двухъ также мѣстахъ,—именно, на берегу того же озера Свирь, близъ Лысой горы въ дер. Корокъ, и на берегу р. Виліи, около заст. Якубишки, обнаружены были лишь слабые слѣды подобныхъ мастерскихъ.

Изъ мѣстъ старинныхъ поселеній въ изслѣдованномъ районѣ, два, съ ясно выраженной формой городищъ, находятся при дер. Островляны и заст. Якубишки и одно—на берегу оз. Свирь, близъ дер. Корокъ.

Наибольшее количество вещественныхъ находокъ, по обычному для нашихъ мѣстъ явленію, приходится на долю кургановъ. Въ виду предполагаемаго подробнаго описанія и характеристики добытыхъ при раскопкахъ кургановъ предметовъ, въ данную минуту достаточно ограничиться указаніемъ лишь слѣдующихъ нѣкоторыхъ общихъ фактовъ. Общая сумма добытыхъ въ курганахъ предметовъ можетъ быть опредѣлена числомъ приблизительно около трехъ сотъ. Со стороны матеріала, преобладаютъ предметы изъ желѣза, и среди нихъ первое въ количественномъ отношеніи мѣсто занимаютъ наконечники копій; и вообще, предметы вооруженія и конской сбруи составляютъ большую половину добытыхъ изъ кургановъ предметовъ. Какъ болѣе интересные въ археологическомъ отношеніи предметы должны быть отмѣчены желѣзныя римскія фибулы и найденные въ трехъ могильникахъ, своеобразной формы желѣзные серпы; заслуживаютъ также предпочтительнаго предъ другими предметами вниманія желѣзные умбоны и найденныя въ одномъ курганѣ части меча.

Преобладающее количество находокъ въ мастерскихъ кремневыхъ орудій составляютъ, по обычаю, обломки кремневыхъ стрѣлокъ и черепки посуды, сдѣланной отъ руки, а въ городищахъ—такіе же и гончарные черепки и разные, преимущественно, желѣзные шлаки.

Кромѣ того, во время экскурсіи пріобрѣтено было до полутора десятка каменныхъ топоровъ, найденныхъ крестьянами разныхъ деревень при обработкѣ полей".

—— Рязанскій музей при Ряз. уч. архивной Коммиссіи продолжаетъ обогащаться древностями. Несмотря на кратковременное суще-

диной св. Іоанна Готскаго, и Ламбатомъ, древнимъ *Λαμπάς*, извѣстными изъ перипловъ и позднѣйшихъ источниковъ. Приморское положеніе этого мѣста очень хорошо подходитъ къ обозначенію его какъ торжище, *ἐμπόριον*, какъ названъ въ томъ же памятникѣ Партенитъ.

Мы должны упомянуть еще объ одномъ отожествленіи торжища Курасаитовъ, которое принадлежитъ Мурзакевичу и сдѣлано имъ въ примѣчаніи къ переводу житія, помѣщенному въ XIII томѣ Записокъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, а именно: „Нѣчто подходящее къ Карасубазару при потокѣ Кара су". Полагаемъ, что здѣсь не приняты въ соображеніе историческія условія. Кара-су есть чисто татарское названіе и значитъ: черная вода. Появленіе Татаръ въ Крыму относится къ болѣе позднимъ временамъ, а потому и названіе это врядъ ли могло существовать въ VIII вѣкѣ. Къ тому же святой находился, очевидно, въ предѣлахъ своей епархіи, на территоріи занятой готами, а мѣстность нынѣшняго Карасу-базара лежитъ далеко за этими предѣлами.

Что касается до обстановки чуда, на которую указано въ текстѣ житія, и именно: ночлегъ святаго въ церкви со множествомъ гробницъ внутри ея, то проф. Васильевскій высказываетъ предположеніе, что „здѣсь нужно разумѣть одну изъ пещерныхъ церквей Крыма". Совершенно соглашаясь съ тѣмъ, что указанная въ текстѣ житія обстановка невольно вызываетъ въ воображеніи церкви и монастыри въ пещерахъ Инкермана, Черкесъ-Кермена или Тепе-Кермена, мы должны однако замѣтить, что ни въ Гурзуфѣ ни въ Карасанѣ нѣтъ пещеръ, а поэтому если разумѣть слѣдуетъ одно изъ этихъ двухъ мѣстъ подъ торжищемъ Курасаиты, то церковь, въ который ночевалъ св. Іоаннъ, была надземнымъ сооруженіемъ. Это однако нисколько не исключаетъ возможности нахожденія въ ней гробницъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ хотя бы церковь св. Іоанна Предтечи въ Керчи, на колонкахъ которой читается эпитафія VIII вѣка. Обычай погребенія въ церкви исконный какъ на западѣ, такъ и на востокѣ.

Юліанъ Кулаковскій.

II

Перстень Юфбонъ-Амынъ-хана.

Между различными предметами моего собранія археологическихъ памятниковъ имѣется древній серебряный перстень представляющій,

на мой взглядъ, не малый интересъ. Перстень найденъ на берегу рѣки Упы, въ селѣ Никольскомъ, Одоевскаго уѣзда Тульской губерніи, и первоначально хранился у мѣстнаго жителя купца - заводчика, Ив. Ив. Чистикова, который любезно уступилъ его мнѣ, по знакомству. Перстень массивный, изъ чистаго серебра.—Значеніе перстней не одинаково. Что же такое перстень вообще и какое значеніе въ употребленіи имѣлъ перстень Аминь-хана?

Перстень, какъ названіе, конечно есть, сокращеніе имени прилагательнаго перстный—отъ слова перстъ (перстянъ,—енъ и ень). Какъ таковое, названіе перстень показываетъ, что обозначаемый имъ предметъ имѣетъ отношеніе къ персту—пальцу (какъ наперстокъ); но какой именно предметъ и соотвѣтствующее ему имя существительное предполагаются словомъ перстень? Полагаю, что — обручь. Слово обручь, по его значенію, собственно есть кольцо, замыкающееся на рукѣ или около руки—объ руку, т. е., металлическая перевязь, въ видѣ кольца, сканная, чеканная, панцырная и т. п. Если такая перевязь возлагалась на шею, это—гривна, если на руку выше локтя—обручь, если на руку близъ кисти или пясти — запястье, а если на перстъ — перстень. Всѣ такія кольца, отъ перстня до гривны включительно, первоначально были только украшеніемъ—убранствомъ, затѣмъ отличительнымъ украшеніемъ особыхъ лицъ, по ихъ выдающемуся общественному положенію или за знаменитыя дѣянія (гривна, перстень, какъ—цѣпь и ключъ и, наконецъ, принадлежностью опредѣленнаго званія, сана, должности (царь, митрополитъ и др.). Но изъ числа разнаго рода колецъ—обручей перстень получилъ свое особое и преимущественое значеніе.

Важное значеніе перстня, исторически—бытовое, стоитъ въ тѣсной связи съ символикой руки. Если рука, какъ органъ, служитъ орудіемъ непосредственнаго исполненія внутреннихъ движеній воли, по влеченію сердца, и, потому, всегда была символомъ воли человѣка, его силы и власти; то и перстень, какъ украшеніе руки, сталъ именно символическимъ знакомъ силы и власти, и какъ таковой, онъ былъ всегда необходимою и неотъемлемою принадлежностію властителей — повелителей. Смотря по тому, какому лицу принадлежалъ перстень (военному, гражданскому, духовному), онъ получалъ соотвѣтствующее ему значеніе и носилъ на себѣ соотвѣтственное тому изображеніе. Съ такимъ знаменательнымъ изображеніемъ перстень получилъ назначеніе печати, коей утверждались и удостовѣрялись разнаго рода акты, приводимые въ исполненіе отъ имени повелителей, имена коихъ были на печатяхъ. Именно къ такого рода памятникамъ относится и перстень

Аминъ-хана. Подробное разсмотрѣніе гравюры на его щиткѣ не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что этотъ перстень служилъ печатью.

1. Перстень на своемъ щиткѣ, въ видѣ усѣченнаго конуса имѣетъ изображеніе бюста хана, съ подписью его полнаго имени. Изображеніе и подпись выгравированы вглубь, при чемъ буквы выгравированы въ обратномъ порядкѣ, какъ именно дѣлается на печатяхъ и печатныхъ доскахъ (матрицахъ). Цѣль такого гравированія, очевидно, въ томъ, чтобы давленіемъ на воскъ и подобный матеріалъ воспроизвесть рельсефно изображеніе и относящуюся къ нему подпись.

2. Подпись на перстнѣ такова: перстень юфбон амын хан. Само собою понятно, что если для собственника печати нужно обозначать на ней свое имя, а ею обозначать оное на собственной вещи, то, по крайней мѣрѣ, слово „перстень“ уже вовсе излишне при обозначеніи принадлежности вещей могучему хану; и ношеніе самимъ ханомъ простого серебрянаго перстня—печати, безъ всякаго на немъ убранства также мало вѣроятно. Между тѣмъ все это вполнѣ совмѣстимо съ употребленіемъ перстня, какъ печати, назначенной ханомъ для своихъ подданныхъ. Иначе говоря, этотъ перстень не составлялъ принадлежности собственно или лично ханскаго убранства, а былъ именно и только печатью.

3. Значенію и употребленію перстня, какъ печати, вполнѣ соотвѣтствуетъ и самое изображеніе бюста хана (см. рис.). Оно представлено въ такомъ видѣ: лицо съ рѣзкими чертами—влѣво (на оттискѣ вправо); голова покрыта шеломомъ съ вьющейся по немъ гривой; широкая (парадная) одежда завершается глухимъ широкимъ воротомъ и отъ него съ плечъ спускается прямыми скадками; правая рука подвышена впередъ, съ кривой саблей противъ лица; лѣвая рука приложена къ груди противъ сердца. Этотъ важный и грозный видъ рельефно выражаетъ власть хана, восточнаго повелителя-деспота, предъ мечемъ котораго когда то трепеталирусскіе князья со своимъ народомъ.

Рис. 1

Рис. 2

4. Этотъ перстень, какъ печать, несомнѣнно былъ въ уотребленіи—въ дѣлѣ, что обнаруживается тѣмъ, что тонкая (нижняя) часть его кольца нѣсколько пригнута по направленію къ центру, что, конечно, произошло отъ постояннаго нажима на эту часть перстня при печатаніи имъ, когда щитокъ обращается внизъ.

Если, такимъ образомъ, этотъ перстень есть ханская печать, то самому ли Аминь-хану она принадлежала или его намѣстнику уполномоченному и т. п.?—Полагаю, что не самому хану принадлежала эта печать, а какому-либо его уполномоченному. За это говоритъ и самая простота перстня и русская надпись на немъ. Подпись русская нужна русскимъ людямъ, къ которымъ имѣла то или другое отношевласть хана. Вѣроятно, въ видѣ особой льготы, на что такъ склонны иной разъ бывали и ханы, или при исключительныхъ обстоятельствахъ русскому правителю—уполномоченному дана была эта ханская печать, чтобы утверждать разнаго рода письменные акты и распоряженія отъ имени хана печатью съ его именемъ и изображеніемъ его лица. А такъ какъ этотъ перстень найденъ въ предѣлахъ Одоевскаго уѣзда, то естественно предположить, что эту печать имѣлъ кто-либо изъ князей Одоевскихъ или иной кто, пребывавшій здѣсь по дѣламъ, уполномоченный хана.

Какой же ханъ, съ именемъ Аминя, имѣлъ отношеніе къ области, въ предѣлахъ которой найденъ перстень?—При отвѣтѣ на этотъ вопросъ, я признаю возможнымъ обратить вниманіе только на двухъ хановъ съ именемъ Аминя (при чемъ я не имѣю въ виду опредѣлять прибавленнаго къ этому имени, непонятнаго для меня, названія ю ф б о н). Воскресенская лѣтопись, подъ 1541 годомъ, между прочимъ, разсказываетъ, что крымскій „ханъ Сафа Гирѣй", возвращаясь съ берега Оки, осадилъ было городъ Пронскъ; но получилъ извѣстіе, что московскіе воеводы спѣшно идутъ на помощь Пронску, и „приступъ отложилъ, а туры и нарядъ велѣлъ пожечь, а самъ пошелъ прочь отъ города въ субботу на Преображеньевъ день. А царевичъ Аминь вышедъ на полѣ да отъ отца своего отворотилъ со многими людми на Одоевскіе мѣста; и князь Володимеръ Ивановичъ Воротынской съ своею братьею противъ татаръ изъ Одоева вышедъ и многихъ татаръ побиша, а иныхъ живыхъ переимавъ къ великому князю на Москву прислалъ 45 человѣкъ. А великаго князя воеводы пріидоша на Москву къ великому князю съ Коломны всѣ здравы" [1]). Изъ разсказа очевидно, что царевичъ Аминь не много пребывалъ и неудачно дѣйствовалъ въ „Одоевскихъ мѣстахъ" и, не имѣя здѣсь никакой власти, не могъ оставить здѣсь и никакого ея знака въ видѣ перстня—печати. Если можно указать еще на какого либо хана Аминя, который бы притомъ получилъ власть отъ Московскаго царя и былъ бы владѣтелемъ въ Одоевскихъ или сосѣднихъ съ Одоевскимъ княжествомъ предѣлахъ, то такимъ

---

[1]) П. С. Р. Л. т. VIII. Продолженіе Лѣтописи по Воскресенскому списку. Спб. 1859 Стр. 130.

былъ, конечно, царевичъ, а потомъ царь Казанскій Аминь, получившій власть на Руси отъ Московскаго царя Ивана III-го Васильевича. По свидѣтельству той же лѣтописи, въ 1496-мъ году весной „Князь Великій пожаловалъ бывшаго Казанскаго царя Могомедъ Аминя, далъ ему Коширу, да Серпуховъ, да Хотунъ съ всѣми пошлинами, и отпустилъ его, съ Москвы маіа 9: онъ же и тамо своего обычая не перемѣни, но насилствомъ живяше и халчно къ многымъ“ [1]). Вотъ, вѣроятно, тотъ Аминь-ханъ, коему власть дана была Иваномъ Васильевичемъ, и очевидно, какова была эта власть. Но какова бы она ни была, Аминь-ханъ долженъ былъ имѣть печать—перстень при собираніи пошлинъ съ подданныхъ ему городовъ, какъ именно ихъ князь, входившій, конечно, въ сношенія и съ сосѣдними князьями, каковы ближайшіе Одоевскіе [2]).

Если настоящія наши соображенія не встрѣтятъ рѣшительнаго опроверженія, то мы имѣемъ интересный бытовой памятникъ XV-го вѣка подлинный перстень-печать, Коширскаго-Серпуховскаго-Хотунскаго князя-хана Аминя [3]).

Николай Троицкій.

III.

Археологическая хроника.

—— Св. Синодъ предписалъ епархіальнымъ начальствамъ составить списки церковныхъ и монастырскихъ рѣдкостей: царскихъ грамотъ и Высочайшихъ указовъ, старинныхъ рукописей, старопечатныхъ книгъ, драгоцѣнной утвари и другихъ цѣнныхъ памятниковъ историческихъ, археологическихъ и художественныхъ. Списки эти должны быть представлены въ Св. Синодъ въ началѣ текущаго года (Нов. Вр. № 7118, 1895 г.).

---

[1]) Тамъ же, стр. 232.

[2]) *Примѣчаніе.* Времени господства этого хана, въ данной ему области, отнюдь не противорѣчатъ ни техника перстня, простая и съ простымъ орнаментомъ - веревочкой, ни палеографія подписи съ отсутствіемъ буквы Ъ, которая опущена, конечно, по недостатку мѣста для троекратнаго ея помѣщенія на небольшомъ щиткѣ, по необходимости и по назначенію толстомъ, но узкомъ.

[3]) Рисунокъ перстня разсматривалъ нашъ извѣстный оріенталистъ баронъ В. Г. Тизенгаузенъ, который любезно сообщилъ Редакціи, что надпись на перстнѣ „Юффонъ Аминхан“ есть сокращеніе татарскаго имени يوسف بن امين خان т. е. Юсуфъ бенъ Аминь ханъ (Юсуфъ сынъ Аминь-хана). Изображенія поясныя человѣка съ мечемъ встрѣчаются на деньгахъ Димитрія Донскаго и нѣкоторыхъ удѣльныхъ князей XIV-го и начала XV вѣка.

Ред.

—— Въ дополненіе къ сообщеннымъ нами археологическимъ находкамъ, сдѣланнымъ г. Гошкевичемъ въ Херсонской губ. (см. „Археол. Изв.“ 1895 г., № 11, стр. 369—371) присоединяемъ слѣдующія свѣдѣнія о раскопкѣ тѣмъ же изслѣдователемъ кургановъ въ 3-хъ верстахъ отъ с. Архангельскаго (Херсонск. у.), изъ которыхъ одинъ извѣстенъ народу подъ названіемъ „Бузыняна могила“; у подошвы его при устройствѣ могилы были найдены слѣды подземнаго хода. Произведенное г. Гошкевичемъ изслѣдованіе показало, что раскопка хода очень неудобна, такъ какъ при этомъ пришлось бы потревожить гробы нѣсколькихъ недавнихъ покойниковъ. Имѣя однако въ виду раскопать „Бузыняну могилу“, г. Гошкекичъ предполагаетъ производить работы съ противоположной стороны кургана, не занятой еще свѣжими могилами. Для выясненія плана этой работы и ознакомленія со способомъ погребенія въ здѣшнихъ курганахъ названнымъ археологомъ произведены раскопки окружающихъ „Бузыняну могилу“ трехъ меньшихъ ея кургановъ, одного въ $1^1/_2$, другого въ $2^1/_2$ и третьяго въ 3 аршина вертикальной высоты, съ очень расплывшимися основаніями. Задача эта оказалась далеко не легкою, такъ какъ насыпи всѣхъ трехъ кургановъ переполнены огромными известняковыми камнями, а слои земли до того тверды, что поддавались только ломамъ. Въ самомъ меньшемъ курганѣ отрыто два скелета, лежавшіе одинъ подъ другимъ: верхній, въ насыпи кургана, всего на глубинѣ $^3/_4$ аршина, нижній—въ неглубокой могилѣ, выкопанной уже въ грунтѣ. Верхній покойникъ лежалъ на правомъ боку, головою къ сѣверо-востоку; кисть правой руки была подложена ему подъ голову, нижній покойникъ—на лѣвомъ боку, головою къ юго-западу, ноги у него въ колѣняхъ изогнуты. Никакихъ вещей при нихъ не оказалось Интересно, что невдалекѣ отъ верхняго покойника найдены кусочки черепа ребенка, другихъ же костей дѣтскаго скелета, несмотря на самые тщательные поиски, не найдено. Поотдаль отъ второго скелета обнаружена яма, размѣромъ въ кубическій аршинъ, сверху заваленная каменной плитой; яма оказалась засыпанною землей, но ни скелета, ни вещей въ ней не найдено. Другой курганъ, среднихъ размѣровъ, заключалъ въ себѣ одну только могилу, а въ ней покойникъ былъ сидячій; съ лѣвой стороны скелета найденъ горшочекъ грубой работы. Третій курганъ, самый высокій, оказался сложеннымъ съ особымъ стараніемъ: вся насыпь его переполнена огромными глыбами известняка, утрамбованными, видимо, въ залитую водою глину, такъ что, несмотря на работу ломами, дѣло шло медленно, и чѣмъ дальше, тѣмъ земля становилась все тверже. Наконецъ, дошли до грунта, и обнаружилось очертаніе огромной могилы, въ 2 кв. саж.: это былъ склепъ,

весь обставленный дубовыми брусьями, совершенно сгнившими. Могила была переполнена камнями, вбитыми въ необыкновенно твердую землю. Склепъ имѣлъ и потолокъ, утвержденный на четырехъ столбахъ, но онъ провалился, и камни всей своей тяжестью раздавили мертвеца. Скелетъ лежалъ среди склепа, на каменныхъ плитахъ; все дно могилы гладко выстрогано и побѣлено. Голова покойника направлена прямо на югъ, и все туловище его расположено правильно, только черепъ повернутъ на правый високъ. На правой рукѣ скелета найденъ массивный, два раза свитый браслетъ изъ чистаго золота прекрасной античной работы, на шеѣ — четыре золотыя спиральки и янтарная буса; у лѣвой ноги — желѣзный небольшой ножикъ, вблизи черепа — остатки деревяннаго колчана и въ немъ 20 костяныхъ стрѣлокъ; тутъ же лежалъ кусочекъ красной краски и створка маленькой раковины устрицы. Судя по такой обстановкѣ погребенія, можно предположить, что могила принадлежала къ скиѳскому періоду (Новор. Телегр. 1895 г., № 6620).

Рис. 3 Рис. 4

—— Г. Гошкевичемъ любезно доставлено въ Редакцію рисунки золотого браслета (рис. 3) и такой же волосной спиральки (Lockenhalter) (рис. 4)—одной изъ 4-хъ, найденныхъ у височныхъ костей скелета. *Ред.*

—— Ѳ. В. Покровскій сообщаетъ слѣдующій краткій отчетъ раскопокъ, предпринятыхъ имъ лѣтомъ 1895 г. по порученію Имп. Московск. Археологическаго Общества. „Въ виду намѣченной мною еще въ 1893 году программы систематическаго изслѣдованія археологическихъ памятниковъ на современной литовско-бѣлорусской границѣ, археологическія изысканія 1895 года произведены были въ той части бассейна р. Виліи, которая непосредственно прилегаетъ, съ южной стороны, къ мѣсту прошлогоднихъ моихъ археологическихъ изысканій, и точное астрономическое положеніе которой опредѣляется 54°40′—55° с. ш. и 43°45′—44°25′ в. д. На этомъ пространствѣ, цѣликомъ входящемъ въ составъ Свенцянскаго уѣзда, Виленской губерніи, изслѣдовано было одиннадцать курганныхъ группъ, три—четыре мастерскихъ кремневыхъ стрѣлокъ, и осмотрѣно было, съ производствомъ нѣкоторыхъ пробныхъ изысканій, три городища.

Изслѣдованныя курганныя группы расположены въ слѣдующихъ мѣстахъ: 1) на кладбищѣ села Занарочъ, 2) на полѣ дер. Выголепенты, 3) на берегу р. Виліи, близъ дер. Рымшанцы, 4) близъ дер. Гузки, 5) на запущенномъ полѣ и въ лѣсу, близъ села Засвирь, 6) въ лѣсныхъ

урочищахъ — Тущѣ и Погорѣльѣ, близъ дер. Понизья, 7) на полѣ, близъ заст. Черная Лужа, 8) близъ лѣсничёвки Зезюлька им. Сидоришки, 9) на пасѣкѣ, близъ дер. Пильвины, 10) въ казенномъ и помѣщичьемъ лѣсу, близъ дер. Будраны и 11) среди сосновыхъ порослей, близъ м. Желядь.

Мастерскія кремневыхъ стрѣлокъ, съ яснѣе обозначенными характерными признаками подобныхъ мѣстъ, наблюдаемы были въ двухъ мѣстахъ,—на берегу озера Свирь,—на горахъ Лысой и Волчьей, принадлежащихъ крестьянамъ дер. Гузковъ, и въ двухъ также мѣстахъ,—именно, на берегу того же озера Свирь, близъ Лысой горы въ дер. Корокъ, и на берегу р. Виліи, около заст. Якубишки, обнаружены были лишь слабые слѣды подобныхъ мастерскихъ.

Изъ мѣстъ старинныхъ поселеній въ изслѣдованномъ районѣ, два, съ ясно выраженной формой городищъ, находятся при дер. Островляны и заст. Якубишки и одно—на берегу оз. Свирь, близъ дер. Корокъ.

Наибольшее количество вещественныхъ находокъ, по обычному для нашихъ мѣстъ явленію, приходится на долю кургановъ. Въ виду предполагаемаго подробнаго описанія и характеристики добытыхъ при раскопкахъ кургановъ предметовъ, въ данную минуту достаточно ограничиться указаніемъ лишь слѣдующихъ нѣкоторыхъ общихъ фактовъ. Общая сумма добытыхъ въ курганахъ предметовъ можетъ быть опредѣлена числомъ приблизительно около трехъ сотъ. Со стороны матеріала, преобладаютъ предметы изъ желѣза, и среди нихъ первое въ количественномъ отношеніи мѣсто занимаютъ наконечники копій; и вообще, предметы вооруженія и конской сбруи составляютъ большую половину добытыхъ изъ кургановъ предметовъ. Какъ болѣе интересные въ археологическомъ отношеніи предметы должны быть отмѣчены желѣзныя римскія фибулы и найденные въ трехъ могильникахъ, своеобразной формы желѣзные серпы; заслуживаютъ также предпочтительнаго предъ другими предметами вниманія желѣзные умбоны и найденныя въ одномъ курганѣ части меча.

Преобладающее количество находокъ въ мастерскихъ кремневыхъ орудій составляютъ, по обычаю, обломки кремневыхъ стрѣлокъ и черепки посуды, сдѣланной отъ руки, а въ городищахъ—такіе же и гончарные черепки и разные, преимущественно, желѣзные шлаки.

Кромѣ того, во время экскурсіи пріобрѣтено было до полутора десятка каменныхъ топоровъ, найденныхъ крестьянами разныхъ деревень при обработкѣ полей".

—— Рязанскій музей при Ряз. уч. архивной Коммиссіи продолжаетъ обогащаться древностями. Несмотря на кратковременное суще-

ствованіе (начало ему положено въ 1884 г., открытъ для публики только 4 года тому назадъ), музей въ настоящее время имѣетъ коллекцію ископаемыхъ представителей древней фауны и бытовыхъ предметовъ каменнаго вѣка—орудій, оружія и гончарныхъ издѣлій; кромѣ того, въ немъ находится очень богатое собраніе предметовъ, добытыхъ изъ раскопокъ мѣстныхъ могильниковъ; впрочемъ, значительная часть результатовъ раскопокъ поступаетъ въ Археологическую Коммиссію. Затѣмъ слѣдуетъ собраніе серебряныхъ украшеній, бусъ тканей, крестовъ, образковъ и оружія княжеской эпохи. Между ними обращаютъ на себя вниманіе: замѣчательная серебряная чаша съ изображеніемъ птицы, и обломокъ мѣднаго сосуда съ нарѣзными изображеніями человѣческихъ фигуръ и латинскими надписями; лоскуты древнихъ одеждъ изъ могилъ и пр.; всѣ предметы идутъ изъ старой Рязани. Желательно было бы обратить вниманіе на дальнѣйшее изслѣдованіе этого интереснаго, но не вполнѣ изслѣдованнаго городища. Кромѣ того въ музеѣ находится большой отдѣлъ церковныхъ древностей, многочисленный подборъ образцовъ стариннаго шитья, женской одежды, серегъ, колецъ, цѣпочекъ, печатей, изразцовъ, стеклянной и глиняной посуды, ларчиковъ, оружія и мебели. Наконецъ, въ музеѣ хранится также коллекція медалей и монетъ, причемъ особую цѣнность имѣетъ собраніе монетныхъ кладовъ.—Съ января по май 1895 г. музей обогатился нѣкоторыми коллекціями, изъ которыхъ особенное вниманіе обращаютъ: 1) предметы, собранные А. А. Спицынымъ въ 1892 г., близъ с. Жабокъ, Егорьевскаго у., 2) нѣсколько древнихъ иконъ пріобрѣтенныхъ С. Д. Яхонтовымъ, 3) коллекція римскихъ императорскихъ монетъ, 4) древніе кресты и пр.

—— С. Д. Яхонтовъ (въ Тр. Ряз. арх. Ком. XI, 1895) издалъ надписи на двухъ серебряныхъ позолоченныхъ братинахъ и двухъ такихъже кружкахъ, хранящихся при архіерейскомъ домѣ въ Рязани. Одна изъ нихъ вмѣщающая штофъ воды и, сдѣланная, какъ это явствуетъ изъ надписи въ 1638 г., покрыта изрѣченіями и біографическими свѣдѣніями о протопопѣ по заказу котораго изготовлена братина. Другая братина имѣетъ слѣдующую надпись: „Братина Святѣйшаго Іосифа Патріарха, его келейная“. Кружки украшены нѣмецкими надписями.

—— Археологическій отдѣлъ музея Общества Археологіи Исторіи и Этнографіи при И. Казанск. Ун. обогатился за 1895 г. м. пр. слѣдующими интересными коллекціями: 1) предметовъ, найденныхъ Ф. В. Духовниковымъ въ развалинахъ г. Увека въ 1893 г.; 2) оружія, украшеній, предметовъ быта, найденныхъ Гайнуддиномъ-Ахмаровымъ въ 1893 г. на мѣстѣ г. Сувара, близъ дер. Кузнечихи; 3) 325 серебря-

ныхъ джучидскихъ монетъ 1427—1479 г. по Р. Х. (831—884 гг. гиджры), найденныхъ въ Мамадышскомъ у., Казанск. губ. [1]); 4) В. П. Рожковъ принесъ въ даръ Обществу 7 мѣдныхъ наконечниковъ стрѣлъ, найденныхъ на берегу р. Бердянки, Буртинской вол., Актюбинскаго у. Тургайской обл., на поверхности земли. По словамъ киргизовъ, которые приписываютъ искусство выдѣлки этихъ стрѣлокъ своимъ предкамъ, наконечники, подобные присланнымъ В. П. Рожковымъ, иногда попадаются цѣлыми колчанами особенно на берегу рч. Канды-су въ той же волости. (Изв. Общ. Арх. Ист. и Этногр. при И. Каз. Ун. XIII, 3).

—— П. Пономаревъ въ Извѣст. Общ. Археологіи Исторіи и Этнографіи опубликовалъ свой докладъ Обществу о совершенной имъ лѣтомъ 1895 г. въ сопровожденіи нѣсколькихъ лицъ археологической поѣздкѣ на р. Каму. Цѣль экспедиціи была изслѣдовать нѣкоторыя городища. Прежде всего экспедиція направилась черезъ Рыбную Слободу въ с. Троицкій Урай. Камскій берегъ между этими селеніями представляетъ дугообразный пятиверстный изгибъ; надъ заливной низиной (шир. 10—100 саж.) поднимается возвышенное плато, опускающееся къ сторонѣ рѣки глинистыми кругами, саж. въ 10 высотою. Версты за $1^1/_2$ ниже Троицкаго Урая окрайна этой горной площади разорвана 3-мя ущелистыми оврагами и выдается къ заливной низинѣ 2-мя горными площадками или стрѣлками (шир. 5—15 саж.). На разстояніи 30—35 саж. отъ оконечности эти стрѣлки заграждены дугообразными валами, значительно приподнятыми въ средней части; за валами находятся рвы, глубина и ширина которыхъ соотвѣтствуетъ вполнѣ размѣрамъ валовъ; входовъ на городища не существуетъ. Изслѣдованіе укрѣпленій обнаружилъ очень тонкій культурный слой, крайне мало остатковъ костей животныхъ, глиняную посуду съ плоскими днищами; мѣстные крестьяне находятъ по ручью раздѣляющему оба городища желѣзные ножички, стрѣлки и куски желѣзной кузнечной окалины. П. Пономаревъ относитъ городища къ типу „менѣе древнихъ звѣроловныхъ“ поселковъ. У д. Сорочьи горы былъ вновь изслѣдованъ городокъ (при выходѣ на Каму Машкова оврага), уже изслѣдованный авторомъ въ прежніе годы; были найдены: глиняная чашка съ шаровиднымъ дномъ, костяныя шилья, обломокъ точильнаго камня и пріобрѣтены отъ крестьянъ 11 каменныхъ орудій и мѣдный наконечникъ копья. Наконецъ былъ изслѣдованъ городокъ у дер. Казыкъ или Городокъ (въ 6 верст. отъ д. Мурзихи); находки ограничились желѣзнымъ боевымъ топоромъ болгарскаго типа, черепками глиняной посуды того же типа и т. п.

---

[1]) Означенныя коллекціи переданы въ музей И. Археол. Коммиссіей; см. «Археол. Изв.» 1895, стр. 386.

Изслѣдованіе этого городища приводитъ г. Пономарева къ заключенію, что здѣсь мы имѣемъ дѣло со слѣдами мало-значительнаго болгарскаго городка или скорѣе аула (Изв. Общ. Археолог. Ист. и Этногр. при Каз. У. XIII, 3).

—— А. П. Мостицъ въ одномъ изъ засѣданій Троицкосавско-Кяхтинскаго Отдѣленія Приамурскаго Отдѣла И. Р Г. О. познакомилъ отдѣленіе съ интересными археологическими находками, сдѣланными имъ въ окрестностяхъ слободы Усть-Кяхты (при впаденіи рч. Савы въ р. Селенгу). На равнинѣ, образующей лѣвый берегъ Савы и представляющей песчаную мѣстность, съ глубокими оврагами, г. Мостицомъ какъ на днѣ овраговъ, такъ и на прилегающихъ возвышенностяхъ было найдено много каменныхъ орудій, бронзовыхъ и желѣзныхъ издѣлій. Кромѣ этой стоянки, изслѣдователь отмѣтилъ въ ближайшей окрестности Усть-Кяхты еще 5 стоянокъ, впрочемъ, доставившихъ меньшее количество предметовъ, чѣмъ первая. Изъ предметовъ каменной культуры обращаютъ на себя вниманіе треугольные, овальные и эллиптическіе наконечники стрѣлъ; далѣе, найдены въ большомъ количествѣ скребки разнообразной формы и нуклеусы съ мелкими безформенными осколками, свидѣтельствующіе, что выдѣлка каменныхъ орудій производилась на мѣстѣ. Интересны черепки посуды изъ плохо промятой глины, иногда съ примѣсью къ послѣдней дресвы. Черепки орнаментированы прямыми и волнообразными бороздками, рубцами и пр. Мѣдныя орудія представлены различной формы наконечниками стрѣлъ, ножами и котломъ, представляющимъ нѣкоторое сходство съ бронзовыми котлами т. н. „скиѳскаго типа“. Желѣзныя вещи по мнѣнію г. Мостица, не представляютъ интереса, такъ какъ древность ихъ едва ли заходитъ далѣе 2—3-хъ вв., вслѣдствіе чего описаній этихъ предметовъ авторъ не даетъ. (Проток. Общ. Собр. Тр.-Кях. Отд. № 3).

—— Н. И. Троицкій въ брошюрѣ „Веневскій Богоявленскій монастырь (упраздненный)“ (Тула. 1895 г.) сообщаетъ о крайне интересномъ иконографическомъ памятникѣ, хранящемся въ Богоявленской церкви—это иконописныя изображенія Сивиллъ. Изображеніе каждой Сивиллы помѣщено на щитѣ праваго клироса, въ особомъ клеймѣ. Такъ какъ на этомъ клиросѣ помѣщены и сохранились только двѣ, и и притомъ 3-я и 4-я, то необходимо предположить, что были и другія—1-я и 2-я и, конечно, помѣщались на другомъ, лѣвомъ клиросѣ, въ такихъ же клеймахъ; на этомъ клиросѣ, дѣйствительно, есть два такія же клейма, какъ и на правомъ, но изображенія въ нихъ видимо отпали совсѣмъ съ грунтомъ (левкасомъ). И изъ существующихъ изображеній вполнѣ уцѣлѣло только одно—третьей Сивиллы, именно Дель-

фики, а изображеніе 4-й, именно Хивики, теперь въ поврежденномъ видѣ; однако же, и въ ней существенное сохранилось все — лицо и станъ, и ея пророческое изреченіе.

Сивилла Дельфика представлена въ видѣ дѣвы, съ непокрытой головой и открытымъ лицомъ; волосы распущены и свободно падаютъ на плечи. Станъ одѣтъ въ тунику, красивыя складки которой замыкаются узорнымъ воротомъ плотно около шеи. Поверхъ туники широкій плащъ, расположенный также крупными висячими складками, пышно окутываетъ всю фигуру, отъ плечей до ступней ногъ, обутыхъ въ красные глухіе сапоги. Правая рука ея приподнята и съ открытою дланью, знакъ, что она произноситъ рѣчь; а лѣвая приложена къ сердцу, какъ бы въ знакъ завѣренія въ истинности произносимаго пророчества Рисунокъ, изящный во всѣхъ отношеніяхъ, отлично представляетъ классическую пророчицу. Надъ ея головой помѣщается и самое ея пророчество въ видѣ надписи мелкимъ полууставомъ, такого содержанія: „3 Сивилла именемъ Делфика сице рекла в чистую дѣву Богъ вселится; Того уразумѣютъ людие Господа своего; сеи пріидетъ Господь ради твоего избавленія, просветитъ верныхъ сердца и вечно наследствуетъ“.

Сивилла Хивика — также дѣва, но, сравнительно, старшаго возраста. Голова открыта, волосы на темени перевиты, но въ косы не заплетены и свободно спускаются назадъ; въ переплетѣ волосъ вставлены три продолговатыхъ листа какого-то растенія; легкое, прозрачное покрывало головы, свободно отброшенное назадъ, широкими и красивыми складками развѣвается за плечами. Станъ одѣтъ въ синюю тунику, но воротъ не замкнутъ (по восточному?), такъ что грудь остается полуоткрытою на срединѣ; поверхъ туники—широкій красный плащъ, спускающійся до ногъ. Правая рука протянута вверхъ, длань полуоткрыта,— три пальца прижаты, а большой и указательный впрямь, къ небу; лѣвая рука опущена (она сохранилась только до кисти; равно не сохранились и ступни ногъ). И этотъ рисунокъ отличается художественностью. Надъ головой и этой Сивиллы имѣется также полууставная надпись: „4 севилла, именемъ Хивика, сице рекла: будетъ дѣвица во младыхъ летехъ честна и велика от всех женъ и родовъ и блаженство пріметъ на своихъ рукахъ, велія царя понесетъ; приведени будутъ трои цари и поклонятся ему 3 дары совершенно верою“.

Интереснѣйшій фактъ иконографіи — присутствіе изображеній Сивиллъ не на вратахъ, а въ самомъ храмѣ православномъ, самъ по себѣ, приводилъ изслѣдователя къ предположенію — не было-ли и нѣтъ ли еще и въ другихъ храмахъ Венева подобныхъ изображеній? При тща-

тельныхъ розыскахъ оказалось, что изображенія Сивиллъ были еще и въ кладбищенской церкви, но, при перестройкѣ ея, были сняты и сложены гдѣ-то на чердакѣ. При тщательномъ розыскѣ, удалось, однако, найти изображеніе одной, именно 8-й Сивиллы; а всѣхъ ихъ было здѣсь, вѣроятно 10; по указанію мѣстнаго священника, онѣ были также помѣщены на щитѣ клироса, въ особомъ клеймѣ каждая. Имя этой Сивиллы, а равно и надписи — ея пророчества невозможно разобрать; но изображеніе ея вполнѣ уцѣлѣло. Она представляетъ также дѣву, съ цвѣтущей вѣтвью въ правой рукѣ. Въ общемъ рисунокъ далеко не представляетъ того изящества, какъ выше описанные.

Очевидно, въ концѣ XVII-го и въ началѣ XVIII-го вѣка Сивиллы получили значительно широкое распространеніе не только въ монастырскихъ или соборныхъ храмахъ, но и въ приходскихъ, благодаря западному вліянію въ нашей культурѣ.

—— Англійскій ученый Перси Ньюберри открылъ прошедшей осенью въ Ѳивахъ двѣ гробницы, принадлежащія къ эпохѣ древняго царства. Это первая находка гробницъ Мемфисскаго періода въ Ѳивахъ. Одна изъ нихъ гробница „губернатора нома“ „доброе имя“ котораго было Ахи; сцены изъ жизни египетскаго сановника, представленныя реліетными изображеніями, весьма любопытны и сохранились хорошо. Другая значительно испорчена, но вѣроятно можно будетъ возстановитъ нѣкоторыя изъ надписей (Academy).

—— Въ прошломъ 1895 году управленіе Британскаго Музея продолжало раскопки на остотѣ Кипрѣ. На этотъ разъ изслѣдованія были сосредоточены на томъ мѣстѣ, гдѣ находилась Аргивская колонія Куріумъ. Еще генералъ Чеснола прославилъ эту мѣстность многими открытіями; послѣднія изслѣдованія дали тоже весьма богатые результаты, Особенно интересно открытіе большаго могильника, принадлежащаго Микенскому періоду. Онъ лежитъ на склонѣ невысокаго холма внѣ такъ называемаго акрополя Куріума; тамъ, повидимому находилось первоначальное поселеніе греческихъ колонистовъ. Въ Микенскихъ гробницахъ на ряду съ обыкновенными образцами керамики того времени найдено много грубыхъ сосудовъ мѣстнаго производства подобныхъ тѣмъ, которые встрѣчаются въ Кипрскихъ гробницахъ до-финикійскаго періода. Сосуды сдѣланы отъ руки и украшены бѣлыми или рельефными узорами на темномъ фонѣ или же простыми черными узорами на фонѣ цвѣта кремъ. Микенскія вазы большею частью не отличаются отъ Шлимановскихъ находокъ, но среди нихъ найдены образцы весьма рѣдкіе; такъ, двѣ большіе вазы принадлежатъ къ тому разряду сосудовъ, которые найдены были раньше только въ двухъ мѣстахъ на островѣ Кипрѣ

и въ Напѣліи въ Греціи. Способъ украшеній чисто микенскій и глина, повидимому, привознаго происхожденія, но стиль фигуръ грубый и указыкаетъ на мѣстное вліяніе. На обоихъ вазахъ изображены человѣческія фигуры въ колесницахъ, запряженныхъ двумя конями. Цвѣтъ изображеній черный на свѣтло желтомъ фонѣ. На одной изъ вазъ представлена цѣлая серія женскихъ фигуръ, отдѣленныхъ другъ отъ друга рамками. Такого рода украшенія до сихъ поръ не встрѣчались. Открыта, также, въ высшей степени замѣчательная и единственная въ своемъ родѣ ваза. На ней съ каждой стороны представленъ восьминогъ. Въ одной гробницѣ находился скарабей съ египетскими гіероглиѳами, въ другой финикійскій цилиндръ не раньше VI вѣка до Р. Х. Но въ художественномъ отношеніи однимъ изъ самыхъ важныхъ предметовъ въ этихъ находкахъ должно считать небольшой стеатитовый скарабоидъ, на которомъ инталіо изображенъ лежащій быкъ. Работа замѣчательна по своей отдѣлкѣ и по мастерству рисунка. Техничеекое искусство и форма камня ясно показываютъ, что эта драгоцѣнность принадлежитъ времени лучшаго періода микенскаго искусства. Ввиду этихъ и другихъ неупоминаемыхъ здѣсь находокъ, рѣшено раскопки на счетъ Британскаго музея продолжать и въ 1896 году

IV.

Засѣданія Обществъ.

Засѣданіе Славянской Комиссіи И. М. А. О. 7 ноября 1895 г. было посвящено памяти чешскаго ученаго слависта П. І. Шафарика, со дня рожденія котораго въ текущемъ году исполнилось сто лѣтъ. П. А. Лавровъ прочелъ „О жизни и ученой дѣятельности П. І. Шафарика"; изложивъ начальный періодъ дѣятельности Ш. въ Новомъ-Садѣ, докладчикъ указалъ значеніе этого періода, затѣмъ изложилъ результаты дѣятельности Ш. въ Прагѣ въ связи съ характеристикой главныхъ трудовъ Ш. по общеславянской наукѣ, остановившись съ подробностью на оцѣнкѣ Исторіи слав. литературъ, слав. Древностей, слав. Пародописанія. Второе чтеніе—Р. Ѳ. Бранта—посвящено было обозрѣнію трудовъ Шафарика, какъ изслѣдователя слав. языковъ и славянскаго письма, кирилловскаго и глаголическаго.

2-го декабря, 1895 г. состоялось засѣданіе русскаго отдѣленія Императорскаго русскаго археологическаго общества подъ предсѣдательствомъ С. Ѳ. Платонова. Предметъ обсужденія составили доклады А. А. Спицына

(„Доисторическія древности Саратовскаго края“) и М. Н. Крашенинникова („Письмо царя Іоанна Грознаго къ императору Максимильяну“) А. А. Спицынъ, сообщая результаты собственныхъ своихъ археологическихъ изысканій въ этомъ краѣ, далъ сводъ всѣхъ когда либо произведенныхъ здѣсь изслѣдованій и намѣтилъ путь для дальнѣйшихъ работъ, указалъ достопримѣчательности въ коллекціяхъ саратовской архивной коммиссіи и Радищевскаго музея и сопоставилъ предметы древности и различные типы погребеній, обнаруженные въ Саратовской губерніи, съ аналогичными находками южной Россіи и сѣвернаго Кавказа. Погребеніе, при которомъ костякъ оказывается въ скорченномъ положеніи и обсыпанъ красной краской, встрѣчаемое въ Саратовскомъ краѣ, представляется особенно замѣчательнымъ. Изъ предметовъ, найденныхъ здѣсь, обращаютъ на себя вниманіе: фибулы, равныя по типу херсонесскимъ IV вѣка по Р. Хр., металлическія зеркала, пряжка съ эмалью и мн. др. М. Н. Крашенинниковъ нашелъ въ Амвросіанской библіотекѣ, въ Миланѣ, копію съ греческаго перевода письма царя Іоанна Грознаго къ императору Максимильяну. Письмо это писано въ 1566 году въ отвѣтъ на предложеніе союза въ войнѣ противъ турокъ, а также на просьбу освободить взятаго въ плѣнъ магистра Ливонскаго ордена Вильгельма Фюрстенберга. Исполняя просьбу императора относительно Фюрстенберга, царь Іоаннъ отказывается вступать въ наступательный союзъ, въ виду собственной войны съ Польшей, но горячо высказывается въ принципѣ за борьбу христіанскихъ народовъ противъ мусульманскаго государства въ Европѣ. (Нов. Вр. № 7101, 1895 г.).

19-го декабря 1895 г. состоялось засѣданіе русскаго отдѣленія Императорскаго русскаго археологическаго общества, подъ предсѣдательствомъ С. Ѳ. Платонова. Докладчиками явились; Ѳ. А. Браунъ („О бастарнахъ въ южной Россіи“) и М. А. Дьяконовъ („Къ вопросу о бобыляхъ въ древней Руси“). Ѳ. А. Браунъ поставилъ вопросъ о народности, обитавшей въ мѣстности отъ нижняго теченія Дуная до Карпатовъ въ эпоху отъ начала II вѣка до Р. Х. до конца III вѣка по Р. Х., когда императоръ Пробъ переселилъ во Ѳракію 100,000 бастарновъ, послѣ чего они исчезли со страницъ исторіи. Недостаточно опредѣленныя свѣдѣнія о нихъ писателей древности заставляютъ видѣть въ нихъ то кельтовъ, то германцевъ; докладчикъ склоняется къ гипотезѣ о германскомъ происхожденіи бастарновъ, но видитъ въ нихъ народность, воспринявшую въ свое время весьма многія начала кельтской культуры; бастарны же, въ свою очередь, по своимъ близкимъ отношеніямъ къ сарматамъ, были непосредственнымъ звеномъ въ дѣлѣ передачи позднѣе появляющимся славянамъ нѣкоторыхъ началъ культуры кельтской, болѣе древней, чѣмъ германская. Докладчикъ въ своихъ соображеніяхъ опирался на данныя географическія и лингвистическія и указывалъ на необходимость разработки археологической стороны вопроса. М. А. Дьяконовъ, изслѣдовавъ соотвѣтственные памятники всего XVI вѣка и первой половины

XVII вѣка, поставилъ вопросъ о томъ, что представлялъ изъ себя бобыль въ сравненіи съ тяглыми крестьянами, и пришелъ къ убѣжденію, что бобылемъ назывался крестьянинъ не пашенный и, оставляя въ сторонѣ людей безземельныхъ, подсчиталъ, на основаніи писцовыхъ книгъ, бобылей, хотя и не пахавшихъ земли, и потому не несшихъ тягла, но имѣвшихъ собственные дворы. Процентъ такихъ дворовъ весьма значителенъ и въ XVI вѣкѣ, но достигаетъ угрожающей цифры (до 26 проц.) послѣ смутнаго времени, около 1620 года. Къ этому возрастанію числа бобыльскихъ дворовъ въ началѣ XVII вѣка докладчикъ пріурочилъ совершившійся въ 1630 и 1631 годахъ переходъ отъ поземельнаго обложенія къ подворному (Нов. Вр № 7118, 1895 г.).

Въ засѣданіи Им. Общества любителей древней письменности 1-го декабря 1895 г. Н. В. Волковъ сдѣлалъ сообщеніе: „О степени сохранности древнѣйшихъ новгородскихъ церковныхъ книгъ и о не новгородскомъ происхожденіи діакона Григорія, писца Остромирова Евангелія“. Основаніемъ г. Волкову послужилъ счетъ церквей въ Новгородѣ до XIV в. и отношеніе къ ихъ числу числа сохранившихся отъ пожаровъ богослужебныхъ книгъ, передававшихся во вновь построенныя церкви. Что касается Григорія, писца Остромирова Евангелія (1056 г.), которое считаютъ древнѣйшимъ памятникомъ собственно новгородской письменности, то г. Волковъ путемъ тщательнаго разсмотрѣнія этого памятника пришелъ къ заключенію, что діаконъ Григорій былъ, вѣроятно, кіевляниномъ, состоящимъ при кн. Изяславѣ, которому Остромиръ приходился родственникомъ. Къ мнѣнію г. Волкова присоединился и академикъ А. А. Шахматовъ. Второе сообщеніе „къ исторіи политической письменности въ смутное время“ было прочтено С. Ѳ. Платоновымъ. Г. Платоновъ обратилъ вниманіе на такъ называемую „грамоту изъ-подъ Смоленска“, составленную въ нач. 1611 г. Грамота эта была написана какъ бы отъ лица русскихъ, томившихся въ королевскомъ обозѣ подъ Смоленскомъ, и призывала всѣхъ русскихъ людей къ возстанію противъ Сигизмунда и поляковъ. Составленіе этой грамоты приписывали осажденнымъ смольнянамъ, и лишь Арцыбашевъ усомнился нѣсколько въ ея подлинности, прочіе же изслѣдователи придавали ей вѣру, такъ какъ грамота была прислана въ Нижній-Новгородъ патріархомъ Гермогеномъ. Указавъ на то, что въ смутное время было не рѣдкостью прибѣгать къ подобнаго рода посланіямъ для распространенія политическихъ взглядовъ и свѣдѣній, г. Платоновъ призналъ смоленскую грамоту подложною и написанною для того, чтобы риторическимъ описаніемъ польскихъ несправедливостей и насилій поднять патріотическое рвеніе московскихъ людей. Составители грамоты, выдавая ее за произведеніе людей, бывшихъ подъ Смоленскомъ, думали этимъ сильнѣе повліять на слушателей, но не сумѣли вполнѣ сообразоваться съ обстановкой, въ какой будто бы было написано ихъ посланіе: ими были допущены хронологическія и логическія несообразности. Хотя патріархъ Гермогенъ и

содѣйствовалъ распространенію грамоты, но авторомъ ея нельзя его считать. Можно думать, что эта грамота была составлена лицами близкими къ патріарху московскими патріотами (Нов. Вр. № 7102, 1895 г.).

V.

Библіографія.

Römische Quartalschrift für christliche Alterthumskunde und für Kunstgeschichte, 4 Heft, 1895.

Значительная часть даннаго номера журнала посвящена статьѣ Грия, въ которой онъ доказываетъ на основаніи издаваемаго имъ впервые документа—привилегіи отъ 1591 г., что мѣстомъ погребенія первоверховныхъ Апостоловъ было не Platonia [1]), а часть пространства, занятаго церковью св. Севастіана внѣ стѣнъ Рима (стр. 409—461). Слѣдующая статья, директора археологическаго музея въ Сиракузахъ, Орси—трактуетъ о катакомбѣ, открытой имъ, по указанію Фюрера (Мюнхенскаго профессора), въ мѣстечкѣ Адорно-Аволіо: по имени этого профессора и названа катакомба (La Catacomba di Führer nel predio Adorno-Avolio in Siracusa).

Катакомба эта среди извѣстныхъ уже ранѣе и открытыхъ тѣмъ-же Орси—(въ Сиракузахъ) въ послѣднее время выдѣляется тѣмъ, что дошла почти въ полной сохранности; изъ 93 могилъ совершенно не тронуто 68; въ нихъ открыты саркофаги, скелеты, различныя мелкія вещи: лампочки, монеты, нѣсколько плитокъ съ надписями; выдѣляется мраморная плита съ надписью:

ΠΡЄΙΜΟϹ ΟΙΚΟΝΟΜΟϹ—
ЄΖΗϹЄ ЄΤΗ$\overline{\text{Ο}}$
ΚΑΙΤΡΚ ΩΡΝΑϹ $\overline{\Theta}$

[πρεῖμος οἰκονόμος ἔξησε ἔτη ἑβδομηκοντα καὶ τρὶς ὥρας. Θ (ἄνατος)]

катакомба, судя по найденнымъ въ ней монетамъ и по способу погребенія, относится къ 330—370 годамъ.

Весьма интересна статья—Меркля *о субботнемъ покоѣ въ аду* (въ объясненіе стиховъ Пруденція въ „Повседневныхъ гимнахъ“ V, 125—129). Въ отдѣлѣ мелкихъ сообщеній описывается свинцовая таблетка изъ Перми—съ монограммой Христа и двумя буквами по сторонамъ ея *B* и *A*, которыя, по мнѣнію издателя заимствованы изъ слова *ΒοηθειΑ* (стр. 507—512).

Въ замѣткѣ „Siciliana“ сообщается о скоромъ выходѣ въ свѣтъ собранія христіанскихъ надписей Сиракузъ, подъ редакціей Орси и Страццулы, автора недавно вышедшей книги *Ricerche di filologia e di archeologia cristiana*. Siracusa. 1895.

---

[1]) Послѣднюю за мѣсто погребенія Апостоловъ считаетъ де Вазль. См. его изслѣдованіе: «*Die Apostelgruft ad catacumbas. Eine historisch-archeologische Untersuchung auf Grund der neuesten Ausgrabungen.* Rom 1894.

Въ библіографическомъ отдѣлѣ журнала удѣлено много мѣста подробному изложенію содержанія извѣстнаго изданія А. В. Звенигородскаго, посвященнаго византійскимъ эмалямъ съ изслѣдованіемъ ихъ проф. Н. П. Кондакова „Византійскія эмали. Собраніе А. В. Звенигородскаго. Исторія и памятники византійской эмали. Соч. П. Кондакова". *Е. Рѣдинъ*

Bysantinische Zeitschrift. IV Band, III—IV Heft. Leipzig: 1895. Въ данныхъ выпускахъ журнала исторіи византійскаго царства посвящено нѣсколько статей и замѣтокъ. Laurent (въ статьѣ Sur la date des Eglises S-t Démetrius et S-te Sophie à Thèssalonique) на основаніи различныхъ соображеній, почерпаемыхъ изъ актовъ св. Дмитрія и др. источниковъ, считаетъ (стр. 431), что церковь св. Дмитрія въ Ѳессалоникахъ относится не къ началу V вѣка, какъ полагалъ Тексье, а къ первой половинѣ VII вѣка. Къ тому-же времени онъ относитъ (стр. 434) и ц. св. Софіи Ѳессалоникійской (по Тексье—послѣднихъ годовъ царствованія Юстиніана). Стржиговскій указываетъ на нѣсколько энповстическихъ иконъ въ собраніи греческаго патріархата въ Каирѣ XIV—XVII в.: Ангельскій соборъ (съ образомъ Еммануила) (№ 11), Богородицу *Γοργοεπήκοος* (№ 24), съ изображеніемъ событій изъ жизни Христа и Богородицы — отъ Благовѣщенія до Успенія (№ 26) [1]) тотъ-же Стржиговскій далѣе (стр. 529—593) говоритъ о цистернахъ Александріи, а Палука объ одной цистернѣ въ Константинополѣ, не вошедшей въ число описанныхъ Стржиговскимъ (Byz. Denkon. II); одна цистерна, по мнѣнію Палуки, относится ко времени Геранія.

Въ библіографическомъ отдѣлѣ Стржиговскій, рецензируя книгу Ноака (Die Geburt Christi in der bildenden Kunst bis zur Renaissance. Darmstadt. 1894) описываетъ четыре рельефа Аѳинскаго Музея. Одинъ изъ нихъ представляетъ возлежащую Богородицу и рядомъ Младенца въ ясляхъ; надъ послѣднимъ головы быка и осла (изданъ у Ноака, указ. сп., 8 рис. 5). Другой—двухъ волхвовъ съ дарами, Ангела, поднимающаго вверхъ руки, пастуха у стада, играющаго на рожкѣ, Іосифа сидящаго. Рельефъ этотъ, очевидно, представляетъ сложную композицію Рождества Христова. Принадлежитъ ли ей изданный Ноакомъ рельефъ—трудно судить по одному описанію, такъ какъ, если описываемый рельефъ, по Стржиговскому—новогреческое произведеніе, или времени послѣ 1204 года, то изданный Ноакомъ—полагаемъ VIII—IX. Третій рельефъ представляетъ отрывокъ какой-то композиціи; видны: прор. Соломонъ, прор. Давидъ и Іоаннъ Предтеча Этотъ рельефъ, по нашему мнѣнію, вѣроятно, принадлежитъ четвертому фрагменту, изображающему, какъ и описываетъ Стржиговскій сошествіе Христа въ адъ.

Всѣ рельефы, по мнѣнію Стржиговскаго, какъ и второй, принадлежатъ одному и тому-же времени: они—памятники не древне-византійскаго искус-

---

[1]) №№ по каталогу Мцараки, который относитъ указанныя иконы ошибочно къ VII вѣку.

ства и не средне-византійскаго, а новогреческаго. Судить о правильности заключеній автора можно лишь по изданіи самихъ памятниковъ.

Въ томъ-же отдѣлѣ подробный разборъ Ребера недавно вышедшей книги о ц. св. Софіи Константинопольской (Lethaby a. Harold Swainson, The Church of Sancta Sophia, Constantinople. A Study of Byzantine Building, London, 1894), и замѣтка Крумбахера объ изданіи Гартеля и Викхофа Вѣнской Библіи (Ritter von Hartel und Fr. Wickhoff, Die Wiener Genesis; Beilage zum XV und XVI Bande des Jahrbuches der kunsthistorischen Sammlungen des A. H. Kaiserhauses и др.) *Е. Рѣдинъ.*

Труды Рязанской ученой архивной коммиссіи 1895 г. (годъ XI), т. X, вып. I. А. Д. Повалишинъ. Рязанскіе помѣщики и ихъ крѣпостные (1—29): на основаніи бумагъ присутственныхъ мѣстъ прослѣжено движеніе крестьянскаго населенія за 1794—1857 годы; интересно показанное статистич. данными умноженіе числа мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ, обходившихся безъ крестьянъ—фактъ—не безъинтересный для исторіи освобожденія крестьянъ.—*С. Д. Яхонтовъ.*—Пронскій кладъ (30—34): кладъ (9 ф. безъ 3-хъ золотн. серебра и 18 золотн. золота) найденъ въ 1872 г. на землѣ города Пронска. Городской голова пытался захватить кладъ въ пользу города; послѣ долгихъ мытарствъ кладъ доставленъ въ археолог. ком., которая находчикамъ выслала 487 р. 28 к., изъ коихъ однако они получили только 150 р.; остальные удержаны головой въ пользу города Пронска. Любопытный фактъ—неяснаго пониманія правъ города и находчиковъ; въ болѣе раннихъ случаяхъ (1828 и 1822) находчики въ силу того же закона получили *все* вознагражденіе.—*И. И. Проходцевъ.*—Предбрачные обычаи и убытки у крестьянъ Ряз. губ. (35—59)—очеркъ на основаніи рѣшеній волостныхъ судовъ Ряз. губ.; очеркъ любопытенъ въ этнографич. отношеніи. — *С. Д. Яхонтовъ.* Переяславль—Рязанская провинція въ XVIII в. (61—64): краткое описаніе переяславской Рязанской провинціи, собранное изъ экономическихъ примѣчаній (текстъ).—*Я. К. Добролюбовъ.* — Вкладная книга Николорадовицкаго монастыря (65—88): запись (издается текстъ) обнимаетъ 1679—1800 гг.; статья не окончена печатаніемъ; любопытна, какъ матеріалъ для археолог. словаря.—*А. Ф. Риттихъ.* Карта Славянскихъ населеній въ З. Европѣ въ древности (89—95, съ приложеніемъ карты); можно только пожалѣть о появленіи этой статьи въ трудахъ серьезно и научно работающей архивной коммиссіи: пріемы автора, его воззрѣнія остаются тѣми же и такими же, какъ въ его „четырехъ лекціяхъ по русской этнографіи“ (см. Арх. Изв. и Зам. 1895 г., стр. 432).—*Ф. П. Минюшскій.*—О родѣ князей Пожарскихъ (97—100, съ генеалогич. таблицею): поправка къ напечатанному въ 1 вып. IX т. трудовъ Ряз. Ком.

Печатано по опредѣленію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, на основаніи § 56 его Устава

Предсѣдатель *Графиня Уварова.*

Въ Императорскомъ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ находятся въ продажѣ слѣд. изданія:

Изданія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. Рекомендованы Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Описаніе Кіева. Соч. Закревскаго. Два тома и атласъ. 1868 г. Ц. 7 р.

Труды I-го Археологич. Съѣзда въ Москвѣ. Два тома и атласъ. 1871 г. Ц. 25 р.

Труды III-го Археологич. Съѣзда въ Кіевѣ. Два тома и атласъ. 1878 г. Ц. 10 р.

Труды V-го Археологич. Съѣзда въ Тифлисѣ. Два тома. Ц. 15 р.

Труды VII-го Археологич. Съѣзда въ Ярославлѣ. Томъ I, II и III по 5 р.

Труды VIII-го Археологич. Съѣзда въ Москвѣ. Томъ I. Ц. 10 р.

Тоже, томъ II. Цѣна 8 р.

Матеріалы по археологіи Кавказа; вып. 1, 2 и 3-й. Канд. вып. по 6 р.

Тоже, вып. 4-й, М. 1894. Ц. 8 р. 50 к.

Матеріалы по археологіи восточныхъ губерній. Вып. I. Ц. 8 р.

Древности. Труды Московскаго Археологическаго Общества:

Томъ I, два выпуска. 1865—67 г., ц. 6 р.
" II, три выпуска. 1869—70 г., ц. 6 р.
" III, три выпуска. 1870, 71 и 73 гг. Ц. 6 р.
Томъ IV, три выпуска. 1874 г. Ц. 8 р.
" V, 1885 г. Ц. 6 р.
" VI, три выпуска. 1875—76 г. Ц. 6 р.
" VII, три выпуска. 1877—79 г. Ц. 8 р.
" VIII, 1870 г. Ц. 8 р.
Приложеніе къ VIII тому:
Пятый Археологич. Съѣздъ. Труды предварител. Комитета. 1882 г. Ц. 6 р.
Томъ IX, три выпуска. 1882—83 г., ц. 8 р.
" X, 1885 г. Ц. 8 р.
" XI, три выпуска. 1886—87 г. Ц. 8 р.
" XII, два выпуска. 1888 г. Ц. 8 р.
" XIII, два выпуска. 1889—90 г. Ц. 8 р.
" XIV, 1890 г. Ц. 7 р.
" XV, два выпуска. 1894 г. Ц. 8 р.

Древности Восточныя. Томъ I, Ц. 12 р.
Отдѣльно Т. I, 1 выпускъ 1889 г. Ц. 4 р.
" Т. I, 2 выпускъ 1891 г. Ц. 4 р.
" Т. I, 3 выпускъ 1893 г. Ц. 4 р.

Незабвенной памяти Графа А. С. Уварова. Рѣчи, прочитанныя въ соединенномъ засѣданіи ученыхъ обществъ 28 февраля 1885 г. (съ портретомъ Графа А. С. Уварова). 1885 г. Брошюра. Ц. 75 к.

Историческая записка о 25-лѣтней дѣятельности Моск. Арх. Общества. Ц. 2 р.

Памяти Н. С. Тихонравова. М. 1894 г. Ц. 2 р.

Уступка гг. членамъ Общества 20%, библіотекамъ учебныхъ заведеній — 25%, книгопродавцамъ — 30%.

Изданія графа Уварова:

Археологія Россіи. Каменный періодъ. Соч. графа А. С. Уварова. Два тома. 1881 г. Ц. 18 р.

Мерянe и ихъ бытъ. Соч. гр. А. С. Уварова. Одинъ томъ и атласъ. 1872 г. Ц. 8 р. (нѣтъ въ продажѣ).

Каталогъ собранія древн. гр. А. С. Уварова. Вып. I и II (въ одной книгѣ): Древности каменнаго и металлическаго вѣка, съ портр. гр. А. С. Уварова и 35 табл. рис. 1887 г. Ц. 4 р.

Вып. VII. Монеты Воспорскаго царства и древне-греческихъ городовъ, находившихся въ предѣлахъ нынѣшней Россіи, съ 5 таблицами. Состав. А. Орѣшниковъ. 1887 г., ц. 3 р.

Архим., Леонидъ. Систематическое описаніе Славяно-Россійскихъ рукописей собранія гр. А. С. Уварова, 4 т. М., 1893—94 г. Ц. 15 р.

Каталогъ Спасо-Преображенскаго монастыря въ Ярославлѣ, ц. 9 р. 50 к.

Византійскій Альбомъ — посмертное изд. гр. А. С. Уварова. Т. I. 1889 г. Ц. 15 р.

Уступка книгопродавцамъ и библіотекамъ учебныхъ заведеній 25%.

Продаются въ собственномъ домѣ Общества, въ Москвѣ, на Бersеневкѣ, у Большаго Каменнаго моста.

Кавказъ. 2 тома. Ц. 3 р.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

выходятъ въ 1896-мъ году (4-й годъ изданія) по той же программѣ и въ томъ же объемѣ подъ редакціею:

И. А. Линниченка и В. М. Михайловскаго,

при участіи А. В. Орѣшникова и многихъ членовъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія рекомендованы для фундаментальныхъ библіотекъ учебныхъ заведеній Министерства.

Подписная цѣна съ пересылкою и доставкою въ годъ ТРИ (3) рубля.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Для **московскихъ** подписчиковъ:

1) Въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ, Берсеневская набережная, собств. домъ, ежедневно отъ 10 до 1 часу и въ часы засѣданій.

2) У А. В. Орѣшникова, Историческій музей, на Красной площади, ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 1 до 4-хъ.

3) Въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Моховая, противъ Стараго Университета, д. Коха (и его иногородн. отд.).

4) Въ книжномъ магазинѣ А. Ланга, на Кузнецкомъ мосту.

Иногородніе подписчики благоволятъ присылать подписные **три** рубля **исключительно** въ Императорское Московское Археологическое Общество (Москва, Берсеневская набережная, собств. домъ).

Подписчики, **не получившіе** выпуска или **перемѣнившіе** свое мѣсто жительства, благоволятъ обращаться съ заявленіями исключительно въ Московское Археологическое Общество.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція обращается съ просьбою ко всѣмъ прежнимъ сотрудникамъ журнала и ко всѣмъ любителямъ старины присылать свѣдѣнія о раскопкахъ, случайныхъ находкахъ древностей, объ имѣющихся въ частныхъ рукахъ выдающихся предметахъ древности—церковныхъ и бытовыхъ, рукописяхъ и т. п., а также газетныя извѣстія, заключающія свѣдѣнія археологическаго характера (отдѣльными №№ или просто вырѣзками съ помѣтою, изъ какой газеты и отъ какого числа); особенно желательны №№ провинціальныхъ газетъ.

Письма и посылки могутъ быть адресованы:

1) Въ Москву, въ Императорское Московское Археологическое Общество, Берсеневская набережная, с. д., въ редакцію „Археологическихъ Извѣстій и Замѣтокъ“ или же

2) Алексѣю Васильевичу Орѣшникову, Москва Историческій Музей, на Красной Площади.

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES
Stacks
JUL 14 1980

M6

1896 г. №№ 2—3

Археологическія Извѣстія и Замѣтки

Издаваемыя

Императорскимъ

Московскимъ Археологическимъ Обществомъ

подъ редакціею

дѣйствительныхъ членовъ

И. А. Линниченка и В. М. Михайловскаго

№№ 2—3.

МОСКВА
Товарищество типографіи А. И. Мамонтова
Лялинскій пер., д. Мамонтова
1896

СОДЕРЖАНІЕ №№ 2—3.

Стр.

I. **Н. Выковскій.** Докладъ о реставраціи Большаго Московскаго Успенскаго Собора произведеный согласно заключеніямъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества 25

II. **В. И. Сизовъ.** Предварительный отчетъ В. И. Сизова о поѣздкѣ его съ археологической цѣлью лѣтомъ 1895 г. въ Курляндскую губернію 33

III. **Гр. Богуславскій.** Видъ г. Смоленска временъ Петра I. 48

IV. Археологическая хроника. 52

V. Засѣданія Обществъ 80

VI. Библіографія 84

4198

1896 г. №№ 2—3

ИЗДАВАЕМЫЯ
ИМПЕРАТОРСКИМЪ МОСКОВСКИМЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ

I.

Докладъ о реставраціи Большаго Московскаго Успенскаго Собора, произведенной согласно заключеніямъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества [1].

Большой Московскій Успенскій соборъ, какъ извѣстно, былъ воздвигнутъ въ ту знаменательную для Россіи пору, когда Іоаннъ III положилъ основаніе освобожденію отъ иноземнаго ига, когда, для обновленія возрождающейся самостоятельно жизни, Іоаннъ обратился къ просвѣтительному вліянію западной Европы, преимущественно къ Италіи эпохи Возрожденія. Вызванный изъ Венеціи Болонскій уроженецъ Фіоравенти, котораго „хитрости ради зваху Аристотелемъ“ создалъ церковь, которая „бысть чудна вельми величествомъ и высотою и свѣтлостью и пространствомъ“...

Всероссійскій памятникъ Святыни претерпѣлъ вмѣстѣ съ Москвою погромы 1612 и 1812 годовъ и цѣлый рядъ пожаровъ 1493, 1547, 1682, 1737 годовъ, разрушавшихъ его. Не стану въ нынѣшней статьѣ перечислять всѣ тѣ возстановленія и обновленія Успенскаго собора,

[1]) Читанъ на Публ. Засѣданіи Общества 12-го Дек. 1895 г. въ присутствіи Почетнаго Члена Общества Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Сергія Александровича.

которыя слѣдовали за его разрушеніями и которыя, по счастью, не исказили памятникъ на столько, чтобы не было возможности во многомъ возстановить его древній видъ. Съ какимъ глубокимъ, внимательнымъ уваженіемъ начали относиться къ дѣлу въ послѣднее время руководители реставрацій памятниковъ старины, мы знаемъ изъ реставраціи иконостаса Успенскаго собора, произведенной въ 1881 году подъ наблюденіемъ высокоталантливаго архитектора, знатока русскаго стиля, Д. Н. Чичагова при участіи И. Е. Забѣлина. Тогда-то впервые была изслѣдована закрытая иконостасомъ, древняя каменная алтарная преграда. Прекрасный акварельный рисунокъ этой преграды со слѣдами ея живописи, исполненный Д. Н. Чичаговымъ, нынѣ находится въ Императорскомъ Историческомъ Музеѣ.

Когда въ 1894 году возникла мысль о капитальномъ ремонтѣ Успенскаго Собора, то какъ будущій руководитель работы Д. Н. Чичаговъ составилъ вмѣстѣ съ архитекторомъ С. К. Родіоновымъ, занимавшимъ тогда должность архитектора Московской Синодальной Конторы, актъ осмотра всѣхъ поврежденій собора и смѣту, въ которой уже было предположено возстановленіе оконъ собора въ древнемъ ихъ видѣ. Не суждено было Д. Н. Чичагову совершить это дѣло: онъ скончался до образованія Высочайше учрежденнаго Комитета по наблюденію за ремонтомъ Московскаго Успенскаго Собора.

Когда Московскою святѣйшаго Синода Конторою мнѣ была оказана высокая честь предложеніемъ быть руководителемъ работъ, я не могъ не сознавать громадной важности задачи, тѣмъ болѣе, что подъ общимъ названіемъ ремонта въ число работъ входила и археологическая реставрація наружнаго вида храма. Безъ содѣйствія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества и его Коммисіи по Сохраненію Древнихъ Памятниковъ я не считалъ себя въ силахъ и въ правѣ исполнить это дѣло. Вотъ почему я постановилъ условіемъ моего участія, чтобы вся археологическая реставрація была производима согласно заключенію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. Тогда-же Высочайше учрежденный Комитетъ препроводилъ въ Императорское Московское Археологическое Общество какъ актъ первоначальнаго осмотра, такъ и составленныя и утвержденныя смѣты, изъ которыхъ Общество имѣло возможность ознакомиться со всѣми предположенными тогда работами. При этомъ на однѣ изъ работъ Общество немедленно отвѣтило своимъ согласіемъ; относительно же другихъ вопросовъ Обществомъ были предприняты спеціальные осмотры на мѣстѣ и археологическія изысканія. Для пополненія уже изданныхъ свѣдѣній о соборѣ, Общество поручило А. И. Юшкову сдѣлать выписки

изъ всѣхъ дѣлъ Дворцоваго Архива и Архива Синодальной Конторы, въ которыхъ можно найти какія либо указанія о работахъ, производившихся въ Успенскомъ Соборѣ.

Въ цѣломъ рядѣ осмотровъ собора и въ разрѣшеніи вопросовъ, относящихся до его реставраціи, въ засѣданіяхъ Коммисіи по Сохраненію Древнихъ Памятниковъ принимали дѣятельное участіе: Предсѣдатель Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества гр. П. С. Уварова; члены Общества: И. Е. Забѣлинъ, Г. Д Филимоновъ, А. С. Павловъ, В. И. Сизовъ, А. В. Орѣшниковъ, и члены-архитекторы: Н. В. Никитинъ, А. М. Павлиновъ, А. Л. Оберъ, К. М. Быковскій В. А. Гамбурцевъ, С. У. Соловьевъ, И. П. Машковъ, Н. П. Дилекторскій. Членами Высочайше учрежденнаго Комитета отъ Археологическаго Общества были назначены въ началѣ А. М. Павлиновъ, а затѣмъ, по отказѣ его А. Л. Оберъ.

О результатахъ исполненія выработанныхъ Обществомъ заключеній я сообщаю нынѣ весьма краткій очеркъ; подробное изложеніе всего хода дѣла, со всѣми необходимыми чертежами войдетъ въ особое изданіе Реставраціи Успенскаго Собора, предпринимаемое Московскимъ Археологическимъ Обществомъ. Я не коснусь веденія дѣлъ Комитетомъ, столь быстро и успѣшно осуществившемъ всѣ предположенія, но считаю долгомъ прибавить что въ ходѣ работъ принимали участіе назначенные по моему заявленію два помощника производителя работъ, не входящіе въ составъ Комитета: архитекторъ З. И. Ивановъ, замѣститель мой во время моего отсутствія, и архитекторъ С. К. Родіоновъ.

Первый вопросъ, подлежавшій разрѣшенію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, касался приведенія въ древній видъ *нижняго яруса оконъ* собора. Уже въ текстѣ къ изданію Рихтера „Памятники древняго русскаго зодчества“ 1849 года, Ив. Е. Забѣлинымъ было установлено, что окна были впервые растесаны въ концѣ XVII вѣка, и сообразно съ этимъ указаніемъ въ изданіи Рихтера соборъ изображенъ съ реставраціей оконъ. Эта реставрація легла въ основу предположеній упомянутаго акта осмотра 1894 года и не могла возбуждать сомнѣній. Ближайшій приступъ къ дѣлу указалъ, что сохранившіяся нижнія части внутреннихъ оконныхъ откосовъ даютъ несомнѣнное указаніе, какъ должно реставрировать эти окна, а осмотръ съ чердака западнаго портика, застроенной портикомъ западной стѣны собора, открылъ явственно кирпичную задѣлку окна между колонками пояса. Въ виду желательности возможно большаго охраненія, прилегающей къ окнамъ внутренной стѣнописи собора, Археологическое Общество признало возможнымъ согласиться съ предположеніемъ Комитета устройства оконныхъ отко-

совъ изъ алебастра по проволочной сѣткѣ. При этомъ съ изображеній, бывшихъ на растесанныхъ откосахъ, были сняты кальки съ обозначеніемъ колеровъ для точнаго воспроизведенія ихъ на реставрированныхъ откосахъ приглашенными для этого дѣла иконописцами Чириковымъ и Дикаревымъ. Въ связи съ вопросомъ о реставраціи оконъ стоялъ вопросъ, какія въ нихъ должны быть устроены *рамы*. Въ древности какъ въ окнахъ куполовъ, такъ и въ окнахъ собора были слюдяныя „оконницы". Благодаря выпискамъ А. И. Юшкова изъ дѣлъ архива Синодальной Конторы, мы знаемъ, что еще въ половинѣ прошлаго столѣтія, а именно 18 марта 1752 года, протопресвитеръ собора Ѳедоръ Мартыновъ и ключарь Симонъ Филипповъ донесли въ Московскую Синодальную контору о различныхъ ветхостяхъ Успенскаго Собора и между прочимъ о томъ, что „оконницы слюдяныя во всѣхъ окошкахъ и при нихъ мѣдныя проволочныя сѣтки мѣстами ветхи и особливо въ средней главѣ, одной оконницы половину бурею выломало и въ тѣхъ мѣста влетаютъ птицы и въ зимнее время наноситъ снѣгъ а въ лѣтнее время дождь и отъ онаго всего имѣется немалая нечистота". Въ текущемъ столѣтіи мы уже давно видимъ въ окнахъ собора зеркальныя стекла, вставленныя въ деревянныя рамы. Обсуждая предложенія Комитета, что нынѣ желательно вмѣсто зеркальныхъ стеколъ малаго размѣра вставить цѣльныя зеркальныя стекла во весь оконный пролетъ, Московское Археологическое Общество, въ виду необходимости дать возможно болѣе свѣта въ соборъ, выразило на предположеніе Комитета свое согласіе. Устроенныя, такимъ образомъ, желѣзныя рамы устраняютъ причину, вызвавшую необходимость растески оконъ, въ то же время прямо, откровенно, правдиво не представляютъ никакой попытки приблизиться подъ то старое, что при условіи достаточнаго освѣщенія, возстановить невозможно.

Западное окно втораго яруса единственное растесанное, также приведено въ одинаковый размѣръ съ прочими окнами того же яруса. Во время производства работъ для вставки желѣзныхъ рамъ оконъ втораго яруса, обнаружилось обстоятельство, которое до устройства лѣсовъ предвидѣть было невозможно. Оказалось, что окна пересѣкаются стѣнными связями. При вынутіи колодъ обнаружилось также, что снаружи окно окаймлялось врѣзнымъ въ бѣлокаменной кладкѣ *валикомъ*, который нынѣ вполнѣ возстановленъ. Алтарныя окна, растесанныя въ прямоугольную форму, не представляли вполнѣ точныхъ указаній ихъ древнихъ размѣровъ, и потому, согласно мнѣнію Археологическаго Общества имъ придана форма, соотвѣтствующая какъ расчлененію наружныхъ фасадовъ, такъ и внутреннему очертанію сводовъ.

Кромѣ оконъ, устроенныхъ одновременно съ постройкою храма, въ алтарныхъ выступахъ сохранились *малыя окна* съ характерною отдѣлкою XVII вѣка. Эти окна исправлены съ сохраненіемъ той же формы.

Наиболѣе сложнымъ явилось разрѣшеніе вопроса о покрытіи *главъ Собора*. Онъ вызвалъ нѣсколько осмотровъ на мѣстѣ и послѣ многихъ обсужденій въ Обществѣ не установилось о немъ единогласнаго мнѣнія.

Тщательный осмотръ установилъ нижеслѣдующее: подъ нынѣ существующими главами, покрытыми по желѣзнымъ каркасамъ или журавцамъ позлащенною мѣдью, *своды куполовъ* оказались покрытыми тонкими листами бѣлаго древняго желѣза непосредственно по кирпичной кладкѣ, которая отъ пятъ до замка оказалась одинаковой толщины въ три вершка, при діаметрѣ средняго купола 13 арш. 5 вер. и боковыхъ куполовъ 9 арш. 10 вер. Эти своды опираются на кирпичныя стѣны барабановъ, толщиною только въ 10 вершковъ въ малыхъ барабанахъ и 12 вершковъ въ большомъ барабанѣ. Въ *замкѣ сводовъ* заложены *четыреугольныя каменныя плиты* съ четыреугольными посрединѣ углубленіями на $1^1/_2$ вершка, мѣрою въ 2 вершка. Въ кладкѣ сводовъ, на разстояніи отъ замка сводовъ 4 ар. 3 верш., задѣланы выступающія поверхъ сводовъ *желѣзныя ушки съ отверстіями*.

Одни изъ Членовъ Археологическаго Общества, въ виду того, что нынѣ существующая форма главъ не можетъ быть первоначальною, (что признавалось всѣми), считали желательнымъ возстановить форму главъ XV вѣка, которую они видѣли въ вышеописанныхъ нами *куполахъ свода*, открытыхъ подъ вскрытыми существующими главами. Другіе, вполнѣ признавая, что существующія главы принадлежатъ XVI вѣку, и что первоначальная форма должна была быть инаго очертанія, не признавали возможнымъ допустить, чтобы верхнее желѣзное покрытіе главъ могло быть устроено непосредственно по *открытой сводчатой кладкѣ*, но согласно лѣтописнымъ указаніямъ о пожарахъ начинавшихся съ главъ, покрытіе было и въ древнія времена установлено по деревяннымъ журавцамъ. Признавая на этихъ основаніяхъ *найденное желѣзное покрытіе* только за верхнее покрытіе сводовъ члены эти находили, что возстановить очертаніе этихъ покрытій возможно только предположительно и нежелательно несомнѣнную форму XVI вѣка уничтожать для предположительной поддѣлки подъ формы XV вѣка. Это послѣднее мнѣніе было принято большинствомъ. Уже послѣ рѣшенія вопроса подъ *верхними кровлями алтарныхъ полукружій* открыто совершенно—*однородное нижнее покрытіе по сводамъ* изъ древняго бѣлаго желѣза, указывающее на то, что оно сдѣлано было какъ второе нижнее для предупрежденія течи, такъ часто упоминаемой лѣтописями и другими письменными указаніями. Надъ этимъ покрытіемъ на

стѣнѣ видна *древняя борозда,* соотвѣтствующая, какъ можно предполагать, древнему верхнему кровельному покрытію.

Вся *кровля собора* не подлежала измѣненію въ своей формѣ, такъ какъ стропильное покрытіе не предполагалось передѣлывать, и потому Археологическое Общество не вырабатывало окончательнаго рѣшенія вопроса о томъ, какъ слѣдовало бы реставрировать крышу въ случаѣ измѣненія стропильной системы. Между тѣмъ осмотръ чердаковъ собора выяснилъ чрезвычайно много интересныхъ данныхъ.

Принимая во вниманіе указаніе, что кровля, устроенная въ настоящемъ ея видѣ въ прошломъ столѣтіи подъ наблюденіемъ архитектора Мичурина, представляетъ, особый интересъ тѣми бороздами, которыя находятся на основаніи барабана средней главы, слѣды, указывающіе на болѣе древнее, и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе плоское покрытіе и, по всему вѣроятію — двухскатное. Можетъ быть, не напрасно отмѣчено впервые извѣстіе, что въ 1682 году кровля была покрыта по желѣзнымъ дугамъ. Интересно то, что на рисункахъ коронованія царя Михаила Ѳедоровича мы видимъ неясное выраженіе подобнаго какъ бы двухскатнаго покрытія, переходящаго въ *закругленныя закомары.* Полукруглое же очертаніе закомаръ Успенскаго Собора мы видимъ на всѣхъ сохранившихся древнихъ рисункахъ, изъ которыхъ особое вниманіе заслуживаетъ планъ Москвы 1662 года.

Кровельное покрытіе боковыхъ алтарныхъ полукружій до реставраціи настоящаго года представляло двѣ общія прямыя крыши по одной на два боковыхъ полукружія.

По снятіи желѣза съ этихъ кровель открылись на стѣнѣ слѣды *бороздъ* и *наружной живописи,* несомнѣнно указывающіе направленіе древняго покрытія, того покрытія, которое мы видимъ на рисункахъ коронованія ц. Михаила Ѳеодоровича, и которое по свидѣтельству Софійскаго Временника, была во время пожара 1493 года еще несомнѣнно деревянное, покрытое бѣлымъ желѣзомъ. Можно предположить, что деревянныя стропила существовали до 1682 года потому, что во время пожара, бывшаго въ этомъ году 26 ноября, на соборѣ сгорѣла вся кровля, перекрытая уже прежде мѣдными листами, а черезъ два года послѣ пожара своды были покрыты луженою мѣдью по желѣзнымъ дугамъ. Возможно, что къ этому времени должно быть отнесено и измѣненіе формы кровли подъ малыми алтарными выступами. Это согласуется съ тѣмъ, что передѣлка должна была быть въ связи съ устройствомъ оконъ въ двухъ юго-восточныхъ сводахъ придѣла Похвалы Пр. Богородицы.

Еще на планѣ 1662 года мы видимъ надъ алтаремъ пять полукуполовъ и тоже видимъ на рисункѣ коронованія царя Михаила Ѳедо-

ровича. Извѣстно, что придѣлъ Похвалы Пресвятыя Богородицы былъ первоначально внизу близъ главнаго алтаря, на что указываетъ чинъ постановленія митрополита всероссійскаго и чинъ епископскаго постановленія. О томъ-же что придѣлъ находится на верху мы впервые находимъ указанія въ 1677 году.

Нынѣ крыши алтарныхъ выступовъ возстановлены по древнимъ слѣдамъ *полукуполами*. Пробитыя въ сводахъ окна уничтожены, а съ внутренней стороны на задѣлкахъ сводовъ возстановлена утраченная живопись.

Что касается до возстановленія всѣхъ поврежденныхъ частей *бѣлокаменной кладки собора*, то значительныя трещины фасадовъ пробраны вновь кладкою бѣлаго камня, облицованы камнемъ пострадавшія части фасада, при чемъ для возстановленія колонокъ пояса послужила образцемъ указанная Археологическимъ Обществомъ лучше сохранившаяся колонка на сѣверной сторонѣ храма. При этомъ кладка фасадовъ *отчищена* отъ наслоенія окраски и нынѣ послѣ многихъ лѣтъ, *бѣлокаменный древній видъ храма открытъ взорамъ*.

Для возстановленія *цоколя* принятъ одинъ общій профиль болѣе древній, какъ указали открытіе стѣнъ собора до самаго ихъ основанія, при чемъ оказалось, что подъ нынѣ существующимъ мощеніемъ площади существуетъ еще два уровня мостовой.

Открытый профиль цоколя далъ возможность опредѣлить, что профиль цоколя восточной стороны храма и частью сѣверной и южной сторонъ уже новаго происхожденія.

При обсужденіи вопроса о цоколѣ академикомъ архитектуры С. У. Соловьевымъ было высказано пожеланіе, принятое Обществомъ, чтобы соборъ былъ *открытъ до основанія* и огражденъ рѣшеткой, какъ это дѣлается въ западной Европѣ при рестовраціи особо чтимыхъ памятниковъ. Пожеланіе это не могло быть по многимъ причинамъ осуществлено на дѣлѣ.

Барабаны главъ представляли значительныя наружныя поврежденія въ кирпичныхъ стѣнахъ и въ каменныхъ верхнихъ частяхъ стѣнъ. Особенно пострадали малыя главы, изъ которыхъ юго-западная болѣе другихъ наклонилась. Представилось необходимымъ подлицевать часть кирпичной кладки. При этомъ возстановлены, согласно открытымъ слѣдамъ, *валики*, окаймлявшіе окна. Верхнія каменныя части главъ не представилось возможнымъ перелицевать при толщинѣ всей стѣны въ 10 вершковъ. Подобіе долженствовавшаго быть древняго профиля, утраченное, какъ извѣстно изъ выписи А. И. Юшкова въ XVII столѣтіи, возможно было придать лишь штукатурнымъ шаблономъ.

Особое вниманіе обращалъ на себя *западный портикъ собора* съ

его висячими арками, опирающимися на двѣ колонны. Онъ, повидимому, сильно пострадалъ отъ пожара; каменныя капители колоннъ, когда-то подштукатуренныя на гвоздяхъ, представлялись на столько поврежденными, что для возстановленія ихъ формы Обществу предстояло рѣшить, какого должно держаться архитектурнаго мотива для ихъ реставраціи. Признано наиболѣе согласующимся съ общимъ характеромъ портика образецъ капители колонокъ Патріаршаго мѣста Успенскаго Собора. До начала работъ по реставраціи портика колонны его были обдѣланы желѣзомъ, при чемъ нижняя часть ихъ утерялась въ видѣ пьедестала. По снятіи желѣза открылось, что первоначально никакихъ пьедесталовъ не было, а уширеніе возникло изъ необходимости скрыть желѣзныя скрѣпленія колоннъ обручами, которые связывали поврежденныя нижнія части колоннъ. Къ сожалѣнію, представляется совершенно неизбѣжнымъ при сохраненіи портика, оставивъ желѣзныя скрѣпленія, еще увеличить ихъ, вслѣдствіе чего форма колоннъ можетъ быть обработана только съ пьедесталами.

Наружную живопись собора предполагалось по первоначальной смѣтѣ поновить свѣжими колерами, но до приступа къ работамъ, по предложенію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, былъ сдѣланъ опытъ *очистки* верхнихъ слоевъ живописи. При этомъ было сдѣлано въ высшей степени важное открытіе: подъ нѣсколькими слоями позднѣйшей живописи обнаружилась живопись другихъ очертаній и колеровъ, представляющая значительный художественный и археологическій интересъ *(открытый ликъ Святителя Алексѣя поражаетъ особою красотой)*. По новѣйшимъ архивнымъ выпискамъ А. И. Юшкова мы знаемъ, что въ 1682 году живопись южнаго фасада собора была возобновлена извѣстнымъ Симономъ Ушаковымъ, и представляется весьма вѣроятнымъ, что эта живопись можетъ быть открыта и реставрирована. Въ виду желательности вполнѣ добросовѣстной и художественной реставраціи живописи Симона Ушакова, реставраціи слишкомъ продолжительной для того короткаго времени, которое оставалось до Св. Коронованія, Археологическое Общество дало заключеніе, что нынѣ представляется необходимымъ ограничиться единственно промывкой наружной стѣнописи съ заправкою пятенъ. Эта работа исполнена иконописцемъ Дикаревымъ.

Внутренняя живопись согласно смѣтному предположенію нынѣ отмывается съ заправкою поврежденныхъ частей какъ колерами, такъ и подволотою. При производствѣ этихъ работъ, порученныхъ иконописцамъ Чаркову и Дикареву, по устройствѣ лѣсовъ была открыта весьма интересная особенность въ способѣ постройки алтарной стѣны. Верхняя часть восточной стѣны надъ аркою средняго алтарнаго выступа не

представляетъ *сплошной кладки*, но двѣ стѣны, въ 1 кирпичъ толщиною: наружную, покрытую стѣнописью, и внутреннюю, съ пространствомъ между ними шириною 15 верш. и длиною 9 арш. $2^1/_2$ вер., при высотѣ 4 арш. 12 вершковъ. Это пространство перекрыто по длинѣ аркою, и полъ выложенъ кирпичемъ. Два круглыхъ отверстія на высотѣ отъ пола 1 арш. 10 вер., открывающіяся во внутрь алтаря, были задѣланы деревянными пробками. Съ наибольшею вѣроятностью можно предположить, что эта *пустота* оставлена въ стѣнѣ съ цѣлью возможно большаго облегченія груза на поддерживающую стѣну арку. Другое служебное назначеніе представляетъ намъ пустое пространство, обнаруженное въ основаніи средней главы: вѣроятно, мы видимъ здѣсь *казну*, которую, по сказанію лѣтописи, устроилъ Фіоравенти при самой постройкѣ собора. Этотъ круглый корридоръ съ внутренней стороны купольной стѣны, перекрытый каменными плитами, могъ имѣть доступъ черезъ купольное окно и люкъ въ плитномъ покрытіи корридора.

Въ заключеніе моего краткаго очерка мнѣ остается лишь сообщить самую послѣднюю утѣшительную новость. Внутри храма въ алтарѣ также открываются подъ слоями масляной живописи *слѣды древней стѣнописи собора*, и остается лишь выразить пожеланіе, чтобы скорѣе пришло то время, когда явится возможность полной реставраціи какъ наружной, такъ и внутренней стѣнописи собора и предстанетъ тогда нашъ всероссійскій памятникъ въ его древнемъ видѣ, и тѣмъ достойно увѣнчается нынѣ произведенная по указаніямъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества архитектурная реставрація.

К. Быковскій.

II.

Предварительный отчетъ В. И. Сизова о поѣздкѣ его съ археологической цѣлью лѣтомъ 1895 г. въ Курляндскую губернію.

Согласно предложенной мнѣ Им. Моск. Археол. обществомъ командировкѣ я, выѣхавъ изъ Москвы 1-го іюня, прежде чѣмъ направиться въ Курляндскую губ.—главную цѣль поѣздки, занялся вмѣстѣ съ моимъ спутникомъ, Ю. Н. Сперанскимъ, раскопками въ м. Гнѣздовѣ (близъ Смоленска) могильника, уже раньше подвергнутаго мною, изслѣдованіямъ. Здѣсь въ теченіе нѣсколькихъ дней, бывшихъ въ моемъ распоряженіи, было раскопано 45 кургановъ, обнаружившихъ обычный для указанной мѣстности обрядъ трупосожженія: пережженыя кости были

находимы въ горшкахъ, сдѣланныхъ изъ прекрасно обожженной красной глины и весьма характерныхъ для этой мѣстности какъ по своимъ формамъ, такъ и по орнаменту, состоящему изъ параллельныхъ извилистыхъ линій (волнообразный орнаментъ); кромѣ того днища нѣкоторыхъ горшковъ были украшены клеймами. Изъ серіи найденныхъ вещей особенное вниманіе обращаютъ на себя бронзовыя пряжки, медальоны, фибулы, орнаментированныя звѣринымъ и плетенымъ орнаментомъ скандинавскаго стиля. Хронологически вещи опредѣляются найденной въ видѣ привѣски бронзовой монетой византійскаго императора Льва Мудраго († 913 г.). Владѣлецъ могильника г. Филимоновъ любезно передалъ въ даръ Историческому Музею большой мечъ скандинавскаго типа съ серебряной рукояткой, замѣчательной по своей весьма тонкой техникѣ; мечъ найденъ въ курганѣ владѣльцемъ Гнѣздова при производствѣ хозяйственныхъ работъ.

Въ первыхъ же числахъ іюня мы направились изъ Гнѣздова въ Курляндскую губ. Въ Ригѣ и Митавѣ изученіемъ хранящихся въ мѣстныхъ музеяхъ древностей я имѣлъ въ виду дополнить выработанную въ Москвѣ программу предстоящихъ занятій. Непрерывные дожди позволили приступить къ археологическимъ изысканіямъ только черезъ недѣлю. Благодаря любезности г. Боя, преподователя Митавской гимназіи, первыя поѣздки съ археологической цѣлью были совершены на югъ отъ Митавы, вверхъ по теченію р. Аа, прежде всего въ имѣніе бар. Франка — Оглей-Сессау, а затѣмъ въ им. кн. Ливена — Мезотенъ. Въ им. бар. Франка были найдены остатки могильника съ погребеніемъ, уничтоженнаго однако добываніемъ камня; нѣкоторые изъ найденныхъ при изслѣдованіи могильника предметовъ напоминали типы, извѣстные изъ раскопокъ Люцинскаго могильника: напр., мечъ своеобразной формы, напоминающей косарь, и витые браслеты. Что касается Мезотена, то въ этомъ имѣніи были осмотрѣны два городища, изъ которыхъ одно хорошо сохранилось; далѣе недалеко отъ господской риги, у картофельнаго поля, была сдѣлана мною пробная яма, въ которой были найдены человѣческія кости и бронзовая гривна, служившія доказательствомъ нахожденія на этомъ мѣстѣ древняго могильника; дальнѣйшее изученіе его было предоставлено мною владѣльцу. Найденныя въ обоихъ имѣніяхъ описанныя выше вещи, по желанію владѣльцевъ, я былъ вынужденъ оставить у нихъ и долженъ былъ ограничиться выраженіемъ желанія, чтобы онѣ, по крайней мѣрѣ, были демонстрируемы на предстоящемъ X-мъ Археологическомъ Съѣздѣ въ Ригѣ.

Въ виду того, что около Митавы лежитъ наиболѣе изслѣдованная мѣстными учеными область Курляндской губ., я предпочелъ направиться

въ мѣстности, лежащія по берегу Балтійскаго моря, такъ какъ онѣ принадлежатъ къ числу наименѣе изученныхъ въ археологическомъ отношеніи; при этомъ ознакомленіе съ ними мнѣ казалось наиболѣе удобнымъ предпринять изъ Либавы и Виндавы.

Благодаря любезному содѣйствію начальника пограничной стражи полковника кн. А. С. Кречинскаго, мнѣ удалось съ большими удобствами прежде всего обслѣдовать мѣстность по морскому берегу до Верхней и Нижней Бартавы, гдѣ однако произведенныя мною пробныя раскопки не дали удовлетворительныхъ результатовъ, такъ какъ найденныя при костякахъ польскія монеты XVII в. (Яна Казиміра) свидѣтельствовали о позднемъ погребеніи.

Посѣщеніе знаменитаго могильника въ Капсетенѣ убѣдило, что могильникъ разрушенъ почти окончательно добываніемъ камня для устройства порта. Но подрядчикъ работъ г. Кобленцъ любезно предоставилъ въ даръ Историческому Музею коллекцію собранныхъ имъ на мѣстѣ предметовъ, тѣмъ болѣе важную, что значительная часть найденныхъ въ прежнее время въ этомъ могильникѣ вещей находятся за предѣлами Россіи, въ Берлинскомъ Музеѣ.

Дальнѣйшія изслѣдованія свои я продолжалъ черезъ Гробинъ, Дурбенъ, Лигутенъ и Газенпотъ къ Гольдингену. Пробныя изслѣдованія въ этихъ мѣстностяхъ обнаруживали однако лишь факты поздняго погребенія съ монетами XVII в. Изъ Гольдингена я отправился по теченію р. Виндавы до г. Виндавы; на этомъ пути мое вниманіе особенно было привлечено мѣстностями Шлекъ и Пассильномъ, куда я прибылъ послѣ не давшихъ положительныхъ результатовъ раскопокъ въ Набенѣ.

Пассильнъ лежитъ недалеко отъ Шлека и въ 35 верст. отъ г. Виндавы, на лѣвомъ берегу р. Виндавы; здѣсь былъ мною изслѣдованъ обширный могильникъ съ трупосожженіемъ; разработка его производилась здѣсь въ теченіе болѣе 10 дней. Одновременно невдалекѣ отъ Пассильна была мною изслѣдована еще одна мѣстность близъ усадьбы Пуне, гдѣ раскопки обнаружили могильникъ съ погребеніемъ, относящійся, судя по найденнымъ при костякахъ, монетамъ къ XVI — XVII вв. Въ им. Шлекъ (на правомъ берегу р. Виндавы) мнѣ удалось обнаружить 2 могилы, весьма интересныхъ по своей связи съ могильникомъ въ Пассильнѣ, лежащемъ на противоположномъ берегу рѣки.

Дальнѣйшія изысканія въ Варвенѣ, въ 10 верст. отъ г. Виндавы на лѣвомъ берегу р. Виндавы, въ имѣніи бар. Фёлькерзама, весьма любезно содѣйствовавшему раскопкамъ, обнаружили остатки могильника съ трупосожженіемъ того же культурнаго типа, какъ и въ Пассильнѣ. Изъ Виндавы мною была предпринята экскурсія къ давно уже извѣ-

стному въ археологической литературѣ могильнику въ Хазавѣ, лежащему между р. Хазавой и морскимъ берегомъ, въ 2-хъ верстахъ отъ послѣдняго. Раскопки этого могильника, весьма испорченнаго картофельными ямами, тѣмъ не менѣе дали много вещей, совершенно сходныхъ съ вещами изъ Пассильна; также сходнымъ оказался и самъ похоронный обрядъ — трупосожженіе. Далѣе, на самой р. Хазавѣ, въ 3-хъ верст. отъ изслѣдованнаго могильника, на правомъ, крутомъ берегу рѣки, былъ найденъ могильникъ съ погребеніемъ, судя по найденнымъ монетамъ, XV—XVI вв.; затѣмъ въ 35 верстахъ отъ могильника въ Хазавѣ, у истоковъ р. Хазавы, надъ озеромъ, въ мѣстности Альтшвангенъ мной изслѣдованъ могильникъ съ трупосожженіемъ, относящійся къ той-же культурѣ, какъ и могильникъ въ Пассильнѣ.

Кромѣ того мною были изслѣдованы окрестности г. Виндавы, и совершена развѣдочная поѣздка въ Попенъ и Ангермюнде. Изслѣдованіе окрестностей г. Виндавы дали отрицательные результаты. Окончивъ работы въ этомъ районѣ я переправился на пароходѣ въ Либаву, съ цѣлью сдѣлать оттуда побережную экскурсію до Полангена. Эта экскурсія дала возможность констатировать въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, близъ берега, факты погребенія сравнительно новаго—XVI—XVII вв.; изслѣдованіямъ на р. Свентѣ препятствовали дожди и отсутствіе гр. Тышкевича, владѣльца сосѣднихъ лѣсовъ, въ Полангенѣ. Переѣздомъ въ Либаву черезъ Папензе, Вурцаву и Нижнюю Бартаву закончилась моя длившаяся $2^1/_2$ мѣсяца поѣздка въ Курляндской губ.

Закончивъ свой краткій обзоръ путешествія я считаю теперь удобнымъ перейти къ описанію коллекцій, найденныхъ въ Пассильнѣ и въ Хазавѣ (извѣстной у латышей подъ названіемъ "Ужава"). Наиболѣе богатый и научный матеріалъ оказался въ могильникѣ въ Пассильнѣ, впервые подвергнутаго мною научнымъ раскопкамъ. Могильникъ представляетъ небольшую плоскость, примыкающую къ современному сельскому кладбищу и возвышенную нѣсколько надъ ближайшимъ берегомъ рѣки Виндавы, которая однако во время разлива доходитъ до самаго могильника. Ровная поверхность не представляетъ никакихъ особенныхъ примѣтъ могильника, только въ одномъ мѣстѣ снятый дернъ указывалъ на случайную раскопку двухъ туристовъ изъ Риги. Отъ этого небольшого углубленія работа была начата траншеями, глубиной до двухъ метровъ. Разрѣзъ представлялъ вслѣдъ за дерномъ песчаный слой, смѣшанный съ мелкимъ углемъ и золой. Болѣе низкій слой, весьма мощный, состоялъ изъ сплошного угля, смѣшаннаго съ золой и бывшими въ огнѣ предметами. Этотъ черный слой покоился на слоѣ желтаго песку, имѣвшаго уже характеръ грунта. На этомъ грунтѣ попа-

дались груды предметовъ, заботливо сложенныя, состоящія преимущественно изъ оружія, земледѣльческихъ орудій и конской сбруи. Такъ, напр., въ такой грудѣ почти всегда можно было встрѣтить мечъ, косу (иногда двѣ), серпы, наконечники копій и дротиковъ, шпоры, стремена и бляхи отъ сбруи, а иногда и складные вѣсы. Вблизи такихъ группъ находилось небольшое количество жженыхъ костей, предметы женскаго украшенія какъ, напр., гривны, браслеты, большей частію поломанные и испорченные огнемъ. Скопленіе подобныхъ предметовъ обозначалось пониженіемъ чернаго слоя, образующимъ въ разрѣзѣ подобіе очертанія ямы; такихъ грудъ было найдено до 12-ти. Разстояніе между ними было до 2-хъ аршинъ.

Обращаясь къ инвентарю могильника, отмѣчаю прежде всего большое количество оружія весьма характернаго по техникѣ и стилю. Первое впечатлѣніе, полученное отъ найденнаго оружія, заставляло невольно вспоминать изображеніе на извѣстномъ коврѣ Матильды (tapisserie de Bayeux), изготовленіе котораго можно отнести ко времени послѣ 1066 г. Такъ изъ предметовъ вооруженія найденный мною шлемъ представлялъ собой совершенно норманскую шапку конической формы, составленную изъ 4-хъ треугольниковъ, прикрытыхъ у основанія вѣнцомъ съ наносникомъ, отъ котораго, впрочемъ, сохранилась только часть (рис. 5). Плохая сохранность шлема объясняется

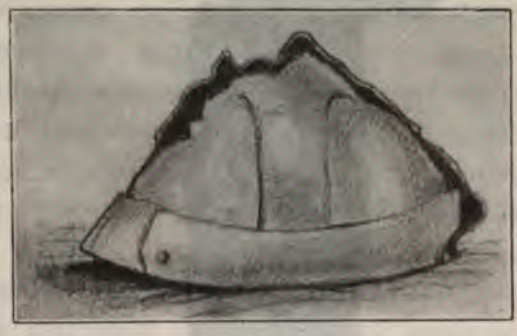


Рис. 5.

тѣмъ, что онъ былъ намѣренно сплюснутъ ударомъ, какъ и многіе другіе предметы, найденные при этомъ погребальномъ ритуалѣ. Найденные мечи представляли три формы: одни, наиболѣе длинные, относятся къ типу скандинавскихъ мечей, изображенныхъ на упомянутомъ коврѣ и весьма близкихъ по размѣрамъ и формамъ, къ находимымъ въ русскихъ могильникахъ, напр., въ Гнѣздовѣ и изъ раскопокъ г. Бранненбурга въ южномъ Приладожьѣ [1]). Сходство это выражалось въ слѣдующемъ: широкій длинный клинокъ, имѣвшій посрединѣ ложбину, заканчивался рѣзко къ концу остріемъ, съ другого конца представлялъ широкій стебель или пятку клинка, на которую насаживались части рукояти, а именно: нижняя крестовина, по отношенію къ ширинѣ клинка

[1]) Колл. Историч. Музея.

Рис. 6.

Рис. 7.

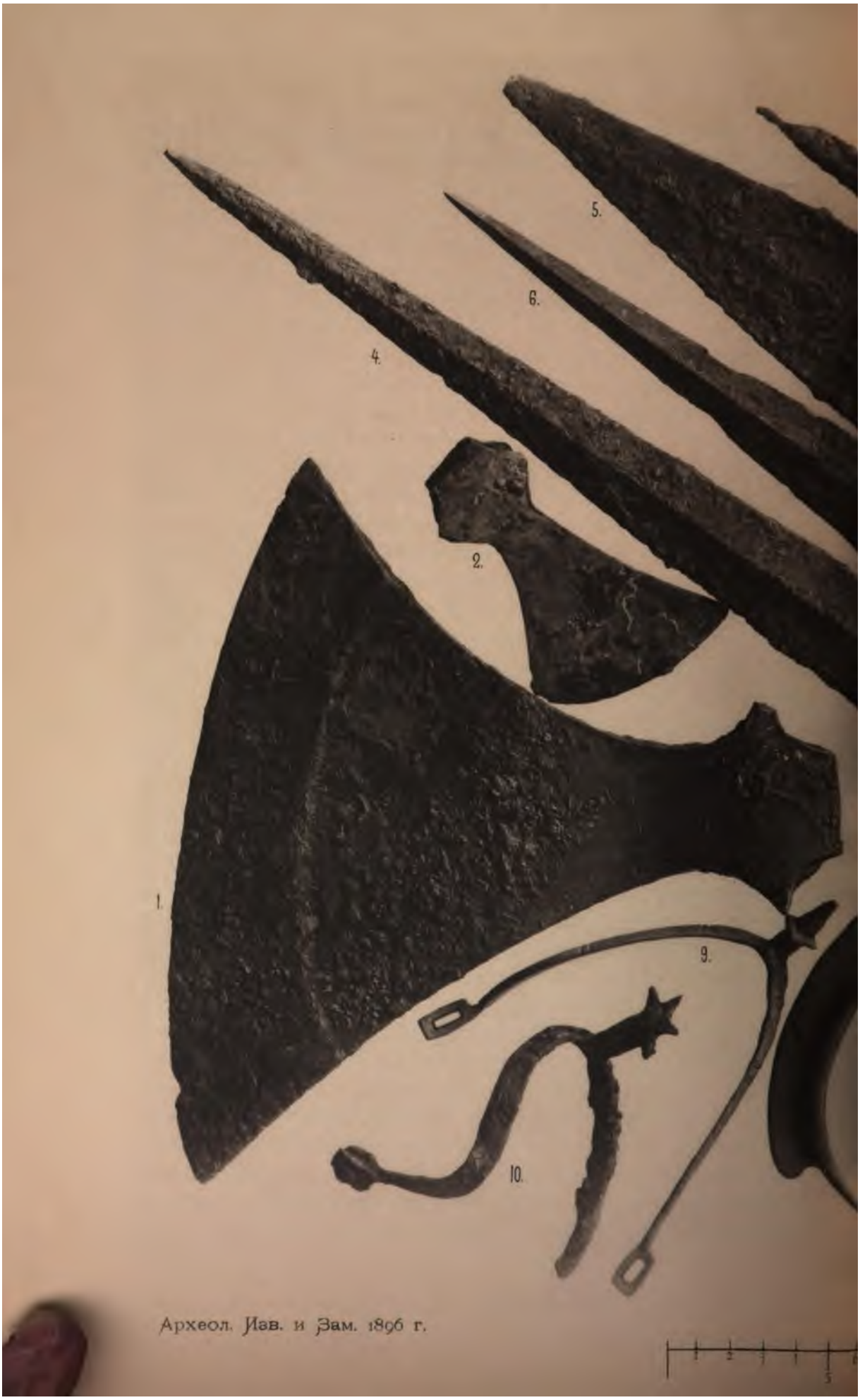
очень небольшихъ размѣровъ, верхняя крестовина меньшаго размѣра, на которой покоилось уже закругленное навершье (рис. 7). Всѣ эти

части рукояти украшались серебряной насѣчкой и даже накладнымъ или наварнымъ серебромъ съ черневымъ орнаментомъ. Широкій стебель клинка заставляетъ предполагать, что деревянной рукояти здѣсь не могло быть, а скорѣе стебель былъ обтянутъ кожей или тонкой серебряной проволокой, которая могла и не сохраниться при сожженіи, но сохранилась на одномъ экземплярѣ меча, найденномъ г. Бранденбургомъ при обыкновенномъ погребеніи. (*Мат. по Археологіи Россіи. Курганы юж. Приладожья, стр. 60*). Разумѣется, ножны отъ мечей не могли сохраниться, но найдено много наконечниковъ, отлитыхъ изъ бронзы и украшенныхъ рельефнымъ орнаментомъ того-же скандинавскаго стиля. Вообще мечи эти, повидимому, служили больше рубящимъ, чѣмъ колющимъ оружіемъ. Клинки, ограниченные почти параллельными линіями рѣзко отличаются отъ клинковъ XIII в., примѣры которыхъ мы видимъ въ мечахъ Довмонта и Всеволода - Гавріила псковскихъ, гдѣ клинокъ заостряется постепенно. Весьма возможно, что эти мечи являются здѣсь издѣліемъ завознымъ, хотя орнаменты рукоятей весьма просты и сближаются съ орнаментами другихъ предметовъ этого стиля. Только мечъ, найденный въ Хазавѣ, хотя и относится къ этому-же типу, представляетъ разновидность въ томъ отношеніи, что, сохраняя тѣ-же формы, онъ отличается болѣе деликатными размѣрами и имѣетъ рукоять также какъ и наконечникъ отлитые изъ бронзы съ весьма изящнымъ орнаментомъ скандинавскаго стиля, съ характерными головками драконовъ на перекрестьѣ (рис. 6). Втораго типа мечи, можно думать, судя по простотѣ техники, относятся къ издѣліямъ мѣстнымъ: рукоятка состоитъ изъ весьма простаго желѣзнаго перекрестья, а верхушка — изъ выгнутой кверху и сплющенной пластинки. Третьяго типа мечи въ цѣльномъ видѣ не найдены, но ихъ отличительная черта заключается въ навершьѣ, состоящемъ изъ весьма массивнаго желѣзнаго шара, лишь слегка сплющеннаго съ боковъ, и представляетъ собою зачатокъ той чечевицеобразной верхушки, которая составляетъ характерное украшеніе западныхъ мечей XII — XIII столѣтія. Цѣльныхъ мечей найдено 10, клинковъ безъ рукоятокъ такое-же количество и, кромѣ того, нѣсколько обломковъ отъ мечей. На одномъ клинкѣ сохранилось инкрустированное серебромъ клеймо, представляющее три знака, напоминающихъ букву Т. Возлѣ мечей неизмѣнно находились сѣкиры, весьма характерной скандинавской формы, встрѣчаемой въ изобиліи на изображеніяхъ ковра Матильды. Сѣкиры этого типа встрѣчались нерѣдко при раскопкахъ покойнаго г. Ивановскаго въ курганахъ въ бывшей Вотской пятинѣ [1]). Въ особенности интересенъ экземпляръ одной сѣкиры, весьма

[1]) Подобнаго рода топоры употребляются въ настоящее время крестьянами всей центральной Россіи.

большихъ размѣровъ, поверхность которой съ обѣихъ сторонъ была сплошь украшена углубленнымъ рисункомъ изъ завитковъ, инкрустированныхъ прежде серебромъ; но отъ дѣйствія огня серебро сохранилось въ видѣ слившихся капель, которыми усѣяна поверхность (Табл. I рис. 1). Кромѣ этихъ боевыхъ сѣкиръ найдено нѣсколько т. н. вотивныхъ топориковъ, миніатюрныхъ, повторяющихъ форму или описанныхъ выше сѣкиръ, или форму тѣхъ сѣкиръ, которыя обычны въ курганныхъ находкахъ центральной Россіи (Табл. I рис. 2 и 3).

Изъ числа многочисленныхъ наконечниковъ копій, найденныхъ въ Пассильнѣ и Хазавѣ, можно отмѣтить типы весьма изящныхъ, длинныхъ наконечниковъ (Табл. I. рис. 4) и болѣе короткихъ, широкихъ листовидной формы, напоминающихъ типъ La-Tène (Табл. I. рис. 5); встрѣчаются также копья ромбоидныя, вытянутыя кверху (Табл. I. рис. 6). Кромѣ копій, найдено немало наконечниковъ отъ метательныхъ копій или дротиковъ, представляющихъ большею частью листовидную форму растенія дрока, на длинномъ стержнѣ, который заканчивается обыкновенно загибомъ, приспособленнымъ для болѣе неподвижнаго утвержденія стержня въ древкѣ (Табл. I. рис. 7 и 8). Подобнаго рода дротики замѣчаются въ рукахъ воиновъ, изображенныхъ на коврѣ Матильды. Въ группѣ оружія встрѣчались неизмѣнно и шпоры, нерѣдко въ одномъ экземплярѣ; найденныя шпоры представляютъ два типа: болѣе древній—шпоры съ шипомъ, болѣе поздній—шпоры съ подвижнымъ зубчатымъ колесикомъ; судя по отверстіямъ на концахъ, шпоры прикрѣплялись при помощи ремня къ ногѣ, какъ это изображено на упомянутомъ коврѣ (Табл. I. рис. 9 и 10). Особенно характерными предметами могильника можно считать большое и разнообразное количество предметовъ, относящихся къ конской сбруѣ. Такъ кромѣ стремянъ обычной формы за исключеніемъ, впрочемъ, одного стремени, весьма своеобразнаго по формѣ (Табл. I рис. 11) къ числу предметовъ конской сбруи можно отнести плоскія, круглыя желѣзныя бляхи съ полушарообразной срединой и тремя ушками, къ которымъ посредствомъ загибовъ прикрѣплялись красиво-вырѣзныя желѣзныя пластинки, составлявшія часть набора уздечки (Табл. I рис. 12 и 13); иногда впрочемъ одна изъ пластинокъ замѣнялась цѣпью. Къ набору уздечки можно также отнести множество пластинокъ, зубчатыхъ съ одной стороны (Табл. II рис. 14 и 15). Всѣ упомянутые предметы, сдѣланные изъ желѣза, украшены были сплошь густо наложеннымъ серебромъ (наварнымъ) съ тонкимъ черневымъ узоромъ. Слѣды серебра на этихъ бляхахъ мѣстами сохранились весьма явственно. Въ особенности красивымъ узоромъ отличается бляха (рис. 8), весьма характерная для помянутой культуры, стилемъ своимъ напоми-

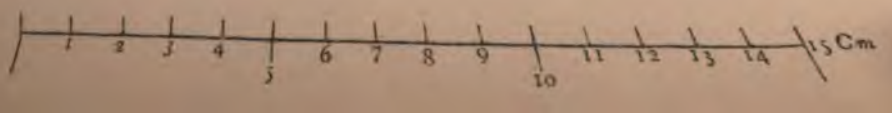


Археол. Изв. и Зам. 1896 г.

Фототипія Шернера, Франкфурть а/М. на Маинѣ.

Археол. Изв. и Зам. 1896 г.

Фототипія Шереръ, Набгольцъ и К° въ Москвѣ.



нающая вмѣстѣ съ другими подобными бляхами вырѣзную работу изъ дерева. Весьма вѣроятно, что къ числу сбруи слѣдуетъ отнести также крестообразныя желѣзныя фибулы, и квадратной формы большую желѣз-

Рис. 8

ную фибулу, представляющую собой варіантъ бронзовыхъ фибулъ, найденныхъ въ Пассильнѣ.

Вмѣстѣ съ грудами оружія всегда находимы были и орудія земледѣлія: косы и серпы. Косы весьма большихъ размѣровъ, прикрѣплялись къ древку посредствомъ загиба, приспособленнаго для укрѣпленія обоймица или кольца. Такимъ-же способомъ прикрѣплялись въ большинствѣ

Рис. 9

случаевъ и серпы, хотя у нѣкоторыхъ экземпляровъ встрѣчаются уже сверлины для гвоздей. Какъ при грудахъ оружія, такъ и въ сторонѣ найдено большое количество бронзовыхъ оправъ отъ роговъ для питья (болѣе 100 экземпляровъ). Въ цѣльномъ видѣ сохранился только одинъ экземпляръ (рис. 9); эти сосуды сдѣланы изъ бычачьихъ роговъ, оправлены съ широкаго конца бронзовымъ кольцомъ съ вырѣзными бронзовыми пла-

и фрагменты отъ сосудовъ. Послѣдніе находились всегда разбросанными на большомъ пространствѣ; въ большинствѣ случаевъ поверхность имѣли гладкую, причемъ только по краю отверстія находился рубчатый вдавленный орнаментъ. Только два фрагмента сохранили орнаментъ на поверхности (рис. 16 и 17). Одинъ изъ фрагментовъ (рис. 17) можно отнести смѣло къ волнообразнымъ (Wellenornament), представляющій специфи-

Рис. 16 Рис. 17

ческій признакъ славянскихъ гончарныхъ издѣлій. Какъ ни мелки найденные черепки посуды, они даютъ однако полную возможность утверждать, что это были сосуды удлиненной формы, расширены кверху съ небольшими загнутыми бережками. Составъ глины весьма грубый, съ большой примѣсью кварца, темнобураго цвѣта. По расположенію черепковъ и по ихъ дробности должно предположить, что сосуды эти при погребеніи разбивались и никогда не ставились цѣлыми. Грубый составъ глины быть можетъ указываетъ на тотъ фактъ, что сосуды изготовлялись спеціально для упомянутаго обряда.

Культура могильника Пассильна путемъ раскопокъ была обнаружена мною не только въ Хазавѣ (Ужавѣ), но также въ Альтшвангенѣ и Варвенѣ. Сходство заключается не только въ предметахъ но и въ обрядахъ погребенія; принесенная Историческому Музею въ даръ г. Кобленцомъ коллекція древнихъ вещей изъ могильника въ Капсетенѣ, по нашему мнѣнію, указываетъ также на родственный характеръ этихъ вещей съ культурой Пассильна, хотя въ данномъ случаѣ мы не можемъ касаться вопроса о сходствѣ въ погребальномъ обрядѣ. Такимъ образомъ, культура Пассильна захватываетъ мѣстность приблизительно отъ г. Виндавы, такъ какъ разстояніе между городомъ и могильникомъ въ Варвенѣ-Пассекстенѣ всего 7 верстъ, далѣе вверхъ по р. Виндавѣ на 35 верстъ, т. е. до Пассильна, и отсюда линія культуры по моимъ изслѣ-

дованіямъ идетъ до истоковъ р. Хазавы (Ужавы) у мѣстечка Альтшвангена и, наконецъ, по р. Хазавѣ, внизъ почти до самаго устья въ двухъ верстахъ отъ моря.

Если предположить родственную связь съ могильникомъ въ Капсетенѣ, то линія эта по берегу моря на югъ можетъ дойти почти до Либавы или точнѣе до Гробина, вблизи котораго находится Капсетенъ.

Обращаемся теперь къ фактамъ, представляющимъ обыкновенное погребеніе. Вблизи тѣхъ мѣстъ, гдѣ находились изслѣдованные мною могильники съ сожженіемъ мнѣ приходилось встрѣчать и могильники съ обыкновеннымъ погребеніемъ. Такъ, въ Пассильнѣ верхній слой могильника былъ занятъ вставленными туда въ выкопанныхъ ямахъ погребенными скелетами; уже по самому характеру устройства этихъ могилъ, вставленныхъ въ чужомъ слоѣ пережженныхъ костей, золы и угля, можно ясно опредѣлить болѣе поздній характеръ этого погребенія, прикрывшій собою болѣе древній могильникъ съ трупосожженіемъ и находящійся въ живой непосредственной связи съ современнымъ кладбищемъ латышей. Характеръ найденныхъ при этихъ скелетахъ вещей точно также указываетъ на различіе времени и въ особенности на различіе культуры обитателей этихъ мѣстъ, сжигавшихъ своихъ покойниковъ, съ обитателями, погребавшими ихъ. Изъ числа предметовъ, найденныхъ при скелетахъ, слѣдуетъ обратить вниманіе прежде всего на тѣ, которые представляютъ сходство съ вещами и до настоящаго времени встрѣчающимися у латышей, какъ, напр., сакты (т. е. пряжки въ формѣ плоскаго кольца съ булавкой), бронзовые пояса въ формѣ цѣпей, которые до настоящаго времени составляютъ старинный нарядъ латышской женщины; вѣнчики изъ бересты съ бронзовыми пластинками; наконецъ щетки изъ пучковъ жесткихъ волоконъ до сихъ поръ существующіе у латышей взамѣнъ гребней. Наконецъ, слѣдуетъ обратить также вниманіе на положеніе скелетовъ, весьма опредѣленное съ востока западъ (головой на западъ). Монеты указываютъ также на болѣе поздній характеръ этихъ могилъ. Такимъ образомъ по нашему мнѣнію, нѣтъ сомнѣнія что погребенные покойники относятся къ латышскому населенію и ко времени ихъ первоначальной колонизаціи этихъ мѣстъ. Въ Шлекѣ, по правую сторону рѣки Виндавы, въ трехъ верстахъ отъ Пассильна вверхъ по теченію, найдены скелеты относящіеся къ той-же латышской культурѣ, но болѣе древняго времени.

Связь могилъ въ Шлекѣ съ могилами съ погребеніемъ Пассильнѣ, устанавливается найденными совершенно сходными наконечниками своеобразной формы и орнамента отъ ноженъ кинжаловъ, поясомъ въ формѣ цѣпи, сактами и, наконецъ, самимъ положеніемъ скелета головой на западъ.

Подобнаго рода могилы съ погребеніемъ встрѣчены мною внизъ по Виндавѣ верстахъ въ 2-хъ отъ Пассильна, на землѣ крестьянина Пуне, а также вблизи отъ берега Виндавы, въ 3-хъ верстахъ отъ могильника съ сожженіемъ въ Варвенѣ, и въ 3-хъ верстахъ отъ могильника въ Хазавѣ, на крутомъ правомъ берегу рѣки.

Указанные факты заставляютъ предполагать, что культура могильника съ сожженіемъ въ Пассильнѣ и другихъ сходныхъ съ нимъ могильникахъ предшествовала во всей означенной мѣстности болѣе поздней латышской культурѣ.

Обращаясь затѣмъ къ вопросу объ опредѣленіи національнаго характера пассильнскаго могильника съ трупосожженіемъ, мы считаемъ пока преждевременнымъ относить этотъ могильникъ къ той или другой народности, но считаемъ умѣстнымъ теперь-же указать на черты культурнаго сходства и различія съ древностями сосѣднихъ странъ. Такъ нельзя не оттѣнить, что замѣченное мною съ самаго начала сходство съ скандинавской культурой ограничивается исключительно предметами вооруженія; но въ украшеніяхъ и земледѣльческихъ орудіяхъ уже нельзя найти связи съ этой культурой; сходство-же въ оружіи не даетъ рѣшающаго значенія этому факту, такъ какъ этого типа оружіе было весьма распространеннымъ по всему побережью Балтійскаго моря. Здѣсь-же слѣдуетъ отмѣтить только тотъ характерный фактъ, что типы найденнаго оружія отличаются весьма большимъ архаизмомъ по отношеніи ко времени могильника, опредѣляемому найденными монетами. Нельзя также не указать, на ту характерную особенность могильника, что среди найденныхъ тамъ вещей большое количество относится къ украшеніямъ конской сбруи, отдѣланнымъ весьма богато накладнымъ серебромъ и чернью, но по орнаменту не имѣющимъ большаго родства съ Скандинавіей. Это богатство украшеній, относящихся, безъ сомнѣнія къ боевому коню, заставляетъ невольно вспоминать о священномъ значеніи боеваго коня у язычниковъ Рюгена и Штетина; даже гаданье по средствомъ коня, какъ и въ упомянутыхъ святилищахъ, существовало еще въ среди туземцевъ Прибалтійскаго края во время Генриха Латышскаго, что по нашему мнѣнію, указываетъ на живую культурную связь между упомянутыми мѣстностями и святилищами Рюгена и Штетина. Переходя затѣмъ къ орнаментаціи вещей, напр., браслетовъ и привѣсокъ, мы встрѣчаемся здѣсь съ элементами простого геометрическаго орнамента, но по тонкости выполненія и разнообразію комбинацій основныхъ формъ представляющаго весьма оригинальную и достигшую извѣстной степени совершенства стадію развитію (рис. 10—15).

По нашему мнѣнію, наибольшее сходство вещей пассильнскаго

могильника мы находимъ съ вещами, добытыми изъ раскопокъ въ мѣстностяхъ восточной Пруссіи, Бранденбурга и Помераніи. Такъ, сравнивая найденныя вещи съ вещами, изображенными на фотографіяхъ въ Photographisches Album der prähistorischen und anthropologischen Ausstellung zu Berlin 1880 г. мы находимъ полное тождество въ слѣдующихъ предметахъ: наконечники дротиковъ (Табл. I рис. 7 и 8), копій всѣхъ типовъ (Табл. I рис. 4—5), отчасти меча (различіе въ этомъ случаѣ лишь въ томъ, что мечъ изъ Бранденбурга при сохраненіи той-же техники представляетъ болѣе яркій примѣръ скандинавской орнаментаціи); особенно замѣтно сходство въ фибулахъ и въ черепкахъ сосудовъ, которые по надписямъ въ названномъ изданіи опредѣляются терминомъ „jüngstes heidnisches Zeitalter". Указанный нами архаизмъ не ограничивается только оружіемъ, но обнаруживается по сравненіи съ коллекціями въ Пруссіи и въ другихъ предметахъ; такъ, напр., упомянутыя нами выше низки бусъ на проволокахъ, перехваченныя бронзовыми пряжками имѣютъ своимъ прототипомъ перехваты для бронзовыхъ гривнъ уложенныхъ въ нѣсколько рядовъ и относящихся въ Пруссіи къ концу бронзоваго вѣка. Что касается погребенія безъ урнъ, безъ насыпки кургановъ, то подобные факты встрѣчаются на побережьѣ Пруссіи (Beschreib. d. vaterland. Alterthümer im Neustettiner und Schlochauer kreise v. Kasizki). Такимъ образомъ вообще связь изслѣдованнаго нами могильника въ Пассильнѣ, какъ главнаго среди ему подобныхъ, является для насъ весьма вѣроятной съ побережьемъ Пруссіи не только на основаніи сходства вещей, но и на основаніи самого обряда погребенія; съ другой стороны нельзя не замѣтить рѣзкаго различія въ культурѣ могильника въ Пассильнѣ съ культурой того-же прибалтійскаго края, но относящейся къ тѣмъ насельникамъ, которые не сожигали а хоронили своихъ покойниковъ. По нашему мнѣнію сходство *нѣкоторыхъ* предметовъ *въ отдѣльности* съ предметами изъ того или другого могильника не могутъ нарушить или ослабить общаго впечатлѣнія несходства. Въ настоящее время мы ограничимся этими лишь указаніями, оставляя пока болѣе сложные историческіе и національные вопросы въ сторонѣ—до болѣе благопріятнаго времени.

В. И. Сизовъ.

III.

Видъ г. Смоленска временъ Петра I.

Считаю своею пріятною обязанностію препроводить на разсмотрѣніе Общества весьма рѣдкій видъ г. Смоленска (центральной его части) временъ императора Петра I. Видъ этотъ снятъ мною при содѣйствіи мѣстнаго смоленскаго археолога и историка С. П. Писарева чрезъ кальку съ образа препод. Авраамія и св. Меркурія, смоленскихъ чудотворцевъ, находящагося нынѣ въ церкви с. Свирякова (оно же и Сверчково) Смоленскаго уѣзда (въ 28 вер. отъ города Смоленска), и входившаго ранѣе въ составъ иконостаса теплаго Смоленскаго собора. Съ устройствомъ въ этомъ соборѣ новаго иконостаса прежній иконостасъ переданъ былъ въ 1850-хъ гг. по просьбѣ мѣстнаго помѣщика въ приходскую церковь с. Свиряково, гдѣ онъ и находился до 1893 г. Въ 1893 году церковь отъ грозы сгорѣла, но благодаря тому, что пожаръ начался съ верхней части храма и произошелъ днемъ, вся внутренняя обстановка ея, въ томъ числѣ и иконостасъ, были спасены.

Образъ, съ котораго снятъ видъ г. Смоленска, около 2-хъ аршинъ вышины и $1^1/_2$ аршина ширины. Преп. Авраамій и св. Меркурій изображены во весь ростъ: преп. Авраамій въ монашеской одеждѣ, съ открытой головой; волосы на головѣ и бородѣ длинные, темные съ просѣдью; лицо довольно полное. Св. Меркурій изображенъ въ видѣ молодого воина въ кольчугѣ, хорошо, отчетливо выписанной, съ епанчей на плечахъ, съ открытою головой, безъ вооруженія—копье и щитъ лежатъ на землѣ у его ногъ. Лица святыхъ и ихъ одѣянія выписаны тщательно; краски довольно яркія, контуры отчетливы. Фонъ образа золотой съ тиснеными цвѣтами.

Видъ г. Смоленска изображенъ между пр. Авраамiемъ и св. Меркурiемъ у ногъ ихъ, при чемъ плащъ св. Меркурія прикрываетъ половину круглой башни; величина вида вполнѣ соотвѣтствуетъ посылаемому изображенію (см. табл. III.).

Время написанія образа не означено на немъ; но судя по письму его, виду иконостаса, часть котораго онъ составлялъ, и рѣзнымъ украшеніямъ иконостаса (вѣтви и листья винограда), время написанія его слѣдуетъ отнести къ прошлому столѣтію, а если допустить, что изображенный на немъ видъ г. Смоленска современенъ написанію образа (если только онъ не скопированъ съ болѣе древняго образа), то можно заключить, что образъ написанъ въ царствованіе Петра I-го, такъ какъ

изображенный на немъ видъ г. Смоленска несомнѣнно относится къ означенному времени.

Мнѣніе что посылаемый видъ г. Смоленска относится къ началу прошлаго столѣтія, основано на слѣдующемъ: на первомъ планѣ вида, въ самомъ центрѣ его, изображены 6. *Днѣпровская башня* или *Фроловскія ворота*, отъ нея направо и налѣво тянется стѣна, заканчивающаяся башнями, съ лѣвой стороны четыреугольной (отъ нея виденъ только уголъ), существующею и по нынѣшнее время (въ ней помѣщенъ сосредоточенный архивъ окр. суда), а съ правой—круглой (3.), нынѣ уже не существующей. Фроловскія ворота разобраны въ прошломъ столѣтіи (въ концѣ) за ветхостію, вмѣсто ихъ выстроены такъ называемыя Днѣпровскія ворота съ каменною церковью надъ ними, существующія и по настоящее время. Круглая башня, называвшаяся прежде „*Городецкою*", какъ сказано выше, въ настоящее время не существуетъ: она въ *1722 году* взорвана по неосторожности канонира („Г. Смоленскъ и его исторія" С. П. Писарева, стр. 116). Изображеніе этой башни на видѣ, какъ существующей, указываетъ на то, что онъ относится ко времени, предшествующему 1722 году. Далѣе, за стѣной виднѣется рядъ церквей и домовъ. Среди церквей одна (1.) только каменная съ такою же колокольнею при ней (она изображается вверху праваго угла вида): это и нынѣ существующая главная *церковь Вознесенскаго женскаго монастыря* съ тѣмъ лишь измѣненіемъ, что колокольня изображена почему-то съ восточной стороны церкви, а не съ западной, какъ въ дѣйствительности она стоитъ, и что на церкви изображенъ малый (самый верхній) фонарь, нынѣ не существующій, вслѣдствіе чего церковь теперь ниже колокольни (монастырская церковь, главнымъ образомъ верхняя часть ея была повреждена бурей въ 1697 г.: съ нея сорвана была глава «Описаніе Смоленскаго Вознесенскаго Дѣвичьяго Монастыря», 1894 г.). Заложена была эта церковь *въ 1693 г.*, а окончена *въ 1695—6 г.* Изъ этого слѣдуетъ заключить, что видъ относится ко времени не ранѣе означеннаго года. Разсматривая, далѣе, остальныя изображенныя на рисункѣ деревянныя церкви и опредѣляя время постройки нѣкоторыхъ изъ нихъ, можно еще болѣе точно опредѣлить время написанія вида. Въ средней части вида за стѣной виднѣется глава и крыша церкви—это *Фроловская церковь* (6.), отъ нея и ближайшія ворота получили свое названіе; ее теперь нѣтъ, но она несомнѣнно существовала и находилась на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нарисована. Выше ея съ лѣвой стороны у самаго края вида изображено восьмиугольное каменное зданіе, увѣнчанное по боковымъ фронтонамъ главами: это по всей вѣроятности, *старая соборная колокольня*, су-

ществовавшая еще до взятія г. Смоленска польскимъ королемъ Сигизмундомъ III въ 1611 году. Въ этомъ убѣждаетъ изображеніе такой же башни въ планѣ г. Смоленска 1609- 1611 г. (или скорѣе 1627 г. какъ объясняетъ г. Писаревъ въ своемъ сочиненіи). Въ настоящее время этой колокольни нѣтъ, ее замѣнила нынѣ существующая колокольня, выстроенная въ 1765—72 г. Правѣе башни или колокольни видна деревянная пятиглавая съ „опоясаньемъ" церковь (5.): это *старый теплый соборъ*, построенный на вратахъ, ведущихъ во дворъ архіерейскаго дома, епископомъ Сильвестромъ Крайскимъ между 1708—1712 г. (въ 1712 году епископомъ былъ уже Дорофей Короткевичъ). Церковь эта въ 1781 году была разобрана при епископѣ Порфиріи и замѣнена каменною, существующею и по настоящее время. Сопоставивъ время постройки теплаго собора со временемъ взрыва круглой Городецкой башни слѣдуетъ заключить, что видъ города относится скорѣе всего къ 1710—1721 г.

Остальныя, виднѣющіяся на рисункѣ церкви и зданія слѣдующія: повыше собора виднѣющаяся одноглавая деревянная церковь (4.)—старая *Одигитріевская церковь*, замѣненная въ 1764 году каменной, которая и понынѣ существуетъ. Ниже Вознесенской церкви видна деревянная одноглавая съ „опоясаньемъ" церковь (на горѣ)—это старая *Воскресенская* церковь (2.), взамѣнъ которой въ 1765 году выстроена новая каменная, существующая и теперь. Почти въ центрѣ картины виднѣется каменное зданіе съ башней (7.)—это *старая Ратуша*, нынѣ не существующая, выстроенная при Сигизмундѣ III. У самаго Вознесенскаго монастыря видно какое-то оригинальное зданіе съ небольшой главой безъ креста. Что́ это за зданіе, трудно опредѣлить: судя по положенію, можно полагать, что это или старая Вознесенская церковь, оставшаяся отъ временъ польскихъ, или домъ воеводы.

Мѣстоположеніе центра города Смоленска изображено на картинѣ вѣрно. Если смотрѣть на г. Смоленскъ изъ-за Днѣпра, то центральная часть вида соотвѣтствуетъ современному положенію города. Такъ, городъ Смоленскъ и теперь, какъ и прежде, за стѣной поднимается вверхъ по склонамъ трехъ главныхъ горъ, которыя изображены на картинѣ, *Соборной*, *Вознесенской* и *Воскресенской*; между ними видны тѣ самые овраги, которые и теперь существуютъ и вдоль которыхъ и теперь расположены постройки, какъ и въ началѣ XVIII в. Если же мѣстоположеніе центральной части города изображено на картинѣ вѣрно, то отсюда можно заключить, что и архитектура виднѣющихся на ней зданій передана вѣрно, соотвѣтственно современному ихъ виду. Подтвержденіемъ этому можетъ служить изображенная на картинѣ крѣпостная стѣна и

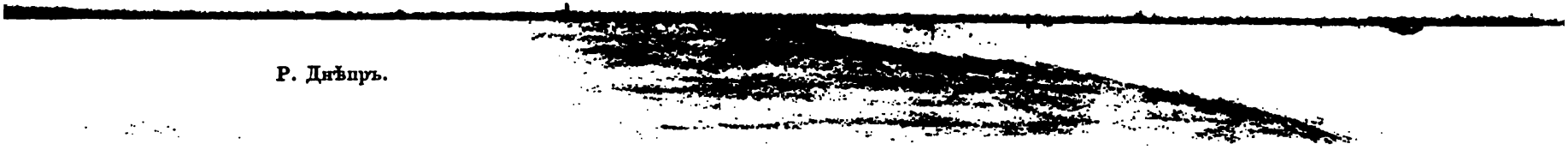
Фототипія Шереръ, Набгольцъ и К° въ Москвѣ.

Видъ Смоленска на иконѣ с. Свирякова.

ществовавшая еще до взятія г. Смоленска польскимъ королемъ Сигизмундомъ III въ 1611 году. Въ этомъ убѣждаетъ изображеніе такой же башни въ планѣ г. Смоленска 1609- 1611 г. (или скорѣе 1627 г. какъ объясняетъ г. Писаревъ въ своемъ сочиненіи). Въ настоящее время этой колокольни нѣтъ, ее замѣнила нынѣ существующая колокольня, выстроенная въ 1765—72 г. Правѣе башни или колокольни видна деревянная пятиглавая съ „опоясаньемъ" церковь (5.): это *старый теплый соборъ*, построенный на вратахъ, ведущихъ во дворъ архіерейскаго дома, епископомъ Сильвестромъ Крайскимъ между 1708—1712 г. (въ 1712 году епископомъ былъ уже Дорофей Короткевичъ). Церковь эта въ 1781 году была разобрана при епископѣ Порфиріи и замѣнена каменною, существующею и по настоящее время. Сопоставивъ время постройки теплаго собора со временемъ взрыва круглой Городецкой башни слѣдуетъ заключить, что видъ города относится скорѣе всего къ 1710—1721 г.

Остальныя, виднѣющіяся на рисункѣ церкви и зданія слѣдующія: повыше собора виднѣющаяся одноглавая деревянная церковь (4.)—старая *Одигитріевская церковь*, замѣненная въ 1764 году каменной, которая и понынѣ существуетъ. Ниже Вознесенской церкви видна деревянная одноглавая съ „опоясаньемъ" церковь (на горѣ)—это старая *Воскресенская* церковь (2.), взамѣнъ которой въ 1765 году выстроена новая каменная, существующая и теперь. Почти въ центрѣ картины виднѣется каменное зданіе съ башней (7.)—это *старая Ратуша*, нынѣ не существующая, выстроенная при Сигизмундѣ III. У самаго Вознесенскаго монастыря видно какое-то оригинальное зданіе съ небольшой главой безъ креста. Что́ это за зданіе, трудно опредѣлить: судя по положенію, можно полагать, что это или старая Вознесенская церковь, оставшаяся отъ временъ польскихъ, или домъ воеводы.

Мѣстоположеніе центра города Смоленска изображено на картинѣ вѣрно. Если смотрѣть на г. Смоленскъ изъ-за Днѣпра, то центральная часть вида соотвѣтствуетъ современному положенію города. Такъ, городъ Смоленскъ и теперь, какъ и прежде, за стѣной поднимается вверхъ по склонамъ трехъ главныхъ горъ, которыя изображены на картинѣ, *Соборной*, *Вознесенской* и *Воскресенской*; между ними видны тѣ самые овраги, которые и теперь существуютъ и вдоль которыхъ и теперь расположены постройки, какъ и въ началѣ XVIII в. Если же мѣстоположеніе центральной части города изображено на картинѣ вѣрно, то отсюда можно заключить, что и архитектура виднѣющихся на ней зданій передана вѣрно, соотвѣтственно современному ихъ виду. Подтвержденіемъ этому можетъ служить изображенная на картинѣ крѣпостная стѣна и



Фототипія Шерера, Набгольца и К° въ Москвѣ.

Видъ Смоленска на иконѣ с. Свирякова.

Вознесенская церковь, вполнѣ соотвѣтствующія современному ихъ виду. По всей вѣроятности, и архитектура главной башни Фроловскихъ воротъ передана на рисункѣ вѣрно, потому что такъ же, какъ и на упомянутомъ выше планѣ г. Смоленска 1609—1611 г. (или 1627 г.), она выдѣляется вышиной своей противъ другихъ башенъ, окружавшихъ городъ; архитектура ея въ нижнихъ и среднихъ частяхъ соотвѣтствуетъ сохранившимся четырехугольнымъ смоленскимъ башнямъ; верхъ, ея по всей вѣроятности, тоже соотвѣтствовалъ дѣйствительности, потому что нѣкоторыя средневѣковыя башни нѣмецкихъ городовъ, отъ которыхъ несомнѣнно позаимствована архитектура стѣнъ и башенъ г. Смоленска, заканчивались такъ же, какъ изображенныя на картинѣ Фроловскія ворота,—напримѣръ, главная башня Кейзерсвертскаго замка на Рейнѣ (она между прочимъ изображена въ 2-мъ томѣ Всеобщей исторіи О. Іегера, изд. Маркса, стр. 377). Изображенная на картинѣ круглая башня (Городецкая) существующаго и теперь вида, только въ настоящее время башня эта не имѣетъ остроконечной крыши. Виднѣющіяся на картинѣ деревянныя церкви несомнѣнно той самой архитектуры, которая господствовала въ началѣ XVIII и въ XVII вв. въ г. Смоленскѣ и области его. Подтвержденіемъ этому можетъ служить то, что такого точно типа церкви съ „опоясаніемъ“ (наружнымъ корридоромъ вокругъ церкви, служившимъ для крестныхъ ходовъ въ дурную погоду и предохранявшимъ нижніе вѣнцы церкви отъ гніенія, чѣмъ и можно объяснить долговѣчность церквей такого типа) существуютъ и въ настоящее время въ южной части Смоленской губ.; таковы, напримѣръ, деревянная церковь въ г. Красномъ и въ селѣ Бобыряхъ, Смоленскаго у., постройки прошлаго столѣтія. Наконецъ, подтвержденіемъ этому можетъ служить описаніе г. Писаревымъ въ своей исторіи г. Смоленска одной смоленской (Всесвятской) церкви, существовавшей до 1812 г., сдѣланное со словъ сторожила Якова Снитко (стр. 258, въ выноскѣ).

Все это взятое вмѣстѣ даетъ полное основаніе утверждать, что посылаемый видъ, при всѣхъ своихъ недостаткахъ въ изображеніи перспективы, впрочемъ, обычныхъ для того времени, довольно вѣрно представляетъ центральную часть г. Смоленска начала XVIII в.

Изъ другихъ образовъ иконостаса церкви с. Свирякова представляютъ интересъ *образъ Спасителя* и *Успеніе Пресвятой Богородицы*, бывшіе намѣстными. Оба они такихъ же размѣровъ, какъ и описанный ранѣе, написаны на золотомъ фонѣ, въ томъ же стилѣ (фряжскомъ). Спаситель изображенъ съ распростертыми руками и развѣвающеюся верхнею одеждою; у ногъ Его съ одной стороны—правой—пр. Авраамій, припадающій съ мольбою къ ногамъ Спасителя, а съ

другой—лѣвой—св. Меркурій въ видѣ молодого воина безъ вооруженія однако въ стоячемъ видѣ; оба они изображены въ небольшомъ видѣ (св. Меркурій, напримѣръ, достигаетъ только колѣна Спасителя). Успеніе Пр. Богородицы изображено довольно сложно: въ нижней половинѣ образа изображено самое успеніе: носилки, покрытыя богатой пеленой съ узоромъ XVII в., съ покоющимся на нихъ тѣломъ Богоматери. Сзади носилокъ посрединѣ Спаситель съ спеленутымъ ребенкомъ (душой Богоматери), а вокругъ носилокъ апостолы. Спереди носилокъ на первомъ планѣ ангелъ съ мечемъ и Арія въ черномъ костюмѣ средневѣковаго ученаго (съ четырехугольною шапочкой на головѣ) съ отсѣченными кистями, которыя висятъ на носилкахъ. Надъ носилками съ предстоящими помѣщены поясныя изображенія апостоловъ, несущихся на облакахъ къ мѣсту погребенія. Въ самомъ верху образа по срединѣ его изображенъ Богъ Отецъ, возсѣдающій на облакахъ; къ нему шествуетъ Богоматерь въ длинной одеждѣ съ распущенными волосами и короной на головѣ: къ Ней на встрѣчу идетъ Спаситель. У изголовья почивающей Богоматери нарисовано подобіе Евангелія довольно большихъ размѣровъ, на верхней доскѣ котораго означено, что въ этомъ мѣстѣ (изображеніе Евангелія) были помѣщены части мощей разныхъ святыхъ. *Григорій Богуславскій.*

IV.

Археологическая хроника.

—— По слухамъ, въ Москвѣ въ ближайшемъ будущемъ учреждается Ученая Архивная Коммиссія. По примѣру другихъ губернскихъ коммиссій, Московская коммиссія предполагаетъ сконцентрировать подъ своимъ вѣдѣніемъ всѣ старыя дѣла архива мѣстнаго губернскаго правленія. Учредителями коммиссіи называютъ московскаго губернатора А. Г. Булыгина, князя В. П. Урусова, барона Н. В. Дризена и др. (Нов. Вр. 1896, № 7142).

—— Въ Ферганской области, по словамъ „Закаспійскаго Обозрѣнія“, организуется областной музей, въ которомъ будутъ сосредоточиваться предметы, относящіеся къ археологіи, исторіи и этнографіи области (Нов. Вр. 1896. № 7143).

—— Въ „Новомъ Времени“ (1896 г., № 7155) мы находимъ

слѣдующую замѣтку по вопросу объ охраненіи древнихъ памятниковъ Крыма: „Въ Крыму охрана историческихъ памятниковъ, къ сожалѣнію, не идетъ далѣе поверхностнаго полицейскаго наблюденія. На южномъ берегу есть много развалинъ древне-христіанскихъ церквей, находящихся въ полномъ забвеніи или обращенныхъ въ хлѣвы для животныхъ. Одна изъ такихъ церквей у горы Демерджи по распоряженію преосвященнаго Мартиніана недавно очищена отъ мусора и загорожена заборомъ. Но помимо религіозныхъ памятниковъ, есть и свѣтско-историческіе, находящіеся также въ полномъ забвеніи. Таковы, напримѣръ, развалины единственнаго подлиннаго дворца, временъ хановъ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Симферополя, по Алуштинскому шоссе. Развалины эти извѣстны подъ именемъ Эски-Сарай (т. е. старый дворецъ), находятся на частно-владѣльческой землѣ и представляютъ куполообразное зданіе, окруженное стѣной. Называемъ мы эти развалины остатками единственнаго подлиннаго ханскаго дворца потому, что бахчисарайскій дворецъ есть собственно исторически-архитектурная фальсификація, такъ какъ онъ заново устроенъ уже во времена русскія по старымъ слѣдамъ сгорѣвшаго дворца, при чемъ руководились разсказами современниковъ и характеромъ восточной архитектуры. Намъ кажется, что слѣдовало бы тѣмъ или другимъ путемъ изъять развалины Эски-Сарай изъ частной собственности и передать въ вѣдѣніе губернскаго строительнаго отдѣленія; еще лучше, если бы какое-нибудь Археологическое Общество пріобрѣло эти развалины; не то нельзя поручиться, что не пройдетъ и нѣсколькихъ лѣтъ, какъ рухнетъ куполъ Эски-Сарая и вообще эти развалины будутъ уничтожены на камень, какъ уничтожено уже не мало старинныхъ памятниковъ въ Тавридѣ“.

—— *Херсонской губ музей; обзоръ древностей, найденныхъ въ Херсонской губ. въ 1895 г.; поступившіе въ Музей Памятники Старины.* „Херсонская губ., какъ извѣстно, богата древностями разныхъ эпохъ жизни человѣчества, начиная отъ самыхъ отдаленныхъ: въ почвѣ ея находятъ памятники быта разныхъ народовъ, со временъ первыхъ обитателей Европы до новѣйшаго, сравнительно, времени иноземнаго здѣсь владычества. Къ сожалѣнію, не мало весьма цѣнныхъ и рѣдкихъ предметовъ древности погибло отъ неумѣлыхъ, а иногда недобросовѣстныхъ пріемовъ кладоискателей, и много вещей, имѣющихъ большое археологическое значеніе, увезено заграницу“.

Съ такимъ воззваніемъ обратился херсонскій губернаторъ, годъ тому назадъ, ко всѣмъ просвѣщеннымъ жителямъ губерніи, приглашая ихъ посильно помогать мѣстному статистическому комитету въ дѣлѣ охраненія, описанія и собиранія уцѣлѣвшихъ еще памятниковъ старины.

Въ хуторахъ Заплазахъ, недалеко отъ г. Ананьева, крестьянинъ копалъ погребъ и наткнулся на могилу. Погребенный въ ней покойникъ былъ обставленъ посудой: горшками, мисками, чашками; всего сосудовъ было 9; между ними интересна чернолаковая чашечка, античной, несомнѣнно, работы. Отъ убранства покойника сохранились: двѣ пряжки и, повидимому, браслетъ (утерянъ). Сосуды поступили въ Херсонскій музей.

Изъ единичныхъ находокъ памятниковъ греко-скиѳской эпохи обращаетъ на себя вниманіе мраморное надгробіе, найденное въ с. Парутинѣ, Одесскаго уѣзда, на берегу Бугскаго лимана, на мѣстѣ, гдѣ когда-то стояла Оливія. Это четырехугольная плита, на одной сторонѣ которой высѣчена типичная фигура скиѳа, въ профиль, съ налучьемъ при бедрѣ, а на другой сторонѣ—торсъ юноши en face. По краю плиты идетъ греческая надпись: „... Калейдоту вдали отъ города. .... Филеоксъ сынъ Молпагора.....“ (поставилъ). (См. „Арх. Изв. и Зам.“ 1895 г., стр. 376).

Между другими отдѣльными находками той же эпохи заслуживаютъ вниманія: бронзовое копье, найденное въ р. Бугѣ, у с. Мигеи, Елисаветградскаго уѣзда; нѣсколько десятковъ мѣдныхъ круглыхъ выпуклыхъ бляхъ, составлявшихъ, вѣроятно, панцырь, выкопанный случайно въ с. Трифоновкѣ, Херсонскаго уѣзда; женская головка отъ терракотовой статуэтки—изъ с. Кисляковки, Херсонскаго уѣзда.

Изъ предметовъ средневѣковой эпохи слѣдуетъ отмѣтить кладъ серебряныхъ монетъ XIV столѣтія: случайно найденный двумя крестьянками въ р. Синюхѣ, въ Елисаветградскомъ уѣздѣ, и переданный въ Херсонскій музей Императорской археологической коммиссіей. Въ числѣ 173 монетъ находятся: 10 монетъ хана Золотой Орды Токтогу (1310—1311 гг.), чеканенныхъ въ Сараѣ: „богохранимомъ“; 22 монеты хана Узбека (1313—1340 гг.); 102 монеты хана Джанибека (1341—1355 гг.), чеканенныя въ Новомъ Сараѣ и Гюлистанѣ; 26 монетъ хана Бирдибека (1357—1359 гг.), чеканенныя въ Азакѣ, Гюлистанѣ и Новомъ Сараѣ; одна монета хана Кульны (1359—1360 гг.), чеканенная въ Новомъ Сараѣ; 6 монетъ хана Неуруза (1359—1360 гг.), чеканенныхъ въ Гюлистанѣ и Новомъ Сараѣ; 6 монетъ чешскихъ королей: Венцеслава II (1278—1283 гг.), Іоанна (1310—1346 гг.) и Карла I (1346—1378 гг.) (см. „Арх. Изв.“ 1895 г., стр. 371).

Къ той-же эпохѣ должно отнести массивное мраморное изваяніе въ формѣ усѣченной пирамиды, найденное вблизи с. Козацкаго, въ 70 верстахъ вверхъ по Днѣпру отъ Херсона, въ имѣніи кн. Трубецкаго. Барельефы на этомъ камнѣ изображаютъ: букетъ ирисовъ, два кипа-

риса и два равноконечныхъ креста (см. „Арх. Изв. и Зам.“ 1895 г., стр. 370).

Любопытная находка обнаружена въ д. Христофоровкѣ, Александрійскаго уѣзда, въ имѣніи Н. и Д. Шедевровъ. Въ одномъ изъ лѣсковъ здѣсь былъ спиленъ старый берестъ, имѣвшій въ діаметрѣ отъ 20 до 22 вершковъ, возрастъ котораго опредѣляется въ 120—150 лѣтъ. на высотѣ 12 вершкомъ отъ земли, внутри ствола, на разстояніи $4^1/_2$ вершковъ отъ поверхности коры, находился четвероконечный крестъ съ расширенными концами: длина его 6 вершковъ, а ширина—$3^1/_2$ вер. Къ сожалѣнію, самый крестъ не разысканъ. Присутствіе креста въ стволѣ береста не представляетъ ничего страннаго: факты такого „пожиранія“ деревьями предметовъ, внѣдренныхъ въ ихъ кору, давно извѣстно въ ботанической литературѣ; жаль только, что подробности этого случая ускользнули отъ внимательнаго изслѣдованія людьми науки. Куски ствола береста съ отпечаткомъ креста хранятся у владѣльца имѣнія, Н. Н. Шедевра: на отпечаткѣ ясно видно, что крестъ имѣлъ по лицевой сторонѣ выпуклый бордюръ, въ 4 линіи шириною, и по всему бордюру остались рельефные слѣды какихъ-то выпуклыхъ украшеній.

Раскопки, обнаружившія слѣды поселеній недавняго, сравнительно, времени, произведены были въ с. Фалѣевкѣ, Херсонскаго уѣзда, лежащемъ при впаденіи въ Днѣпръ р. Ингульца. Владѣльцемъ имѣнія, Н. Н. Комстадіусомъ, изслѣдованы были здѣсь остатки какого-то поселенія, при чемъ, найдены въ землѣ: часть кирпичной стѣны, черепки отъ посуды и нѣсколько желѣзныхъ вещей не древняго происхожденія.

Въ томъ-же имѣніи компанія кладоискателей занялась поисками въ двухъ пещерахъ на берегу р. Ингульца. Они выгребли немало камней, вѣками обвалившихся со сводовъ пещеръ; сдвинули съ мѣста гигатнскую каменную глыбу, лежавшую передъ входомъ въ одно изъ подземелій, прорыли подъ нею землю, и тамъ оказалось пепелище, не очень давняго происхожденія, если судить по найденнымъ въ немъ черепкамъ и желѣзному ножику.

Столь же безуспѣшными оказались розыски клада, будто-бы зарытаго въ имѣніи М. А. Цвцильяни, при с. Арнаутскомъ, Одесскаго уѣзда. Предпринятыя съ этою цѣлью раскопки привели къ находкѣ ложементовъ, турецкихъ, видимо, временъ.

Случайная находка клада имѣла мѣсто вблизи с. Дубчино, Херсонскаго уѣзда, на берегу притока Днѣпра р. Подпильной, въ имѣніи г. Дурилина: здѣсь въ илѣ пастухомъ найдено нѣсколько десятковъ русскихъ мѣдныхъ монетъ второй половины XVIII столѣтія.

Другой кладъ, состоявшій изъ 150 такихъ-же монетъ, случайно найденъ въ имѣніи г. Альбрандта, с. Каирахъ, Одесскаго уѣзда.

Коллекціи Херсонскаго Губернскаго Археологическаго Музея, въ которомъ начинаютъ сосредоточиваться находимыя въ губерніи древности, хранятся пока при Статистическомъ Комитетѣ; но уже въ близкомъ будущемъ для нихъ отыщется просторное и вполнѣ доступное для публики помѣщеніе. Есть два предположенія. Херсонская общественная библіотека въ наступившемъ году выстроитъ собственное зданіе, въ которомъ предположено отвести залъ для музея мѣстныхъ древностей; съ другой стороны—и въ городскомъ управленіи возникла мысль о постройкѣ для музея отдѣльнаго зданія. (Од. Н. № 3518, 1896).

—— В. З. Завитневичъ произвелъ археологическія изысканія м. пр. въ сл. Покровскѣ (Купянскаго у., Харьковской губ.). Слобода была основана лѣтъ 100 съ небольшимъ тому назадъ; при разростаніи поселка и планированіи усадебныхъ площадей, былъ обнаруженъ могильникъ, при чемъ при человѣческихъ остовахъ были находимы кости животныхъ, посуда, бусы, браслеты и т. п. Въ теченіе 30 лѣтъ могильникъ, на которомъ построена болѣе новая часть Покровска, подвергался разоренію, а найденные въ немъ предметы уничтожались. Весною 1894 г., послѣ сильнаго проливнаго дождя, края раскапываемой возвышенности обвалились, при чемъ обнаружились слѣды новыхъ могилъ, изслѣдованіе которыхъ и было предпринято г. Завитневичемъ по порученію Имп. Археол. коммиссіи. Могилы (числомъ 6), которыя удалось открыть нашему извѣстному археологу, повидимому, представляли лишь послѣдніе остатки нѣкогда обширнаго могильника. Впрочемъ, изслѣдователь допускаетъ возможность, что и внѣ этой площади еще находятся скрытыя въ землѣ могилы, открытіе которыхъ, въ виду полнаго отсутствія внѣшнихъ признаковъ, однако, крайне затруднительно. Покойники были положены въ ямахъ, головою на западъ, руки вытянуты были вдоль туловища: только въ одной могилѣ оказались слѣды деревянныхъ досокъ, которыми по бокамъ былъ обложенъ покойникъ. Въ могилахъ были обнаружены: приземистая, глиняная (черная и красная) посуда съ ушками, съ широкими основаніями внизу, съ сравнительно узкими шейками вверху и съ отвороченными наружу краями (высота такой кубышки $2^1/_2$ верш., окружность самой выпуклой части—11 верш., шейка возлѣ вѣнчика—6 верш.); на отворотахъ вѣнчика, въ одномъ случаѣ, оказались слѣды орнамента—ямочки; посуда равно и кости животныхъ (козы или барана) всегда находились у головы. Далѣе, были найдены: привѣски, родъ ушныхъ серегъ, состоявшія изъ 4 маленькихъ бусъ, раздѣленныхъ тонкими металлическими колечками и надѣтыхъ на проволоку, которая внизу завязывалась узелкомъ, а вверху загнута была въ колечко; поясная желѣзная пряжка (удлиненное кольцо съ язычкомъ),

серебряный перстень, кусочекъ золотой бляхи, пряслица, желѣзный ножикъ въ мѣдныхъ ножнахъ, кинжалъ, удила и т. п. Измѣренія черепа, наиболѣе сохранившагося, дали головной указатель=0,85. По мнѣнію г. Завитневича, населеніе, оставившее могильникъ, принадлежало къ монголо-татарской расѣ и находилось подъ воздѣйствіемъ восточной культуры; относительно времени, къ которому могильникъ относится, сказать что-нибудь опредѣленное, за отсутствіемъ положительныхъ данныхъ, не представляется возможнымъ, но во всякомъ случаѣ онъ возникъ въ періодъ, предшествовавшій распространенію русской колонизаціи въ область верхняго Донца (Чтенія въ Историч. Общ. Нест. Лѣт., IX).

—— Недавно, возлѣ существующей въ Умани „Европейской гостиницы", произошелъ обвалъ, и когда его раскопали на 4 квадр. аршина, то обнаружилось четыре развѣтвленія подземнаго хода. Главная вѣтвь идетъ къ бывшему дворцу Потоцкаго, вторая—къ бывшему концертному залу, который въ прошломъ году передѣланъ въ православную церковь, третья—направляется черезъ проулокъ между домами Фишмана и Мощдовича къ старому кладбищу, гдѣ въ 1825 г. былъ построенъ костелъ, а четвертая идетъ къ сосѣднему съ церковью одноэтажному домику. По словамъ одного изъ служащихъ въ названной гостиницѣ, спускавшагося внизъ съ запасомъ свѣчей и спичекъ и ходившаго въ подземельѣ около 40 минутъ; стѣны и крыша подземнаго хода совершенно ровныя и гладкія, точно цементированныя; въ одномъ мѣстѣ хода оказалась дверь. Раньше, года два тому назадъ, во второй части города рабочіе при постройкѣ открыли подземный ходъ, по которому ходили версты двѣ, по направленію къ Грекову лѣсу, а въ зданіи окружнаго суда, гдѣ раньше была базиліанская коллегія, имѣется начало тоннеля, идущаго по направленію Царицина сада. Изслѣдованіе всѣхъ этихъ подземныхъ ходовъ могло бы дать много интереснаго археологическаго матеріала (Кіев. Ст. 1896, I).

—— По сообщенію газеты „Одесскія Новости" въ зданіи одесскаго Общества Исторіи и Древностей недавно разрѣшенъ вопросъ о новомъ изданіи подъ названіемъ „Музей Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей". Изданіе это будетъ выходить въ неопредѣленные сроки, отдѣльными выпусками, въ которыхъ, кромѣ текста, будутъ помѣщаться изображенія предметовъ, какъ находящихся въ музеѣ Общества, такъ и другихъ имѣющихъ значеніе для археологіи вообще. Первый выпускъ будетъ посвященъ терракотѣ (Кіевск. Ст. 1896, I).

—— *О курганахъ и древнихъ могильникахъ, находящихся по берегу р. Луги.* Въ Новгородскомъ и Лужскомъ уѣздахъ, прежнихъ пятинахъ Новгородскихъ — Вотской и Шелонской, къ единственнымъ

памятникамъ жизни ея древнѣйшихъ обитателей слѣдуетъ отнести курганы, могильники и городища. Памятники эти расположены исключительно по берегамъ рѣкъ; въ особенности ихъ много вдоль рѣки Луги. Курганы въ народѣ называются „сопками", а большіе изъ нихъ носятъ даже названіе „горъ", такъ, напр., одинъ курганъ близъ с. Передольска Лужскаго уѣзда называется „Шумъ-гора". Обыкновенно курганы помѣщаются въ серединѣ древняго могильника; расположены они другъ отъ друга довольно далеко—на нѣсколько верстъ; иногда же они, находясь другъ отъ друга лишь въ нѣсколькихъ сотняхъ саженяхъ, образуютъ цѣлую цѣпь, такъ напр., отъ кургана „Шумъ-гора", близъ с. Передольска, находятся, по направленію къ р. Лугѣ, еще три кургана, но гораздо меньшихъ чѣмъ „Шумъ-гора".

Мѣстонахожденіе кургановъ на открытыхъ мѣстахъ, среди пашенъ заставляетъ думать, что нынѣ существующія селенія, лежащія близъ нихъ, либо современны курганамъ, либо построены близъ современныхъ курганамъ пепелищъ. Намъ извѣстенъ только одинъ курганъ (недалеко отъ сліянія рѣкъ Мойки и Луги, близъ с. Чернаго, Новгородскаго уѣзда), находящійся въ лѣсу.

По народной молвѣ курганы—это общія могилы, воздвигавшіяся надъ павшими въ битвахъ въ тѣ времена „когда Литва приходила". Тутъ не лишне указать, что народъ отождествляетъ всѣ нашествія царскаго періода нашей исторіи съ нашествіемъ литовскимъ, изъ новѣйшихъ же знаетъ французское.

Крестьяне думаютъ, что курганы содержатъ въ себѣ большія богатства: неоднократно дѣлались ими попытки къ добытію таковыхъ, но эти раскопки бывали всегда лишь слабыми попытками отдѣльныхъ лицъ и никогда не доводились до конца.

Относительно „Шумъ-горы" намъ извѣстно, что ежегодно въ Успенскій заговѣнь [1]) на этомъ курганѣ служится молебствіе, привлекающее много народа, но къ сожалѣнію пока мы совершенно не знаемъ, что послужило поводомъ для установленія этого обычая, и какъ давно онъ возникъ [2]).

Лежащіе отдѣльно, но чаще всего кругомъ кургановъ, могильники могутъ служить болѣе богатымъ, чѣмъ курганы, матеріаломъ для научныхъ изысканій. Могильники представляютъ изъ себя болѣе или менѣе большую группу маленькихъ холмиковъ, обложенныхъ довольно глубоко

---

[1]) По существующему повѣрью въ ночь съ 23 на 24 мая глухіе или тугіе на ухо могутъ излѣчиться, если будутъ прислушиваться къ тому, что дѣлается въ курганѣ — они должны услышать звонъ.

[2]) Временами находили близъ „Шумъ-горы" старинное оружіе („штыки").

сидящими въ землѣ камнями (гранитомъ). Каждый холмикъ представляетъ могилу, содержащую одинъ или два костяка (въ послѣднемъ случаѣ они лежатъ не рядомъ, а другъ на другѣ, но на нѣкоторомъ разстояніи). Камни, которыми обложены могилы, образуютъ какъ бы ея стѣны и обращены болѣе плоскими (гладкими) своими сторонами во внутрь могилы. Костяки всегда обращены головой къ западу и ногами къ востоку, черепа ихъ повернуты на лѣвый бокъ (сами же костяки лежатъ на спинѣ, а не на боку), кости рукъ сложены на животѣ.

При производившихся нами раскопкахъ, на ручныхъ и ножныхъ костяхъ костяковъ иногда находились бронзовые, витые браслеты и совершенно плоскія кольца, а близъ ушныхъ отверстій серьги. Въ одной могилѣ, въ ногахъ костяка, найдены осколки не глазурованнаго, синей глины горшка, на нѣкоторыхъ черепкахъ котораго уцѣлѣлъ узоръ. При раскопкахъ (мы производили раскопки только одного могильника, окружающаго Теребонскую сопку, близъ усадьбы Большія Теребони, Новгородскаго уѣзда) мы никогда не находили оружія, а также крестовъ; (кстати отмѣтимъ, что древніе Новгородцы весьма упорно держались вѣры своихъ предковъ и еще въ XV в. были христіанами только по имени). Интересенъ тотъ фактъ, что весьма часто современныя кладбища расположены не вдалекѣ отъ древнихъ могильниковъ, а иногда даже на нихъ.

Что же касается древнихъ городищъ, то намъ по теченію р. Луги извѣстно только одно, подъ с. Косицкомъ, Новгородскаго уѣзда. Оно представляетъ изъ себя нѣкоторую возвышенность съ довольно большою площадкою наверху и съ очень круглымъ, почти отвѣснымъ спускомъ къ рѣкѣ, близъ которой оно расположено. Народъ называетъ его „городкомъ“: оно служитъ мѣстомъ для праздничныхъ гуляній. Относительно изслѣдованія этихъ памятниковъ новгородской старины слѣдуетъ сказать, что по теченію р. Луги до сихъ поръ еще ничего не сдѣлано, и наврядъ-ли, возникшее недавно въ Новгородѣ археологическое Общество скоро приступитъ къ этому; частнымъ же лицамъ такое изслѣдованіе весьма затруднительно.

Отмѣчаю извѣстные мнѣ курганы и городища по теченію рѣки Луги: 1) при впаденіи р. Мойки въ р. Лугу, въ лѣсу, маленькій (Черновской вол. Новгор. у.); 2) между дд. Обколи и Подборовье, очень маленькій (Самократской вол. Нов. г.); 3) близъ усадьбы Большія Теребони, средній, кругомъ могильникъ (Косицкой вол., Новг. у.); 4) близъ д. Островъ, средній (Косицкой вол., Новг. у.); 5) между дд. Подберезье и Передольскъ 5 кургановъ, одинъ изъ нихъ „Шумъ-гора“, очень большой (Передольской вол., Лужскаго уѣзда); 6) кромѣ того, городище близъ

села Косицка и тамъ же, недалеко, могильникъ, и 7) курганъ между д. Зміевой горой и с. Самократска, средній (Самократской вол. Новгородскаго уѣзда). *М. Муравьевъ.*

—— *Ефаевскій могильникъ.* По порученію пензенскаго губернскаго Статистическаго Комитета, истекшимъ лѣтомъ, при нѣсколькихъ рабочихъ и многихъ дѣтяхъ изъ крестьянскаго населенія, нами былъ неоднократно тщательно осмотрѣнъ извѣстный Ефаевскій могильникъ [1]). Площадь его занимаетъ довольно значительную часть распаханной земли и небольшую полосу подъ общественнымъ кирпичнымъ заводомъ. По прибытіи на мѣсто, я узналъ, что одна половина этого могильника была засѣяна яровымъ хлѣбомъ, другая же оставалась подъ паромъ. Вотъ на этой-то послѣдней земляной открытой части намъ и пришлось производить упомянутый выше осмотръ. На вышеозначенной поверхности, какъ видно отъ сильной распашки, валялись обломки отъ человѣческихъ костей и череповъ, и при нѣкоторыхъ изъ нихъ, во время тщательнѣйшаго осмотра, были находимы по большей части уже поломанные предметы изъ желѣза, бронзы, серебра, стекла и камня, составлявшіе нѣкогда орудія и украшенія древняго человѣка.

На разспросы у рабочихъ, мѣстныхъ крестьянъ с. Ефаева, относительно того, какъ давно на этомъ самомъ мѣстѣ стали выпахивать человѣческія кости и давно-ли распаханъ могильникъ, нѣтъ-ли въ окрестностяхъ могильника какихъ-либо остатковъ древности, напримѣръ, валовъ, городищъ, кургановъ и проч.,—на первый вопросъ, рабочіе отвѣтили: человѣческія кости стали здѣсь появляться не очень давно—назадъ тому года два—три, и при этомъ добавили, что они сами за послѣднее время при распашкѣ, отъ поверхности только на $1\frac{1}{2}$ четверти, находили цѣлые человѣческіе остовы, похороненные лежа головою на югъ, и подъ нѣкоторыми изъ нихъ была береста и лубокъ; на второй же вопросъ мы получили категорически отрицательные отвѣты.

13 іюля 1895 г., чрезъ краснослободскаго уѣзднаго исправника П. Н. Ломоносова, въ пензенскій губернскій статистическій комитетъ нами было доставлено болѣе 300 древнихъ вещей, какъ собранныхъ во время осмотра Ефаевскаго могильника, такъ и пріобрѣтенныхъ у мѣстныхъ крестьянъ (случайно нашедшихъ древніе предметы во время производимой ими распашки на вышепоименованномъ могильникѣ),

---

[1]) Ефаевскій могильникъ находится въ пятнадцати верстахъ отъ города Краснослободска, по направленію на Ю.-З., близъ с. Ефаева, на полугоріи (или отрогѣ) такъ называемой «Шаверской крутой горы»; объ этомъ нами уже было сообщено неоднократно (См. наши ст. Пам. Книги Пенз. губ., 1889 г.; Пенз. Губ. Вѣд. 1894—95 гг., №№ 272, 274 9, 13 и Сборн. Пенз. ст. ком., 1893 г., в. 1).

какъ-то: бронзовыя головныя украшенія, шейныя проволочныя гривны; ожерелья изъ пластинокъ съ привѣсками, браслеты, кольца (нѣкоторыя серебряныя), пряжки, поясныя украшенія, застежки, цѣпочки, бубенчики, подвѣски, бляшки и пр., равно и желѣзные наконечники копій и стрѣлъ, топоры, ножи, удила, стремена, огниво съ кремнями, кольцо, скобели и пряжки, осколки отъ разныхъ глиняныхъ сосудовъ грубой работы, остатки тканей, лубка, бересты, разноцвѣтныя бусы изъ стекла и пасты и нѣсколько человѣческихъ и животныхъ [1]) костей.

Смѣемъ указать здѣсь ниже представляющее разительное сходство древностей изъ нѣкоторыхъ другихъ могильниковъ нашего отечества и отчасти западной Европы съ древностями Ефаевскаго могильника, какъ доставляемыхъ нами въ вышеупомянутый комитетъ прежде [2]), такъ и въ 1895 году. Напримѣръ: a) коса, навитая на деревянную палочку и потомъ обвитая снуромъ, который украшенъ плоскими мѣдными или же бронзовыми проволоками, перегнутыми поперекъ его. Подобное убранство косъ найдено въ слѣдующихъ могильникахъ: въ Лядинскимъ и Пичпандинскомъ Тамбовской губер., Курманскомъ—Рязанской, Муранковскомъ—Симбирской, Казбекскомъ—Пензенской и въ древнихъ могилахъ Курляндской губерніи [3]).

b) Серебряныя серьги, состоящія изъ стержня, обмотаннаго проволокой, съ верхнимъ тонкимъ концомъ, согнутымъ спиралью подъ прямымъ угломъ и съ расширеннымъ многогранной формы нижнимъ концомъ. Подобными ушными или височными украшеніями изобиловалъ нѣкогда также и Лядинскій могильникъ [4]).

c) Бронзовыя пряжки разной величины въ видѣ кольца или подковы съ круглымъ или плоскимъ ободкомъ, съ размкнутыми концами, которые снабжены двумя прямыми придатками въ видѣ хвостовъ и съ подвижной иглой. Такой точно формы пряжки попадались до сихъ поръ только въ Болгарахъ, въ Курманскомъ могильникѣ (Рязан. губ.) и близъ Моршанска, Тамбовской губ. [5]), пряжки жгутообразныя и спиральныя, но безъ хвостовидныхъ придатковъ, какъ въ Борковскомъ могильникѣ, Рязанской губ., и пряжки въ видѣ сустуговъ или такъ называемыхъ „сюльгомовъ“, (нѣкоторые сюльгомы на широкихъ концахъ своего треугольнаго придатка имѣли по шести небольшихъ цилиндрическихъ при-

---

[1]) Преимущественно половинныя части отъ медвѣжьихъ клыковъ.

[2]) Въ Пенз. Губ. Ст. Ком. изъ этого могильника раньше нами было доставлено до 100 древн. предметовъ.

[3]) Матеріалы по арх. Россіи, Лядинскій и Темниковскій мог., табл. IV, рис. 13, стр. 19.

[4]) Ibid. Табл. V, рис. 3 и 5.

[5]) Ibid. Таб. VIII, рис. 1, 3, 4, 7 и 8, стр. 26.

вѣсокъ съ маленькими колечками вверху). Сустуги или сюльгомы находимы были въ Пичпандинскомъ и Кавбекзкомъ могильникахъ [1]).

d) Бронзовые браслеты разной величины и разныхъ видовъ: жгутообразные, спиральные, гладкіе желѣзные, литые бронзовые безъ украшеній и съ украшеніями. Бронзовые браслеты жгутообразные или же затѣйливо переплетенные и перевитые изъ бронзовой проволоки, съ широкими петлями на концахъ, столь распространенные въ русскихъ курганныхъ древностяхъ; подобные также встрѣчались въ Казбекскомъ, Пензенской губ., и Пичпандинскомъ, Тамбовской; бронзовые спиральные браслеты были находимы въ Лядинскомъ мог. и близъ Моршанска, Тамбовской губ., въ Муромскомъ клад., въ Финляндіи, въ губерніяхъ Лифляндской, Курляндской и Витебской. (Золотые спиральные браслеты были въ употребленіи въ классической древности) [2]). Бронзовые браслеты въ видѣ круглаго обручика, расплюснутые концы котораго украшены рядами кружочковъ съ точками въ срединѣ. Подобный узоръ встрѣчался въ древностяхъ Болгаръ, Билярска и Сарая (сохраняется въ Императорскомъ Эрмитажѣ).

e) Бронзовые спиральные и жгутообразные перстни и кольца и перстни съ гладкимъ овальнымъ щиткомъ для печати. Бронзовые перстни, представляющіе спиральное кольцо, средніе обороты котораго спереди расплющены и слиты въ видѣ кокошника съ рубчикомъ посрединѣ. Подобные находимы были среди древностей лядинскихъ, муромскихъ, мерянскихъ и др. Бр. кольца изъ спирально согнутой проволоки. Такія найдены въ Пермской г., въ Лядинскомъ, Тамбовской, Курманскомъ мог., Рязанской г., въ Финляндіи, въ Курляндіи, въ Ашераденѣ, Лифляндской губ., на о. въ Эзелѣ, въ Дрогичинѣ (Бѣльскаго у., Гродненской г.), въ Динабургскомъ у., Витебской губ., въ Пруссіи. Золотыя спиральныя кольца были въ употребленіи и у обитателей Киммерійскаго Босфора. [3]).

f) Стекляныя бусы цвѣтныя (преимущественно зеленыя) и полосатыя. Подобныя встрѣчались въ Лядинскомъ мог., также въ мерянскихъ могилахъ въ Болгарахъ и въ могильникахъ Кавказа. [4])

g) Желѣзные топоры съ очень широкимъ лезвіемъ и съ срѣзаннымъ нижнимъ концомъ. Такіе топоры принято называть датскими боевыми сѣкирами. Они очень распространены на балтійскихъ побережьяхъ, на

---

[1]) Отчетъ Императорской Археологической Коммиссіи за 1892 г., стр. 48.

[2]) Матеріалы по арх. Россіи, Лядинскій и Толишковскій могильн. Таб. IV, рис. 6 и 9, стр. 36.

[3]) Ibid. Табл. II, рис. 4, 5, 13 и 14, и таб. IX, р. 8, стр. 37.

[4]) Ibid. Таб. XII, рис. 6, 11, 14, 16, 17 и 22, стр. 48.

какъ-то: бронзовыя головныя украшенія, шейныя проволочныя гривны; ожерелья изъ пластинокъ съ привѣсками, браслеты, кольца (нѣкоторыя серебряныя), пряжки, поясныя украшенія, застежки, цѣпочки, бубенчики, подвѣски, бляшки и пр., равно и желѣзные наконечники копій и стрѣлъ, топоры, ножи, удила, стремена, огниво съ кремнями, кольцо, скобели и пряжки, осколки отъ разныхъ глиняныхъ сосудовъ грубой работы, остатки тканей, лубка, бересты, разноцвѣтныя бусы изъ стекла и пасты и нѣсколько человѣческихъ и животныхъ [1]) костей.

Смѣемъ указать здѣсь ниже представляющее разительное сходство древностей изъ нѣкоторыхъ другихъ могильниковъ нашего отечества и отчасти западной Европы съ древностями Ефаевскаго могильника, какъ доставляемыхъ нами въ вышеупомянутый комитетъ прежде [2]), такъ и въ 1895 году. Напримѣръ: a) коса, навитая на деревянную палочку и потомъ обвитая снуромъ, который украшенъ плоскими мѣдными или же бронзовыми проволоками, перегнутыми поперекъ его. Подобное убранство косъ найдено въ слѣдующихъ могильникахъ: въ Лядинскимъ и Пичпандинскомъ Тамбовской губер., Курманскомъ—Рязанской, Муранковскомъ—Симбирской, Казбекскомъ—Пензенской и въ древнихъ могилахъ Курляндской губерніи [3]).

b) Серебряныя серьги, состоящія изъ стержня, обмотаннаго проволокой, съ верхнимъ тонкимъ концомъ, согнутымъ спиралью подъ прямымъ угломъ и съ расширеннымъ многогранной формы нижнимъ концомъ. Подобными ушными или височными украшеніями изобиловалъ нѣкогда также и Лядинскій могильникъ [4]).

c) Бронзовыя пряжки разной величины въ видѣ кольца или подковы съ круглымъ или плоскимъ ободкомъ, съ размкнутыми концами, которые снабжены двумя прямыми придатками въ видѣ хвостовъ и съ подвижной иглой. Такой точно формы пряжки попадались до сихъ поръ только въ Болгарахъ, въ Курманскомъ могильникѣ (Рязан. губ.) и близъ Моршанска, Тамбовской губ. [5]), пряжки жгутообразныя и спиральныя, но безъ хвостовидныхъ придатковъ, какъ въ Борковскомъ могильникѣ, Рязанской губ., и пряжки въ видѣ сустуговъ или такъ называемыхъ „сюльгомовъ", (нѣкоторые сюльгомы на широкихъ концахъ своего треугольнаго придатка имѣли по шести небольшихъ цилиндрическихъ при-

---

[1]) Преимущественно половинныя части отъ медвѣжьихъ клыковъ.

[2]) Въ Пенз. Губ. Ст. Ком. изъ этого могильника раньше нами было доставлено до 100 древн. предметовъ.

[3]) Матеріалы по арх. Россіи, Лядинскій и Темниковскій мог., табл. IV, рис. 13, стр. 19.

[4]) Ibid. Табл. V, рис. 3 и 5.

[5]) Ibid. Таб. VIII, рис. 1, 3, 4, 7 и 8, стр. 26.

вѣсокъ съ маленькими колечками вверху). Сустуги или сюльгомы находимы были въ Пичпандинскомъ и Кавбекзкомъ могильникахъ [1]).

d) Бронзовые браслеты разной величины и разныхъ видовъ: жгутообразные, спиральные, гладкіе желѣзные, литые бронзовые безъ украшеній и съ украшеніями. Бронзовые браслеты жгутообразные или же затѣйливо переплетенные и перевитые изъ бронзовой проволоки, съ широкими петлями на концахъ, столь распространенные въ русскихъ курганныхъ древностяхъ; подобные также встрѣчались въ Казбекскомъ, Пензенской губ., и Пичпандинскомъ, Тамбовской; бронзовые спиральные браслеты были находимы въ Лядинскомъ мог. и близъ Моршанска, Тамбовской губ., въ Муромскомъ клад., въ Финляндіи, въ губерніяхъ Лифляндской, Курляндской и Витебской. (Золотые спиральные браслеты были въ употребленіи въ классической древности) [2]). Бронзовые браслеты въ видѣ круглаго обручика, расплюснутые концы котораго украшены рядами кружочковъ съ точками въ срединѣ. Подобный узоръ встрѣчался въ древностяхъ Болгаръ, Билярска и Сарая (сохраняется въ Императорскомъ Эрмитажѣ).

e) Бронзовые спиральные и жгутообразные перстни и кольца и перстни съ гладкимъ овальнымъ щиткомъ для печати. Бронзовые перстни, представляющіе спиральное кольцо, средніе обороты котораго спереди расплющены и слиты въ видѣ кокошника съ рубчикомъ посрединѣ. Подобные находимы были среди древностей лядинскихъ, муромскихъ, мерянскихъ и др. Бр. кольца изъ спирально согнутой проволоки. Такія найдены въ Пермской г., въ Лядинскомъ, Тамбовской, Курманскомъ мог., Рязанской г., въ Финляндіи, въ Курляндіи, въ Ашераденѣ, Лифляндской губ., на о. въ Эзелѣ, въ Дрогичинѣ (Бѣльскаго у., Гродненской г.), въ Динабургскомъ у., Витебской губ., въ Пруссіи. Золотыя спиральныя кольца были въ употребленіи и у обитателей Киммерійскаго Босфора. [3]).

f) Стекляныя бусы цвѣтныя (преимущественно зеленыя) и полосатыя. Подобныя встрѣчались въ Лядинскомъ мог., также въ мерянскихъ могилахъ въ Болгарахъ и въ могильникахъ Кавказа. [4])

g) Желѣзные топоры съ очень широкимъ лезвіемъ и съ срѣзаннымъ нижнимъ концомъ. Такіе топоры принято называть датскими боевыми сѣкирами. Они очень распространены на балтійскихъ побережьяхъ, на

---

[1]) Отчетъ Императорской Археологической Коммиссіи за 1892 г., стр. 48.

[2]) Матеріалы по арх. Россіи, Лядинскій и Толишковскій могильн. Таб. IV, рис. 6 и 9, стр. 36.

[3]) Ibid. Табл. II, рис. 4, 5, 13 и 14, и таб. IX, р. 8, стр. 37.

[4]) Ibid. Таб. XII, рис. 6, 11, 14, 16, 17 и 22, стр. 48.

средн[illegible]нъ ее въ тюрьму и про-
взыш[illegible] нашелъ ихъ пастухъ и вос-
Посре[illegible]нока Антіопа, бѣжавшая изъ
смотр[illegible]жды Дирцея ея и свита встрѣ-
картин[illegible]ть ее. Тогда явились Амфіонъ
въ обр[illegible]я ее привязали къ разъярен-
верху [illegible]картинъ чрезвычайно эффектно и
въ стѣн[illegible] помпейскихъ раскопокъ, напе-
чатан[illegible]заглавіемъ: „Казнь Дирцеи на
[illegible]ѣ". Брошюра содержитъ велико-
[illegible], а также и очертанія мраморнаго
[illegible]которымъ онъ сравниваетъ ее. Проф.
[illegible]ли между сюжетами этихъ трехъ
[illegible] заключается въ идеѣ мести, вы-
[illegible] Геркулесъ наказываетъ змѣй, жен-
[illegible]онъ и Цетъ совершаютъ казнь надъ
[illegible] двухъ послѣднихъ картинъ никогда
[illegible]картинахъ Помпеи. Картины повиди-
[illegible]ченіемъ нѣсколькихъ верхнихъ штри-
[illegible] мягки. Что касается орнаментовъ стѣнъ,
[illegible] толстый слой краски, наложенный на
[illegible]ри, дельфины и головы Нептуна украшаютъ
[illegible]ькая комната, рядомъ съ vectus'омъ была
[illegible]ніе ихъ неизвѣстно, да и не въ интересахъ
[illegible]каніемъ именъ предметовъ, единственно для
[illegible]любопытства. Соотвѣтственно этимъ комна-
[illegible] отъ входа въ перистиліумъ находится вели-
[illegible]жъ, выходящимъ во дворъ, и съ дверью, ве-
[illegible] съ прекрасно раскрашенными стѣнами. Нижняя
[illegible] представляетъ хорошую имитацію мраморныхъ
[illegible]потипные цвѣты голубыхъ, красныхъ, зеленыхъ
[illegible]маются по сторонамъ большихъ бѣлыхъ панò;
[illegible]хъ панò находятся еще другіе, меньшіе, удиви-
[illegible] рѣдкаго голубовато-стальнаго цвѣта.
[illegible]па въ 1,11 на 1,19 метр. занимаетъ середину
[illegible]на на лѣвой сторонѣ представляетъ Дедала, спи-
[illegible] положилъ руку на деревянную корову, постав-
[illegible] доску съ колесами, и предлагаетъ ее Пазифаѣ,
[illegible] на лѣвой сторонѣ картины изображенъ одинъ
[illegible]сей вѣроятности сынъ его, Икаръ.

каютъ двѣ, изъ породы извѣстныхъ нынѣ подъ названіемъ scorfano: онѣ съ большими головами, красноватаго цвѣта, и современные неаполитанцы варятъ изъ нихъ отличный супъ, называемый Zuppa di Marenaro. Чтобы предохранить эти рисунки, положена отъ стѣнъ къ колоннамъ покатая крыша, а сами колонны, гдѣ оказалось нужнымъ, доведены до высоты колоннъ, сохранившихся въ цѣлости; къ нимъ придѣланы новыя капители, хотя и безъ орнаментовъ, и стѣны также во многихъ мѣстахъ реставрированы.

Крыша эта, однако, не есть подражаніе первоначальной крышѣ, которая, по всей вѣроятности, была плоская и имѣла, можетъ быть, еще другой этажъ надъ собой, такъ какъ въ другихъ частяхъ дома видны слѣды второго этажа; это очевидно не только по лѣстницѣ, но и по знакамъ въ стѣнахъ, поддерживавшихъ балки втораго пола. Обширный vectus налѣво отъ перистиліума имѣетъ стѣны, украшенныя въ стилѣ четвертаго періода, введенномъ лишь за нѣсколько лѣтъ до разрушенія дома. Онъ содержитъ три прекрасныя картины, каждая въ 1,11 метра высоты и 1,03 метра ширины. Картина на лѣвой стѣнѣ комнаты представляетъ Юпитера, съ удивленіемъ взирающаго на Геркулеса, убивающаго двухъ змѣй, посланныхъ Юноной, чтобы уничтожить его. Мать ребенка Алкмена, смотритъ также на него, стоя позади трона Юпитера. Фигура на лѣвой сторонѣ картины представляетъ, вѣроятно, Амфитріона, отца Ификла, другого изъ близнецовъ. Картина средней стѣны представляетъ смерть Пентея, молодого царя ѳивскаго, сына Эхіона и Агавы. Его убиваютъ мать, сестры и тетка за то, что онъ не хотѣлъ вводить культъ Бахуса въ своемъ царствѣ. Краски этой картины очень нѣжны. Прозрачная, развѣвающаяся одежда женщины, держащей поднятый надъ головой тирсъ блѣдно-голубаго цвѣта; одежда женщины съ камнемъ свѣтлаго, желтоватаго цвѣта и вообще, всѣ краски картины поражаютъ удивительною гармоніей тоновъ, на которой особенно рельефно выступаетъ смуглое обнаженное тѣло Пентея. Но рисунокъ нельзя назвать безукоризненнымъ, хотя композиція эффектна; между прочимъ, правая рука женщины налѣво отъ Пентея безформенна; зато группировка и экспрессія фигуръ замѣчательны.

То же самое можно сказать о картинѣ на правой стѣнѣ комнаты и представляющей Дирцею, привязываемую къ быку. Цетъ, младшій изъ братьевъ держитъ ее лѣвою рукой, правой же накидываетъ веревку на быка, между тѣмъ, какъ старшій братъ, Амфіонъ, стоитъ по лѣвую сторону разъяреннаго животнаго и держитъ другой конецъ веревки. Мать ихъ, Антіопа была женою Лика, царя Ѳибъ, но отцомъ ихъ былъ Юпитеръ, „отецъ боговъ и людей“. Дирцея пріобрѣла лю-

бовь Лика и заняла мѣсто Антіопы, заключивъ ее въ тюрьму и прогнавъ обоихъ сыновей ея въ лѣсъ. Здѣсь нашелъ ихъ пастухъ и воспитывалъ въ своей хижинѣ до тѣхъ поръ, пока Антіопа, бѣжавшая изъ тюрьмы, не присоединилась къ нимъ. Однажды Дирцея ея и свита встрѣтили въ лѣсу Антіопу и стали оскорблять ее. Тогда явились Амфіонъ и Цетъ; они разогнали свиту Дирцеи, а ее привязали къ разъяренному быку. Выполненіе обѣихъ этихъ киртинъ чрезвычайно эффектно и смѣло. Профессоръ Соліано, директоръ помпейскихъ раскопокъ, напечаталъ интересную монографію подъ заглавіемъ: „Казнь Дирцеи на помпейской картинѣ и Фарнезскій быкъ". Брошюра содержитъ великолѣпное воспроизведеніе этой картины, а также и очертанія мраморнаго шедевра Аполлонія и Тавриска, съ которымъ онъ сравниваетъ ее. Проф. Соліано говоритъ: „Если искать связи между сюжетами этихъ трехъ картинъ, то я сказалъ бы, что она заключается въ идеѣ мести, выразившейся въ *наказаніи*. Такъ, Геркулесъ наказываетъ змѣй, женщины наказываютъ Пентея, Амфіонъ и Цетъ совершаютъ казнь надъ своей мачихой, Дирцеей. Сюжеты двухъ послѣднихъ картинъ никогда еще не находились прежде въ картинахъ Помпеи. Картины повидимому—настоящіе фрески, за исключеніемъ нѣсколькихъ верхнихъ штриховъ, и тона ихъ необыкновенно мягки. Что касается орнаментовъ стѣнъ, то это не настоящія фрески, а толстый слой краски, наложенный на фрескѣ. Разные морскіе звѣри, дельфины и головы Нептуна украшаютъ нижнюю часть стѣнъ. Маленькая комната, рядомъ съ vectus'омъ была снабжена полками. Назначеніе ихъ неизвѣстно, да и не въ интересахъ археологіи заниматься отысканіемъ именъ предметовъ, единственно для удовлетворенія празднаго любопытства. Соотвѣтственно этимъ комнатамъ, по правую сторону отъ входа въ перистиліумъ находится великолѣпный покой съ окномъ, выходящимъ во дворъ, и съ дверью, ведущей въ другой vectus, съ прекрасно раскрашенными стѣнами. Нижняя часть стѣны послѣдняго представляетъ хорошую имитацію мраморныхъ плитъ и дисковъ; стереотипные цвѣты голубыхъ, красныхъ, зеленыхъ и другихъ тоновъ поднимаются по сторонамъ большихъ бѣлыхъ панò; на маленькихъ боковыхъ панò находятся еще другіе, меньшіе, удивительнаго и чрезвычайно рѣдкаго голубовато-стальнаго цвѣта.

Прекрасная картина въ 1,11 на 1,19 метр. занимаетъ середину каждой стѣны. Картина на лѣвой сторонѣ представляетъ Дедала, спиною къ зрителю; онъ положилъ руку на деревянную корову, поставленную на деревянную доску съ колесами, и предлагаетъ ее Пазифаѣ, супругѣ царя Миноса; на лѣвой сторонѣ картины изображенъ одинъ изъ его учениковъ, по всей вѣроятности сынъ его, Икаръ.

Картина средней стѣны представляетъ казнь Иксіона, царя Ѳессалійскаго, который по велѣнію Юпитера, былъ привязанъ къ колесу Меркуріемъ, который и держитъ въ рукѣ это орудіе пытки. Юнона, въ которую влюбился Иксіонъ, сидитъ справа. Картина на правой стѣнѣ изображаетъ Аріадну, найденную Бахусомъ и его свитой вакханокъ и сатировъ. На концѣ перистиліума съ этой стороны еще нѣсколько великолѣпно украшенныхъ комнатъ. Въ проходѣ, ведущемъ къ двумъ изъ этихъ комнатъ, былъ родъ врытаго въ землю корыта съ мраморными краями; въ немъ, вѣроятно, были посажены растенія, такъ какъ дно и боковыя стѣнки корыта не могли держать воды. Но красивѣйшая комната, выходящая на этотъ конецъ перистиліума—это „экзедра", стѣны которой роскошно разукрашены. Въ этой комнатѣ были три большія картины, но отъ нихъ остались только мѣста, гдѣ онѣ находились, а слой, на которомъ онѣ были написаны, вырѣзанъ изъ стѣны. Возможно также, что мѣста эти приготовлены были для принятія картинъ въ то время, когда случилась катастрофа. Однако, убранство этой комнаты не принадлежитъ къ послѣдней варіаціи четвертаго періода, но къ средней варіаціи послѣдней эпохи упадка. Краски сохранили всю свою свѣжесть. Бордюры четвертаго періода замѣчательно изящны, а большое количество красной киновари, употреблявшейся въ фрескахъ стѣнъ, придаетъ комнатѣ чрезвычайно яркій колоритъ и заставляетъ выступать нѣжные рисунки и мелкіе орнаменты.

Когда садъ въ мраморномъ перистиліумѣ будетъ зеленѣть кустами, а клумбы его украсятся душистыми и яркими цвѣтами, домъ приметъ (за исключеніемъ предохраняющей крыши) такой видъ, какъ будто обитатели только что покинули его, а землетрясеніе случилось очень недавно. Но нельзя не пожалѣть, что итальянское правительство выдаетъ ежегодно на продолженіе раскопокъ лишь ничтожную сумму въ 8,000 итальянскихъ лиръ. Сборъ за входъ въ Помпею идетъ въ центральное управленіе раскопокъ въ Римѣ, а оттуда управленіе распредѣляетъ эту сумму по всѣмъ мѣстамъ государства, гдѣ производятся раскопки. Это очень несправедливо относительно Помпеи и ея директоровъ. Несмотря на эту нищенскую субсидію, профессоръ Соліано и его помощники дѣлаютъ очень много, и вмѣсто празднаго критиканства со стороны туристовъ, желательно было бы, чтобы журналы выражали одобреніе и тѣмъ оказывали имъ поддержку въ ихъ трудной задачѣ (Ф. Марріотъ. СПБ. Вѣд., № 38, 1896 г.).

—— Археологическая находка на днѣ Немейскаго озера въ Италіи [1]), о которой сообщалось въ газетахъ за текущій годъ, оказа-

[1]) См. Археол. Изв. 1895 г., стр. 336.

лась, при ближайшемъ изслѣдованіи, не затонувшимъ судномъ, какъ это полагали ранѣе, а развалинами древняго величественнаго зданія. Ошибка произошла оттого, что, при осмотрѣ водолазами дна озера, продолговатое зданіе было покрыто толстымъ слоемъ ила; кромѣ того, заблужденію немало способствовало сохранившееся среди приозернаго населенія повѣрье о томъ, будто въ этомъ озерѣ нѣкогда затонуло судно Императора Тиверія. Зданіе имѣетъ въ длину 74 метра, въ ширину 15 метр. и, такимъ образомъ, формами и размѣрами напоминаетъ современные броненосцы. Огромный научный интересъ представляютъ извлеченные изъ ила, съ глубины 30 метровъ, предметы, замѣчательно хорошо сохранившіеся; между ними обращаетъ особенное вниманіе бронзовая колонна, высотою въ $1^1/_2$ метра и вѣсомъ 160 килогр. (10 пуд.) съ рельефнымъ изображеніемъ львиной головы, въ пасти которой находится подвижное бронзовое кольцо; за эту находку итальянское правительство предлагаетъ владѣльцу озера, князю Орсини, 30.000 лиръ. Затѣмъ, найдена полуколонна съ изображеніемъ волчьей головы, точно такой же формы и того же металла, только меньшихъ размѣровъ, вѣсомъ всего 74 килогр. Наконецъ, третья находка, самая изящная по исполненію,—колонна, вѣсомъ въ 69 килогр., съ изображеніемъ головы медузы, поразительно изящной работы, временъ процвѣтанія искусства въ Греціи. Всѣ колонны—въ нижней части полыя—служили, очевидно, для причаливанія лодокъ. Въ числѣ другихъ находокъ имѣются: двѣ свинцовыя водопроводныя трубы, діаметромъ въ 20 сантиметровъ и длиною 1,20—2,40 метра каждая съ надписями: „CKES. Aug. Germ.“ („Caesar Augustus Germaniae“); бронзовые гвозди, отъ 20 до 50 сантиметровъ длиною; остатки эмали на порфирѣ, серпантинѣ и зеленомъ камнѣ, служившихъ украшеніемъ комнатъ, сочетаніе которыхъ страннымъ образомъ представляетъ современные національные цвѣта Италіи: зеленый, бѣлый и красный, и, наконецъ, бронзированныя балки, служащія доказательствомъ того, что на этомъ мѣстѣ нѣкогда возвышалась вилла, что подтверждаютъ также остатки древняго мола и выложенный камнемъ бассейнъ озера. Дальнѣйшія изысканія дѣятельно продолжаются при помощи водолазовъ.

—— Гг. George и Chauvet издали подъ заглавіемъ Cachette d'objets en bronze découverte à Venat près Angoulême (Angoul. 1895) интересную работу о кладѣ предметовъ бронзовой культуры, найденномъ въ 1893 г. около Вена въ глиняномъ сосудѣ и вѣсящемъ 75 килогр.; кладъ состоитъ изъ топоровъ, мечей, дротиковъ, кинжаловъ, умбоновъ, браслетовъ, серегъ, колецъ, бусъ и пр. Интересъ клада заключается въ томъ, что составляющіе его предметы имѣютъ наибольшее

Записей Литовскихъ, инвентари королевскихъ мнѣній первой половины XVI в., записи земельныхъ дачъ кор. Казимира (около полов. XV в.) и отдѣльные документы XIV—XVI ст., характеризующіе поземельныя и сословныя отношенія въ Литовско-русскомъ государствѣ. Среди описанія имѣній важное значеніе имѣетъ Ревизія Берестейскаго Староства 1566, едвали не лучшій памятникъ въ этомъ родѣ по полнотѣ данныхъ. Среди отдѣльныхъ грамотъ многія дополняютъ наши свѣдѣнія о внутренней политикѣ первыхъ русско-литовскихъ князей и объ участіи въ управленіи страною земскихъ элементовъ. Печатаніе ведется М. Довнаромъ-Запольскимъ; имъ же собраны документы и сдѣлана опись. Сборникъ будетъ имѣть значеніе и для филологовъ, такъ какъ издается съ соблюденіемъ всѣхъ особенностей правописанія.

—— *Новый домъ въ Помпеѣ.* Раскопки въ Помпеѣ представляютъ неизсякающій интересъ, а новый способъ сохраненія ихъ еще болѣе увеличиваетъ ихъ значеніе. Этотъ методъ, введенный опытными и знающими руководителями, испробованъ на послѣднемъ домѣ, открытомъ въ погибшемъ городѣ, исторія котораго такъ хорошо извѣстна всѣмъ. Теперь уже статуи, картины и прочая движимость не отвозится, какъ это дѣлалось прежде, въ Неаполитанскій музей, но всѣ отрытые предметы остаются на мѣстѣ и большею частью реставрируются настолько, чтобы дать понятіе о своемъ первоначальномъ видѣ. Раскопка этого послѣдняго дома началась въ августѣ 1894 г.; но неблагопріятная погода, а главнымъ образомъ недостатокъ средствъ замедлили ходъ работъ. Въ ноябрѣ дошли до атріума; но зимой работа подвигалась медленно, такъ что послѣднія комнаты отрыты были лишь въ іюнѣ 1895 г., а расчистка и реставрированіе были окончены лишь въ августѣ, т. е. ровно годъ послѣ того, какъ удаленъ былъ первый слой земли, покрывавшей домъ. Главный входъ ведетъ на улицу, все еще засыпанную мусоромъ. Входъ этотъ состоитъ изъ остіума или прохода, по правую сторону котораго сидѣлъ привратникъ за деревянной перегородкой; нынѣ она исчезла совсѣмъ. Напротивъ его сидѣнья находилась картина „полурелигіознаго“ содержанія, которую вслѣдствіе ея неприличія пришлось закрыть. Въ этомъ проходѣ были двѣ большія двери. Въ наружной стѣнѣ дома видны остатки желѣзныхъ скобы и болта, посредствомъ которыхъ былъ запертъ снаружи домъ, когда хозяева оставили его. Въ комнатѣ направо отъ остіума находятся двѣ маленькія, заурядныя картины: одна представляетъ Леандра, переплывающаго Геллеспонтъ для свиданія съ Геро, другая—Тезея, покидающаго Аріадну. За этой комнатой находится другая, полъ которой покрытъ на два фута обломками (rapilli). Поэтому нижнюю часть стѣнъ видѣть нельзя; видны только

средняя и верхняя часть стѣнъ, покрытыхъ живописью, а также фризы изящнаго рисунка съ мелкой орнаментаціей и прелестными фигурами. Посреди одной изъ стѣнъ картина, изображающая Вакха и Аріадну, смотрящихъ на борьбу Пана и Эрота. На противоположной стѣнѣ также картина; на ней изображены Цефалъ и его вѣрная жена Прокрида, въ образѣ раненой лани; ее же, вѣроятно, представляетъ и женщина вверху картины, задумчиво смотрящая на мужа. Эти картины вдѣланы въ стѣну. Гипсовый пластъ, на которомъ онѣ написаны, былъ, вѣроятно, для удобства художника положенъ на доску; затѣмъ, когда картина высохла, ее вложили въ вырѣзанное въ штукатуркѣ стѣны пространство; рамка, сдѣланная коричневой, желтой или черной краской, покрываетъ соединительныя линіи. Въ фризѣ видны Леда съ лебедемъ, сатиръ съ тирсомъ и вакханка съ тамбуриномъ. На самомъ верху два центавра. На другихъ частяхъ фриза изображены великолѣпные павлины и юный Зевсъ на тронѣ, съ молніями въ рукахъ. Гирлянды цвѣтовъ, написанныя на бѣлой стѣнѣ, архитектурныя части, оканчивающіяся наверху крылатыми драконами, карнизы изъ красныхъ, бѣлыхъ и синихъ лѣпныхъ украшеній сверху и снизу фриза и отдѣляющія его отъ полукруглаго свода потолка—все это ярче заставляетъ выступать краски. Этотъ искусно расписанный покой кажется еще красивѣе вслѣдствіе ярко-красной киновари, которая употреблялась для окраски стѣнъ и дѣлала ихъ необыкновенно эффектными. То же самое можно сказать и о другихъ комнатахъ дома. Когда всѣ эти краски, въ особенности ярко-красная киноварь, только что очищены отъ покрывавшей ихъ земли, онѣ поражаютъ своей яркостью и блескомъ; но онѣ быстро тускнѣютъ и темнѣютъ, если ихъ тотчасъ же не покрыть смѣсью воска съ бензиномъ.

Далѣе, со стороны атріума есть боковой входъ, ведущій въ маленькую улицу, которую Фюрелли назвалъ „Nicolo di Mercurio“; здѣсь есть маленькая лѣстница. Близъ входа въ атріумъ находятся остатки казнохранилища, прикрѣпленнаго къ тяжелому каменному основанію. Желѣзныя части подлинныя, но деревянный ящикъ, на которомъ онѣ прикрѣплены, новый. Близъ этого казнохранилища были найдены бронзовое кольцо и двѣ желѣзныя печати, которыя хранятся въ домѣ „помпейской администраціи“, а затѣмъ будутъ препровождены или въ Неаполитанскій, или въ мѣстный музей. На одной изъ этихъ печатей вырѣзано: „VETTI. RES. V.“, отчего домъ и получилъ названіе: „Casa di Vetti“. На противоположной сторонѣ атріума—другое, также реставрированное, казнохранилище бо́льшихъ размѣровъ. Это послѣднее казнохранилище откопали при мнѣ и при нѣкоторыхъ художникахъ, но въ немъ не было найдено ничего. Оба казнохранилища были, очевидно,

каютъ двѣ, изъ породы извѣстныхъ нынѣ подъ названіемъ scorfano: онѣ съ большими головами, красноватаго цвѣта, и современные неаполитанцы варятъ изъ нихъ отличный супъ, называемый Zuppa di Marenaro. Чтобы предохранить эти рисунки, положена отъ стѣнъ къ колоннамъ покатая крыша, а сами колонны, гдѣ оказалось нужнымъ, доведены до высоты колоннъ, сохранившихся въ цѣлости; къ нимъ придѣланы новыя капители, хотя и безъ орнаментовъ, и стѣны также во многихъ мѣстахъ реставрированы.

Крыша эта, однако, не есть подражаніе первоначальной крышѣ, которая, по всей вѣроятности, была плоская и имѣла, можетъ быть, еще другой этажъ надъ собой, такъ какъ въ другихъ частяхъ дома видны слѣды второго этажа; это очевидно не только по лѣстницѣ, но и по знакамъ въ стѣнахъ, поддерживавшихъ балки втораго пола. Обширный vectus налѣво отъ перистиліума имѣетъ стѣны, украшенныя въ стилѣ четвертаго періода, введенномъ лишь за нѣсколько лѣтъ до разрушенія дома. Онъ содержитъ три прекрасныя картины, каждая въ 1,11 метра высоты и 1,03 метра ширины. Картина на лѣвой стѣнѣ комнаты представляетъ Юпитера, съ удивленіемъ взирающаго на Геркулеса, убивающаго двухъ змѣй, посланныхъ Юноной, чтобы уничтожить его. Мать ребенка Алкмена, смотритъ также на него, стоя позади трона Юпитера. Фигура на лѣвой сторонѣ картины представляетъ, вѣроятно, Амфитріона, отца Ификла, другого изъ близнецовъ. Картина средней стѣны представляетъ смерть Пентея, молодого царя ѳивскаго, сына Эхіона и Агавы. Его убиваютъ мать, сестры и тетка за то, что онъ не хотѣлъ вводить культъ Бахуса въ своемъ царствѣ. Краски этой картины очень нѣжны. Прозрачная, развѣвающаяся одежда женщины, держащей поднятый надъ головой тирсъ блѣдно-голубаго цвѣта; одежда женщины съ камнемъ свѣтлаго, желтоватаго цвѣта и вообще, всѣ краски картины поражаютъ удивительною гармоніей тоновъ, на которой особенно рельефно выступаетъ смуглое обнаженное тѣло Пентея. Но рисунокъ нельзя назвать безукоризненнымъ, хотя композиція эффектна; между прочимъ, правая рука женщины налѣво отъ Пентея безформенна; зато группировка и экспрессія фигуръ замѣчательны.

То же самое можно сказать о картинѣ на правой стѣнѣ комнаты и представляющей Дирцею, привязываемую къ быку. Цетъ, младшій изъ братьевъ держитъ ее лѣвою рукой, правой же накидываетъ веревку на быка, между тѣмъ, какъ старшій братъ, Амфіонъ, стоитъ по лѣвую сторону разъяреннаго животнаго и держитъ другой конецъ веревки. Мать ихъ, Антіопа была женою Лика, царя Ѳибъ, но отцомъ ихъ былъ Юпитеръ, „отецъ боговъ и людей“. Дирцея пріобрѣла лю-

бовь Лика и заняла мѣсто Антіопы, заключивъ ее въ тюрьму и прогнавъ обоихъ сыновей ея въ лѣсъ. Здѣсь нашелъ ихъ пастухъ и воспитывалъ въ своей хижинѣ до тѣхъ поръ, пока Антіопа, бѣжавшая изъ тюрьмы, не присоединилась къ нимъ. Однажды Дирцея ея и свита встрѣтили въ лѣсу Антіопу и стали оскорблять ее. Тогда явились Амфіонъ и Цетъ; они разогнали свиту Дирцеи, а ее привязали къ разъяренному быку. Выполненіе обѣихъ этихъ киртинъ чрезвычайно эффектно и смѣло. Профессоръ Соліано, директоръ помпейскихъ раскопокъ, напечаталъ интересную монографію подъ заглавіемъ: „Казнь Дирцеи на помпейской картинѣ и Фарнезскій быкъ". Брошюра содержитъ великолѣпное воспроизведеніе этой картины, а также и очертанія мраморнаго шедевра Аполлонія и Тавриска, съ которымъ онъ сравниваетъ ее. Проф. Соліано говоритъ: „Если искать связи между сюжетами этихъ трехъ картинъ, то я сказалъ бы, что она заключается въ идеѣ мести, выразившейся въ *наказаніи*. Такъ, Геркулесъ наказываетъ змѣй, женщины наказываютъ Пентея, Амфіонъ и Цетъ совершаютъ казнь надъ своей мачихой, Дирцеей. Сюжеты двухъ послѣднихъ картинъ никогда еще не находились прежде въ картинахъ Помпеи. Картины повидимому—настоящіе фрески, за исключеніемъ нѣсколькихъ верхнихъ штриховъ, и тона ихъ необыкновенно мягки. Что касается орнаментовъ стѣнъ, то это не настоящія фрески, а толстый слой краски, наложенный на фрескѣ. Разные морскіе звѣри, дельфины и головы Нептуна украшаютъ нижнюю часть стѣнъ. Маленькая комната, рядомъ съ vectus'омъ была снабжена полками. Назначеніе ихъ неизвѣстно, да и не въ интересахъ археологіи заниматься отысканіемъ именъ предметовъ, единственно для удовлетворенія празднаго любопытства. Соотвѣтственно этимъ комнатамъ, по правую сторону отъ входа въ перистиліумъ находится великолѣпный покой съ окномъ, выходящимъ во дворъ, и съ дверью, ведущей въ другой vectus, съ прекрасно раскрашенными стѣнами. Нижняя часть стѣны послѣдняго представляетъ хорошую имитацію мраморныхъ плитъ и дисковъ; стереотипные цвѣты голубыхъ, красныхъ, зеленыхъ и другихъ тоновъ поднимаются по сторонамъ большихъ бѣлыхъ панò; на маленькихъ боковыхъ панò находятся еще другіе, меньшіе, удивительнаго и чрезвычайно рѣдкаго голубовато-стальнаго цвѣта.

Прекрасная картина въ 1,11 на 1,19 метр. занимаетъ середину каждой стѣны. Картина на лѣвой сторонѣ представляетъ Дедала, спиною къ зрителю; онъ положилъ руку на деревянную корову, поставленную на деревянную доску съ колесами, и предлагаетъ ее Пазифаѣ, супругѣ царя Миноса; на лѣвой сторонѣ картины изображенъ одинъ изъ его учениковъ, по всей вѣроятности сынъ его, Икаръ.

Картина средней стѣны представляетъ казнь Иксіона, царя Ѳессалійскаго, который по велѣнію Юпитера, былъ привязанъ къ колесу Меркуріемъ, который и держитъ въ рукѣ это орудіе пытки. Юнона, въ которую влюбился Иксіонъ, сидитъ справа. Картина на правой стѣнѣ изображаетъ Аріадну, найденную Бахусомъ и его свитой вакханокъ и сатировъ. На концѣ перистиліума съ этой стороны еще нѣсколько великолѣпно украшенныхъ комнатъ. Въ проходѣ, ведущемъ къ двумъ изъ этихъ комнатъ, былъ родъ врытаго въ землю корыта съ мраморными краями; въ немъ, вѣроятно, были посажены растенія, такъ какъ дно и боковыя стѣнки корыта не могли держать воды. Но красивѣйшая комната, выходящая на этотъ конецъ перистиліума—это „экзедра", стѣны которой роскошно разукрашены. Въ этой комнатѣ были три большія картины, но отъ нихъ остались только мѣста, гдѣ онѣ находились, а слой, на которомъ онѣ были написаны, вырѣзанъ изъ стѣны. Возможно также, что мѣста эти приготовлены были для принятія картинъ въ то время, когда случилась катастрофа. Однако, убранство этой комнаты не принадлежитъ къ послѣдней варіаціи четвертаго періода, но къ средней варіаціи послѣдней эпохи упадка. Краски сохранили всю свою свѣжесть. Бордюры четвертаго періода замѣчательно изящны, а большое количество красной киновари, употреблявшейся въ фрескахъ стѣнъ, придаетъ комнатѣ чрезвычайно яркій колоритъ и заставляетъ выступать нѣжные рисунки и мелкіе орнаменты.

Когда садъ въ мраморномъ перистиліумѣ будетъ зеленѣть кустами, а клумбы его украсятся душистыми и яркими цвѣтами, домъ приметъ (за исключеніемъ предохраняющей крыши) такой видъ, какъ будто обитатели только что покинули его, а землетрясеніе случилось очень недавно. Но нельзя не пожалѣть, что итальянское правительство выдаетъ ежегодно на продолженіе раскопокъ лишь ничтожную сумму въ 8,000 итальянскихъ лиръ. Сборъ за входъ въ Помпею идетъ въ центральное управленіе раскопокъ въ Римѣ, а оттуда управленіе распредѣляетъ эту сумму по всѣмъ мѣстамъ государства, гдѣ производятся раскопки. Это очень несправедливо относительно Помпеи и ея директоровъ. Несмотря на эту нищенскую субсидію, профессоръ Соліано и его помощники дѣлаютъ очень много, и вмѣсто празднаго критиканства со стороны туристовъ, желательно было бы, чтобы журналы выражали одобреніе и тѣмъ оказывали имъ поддержку въ ихъ трудной задачѣ (Ф. Марріотъ. СПБ. Вѣд., № 38, 1896 г.).

—— Археологическая находка на днѣ Немейскаго озера въ Италіи [1]), о которой сообщалось въ газетахъ за текущій годъ, оказа-

[1]) См. Археол. Изв. 1895 г., стр. 336.

лась, при ближайшемъ изслѣдованіи, не затонувшимъ судномъ, какъ это полагали ранѣе, а развалинами древняго величественнаго зданія. Ошибка произошла оттого, что, при осмотрѣ водолазами дна озера, продолговатое зданіе было покрыто толстымъ слоемъ ила; кромѣ того, заблужденію немало способствовало сохранившееся среди приозернаго населенія повѣрье о томъ, будто въ этомъ озерѣ нѣкогда затонуло судно Императора Тиверія. Зданіе имѣетъ въ длину 74 метра, въ ширину 15 метр. и, такимъ образомъ, формами и размѣрами напоминаетъ современные броненосцы. Огромный научный интересъ представляютъ извлеченные изъ ила, съ глубины 30 метровъ, предметы, замѣчательно хорошо сохранившіеся; между ними обращаетъ особенное вниманіе бронзовая колонна, высотою въ $1^1/_2$ метра и вѣсомъ 160 килогр. (10 пуд.) съ рельефнымъ изображеніемъ львиной головы, въ пасти которой находится подвижное бронзовое кольцо; за эту находку итальянское правительство предлагаетъ владѣльцу озера, князю Орсини, 30.000 лиръ. Затѣмъ, найдена полуколонна съ изображеніемъ волчьей головы, точно такой же формы и того же металла, только меньшихъ размѣровъ, вѣсомъ всего 74 килогр. Наконецъ, третья находка, самая изящная по исполненію,—колонна, вѣсомъ въ 69 килогр., съ изображеніемъ головы медузы, поразительно изящной работы, временъ процвѣтанія искусства въ Греціи. Всѣ колонны—въ нижней части полыя—служили, очевидно, для причаливанія лодокъ. Въ числѣ другихъ находокъ имѣются: двѣ свинцовыя водопроводныя трубы, діаметромъ въ 20 сантиметровъ и длиною 1,20—2,40 метра каждая съ надписями: „CKES. Aug. Germ.“ („Caesar Augustus Germaniae“); бронзовые гвозди, отъ 20 до 50 сантиметровъ длиною; остатки эмали на порфирѣ, серпантинѣ и зеленомъ камнѣ, служившихъ украшеніемъ комнатъ, сочетаніе которыхъ страннымъ образомъ представляетъ современные національные цвѣта Италіи: зеленый, бѣлый и красный, и, наконецъ, бронзированныя балки, служащія доказательствомъ того, что на этомъ мѣстѣ нѣкогда возвышалась вилла, что подтверждаютъ также остатки древняго мола и выложенный камнемъ бассейнъ озера. Дальнѣйшія изысканія дѣятельно продолжаются при помощи водолазовъ.

—— Гг. George и Chauvet издали подъ заглавіемъ Cachette d'objets en bronze découverte à Venat près Angoulême (Angoul. 1895) интересную работу о кладѣ предметовъ бронзовой культуры, найденномъ въ 1893 г. около Вена въ глиняномъ сосудѣ и вѣсящемъ 75 килогр.; кладъ состоитъ изъ топоровъ, мечей, дротиковъ, кинжаловъ, умбоновъ, браслетовъ, серегъ, колецъ, бусъ и пр. Интересъ клада заключается въ томъ, что составляющіе его предметы имѣютъ наибольшее

сходство съ культурой швейцарскихъ свайныхъ построекъ, и свидѣтельствуютъ о живой культурной связи, существовавшей въ концѣ бронзоваго вѣка между обитателями западной части современной Франціи (долины Шаранты) и населеніемъ швейцарскихъ озеръ. „Обѣ области, замѣчаютъ авторы, поддерживали, вѣроятно, постоянно взаимныя сношенія и когда, во времена Цезаря, Гельветы сожгли свои города для того, чтобы эмигрировать къ океану, они несомнѣнно направились въ область, уже извѣстную имъ, хотя бы по традиціи“ (Rev. arch., 1895).

—— Первый, вышедшій въ 1895 г., выпускъ изданія Inscriptiones graecae insularum состоитъ изъ 964 №№ разныхъ надписей Родоса, Сароса и др., содержащихъ посвященія Аѳинѣ, Артемидѣ, Зевсу, Діоскурамъ и пр., далѣе памятникъ, въ которомъ упоминается о посольствѣ къ Цезарю, подписи скульпторовъ: аѳинскаго—Архестрата и эфесскаго — Ариста и т. п., представляющіе серьезный научный какъ историческій, такъ и археологическій интересъ (Rev. arch., 1895).

—— Профессоръ парижской École des mines г. de Launay издалъ въ Revue archéologique (1895 sept.—oct.) интересную замѣтку о некрополяхъ на о-вѣ Родосѣ. Авторъ совершилъ поѣздку на Родосъ съ цѣлью геологическаго изученія извѣстнаго Камейросскаго могильника, но въ своей статьѣ не ограничивается изложеніемъ результатовъ геологическаго изслѣдованія и помѣщеніемъ интересныхъ въ этомъ отношеніи картъ; г. de Launay даетъ описаніе могильниковъ и обзоръ хода, какъ болѣе раннихъ, такъ и новѣйшихъ изслѣдованій древнихъ могильниковъ камейросскаго, іализосскаго и линдосскаго, изученіе которыхъ началось: перваго—въ 1858 г., второго—главнымъ образомъ съ 1868 г. и, наконецъ, третьяго—почти еще совершенно не разработаннаго. Кромѣ того, авторъ сообщаетъ о новѣйшихъ открытіяхъ обширныхъ могильныхъ склеповъ, высѣченныхъ въ скалахъ, въ камейросскомъ могильникѣ, сопровождаетъ свое изложеніе рисунками и старается отыскать аналогіи между названными могилами и могилами въ Микенахъ (т. наз. сокровищница ц. Атрея), на Кипрѣ, этрусскими въ Орвіето и пр. Чрезвычайно интересны изображенные авторомъ: черепокъ глиняной посуды съ спиральнымъ орнаментомъ и пріобрѣтенный въ Линдосѣ глиняный сосудъ (Bügelkanne) микенскаго типа.

—— Въ Bullet. de Corresp. Hellénique за 1894 г. г. Потье, издавая нѣсколько терракотовыхъ финикійскихъ издѣлій, представляющихъ точное подражаніе египетскимъ деревяннымъ издѣліямъ, возобновляетъ вопросъ о вліяніи Египта на первоначальное искусство грековъ: по мнѣнію автора это вліяніе проникало черезъ посредство греческихъ скульптуровъ, жившихъ въ Египтѣ, равно и путемъ занесенія копій съ египет-

скихъ издѣлій, приготовляемыхъ финикіянами; это послѣднее вліяніе начинается, однако, лишь съ VII в. (Rev. Arch. 1895).

—— Изслѣдованіе Дельфъ, равно и изученіе обнаруженныхъ находокъ продолжаютъ доставлять интересные научные результаты. Такъ количество извѣстныхъ до настоящаго времени гимновъ, найденныхъ при изслѣдованіяхъ, обогатилось еще однимъ (4-мъ), посвященнымъ Діонису; гимнъ относится къ послѣдней трети IV в. до Р. Х. и такимъ образомъ, оказывается древнѣе всѣхъ, прежде найденныхъ; къ сожалѣнію, нотныхъ знаковъ къ нему нѣтъ. Особенный интересъ гимнъ имѣетъ въ историческомъ отношеніи: первыя строфы касаются жизни божества, а остальныя посвящены современности; въ это время отстраивался дельфійскій храмъ, и поэтъ предвидитъ день окончанія постройки великолѣпнаго храма, называетъ счастливымъ поколѣніе, которое завершитъ постройку и поддерживаетъ идею панэлленизма и политику тогдашнихъ властителей Греціи—македонянъ. Другіе открытые эпиграфическіе памятники и изданные въ Bullet. de Corresp. Hellénique проливаютъ яркій свѣтъ на отношенія къ Дельфамъ Селевкидовъ, Птолемеевъ и др., оказывавшихъ знаки почитанія святилищу, путемъ присылки даровъ, просьбъ о дарованіи привилегій городамъ и храмамъ (напр., Селевкъ II, сынъ Антіоха II, испрашиваетъ для г. Смирны и храма Афродиты привиллегіи ἱερά и ἄσυλος). Въ этомъ же изданіи (іюль 1895 г.) г. Вейль издалъ гимнъ Аполлону съ музыкальными нотами: гимнъ состоитъ изъ воззванія къ музамъ, разсказываетъ о рожденіи Аполлона, приходѣ его въ Аттику, побѣдѣ въ Дельфахъ и оканчивается молитвеннымъ обращеніемъ къ богу, въ которомъ говорится и о славѣ римлянъ. Наконецъ, для исторіи построенія дельфійскаго храма собрано не мало данныхъ, позволившихъ г. Homolle опредѣлить дату построенія и представить въ засѣданіи Académie des Inscriptions (16 авг. 1895 г.) планъ реставраціи храма, разрушеннаго въ концѣ V или въ началѣ IV в. и вновь построеннаго между 350 и 330 гг. до Р. Х. (Rev. Arch., 1895).

—— При раскопкахъ, производимыхъ греческимъ археологическимъ Обществомъ въ Микенахъ, найденъ недавно кладъ, состоящій изъ 3.500 древнихъ монетъ, по большей части серебряныхъ, превосходно сохранившихся. Національный Музей въ Аѳинахъ поручилъ одному изъ служащихъ въ немъ спеціалисту - нумизмату разобрать этотъ кладъ и представить точный отчетъ. (Chronique des arts, 1896, № 1).

—— Въ засѣданіяхъ той же Академіи отъ 29 марта и 6 апрѣля, г. С. Ренакъ прочелъ свой рефератъ о „Нагихъ богиняхъ въ восточномъ и въ греческомъ искусствѣ“, который напечатанъ въ Revue archéologique, 1895 г., t. XXVI (mai-juin). Ренакъ опровергаетъ общепри-

нятое мнѣніе, что греческая Афродита — восточнаго происхожденія и доказываетъ слѣдующее: 1) типъ нагой богини совершенно неизвѣстенъ архаическому ассиро-вавилонскому искусству; 2) типъ нагой богини принадлежитъ искусству народовъ, населявшихъ берега и острова Эгейскаго моря между XXX и X вѣками до Р. Х.; 3) когда въ какомъ-либо произведеніи ассиро-вавилонскаго искусства является этотъ типъ, то всегда можно доказать, что онъ заимствованъ, и т. д. Правда, Астарта является иногда совершенно нагой, но это всегда указываетъ, что она либо находится въ печали, либо въ униженіи. Рефератъ сопровождается снимками съ разныхъ статуэтокъ и изображеній на цилиндрахъ.

—— Въ Revue archéologique (XXVI, 1895 г.) помѣщена статья г. Димье (Dimmier) „о раскрашиваніи статуй въ древнемъ искусствѣ" (la polychromie dans la sculpture antique), направленная противъ статьи Collignon въ Revue des Deux Mondes. Collignon разбираетъ свидѣтельства древнихъ писателей и приходитъ къ заключенію, что статуи въ древности *постоянно* раскрашивались. Димье подвергаетъ эти свидѣтельства разбору и приходитъ къ выводу, что лишь *нѣкоторыя* статуи и, притомъ, лишь „нѣкоторыхъ, весьма неизвѣстныхъ, скульпторовъ иногда раскрашивались, но что это нельзя считать общимъ правиломъ". Димье приводитъ какъ примѣръ, что и теперь, во Франціи, статуэтки святыхъ раскрашиваются и разукрашиваются. Можно ли, спрашиваетъ онъ, на семъ основаніи утверждать, что наши скульпторы артисты раскрашиваютъ свои произведенія? Авторъ полагаетъ, что раскраска статуй производилась лишь до временъ Перикла; послѣ него она встрѣчается, но какъ исключеніе. Весьма интересны еще помѣщенная тамъ же статья г. Tannery о „подраздѣленіяхъ часа въ древности" (subdivisions de l'heure dans l'antiquité), и сообщеніе г. Le-Blant о найденномъ имъ въ одной могилѣ въ Даніи кремневомъ наконечникѣ копья, зашитомъ въ тонкую кожу и, повидимому, служившемъ предохранительнымъ амулетомъ.

—— При рытьѣ фундамента подъ новую церковь, въ Изёрѣ (Yzeures) въ департаментѣ Луары и Эндры, рабочіе наткнулись на остатки галло-римскаго святилища (fanum), посвященнаго Минервѣ. Остатки эти сильно испорчены, но все-таки на нихъ можно разобрать, на одномъ— Минерву со щитомъ на лѣвой рукѣ и около нея, мужчину и женщину, на другомъ обломкѣ, похожемъ на подножіе алтаря или статуи, видна Леда съ лебедемъ. Еще на другихъ изображены разныя фигуры съ человѣческимъ торсомъ и головою скорпіона, пѣтуха и т. п. На одномъ обломкѣ сохранились остатки надписи: . . . Augustorum . . . Minervae. . . milli fili. По стилю изображеній и начертанію буквъ, на-

ходку эту должно отнести къ эпохѣ Флавіевъ или Антониновъ. Надѣются, что дальнѣйшія раскопки доставятъ еще много новыхъ интересныхъ данныхъ (Chronique des arts, 1895, № 41).

—— Въ засѣданіи Académie des inscriptions отъ 1 февраля 1895 г. г. Шлумберже предъявилъ чрезвычайно рѣдкую серебряную монету византійской императрицы Θеодоры, дочери Константина VIII и сестры знаменитой Зои. Судя по тому, что на этой монетѣ Θеодора названа Despoina и Porphyrogenete, чеканъ монеты должно отнести къ тѣмъ годамъ, когда она царствовала вмѣстѣ съ своимъ зятемъ Константиномъ Мономахомъ, т. е. къ 1051—1055 гг. Справа отъ изображенія Θеодоры находится изображеніе Влахернской Божьей Матери.

—— Въ Gazette des beaux-arts за 1895 г. напечатана статья Шлумберже о двухъ боковыхъ дощечкахъ византійскаго триптиха изъ слоновой кости, работы XI вѣка. Обѣ онѣ были уже раньше изданы въ трудѣ Gori-Thesaurus veterum diptychorum, но крайне неудовлетворительно. Одна изъ нихъ съ тѣхъ поръ попала въ извѣстный Münz und Antiken-Cabinet въ Вѣнѣ, другая же, находившаяся прежде въ ризницѣ церкви San-Giovanni in Verdura, во Флоренціи, считалась неизвѣстно куда исчезнувшей. Г. Шлумберже удалось найдти ее въ археологическомъ музеѣ, устроенномъ съ 1846 года въ Венеціи, въ бывшемъ помѣщеніи дожей. Дощечки представляютъ собою великолѣпный образчикъ византійской рѣзной работы XI в. На нихъ изображены апостолы—Петръ и Андрей—на одной (Вѣнской) и Павелъ и Іоаннъ Богословъ на другой (Венеціанской). Фигуры апостоловъ превосходно задрапированы; лица ихъ строги и прекрасны. Первые два держатъ въ лѣвой рукѣ по свитку, а правою благословляютъ; два другіе держатъ обѣими руками по книгѣ въ роскошномъ переплетѣ. Ноги апостоловъ, обутыя въ сандаліи помѣщены на крышѣ базилики, поддерживаемой 18 парными колонками, изображающей, вѣроятно, ту церковь, для которой предназначался триптихъ. Надъ фигурами апостоловъ на каждой дощечкѣ находится надпись, ямбическими стихами, указывающая на нѣкоего „деспота Константина“, принесшаго въ даръ сей триптихъ. Кто былъ этотъ деспотъ Константинъ? По мнѣнію Гори, это Константинъ Багрянородный, по мнѣнію же автора статьи, это могъ быть либо Константинъ, братъ Василія II (1025 — 1028), или Константинъ Мономахъ, третій супругъ Зои (1042—1058), или, наконецъ, Константинъ Дука (1059—1067).

V.

Засѣданія Обществъ.

Въ засѣданіи Славянской Коммиссіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества 8-го декабря 1895 г. В. Ѳ. Миллеръ прочелъ докладъ подъ заглавіемъ „Былина объ Иванѣ Гостинномъ сынѣ". Сдѣлавъ замѣчанія о незначительной распространенности былинъ объ Иванѣ Гостинномъ сынѣ и указавъ, что съ именемъ этого эпическаго героя дошли до насъ два былинные сюжета, референтъ остановился на разборѣ былинъ того и другого сюжета. Одинъ изъ нихъ имѣетъ своимъ содержаніемъ состязаніе Ивана Г-го с. съ княземъ Владиміромъ въ скачкѣ на коняхъ. Сгруппировавъ тѣ подробности, на основаніи которыхъ прежніе изслѣдователи относили былину къ Кіевскому циклу (дѣйствіе въ Кіевѣ при дворѣ кн. Владиміра, извѣстность Чернигова и его отношеній къ Кіеву, указаніе на разстояніе Чернигова отъ Кіева, появленіе на сценѣ черниговскаго владыки въ качествѣ поручителя Ивана Г. с.), докладчикъ перешелъ къ разсмотрѣнію вопроса о томъ, насколько этотъ взглядъ выдерживаетъ критику, отмѣтилъ неопредѣленность нѣкоторыхъ географическихъ указаній и обратилъ особенное вниманіе на роль черниговскаго владыки: послѣдній является въ былинѣ протестующимъ противъ князя и его сторонниковъ. Такой типъ владыки всего скорѣе слѣдуетъ искать на сѣверѣ въ новгородскихъ отношеніяхъ. На Новгородъ указываютъ и нѣкоторыя бытовыя черты: герой былины—сынъ богатаго купца, щеголяющій драгоцѣнной собольей шубой, дорогимъ купленнымъ за моремъ конемъ; за столомъ кн. Владиміра сидятъ торговые гости, въ пристани стоятъ корабли съ заморскими товарами; пари согласно съ обычаемъ новгородскихъ дѣльцовъ скрѣпляются рукоприкладствомъ, подробность, указывающая на распространенность грамотности въ Новгородѣ—всѣ новгородскіе эпическіе герои грамотны; далѣе, развитіе личнаго начала въ отношеніяхъ героя къ обществу и наконецъ фактъ, что сама былина записана въ Новгородской губ. указываетъ также на новгородское ея происхожденіе. Перейдя къ разбору былины 2-го сюжета, героемъ которой является распространенный у насъ типъ добраго молодца, гибнущаго отъ зелена вина, референтъ указалъ, что идея этой былины та же, что и въ Горѣ Злосчастіи — печальная судьба молодца безумнаго, не слушающаго родительскаго наставленія. Въ отличіе отъ мнѣнія акад. А. Н. Веселовскаго, полагающаго, что эта былина представляетъ лишь фрагментъ болѣе обширной не дошедшей до насъ былины, источникомъ которой слѣдуетъ считать старофранцузскій романъ объ Иракліи, референтъ отмѣтилъ, что пѣсня объ Иванѣ, проданномъ за пьянство, представляетъ вполнѣ законченное цѣлое, восприняла только нѣкоторые эпическіе образы и имена, но не введена въ былевой эпосъ и не имѣетъ другой связи, кромѣ имени дѣйствующаго лица, съ былиной объ Иванѣ Гостинномъ; указавъ на

бытовыя черты, пріурочивающія былину къ Новгороду, докладчикъ съ подробностію остановился на разборѣ мнѣнія А. Н. Веселовскаго о старофранцузскомъ романѣ объ Иракліи, какъ источникѣ былины объ Иванѣ Гостинномъ сынѣ. Второй докладъ П. А. Лаврова былъ посвященъ вопросу, можно-ли Александрію Псевдокаллисѳена въ архив. спискѣ считать трудомъ русскаго переводчика. Основываясь на нѣкоторыхъ слѣдахъ звуковыхъ особенностей языка архив. списка, главнымъ образомъ на удареніяхъ, несвойственныхъ русскому языку и совпадающихъ съ удареніями болгарскихъ рукописей, а отчасти и на нѣкоторыхъ словахъ изъ лексическаго запаса памятника, референтъ пришелъ къ заключенію, что указанный памятникъ слѣдуетъ признать переведеннымъ въ Болгаріи и только впослѣдствіи перенесеннымъ въ нашу древнюю литературу, при чемъ русскій переписчикъ весьма удачно сгладилъ юго-славянскія особенности оригинала, такъ что на первый взглядъ можно подумать, что мы имѣемъ дѣло съ трудомъ русскаго переводчика. Третье сообщеніе М. В. Довнаръ-Запольскаго „Къ исторіи польско-литовской борьбы за Волынь (договоры 1366 г.)“ было посвящено выясненію взаимнаго соотношенія договора Казиміра Вел. со всѣми литовскими князьями (извѣстенъ по выдержкѣ въ „Исторіи“ Нарушевича, въ „Skarbiec“ Даниловича и въ послѣднее время изданъ въ „Kwart. Histor.“ 1890 г.), относимому къ 1366 г., съ договоромъ его же съ Любартомъ (напечатанъ въ I т. „Arch. Sang.“). Указавъ на важное значеніе обоихъ договоровъ въ исторіи польско-литовской борьбы, референтъ остановился на мнѣніи ученыхъ, высказавшихся за подложность договора Казиміра со всѣми князьями. Референтъ высказался противъ подложности договора, а также и противъ того, что договоръ Любарта предшествовалъ договору со всѣми князьями. Докладчикъ доказывалъ, что договоръ Любарта съ Казиміромъ заключенъ послѣ договора со всѣми князьями. Послѣдній договоръ касался всей Литвы; договоръ Любарта касается чисто волынскихъ дѣлъ, заключенъ послѣ договора со всѣми князьями и является дополненіемъ къ нему. Въ немъ пояснены лишь тѣ статьи договора со всѣми князьями, которыя остались въ немъ неясными: проведена болѣе точная граница между Владиміромъ и Луцкомъ и пр. Колебанія, встрѣчающіяся въ ученыхъ трудахъ относительно договоровъ, референтъ объясняетъ невѣрнымъ толкованіемъ отдѣльныхъ мѣстъ договора Любарта и невѣрнымъ опредѣленіемъ географическихъ названій. Референтъ сообщилъ свои замѣчанія по послѣднимъ двумъ вопросамъ.

15-го января, въ засѣданіи классическаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, докладчиками явились Я. И. Смирновъ („О нѣкоторыхъ христіанскихъ памятникахъ Эпира, Ѳессаліи, Солуни и Кипра“) и С. А. Жебелевъ („Алжирскіе и тунисскіе музеи“). Я. И. Смирновъ представилъ обширную колекцію произведенныхъ имъ фотографическихъ снимковъ съ памятниковъ византійскаго искусства, извѣстныхъ доселѣ лишь по описаніямъ и по очень неточнымъ воспроизведеніямъ. Осо-

бенно интересны памятники Кипра, гдѣ византійское искусство столкнулось съ романскимъ стилемъ въ эпоху крестовыхъ походовъ, когда на Кипрѣ утвердилась династія Лузиньяновъ. С. А. Жебелевъ познакомилъ собраніе съ роскошнымъ альбомомъ античныхъ древностей сѣверной Африки, изданіе котораго предпринято французскимъ правительствомъ, подъ редакціей г. R. de la Blanchére („Musées et collections archéologiques de l'Alger et de la Tounisie"). (Нов. Вр. 1896, № 7144).

30-го января, въ засѣданіи русскаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго общества доклады читали Н. И. Веселовскій — „О погребеніяхъ съ конемъ на Сѣверномъ Кавказѣ и въ Крыму" и С. А. Адріановъ — „О древнѣйшихъ поселеніяхъ пермскаго племени". Н. И. Веселовскій сообщилъ результаты раскопокъ, произведенныхъ имъ въ 1894 г. въ Кубанской области, около города Анапы. Конь погребенъ осѣдланнымъ; сѣдло отдѣлано орнаментованной костью; при костякѣ всадника сохранилось оружіе; кромѣ того, въ могилѣ найденъ деревянный колъ, побуждающій докладчика вспомнить, что обычай зарывать въ могилу деревянный колъ сохранился у якутовъ и понынѣ. Въ сказанной мѣстности Н. И. Веселовскій открылъ цѣлый рядъ такихъ погребеній. Равнымъ образомъ, имъ обнаружены погребенія съ конемъ и въ Крыму. Докладчикъ полагаетъ, что въ этихъ погребеніяхъ сказывается культура тюркскаго кочевого народа. С. А. Адріановъ исторически прослѣдилъ вопросъ о томъ, гдѣ жила первоначально Пермь, и какая народность обитала въ нынѣшней Пермской губерніи. Докладчикъ поясняетъ надлежащими данными извѣстіе норманскаго мореплавателя IX вѣка Отара, что при устьѣ Сѣверной Двины онъ нашелъ беармовъ и утверждаетъ, что это и были пермяки, которые затѣмъ двинулись отъ Бѣлаго моря къ Вычегдѣ и только въ XIV вѣкѣ поселяются на Камѣ, а до того времени здѣсь жила югра. Археологическія находки, какъ сообщилъ по поводу прочитаннаго доклада А. А. Спицынъ, подтверждаютъ, что бассейнъ Камы въ X вѣкѣ былъ населенъ югорскимъ племенемъ. (Нов. Вр. 1896 № 7158).

31-го января, въ засѣданіи восточнаго отдѣленія Императорскаго Русскаго археологическаго общества Г. Д. Кудрявскій прочелъ на тему „Грихья-Сутра, какъ источникъ для изученія индо-европейской бытовой культуры". Грихья-Сутра, какъ и другіе такого рода памятники санскритской литературы древнѣйшаго, до-буддійскаго времени, заключаетъ въ себѣ правила домашняго ритуала, предписывающія опредѣленный порядокъ соблюденія обычаевъ, сопровождающихъ такіе моменты жизни человѣка, какъ отдача въ ученье брахманамъ, первое бритье бороды на 16-мъ году и, наконецъ, свадьба. Въ тотъ же сводъ правилъ входитъ порядокъ жертвоприношеній, тщательно регламентированныхъ брахманами, которые, видимо, заботились обезпечить за собой руководящую роль во всѣхъ случаяхъ жизни и соотвѣтственно этому всякій древній патріархальный обычай освѣщали съ

своей точки зрѣнія, съ чѣмъ изслѣдователю и приходится считаться, доискиваясь начальныхъ чертъ древняго быта. (Нов. Вр. 1896, № 7159).

Въ Императорскомъ Обществѣ Любителей Древней Письменности, въ собраніи 26-го января, Н. П. Барсуковъ сдѣлалъ сообщеніе „Къ исторіи изданія пушкинскаго (лаврентьевскаго) списка лѣтописи преподобнаго Нестора". Упомянувъ о первой попыткѣ издать Несторову лѣтопись по списку мниха Лаврентія, предпринятой Московскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ въ 1804 г. и сказавъ затѣмъ о преобразованіи этого Общества въ 1811 г., совершившемся въ бытность попечителемъ П. И. Голенищева-Кутузова (племянника полководца), г. Барсуковъ остановился на отношеніи попечителя къ Карамзину и привелъ любопытное письмо перваго къ министру народнаго просвѣщенія, графу А. К. Разумовскому. Въ этомъ письмѣ Кутузовъ изображаетъ нашего исторіографа, какъ яраго революціонера; онъ пишетъ, что сочиненія Карамзина „исполнены вольнодумческаго и якобинскаго яда...", что Карамзинъ „явно проповѣдуетъ безбожіе и безначаліе", и что „давно бы пора его запереть, не хвалить его сочиненія, а сжечь ихъ", и совѣтуетъ министру „открыть государю глаза и показать Карамзина во всей его гнусной наготѣ, яко врага всякаго блага и яко орудіе тьмы..." Приведя далѣе отзывы о Кутузовѣ графа Ѳ. В. Ростопчина, видѣвшаго, съ своей стороны, въ Карамзинѣ опаснаго революціонера, мечтавшаго о низверженіи трона, а также слѣдующія замѣчанія Погодина по поводу этого доноса „... какой осторожности требуетъ судъ о дѣлахъ печати, за который у насъ часто принимаются многіе не приготовленные", Н. П. Барсуковъ перешелъ собственно къ исторіи изданія Несторовой лѣтописи. Оно было поручено знаменитому филологу своего времени Р. Ѳ. Тимковскому; къ сожалѣнію, отечественная война прервала этотъ трудъ, и лишь въ 1824 г., уже по смерти Тимковскаго, вышли въ свѣтъ нѣсколько отпечатанныхъ имъ листовъ Лаврентьевскаго списка. Второе сообщеніе „Объ апокрифическомъ пророченіи о Христѣ въ кумирницѣ бога Аполлона" было сдѣлано В. Н. Перетцомъ. Апокрифъ этотъ возникъ по образцу „Сказанія Афродитіана о чудѣ въ персидской землѣ", въ которомъ идолы прорицаютъ о рожденіи Христа. Прореченіе о Христѣ является памятникомъ, доселѣ неизвѣстнымъ русскимъ ученымъ: впервые оно издано Хр. М. Лопаревымъ по рукописи XVII вѣка въ описаніи рукописей Императорскаго Общества Любителей Древней Письменности. Г. Перетцъ нашелъ въ Императорской Публичной Библіотекѣ болѣе древній списокъ прореченія, около 1400 г., новгородскаго происхожденія, дающій болѣе исправное чтеніе, безъ замѣтныхъ пропусковъ и сокращеній. Въ томъ же засѣданіи было заявлено о принесеніи въ даръ Обществу С. А. Бахрушинымъ роскошнаго изданія „Ризница Симонова монастыря" и о нѣкоторыхъ другихъ новыхъ пріобрѣтеніяхъ Общества (Нов. Вр. 1896, № 7155).

VI.

Библіографія.

В. Б. Антоновичъ. Археологическая карта Кіевской губерніи. (Приложеніе къ XV т. „Древностей“). Изданіе Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. Москва. 1895. Весьма большой научный интересъ представляетъ названное выше изданіе археологической карты Кіевской губерніи. Кромѣ самой карты съ нанесеніемъ на нее археологическихъ изслѣдованій и находокъ—богатый археологическій матеріалъ, распредѣленный систематично по уѣздамъ и рѣкамъ, занимаетъ 138 стр. большаго формата и сопровождается, кромѣ того, алфавитнымъ указателемъ именъ географическихъ и указателемъ предметнымъ составленнымъ въ послѣдовательной хронологической системѣ. За точность и научный характеръ этого почтеннаго труда ручается самое имя автора.

А. И. Черепнинъ: Очеркъ доисторическаго прошлаго Рязанскаго края Рязань, 1896 г. Поводомъ къ составленію и изданію въ свѣтъ названнаго „очерка“ было совершившееся недавно въ Рязани празднованіе истекшаго 800-лѣтняго существованія этого города. Статья почтеннаго дѣятеля Рязанской Архивной Коммиссіи не отличается обычнымъ шаблоннымъ характеромъ юбилейныхъ статей, а представляетъ собою, какъ мы думаемъ, результаты его продолжительнаго изученія старины родного края и потому заслуживаетъ во всякомъ случаѣ полнаго вниманія. Къ сожалѣнію, обиліе выводовъ и обобщеній автора лишаютъ насъ возможности слѣдить за ними съ достаточной полнотой, неудобной для предположенныхъ размѣровъ нашей замѣтки: мы должны будемъ ограничиться лишь нѣсколькими замѣчаніями по поводу тѣхъ воззрѣній автора, съ которыми мы не можемъ согласиться.

Мы уже ставимъ въ большую заслугу автору его попытку, во всякомъ случаѣ весьма полезную и интересную, въ сжатой формѣ брошюры, имѣющей всего 44 страницы, изобразить послѣдовательно на основаніи существующаго археологическаго матеріала и своихъ собственныхъ соображеній наиболѣе характерныя черты изъ жизни древнѣйшихъ насельниковъ рязанскаго края, пріурочивая этихъ насельниковъ преимущественно къ среднему теченію р. Оки. Работу эту почтенный авторъ выполнилъ, по нашему мнѣнію, съ большой любовью и съ прекраснымъ знаніемъ мѣстнаго археологическаго матеріала; но авторъ въ особенности является знатокомъ дѣла въ области нумизматическихъ фактовъ. Бѣдностью археологическаго матеріала можно объяснить иногда произвольность нѣкоторыхъ воззрѣній и обобщеній автора, въ чемъ авторъ и самъ не разъ сознается; такъ, напр., г. Черепнинъ раздѣляетъ всю доисторическую эпоху своего края на три періода: 1) періодъ каменнаго вѣка, 2) періодъ употребленія металловъ и 3) періодъ торговыхъ

сношеній съ арабами;—въ данномъ случаѣ онъ самъ избавляетъ насъ отъ необходимости подробно обсуждать принятыя имъ рубрики: на стр. 3, жалуясь на скудость изслѣдованій въ области антропологіи и лингвистики по отношенію къ рязанскому краю, авторъ говоритъ—„при такомъ положеніи нашихъ свѣдѣній названные три періода имѣютъ условное значеніе, соотвѣтствующее качеству и количеству имѣющагося матеріала". Мы должны замѣтить, что условность эта или даже искусственность въ особенности сознается нами по отношенію къ третьему періоду, гдѣ единственной основой этой стадіи жизни являются находки арабскихъ монетъ-диргемъ, доказывающихъ тотъ фактъ, что вывозъ товаровъ превышалъ ввозъ; притомъ эта торговля происходила не непосредственно съ самими арабами, а съ ихъ посредниками въ торговлѣ. Во всякомъ случаѣ, какъ видно изъ характера изученныхъ могильниковъ, эта отправка старья мало измѣняла характерное еще для 2-го періода теченіе жизни, о чемъ, впрочемъ, упоминаетъ и самъ авторъ. Мы однако нисколько не желаемъ умалять значенія развившейся торговли, болѣе явственно засвидѣтельствованной находками монетныхъ кладовъ, — мы только возражаемъ противъ *исключительнаго* значенія этого фактора, заслонившаго собою другія событія, какъ, напр., колонизацію края съ сѣвера и съ запада, обозначенную курганами. Авторъ между прочимъ даетъ въ описаніи 3-го періода много цѣнныхъ указаній по отношенію къ торговымъ сношеніямъ, къ монетнымъ системамъ и къ вѣсу; основательное знакомство его съ этими вопросами заставляетъ насъ сожалѣть, что авторъ не посвятилъ имъ особой главы, а заключилъ ихъ въ тѣсныя рамки 3-го періода.

Начиная свое описаніе жизни съ періода каменнаго вѣка, авторъ на основаніи археологическаго матеріала даетъ намъ въ общихъ чертахъ картины жизни того времени, при чемъ однако весьма часто придаетъ этимъ картинамъ характеръ идилліи, какъ намъ кажется, весьма субъективный въ данномъ случаѣ. Замѣтимъ кстати, что для изученія этого періода въ послѣднее время весьма много сдѣлано г. Городцовымъ. Переходя къ періоду употребленія металловъ, авторъ, весьма естественно, останавливается прежде всего на вопросѣ, откуда появилось въ первый разъ желѣзо въ окскомъ краѣ, такъ какъ по мнѣнію автора, собственно бронзоваго вѣка здѣсь не было. Для рѣшенія этого вопроса г. Черепнинъ объясняетъ географическое положеніе рязанскаго края и приходитъ къ заключенію, что знакомству съ желѣзомъ жители окской долины обязаны скиѳамъ—паралатамъ, а появленіе скиѳовъ въ Европѣ произошло въ VIII ст. до Р. Х. При этомъ авторъ древнѣйшимъ памятникомъ металлической эпохи считаетъ могильники Курманскій, Барковскій и Кузьминскій. Но, безспорно, самый древній изъ нихъ Курманскій могильникъ представляетъ намъ культуру металлическаго вѣка уже въ полномъ расцвѣтѣ. Является такимъ образомъ необходимый вопросъ, когда же успѣла эта культура расцвѣсть въ такой степени и гдѣ слѣды той подготовительной работы, которая могла бы объяснить прогрессъ металлическаго дѣла отъ самой первой стадіи его. Этихъ слѣдовъ нѣтъ,—заявляетъ самъ авторъ, и очевидно

самъ смущается такимъ фактомъ, тѣмъ болѣе, что онъ считаетъ населеніе этого края исконнымъ и осѣдлымъ, а потому переходъ отъ конца каменнаго вѣка или перваго знакомства съ желѣзомъ прямо хотя бы къ Курманскому могильнику образуетъ по скромному расчету періодъ около 1000 лѣтъ, не оставившій однако никакихъ слѣдовъ знакомства съ металлами! Мы позволимъ себѣ замѣтить, что если бы знакомство съ металлами происходило такъ, какъ разсказываетъ авторъ, то слѣды промежуточнаго періода непремѣнно сохранились бы и даже, по теоріи автора, вблизи этихъ самыхъ могильниковъ. Къ сожалѣнію, г. Черепнинъ, увлекаясь съ одной стороны скиѳами, а съ другой автохтонствомъ современниковъ Курманскаго могильника поставилъ свою теорію въ безвыходное противорѣчіе съ наличными археологическими фактами. Намъ кажется, что, обращая свое вниманіе на югъ отъ Рязани,—онъ слишкомъ мало выдвинулъ значеніе Ананьевскаго могильника, Сибири, Пермскаго края, а между тѣмъ съ тѣхъ сторонъ могли, намъ кажется, являться въ разное время новые насельники съ полнымъ знаніемъ металлическаго дѣла и, заселивши окскую страну, закончить тутъ эпоху каменнаго вѣка. Мы не послѣдуемъ за авторомъ въ его характеристикахъ погребеній и вещей Борковскаго могильника, имѣя въ виду встрѣтить изображенія этихъ вещей въ изданіи, которое готовится къ выпуску въ свѣтъ Имп. Археологической Коммиссіей. Но мы считаемъ своимъ долгомъ обратить вниманіе читателей на слѣдующія соображенія автора о курганныхъ могильникахъ, входящихъ въ Рязанскую губернію изъ Тульской и Московской губерній, но не заходящихъ на востокъ далѣе Рязани. Во всѣхъ этихъ курганахъ находятся костяки, въ большинствѣ случаевъ обращенные головами на западъ; инвентарь курганныхъ погребеній совершенно отличается отъ инвентаря Борковскаго и другихъ подобныхъ могильниковъ; такъ, между прочимъ, въ курганахъ встрѣчаются семилопастныя височныя кольца т. н. московскаго типа, сердоликовыя бусы и другія вещи, весьма характерныя для кургановъ Московской и Тульской губ. Несмотря на эти различія авторъ на стр. 30 говоритъ: „форма погребеній указываетъ на финскую народность населенія, оставившаго описанные нами курганы“. Опредѣливши такимъ образомъ народность погребенныхъ въ курганахъ, авторъ обращается съ упрекомъ къ тѣмъ археологамъ, которые считаютъ височныя кольца признакомъ славянства и думаютъ опредѣлить народность на основаніи всего археологическаго матеріала, найденнаго при погребеніи. По мнѣнію автора, несостоятельность мнѣній этихъ археологовъ доказывается настоящимъ случаемъ противорѣчія между финской формой погребенія и quasi-славянскимъ инвентаремъ.

Нельзя не замѣтить почтенному автору, что въ данномъ случаѣ форма погребенія не можетъ говорить въ пользу его мнѣнія, такъ какъ и славяне совершали погребеніе и обыкновеннымъ образомъ; для знакомства съ такими общеизвѣстными фактами автору нужно было ознакомиться только съ археологическими изслѣдованіями гг. Антоновича, Завитневича, Галиченки, Само-

квасова. Мы же твердо увѣрены, что означенные курганы означаютъ колонизацію Рязанскаго края русскими славянами, заходившими сюда изъ нынѣшнихъ губерній Тульской и Московской, и въ періодъ язычества не успѣвшими зайти восточнѣе Рязани. *В. И. Сизовъ.*

П. А. Ивановъ. Историческія судьбы Волынской земли съ древнѣйшихъ временъ до конца XIV вѣка (Одесса. 1895 г.). Книга г. Иванова составлена по схемѣ подобныхъ описаній древне-русскихъ земель, усвоенной кіевскою школою. Въ ней есть главы, посвященныя физическому очерку Волынской земли, первобытному ея населенію, древней политической географіи, политической исторіи и экономическому быту. Цѣль труда г. Иванова, какъ заявляетъ предисловіе,—изображеніе экономическаго быта страны. Глава о природѣ страны составлена г. Ивановымъ на основаніи уже устарѣлыхъ компиляцій и потому не представляетъ свода новѣйшихъ географическихъ данныхъ (авторъ трактуетъ еще объ отрогахъ Карпатъ на Волыни). Глава о первобытномъ населеніи Волыни (стр. 12—27) представляетъ сводъ данныхъ о каменномъ вѣкѣ на Волыни. Авторъ, къ сожалѣнію, не расширилъ своихъ данныхъ изученіемъ сосѣднихъ племенъ — дреговичей и древлянъ: на стр. 19 онъ утверждаетъ, что населеніе каменнаго вѣка не шло сѣвернѣе г. Ковеля въ Полѣсьѣ, что навѣрно, въ виду раскопокъ г. Авенаріуса и др. Въ слѣд. главѣ авторъ разсматриваетъ древнѣйшія извѣстія о славянскомъ населеніи Волыни — о дулѣбахъ, бужанахъ, валинана и др., снова возвращается къ археологическимъ даннымъ — къ курганнымъ раскопкамъ, но обзоръ этихъ данныхъ слишкомъ поверхностенъ. Желая дать картину первобытныхъ нравовъ и обычаевъ, г. Ив. приписываетъ др. волынянамъ весь современный обрядовый ритуалъ крестьянъ Волынской губ. и отчасти обще-славянскій, что, разумѣется, очень рисковано. Любопытнѣе всего, что г. Ив. на стр. 45 утверждаетъ о существованіи у волынянъ божества Урая (*у рай*), на основаніи опечатки или невѣрной записи у Чубинскаго. Вообще, эта глава слаба. Не менѣе ея слаба глава о географическихъ данныхъ: многія географическія названія у него оставлены вовсе безъ опредѣленія; опредѣленіе другихъ онъ оставляетъ подъ сомнѣніемъ. Это происходитъ отъ того, что г. Ив. ищетъ древнихъ поселеній прямо на современныхъ картахъ, а не слѣдитъ за судьбою ихъ по историческимъ даннымъ. Лучше другихъ обработаны главы, трактующія о политической исторіи страны, хотя онѣ представляютъ собственно сводъ того, что уже сдѣлано въ монографіяхъ. Но и здѣсь, напр., мать Витовта у него Іуліанія (стр. 253, со ссылкой на „Исторію" Брянцева, но у Брянцева такой ошибки нѣтъ). Эпоха литовскаго завоеванія—очерчена слабо; на причинахъ послѣдняго—авторъ совсѣмъ не останавливается, пропускаетъ иногда важные вопросы (напр., о договорахъ 1366 г.—нѣсколько словъ) и пр. Г. Ив. избралъ предметомъ своей работы область, о которой уже написано нѣсколько общихъ трудовъ и рядъ отдѣльныхъ монографій, а потому отъ новой работы слѣдовало бы ожидать разъ-

ясненія спорныхъ вопросовъ, постановки новыхъ и др. Но въ этомъ отношеніи книга г. Ив. даетъ мало интереснаго.

Г. Оссовскій. Отчетъ (4-й) объ археологической экскурсіи въ Галиціи, въ 1892 г. („Zbiór wiadomości do antropologii Krajowej", t. XVIII. Krakow, 1895). Съ 21 рис. и планомъ. Членъ Московскаго Археологическаго Общества Готфридъ Оссовскій, польскій археологъ, принимавшій участіе и въ русскихъ археологическихъ съѣздахъ, давно пріобрѣлъ себѣ солидную извѣстность своими археологическими изслѣдованіями не только въ Галиціи, но и въ русской Польшѣ и въ Малороссіи. Цѣлый рядъ научныхъ отчетовъ о произведенныхъ имъ въ теченіе многихъ лѣтъ археологическихъ раскопкахъ достаточно свидѣтельствуютъ на страницахъ почти каждаго тома означеннаго изданія Краковской Академіи о необыкновенной пунктуальности и добросовѣстности этого почтеннаго изслѣдователя, и было бы очень желательно, чтобы его цѣнные труды по археологіи были собраны воедино и выпущены отдѣльнымъ изданіемъ и такимъ образомъ сдѣлались болѣе доступными и для русскихъ археологовъ.

Въ означенномъ отчетѣ г. Оссовскій заканчиваетъ начатое въ XVI томѣ „Zbiora" описаніе своихъ изслѣдованій, произведенныхъ въ 1891—1892 гг. въ мѣстности Bilcze-Ztote, въ имѣніи кн. Льва Сапѣги, въ восточной Галиціи, гдѣ имъ открыты два могильника съ такъ названными имъ „кирпичными могилами" подобными имъ же изслѣдованнымъ могильникамъ въ мѣстностяхъ Wasylkowce и Wygnanka, описанными имъ въ тт. XIV и XV того же изданія. Названіе „кирпичныхъ могилъ" заимствовано отъ способа ихъ устройства, а именно, такія могилы бываютъ сложены изъ безформенныхъ кирпичей, вѣрнѣе глыбъ пережженной глины, и всегда заключаютъ въ себѣ остатки трупосожженія, а также большое количество керамическихъ издѣлій (посуда, иногда теракотовыя фигурки), каменныя орудія и издѣлія изъ кости, преимущественно оленя и серны, при полномъ отсутствіи издѣлій изъ металла. Не останавливаясь подробно на ходѣ раскопокъ и на описаніи найденныхъ вещей, мы резюмируемъ только одни общія данныя, какими заключаетъ свой отчетъ г. Оссовскій. Въ исторіи этого рода могилъ онъ различаетъ двѣ эпохи: болѣе раннюю и болѣе позднюю, при чемъ обѣ эпохи различаются только устройствомъ самыхъ могилъ, но не находками, которыя остаются одинаково характерными для тѣхъ и другихъ.

Типъ кирпичной могилы болѣе *ранняго періода* представляетъ собою яму до 2—2$^1/_2$ метр. глубины, куда складывались прямо на землю пережженные остатки умершаго вмѣстѣ съ принадлежавшими ему вещами. Все это обкладывалось известковой массою и покрывалось глиняной посудою или хоть черепкомъ, а затѣмъ засыпалось слоемъ пепла, оставшагося отъ сожженія покойника. Все это мѣсто обставлялось въ ямѣ нѣсколькими глыбами пережженной глины, и, наконецъ, вся яма засыпалась землею. Иногда вмѣсто того, чтобы класть останки на землѣ и покрывать посудою, ихъ складывали въ самой посудѣ, присыпали ее пепломъ и засыпали землей; въ этомъ слу-

чаѣ подъ посудину для ея устойчивости обыкновенно подкладывалась плитка такой же обожженной глины.

Эта простѣйшая форма могилъ съ теченіемъ времени въ *позднѣйшемъ періодѣ* развилась въ болѣе сложную, съ развитіемъ культа и техники. Останки сожженнаго покойника уже не складывались въ кучу на землѣ, а собирались въ горшокъ или въ нѣсколько посудинъ вмѣстѣ съ вещами и пепломъ, и уже не посуду обставляли кирпичами, а старательно обкладывали, вѣрнѣе обставляли ими всѣ стѣнки могилы и сверху клали большія глыбы въ качествѣ крышки. Такая могила, устроенная болѣе прочно, не превышаетъ уже глубины 1 метра подъ поверхностью земли. Могилы этого послѣдняго типа обыкновенно, благодаря своему устройству, тѣсно примыкаютъ одна къ другой, между тѣмъ какъ могильники болѣе ранняго періода состоятъ изъ разрозненныхъ могилъ.

Какъ тѣ, такъ и другія одинаково относятся къ неолитическому вѣку, судя по находкамъ, ихъ характеризующимъ. Это именно кремневые нешлифованные ножи, гроты, стрѣлки, кремневые же гладкіе топорики; далѣе шилья, лопатки и др. издѣлія изъ рога оленя и серны; наконецъ, различныя гончарныя издѣлія примитивной ручной лѣпки. Эти послѣднія издѣлія въ такихъ могилахъ обращаютъ на себя особенное вниманіе и по матеріалу, и по способу выдѣлки, и по орнаментикѣ. Глиняная масса для нихъ приготовлялась на подобіе массы древнегреческихъ издѣлій; типичная ихъ форма и способъ обжиганія также напоминаютъ древнегреческіе пріемы; наконецъ, орнаментація *красками* и мотивы рисунковъ какъ будто указываютъ на связь съ греческимъ міромъ. Г. Оссовскій заключаетъ отсюда, что народъ, которому принадлежали эти издѣлія, уже въ древнюю эпоху неолитическаго періода имѣлъ сношенія съ греческимъ востокомъ и воспринималъ вліяніе высшей культуры, сказавшееся въ особенности въ болѣе легкой и узкой области керамики. Эта культурная связь могла начаться уже въ очень отдаленныя времена греческой колонизаціи, простиравшейся до прибрежій Чернаго Моря и далѣе до береговъ Днѣстра, въ періодъ до VII вѣка до Р. Хр. Вся область бассейна Днѣстра, или такъ называемое Подольское Покутье, по своимъ археологическимъ находкамъ носитъ на себѣ всѣ характеристическія черты той особенной культуры, которая такъ ясно сказывается въ такъ называемыхъ „кирпичныхъ могилахъ".

Остаются на нашъ взглядъ невыясненными два вопроса по отношенію къ этому способу погребенія. Во-первыхъ: что это за кирпичи? приготовлялись ли они для этой цѣли спеціально, т. е. обжигались отдѣльно, или же скорѣе это тѣ глыбы земли и глины, которыя клались въ основаніе костра и при сжиганіи покойника сами собою обжигались, а затѣмъ онѣ же брались для устройства могилы. Во-вторыхъ, въ какомъ отношеніи находятся этого рода могилы, съ примѣненіемъ кирпичей, къ такъ называемымъ „каменнымъ могиламъ", которыя находятся въ изобиліи и у насъ въ западной Россіи и въ Галиціи, и въ которыхъ вмѣсто кирпича совершенно такую же роль

играютъ большія каменныя плиты въ устройствѣ стѣнокъ и покрытія могилы. Можетъ быть, къ землянымъ и глинянымъ глыбамъ по необходимости прибѣгали въ тѣхъ случаяхъ, когда камня не было подъ рукою; въ такомъ случаѣ „кирпичныя могилы“ слѣдуетъ признать лишь за варіаціи „каменныхъ могилъ“, и хотя очень возможно, что оба эти типа, судя по находкамъ, относятся къ разнымъ временамъ, но во всякомъ случаѣ между ними, вѣроятно, существуетъ извѣстная генетическая связь.

Н. Янчукъ.

И. Н. Смирновъ. Мордва (историко-этнографическій очеркъ). Казань. 1895 г. (8°, стр. VI+291+5). „Мордва“ г. Смирнова представляетъ какъ и предшествующіе очерки его „Черемисы“, „Вотяки“ и „Пермяки“ сводъ данныхъ, касающихся описываемой народности, критическую оцѣнку и сведеніе ихъ въ научную систему. На страницахъ „Археологическихъ Извѣстій“ едва ли умѣстно говорить объ общемъ значеніи для финновѣдѣнія названнаго труда казанскаго профессора, такъ какъ „Мордва“ обогащаетъ крупнымъ вкладомъ нашу *этнографическую* литературу. Но гл. 1-ая „Очеркъ исторіи“ (стр. 1—113) касается вопросовъ, рѣшеніе которыхъ составляетъ одну изъ важнѣйшихъ задачъ археологіи—именно опредѣленія какъ первоначальныхъ мѣстъ жительства различныхъ народностей, такъ и основной культуры ихъ, насколько она является самобытной или заимствованной, равно и вліянія разнообразныхъ сосѣдей на бытъ народности (въ данномъ случаѣ мордвы). Авторъ приступаетъ къ рѣшенію этихъ вопросовъ, пользуясь матеріалами, которые даетъ языковѣдѣніе, исторія и археологія, и на основаніи ихъ начерчиваетъ какъ историческія судьбы мордвы, такъ и ея культуру. Менѣе всего однако оказываютъ автору поддержку археологическія данныя, которыя должны были бы стоять въ этомъ отношеніи одними изъ первыхъ, что объясняется крайней недостаточностью нашихъ археологическихъ изслѣдованій въ районѣ обитанія мордвы. Обзоръ археологической литературы приводитъ автора къ справедливому, но крайне печальному выводу: „обширная территорія, намѣченная нами на основаніи мѣстныхъ названій (древняя территорія мордвы), представляетъ въ отношеніи археологическомъ почти нетронутое поле. Раскопки болѣе или менѣе научнаго характера производились въ какихъ-нибудь 3—4 пунктахъ; весь остальной археологическій матеріалъ добытъ или путемъ случайныхъ находокъ или черезъ третьи-четвертыя руки отъ хищниковъ, которые искали въ курганахъ кладовъ. Мы не имѣемъ даже права сказать, что располагаемъ точными свѣдѣніями о количествѣ и мѣстонахожденіи памятниковъ, подлежащихъ археологическому изслѣдованію въ будущемъ“. При такомъ состояніи нашей литературы о древностяхъ края мы не можемъ осуждать автора за то, что попытки его освѣтить вопросы о древней культурѣ мордвы на основаніи археологіи не могутъ быть признаны вполнѣ удачными. Авторъ приписываетъ, напр., Рыбкинскій могильникъ (Краснослободск. у.) мордвѣ-мокшѣ, а извѣст-

ный Лядинскій могильникъ — мордвѣ-эрзѣ, при чемъ случаи похороннаго обряда посредствомъ сожиганія покойника, которые встрѣчаются въ послѣднемъ могильникѣ, онъ приписываетъ буртасамъ. Естественно, что для опредѣленія съ такою точностью національности, оставившей слѣды въ могильникахъ, требуется болѣе обширный матеріалъ, чѣмъ тотъ, которымъ располагаетъ авторъ, и прежде всего, конечно, сравненіе находокъ изъ указанныхъ могильниковъ съ другими аналогичными, изслѣдованными и не на предполагаемой г. Смирновымъ древней территоріи мордвы; такое сравненіе прежде всего воспрепятствовало бы автору вводить въ Лядинскій могильникъ новую народность (буртасъ), такъ какъ одновременное господство обоихъ погребальныхъ обычаевъ (погребеніе и сожженіе) извѣстны и изъ другихъ могильниковъ, аналогичныхъ Лядинскому. Далѣе, вслѣдствіе того, что трудъ г. Смирнова печатался въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ Изв. Казанск. Общ. Археологіи, Исторіи и Этнографіи (съ 1892 г.), ему остались, повидимому, неизвѣстными нѣкоторыя работы, дающія немаловажные результаты для изученія археологіи интересующаго его края: г. Смирновъ не пришелъ бы къ утвержденію, что, напр., въ немъ не было найдено бронзовыхъ орудій. Недостатки, которыми страдаетъ археологическая часть труда г. Смирнова, не умаляетъ, конечно, значенія его работы въ цѣломъ, къ тому же указанные недостатки объясняются главнымъ образомъ недостаточностью самого матеріала. Нельзя однако не оттѣнить, что сводки археологическаго матеріала, подобныя предпринятой авторомъ „Мордвы", полезны уже въ томъ отношеніи, что, если ими и не достигается положительныхъ результатовъ—онѣ нагляднѣе всего доказываютъ, какая большая работа предстоитъ еще русской археологіи, прежде чѣмъ собранныя ею данныя позволятъ идти при рѣшеніи кардинальныхъ вопросовъ о русскихъ древностяхъ дальше простыхъ догадокъ. *Н. Х.*

Записки наукового товариства імени Шевченка. Видавництво присьвячене науці і письменству україньско-руского народу. Впорядкував Михайло Грушевський (У Львові, 1895 г.), т. V—VIII. Въ прошлогоднихъ книжкахъ галицкаго ученаго органа помѣщенъ рядъ замѣтокъ и нѣсколько статей, имѣющихъ связь съ археологіей. Въ V т. г. Грушевскій помѣстилъ документъ 1473 г. — дарственную (на русскомъ яз.) Данилы Дамбоговича нѣкоему Шандырю на дворище по р. Сукиль съ обязательствомъ службы военной (стр. 2, Miscellanea). Въ VI т. г. Грушевскій помѣстилъ небольшое описаніе недавно открытаго Архива при Варшавской Казенной Палатѣ. Замѣтка эта, хотя и очень коротенькая, но имѣетъ большое значеніе: объ этомъ архивѣ до сихъ поръ въ наукѣ нѣтъ сколько-нибудь опредѣленныхъ свѣдѣній. Въ отдѣлѣ Miscellanea того же тома — нѣсколько замѣтокъ того же автора: „Статутъ друкований" (небезполезное разъясненіе: на основаніи плохо напечатаннаго Новицкимъ въ Арх. Юго-Зап. Р. текста „статутъ друкованый" вм. „децъкованый" г. Леонтовичъ построилъ предположеніе о появленіи печатнаго Статута до 1568 г.; г. Грушевскій свѣрилъ это мѣсто

съ метрикой), „Київський каштелянъ и козаки“ (грамота 1570 г.), „Слобода Полтава в 1630 г.“ Въ VII т. г. Грушевскій помѣстилъ любопытное описаніе Подольскихъ замковъ 1494 г.—самый древній документъ въ этомъ родѣ (стр. 1—18). Здѣсь же замѣтка г. Шуровскаго о началѣ Почаевской печатни. Въ VIII т. д-ръ Ив. Франко помѣстилъ начало изслѣдованія о Варлаамѣ и Іосафѣ съ приложеніемъ неизданныхъ текстовъ. Здѣсь же статья г. Грушевскаго „Похвала в. кн. Витовта“: сопоставленіе извѣстной похвалы Витовту въ литовско-русскихъ лѣтописяхъ съ недавно изданной проф. Соболевскимъ въ IX т. „Чтеній“ Истор. Общ. Нестора Лѣт. записью изъ рукописнаго сборника словъ Исаака Сирина, содержащей тоже эту похвалу. Авторъ приходитъ къ заключенію, что „Похвала Витовту“—отдѣльное сказаніе. Въ отд. Miscell. замѣтки того же автора: „Примітки до тексту Галицько-волиньскоі літописи“ (коньектуры нѣсколькихъ темныхъ мѣстъ) и „Надане Оришевському Копистерина та Гайсина“ (документъ 1577 г.). Къ вещественной археологіи относится въ настоящемъ изданіи ст. г. Грушевскаго „Похоронне поле каменнаго вѣку в с. Чехах (пов. Брідський)“ (въ VI и VII томахъ). Раскопки производилъ д-ръ Шараневичъ. Похоронное поле находится на дорогѣ изъ с. Чеховъ въ Олеско (недалеко отъ жел. дор. изъ Львова въ Броды) на небольшомъ возвышеніи въ 30 — 40 метровъ въ діаметрѣ. Здѣсь найдены: глиняные кувшины съ широкими горлышками, бронзовый спиральный браслетъ (на рукѣ), бронзовая фибула, шпилька, кремневый ножикъ, каменная стрѣлка, пилочка. На полѣ найдено нѣсколько костяковъ. Д-ръ Шараневичъ раскопалъ 5 костяковъ; нѣсколько раскопано самимъ г. Грушевскимъ. Положеніе ихъ—головою на сѣв.-западъ; при костякахъ встрѣчаются глиняные сосуды, иногда вставленные одинъ въ одинъ; орнаментъ — линіи и дырочки; при двухъ костякахъ встрѣтились кремневый ножикъ и кремневый фрагментъ. Въ раскопкѣ г. Грушевскаго встрѣтилась также и желѣзная шпилька и даже ножикъ. Впрочемъ, замѣтка объ этихъ раскопкахъ очень кратка, безъ рисунковъ. Въ заключеніе нашего обзора содержанія журнала нельзя не отмѣтить, что въ журналѣ ведется подробная научная хроника (обзоръ журналовъ) и библіографія. Содержаніе журнала разнообразно и интересно. *М. Д.-З.*

Печатано по опредѣленію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества на основаніи § 56 его Устава.

Предсѣдатель *Графиня Уварова.*

Въ Императорскомъ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ находятся въ продажѣ слѣд. изданія:

Изданія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, Рекомендованы Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Описаніе Кіева. Соч. Закревскаго. Два тома и атласъ. 1868 г. Ц. 7 р.

Труды 1-го Археологич. Съѣзда въ Москвѣ. Два тома и атласъ. 1871 г. Ц. 25 р.

Труды III-го Археологич Съѣзда въ Кіевѣ. Два тома и атласъ. 1878 г. Ц. 10 р.

Труды V-го Археологич Съѣзда въ Тифлисѣ. Два тома. Ц. 15 р.

Труды VII-го Археологич. Съѣзда въ Ярославлѣ. Тома I, II и III по 3 р.

Труды VIII-го Археологич. Съѣзда въ Москвѣ. Томъ I. Ц. 10 р.

Тоже, томъ II. Цѣна 8 р.

Матеріалы по археологіи Кавказа; вып. 1, 2 и 3-й. Кажд. вып. по 6 р.

Тоже, вып. 4-й, М. 1894. Ц. 8 р. 50 к.

Матеріалы по археологіи восточныхъ губерній. Вып. I. Ц. 8 р.

Древности. Труды Московскаго Археологическаго Общества:

Томъ I, два выпуска. 1865—67 г., ц. 6 р.
" II, три выпуска. 1869—70 г., ц. 6 р.
" III, три выпуска. 1870, 71 и 73 гг. Ц. 6 р.
Томъ IV, три выпуска. 1874 г. Ц. 8 р.
" V, 1885 г. Ц. 6 р.
" VI, три выпуска. 1875—76 г. Ц. 6 р.
" VII, три выпуска. 1877—79 г. Ц. 8 р.
" VIII, 1870 г. Ц. 8 р.
Приложеніе къ VIII тому:
Пятый Археологич. Съѣздъ. Труды предсѣдател. Комитета. 1882 г. Ц. 6 р.
Томъ IX, три выпуска. 1882—83 г., ц. 8 р.
" X, 1885 г. Ц. 8 р.
" XI, три выпуска. 1886—87 г. Ц. 8 р.
" XII, два выпуска. 1888 г. Ц. 8 р.
" XIII, два выпуска. 1889—90 г. Ц. 8 р.
" XIV, 1890 г. Ц. 7 р.
" XV, два выпуска. 1894 г. Ц. 8 р.

Древности Восточныя. Томъ I, Ц. 12 р.
Отдѣльно Т. I, 1 выпускъ 1889 г. Ц. 4 р.
" Т. I, 2 выпускъ 1891 г. Ц. 4 р.
" Т. I, 3 выпускъ 1893 г. Ц. 4 р.

Незабвенной памяти Графа А. С. Уварова. Рѣчи, прочитанныя въ соединенномъ засѣданіи ученыхъ обществъ 28 февраля 1885 г. (съ портретомъ Графа А. С. Уварова). 1885 г. Брошюра. Ц. 75 к.

Историческая записка о 25-лѣтней дѣятельности Моск. Арх. Общества. Ц. 2 р.

Памяти Н. С. Тихонравова. М. 1894 г. Ц. 2 р.

Уступка гг. членамъ Общества 20%, библіотекамъ учебныхъ заведеній - 25%, книгопродавцамъ — 30%.

Изданія графа Уварова:

Археологія Россіи. Каменный періодъ. Соч. графа А. С. Уварова. Два тома. 1881 г. Ц. 18 р.

Меряне и ихъ бытъ. Соч. гр. А. С. Уварова. Одинъ томъ и атласъ. 1872 г. Ц. 8 р. (нѣтъ въ продажѣ).

Каталогъ собранія древн. гр. А. С. Уварова. Вып. I и II (въ одной книгѣ): Древности каменнаго и металлическаго вѣка, съ портр. гр. А. С. Уварова и 35 табл. рис. 1887 г. Ц. 4 р.

Вып. VII. Монеты Воспорскаго царства и древне-греческихъ городовъ, находившихся въ предѣлахъ нынѣшней Россіи, съ 5 таблицами. Состав. А. Орѣшниковъ. 1887 г., ц. 3 р.

Архим., Леонидъ. Систематическое описаніе Славяно-Россійскихъ рукописей собранія гр. А. С. Уварова, 4 т. М., 1893—94 г. Ц. 15 р.

Каталогъ Спасо-Преображенскаго монастыря въ Ярославлѣ, ц. 9 р. 50 к.

Византійскій Альбомъ - посмертное изд. гр. А. С. Уварова. Т. I. 1889 г. Ц. 15 р.

Уступка книгопродавцамъ и библіотекамъ учебныхъ заведеній 25%.

Продаются въ собственномъ домѣ Общества, въ Москвѣ, на Бересневѣ, у Большаго Каменнаго моста.

Кавказъ. 2 тома. Ц. 3 р.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

выходятъ въ 1896-мъ году (4-й годъ изданія) по той же программѣ и въ томъ же объемѣ.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія рекомендованы для фундаментальныхъ библіотекъ учебныхъ заведеній Министерства.

Подписная цѣна съ пересылкою и доставкою въ годъ ТРИ (3) рубля.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Для **московскихъ** подписчиковъ:

1) Въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ, Берсеневская набережная, собств. домъ, ежедневно отъ 10 до 1 часу и въ часы засѣданій.

2) У А. В. Орѣшникова, Историческій музей, на Красной площади, ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 1 до 4-хъ.

3) Въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Моховая, противъ Стараго Университета, д. Коха (и его иногородн. отд.).

4) Въ книжномъ магазинѣ А. Ланга, на Кузнецкомъ мосту.

Иногородніе подписчики благоволятъ присылать подписные **три** рубля **исключительно** въ Императорское Московское Археологическое Общество (Москва, Берсеневская набережная, собств. домъ).

Подписчики, **не получившіе** выпуска или **перемѣнившіе** свое мѣсто жительства, благоволятъ обращаться съ заявленіями исключительно въ Московское Археологическое Общество.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція обращается съ просьбою ко всѣмъ прежнимъ сотрудникамъ журнала и ко всѣмъ любителямъ старины присылать свѣдѣнія о раскопкахъ, случайныхъ находкахъ древностей, объ имѣющихся въ частныхъ рукахъ выдающихся предметахъ древности — церковныхъ и бытовыхъ, рукописяхъ и т. п., а также газетныя извѣстія, заключающія свѣдѣнія археологическаго характера (отдѣльными №№ или просто вырѣзками съ помѣтою, изъ какой газеты и отъ какого числа); особенно желательны №№ провинціальныхъ газетъ.

Письма и посылки просятъ адресовать: въ Москву, въ Императорское Московское Археологическое Общество, Берсеневская набережная, с. д., въ редакцію „Археологическихъ Извѣстій и Замѣтокъ."

LIBRARIES
Stacks
JUL 14 1980

M6

1896 г. № 4

Археологическія Извѣстія и Замѣтки

издаваемыя

Императорскимъ

Московскимъ Археологическимъ Обществомъ

подъ редакціею

графини П. С. Уваровой.

№ 1.

Москва
Товарищество типографіи А. И. Мамонтова
Леонтьевскій пер., д. Мамонтова
1896

СОДЕРЖАНІЕ № 4.

Стр.

I. **Графъ А. С. Уваровъ.** Рисунокъ символической школы XVII вѣка (табл. IV). 93

II. **М. В. Никольскій.** Фальшивая клинообразная надпись изъ Эриванской губерніи (табл. V). 99

III. **М. Н. Сперанскій.** Къ вопросу о чешскихъ придорожныхъ крестахъ. 105

IV. Археологическая хроника. 107

V. Засѣданія Обществъ 117

VI. Библіографія 120

VII. Некрологи. 128

04092

ИЗДАВАЕМЫЯ
ИМПЕРАТОРСКИМЪ МОСКОВСКИМЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ

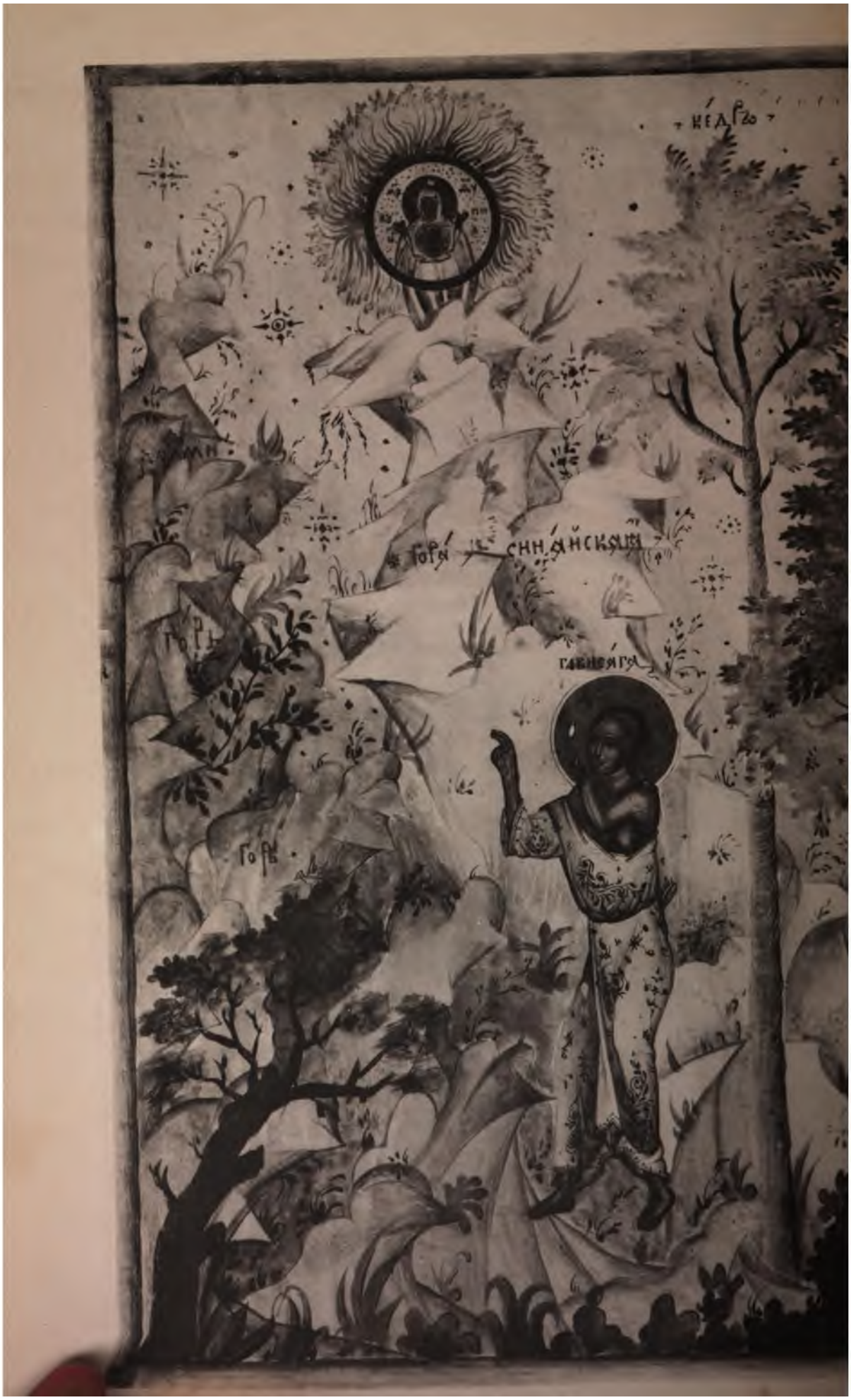
I.

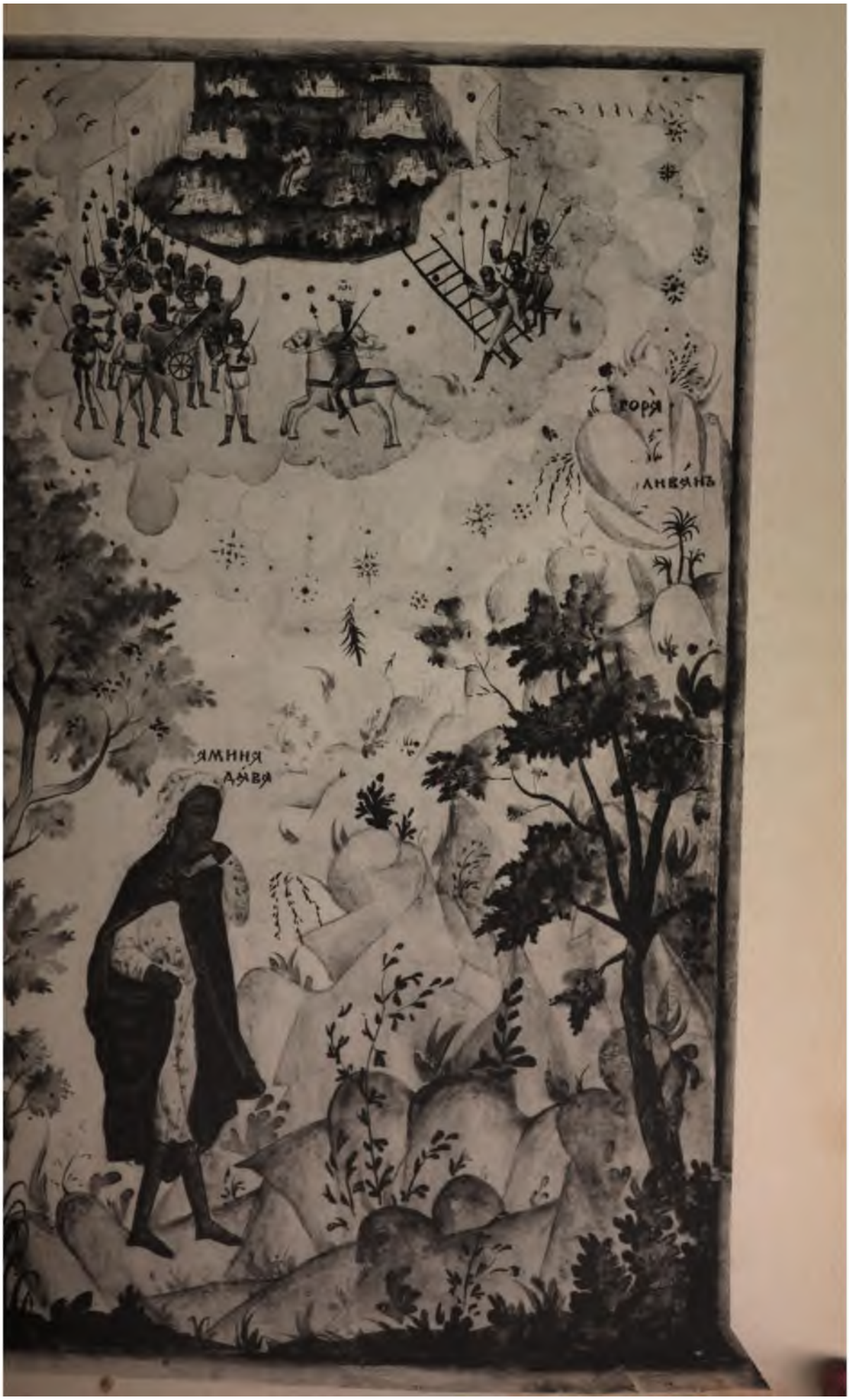
Рисунокъ символической школы XVII вѣка.

(Изъ бумагъ покойнаго графа А. С. Уварова).

Н. В. Киселевъ между разными старинными бумагами, пріобрѣтенными случайно, нашелъ рисунокъ, который мнѣ сообщилъ, по ясному символическому характеру этого рисунка (см. табл. IV). Писанный акварелью на бѣлой бумагѣ, онъ не только по манерѣ письма напоминаетъ работу нашихъ иконописцевъ, но въ особенности выказываетъ ихъ кисть въ накладкѣ золота на одежды и въ позолотѣ вѣнцевъ. Г-ну Киселеву хотѣлось узнать объясненіе содержанія этого рисунка. Долго я объ немъ думалъ, и все-таки значеніе его оставалось для меня загадочнымъ; и долго, вѣроятно, я не дошелъ бы до объясненія, если бы нечаянно не нашелъ въ одной изъ своихъ рукописей точное его толкованіе. Рѣдко случается найти вещественный памятникъ и вмѣстѣ тутъ же открыть письменный памятникъ, вполнѣ объясняющій его. Между тѣмъ объясненіе это тѣмъ въ особенности важно, что раскрываетъ намъ способъ толкованія нашихъ символиковъ XVII вѣка и доказываетъ, какъ можно заключить изъ сохранившагося рисунка, что они и живописью передавали свои словесныя толкованія. Вся картина раздѣлена

тремя большими деревьями, занимающими всю ея вышину, на двѣ части. На одномъ деревѣ, помѣщенномъ направо отъ другихъ, написано „*кедръ*“, на двухъ другихъ—„*грезнъ*“. Изображенія этихъ деревьевъ далеко не соотвѣтствуетъ ихъ естественному виду; художникъ хорошо сдѣлалъ, что снабдилъ ихъ объяснительными надписями. Кедръ отличается отъ грезна, или винограда, чернымъ стволомъ, а виноградъ нарисованъ толстоствольными деревьями, съ густою обширною листвою. Такое подраздѣленіе картины на двѣ части вызвало художника на систематическое распредѣленіе остальныхъ предметовъ между этими двумя частями и сверхъ того заставило его подчиниться символическому правилу о значеніи правой и лѣвой стороны. На той и другой размѣстилъ онъ горы, объяснивъ ихъ надписями: „хольми (sic) горы“. Главныя горы опредѣлилъ онъ подробными надписями: на правой, или хорошей сторонѣ находится „гора Синайская“; на лѣвой, или дурной сторонѣ—„гора Ливанъ“. При этомъ любопытно замѣтить, что на правой, или хорошей сторонѣ имена написаны преимущественно золотомъ, а на лѣвой сторонѣ—черною краскою. Разныя деревья и растенія самаго причудливаго вида украшаютъ скалистые склоны этихъ горъ; а на горѣ Ливанской русскій художникъ вмѣстѣ съ пальмами помѣстилъ и родную ёлку. На вершинѣ горы Синайской представлена Неопалимая Купина, въ видѣ Знаменія Пр. Богородицы на серединѣ огненнаго круга. Надъ горою Ливанъ, въ небесной средѣ, представлены соборы и церкви, обнесенные высокою стѣною. На серединѣ, между этими церквами, сидитъ мужчина, съ вѣнцемъ вокругъ головы и въ бѣлыхъ ризахъ, оттѣненныхъ красною краскою. Лѣвою рукою онъ упирается на посохъ. Снаружи стѣны осаждаютъ воины, вооруженные копьями и мечами. Одни приставляютъ лѣстницу, другіе подвозятъ пушку. Надъ ними начальствуетъ царь, въ золотой коронѣ, верхомъ на бѣломъ конѣ и также вооруженный мечемъ и копьемъ. На доличной части этой картины нарисованы двѣ женскія фигуры, уже по величинѣ своей показывающія, что онѣ—главные предметы всей картины. На правой сторонѣ стоитъ молодая женщина въ бѣлой одеждѣ, съ обнаженнымъ лѣвымъ плечомъ. Приподнятая лѣвая рука закинута такъ на правое плечо, что видна часть груди. Русые волосы прядями спускаются на шею. Вокругъ головы золотой вѣнецъ. Ноги въ золотыхъ сандаліяхъ. Надъ этою фигурою написано: „Гависага“. На другой сторонѣ картины, на лѣвой, стоитъ также женщина, но безъ вѣнца вокругъ главы. Длинные ея волосы увязаны бѣлымъ платомъ вродѣ чалмы. На исподней одеждѣ, болѣе мужской, чѣмъ женской, бѣлаго цвѣта, накинуто корзно, или плащъ, краснаго цвѣта съ золотыми рисунками. На ногахъ—вы-


КЕДРЪ
ГОРА СИНАЙСКАЯ
ГАВНЯГА
ГОРЪ
ГОРЪ


горя
ливянъ
яминя
дѣва

(т) Въчлвчине слова Бжїа и бысть вкоупѣ Бгъ и члкъ.

Гависага?

(т) Гависага есть заповѣди иже приимше вѣрніи съвершаютсѧ вжизнь вѣчнѣй. И съсца же есть новый законъ, а стекшеесѧ млеко — оучение стыхъ книгъ, и еще ѿ съсцю тою напившисѧ истекающаго млека — ревше наоучившисѧ ѿ сты книгъ дшеполезнꙋ оученню и приимъ заповѣди ѡвращени поуть вѣдоуще тѧ в жизнь вѣчноую.

Аминадава же имѣщі нозѣ в сапозѣхъ?

(т) Вѣра во оучении еуѧлтѣмъ хрстїаныхъ ѧзыкъ.

Гр же ти есть великъ но мнѣ малъ?

(т) Великъ градъ есть весь миръ (міръ), а малый цркви.

Мало же в ней моужии преде злый ірь ѡбьстꙋпи градъ хотѧ его взѧти?

(т) То есть диаволъ хотѧ люди соблазнити и ввести въ моукоу вѣчноу, идеже самомоу емоу моучимоу быти.

Моужъ есть ницѣ и мръ спасаа градъ и люди?

(т) Хсъ сїтель всемоу мироу.

Гора же есть Синайскаа?

(т) Стаа Біца а коупина—оутроба двыа.

А ѡгнь неѡпаливый коупины?

(т) Сшедше слово Бжїе неѡпаливше двыа оутробы но причтосѧ плоти и бысть вкоупѣ Бгъ и члкъ.

Лива (Ливанъ) же гора жртвице идольское преже было нинѣ же стымъ жилище праведныхъ дшъ и множество стыхъ ꙗко финикы процвѣтоша блгоꙋхаино пророкъ же рече: првдникъ ꙗко финикъ процвѣте ꙗко кѣдръ иже в Ливанѣ оумножитъ Хсъ во процвѣтѣ ꙗко финикъ а стїи оумножатсѧ ꙗко кѣдри.

Приведенное тутъ толкованіе весьма ловко обставлено историческою рамкою; оно начинается посольствомъ Іоаса, царя израильскаго къ Амасіи, царю іудейскому. О подобномъ посольствѣ говорится въ четвертой книгѣ Царствъ (XIV, 9) и во второй книгѣ Паралипоменонъ (XXV, 18): „И посла Іоасъ, царь Исраилевъ къ Амасіи, царю „Іудину, глаголя: Тернъ (ἀκχοῦχ, cardnus) иже въ Ливанѣ посла ко „кедру Ливанску, глаголя: даждь дщерь твою сыну моему въ жену, и „се пріидутъ звѣріе, иже въ дубравѣ Ливанстѣй. И пріидоша звѣріе „и потопташа тернъ“. Описанныя сношенія обоихъ царей, даже можетъ быть и символическое содержаніе самого посольства побудили

нашего автора представить, что Іоасъ посылаетъ къ Амасіи спросить объясненіе загадочнаго для него символа. Онъ въ этомъ подражалъ уже общепринятому обыкновенію. Изъ лицъ ветхаго завѣта мы видимъ Соломона, рѣшающаго загадки царицы Савской, и въ средневѣковой, но преимущественно въ скандинавской литературѣ, мы встрѣчаемъ много тому примѣровъ: Одинъ и Вафтрудниръ, Торъ и карло Алвисъ и др. Вообще искони вѣку считали загадку, какъ способъ испытанія умственныхъ способностей другихъ Въ нашемъ толкованіи загадка замѣнена символомъ; объяснить его авторъ считаетъ также труднымъ, какъ отгадать загадку. По первому вопросу: „грезнь глаголемый что есть?“ предложенному Іоасомъ, видно, что авторъ имѣлъ передъ глазами рисунокъ, подобный нашему, и что прежде всего обратилъ вниманіе на виноградъ, какъ на главное растеніе, раздѣляющее всю картину на двѣ части. Въ отвѣтъ, послѣ объясненія значенія винограда, говорится о кедрѣ, стоящемъ возлѣ винограда, потомъ уже обращаются къ двумъ главнымъ фигурамъ на правой и лѣвой сторонѣ картины. Ависага олицетворяетъ новозавѣтную Церковь и въ противоположность къ ней Аминадава олицетворяетъ ветхозавѣтный законъ и Синагогу. *Ависага*, по всему, что мы про нея знаемъ изъ 3 Царствъ гл. 1 и 2, можетъ дѣйствительно служить олицетвореніемъ чистоты тѣлесной. Избранная между всѣми дщерями израилевыми, Ависага была родомъ изъ Сумана. „И бѣ „отроковица добра видѣніемъ зѣло: и бысть грѣющи царя и служаше „ему: царь же не позна ея“. По смерти Давида, сынъ его Адоніа просилъ себѣ въ жены Ависагу, но Соломонъ, подозрѣвая, что Адоніа хочетъ жениться на Ависагѣ, чтобы потомъ искать для себя царства, отвѣтилъ матери своей: „вскую ты просиши Ависаги сумантяныни Адоніи, еще проси ему и царства“, и велѣлъ убить Адонію. Ависага, какъ идеалъ дѣвственной чистоты, въ бѣлой одеждѣ, съ распущенными, длинными волосами, по обыкновенію дѣвичьему, имѣетъ вокругъ главы вѣнецъ святости, служитъ олицетвореніемъ Церкви; отсюда молоко ея есть ученіе новозавѣтныхъ книгъ на томъ основаніи, что даже вода принималась всегда за символъ ученія и вѣры. Принявъ Ависагу за олицетвореніе христіанской Церкви, наши символисты хотѣли пріискать въ ветхомъ завѣтѣ другую женщину для олицетворенія Синагоги. На картинѣ написано: „Аминадава“, и въ толкованіи постоянно говорится, какъ о женщинѣ, а между тѣмъ во всемъ ветхомъ завѣтѣ не встрѣчается ни одна женщина этого имени. Наоборотъ, мы видимъ много мужчинъ, называющихся Аминадавомъ, а именно слѣдующіе:

1) Аминадавъ, изъ колѣна Іудина былъ сынъ Аарама и отецъ Наассона и Елизаветы, жены первосвященника Аарона. (2 Моис. VI, 23).

2) Аминадавъ упоминается также въ Пѣсни Пѣсней (VI, 12): „положи мя на колесницѣ Аминадавли“.

3) Аминадавъ, по первой книгѣ Паралипоменомъ (VI, 22) былъ сынъ Кааѳа и братъ Корея.

4) Аминадавъ былъ сынъ царя Саула (1 Парал. VIII, 33) и погибъ съ двумя своими братьями послѣ пораженія на горѣ Гелвуѣ (1 Парал. X, 2; 1 Царствъ XXXI, 2).

5) Аминадавъ сохранилъ въ домѣ своемъ кивотъ завѣта по возвращеніи его изъ земли Филистимской и сына его Елизара посвятили на храненіе кивота (1 Царствъ VII, 1).

Изъ одного изъ этихъ Аминадавовъ, наши символисты сдѣлали женщину Аминадаву, хотя сохранили ей мужское одѣяніе и высокіе сапоги. Воспоминаніе о послѣднемъ этомъ Аминадавѣ, связанное съ храненіемъ кивота завѣта, побудило ихъ, можетъ быть, принять это имя для о лицетворенія ветхозавѣтнаго закона или синагоги. При этомъ, всѣ части ея одѣянія получаютъ особое символическое значеніе, иногда не совсѣмъ удачно объясненное. Бѣлая чалма, которою увязана голова, должна означать вѣру во единаго Бога. Это объясненіе такъ непонятно, что надо предположить тутъ какой-нибудь пропускъ писца. То же самое должно предположить и при объясненіи высокихъ сапогъ, которые означаютъ вѣру въ евангельское ученіе; хотя при этомъ послѣднемъ толкованіи можно припомнить, что нога часто была употребляема въ христіанской символикѣ и что даже сапогъ имѣлъ важное значеніе у древнихъ евреевъ [1]), но въ томъ именно смыслѣ, какъ понимаетъ его самъ авторъ, я нигдѣ его не встрѣчалъ. Самое положеніе рукъ синагоги объясняется символически: „положившая лѣнивую руку подъ главу, рекше: „начало бывше, первый законъ“. Это положеніе — подпирать рукою голову съ древнѣйшихъ временъ означало грусть и печаль, и тутъ оно очень удачно примѣнено къ синагогѣ. Въ одинаковомъ положеніи представлены на монетахъ олицетворенія побѣжденныхъ странъ или городовъ, скорбящихъ о своемъ порабощеніи.

Двѣ горы означаютъ вообще у западныхъ символиковъ ветхій и новый завѣтъ. „Item montes, sanctos viros sive libros divinos significant in illo psalmista“ говоритъ Рабанусъ Маурусъ. Къ чему Брунонъ прибавляетъ: „Duos montes excelsos habemus, novum videlicet, vetus. Testamentum, ad hos autem cervi Ecclesiae refugium habent [2]).

Горы также распредѣлены на нашей картинѣ по символическому ихъ значенію. На лѣвой сторонѣ помѣщена гора Ливанъ, потому что

---

[1]) *Martigny. Dict.* Plantes des pieds. *Menzel. Christl. Symb.* Fuss.

[2]) Revue de l'art chrét. 1864. VIII pag. 589.

она: „жертвище идольское преже было“. Напротивъ того гора Синайская, одна изъ священныхъ горъ ветхаго завѣта, представлена на правой сторонѣ; на вершинѣ ея Неопалимая Купина, а въ символическомъ толкованіи авторъ принимаетъ самую гору за символъ Богородицы. Въ нашей иконографіи и теперь извѣстны иконы Пр. Богородицы, называемыя „камень нерукосѣчныя горы“. Кромѣ этихъ двухъ, слабо обозначенныхъ горъ, всѣ остальные холмы и горы, объясняются, по общепринятому толкованію, тѣмъ, что „горы суть пророцы, холми— апостоли“. Въ символикѣ на такомъ же основаніи двѣ горы вообще означаютъ ветхій и новый завѣтъ; тутъ же гора Синайская съ Неопалимой Купиною есть надежда новаго завѣта, между тѣмъ какъ Ливанъ представляетъ завѣтъ ветхій. Наконецъ надъ горою Ливанскою, въ небесной средѣ, мы видимъ олицетворенія Церкви, обнесенной стѣною. Діаволъ осаждаетъ крѣпость, а Христосъ на серединѣ основанной— спасаетъ ее и вѣрующихъ въ Него. Роскошный зеленый лугъ, съ различными растеніями, разстилающійся между бѣлокаменными церквами, напоминаетъ слова Іоанна Златоустаго о церкви: „Невѣста преубранная, Царица всѣми прелестями преукрашенная, рай растеній, лугъ богатый плодородностью“ [1]). Этимъ заканчивается символическая картина, которая во всѣхъ своихъ частяхъ представляетъ намъ судьбу ветхозавѣтной и новозавѣтной Церкви. Синагога стоитъ грустно, между тѣмъ, какъ новозавѣтная Церковь видитъ на горѣ Синайской въ Неопалимой Купинѣ предзнаменованія своего спасенія, а на небесахъ самого Христа, защищающаго основанную имъ христіанскую церковь отъ нападенія бѣсовскихъ силъ.

II.

Фальшивая клинообразная надпись изъ Эриванской губерніи.

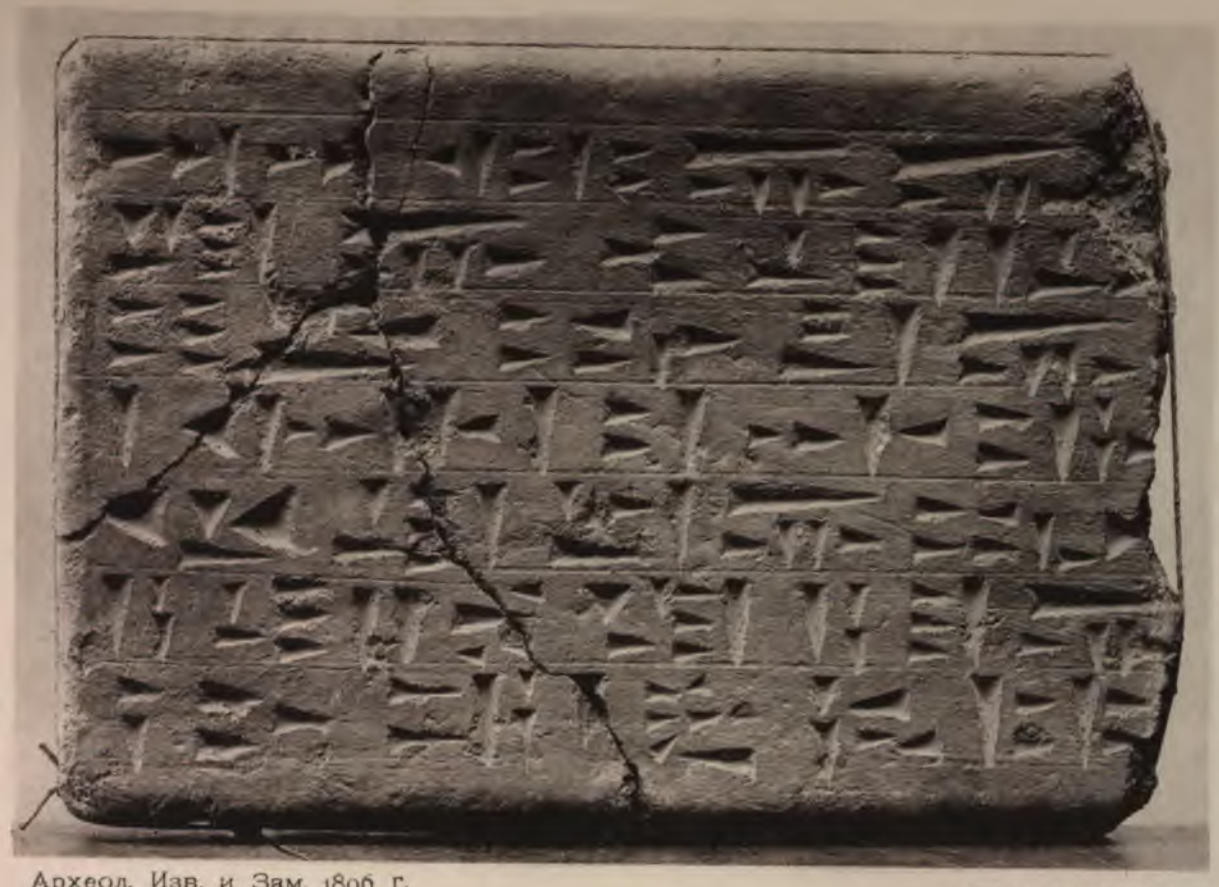
Фальсификація древностей на Востокѣ, въ Персіи и Турціи, давно уже обратила на себя вниманіе ученыхъ, которые принуждены считаться съ этимъ печальнымъ фактомъ. Преимущественно предметомъ контрафакціи являются ассиро-вавилонскія древности. Чтобы предупредить собирателей древностей и самихъ спеціалистовъ объ опасно-

[1]) Chrisost. in homil. XVIII tom V: *Νύμφη ἐστολισμένη, βασιλὶς κεκαλλωπισμένη, παράδεισος κομῶν, λειμὼν βρύων τὴν εὐκαρπίαν.*

сти, которой они могутъ подвергнуться отъ злонамѣренныхъ людей, фабрикующихъ древности и наполняющихъ ими рынки на Востокѣ, французскій ассиріологъ J. Ménant написалъ цѣлую книгу подъ заглавіемъ: Les fausses antiquités de l'Assyrie et de la Chaldée, Paris, 1888. Въ большинствѣ случаевъ всѣ эти предметы представляютъ крайне грубое, разсчитанное на полное невѣжество покупателей, подражаніе ассирійскимъ образцамъ; обличить подобный обманъ не трудно и для неспеціалиста при внимательномъ разсмотрѣніи: вмѣсто наивности рисунка, отражающаго младенческое состояніе техники, фальсификаторы обыкновенно сообщаютъ своимъ произведеніямъ крайне уродливыя, безсмысленныя формы, и приэтомъ настолько обнаруживаютъ недостатокъ техники, что не въ состояніи справиться даже съ самымъ мягкимъ матеріаломъ, въ родѣ гипса. Центромъ этого страннаго фабричнаго производства оказался, по даннымъ, добытымъ г. Менаномъ, персидскій городъ *Кербела,* гдѣ находилась мастерская, распространявшая свои издѣлія по Востоку, Европѣ и Америкѣ. Появились и у насъ въ Москвѣ и Петербургѣ произведенія этой фирмы, но они были тотчасъ же обличаемы (см. мой докладъ въ Восточной Коммиссіи 15 дек. 1887 г. „Труды Восточной Коммиссіи", т. I, вып. I, стран. 21—23, а также на VIII-мъ Археолог. Съѣздѣ въ Москвѣ).

Не смотря однако на такую борьбу съ фальсификаціей, гнусное ремесло это, повидимому, не прекращается, и отъ времени до времени намъ приходится встрѣчать новыя издѣлія персидской фабрики съ новыми рисунками и съ нѣсколько повышенной техникой. Очевидно, фабрика старается совершенствовать свои издѣлія.

Къ несчастію, фабрикація клинообразныхъ надписей возникла и у насъ на Кавказѣ. Мѣстные герои легкой наживы не могли не замѣтить, какое вниманіе привлекаютъ къ себѣ клинообразныя надписи, собранныя въ Эчміадзинѣ, и попадающіяся тамъ и сямъ на скалахъ, со стороны какъ иностранныхъ, такъ и русскихъ ученыхъ, которые, не жалѣя силъ и средствъ, старались ихъ изучить, сфотографировать, какую огромную цѣнность придаютъ открытію новыхъ подобныхъ памятниковъ. Но здѣсь для фальсификаціи представилось особое затрудненіе, которое нужно было преодолѣть въ самомъ началѣ. Клинообразныя надписи на Кавказѣ находятся только на скалахъ и небольшихъ (сравнительно) камняхъ, входившихъ въ составъ построекъ, какъ строительный матеріалъ; всѣ онѣ имѣютъ, слѣдовательно, монументальный характеръ. Поддѣлка такихъ надписей весьма затруднительна, почти невозможна; не менѣе труденъ и сбытъ такихъ монументовъ, если они вѣсятъ отъ 5 до 50 пудовъ. Предметовъ искусства и домашняго быта, имѣющихъ клино-



Археол. Изв. и Зам. 1896 г.

Фототипія Шерер, Набгольцъ и К°, Москва

Фальшивая клинообразная надпись изъ Эриванской губ.

образныя надписи ванскаго (урартскаго) происхожденія, равно какъ книжной литературы въ формѣ табличекъ въ родѣ ассирійскихъ, до сего времени не было находимо ни въ Русской, ни въ Турецкой Арменіи, между тѣмъ только такого рода предметы, мелкіе и удобно переносимые, легко могутъ сдѣлаться предметомъ поддѣлки и сбыта. Фальсификаторамъ нужно было выдумать какой нибудь новый родъ памятниковъ, до сего времени не найденный, болѣе портативный, чѣмъ глыбы камней, и украсить ихъ клинообразными надписями кавказскаго происхожденія, точно также имъ нужно было утилизовать для своей цѣли и другой матеріалъ, менѣе твердый, чѣмъ камни, образовавшіеся изъ базальтовой лавы системы Алагёза или Арарата. Эти затрудненія были устранены при помощи нѣкоторыхъ соображеній довольно ученаго характера. Фальсификаторамъ, конечно, извѣстно, что большая часть ассиро-вавилонской литературы написана на глиняныхъ дощечкахъ, что глина была единственнымъ письменнымъ матеріаломъ и замѣняла нашу бумагу; а такъ какъ народъ ванскій (урартскій) имѣлъ систему письма одинаковую съ ассирійскою, то литературные памятники его должны быть написаны также на глинѣ. Послѣднее соображеніе болѣе чѣмъ вѣроятно. Въ Палестинѣ писали же донесенія египетскому фараону его намѣстники на глинѣ, равно какъ царь неизвѣстной пока страны *Митани* писалъ на своемъ языкѣ клинообразными письменами на глинѣ. Почему же и ванскому народу, если онъ имѣлъ свою письменность, а что онъ имѣлъ, за это говорятъ надписи его царей, — не писать на глинѣ, какъ это дѣлали ассирійцы и другіе народы? Итакъ, вмѣсто каменной глыбы фальсификаторы избираютъ матеріаломъ глиняную дощечку, употребленіе которой до сего времени у ванскаго народа еще не засвидѣтельствовано ни однимъ памятникомъ. Сооружая свой памятникъ изъ глины, они хотѣли сразу убить двухъ зайцевъ: освободиться отъ непреодолимой трудности писать на камнѣ и представить ученому миру новинку, имѣющую значеніе научнаго открытія, документальное доказательство того, что у ванскаго народа была литература, какъ у ассирійцевъ, и также глиняная. Ихъ произведеніе есть первый образецъ этой литературы. Повторяю, продѣлка кавказскихъ фальсификаторовъ не лишена ученаго характера, такъ какъ направлена прямо къ тому, чтобы дать отвѣтъ на нѣкоторыя desiderata науки.

Эта глиняная контрафакція ванской эпиграфіи получена нами изъ Эчміадзина. Жертвою обмана явился прежде всего почтенный архіепископъ Месропъ, которому принадлежитъ честь открытія большой части клинообразныхъ надписей въ Закавказьѣ. Изъ селенія Молла-баязетъ,

находящагося въ верстахъ 5 отъ такъ называемаго армавирскаго холма, ему доставленъ былъ кирпичъ съ клинообразною надписью, яко-бы найденный въ развалинахъ холма. Эстампажъ съ этого кирпича онъ доставилъ Импер. Моск. Археол. Обществу, при чемъ онъ говоритъ въ своемъ письмѣ: „Въ теченіе 33 лѣтъ я въ первый разъ встрѣчаюсь съ клинообразными буквами на кирпичѣ". Другой нашъ сочленъ, почтенный о. Галустъ-тер-Мкртчьянъ, поражаясь также этой находкой, выражаетъ (въ письмѣ ко мнѣ) надежду, что, быть можетъ, теперь намъ удастся открыть въ Эриванской губ. „кирпичную библіотеку". Однакоже по эстампу, доставленному архіеп. Месропомъ, я тотчасъ же узналъ поддѣлку. Тѣмъ печальнѣе было для меня убѣдиться въ этомъ, что жертвою обмана явились два весьма заслуженныхъ армениста, съ энтузіазмомъ преслѣдовавшіе цѣль привести въ извѣстность и сохранить всѣ находящіяся въ предѣлахъ Эриванской губерніи клинообразныя надписи. Жертвуя для этой цѣли,—что мнѣ хорошо извѣстно,—своими личными средствами, безъ сомнѣнія, крайне ограниченными, оба лица эти въ концѣ концевъ не избѣгли безсовѣстной эксплуатаціи. Архіеп. Месропъ поспѣшилъ, конечно, издать эту надпись въ армянскомъ эчміадзинскомъ изданіи „Араратъ" (1895, № 21), и оттискъ текста надписи прислалъ въ Общество. Какъ въ засѣданіи Общества, такъ и въ засѣданіи Восточной Коммиссіи я выразилъ свое рѣшительное мнѣніе, основанное на фактахъ, что эта надпись есть контрафакція, но Общество, заинтересовавшись этимъ предметомъ и желая нагляднымъ образомъ провѣрить высказанное мною заключеніе, просило архіеп. Месропа прислать кирпичъ въ Общество, что онъ любезно и исполнилъ.

Вотъ данныя, обнаруженныя изслѣдованіемъ матеріала и способа обработки кирпича, въ Восточной Коммиссіи, причемъ въ этомъ дѣлѣ принималъ ближайшее участіе и мой почтенный коллега по экспедиціи въ Эриванскую губернію въ 1893 г., А. А. Ивановскій, хорошо знакомый съ древними памятниками того края и въ частности съ выдѣлкою кирпичей, находимыхъ въ древнихъ постройкахъ Эриванской губ. Размѣръ кирпича: 29,5 сант. длины, 22 сант. высоты и 5 сант. толщ. Глина, изъ которой слѣпленъ кирпичъ, обыкновенная араксская самой послѣдней формаціи, плохо обожжена и обладаетъ ничтожною плотностію, благодаря чему кирпичъ этотъ, несмотря на хорошую укупорку, разбился въ дорогѣ. При сильномъ давленіи, онъ долженъ превратиться скоро въ порошокъ, а отъ дѣйствія сырости — разложиться. Подобный матеріалъ не могъ быть въ употребленіи въ то время, когда кирпичи употреблялись вмѣсто бумаги; ассирійскія кирпичныя таблички имѣютъ поразительную плотность, онѣ не могутъ

идти въ сравненіе съ нашими современными кирпичами въ этомъ отношеніи. Точно также кирпичи, добытые А. А. Ивановскимъ изъ старинныхъ армянскихъ построекъ, неизмѣримо плотнѣе этого, и могутъ противостоять разрушительному дѣйствію времени и стихій, между тѣмъ разсматриваемый кирпичъ крошится отъ ничтожнаго давленія или тренія.

Обратимся къ самой надписи (табл. V). Впечатлѣніе, которое производитъ надпись при первомъ взглядѣ, въ особенности для неспеціалиста, безъ сомнѣнія, должно быть въ ея пользу. Клинообразные знаки идутъ по опредѣленному направленію, имѣютъ каждый свою индивидуальную фигуру, при чемъ для знакомаго съ ванскою системою письма ясно съ перваго раза, что эта надпись не ассирійская, а именно ванская. Затѣмъ ясно также, что 7 строкъ надписи заключаютъ начало и конецъ текста, но правая его сторона отбита, такимъ образомъ иллюзія древности еще болѣе усиливается. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи эта иллюзія тотчасъ же исчезаетъ, и на мѣсто ея являются несомнѣнныя и самыя убѣдительныя признаки неумѣлой фабрикаціи нынѣшняго времени. Утилизуя глину для своей поддѣлки, фальсификаторы имѣли цѣлью, какъ мы предполагали, показать, что у ванскаго народа была кирпичная литература въ родѣ ассирійской. Но для изобрѣтеннаго ими specimen'а этой литературы текстъ они могли взять изъ той же монументальной литературы, такъ какъ другой мы не имѣемъ. И дѣйствительно, не нужно было большого труда, чтобы констатировать съ полною точностію, что оригиналомъ для этой контрафакціи послужила одна изъ давно уже извѣстныхъ надписей, находящихся въ Эчміадзинѣ. Эта именно надпись № X по моему изданію (*Клинообразныя надписи ванскихъ царей, открытыя въ предѣлахъ Россіи*, Труды Восточ. Ком., томъ I, вып. 3); она была первою найдена въ Эриванской губ. еще въ 1862 году. Фотографія съ этой надписи до сего времени еще не была издана; но мною былъ снятъ эстампажъ съ нея, находящійся въ настоящее время въ Обществѣ (фотографія съ эстампажа появится въ печатающемся въ настоящее время отчетѣ объ экспедиціи въ Эриванскую губ. 1893 года). Для всѣхъ 7-ми строкъ фальсификаторы взяли оригиналомъ текстъ изъ этой надписи, причемъ въ первыхъ 6 строкахъ частію вполнѣ, частію съ нѣкоторыми видоизмѣненіями онъ идетъ параллельно съ оригиналомъ, т. е. 1-я строка соотвѣтствуетъ 1-й строкѣ оригинала, 2-й—2-й и т. д. Нужно замѣтить, что оригинальная надпись состоитъ изъ 13 строкъ, вполнѣ сохранившихся, но принадлежитъ по своему содержанію къ числу такихъ, которыя отступаютъ отъ обыкновеннаго, такъ сказать, шаблоннаго типа: большая часть словъ и

выраженій находятся только въ ней одной и не могутъ быть объяснены съ точностію. Эта одна изъ самыхъ трудныхъ для толкованія надписей. Такая оригинальность, характерность надписи № X дала возможность установить самымъ точнымъ образомъ источникъ разсматриваемой контрафакціи. Сличая текстъ послѣдней съ оригиналомъ, мы наглядно слѣдимъ за всѣми махинаціями, къ которымъ прибѣгали фальсификаторы, чтобы съ одной стороны соблюсти подобіе съ оригинальными надписями, съ другой скрыть контрафакцію. Сдѣлавъ изъ 13-ти-строчной надписи 7-строчную и изъ цѣльнаго текста фрагментъ, они тѣмъ самымъ сократили для себя площадь обмана и трудъ поддѣлки. Въ оригинальной надписи помѣщаются 10 — 12 знаковъ (среднимъ числомъ) на строкѣ, они оставили только половину, т. е. отъ 5 до 7. Но и въ этихъ предѣлахъ они нашли нужнымъ придать своему издѣлію нѣкоторую оригинальность, отступить отъ рабскаго копированія надписи № X. Такъ въ 3-й строкѣ между 2-мъ и 3-мъ знакомъ оригинала они вставили два знака, изъ коихъ одинъ есть произведеніе ихъ собственной фантазіи съ невозможнымъ въ клинообразной системѣ направленіемъ клиньевъ (справа налѣво), другой (идеограмма человѣка) взяли изъ текста оригинала, и тѣмъ самымъ разбили по поламъ цѣлое слово. На строкѣ 6-й между 2-мъ и 3-мъ знакомъ они вставили одинъ знакъ, взявши его изъ другого мѣста оригинала и исказивши его форму. Послѣдняя 7-я строка, заканчивающая текстъ, за исключеніемъ второго знака *e*, состоитъ изъ крайне уродливыхъ, безсмысленныхъ искаженій фигуръ ванской системы; въ этой строкѣ болѣе, чѣмъ въ какой нибудь другой, выразилась самодѣятельность виновниковъ поддѣлки, при чемъ матеріалъ для искаженія былъ взятъ ими частью изъ 12, частью изъ 13 строки оригинала.

Было бы слишкомъ долго и излишне входить въ подробное разсмотрѣніе всѣхъ тѣхъ искаженій, перестановокъ и другихъ ухищреній, къ которымъ прибѣгали фальсификаторы, чтобы выдать свое издѣліе за оригинальную надпись. Ограничусь указаніями несомнѣнныхъ признаковъ поддѣлки, по которымъ и неспеціалисты могутъ ее обличить: такъ въ ассирійской и ванской системѣ знаковъ нѣтъ клиньевъ съ такимъ направленіемъ ⟝ или ⟟, между тѣмъ клинья первой категоріи, въ нашей надписи постоянно встрѣчаются, второй же по крайней мѣрѣ одинъ разъ, именно въ строкѣ 5-й въ 4-мъ знакѣ. Далѣе, идеограмма божества, которою начинается надпись, имѣетъ вездѣ въ ванскихъ надписяхъ такую форму ►►⟟► т. е. состоитъ изъ четырехъ клиньевъ, между тѣмъ въ разбираемой надписи всего изъ трехъ ►►⟟, слѣдующія же два клинья ►► составляютъ уже особый знакъ *hal*—начало слова *Haldi*.

Столь грубое нарушеніе системы письма въ столь важномъ, стоящемъ на первомъ мѣстѣ словѣ, есть лучшее доказательство того, что эта надпись есть фабрикація. Обращу вниманіе еще на самый послѣдній знакъ надписи; онъ имѣетъ форму ⊢⊢, здѣсь фальсификаторы упустили, наоборотъ, въ началѣ одинъ клинъ, а именно ◁, полная фигура ◁⊢⊢ *di*. Отсюда можно видѣть, съ какою свободою эти герои поддѣлки отнимали головы и хвосты у дѣйствительныхъ знаковъ ванской системы и уродовали ихъ форму.

Въ заключеніе могу только выразить пожеланіе, чтобы нашимъ эчміадзинскимъ коллегамъ удалось напасть на слѣдъ дерзкихъ злоумышленниковъ, и прекратить гнусное ремесло обмана въ самомъ началѣ. Было бы печально, если бы по сосѣдству съ Эчміадзиномъ прочно водворилась мастерская на подобіе персидской (въ Кербелѣ). Обманщиковъ въ Кербелѣ нельзя привлечь къ уголовной отвѣтственности; можетъ быть, для нашихъ доморощенныхъ поддѣлывателей страхъ этой отвѣтственности былъ бы дѣйствителенъ.

М. Никольскій.

III.

Къ вопросу о чешскихъ придорожныхъ крестахъ.

Уже по окончаніи своей замѣтки о придорожныхъ крестахъ чешскихъ, напечатанной въ № 12 Арх. Изв. и Зам. прошлаго года, я получилъ нѣсколько новыхъ матеріаловъ по этого рода памятникамъ. Эти матеріалы показали, что какъ разъ въ настоящее время вопросъ о „кирилло-меѳодіевской“ традиціи въ крестахъ опять оживился на страницахъ чешскихъ научныхъ и научно-популярныхъ журналовъ. Въ то же время изъ обзора ставшаго мнѣ теперь извѣстнымъ матеріала я убѣдился въ правильности моихъ нѣсколько скептическихъ взглядовъ на кирилло-меѳодіевскую традицію въ чешскихъ крестахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ возникшій въ послѣднее время споръ по поводу этого между чешскими учеными окончательно убѣдилъ меня въ томъ, что именно мѣстный моравскій патріотизмъ былъ поводомъ къ такой энергичной защитѣ „кирилловской“ старины, какую проявилъ г. Гавелька: защитники „кирилловской“ традиціи въ крестахъ, оказывается, защищаютъ, собственно говоря, память покойнаго И. Гавельки, оскорбляемой якобы скептическимъ отношеніемъ къ „кирилло-меѳодіевской“ традиціи со стороны проф. І. Калоуска. При такой постановкѣ дѣла, понятно, о

какомъ бы то ни было научномъ рѣшеніи вопроса и рѣчи быть не можетъ. Тѣмъ не менѣе мнѣ представляется не лишнимъ изложить съ одной стороны взгляды І. Калоуска, а съ другой—опубликованный за послѣднее время матеріалъ: это еще болѣе подтвердитъ высказанныя мною предположенія. Еще въ 1885 г. проф. І. Калоусекъ высказался такъ: „Мысль христіанъ *всегда и везде* проявлялась одинаково при постановкѣ крестовъ у дороги; это—выраженіе простаго благочестія или, особенно часто, *воспоминаніе* о несчастномъ случаѣ, о какомъ-либо памятномъ событіи, и межи бывали иногда обозначаемы поставленными на нихъ крестами“ [1]). Это свидѣтельство чешскаго историка подтверждаетъ сказанное мною о Луковицкомъ крестѣ (V), а также опровергаетъ утвержденіе И. Гавельки, будто въ Чехіи крестъ въ качествѣ межеваго знака неизвѣстенъ; т. е. въ употребленіи креста въ качествѣ межеваго знака сближаетъ чешскіе кресты съ подобными остальными (см. Арх. Изв. 1895, стр. 406).

Изъ изданныхъ или описанныхъ за послѣднее время придорожныхъ крестовъ заслуживаютъ упоминанія слѣдующіе: 1) Около *Вамберка* (Bamberg) стоитъ крестъ, который за его форму готовы мораване признать кирилло-меѳодіевскимъ; на немъ однако высѣченъ старинный рыцарскій мечъ, подобно тому, какъ мы то замѣтили на кр. Велико-Слатеньцкомъ (XXI) [2]). „Кирилловское“ происхожденіе его отрицаетъ моравaнинъ Вик. Брандль, а за нимъ и проф. І. Калоусекъ [3]). 2) Изъ трехъ крестовъ около *Хрудима* [4]) интересенъ одинъ, низкій, около дер. Тополе; онъ почти по плечи ушелъ въ землю; на лицевой сторонѣ грубо высѣченъ удлиненный крестъ и дата—1655 г.; на оборотной сторонѣ—грубое же изображеніе трехконечныхъ вилъ; преданіе гласитъ, что поставленъ этотъ крестъ по требованію родственниковъ крестьяниномъ, убившимъ на этомъ мѣстѣ вилами своего сосѣда. Преданіе это, указывающее на существовавшій обычай ставить крестъ на мѣстѣ убійства (это обязанъ былъ дѣлать убійца въ видѣ возмездія за проступокъ), находитъ себѣ и документальное подтвержденіе: по свидѣтельству актовъ въ XV, XVI и даже XVII в., широко практиковался обычай, въ силу котораго убійца не только долженъ былъ поставить крестъ на мѣстѣ преступленія, но и заказать рядъ заупокойныхъ обѣденъ на поминъ души имъ убитаго [5]). Опять, какъ видимъ, „кирил-

---

[1]) Atheneum, III, 7—8.

[2]) Česky Lid. 1895 г., стр. 271—272.

[3]) Časop. Mat. Morav. 1882 г., стр. 184.—Č. L. 1895 г., стр. 371—372.

[4]) Изданы съ изображеніями въ С. L. 1892 г., стр. 137—140.

[5]) Такъ, напр., въ 1503 г. долженъ былъ поступить Янъ изъ Швамберка (около Пльзна), убившій у сосѣда сына (Pamatky Archeolog. XIV, 450); такой же случай извѣстенъ

ловская" традиція здѣсь не при чемъ. Другой изъ хрудимскихъ крестовъ любопытенъ развѣ только потому, что въ народѣ слыветъ подъ именемъ «каменной бабы», хотя форма креста выражена въ немъ ясно. 3) Въ западной Чехіи, теперь уже почти исключительно занятой нѣмцами, также извѣстны придорожные кресты; одинъ изъ нихъ, высѣченный на плоской скалѣ, грубо обрубленной, любопытенъ по украшеніямъ, напоминающимъ отмѣченный у насъ крестъ Стебеницкій (XV) и по округленіямъ лопастей, напоминающимъ крестъ Мальмержицкій (XVI) крестъ, гдѣ я склоненъ былъ допустить вліяніе византійской традиціи (стр. 409). Другой, также западно-чешскій, крестъ носитъ дату—1548 г.; недалеко еще крестъ, вытесанный на четырехгранномъ камнѣ; оба креста, по преданію, поставлены въ память несчастнаго случая: первый въ память поединка, кончившагося смертію обоихъ поединщиковъ, второй на память о невѣстѣ, упавшей съ повозки и убившейся до смерти при возвращеніи отъ вѣнца [6]). 4) Обычай ставить кресты на мѣстѣ несчастнаго случая практиковался и недавно: *Дубленскій* крестъ поставленъ въ 1859 году на мѣстѣ, гдѣ женщину убило молніей [7]). Наконецъ замѣтимъ, что по формѣ, которую считаютъ защитники преданія „кирилло-меѳодіевской", весьма близко подходятъ къ чешскимъ кресты, ровно ничего общаго съ кирилловскимъ преданіемъ имѣть не могущіе; это—кресты эстонскіе съ датами 1544 г., 1629 г., 1668 г. [8]).

М. Сперанскій.

IV.

Археологическая хроника.

—— Государь Императоръ Всемилостивѣйше соизволилъ благодарить Императорское Московское Археологическое Общество за тѣ услуги, которыя оказалъ членъ отъ Общества А. Л. Оберъ, своимъ участіемъ въ трудахъ Высочайше учрежденнаго Комитета для наблюденія за ремонтомъ Московскаго Большаго Успенскаго собора.

въ Моравіи въ нач. XVII в. (1619 г.) (Č. L. 1895 г., стр. 372—373). Подобные кресты съ прозвищемъ—«у убитаго» (u zabitého) встрѣчаются довольно часто, напр., въ дер. Храставицъ (у Домзаслицъ, Pam. Arch. Ibid.).

6) Č. L. 1895 г., стр. 270—271.

7) Тамъ же, стр. 130.

8) Это кресты могильные. См. тамъ же.

—— И. А. Вахрамѣевъ, уже прежде пожертвовавшій 1,000 р. на изданіе „Трудовъ Ярославскаго Археологическаго Съѣзда“, нынѣ прислалъ еще 1,075 р. въ возмѣщеніе издержекъ, сдѣланныхъ Обществомъ изъ своихъ средствъ на это изданіе.

—— В. И. Сизовъ по порученію Моск. Археол. Общ. ѣздилъ въ Кутаисъ для изслѣдованія вновь открытой, по свѣдѣніямъ газетъ и частнымъ сообщеніямъ, пещеры съ остатками фресокъ. По самомъ тщательномъ осмотрѣ, произведенномъ В. И — чемъ, въ указанной мѣстности на дѣлѣ оказалась лишь сталактитовая пещера.

—— Императорская Петербургская Публичная Библіотека сдѣлала весьма цѣнное пріобрѣтеніе. Года три тому назадъ распространились слухи о томъ, что въ эфоріи одного села близъ Кесаріи находится рукопись св. Евангелія, относящаяся къ VI или началу VII вѣка. Видѣвшіе ее ученые высказывали предположеніе, что рукопись эта составляетъ часть такъ называемаго Codex N, шесть листовъ котораго, находятся въ Ватиканской библіотекѣ, четыре въ Британскомъ Музеѣ, два въ Вѣнѣ и 33 на о. Патмосѣ. Подобно этимъ листамъ, рукопись писана на красивомъ, тонкомъ, окрашенномъ въ пурпуровый цвѣтъ пергаментѣ. Текстъ писанъ серебромъ, а священныя имена золотомъ, въ 2 столбца, длиною въ 32 и шириною въ 26 центиметровъ. Рукопись желали пріобрѣсти одинъ англійскій и одинъ американскій университетъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ объ ней получило свѣдѣнія и наше посольство въ Костантинополѣ, которое немедленно сообщило объ ней Публичной Библіотекѣ. Въ виду недостаточности средствъ Библіотеки на пріобрѣтеніе ея (по слухамъ, цѣна назначена была въ 1,000 ф. стерл.), начальство Библіотеки обратилось къ Государю Императору ходатайствуя объ экстренномъ кредитѣ, но Его Величество соизволилъ лично пріобрѣсти цѣнный памятникъ и пожаловать его Библіотекѣ.

—— Раскопки Херсонскаго городища и некрополя въ прошломъ году продолжались Императорскою Археологическою Коммиссіею, стоивъ 4 т. р. изъ средствъ Министерства Императорскаго Двора.

Обнаружена часть береговой оборонительной стѣны съ башней, вблизи которой найдена очень цѣнная для исторіи Тавриды надпись на мраморной плитѣ съ 1059 годомъ христіанской эры, гласящая о возстановленіи городскихъ воротъ Львомъ Аліатомъ, стратигомъ Херсонеса и Сукдея (нынѣшняго Судака), въ царствованіе Исаака Комнина.

Въ сѣверо-западномъ углу городища открыты городскія ворота, при чемъ установлено, что и въ этой части Херсонеса древняя оборонительная стѣна была обшита съ обѣихъ сторонъ старательно обтесанными плитами и что у моря начинался некрополь, подходя къ стѣнѣ.

При раскопкѣ этого некрополя разслѣдованы двѣ катакомбы, 3 гробницы, сложенныя изъ большихъ черепицъ, 9 гробницъ изъ каменныхъ плитъ, а въ нихъ 18 глиняныхъ урнъ съ прахомъ, 10 гробницъ, вырубленныхъ въ скалѣ, 30 гробницъ земляныхъ и 9 урнъ съ прахомъ, помѣщавшихся въ насыпи некрополя. Особенный интересъ представляетъ большая красивая гробница, сложенная изъ каменныхъ плитъ, съ крышею на два ската и съ 11 нишами, въ которыхъ помѣщались глиняныя и свинцовыя урны. Гробница относится въ I в. послѣ Р. Х.; на ея устройство употреблено 67 каменныхъ плитъ, а въ числѣ находокъ оказалось много художественныхъ золотыхъ украшеній. (Южанинъ).

—— Близь Херсона, по дорогѣ въ Рожновы хутора, въ началѣ марта кладоискателями было разрыто три кургана, въ коихъ найдены золотое ожерелье и три золотые перстня, бронзовая античная статуэтка и, повидимому нѣсколько мелкихъ бронзовыхъ вещей. Золото было продано и сплавлено, статуэтка же послѣ долгихъ странствованій поступила теперь въ Херсонскій Музей. Она изображаетъ Кибелу, въ хитонѣ и короткомъ плащѣ. На головѣ ея два льва, терзающіе быка; двое четвероногихъ, стоя на плечахъ богини, поддерживаютъ ихъ.

По полученіи извѣстія о раскопкѣ, хранитель Херсонскаго Музея, В. И. Гошкевичъ, выѣхалъ на мѣсто и, пересѣявъ землю изъ раскопанныхъ могилъ, нашелъ: разломанныя человѣческія кости, пращные камни, желѣзныя и бронзовыя стрѣлки, обломки двухъ глиняныхъ и бронзовыхъ сосудовъ, кусочки алой краски, бронзовый перстень и золотыя вещи: кольцо, свернутое изъ толстой золотой проволоки, и тяжеловѣсное украшеніе, полумѣсяцемъ, въ треугольникахъ изъ мелкихъ золотыхъ шариковъ.

По вскрытіи одного изъ двухъ початыхъ кладоискателями кургановъ, оказался въ немъ скелетъ женщины, въ рукѣ которой было круглое металлическое зеркало, на пальцѣ серебряный перстень, со вставкой мозаики, а по сторонамъ черепа — серьги изъ серебряной проволоки. Въ другомъ курганѣ оказался зарытымъ въ насыпи скелетъ ребенка, а глубже, подъ огромными камнями, открылись двѣ могилы. Въ одной найденъ человѣческій скелетъ и два черепа, лежавшіе теменемъ внизъ, а затылочными дырами кверху; въ другой — человѣческій скелетъ безъ головы. (Одесск. Новости и Нов. Дня, 4627).

—— Въ „Романовскій Отдѣлъ Древностей“, вновь учреждаемый при Костромской Ученой Архивной Коммиссіи, поступило до десяти рукописей, касающихся подвига Ив. Сусанина. Всѣ эти рукописи найдены въ селѣ Домнинѣ и его окрестностяхъ. (Нов. Вр. № 7184).

—— „Приам. Вѣд.“ сообщаютъ, что на предстоящей Нижегородской выставкѣ будетъ выставлена коллекція разныхъ предметовъ,

относящихся къ каменному и бронзовому вѣкамъ Сибири. Владѣлецъ, священникъ южно-енисейскихъ золотыхъ промысловъ о. Александръ Масленниковъ, подноситъ ее Томскому университету. (Нов. Вр. № 7185).

—— 6 ноября исполнится сто лѣтъ со дня кончины Императрицы Екатерины Великой. Эту годовщину Московское Общество Любителей Россійской Словесности рѣшило отмѣтить устройствомъ въ Москвѣ „Екатерининской выставки". На этой выставкѣ предположено показать: портреты Императрицы, гравюры, картины и медали, изображающія важныя событія ея царствованія; портреты ея современниковъ извѣстныхъ государственныхъ дѣятелей и писателей; всѣ изданія ея собственныхъ сочиненій и наиболѣе важныхъ сочиненій ея времени.

—— Въ Одесское Общ. Ист. и Др., В. В. Шкорпина сообщалъ о катакомбѣ, открытой на Глинищѣ въ Керчи:

„Спѣшу сообщить вамъ о новомъ открытіи, которое было сдѣлано еще въ февралѣ прошлаго года, но только теперь стало извѣстнымъ здѣшнимъ археологамъ. Хозяинъ двора, гдѣ была открыта новая катакомба, не хотѣлъ показывать ея никому, даже директору Керченскаго музея, дожидаясь, что, можетъ быть, пріѣдетъ графъ Бобринскій и заплатитъ ему хорошія деньги за право снять фрески, которыми украшены стѣны и своды склепа. Теперь керченскій мѣщанинъ Зайцевъ (vulgo Зайчикъ), проживающій на Глинищѣ, недалеко отъ Мелекъ-Чесменскаго кургана, самъ пригласилъ меня осмотрѣть замѣчательную катакомбу. Сегодня же я отправился къ нему и, осмотрѣлъ склепъ, находящійся приблизительно $1^1/_2$ сажени подъ землею.

Катакомба состоитъ изъ одной комнаты, въ которую съ сѣверной стороны ведетъ входъ, бока и верхъ котораго построены изъ плотнаго известняка; надъ входомъ положена высокая плита, но безъ всякой надписи и безъ украшеній. Въ дверь можетъ свободно пройти человѣкъ средняго роста, не сгибаясь. Ширина склепа около трехъ шаговъ, длина четыре шага. Вся катакомба украшена живописью, изображающей птицъ, цвѣты, яблоки, виноградныя кисти, листья и вѣнки, но главный интересъ заключается въ фигурахъ, здѣсь изображеныхъ.

Центръ цилиндрическаго свода занятъ громаднымъ кругомъ (медальономъ), гдѣ на темномъ фонѣ изображена красивая голова богини; все лицо богини, роскошные волосы, окаймляющіе благородный ликъ богини, ожерелье на шеѣ, состоящее изъ копьевидныхъ подвѣсокъ, все это прекрасно сохранилось, отвалилась только съ лѣвой стороны часть темнаго фона и вмѣстѣ съ ней первая буква имени [Δ]НМНТНР, которое распредѣлено такимъ образомъ, что съ лѣвой стороны чернаго фона было вырыто [Δ]Н, а съ правой МНТНР. На остальной части свода симметрично написаны плоды, цвѣты и четыре птицы.

Противъ входа, въ серединѣ сегмента, заключающагося между дугою свода и раскрашенною полосою, которая проходитъ по всѣмъ четыремъ стѣнамъ склепа, отдѣляя сводъ отъ стѣнъ, изображенъ грозный богъ подземнаго царства. На колесницѣ, запряженной четверкой лошадей, изъ которыхъ первая и третья чернаго, а вторая и четвертая бѣлаго цвѣта, стоитъ богъ и держитъ руками стоящую передъ нимъ дѣвушку, фигура которой почти вдвое меньше фигуры Плутона. Лицо Аида, одѣтаго въ черный, развѣвающійся отъ быстрой ѣзды плащъ, окаймлено мощными волосами и бородою. Надъ четверкой изображенъ мальчикъ безъ крыльевъ, кнутомъ погоняющій лошадей. Надъ головой бога начертана надпись ΠΛΟΥΤΩΝ. Присутствіе Деметры, которая какъ-бы заглядываетъ въ подземное царство, убѣждаетъ меня, что въ дѣвушкѣ не нужно видѣть вообще душу, похищаемую Плутономъ, а Прозерпину, какъ и въ другихъ этого рода рисункахъ и статуяхъ (срав., напр., вазный рисунокъ, изданный въ сочиненіи I. Лангля: Griechische Götter-und Heldengestalten. Wien. 1887, стр. 104; I. Overbeck, Geschichte der griech. Plastik. Leipzig. 1869 II, 28. и др.).

На простѣнкахъ возлѣ входа въ склепъ изображены двѣ фигуры: на лѣвой сторонѣ мчится Гермесъ съ обычными крыльями на ногахъ и съ кадуцеемъ въ рукѣ, а направо изображена Калипсо съ выраженіемъ глубокой грусти на лицѣ. Надъ фигурой Меркурія написано ΕΡΜΗΣ, а надъ головою нимфы ΚΑΛΥΨΟ. Интересно рѣшить вопросъ, какое значеніе имѣетъ здѣсь Калипсо. Мнѣ кажется, что эта дочь Атланта является здѣсь или какъ олицетвореніе грусти, которую испытываемъ послѣ вѣчной совершаемой противъ нашей воли разлуки съ дорогимъ человѣкомъ (срав. пятую книгу Одиссеи), или какъ символъ полнаго уединенія и удаленія отъ всего міра (Hom. Od. 7, 247: δεινὴ θεὸς οὐδέ τις αὐτῇ | μίσγηται οὔτε θεῶν οὔτε θνητῶν ἀνθρώπων). Можно допустить также болѣе простое объясненіе: стремясь къ симметріи, живописецъ изобразилъ противъ фигуры Гермеса одну изъ подругъ Персефоны, имя которой встрѣчается въ гомеровскомъ гимнѣ, составленномъ въ честь Деметры (Hymn. in Cer. 422: ἱμερόεσσα Καλυψώ).

Во всѣхъ трехъ стѣнахъ по серединѣ сдѣланы небольшіе ниши; надъ нишей въ правой стѣнѣ (отъ входа) сдѣланъ маленькій выступъ, на которомъ могла помѣщаться небольшая лампадка.

По словамъ хозяина, которымъ, впрочемъ, нельзя много вѣрить, въ катакомбѣ найдены слѣдующія вещи: два кольца, одинъ сосудъ зеленаго и одинъ синяго стекла, затѣмъ бронзовый канделябръ (ставникъ) на трехъ львиныхъ ножкахъ. Но куда всѣ эти вещи дѣвались, кому онѣ были проданы, нельзя было никоимъ образомъ узнать.

Остается еще сообщить вамъ, что директоръ Керченскаго Музея К. Е. Думберъ хлопочетъ купить у Зайцева право снять и срисовать всѣ фрески, чтобы Археологическая Коммиссія могла издать эти замѣчательные остатки древней живописи". (Протоколъ 294 засѣд.).

—— Въ Варшавѣ оригинально открытъ кладъ. На площади св. Александра новый владѣлецъ склада винъ подъ фирмою „К. Грабицкій", пріобрѣтя магазинъ и подвалы, рѣшилъ привести эти послѣдніе въ порядокъ и отремонтировать ихъ. Когда рабочіе очистили подвалы отъ винныхъ бочекъ, то подъ мусоромъ, сваленнымъ въ углу, нашли большой, герметически замазанный жбанъ. Онъ обратилъ на себя вниманіе своимъ вѣсомъ и поставленнымъ на немъ числомъ „1809". Когда онъ былъ вскрытъ, то въ немъ оказалось старое венгерское вино, при переливкѣ котораго въ другой сосудъ изъ жбана посыпались золотыя и серебряныя монеты старопольской чеканки, бывшія на днѣ жбана въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ штукъ. Для опредѣленія ихъ цѣнности хозяинъ склада переслалъ ихъ къ одному изъ извѣстныхъ археологовъ. Что-же касается происхожденія клада, то объ этомъ узнать ничего не удалось, такъ какъ подвалы въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ сохранялись въ одномъ и томъ-же видѣ. (Нов. Дн. 1896 г., № 4610).

—— Въ Одессѣ, при земляныхъ работахъ на мѣстѣ бывшаго товарнаго квартала, рабочіе нашли въ землѣ металлическую тяжелую плиту, какія обыкновенно кладутся при закладкѣ общ. зданій. Плитка имѣетъ около 5 верш. длины и около 3 верш. ширины, довольно толстая и массивная (около $^3/_8$ верш. толщины). Въ виду того, что плитка отъ долгаго лежанія въ землѣ потемнѣла, трудно сразу было опредѣлить, изъ какого она металла, хотя отсутствіе ржавчины и тяжесть ея указываютъ на то, что она сдѣлана изъ благороднаго металла. На одной сторонѣ плитки хорошо сохранилась надпись на русскомъ языкѣ слѣдующаго содержанія; „1804 года мая 10 дня 4-го Царствованія Императора Александра Перваго Эммануилъ Дюкъ де Ришелье Военный губернаторъ въ Одессѣ зданію сему Общему благу посвященному основаніе положилъ". На оборотной сторонѣ плитки также хорошо сохранилась слѣдующая латинская надпись: Anno Domini MDCCCIV et quarto optimi Imperatoris Alexandri Primi Emanuel Dux de Richelieu Praefectus militaris Odessae his aedibus saluti publicae sacratis die 10 Maji primum lapidem posuit". На томъ же мѣстѣ въ землѣ рабочіе нашли жетонъ, очевидно золотой, хотя также потемнѣвшій, величиною въ большую шейную медаль. На одной сторонѣ жетона ясно сохранился бюстъ императора Александра I съ надписью кругомъ: „Б. М. Александръ I-й Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій", на другой сторонѣ жетона изображена эмблема

закона съ надписью: „Залогъ блаженства всѣхъ и каждаго“ и внизу „Коронованъ въ Москвѣ сентября 15 дня 1801 г.“. Найденныя вещи отправлены управляющему одесской таможней. (Нов. Дня, 1896, № 4583).

—— Шлюпка императора Петра Великаго, хранящаяся въ Астраханскомъ портѣ, осматривалась особой коммиссіей, въ виду предстоящей отправки на Всероссійскую Выставку въ Нижній-Новгородъ. Въ особомъ помѣщеніи, называемомъ „домикомъ Петра Великаго“ по словамъ „Астрах. Вѣстн.“, хранятся два судна, на которыхъ, по преданію, императоръ Петръ Великій, будучи въ Астрахани, предъ походомъ въ Персію, совершалъ поѣздки по окрестностямъ города, знакомясь съ ними. Суда построены въ Казани въ 1722 году. Одно изъ нихъ называется „Плезиръ-яхта“ и имѣетъ 24 фут. длины и 5 фут. ширины, построено изъ дубоваго лѣса; корма украшена рѣзными изъ дерева фигурами, которыя, по преданію, сдѣланы самимъ Петромъ Великимъ. Другое судно—„Верейка“, длиною въ 38 фут. и 5 фут. ширины. Коммиссія нашла, что тревожить суда опасно. (Нов. Вр. № 7204).

—— Изъ Елисаветпольскаго уѣзда сообщаютъ о любопытной археологической находкѣ, сдѣланной недавно въ Болчинской казенной дачѣ, въ Елисаветпольскомъ уѣздѣ, однимъ горнопромышленникомъ при развѣдкахъ на мѣдныя руды. На томъ мѣстѣ, гдѣ оказались выходы руды, приступили къ рытью землянокъ для временнаго помѣщенія въ нихъ рабочихъ, и на глубинѣ 4 аршинъ нашли массивный бронзовый браслетъ и хорошо сохранившееся мѣдное копье, наконечникъ котораго заостренъ, какъ у четырехграннаго штыка, только нѣсколько шире, съ трубкою для насадки на деревко; длина наконечника почти поларшина. Вещи покрыты слоемъ мѣдной зелени. Въ той же дачѣ, на рѣкѣ Чавдаръ, обнаружены также старыя выработки мѣдныхъ рудъ.

—— Витебское епархіальное Св.-Владимірское Братство открываетъ въ архіерейскомъ домѣ церковно-археологическій музей полоцкой епархіи. Кромѣ старинныхъ церковныхъ сосудовъ, иконъ, облаченій, книгъ, рукописей, надгробныхъ плитъ, колоколовъ и проч., довольно интересный отдѣлъ составятъ уцѣлѣвшіе памятники мѣстныхъ церковныхъ братствъ XVI вѣка (вертепы, звѣзды и т. п.), а также предметы религіознаго характера, въ разное время конфискованные и хранящіеся нынѣ въ кладовыхъ Полоцкаго каѳедральнаго собора. Для обозрѣнія предметовъ послѣдняго рода будутъ допускаемы, съ особаго всякій разъ разрѣшенія предсѣдателя братства посѣтители лишь съ научными цѣлями. (Нов. Вр. № 7192, 1896 г.).

—— Корреспондентъ газеты „Ардзаганкъ“ сообщаетъ изъ Эчміад-

зина, что при раскопкѣ недалеко отъ эчміадзинскаго монастыря найдено подземное помѣщеніе, въ которомъ оказалось 1320 древнихъ вещей: мѣдныхъ тарелокъ, котловъ, цѣпей, вѣсовъ и громадныхъ кусковъ желѣза. Ежедневно массами народъ приходитъ на осмотръ этой находки. (Кавказъ).

—— Въ Люблинѣ на Яточной улицѣ понадобилось срыть часть холма, называемаго Замковою горой. При раскопкѣ наткнулись на кирпичную кладку, которая оказалась стѣной сводчатаго подземнаго хода, идущаго одною вѣтвью наклонно по направленію къ предмѣстью Чвартекъ, а другою — къ Любартовской улицѣ. До сихъ поръ осмотрѣли только эту послѣднюю вѣтвь; подземелье это оказалось сухимъ, но со спертымъ воздухомъ. Въ немъ нашли цѣлые и разбитые глиняные сосуды такихъ формъ, какія нынѣ не встрѣчаются, и желѣзныя вещи, сильно поѣденныя ржавчиной. Кромѣ того, нашли безпорядочно разбросанную груду человѣческихъ костей, надъ которою стоитъ нѣсколько опирающихся на стѣны человѣческихъ костяковъ. До конца подземелья при первомъ осмотрѣ еще не дошли. Полагаютъ, что найденныя въ немъ кости—остатки несчастныхъ укрывшихся въ подземельѣ при нападеніи Татаръ. (Спб. Вѣд. № 90, 1896 г.).

—— Въ эстскихъ газетахъ появился 117-й отчетъ д-ра Гурта по собранію эстскихъ народныхъ пѣсенъ, пословицъ и матеріаловъ по археологіи Прибалтійскаго края. Судя по этому отчету, число сотрудниковъ неутомимаго собирателя эстонской старины мало по-малу возрастаетъ. Къ ихъ числу принадлежатъ преимущественно народные учителя, а также нерѣдко и тѣ изъ крестьянъ, которые получили нѣкоторое образованіе, и студенты изъ эстовъ. Нѣкоторые изъ нихъ отличаются замѣчательнымъ трудолюбіемъ: такъ г. Айтсамъ, изъ Фикеля, отправилъ уже д-ру Гурту сороковую посылку собранныхъ имъ пѣсенъ и другихъ матеріаловъ. Все число сотрудниковъ почтеннаго собирателя достигло уже внушительной цифры — 800 человѣкъ. Д-ръ Гуртъ намѣренъ обнародовать добытые имъ матеріалы на X Археологическомъ Съѣздѣ въ Ригѣ. Здѣсь не лишне замѣтить, что часть собранныхъ г. Гуртомъ пѣсенъ уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ появилась въ печати, въ переводѣ на нѣмецкій языкъ. Однако печатаніе, по нѣкоторымъ причинамъ, остановилось. Какъ слышно, дальнѣйшее изданіе ихъ возьметъ на себя находящееся въ Гельсингфорсѣ Финское Литературное Общество. (Риж. Вѣстн. 1896, № 34).

—— Въ Орлѣ, въ зданіи присутственныхъ мѣстъ открылась первая Художественная Выставка, съ историческимъ отдѣломъ. Главнымъ представителемъ въ этомъ отдѣлѣ несомнѣнно слѣдуетъ признать Орловскую Ученую Архивную Коммиссію, въ витринѣ которой обра-

щаютъ на себя вниманіе два подлинныхъ автографа Петра Великаго, одинъ на шифрованной его депешѣ къ князю Куракину, а другой на частномъ письмѣ. Здѣсь же находится собственноручный автографъ на русскомъ языкѣ императрицы Маріи Θеодоровны, супруги императора Павла I, автографы императрицы Александры Θеодоровны супруги императора Николая I, а также Суворова, Потемкина, Ермолова; извѣстнаго композитора русскаго народнаго гимна—Львова, Греча и президента Императорской Россійской Академіи, что нынѣ Академія Наукъ, извѣстнаго составителя историческихъ манифестовъ въ 1812 г.—А. С. Шишкова, портретъ котораго, принадлежащій Θ. Θ. Похвалинскому, помѣщенъ здѣсь же наверху витрины.

Не лишено интереса также хронологическое дерево дома Рюрика и нынѣ царствующаго въ Россіи Дома Романовыхъ, а также стулъ царя Алексѣя Михайловича, принесенный въ даръ Архивной Коммиссіи орловскимъ губернаторомъ А. Н. Трубниковымъ, и кресло императрицы Екатерины II. Г. Ферро выставилъ большое собраніе древнихъ греческихъ, римскихъ и иныхъ монетъ и собраніе сочиненій по нумизматикѣ. А. М. Болховитинымъ доставленъ черепъ, найденный при раскопкахъ въ катакомбахъ близъ г. Керчи. Судя по найденнымъ вмѣстѣ съ черепомъ: слезницѣ и древней греческой монетѣ, черепъ долженъ быть отнесенъ къ IV вѣку до Р. Х. (Нов. Вр. 1896 г., № 7201).

—— По сообщенію лондонской „Daily Chronicle", греческое правительство предоставило американской Школѣ Классическихъ Изслѣдованій въ Аθинахъ исключительное право производить раскопки въ Коринθѣ, право считающееся очень драгоцѣннымъ. Мѣстоположеніе древняго города покрыто пашнями, но имѣются слѣды лежащихъ подъ ними зданій. (Спб. Вѣд. № 88, 1896 г.).

—— Лондонская «Times» сообщаетъ объ интересныхъ результатахъ, добытыхъ англійскими археологами Гогартомъ и Гренфелемъ, производившими раскопки въ Египтѣ, близъ Фаюма. Находки, по качеству и древности, не могутъ идти въ сравненіе съ относящимися ко временамъ фараоновъ, но дополняютъ наши познанія о не менѣе интересномъ періодѣ исторіи Египта. Найдена масса рукописей и отрывковъ таковыхъ, во многихъ случаяхъ относящихся къ первому столѣтію до Р. Х., между ними большой отрывокъ императорскаго рескрипта на греческомъ языкѣ. Между ними есть масса юридическихъ документовъ, записокъ, писемъ и т. д., бросающихъ много свѣта на жизнь тѣхъ временъ. Повидимому, она мало чѣмъ отличалась отъ жизни современнаго Египта. Нѣкто Петезухосъ пишетъ своей матери о сборѣ винограда съ его виноградника, при чемъ семь восьмыхъ письма заполняетъ

поклонами и прощаніями, точно такъ же, какъ дѣлаетъ теперь Ахметъ. Встрѣчаются квитанціи въ уплатѣ государственныхъ налоговъ, прошенія о пособіи, а чаще всего контракты и арендныя условія. Найдены также инструменты и домашняя утварь, замѣчательно сохранившіеся, затѣмъ покрытыя воскомъ таблицы для письма (на одной изъ нихъ осталась данная школьнику пропись), дудки, веретена, игральныя кости, и монеты. Послѣднихъ найдено три клада, въ одномъ изъ нихъ болѣе 4,000 римскихъ бронзовыхъ монетъ, хорошо сохранившихся и относящихся ко многимъ царствованіямъ. (Спб. Вѣд. № 90, 1896 г.).

—— Могила Аннибала, по свидѣтельству древнихъ, находилась въ мѣстности Либисса, близъ Никомедійскаго залива. До сихъ поръ эта мѣстность не была подробно изучена, а самое свидѣтельство древнихъ о существованіи здѣсь могилы великаго полководца не признавалось достовѣрнымъ. Въ настоящее время, какъ сообщаетъ „Allg. Zeitung", секретарь нѣмецкаго Археологическаго Института въ Римѣ, д-ръ Кристіанъ Гюльденъ, случайно нашелъ въ одномъ мало извѣстномъ сочиненіи византійскаго писателя Іоанна Цецеса (I. Tzetzes) упоминаніе о томъ, что римскій императоръ Септимій Северъ соорудилъ Аннибалу въ Либиссѣ надгробный памятникъ, на которомъ были вырѣзаны слова: „Hannibal hic situs est". Свидѣтельство Цецеса обратило на себя вниманіе ученыхъ и въ настоящее время нѣсколько археологовъ отправились на розыски на желѣзнодорожную станцію Диль, мѣстность которой извѣстный англійскій ученый, полковникъ Мартинъ Ликъ, въ 1822 году признавалъ древней Либиссой. (Пр. Вѣстн., № 49, 1896 г.).

—— Въ апрѣльскомъ засѣданіи прусской академіи наукъ проф. Эрманъ сдѣлалъ докладъ объ открытой Л. Борхардтомъ при раскопкахъ на о. Филэ надписи временъ перваго римскаго намѣстника въ Египтѣ *praef. Alexandriae et Aegypti, C. Cornelius Cn. F. Gallus.* Надпись изображена іероглифами, на латинскомъ и на греческомъ языкахъ и касается военныхъ подвиговъ Корнелія Галла, подавленія въ 15 дней возстанія въ верхнемъ Египтѣ, взятія нѣсколькихъ городовъ, принятія эѳіопскаго посольства на о. Филэ и перехода римскаго войска черезъ Нильскіе пороги.

—— Берлинскій Музей Изящныхъ Искусствъ издаетъ альбомъ фототипическихъ снимковъ съ рисунковъ римской колонны Марка Аврелія. Альбомъ будетъ состоять изъ 124 таблицъ (248 рисунковъ) *in folio.* Текстъ къ нему написанъ Моммзеномъ, Кальдерини, Петерсеномъ и Домашевскимъ. Заказаны и гипсы съ лучшихъ рельефовъ колонны.

V.

Засѣданія Обществъ.

Въ засѣданіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, 28 ноября 1895 г. баронъ Р. Р. Штакельбергъ сдѣлалъ предварительное сообщеніе о своей экспедиціи въ Прибалтійскій край, совершенной имъ на средства Предварительнаго Комитета X Археологическаго Съѣзда въ Ригѣ, согласно ранѣе сообщенному Обществу плану (см. Арх. Изв. и Зам. 1895 г., № 9—10, стр. 337). Бар. Штакельбергъ привезъ цѣнный запасъ вещей изъ произведенныхъ имъ раскопокъ и рядъ фотографій, и обрабатываетъ этотъ матеріалъ къ Рижскому Съѣзду.

---

12 декабря 1895 года въ присутствіи Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Сергія Александровича, въ залахъ Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея состоялось засѣданіе Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, въ которомъ сдѣлано было два сообщенія: проф. К. М. Быковскимъ „о реставраціи Московскаго Большого Успенскаго Собора“ (см. Арх. Изв. и Зам., 1896 г., № 2—3) и В. И. Сизовымъ „Отчетъ о поѣздкѣ въ Курляндскую губ.“ (см. ibid.).

Въ засѣданіи И. М. А. Общ. 9 декабря, свящ. І. І. Кузнецовъ прочелъ докладъ: „Новыя лѣтописныя данныя о построеніи Московскаго Покровскаго (Василія Блаженнаго) Собора“. Занимаясь этимъ вопросомъ, референтъ наткнулся въ одной изъ рукописей Румянцевскаго Музея (№ 611), первой половины XVII ст. на сообщеніе о томъ, что „*7068 (1560 г.)... повелѣніемъ царя и государя и великаго князя Ивана зачата дѣлати церковь обѣтная, еже обѣщался въ взятіе козанское Троицу и Покровъ и семь придѣловъ, еже имянуется на рву, а мастеръ былъ Барма съ товарищи и пріиде царь на окладъ той церкви съ царицею Настасьею и со отцемъ богомольцемъ Макаріемъ митрополитомъ и принесоша образа чудотворная многая и Николу чудотворца, кой пріиде с Вятки и стали молебны совершати и воду святити и первое основаніе самъ царь касается своими руками и разсмотриша мастеры, что лишней престолъ обрѣтеся и сказали царю и царь и митрополитъ и весь синклитъ царскій во удивление пріиде о томъ, что обрѣтеся лишней престолъ и поволи ту быти престолу Николину и изволи де Богъ и полюби то мѣсто Никола, а у меня де не было въ помышленіи того*“.

Такимъ образомъ получилось новое указаніе на дату построенія собора и на исторію сооруженія Никольскаго предѣла и совершенно новыя свѣдѣнія о мастерѣ-строителѣ собора. Докладъ оживленно обсуждался при участіи С. А. Бѣлокурова, А. И. Кирпичникова, А. М. Павлинова и др. (напечатанъ въ Чт. Общ. Люб. Ист. и Др. Росс. 1896 г., вып. 1).

Затѣмъ С. О. Долговъ прочелъ о „Синодикѣ Воронинской пустыни 1662 г.“, копія съ котораго прислана была Обществу изъ Новгорода Н. А. Лашковымъ. Гр. П. С. Уварова доложила сообщеніе Х. И. Попова, изъ Новочеркасска, о находкѣ близъ ст. Великокняжеской стариннаго кувшина и статью Г. К. Богуславскаго изъ Смоленска о „Видѣ г. Смоленска временъ Петра I на иконѣ св. Меркурія и преп. Авраамія, Смоленскихъ чудотворцевъ“ (см. Арх. Из. и З. 1896 г., № 2—3).

Въ распорядительномъ засѣданіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества 13 февраля 1896 г. Проф. И. Н. Корсунскій прочелъ очеркъ: „Гр. М. В. Толстой и его значеніе для археологіи“.

---

20 февраля 1896 г. состоялось засѣданіе Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества въ Августѣйшемъ присутствіи Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Сергія Александровича, при чемъ прочтено было три доклада. Первый изъ нихъ принадлежалъ В. А. Грингмуту и носилъ заглавіе: „Дипломатическій Архивъ XIV в. до Р. Х.“ Содержаніе его заключается въ слѣдующемъ. Въ 1887 г. въ м. Тель-эль-Амарна, въ Египтѣ, были осмотрѣны развалины древней столицы фараона XVIII династіи, Аменхотепа IV, царствовавшаго въ XIV в. до Р. Х. и въ нихъ найдено свыше 300 плитъ съ клинописью, оказавшихся перепиской фараона съ сосѣдними дружественными государями, его вассалами и намѣстниками. Это переписка, касавшаяся различныхъ вопросовъ, политическихъ, административныхъ, брачныхъ и д. и послужила предметомъ изложенія референта, яркими красками очертившаго интереснѣйшую личность Аменхотепа IV—религіознаго реформатора, проповѣдывавшаго религію Единаго Бога, отвергшаго египетскій циклъ боговъ и оставившаго во главѣ религіозныхъ воззрѣній одного Бога Солнце. Онъ покинулъ даже древнюю столицу фараоновъ Ѳивы и построилъ новую на мѣстѣ нынѣшняго Тель-эль-Амарна, куда и переѣхалъ съ своей семьей, дворомъ и богатой библіотекой. Какъ эта новая столица, такъ и сама религія, созданная Аменхотепомъ существовали лишь пока онъ былъ живъ. Изложивъ подробно найденную переписку, среди которой оказалось не мало документовъ и эпохи отца Аменхотепа IV—Аменхотепа III, референтъ пытался объяснить странный фактъ составленія офиціальныхъ бумагъ въ Египтѣ въ XV—XIV вв. до Р. Х. на ассиро-вавилонскомъ языкѣ (на немъ написаны почти всѣ плиты), главнымъ образомъ предшествовавшимъ этой эпохѣ могуществомъ Ассиро-вавилонской монархіи. Кромѣ того онъ отмѣтилъ тутъ же интереснѣйшій фактъ, впрочемъ указанный Обществу еще раньше М. В. Никольскимъ, что Іерусалимъ уже существовалъ за XV в. до Р. Х., какъ о томъ свидѣтельствуетъ переписка градоначальника этого города съ фараономъ (Докладъ г., Грингмута напечатанъ въ *Русск. Обозр.* 1896 г. апрѣль).

Г. А. Муркосъ прочелъ введеніе къ сдѣланному имъ переводу путешествія антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII в. (съ

арабской рукописи Моск. Главн. Архива Мин. Ин. Дѣлъ). Г. А. указалъ на особый интересъ, представляемый этимъ „Путешествіемъ", которое принадлежитъ перу архидіакана Павла Алепскаго, сына и спутника Макаріева. Изо всѣхъ дошедшихъ до насъ описаній древней Россіи, сдѣланныхъ иностранцами, лишь это принадлежитъ православному человѣку, понимавшему нашу церковную жизнь и имѣвшему свободный доступъ къ ней. Изъ пяти рукописей „Путешествія", которыя были извѣстны въ половинѣ нашего вѣка, одна находится въ Лондонѣ, и по ней издалъ свой англійскій переводъ Бельфуръ; три въ Россіи—всѣ снятыя съ одной дамасской рукописи 1700 г.; одну видѣлъ Сенковскій на Ливанѣ. Въ рукописи Моск. Архива Ин. Дѣлъ интересенъ, отсутствующій у Бельфура, списокъ антіохійскихъ патріарховъ, составленный Павломъ, съ указаніемъ, что „исторія антіохійскихъ патріарховъ", вошедшая въ одноименный трудъ свящ. Брека (переведенный преосв. Порфиріемъ Успенскимъ) написана имъ же, Павломъ (а не Макаріемъ, которому приписываетъ ее Брекъ и преосв. Порфирій), за исключеніемъ 1539—1648 гг., принадлежащихъ Макарію. Далѣе Павелъ даетъ любопытныя свѣдѣнія о Макаріи въ бытность его митрополитомъ алепскимъ, и расказываетъ подробно объ избраніи его на патріаршій престолъ. Ничего этого нѣтъ ни въ изданіи Бельфура, ни въ исторіи Брека, и нынѣ обнародывается въ первый разъ, какъ и всѣ литургическія описанія и т. п., пропущенныя въ переводѣ Бельфура. Въ заключеніе Г. А. прочелъ два отрывка изъ своего перевода: о пребываніи Макарія, тогда еще Мелетія митрополита алепскаго, въ Іерусалимѣ и о куріозной встрѣчѣ въ Алепѣ привезенной турками изъ Персіи чудодѣйственной воды птицы самармаръ. (Полный переводъ, съ предисловіемъ Г. А., начатъ печатаніемъ съ февр. книжки „Русскаго Обозр.", 1896 г.).

Третьимъ референтомъ выступилъ проф. Р. Ѳ. Брандтъ, съ докладомъ „Черты доисторическаго быта Славянъ по даннымъ языка". Исходя изъ того положенія, что существованіе однихъ и тѣхъ же словъ для обозначеніи однихъ и тѣхъ же понятій въ нарѣчіяхъ какого либо языка даетъ поводъ заключить о состояніи быта народа, владѣвшаго пра-языкомъ тѣхъ нарѣчій, докладчикъ собралъ подобныя обозначенія въ различныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ и по этимъ даннымъ пра-славянскаго языка пытался начертить картину быта древнихъ Славянъ, причемъ пришелъ къ выводу, что бытъ этотъ былъ бытомъ осѣдлымъ. Докладъ этотъ вызвалъ оживленный обмѣнъ мыслей между проф. Брандтомъ и членами Общества, причемъ Д. И. Иловайскій, находилъ, что приведенныхъ референтомъ данныхъ очень недостаточно для подобнаго вывода, что они одинаково могутъ относиться къ осѣдлому и кочевому быту, а отсутствіе такихъ словъ, какъ *полъ*, *потолокъ*, *дымовая труба*, прямо говоритъ въ пользу кочеваго быта древнихъ Славянъ.

Въ распорядительномъ засѣданіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества 23 февраля 1896 г., кромѣ текущихъ дѣлъ, обсуждался вопросъ новой редакціи „Археол. Изв. и Замѣтокъ", въ виду отъѣзда

изъ Москвы И. А. Линниченко и отказа В. М. Михайловскаго. Рѣшено было выразивъ гг. Линниченко и Михайловскому искреннее сожалѣніе о невозможности имъ далѣе редактировать журналъ и глубокую благодарность за труды ихъ по этому редактированію, просить предсѣдателя Общества гр. П. С. Уварову взять на себя это дѣло, на что графиня и выразила свое согласіе. Кромѣ того были выработаны desiderata для Самаркандскаго Музея и предъявленъ только что вышедшій въ свѣтъ 1 вып. Трудовъ Предварительнаго Комитета X Археологическаго Съѣзда, въ г. Ригѣ, печатавшійся подъ редакціей секретаря Комитета В. К. Трутовскаго.

VI.

Библіографія.

Записки Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества. Т. VII, *вып. 3—4, съ 17 таблицами. Спб. 1895.* Стр. 1—6. Памяти Императора Александра III (съ портретомъ)—IX. Сибирскія древности. Изъ путевыхъ записокъ *В. В. Радлова* (пер. съ нѣм. изд. Aus Sibirien, сдѣланный графомъ А. А. Бобринскимъ): могилы долины Енисея, на Алтаѣ, бронзовый и мѣдный періодъ въ этихъ могилахъ (кинжалы, стрѣлы, сбруя, пряжки, зеркала, серьги, украшенія въ видѣ животныхъ; есть остатки и золота), раскопки въ Барнаулѣ и Барабинской степи (съ предметами изъ желѣза (стр. 147—216)—X. Описаніе монетъ, поступившихъ въ мое собраніе въ 1892 и 1893 гг.—X. X. *Гиля:* издано въ снимкахъ и описано монетъ Ольвіи 30, Тира 11, Херсониса 77; наиболѣе замѣчательны монеты: золотой статиръ Миѳридата Евпатора, безъ имени ΜΙΘΡΙΔΑΤΟΥ, девять тетрадрахмъ того же царя и золотой статиръ Миѳридата, сына Аспурга, (стр. 217—229).—XI. Бронзовый коптскій сосудъ. *В. Г. Бока:* сосудъ найденъ въ 1891 г. въ Луксорѣ и пріобрѣтенъ В. С. Голенищевымъ; найденъ онъ въ храмѣ египетскомъ Мединетъ-Абу, обращенномъ въ христіанскій, почему здѣсь находки христіанскаго характера не рѣдки; относится къ раннему періоду развитія самостоятельнаго коптскаго искусства (IV—VIII в.), создавшагося болѣе или менѣе независимо отъ вліянія Византіи; по орнаменту его можно сблизить съ тканями Сиріи и Персіи. Описаніе сосуда предшествуется очеркомъ взглядовъ на коптское искусство, которое „слѣдуетъ выдѣлить въ самостоятельную научную и художественную область“, и заключается библіографіей по исторіи коптскаго искусства (стр. 230—246)—XII. Археологическая находка конца X в. въ Глазовскомъ у. Вятской губерніи, *А. А. Спицына:* находка сдѣлана въ 1883 г. и состояла: изъ серебряной гривны обычнаго типа, бляхи серебряной съ изображеніемъ сцены охоты, двухъ мѣдныхъ изображеній всадниковъ, трехъ

серебряныхъ серегъ, перстня, двухъ серебряныхъ бляхъ и семи диргемовъ второй половины X в. (стр. 247—248).—*Протоколы* Общества 1893 г. (стр. I—LXXIX). Въ приложеніяхъ отзывы о сочиненіяхъ: 1) В. К. Мальмберга „Метопы древнегреческихъ храмовъ". Рецензентомъ (А. Н. Щукаревымъ) изложено содержаніе труда Мальмберга, капитальнаго „вклада не только въ русскую, но и въ общую археологическую науку" (стр. LXXX—LXXXIII). 2) „Памятники древнерусскаго зодчества въ предѣлахъ Калужской губерніи" М. Т. Преображенскаго; въ числѣ недостатковъ работы отмѣчено (В. В. Сусловымъ) невѣрное опредѣленіе первоначальнаго типа пятиглавыхъ церквей, какъ прямоугольныхъ (а не квадратныхъ) въ основаніи, недостаточно ясно показанное соотвѣтствіе между внутреннимъ и наружнымъ перекрытіями церквей (LXXXIV—LXXXVII). 3) „Евангеліе въ памятникахъ иконографіи" Н. В Покровскаго: А. И. Кирпичниковъ, изложивъ содержаніе разбираемаго имъ сочиненія, дополнилъ матеріалъ по иконографіи разобранныхъ Н. В. Покровскимъ сюжетовъ преимущ. западными параллелями (LXXXVIII—CXL). Далѣе слѣдуютъ: указатель географич. и личныхъ именъ въ томѣ, списокъ членовъ Общества. Въ приложеніяхъ продолженіе изданія В. В. Латышева—тексты греческихъ писателей, касающихся Черноморскаго побережья, съ переводомъ на русскій (стр. 377—552).

М. Сп.

Sitzungsberichte d. Gesellschaft für Geschichte u. Alterthumskunde d. Ostseeprovinzen Russlands aus dem Jahre 1895. Riga, 1896, 8°, 180.

Годовыя „Извѣстія" рижскаго Общества Исторіи и Древностей представляютъ книжку небольшую и компактную, изданную дешево и аккуратно и богатую интереснымъ матеріаломъ. Главную часть составляютъ протоколы 9 засѣданій за 1895 г., при чемъ главные доклады напечатаны цѣликомъ, какъ приложенія, а содержаніе другихъ изложено въ протоколахъ. Въ концѣ книги--списокъ докладовъ со ссылками на страницы книги.

И въ этомъ, какъ въ 1894 г., Общество оживленно готовилось къ Рижскому Археологическому Съѣзду: докладами, раскопками, заботами о выставкѣ. Въ мартѣ, подъ предсѣдательствомъ графини Уваровой состоялось собраніе по Съѣзду, учредившее Предварительный Комитетъ съ г. Беттихеромъ во главѣ.

Проф. Розенбергъ копалъ у *Буртнекскаго озера*, въ мѣстахъ, отмѣченныхъ уже находками каменнаго вѣка [1]): у хутора Свейнеке (найдены теперь каменные: кельтъ, ножъ, буса; затѣмъ кремни, глиняный черепокъ) и на богатомъ кухонными отбросами холмѣ Риннекальнъ, на р. Салисѣ. Риннекалькъ раскапывали уже: гр. Сиверсъ, одинъ и съ Вирховомъ, и Зоммеръ; теперь найденны: каменный конецъ копья, точильный брусокъ, 17 отдѣланныхъ костей (ножи, пилы, шила, стрѣлы, копья), 12 отдѣланныхъ зубовъ (лось, bos

[1]) *Н. Н. Харузинъ. Обзоръ доисторической археологіи въ Балтійскихъ губ. по трудамъ мѣстныхъ изслѣдователей.* Ревель, 1894 г., стр. 15—19.

primigenius, кабанъ, медвѣдь, малые хищники, жвачное); въ массѣ кухонныхъ отбросовъ представлены: bos primigenius, бобръ, кабанъ (т. е. три вымершіе вида), лось, медвѣдь, барсукъ, заяцъ; корова, овца, свинья, собака; утки, гуси, лебеди; рыбы (щучьи челюсти) и особенное множество раковинъ, отъ которыхъ и земля стала сѣроватой.

Въ Кремонскомъ приходѣ, у *Нейюфа*, проф. Хаусманнъ съ товарищами добылъ при раскопкахъ бронзовое копье—первое на материкѣ Лифляндіи [2]); могилы были и съ сожженіемъ, и съ погребеніемъ; два изъ кургановъ послѣдняго рода были окружены каждый валомъ. Въ *Кремонѣ*, гдѣ всѣ курганы были уже раскопаны или тронуты, теперь копалъ г. Якшъ. Открыты бусы стеклянныя (округлыя, позолоченныя и посеребренныя); бусы золотыя и серебряныя (цилиндрическія); у лѣваго плеча кусочекъ дерева, обвитый бронзовою спиралью, и въ томъ же направленіи, у живота, кусочекъ дерева же (какъ полагаетъ г. Якшъ, остатки жезла; ср. *Bähr. Die Gräber d. Liven*, табл. XV, 14); бронзовая спираль, сант. въ 8, лежала, вздѣтая на ремешокъ, на овальномъ кусочкѣ кожи въ $11^1/_2 \times 3^1/_2$ стм. (по мнѣнію г. Якша, сохранившаяся часть ожерелья); наконецъ открытъ желѣзный топоръ, похожій на рис. 5 табл. XVIII Осборна въ „*Das Beil u. seine Typen in Vorhistor. Zeit*" и на рис. 5 табл. XV „*Люцинскаго могильника*". Въ тѣхъ же мѣстностяхъ находимы были отдѣланные кремни. Могильникъ въ *Кайпенѣ* разрытъ г. Бухгольцомъ съ товарищами. Вещи оказались родственными съ Люцинскими; особенно типична фибула (ср. „*Люцинскій могильникъ*", табл. VI, 17) — „совиная", какъ предлагаетъ назвать ее Бухгольцъ; Кайпенскій экземпляръ былъ изъ трехъ металловъ: основа—мѣдная, окладка—серебряная, игла — желѣзная. Кромѣ одной, найденной у Либавы (*Necrolivonica*, табл. 35, d.), въ Ливоніи фибулъ этой формы доселѣ не находили. Бухгольцъ приписываетъ могильникъ латышамъ, основываясь на выводахъ Билленштейна о разселеніи латышей [2]) и на родствѣ вещей съ вещами въ Ашераденѣ, Кукенхузенѣ, Дюнгофѣ, Одсенѣ, и отмѣчаетъ отсутствіе орнамента „волчьимъ укусомъ", столь частаго у ливовъ и эстовъ, и рѣдкаго у латышей. Въ *Кардисѣ* (извѣстному по мирному договору Россіи со Швеціей въ 1661 г.) гг. Шредеръ и Думбергъ раскопали еще въ 1889 г. каменный общественный могильникъ съ сожженіемъ (Steinreihen-Brandgrab) [3]) и среди интересныхъ вещей нашли круглую фибулу съ красной, зеленой, бѣлой и синей эмалью. Нынѣ гг. Хаусманнъ и Левисъ-офъ-Менаръ раскрыли другой такой же могильникъ. Среди поля было необработанное (указаніе на камни) пространство въ 25×15 метровъ, заросшее дерномъ и кустами. На уровнѣ почвы лежали

---

[1]) Предметы бронзоваго вѣка крайне рѣдки въ Прибалт. краѣ: въ 1894 году ихъ было извѣстно, повидимому, не болѣе *пяти* счетомъ. *Харузинъ*, 32.

[2]) *A. Bielenstein. Die Grenzen d. lettischen Sprache in d. Gegenwart u. im XIII. Jahrhundert.*

[3]) О могилахъ этого рода, которыя прежде назывались «корабельными», которыя Хаусманнъ назвалъ «Steinreihengräber», а Висковатовъ и Харузинъ называютъ «общественными могильниками съ сожженіемъ», см. *Харузинъ*, съ 62 стр.

близко другъ отъ друга или вплотную камни, длиною съ метръ, порой какъ бы правильными рядами, но не давая опредѣленной фигуры; среди нихъ гнѣздами остатки жженыхъ костей и вещи; до половины высоты большихъ камней земля была покрыта въ промежуткахъ слоемъ камней съ кулакъ величиною. Въ юго-западномъ концѣ могильника найдены вещи бронзовыя (фибулы, спирали, цѣпи, перстни, браслетъ), въ сѣверо-восточномъ—желѣзныя (кельтъ съ ушкомъ, ножъ, кольца, игла), въ промежуткѣ не было металлическихъ вещей. Желѣзныя вещи лежали внутри овальнаго двора, образованнаго большими камнями. Доселѣ въ Лифляндіи найденъ былъ лишь одинъ кельтъ съ ушкомъ — въ Тарвастѣ (хранится въ Гельсингфорсѣ и изданъ Аспелиномъ). Могилу докладчикъ относитъ къ раннему желѣзному вѣку II—V вв. по Р. Х. [1]).

Прибалтійскій край очень богатъ *городищами*, и изслѣдованіе ихъ представляло бы большой интересъ; но оно не по средствамъ для мѣстныхъ Обществъ [2]). Въ 1895 г., вслѣдствіе постройки плотины было разрушено Монское городище (значительная эстская крѣпость, завоеванная нѣмцами въ 1227 г.—Генр. Лат. XXX, 4). По просьбѣ Общества, лифляндскій губернаторъ приказалъ сдѣлать чертежи городища, составить списокъ находокъ и передать вещи въ аренсбургское Общество Изученія о. Эзеля; это большею частью желѣзное оружіе и нѣмецкія монеты конца XII и нач. XIII в. Г. Кейсслеръ, возражая Билленштейну, отождествлявшему древнюю латышскую Аутину съ Володимерцемъ—Вольмаромъ, указывалъ, что въ виду Генр. Лат. XVI, 7; XVII, 4 и 6; XVIII, 2,—medium identificationis Б—на, *Метимну* никакъ нельзя отожествлять съ Аутиной. Наконецъ К. Левисъ-офъ-Менаръ далъ статью о бывшемъ нѣмецкомъ замкѣ Фределандѣ, или Трейденѣ, построенномъ въ 1214 г., близь разрушенной въ 1212 г. латышской Торейды. Д-ръ Транзе-Розенекъ прочелъ отрывки своего сочиненія „о до-нѣмецкой эпохѣ"—политической и культурной исторіи туземнаго населенія до XIII в.

Чтобъ покончить съ временемъ древнимъ, упомянемъ, наконецъ, о докладѣ г. Хакманна, сообщившаго о способѣ, примѣняемомъ въ Гельсингфорсскомъ музеѣ для сохраненія желѣзныхъ ископаемыхъ вещей: для вещей лежавшихъ въ пескѣ и обратившихся въ массу ржавчины—погруженіе нѣсколько разъ въ 3 — 4% растворъ камеди въ обыкновенномъ ламповомъ спиртѣ; для вещей лучше сохранившихся, но не доступныхъ болѣе старательной очисткѣ—варка (минутъ 15, или пока идутъ пузыри, пока, слѣдовательно растворъ еще проникаетъ въ ржавчину) въ растворѣ одной части копаловой олифы на три части льнянаго масла; растворъ этотъ, до опусканія вещей долженъ согрѣться, при варкѣ ихъ не доходить до температуры кипѣнія (75°С); вещи погружаются завязанными въ тюлѣ, а по вынутіи сушатся день на сѣткѣ, чтобъ стекало масло, а потомъ недѣли двѣ просто, будучи переворачиваемы каждые три дня.

---

[1]) О двухъ желѣзныхъ періодахъ въ краѣ см. *Харузина* съ 83 стр.

[2]) *Харузинъ*, 34—35.

Присланный по ходатайству графини Уваровой экземпляръ „Описи Московской Оружейной Палаты“ далъ поводъ къ докладу знатока серебрянаго прибалтійскаго дѣла, г. А. Бухгольца (автора „Goldschmiedearbeiten“)—о серебряныхъ вещахъ рижскаго дѣла въ Оружейной Палатѣ. Сокращенно передавая взъ „Описи“ описаніе №№ 841, 988, 1591, 2076, 2164 (и указывая на большаго орла табл. 304) г. Бухгольцъ прибавляетъ имена мастеровъ и даты. Замѣтимъ, что кромѣ этихъ пяти №№ Опись указываетъ рижскія марки въ №№: 842, 1167 и 2198; въ послѣднемъ клейма совсѣмъ тверды, и Ю. Д. Филимоновъ („Опись“, ч. 10) даетъ имя мастера (Андрей Беккеръ, мастеръ въ 1663 г.). Бухгольцъ же сообщилъ о новой датѣ, какую даетъ Menadier, въ 3 т. „Deutsche Münzen“, мѣдной чашѣ съ медальонами имп. Оттона, найденной у Феллина въ 1886 г.; онъ относитъ ее не къ XI, а къ XII в. (дѣло, вѣроятно, магдебурское) и опредѣляетъ какъ patenam chrismalem—чашку, въ которой держали мѵро при мѵропомазаніяхъ. Тогда возможно, говоритъ Бухгольцъ, что чашка эта употреблялась первыми нѣмецкими проповѣдниками при крещеніи туземцевъ. Онъ же, возражая Сапунову (*Рѣка Западная Двина*. Витебскъ 1893 г.), приводитъ документы Рижскаго городскаго Архива, свидѣтельствующія о *трехъ* серьезныхъ работахъ по очисткѣ Двины: въ 1597—1606, 1619 и 1639 гг. Интересны здѣсь названія камней, подлежавшихъ устраненію: русскіе всѣхъ ихъ называли *болванами* (Bollowan, Bolwan—*„большой болванъ“*, *„малый болванъ“* просто *„болванъ“*), у туземцевъ же (die Undeutschen) они именовались описательно: *Батюшка* (lieber Vater), *Батюткинъ слуга*, *Жаба*, *Злой вѣстникъ*, *Ежъ*, *Берегись большого*. Д-ръ Нейманнъ сообщилъ, по Mittheil. f. Geschichte d. Deutschen in Böhmen, 1870, содержаніе дневника торговца богемскимъ стекломъ, Крейбиха, ѣздившаго съ 1683 года семь разъ въ Прибалтійскій край, Польшу и Россію (гдѣ ему покровительствовалъ кн. В. В. Голицынъ). Далѣе отмѣтимъ доклады: о счетахъ купца Hinkelday въ 1654—59 гг.; объ актахъ капитуляціи Юрьева (Дерпта) въ 1656 г.; о спискѣ рижскихъ ремесленниковъ изъ XVII в., о дневникѣ рижскаго городскаго ревизора Толькса въ 1700 — 1710 гг. (гг. Бушъ, Меттихъ, онъ-же, Бинеманъ). — По просьбѣ предсѣдателя Общества бар. Бруйнингка, военно-историческое Отдѣленіе шведскаго Архива Генер. Штаба любезно дало справки о Іоганнѣ Крузе, antecessor matrimonii Петра Великаго. въ дополненіе къ справкамъ изъ бывшей лифляндской оберъ-консисторіи (Sitzungsber. 1894, 117): дѣйствительно, нашлись свѣдѣнія о прохожденіи имъ службы въ шведскихъ войскахъ, въ дружинѣ эстляндскаго дворянства, съ 5 іюля 1702 г. по 2 мая 1710 г.; дальше свѣдѣній нѣтъ, что заставляетъ думать, что при капитуляціи Ревеля въ сентябрѣ 1710 г., онъ раздѣлилъ участь своего полка (полкъ Нирота), т. е. попалъ въ русскій плѣнъ. — Остальные доклады имѣютъ преимущественно мѣстное историческое значеніе.

Кончая обзоръ нашъ, не скроемъ, что намъ отрадно было убѣдиться, что не безплодно посылаются въ Ригу русскія ученыя изданія: ихъ читаютъ,

по нимъ занимаются, и черезъ посредство ихъ мѣстные ученые входятъ въ общую жизнь русской науки.

Въ библіотекѣ Общества гг. Бинеманнъ младшій и Бушъ размѣщали систематично книги и составляли систематичный же карточный каталогъ; упорядочены отдѣлы: рускій, изданія рижскаго городскаго управленія и правительственный курляндскій, и образованъ вновь отдѣлъ археологіи. Среди этихъ работъ въ библіотекѣ сдѣланы были оригинальныя находки: внутри *переплета* книги, изданной въ 1607 г. въ Лейпцигѣ найдены три листа игральныхъ картъ: двѣ одинаковыя колоды, въ 36 картъ каждая, принадлежащія концу XVI в. Вслѣдъ затѣмъ въ переплетѣ книги, изд. 1673 г. въ Нейссе, найдены три игральныя карты, которыя г. Уоллстонъ Франкъ (Британскаго Музея, знатокъ старинныхъ картъ) отнесъ къ концу XVII в.—Такъ, т. е. внутри переплета, была уже найдена одна изъ колодъ нюрнбергскаго Германскаго Музея.

С. С.

Sitzungsberichte d. Gelehrten Estnishen Gesellschaft, 1895 (Юрьевъ, 1896 г.).—Мал. 8° (16°), 175 стр. Ц. 80 к.

„Извѣстія" Эстонскаго Ученаго Общества издаются по той же программѣ, какъ „Извѣстія" рижскаго Общ. Ист. и Древн. Но бюджетъ Эст. Общ. втрое меньше (ок. 1100—1200 р.), и книжка почти втрое меньше: слѣдовательно приходится часто ограничиваться сжатымъ указаніемъ на докладъ, вмѣсто подробнаго изложенія. Пробѣлъ этотъ пополняется изданіемъ „Трудовъ" (Verhandlungen) Общества, послѣдній, 16-й томикъ которыхъ вышелъ тремя выпусками въ 1891—94 гг.

Въ отчетѣ истекшій годъ названъ наиболѣе богатымъ работою за все, болѣе чѣмъ полувѣковое существованіе Общества: въ этотъ годъ приведены въ порядокъ богатыя коллекціи Общества, неоцѣнимыя для археологіи края (въ томъ числѣ собраніе графа Сиверса), и шла оживленная подготовительная работа къ Рижскому Съѣзду. Знакомый Москвѣ проф. Рих. Хаусманнъ, окруженный своими помощниками, являлся тутъ не только главнымъ, но почти титаническимъ дѣятелемъ. Онъ велъ трудъ устроенія музея Общества; объѣздилъ важнѣйшія собранія края, выбирая вещи для выставки; произвелъ раскопки: въ Кардисѣ (см. Sitzungsber. рижскаго Общ. Ист. и Др.), Аллацкиви, у Валька, Кремона, Іеве, Кукерса, Тюрпсаля, Вайвары, въ Феллинѣ, Хейманалѣ и Паюсѣ. Можно безъ преувеличенія сказать, что выставка при Съѣздѣ будетъ болѣе всего его личнымъ созданіемъ.

Въ книжкѣ подробно описаны раскопки гг. Хаусманна и Кёрбера въ Вайварѣ. Въ сотнѣ шаговъ отъ моря и въ 30 шагахъ другъ отъ друга, было три кургана, поросшихъ елями и покрытыхъ мхомъ, изъ котораго торчали камни. Устройство всѣхъ трехъ оказалось одинаковымъ и типичнымъ: въ прибрежномъ пескѣ вырыта яма, глубиною съ метръ, и дно ея выравнено горизонтально; туда положены трупы, на спинѣ, съ СЗ на ЮВ (головой къ

С) на подстилкѣ изъ крупнаго хряща, простирающагося на такое же пространство, какъ кости. Въ одной могилѣ лежало два трупа параллельно, (одинъ—лѣтъ 20-ти), въ другой—одинъ, въ третьей было одно регулярное погребеніе и одно безпорядочное, выше перваго. Возлѣ костей лежали кости животныхъ (опредѣлялись: кости коровы, лошадиный зубъ); одна кость была просверлена, другая обработана ножемъ. Рядомъ со скелетами, на матерой землѣ, оказывались угли и зола: тризна совершалась, когда трупъ еще не былъ зарытъ, и кости животныхъ, зола и уголь, вѣроятно, намѣренно ссыпались въ яму. Вещей найдено не было. Послѣ тризны трупъ засыпался землею, а затѣмъ (въ ямѣ и поверхъ ея) камнями, иногда больше головы, иногда больше метра величиною, и получались „каменные курганы" (Steinhügelgräber). Снаружи поперечникъ кургана былъ 6—7 м., что было необходимо, какъ указываетъ г. Кёрберъ, при рытьѣ въ морскомъ пескѣ ямы, въ метръ глубиною; высота кургановъ была 0,50 — 1,10 м. Всѣ три кургана были, вообще говоря, цѣлы. Тѣмъ страннѣе то обстоятельство, что въ одномъ изъ нихъ (во 2-омъ) внизу оказались только нижнія конечности, но лежавшія правильно въ порядкѣ, и съ подстилкой хряща только въ ихъ мѣру; выше, приблизительно на горизонтѣ почвы, лежали перепутанныя, но защищенныя камнями собственно кургана кости, несомнѣнно, другого человѣка, такъ какъ среди нихъ были опять оба бедра; между тѣмъ каменное сооруженіе казалось нетронутымъ. Указавъ, что тризна и направленіе головой къ сѣверу *) говорятъ о языческомъ погребеніи, г. Хаусманнъ замѣчаетъ, что мы доселѣ знаемъ очень мало объ эстскомъ курганномъ погребеніи; несомнѣнно извѣстна, какъ эстская, только одна могила: Иннисъ при Везенбергѣ, гдѣ найденъ красивый уборъ X в. (собраніе Эст. Учен. Общ.). Въ 1894 г. д-ръ Шредеръ вскрылъ у Вирцскаго озера, въ Ранденѣ, могилу, похожую на вайварскія: и въ Ранденѣ несоженныя кости лежали подъ каменной кучей, и не было вещей; но тамъ не было костей животныхъ, а покойники (ихъ было не менѣе двухъ: одинъ—взрослый, другой—ребенокъ) лежали на каменной настилкѣ, подъ которой былъ еще песокъ, а затѣмъ только матерая земля. И такъ, вайварскіе курганы представляютъ пока особый типъ, черты котораго: положеніе покойника на матерой землѣ, безъ вещей, подъ большой кучею камней, и нахожденіе въ могилѣ костей животныхъ.

О раскопкахъ пр. Хаусманна у Кремона (въ Нейгофѣ), гдѣ найдено бронзовое копье, и въ Кардисѣ, гдѣ разрытъ каменный общественный могильникъ, см. Sitzungsber. рижскаго Общ. Ист. и Др.

Г. Биленштейнъ раскопалъ два кургана въ Ней-Койкюллѣ (приходъ Пёльве, въ Лифляндіи). Они были вышиною въ 1,40 и въ 1 м., близъ вершины оказались обожженныя людскія кости и съ ними: украшеніе изъ медвѣжьей кости, бронзовая спираль съ узоромъ волчьимъ укусомъ, бронзовая бляха; ниже, на уровнѣ почвы — погребенья (въ одномъ случаѣ скелетъ

*) *Харузинъ*, 135.

ика, длиною 1,74 м., головою на востокъ) и при нихъ желѣзные: сѣ-
, наконечники копій и кольцо, бронзовая фибула подковой, отчасти по-
бреная (такая фибула была найдена въ Везенбергѣ съ арабской мене-
X в.), бронзовыя спирали (такія же, какъ упомянутая спираль въ верх-
сожженіи), орѣховая съ бронзовой проволокой рукоятка желѣзнаго
, остатки серебрянаго головного убора и (м. б. къ нему же) бронзовая
и наконецъ, глиняные сосуды: въ ногахъ у старика стоялъ горшокъ
1 см. выш. и разсыпавшаяся чашка около 21 см. въ поперечникѣ; въ
ой могилѣ стояло по горшку на З и на В, въ разстояніи 7—8 футовъ
ъ отъ друга. Обстановка эта обычная въ курганахъ эстскаго края, и
Хаусманнъ готовъ предположить эти курганы эстскими и относитъ ихъ
XI в. (и нижнее погребеніе, и верхнее сожженіе).

Общество живо интересуется эстской стариной. Такъ, маститый пред-
тель его, проф. Лео Мейеръ, изъ своихъ двухъ докладовъ одинъ по-
илъ лифляндскому нѣмецкому словарю Гутцейта, а другой—источникамъ
каго языка; далѣе Общество заботилось о расширеніи своего этногра-
скаго собранія, а г. Юнгъ, учитель въ Абіа, черезъ воззваніе въ эст-
ъ газетахъ собиралъ свѣдѣнія о мѣстахъ, отмѣченныхъ археологиче-
и памятниками и народными преданіями, и въ 70 отвѣтахъ изъ раз-
мѣстностей получилъ богатый матеріалъ для археологической карты.
ти отмѣтимъ любопытный разсказъ г. Хаусманна о старомъ крестья-
, приходившемъ изъ-подъ Феллина въ Вайвару посмотрѣть могилу Ка-
ча, мѣстоположеніе которой (на среднемъ изъ трехъ кургановъ) онъ
алъ, а затѣмъ легко нашелъ, хотя самъ прежде не былъ тамъ и хотя
Вайварѣ этого преданія не знали, а изслѣдователи также не знали пре-
я о подвигахъ Калевича въ восточной части Вирландіи.

По поводу вопроса о библіотекѣ Іоанна Грознаго пр. Хаусманнъ, во-
интересуясь пропавшей рукописью Дабелова, напечаталъ воззваніе съ
аніемъ сборника и съ просьбой сообщить, если онъ гдѣ найдется. Бар.
ь прочелъ о пасторѣ Веттерманѣ въ 1547—1555 г., по актамъ Юрьев-
Думы (тотъ же источникъ у Клоссіуса, *Dorpater Jahrbücher*, III, 1834 г.).

Г. Штильмаркъ прислалъ изъ Твери фотографію серебрянаго потира,
адлежащаго Тверскому Музею; самая чаша — русскаго дѣла, а низъ —
снаго нѣмецкаго, съ головками ангеловъ и съ надписями, на стоянѣ:
t help“ и ниже „Maria“, а на поддонѣ: „Dieser Kelch gehört zu Sanct
arinen den jungfrauen“, т. е., какъ объясняетъ г. Хаусманнъ, бывшему
гда въ Юрьевѣ дѣвичьему Екатерининскому монастырю, относясь не
нѣе какъ къ XV в.

С. С.

С) на подстилкѣ изъ крупнаго хряща, простирающагося на такое же пространство, какъ кости. Въ одной могилѣ лежало два трупа параллельно, (одинъ—лѣтъ 20-ти), въ другой—одинъ, въ третьей было одно регулярное погребеніе и одно безпорядочное, выше перваго. Возлѣ костей лежали кости животныхъ (опредѣлялись: кости коровы, лошадиный зубъ); одна кость была просверлена, другая обработана ножемъ. Рядомъ со скелетами, на матерой землѣ, оказывались угли и зола: тризна совершалась, когда трупъ еще не былъ зарытъ, и кости животныхъ, зола и уголь, вѣроятно, намѣренно ссыпались въ яму. Вещей найдено не было. Послѣ тризны трупъ засыпался землею, а затѣмъ (въ ямѣ и поверхъ ея) камнями, иногда больше головы, иногда больше метра величиною, и получались „каменные курганы" (Steinhügelgräber). Снаружи поперечникъ кургана былъ 6—7 м., что было необходимо, какъ указываетъ г. Кёрберъ, при рытьѣ въ морскомъ пескѣ ямы, въ метръ глубиною; высота кургановъ была 0,50 — 1,10 м. Всѣ три кургана были, вообще говоря, цѣлы. Тѣмъ страннѣе то обстоятельство, что въ одномъ изъ нихъ (во 2-омъ) внизу оказались только нижнія конечности, но лежавшія правильно въ порядкѣ, и съ подстилкой хряща только въ ихъ мѣру; выше, приблизительно на горизонтѣ почвы, лежали перепутанныя, но защищенныя камнями собственно кургана кости, несомнѣнно, другого человѣка, такъ какъ среди нихъ были опять оба бедра; между тѣмъ каменное сооруженіе казалось нетронутымъ. Указавъ, что тризна и направленіе головой къ сѣверу *) говорятъ о языческомъ погребеніи, г. Хаусманнъ замѣчаетъ, что мы доселѣ знаемъ очень мало объ эстскомъ курганномъ погребеніи; несомнѣнно извѣстна, какъ эстская, только одна могила: Иннисъ при Везенбергѣ, гдѣ найденъ красивый уборъ X в. (собраніе Эст. Учен. Общ.). Въ 1894 г. д-ръ Шредеръ вскрылъ у Вирцскаго озера, въ Ранденѣ, могилу, похожую на вайварскія: и въ Ранденѣ несоженныя кости лежали подъ каменной кучей, и не было вещей; но тамъ не было костей животныхъ, а покойники (ихъ было не менѣе двухъ: одинъ—взрослый, другой—ребенокъ) лежали на каменной настилкѣ, подъ которой былъ еще песокъ, а затѣмъ только матерая земля. И такъ, вайварскіе курганы представляютъ пока особый типъ, черты котораго: положеніе покойника на матерой землѣ, безъ вещей, подъ большой кучею камней, и нахожденіе въ могилѣ костей животныхъ.

О раскопкахъ пр. Хаусманна у Кремона (въ Нейгофѣ), гдѣ найдено бронзовое копье, и въ Кардисѣ, гдѣ разрытъ каменный общественный могильникъ, см. Sitzungsber. рижскаго Общ. Ист. и Др.

Г. Биленштейнъ раскопалъ два кургана въ Ней-Койкюллѣ (приходъ Пёльве, въ Лифляндіи). Они были вышиною въ 1,40 и въ 1 м., близъ вершины оказались обожженныя людскія кости и съ ними: украшеніе изъ медвѣжьей кости, бронзовая спираль съ узоромъ волчьимъ укусомъ, бронзовая бляха; ниже, на уровнѣ почвы — погребенья (въ одномъ случаѣ скелетъ

*) *Харузинъ*, 135.

старика, длиною 1,74 м., головою на востокъ) и при нихъ желѣзные: сѣкира, наконечники копій и кольцо, бронзовая фибула подковой, отчасти посеребреная (такая фибула была найдена въ Везенбергѣ съ арабской монетой X в.), бронзовыя спирали (такія же, какъ упомянутая спираль въ верхнемъ сожженіи), орѣховая съ бронзовой проволокой рукоятка желѣзнаго ножа, остатки серебрянаго головного убора и (м. б. къ нему же) бронзовая цѣпь и наконецъ, глиняные сосуды: въ ногахъ у старика стоялъ горшокъ въ 11 см. выш. и разсыпавшаяся чашка около 21 см. въ поперечникѣ; въ другой могилѣ стояло по горшку на З и на В, въ разстояніи 7—8 футовъ другъ отъ друга. Обстановка эта обычная въ курганахъ эстскаго края, и пр. Хаусманнъ готовъ предположить эти курганы эстскими и относитъ ихъ къ XI в. (и нижнее погребеніе, и верхнее сожженіе).

Общество живо интересуется эстской стариной. Такъ, маститый предсѣдатель его, проф. Лео Мейеръ, изъ своихъ двухъ докладовъ одинъ посвятилъ лифляндскому нѣмецкому словарю Гутцейта, а другой—источникамъ эстскаго языка; далѣе Общество заботилось о расширеніи своего этнографическаго собранія, а г. Юнгъ, учитель въ Абіа, черезъ воззваніе въ эстскихъ газетахъ собиралъ свѣдѣнія о мѣстахъ, отмѣченныхъ археологическими памятниками и народными преданіями, и въ 70 отвѣтахъ изъ разныхъ мѣстностей получилъ богатый матеріалъ для археологической карты. Кстати отмѣтимъ любопытный разсказъ г. Хаусманна о старомъ крестьянинѣ, приходившемъ изъ-подъ Феллина въ Вайвару посмотрѣть могилу Калевича, мѣстоположеніе которой (на среднемъ изъ трехъ кургановъ) онъ описалъ, а затѣмъ легко нашелъ, хотя самъ прежде не былъ тамъ и хотя въ Вайварѣ этого преданія не знали, а изслѣдователи также не знали преданія о подвигахъ Калевича въ восточной части Вирландіи.

По поводу вопроса о библіотекѣ Іоанна Грознаго пр. Хаусманнъ, вообще интересуясь пропавшей рукописью Дабелова, напечаталъ воззваніе съ описаніемъ сборника и съ просьбой сообщить, если онъ гдѣ найдется. Бар. Толль прочелъ о пасторѣ Веттерманѣ въ 1547—1555 г., по актамъ Юрьевской Думы (тотъ же источникъ у Клоссіуса, *Dorpater Jahrbücher*, III, 1834 г.).

Г. Штильмаркъ прислалъ изъ Твери фотографію серебрянаго потира, принадлежащаго Тверскому Музею; самая чаша — русскаго дѣла, а низъ — искуснаго нѣмецкаго, съ головками ангеловъ и съ надписями, на стоянѣ: „Gott help“ и ниже „Maria“, а на поддонѣ: „Dieser Kelch gehört zu Sanct Katharinen den jungfrauen“, т. е., какъ объясняетъ г. Хаусманнъ, бывшему нѣкогда въ Юрьевѣ дѣвичьему Екатерининскому монастырю, относясь не позднѣе какъ къ XV в.

С. С.

VII.

Некрологи.

† А. П. Богдановъ.

Ученый міръ понесъ тяжелую утрату въ лицѣ скончавшагося 16 марта Анатолія Петровича Богданова, человѣка, который въ 60 лѣтъ своей жизни „проработалъ два столѣтія", какъ говорилъ про него Вирховъ.

Не касаясь ни высокихъ заслугъ Анатолія Петровича передъ русской зоологіей, ни выдающагося значенія его, какъ международнаго ученаго, мы помянемъ здѣсь, что для антропологіи въ Россіи онъ былъ глашатаемъ, водворителемъ, передовымъ и главнымъ дѣятелемъ; что, благодаря ему, въ Моск. унив. создана въ 1872 г. каѳедра антропологіи; что имъ основаны въ Москвѣ музеи: Политехническій, Этнографическій и Антропологическій и Общество Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи; что онъ организовалъ московскіе съѣзды: Этнографическій въ 1867 г. и Международный Антрополого-археологическій въ 1892 г. и устроилъ выставки при этихъ съѣздахъ и Антропологическую Выставку 1879 года.

Въ составъ Моск. Археол. Общ. А. П-чъ вошелъ въ первый же годъ основанія Общества, когда, побуждаемый раскопками А. А. Гатцука, онъ приступилъ къ систематическому и обширному изслѣдованію кургановъ Московской губерніи, и графъ А. С. Уваровъ, въ первомъ годовомъ собраніи Общества, привѣтствовалъ трудъ А. П-ча: „*Курганное племя Московской губерніи*" *), и указывалъ на важность для науки такихъ изслѣдованій. Раскопки продолжались и въ 1866 г., и плодомъ ихъ появились „*Матеріалы для археологіи кургановъ Моск. губ.*" (въ „Извѣстіяхъ Общ. Люб. Естествозн.", т. IV, 1867 г.).

Затѣмъ въ изданіи „Антропологическая Выставка", въ т. III—V („Изв. Общ. Люб. Естествозн., т. XXXI, XXXV и XLIX, 1879—1882 г.), Богдановымъ помѣщены 28 статей, заключающихъ изслѣдованія имъ череповъ: каменнаго вѣка въ Россіи; курганныхъ: изъ Черниговской губерніи (сѣверяне—двѣ статьи), Курской (Суджане на Пселѣ), Полтавской (скиѳо-сарматской эпохи), Смоленской (2 статьи), Тверской; древнихъ Болгаръ; кургановъ: Приуральскихъ, Тарскаго округа, Тобольской губерніи, Мордовской земли и Касимова; Крымскихъ могилъ, Херсонеса, Инкермана и кургановъ Войска Донскаго; кавказскихъ дольменовъ, кургановъ и могилъ; древнихъ кіевлянъ, древнихъ новгородцевъ; московскихъ кладбищъ XVI—XVIII вѣка.

Кромѣ того, въ трудахъ С.-Петербургскаго Съѣзда Естествоиспытателей въ 1879 г. (и въ книгѣ Иностранцева: „До-историческій человѣкъ по-

*) Въ «Извѣстіяхъ Моск. Унив.» 1865 г. и отдѣльно.

бережья Ладожскаго озера") имъ помѣщена статья „*Человѣкъ каменнаго вѣка*", а въ „Путешествіи въ Туркестанъ" А. П. Федченка (Изв. Общ. Л. Естеств., т. XXXIV)—антропологическія замѣчанія.

Въ 1892 году А. П. подвелъ итоги этимъ 27-лѣтнимъ работамъ въ замѣчательномъ докладѣ на Международномъ Съѣздѣ въ Москвѣ: „*Quelle est la race la plus ancienne de la Russie Centrale?*" (Congrès International d'Archéologie préhistorique et d'Antropologie, 11-me séssion, à Moscou, 1892). Здѣсь онъ обозрѣлъ свои предшествовавшія работы и постепенные выводы ихъ и свелъ ихъ въ одно цѣлое.

Въ 1888 г., когда праздновалось 30-лѣтіе ученой дѣятельности Анатолія Петровича, Московское Археологическое Общество поднесло ему адресъ и избрало въ свои почетные члены. Нынѣ, на основаніи предложенія Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, Моск. Археол. Общ. постановило и у себя открыть подписку на памятникъ А. П. Богданову и на стипендію его имени.

† А. К. Жизневскій.

Едва прошло три дня со смерти А. П. Богданова, какъ новая утрата постигла русскую археологическую семью: 19 марта скончался въ Твери А. К. Жизневскій, самоотверженный основатель и ревностный хранитель и глава Тверскаго Музея и Тверской Архивной Коммиссіи.

А. К., уже будучи 52 лѣтъ отъ роду, принялъ въ 1872 г. въ свое завѣдываніе коллекцію тверскихъ древностей (собранную губернаторомъ кн. Багратіономъ по случаю проѣзда наслѣдника цесаревича Александра Александровича въ 1866 г.), въ которой было въ то время едва 5—6 сколько-нибудь интересныхъ предметовъ, не считая горшка древнихъ денегъ. Средствъ у Музея ни тогда, ни доселѣ не было никакихъ, кромѣ (въ послѣднее время) пособія въ 120 р. Но А. К. отдавалъ и свой трудъ, и свои средства Музею, пріобрѣталъ для него вещи, привлекалъ пожертвованія древностей, изучилъ ради Музея русскую археологію, составилъ описаніе Музея, и до конца жизни не переставалъ горячо заботиться о немъ. Въ послѣднее время ему удалось исходатайствовать для Музея помѣщеніе отъ дворцоваго Вѣдомства, въ сѣверномъ флигелѣ Тверскаго Дворца (прежнее помѣщеніе было и тѣсно, и отбирается нынѣ владѣльцемъ), приспособилъ его для помѣщенія Музея и обратился въ Моск. Археол. Общ. съ просьбой помочь и при устройствѣ Музея въ новомъ помѣщеніи, и въ заботахъ о дальнѣйшемъ упроченіи судьбы его. Во время предсмертной болѣзни А. К. отложилъ 1000 р. изъ своихъ денегъ, назначивъ ихъ на переносъ Музея, и за часъ до кончины послалъ ихъ губернатору съ собственноручной запиской, гдѣ просилъ употребить ихъ для этой цѣли.

Моск. Археол. Общ. съ искреннимъ сочувствіемъ отнеслось къ забо-

тамъ и просьбѣ А. К-ча, обсуждало дѣло о Музеѣ въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ и не перестаетъ заниматься имъ. А около 20-хъ чиселъ апрѣля предсѣдатель Общества графиня П. С. Уварова ѣздила въ Тверь для переговоровъ съ Тверской Архивной Коммиссіей, губернаторомъ и высокопреосвященнымъ архіепископомъ Саввой. Графиня встрѣтила у всѣхъ самое теплое отношеніе къ памяти почившаго и самую искреннюю готовность поддержать и упрочить его просвѣтительное дѣло. На мѣстѣ были обсужены основанія, на которыхъ могъ бы быть упроченъ Музей, и въ непродолжительномъ времени Архивная Коммиссія внесетъ въ Общество подробно разработанный проектъ по этому предмету.

Тверская Архивная Коммиссія основана въ 1884 году. Дѣятельность А. К. Жизневскаго въ качествѣ предсѣдателя ея, его заботливость о занимающихся, его дѣятельная помощь въ занятіяхъ, въ добываніи ученыхъ пособій и т. п., тактъ, широта взгляда и внимательнось къ потребностямъ и обстоятельствамъ—высоко оцѣнены всѣми, кто знакомъ съ ходомъ занятій въ Коммиссіи.

Въ „Древностяхъ“ М. А. О. напечатанъ рядъ статей и замѣтокъ А. К-ча. Такъ, въ IV т., 1874 помѣщены статьи „*Объ иконѣ Спасителя, хранящейся въ Новоторжскомъ Борисоглѣбскомъ монастырѣ*“ — предполагаемое „моленіе Іоанна IV“; въ т. VI, 1876 г.—„*Село Пречистое-Каменка, Новоторжскаго уѣзда*“; въ VIII т., 1880 г.—„*Древній Архивъ Краснохолмскаго Николаевскаго Антоніева монастыря*“; въ тт. VII, IX — XII, 1877 — 1888 печатался главный трудъ А. К-ча: „*Описаніе Тверскаго Музея*“, въ которое вошла большая часть мелкихъ замѣтокъ А. К-ча, напечатанныхъ въ „Древностяхъ“.—Въ „Трудахъ Моск. Нумизмат. Общ.“, вып. I, 1893 г. изданы „*Монеты Городенскія, или Городецкія*“.

С. С.

Печатано по опредѣленію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества на основаніи § 56 его Устава.

Предсѣдатель *Графиня Уварова.*

Въ Императорскомъ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ находятся въ продажѣ слѣд. изданія:

Изданія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. Рекомендованы Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Описаніе Кіева. Соч. Закревскаго. Два тома и атласъ. 1868 г. Ц. 7 р.

Труды I-го Археологич. Съѣзда въ Москвѣ. Два тома и атласъ. 1871 г. Ц. 25 р.

Труды III-го Археологич Съѣзда въ Кіевѣ. Два тома и атласъ. 1878 г. Ц. 10 р.

Труды V-го Археологич Съѣзда въ Тифлисѣ. Двѣ томъ. Ц. 15 р.

Труды VII-го Археологич. Съѣзда въ Ярославлѣ. Тома I, II и III по 5 р.

Труды VIII-го Археологич. Съѣзда въ Москвѣ. Томъ I. Ц. 10 р.

Тоже, томъ II. Цѣна 8 р.

Труды IX Археологич Съѣзда въ Вильнѣ. Томъ I. Ц. 8 р.

Матеріалы по археологіи Кавказа; вып. 1, 2 и 3-й. Кажд. вып. по 6 р.

Тоже, вып. 4-й, М. 1894. Ц. 8 р. 50 к.

Матеріалы по археологіи восточныхъ губерній. Вып. I. Ц. 3 р.

Древности. Труды Московскаго Археологическаго Общества:

Томъ I, два выпуска. 1865—67 г., ц. 6 р.
" II, три выпуска. 1869—70 г., ц. 6 р.
" III, три выпуска. 1870, 71 и 73 гг. Ц. 6 р.
Томъ IV, три выпуска. 1874 г. Ц. 8 р.
" V, 1885 г. Ц. 6 р.
" VI, три выпуска. 1875—76 г. Ц. 6 р.
" VII, три выпуска. 1877—79 г. Ц. 8 р.
" VIII, 1880 г. Ц. 8 р.
Приложеніе къ VIII тому:
Пятый Археологич. Съѣздъ. Труды предварител. Комитета, 1882 г. Ц. 6 р.
Томъ IX, три выпуска. 1882—83 г., ц. 8 р.
" X, 1885 г. Ц. 8 р.
" XI, три выпуска. 1886—87 г. Ц. 8 р.
" XII, два выпуска. 1888 г. Ц. 8 р.
" XIII, два выпуска. 1889—90 г. Ц. 8 р.
" XIV, 1890 г. Ц. 7 р.
" XV, два выпуска. 1894 г. Ц. 8 р.

Древности Восточныя. Труды Восточ. Комм. Т. I, три выпуска по 4 р.
Т. II, вып. I Ц. 4 р.

Древности. Труды Славянской Коммиссіи. Вып. I. Ц. 4 р. 50 к.

Незабвенной памяти Графа А. С. Уварова. Рѣчи, прочитанныя въ соединенномъ засѣданіи ученыхъ обществъ 28 февраля 1885 г. (съ портретомъ Графа А. С. Уварова). 1885 г. Брошюра. Ц. 75 к.

Историческая записка о 25-лѣтней дѣятельности Моск. Арх. Общества. Ц. 2 р.

Памяти Н. С. Тихонравова. М. 1894 г. Ц. 2 р.

Археологическія Извѣстія и Замѣтки, года: 1893—1895 по 3 р.

Уступка гг. членамъ Общества 20%, библіотекамъ учебныхъ заведеній — 25%, книгопродавцамъ — 30%.

Изданія графа Уварова:

Археологія Россіи. Каменный періодъ. Соч. графа А. С. Уварова. Два тома. 1881 г. Ц. 18 р.

Меряне и ихъ бытъ. Соч. гр. А. С. Уварова. Одинъ томъ и атласъ. 1872 г. Ц. 8 р. (нѣтъ въ продажѣ).

Каталогъ собранія древн. гр. А. С. Уварова. Вып. I и II (въ одной книгѣ): Древности каменнаго и металлическаго вѣка, съ портр. гр. А. С. Уварова и 35 табл. рис. 1887 г. Ц. 4 р.

Вып. VII. Монеты Боспорскаго царства и древне-греческихъ городовъ, находившихся въ предѣлахъ нынѣшней Россіи, съ 5 таблицами. Состав. А. Орѣшниковъ. 1887 г., ц. 3 р.

Архим., Леонидъ. Систематическое описаніе Славяно-Россійскихъ рукописей собранія гр. А. С. Уварова, 4 т. М., 1893—94 г. Ц. 15 р.

Каталогъ Спасо-Преображенскаго монастыря въ Ярославлѣ, ц. 9 р. 50 к.

Византійскій Альбомъ — посмертное изд. гр. А. С. Уварова. Т. I. 1889 г. Ц. 15 р.

Кавказъ. Путевыя записки гр. Уваровой, 2 тома. Ц. 3 р.

Уступка книгопродавцамъ и библіотекамъ учебныхъ заведеній 25%.

Продаются въ собственномъ домѣ Общества, въ Москвѣ, на Берсеневкѣ, у Большаго Каменнаго моста.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

выходятъ въ 1896-мъ году (4-й годъ изданія) по той же программѣ и въ томъ же объемѣ.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія рекомендованы для фундаментальныхъ библіотекъ учебныхъ заведеній Министерства.

Подписная цѣна съ пересылкою и доставкою въ годъ ТРИ (3) рубля

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Для **московскихъ** подписчиковъ:

1) Въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ, Берсеневская набережная, собств. домъ, ежедневно отъ 10 до 1 часу и въ часы засѣданій.

2) У А. В. Орѣшникова, Историческій музей, на Красной площади, ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 1 до 4-хъ.

3) Въ книжномъ магазинѣ И. П. Карбасникова, Моховая, противъ Стараго Университета, д. Коха (и его иногородн. отд.).

4) Въ книжномъ магазинѣ А. Лаша, на Кузнецкомъ мосту.

Иногородніе подписчики благоволятъ присылать подписные **три** рубля **исключительно** въ Императорское Московское Археологическое Общество (Москва, Берсеневская набережная, собств. домъ).

Подписчики, **не получившіе** выпуска или **перемѣнившіе** свое мѣсто жительства, благоволятъ обращаться съ заявленіями исключительно въ Московское Археологическое Общество.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція обращается съ просьбою ко всѣмъ прежнимъ сотрудникамъ журнала и ко всѣмъ любителямъ старины присылать свѣдѣнія о раскопкахъ, случайныхъ находкахъ древностей, объ имѣющихся въ частныхъ рукахъ выдающихся предметахъ древности—церковныхъ и бытовыхъ, рукописяхъ и т. п., а также газетныя извѣстія, заключающія свѣдѣнія археологическаго характера (отдѣльными №№ или просто вырѣзками съ помѣтою, изъ какой газеты и отъ какого числа); особенно желательны №№ провинціальныхъ газетъ.

Письма и посылки просятъ адресовать: въ Москву, въ Императорское Московское Археологическое Общество, Берсеневская набережная, с. д., въ редакцію „Археологическихъ Извѣстій и Замѣтокъ".

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES
Stacks
JUL 14 1980

издаваемыя

Императорскимъ

Московскимъ Археологическимъ Обществомъ

подъ редакціею

ГРАФИНИ П. С. УВАРОВОЙ.

№№ 5—6.

МОСКВА
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА
ЛЕОНТЬЕВСКІЙ ПЕР., Д. МАМОНТОВА
1896

СОДЕРЖАНІЕ №№ 5 – 6.

Стр.

I. **Н. Н. Харузинъ.** О нѣкоторыхъ свѣдѣніяхъ по исторіи Коккенхузена на основаніи документовъ, хранящихся въ Москов. Архивѣ Мин. Юстиціи 131

II. **В. Виттыгъ.** Нѣсколько словъ къ исторіи г. Ленчицы . . . 134

III. **В. А. Гамбурцевъ.** Замѣтки о ремонтѣ Стараго Печатнаго Двора при Московской Синодальной Типографіи 141

IV. Археологическая хроника 145

V. Засѣданія ученыхъ Обществъ 164

VI. Библіографія 182

VII. Некрологи 201

4122

1896 г. №№ 5—6

ИЗДАВАЕМЫЯ
ИМПЕРАТОРСКИМЪ МОСКОВСКИМЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ

I.

О нѣкоторыхъ свѣдѣніяхъ по исторіи Коккенхузена на основаніи документовъ, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Мин. Юстиціи.

Конккенхузенъ (Коккенойсъ, русс. Кукеносъ, Кокеноусъ) представлялъ, какъ извѣстно, передовой оплотъ русскаго владычества по теченію р. Зап. Двины въ моментъ появленія въ современныхъ балтійскихъ губ. нѣмецкихъ завоевателей. Естественно, что онъ при поступательномъ движеніи на востокъ новыхъ покорителей края долженъ былъ первымъ пасть подъ ихъ натискомъ. Русскій князь Вячко (Вячеславъ) сжегъ городъ, чтобы не отдать его нѣмцамъ, ушелъ въ Россію, но черезъ $1^1/_2$ десятка лѣтъ мы его снова видимъ на балтійской окраинѣ, гдѣ онъ укрѣпляетъ г. Юрьевъ, дѣлаетъ его центромъ борьбы съ нѣмцами и, наконецъ, въ 1224 г. погибаетъ геройскою смертью при взятіи Юрьева рижскимъ епископомъ и Орденомъ. Стратегическое положеніе Коккенхузена дѣлаетъ его операціоннымъ пунктомъ для военныхъ дѣйствій Нѣмцевъ противъ другого русскаго города Герцике, а послѣ паденія его Коккенхузенъ является крѣпкой защитой для Риги на случай нападенія

на нея съ востока. Такимъ образомъ, роль Коккенхузена по переходѣ его въ руки Нѣмцевъ совершенно видоизмѣняется: изъ передового оплота русскаго владычества на Двинѣ онъ становится послѣдней твердыней съ востока, назначеніе которой задержать враговъ передъ наступленіемъ на Ригу. Его снабжаютъ значительными укрѣпленіями, окружаютъ высокими стѣнами съ крѣпкими башнями, однимъ словомъ небольшой, вѣроятнѣе всего земляной и деревянный городъ русскаго князя удѣльнаго періода, выростаетъ въ могущественный замокъ среднихъ вѣковъ.

Исторія Коккенхузена до начала большихъ войнъ Россіи съ Ливонскимъ Орденомъ, а впослѣдствіи съ Польшей и Швеціей не имѣетъ непосредственнаго, большаго интереса для русской исторіи, въ узкомъ значеніи этого слова. Совершенно наоборотъ, значеніе его ярко выступаетъ во время военныхъ походовъ Русскихъ на балтійскія окраины въ XVI и XVII в.в. Намъ сравнительно мало извѣстно, что представлялъ изъ себя въ то время Коккенхузенъ и чѣмъ выражалось краткое господство въ немъ Русскихъ.

Съ этой точки зрѣнія нѣкоторый интересъ представляютъ найденные среди документовъ, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи М. В., Довнаромъ-Запольскимъ и мною данныя, обрисовывающія положеніе городовъ въ два различныхъ періода его исторіи.

Ливонская война Ивана Грознаго привела къ уничтоженію Ордена, какъ самостоятельной государственной единицы, и вынудила тогдашнихъ представителей Ордена отдаться подъ власть могущественной въ то время Польши. Вскорѣ послѣ этого производится неизвѣстная еще въ печати, въ цѣломъ видѣ по крайней мѣрѣ, подробная опись королевскихъ замковъ, въ числѣ которыхъ находился Коккенхузенъ. Документы, найденные М. В. Довнаромъ-Запольскимъ, относятся къ концу XVI в. и содержатъ подробное внѣшнее описаніе замка, количество жителей, привилегій, полученныхъ послѣдними, равно и количество угодій, приписанныхъ къ замку, повинностей, лежащихъ на крестьянахъ и пр., однимъ словомъ, даетъ цѣльное представленіе о томъ, чѣмъ былъ Коккенхузенъ вскорѣ послѣ перехода его къ Польшѣ. Оставляя въ настоящее время въ сторонѣ подробное изложеніе, какъ другихъ, такъ и послѣдующихъ документовъ, изложеніе которое мы имѣемъ въ виду сдѣлать соединенными съ г. Довнаръ-Запольскимъ силами, мы не можемъ не указать, что открытыя г. Д.-Запольскимъ данныя, кромѣ интереса новизны, важности, благодаря полнотѣ и цѣльности свѣдѣній, представляютъ между прочимъ и тотъ интересъ, что обрисовываютъ намъ, съ какой твердыней должны были встрѣтиться русскія войска при походѣ царя Алексѣя Михаиловича: слова царя Алексѣя Михаиловича,

написанныя имъ въ письмѣ въ Москву послѣ взятія Коккенхузена, и полныя сознанія совершеннаго войскомъ взятіемъ города труднаго подвига, получаютъ вполнѣ понятное значеніе, благодаря открытымъ г. Довнаръ-Запольскимъ документамъ.

Найденныя мною свѣдѣнія касаются отчасти взятія города русскими, отчасти эпохи пребыванія въ немъ русскихъ войскъ. Коккенхузенъ, переименованный въ *Новый царевичевъ Дмитріевъ городъ*, играетъ немаловажную роль въ исторіи войны: онъ служитъ также важнымъ пунктомъ для военныхъ операцій Русскихъ. Стратегическое значеніе города объясняетъ, почему послѣ взятія его Русскими дѣлается Шведами рядъ попытокъ къ возвращенію крѣпости въ свои руки. Документы, относящіеся къ этому періоду, состоятъ преимущественно изъ грамотъ, находящихся въ Царевичевѣ-Дмитріевѣ городѣ воеводамъ, отписокъ этихъ послѣднихъ о состояніи города, о мѣрахъ управленія, о военныхъ дѣйствіяхъ и пр. Они въ связи съ опубликованными уже во 2-мъ томѣ „*Актовъ Московскаго Государства*“ свѣдѣніями бросаютъ свѣтъ какъ на дѣятельность Русскихъ во вновь покоренномъ городѣ, тамъ и на нѣкоторыя стороны хода войны и представляютъ такимъ образомъ въ извѣстной степени интересъ какъ для исторіи самого Царевичева-Дмитріева города, такъ и для исторіи этой войны вообще.

Не имѣя возможности въ настоящій моментъ въ виду краткости времени излагать подробнѣе содержаніе документовъ и надѣясь, какъ я уже указывалъ, представить результаты нашей совмѣстной работы въ полномъ видѣ въ недалекомъ будущемъ, мы вынуждены были ограничиться лишь краткимъ указаніемъ на значеніе найденныхъ документовъ. Коккенхузенъ сохраняетъ до настоящаго времени развалины своихъ нѣкогда грозныхъ укрѣпленій; его историческая роль закончилась съ покореніемъ балтійской окраины Русскими, и едва ли этому бывшему въ началѣ XIII в. оплоту Русскихъ противъ нѣмецкаго владычества края и въ послѣдующіе вѣка, наоборотъ, оплоту нѣмецкаго господства противъ завоеваній Русскихъ, предстоитъ когда-нибудь подняться изъ своихъ развалинъ. Тѣмъ интереснѣе его многовѣковая исторія, исторія города, переходившаго изъ рукъ въ руки, бывшаго долгое время предметомъ стяжаній различныхъ національностей, часто чуждыхъ другъ другу по происхожденію и культурѣ, которыя въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ сражались между собой изъ-за обладанія восточнымъ побережьемъ Балтійскаго моря. Эти соображенія и заставили г. Довнара-Запольскаго и меня отнестись съ особымъ вниманіемъ къ документамъ, освѣщающимъ хотя бы и краткіе періоды жизни именно этого города.

Конечно Коккенхузенъ въ своихъ историческихъ судьбахъ не явля-

ется единичнымъ: многимъ другимъ какъ болѣе, такъ и менѣе важнымъ древнимъ укрѣпленнымъ пунктамъ въ современныхъ балтійскихъ губ. выпадала тревожная судьба. Частью исторія ихъ уже подвергалась изученію, частью еще ждетъ изслѣдователей. Среди сокровищъ, которыя хранитъ Московскій Архивъ Министерства Юстиціи для современныхъ и будущихъ изслѣдователей русской исторіи, находится масса документовъ, имѣющихъ спеціальное значеніе для изученія прошлаго современныхъ балтійскихъ губ., какъ въ допетровскій періодъ, такъ и въ эпоху, послѣдовавшую послѣ покоренія, документовъ, освѣщающихъ исторію какъ управленія, такъ и быта населенія края. Мы считаемъ особеннымъ долгомъ обратить вниманіе на нихъ мѣстныхъ изслѣдователей, которые, вѣроятно, вслѣдствіе недостаточнаго знакомства съ содержаніемъ документовъ Архива Министерства Юстиціи, посвящая свои силы на детальную разработку прошлаго края и отдѣльныхъ городовъ, входившихъ въ составъ древней Ливоніи, слишкомъ часто, къ сожалѣнію, упускали изъ вида источникъ, одинъ изъ наиболѣе богатыхъ новыми и цѣнными данными для интересовавшихъ ихъ вопросовъ: только соединенное разрабатываніе богатыхъ данныхъ, хранящихся въ мѣстныхъ архивахъ, съ важными свѣдѣніями, которыя можно почерпнуть изъ документовъ столичныхъ архивовъ, въ частности и Моск. Архива Мин. Юстиціи, можетъ привести къ подробной, обстоятельной и всесторонней „Исторіи Балтійскаго края“.

Н. Харузинъ.

II.

Нѣсколько словъ къ исторіи г. Ленчицы [1]).

(Археологическая поѣздка въ Ленчицу осенью 1895 года В. М. Виттыга и В. Я. Криваксина).

Доисторическія поселенія и городища въ Польшѣ, въ странѣ, представляющей равнину, располагались въ мѣстахъ недоступныхъ, чтобы такимъ образомъ защитить себя отъ нападеній непріятелей. Такими недоступными мѣстами въ прежней Лехіи (Lechia) были берега рѣкъ, топи или озера; въ такихъ мѣстахъ образовались доисторическія посе-

---

1) *Balinski M. i Lipinski T.* Starożyta Polska pod wzgledem historycznym, geograficznym i statystycznym. Warszawa (1893, 4, 6, 8⁰, T-w 3). T. I. str. 257—267.

Łuszczkiewicz W. Kosciol kolegiacki Łeczycki we wsi Tumie, zabyten architektury XII wieku. Kraków 1879, 4⁰ str. 26, tabl. 8

ленія: Тржемешно, Крушвица, Гнѣзно и другія (Trzemeszno, Kruszwica, Gniezno), а также положено и основаніе доисторическому поселенію Ленчицѣ (Lenzyca, Lancicia), названіе котораго показываетъ, что оно расположено на Łęgu, т. е. мѣстѣ низкомъ, на топяхъ, образованныхъ рѣкою Бзурою. Ленчица оказывается существующей уже во времена Мечислава I. Изъ достовѣрныхъ указаній можно видѣть, что послѣ принятія христіанской вѣры здѣсь строится костелъ Мечиславомъ I. Такъ какъ введеніе христіанства въ Польшѣ встрѣчало отпоръ въ народѣ, то вслѣдствіе этого первоначальныя святыни строились въ мѣстахъ укрѣпленныхъ. Такимъ образомъ во времена Мечислава I Ленчица была укрѣпленнымъ замкомъ (castellum), т. е. мѣстомъ расположеннымъ среди непроходимыхъ болотъ, который обладалъ насыпными валами, деревяннымъ частоколомъ и внутри котораго стоялъ деревянный замокъ. Костелъ, выстроенный Мечиславомъ I, былъ деревянный; по всей вѣроятности это былъ монастырь и именно тотъ деревянный монастырь, о которомъ упоминается въ 1136 г. въ буллѣ папы Иннокентія II. Первое свидѣтельство лѣтописи о замкѣ Ленчицкомъ находится подъ 1107 г., т. е. во время войны между Болеславомъ III Кривоустымъ и его незаконнымъ братомъ Збигнѣвомъ. Галлюсъ (Gallus), описывая эту войну, называетъ замокъ Ленчицкій стариннымъ (vetus castellum); булла же папы Иннокентія II называется монастырь Ленчицкій деревяннымъ. По всей вѣроятности, въ эту эпоху замокъ и валы разрушаются, а такимъ образомъ мало-по-малу замокъ уступаетъ мѣсто костелу.

Въ 1161 г. совершается посвященіе костела-коллегіаты, который существуетъ до сихъ поръ подъ именемъ Тума (Dum—Dom) и который, очевидно, выстроенъ на развалинахъ прежняго деревяннаго монастыря. Эта гранитная базилика безъ сводовъ, съ двумя башнями по бокамъ, имѣетъ чисто романскій стиль. Названіе свое—Тумъ онъ пріобрѣлъ отъ имѣвшихся у костела привилегій, такъ какъ вообще въ Польшѣ еще въ XVI вѣкѣ старые соборные костелы, имѣющіе извѣстныя привилегіи, назывались тумами; отъ названія костела и деревня, образовавшаяся впослѣдствіи около него, тоже получила названіе Тумъ. Около коллегіаты, съ южной стороны выстроенъ былъ дворецъ для архіепископа которому была подчинена Ленчицкая коллегіата. Въ правленіе Казиміра II Справедливаго, въ 1180 году здѣсь былъ съѣздъ духовенства и дворянъ (panów) на которомъ былъ постановленъ законъ противъ расхитителей духовныхъ имѣній; постановленіе этого закона указываетъ, что въ то время Ленчица была уже богатымъ и большимъ городомъ. Послѣ этого съѣзда въ коллегіатѣ совершались съѣзды

духовенства (synody) которыхъ насчитывается 12 (послѣдній отбылся въ 1507 году). Собранія духовенства именно здѣсь служатъ доказательствомъ, что первоначальная Ленчица была именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится деревня Тумъ, потому что съѣзды духовенства того времени только и бывали тамъ, гдѣ находились кромѣ соборнаго костела коллегіаты, еще укрѣпленный замокъ (castellum).

Въ 1241 г. около Ленчицы прошли Татары, не затронувъ однако ни города, ни коллегіаты. Причина этому, по всей вѣроятности, была та, что Ленчица была хорошо защищена, стоя между болотами, совершенно непроходимыми. Что Татары не разграбили Ленчицу, этому доказательствомъ служитъ то, что въ 1244 г. т. е. три года спустя послѣ набѣга Татаръ, въ Ленчицы собирается сѵнодъ, а такой большой съѣздъ могъ только быть тамъ, гдѣ дома и постройки были нетронуты.

Въ 1256 г. Ленчица уже не представляется городомъ укрѣпленнымъ; въ этомъ году Болеславъ V (Wstydlivy) строитъ невдалекѣ отъ костела новый замокъ и отдаетъ его Земовиту, князю Мазовецкому. Этотъ замокъ выстроенъ на 400 или 500 шаговъ отъ Тума, т. е. отъ г. Ленчицы на болотахъ; слѣды замка остались до сихъ поръ, валы, окружавшіе его, теперь уже распаханы. Народъ, привыкшій называть всѣ насыпи шведскими, далъ и этой насыпи то же имя, однако, эта насыпь не могла быть шведской потому, что разстояніе ее отъ нынѣшней Ленчицы такъ велико (болѣе 3-хъ верстъ), что ядра съ нея не могли бы попадать въ нынѣшнюю Ленчицу, а такимъ образомъ нѣтъ причины предполагать, что у Шведовъ была какая нибудь цѣль устраивать подобную круглую насыпь.

Нападеніе въ 1304 г. Литвиновъ подъ начальствомъ Витенеса, въ четвергъ послѣ Троицы, наноситъ ударъ городу. Витенесъ перебилъ собравшійся на богослуженіе народъ, перебилъ также и духовенство. Историческія хроники описываютъ, что коллегіата, т. е. собственно костелъ, долго и упорно защищался пока непріятель не зажегъ на немъ крышу. Что касается до того какъ велъ себя гарнизонъ сосѣдняго замка, объ этомъ хроники умалчиваютъ. Въ 1331 г. совершается опять нападеніе на Ленчицу рыцарей Тевтонскаго Ордена, однако ограничивается только разграбленіемъ города. Изъ слѣдствія произведеннаго послѣ этого въ 1339 г. папскимъ нунціемъ Гальгардомъ (Galhard de Carceribus) мы узнаемъ, что коллегіата не была разграблена а только разрушенъ замокъ, самъ же гарнизонъ замка подъ предводительствомъ Павла Огона укрылся въ коллегіатъ.

Вслѣдствіе разрушенія замка Казимиръ Великій предпринимаетъ постройку города и замка на новомъ мѣстѣ и окружаетъ ихъ стѣнами;

на этомъ то мѣстѣ какъ остатки замка, такъ и стѣны существуютъ и до сихъ поръ; и это мѣсто и есть нынѣшній городъ Ленчица.

Со времени Казимира Великаго Тумъ остается исключительно во владѣніи духовенства и здѣсь архіепископъ строитъ свой новый дворецъ. Около этого времени въ 20 шагахъ отъ Тума строится донынѣ существующій деревянный маленькій костелъ св. Николая съ замѣчательнымъ главнымъ образомъ св. Николая, написаннымъ въ чисто византійскомъ стилѣ, со славянскими надписями—кирилицей. Этотъ костелъ до 1731 г. былъ приходскимъ, такъ какъ коллегіата прихода своего никогда не имѣла. Въ 1473 г. пожаръ уничтожилъ коллегіатскія постройки, а также крышу Тума, но костелъ св. Николая остался цѣлымъ; съ тѣхъ поръ постройки коллегіаты не возобновлялись, а духовенство строилось за стѣной, окружающей костелъ.

Въ 1370 г. Казимиръ Великій завѣщалъ Ленчицу—городъ, построенный на его теперешнемъ мѣстѣ, вмѣстѣ съ замкомъ Казимиру князю Штетинскому. Людовикъ же Венгерскій наслѣдникъ Казимира промѣнялъ это наслѣдство на землю Добржинскую. Въ 1400 г. Владиславъ Ягелло даритъ городъ законами хелминскими (нѣмецкими) и сравниваетъ его во всѣхъ другихъ правахъ съ г. Калишемъ (давняя столица цѣльнаго княжества Калишскаго). Кажется, что въ эту эпоху или незадолго передъ тѣмъ, Ленчица получаетъ гербъ представленный у Балинскаго въ Starożytna Polska, гдѣ онъ взятъ изъ документа XIV вѣка. Я имѣю въ своей коллекціи нѣсколько иной гербъ, взятый съ печати XVIII вѣка.

Во времена Казимира Ягелло Ленчица играетъ въ исторіи Польши важную роль: Такъ, въ 1448 г. здѣсь былъ большой съѣздъ, на которомъ постановленъ статутъ, такъ называемый Ленчицкій. Здѣсь въ 1454 г. съѣзжаются обыватели прусскихъ городовъ, недавно присоединенныхъ къ Польшѣ. Здѣсь Фридрихъ, маркграфъ Бранденбургскій, проситъ короля о безпрепятственномъ устройствѣ маркграфства, отошедшаго отъ Тевтонцевъ. Здѣсь же князь Стопенскій умоляетъ о помощи въ возвращеніи своего маркграфства, захваченнаго тевтонцами, за то боязуется быть вассаломъ Польши. Въ 1474 г. Казимиръ принимаетъ пословъ баварскихъ, добивающихся руки старшей королевны Ядвиги для князя Георгія;—а въ 1507 г. здѣсь происходитъ 12-ый и послѣдній сѵнодъ, созванный примасомъ Польши, архіепископомъ Гнѣзненскимъ Николаемъ Держговскимъ.

Что въ XV вѣкѣ Ленчица, столичный городъ воеводства того же времени, принадлежитъ къ числу большихъ городовъ Польши: на это указываетъ тотъ фактъ, что, Ленчица даетъ во время прусской войны 25 вооруженныхъ пѣшихъ воиновъ. Въ XVI вѣкѣ Ленчица уже кло-

нится къ упадку, и конечный ударъ ей наноситъ нападеніе Шведовъ въ XVII столѣтіи. Занятая Шведами въ 1655 г., Ленчица опять переходитъ 14 октября къ полякамъ, добывавшимъ ее втеченіе 11 дней; занявъ Ленчицу, Поляки уничтожили все еврейское населеніе въ наказаніе за то, что Евреи кидали камнями въ штурмующихъ Поляковъ.

Восточная башня Ленчицкаго замка.

Окончательно замокъ разрушается во времена Августа II., въ Сѣверную войну когда черезъ нее постоянно проходили войска различныхъ національностей. Прусаки занявъ Польшу, возобновили стѣны и башни и насыпали шанцы; въ 1807 г. австрійцы уничтожили шанцы и разрушили стѣны. Въ 1836 же году мѣстный бургомистръ разбираетъ стѣны для постройки новыхъ домовъ. О состояніи развалинъ замка въ настоящее время даетъ понятіе прилагаемый рисунокъ башни.

Главная цѣль нашей поѣздки составляла изслѣдовать, нѣтъ ли въ предѣлахъ нынѣшней Ленчицы и Тума слѣдовъ обитанія доисторическаго человѣка, а также убѣдиться, соединенъ ли на самомъ дѣлѣ Тумъ съ Ленчицкимъ замкомъ подземнымъ ходомъ, какъ объ этомъ говорятъ

мѣстныя легенды. Легендъ этихъ очень много; всѣ онѣ несмотря на разнообразные варіанты, сводятся къ тому, что въ подземельяхъ замка и въ подземномъ ходѣ, идущемъ изъ замка въ Тумъ, живетъ дьяволъ Борута, который когда-то былъ большой охотникъ дѣлать разнообразныя шутки надъ окрестными жителями. Такъ напримѣръ и теперь показываютъ въ Тумѣ на камнѣ сѣверной угольной башни углубленные слѣды какъ бы отъ пяти пальцевъ руки: народъ толкуетъ, что это слѣды когтей и лапы Боруты, который хотѣлъ когда-то перевернуть всю коллегіату. Не будучи въ силахъ этого сдѣлать онъ только сорвалъ себѣ когти, оставивъ слѣды на камнѣ. Рана, происшедшая отъ этого, не можетъ у него зажить и понынѣ, и Борута до сихъ поръ, сидя на бочкахъ въ подземельѣ замка, сосетъ себѣ лапу, желая заживить ее.

По прибытіи на мѣсто и первоначальномъ изслѣдованіи оказалось: что какъ городъ, такъ и Тумъ окружены мокрыми лугами, которые въ прежнее время очевидно представляли непроходимыя болота, такъ что подземный ходъ соединяющій Тумъ съ замкомъ никогда не могъ существовать по причинѣ того, что и теперь еще мокрые луга, представляя прежде непроходимыя болота, служили неодолимымъ препятствіемъ для постройки какого-либо тунеля. Что же касается до того, жилъ ли на мѣстахъ, занимающихъ мѣстность Ленчицы и Тума, доисторическій человѣкъ, то лишь только въ семи верстахъ на сѣверъ отъ города встрѣчаются на берегахъ рѣки Бзуры пески, гдѣ на пространствѣ 3—4 квадратныхъ верстъ находятъ остатки тесанаго кремня, что приводитъ къ заключенію, что Ленчица, какъ поселеніе, уже образовалась въ болѣе позднѣйшую эпоху, когда вышли изъ употребленія кремень и бронза. Такъ что мы ограничились только осмотромъ Тума и изслѣдованіемъ самого замка.

Стѣны, окружающія замокъ, еще до сихъ поръ достаточно крѣпки. Изъ угольныхъ башенъ осталась только одна восточная (на планѣ буква *а*) отъ остальныхъ же нѣтъ и слѣдовъ. Изъ построекъ осталось только двѣ (буква *б* и *в*), и онѣ (въ особенности *в*) носятъ на себѣ характеръ старыхъ строеній XV вѣка. Западный уголъ замка занятъ теперь городскими ледниками, такъ что тутъ нельзя было совершить никакихъ изслѣдованій. Мы занялись главнымъ образомъ отысканіемъ фундаментовъ прежнихъ строеній, теперь не существующихъ, а также изслѣдованіемъ уцѣлѣвшей угловой башни. Намъ удалось отыскать части фундаментовъ въ разныхъ мѣстахъ замка, обозначенныхъ на планѣ пунктиромъ (*д*, *е*, *ж*, *з*, *и*), и опредѣлить при этомъ (*д*) мѣсто входныхъ главныхъ воротъ, въ юго-западной стѣнѣ близъ южной башни. Откапывая здѣсь фундаменты, мы нашли множество маленькихъ пуль,

этой реставраціи, одной изъ раннихъ по времени, связана съ именемъ архитектора Н. А. Артлебена.

Ремонтъ, потребовавшійся недавно въ реставрированномъ зданіи Печатнаго Двора, былъ вызванъ неправильной осадкой въ наружной стѣнѣ, обращенной къ Театральной площади и въ стѣнѣ внутренней поперечной, надъ которой во 2-мъ этажѣ имѣется деревянная штукатурная перегородка, отдѣляющая прихожую отъ книгохранительной палаты. Въ этихъ стѣнахъ и въ примыкающемъ къ нимъ сводикѣ 1-го этажа обнаруживались трещины, замѣтно увеличивающіяся; такія же трещины были замѣтны въ одной изъ верхнихъ печей стариннаго образца, служащей футляромъ для провода душниковъ, слѣдствіемъ чего являлась копоть, покрывавшая стѣнную роспись.

Для постояннаго наблюденія за работами была назначена коммиссія изъ служащихъ въ типографіи, въ составъ коей входилъ архитекторъ, производитель работъ; съ своей стороны Императорское Московское Археологическое Общество командировало своего члена архитектора В. А. Гамбурцева. Послѣ тщательнаго осмотра и раскопокъ обнаружено, что подъ среднею частью зданія, подъ поперечнымъ проходомъ 1-го этажа, находится проходъ такой же ширины, засыпанный землею почти до основанія свода; рядомъ съ нимъ оказался другой проходъ, также засыпанный землей, при чемъ чрезъ него проложены три сточныя трубы. Оба поперечные прохода покрыты коробовыми сводиками, давшими сильныя трещины и частію осыпавшимися. Далѣе было обнаружено, что поперечная стѣна, поддерживающая сводики находится въ плохомъ состояніи. По удаленіи земли оказалось, что стѣна поставлена на насыпи съ фундаментомъ изъ бута менѣе аршина толщины и не достигающемъ глубины фундамента продольныхъ стѣнъ. Эта обнаруженная раскопками часть постройки соотвѣтствуетъ описаніямъ, приведеннымъ въ статьѣ Румянцева, выписей изъ расходныхъ книгъ, гдѣ говорится: о *всходной лѣстницѣ* и рундукѣ, о *сводцѣ* и кіотѣ, что подъ входомъ правильной палаты (Древности, т. II в. I стр. 34 и прим. 81, 82).

При реставраціи семидесятыхъ годовъ всходная лѣстница сдѣлана въ новой, выступающей во дворъ, пристройкѣ съ фигурной башенкой и шатровымъ верхомъ, и новая постройка загородила мѣсто древняго кіота.

Въ продольной стѣнѣ, обращенной къ Театральной площади, какъ разъ противъ двухъ проходовъ, обнаружена арка, съ пробитою въ ней [1]) брешью въ самой пятѣ, для сточныхъ водъ и ничѣмъ не укрѣплен-

---

[1]) Послѣ 1875 года — *Примѣч. редакціи.*

ною. Далѣе при раскопкахъ внѣ зданія, на глубинѣ $2^1/_2$ ар. отъ поверхности теперешняго двора были найдены какіе-то столбы изъ тесаннаго бѣлаго камня, толщиною до 2-хъ аршинъ въ каждомъ столбѣ. Нѣкоторые изъ нихъ прямо примыкаютъ къ фундаменту зданія, другіе находятся на небольшемъ разстояніи и затѣмъ подъ прямымъ угломъ идутъ къ Китайской стѣнѣ. Почти на всѣхъ столбахъ остались слѣды покрытія ихъ арками, совершенно сходными съ тою, какая оказалась въ стѣнѣ, обращенной къ Театральной площади. То были, очевидно, остатки приспособленій, упоминаемыхъ въ описи Китая-города 1629 года. Въ то время съ типографскаго и смежныхъ дворовъ были на городскую стѣну *взлазы*, а въ самой стѣнѣ внизу кружала или арки, теперь засыпанныя землею. По выписямъ изъ расходныхъ книгъ значится: „1622 г., деньги взялъ Гришка, задѣлывалъ онъ въ городовой стѣнѣ дирю, гдѣ поставлена кузница... 1636 г. плотнику дано 3 алтына 2 деньги, дѣлалъ на печатномъ дворѣ, городилъ въ городовой стѣнѣ печюру, гдѣ на книжныя чернила руда коптить".—На всей мѣстности, составляющей лѣвый берегъ рѣчки Неглинной, почва рыхлая и сырая и каменныя постройки на типографскомъ дворѣ издревле были возводимы на сваяхъ и лежняхъ. Удостовѣрившись въ прочности отрытыхъ фундаментовъ не было нужды дорываться до ихъ основанія. Зато когда приступили къ разборкѣ части наружной стѣны, давшей трещины, то она оказалась имѣющею въ себѣ пустоты значительной ширины, до 9 вершковъ—старые дымовые ходы, поднимавшіеся отъ нынѣ подвальнаго этажа; въ одномъ изъ такихъ ходовъ была найдена серебряная монета 1789 года.

Юго-западная часть зданія, имѣющая глубокій подвальный этажъ, въ которомъ уцѣлѣли слѣды оконъ бывшаго здѣсь прежде подклѣта, составляющаго остатокъ отъ древнѣйшихъ построекъ еще до 1620 года, оказалась очень прочною и не возбуждала никакихъ опасеній. Слѣды оконъ, видимыхъ внутри, показываютъ, что теперешній подвалъ окруженъ позднѣйшей насыпью земли до 3-хъ аршинъ. Послѣ осмотра приступлено къ перекладкѣ наружной стѣны въ мѣстѣ, давшемъ трещины, сохранивъ древнюю арку и разрушивъ лежащую на ней тяжесть съ помощію желѣзныхъ балокъ; такія же балки подведены и въ поперечныхъ стѣнахъ подъ коробовыми сводиками, переложенными вновь; кладка стѣнъ и сводиковъ произведена на цементѣ. Затѣмъ было приступлено къ устройству одной большой печной духовой камеры въ подвальномъ этажѣ вмѣсто двухъ, стоящихъ рядомъ и уже прогорѣвшихъ малыхъ духовыхъ камеръ. Новая камера попрежнему соединена съ футлярами печей 2-го этажа, сдѣланными подъ старинный образецъ и скрывающими въ себѣ проводы духового отопленіи.

Духовыя печи уже были устроены съ проводкою, въ футлярахъ изъ старинныхъ изразцовъ, духовыхъ душниковъ во 2-мъ этажѣ; при ремонтѣ 1895 г. не было другого выбора, какъ повторить то же самое устройство, сдѣлавъ въ немъ возможное улучшеніе, т. е. соединивъ двѣ камеры въ одну [1]).

При настоящемъ ремонтѣ, кромѣ описанныхъ выше исправленій, предстояло возобновленіе внутренней стѣнописи въ палатахъ 2-го этажа и наружнаго вида реставрированнаго зданія. Для чего съ существующихъ на стѣнахъ и сводахъ орнаментовъ въ книгохранительной палатѣ и передней комнатѣ были сняты кальки въ натуральную величину, тщательно провѣрены въ линіяхъ и тонахъ и по этимъ калькамъ исполнена стѣнопись съ сохраненіемъ всѣхъ мельчайшихъ подробностей; при чемъ вмѣсто клеевой краски употреблена масляная, подъ матъ. Возобновленъ также слѣпокъ съ надгробной плиты первопечатника Ивана Ѳедорова (даръ графа А. С. Уварова). Этотъ слѣпокъ съ варварски уничтоженнаго подлиннаго надгробія въ городѣ Львовѣ вставленъ въ витринѣ съ книгами и представляетъ гербъ или знакъ, печатавшійся на изданіяхъ „друкаря москвитина“ съ иниціалами І. Ѳ. и славянскою надписью по краямъ, рѣзанною вглубь; размѣръ надгробія: $2^1/_2$ арш. длины и около 1 арш. ширины.

Въ Справной палатѣ былъ перекрытъ масляной краской сводъ, изображающій звѣздное небо съ солнцемъ и мѣсяцемъ. Стѣны палаты были лишь промыты, такъ какъ онѣ окрашены масляною краскою и потребовали только подправки частей орнаментовъ, включительно съ удачно подобранной надписью эпиграфа къ назначенію палаты: „*Добро есть, братіе, почитаніе книжное*“.

Окончившійся въ апрѣлѣ 1896 г. вполнѣ успѣшно ремонтъ возвратилъ реставрированному зданію тотъ веселенькій, уютный видъ старины, которымъ привыкли любоваться посѣщающіе библіотеку при Синодальной Типографіи.

Ограничиваемся пока этой краткой замѣткой, надѣясь впослѣдствіи сдѣлать къ ней дополненіе, извлеченное изъ дѣла по реставраціи, и приложивъ пояснительные рисунки.

В. Гамбурцевъ.

---

[1]) Духовое отопленіе устроено послѣ реставраціи 1870-хъ гг. *Прим. редакціи.*

IV.

Археологическая хроника.

—— Общество Ревнителей Русскаго Историческаго Просвѣщенія
память императора Александра III открылось въ Петербургѣ.

Императорское Московское Археологическое Общество, столь много
изанное и столь глубоко благодарное великому Государю, любителю
знатоку родной старины и первому Покровителю нашего Общества,
особенной теплотой привѣтствуетъ возникновеніе историческаго Об-
ства, посвященнаго Его возлюбленной памяти, незабвенной въ лѣто-
сяхъ русской науки.

Новое просвѣтительное дѣло, которымъ чтится нынѣ эта священ-
я память, предпринято лицами, засвидѣтельствовавшими свою искрен-
ю преданность просвѣщенію. Въ этомъ—залогъ успѣха и право на
иманіе и поддержку въ ученыхъ кругахъ.

Приводимъ воззваніе, изданное вновь основаннымъ Александров-
ымъ Обществомъ:

„*Совѣтъ Общества ревнителей русскаго историческаго просвѣще-
я въ память Императора Александра III*, имѣя въ виду одну изъ
авныхъ, поставляемыхъ себѣ Обществомъ цѣлей – собирать и обраба-
вать свѣдѣнія о жизни и царствованіи Императора Александра III,
ращается къ лицамъ и учрежденіямъ, располагающимъ по сему пред-
ту какими-либо свѣдѣніями, документами и проч., съ покорнѣйшею
осьбой не отказать въ сообщеніи таковыхъ Обществу, адресуя при-
лаемые матеріалы на имя предсѣдателя Общества, графа Сергѣя Ди-
тріевича Шереметева (С.-Петербургъ, Фонтанка, 34) или товарища
едсѣдателя, графа Арсенія Аркадьевича Голенищева-Кутузова (СПБ.,
онтанка, 50)“.

—— Рижскій Археологическій Съѣздъ продолжится съ 1 по 15
густа, а дни 15—20 августа будутъ посвящены поѣздкамъ. Предпо-
гаются раскопки мѣстныя и поѣздка въ Кенигсбергъ, куда члены
ѣзда приглашаются на три дня. Въ Прибалтійскомъ краѣ мѣстные
ѣные дѣятельно работаютъ для Съѣзда. Московскій Предварительный
митетъ со своей стороны и этимъ лѣтомъ занимается разработкой
атійскихъ древностей. Каталогъ выставки печается въ Ригѣ по-нѣ-
цки и въ Москвѣ по-русски. На выставку отправлены между про-
мъ, предметы: Историческимъ Музеемъ (Люцинскія раскопки), Твер-
имъ и Виленскимъ Музеями, Псковскимъ Археологическимъ Обществомъ
Моск. Археологическимъ Обществомъ. Коллекціи Рязанскаго музея и

Л. К. Ивановскаго, которыя было бы цѣнно выставить для полноты представленія погребеній, нельзя было имѣть для выставки, ибо эти коллекціи готовятся нынѣ къ изданію.

Богатыя коллекціи, собранныя для съѣзда раскопками: отъ Московскаго комитета: В. И. Сизова, барона Р. Р. Штакельберга, С. Н. Богоявленскаго и Ѳ. В. Покровскаго и отъ Рижскаго комитета раскопками гг.: Хаусмана, Бухгольца, Биленштейна, Думберга и Шредера, Левисъ офъ Менара, Якша (см. стр. 33—47, 117, 121—127)—появятся на выставкѣ.

Прибалтійскими учеными учрежденіями былъ возбужденъ вопросъ о желательности оставленія въ мѣстныхъ музеяхъ, всего, что будетъ добыто раскопками, произведенными на средства Высочайше дарованныхъ Съѣзду. Е. И. В. Великій Князь Сергій Александровичъ, Почетный Предсѣдатель Съѣзда, въ принципѣ нашелъ, со своей стороны, возможнымъ согласиться съ этимъ желаніемъ, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы рѣдкія и особенно интересныя коллекціи поступили въ Историческій Музей въ Москвѣ, который въ свою очередь можетъ воротить мѣстнымъ музеямъ дублеты.

Для Этнографической выставки, устраиваемой къ Съѣзду Латышскимъ Литературнымъ Обществомъ, изготовляется между прочимъ сорокъ манекеновъ въ ростъ человѣка, изображающихъ типы, наряды и занятія мѣстныхъ крестьянъ. При каждомъ манекенѣ выставляется фотографія, послужившая ей образцомъ.

Г. Юнгъ, учитель изъ Абіа, готовитъ къ Съѣзду свой списокъ древнихъ могилъ, городищъ, мѣстъ сраженій, мѣстъ отмѣченныхъ легендами и т. п.—свѣдѣнія, собранныя при усердномъ содѣйствіи эстонскаго народа. Къ Съѣзду же спѣшитъ пополнить и д-ръ Гуртъ величавый трудъ свой и своихъ 800 сотрудниковъ—собраніе произведеній эстонской народной поэзіи.

—— Выставка собранія Н. А. Шабельской. Въ теченіе мая въ верхнихъ залахъ Историческаго Музея была открыта выставка собранія Н. Л. Шабельской — богатѣйшіе образцы старинныхъ русскихъ: шитья, матерій и нарядовъ. Со времени выставки при Московскомъ Археологическомъ Съѣздѣ въ 1890 г., собраніе значительно увеличилось, особенно разрослись отдѣлы тканей и шитья. Въ общемъ, выставка вмѣщала въ себѣ 4,000 нумеровъ и состояла изъ слѣдующихъ отдѣловъ: 1) старинныя женскія одежды и головные уборы, 2) старинныя ткани, 3) шитье и кружева, 4) золотыя и серебряныя украшенія, 5) обрядовые и бытовые предметы, 6) русскія этнографическія одежды и 7) современныя работы по стариннымъ образцамъ.

—— Въ Воронежскомъ Губернскомъ Музеѣ была открыта на три коронаціонные дня выставка гравюръ, картинъ, фотографій, медалей, изданій и т. д., относящихся къ вѣнчаніямъ русскихъ самодержцевъ на царство. Кромѣ Музея, въ выставкѣ участвовали и частныя лица: собиратель гравюръ и рѣдкостей М. И. Паренаго, любитель-нумизматъ К. И. Бухановъ и мѣстный антикварій П. Г. Бѣлчевъ. Выставка устроена въ двѣ недѣли, по почину о. Звѣрева, законоучителя кадетскаго корпуса. Здѣсь возбуждали особый интересъ: фототипіи императорскихъ регалій (изъ „Описи Оружейной Палаты"), снимки съ „Книги избранія Михаила Ѳеодоровича на царство", альбомъ коронаціи императрицы Елисаветы, собраніе медалей г. Буханова, присоединенный къ выставкѣ рукописный экземпляръ „Книги о бракосочетаніи царя Михаила Ѳеодоровича" и т. д. Въ три дня на выставкѣ перебывало свыше 1,500 посѣтителей, и губернаторъ В. З. Коленко, весьма сочувственно отнесшійся къ выставкѣ, распорядился о продолженіи ее еще на нѣсколько времени въ виду интереса, который проявили къ ней воронежцы.

—— 200-лѣтіе со времени освященія тверскаго каѳедральнаго собора исполнилось 18-го минувшаго мая. Настоящій соборъ стоитъ на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ изстари, почти съ самаго основанія Твери, стоялъ соборный храмъ, въ тверскомъ кремлѣ, разрушенномъ окончательно только при Екатеринѣ Великой; онъ находится рядомъ съ владычнимъ дворомъ, съ домами соборнаго духовенства, княжескими палатами, Аѳанасьевскимъ монастыремъ, монастырскими подворьями и нѣсколькими церквами. Соборъ неоднократно перестроивался по ветхости или по случаю пожаровъ, нѣсколько разъ возобновлялся и въ настоящемъ своемъ видѣ существуетъ 200 лѣтъ. Мѣсто, занимаемое имъ, искони „святое" мѣсто для всей Твери и для всего Тверскаго края. Основатель собора архіепископъ Сергій (1682—1703 г.) выстроилъ соборъ на собственныя средства изъ бѣлаго старицкаго камня, по плану Московскаго Успенскаго собора, въ русско-византійскомъ стилѣ, и самъ освятилъ его 18-го мая 1696 года. Длина храма внутри стѣнъ съ алтаремъ $13^1/_2$ саженъ, ширина $10^1/_2$ сажени, а въ вышину до свода онъ имѣетъ 10 саженъ. Храмъ пятиглавый, съ тремя входами,—съ западной, южной и сѣверной сторонъ. Предъ юбилейнымъ торжествомъ въ соборѣ была промыта живопись, возобновлена позолота, и храмъ принялъ величественный видъ. Торжества по случаю двухсотлѣтія храма начались 16-го мая заупокойною всенощною по храмоздателѣ архіепископѣ Сергіѣ, и другихъ тверскихъ архипастыряхъ, служившихъ въ этомъ храмѣ. Службу совершалъ тверской викарій,

преосвященный Гавріилъ, епископъ старицкій, съ соборнымъ духовенствомъ и священниками, служившими прежде въ соборѣ, при пѣніи архіерейскаго хора пѣвчихъ; въ служеніи же всенощной 17-го мая принялъ участіе высокопреосвященный Савва, архіепископъ тверской и кашинскій. Имъ же совершена 18-го мая литургія. По окончаніи литургіи отслуженъ молебенъ, на который вышло духовенство всѣхъ тверскихъ церквей. Предъ молебномъ на средину храма были вынесены всѣ древнія иконы и хоругви, и при пѣніи молебна совершенъ вокругъ собора крестный ходъ. Во время многолѣтія высокопреосвященный Савва осѣнялъ народъ крестомъ архіепископа Сергія, строителя собора. По окончаніи молебствія, когда высокопреосвященный вышелъ на амвонъ, окруженный всѣмъ духовенствомъ, къ нему приблизились члены Ученой Архивной Коммиссіи, во главѣ съ тверскимъ губернаторомъ (непремѣннымъ попечителемъ, а нынѣ и избраннымъ предсѣдателемъ Коммиссіи), который прочелъ архипастырю привѣтственный адресъ отъ Коммиссіи. Ко дню 200-лѣтія собора членомъ Тверской Ученой Архивной Коммиссіи Н. Н. Овсяниковымъ составленъ историческій очеркъ собора. Редакція наша почтительно привѣтствуетъ маститаго высокопреосвященнаго любителя и изслѣдователя старины съ паствою, дорожащихъ и вещественнымъ памятникомъ и на немъ поучающихъ и поучающихся въ поминаніи дней древнихъ.

—— 26 апрѣля пятисотлѣтіе со дня кончины св. Стефана просвѣтителя Пермскаго, чествовалось засѣданіемъ въ Императорскомъ Обществѣ Любителей Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ; читалъ о св. Стефанѣ предсѣдатель Общества, В. О. Ключевскій. Церковныя торжества совершены были, по извѣстіямъ газетнымъ: въ Устюгѣ Великомъ, гдѣ родился св. Стефанъ; въ Ростовѣ, гдѣ въ Григоріе-богословскомъ монастырѣ (нынѣ приходской церкви) онъ принялъ постриженіе и учился въ школѣ; въ Перми и, наконецъ, въ Москвѣ, гдѣ онъ скончался и гдѣ покоятся, у Спаса на Бору, его мощи.

—— Совѣтъ Костромской Ученой Архивной Коммиссіи въ засѣд. 30 мая обсуждалъ вопросъ о собираніи матеріаловъ о предкахъ царя Михаила Ѳеодоровича и намѣтилъ программу общаго засѣданія Коммиссіи 12 іюля, для чествованія трехсотлѣтія со дня рожденія Михаила Ѳеодоровича.—Музей Коммиссіи, значительно пополнившійся за послѣднее время, рѣшено открыть для публики.

—— Харьковское Историко-Филологическое Общество, съ цѣлью содѣйствовать собиранію матеріаловъ по исторіи Харьковскаго университета, проситъ: 1) присылать ему портреты дѣятелей Харьковскаго

университета для снятія съ нихъ фотографій и 2) указывать, гдѣ и у кого можно найти портреты ректоровъ, инспекторовъ, профессоровъ, доцентовъ, приватъ-доцентовъ, секретарей совѣта и библіотекарей. Сообщенія просятъ адресовать въ Харьковскій университетъ, проф. Н. Ѳ. Сумцову или проф. Д. И. Багалѣю.

—— Комитетъ по устройству церковно-археологическаго Музея въ гор. Ригѣ обратился ко всѣмъ смежнымъ съ Прибалтійскимъ краемъ губерніямъ съ просьбою не отказать въ пожертвованіи въ Музей древнихъ церковныхъ вещей, книгъ, рукописей и другихъ памятниковъ, относящихся къ исторіи Прибалтійскаго края. (Нов. Вр., № 7226).

—— Въ Якутскѣ, при братствѣ Христа Спасителя, учреждается епархіальное церковное древлехранилище (Нов. Вр., № 7279).

—— Въ предсѣдатели Тверской Ученой Архивной Коммиссіи избранъ тверской губернаторъ А. П. Ахлестышевъ, непремѣнный попечитель Коммиссіи.

—— Моск. Общ. Люб. Естеств. Антроп. и Этн. предполагаетъ въ союзѣ съ другими учеными Обществами почтить память А. В. Потаниной постановкой памятника на ея могилѣ и основаніемъ преміи за ученые труды.

—— Въ газетахъ писали за послѣднее время объ уничтоженіи старинныхъ фресокъ въ великой церкви Кіево-Печерской Лавры. Дѣйствительность заключается въ слѣдующемъ.

Древній храмъ былъ разрушенъ татарами въ 1418 г.; теперешній, возведенный вновь кн. Симеономъ Олельковичемъ въ 1470 г. и тогда же расписанный, обгорѣлъ въ началѣ XVIII вѣка, былъ возобновленъ къ 1730 году и затѣмъ расписанъ вновь, — вѣроятно, отчасти около 1760 г., итальянцемъ Веніаминомъ Фредериче, который до того работалъ въ бердическомъ кармелитскомъ монастырѣ для Радзивилловъ, а около 1760 г. былъ призванъ въ Лавру и основалъ здѣсь школу живописи. Эта стѣнопись 1730 — 1760 г., хотя и поновленная, но съ сохраненіемъ стараго образца, въ концѣ XVIII в., сохранялась вся до 1840 г., когда митрополитъ Филаретъ, старецъ святой жизни, но простецъ въ вопросахъ искусства, поручилъ расписать храмъ заново лаврскому иноку Иринарху. Какъ скоро императоръ Николай I узналъ о обновленіи, на двѣ трети уже завершенномъ, работы были, по именному повелѣнію, остановлены и запрошено объясненіе у митрополита. Митрополитъ объяснилъ то, что объясняютъ и теперь въ защиту новой росписи: указалъ на темноту старой стѣнописи отъ времени и на плохое достоинство ея. Командированный въ Кіевъ академикъ Солнцевъ нашелъ необходимымъ: исправивъ, въ чемъ можно, новую роспись (на

что онъ давалъ указанія), „оставшуюся старую живопись: портреты, царей, великихъ князей“ (тутъ были также портреты князей — храмоздателей: Радзивилловъ, Константина Острожскаго, Сангушковъ) „и архимандритовъ осторожно вымыть и заправить; раку съ частями св. мощей на аршинъ отодвинуть отъ стѣны или перенести въ одинъ изъ боковыхъ предѣловъ“ (при исполненіи избрано было первое), „черезъ что откроется надгробный монументъ князя Константина Острожскаго, и самый памятникъ очистить отъ пыли“. Это мнѣніе, Высочайше утвержденное, было приведено въ исполненіе.

Такимъ образомъ до прошлаго года въ великой церкви сохранялась нетронутая Иринархомъ часть стѣнописи половины XVIII столѣтія, стѣнописи, традиція которой могла восходить и ранѣе (слѣдовъ же болѣе старой живописи ни подъ нею, ни подъ штукатуркою не нашли въ наше время акад. Праховъ и прот. Лебединцевъ). Именно сохранилась она: 1) на южной и сѣверной стѣнѣ подъ хорами и 2) подлѣ гробницы кн. Константина Острожскаго.

Въ прошломъ году и неискусная роспись Иринарха, и уцѣлѣвшая дотолѣ старая стѣнопись были соскоблены, и стѣны выбѣлены для новой росписи. При этомъ не сняли даже копій со старыхъ изображеній: ихъ нашли слишкомъ потемнѣвшими и плохими, а „потому“ неинтересными.

Такъ уничтоженъ былъ въ стѣнописи Лавры послѣдній остатокъ старины.

—— Когда Московское Археологическое Общ. наводило справки въ Кіевѣ объ уничтоженіи старинной стѣнописи, ему сообщили о другомъ случаѣ того же разряда. Въ прошломъ же году находившіяся подлѣ лаврской трапезной могилы Кочубея и Искры вошли въ черту новой, расширенной трапезной. Надгробныя плиты сохранены и вставлены въ стѣну новой постройки, но самыя могилы исчезли безъ слѣда.

—— „Русское Слово“ обратило вниманіе на колоколъ 1702 г. голландскаго дѣла, висящій на гауптвахтѣ у Краснаго крыльца, въ Кремлѣ. По осмотру этого колокола двумя изъ членовъ Московскаго Археологическаго Общества оказалось: колоколъ около поларшина вышины, ушко въ видѣ двухъ орлиныхъ головъ, врозь клювами; на самомъ колоколѣ двѣ каймы чрезвычайно тонко и изящно исполненнаго мелкаго убора: въ верхней каймѣ виноградная лоза и геніи со свирѣлями, въ въ нижней—виноградная лоза и головы ангеловъ съ длинными крыльями. На колоколѣ четкая надпись отличной, какъ и самъ колоколъ, сохранности: +C:NOORDEN. ET J:A:DE GRAVE:ME FECER:

AMSTMELODAM: A° 1702. (К. Норденъ и I. А. де Граве сдѣлали меня. Амстердамъ, г. 1702). Типъ буквъ—эльзивиръ. Языкъ у колокола—съ отбитымъ концомъ, довольно грубъ и, повидимому, взятъ отъ другого колокола.

Въ статьѣ А. А. Мартынова „Московскіе колокола" (Русск. Архивъ 1896 г., №№ 1—4) колоколъ этотъ не былъ указанъ.

—— 13 апрѣля въ Петербургѣ въ помѣщеніи Императорской Археологической Коммиссіи были выставлены наиболѣе замѣчательные предметы древности изъ числа поступившихъ въ Коммиссію въ теченіе 1895 г. На первый планъ выступаютъ предметы изъ раскопокъ Н. И. Веселовскаго въ курганахъ ст. Псебайской, Бесленѣевской и Крымской, Майкопскаго отдѣла, Кубанской области. Раскопанные Н. И. Веселовскимъ курганы относятся къ тремъ эпохамъ. Древнѣйшіе принадлежатъ къ мѣдному вѣку. Въ нихъ были найдены: большое копье съ насадомъ; клинъ, топоръ, вилообразное орудіе, оригинальная булавка съ выступами къ верхнему краю, золотыя и сердоликовыя бусы. Большинство другихъ кургановъ, судя по найденнымъ въ нихъ предметамъ, могутъ быть отнесены ко времени Рождества Христова или къ нѣсколько позднѣйшей порѣ [1]). Въ курганахъ этой категоріи найдены: золотыя — фибула ромбической формы, тисненыя бляшки съ изображеніемъ грифоновъ и овцы, сборныя розетки въ нѣсколько бляшекъ, маленькіе подвѣски съ изображеніемъ сокола, птичекъ и съ подвѣсками - шариками, розетки, бляшки, напоминающія форму лошадиной головы, бусы и др.; изъ мѣдныхъ вещей—зеркальце; изъ желѣзныхъ—ножницы. Независимо отъ того въ тѣхъ же курганахъ встрѣчается много мозаичныхъ и другихъ бусъ и въ числѣ ихъ разной формы бусы цвѣта морской воды. Въ одной изъ курганныхъ насыпей найденъ обломокъ ручки съ клеймомъ, повидимому, III вѣка до Рождества Христова. Интересны расположенныя на подставкѣ различныя золотыя вещи—подлинники и гальванопластическіе снимки. Таковъ золотой ажурный конической формы предметъ, украшенный въ три пояса изображеніями грифоновъ и рѣдкими небольшими гранатами, большой предметъ неизвѣстнаго назначенія, колоколообразной формы. По бокамъ его помѣщены сцены изъ битвъ степныхъ варваровъ двухъ различныхъ племенъ. Одинъ изъ побѣжденныхъ на землѣ, и съ него снимаютъ голову, другой изображенъ въ моментъ бѣгства. Побѣдители изображены въ латахъ и броневыхъ наножьяхъ, вооружены мечами и дротиками, на головахъ повязки; побѣжденные вооружены мечами, щитами, стрѣлами и изображены въ

---

[1]) См. Археол. Извѣст. и Зам. 1895 г. 413—416.

такой же бронѣ и на груди и поножьяхъ на ногахъ. Орнаментъ предмета и другіе признаки указываютъ на то, что находка эта относится ко времени послѣ Рождества Христова. Особенно обращаютъ на себя вниманіе двѣ золотыя оковки съ изображеніями грифоновъ, сцены охоты на оленя и отправленія на войну болѣе грубой работы. Подлинники всѣхъ этихъ предметовъ и также выставленной рядомъ на средней полкѣ золотой ажурной пластинки съ изображеніемъ варваровъ найдены при хищническихъ раскопкахъ въ псебайской станицѣ и находятся въ въ частной коллекціи. Далѣе интересны золотыя спиральныя кольца, найденныя на могилѣ станицы Суворовской, Баталпашинскаго уѣзда, Кубанской области, коллекціи золотыхъ вещей, найденныхъ при раскопкахъ въ ст. Курджинской, Майкопскаго отдѣла, Кубанской области, и въ числѣ ихъ медальонъ съ изображеніемъ женской фигуры и Эрота, бляшки съ орнаментомъ и изображеніемъ грифоновъ, сокола, розетокъ, ожерелье изъ бляшекъ въ видѣ узловъ, головка коня, кусочекъ самороднаго золота и предметъ въ видѣ колокольчика, украшенный парнымъ изображеніемъ двухъ воиновъ, взявшихся за одно копье [1]). Въ коллекціи изъ трехъ кургановъ близъ Ярославской и Кужорской Майкопскаго отдѣла, Кубанской же области, выдѣляются покрытыя золотомъ спиральныя кольца, гранчатыя позолоченыя пуговицы, пряжки, золотыя и серебряныя серьги; золотой перстень, филигранныя бусы, золотыя бляшки съ изображеніемъ розетокъ и головъ, круглыя, выпуклыя, позолоченыя серебряныя бляхи, оригинальныя нагрудныя подвѣски въ видѣ круглой коробочки, треугольника, лунницы, флакончика, великолѣпный поясной наборъ изъ ажурныхъ бляшекъ съ орнаментомъ и проч. Вмѣстѣ съ вещами найдены монеты XIV вѣка. Важными въ научномъ отношеніи являются также предметы изъ раскопокъ въ Херсонесѣ, коллекція вещей, добытыхъ раскопками могильниковъ рѣки Оки изъ которыхъ одинъ (Кошибѣлевскій) долженъ быть признанъ древнѣйшимъ изъ извѣстныхъ могильниковъ этого района, коллекція изъ кургановъ Шушинскаго уѣзда, предметы изъ кургановъ Томской губерніи, оказавшихся вполнѣ тождественными съ керченскими древностями первыхъ вѣковъ по Рождествѣ Христовѣ; вещи изъ кургановъ крымскихъ, саратовскихъ и пермскихъ и изъ стариннаго жертвеннаго мѣста Пермской губерніи; интересна также довольно обширная коллекція изъ раскопокъ на Афросіабовомъ городищѣ, близъ Самарканда. Отдѣлъ предметовъ, доставленныхъ изъ различныхъ мѣстностей имперіи, принесенныхъ Археологической Коммиссіи въ даръ и пріобрѣтенныхъ ею, многочисленъ,

---

[1]) Тамъ же, 414—416.

разнообразенъ и заключаетъ въ себѣ не мало вещей, имѣющихъ важное значеніе въ научномъ и художественномъ отношеніяхъ. Особенно выдѣляются: серебряное античное блюдо изъ Закавказья, коллекція кавказскихъ древностей г. Семенова, золотыя вещи готскаго типа изъ Шадринскаго уѣзда, золотыя серьги изъ Перми, терракотовыя фигуры изъ Ѳеодосіи, находки изъ Воронежской губерніи, вещи изъ кургановъ Полтавской губерніи, коллекціи Минусинскихъ древностей, находки серебряныхъ вещей на островѣ Моонѣ, глиняные сосуды изъ кургановъ Кіевской губерніи, вещи изъ Ефаевскаго могильника Пензенской губерніи, изъ развалинъ города Увека, изъ Уральской области (нѣсколько предметовъ типа Ананьинскаго могильника) и значительная коллекція вещей, пріобрѣтенныхъ въ 1895 г. Минусинскимъ музеемъ. Вообще на выставкѣ собраны предметы изъ 42 областей и губерній Россіи. Особый отдѣлъ выставки составило большое собраніе чертежей, рисунковъ, калекъ, фотографическихъ снимковъ и предметовъ, исполненныхъ экспедиціей, снаряженною Императорскою Археологическою Коммиссіей въ Самаркандъ на средства отпущенныя министромъ финансовъ. Между ними первое мѣсто безспорно занимаютъ выполненныя художественною рѣзьбой двери изъ мечети Тамерлана. Къ сожалѣнію, онѣ попорчены; но съ достовѣрностію можно сказать, что современная рѣзьба блѣднѣетъ какъ передъ техниой выполненія этой рѣзьбы, такъ и предъ художественной композиціей рисунка.

—— Въ Томскѣ, вблизи военныхъ лагерей, въ обрывѣ берега р. Томи обнаружены 14 апрѣля каменщикомъ, бравшимъ песокъ для работъ, кости мамонта. Когда сдѣлалось извѣстнымъ объ этомъ среди томичей, то не замедлили появиться и любители раскопокъ; нѣкоторые тотчасъ же принялись за раскопку, и кости такимъ образомъ стали исчезать. Только на другой день было сообщено о находкѣ университету. Явились на мѣсто открытія проф. Кащенко и экзекуторъ университета В. И. Ржеускій, которыми и произведена правильная раскопка, закончившаяся лишь 20 числа. Кости мамонта оказались разбросанными въ безпорядкѣ на площади въ 8 метр. длины и $3^1/_2$ ширины: черепъ, позвонки, лопатки, ребра, цѣлыя и колотыя кости переднихъ и заднихъ конечностей; кромѣ этихъ костей двѣ оказались повидимому человѣческими. Рядомъ съ костями попадались кремневые осколки и скребки, а также куски дерева. Кромѣ того, на площади раскопокъ оказались слѣды огромнаго огнища ($2^1/_2$ ар. въ діам.), и уголь попадался на всей площади нахожденія костей. Сдѣланъ фотографической снимокъ съ костей въ томъ положеніи, въ какомъ онѣ были при раскопкахъ. Часть костей унесенныхъ до прибытія проф. Кащенко уже найдена, отобрана и до-

ставлена въ университетъ, и есть надежда востановить скелетъ въ цѣлости. Эта находка костей мамонта вмѣстѣ со слѣдами человѣка—первая въ Сибири, несмотря на то, что Сибирь чрезвычайно богата остатками мамонта, что ископаемая кость мамонта (его бивни) извѣстна уже съ IV в. до Р. Х. и съ покореніемъ Сибири въ огромномъ количествѣ вывозилась отсюда русскими.

Въ „Сиб. Вѣстн.“ отъ 23 и 26 апрѣля С. К. Кузнецовъ помѣстилъ прекрасную статью о находкѣ, выяснилъ значеніе ея и далъ очеркъ важнѣйшихъ находокъ мамонта въ Сибири (цѣльные скелеты), во Западной Европѣ и въ Европейской Россіи. Можно лишь пожалѣть, что ни С. К. Кузнецовъ, отлично изучившій литературу предмета, ни Г. О. Оссовскій, находившійся въ то время въ Томскѣ, не получили возможности участвовать въ раскопкѣ, представлявшей столь глубокій научный интересъ.

Томская находка возбудила интересъ и за границей, и д-ръ Оппенхеймъ возражалъ уже въ „Фоссовой газетѣ“ противъ преувеличиванія ея значенія, именно противъ мнѣнія, что это древнѣйшіе слѣды человѣка и доказательство разселенія человѣческаго рода изъ Азіи.

—— Въ докладѣ завѣдующаго севастопольской біологической станціей д-ра А. А. Остроумова Имп. Академіи Наукъ о поѣздкѣ его и студ. Моск. Унив. Л. Л. Конкевича въ 1895 г., на „Атманаѣ“ Н. А. Филибера, для научныхъ изслѣдованій въ Азовское море, по порученію Черноморскаго Отдѣла Общ. Рыболовства и Рыбоводства, указывается между прочимъ, что у Елизаветинской станицы, т. е. выше раздѣленія Дона на рукава, на днѣ рѣки существуетъ своеобразная фауна изъ смѣшенія формъ лиманныхъ (Cardium coloratum Eichw., Pseudocuma и др.) съ прѣсноводными (Unio и др.), и неводами извлекаются кости постпліоценовыхъ животныхъ—мамонта и зубра. Также интересны замѣчанія о наводненіяхъ въ Кубанской дельтѣ и вообще о продолжающейся въ ней дѣятельности и нептуническихъ, и вулканическихъ силъ. (Изв. Ак. Н., апрѣль).

—— Въ дер. Лисевицы, Ловичскаго уѣзда, крест. Андрей Павлата, паша землю на песчаномъ пригоркѣ, вынулъ урну, наполненную пепломъ и костяками. Крышка была уже разбита, и край самой урны былъ поврежденъ. На стѣнкахъ видны слѣды пальцевъ; украшеній нѣтъ никакихъ; высота доходитъ до 10 дюймовъ, діаметръ верхней окружности около 22 дюймовъ, въ срединѣ — 33 дюйма, а дно— 18 дюймовъ въ діаметрѣ. Въ той же деревнѣ, по словамъ „Вѣка“, нѣсколько лѣтъ назадъ на пастбищѣ найдены были случайно бронзовые перстни и булавки безъ всякихъ украшеній (СПБ. Вѣд., 151).

—— Раскопки кургановъ и могильниковъ близь деревни Васильевской и Руболдиной Гридинской волости Костромскаго уѣзда произведены 18 и 19 мая четырьмя членами Костромской Ученой Архивной Коммисіи. Начало раскопокъ въ нынѣшнемъ году было удачное: разрыто 27 кургановъ, и изъ 20 вынуты старинныя вещи. Кромѣ обычныхъ для этихъ и всѣхъ мерянскихъ кургановъ: браслетовъ, колецъ височныхъ и ручныхъ, разныхъ поясныхъ и шейныхъ подвѣсокъ, серегъ и пр.,—найдены разновидныя бусы, въ числѣ которыхъ обращаютъ на себя вниманіе бусы мозаичныя и золотистаго цвѣта (стеклянныя). Въ одномъ изъ кургановъ близь дер. Васильевской найдена серебряная монета восточнаго типа съ неразобранными еще надписями; по положенію монеты на костякѣ видно, что она носилась какъ украшеніе на шеѣ. Въ могильникѣ близь д. Руболдиной, состоящемъ всего изъ трехъ кургановъ, привлекла вниманіе изслѣдователей рѣдко замѣчавшаяся прежде особенность погребенія: въ двухъ курганахъ оказалось по два костяка (мужской и женскій) не на поверхности почвы, а внутри курганной насыпи. Всѣ курганы по основанію обложены крупными валунами (Прав. Вѣстн. 121).

—— Статуэтка Кибелы, добытая изъ кургана близь Херсона (см. стр. 109) направлена въ Императорскій Эрмитажъ (Н. В. № 7258).

—— По свѣдѣніямъ „Нов. Вр.“ церковь въ м. Смольянахъ Могилевской губ. запущена до крайности. Церковь эта построена княземъ Андреемъ Курбскимъ, которому Сигизмундъ подарилъ роскошный Смольянскій замокъ. Она была соединена съ замкомъ подземнымъ ходомъ. Деревянный верхъ церкви надстроенъ позднѣе; каменный подземный низъ остался отъ древняго времени (Н. Вр. 7263).

—— Суда Петра Великаго изъ Астрахани (см. стр. 113) отправлены на Нижегородскую выставку.

—— Туда же послана принадлежащая проф. Поздѣеву коллекція бурятскихъ идоловъ и вообще предметовъ бурятскаго религіознаго культа.

—— Въ іюнѣ 1886 г. Иванъ Желтовъ помѣстилъ въ „Рижскомъ Вѣстникѣ“ замѣтку: „*Герцике-Ярчикъ и древнее русское городище на берегу Авикшты*“; здѣсь онъ доказывалъ, что названный городъ находился на мѣстѣ Крейцбургскаго полумызка Рушендорфъ, полатынски Креевуцеемъ, и объяснялъ слово *Герцике* русскимъ *Ярчикъ*, уменьшительною формою отъ *Яръ*, приводя въ примѣръ имена: Черный Яръ, Красный Яръ въ Астраханской губерніи и Красноярскъ въ Сибири. Въ нынѣшнемъ году г. Желтовъ издалъ тамъ же замѣтку: *Ярчикъ, Кукинъ, Носъ и Волокъ Ливонскій* (Рижскій Вѣстн. № 63), гдѣ, упомянувъ о прежнихъ своихъ выводахъ, доказываетъ: а) что имя Куке-

нойсъ, Кукенгаузенъ, есть искаженное русское *Кукинъ Носъ*, отъ существительнаго *Кука*, которое первоначально, вѣроятно, обозначало кукушку; это названіе г. Желтовъ сближаетъ съ названіемъ *Канинъ Носъ* отъ существительнаго *Каня*—ястребъ; б) что имя городка Лифляндской губерніи Валкъ есть искаженное же слово *волокъ*: старинное имя этого города было Педель, и онъ лишь впослѣдствіи сталъ называться нынѣшнимъ именемъ, которое первоначально имѣло значеніе имени нарицательнаго, служившаго точнѣйшимъ обозначеніемъ мѣстоположенія, какъ видно изъ оборота, сохранившагося въ одномъ памятникѣ, писанномъ на нижненѣмецкомъ языкѣ: Peddel utr dem Walke, т. е. *Педель на „валкѣ“*. Волокъ, о которомъ идетъ рѣчь, проходитъ между рѣчкой Педель, текущей въ Малый Эмбахъ и рѣчкой Шварцбахъ изливающейся, въ Гавью (лифляндскую Аа). Такой знатокъ русскаго языка, какъ покойный Потебня названіе г. Валки Харьковской губерніи также пріурочивалъ къ глаголу *влачить*, *волочить*, въ смыслѣ передвиженія товарныхъ обозовъ, хотя и въ нѣсколько другой обстановкѣ.

—— Въ „Виленскомъ Вѣстн.“ (1896 г. № 62) г. А-чъ сообщаетъ слѣд. свѣдѣнія о с. Половцахъ Брестскаго у. Гродненской губ. (въ 6 верстахъ отъ ст. Высоко-Литовскъ). „Подъ именемъ „Половцовъ“ здѣсь извѣстна мѣстность, гдѣ расположена церковь, усадьба священника и сосѣднее имѣніе; „Половцами“ слывутъ всѣ прихожане этой церкви. Въ окрестностяхъ „Половцовъ“ находится лугъ „Бонякъ“: онъ представляетъ собою небольшую болотистую площадку, съ двухъ сторонъ котораго течетъ незначительная теперь рѣченка. Посрединѣ луга находится возвышеніе, по всѣмъ признакамъ, насыпное, искуственное. Оно называется „ганокъ“ При раскопкѣ этого возвышенія были найдены кости лошади и человѣка“. Недалеко отъ луга „Боняка“ находятся деревня „Голя“, поля „Кровавый лугъ“ и „Битва“, „Туровщина“—болотистый лугъ и дер. Озериско. При постройкѣ въ Озерискѣ вѣтряной мельницы, наткнулись на „очень древній“ могильникъ: „Всего найдено семь могилъ; шесть расположены вокругъ одной, костяки лежали головой къ югу. Замѣчательно, что могила, помѣщавшаяся на глубинѣ одного фута, имѣла *сводъ* и стѣнки изъ крупнаго булыжника. Въ средней могилѣ было найдено два костяка: мужской и женскій; первый поражаетъ своею величиной—3 арш. 2 верш., нижняя челюсть такъ велика, что въ нее свободно входило лицо рабочаго крупнаго роста (?). Подъ мужскимъ костякомъ помѣщался женскій, сохранившій космы сѣдыхъ волосъ. Рядомъ съ костяками, въ могилѣ, сохранились на землѣ полосы ржавчины, на которыхъ были размятые небольшіе

кровяно-красные шарики (?); въ этой же могилѣ найдены остатки истлѣвшей ткани, перегнившія зерна, пепелъ. Мужской костякъ, судя по загнутому отростку спинного хребта, четырехугольной формѣ черепа и остаткамъ оружія (ржавыя полосы) принадлежалъ конному воину—монголу. Въ другой могилѣ найдены бронзовыя украшенія: улиткообразныя привѣски, кольца и зубчатые обломки неизвѣстнаго назначенія; все сдѣлано изъ бронзовой проволоки или пластинки въ 2—4 линіи шириною". Между дер. Песчанкой и им. Половцы расположенъ небольшой лѣсъ, въ сосновой части котораго разбросано въ безпорядкѣ до десятка кургановъ: „послѣ раскопки одного изъ нихъ, говоритъ авторъ замѣтки, приходится думать, что это песчаныя насыпи" (?). Къ сожалѣнію, въ газетной замѣткѣ нѣтъ свѣдѣній о судьбѣ предметовъ череповъ, найденныхъ при раскопкѣ. Г. А-чъ на основаніи названія мѣстностей, „Половцы" и „Бонякъ" („Голя" состоитъ въ связи съ *Голядью*") считаетъ, что въ этой мѣстности нѣкогда поселились разбѣжавшіеся изъ южно—русскихъ степей Половцы. Онъ даже указываетъ на нѣкот. этнографическія особенности гродненскихъ „Половцовъ", отличающія ихъ отъ окрестнаго населенія. Жители Половецкаго прихода отличаются высокимъ ростомъ, по большей части брюнеты съ неправильными, грубыми чертами лица; мужчины носятъ родъ женской кацавейки краснаго цвѣта, что у окрестныхъ жителей считается неприличнымъ; послѣдніе избѣгаютъ даже вступать въ браки съ „Половцами". Они отличаются вороватостью, нахальствомъ и внѣшнею религіозностью.—Разумѣется, приведенныя данныя, интересныя сами по себѣ, не даютъ права для вывода о связи гродненскихъ Половцовъ съ древними кочевниками. Но можно напомнить, что не мы знаемъ собственно, въ какой части Даніиловой державы были поселены бѣжавшіе отъ татаръ Половцы; есть преданіе, впрочемъ позднѣйшее, о томъ, что часть Половцовъ была поселена на бер. р. Роси съ Черными Клобуками. [1]). Между тѣмъ Половцы неоднократно участвовали въ походахъ Даніила на Литву и Ятвяговъ [2]) и могли быть поселены Даніиломъ на границѣ съ послѣдними. Нѣкоторые польскіе историки давно уже высказывали мысль о передвиженіи части Половецкаго народа въ нын. Гродненскую губ. [3]) *М. Д. З.*

—— Въ январѣ А. А. Куникъ ходатайствовалъ передъ Академіей Наукъ о выдачѣ въ распоряженіе Историко-филологическаго Отдѣленія 300 рублей, на опытъ обработки русско-татарской хронографіи

---

[1]) См. *Голубовскій*, Печенѣги, Торки и Половцы до нашествія Татаръ, въ VI главѣ.
[2]) Ипат., 538, 542, 543.
[3]) Iaroszkewicz, Obraz Litwy etc., t. I, p. 31.

до конца XIII или первыхъ десятилѣтій XIV в. Обработка произойдетъ подъ надзоромъ докладчика и по программѣ, которая была установлена для русско-ливонской хронографіи, составленной Боннелемъ. Подобнымъ же образомъ Погодинъ обработалъ первыя 90 лѣтъ удѣльнаго періода. Въ майскомъ засѣданіи А. А. Куникъ хотѣлъ представить часть изготовленныхъ имъ матеріаловъ. (Изв. Имп. Ак. Н., мартъ 1896 г.)

—— Подъ наблюденіемъ С. Н. Северьянова Академія Наукъ воспроизводитъ фотографіей Супрасльскую рукопись (по предложенію И. В. Ягича); негативы поступаютъ пользу Академіи (Изв. Ак., Н. мартъ).

—— В. П. Васильевъ доложилъ Академіи Наукъ о надписяхъ на памятникахъ, стоящихъ на скалѣ Тыръ, близъ устья Амура. Онѣ говорятъ о постройкѣ двухъ кумиренъ, въ 1413 и въ 1433 г. въ странѣ Нургань, обитаемой народомъ Цзи-мэ-ли, куда мирнымъ путемъ и дарами только что распространили свое вліяніе китайцы. Памятники эти важны тѣмъ, что къ китайскому тексту присоединенъ „вѣроятный переводъ его на монгольскомъ и чжурчженьскомъ языкахъ“: что чжурчженьскіе іероглифы, несмотря на свою вычурность, сохранились 200 лѣтъ послѣ паденія введшей его манчжурской династіи Чжурчжень (послѣ искажено въ Нюйчжень, Ніучи), между тѣмъ какъ въ Монголіи съ VIII в. извѣстно было алфавитное письмо (уйгурскіе памятники)— фактъ совершенно новый и неожиданный (Изв. Имп. Ак. Наукъ, апрѣль 1896 г.).

—— Способъ, г. Буринскаго для чтенія неясныхъ рукописей (Арх. Изв. 1895, № 14) состоялъ въ томъ, что съ рукописи снималось нѣсколько негативовъ, и пленки накладывались точно одна на другую, чтобъ тѣни рисунка сгустились и выдѣлилось ясно для глаза различіе цвѣтовъ, т. е. чтобы буквы выдѣлились ясно на полѣ. Но для фотографіи съ пергамента приходилось смачивать и расправлять кожу, и при ссыханіи ея было въ лучшемъ случаѣ чрезвычайно трудно, часто неисполнимо добиться, чтобы оригиналъ въ теченіе нѣсколькихъ дней (что было необходимо) не измѣнялъ своего положенія относительно аппарата и, слѣдовательно, не мѣнялся въ размѣрѣ; такое же затрудненіе являлось при снимкахъ астрономическихъ. Въ январѣ г. Буринскій прочелъ въ Ак. Наукъ записку о новыхъ трудахъ своихъ по изученію условій цвѣтодѣленія въ фотографіи, а 31 марта прочелъ докладъ того же содержанія на фотографическомъ съѣздѣ въ Москвѣ. Исходя изъ положенія, что на каждомъ негативѣ выходятъ всѣ подробности, но только глазъ со своимъ слабымъ цвѣтодѣленіемъ не отличаетъ многихъ изъ нихъ на негативѣ, какъ и на подлинникѣ, онъ рѣшилъ дѣлать

послѣдовательные снимки не съ подлинника, а съ негатива, сдѣланнаго на сухой желатинной пластинкѣ. Результаты богаты и въ высшей степени знаменательны: получается полная возможность добыть точные цвѣтодѣлящіе снимки, при чемъ напримѣръ, вмѣсто безплодной четырехмѣсячной работы надъ однимъ документомъ, дѣло сдѣлано въ четыре дня; оказывается, что, дѣйствительно, во всякомъ негативѣ есть масса подробностей невидимыхъ нами, но доступныхъ выдѣленію цвѣтодѣлительнымъ способомъ. Для астрономіи, физіологіи и т. д. данъ тутъ ключъ къ неизмѣримому ряду открытій; для эпиграфики — предѣлы раздвинуты широко. Въ „Запискѣ" г. Буринскаго (Изв. Имп. Ак. Наукъ, мартъ 1896 г.) сообщены подробныя свѣдѣнія о пріемахъ цвѣтодѣлительной фотографіи, примѣняемыхъ докладчикомъ.

—— Цѣнный историческій матеріалъ доставленъ въ Кіевскій Центральный Архивъ, находящійся при университетѣ, изъ черниговской казенной палаты. Онъ состоитъ, между прочимъ, изъ собранія гетманскихъ универсаловъ, всѣхъ распоряженій русскаго правительства, судебныхъ рѣшеній и всякаго рода частныхъ актовъ (завѣщаній, пожертвованій), касающихся монастырей черниговской епархіи. Документы обнимаютъ періодъ времени отъ присоединенія края (1654 г.) и до начала текущаго столѣтія. Кромѣ того, въ числѣ переданныхъ Архиву бумагъ находятся: собраніе картъ, указывающихъ границы черниговскаго намѣстничества въ 1782 г., и собраніе плановъ и чертежей, относящихся ко времени путешествія императрицы Екатерины II по югу Россіи въ 1786 г. На планахъ изображены строенія, которыя возводились по пути слѣдованія императрицы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она останавливалась. Зданія возводились деревянныя, оклеивались внутри бумагою и украшались ситцевыми занавѣсками и портьерами.

—— Въ Имп. Публичн. Библ. поступило изъ архива бывшаго главнаго управленія намѣстничества Кавказскаго десять дарственныхъ записей на грузинскомъ языкѣ, изъ коихъ старшая восходитъ къ 1440 г. и одинадцать фирмановъ на арабскомъ, турецкомъ и персидскомъ языкахъ 1583—1750 годовъ (S. Pet. Her., 143).

—— Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія командированъ въ Эчміадзинъ и въ Венецію проф. Лазаревскаго Института Г. А. Халатьянцъ для изученія армянскихъ рукописей, хранящихся въ этихъ городахъ.

—— На соисканіе преміи имени покойнаго Д. Г. Кананова совѣтомъ Лазаревскаго Института Восточныхъ Языковъ объявлена тема: „Армяне въ Византіи до эпохи Крестовыхъ походовъ" (преимущественно на основаніи византійскихъ источниковъ). Сочиненіе можетъ быть пред-

ставлено на одномъ изъ слѣдующихъ языковъ: армянскомъ, русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ. Срокъ представленія сочиненій назначенъ 1 января 1898 г. За лучшее сочиненіе присуждена будетъ премія въ размѣрѣ 700 р.

—— Л. Аѳ. Коробовъ, совершившій въ 1894 г. смѣлое двухмѣсячное путешествіе по южнымъ предѣламъ Палестины, за Мертвымъ моремъ, предпринялъ въ 1895 г. большое путешествіе по Палестинѣ и Сиріи, продолжавшееся восемь мѣсяцевъ. Изъ Іерусалима черезъ Іерихонъ онъ направился въ дикое Заіорданье, желая пробраться въ Уади-Муса, въ мѣсто, гдѣ ранѣе находился городъ Петра Аравійская. Но въ Керакѣ онъ вынужденъ былъ свернуть на востокъ, прошелъ къ устьямъ Армона (Уади-Муджебъ) и среди разбойничьихъ кочевій бедуиновъ, въ сопровожденіи одного проводника, благополучно осмотрѣлъ развалины Леджуна, Ксуръ-Бшера, Амморсаса и др. Когда затѣмъ въ Мадабѣ онъ вызвалъ смѣльчаковъ проводить его на осмотръ развалинъ къ востоку отъ Мадабы до дороги Хаджей, согласился лишь одинъ съ условіемъ, что къ развалинамъ г. Коробовъ будетъ подходить одинъ, а онъ останется съ лошадьми въ нѣкоторомъ отдаленіи. За Мадабой г. Коробовъ осмотрѣлъ до 50 развалинъ. Далѣе путешественникъ проѣхалъ всю за-іорданскую мѣстность до Дамаска, посѣтивъ на пути: Аманъ (древнюю Филадельфію), Сальтъ, Джерашъ, Хусунъ съ окружающими ихъ развалинами и со всѣми городками; отъ Хусуна онъ пересѣкъ Палестину до Средиземнаго моря, черезъ Тиверіаду, Ѳаворъ, Назаретъ, Кайфу и, вернувшись обратно въ Хусумъ, направился въ Дамаскъ. Въ Хауранѣ, на востокъ отъ Генисаретскаго озера, онъ былъ арестованъ турецкими властями и подъ конвоемъ отправленъ въ Дамаскъ, гдѣ былъ освобожденъ по заступничеству русскаго консула А. П. Бѣляева. Изъ Дамаска Л. А. проѣхалъ въ древнѣйшую православную женскую обитель—Сейданскій монастырь, оттуда къ Маалюлю и, наконецъ, черезъ Небокъ, Деръ Атье и Каритемъ, къ развалинамъ Пальмиры, все безъ конвоя; одинъ же совершилъ и крайне опасную поѣздку въ Хомсъ (Ешесъ), въ трехъ дняхъ пути отъ Пальмиры. Откуда черезъ Баальбекъ и Дамаскъ на Ливанскія горы, гдѣ пробылъ нѣсколько недѣль, посѣщая православные деревни и монастыри, черезъ Бейрутъ прибылъ въ Триполи, оттуда совершилъ поѣздку въ сѣверную Сирію, проѣхавъ черезъ древній монастырь св. Георгія въ Хаму и въ Алеппо. Митрополитъ трипольскій Григорій и вообще православное населеніе посѣщенныхъ г. Коробовымъ мѣстъ очень радушно принимали русскаго путешественника. Не владѣя достаточно арабской рѣчью, г. Коробовъ обращался къ мѣстнымъ православнымъ учителямъ и учительницамъ и просто къ грамот-

нымъ людямъ съ просьбою письменно поарабски излагать отвѣты на задаваемые имъ вопросы о мѣстномъ бытѣ, обычаяхъ, преданіяхъ, пѣсняхъ и такимъ образомъ привезъ съ собой интересный письменный матеріалъ.

—— Въ теченіе мая въ Москвѣ жила mrs. Zelia Nutall, присланная Археологическимъ Обществомъ при Пенсильванскомъ университетѣ. Цѣль поѣздки ея была—ознакомившись съ главными русскими собраніями, заказать для Музея Пенсильванскаго Общества снимки съ предметовъ наиболѣе типичныхъ изъ доисторической и курганной эпохи Россіи. Г-жею Нуталль отмѣчены для этой цѣли характерные типы погребеній (модели), типичныя вещи изъ раскопокъ, каменныя бабы и т. д. Замѣтимъ, что на родинѣ. Общество купило тотъ участокъ земли, на которомъ лежитъ знаменитая большая змѣеобразная насыпь. О богатой мессопотамской экспедиціи Общества 1888—91 гг. см. А. И. и З. 1894, 409.

—— Въ Бельгіи, близъ Монса, найденъ остовъ мамонта. Огромный костякъ лежалъ на глубинѣ трехъ саженъ въ пластѣ желтаго песчаника; длина плечевыхъ костей до $1^1/_2$ метра. Одинъ изъ консерваторовъ Брюссельскаго Музея прибылъ на мѣсто находки; при немъ былъ откопанъ весь остовъ, каждая частица обмотана проволокой, весь костякъ, наскоро собранный, залитъ алебастромъ и въ такомъ видѣ перевезенъ въ Брюссель (Пр. В., 51).

—— Въ Contemporary Review, май 1896, Флиндерсъ Петри издалъ переводъ обширной надписью изъ открытыхъ имъ (въ зап. части древнихъ Ѳивъ) развалинъ храма фараона Меремптаха, жившаго за 1200 л. до Р. Х.; въ надписи, при повѣствованіи о подвигахъ фараона въ Сиріи, говорится между прочимъ: „взята силою Асканди (по мнѣнію Петри, Аскалонъ)... стертъ съ лица земли Іену (Янохъ) сирійцевъ, народъ израильскій разграбленъ, и въ немъ не осталось ни сѣмени; Сирія стала какъ пустыня египетская“. Изъ этого мѣста Петри выводитъ, что часть израильскаго народа уже жила въ Ханаанѣ до библейскаго исхода изъ Египта. Въ майскомъ засѣданіи Берлинской Академіи Наукъ отнеслись гораздо сдержаннѣе къ новымъ свѣдѣніямъ: указывали на трудность сдѣлать изъ нихъ теперь опредѣленные выводы и вообще на противорѣчія въ надписи Меремптаха другимъ достовѣрнымъ источникамъ.

—— P. Reinicke въ статьѣ подъ заглавіемъ Die skythischen Alterthümer im mittleren Europa (въ Z. f. Ethnol. 1896 г.) описываетъ предметы, извѣстные подъ общимъ названіемъ скиѳскихъ древностей, найденныхъ между прочимъ въ Германіи (Феттерсфельдъ въ нижнелужицкомъ окр. Губенъ, и въ Галльской могилѣ въ Дюренѣ, ок.

Зинсгейма въ Баденѣ). Послѣдняя находка оказывается наиболѣе западной, извѣстной въ настоящее время по крайней мѣрѣ, границей распространенія этого типа древностей. Находка скиѳскихъ древностей въ Венгріи не представляетъ рѣдкости; онѣ изложены и систематизированы въ работѣ Hampel'я: „Ueber skythische Denkmäler aus Ungarn". Въ Германіи онѣ крайне рѣдки, и потому вполнѣ понятенъ интересъ, который возбуждаютъ среди археологовъ Запада эти совершенно чуждыя среди типовъ древностей зап. Европы находки, занесенныя съ Востока и отчасти изъ Сибири. Авторъ относитъ ихъ приблизительно къ вѣкамъ, предшествовавшимъ нашей эры, называетъ ихъ скиѳо-сарматскими. Появленіе на Западѣ издѣлій этого рода составляетъ еще загадку, разрѣшить которую удастся только по накопленіи бо́льшаго количества данныхъ.

—— Производя раскопки на островѣ Мелосѣ директоръ и студенты Британской Археолог. школы въ Аѳинахъ сдѣлали нѣсколько интересныхъ археологическихъ открытій. Наиболѣе важную находку составляетъ мозаика, самая красивая изъ найденныхъ въ Греціи. Первоначально она, повидимому, была въ сорокъ метровъ длиною и разбита на пять панелей, изъ которыхъ три украшены геометрическими узорами; остальныя же двѣ украшены изображеніями, замѣчательными какъ по рисунку, такъ и по окраскѣ. На одной представлены двѣ виноградныя лозы, съ кистями и гроздьями; вокругъ нихъ расположены птицы и животныя. Другая панель представляетъ кругообразный рисунокъ, состоящій изъ разнаго рода рыбы, а по угламъ выступаютъ прекрасно исполненныя трагическія маски. Разные оттѣнки окраски воспроизведены стеклянными пластинками; черный же фонъ мѣстами выложенъ блестящимъ обсидіаномъ, что придаетъ всей мозаикѣ необыкновенно яркій видъ. Кромѣ того при раскопкахъ найденъ рядъ гробницъ, относящихся къ шестому столѣтію до Р. Х., въ одной изъ которыхъ находилось множество золотыхъ и серебряныхъ украшеній. Въ другой гробницѣ, римскаго періода, нашли множество золотыхъ листьевъ, очевидно, принадлежавшихъ когда-то золотому вѣнку, и золотой перстень съ прекрасно исполненною камеей (СПБ. Вѣд., 151).

—— *Антикварная выставка въ Лондонѣ.*—Лондонскимъ Антикварнымъ Обществомъ была устроена выставка предметовъ найденныхъ при раскопкахъ близъ англійскаго города Сильчестера, гдѣ нѣкогда былъ расположенъ большой римскій городъ. За послѣднія шесть лѣтъ удалось изслѣдовать приблизительно половину этой мѣстности, около сорока десятинъ. На окончаніе раскопокъ потребуется еще нѣсколько лѣтъ и около тридцати тысячъ рублей на наши деньги. Результаты

прошлогоднихъ раскопокъ необыкновенно интересны. Найденъ у западныхъ воротъ древняго города кварталъ красильщиковъ, ремесло которыхъ, повидимому, получило здѣсь громадное развитіе. Открыто два большихъ дома, въ одномъ изъ которыхъ имѣется маленькій домовый храмикъ, съ отдѣльной часовенькой для семейныхъ боговъ, составляющіе первую находку этого рода въ Англіи; мозаичные полы этихъ домовъ, тщательно возстановленные, отличаются замѣчательною красотой какъ рисунка, такъ и окраски. Въ рисункѣ художникъ особенно часто воспроизводитъ контуры дубоваго листа и ячменнаго колоса. Найдено также нѣсколько хорошо сохранившихся самосскихъ гончарныхъ издѣлій и замѣчательный наборъ хирургическихъ инструментовъ. Но самою интересною находкой слѣдуетъ считать маленькую чашу прекраснаго синяго стекла съ бѣлыми и желтыми инкрустаціями. Она была разбита на шестнадцать кусковъ, которые удалось искусно склеить. Такіе образчики ввозныхъ стеклянныхъ издѣлій очень рѣдко встрѣчаются при раскопкахъ въ Англіи, что въ связи съ красотой находки придаетъ ей особенный антикварный интересъ (Спб. Вѣд. № 111, 1896 г.).

—— На время Венгерской юбилейной выставки, которая продлится полгода, редакція журнала: Ethnologische Mittheilungen aus Ungarn въ Пештѣ дружелюбно пригласила своихъ международныхъ товарищей— этнографовъ останавливаться по 4 — 6 человѣкъ въ ея помѣщеніи и предложила имъ содѣйствіе личное и письменное и въ Пештѣ, и при поѣздкахъ въ провинціи. Такое циркулярное приглашеніе получено было и Моск. Археол. Обществомъ.

—— Лѣтомъ 1897 г. въ Португаліи и особенно въ Лиссабонѣ готовятся, по почину Королевскаго Географическаго Общества національныя и международныя торжества по случаю четырехсотлѣтія съ того дня (8 іюля 1497 г.), какъ отплыла изъ Лиссабона экспедиція Васко-да-Гама, открывшая морской путь въ Индію. Предполагаются праздники народные и ученые, выставки и съѣзды.

Подробныя программы празднествъ вырабатываются въ настоящее время особой Юбилейной Коммиссіей, во главѣ которой стоитъ Королевское Географическое Общество. Его величество король португальскій Карлъ I изволилъ принять юбилейныя торжества подъ свое покровительство.

—— Восточный Съѣздъ, засѣдавшій въ Женевѣ въ 1894 г., выбралъ мѣстомъ слѣдующаго собранія Парижъ въ 1897 г. Нынѣ предварительный комитетъ Съѣзда остановился на дняхъ 5—12 сентября (24—31 августа стараго стиля) 1897 года. Съѣздъ состоитъ подъ

покровительствомъ президента Французской республики. Въ составъ комитета входятъ: предсѣдатель Ш. Шефферъ, тов. предсѣдателя Барбье де Мейнаръ; секретари: Масперо и Кордье; члены: Аймонье, Гимэ, Жюль Опперъ, Шлумберже, Сенаръ, де Вогюэ. Намѣчены семь отдѣленій съ подраздѣленіями: 1 Языки и археологія арійскихъ странъ: а) языки и археологія Индіи, б) Иранъ, в) лингвистика.—2. Языки и археологія дальняго востока: а) Китай и Японія, б) Индо-Китай, Меланезія и Полинезія.—3. Языки и археологія масульманскіе.—4. Языки и археологія семитскіе: а) Арамея, Евреи, Финикія и Эѳіопія, б) Ассирія.—5. Египетъ и африканскіе языки.—6. Востокъ, Греція; отношенія эллинизма къ Востоку; Византія.—7. Этнографія и народная поэзія Востока.

Взносъ, 20 франковъ, высылается казначею и издателю съѣзда M. Ernest Lesoux, rue Bonaparte, 28, Paris. Имѣются въ виду льготы по желѣзнымъ дорогамъ.

—— Городское управленіе Майнца предположило организовать торжественное чествованіе пятисотлѣтія рожденія Гутенберга. Точныхъ данныхъ о годѣ рожденія изобрѣтателя книгопечатанія не имѣется; извѣстно лишь, что онъ родился въ послѣднихъ годахъ XIV столѣтія. Въ виду этого возникла мысль, что указанное чествованіе лучше всего было бы пріурочить къ 1900 году. Майнцскій бургомистръ, для рѣшенія вопроса, обратился къ нѣсколькимъ выдающимся ученымъ Германіи и Франціи съ просьбою высказать мнѣнія о томъ, когда они полагаютъ наиболѣе удобнымъ устроить чествованіе Гутенберга. Полученныя отъ нихъ письма онъ сообщилъ собранію Journalisten Verein, и члены его единодушно рѣшили чествовать пятисотлѣтіе рожденія Гутенберга въ 1900 году. (Русск. Вѣд. 149).

V.

Засѣданія ученыхъ обществъ.

Императорское Московское Археологическое Общество.

Въ *годичномъ засѣданіи* 27 февраля 1896 г., секретаремъ Общества В. К. Трутовскимъ былъ прочтенъ отчетъ за 1895 годъ. Въ истекшемъ году Государь Императоръ соизволилъ принять Общество подъ Свое покро-

вительство. Изъ средствъ государств. казначейства отпущено 10,000 рублей на продолженіе изслѣдованій: Кавказа и восточныхъ губерній Россіи и 6,000 р. на устройство Рижскаго Археологическаго Съѣзда. Совершены въ виду Съѣзда, поѣздки: В. И. Сизовымъ и бар. Р. Р. Штакельбергомъ въ Прибалтійскій край и Ѳ. В. Покровскаго пор. Вислѣ. Графиня Уварова ѣздила въ Пшавію, Хевсурію и Сванетію. Въ трудахъ Коммиссіи по сохраненію древнихъ памятниковъ видное мѣсто занимали занятія по вопросамъ реставраціи Большаго Московскаго Успенскаго собора. Въ 1895 году Обществомъ изданы: „Труды Предвар. Комитета X Съѣзда въ Римѣ“ вып. I; „Древности восточныя. Труды Восточной Коммиссіи“. т. II, вып 1; „Древности. Труды Славянской Коммиссіи“, т. I; „Труды VIII Археолог. Съѣзда въ Москвѣ“, т. II; „Труды IX Археолог. Съѣзда въ Вильнѣ“, т. I; „Арх. Изв. и Зам.“ (годъ 3-й).

Въ томъ же засѣданіи сообщены предварительныя свѣдѣнія о раскопкахъ Ф. Д. Нефедова въ Екатеринбургской губерніи.—В. А. Городцовъ изложилъ выводы изъ своихъ наблюденій надъ дюнами бассейна рѣки Оки въ Тульской и Рязанской губерніяхъ и надъ слѣдами доисторической культуры, въ нихъ находимыми.—Свящ. І. І. Кузнецовъ сообщилъ „Еще новыя лѣтописныя данныя о построеніи Московскаго Покровскаго, Василія Блаженнаго, собора“,—въ дополненіе къ докладу, читанному имъ 19 декабря 1895 г. (см. стр. 117). Эти новыя свѣдѣнія найдены съ тѣхъ поръ докладчикомъ въ рукописи Румянцевскаго собранія № 364 (конца XVII—нач. XVIII в.) и содержатся въ статьѣ о пренесеніи въ Москву великорѣцкой чудотворной иконы св. Николая, причемъ они представляютъ выдержку изъ какой-то повѣсти о св. митрополитѣ Іонѣ, Московскомъ чудотворцѣ. По этому источнику, Іоаннъ Грозный, вернувшись послѣ взятія Казани въ Москву, сообщилъ митрополиту Макарію и всему освященному собору о своемъ обѣтѣ поставить храмы во имя тѣхъ святыхъ и праздниковъ, въ дни коихъ было взятіе Казани и другія побѣды надъ татарами,—и *вскорѣ* поставилъ эти храмы у Фроловскихъ воротъ надо рвомъ: семь деревянныхъ вокругъ одного каменнаго. „И потомъ дарова ему Богъ дву мастеровъ русскихъ, по реклу Постника и Барму, и быша премудріи и удобни таковому чюдному дѣлу. И по совѣту святительску повелѣ имъ здати церкви каменны завѣтныя, 8 престоловъ; мастеры жь Божіимъ промысломъ основаша 9 престоловъ, не яко же повелѣно имъ, но яко по Бозѣ разумъ даровася имъ въ размѣреніи основанія“,—руководясь художественными соображеніями. Имена свв. престоламъ были: Покрова—большій, средній, а вокругъ: Троицы, Входа во Іерусалимъ, Кипріана и Устины (2 октября), престолъ „его же имя Богъ изволитъ“, патріарховъ: Александра, Іоанна и Павла Новаго *) Александра Свирскаго (30 августа), Григорія Армянскаго (30 сент., побѣда на Арскомъ полѣ) и Варлаама Хутынскаго (26 ноября). Образъ Великорѣцкій св. Николая былъ принесенъ, когда стройка уже была воздвигнута „отъ земли яко мало мнѣе сажени“, и тогда царь и

*) 2-го іюля? *Редакція.*

митрополитъ нарекли безименитый храмъ во имя св. Николая, „яко самому св. Николѣ себѣ уготововавшу храмъ той".—Такимъ образомъ нашлось подтвержденіе и дополненіе къ прежде доложенному. При этомъ: 1) зодчіе, Постникъ и Барма, прямо названы *русскими*, 2) разъясняются недоразумѣнія въ хронологическихъ данныхъ о сооруженіи собора. Именно, вскорѣ по возвращеніи изъ Казани, вѣроятнѣе всего весною 1553 г., царь повелѣлъ строить обѣтный храмъ — Троицкій, не Покровскій; Покровскаго предѣла при первоначальномъ построеніи не было, какъ доказываетъ докладчикъ. Въ 1554 царь повелѣлъ воздвигнуть „церковь Покровъ съ предѣлы"—т. е. „завѣтные" каменные храмы на мѣстѣ „обѣтныхъ" деревянныхъ; тогда на время поставлена деревянная Покровская церковь, и при освященіи этой-то „Покровской церкви", какъ думаетъ докладчикъ и присутствовалъ царь 1 октября 1554 г. Въ 1555 г., когда постройка уже подвинулась значительно, царь повелѣлъ совершить закладку самыхъ храмовъ и при этомъ случаѣ наречено имя 9-му предѣлу во имя св. Николая, образъ котораго принесенъ съ Вятки въ іюнѣ 1855 года. Затѣмъ пошло построеніе собственно самыхъ храмовъ. (Докладъ напечатанъ въ Чт. Общ. Люб. Ист. и Древн., 1896 г. кн. 2). При обсужденіи К. М. Быковскій, (какъ А. М. Павлиновъ въ предшествовавшемъ засѣданіи) отмѣчалъ тотъ несомнѣнный для архитектора фактъ, что всѣ девять предѣловъ собора заложены одновременно, сразу представляли одно цѣлое. Указаніе на русское происхожденіе зодчихъ—весьма интересно, но вмѣстѣ съ тѣмъ и довольно неожиданно. Ранѣе были построены подходящіе по стилю: соборъ въ Коломенскомъ (итальянскими мастерами) и церковь въ Дьяковѣ. Постоянно у насъ, когда послѣ иностранцевъ брались за постройку русскіе, зодчество выигрывало въ оригинальности, но тотчасъ падала техника. Это законъ—неизбѣжный. Но тутъ именно и техника, манера работать, манера *рисунка* деталей—превосходна и свидѣтельствуетъ о традиціяхъ развитого художества многихъ поколѣній, т. е., казалось бы, именно не о русской, а объ итальянской работѣ.

Въ *распорядительномъ засѣданіи 5 марта* А. С. Павловъ устно сообщилъ догадку свою объ источникѣ, изъ котораго произошло древне-русское преданіе о первомъ русскомъ митрополитѣ Михаилѣ. Сказаніе начальной лѣтописи о крещеніи Владиміра оканчивается, какъ извѣстно, обширнымъ исповѣданіемъ вѣры, которое будто бы преподано было новообращенному князю крестившимъ его корсунскимъ епископомъ, не названнымъ въ лѣтописи по имени. Но имя автора самаго исповѣданія несомнѣнно было извѣстно, какъ самому кіевскому лѣтописцу, такъ и другимъ книжнымъ людямъ XI—XII ст. Это исповѣданіе лѣтописецъ нашелъ въ Изборникѣ, переведенномъ еще до крещенія Владиміра, для болгарскаго царя Симеона-книголюбца, а позднѣе въ 1072 г. переписанномъ для русскаго князя Святослава. Здѣсь авторомъ исповѣданія названъ Михаилъ, синкелъ іерусалимскій. Самъ лѣтописецъ, признающій мѣстомъ крещенія Владиміра Корсунь, могъ думать, что тамошній епископъ преподалъ

новокрещенному *чужое* исповѣданіе вѣры, какъ наиболѣе употребительное тогда у Грековъ; но позднѣйшіе читатели лѣтописи, именно тѣ, которые, по ея же свидѣтельству, держались преданія о крещеніи Владиміра не въ Корсуни, а въ Кіевѣ или Василевѣ,—замѣтивъ тожество исповѣданія вѣры, внесеннаго въ лѣтопись, съ тѣмъ, которое въ Изборникѣ Святослава подписано именемъ Михаила Синкела, заключили, что этотъ Михаилъ и былъ крестителемъ Владиміра и первымъ русскимъ митрополитомъ. Древнѣйшее письменное упоминаніе о Михаилѣ, какъ первомъ русскомъ митрополитѣ, находимъ въ южно-русской редакціи Владимірова церковнаго устава, дошедшей до насъ въ составѣ Кормчей, написанной въ 1286 г. для Волынскаго князя Владиміра Васильковича. Эта Кормчая извѣстна лишь въ копіяхъ не старше XVI в.; но уставъ Владиміра несомнѣнно входитъ въ составъ и оригинала этихъ копій, какъ указываетъ самое положеніе его въ копіяхъ: не только впереди послѣсловія подлинной Кормчей Владиміра, но и впереди многихъ важныхъ источниковъ византійскаго каноническаго права, именно—вслѣдъ за правилами VII вселенскаго собора: такого своевольнаго отступленія отъ традиціоннаго порядка русскихъ Кормчихъ не могли позволять себѣ писцы XVI вѣка. Устное преданіе о Михаилѣ, какъ о первомъ русскомъ митрополитѣ, разъ сдѣлавшись письменнымъ, повторялось затѣмъ въ позднѣйшихъ литературныхъ памятникахъ: въ Степенной книгѣ, въ Синодикѣ Кіево-Печерской Лавры, въ Палинодіи Копыстенскаго, въ Густынской лѣтописи и т. д. Что касается вопроса о мощахъ русскаго митрополита Михаила, покоющихся въ соборѣ Лавры, то теперь доказано, что это—священные останки другаго соименнаго митрополита Кіевскаго, жившаго въ XII в. (см. *Чтенія въ Истор. Общ. Нестора лѣтописца*, 1895, X).

Въ *засѣданіи 15 марта*, предсѣдатель Общества, графиня П. С. Уварова доложила кратко о вещахъ полученныхъ для Историческаго музея отъ священника Сласегальской Маріи-Магдалинской церкви, о. І. І. Лійцъ. Вещи эти изъ могильника, на правомъ берегу р. Огеръ (впадающей въ Двину), въ имѣніи г. Левиса-офъ-Менаръ. Онѣ одного типа съ люцинскими. Здѣсь двѣ шейныя гривны, витыя изъ трехъ бронзовыхъ проволокъ, оканчивающіяся петлями съ обѣихъ сторонъ; витая же изъ трехъ проволокъ гривна, но съ острыми гвоздеобразными концами; гривна литая бронзовая рубчатая, одинъ конецъ завитъ бантомъ, на другомъ запоръ; браслеты: одинъ витой, другой тяжелый литой; двѣ фибулы съ накидной петлей и гвоздеобразными концами; бронзовыя спирали разныхъ размѣровъ, пряжка отъ пояса, бубенчикъ, рѣзанныя изъ бронзоваго листа привѣски; желѣзный топоръ.

Въ томъ же засѣданіи С. С. Слуцкій прочелъ о „Крестахъ въ Прибалтійскихъ раскопкахъ“, возражая противъ воззрѣнія, будто кресты эти или не являются памятниками христіанства въ Прибалтійскомъ краѣ, или вообще не имѣютъ ничего общаго съ христіанствомъ. Воззрѣніе это сложилось въ послѣднія два-три десятилѣтія, безъ провѣрки фактическимъ матеріаломъ, вопреки прежнимъ сужденіямъ (Крузе), противорѣчитъ и археологическимъ и

историческимъ даннымъ. Въ доказательство того, что кресты, находимые въ курганахъ Прибалтійскаго края сами по себѣ—христіанскіе и при томъ византійскіе кресты, докладчикъ представилъ рядъ рисунковъ ихъ (кресты Ашераденскаго могильника, Ревельскаго музея, Аренсбургскаго музея, изъ книги Аспелина) отчасти по печатнымъ источникамъ, отчасти по собственнымъ зарисовкамъ. Далѣе торговые пути съ востока на западъ черезъ край, засвидѣтельствованные монетами арабскими, византійскими, англо-саксонскими, англо-датскими съ VIII по XII в., и рядъ историческихъ свѣдѣній за XI и XII вѣкъ свидѣтельствуютъ, что не только во время прихода Альберта Буксгевдена въ эту „Regio Ruthenorum" здѣсь были уже христіанскія селенія, города, церкви, монастыри, основанные двумя сильными сосѣдними христіанскими народами—русскими и датчанами, но были и до этого долѣе 150 лѣтъ, когда черезъ край, по проторенныхъ торговымъ дорогамъ, шли живыя сношенія скандинавовъ и русскихъ, совершались ихъ походы въ страну, и большая часть края платила дань или русскимъ, или датчанамъ. При этихъ условіяхъ въ краѣ не могли не оказаться погребенными хоть бы пришлые христіане,—и мудрено было бы, чтобы христіанство не затронуло и туземцевъ. И дѣйствительно, мѣстные языки свидѣтельствуютъ, что христіанство проникло къ туземцамъ еще въ русскую эпоху. Въ эстонскомъ языкѣ съ русскаго взято не только слово *крестъ*—rist, но самое слово *крестить*, *креститься* и имена *крестнаго родства*: ristima, risti-isa,—ema,—poeg; яз. латышскій, кромѣ „bajnitsa" = *церковь*, имѣетъ опять таки: kristit, kristihtes *креститься*, kristi-tehus,—mahte,—detis—*крестный отецъ, мать, сынъ*.—При обсужденіи доклада Н. Н. Харузинъ признавая, что рисунки, собранные докладчиковъ, устанавливаютъ христіанскій, и именно византійскій, характеръ данныхъ крестовъ самихъ по себѣ,—считалъ недоказанною принадлежность ихъ и въ Прибалтійскомъ краѣ христіанамъ. Д. И. Иловайскій находилъ возможнымъ, съ исторической точки зрѣнія, поддержать докладчика. В. Ѳ. Миллеръ не признавалъ достаточно убѣдительными выводовъ докладчика изъ данныхъ языка, а В. И. Сизовъ рѣшительно сомнѣвался въ возможности христіанскаго погребенія въ курганной обстановкѣ.

Въ *засѣданіи 24 апрѣля* Хр. И. Кучукъ-Іоаннесовъ сообщилъ объ армянскихъ рукописяхъ, любезно присланныхъ на разсмотрѣніе Общества г. Оханджаньяномъ изъ г. Кишинева. Всѣхъ рукописей четыре: 1) Евангеліе на плотной бомбицинѣ, писанное убористымъ круглымъ почеркомъ, въ два столбца; 330 листовъ, 25 × 18 сант., по 18 строкъ на страницѣ. Въ началѣ рукописи, въ замкахъ, каноны Евсевія, сверху цвѣточный узоръ, по сторонамъ двѣ куропатки; далѣе колонады съ вазами и узорами, изображеніями птицъ и изображеніями животныхъ, стоящихъ на заднихъ лапахъ и держащихъ свѣчу. Миніатюры евангелистовъ вырваны. Заставки обыкновеннаго типа; между мелкими украшеніями часто попадаются птицы-сирины въ остроконечныхъ шапкахъ, кресты и шатровыя башни. Рукопись, повидимому, относится къ XV в. и недодѣланность ея украшеній объясняется тревожными обстоятельствами

эпохи. По записи въ концѣ рукописи видно, что она была обновлена и переплетена въ 1106 г. армянской эры (1657 отъ Р. Х.). 2) Евангеліе на толстой бомбицинѣ, круглымъ почеркомъ, въ 2 столбца, 282 л., 18×13 сант., на страницѣ 23 строки. Миніатюры евангелистовъ, за исключеніемъ Марка, занимаютъ всю страницу; другія мелкія украшенія сдѣланы правильно, но не отличаются изяществомъ. Рукопись, повидимому, XVI вѣка. 3) Евангеліе, писанное красивымъ, круглымъ почеркомъ, въ 2 столбца, 326 листовъ, $10^1/_2 \times 8$ сант. Въ началѣ 19 пергаментныхъ листовъ: девять миніатюръ изъ земной жизни Христа, древняго, византійскаго типа, и изящнаго исполненія, и 10 колонадъ съ канонами Евсевія, надъ которыми вазы, узоры, птицы, животныя. Всѣ 19 листовъ взяты изъ несравненно древнѣйшей рукописи и присоединены къ писанному на бумагѣ евангелію, въ которомъ изображенія типа новаго и краски свѣжѣе и которое писано, какъ видно по записи, въ 1641 г. въ Персіи, въ Исфаганской области Шотъ, на берегу Нарымъ-Кала, называемаго Тарасканъ, подъ покровительствомъ св. Богородицы. Писцомъ былъ іерей Гаспаръ. 4) Св. Литургія, писана на толстой бумагѣ, круглымъ почеркомъ, 20 листовъ, 28×20 сант., на страницѣ 23 строки. Въ началѣ сложная миніатюра, представляющая внутренность церкви, далѣе красивая заставка съ цвѣточными узорами, всѣ страницы окаймлены. Запись гласитъ, что рукопись писана въ 1160 г. арм. эры (1711 г.) августа 1 дня рукою писца Иліи изъ Марсвана (въ Малой Азіи) въ г. Тохатѣ (тамъ же), при церкви св. Барсамы.

Въ *засѣданіи 8 мая* прочтенъ отчетъ В. М. Сысоева объ его поѣздкѣ лѣтомъ 1895 г. въ верховья рр. Б. Зеленчука, Кубани и Теберды. На основаніи археологическихъ раскопокъ, произведенныхъ въ указанной мѣстности, г. Сысоевъ различаетъ слѣдующіе погребальные типы: а) погребеніе въ могильникахъ и разсѣлинахъ скалъ въ горахъ, съ берестой; найдены кувшинчики, золотистыя бусы, стеклянные браслеты, — близъ Зеленчукскаго монастыря; б) погребеніе въ четырехугольной, почти квадратной, каменной гробницѣ, съ полукруглымъ отверстіемъ на ю.-в.; найдено много бусъ, мѣдныя пряжки, обломки желѣзнаго ножа, — близъ Хумаринской церкви; б′) погребеніе въ четырехугольной продолговатой каменной гробницѣ, съ четырехугольнымъ отверстіемъ на ю.-в.; найдены кости, кувшинчики, — близъ Сентинской церкви; б″) погребеніе въ четырехугольной каменной гробницѣ, съ конусообразной крышей и четырехугольнымъ отверстіемъ на ю., — на вершинѣ Сентинской горы; в) погребеніе въ четырехугольной продолговатой каменной гробницѣ; безъ отверстія, съ глиняной обмазкой; найдены кости, мелкія мѣдныя пластинки и т. д., — близъ Хумаринской церкви; г) два погребенія въ небольшихъ продолговатыхъ каменныхъ ящикахъ; найдены кувшины, мѣдная ложечка и деформированные черепа, — близъ осетинскаго Георгіевскаго поселка (Хумара); д) погребенія въ маленькихъ гробкахъ изъ тонкихъ каменныхъ плитъ; находокъ никакихъ, кромѣ костяковъ, — близъ Зеленчукскаго монастыря, Хумаринской церкви и пос. Каменномостскаго; е) погребенія въ каменныхъ небольшихъ гробахъ; найдены однѣ кости, — близъ 2-й Зеленчукской церкви;

ж) погребенія въ склепахъ при Хумаринской и Сентинской церквахъ; з) погребенія въ гробахъ изъ каменныхъ плитъ у сѣверной стѣны Сентинскаго храма; и) погребенія (новѣйшія) въ пещерахъ Подорвановой балки близъ Зеленчукскаго монастыря. Четырехугольныя гробницы съ отверстіями и безъ нихъ относятся, по мнѣнію г. Сысоева, ко времени около X в., а гробницы малыя каменныя еще болѣе поздняго времени. Погребенія въ пещерахъ въ Подорвановой балкѣ близъ Зеленчукскаго монастыря должны быть отнесены, повидимому, къ двумъ эпохамъ: древнѣйшія были погребеніями X—XII вв., а новѣйшія—не древнѣе XVIII вѣка.

Въ Восточной Коммиссіи Общества 25 декабря 1895 г. М. В. Никольскій прочелъ „О новыхъ трудахъ по ассиріологіи и библейской наукѣ". Указавъ на значеніе халдейской магіи внутри и внѣ Халдеи и на знаменитый трудъ по этому предмету Ленормана, доселѣ не потерявшій своего значенія, докладчикъ познакомилъ собраніе съ книгой молодого гельсингфоргскаго ученаго Тальквиста „*Die assyrische Beschwörungsserie Maglu*", *Leipzig, 1895*, книгой, представляющей выдающееся явленіе по ассиріологіи. Г. Тальквисту посчастливилось собрать въ Британскомъ музеѣ изъ 54 фрагментовъ почти цѣльный текстъ, состоящій изъ серіи заклинаній, подъ названіемъ maglu, раздѣленный на восемь отдѣловъ, каждый на особой таблицѣ. Въ изданіи даны: текстъ въ оригинальномъ и реставрированномъ видѣ, транскрипція, переводъ и комментарій. Все это исполнено съ рѣдкой основательностью и дѣлаетъ честь финляндскому ученому. Представляемый книгою матеріалъ имѣетъ большую важность, давая возможность съ гораздо большею ясностью и полнотою судить о халдейской магіи и, тѣсно съ ней связанной, халдейской религіи. Другой докладъ М. В—ча касался новыхъ выпусковъ коллективнаго труда европейскихъ и американскихъ ученыхъ, издаваемаго подъ редакціей ассиріолога Гаупта,—The sacred books of the Old Testament, именно: *C. Siegfried*, The book of Job; *S. R. Driver and U. A. White*, The book of Leviticus и *K. Budde*, The book of Samuel. Издатели прибѣгли къ оригинальному способу обозначать различные источники, предполагаемые для библейскихъ книгъ, различными цвѣтами типографской краски, чѣмъ значительно облегчается усвоеніе пріемовъ и выводовъ новѣйшей литературной критики. Особенное значеніе придаетъ изданію обширный критическій аппаратъ, представляющій результатъ сличенія масоретскаго текста съ переводомъ LXX (научное значеніе котораго все болѣе цѣнится теперь) и съ другими древними переводами. Трудъ этотъ, несмотря на безпочвенность и гипотетичность многихъ выводовъ, представляетъ первую попытку реконструкціи библейскаго текста и, благодаря основательному исполненію въ цѣломъ, въ состояніи подвинуть впередъ научное изслѣдованіе Библіи В. Завѣта, а также внести интересъ къ этому изслѣдованію въ болѣе обширный кругъ ученыхъ.

Въ засѣданіи Вост. Комм. *15 февраля* читали: А. Е. Крымскій — *Кар-*

тины изъ исторіи суффизма въ IV. вѣкѣ хиджри и М. О. Аттая—*О рукописномъ арабскомъ переводѣ псалтири въ стихахъ.*

Въ *Славянской Коммиссіи Общества, въ засѣданіи 4 января* въ домѣ графини Уваровой, И. А. Линниченко прочелъ докладъ: „Князья и бояре Гурко". Князья Гурко, вѣроятно Ольгердовичи, не были замѣтны въ исторіи, и къ концу XV в. ихъ родъ угасъ. Отъ сыновей волынскаго боярина Ѳеодора: Костюшки и Гурко, въ XVI вѣкѣ пошли роды: Костюшекъ (откуда и знаменитый Ѳаддей Костюшко) и Гурокъ; послѣдній родъ въ XVI—XVII вв. распался на нѣсколько вѣтвей, изъ коей къ Витебской принадлежатъ нынѣшніе Гурко, съ фельдмаршаломъ во главѣ, а изъ Черниговской былъ извѣстный въ казацкой исторіи Семенъ Палій. Имя „Гурко" докладчикъ объяснялъ уменьшительнымъ отъ „Георгій", „Юрій",—а Р. Ѳ. Брандтъ—отъ „Гурій".—А. Е. Крымскій прочелъ „О похоронныхъ причитаніяхъ сѣвернаго края", происхожденіе коихъ относилъ къ времени до-христіанскому. Онъ же и И. А. Линниченко сообщили свѣдѣнія о приглашенной въ засѣданіе вопленицѣ Иринѣ Андреевнѣ Ѳедосовой, а затѣмъ И. А. пропѣла нѣсколько свадебныхъ пѣсенъ и похоронныхъ причитаній и одинъ духовный стихъ и сверхъ того провела время въ оживленной бесѣдѣ съ присутствовавшими, давъ образцы живой, образной и мѣткой рѣчи, разсказывая объ обычаяхъ и бытѣ своей стороны, предлагая загадки, приводя прибаутки и присловья и т. п.

Въ *засѣданіи Коммиссіи 1 марта* С. О. Долговъ прочелъ о „Второмъ хожденіи Варсонофія въ Св. Землю", совершенномъ черезъ пять лѣтъ (въ ркпси неточно высчитано черезъ шесть) послѣ перваго, о коемъ сообщилъ Н. С. Тихонравовъ въ засѣданіи 19 мая 1893 г. Выйдя изъ Кіева или ближнихъ мѣстъ, Варсанофій направился на Молдавію и Валахію, Бѣлградъ, Константинополь, Критъ, Родосъ, Кипръ (гдѣ посѣтилъ гору, на которой св. Елена поставила крестъ благоразумнаго разбойника, и монастырь св. Маманта); оттуда на Даміетту и вверхъ по Нилу въ Каиръ, гдѣ пробылъ шесть недѣль. Въ природѣ Египта В. отмѣтилъ только „лютаго звѣря" (крокодила?) и деревья, на которыхъ ростетъ дивій медъ. Но за то онъ подробнѣйшимъ образомъ останавливается на святыняхъ Египта и мѣстахъ освященныхъ христіанскими легендами. И полнотой, и точностью въ перечисленіи церквей Каира онъ превосходитъ всѣхъ и западныхъ, и греческихъ паломниковъ, давая не мало свѣдѣній совершенно новыхъ. Послѣ Рождества 1462 г., В. посѣтилъ Синайскую гору—первый изъ русскихъ и далъ единственное по полнотѣ описаніе ея: западные паломники, интересовались только мощами св. Екатерины, и не интересовались православнымъ монастыремъ; греческія же свѣдѣнія много позднѣе. В. подробно говоритъ о храмахъ и предѣлахъ монастыря, службахъ, правилахъ. Разсказъ его объ обрѣтеніи мощей св. Екатерины отличается отъ разсказа Фабри безъискусственностью, и, вѣроятно, записанъ со словъ братіи; разсказъ о явленіи Богородицы старцамъ переданъ въ старшей версіи: Богородица обѣщаетъ сама быть келаремъ монастыря, оттуда и

ж) погребенія въ склепахъ при Хумаринской и Сентинской церквахъ; з) погребенія въ гробахъ изъ каменныхъ плитъ у сѣверной стѣны Сентинскаго храма; и) погребенія (новѣйшія) въ пещерахъ Подорвановой балки близъ Зеленчукскаго монастыря. Четырехугольныя гробницы съ отверстіями и безъ нихъ относятся, по мнѣнію г. Сысоева, ко времени около X в., а гробницы малыя каменныя еще болѣе поздняго времени. Погребенія въ пещерахъ въ Подорвановой балкѣ близъ Зеленчукскаго монастыря должны быть отнесены, повидимому, къ двумъ эпохамъ: древнѣйшія были погребеніями X—XII вв., а новѣйшія—не древнѣе XVIII вѣка.

Въ Восточной Коммиссіи Общества 25 декабря 1895 г. М. В. Никольскій прочелъ „О новыхъ трудахъ по ассиріологіи и библейской наукѣ". Указавъ на значеніе халдейской магіи внутри и внѣ Халдеи и на знаменитый трудъ по этому предмету Ленормана, доселѣ не потерявшій своего значенія, докладчикъ познакомилъ собраніе съ книгой молодого гельсингфоргскаго ученаго Тальквиста *„Die assyrische Beschwörungsserie Maglu"*, *Leipzig, 1895*, книгой, представляющей выдающееся явленіе по ассиріологіи. Г. Тальквисту посчастливилось собрать въ Британскомъ музеѣ изъ 54 фрагментовъ почти цѣльный текстъ, состоящій изъ серіи заклинаній, подъ названіемъ maglu, раздѣленный на восемь отдѣловъ, каждый на особой таблицѣ. Въ изданіи даны: текстъ въ оригинальномъ и реставрированномъ видѣ, транскрипція, переводъ и комментарій. Все это исполнено съ рѣдкой основательностью и дѣлаетъ честь финляндскому ученому. Представляемый книгою матеріалъ имѣетъ большую важность, давая возможность съ гораздо большею ясностью и полнотою судить о халдейской магіи и, тѣсно съ ней связанной, халдейской религіи. Другой докладъ М. В—ча касался новыхъ выпусковъ коллективнаго труда европейскихъ и американскихъ ученыхъ, издаваемаго подъ редакціей ассиріолога Гаупта,—The sacred books of the Old Testament, именно: *C. Siegfried*, The book of Job; *S. R. Driver and U. A. White*, The book of Leviticus и *K. Budde*, The book of Samuel. Издатели прибѣгли къ оригинальному способу обозначать различные источники, предполагаемые для библейскихъ книгъ, различными цвѣтами типографской краски, чѣмъ значительно облегчается усвоеніе пріемовъ и выводовъ новѣйшей литературной критики. Особенное значеніе придаетъ изданію обширный критическій аппаратъ, представляющій результатъ сличенія масоретскаго текста съ переводомъ LXX (научное значеніе котораго все болѣе цѣнится теперь) и съ другими древними переводами. Трудъ этотъ, несмотря на безпочвенность и гипотетичность многихъ выводовъ, представляетъ первую попытку реконструкціи библейскаго текста и, благодаря основательному исполненію въ цѣломъ, въ состояніи подвинуть впередъ научное изслѣдованіе Библіи В. Завѣта, а также внести интересъ къ этому изслѣдованію въ болѣе обширный кругъ ученыхъ.

Въ засѣданіи Вост. Комм. *15 февраля* читали: А. Е. Крымскій — *Кар-*

тины изъ исторіи суффизма въ IV. вѣкѣ хиджри и М. О. Аттая—*О рукописномъ арабскомъ переводѣ псалтири въ стихахъ.*

Въ *Славянской Коммиссіи Общества, въ засѣданіи 4 января* въ домѣ графини Уваровой, И. А. Линниченко прочелъ докладъ: „Князья и бояре Гурко". Князья Гурко, вѣроятно Ольгердовичи, не были замѣтны въ исторіи, и къ концу XV в. ихъ родъ угасъ. Отъ сыновей волынскаго боярина Ѳеодора: Костюшки и Гурко, въ XVI вѣкѣ пошли роды: Костюшекъ (откуда и знаменитый Ѳаддей Костюшко) и Гурокъ; послѣдній родъ въ XVI—XVII вв. распался на нѣсколько вѣтвей, изъ коей къ Витебской принадлежатъ нынѣшніе Гурко, съ фельдмаршаломъ во главѣ, а изъ Черниговской былъ извѣстный въ казацкой исторіи Семенъ Палій. Имя „Гурко" докладчикъ объяснялъ уменьшительнымъ отъ „Георгій", „Юрій",—а Р. Ѳ. Брандтъ—отъ „Гурій".—А. Е. Крымскій прочелъ „О похоронныхъ причитаніяхъ сѣвернаго края", происхожденіе коихъ относилъ къ времени до-христіанскому. Онъ же и И. А. Линниченко сообщили свѣдѣнія о приглашенной въ засѣданіе вопленицѣ Иринѣ Андреевнѣ Ѳедосовой, а затѣмъ И. А. пропѣла нѣсколько свадебныхъ пѣсенъ и похоронныхъ причитаній и одинъ духовный стихъ и сверхъ того провела время въ оживленной бесѣдѣ съ присутствовавшими, давъ образцы живой, образной и мѣткой рѣчи, разсказывая объ обычаяхъ и бытѣ своей стороны, предлагая загадки, приводя прибаутки и присловья и т. п.

Въ *засѣданіи Коммиссіи 1 марта* С. Ѳ. Долговъ прочелъ о „Второмъ хожденіи Варсонофія въ Св. Землю", совершенномъ черезъ пять лѣтъ (въ ркпси неточно высчитано черезъ шесть) послѣ перваго, о коемъ сообщилъ Н. С. Тихонравовъ въ засѣданіи 19 мая 1893 г. Выйдя изъ Кіева или ближнихъ мѣстъ, Варсанофій направился на Молдавію и Валахію, Бѣлградъ, Константинополь, Критъ, Родосъ, Кипръ (гдѣ посѣтилъ гору, на которой св. Елена поставила крестъ благоразумнаго разбойника, и монастырь св. Маманта); оттуда на Даміетту и вверхъ по Нилу въ Каиръ, гдѣ пробылъ шесть недѣль. Въ природѣ Египта В. отмѣтилъ только „лютаго звѣря" (крокодила?) и деревья, на которыхъ ростетъ дивій медъ. Но за то онъ подробнѣйшимъ образомъ останавливается на святыняхъ Египта и мѣстахъ освященныхъ христіанскими легендами. И полнотой, и точностью въ перечисленіи церквей Каира онъ превосходитъ всѣхъ и западныхъ, и греческихъ паломниковъ, давая не мало свѣдѣній совершенно новыхъ. Послѣ Рождества 1462 г., В. посѣтилъ Синайскую гору—первый изъ русскихъ и далъ единственное по полнотѣ описаніе ея: западные паломники, интересовались только мощами св. Екатерины, и не интересовались православнымъ монастыремъ; греческія же свѣдѣнія много позднѣе. В. подробно говоритъ о храмахъ и предѣлахъ монастыря, службахъ, правилахъ. Разсказъ его объ обрѣтеніи мощей св. Екатерины отличается отъ разсказа Фабри безъискусственностью, и, вѣроятно, записанъ со словъ братіи; разсказъ о явленіи Богородицы старцамъ переданъ въ старшей версіи: Богородица обѣщаетъ сама быть келаремъ монастыря, оттуда и

или рады, распространеніемъ политической дѣятельности ея на болѣе широкій кругъ литовской знати, при особо важныхъ случаяхъ, какъ при рѣшеніи вопросовъ объ уніи съ Польшей, при выборѣ новаго короля. Будучи явленіемъ болѣе или менѣе случайнымъ, сеймъ не былъ тогда учрежденіемъ съ опредѣленнымъ составомъ и съ опредѣленной компетенціей, тѣмъ болѣе. что и сама рада того времени не сформировалась еще, какъ учрежденіе. Сеймъ этой эпохи почти невозможно отдѣлить отъ рады. Съ начала XVI в. сеймъ формируется какъ учрежденіе съ опредѣленнымъ составомъ и компетенціей. Рыцарство на сеймѣ сначала представляется всѣми желающими; но въ 1511 г. имѣемъ первый случай выборныхъ представителей отъ хорунжествъ, а съ 1566 г. послы выбираются отъ каждаго судоваго повѣта на повѣтовыхъ сеймикахъ, и притомъ отъ всего шляхетства, въ томъ числѣ князей и пановъ. Сблизившись такимъ образомъ съ польскимъ сеймомъ по составу, литовскій сеймъ сближается съ нимъ и по компетенціи. При Сигизмундѣ I сеймъ созывается для „ухвалы" сбора серебрещины (подать на военныя цѣли), но дѣлаетъ постановленія и объ оборонѣ земской, о количествѣ поставляемыхъ ратниковъ. Дѣлать постановленія о серебрещинѣ и объ оборонѣ земской признано правомъ сейма. Съ послѣднихъ же лѣтъ Сигизмунда-Августа - сеймъ уже проситъ о нуждахъ, указываетъ на непорядки, добивается новыхъ вольностей и законовъ, становится органомъ государственной инициативы. Наконецъ, закономъ 1566 г. господарь обязанъ „новыхъ уставъ безъ сейма вальнаго не вставляти". Послѣ этого литовскій сеймъ такъ близко подошелъ къ польскому, что легко могъ слиться съ нимъ. Парламентская унія 1599 г. была подготовлена въ великомъ княжествѣ Литовскомъ внутреннимъ процессомъ, нагляднымъ выраженіемъ котораго является литовскій сеймъ.

Въ *засѣданіи 18 марта* В. О. Ключевскій читалъ: „О нѣмецкихъ школахъ въ Москвѣ въ первой четверти XVIII в.", сообщая въ этомъ докладѣ содержаніе новыхъ документовъ по этому вопросу, собранныхъ въ московскихъ архивахъ С. А. Бѣлокуровымъ и А. Н. Зерцаловымъ. (Нынѣ эти документы закончены печатаніемъ для *Чтеній* О. Л. И. и Др.).

Въ *засѣд. 24 апр.* онъ же прочелъ о „Св. Стефанѣ, епископѣ Пермскомъ.

Императорское Русское Археологическое Общество.

12 марта *въ годовомъ засѣданіи Общества* прочтенъ отчетъ за 1895 годъ. Изданы: VII т. „Записокъ" Общества и IX т. „Записокъ Восточнаго Отдѣленія". Собираніе матеріаловъ для III тома Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini почти завершено (недостаетъ еще матеріала, хранящагося въ Эрмитажѣ). Золотая медаль Общества присуждена В. А. Жуковскому за „Древности Закаспійскаго края. Развалины Мерва" (по рецензіи В. Г. Тизенгаузена; Импер. Ак. Наукъ присудила за эту же книгу первую медаль графа Д. А. Толстого, Изв. И. А. Н., мартъ); серебряныя: М. И. Соколову за „Новый матеріалъ

для объясненія амулетовъ змѣевиковъ" (рец. гр. И. И. Толстого) и А. Б. Никитскому за „Дельфійскіе эпиграфическіе этюды" (рец. Ѳ. Ѳ. Соколова).

5 февраля въ засѣданіи Классическаго Отдѣленія Я. И. Смирновъ доложилъ о своей археологической поѣздкѣ по Малой Азіи, показавъ сдѣланныя имъ фотографіи съ памятниковъ, частью впервые снятыхъ, частью исправляющія сообщенія прежнихъ путешественниковъ. Въ древней Каппадокіи докладчикъ изслѣдовалъ пещерныя церкви, высѣченныя въ высокихъ утесахъ и, судя по внутренней отдѣлкѣ этихъ церквей, пришелъ къ заключенію, что время возникновенія ихъ не раньше XI вѣка. Интересенъ также открытый докладчикомъ хеттейскій рельефъ на скалѣ, изображающій какое-то божество. В. В. Латышевъ представилъ текстъ вновь открытой въ Анапѣ, въ мѣстоположеніи греческой колоніи Горгиппіи, надписи на большой, въ два метра вышиной, мраморной плитѣ, спасенной отъ гибели мѣстнымъ податнымъ инспекторомъ; при содѣйствіи Н. И. Веселовскаго мраморная плита поступила въ собственность Императорской Археологической Коммиссіи и помѣщена теперь въ Керченскомъ музеѣ. Надпись заключаетъ въ себѣ четыре списка, изъ которыхъ первый есть списокъ побѣдителей въ бѣгѣ на праздникѣ Гермеса. Всѣхъ именъ 225, и все это имена чисто греческія, за исключеніемъ ограниченнаго числа разъ встрѣчающихся именъ Скиѳъ и Синдъ, т. е., обращенныхъ въ личныя, именъ сосѣднихъ народовъ. По даннымъ палеографическимъ, надпись эта относится въ III вѣку до Р. Х.—С. А. Жебелевъ представилъ новый выпускъ роскошно издаваемыхъ Королевскимъ музеемъ въ Берлинѣ „Древностей" (Alterthümer). Въ этой второй части V тома художественно воспроизведены результаты раскопокъ и изслѣдованій въ Пергамѣ, опредѣлившихъ мѣстоположеніе и конструкцію храма въ честь императора Траяна (Нов. Вр., № 7163, 1896).

19-го февраля въ засѣданіи того же Отдѣленія предметомъ обсужденія были доклады С. А. Жебелева („Архитектурныя изслѣдованія С. А. Иванова") и М. И. Ростовцева („Помпеи за 1893—1895 гг."). С. А. Жебелевъ познакомилъ собраніе съ законченнымъ въ прошломъ году изданіемъ германскаго археологическаго института въ Римѣ: „Архитектурныя изслѣдованія Сергѣя Андреевича Иванова". Братъ знаменитаго нашего художника, архитекторъ Ивановъ умеръ въ 1877 г. и завѣщалъ все свое состояніе (значительный капиталъ и домъ въ Римѣ) названному учрежденію, съ тѣмъ, чтобы институтъ озаботился достойно издать труды жертвователя по археологіи, преимущественно въ области опредѣленія цыфровыхъ отношеній и изученія деталей античнаго зодчества. Къ изданію этому приложенъ русскій переводъ нѣмецкаго текста. Чертежи и рисунки отличаются изяществомъ выполненія и живостью воспроизведенія. (Нов. Вр., № 7177, 1896).

Въ *Класс. Отд. 11 марта* Ѳ. Ф. Зѣлинскій прочелъ „О Софоклѣ-врачѣ". Въ 1892—94 гг. германскіе раскопки обнаружили на зап. склонѣ аѳинскаго акрополя святилище *Ἀμυνεῖον*, и французская школа въ Аѳинахъ издала по этому поводу (Bull. de corresp. hell. 1894) принадлежащую ей надпись коллегіи оргеоновъ *Ἀμύνου* (что, повидимому, слѣдуетъ отожествлять съ *Ἄλκων*) *καὶ*

Ἀσκληπίου καὶ Δεξίωνος. Эта надпись доказываетъ, что Софоклъ, котораго по смерти чтили подъ именемъ Дексіона, и который былъ жрецомъ Алкона, соученика Асклепіева, былъ по профессіи врачемъ. Это подтверждается патологическими описаніями въ его трагедіяхъ, при чемъ сравненіе съ Эврипидомъ приводитъ къ заключенію, что натурализмъ Софокла является его личной, а не общеэллинской чертой (Изслѣдованіе г. Зѣлинскаго напечатано въ Ж. М. Н. П., апрѣль—май 1896 г.).

16 апрѣля въ засѣданіи Классич. Отд. Р. Х. Лешеръ читалъ о „Тридцати тиранахъ", видя въ нихъ коллегію представителей тридцати тритоній, на которыя подраздѣлялись аѳинскія филы (докладъ напечатанъ въ Ж. М. Н. Пр.); М. И. Ростовцевъ доложилъ о „Двухъ новыхъ надписяхъ изъ Филиппополя", изъ коихъ одна свидѣтельствуетъ о посвященіи Гераклу аттрибутовъ Аполлона и сооружена, повидимому, имп. Коммодомъ (Ж. М. Н. Пр., май); П. А. Сырку сообщилъ о двухъ христіанскихъ рельефахъ, найденныхъ въ Чепинѣ, въ Болгаріи.

Въ засѣданіи Классическаго Отдѣленія 10 мая А. Н. Щукаревъ представилъ обзоръ изданнаго Берлинской Академіей Наукъ свода Inscriptiones Graecae Insularum Maris Aegaei, подъ редакціей Фр. Гетрингена. Сюда вошло 1000 надписей (въ томъ числѣ на вазахъ и на ручкахъ амфоръ). Нѣкоторыя важны для исторіи искусства: такъ возникновеніе знаменитой группы Лаокоона слѣдуетъ, на основаніи данныхъ свода, отнести къ началу I в. до Р. Хр. Знакомя далѣе собраніе съ наиболѣе интересными надписями изъ II т. прибавленія къ Corpus Inscr. Atticarum, г. Щукаревъ обратилъ вниманіе на обширныя надписи 323 и 318 гг. до Р. Хр., проливающія новый свѣтъ на борьбу Аѳинъ съ Македонцами. С. А. Жебелевъ далъ обзоръ 2-й части VIII тома Alterthümer von Pergamon, издаваемыхъ прусскимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія. Это—1093 пергамскія надписи.—К. Н. Лишинъ сообщилъ нѣкоторыя подробности о вновь открытомъ греческомъ евангеліи VI—VII вѣка. Я. И. Смирновъ, во время своей поѣздки по Малой Азіи нашелъ это евангеліе въ г. Сармусаклы близъ развалинъ Кесаріи Каппадокійской, въ Ангорскомъ вилайетѣ. Евангеліе писано серебряными буквами на пурпуровомъ пергаментѣ, сохранилось его 184 листа; часть остальныхъ листовъ имѣется въ Вѣнской Государственной Библіотекѣ, въ Британскомъ Музеѣ и въ Ватиканѣ. Россійскій посолъ въ Константинополѣ А. И. Нелидовъ озаботился доставленіемъ этого замѣчательнаго памятника въ К—поль, и, по ознакомленію съ нимъ Русскаго Археологическаго Института въ К—полѣ, Императорской Публичной Библіотеки и Имп. Академіи Наукъ, евангеліе пріобрѣтено для Публ. Библ. Государемъ Императоромъ за 10.000 р. (Н. Вр., 7262).

27-го февраля въ засѣданіи Русскаго Отдѣленія Н. П. Павловъ-Сильванскій читалъ „О закладничествѣ въ Московскомъ государствѣ XVI—XVII вѣковъ". Большинство русскихъ ученыхъ, начиная съ Карамзина, видѣли въ закладничествѣ обезпеченіе долга личной свободой. Но Соловьевъ усматриваетъ въ этомъ установленіи начало покровительства сильнаго надъ слабымъ, посту-

пающимся за то, въ пользу своего покровителя, частью своей свободы. Докладчикъ поддерживаетъ и развиваетъ мнѣніе Соловьева, видя въ закладничествѣ замѣну подданства государству подданствомъ частному лицу, вызывавшуюся поисками общественной безопасности, которой еще не давало государство. Въ грамотахъ изслѣдуемаго времени замѣтно рѣзкое различіе между закладчиками и заемщиками: только послѣдніе стояли къ своимъ заимодавцамъ въ отношеніяхъ должниковъ, обезпечившихъ возвратъ долга закладной на свое имущество или даже на свою свободу на началахъ кабальной зависимости. Гг. Лаппо-Данилевскій и Рождественскій оспаривали точку зрѣнія докладчика и отрицали убѣдительность его доводовъ. Въ томъ же засѣданіи Н. И. Веселовскій представилъ собранію мѣдный котелъ съ пробитымъ отверстіемъ, присланный въ Императорскую Археологическую Коммиссію изъ Туруханска однимъ мѣстнымъ обывателемъ, который, цѣною двухъ оленей, пріобрѣлъ этотъ предметъ у тунгузовъ, поклонявшихся котлу, какъ богу, творившему чудесное и совершавшему исцѣленія. Тунгузы были убѣждены, что простой человѣкъ, не шаманъ, не можетъ поднять этого котла подъ опасностью собственной гибели, но, допустивъ русскаго къ этому опасному опыту, были смущены тѣмъ, что онъ взялъ этотъ небольшой котелъ и поставилъ къ себѣ на сани. (Нов. Вр., № 7185, 1896).

29-го февраля въ засѣданіи Восточнаго Отдѣленія, читали: В. Д. Смирновъ („Иносказательная апологія дервишизма") и Б. А. Тураевъ („Неизданный поэтическій памятникъ коптской эпиграфики"). В. Д. Смирновъ нашелъ въ библіотекѣ учебнаго отдѣленія восточныхъ языковъ при Азіатскомъ Департаментѣ неизданную турецкую рукопись прошлаго столѣтія, подъ заглавіемъ „Бульбульмійе", съ именемъ автора Бюрри-эффенди. Это аллегорическій разсказъ о соловьѣ, судимомъ на основаніи показаній всѣхъ другихъ птицъ. Надпись, сообщаемая Б. А. Тураевымъ, представляетъ переработку библейскаго текста. (Нов. Вр., № 7188, 1896).

14 марта въ засѣданіи Вост. Отд. А. Я. Гаркави читалъ о „Новыхъ находкахъ въ собраніи рукописей Фирковича" (переводъ изъ арабскаго писателя XII в. Ибнъ-Эзра). Н. И. Веселовскій представилъ фотографіи самаркандской надгробной мечети, построенной Тимуромъ, а нынѣ взорванной при сооруженіи крѣпостныхъ построекъ. Бар. В. Р. Розенъ сообщилъ, что персидская версія повѣсти о Варлаамѣ и Іосафѣ оказалась отпечатанной въ одномъ сборникѣ, изданномъ въ Тегеранѣ въ первой половинѣ этого вѣка.

9 мая въ засѣданіи Восточнаго Отдѣленія сообщенія сдѣлали А. К. Марковъ „О нѣкоторыхъ монетахъ Газанъ-Махмуда", Н. Я. Марръ „О грузинскомъ изводѣ повѣсти о Варлаамѣ" и А. О. Ивановскій „О молитвенныхъ знаменахъ". А. К. Марковъ представилъ на разсмотрѣніе собранія шесть серебряныхъ монетъ, поступившихъ въ Императорскій Эрмитажъ, и одну мѣдную изъ коллекціи К. Н. Лишина. Всѣ эти монеты относятся ко времени владычества въ Персіи монгольской династіи Гулагаидовъ, первый представитель которой вступилъ на престолъ въ 1256 году по Р. Хр. Одинъ изъ предста-

вителей той же династіи, Аргунъ, въ 1288 году объявилъ своимъ наслѣдникомъ, вопреки обычаю, не старшаго въ родѣ, а сына своего Газанъ-Махмуда и, чтобы закрѣпить этотъ свой актъ въ сознаніи народа, велѣлъ выбить монеты, на которыхъ было и его имя, и имя Газана. Таковы шесть монетъ, поступившія въ Эрмитажъ и представляющія чрезвычайную нумизматическую рѣдкость. Такая же единственная въ своемъ родѣ монета К. Н. Лишина, выбитая въ 703 годъ геджры, послѣдній годъ царствованія того же Газанъ-Махмуда. Н. Я. Марръ познакомилъ собраніе съ вышедшимъ въ свѣтъ изданіемъ грузинскаго извода повѣсти о Варлаамѣ. Изданіе сдѣлано по шести рукописямъ Е. С. Такай-Швили. Въ эчміадзинской библіотекѣ, въ рукописи XIII вѣка, найденъ армянскій изводъ той же повѣсти. Сообщеніе А. О. Ивановскаго вызвано просьбой Туркестанскаго Кружка любителей Археологіи разсмотрѣть и опредѣлить присланное кружкомъ знамя съ изображеніемъ воздушной лошади и различными надписями. Это одно изъ тѣхъ молитвенныхъ знаменъ ламаистовъ Тибета въ Монголіи, которыя вывѣшиваются надъ домами для предотвращенія опасности.

Императорское Общество Любителей Древней Письменности.

Въ засѣданіи 16 февраля В. В. Стасовъ сообщилъ о представленныхъ имъ въ копіяхъ красками, миніатюрахъ греческихъ и болгарскихъ рукописей X—XIV вв. Тутъ были: 1) изображеніе Болгарина изъ Менологія Василія II Ватиканской Библіотеки, X в.; болгаринъ изображенъ въ кожухѣ желтоватаго цвѣта, ниспадающемъ до колѣнъ и перетянутомъ узкимъ ремешкомъ, въ бѣлыхъ полотняныхъ штанахъ до щиколотки, въ черныхъ башмакахъ и въ красной шапкѣ, опушенной чернымъ бараньимъ мѣхомъ; по мнѣнію г. Стасова, костюмъ болгарина X в. напоминаетъ костюмъ Петра Великаго въ его первое заграничное путешествіе въ 1697 г.; 2) изображенія тоже изъ рукописи Ватиканской Библіотеки „Лѣтописи Манассіи“, переведенной съ греческаго на болгарскій языкъ и разрисованной въ XIV в. для болгарскаго царя Іоанна-Александра; изображенія эти касаются болгарской исторіи, и, между прочимъ, представляютъ сцены изъ войны болгаръ съ русскими, и 3) изображенія князя Бориса, въ рукописи XIII в., хранящейся въ московской Синодальной Библіотекѣ (№ 163) и содержащей въ себѣ „Бесѣды Іоанна Златоустаго“; по всей вѣроятности, это есть изображеніе болгарскаго царя Бориса-Михаила; крестившаго свой народъ; доказательствомъ тому можетъ служить то обстоятельство, что миніатюра не даетъ ни одной сколько-нибудь характерной русской черты. Выводы г. Стасова вызвали возраженія и замѣчанія со стороны г. Шляпкина и другихъ лицъ. Въ заключеніе г. Стасовъ представилъ нѣсколько фотографій съ миніатюръ, которыя находятся въ одной джагатайской рукописи XVI в., хранящейся въ Британскомъ Музеѣ. Эти миніатюры касаются исторіи походовъ Чингисъ-хана и его преемниковъ и представляютъ особенную важность тѣмъ, что впервые даютъ бытовыя подробности о тюркскихъ племенахъ.

Второе сообщеніе—о сектѣ бѣгуновъ или скрытниковъ—было прочтено С. В. Максимовымъ. Г. Максимовъ изложилъ исторію возникновенія этой секты, происшедшей изъ филипповскаго толка, и главные ея признаки: второе крещеніе, покаяніе предъ всѣми своими, полное отреченіе отъ мірскихъ заботъ и трудовъ, молитва и проповѣдь; стремленія уединяться, скрываться въ лѣсныхъ трущобахъ и дало этой сектѣ названіе скрытниковъ. За тунеядство, позорное житье на чужой счетъ, скрытники были презираемы не только православными, но и среди единомышленныхъ имъ филипповцевъ, которое выразилось въ сатирическихъ и полемическихъ противъ нихъ статьяхъ; съ нѣкоторыми изъ этихъ сочиненій и познакомилъ собраніе С. В. Максимовъ, а рукописи ихъ принесъ въ даръ Обществу (Нов. Вр. № 7176).

Въ *засѣданіи 1 марта* А. Н. Петровъ сообщилъ объ „Азбуковникахъ по Аѳанасьевскому сборнику конца XVII в.". Основываясь на одномъ мѣстѣ посланія Геннадія новгородскаго къ митрополиту Симону, гдѣ новгородскій архіепископъ совѣтуетъ учить по азбукѣ-границѣ съ толкованіемъ, г. Петровъ полагаетъ, что „граница" происходитъ отъ слова „грано", „гранъ"—стихъ и стоитъ въ связи съ извѣстнымъ словомъ „краегранесіе", и что „граница"—стихотворная азбука; эта азбука составляетъ существенную часть старинныхъ прописей; въ началѣ XVII вѣка она появляется въ букваряхъ и, наконецъ, развивается въ особый видъ школьнаго руководства, извѣстнаго подъ названіемъ азбуковниковъ. Азбуковники намъ извѣстны лишь по одному сборнику преосвященнаго Аѳанасія, епископа саратовскаго, нынѣ принадлежащему библіотекѣ Казанской духовной академіи. Въ этомъ сборникѣ находится 6 азбуковниковъ, писанныхъ виршами на каждую почти букву, изъ которыхъ 2-й и 3-й писаны однимъ лицомъ „на Костромѣ", какимъ то „первостранникомъ", что, по мнѣнію г. Петрова, сотвѣтствуетъ имени Прохора (Нов. Вр. № 7190).

Въ засѣданіи 15 марта А. К. Бороздинъ познакомилъ собраніе съ нѣкоторыми сочиненіями Андрея Денисова, изъ собранія Богданова, пріобрѣтеннаго Импер. Пуб. Библіотекой. Эти сочиненія замѣчательны, между прочимъ, тѣмъ, что въ нихъ особенно сильно сказывается вліяніе на Денисова Кіевской духовной академіи; такъ, Денисовъ прибѣгаетъ не только къ доказательствамъ начетческаго характера, но и къ доказательствамъ отъ разума, да и отъ пастыря своей требуетъ для основательныхъ разсужденій о чемъ-нибудь извѣстнаго образованія; примѣромъ послѣдняго можетъ служить посланіе Денисова о написаніи иконъ, гдѣ онъ высказываетъ мысль, что люди не ученые, не умѣющіе даже правильно писать, не могутъ судить объ иконномъ изображеніи, „кое хитро и по существу"... Еще характернѣе вліяніе это сказывается въ другомъ сочиненіи Денисова „Толкованіе Россійскаго реченія „благочестіе", гдѣ путемъ грамматическаго анализа слова „благочестіе" доказывается возможность для раскольниковъ царемоленія. Въ заключеніе своего сообщенія г. Бороздинъ указалъ на „Посланіе въ паствѣ", которое было написано Денисовымъ при посылкѣ своимъ единовѣрцамъ на обсужденіе какого-то сочиненія, представляющаго изложеніе всей догматики секты и апологію ея; по

мнѣнію г. Бороздина, это есть, вѣроятно, „Поморскіе отвѣты". Второе сообщеніе Н. А. Смирнова „Къ вопросу о педагогикѣ въ Московской Руси XVII в." касалось сочиненія Симеона Полоцкаго, подъ заглавіемъ „Книжица вопросомъ и отвѣтомъ, иже въ юности сущимъ зѣло потребни"; въ предисловіи къ книжицѣ Симеонъ говоритъ о значеніи семи свободныхъ искусствъ, т. е. затрогиваетъ вопросъ, опасный для того времени на Москвѣ; текстъ книжицы представляетъ отвѣты на рядъ вопросовъ о составѣ человѣческомъ и о сотвореніи міра, о граматѣ и ея строеніи, о вѣрѣ и преестественномъ богословіи; по увѣренію г. Смирнова, отвѣты эти были взяты по преимуществу изъ сочиненій отцовъ церкви: Григорія Богослова и Григорія Нисскаго. Послѣднее сообщеніе было сдѣлано Хр. М. Лопаревымъ о посланіи русскихъ людей къ папѣ Сиксту IV въ XV в., сохранившемся въ рукописи XV в. Московской Синодальной Библіотеки. Г. Лопаревъ задался вопросомъ, имѣетъ ли это посланіе связь съ исторіей бракосочетанія Ивана III, и пришелъ къ тому выводу, что по времени о подобной связи не можетъ быть и рѣчи, и что посланіе не что иное, какъ лишь первая часть епистоліи епископа смоленскаго Мисаила къ папѣ Сиксту 1476 г., изданной Игнатіемъ Поцѣемъ на русскомъ и польскомъ языкахъ; при всемъ томъ всѣ три текста, по замѣчанію г. Лопарева, разнятся другъ отъ друга (Нов. Вр. № 7204).

Въ *годовомъ засѣданіи 5 апрѣля* были доложены: некрологъ А. К. Жизневскаго, годовой отчетъ и отчетъ о первомъ присужденіи преміи А. М. Кожевникова (отзывъ А. И. Пыпина о трудѣ Х. М. Лопарева „Отразительное писаніе противъ самоубійственныхъ смертей", удостоенномъ этой преміи). Затѣмъ Д. Ѳ. Кобеко доложилъ о „Посланіи іерусалимскаго патріарха Іоакима къ в. кн. Василію Васильевичу".

Это посланіе прибыло въ Москву съ протосингеломъ Іосифомъ, который, вѣроятно, привезъ и прощеную грамоту в. кн. Василію Васильевичу (Акты Ист., I, 72). Онъ былъ братомъ (по другимъ указаніямъ, братаничемъ) патріарха Іоакима, нареченъ отъ него въ митрополиты Кесаріи Филипповы, а поставленъ на эту митрополію въ Москвѣ въ 1464 г. митрополитомъ Ѳеодосіемъ—фактъ весьма знаменательный. Въ печати извѣстны: настольная грамота ему отъ митр. Ѳеодосія (Русск. Ист. Библ., VI, 925) и посланіе Ѳеодосія къ новгородцамъ о милостынѣ Іосифу. Въ посланіи говорится, что въ Іерусалимѣ землетрясеніемъ попорчена церковь Воскресенія, куполъ обрушился, а египетскій султанъ требуетъ выкупа, а не то хочетъ обратить церковь въ мечеть; патріархъ Іоакимъ поѣхалъ въ Россію просить на эти нужды милостыни, но заболѣлъ и скончался въ Кафѣ; въ Москву пріѣхалъ одинъ Іосифъ. Что касается самаго посланія Іоакимова, то оно любопытно, какъ старѣйшее изъ дошедшихъ до насъ писемъ іерусалимскихъ патріарховъ въ Москву. Докладчикъ остановился на признакахъ достовѣрности его и, отмѣтивъ слова посланія: „Іосифъ.... да дастъ прощеніе грѣхомъ требующимъ отъ него и грамоту отпустную еже о грѣсѣхъ человѣкомъ", указалъ на извѣстные случаи полученія такихъ грамотъ изъ Іерусалима въ Россіи въ послѣдующее

время. (Напечатано въ Ж. М. Н. Пр., іюнь: „Разрѣшительныя грамоты іерусалимскихъ патріарховъ“. Тутъ напечатано цѣликомъ и посланіе, по рукописи первой половины XVI в. Спб. Дух. Акад.).

Секретарь представилъ описаніе сборника рукописнаго 1707 г., религіозно-нравственнаго содержанія. Сборникъ, нынѣ принадлежащій графу С. Д. Шереметеву, былъ написанъ для фельдмаршала Б. П. Шереметева іеромонахомъ Златоустова монастыря въ Москвѣ Іезекіилемъ; текстъ его украшенъ 25 гравюрами съ монограммой Альбрехта Дюрера и одной—работы Захаріи Самуйловича; этой послѣдней гравюры нѣтъ въ перечисленіи Ровинскимъ работъ Самуйловича; всѣ гравюры относятся къ новозавѣтнымъ событіямъ, преимущественно къ страданіямъ Іисуса Христа. Рукопись въ серебряномъ вызолоченномъ окладѣ, на верхней доскѣ котораго—чеканное изображеніе западноевропейскаго типа Божіей Матери съ Предвѣчнымъ Младенцемъ, а на задней доскѣ изображены преподобные печерскіе угодники Антоній и Ѳеодосій, одной рукой поддерживающіе икону Знаменія, а въ другой держащіе по свитку.

Русскій Археологическій Институтъ въ Константинополѣ. Первый торжественный актъ открытаго въ Константинополѣ русскаго археологическаго института происходилъ подъ почетнымъ предсѣдательствомъ Императорскаго Россійскаго посла А. И. Нелидова. Почетный президентъ выразилъ признательность опытному руководителю Института за быстрое развитіе юнаго учрежденія, которое явилось достойнымъ членомъ въ ряду болѣе раннихъ подобныхъ учрежденій другихъ націй и уже во многихъ отношеніяхъ заявило о своей плодотворной дѣятельности. Это даетъ право надѣяться и на дальнѣйшіе успѣхи въ области археологическихъ изслѣдованій, въ особенности касательно исторіи Византіи. Въ то же время, по словамъ г. Нелидова, Институтъ внесъ оживленіе въ сферу умственныхъ интересовъ здѣшней русской колоніи. Ѳ. И. Успенскій, директоръ Института, произнесъ рѣчь о причинахъ раздѣленія Римской Имперіи и о томъ, почему западная часть ея погибла, тогда какъ восточная сохранилась. Первоначальная противоположность между романизмомъ и эллинизмомъ никогда не сглаживалась и по перенесеніи центра имперіи на востокъ привела къ помянутому раздѣленію, вслѣдствіе различія внутреннихъ условій. На Западѣ междоусобицы повлекли за собой исчезновеніе аристократическаго класса, но и низшіе слои населенія изводились непрерывными военными наборами. Это облегчило доступъ варварамъ, а попытки колонизировать ихъ въ качествѣ защитниковъ государства, привела, въ концѣ-концовъ, къ образованію новыхъ государствъ. Политика Востока относительно варварскихъ народностей была болѣе правильная, и тамъ дѣйствительно организовалось новое войско. Но особое значенія представляли здѣсь лучшія экономическія условія, такъ какъ мелкое землевладѣніе не было уничтожено. Вообще на Востокѣ сохранились своеобразныя условія жизни и романизированіе тамъ не имѣло мѣста. Ораторъ сослался, между прочимъ, на существованіе сирійскаго законодательства въ 70-хъ годахъ V столѣтія, которое не было вытѣснено

юстиніановымъ кодексомъ. Наконецъ, организаторскимъ и животворящимъ факторомъ явилось христіанство. Всѣмъ этимъ вмѣстѣ взятымъ Византійская Имперія доказала свою способность къ развитію и дальнѣйшей жизненности. Секретарь Института П. Д. Погодинъ прочелъ отчетъ за истекшій годъ. Директоръ Института весной совершилъ экскурсію по берегамъ Чернаго моря, а осенью—на Аѳонъ, гдѣ производилъ изысканія въ монастырскихъ библіотекахъ и нашелъ не мало новыхъ литературныхъ источниковъ по исторіи Византіи. Въ журналѣ Института, первый выпускъ котораго долженъ появиться вскорѣ, будетъ напечатано археологически вѣрное описаніе Константинополя въ стихахъ X вѣка священника Константина Родіоса. Секретарь Института, командированный прошлымъ лѣтомъ въ Аѳины, завязалъ сношенія съ археологическими институтами: французскимъ, нѣмецкимъ, англійскимъ и американскимъ. Извѣстія изъ другихъ областей доставляются Институту русскими консулами. Не мало труда потребовала организація библіотеки, въ которой уже насчитывается 6,112 томовъ. Также положено начало антикварному кабинету. Въ засѣданіяхъ Института принимали участіе многіе представители русской колоніи, а также посланники Сербіи, Греціи и Черногоріи. Въ число членовъ института избраны княгиня Хилкова, г-жа Нелидова и многія другія дамы русскаго посольства, посланникъ Черногоріи, князь Долгорукій, г. Саламонъ изъ Петербурга. (Нов. Вр., № 7205).

VI.

Библіографія.

Каталогъ выставки типовъ Христа. Москва, тип. Мамонтова, 1896 г., 8°, 61 стр.

Въ память выставки изображеній Христа, организованной Моск. Обществомъ Любителей Художествъ, 29 апрѣля 1896 года. Изданіе художественной фототипіи К. А. Фишеръ въ Москвѣ. Москва, тип. Мамонтова 1896 г., 8°, 46 фототипій. Ц. 1 р.

Выставка была открыта въ Москвѣ, въ помѣщеніи Общ. Любителей Художествъ, въ продолженіе апрѣля. Статья о ней будетъ помѣщена въ ближайшей книжкѣ „Археол. Изв. и Замѣтокъ“.

П. И. Щукинъ. Краткое описаніе Щукинскаго Музея въ Москвѣ. Съ 9 фотот. Москва, у Мамонтова, 1895 г., 111 стр. въ большую 4-ку, 200 экз.

П. И. Щукинъ и Е. В. Федорова. Опись старинныхъ вещей собранія Щукина, часть 1-я, съ 11 фотот. Москва, у Снегиревой, 1895 г., 264 стр. въ 4-ку, 300 экз.

А. И. Яцимирскій. Описъ старинныхъ славянскихъ и русскихъ рукописей собранія П. И. Щукина. Изд. П. И. Щукина. Москва, у Снегиревой, 1896 г., 367 стр. въ 4-ку, 200 экз.

П. И. Щукинъ началъ собирать образцы русской старины въ 1890 г., черезъ 2—3 года построилъ для своего музея домъ, а въ 1895 г., издалъ уже общій обзоръ и два первые *) тома подробной описи этого музея, ставшаго красой частныхъ археологическихъ собраній Москвы.

„Краткое описаніе" составлено интересно, издано изящно и безукоризненно Вслѣдъ за описаніемъ самаго дома (стр. 1—3)—красиваго русскаго терема, построеннаго и убраннаго архитекторомъ Б. В. Фрейденбергомъ по мотивамъ Дома бояръ Романовыхъ, ярославскихъ церквей, Саввина монастыря, рисунковъ и вещей Щукинскаго собранія и т. п.—идетъ обзоръ музея: перечень родовъ вещей (иногда одной строкой обозначенъ цѣлый отдѣлъ) и указаніе на наиболѣе любопытные изъ нихъ уже со внѣшней стороны (мастеръ, лѣтопись, отношеніе къ историческимъ событіямъ, бытовая оригинальность и т. п.). При сообщеніи о бумагахъ архивныхъ изданы наиболѣе изъ нихъ интересныя.

Позволяемъ себѣ сжато перечислить содержаніе музея. Тутъ собраны: иконы (одна, новгородская, съ лѣтописью 1560 г.), образки, складни, кресты и крестики; церковные сосуды, покровы и вообще всевозможные церковные предметы (одинъ воздухъ, $3 \times 1^3/_4$ арш., съ лѣтописью вел. княг. Марьи Семеновны, вдовы Симеона Гордаго 1389 г., другой 1606 г.); облаченья, вериги, голосники. Далѣе гобдены шпалерной фабрики (одинъ времени имп. Елизаветы; отъ другого, изображавшаго Полтавскую битву, имѣются коймы съ лѣтописью), восточные ковры; литовскіе шелковые кушаки и облаченья изъ нихъ, шелковыя ткани и одежды русскія, бархатныя парчи персидскія и итальянскія, камки, полотна и набивныя ткани; женскіе головные уборы, кружева, полотенца. Посуда для вина (см. ниже „Опись"); посуда обѣденная и всѣ столовыя и чайныя принадлежности (фарфоръ Императорской фабрики всѣхъ царствованій отъ Елисаветы до Александра II; заводы Гарднера, А. Попова, Поскочина, Сипягина и др., много стекла). Прялки, гребни, швейки, вальки, рубели, дѣтскіе рожки, часы, компасы, мѣры, чернильницы, подсвѣчники, щипцы, пряничные доски, утюги, ключи, изразцы, мебель и короба, рукомойники, туалетныя принадлежности, серьги, подвѣски, пуговицы, перстни, печатки, цѣпочки, трости, трубки, табакерки, игры. Оружіе XVII—XIX вв. и военные уборы: ордена, медали, пряжки, пояса. Конская сбруя и упряжь, телѣги, сани. Монеты греческія, римскія, русскія (есть серебряная молдаво-валашская 1773 г.), и польскія (есть осада Замостья); медали съ конца XVIII в., бородовые пошлинные знаки, ассигнаціи Екатерины II, Александра I и Николая I. Скульптурные и живописные портреты, картины, рисунки, гравюры, литографіи. Доски для печатанія, указки, закладки. Старопечатныя и старыя книги (апостолъ Ивана Ѳедорова 1564 и 1574 гг., Ос-

*) Печатаются и два слѣдующіе тома.

трожская библія, Московскія евангелія 1606, 1627 гг. мѣстами золотомъ) и т. д., славянское учительное евангеліе типографіи Станислава Августа; минея 1610, печатанная въ Москвѣ „при благородномъ государѣ царѣ и в. кн. Владиславѣ Жигимонтовичѣ Московскомъ и всея Русіи въ первое лѣто царства его“; псалтирь 1787 г., клинцовской типографіи Рукавишникова, апостолъ походной типографіи Потемкина, въ Яссахъ, 1791 г.; глаголитское евангеліе и катехизисъ (Тюбингенъ) 1562 г., кіевскія изданія XVII в., буквари Каріона Истомина, книги петровскія; среди календарей—первое изданіе Брюса; Спб. и Моск. вѣдомости и період. изданія XVIII и начала XIX в., (въ томъ числѣ Сіонскій вѣстникъ 1806 г.). Иностранныя старопечатныя изданія: Нюрнбергская хроника 1493 г., апокалипсисъ А. Дюрера 1498 г.; среди Moscovica: Герберштейнъ 1550, 1551 и 1660 гг., Вреха описаніе плѣна Шведовъ въ Тобольскѣ, 1725 г., Атласы до 1737 г., книги по Москвѣ, Петербургу и другимъ городамъ; книги о Петрѣ Великомъ, о Польшѣ, Литвѣ, Малороссіи, вообще исторія, археологія, нумизматика, геральдика, бытъ, каталоги музеевъ и выставокъ (съ 1829 г.); объявленія, афиши, билеты.

Въ архивномъ отдѣлѣ музея находится собраніе автографовъ русскихъ государей съ Петра и русскихъ дѣятелей (есть, и подпись Антона Ульриха); въ книгѣ изданы между прочимъ: любопытная записка Екатерины II къ великому князю Павлу, вслѣдъ за свадьбой его, съ поясненіемъ о причинѣ назначенія къ нему Салтыкова, и рядъ записокъ ея же къ полиціймейстеру Чичерину и резолюцій на его докладахъ. Далѣе идутъ жалованныя грамоты, со временъ Михаила Ѳеодоровича, при чемъ одна изъ Петровскихъ дана Брюсу на вотчины въ 1710 г. („но токмо въ монастыри и по душѣ тѣхъ вотчинъ ничего не отдавать“); двѣ грамоты 1697 и 1708 г. — посылаемымъ „во европскіе государства“ для обученія (одна изъ нихъ—преображенцу Муханову); подорожныя: 1629, 1721, 1797 (за подписью наслѣдника престола, Александра, и Аракчеева) и 1816 г.; синодальныя грамоты, родословныя, собранія манифестовъ, указовъ, церемоніаловъ. Далѣе бумаги изъ архивовъ: кн. С. М. Голицына, кн. А. Б. Куракина, братьевъ Алябьевыхъ, братьевъ Мухановыхъ, епископа Угличскаго Амфилохія, И. Н. Розанова и др. Между ними: письмо кн. А. Хилкова изъ шведскаго плѣна въ 1705 г.; въ алябьевскомъ архивѣ, среди столбцовъ XVII и начала XVIII в.: списокъ съ грамоты царя Василія Шуйскаго въ 1609 г. Андрею Сем. Алябьеву, указъ 1692 г. воеводѣ Леонтьеву о переводѣ князей Василья и Алексѣя Голицыныхъ изъ Мезени въ Пустозерскій острогъ, описаніе Углича въ 1700 г. Отмѣтимъ даты: копію съ крѣпости 1582 г. о принятіи въ домъ „вобья“ (пріемный членъ дома); договоръ на нѣмецк. яз. съ нѣмцемъ-украинцемъ, поступающимъ въ голштинскія войска 1 мая 1762 г.; длинное донесеніе Государю объ актрисѣ Колосовой меньшой въ 1824 г., письма Платова и Аракчеева, Крутицкій синодикъ XVII в., окладная сибирскимъ городамъ 1697 г. Въ числѣ мемуаровъ находятся: записки А. О. Смирновой (напечатаны въ „Русскомъ Архивѣ“ 1895 г.), академика Ступина 1847 г., письма изъ Персіи,

эриванскаго военнаго губернатора Колюбакина, описаніе поѣздки Михаила Каменева-Любавскаго въ 1819 г., изъ Петербурга въ Астрахань, журналъ путешествія наслѣдника цесаревича заграницей въ 1838—9 году; памятная книжка съ 1740 г., гдѣ перечислены присяги 1740—1742 г. и храмы Москвы, въ которыхъ онѣ принесены. На бѣлыхъ страницахъ отъ русскихъ донесеній конца XVIII в. шутливые приказы французскаго солдата въ Москвѣ въ 1812 г.; современныя письма очевидцевъ о Москвѣ въ 1812 г.—Большая часть перечисленныхъ здѣсь бумагъ (кромѣ мемуаровъ и журналовъ) издана въ книгѣ. Къ русскому архиву присоединенъ небольшой западный архивъ: грамота Стефана Баторія 1576 г., Петра Молдавскаго 1528 г., шведскія XIV—XVII вв., автографы шведскихъ королей (Іоаннъ III, Густавъ Адольфъ, Карлъ XII и др.) и другихъ шведскихъ дѣятелей, грамоты барону Горну отъ французскихъ королей: Людовика XIV и Людовика XV.

Таковы предметы „*Краткаго описанія Щукинскаго музея*". Затѣмъ въ первую часть подробной „*Описи старинныхъ вещей собранія Щукина*" вошли сосуды для вина: ковши, братины, чаши, ендовы, стаканы, кружки, кубки, чарки, рюмки, четвертины, всего 525 сосудовъ, изъ коихъ болѣе половины серебряныхъ, остальные: стеклянные, фарфоровые, кокосовые, деревянные, мѣдные, оловянные, финифтяные, двѣ перламутровыя чарки и одна золотая. Всѣ вещи—русской работы (сполна или отчасти) или имѣютъ прямое отношеніе къ Россіи *). Очень поучительно собраніе серебра конца XVII—начала XVIII в.; весьма интересны сибирскія серебряныя вещи, принадлежавшія сибирскому губернатору (въ первые годы царствованія Екатерины II) Денису Ивановичу Чичерину: здѣсь особенно любопытны серебряныя чарки, подражающія нефритнымъ китайскимъ чашкамъ; хорошо стекло, въ количествѣ 76 предметовъ. Кромѣ жалованныхъ серебряныхъ ковшей, есть нѣсколько деревянныхъ съ надписями (имя хозяина и застольныя присказки). Отмѣтимъ далѣе братины: царицы Елены Петровны (жены царя Василія Шуйскаго), княгини Марѳы Михаиловны Сулешовой (жены кн. Юрія Янкѣевича), Іоны Сысоевича митр. ростовскаго; стаканъ гравированный Василіемъ Андреевымъ, ученикомъ Аѳанасія Трухменскаго; стаканъ амстердамскаго дѣла именитаго человѣка Григорія Строганова; стаканы съ надписями по „Символы и Эмблемата"; жалованный кубокъ 1711 г. отъ Петра I Ѳеодору Истопникову за торгъ въ Китаѣ; кружку (Louis XVI) жалованную въ 1769 г. Екатериной II Костромину за добродѣтель оказанную надъ механикомъ Кулибинымъ; вещи съ надписями изъ времени семилѣтней войны, наполеоновскихъ войнъ. И „*Краткое описаніе*" и „*Опись вещей*" снабжены прекрасными фототипіями Фишера.

Въ „*Опись старинныхъ рукописей*" вошло 297 рукописей (Св. Писаніе и толкованія его, книги богослужебныя, книги нотныя, духовные сборники,

*) При описаніи работъ иноземныхъ, особенно нѣмецкихъ, полезна была бы прекрасная книга Марка Розенберга: Goldschmiedezeichen, Leipzig 1888.

житія, подлинники, святцы, синодики, азбуковники, травники и т. д.). Среди рукописей духовнаго содержанія нѣкоторыя принадлежали собранію архим. Амфилохія. Есть не мало отрывковъ XIII и XIV вв., есть полное четвероевангеліе 1442 года, молдавскій апостолъ XV—XVI в., апостолъ 1542 г.; большая часть рукописей принадлежитъ къ XVII и XVIII, часть къ XIX вѣку. А. И. Яцимирскій описалъ рукописи весьма подробно съ внѣшней стороны: размѣры, число листовъ, почеркъ, заглавныя буквы, заставки, миніатюры, содержаніе по листамъ, начала статей, записи; мѣстами даетъ выписки (въ синодикахъ перечислены роды древнихъ записей); указываетъ кратко родъ правописанія; гдѣ есть случай,—прежняго владѣльца рукописи и литературу; описываетъ переплетъ. Многія рукописи выдаются красотою.

„*Описи*“ изданы не менѣе изящно, чѣмъ „*Краткое описаніе*“; опечатокъ въ нихъ очень мало и всѣ указаны. Вообще какъ превосходныя изданія П. И. Щукина, такъ и музей имъ созданный, стоютъ другъ друга.

Ризница ставропигіальнаго Симонова монастыря въ Москвѣ.— Изданіе А. П. Бахрушина. М. 1895 г. Изданіе это представляетъ альбомъ изъ 64 большихъ фотографій; текстъ (въ листъ; въ его величину и фотографіи) составляютъ: краткое предисловіе А. А. Мартынова, и составленная въ монастырѣ опись. Въ предисловіи отмѣчено, что сокровища нашихъ разницъ, за исключеніемъ Синодальной (патріаршей), доселѣ остаются неизданными, и привѣтствуется починъ А. П. Бахрушина. Опись—болѣе инвентарная, не претендуетъ удовлетворить археолога. Отсюда понятны кое-гдѣ и недоразумѣнія: напримѣръ, противорѣчіе въ чтеніи надписей на №№ 2 и 60 и неразъясненность этой послѣдней надписи; ссылка на преданіе о принадлежности къ XIV в. иконы, на которой изображенъ св. Кириллъ Бѣлозерскій. Но и для археолога есть интересныя указанія, какъ надписи на вещахъ и цѣны вещей „по старымъ описямъ“. На таблицахъ изображены: кресты напрестольные, иконы и складни, артосная панагія, потиры, тарелки, водосвятныя чаши, ковши, евангелія (оклады и рисунки), митры, фелони, епитрахили, палицы и набедренники, воздухи, пелены и одна фреска (поздняя). Датированныя вещи относятся къ XVI—XIX вв. Древнѣйшая изъ нихъ—гравированная на серебрѣ икона Успенія (велич. $4^1/_2 \times 5^1/_2$ в.), принесенная бывшимъ постельничимъ Матвѣемъ Ѳеодоровичемъ Бурухинымъ, въ инокахъ Макаріемъ, въ 1552 году. Изъ недатированныхъ иконъ одну (икона Вседержителя въ складнѣ) можно отнести къ XV вѣку. Есть ковшъ конца 1599 г., кресты, потиры, митра, пелена XVII в. Евангелія всѣ печатныя, конца XVII в.; два изъ нихъ (изданіе 1681 г., вкладъ въ 1683 г. царевны Маріи Алексѣевны по царѣ Ѳеодорѣ и изданіе 1689 г., монастырскій вкладъ 1692—1701 гг.) съ рукописными рисунками (первое—съ рисунками Репьевыхъ); третье, изданное и вложенное въ 1677 г.—съ рисунками печатными.

Древнія иконы въ фотографіи большею частью не удались, но серебро и одежды вышли хорошо, и даютъ матеріалъ для изученія. На нѣкоторыхъ

иконахъ интересны и привѣски (напр., серьги на № 10). Есть множество чудныхъ дробницъ; многія изъ нихъ по малымъ размѣрамъ воспроизведенія пропадаютъ въ фотографіи, но интересно самое указаніе на нихъ. Пелену № 60 слѣдовало бы сфотографировать такъ, чтобы доступна была чтенію вся надпись, т. е. не перегибать пелены. Интересно бы знать клейма на чашѣ № 61, во французскомъ стилѣ contorsé XVII в. Можно пожалѣть, что изданіе сдѣлано фотографіей, а не фототипіей: вмѣсто громоздкаго, непрочнаго (выцвѣтающаго), изданнаго въ ограниченномъ числѣ и дорого стоющаго альбома, могло за ту же сумму получиться изданіе помѣстительное, прочное, столь же точное, не менѣе изящное, и въ которомъ свободно можно было бы умножить и число экземпляровъ, и сдѣлать ихъ общедоступными по цѣнѣ. Таково превосходное изданіе Оружейной Палаты, въ 500 фототипныхъ снимка Панова, стоющее, вмѣстѣ съ десятью выпусками описи in folio, 30 р., или отличныя фототипіи Фишера, изданныя въ память недавней Выставки изображеній Христа, причемъ книжка въ 46 фототипій стоитъ рубль. Но прежде всего нельзя не присоединиться къ А. А. Мартынову въ выраженіи глубокой благодарности Алексѣю Петровичу Бахрушину за это роскошное изданіе и въ пожеланіи, чтобы поучительный примѣръ щедраго любителя старины нашелъ себѣ подражателей.

П. В. Синицынъ.—Преображенское и окружающія его мѣста, ихъ прошлое и настоящее. Составилъ и издалъ П. В. Синицынъ. Рисунки художника М. В. Нестерова, грав. А. С. Яновъ. Москва, 1895 г., тип. Кушнерева, 4-ка, 195 стр. Въ книгѣ, роскошной по внѣшности, и весьма богатой по содержанію, описываются: Преображенское, Красное Село, Сокольники, Богородское, Черкизово, Измайлово, Семеновское, Покровское-Рубцово (улица Покровка), Преображенское кладбище, Никольскій единовѣрческій монастырь. Сводъ свѣдѣній, собранныхъ авторомъ такъ полонъ, что трудно бы указать недочетъ въ нихъ: здѣсь приведены и свѣдѣнія печатныхъ источниковъ, разсѣянныя по разнымъ, порой малодоступнымъ изданіямъ, и устныя преданія, и разсказы старожиловъ (между прочимъ отца и дѣда автора), и личные осмотры мѣстностей. Приводитъ авторъ эти свѣдѣнія съ любовью, участіемъ и волненіемъ, и его воодушевленіе то здѣсь, то тамъ отразится и на читателѣ. Рамки книги онъ беретъ широко: разсказано о Преображенскомъ и его окрестностяхъ при царяхъ Алексѣѣ и Ѳеодорѣ, о театрѣ въ Преображенскомъ, сельскихъ машинахъ въ Измайловѣ, о дѣтскихъ годахъ и молодости Петра, о началѣ его новшествъ, о Преображенскомъ приказѣ, о царицѣ Евдокіи,—а далѣе о ея несчастной судьбѣ, ссылкѣ, исторіи съ Глѣбовымъ и т. д.; о царевичѣ Алексѣѣ. Позднѣе разсказывается о пирахъ въ частныхъ домахъ на Покровской улицѣ, перечисляются смѣнявшіеся владѣльцы, даются свѣдѣнія о торговыхъ домахъ. Для оживленія картины приводятся черты быта и мимоходомъ разсѣивается по книгѣ немало побочныхъ указаній: о повивальныхъ бабкахъ въ старой Москвѣ, о докторахъ, началѣ аптекъ, прививкѣ оспы, карантинахъ;

о пыткахъ; о старыхъ мостовыхъ; объ инославныхъ церквахъ, ихъ штатахъ и обычаяхъ и т. д. Источники большею частью указаны въ сноскахъ. Ученый съ интересомъ прочтетъ эту книгу, благодаря полнотѣ и богатству свѣдѣній, сведенныхъ о главномъ ея предметѣ: Преображенскомъ и окрестныхъ селахъ. Читатель со среднимъ и ниже средняго образованіемъ прочтетъ съ увлеченіемъ эти живыя и для него во многомъ новыя, а нерѣдко поразительно смѣлыя картины старины.

Въ книгѣ прекрасныя, въ русскомъ стилѣ, заставки и заглавныя буквы, рисованныя М. В. Нестеровымъ. Обратимъ вниманіе на заглавный листъ, заставку на стр. 237 и буквы *О* и *С* (въ началѣ X и XV главы). Всѣ эти украшенія — вкладъ въ наше типографское дѣло, столь подавленное шаблонностью. Картинки внѣ текста также хороши. Отмѣтимъ ошибку при изображеніи появленія старообрядцевъ передъ Наполеономъ: Наполеонъ представленъ „первымъ консуломъ“,—молодой, худощавый, въ штатскомъ платьѣ. Печать книги красивая и внѣшній видъ вообще очень изященъ.

Отчетъ Церковно - Археологическаго Общества при Кіевской Духовной Академіи. Н. И. Петровъ. Кіевъ. 1896 г. (изъ Трудовъ К. Д. А.).

Въ 1895 г. Общество имѣло 8 засѣданій, въ которыхъ читали: Аѳ. И. Булгаковъ—*Новый опытъ сближенія древнеклассическихъ свидѣтельствъ съ библейскими ветхозавѣтными относительно исторіи древняго Востока;* С. Т. Голубевъ—*Спорные вопросы относительно древней топографіи г. Кіева;* А. А. Дмитріевскій—*Завѣщаніе Ѳеодора Студита и его отношеніе къ завѣщанью Аѳанасія Аѳонскаго; О византійскихъ монастыряхъ Пандократорскомъ и Евергетитскомъ; О студійскихъ и ктиторскихъ типиконахъ въ западныхъ библіотекахъ;* П. А. Лашкаревъ—*Къ вопросу о мѣстоположеніи древняго Боричева взвоза и теремнаго двора великія княгини Ольги;* Н. И. Петровъ—*Объ основаніи Екатеринской церкви въ Кіевѣ и переименованія ея въ монастырь; Что было въ древности на мѣстѣ нынѣшней Кіевской Андреевской церкви; Древнѣйшій планъ Кіева;* Ѳ. И. Титовъ—*Моск. митрополитъ Макарій какъ канонистъ; О матеріалахъ для біографіи высокопр. Иннокентія Херсонскаго; Митр. Макарій (Булгаковъ) и архіепископъ Димитрій Муретовъ какъ богословы.*

При съемкѣ землянаго вала на погостѣ кіевской Вознесенской церкви, В. З. Завитневичъ и о. Пл. Контраневичъ имѣли, по порученію Общества, археологическое наблюденіе за работами.

Въ Музеѣ Общества главнымъ пріобрѣтеніемъ было собраніе Н. А. Леопардова, частью пожертвованное имъ при жизни, частью перешедшее по завѣщанію его. Тутъ находятся: священные предметы и иконы, мѣдные образа, кресты, крестики, 15 рукописей и въ томъ числѣ: напрестольное евангеліе XV в., пергаминная псалтирь 1437 г., крюковой обиходъ XVI в., типикъ 1599 г. Нектарія сербскаго, въ копіи XVII в., 35 рѣдкихъ книгъ старой и новой печати; портреты, картины, виды, греческія древности изъ Крыма и

предметы изъ раскопокъ въ разныхъ мѣстахъ Южной Россіи; восточныя украшенія и домашняя утварь; медали, жетоны, монеты. Всего въ собраніи 717 нумеровъ. (См. брошюру Н. И. Петрова: *Коллекціи древнихъ предметовъ и монетъ, пожертвованныя церковно-археологическому Музею Н. А. Леопардовымъ, Кіевъ, 1895 г.*). Изъ другихъ поступленій отмѣтимъ: мѣдную монету императора Анастасія (491—518 гг.).

Отчетъ о дѣятельности Симбирской Ученой Архивной Коммиссіи за 1895 г., съ 30 іюня 1895 г. по 1 января 1896 г. Симбирскъ, 1896 г.

Симбирская Архивная Коммиссія открылась 30 іюня 1895 г., въ присутствіи нарочно прибывшихъ къ открытію: А. Н. Труворова, хлопотавшаго объ открытіи ея, и А. К. Жизневскаго. Въ предсѣдатели былъ избранъ В. Н. Поливановъ. За отчетное полугодіе Коммиссія разобрала архивы: Симбирской контрольной палаты, Ардатовскаго уѣзднаго полицейскаго управленія, Петрякинскаго волостного правленія (не восходящіе далѣе 1829 г.), и осмотрѣла симбирскіе архивы: Губерскій Межевой и Духовной Консисторіи. Архивы самаго города Симбирска, за исключеніемъ двухъ (Удѣльной Конторы и мужскаго Покровскаго монастыря) не старше 1865 г.,: прежнія дѣла погибли въ пожарѣ 1864 г. Большой потерей для исторіи Симбирска является и пожаръ въ 1701 г. Приказа Казанскаго Дворца, вѣдавшаго Симбирскъ и его пригороды. Поэтому, особенно цѣнна была находка А. Н. Зерцаловымъ въ Моск. Архивѣ Мин. Юстиціи *Приходо-расходной книги Симбирской Приказной Избы* за 1665 — 1667 гг., изданіемъ коей и озаботилась Коммиссія. Предполагается къ изданію рядъ владѣнныхъ записей, важныхъ для исторіи колонизаціи края, бумаги семейныхъ архивовъ: кн. Ю. С. Хованскаго и другихъ лицъ; имѣется въ виду разборъ богатаго собранія рукописей, столбцовъ и другихъ документовъ Карамзинской библіотеки, лишь отчасти разобранныхъ покойнымъ И. Я. Христофоровымъ къ Казанскому Археологическому Съѣзду.

Въ четырехъ засѣданіяхъ Коммиссіи за полгода, выслушаны сообщенія о выдающихся мѣстныхъ древностяхъ: Алатырскомъ соборѣ, селѣ Промзинѣ-Городищѣ, могильникахъ: Муранскомъ и Старо-Тимошинскомъ, Симбирскомъ городищѣ у с. Кайбель, Самарской губерніи, масонскихъ древностяхъ, с. Баратаевки и т. п.

П. Л. Мартыновъ составилъ обзоръ остатковъ старины Симбирской губерніи для сборника трудовъ Коммиссіи, а В. Н. Поливановъ и А. А. Леонтьевъ предприняли составленіе археологической карты губерніи; карту эту они надѣялись изготовить ко времени Рижскаго Съѣзда.

Въ Губернскомъ Историческомъ Архивѣ при Коммиссіи собралось 48 актовъ и рукописей, изъ коихъ особенно замѣчательными были: подлинныя грамоты князей Д. Т. Трубецкаго и Д. М. Пожарскаго 1613 г. и царя Михаила Ѳеодоровича 1618 г. Въ трехъ разобранныхъ архивахъ отобрано для Историческаго Архива, но еще не успѣло поступить въ него, 230 дѣлъ.

Въ Историческомъ Музеѣ имѣлось 430 нумеровъ древностей и 322 мо-

неты. Тутъ интересны: царскія двери XVI в., предметы изъ Муранскаго могильника и изъ другихъ раскопокъ въ губерніи. Императорская Археологическая Коммиссія прислала монеты Золотой Орды, Симбирское губернское правленіе—медали и коллекціи: палеонтологическую и мѣстныхъ минераловъ; поступаютъ пожертвованія и частныхъ лицъ, и въ томъ числѣ портреты извѣстныхъ симбирскихъ уроженцевъ, нѣсколько масонскихъ знаковъ и т. д.

Музей былъ открытъ для посѣтителей по воскреснымъ и табельнымъ днямъ. Въ Библіотеку входило 113 названій. Мечта Коммиссіи собрать полный экземпляръ единственнаго въ губерніи періодическаго изданія, *Губернскихъ Вѣдомостей* съ 1838 г., пока не могла осуществиться, ибо запасы типографскіе сгорѣли въ 1864 г. Коммиссія надѣется на содѣйствіе правительственныхъ учрежденій и частныхъ лицъ для возстановленія пробѣловъ. Пожертвованія книгами поступали: изъ Археологическаго Института, Моск. Археол. Общ., Моск. Архива Мин. Юстиціи, отъ высокопреосвященнаго Саввы тверскаго, граф. П. С. Уваровой, А. И. Труворова, Д. Я. Самоквасова и др. Въ числѣ рукописныхъ библіографическихъ рѣдкостей Библіотеки интересенъ Синодикъ Спасо-Преображенскаго монастыря 1715 г.; Уложеніе Алексѣя Михайловича въ спискѣ 1718 г., съ дополненіями и измѣненіями по указамъ Петра I; руководство, съ чертежами, по геометріи, тригонометріи и навигаціи 1709 г. Изъ печатныхъ изданій—„Вѣстникъ Европы“ изданіе Карамзина въ 1813 г., Московская Хроника Павла Іовія въ нѣм. изданіи 1579 г., Симбирскій сборникъ 1845 г.

Описаніе рукописнаго Отдѣленія Виленской Публичной Библіотеки. Выпускъ первый. Вильна. 1895 г. XVII + 34 + 144, in. 4°. До сихъ поръ наукѣ была извѣстна только та часть собранія рукописей Виленской Публичной Библіотеки, которыя заключаетъ въ себѣ церковно-славянскія и русскія книги, благодаря прекрасному описанію г. Добрянскаго. Въ настоящее время Вил. Публ. Библ. приступаетъ къ описанію той части хранящихся въ ней рукописей, которыя написаны на иностранныхъ языкахъ. Настоящимъ изданіемъ положено начало этому описанію. Первый выпускъ состоитъ изъ описанія 1387 книгъ и „Приложенія“. Въ „Описаніе“ вошли документы, касающіеся костеловъ и нѣкоторыхъ римско-католическихъ учрежденій гор. Вильны и визиты костеловъ Виленской епархіи (1—6 стр.), инвентари имѣній, принадлежавшихъ Виленской семинаріи (стр. 6—7), инвентари имѣній Виленской епископіи (7 стр.), капитулы (стр. 8) и Виленской Іезуитской коллегіи (стр. 8), инвентари костеловъ Упитскаго и Вилькомірскаго повѣтовъ, составленные въ 1796 г. (стр. 32), визиты Дрогичинскаго благочинія (стр. 33) за 1839 г., рапорты о нѣкоторыхъ францисканскихъ монастыряхъ Виленской епархіи за 1834 г. (стр. 33), инвентари костеловъ Побойскаго деканата за 1726 г. (стр. 34) и нѣкот. др. Такимъ образомъ, районъ, обнимаемый описанными документами,—Виленская епископія. Среди документовъ древнихъ подлинныхъ грамотъ нѣтъ, потому что онѣ погибли во время пожаровъ; но

за то есть нѣсколько книгъ, въ которыхъ сохранились копіи древнихъ документовъ.—Въ „Приложеніи“ помѣщено (стр. 1—145) нѣсколько извлеченій изъ описанныхъ документовъ: историческія свѣдѣнія о каѳедральномъ римско-католическомъ соборѣ въ Вильнѣ, составленныя во время визиты въ 1828 г. (стр. 1—9), свѣдѣнія о домахъ Виленской капитулы и ея юрисдыкѣ (10—14); двѣ визиты 1828 г., описывающія архивъ Виленской капитулы (стр. 15—32) и архивъ Виленской епархіи (стр. 33—51) и краткая выпись изъ протоколовъ Виленской капитулы за 1501—1783 гг., сдѣланная въ 1828 г. (стр. 52—145). Архивы Виленской епархіи находились въ образцовомъ порядкѣ: книги хранились въ ящикахъ, были переплетены, занумерованы и описаны; въ зданіяхъ принимались мѣры противъ сырости и пожара. Составленное описаніе въ 1828 г. имѣетъ большое значеніе: многіе документы не сохранились, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ неизвѣстны. Выписки изъ протоколовъ капитулы представляютъ также большой интересъ, потому что позволяютъ заглянуть во внутреннюю жизнь капитулы; подлинные протоколы, къ сожалѣнію, наукѣ неизвѣстны. Вообще, этотъ выпускъ „Описанія“ представляетъ крупный историческій интересъ; къ сожалѣнію только, описаны рукописи невсегда съ желательной и возможной полнотой. *М. Д.—З.*

Каталогъ русской исторической и археологической библіотеки Н. Бокачева. Томъ второй, вып. II—III. Исторія русскихъ земель и городовъ. С.-Петербургъ, 1896. 8°. 384 стр. Подъ такимъ заглавіемъ вышло недавно продолженіе Каталога частной библіотеки извѣстнаго петербургскаго любителя и собирателя книгъ Н. Бокачева. Въ предисловіи къ первому тому, вышедшему еще въ 1890 году, г. Бокачевъ самъ говоритъ, что его предпріятіе „есть лишь попытка устроить историко-археологическую библіотеку, или, другими словами, небольшое хранилище извѣстій о русской древности, попытка—новая и притомъ ограниченная потребностями и наклонностями одного только предпринимателя“. Составлять свою библіотеку г. Бокачевъ началъ съ 1868 г. и онъ руководился главнымъ образомъ каталогами А. Д. Черткова, а также совѣтами болѣе или менѣе извѣстныхъ библіофиловъ и букинистовъ. „Послѣдніе годы, продолжаетъ г. Бокачевъ, прошли въ поискахъ желательныхъ для библіотеки: а) древнихъ картъ, видовъ городовъ и описаній путешествій по Россіи XVII—XVIII в., изданныхъ за-границею, и б) труднонаходимыхъ нынѣ изданій Г. Ф. Миллера, А. Н. Оленина, К. Я. Тромонина (московскаго художника и литографа), типографическихъ описаній тульскаго, курскаго и харьковскаго намѣстничествъ, издан. въ 1781, 1786 и 1788 гг., таковаго же описанія города Казани съ его уѣздомъ, издан. въ 1788 г., каталога картъ и чертежей Россійской Имперіи, хранившихся въ Академіи Наукъ въ 1748 г., краткой Россійской Имперіи географіи 1773 г. (съ атласомъ), описанія Холопья города, издан. въ 1810 г., и многихъ другихъ книгъ, не оказавшихся ни въ одной изъ предыдущихъ распродажъ“.

Вся библіотека теперь раздѣлена на отдѣлы: богословскій, историческій,

археологическій и библіографическій, содержащіе въ себѣ 800 томовъ, избранныхъ печатныхъ книгъ, 1800 брошюръ, отдѣльныхъ оттисковъ и вырѣзокъ журнальныхъ статей, 3000 листовъ гравюръ, литографій и хромо-литографій, 700 фотографическихъ и фототипическихъ снимковъ, 500 картъ, плановъ и чертежей. Почти всѣ составляющія библіотеку книги — на русскомъ языкѣ; немногія иноязычныя книги изданы всѣ въ Россіи. Среди рисунковъ, картъ, плановъ и другихъ листовъ очень много иностранныхъ.

Вышедшіе до сихъ поръ томы „Каталога" обнимаютъ: I-й — библіографію, 1-й выпускъ II-го тома—географическія карты и планы и, наконецъ, лежащіе передъ нами 2-й и 3-й выпуски II-го тома—исторію русскихъ земель и городовъ.

Выше мы видѣли, что скромный собиратель самъ называетъ свою коллекцію любительской, безъ претензій на особую полноту и научную серьезность, тѣмъ не менѣе вышедшіе томы, особенно послѣдній, представляютъ несомнѣнный интересъ и могутъ оказаться весьма полезнымъ пособіемъ для справокъ. Разсматриваемые нами два послѣдніе выпуска заключаютъ въ себѣ слѣдующія свѣдѣнія о матеріалахъ по исторіи мѣстъ и городовъ Россіи. Первыя извѣстія, сообщенныя греческими, римскими и арабскими классиками о землѣ, впослѣдствіи ставшей Россіей, и о народахъ, издревле на ней обитавшихъ. Указанія на мѣста первыхъ поселеній на русской землѣ и на путь, по которому шла колонизація ея. Границы древнихъ княжествъ и дѣленіе Россіи на такъ называемыя земли (земля Кіевская, земля Новгородская, земля Псковская, земли: Вятская, Двинская, Важская и др.). Историческія, географическія, топографическія и статистическія описанія губерній, областей и городовъ. Мѣстныя, сохранившіяся между старожилами, извѣстія объ основателяхъ городовъ и поселеній, а также и разсказы о лицахъ изъ числа мѣстныхъ уроженцевъ, чѣмъ-либо себя прославившихъ. Свѣдѣнія: а) о прежнихъ названіяхъ мѣстъ, нынѣ переименованныхъ; б) о мѣстностяхъ, достопамятныхъ по событіямъ, битвамъ и какимъ-либо чрезвычайнымъ происшествіямъ, или же обращающихъ на себя вниманіе тѣмъ, что въ нихъ, по разсказамъ мѣстныхъ жителей, зарыты клады, есть подземелья и древнія могилы; что здѣсь случалось видать призраки, огни и другія необъяснимыя явленія, или приходилось слышать иногда стоны, звонъ невѣдомыхъ колоколовъ и т. п.; в) о заповѣдныхъ лѣсахъ, рощахъ, лугахъ, урочищахъ и т. д., которые почитаются или прежде почитались священными; г) о такихъ мѣстностяхъ, по которымъ протекали рѣки, давно уже высохшія и заросшія, или пролегали большія дороги, и д) о мѣстностяхъ, богатыхъ археологическими памятниками: древними церквами, дворцами, палатами, крѣпостями, валами, башнями съ тайниками,—какъ сохранившимися до нынѣ въ цѣлости, такъ равно и оставившими одни только слѣды и развалины. Путешествія по Россіи, совершенныя русскими и иностранцами, дневники и записки ихъ о видѣнномъ и слышанномъ въ это время. Указатели нынѣшнихъ дорогъ и разстояній, дорожники и путеводители съ описаніями, изданными по случаю путешествій

Высочайшихъ Особъ по Россіи. Карты цѣлыхъ губерній, отдѣльныхъ уѣздовъ и мѣстъ. Среди отдѣльныхъ листовъ, въ собраніи г. Бокачева, находится планъ древняго Новгорода съ его окрестностями, изданный Н. Н. Муравьевымъ; видъ Новгорода въ XII в., скопированный съ чудотворной иконы Знаменія Божіей Матери, находящейся въ новгородскомъ Знаменскомъ Соборѣ; планъ кремлевской ограды въ Новгородѣ, снятый въ 1701 г.; видъ Новгорода въ началѣ нынѣшняго столѣтія, изданный въ Парижѣ; нѣсколько другихъ старыхъ и новыхъ видовъ того же города. Видъ Пскова въ 1581 г., представленный на образѣ Срѣтенія Пресвятыя Богородицы, находящемся въ часовнѣ близъ Пскова; планъ городскихъ стѣнъ Пскова въ 1706 г.; виды Пскова и его окрестностей въ 1837 и 1871 гг., изд. Ивановымъ и Камирадомъ. Планы и виды стараго Кіева, изданные г. Закревскимъ; планы кіевскихъ укрѣпленій въ 1715 и 1723 гг.; планъ Кіева конца тридцатыхъ годовъ, на которомъ показаны зданія, подлежащія сломкѣ и замѣнѣ новыми; литографированные виды Кіева. Планъ Казани съ окрестностями въ 1552 году, планъ крѣпости въ 1773 году и виды Казани 1834 и 1839 гг., снятые и изданные Туринымъ и Турнерелли.

Видъ Смоленска во время осады его въ 1609—1610 гг., гравированный А. Хондіусомъ; два вида этого города, взятые изъ географическихъ атласовъ XVII в., и одинъ—изданный въ Лондонѣ, въ 1814 г.; планъ стѣнъ Смоленска въ 1706 г. Виды Владиміра на Клязьмѣ, рисованные Дмитріевымъ. Два чертежа Архангельска, сдѣланные въ XVII в. Виды Соловецкаго монастыря, фасады и планы каменныхъ стѣнъ вокругъ него и башенъ. Виды и планъ дворца царя Михаила Ѳеодоровича въ Костромѣ; виды церквей Ипатьевскаго монастыря. Виды и планы многихъ другихъ городовъ Россіи, преимущественно старыхъ.

Изъ приведеннаго краткаго перечня, выбраннаго на удачу, видно, какой богатый разнообразный матеріалъ даетъ разбираемая книга. Но особенно слѣдуетъ обратить вниманіе на отдѣлъ, посвященный старой Москвѣ.

Здѣсь есть видъ Москвы, взятый изъ книги Брауна и Гогенберга. „Civitates orbis terrarum“ 1572 г.; видъ Москвы 1605 года изъ книги „Сказанія Массы и Геркмана“, изданной Археографическою Коммиссіею; fac-simile вида Москвы, гравированнаго Лукой Киліаномъ въ 1610 году; видъ московскаго Кремля въ началѣ XVII в., гравированный въ Амстердамѣ и посвященный царю Алексѣю Михайловичу; виды Москвы, изданные въ 1614 и 1629 гг. Гесселемъ Герардомъ и М. Готофредомъ; виды Москвы въ XVII в., приложенные къ путешествіямъ Олеарія, Мейерберга и Лебрюня; видъ Кремля и части Москвы, гравированный Пикаромъ въ началѣ XVIII вѣка; планъ укрѣпленій московскаго Кремля и Китая-города въ 1707—1708 гг., составленный Шперейтеромъ; планы и виды Москвы XVIII в., снятые Мичуринымъ, Махаевымъ, Кампорези и др.; виды Москвы, изданные въ новое и новѣйшее время: Делабарта, Рихтера и Дурфельдта, Гаммера, Аккермана, Лаврова, Кадоля, Леребура, Струкова, Даціаро, Фельтена, Найденова и др.—Также много мате-

ріаловъ, касающихся Троицкой Лавры, села Коломенскаго и другихъ окрестностей Москвы. Среди—изданій, относящихся до Москвы, отмѣтимъ, какъ особенно любопытныя:

№ 369. *Виды Москвы, выгравированные въ 1809 году съ рисунковъ Франца Кампорези* и приложенные къ I части Travels in various countries of Europe, Asia and Africa, by E. D. Clarke. London, 1810: 1) церковь Василія Блаженнаго, 2) Иванъ Великій съ пристройкою для самыхъ большихъ колоколовъ и гауптвахтою, выходящею къ Грановитой Палатѣ, 3) древній царскій дворецъ (терема) и церковь Спаса на Бору, 4) планъ Кремля. Къ книгѣ приложены еще московскіе виды, снятые другими художниками: 1) Царь-колоколъ, 2) Царь-пушка, 3) Москва со стороны церкви св. Николая Чудотворца, что въ Воробинѣ, и 4) домъ Пашкова, построенный архитекторомъ Казаковымъ (Баженовымъ?) („Каталогъ", стр. 65).

№ 375. Ansichten von Moskwa. Gilluminirten kupfern von Fer. Durfeldt. Лейпцигъ, 1811. Въ листъ. Содержаніе: 1) видъ Кремля со стороны Москвы-рѣки, 2) видъ теремовъ, 3) видъ дома Пашкова, 4) видъ Красныхъ воротъ, 5) видъ Петровскаго дворца, 6) видъ Троице-Сергіевой Лавры, 7) видъ заставы, 8) видъ улицы и 9) видъ церкви св. Василія Блаженнаго. (Кат. ст. 66).

Въ двухъ послѣднихъ изданіяхъ интересны между прочимъ виды бывшаго дома Пашкова, нынѣ Румянцовскаго Музея. Снятые до пожара, бывшаго во время нашествія непріятеля въ 1812 г., эти виды могли бы послужить хорошимъ пособіемъ для желательной реставраціи въ прежнемъ видѣ Музейскаго зданія—одного изъ красивѣйшихъ не только въ Москвѣ, но пожалуй даже и въ цѣлой Европѣ.

Интересно было бы знать, не найдется ли у кого изъ московскихъ любителей альбомъ рисунковъ Кампорези къ путешествію Кларка? — Что касается альбома Дурфельдта, онъ имѣется въ библіотекѣ маститаго библіофила, П. А. Ефремова, который однажды уже любезно предоставлялъ эти виды Москвы въ пользованіе Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго Музеевъ.

С. Щуровъ.

A., Z dziejów Warszawy. Grobowiec carów Szujskich. Krakow, 1894, 8⁰, 29 стр. (*A.*, Изъ исторіи Варшавы: Мавзолей царей Шуйскихъ).

Какъ извѣстно, въ Варшавѣ въ саду бывшаго дворца Сташица (нынѣ гимназіи) донынѣ сохранилась круглая небольшая каменная постройка, вродѣ часовни, бывшая нѣкогда мавзолеемъ надъ останками царя Василія Шуйскаго, брата его Димитрія и его жены, захваченныхъ въ плѣнъ Поляками послѣ сраженія 1611 года подъ Клушинымъ. Эта часовня, носившая названіе *capella moscovitica*, приписана была впослѣдствіи къ доминиканскому костелу св. Маріи, построенному королемъ Яномъ Казиміромъ въ Краковскомъ предмѣстіи. Шуйскіе умерли въ плѣну въ Гостынинскомъ замкѣ и погребены были въ Варшавѣ; въ 1635 г. правительство царя Михаила Ѳеодоровича выхлопотало у Поляковъ возвращеніе останковъ Шуйскихъ, которые и были при-

везены въ Москву и вновь погребены въ Архангельскомъ соборѣ. Авторъ разсматриваемой нами брошюры собралъ сохранившіяся въ польскихъ архивахъ извѣстія о пребываніи Шуйскихъ въ польскомъ плѣну. Къ ней приложены также фототипическіе и фотоцинковые снимки: съ извѣстной картины Далабелли „Торжество Жолкевскаго 1611 г.", съ бывшаго костела св. Маріи по гравюрѣ 1800 года, съ мавзолея Шуйскихъ и, наконецъ, съ бывшаго дворца Стапица. *В. У.*

Bemerkungen auf Anlass einer Wissenschafftlichen Reise in dem Kaukasus und den Südlichen Küstenländern des Kaspischen Meeres in den Jahren 1860—1861. Von. B. Dorn. Reise nach Masanderan. St.-Petersburg. 1895.

Путешествіе академика Дорна, нынѣ изданное Императорскимъ Русскимъ Археологическимъ Обществомъ, было совершено въ 1860—61 г. и охватило восточную часть Кавказа и южное побережье Каспійскаго моря. По возвращеніи изъ Персіи авторъ сталъ приводить свои замѣтки въ порядокъ и работа уже была приготовлена къ печати, какъ пожаръ въ 1864 г. уничтожилъ его рукопись—плодъ продолжительныхъ изысканій, и черезъ нѣсколько лѣтъ только явилась возможность снова приступить къ обработкѣ собранныхъ свѣдѣній. По отчету объ ученомъ путешествіи по Кавказу и южному берегу Каспійскаго моря, задача академика заключалась въ изслѣдованіи на Кавказѣ языковъ иранской вѣтви, въ географическомъ и археологическомъ изученіи Мазандерана и Гиляна и въ собираніи снимковъ съ надписей и письменныхъ памятниковъ. Географическую часть экспедиціи обработалъ и издалъ спутникъ академ. Дорна г. Мельгуновъ. Что касается мазандеранской литературы, то она ограничивается главнымъ образомъ собраніемъ стихотвореній эмира Пассевари, изданнымъ самимъ авторомъ путешествія на персидскомъ языкѣ еще въ 1866 г. Это собраніе важно съ точки зрѣнія изученія кавказскихъ языковъ – татскаго и шалышинскаго. Однимъ изъ побужденій издать описаніе южнаго побережья Каспійскаго моря служило автору желаніе дать русскимъ чиновникамъ или туристамъ чрезъ Мазандеранъ представленіе объ исторіи, географіи и древностяхъ названныхъ странъ.

Въ этомъ отношеніи, если не вполнѣ, то въ извѣстной степени книга академика Дорна также можетъ считаться полезнымъ пріобрѣтеніемъ. Авторъ описываетъ свое путешествіе отъ Петербурга до Астрахани и Баку, а отсюда черезъ Ленкорань переправляется въ Персію. По пути сообщаетъ свѣдѣнія историческія, этнографическія, приводитъ отрывки изъ различныхъ сочиненій и предлагаетъ рядъ лингвистическихъ замѣчаній. Раззореніе Табаристана арабами въ книгѣ академика можетъ представлять особый интересъ. Любопытной представляется также глава „объ установленіи траурнаго шествія въ память мученика Гуссейна въ Багдадѣ въ 352 (963) г.", для сопоставленія съ современнымъ порядкомъ воспоминанія Гуссейна въ Закавказьѣ.

А. Хахановъ.

Repertorium für Kunstwissenschaft, XVIII Bd., 5 Heft (1895).

Большую часть указаннаго нумера журнала занимаетъ изслѣдованіе *Добберта о тайной вечери въ искусствѣ*, составляющее продолженіе уже ранѣе появившихся первыхъ его статей на ту же тему. Авторъ съ обычной полнотой и всесторонне трактуетъ объ изображеніяхъ тайной вечери въ западномъ искусствѣ. Укажемъ, какъ на особенно интересныя, на страницы, посвященныя Іудѣ Искаріотскому (стр. 373—379). Отмѣтимъ также, что авторъ говоритъ о миніатюрахъ пурпурнаго кодекса Мюнхенской библіотеки, какъ о копіяхъ оригинала V—VI в., созданнаго въ Италіи [1]). Миніатюра, представляющая Христа съ двумя учениками у стола, на которомъ чаша и хлѣбъ, неправильно отнесена имъ въ качествѣ иллюстраціи къ евангельскому тексту, разсказывающему о трапезѣ Христа въ Еммаусѣ (стр. 339). *Е. Рѣдинъ.*

Byzantinische Zeitschrift, V B., I Heft (1896).

Въ данной книжкѣ нѣмецкаго журнала, посвященнаго византиновѣдѣнію, находится нѣсколько статей и замѣтокъ о византійскомъ искуствѣ. Наибольшихъ размѣровъ и наиболѣе важной представляется статья Стржиговскаго посвященная замѣчательнымъ древностямъ монастыря на островѣ Хіосѣ. Этотъ монастырь самъ по себѣ представляетъ любопытной памятникъ византійской архитектуры XI в. (1042—1056), и въ немъ кромѣ того заключается богатая мозаичная роспись того же времени, идущая въ сравненіе съ извѣстными уже современными росписями. Роспись теперь становится впервые извѣстной, такъ какъ болѣе древнія описанія монастыря на греческомъ языкѣ мало доступны; но послѣднія весьма вѣрны, такъ какъ по нимъ возстановляется вся роспись, сильно пострадавшая при землетрясеніи 1881 года. Такимъ образомъ, въ куполѣ храма былъ изображенъ Христосъ Пантократоръ, а вокругъ него девять чиновъ ангельскихъ, въ аркахъ нишъ 12 апостоловъ, серафимъ и херувимъ; среди апостоловъ были сидящіе евангелисты, въ нишахъ стѣнъ храма: в—Рождество Христа; юв—Принесеніе въ храмъ, ю—Крещеніе Христа, юз—Преображеніе, з—Распятіе, сз—Снятіе со креста, с—Сошествіе Христа въ адъ; св—начало цѣлаго цикла—Благовѣщеніе. Въ главной абсидѣ—Богородица Оранта, въ боковыхъ абсидахъ—арх. Михаилъ (и Гавріилъ); въ куполахъ этихъ боковыхъ предѣловъ—монограмма.

Въ алтарѣ надъ входомъ въ церковь—былъ образъ Христа; въ куполѣ нартекса Богородица Оранта; въ восьми образованныхъ мозаикой аркадахъ святые воины: Сергій, Θеодоръ, Стратилатъ, Вакхъ и др.; далѣе Іоакимъ и Анна, свв. Стефанъ и Пантелеймонъ; тутъ же въ нартексѣ, кромѣ различныхъ святыхъ и пророковъ: Сошествіе Св. Духа, Вознесеніе, Входъ Христа въ Іерусалимъ, Умовеніе ногъ Христомъ, Воскрешеніе Лазаря.

Къ статьѣ приложены фотографическіе снимки съ наружнаго вида церкви, внутренняго (облицовка мраморомъ) и изображенія Крещенія Христа (Taf. II), Распятіе Христа и Сошествіе въ адъ (Taf. III).

---

[1]) Ср. нашу статью объ этомъ кодексѣ въ *Арх. Изв. и Замѣт.*, 1894 г., № 6.

Въ библіографическомъ отдѣлѣ журнала помѣщена критическая замѣтка Байе объ извѣстномъ трудѣ проф. Н. П. Кондакова, посвященномъ исторіи византійскаго искусства по миніатюрамъ, вышедшемъ уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ (1886, 1891) въ переводѣ, съ дополненіями, на французскомъ языкѣ. „Среди ученыхъ, которые во второй половинѣ этого вѣка, говоритъ рецензентъ, работали съ честью въ области византиновѣдѣнія, г. Кондаковъ – одинъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ и убѣжденныхъ. Чтобы знать хорошо памятники греческаго средневѣковья онъ былъ щедръ и въ чтеніи, и въ путешествіяхъ, и всѣ его труды свидѣтельствуютъ о непосредственномъ и серьезномъ знакомствѣ съ памятниками. Произведеніе, становящееся нынѣ, благодаря переводу, доступнымъ весьма большому количеству читателей, не уступаетъ въ этомъ отношеніи предшествующимъ, и прежде критическаго разсмотрѣнія его, справедливо выразить автору всю нашу признательность. Никто, я полагаю, не видѣлъ и не изучалъ болѣе рукописей съ византійскими миніатюрами, никто не можетъ говорить о нихъ съ большею компетенціей, и многія изъ главъ двухъ томовъ бросятъ новый свѣтъ на исторію развитія византійской живописи“ (стр. 191 – 192).

Мозаики Дафни. Въ *Monuments et Mémoires* publiés par l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, fasc. 1896—Gabr. Millet издаетъ рядъ прекрасныхъ фототипій съ изображеній Поклоненія волхвовъ и Сошествія Христа въ адъ. *Е. Рѣдинъ.*

Wissenschaftliche Mittheilungen aus Bosnien und der Herzogovina (Red. M. Hoernes). *B. III* (Wien, 1895). Gr. 8°, стр. 660, 16 табл., 1178 рис. въ текстѣ. Первая, большая часть тома (стр. 1 — 532) посвящена археологіи и исторіи края. Изъ статей этой части заслуживаютъ упоминанія: *Franz Fiala*, Die Ergebnissen der Untersuchung prähistorischer Grabhügel auf den Glasinac im Jahre 1893. Раскопано и изслѣдовано до 140 кургановъ, изъ коихъ 34 съ трупосожженіемъ, 66 съ погребеніемъ и 12 смѣшаннаго типа; судя по вещамъ и монетѣ Лицинія (+ 307) курганы относятся къ римскому времени, часть къ болѣе позднему времени—къ среднимъ вѣкамъ; между вещами преобладаетъ бронза; желѣзо только въ оружіи (стр. 1—38).— *W. Radimsky.* Die Nekropole von Seserine in Pritoka. Монетъ найдено не было; надписи даютъ рядъ варварскихъ именъ изъ римскаго времени (частью относятся къ иллирійскимъ, частью къ кельтскимъ по звукамъ). Кладбище могло возникнуть около IV ст. до Р. Х., кельтская его эпоха начинается около $^1/_2$ IV ст. по Р. Х., когда кельты ворвались въ Иллирію; этимъ объясняется масса предметовъ галльштадскаго типа; представителей кельтскаго типа очень немного, главная масса предметовъ эпохи римской, почему заключаетъ авторъ статьи, что кладбище было наполняемо и играло свою роль въ теченіе пяти столѣтій — съ IV в. до Р. Х. по I в. по Р. Х. (стр. 34—218).— *W. Radimsky*, Der prähistorische Pfahlbau von Kipač bei Bihać.—Предварительное сообщеніе: найдено много черепковъ сосудовъ съ любопытнымъ орнаментомъ и клеймами,

вмѣстѣ съ тѣмъ очень немного бронзовыхъ или мѣдныхъ бляхъ, глиняныя грузила и рогъ. Отъ болѣе точнаго опредѣленія времени свайнаго поселенія авторъ уклоняется (стр. 219—226). — *C. Truhelka, C. Patsch, A. Hoffer*, Römische Funde im Sašvathale, 1893. Найденные предметы (фибулы, мечи, топоры, ножницы, ключъ) датируются римскими монетами III—IV в.; найденная (около мѣст. Varošluk) базилика относится къ раннимъ христіанскимъ временамъ. Тѣмъ же временемъ опредѣляются и римскія надписи, большею частью фрагментарныя (стр. 227—247).— *W. Radimsky*, Die römische Ansiedlung von Majdan bei Varcar Vakuf: найдены остатки римскаго богатаго дома съ остатками фресокъ, обломковъ колоннъ и мраморныхъ украшеній; изъ вещей найдены желѣзныя части плуга, серебряныя иглы (stilus) (стр. 248—256).—*F. Fiala, C. Patsch*. Untersuchungen römischer Fundarte in der Herzogovina. Археологическое изслѣдованіе въ мѣстностяхъ: Gradac bei Košulje, Stolac, Ljubuški; при раскопкахъ фундамента дома найдены рельефныя украшенія въ большомъ количествѣ; украшенія, отлично сохранившійся мраморный мозаичный полъ, рядъ надписей, обломки статуи, бронзовая статуэтка и т. п. Относятся всѣ предметы къ позднему времени римскому (стр. 257—283).— *W. Radimsky* Archeolog. Tagebuchblätter. Замѣтки о разныхъ мелкихъ археологическихъ предметахъ; описаны преим. предметы римской эпохи (фибулы, оружіе, черепки старшей эпохи) (стр. 284—297).—*L. Thallóczu*, Bruchstücke aus der Geschichte der nordwestlichen Balkanländer. Историческія изслѣдованія по Босніи въ XIII, XIV, по исторіи рода Бранковичей, по ереси Богомиловъ въ Босніи (греч. тексты изъ рук. Вѣнск. библіотеки) (стр. 298—371).— *J. Ruvarac*, Zwei bosnische Königinen. Замѣтка о Катеринѣ, вдовѣ Ѳомы Остоича, умершей въ Римѣ (1478), гдѣ ея могила съ славянской надписью, и Маріи, послѣдней королевѣ Босніи († 1476) (стр. 372—387).—*M. Faber*, Zur Entstehung von Farlati's „Illyricum Sacrum". О матеріалахъ, сохранившихся у наслѣдниковъ Фарлати для исторіи Босніи (стр. 388—396).— *V. Jagić*, Einige Worte über bosnische Inschriften auf Grabsteinen. Замѣтка о важности боснійскихъ надгробныхъ надписей для исторіи сербскаго народнаго языка и поправки къ изданнымъ текстамъ (стр. 396—402).—*C. Truhelka*, Die bosniche Grabdenkmäler des Mittelaltes. Послѣ описанія разнообразныхъ типовъ надгробій, ихъ орнаментовъ и изображеній на надгробіяхъ, изданы въ факсимиле и транскрипціи надгробныя надписи изъ 33 мѣстностей; старшая надпись XIII или XIV в. (Владислава I или II); матеріалъ важенъ для палеографіи боснійско-славянской письменности; въ концѣ прибавленъ словарь словъ и указатель именъ изъ надписей (стр. 403—473).—*C. Jireček*, Die Edelleute von Hum auf der Inschrift in Veličani. Изслѣдованіе по надписи времени боснійскаго краля Твртка (1377—1391) о дворянскихъ родахъ Босніи (стр. 474—480).—*C. Hörmann*, Epigraphische Denkmäler aus dem Mittelalter. Надгробія (рисунки и тексты) XIV в. (стр. 481—502).—*C. Truhelka*, Eine apocryphe Inschrift des Herzogs Stephan an der Kirche zu Gorazda. Надпись поддѣльная, помѣченная 1448 г. (стр. 504—509).—*Notizen*. Собраны мелкія извѣстія (съ

рисунками) о разныхъ предметахъ: бронзовыя фибулы, кельты, иглы, грузила глиняныя стараго типа, свѣдѣнія о мелкихъ раскопкахъ, изданъ надгробный камень изъ Езерина до—римской эпохи, амулетъ (abraxas) съ любопытной надписью и т. д.

Вторая часть тома посвящена фольклору и природѣ края. *М. Сп.*

Jahrbuch des Kaiserlich deutschen archöologisch. Instituts. Band XI, Erstes Heft (Berlin 1896).

P. Wolters. Eine spartanische Apollostatue (S. 1—10 и три рисунка). Бронзовая статуя въ ростъ человѣка, прекрасно сохранившаяся съ великолѣпной патиной найдена въ одномъ домѣ въ Помпеѣ въ 1853 г.; это одно изъ замѣчательныхъ произведеній не только въ Неаполитанскомъ музеѣ, но и вообще въ ряду памятниковъ греческой пластики; къ сожалѣнію, статуя мало еще оцѣнена въ области исторіи искусства. По типу божества статуя должна восходить къ первымъ десятилѣтіямъ V в. до Р. Х., по техникѣ принадлежитъ школѣ Пасителеса (современника Помпея), стремившейся возстановить старые архаическіе типы въ греческой скульптурѣ. Появленіе типа обнаженнаго Аполлона киѳероида (каковъ долженъ былъ быть, по предположенію автора, помпейскій) ставится въ связь съ праздникомъ гимнопедіевъ въ Спартѣ.

G. Körte. Die statue von Subiaco (11—10 и два рисунка). Находка сдѣлана на Villa Neronis около Subiaco, находится теперь въ Римѣ въ Музеѣ delle Tempe, представляетъ юношу съ нѣжными формами тѣла; поза указываетъ на сильное, стремительное движеніе. Возстановивъ отломанныя части мраморной статуи, авторъ находитъ въ ней изображеніе Гила, спасающагося отъ нимфъ; изображеніе Гила одного, безъ нимфъ, извѣстно въ литературѣ искусства; по композиціи статуя едва ли старше 3 в. до Р. Х., по работѣ должна быть отнесена къ нероновскимъ временамъ.

A. Kalkmann. Zur Tracht archaischer Gewandfiguren (19—52, 21 рисунокъ). Главная цѣль автора — изслѣдованіе стиля одеждъ на архаическихъ фигурахъ акрополя Аѳинъ, соединяемое авторомъ съ общимъ представленіемъ изображенія одежды въ греческомъ искусствѣ. Большая часть фигуръ, восходящихъ къ эпохѣ персидскихъ нашествій (въ т. н. Perserschutt) одѣта въ іонійскую одежду (хитонъ льняной, державшійся безъ помощи пряжекъ, рубашка (безъ рукавовъ, чаще съ короткими рукавами, также сшитая и потому безъ пряжки или шпильки державшаяся на плечахъ); характерную особенность іонійскаго костюма составляетъ накидка (нѣчто въ родѣ плаща), надѣвавшаяся поверхъ плаща. Позднѣе рядомъ съ этой накидкой появляется дорійскій пеплосъ (πέπλος), какъ это мы видимъ, напр., уже на пареенонскихъ метопахъ. Это постепенное проникновеніе дорійской моды наблюдается позднѣе все чаще и чаще въ преобладаніи пеплоса въ одѣяніяхъ.

E. Petersen. Die Marcussaüle auf Piazza Colonna in Rom. (1—18 съ рисунками). Въ виду готовящагося новаго изданія сценъ колонны Марка Аврелія (C. Cichorius) авторъ излагаетъ исторію какъ самой колонны до ея по-

мѣщенія на настоящемъ мѣстѣ, такъ и ея возникновенія, а также сюжеты изображеній, покрывающихъ колонну. *М. Сп.*

Sitzungsberichte der archäol. Gesellschaft zu Berlin. Отчетъ съ ноября 1895 по февраль 1896 г. Въ засѣданіяхъ за это время между прочимъ доложены рефераты—Dörpfeld'a о Ennea-Krunósproblem, и возраженія ему Pelger'a, A. Körte—о раскопкахъ нѣмецкаго археолог. института въ зап. части Акрополя (храмъ Аминоса и Асклепія). Въ декабрѣ (9 ч. по н. с.) былъ отпразднованъ обычный Винкельмановскій праздникъ, при чемъ Курціусъ читалъ по исторіи Олимпіи во время Ахейскаго владычества, Пухштейнъ — о помпейской стѣнной живописи.

Въ концѣ тома—библіографич. указатель новѣйшихъ работъ по археологіи древняго міра. *М. Сп.*

Mittheilungen des kaiserlich deutschen archäol Instituts. Römische Abtheilung B. X. (Rom. 1896), 3. 4.

I. Six. Iconographische Studien (179—192). Извѣстная капитолійская голова т. н. Александра Македонскаго, по мнѣнію автора, есть изображеніе не Александра, а Митридата Евпатора; основаніе этому даютъ монеты. Въ знаменитой Герѣ Людовизи авторъ на основаніи прически, характерной для времени Каллигулы, находитъ возможнымъ видѣть идеализированный портретъ римлянки, принадлежавшей къ царственной семьѣ; онъ останавливается на Друзиллѣ, сестрѣ Каллигулы, замѣчательной красавицѣ, удостоенной послѣ смерти причтенія къ божествамъ.

I. Führer. Ein Fund im Staatgebiet des alten Syrakus (193—209). Открыты подземныя водохранилища (цистерны), соединенныя между собой каналами; построеніе относится, вѣроятно, къ греческой (до Діонисія) эпохѣ Сиракузъ, впослѣдствіи передѣлывалось, послѣднія передѣлки, вѣроятно, временъ византійскихъ.

H. Dragendorff. Heracles und die Hydra. Замѣтка о типѣ гидры, по поводу изображенія битвы Геракла съ гидрой, помѣщеннаго на днѣ сосуда (calener Schale): полуженщины съ змѣями вмѣсто ногъ и въ головѣ съ змѣями вмѣсто волосъ (какъ на издаваемомъ изображеніи). Оба типа восходятъ къ греческой эпохѣ, второй, точнѣе къ эллинистической. Сосудъ относится къ III—II в. до Р. Х.

A. Mau. Bibliografia pompejana. Пересмотръ изданій касающихся такъ или иначе Помпеи; въ числѣ ихъ отмѣчены и изложены: работа *М. И. Ростовцева*—Послѣднія изслѣдованія Помпеи (Ж. М. Н. П. 1894 г. № 4), изданіе *) извѣстной вѣнской лицевой библіи IV в. съ рисунками по стилю стоящими въ связи съ помпейскими (illusionismus).

L. Pollak. Inserizione archaica di Girgenti (236—239). Надпись грече-

*) Hartel'я и Wickhof'a.

ская относится къ послѣднимъ десятилѣтіямъ VI в. до Р. Х. касается культа Аѳины въ гор. Akragas.

O. Rossbach. Athamas und Learchos (240—243). Описаніе и опредѣленіе мраморной группы Неаполитанскаго музея, также поправка къ реставраціи.

E. Petersen. Due pezzi di relievo riuniti. (244—251). Составныя части рельефа хранились, какъ отдѣльные памятники, въ разныхъ музеяхъ Рима: одинъ въ Museo delle Ferme, другой въ Museo Lateranese. Рельефъ относится ко временамъ Траяна.

Ch. Hülsen. Untersuchungen zur Topographie des Palatins (252—283). Возстановленіе по раскопкамъ разныхъ временъ плановъ палатинскихъ дворцовъ. (Статья не кончена).

E. Petersen. Laokoon in Reggio (284—288). Въ Reggio по словамъ газеты L'Ellade Italica, найдена группа Лоокоона въ 91 с. вышины изъ мрамора, якобы оригиналъ ватиканской группы; группа, якобы старше ватиканскаго Лаокоона, работы греческой. На дѣлѣ же это поздняя плохая копія, едва-ли съ ватиканскаго оригинала, скорѣе же всего по рисунку.

Ch. Hülsen. Miscellanea epigrafica (289—301).—Продолженіе; статья не кончена. Статья посвящена—Falsificazioni lapidarie Ligorianae, сдѣланнымъ въ XVI в. неаполитанцемъ Ligorio. *М. Сп.*

VII.

Некрологи.

† Ѳ. А. Бюлеръ.

9 мая скончался въ Москвѣ на 76 году жизни баронъ Ѳ. А. Бюлеръ. Онъ былъ директоромъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ съ 1873 г. При немъ Архивъ перенесенъ въ новое зданіе, и введены значительныя облегченія и удобства для занимающихся въ Архивѣ. Въ этой заботѣ о фактической доступности Архива для изслѣдователей—большая заслуга барона Бюлера. Въ связи съ этимъ баронъ Ѳ. А. заботился объ увеличеніи архивной библіотеки, самъ дарилъ туда помногу книгъ и отдавалъ въ библіотеку всѣ получавшіяся имъ научныя изданія.

Ограниченность средствъ Коммиссіи по Печатанію Госуд. Грамотъ и Договоровъ, состоящей при Архивѣ, мѣшала придать желательные размѣры ея издательской дѣятельности. Тѣмъ не менѣе переизданы были (въ 1878 г.): *Законы Іоанна III и Судебникъ Іоанна IV* съ предисловіемъ Калайдовича и Строева, и *Сборникъ Кирши Данилова* съ предисловіемъ Калайдовича; изданы: *Снимки древнихъ русскихъ печатей, вып. 1*, написанный кн. М. А. Оболенскимъ (изд. 1880 г.), *Очеркъ дѣятельности Коммиссіи Печатанія Г. Г.*

и Д., Предисловіе къ V тому Собр. Гос. Грам. и Дог., Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи, Бантыша-Каменскаго, части 1 и 2 (1894—95 гг.), и съ 1880 по 1893 гг. изданы 1—5 выпуски *Сборника Моск. Главн. Архива Мин. Ин. Дѣлъ*, гдѣ помѣщались труды служащихъ въ Архивѣ. Въ 1895 г. барону удалось, наконецъ, исходатайствовать пособіе Коммиссіи, хотя единовременное, на изданіе актовъ.

Баронъ Бюлеръ состоялъ почетнымъ членомъ Академіи Наукъ и членомъ почти всѣхъ русскихъ историческихъ и археологическихъ Обществъ и Ученыхъ Архивныхъ Коммиссій. Съ большимъ участіемъ относясь къ дѣламъ и начинаніямъ Московскаго Археологическаго Общества, онъ неуклонно участвовалъ вмѣстѣ со своимъ Архивомъ въ археологическихъ съѣздахъ, при чемъ, съ Высочайшаго соизволенія, отправлялъ на выставки при этихъ съѣздахъ документы, планы, картины изъ хранящихся въ Архивѣ, представлявшіе особый интересъ для края, гдѣ собирался съѣздъ. Такъ Архивъ, почину и хлопотамъ барона, участвовалъ въ съѣздахъ: Казанскомъ, Тифлисскомъ, Одесскомъ, Ярославскомъ, Виленскомъ и будетъ участвовать въ Рижскомъ. А для Московскаго археологическаго съѣзда 1890 г. бар. Бюлеръ устроилъ въ Архивѣ цѣлую особую выставку какъ памятниковъ, имѣющихъ общегосударственный интересъ, такъ и отдѣла по Москвѣ. Барону Ѳ. А. Бюлеру принадлежитъ нѣсколько научныхъ статей въ „*Отечественныхъ Запискахъ*“ (1846, объ инородцахъ Астраханской губерніи и 1849 г. о ламаизмѣ и шаманствѣ) и въ историческихъ изданіяхъ (преимущественно свѣдѣнія по Архиву): въ *Русскомъ Архивѣ*, *Русской Старинѣ* (въ сборникѣ „Мои знакомые“ помѣщена и автобіографія барона), въ *Чтеніяхъ Общ. Люб. Ист. и Др.*, и въ архивномъ *Сборникѣ*, гдѣ особенно слѣдуетъ отмѣтить статью (въ вып. 3—4): „*Московскій Главный Архивъ*“. *С. С.*

† Н. И. Суворовъ.

11 мая скончался Николай Ивановичъ Суворовъ—научный дѣятель, незабвенный для Вологодскаго края и достойный признательной памяти вообще въ русскихъ ученыхъ кругахъ. Вологодскому краю онъ отдалъ свою дѣятельность; тамъ и прожилъ всю свою жизнь, кромѣ четырехъ лѣтъ, проведенныхъ въ Московской Академіи: тамъ родился въ 1816 г., въ Никольскомъ уѣздѣ, въ семьѣ сельскаго священника; тамъ учился въ Устюгѣ и въ Вологдѣ; тамъ служилъ 41 годъ учителемъ въ Вологодской семинаріи, оставивъ трогательную память своей кротости и доброты въ цѣломъ рядѣ поколѣній духовенства Вологодской епархіи—все бывшихъ учениковъ его; тамъ проработалъ и послѣдніе 14 лѣтъ своей жизни.

Археологическіе труды Н. И. начались въ 1856 г. „Описаніемъ монетъ и медалей, хранящихся въ Вологодской семинаріи“.

Тогда завязались его сношенія съ Имп. Обществами: Русскимъ Археo-

логическимъ, Географическимъ, Исторіи и Древностей Россійскихъ, съ Академіей Наукъ, съ Археографической Коммиссіей. Такъ, въ тт. 2—3 *Извѣстій Имп. Археол. Общ.* (Спб., 1861—64 гг.), имъ изданъ цѣлый рядъ статей и замѣтокъ (17) о вологодскихъ церковныхъ древностяхъ: вещественныхъ, бытовыхъ и археографическихъ (одна замѣтка о конькахъ на крышахъ въ Волог. и Новгор. губ.): все это новый и характерный матеріалъ. Въ первые годы этой своей дѣятельности Н. И. сотрудничалъ и въ *Архивѣ* Калачева, во *Днѣ* Аксакова, *Домашней Бесѣдѣ* Аскоченскаго, *Памятныхъ книжкахъ Волог. губ.* (изд. Волог. Стат. Ком.), *Вологодск. Губ. Вѣд.*, *Яросл. Епархіальн.* и *Вятскихъ Епарх. Вѣд.*; издалъ труды *„Вологда въ началѣ XVIII стол.“* и *„Устюгъ Великій въ концѣ XVII ст“*. Но далѣе явилось дѣло, которому онъ всецѣло отдалъ свои научные труды. *„Вологодскія Епарх. Вѣд.“* такъ говорятъ объ этомъ въ его некрологѣ:

„Со времени основанія имъ въ 1864 году Вологодскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, по ходатайству предъ преосвящ. Христофоромъ, епископомъ Вологодскимъ и Устюжскимъ, ученая дѣятельность Н. Ив. сосредоточилась въ этомъ любимомъ его дѣтищѣ. Продолжая труды епископа Евгенія Болховитинова по исторіи Волог. епархіи, Н. И. прежде всего издалъ хранящіяся въ ризницѣ Волог. Каѳедр. собора въ рукописи сочиненія этого епископа по іерархіи Вологодской, снабжая ихъ обширными своими примѣчаніями, такъ что небольшая рукопись епископа Евгенія о древне-пермскихъ и вологодскихъ іерархахъ составила въ отдѣльномъ изданіи съ примѣчаніями Н. И. томъ болѣе 400 страницъ. Въ „Епарх. Вѣдомостяхъ“ Н. И. печаталъ свои церковно-историческія изслѣдованія по всѣмъ періодамъ исторіи Вологодской епархіи; имъ самимъ составлены или имъ изданы сдѣланныя другими историко-статистическія описанія почти всѣхъ монастырей епархіи и многихъ замѣчательныхъ приходскихъ церквей, особенно городовъ Вологды и Устюга. Множество матеріаловъ отыскано имъ и напечатано относительно Вологодской и бывшей Устюжской семинаріи и бывшей Великоустюжской епархіи, а также относительно быта духовенства. Въ 1869 году имъ изданъ „Вологодскій сборникъ статей церковно-историко-статистическаго содержанія“; въ 1873—74 гг — Вологодскій и Устюжскій лѣтописцы; въ 1881—82 гг.—исторіи города Соли-Вычегодской, составл. А. Соскинымъ въ 1789 г. Въ 1869 году составлено описаніе Вологодскаго архіерейскаго дома. Въ 1891 году составлено „Описаніе Сольвычегодскаго Благовѣщенскаго собора“. Въ 1887 году составлена монографія о бывшей Великоустюжской семинаріи и современныхъ ей малыхъ духовныхъ училищахъ въ Тотьмѣ, Лальскѣ, Сольвычегодскѣ и Яренскѣ“. Труды Н. И. основывались на первоисточникахъ, и ими вносились богатые вклады новыхъ свѣдѣній въ исторіографію края. „Такъ какъ монографіи Н. И. были печатаемы по недостатку средствъ въ небольшомъ количествѣ отдѣльныхъ оттисковъ изъ Вѣдомостей, то въ продажѣ ихъ нынѣ почти нигдѣ не имѣется. „Вологодскія Епархіальныя Вѣдомости“ подъ его редакціею съ начала ихъ изданія являются для всякаго, желающаго ознакомиться съ исто-

ріею Вологодскаго края, необходимою библіотекою, и поэтому-то всѣ, писавшіе о Вологодской губерніи, полною рукою черпали и черпаютъ всегда изъ этого кладезя, иногда даже забывая указать на источникъ".

Въ 1860 г. Н. И. избранъ въ члены Русск. Археол. Общ. и получилъ медаль Геогр. Общ., въ 1861 г.—въ члены Волог. Стат. Ком., въ 1875 г.—въ члены Моск. Археол. Общ., въ 1880 г.—въ члены Общ. Люб. Др. Письм., а въ 1885 г., въ первомъ же засѣданіи совѣта Ростовскаго музея,—въ члены этого музея. Въ житейскихъ же благахъ покойный, со своей скромностью, кротостью и безкорыстіемъ—не сдѣлалъ большихъ стяжаній. Поступивъ, по окончаніи академическаго курса учителемъ исторіи въ Вологодскую семинарію, онъ затѣмъ, послѣ 35-лѣтней „отлично усердной" службы, въ 1876 г. получилъ первый чинъ, слѣдовавшій ему еще въ 1843 г.; въ 1877 г., во вниманіе этой усердной службы и стѣсненныхъ, по семейному положенію, обстоятельствъ, Св. Сѵнодъ пожаловалъ ему въ единовременное пособіе 300 руб.; а въ 1883 г., уволясь по болѣзни отъ учительства, Н. И. за 41-лѣтнюю службу награжденъ былъ пенсіей въ 550 р. Неудивительно, что у археолога и историка вологодскаго сказывался „недостатокъ средствъ" для отдѣльнаго изданія работъ своихъ.

Но Н. И. былъ богатъ любовью и уваженіемъ знавшихъ его. Въ рѣчахъ при его погребеніи отчетливо звучало то глубокое впечатлѣніе, которое онъ произвелъ за свою многолѣтнюю дѣятельность на многочисленныхъ учениковъ и любвеобильнымъ примѣромъ кроткаго учительства, и плодотворнымъ научнымъ трудомъ. Въ послѣднемъ отношеніи одинъ изъ ораторовъ сравнивалъ почившаго съ А. В. Горскимъ: „Чѣмъ онъ былъ для Академіи, тѣмъ ты былъ и будешь для Вологодскаго края — труженикомъ, работа котораго не видна, но разнообразна и плодотворна... оба вы—чернорабочіе въ наукѣ, но такіе, безъ которыхъ не построишь научнаго зданія".

Въ тѣхъ же рѣчахъ, начиная съ рѣчи преосв. Алексія вологодскаго, неуклонно указывалось на желательность собранія и изданія почитателями Н. И. трудовъ его. Нельзя не привѣтствовать этой мысли, и да позволено будетъ пожелать, чтобы во осуществленіе ея пришло на помощь вологжанамъ и содѣйствіе изъ научныхъ центровъ Россіи для почтенія памяти вологодскаго научнаго труженика.

С. С.

Печатано по опредѣленію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, на основаніи § 56 его Устава

Предсѣдатель *Графиня Уварова.*

Въ Императорскомъ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ находятся въ продажѣ слѣд. изданія:

Изданія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. Рекомендованы Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Описаніе Кіева. Соч. Закревскаго. Два тома и атласъ. 1868 г. Ц. 7 р.

Труды I-го Археологич. Съѣзда въ Москвѣ. Два тома и атласъ. 1871 г. Ц. 25 р.

Труды III-го Археологич. Съѣзда въ Кіевѣ. Два тома и атласъ. 1878 г. Ц. 10 р.

Труды V-го Археологич. Съѣзда въ Тифлисѣ. Два тома. Ц. 15 р.

Труды VII-го Археологич. Съѣзда въ Ярославлѣ. Тома I, II и III по 5 р.

Труды VIII-го Археологич. Съѣзда въ Москвѣ. Томъ I. Ц. 10 р.

Тоже, томъ II. Цѣна 8 р.

Труды IX Археологич. Съѣзда въ Вильнѣ. Томъ I. Ц. 8 р.

Труды Моск. Предв. Комм. X Археол. Съѣзда въ Ригѣ, вып. 1, Ц. 1 р. 50 к.

Матеріалы по археологіи Кавказа; вып. 1, 2 и 3-й. Кажд. вып. по 6 р.

Тоже, вып. 4-й, М. 1894. Ц. 8 р. 50 к.

Матеріалы по археологіи восточныхъ губерній. Вып. 1. Ц. 3 р.

Древности. Труды Московскаго Археологическаго Общества:

Томъ I, два выпуска. 1865—67 г., ц. 6 р.
" II, три выпуска. 1869—70 г., ц. 6 р.
" III, три выпуска. 1870, 73 гг. Ц. 6 р.
Томъ IV, три выпуска. 1874 г. Ц. 8 р.
" V, 1885 г. Ц. 6 р.
" VI, три выпуска. 1875—76 г. Ц. 6 р.
" VII, три выпуска. 1877—79 г. Ц. 8 р.
" VIII, 1880 г. Ц. 8 р.
Приложеніе къ VIII тому:
Пятый Археологич. Съѣздъ. Труды предварител. Комитета, 1882 г. Ц. 6 р.
Томъ IX, три выпуска. 1882—83 г., ц. 8 р.
" X, 1885 г. Ц. 8 р.
" XI, три выпуска. 1886—87 г. Ц. 8 р.
" XII, два выпуска. 1888 г. Ц. 8 р.
" XIII, два выпуска. 1889—90 г. Ц. 8 р.
" XIV, 1890 г. Ц. 7 р.
" XV, два выпуска. 1894 г. Ц. 8 р.

Древности Восточныя. Труды Восточ. Комм. Т. I, три выпуска по 4 р.
Т. II, вып. I Ц. 4 р.

Древности. Труды Славянской Коммиссіи. Вып. I. Ц. 4 р. 50 к.

Незабвенной памяти Графа А. С. Уварова. Рѣчи, прочитанныя въ соединенномъ засѣданіи ученыхъ обществъ 28 февраля 1885 г. (съ портретомъ Графа А. С. Уварова). 1885 г. Брошюра. Ц. 75 к.

Историческая записка о 25-лѣтней дѣятельности Моск. Арх. Общества. Ц. 2 р.

Памяти Н. С. Тихонравова. М. 1894 г. Ц. 2 р.

Археологическія Извѣстія и Замѣтки, года: 1893—1895 по 3 р.

Уступка гг. членамъ Общества 20%, библіотекамъ учебныхъ заведеній—25%, книгопродавцамъ—30%.

Изданія графа Уварова:

Археологія Россіи. Каменный періодъ. Соч. графа А. С. Уварова. Два тома. 1881 г. Ц. 18 р.

Меряне и ихъ бытъ. Соч. гр. А. С. Уварова. Одинъ томъ и атласъ. 1872 г. Ц. 8 р. (нѣтъ въ продажѣ).

Каталогъ собранія древн. гр. А. С. Уварова. Вып. I и II (въ одной книгѣ): Древности каменнаго и металлическаго вѣка, съ портр. гр. А. С. Уварова и 35 табл. рис. 1887 г. Ц. 4 р.

Вып. VII. Монеты Воспорскаго царства и древне-греческихъ городовъ, находившихся въ предѣлахъ нынѣшней Россіи, съ 5 таблицами. Соотвт. А. Орѣшниковъ. 1887 г., ц. 3 р.

Архим., Леонидъ. Систематическое описаніе Славяно-Россійскихъ рукописей собранія гр. А. С. Уварова, 4 т. М., 1893—94 г. Ц. 15 р.

Каталогъ Спасо-Преображенскаго монастыря въ Ярославлѣ, ц. 9 р. 50 к.

Византійскій Альбомъ—посмертное изд. гр. А. С. Уварова. Т. I. 1889 г. Ц. 15 р.

Кавказъ. Путевыя записки гр. Уваровой 2 тома. Ц. 3 р.

Уступка книгопродавцамъ и библіотекамъ учебныхъ заведеній 25%.

Продаются въ собственномъ домѣ Общества, въ Москвѣ, на Пречистенкѣ, у Большаго Каменнаго моста.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

выходятъ въ 1896-мъ году (4-й годъ изданія) по той же программѣ и въ томъ же объемѣ.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія рекомендованы для фундаментальныхъ библіотекъ учебныхъ заведеній Министерства.

Подписная цѣна съ пересылкою и доставкою въ годъ ТРИ (3) рубли.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Для **московскихъ** подписчиковъ:

1) Въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ, Берсеневская набережная, собств. домъ, ежедневно отъ 10 до 1 часу и въ часы засѣданій.

2) У А. В. Орѣшникова, Историческій музей, на Красной площади, ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 1 до 4-хъ.

3) Въ книжномъ магазинѣ И. П. Карбасникова, Моховая, противъ Стараго Университета, д. Коха (и его иногородн. отд.).

4) Въ книжномъ магазинѣ А. Ланга, на Кузнецкомъ мосту.

Иногородніе подписчики благоволятъ присылать подписные **три** рубля **исключительно** въ Императорское Московское Археологическое Общество (Москва, Берсеневская набережная, собств. домъ).

Подписчики, **не получившіе** выпуска или **перемѣнившіе** свое мѣсто жительства, благоволятъ обращаться съ заявленіями исключительно въ Московское Археологическое Общество.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція обращается съ просьбою ко всѣмъ прежнимъ сотрудникамъ журнала и ко всѣмъ любителямъ старины присылать свѣдѣнія о раскопкахъ, случайныхъ находкахъ древностей, объ имѣющихся въ частныхъ рукахъ выдающихся предметахъ древности—церковныхъ и бытовыхъ, рукописяхъ и т. п., а также газетныя извѣстія, заключающія свѣдѣнія археологическаго характера (отдѣльными №№ или просто вырѣзками съ помѣтою, изъ какой газеты и отъ какого числа); особенно желательны №№ провинціальныхъ газетъ.

Письма и посылки просятъ адресовать: въ Москву, въ Императорское Московское Археологическое Общество, Берсеневская набережная, с. д., въ редакцію „Археологическихъ Извѣстій и Замѣтокъ".

3 24

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES
Stacks
JUL 14 1980

Археологическія Извѣстія и Замѣтки

Издаваемыя

Императорскимъ

Московскимъ Археологическимъ Обществомъ

подъ редакціею

ГРАФИНИ П. С. УВАРОВОЙ.

№№ 7—8.

МОСКВА
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА
ЛЕОНТЬевскій пер., д. Мамонтова
1896

СОДЕРЖАНІЕ №№ 7—8.

Стр.

I. Къ открытію Рижскаго Съѣзда 205
II. Рижская Археологическая Выставка 207
III. Памяти Николая I 211
IV. Московская Выставка Изображеній Христа 213
V. Благовѣщенская церковь въ с. Турчасовѣ, Архангельской губерніи. 215
VI. Древности Иссыкъ-Кульской котловины 216
VII. Археологическая хроника 223
VIII. Засѣданія ученыхъ Обществъ 241
IX. Библіографія 244
X. Некрологъ 268

7139

1896 г. №№ 7—8

ИЗДАВАЕМЫЯ
ИМПЕРАТОРСКИМЪ МОСКОВСКИМЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ

I.

Къ открытію Рижскаго Съѣзда.

1-го августа откроется въ Ригѣ Десятый русскій Археологическій Съѣздъ. Съ 1869 г. Съѣзды собирались въ сердцѣ Россіи (два раза въ Москвѣ и разъ въ Ярославлѣ), на сѣверѣ ея (въ Петербургѣ), на востокѣ Европейской Россіи (въ Казани) и на югѣ (въ Кіевѣ, Одессѣ, Тифлисѣ), а въ послѣднее время подвинулись и къ западнымъ предѣламъ: послѣ Виленскаго Съѣзда 1893 г., новый собирается, по желанію въ Бозѣ почившаго Императора Александра III,—въ Прибалтійскомъ краѣ, въ Ригѣ.

Этотъ край, до котораго дошла теперь очередь Съѣзда, полонъ для насъ интереса во многихъ отношеніяхъ: полонъ интереса какъ по своей связи съ нашимъ прошлымъ предъ самой зарей и въ первые вѣка нашей исторіи—и языческаго, и уже христіанскаго періода, такъ и по многоразличной исторической памяти послѣдующихъ вѣковъ; полонъ интереса и по тому, что сдѣлано для археологіи края мѣстными учеными силами, въ тщательномъ собираніи коллекцій, въ рядѣ изысканій и изслѣдованій, въ трудахъ ученыхъ Обществъ, въ созданіи Музеевъ; полонъ интереса и по тѣмъ вопросамъ, которые до позднѣйшаго времени не

были затронуты вовсе или были лишь слабо разработываемы мѣстными учеными, и разработки коихъ наука вправѣ ожидать отъ насъ по бо́льшимъ ли матерьяльнымъ средствамъ нашимъ (какъ изслѣдованіе городищъ), по большему ли интересу нашему къ самимъ вопросамъ (культурныя связи края до XIII вѣка и особенно культурныя связи его съ Русью до этого времени и въ послѣдующіе вѣка).

Балтійскій край тепло и дѣятельно отозвался на намѣреніе Съѣзда посѣтить его. Всѣ лучшія научныя силы края, работающія на нивѣ исторіи, археологіи, этнографіи, участвуютъ въ Съѣздѣ и въ подготовительныхъ работахъ къ нему. Послѣдніе два года археологическая дѣятельность по изысканіямъ, по раскопкамъ, по упорядоченію собраній кипитъ въ краѣ, и мѣстныя ученыя Общества за десятилѣтія своего существованія не помнятъ такого оживленія.

Московскій Комитетъ Съѣзда со своей стороны предпринялъ рядъ поѣздокъ и раскопокъ, значительно подвинувшій знаніе мѣстной старины.

Въ то же время готовились выставки: богатая археологическая выставка, организуемая Рижскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей, которая раскроетъ передъ нами сокровища края и по ископаемымъ предметамъ древности какъ каменнаго вѣка, такъ и курганной эпохи, и по изящнымъ памятникамъ европейскаго искусства; выставка этнографическая, созданная Латышскимъ Литературнымъ Обществомъ, которая представитъ бытъ туземныхъ племенъ края. Этими работами, этимъ оживленіемъ возбужденъ интересъ къ Съѣзду и среди свѣтскаго общества: Съѣздомъ живо интересуются образованные и начитанные люди по всему краю, о немъ говорятъ, его ждутъ повсюду, и мѣстныя газеты посвящаютъ ему рядъ статей и замѣтокъ.

Въ ученой встрѣчѣ Съѣзду участвуютъ представители всѣхъ племенъ, населяющихъ эту окраину русской земли: нѣмцы, латыши, эсты, русскіе—всѣ несутъ, что могутъ, на этотъ научный праздникъ. Остается пожелать, чтобъ и гости изъ внутреннихъ губерній пришли въ достаточномъ числѣ, отвѣчая радушіемъ на радушіе, раскрыли бы и передъ хозяевами тѣ богатства знаній, внесли бы то научное оживленіе, какъ раскрывали и вносили они на прежнихъ Съѣздахъ, а также и сами поучились и насладились бы отъ плодовъ мѣстной работы.

Для оживленія археологическаго интереса въ краѣ, для подъема въ археологическомъ изученіи Балтійскихъ губерній уже сдѣлано многое подготовительными къ Съѣзду трудами. Для взаимнаго сближенія ученыхъ силъ и знаній, для сближенія края съ русской наукой, для дружнаго выясненія археологическихъ вопросовъ, да дѣйствуетъ предстоящій Съѣздъ.

II.

Рижская Археологическая Выставка.

Археологическая Выставка, устроенная къ Съѣзду трудами и на средства Рижскаго Общества Исторіи и Древностей Прибалтійскихъ губерній, состоитъ изъ пяти отдѣловъ: I.—Археологія (раскопки и находки); II.—Акты и рукописныя книги; III.—Печати; IV.—Монеты и медали; V.—Серебряное дѣло.

Цѣль перваго отдѣла—представить весь матеріалъ добытый до сего дня раскопками и находками въ Прибалтійскомъ краѣ. Въ этомъ отдѣлѣ приняли участіе всѣ ученыя Общества края: Рижское Общество Исторіи и Древностей со своимъ Музеемъ, Курляндское Общество Литературы и Искусства (Курляндскій Провинціальный Музей) въ Митавѣ, Эстляндское Литературное Общество (Эстляндскій Провинціальный Музей) въ Ревелѣ, Ученое Эстонское Общество въ Юрьевѣ (Центральный Музей древностей края въ Юрьевѣ) и, со своими музеями: Общество для изученія острова Эзеля въ Аренсбургѣ, Ученая Коммиссія Латышскаго Литературнаго Общества въ Ригѣ, Фелинское Литературное Общество. Кромѣ того присланы вещи отъ Археологическихъ Обществъ: Императорскаго Московскаго и Псковскаго; отъ Музеевъ: Императорскаго Историческаго въ Москвѣ, Виленскаго и Западно-Прусскаго (въ Данцигѣ).

Въ отдѣлѣ I первое мѣсто принадлежитъ мѣстнымъ древностямъ: лифляндскимъ, эстляндскимъ и курляндскимъ. Ихъ 793 нумера, причемъ вся раскопка или находка занесена подъ одинъ нумеръ. Подраздѣленія мѣстной части: древнѣйшее время—300 нумеровъ (находки кухонныхъ отбросовъ, вещей и костей каменнаго вѣка); предметы бронзоваго вѣка—весьма рѣдкіе въ краѣ—№№ 301—308; клады 309—318; могилы древнѣйшаго періода, до VIII вѣка, 319—392; могилы втораго періода, съ VIII вѣка, 393—753; находки съ XV вѣка 754—793. Изъ этихъ подраздѣленій пятое, могилы втораго періода,—раздѣлено по областямъ, и раздѣленіе это представляетъ большой интересъ для рѣшенія назрѣвшаго вопроса о національности прибалтійскихъ могилъ разнаго типа. Именно, могилы раздѣлены такъ: а) область Латышско-Ливская: Курляндія 393—485; ЮЗ. Лифляндія („около 1200 г. Ливская область") 486—581; ЮВ. Лифляндія „около 1200 г. уже Латышская область") 582—654; Польскія Лифлянты („около 1200 г. Латышская область") 655—657; б) Эстская область: сѣверная Лифляндія 658—699; Эстляндія 700—720; острова: Эзель, Монъ, Даг-

денъ 721—753. Наконецъ, отдѣлъ 6-й, находки съ XV в., раздѣлены на находки въ Латышской области 754—761, въ Эстской области 762—787 и отливныя формы и штемпеля 788—793.

Далѣе въ первомъ отдѣлѣ идетъ Литва 794—797 и присылки: изъ Москвы 798—840—Люценъ и раскопки въ Прибалтійскомъ краѣ къ Съѣзду; изъ Пскова, 851—856—раскопки въ Псковской губерніи; изъ Вильны 1352—1383—на 7 таблицахъ характерныя вещи Виленскаго Музея: каменныя (топоры, сверла, бруски, клинья), бронзоваго вѣка и желѣзнаго вѣка, и на 30 таблицахъ раскопки Ѳ. В. Покровскаго въ 1895 г. въ Свенцянскомъ уѣздѣ, Виленской губерніи; изъ Данцига 857—8.

Устроителями I отдѣла были гг. Хаусманъ и Бухгольцъ.

Для отдѣла II, архивнаго, матеріалъ дали главнымъ образомъ Городскіе Архивы: Рижскій и Ревельскій: гг. Шварцъ (рижскій городской архиваріусъ) и Бушъ выбрали для него изъ названныхъ Архивовъ, а отчасти и изъ Архивовъ лифляндскаго и эстляндскаго дворянства, а также и изъ библіотеки Рижскаго Общ. Ист. и Древн. акты, „наиболѣе выдающіеся и назидательные въ палеографическомъ и дипломатическомъ отношеніяхъ“. Несомнѣнные акты двухъ первыхъ Архивовъ восходятъ къ 20-мъ годамъ XIII столѣтія, оспариваемый актъ основанія госпиталя въ Ригѣ—къ 1220 г., а помѣченный въ каталогѣ Выставки какъ поддѣлка, актъ основанія Эрихомъ Датскимъ Михайловскаго монастыря въ Ревелѣ, носитъ дачу 1093 г. Богатство актовъ XIII—XIV вѣка, латинскихъ и нѣмецкихъ—замѣчательное, и сравнимо лишь съ актами Ватиканскаго Архива, относящимися къ Ливоніи (Акты иностр. архивовъ относ. къ Россіи, изд. Археогр. Комм.)

Вообще латинскимъ и нѣмецкимъ актамъ (XI и) XIII—XVI в. принадлежитъ на выставкѣ №№. 859—922. Далѣе идетъ собраніе русскихъ актовъ 923—949, начиная со знаменитаго договора Мстислава Давидовича съ Ригой и Готскимъ берегомъ въ 1229 г., представленнаго въ трехъ спискахъ. Русскіе акты относятся преимущественно къ XIII и XIV в. (При грамотѣ Александра Невскаго 1259 г. копія договора Ярослава Владиміровича, изъ Новгорода съ нѣмцами и Готскимъ берегомъ, заключеннаго въ 1195 г.). Мы пожалѣли объ отсутствіи на выставкѣ двухъ весьма интересныхъ: одного по содержанію, другого по формѣ, актовъ Рижскаго Архива; разумѣемъ договоръ князя Витебскаго и Полоцкаго Герденя съ Орденомъ въ 1214 г. о раздѣлѣ (Летгольская земля, отданная уже прежде за печатью князя Константина,—за Орденомъ; Русская, Полоцкая, земля—за Герденемъ) и грамоту архіеп. Рижскаго къ кн. Ѳеодору Рост. Смоленскому, конца XIII в.

(См. *Грамоты, касающіяся сношеній СЗ. Россіи съ Ригой, №№ II и III*). Затѣмъ на выставкѣ слѣдуетъ небольшое собраніе рукописныхъ книгъ: 950—956: нижне-нѣмецкій сводъ Любекскаго права для Ревеля 1282 г., Рижская долговая книга 1286—1352 г.; Скра для Нѣмецкаго двора въ Новгородѣ 1296 г.; Рифмованная хроника „Альнпеке", серед. XIV вѣка; Латинскій псалтирь съ глоссами XIII—XIV в.; книги Соломона, Сираха, Іовъ XIV в.; Missale XV в. Эти книги взяты изъ Рижскаго и Ревельскаго Гор. Архивовъ, изъ Рижской Гор. Библ. и (Хроника) изъ Библіотеки лифляндскаго дворянства.—Отдѣлъ II заключается актами изъ Литовской метрики, касающимися Ливоніи и присланными съ Высочайшаго соизволенія Московскимъ Главнымъ Архивомъ Иностранныхъ Дѣлъ. Старѣйшій изъ этихъ 23 актовъ (957—979), восходитъ къ 1239, младшій къ 1395 г.; они писаны по-латыни и по-нѣмецки и относятся къ поземельнымъ дѣламъ—главнымъ образомъ рижскаго архіепископства и соборнаго капитула (въ послѣднее время, по просьбѣ проф. Хаусмана, состоящій при Архивѣ В. П. Вульфіусъ снялъ новыя копіи съ этихъ актовъ и тщательнѣйшимъ образомъ описалъ ихъ).

Отдѣлъ III—печати состоитъ изъ двухъ частей. Въ первую (980—1170) входятъ печати (съ XIII в) сюзереновъ въ краѣ, городовъ, сановниковъ и должностныхъ лицъ,—въ гальванопластическихъ снимкахъ (большею частью изъ собранія г. Саксендаля въ Іеве, который, между прочимъ, благодаря особой составленной имъ массѣ, получилъ весьма отчетливыя изображенія даже съ развалившихся восковыхъ печатей; остальныя изъ Музея Рижск. Общ. Ист. и Др.). Вторую часть (1171—1204) составляютъ почти всѣ извѣстные до сихъ поръ древне-ливонскіе оригинальные штемпеля печатей городовъ, должностныхъ и частныхъ лицъ, а также нѣсколько оказавшихся въ краѣ иностранныхъ штемпелей. Мѣстные штемпеля относятся къ XIV и XVI вв.; изъ иностранныхъ одинъ XIII в.; между послѣдними есть штемпель Эриха, короля Датскаго, по типу печатей первой половины XIV в., но не извѣстный въ оттискахъ. Въ собраніе включено и нѣсколько штемпелей, въ которыхъ видятъ (особенно въ виду формы ихъ) скорѣе торговые штемпеля, чѣмъ печати для актовъ. Этотъ отдѣлъ выставки устроенъ барономъ Бруинингкомъ и г. Бушемъ.

Отдѣлъ IV составляютъ монеты. По I отдѣлу выставки можно видѣть уже въ курганахъ, дата которыхъ опредѣляется монетами 1000—1070 гг., слитки серебра, служившіе деньгами (по мѣрѣ надобности отъ нихъ кусокъ откалывался); эти слитки сохраняются до половины XVI в., соблюдая съ 1300 г. приблизительно все ту же пробу ($^{15}/_{16}$

серебра, т. е. наша 90) и постоянный вѣсъ: это — рижская марка, равная $^{8}/_{9}$ кельнской марки, т. е. 207—208 граммовъ. Форма ихъ не германская (лепешкой), а русскихъ рублей; но штемпелями они отличаются отъ рублей русскихъ. Подъ № 1205—1212 выставлено 21 такихъ слитковъ (при чемъ 5 изъ 9 найденныхъ въ 1852 г. въ Ригѣ, 7 изъ найденныхъ въ 1882 г. въ Вюрценбергѣ, Лифл. губ.), а въ каталогѣ приведены свѣдѣнія о всѣхъ извѣстныхъ находкахъ этого рода. Затѣмъ выставлены (1213—1218) всѣ 95 сохранившихся въ Рижскомъ Городскомъ Архивѣ штемпелей монетъ съ первой четверти и до конца XV вѣка и два штемпеля пошлинныхъ. Въ заключеніе отдѣла идутъ монеты и медали. Онѣ распредѣлены по группамъ такъ, что подъ однимъ № выставлены всѣ монеты и медали, имѣющія общаго юридическаго собственника (напр., архіепископство Рижское, Орденъ, епископство Юрьевское, Рига подъ Польшей, Рига подъ Шведами, Нарва подъ Шведами) и общее же мѣсто чекана. Битыя въ Ригѣ монеты извѣстны съ первой четверти XV вѣка, но битыя въ Ревелѣ уже со второй половины XIV в., въ Юрьевѣ ранѣе 1371 (юрьевскія монеты послужили прототипомъ для псковскихъ; см. ихъ подъ № 1224).

Невошедшія въ верхнія рубрики медали приведены особо: медали шведскаго времени, Сѣверной войны, русскаго времени, медали въ честь частныхъ лицъ: бургграфа рижскаго Эке въ 1601 г., старѣйшины ревельскаго Рентелена въ 1654, на смерть Паткуля и Херца.

Весь этотъ отдѣлъ, равно какъ и слѣдующій V-ый, устроенъ г. Бухгольцомъ, извѣстнымъ знатокомъ нумизматики и золотого дѣла въ краѣ.

Въ V отдѣлѣ серебряное и золотое дѣло (1236—1351) представлено съ конца XV вѣка; изъ марокъ большая часть рижскія и ревельскія, и лишь десятка два вещей носятъ марки: Аугсбурга, Любека, Лейпцига, Нюрнберга, Амстердама, Москвы (1274 въ 1751 г., 1284?); есть обломки чаши „русскаго дѣла XVI в., судя по четыремъ неразобраннымъ клеймамъ“ (?); чаша найдена подъ камнемъ у села Воронья, на Чудскомъ озерѣ. Есть и двѣ-три восточныя вещи. Выставленъ и нѣмецкій (юрьевскій?) потиръ Тверскаго музея (см. А. И. и З., стр. 127). Главный интересъ этого отдѣла, понятно, составляютъ мѣстныя издѣлія, и они представлены богато и отлично сгруппированы. Тутъ выставлены лучшія сокровища городскихъ корпорацій и Черноголовыхъ въ Ригѣ и Ревелѣ и вещи изъ собраній цѣлаго ряда общественныхъ учрежденій и частныхъ лицъ.

III.

Памяти Николая I.

Обозрѣвая на I Археологическомъ Съѣздѣ, въ 1869 г., „Судьбы Археологіи въ Россіи“ и переходя къ царствованію императора Николая Павловича, Погодинъ говорилъ: „Съ чувствомъ благодарности должно сознаться, что во все предшествовавшее время не было издано столько древнихъ источниковъ и документовъ разнаго рода, не было представлено столько рисунковъ съ древнихъ памятниковъ, какъ въ это царствованіе. Большая часть работъ археологическихъ производилась зачиномъ и на иждивеніи правительства“.

Въ самомъ дѣлѣ, каковы бы ни были въ другихъ случаяхъ отношенія Николая I къ развитію науки и къ ея дѣятелямъ, несомнѣнно, что по личнымъ склонностямъ Николай Павловичъ и былъ истиннымъ любителемъ художествъ, и искренно любилъ все родное. И въ томъ, и въ другомъ качествѣ онъ не могъ не цѣнить науки о старинѣ, и русскіе археологи могли справедливо признавать въ своемъ самодержавномъ владыкѣ „благоговѣйнаго чтителя родной древности“ [1]).

На судьбахъ русской археологіи благотворно отразился организаціонный трудъ царствованія императора Николая I. Мѣропріятія правительства на пользу археологіи и родственной съ нею археографіи, переставъ быть случайными и разрозненными, приняли характеръ систематической организаціи, характеръ самостоятельныхъ учрежденій, созданныхъ для новыхъ областей науки, за которыми отнынѣ признано было государственное самостоятельное значеніе.

Особенно ровно пошла правительственная дѣятельность археографическая, для которой готовы были труженики Румянцевскаго кружка. Въ 1829 г. началась знаменитая археографическая экспедиція П. М. Строева. Основанная въ 1834 году, Археографическая Коммиссія въ теченіе 20 лѣтъ издала 30 томовъ грамотъ и семь томовъ лѣтописей (Акты Археографич. Экспед. 4 т., Акты Историч. 5+5 т., Акты Зап. Росс. 5 т., собранія актовъ о Россіи изъ иностранныхъ архивовъ, Акты Юридическіе и т. д.; Полное Собр. Русск. Лѣтописей и др.). Съ 40-хъ годовъ Кіевская Коммиссія издаетъ свои три громадные тома „Памятниковъ“. Въ 50-хъ годахъ къ дѣятельности обѣихъ Коммиссій присоединяетъ свою II Отд. Собств. Е. В. Канцеляріи, издавъ Дворцовые Разряды, Разрядныя книги, Памятники дипломат. сношеній.

---

[1]) См. предисловіе къ „Русской Старинѣ“ Мартынова и Снегирева.

Но не забыта была и собственно археологія. Въ 30-хъ годахъ Государь повелѣлъ, „чтобы все, заслуживающее вниманія и составляющее матеріалъ исторіи и предметъ археологической любознательности ученыхъ и художниковъ, было срисовано со всею отчетливостью, описано и издано въ свѣтъ“ [2]). Въ силу этого Высочайшаго повелѣнія начались поѣздки Солнцева, и наконецъ вышли въ свѣтъ монументальныя „Древности Россійскаго Государства“ (1849—53).

Въ 30-хъ годахъ на Высочайше дарованныя средства Круг произвелъ свои извѣстныя изслѣдованія балтійскихъ древностей и издалъ свою книгу, и его Necrolivonica стали краеугольнымъ камнемъ прибалтійской археологіи.

Въ 40-хъ годахъ вслѣдствіе неумѣстнаго обновленія стѣнописи въ Кіевской Лаврѣ изданъ законъ, воспрещавшій какія бы то ни было обновленія въ древнихъ церквахъ и другихъ подобныхъ памятниковъ, безъ Высочайшаго разрѣшенія (Строит. Уст. ст. 207). Этотъ законъ, возложившій на Св. Синодъ отвѣтственность за малѣйшее возобновленіе древнихъ церковныхъ памятниковъ, сталъ основаніемъ дѣятельности археологическихъ Обществъ по сохраненію такихъ памятниковъ.

Въ 1850 г. началась въ вѣдѣніи министра внутреннихъ дѣлъ графа Л. А. Перовскаго дѣятельность Археологической Коммиссіи, слѣдящей за находками древностей въ Россіи, пріобрѣтающей ихъ для Эрмитажа, производящей раскопки и изслѣдованія, хотя формально учреждена Коммиссія лишь послѣ девятилѣтняго опыта, въ 1859 г. Одинъ изъ первыхъ докладовъ о дѣятельности ея представленъ государю юнымъ тогда графомъ А. С. Уваровымъ; съ 1850 г. начинаются раскопки графа, по порученію графа Перовскаго, на югѣ Россіи и въ Мерянской области,—начинается новая эпоха въ русской археологіи.

Наконецъ, кромѣ правительственныхъ археологическихъ учрежденій, подъ покровительствомъ Государя возникли и ученыя Общества: Одесское Исторіи и Древностей (1839 г.) и старѣйшее изъ русскихъ спеціально - археологическихъ Обществъ, Археолого - нумизматическое (1846 г.), переименованное въ 1849 году въ Императорское Археологическое Общество.

Такъ, въ царствованіе Николая Павловича какъ въ вѣдѣніи правительства, такъ и подъ покровительствомъ его, организованы или приведены въ дѣйствіе всѣ главныя учрежденія или виды учрежденій, въ коихъ и въ наше время разрабатывается русская археологія.

---

[2]) Предисловіе къ „Древн. Росс. Гос“.

Изъ многочисленной и блестящей плеяды археологовъ, начавшихъ славную дѣятельность свою при императорѣ Николаѣ, и отчасти въ его учрежденіяхъ, многіе здравствуютъ доселѣ. Назовемъ имена Ѳ. И. Буслаева, А. Ѳ. Бычкова, И. Е. Забѣлина, А. А. Куника, А. А. Мартынова, высокопреосвященнаго Саввы.

Вспоминая археологическіе труды Николаевскаго царствованія, благодарной памятью поминая почившихъ, мы позволяемъ себѣ принести тѣмъ, кого мы счастливы видѣть среди себя, выраженіе глубокой и почтительной признательности и пожеланія еще долгихъ трудовъ на пользу дорогой имъ науки, на свѣтлое поученіе новымъ поколѣніямъ.

IV.

Московская Выставка изображеній Христа.

Выставка изображеній Христа (А. И. и Зам., стр. 182) состояла изъ двухъ отдѣловъ: I.—Изображенія древняго періода: Катакомбы, Византія, Западное искусство до Возрожденія; II.—Западныя изображенія Христа съ XIV по XVIII в.: Возрожденіе и послѣ Возрожденія.

Въ древнемъ отдѣлѣ, символическое изображеніе Спасителя — Добрый Пастырь, Орфей—было представлено 16 нумерами (фрески, статуи, рельефы на саркофагахъ, изображенія на лампахъ). Затѣмъ слѣдовалъ типъ переходный къ историческому: божественно-юный Христосъ—типъ, изъ коего создалось и наше изображеніе Эммануила (см. табл. VI),—между прочимъ съ чудныхъ равенскихъ мозаикъ въ снимкахъ, сдѣланныхъ по заказу и подъ наблюденіемъ графа А. С. Уварова. Историческій типъ изображеній Христа можно прослѣдить съ VI в. Сюда относится мозаика изъ катакомбъ св. Калликста, нынѣ хранящаяся въ Ватиканскомъ Музеѣ (табл. VII). Спаситель изображенъ на ней въ профиль, въ чертахъ тѣлесной красоты, какія установились на основаніи мнѣній Григорія Нисскаго, Амвросія Медіоланскаго, Іеронима и Іоанна Златоуста. Власы и брада его русые, очи—голубыя; синій гиматіонъ покрываетъ плечи. Затѣмъ, VI же вѣка: извѣстная фреска, изъ катакомбы св. Калликста, изданная Бозіо, и неаполитанская фреска, терракота изъ катакомбы св. Агніи (гдѣ голова Христа изображена въ профиль, какъ и на упомянутой мозаикѣ, съ которой можно уловить нѣкоторое сходство), колоссальныя фрески крещальни св. Понціана, рядъ фресокъ и мозаикъ итальянскихъ и византійскихъ

Но не забыта была и собственно археологія. Въ 30-хъ годахъ Государь повелѣлъ, „чтобы все, заслуживающее вниманія и составляющее матеріалъ исторіи и предметъ археологической любознательности ученыхъ и художниковъ, было срисовано со всею отчетливостью, описано и издано въ свѣтѣ“ [2]). Въ силу этого Высочайшаго повелѣнія начались поѣздки Солнцева, и наконецъ вышли въ свѣтъ монументальныя „Древности Россійскаго Государства“ (1849—53).

Въ 30-хъ годахъ на Высочайше дарованныя средства Крузе произвелъ свои извѣстныя изслѣдованія балтійскихъ древностей и издалъ свою книгу, и его Necrolivonica стали краеугольнымъ камнемъ прибалтійской археологіи.

Въ 40-хъ годахъ вслѣдствіе неумѣстнаго обновленія стѣнописи въ Кіевской Лаврѣ изданъ законъ, воспрещавшій какія бы то ни было обновленія въ древнихъ церквахъ и другихъ подобныхъ памятниковъ, безъ Высочайшаго разрѣшенія (Строит. Уст. ст. 207). Этотъ законъ, возложившій на Св. Синодъ отвѣтственность за малѣйшее возобновленіе древнихъ церковныхъ памятниковъ, сталъ основаніемъ дѣятельности археологическихъ Обществъ по сохраненію такихъ памятниковъ.

Въ 1850 г. началась въ вѣдѣніи министра внутреннихъ дѣлъ графа Л. А. Перовскаго дѣятельность Археологической Коммиссіи, слѣдящей за находками древностей въ Россіи, пріобрѣтающей ихъ для Эрмитажа, производящей раскопки и изслѣдованія, хотя формально учреждена Коммиссія лишь послѣ девятилѣтняго опыта, въ 1859 г. Одинъ изъ первыхъ докладовъ о дѣятельности ея представленъ государю юнымъ тогда графомъ А. С. Уваровымъ; съ 1850 г. начинаются раскопки графа, по порученію графа Перовскаго, на югѣ Россіи и въ Мерянской области,—начинается новая эпоха въ русской археологіи.

Наконецъ, кромѣ правительственныхъ археологическихъ учрежденій, подъ покровительствомъ Государя возникли и ученыя Общества: Одесское Исторіи и Древностей (1839 г.) и старѣйшее изъ русскихъ спеціально - археологическихъ Обществъ, Археолого - нумизматическое (1846 г.), переименованное въ 1849 году въ Императорское Археологическое Общество.

Такъ, въ царствованіе Николая Павловича какъ въ вѣдѣніи правительства, такъ и подъ покровительствомъ его, организованы или приведены въ дѣйствіе всѣ главныя учрежденія или виды учрежденій, въ коихъ и въ наше время разрабатывается русская археологія.

---

[2]) Предисловіе къ „Древн. Росс. Гос“.

Изъ многочисленной и блестящей плеяды археологовъ, начавшихъ славную дѣятельность свою при императорѣ Николаѣ, и отчасти въ его учрежденіяхъ, многіе здравствуютъ доселѣ. Назовемъ имена Ѳ. И. Буслаева, А. Ѳ. Бычкова, И. Е. Забѣлина, А. А. Куника, А. А. Мартынова, высокопреосвященнаго Саввы.

Вспоминая археологическіе труды Николаевскаго царствованія, благодарной памятью поминая почившихъ, мы позволяемъ себѣ принести тѣмъ, кого мы счастливы видѣть среди себя, выраженіе глубокой и почтительной признательности и пожеланія еще долгихъ трудовъ на пользу дорогой имъ науки, на свѣтлое поученіе новымъ поколѣніямъ.

IV.

Московская Выставка изображеній Христа.

Выставка изображеній Христа (А. И. и Зам., стр. 182) состояла изъ двухъ отдѣловъ: I.—Изображенія древняго періода: Катакомбы, Византія, Западное искусство до Возрожденія; II.—Западныя изображенія Христа съ XIV по XVIII в.: Возрожденіе и послѣ Возрожденія.

Въ древнемъ отдѣлѣ, символическое изображеніе Спасителя — Добрый Пастырь, Орфей—было представлено 16 нумерами (фрески, статуи, рельефы на саркофагахъ, изображенія на лампахъ). Затѣмъ слѣдовалъ типъ переходный къ историческому: божественно-юный Христосъ—типъ, изъ коего создалось и наше изображеніе Эммануила (см. табл. VI),—между прочимъ съ чудныхъ равенскихъ мозаикъ въ снимкахъ, сдѣланныхъ по заказу и подъ наблюденіемъ графа А. С. Уварова. Историческій типъ изображеній Христа можно прослѣдить съ VI в. Сюда относится мозаика изъ катакомбъ св. Калликста, нынѣ хранящаяся въ Ватиканскомъ Музеѣ (табл. VII). Спаситель изображенъ на ней въ профиль, въ чертахъ тѣлесной красоты, какія установились на основаніи мнѣній Григорія Нисскаго, Амвросія Медіоланскаго, Іеронима и Іоанна Златоуста. Власы и брада его русые, очи—голубыя; синій гиматіонъ покрываетъ плечи. Затѣмъ, VI же вѣка: извѣстная фреска, изъ катакомбы св. Калликста, изданная Бозіо, и неаполитанская фреска, терракота изъ катакомбы св. Агніи (гдѣ голова Христа изображена въ профиль, какъ и на упомянутой мозаикѣ, съ которой можно уловить нѣкоторое сходство), колоссальныя фрески крещальни св. Понціана, рядъ фресокъ и мозаикъ итальянскихъ и византійскихъ

и наконецъ миніатюры Евангелія Рабулы. Это типъ—установившійся съ тѣхъ поръ въ христіанской иконописи.

Далѣе, были представлены изображенія византійскаго характера, западнаго и восточнаго происхожденія, IX—XII вв.; кромѣ фресокъ и мозаики, сюда вошли: скульптура, финифть (ризница св. Марка) и миніатюры (Проповѣди Григ. Назіанзина по знаменитой рук. IX в. Парижской Націон. Библ. въ снимкахъ гр. А. С. Уварова). Для искусства западныхъ стилей до Возрожденія, особенно интересны были миніатюры рукописей (такъ юный Христосъ на престолѣ изъ Livre d'heures de Charlemagne, VIII в.), лиможская финифть, образцы серебрянаго дѣла и рѣзьбы на кости. Изъ 140 нумеровъ I отдѣла 110 принадлежало Порѣчскому собранію графовъ Уваровыхъ.

Во II отдѣлѣ, эпохи Возрожденія, XIII и XIV вѣковъ были представлены фотографіями съ произведеній: Чимабуэ, Дуччо, съ 13 картинъ Джотто и съ картинъ его школы (собранія С. С. Шайкевича, П. В. Жуковскаго, графини Уваровой, Д. В. Айналова). Изъ XV—XVI вѣка въ Италіи отмѣтимъ особенно рядъ воспроизведеній съ картинъ Беато Анджелико, Перуджино, Леонардо да Винчи (Принцесса Евгенія Максимиліановна, Е. Г. Мамонтова, граф. Уварова и П. В. Жуковскій), Рафаэля, Беллини, Тиціана; мало извѣстный доселѣ, но отмѣченный особой печатію духовности и страданія, м. б. нѣсколько нервный, ликъ Христа, работы Андре адель Сарте, изъ церкви св. Анунціаты во Флоренціи (копія масляными красками Великаго Князя Сергія Александровича и фотографія съ подлинника М. П. Степанова); снимки съ Филиппо Липпи, Андрея Мантенья, Мазаччо, Бартоломео, Кореджо и т. д.

Среди воспроизведеній созданій итальянскаго Возрожденія особенно выдавалось богатое собраніе акварелей Е. И. В. Принцессы Евгеніи Максимиліановны Ольденбургской.

Испанская школа была представлена лишь 6-ю нумерами изъ собранія Принцессы Евгеніи Максимиліановны, М. П. Степанова и Г. А. Брокара. Здѣсь были два Веласкеца и было три Мурильо, исполненные обычныхъ силы и глубокаго благоговѣнія.

Далѣе шли Микель-Анджело (А. П. Усовой и С. С. Шайкевича), Караччи (Августинъ въ гравюрѣ С. С. Шайкевича „Се человѣкъ", Аннибалъ въ рядѣ гравюръ), Гвидо Рени, Гверчино (графини А. А. Олсуфьевой), Рибейра и т. д.

Въ ряду сѣверныхъ школъ, представленныхъ особенно гравюрами изъ прекраснаго собранія С. С. Шайкевича, выдавался Гансъ Мемлингъ (преимущественно собраніе граф. Уваровой), Шонгауеръ,

Фотот. К. А. Фишеръ, Москва.

Мозаика въ церкви св. Виталія въ Равеннѣ.
Съ акварельной копіи изъ собранія графини П. С. Уваровой.

Фотот. К. А. Фишеръ, Москва.

Мозаика, перенесенная изъ катакомбъ св. Каликста
въ Христіанскій музей Ватикана.
Съ копіи изъ собранія Графини П. С. Уваровой.

Фотог. К. А. Фишеръ, Москва.

Мозаика въ церкви св. Аполлинарія Нуово въ Равеннѣ.
Фотогр. копія изъ собранія графини П. С. Уваровой.

16 гравюръ А. Дюрера (изъ коихъ 15 С. С. Шайкевича), Базельскій „Умершій Христосъ", Гольбейна младшаго (фотогр. П. В. Жуковскаго), гравюры Луки Лейденскаго и Рубенсъ въ гравюрахъ Больеверта (С. С. Шайкевичъ), Ванъ-Дикъ, гравюры Рембрандта (гр. Уварова и С. С. Шайкевичъ) и т. д.

Вся выставка заключала въ себѣ болѣе 300 нумеровъ,—художественныя воспроизведенія акварелью, гравюрой, скульптурой, масляными красками классическихъ произведеній древняго искусства, а отчасти и подлинники. Кромѣ названныхъ уже нами лицъ цѣнные вклады для Выставки дали: г-жа Е. Н. Козлянинова, о. Благоволинъ и гг. Г. А. Брокаръ, С. К. Говоровъ, Н. Н. Гордѣевъ, Н. П. Вишняковъ, М. М. Леонтьевъ, Л. М. Метцль, Н. С. Мосоловъ, И. С. Остроуховъ, В. Н. Полѣновъ, А. П. Поповъ и Д. А. Хомяковъ, а также Историческій Музей и Московскій Университетъ. При этой теплой поддержкѣ просвѣщенныхъ силъ только и могла организоваться въ короткій срокъ великаго поста эта поучительная Выставка, которой слѣдуетъ горячо пожелать повторенія и расширенія по намѣчаемымъ уже программамъ, куда должна войти и русская иконопись. Устройство Выставки дѣятельно вели: Предсѣдатель Общества Любителей Художествъ К. М. Быковскій, Секретарь Общества Д. В. Грушецкій и графиня П. С. Уварова.

К. А. Фишеръ издалъ Альбомъ „Въ память Выставки изображеній Христа", гдѣ воспроизвелъ въ превосходныхъ фототипіяхъ 46 нумеровъ Выставки. Изъ этого изданія заимствованы таблицы, приложенныя къ настоящей статьѣ.

На Выставкѣ были прочтены двѣ публичныя лекціи: Д. В. Айналовымъ—о древнѣйшихъ изображеніяхъ Христа, и А. И. Кирпичниковымъ—о композиціи нѣкоторыхъ изображеній, представленныхъ на Выставкѣ.

С. С.

V.

Благовѣщенская церковь въ с. Турчасовѣ, Архангельской губерніи.

Приводимъ, изъ дѣлъ Коммиссіи по Сохраненію Древнихъ Памятниковъ при Московскомъ Археологическомъ Обществѣ, фотографію, снятую въ мартѣ нынѣшняго года съ Благовѣщенской церкви с. Тур-

часова, Посадной волости, Онежскаго уѣзда, Архангельской губерніи. Въ засѣданіи 15-го апрѣля 1896 г. Коммиссія не нашла возможнымъ

согласиться на разрушеніе этой церкви, о чемъ представитель сельскаго общества с. Турчасова и былъ увѣдомленъ отношеніемъ отъ 18 апрѣля.

VI.

Древности Иссыкъ-Кульской котловины.

(А. В. Селивановъ).

Приводимая ниже статья напечатана А. В. Селивановымъ въ Омскѣ и экземпляръ любезно присланъ въ Моск. Археол. Общество. Въ виду интереса представляемаго статьей, и малой доступности ея по самому мѣсту изданія, позволяемъ себѣ перепечатать ее здѣсь почти цѣликомъ.

Въ Семирѣченской области наибольшій интересъ въ археологическомъ отношеніи несомнѣнно представляетъ озеро Иссыкъ-Куль съ его окрестностями.

Давно уже существуетъ предположеніе, что подъ волнами этого озера сохранились остатки цѣлаго города, упоминаемаго въ китайскихъ лѣтописяхъ, подъ названіемъ Чигу или Чигучина. Полагали, что бе-

регъ озера, на которомъ находился этотъ городъ, внезапно опустился и, такимъ образомъ, былъ затопленъ водою. Что дѣйствительно у береговъ озера похоронены остатки бывшихъ здѣсь древнихъ поселеній, служитъ доказательствомъ, помимо множества находимыхъ предметовъ, выбрасываемыхъ на берегъ изъ воды, какъ то: костей, череповъ, кирпичей, гончарныхъ издѣлій, мѣдныхъ и бронзовыхъ вещей, монетъ и т. п. также и то, что около самой береговой коймы многими любителями изъ мѣстныхъ жителей удавалось видѣть въ тихую погоду подъ водою явственные слѣды стѣнъ и каменныхъ построекъ. Такихъ пунктовъ, гдѣ сохранились остатки затопленныхъ городовъ, извѣстно два: Койсара на юго-восточномъ берегу озера, и Турайгыръ на сѣверо-западномъ. Кромѣ того, по берегамъ озера и въ его окрестностяхъ встрѣчается много въ высшей степени интереснаго въ археологическомъ отношеніи.

Самое озеро Иссыкъ-Куль, по-китайски Же-хай, теплое озеро, названное такъ, вѣроятно, по присутствію въ немъ теплыхъ и горячихъ ключей, благодаря которымъ озеро, несмотря на возвышенное положеніе надъ уровнемъ моря (5300 ф., не замерзаетъ зимою—составляетъ средину котловины, окруженной со всѣхъ сторонъ снѣговыми хребтами горъ Алатау, Александровскаго хребта и Тянь-Шаня. Озеро замѣтно мелѣетъ. Около ст. Кутемалды на сѣверо-западномъ берегу озеро отступило въ теченіи 23 лѣтъ на 300 саж. и воды убавилось на 3 арш., стало быть, ежегодно около 2 верш. Если принять въ соображеніе то обстоятельство, что въ озеро впадаетъ множество горныхъ рѣкъ и ручьевъ, тогда какъ не вытекаетъ изъ него ни одной рѣчки, то слѣдуетъ признать существованіе какого-нибудь подземнаго стока который регулируетъ сравнительно постоянный уровенъ воды въ озерѣ. Весьма возможно, что въ болѣе или менѣе отдаленную эпоху озеро имѣло значительно меньшіе размѣры, но, затѣмъ, вслѣдствіе происшедшей катастрофы, слѣды которой обнаруживаются многими оползнями и обвалами, покрывающими берега, произошло подземное крушеніе, засорившее каналы, по коимъ стекалъ изъ озера избытокъ воды, почему уровень его поднялся, и вода затопила берега вмѣстѣ съ находившимися на немъ населенными пунктами.

Долгое время—можетъ быть, цѣлый рядъ столѣтій—эти погребенныя въ озерѣ селенія или города находились глубоко подъ водой, но съ опусканіемъ уровня озера и обмелѣніемъ его, стали мало по малу вновь выступать на свѣтъ Божій, при чемъ чаще выбрасываются волнами и различнаго рода предметы древней культуры.

Описаніе осмотрѣнныхъ мною лѣтомъ прошлаго года пунктовъ, имѣ-

ющихъ археологическое значеніе, начну съ Тарайгыра, находящагося въ сѣверо-западной части Иссыкъ-Кульской котловины около самаго берега. Слѣды потопленнаго города, по словамъ мѣстныхъ жителей, находятся въ 15 саженяхъ отъ берега и представляютъ собою остатки жилыхъ строеній, построенныхъ изъ очень твердаго кирпича. Къ сожалѣнію, почти постоянная зыбь въ озерѣ не даетъ возможности изслѣдывать сохранившіеся подъ водою памятники. Приходится пока довольствоваться тѣми предметами, которые выбрасываются случайно на берегъ. Я видѣлъ нѣсколько кирпичей, добытыхъ изъ озера. Нерѣдко выкидываются прибоемъ волнъ въ бурную погоду и различные другіе предметы: черепа, кости, горшки и проч. Кирпичи имѣютъ видъ большихъ плитъ, квадратной или удлиненной формы. Въ одномъ изъ станціонныхъ зданій мнѣ показали полъ, выстланный голубыми глазированными кирпичами. По словамъ смотрителя станціи, эти голубые кирпичи добыты не въ озерѣ, но изъ находящагося въ двухъ верстахъ отъ станціи, ближе къ горамъ, древняго кирпичнаго завода. Изъ этого завода киргизы уже много лѣтъ таскаютъ кирпичи, на постройку своихъ могилъ (муловокъ). Свѣдѣнія эти меня настолько заинтересовали, что я рѣшился осмотрѣть этотъ заводъ, оказавшійся, какъ слѣдовало предпологать, развалинами древняго зданія. Вслѣдствіе расхищеніе кирпичей, вся постройка представляетъ въ настоящее время груду мусора, или вѣрнѣе, цѣлый мусорный бугоръ. Систематическое изслѣдованіе и раскопки этого бугра потребовало бы значительнаго времени, почему я долженъ былъ ограничиться незначительной раскопкой въ томъ мѣстѣ, откуда, повидимому, добывались голубыя кафели, судя по находящимся въ одной изъ ямъ осколкамъ ихъ. По расчисткѣ верхняго слоя мусора, обнаружилась нетронутая каменная кладка изъ большихъ кирпичныхъ плитъ квадратной формы, по 9 верш. съ каждой стороны и $1^1/_2$ верш. толщиною. Надъ этой кладкой находится слой извести и обломки голубыхъ кафелей, которыми, очевидно, была выстлана поверхность кладки изъ кирпичныхъ плитъ. Дальнѣйшее разслѣдованіе обнаружило присутствіе стѣны, выложенной изъ кирпичей, также квадратной формы, по 6 верш. въ каждой сторонѣ и толщиною 1 верш. Ширина стѣны около $1^1/_2$ арш. Стѣна огибала съ наружной стороны кладку изъ большихъ кирпичныхъ плитъ, которая, повидимому, выполняла внутреннее пространство зданія. Направленіе стѣны представляло прямой уголъ съ отрѣзаной вершиной, обращенной къ востоку. Надо думать, что въ этомъ мѣстѣ находился входъ въ зданіе или окно, такъ какъ въ самой вершинѣ углового выступа стѣны, сверхъ кирпичей, изъ которыхъ была выложена стѣна, найдена облицовка изъ голубыхъ прелестнаго цвѣта

кафелей. Двѣ кафели оказались совершенно цѣлыми въ своемъ настоящемъ видѣ. Кладка внутренняго пространства состояла изъ разной величины кирпичныхъ плитъ больш. частью квадратной формы, хотя попадались и удлиненной формы кирпичи. Чаще попадались квадратныя плиты двухъ размѣровъ: въ 9 верш. и въ 6 верш. въ каждой сторонѣ. Кладка шла въ нѣсколько рядовъ на глинѣ. Нижній рядъ оказался лежащимъ на грунтѣ. Вся постройка, представлявшая собою по всей вѣроятности храмъ, имѣла размѣры весьма значительные. Было бы нелишнимъ произвести правильныя раскопки въ этомъ мѣстѣ, чтобы выяснить форму, планъ и точные размѣры зданія. Весьма возможно, что здѣсь будетъ найдено много интереснаго въ археологическомъ отношеніи.

На станціи Турайгыръ мною были измѣрены древніе кирпичи, добытые, вѣроятно, изъ той же постройки. Всѣ они сводились къ тремъ типамъ: I — квадр. по 6 верш. въ каждой сторонѣ, II — удлинен. формы—8 верш. длин. и 5 шир., III — также удлинен. — 6 в. дл. Толщиною около 1 вер.. Кромѣ того одинъ попался круглый кирпичъ въ діаметрѣ $6^3/_4$ вер.

Между Челпанъ-Атинской и Курамдинской станціями, на узкой береговой полосѣ между горами и Иссыкъ-Кулемъ, обращаетъ на себя вниманіе большой священный камень, пользующійся у киргизъ особымъ почитаніемъ. Это мѣсто называется Пришибомъ. Камень этотъ, вышиною около 2 и 3 саж., по всей вѣроятности свалился съ горъ вмѣстѣ съ множествомъ другихъ меньшей величины камней, представляющихъ собою послѣдствія бывшаго здѣсь когда то землетрясенія. На священномъ камнѣ, какъ равно и около него, разбросаны кости животныхъ, рога, лоскутки и т. п. остатки приношеній киргизъ. Осматривая камни, раскиданные по всему оползню, который тянется отъ самаго горнаго хребта и спускается въ этомъ мѣстѣ къ озеру, я нашелъ на нѣкоторыхъ изъ нихъ полустертыя изображенія козловъ, выскобленныхъ на темной, какъ-бы лакированной поверхности камней. Послѣднія находятся только съ одной стороны ихъ, всѣ же прочіе стороны носятъ на себѣ слѣды свѣжихъ обломовъ. Несомнѣнно, что самыя изображенія относятся ко временамъ, предшествовавшимъ той катастрофѣ послѣдствіемъ которой былъ обвалъ цѣлой скалы, покрытой загадочными надписями. Такія же фигуры козловъ были найдены и срисованы мною и въ другихъ мѣстахъ, какъ на сѣверномъ, такъ и на южномъ берегу озера. Размѣръ фигуръ въ длину 4—6 вершковъ. На одномъ камнѣ близъ Тепло-ключенскихъ минеральныхъ водъ я нашелъ рядомъ съ фигурой козла изображеніе, напоминающее человѣка.

Близъ дер. Сазоновки, на сѣверо-восточномъ берегу озера, въ 8 вер.

отъ деревни находится мечеть, около которой собрано мѣстнымъ муллой значительное количество древнихъ могильныхъ камней съ восточными надписями частью арабскими, частью, вѣроятно, сирскими, судя по сходству этихъ надписей съ тѣми, которыя находились на камняхъ, найденныхъ на древнемъ несторіанскомъ кладбищѣ близъ г. Пишпека и изданы г. Слуцкимъ въ трудахъ Восточной Коммиссіи. Три камня съ надписями мною привезены въ Омскъ, а въ настоящее время отправлены на Нижегородскую выставку.

Кромѣ могильныхъ камней съ надписями, нерѣдко встрѣчающихся въ окрестностяхъ озера Иссыкъ-Куля, мнѣ часто попадались каменныя бабы. Этихъ памятниковъ такъ много въ Иссыкъ-Кульской котловинѣ, да и вообще въ Семирѣченской области, что въ одной деревнѣ Теплоключенской и по дорогѣ изъ Пржевальска къ этой деревнѣ я насчиталъ 12 каменныхъ бабъ. Всѣ онѣ большею частью принадлежатъ къ двумъ типамъ: воина съ усами, который держитъ въ правой рукѣ сосудъ, а въ лѣвой мечъ, и женщины, держащей въ обѣихъ рукахъ сосудъ. Попадаются также просто однѣ головы безъ рукъ, съ усами или безъ усовъ. Небрежность, съ которой мѣстное населеніе обращается съ этими памятниками (крестьяне, привозя ихъ съ поля въ деревню, ставятъ ихъ къ воротамъ вмѣсто столбовъ, причемъ просверливаютъ въ нихъ отверстіе для запора), заставила меня обратиться съ просьбой къ уѣздному начальнику о томъ, чтобы онъ распорядился отобрать отъ крестьянъ и отъ другихъ лицъ находящіяся у нихъ каменныя бабы и всѣхъ ихъ сосредоточить въ городскомъ саду г. Пржевальска, гдѣ онѣ должны быть внесены въ инвентарь и сохраняться въ качествѣ государственной собственности. Такая мѣра помѣшаетъ и расхищенію этихъ памятниковъ, такъ какъ рѣдкій изъ путешественниковъ-любителей, при случаѣ, если только представится возможность, не воспользуется увезти какую-нибудь бабу или камень съ надписью, что и бывало неоднократно.

Наиболѣе интересный въ археологическомъ отношеніи въ Иссыкъ-Кульской котловинѣ пунктъ представляетъ собою безспорно Койсара, находящаяся въ 30 вер. отъ города Пржевальска, на южномъ берегу оз. Иссыкъ-Куля. Койсара, что по киргизски означаетъ «рыжій баранъ», есть ничто иное, какъ песчаная полоса берега, длиною въ полторы версты, усѣянная обломками костей, черенками глиняной посуды, мусоромъ и т. п. остатками былой культурной жизни. Вслѣдствіе постояннаго пониженія уровня воды въ озерѣ, на берегу образовались лужи болотины и трясины, покрытыя солончаковою растительностью. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, осматривалъ эту мѣстность докторъ Зеландъ, который видѣлъ тамъ остатки глиняной изгороди, идущей отъ самаго

берега въ глубь озера, исподоволь и несовсѣмъ правильной дугой. По словамъ его, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ берега, въ водѣ находились остатки стѣнъ отъ строеній въ видѣ четыреугольника, имѣющаго арш. 8 въ поперечникѣ, изъ жженаго кирпича. Впрочемъ, докторъ Зеландъ самъ этихъ строеній не видѣлъ. Ему только удалось добыть изъ воды нѣсколько кирпичей продолговатой формы. По всей вѣроятности со времени посѣщенія Койсары докторомъ Зеландомъ берегъ обмелѣлъ значительно, такъ какъ слѣды глиняной изгороди, а можетъ быть и каменныхъ построекъ, въ настоящее время оказались едва покрытыми водой, почему можно было безъ труда разыскивать руками въ илисто-песчаной отмели различнаго рода культурные остатки. Съ помощью киргизовъ, я занялся усердно поисками различныхъ вещей, мѣстами производя, гдѣ было возможно, пробныя раскопки. Впрочемъ, раскопки представлялись чрезвычайно затруднительными, вслѣдствіе просачиванія воды, которая быстро наполняла разрытое пространство, что, разумѣется, мѣшало дальнѣйшимъ работамъ. Тѣмъ не менѣе, я напалъ очень счастливо на одно мѣсто, гдѣ стали попадаться монеты и различныя мелкія вещи. Киргизы, копаясь руками подъ водой въ илистомъ днѣ лужи, изъ которой кое гдѣ выдавалась куча мусора, въ короткое время набрали множество всякой мелочи въ видѣ обломковъ мѣдныхъ вещей, черепковъ (впрочемъ очень однообразнаго типа) и монетъ, весьма плохой сохранности. Только на нѣкоторыхъ изъ этихъ монетъ можно было съ трудомъ разобрать восточныя надписи. По опредѣленію А. П. Черепнина, которому я посылалъ монеты, онѣ относятся къ VI—XIII в.

Кромѣ этихъ вещей мнѣ принесли, немного далѣе, но въ этой же мѣстности найденныя, двѣ мѣдныхъ подставки (вѣроятно для свѣчей) на трехъ ножкахъ, чугунный на трехъ-же ножкахъ котелъ и горшокъ. Взятъ былъ мною также одинъ кирпичъ.

Находка монетъ имѣетъ значеніе не только въ смыслѣ точнаго указанія времени, къ которому должны относиться всѣ предметы, находимые въ Койсарѣ, но и разрѣшаютъ, какъ мнѣ кажется, вопросъ о характерѣ катастрофы, слѣдствіемъ которой было поглощеніе водою древняго города. Нѣкоторые полагаютъ, что самый городъ находился выше, но землетрясеніемъ былъ снесенъ въ озеро, откуда и выбрасываются отдѣльные предметы, случайно попавшіе въ воду. Это мнѣніе опровергается находками монетъ, которыя оказались сосредоточенными на очень небольшомъ пространствѣ (не болѣе 4—5 саженъ въ поперечникѣ). Трудно предположить возможность такого скопленія монетъ на тѣсномъ пространствѣ, если допустить, что онѣ попали случайно въ воду изъ болѣе или менѣе отдаленнаго пункта и затѣмъ, такъ же

случайно, были выброшены волнами на берегъ. Несомнѣнно, что обнаруженные нынѣ культурные памятники всегда находились на томъ же мѣстѣ, гдѣ они находятся теперь, что вся эта мѣстность дѣйствительно была затоплена, вслѣдствіе поднятія воды въ озерѣ, какъ я указывалъ выше, и, такимъ образомъ, нахожденіе въ одномъ мѣстѣ множества монетъ объясняется тѣмъ, что эти монеты вмѣстѣ съ другими мелкими предметами сохранялись здѣсь съ эпохи существованія древняго города.

Въ заключеніе А. В. приводитъ свѣдѣнія о находкахъ, сдѣланныхъ въ Иссыкъ-Кулѣ разными лицами, извлеченныя имъ изъ дѣла Пржевальскаго полиц. управленія о находкахъ разнаго рода древностей.

Въ 1873 году найдены: близъ дер. Сазоновки, на сѣверо-восточномъ берегу озера, два казана красной мѣди о трехъ ножкахъ съ двумя большими и двумя малыми ручками. Въ Тюпскомъ заливѣ (восточный берегъ) мѣдный серпъ. (Находится въ Ташкентскомъ музеѣ). Въ Койсарѣ 20 мѣдныхъ монетъ и разныхъ мелкихъ глиняныхъ издѣлій.

Въ 1883 г. въ Койсарѣ найдены каменный ковшъ, мѣдный шарикъ, двѣ глиняныхъ кубышки и кусочекъ цвѣтного стекла.

Въ Тюпскомъ заливѣ найденъ мѣдный серпъ и др. неизвѣстнаго назначенія мѣдныя вещи.

Въ 1884 г. въ дер. Преображенской, на восточномъ берегу найдены: мѣдный молотокъ, 3 мѣдныхъ иглы, мѣдный ножъ, мѣдный кружокъ, серебряная монета и въ томъ же году близъ монастыря, на сѣв.-вост. берегу озера, найденъ мѣдный сѣдельный приборъ изъ 20 литыхъ бляхъ.

Въ 1888 г. въ Койсарѣ найдена мѣдная подставка на 3 ножкахъ вѣроятно, того же типа, какъ названныя на стр. 211.

Въ 1890 г. въ Койсарѣ найденъ кувшинъ съ 20 серебр. и болѣе 250 мѣдными монетами и тутъ же 10 цѣлыхъ кирпичей.

Съ 1883 г. находки направлялись полиціей къ Н. Н. Пантусову, который описывалъ ихъ и препровождалъ въ Императорскую Археологическую Коммиссію, а о нѣкоторыхъ извѣщалъ и Москов. Археолог. Общество.

„Кромѣ означенныхъ находокъ, свѣдѣнія о которыхъ имѣются въ дѣлахъ полицейскаго управленія, неоднократно находимы были различныя вещи, о коихъ оффиціально никому не сообщалось. Такъ мнѣ говорили о находкахъ гончарныхъ издѣлій въ видѣ высокихъ амфоръ или кувшиновъ. Два такихъ кувшина съ отбитыми горлышками я видѣлъ въ дер. Сазоновкѣ. Много подобного рода вещей передано пріѣзжимъ лицамъ мѣстными собирателями. Въ Омскомъ музеѣ имѣется два

кувшина съ ручками, форма коихъ напоминаетъ найденную мною ручку отъ сосуда. Эти кувшины отправлены на Нижегородскую выставку.

VII.

Археологическая хроника.

—— 12 іюля минуло 300 лѣтъ со дня рожденія перваго царя изъ дома Романовыхъ, Михаила Θеодоровича. Въ Москвѣ празднованіе ограничилось торжествами во многихъ церквахъ Москвы, между прочимъ: въ Знаменскомъ монастырѣ, на мѣстѣ колыбели Михаила Θеодоровича; въ Архангельскомъ Соборѣ, гдѣ панихида совершена передъ гробницей его и висящими надъ нею иконами Михаила Малеина: въ мѣру рожденія будущаго царя и заупокойнымъ; въ Вознесенскомъ монастырѣ, во храмѣ св. Михаила Малеина, сооруженномъ въ царствованіе Михаила Θеодоровича; въ храмахъ, созданныхъ въ то же время: Николы-Явленнаго на Арбатѣ (сохранилась превосходная колокольня, но къ сожалѣнію, замазаны штукатуркой изразцы) и Успенія въ Таганкѣ.

Въ засѣданіи Костромской Архив. Ком. Н. Н. Селифонтовъ читалъ о значеніи дня и о мѣстѣ рожденія Михаила Θеодоровича по архіеп. Сергію.

Въ газетахъ статьи, посвященныя Михаилу Θеодоровичу, имѣли компилятивный характеръ. Ниже, въ отдѣлѣ библіографіи, мы даемъ отчетъ объ изданныхъ къ этому дню двухъ брошюрахъ, высокопр. Сергія, архіеп. Владимірскаго (одна—оттискъ изъ „Странника" 1895 г.), и двухъ генеалогическихъ замѣткахъ г. Г. М. въ „Русской Старинѣ" 1896 г. Труды обоихъ авторовъ представляютъ новый вкладъ въ научную литературу о Михаилѣ Θеодоровичѣ и домѣ его.

—— 25 іюня совершилось въ Нижнемъ Новгородѣ открытіе Историческаго и Художественнаго Музея. Музей этотъ возникъ въ качествѣ Губернскаго (этнографическаго, археографическаго, естественно-историческаго и промышленнаго) по мысли членовъ мѣстнаго Статистическаго Комитета В. А. Ауновскаго и А. П. Смирнова; сталъ быстро развиваться, благодаря энергіи А. С. Гацисскаго; распался было къ концу 70-хъ годовъ, по неимѣнію помѣщенія; возродился въ качествѣ историко-археологическаго, съ основаніемъ въ 1887 г. Нижегородской Архивной Коммиссіи, въ вѣдѣніе которой онъ и переданъ, и благодаря энергичной поддержкѣ нижегородскаго губернатора Н. М. Баранова; открылся для всеобщаго пользованія въ декабрѣ 1894 г., съ именемъ Петровскаго (въ домикѣ Петра Великаго на р. Почайнѣ);

наконецъ, нынѣ соединился съ новымъ Художественнымъ Музеемъ въ возстановленной Дмитровской башнѣ. Изъ рѣчей, сказанныхъ при открытіи Музея, упомянемъ здѣсь рѣчь А. М. Меморскаго, кратко изложившаго исторію башни, и рѣчь А. А. Савельева, предсѣдателя Архивной Коммиссіи, сообщившаго преимущественно по архивнымъ источникамъ: „Что сдѣлано императоромъ Николаемъ Павловичемъ для Нижняго Новгорода"? Упомянувъ о началѣ города, о началѣ въ немъ ярмарки съ XIV в., о городскихъ постройкахъ XIV, XVI и XVII вѣковъ (старѣйшая изъ нихъ, Дмитровская башня, сооружена въ 1372 или 1374 г.), о состояніи города при Екатеринѣ II, которая писала въ 1767 г.: „сей городъ ситуаціею прекрасенъ, а строеніемъ мерзокъ", ораторъ перешелъ къ дѣятельности императора Николая Павловича, совершенно преобразившему внѣшній видъ города. Изъ этой части рѣчи мы отмѣтимъ обновленіе старыхъ кремлевскихъ стѣнъ и башенъ.

Въ Историческомъ Музеѣ имѣются: предметы доисторическіе (32 нумера,—каменные: топоры, ножи, стрѣлки и наконечникъ копья, точила, бруски; глиняные черепки; желѣзное тесло); памятники историческаго быта: церковнаго (315), домашняго (655), военнаго (65) и юридическаго (13 орудій казни); нумизматическое собраніе (168,—монеты восточныя, рубли—слитки, клады серебряныхъ копѣекъ, русскія монеты императорскаго времени, медали, жетоны, также должностные знаки); картины, портреты, планы и разные предметы (54).

—— Возстановленіе башенъ Вейсенштейнскаго замка, въ Эстляндской губерніи, успѣшно подвигается и можетъ считаться обезпеченнымъ матеріально. Эстляндское дворянство въ послѣдней сессіи постановило отпускать на реставрацію втеченіе трехъ лѣтъ по 300 рублей; Вейсенштейнская ссудо-сберегательная касса, по случаю своего 25-лѣтняго юбилея, пожертвовала около 300 р. на обновленіе башни Langer Hermann, а баронъ Унгернъ- Штернбергъ пожертвовалъ массу матеріала. Внѣшнія стѣны башни уже отчасти возстановлены, стѣны сведены вверху, не хватаетъ лишь обороннаго хода и крыши. Крышу хотѣли сдѣлать черепичную, какая была въ старину, но пришлось отказаться отъ этой мысли и по денежнымъ, и по техническимъ затрудненіямъ: ее дѣлаютъ теперь изъ осмоленныхъ досокъ, которыя съ годами будутъ покрыты желѣзомъ. Къ осени надѣются поставить деревянную крышу.

—— Этнографическая Латышская выставка устроенная въ Ригѣ къ Археологическому Съѣзду, имѣетъ цѣлью представить по возможности полную картину современнаго быта латышей. Устройство ея обошлось Латышскому Литературному Обществу до 20,000 р. Основ-

нымъ матеріаломъ для нея послужили предметы, собранные этнографическими поѣздками отъ Общества въ латышскую часть края, фотографіи съ латышскихъ жилищъ, одеждъ и типичныхъ представителей народа и т. д. На выставкѣ стоятъ между прочимъ три латышскія жилища: два—прошлаго вѣка, соединенныя съ ригой и съ сараемъ, а третье—домъ современнаго зажиточнаго дворохозяина.

—— Во время Съѣзда будетъ въ Ригѣ открыта и фотографическая выставка, на которой фотографами-любителями будетъ выставленъ рядъ снимковъ съ мѣстныхъ древностей.

—— Близь слободы Подгорной Богучарскаго уѣзда Воронеж. губ., въ размытомъ водою берегѣ степнаго озера обнажились кости мамонта.

—— Въ Ярославлѣ, при работахъ по проведенію Рыбинской жел. дор., найденъ, близь Московскаго вокзала, въ песчанномъ грунтѣ, на глубинѣ 3 саженъ почти полный скелетъ мамонта.

—— Въ январѣ „Кіевское Слово“ напечатало о мѣстности „Замковище“ въ с. Малой Сквиркѣ (Сквирскаго уѣзда) и о могилахъ среди этого селенія. Нынѣшнимъ лѣтомъ здѣсь произведены раскопки. Всѣхъ могилъ среди села можно было насчитать до 160; нѣкоторыя были уже тронуты кладоискателями. Въ могилахъ разрытыхъ оказалось по одному скелету, головой на сѣверо-западъ, съ руками вытянутыми вдоль тѣла „или лежащими на боку“, при нихъ бронзовыя кольца, а въ одной — серебряное, и довольно много ржавыхъ гвоздей. Слѣдовъ дерева отъ гроба не видно. Глубина могилъ не болѣе аршина. (К. Сл.).

—— Секретаремъ Псковскаго Археологическаго Общества Ф. А. Ушаковымъ произведена раскопка кургана близъ погоста Камна, въ 7 верстахъ отъ Пскова. Высота кургана была около сажени, въ основаніи было около 30 саженей. Въ первый день по прорытіи насыпи крестообразно лишь къ вечеру найдено было нѣсколько предметовъ: точильный брусокъ, вершка въ 2, съ отверстіемъ, каменныя бусы, черепки изъ бурой глины съ украшеніями и безъ нихъ и куриная кость съ дырой для привѣшиванія. На второй день открыто свыше 30 отдѣльныхъ очаговъ съ сосновымъ углемъ, рыбьей чешуей, человѣческими (?) костями и у одного скелетомъ зайца. На третій день открытъ скелетъ въ 2 арш. 5 в. длины. Возлѣ него остатки угля, чешуи, человѣческихъ костей, черепковъ и т. п. Скелетъ лежалъ въ нарочито сдѣланномъ изъ плиты помѣщеніи съ каменныхъ возглавіемъ. Ниже скелета нашли пластъ извести; на извести — груду сосноваго угля. Дальше шла природная почва. Всѣ найденные предметы, числомъ до 60-ти, пронумерованы и переданы на храненіе въ музей Псковскаго Общества. (Сынъ От., 178).

—— „Грод. Губ. Вѣд.“ пишутъ: Древній могильникъ заслуживающій серіознаго вниманія археологовъ, находится въ 3-хъ верстахъ отъ гор. Гродны, на лѣвомъ берегу Нѣмана, между деревнями Лососною и Пышками, неподалеку отъ Августовскаго шоссе. Берегъ Нѣмана въ этой мѣстности довольно далеко отстоитъ отъ ложа рѣки, приблизительно, саженъ на 50—60, и весь изрытъ глубокими оврагами. Часть этого берега, возвышающаяся надъ уровнемъ Нѣмана саженъ на 6—7, совершенно отрѣзана оврагами, такъ что кажется отдѣльнымъ холмомъ. Это и есть могильникъ. Со стороны, обращенной къ дер. Лососнѣ, берегъ сильно размытъ весеннею водою и потому осыпается, сползаетъ. Вся эта сторона откоса усѣяна человѣческими костями. Судя по положенію этихъ остатковъ костяковъ, можно заключить, что всѣ они были похоронены головою на западъ, неглубоко подъ поверхностью земли, на аршинъ съ небольшимъ въ глубину. Около одного костяка найдено 2 сильно заржавленныхъ гвоздя, толстыхъ, весьма грубой работы, по формѣ напоминающихъ подковные. Кости нѣкоторыхъ костяковъ совершенно истлѣли, а у другихъ довольно хорошо сохранились. Черепа всѣ коротко-головаго типа, почти всѣ малой вмѣстимости, съ сильно развитымъ затылкомъ и весьма мало развитою лобною костью. При поверхностномъ осмотрѣ найдено на откосѣ, вблизи описанныхъ костяковъ, кольцо изъ бронзовой проволоки, неспаянное, одинъ конецъ котораго обвитъ болѣе тонкою проволокою; работа самая грубая. Затѣмъ найдено болѣе 10 обломковъ погребальныхъ горшковъ; всѣ они изъ обожженной глины и сдѣланы на гончарномъ колесѣ. На нѣкоторыхъ имѣется рядъ параллельныхъ ободковъ нѣкоторые, изъ тонкой глины, а нѣкоторые съ подмѣсями крупнаго песку. Площадь могильника простирается на 150 шаговъ въ длину и 60 въ ширину, но несомнѣнно, что прежде она была обширнѣе, такъ какъ изъ года въ годъ откосы могильника размываются и земля уносится въ Нѣманъ (Прав. Вѣстн. 145).

—— *Гробница съ драгоцѣннымъ ожерельемъ, найденная въ Херсонисѣ.* Завѣдывающій херсонисскими раскопками г. Косцюшко-Валюжиничъ пишетъ въ „Крымскомъ Вѣстникѣ“ [1]): 25-го іюня, во время продолженія разслѣдованія херсонисскаго некрополя, но не съ правой, а съ лѣвой стороны балки, которая въ очень отдаленныя времена была, повидимому, однимъ изъ рукавовъ нынѣшней Карантинной бухты, открыта гробница, прилегавшая къ стѣнѣ, которая прошла надъ древнегреческой гробницей, вырубленной въ скалѣ и выложенной большими

---

[1]) № 148.

черепицами, оказавшимися раздавленными, равно какъ и глиняная чернолаковая тарелка. Упомянутая ранѣе гробница была, слѣдовательно, сооружена или одновременно съ стѣной, или даже позже: иначе при проведеніи стѣны ее постигла бы одинаковая участь съ болѣе древней черепичной гробницей, которая находилась даже въ лучшихъ условіяхъ, такъ какъ была углублена въ материкѣ, тогда какъ первая была вся наружу. Гробница эта была сложена въ видѣ ящика изъ девяти каменныхъ плитъ, очень старательно пригнанныхъ и облицованныхъ внутри, и закрыта двумя плитами. По снятіи послѣднихъ, легко было убѣдиться, что гробница уцѣлѣла отъ разграбленія, такъ какъ кости не были скучены или разбросаны и одиночный остовъ взрослаго человѣка (какъ видно будетъ изъ дальнѣйшаго описанія, женщины) лежалъ правильно въ вытянутомъ положеніи съ руками, сложенными на груди, и съ головой, обращенной на юго-западъ [2]). Ни посуды, ни какихъ-либо украшеній не было замѣтно, такъ какъ материковую подошву покрывала земля, которая, благодаря подпочвенной водѣ, сгустилась въ плотную массу. Первыми находками были небольшой, круглодонный флаконъ изъ толстаго, пестраго стекла и длинная, круглая палочка изъ того же матеріала, съ головками по обѣимъ концамъ въ видѣ небольшихъ плоскихъ кружковъ. Повидимому, эта палочка не служила, какъ нынѣшнія аптекарскія стеклянныя палочки, для размѣшиванія, но скорѣе употреблялась для выниманія жидкостей (душистаго масла) изъ флаконовъ съ помощью намотанной матеріи, которой выступающіе на концахъ кружки препятствовали сползать [3]). Флаконъ и палочка лежали ниже ногъ, почти у самой поперечной плиты. На ногахъ были серебряные обручи, изъ которыхъ каждый состоялъ изъ двухъ полукруглыхъ трубокъ, $^3/_8$ дюйма въ діаметрѣ, съ одной стороны вращающихся на шпинькѣ, а съ другой вдвигавшихся одна въ другую. Ножные обручи такой формы встрѣчаются впервые. Металлъ потемнѣлъ и сдѣлался хрупкимъ. Подвигаясь къ изголовью, съ правой стороны отъ зрителя, были найдены куски отъ бронзоваго круглаго зеркала, совершенно разрушеннаго окисью. По всей гробницѣ, по обѣимъ сторонамъ, были разсыпаны мелкія бусы изъ разноцвѣтной пасты, стекла, янтаря и гагата, при чемъ янтарныя и гагатовыя бусы отъ сырости распадались въ рукахъ. Уцѣлѣла только одна большая плоская гагатовая про-

---

[2]) Направленіе гробницъ херсонисскаго некрополя, а слѣдовательно и положеніе остововъ, самыя разнообразныя и исключительно зависитъ отъ наслоеній и изгибовъ скалы и иныхъ условій почвы.

[3]) Стеклянные флакончики, находимые исключительно въ гробницахъ съ женскими остовами, служили, конечно, не слезницами, но бальзамаріями и, какъ и сейчасъ, весьма разнообразны по своимъ формамъ.

низъ, украшенная кружками, —признакъ поздне-римской эпохи. Въ херсонисскихъ древне-греческихъ гробницахъ янтарныя и гагатовыя пронизи не встрѣчаются. У правой руки лежали два золотые полые перстня, совершенно гладкіе, изъ коихъ большой, который, повидимому, могъ находиться только на указательномъ пальцѣ, былъ украшенъ овальнымъ аметистомъ съ вырѣзанной головкой воина, а малый, вѣроятно, съ мизинца, овальнымъ, выпуклымъ, гладкимъ восточнымъ гранатомъ. По обѣимъ сторонамъ остова, отъ рукъ до изголовья, собрано 17 золотыхъ круглыхъ бляшекъ съ двумя дырочками для пришиванія и съ вытисненными звѣздочками и 64 составныя части двухъ золотыхъ браслетовъ, а именно: 32, соединенныя между собой, симметрично расположенныя, рубчатыя трубочки разной величины, по семи на каждой части, и 32 узкія пластинки, состоящія изъ такихъ же 7 рубчатыхъ трубочекъ, но одинаковой величины. Если расположить рядомъ, попеременно, эти пронизи и соединить ихъ шнурочкомъ черезъ всѣ 7 трубочекъ каждой части, то получится очень оригинальный и изящный браслетъ, который, благодаря легкости, красотѣ и высокому качеству золота [4]), можетъ соперничать съ любымъ современнымъ браслетомъ. Ежегодно при раскопкахъ некрополя попадались золотыя пронизи, совершенно одинаковой формы и величины съ вышеописанными, но такъ какъ онѣ находились въ незначительномъ количествѣ въ разграбленныхъ гробницахъ [5]), то невозможно было составить понятія о ихъ назначеніи и приходилось считать ихъ принадлежностями ожерелій. Весьма возможно, что въ римскую эпоху въ Херсонисѣ существовала мода на такіе браслеты, и этимъ возможно было бы объяснить совершенное отсутствіе въ гробницахъ золотыхъ проволочныхъ браслетовъ, подобныхъ серебрянымъ и бронзовымъ. Въ нѣкоторыхъ гробницахъ той же эпохи встрѣчались полукруглыя пронизи изъ гагата и синяго стекла, рубчатыя съ тремя дырочками. При соединеніи этихъ пронизей получались браслеты, которые по идеѣ напоминаютъ золотые браслеты описываемой гробницы.

Въ изголовьѣ лежали: 11 пронизей изъ горнаго хрусталя, изъ нихъ 9 круглыя разной величины и 2 овальныя, плоскія, большія; два кусочка румянъ, которыя и понынѣ не потеряли своего свойства; сосудикъ глиняный безъ ручекъ съ удлиненнымъ горломъ; чашечка гли-

---

[4]) Почти ежедневно приходится слышать вопросъ, очищены ли мною золотыя украшенія, выставленныя въ витринѣ въ складѣ древностей. Могу увѣрить всѣхъ, потерявшихъ вѣру въ возможность существованія издѣлій изъ высокопробнаго золота, что находимыя въ Херсонисѣ золотыя украшенія никогда не очищаются, но лишь кладутся на нѣкоторое время въ теплую воду и просушиваются на солнцѣ.

[5]) Разграбленныхъ, конечно, еще въ старину незапамятную, при утилизированіи этихъ гробницъ во время погребеній въ иныя эпохи исторіи Херсонеса.

няная одноручная, ничѣмъ не отличающаяся отъ тѣхъ, которыя находятся почти въ каждой самой бѣдной гробницѣ римской эпохи; булавка головная серебряная, украшенная сверху рукой, держащей тремя пальцами шарикъ; двѣ серебряныя круглыя бляшки съ вытисненнымъ груднымъ изображеніемъ Афродиты съ двумя эротами по сторонамъ; пара золотыхъ очень большихъ серегъ красивой, впервые встрѣчаемой формы въ видѣ двойнаго шнурка, постепенно утончающагося и переходящаго въ гладкую проволоку, изогнутую въ видѣ крючка. Въ толстомъ мѣстѣ шнурокъ оканчивается двумя рысьими головками на каждой серьгѣ, къ которымъ приклѣпленъ на шарнирѣ овальный медальонъ съ гладкимъ выпуклымъ гранатомъ и съ ушкомъ, черезъ которое продѣвался крючекъ, и наконецъ, *ожерелье*, состоящее изъ двухъ превосходно сплетенныхъ золотыхъ шнурковъ, $^1/_2$ дюйма въ окружности и 3 дюйма длины каждый, съ прочными петлями сверху и изъ подвѣшанныхъ къ шнуркамъ соединенныхъ шарнирами одиннадцати золотыхъ гладкихъ овальныхъ медальоновъ разной величины со вставленными девятью драгоцѣнными камнями и двумя стеклами овальной формы. Медальоны симметрично расположены по величинѣ и роду камней, при чемъ самые малые, $^3/_8$ дюйма длины, помѣщены у шнурковъ, а самый большой, $^5/_8$ дюйма длины, по серединѣ. Оба стекла и два камня (топазы) гладкіе, остальные 7 камней выпуклые. Камни расположены въ слѣдующемъ порядкѣ, считая слѣва вправо отъ зрителя: восточный гранатъ, стекло, сапфиръ, изумрудъ, топазъ, гранатъ, топазъ, изумрудъ, аметистъ, стекло и альмандинъ. Возможно, что при болѣе точномъ научномъ опредѣленіи, сдѣланномъ въ Петербургѣ, сапфиръ окажется аметистомъ темной воды, а восточные гранаты альмандинами, тогда и симметрія не была бы нарушена. Къ среднему медальону съ выпуклымъ гранатомъ превосходной игры прикрѣплена подвѣска въ видѣ большой *золотой бабочки*, $1^1/_2 \times 1^3/_8$ дюйма, украшенной зернью, бордюромъ изъ шариковъ и пятью камнями, а именно: овальнымъ изумрудомъ по серединѣ, сердцевиднымъ гранатомъ на головкѣ и тремя яйцевидными гранатами на крыльяхъ и на брюшкѣ. Къ четвертымъ отъ шнурковъ медальонамъ съ выпуклыми изумрудами подвѣшаны круглые золотые медальончики, $^1/_4$ дюйма въ діаметрѣ, въ которыхъ вставлены: въ лѣвомъ отъ зрителя выпуклый гранатъ, а въ правомъ почему-то гладкое стекло (быть можетъ взамѣнъ утеряннаго граната). Отъ этихъ малыхъ медальоновъ свѣшиваются кисти изъ трехъ тонкихъ, превосходно исполненныхъ цѣпочекъ съ разборчатыми звеньями, подобныхъ нынѣ употребляемыхъ для люстръ и лампъ. Къ каждой цѣпочкѣ подвѣшано по три шарика. Малые медальоны соединены такими же цѣпоч-

ками съ крыльями бабочки. Ожерелье очень эффектно и превосходно сохранилось во всѣхъ самыхъ мелкихъ своихъ частяхъ, только стекла, вставленныя въ трехъ медальонахъ, начали разрушаться, что, какъ извѣстно, придаетъ имъ красивый видъ. При вынутіи ожерелья, которое обвивало шею женщины, не оказалось двухъ яйцевидныхъ золотыхъ бляшекъ, украшенныхъ зернью и гранатами и бывшихъ на крыльяхъ бабочки, но онѣ нашлись, когда вся земля, вынутая изъ гробницы, была просѣяна черезъ грохотъ. Кости и черепъ вслѣдствіе сырой почвы сильно разрушились, но въ обѣихъ челюстяхъ уцѣлѣли всѣ зубы. Монеты, которая могла бы дать болѣе точное указаніе на время погребенія, не оказалось; не найдено также ни обычныхъ въ подобныхъ гробницахъ глиняныхъ лампочекъ, ни узкогорлыхъ бальзамаріевъ съ плоскимъ дномъ, ни бронзовыхъ или желѣзныхъ гвоздей отъ гроба.

При почвенныхъ условіяхъ, о которыхъ было говорено выше, доски отъ гроба, конечно, не могли сохраниться; что же касается гвоздей, то ихъ могло и не быть, такъ какъ гробъ могъ быть скрѣпленъ деревянными шпунтами, подобно гробу, найденному въ 1895 г. въ красивомъ склепѣ съ крышею на два ската. Описываемая гробница перевезена на площадь впереди склада древностей и составлена въ томъ же видѣ, въ какомъ она была открыта при разслѣдованіи некрополя...

Продолжаю перечень найденныхъ древностей: монета ольвійская серебряная, сильно потертая, съ клеймомъ, доказывающимъ ея вторичный выпускъ въ обращеніе; бусы твердыя прозрачныя; серебряный обронной работы медальонъ съ изображеніями Афродиты и двухъ эротовъ; гладкое круглое бронзовое зеркало; костяная ложечка; глиняная лампочка съ профильнымъ изображеніемъ головы; небольшой сосудъ съ черною поливою (?) и съ рельефнымъ орнаментомъ; глиняный сосудъ въ формѣ сидящаго льва съ раскраскою и, наконецъ, глиняная ваза съ горельефными фигурами и покрытая зеленою глазурью.

Находка золотого ожерелья изъ медальоновъ, съ подвѣской въ видѣ бабочки, является *второй* при раскопкахъ нашего классическаго юга (первая сдѣлана въ Парутинскомъ могильникѣ, въ Ольвіи — см. статью А. В. Орѣшникова въ „Древностяхъ“, т. XV), и *первой* при раскопкахъ Херсониса.

Хотя ожерелье, пріобрѣтенное г. Постниковымъ (парутинское), состоитъ лишь изъ пяти медальоновъ, украшено стеклами и только тремя драгоцѣнными камнями (изумрудами), тогда какъ найденное въ Херсонисѣ составлено изъ тринадцати медальоновъ и насчитываетъ 15 драгоцѣнныхъ камней и 3 стекла, тѣмъ на менѣе оба ожерелья какъ

по идеѣ, такъ и по деталямъ, особенно по техникѣ [7]), имѣютъ такъ много общаго, что ихъ смѣло можно считать если не вышедшими изъ одной мастерской, то принадлежащими одной эпохѣ и, быть можетъ, одному городу, гдѣ преобладала мода на золотыя украшенія съ драгоцѣнными камнями и стеклами. Но и кромѣ ожерелья, какъ видно изъ приведеннаго перечня находокъ, нѣкоторые предметы изъ обѣихъ гробницъ имѣютъ также много общаго, не говоря уже объ устройствѣ самой гробницы изъ каменныхъ внутри облицованныхъ плитъ. Медальонъ съ Афродитой и двумя эротами, бронзовое зеркало, ожерелье изъ твердыхъ прозрачныхъ бусъ (несомнѣнно, изъ горнаго хрусталя, такъ какъ стекло теряетъ свою прозрачность) и, наконецъ, поразительное сходство рысьихъ головокъ на цѣпочкахъ ольвійскаго ожерелья и на серьгахъ изъ херсонисской гробницы. Все это невольно наводитъ на мысль: не были ли обѣ богатыя женщины, погребенныя одна въ Ольвіи, а другая въ Херсонисѣ [8]), гражданками одного и того же города, гдѣ въ золотѣ не было недостатка, но вкусъ былъ уже испорченъ и классическая простота была замѣнена восточной пестротой?

Ссылаясь на то, что въ Парутинской гробницѣ нашлись на лицѣ покойницы золотыя пластинки съ очертаніями глазъ, рта и ушей, какихъ съ 1891 г. найдено двадцать въ херсонисскомъ некрополѣ, г. Косцюшко-Валюжиничъ полагаетъ, что въ Парутинской гробницѣ была погребена богатая херсонитянка, заѣхавшая въ Ольвію, и что Херсонисъ служилъ разсадникомъ издѣлій даннаго типа.

—— Намъ указываютъ на древности Каменца-Литовскаго, древней „Бѣлой Каменецкой Вѣжи“: 1) каменную башню въ 17 саженъ, которую относятъ ко времени Владиміра Васильковича (1268—1288 г.), и которая во всякомъ случаѣ требуетъ изученія и охраны; 2) на курганы которыми усѣяны окрестности города и которыхъ пока никто не раскапывалъ; 3) на каменное зданіе въ им. Капустичи, бывшую молельню, обращенную на востокъ, съ изображеніями святыхъ на восточной стѣнѣ, просвѣчивающими сквозь известь; зданіе это построено прямоугольникомъ въ 15×12 аршинъ, съ сѣвера и съ юга по два окна, съ запада пристроена красивая деревянная галлерея; внутри зданія своды съ кра-

---

7) Бросается въ глаза сходство двухъ цѣпочекъ въ видѣ шнурка, поддерживающихъ медальоны. Цѣпочки эти имѣютъ также одинаковыя прочныя петли, а крючки или иныя соединенія (замочки) одинаково отсутствуютъ. На ольвійскомъ ожерельѣ по обѣимъ сторонамъ бабочекъ уцѣлѣли обрывки тонкихъ цѣпочекъ, состоящихъ изъ вынимающихся звеньевъ, одинаковаго устройства съ цѣпочками херсонисскаго ожерелья.

8) Оба города находились въ дружественныхъ сношеніяхъ, что подтверждается эпиграфическими памятниками и множествомъ амфорныхъ ручекъ съ именами херсонисскихъ астиномовъ, находимыхъ въ Ольвіи.

щено на огромномъ щитѣ. Здѣсь выставлены сабли, кинжалы, ружья, пистолеты, щиты, боевые топоры и пр. Интересно длинное ружье съ золотой и серебряной насѣчкою, принадлежавшее султану Кенисару Каммову, извѣстному киргизскому мятежнику. Кенисаръ извѣстенъ по всей сибирской степи съ 1836 года, какъ предводитель мятежниковъ съ цѣлью отложенія отъ Россіи. Ружье Кенисара составляетъ принадлежность музея Западно-сибирскаго отдѣла Императорскаго Географическаго Общества, которому было пожертвовано степнымъ генералъ губернаторомъ Колпаковскимъ. Среди этой же коллекціи оружія интересна также серебряная чаша сартовскаго героя Аминбекова, доставленная изъ музея Семипалатинскаго Статистическаго Комитета (Свѣтъ 163).

Въ Средне-Азіатскомъ-же отдѣлѣ выставлены (и были подмочены знаменитымъ ливнемъ, нѣкоторые документы, относящіеся къ исторіи Киргизской Орды: письмо султана средней Киргизъ-Кайсацкой орды Аблая къ генералъ-маіору Девицъ, командовавшему частію войскъ, расположенныхъ на Сибирской пограничной линіи, въ 1767 г.; указъ Императрицы Екатерины II генералу-поручику Шпрингеру; прошеніе Калмыковъ, поданное въ Янышевской крѣпости въ 1757 г.; тамги Киргизъ Средней орды, данныя ими при вступленіи въ началѣ XVIII вѣка въ подданство Россіи; образецъ картографіи середины XVIII столѣтія: карта, коей руководились войска, расположенныя на Сибирской пограничной линіи (карта рисована въ 1757 г.); донесеніе Михельсона о пораженіи Пугачева въ 1774 г., объявленіе А. И. Бибикова о наградѣ за поимку Пугачева въ 1773 г., планъ Петропавловской крѣпости въ 1764 году. (Р. Сл. 171).

О древностяхъ иссыкъ-кульскихъ въ томъ же отдѣлѣ см. стр. 220 и 223.

Въ Сибирскомъ отдѣлѣ Минусинскій Музей выставилъ нѣсколько таблицъ древностей, альбомъ Клеменца и фотографіи Мартина.

Имп. Общ. Люб. Др. Письм. выставило свои изданія facsimile.

Экспедиція заготовленія государств. бумагъ выставила въ Нижнемъ Новгородѣ діаграмму со свѣдѣніями о возникновеніи и постепенномъ распространеніи выдѣлки бумаги. По діаграммѣ этой, вѣками введенія бумаги были: въ Китаѣ—II по Р. Х., въ Средней Азіи—VIII, въ Испаніи и Португаліи IX, въ Италіи и Алжирѣ—X, въ Аравіи—XI, въ Пруссіи XIII, во Франціи и Великобританіи XV, въ Даніи, Швеціи и Россіи—XVI, въ Соединенныхъ Штатахъ—XVII и въ Австраліи—XIX. (Пр. В. 136).

Въ числѣ вновь прибывшихъ вещей въ павильонѣ кяхтинскихъ чаеторговцевъ имѣются витрины съ китайскими серебряными ювилерными издѣліями, присланными изъ Шанхая и Кантона, чудной работы рѣз-

ныя вещи изъ слоновой кости, какъ-то: вѣера, шкатулки и пр., шелковыя дамскія шали, черепаховыя издѣлія, и разныя деревянныя вещи очень затѣйливыхъ рисунковъ. Въ боковыхъ залахъ павильона разставлена изящной работы китайская мебель изъ чернаго дерева съ инкрустаціей, а также и лакированная мебель. Прибыло также нѣсколько альбомовъ съ китайскими акварельными рисунками на рисовой бумагѣ, изображающими бытовыя сцены изъ китайской жизни и виды разнохарактерныхъ лодокъ, плавающихъ по водамъ, омывающимъ Кантонъ. имѣется также нѣсколько археологическихъ предметовъ: камень изъ великой китайской стѣны, нѣкоторыя украшенія изъ сожженнаго въ шестидесятыхъ годахъ англо-французскими войсками императорскаго дворца близъ Пекина. (Свѣтъ 161).

—— Японская коллекція, состоящая изъ моделей: сельскохозяйственныхъ орудій и храма, изъ рыбочихъ одеждъ, изъ книгъ и картинъ привезена В. В. Линдстремомъ Императорской Академіи Наукъ. (Herold, 173).

—— Императорская Публичная Библіотека получила въ даръ отъ г. Васильева 180 актовъ XVII—XVIII вѣка, большею частью по дѣламъ владѣннымъ.

—— Первый конкурсъ вновь учрежденной при Императорской Академіи Наукъ преміи П. Н. Батюшкова состоится въ 1898 году, а затѣмъ будетъ повторяться черезъ каждые четыре года. Кромѣ преміи въ 1,000 рублей, въ эти же сроки устанавливается и поощрительная награда въ 500 р. имени Батюшкова за разработку предложенныхъ Академіею задачъ, касающихся изученія Сѣверо-Западнаго края. (Н. В. 7305).

—— Учрежденную 13 лѣтъ тому назадъ (въ 1883 году) при Императорской Академіи Наукъ премію А. М. Сибирякова рѣшено передать въ Томскій университетъ, по открытіи въ немъ юридическаго факультета. Премія эта (проценты съ 10.000 р.) будетъ присуждаться черезъ каждые три года за оригинальныя, на русскомъ языкѣ, историческія сочиненія о Сибири. Къ соисканію преміи допускаться будутъ также и сборники историческихъ документовъ, впервые извлеченные изъ архивовъ. (Русск. Сл. 164).

—— Седьмое собраніе Международнаго Геологическаго Съѣзда состоится въ 1897 году въ С.-Петербургѣ (VI-е было въ 1894 г. въ Цюрихѣ, V-е въ 1891 г. въ Вашингтонѣ). Ближайшее руководство по устройству Петербургскаго Съѣзда ввѣрено по Высочайшему повелѣнію Геологическому Комитету. Организованный послѣднимъ Предварительный Комитетъ Съѣзда имѣлъ уже нѣсколько засѣданій и намѣтилъ программу Съѣзда. Занятія съѣзда продолжатся около 8 дней и

состоятся во второй половинѣ августа. Съѣзду будутъ предшествовать поѣздки иностранныхъ ученыхъ (подъ руководствомъ русскихъ ученыхъ, спеціально знакомыхъ съ мѣстностью): 1) на Уралъ 2) по Волгѣ и по внутренней Россіи; обѣ поѣздки начнутся около 17 іюля и каждая продолжится недѣли три; кромѣ того часть геологовъ отправится до Съѣзда въ Прибалтійскій край и въ Финляндію. Послѣ Съѣзда предполагается путешествіе на Кавказъ и Крымъ, съ боковыми вѣтвями на Волгу, въ Донецкій бассейнъ и въ область древнихъ кристаллическихъ и новѣйшихъ образованій Днѣпровскаго раіона.

Для подготовленія къ Съѣзду и къ перечисленнымъ поѣздкамъ, рядъ нашихъ геологовъ отправленъ нынѣшнимъ лѣтомъ въ различныя мѣстности Россіи. Съ интересами археологическими соприкасается въ ряду этихъ командировокъ особенно поѣздка Л. Н. Звегинцева, посланнаго Географическимъ и Минералогическимъ Обществами для изученія древнихъ береговыхъ линій долины р. Невы и озеръ Ладожскаго и Онежскаго. Эти изслѣдованія, въ связи съ изученіемъ ледниковыхъ отложеній, имѣютъ цѣлью собрать матеріалы по вопросу о предполагаемомъ соединеніи Балтійскаго моря съ Ледовитымъ океаномъ (Бѣлымъ моремъ) втеченіе ледниковаго періода.

—— «Новое Время» (Прилож. 286) пишетъ„: Въ Львовѣ вышла на польскомъ языкѣ небольшая историческая монографія, которая должна бы обратить на себя вниманіе русскихъ историковъ и археологовъ, интересующихся судьбою древней московской «царской утвари».

Какъ извѣстно, въ московской Оружейной Палатѣ хранится богатое собраніе этой утвари, но все же въ этомъ собраніи недостаетъ многихъ драгоцѣнностей, перечисленныхъ въ древнихъ описяхъ. Куда же дѣвались эти сокровища? Куда дѣвалась, между прочимъ, усыпанная драгоцѣнными камнями корона царя Василія Ивановича Шуйскаго? Изданная во Львовѣ польская монографія можетъ послужить путеводною нитью для отысканія слѣдовъ этихъ пропавшихъ драгоцѣнностей московской сокровищницы. Упомянутая монографія подписана псевдонимомъ «Алькаръ», принадлежащимъ одному изъ извѣстнѣйшихъ теперь польскихъ историковъ и юристовъ, выпустившему уже цѣлый рядъ историческихъ изслѣдованій, касающихся отношеній Рѣчи Посполитой къ Московскому государству. Новая монографія Алькара трактуетъ о «польскихъ коронныхъ клейнодахъ», но, перечисляя, на основаніи древнихъ архивныхъ актовъ и описей (въ особенности на основаніи найденнаго авторомъ въ дрезденской королевской библіотекѣ рукописнаго «инвентаря» XVII столѣтія), драгоцѣнности польскихъ королей, Алькаръ упоминаетъ также о какой-то «московской коронѣ королевича Влади-

слава Сигизмундовича». Между тѣмъ въ Актахъ Археогр. Ком. т. II. съ № 95 въ отчетѣ о расходованіи царской казны послѣ разгрома Москвы въ 1611—1612 г. говорится, что, за истощеніемъ денежной казны, Москва вынуждена была назначить въ уплату польскимъ войскамъ церковную утварь, сосуды, потиры, драгоцѣнные камни изъ ризъ, образа въ дорогихъ окладахъ и, наконецъ, два царскихъ вѣнца, изъ которыхъ одинъ (только камни безъ золота) оцѣненъ былъ въ 66,803 польскихъ злотыхъ, а другой 27,341 злотыхъ. Безъ сомнѣнія, «московская корона Владислава», числившаяся въ спискѣ польскихъ клейнодовъ и по духовному завѣщанію того же Владислава, доставшаяся Польской Рѣчи Посполитой, и была одна узъ упомянутыхъ коронъ, составлявшихъ военную контрибуцію московскаго государства. Въ оцѣнкѣ клейнодовъ, «составленной въ 1696 году и хранящейся въ дрезденской королевской библіотекѣ», согласно указанію Алькара, значится, что московская корона Владислава украшена разными большими камнями и жемчугомъ и имѣетъ наверху большой сапфиръ и бриліантовый крестъ». Любопытно, что когда императоръ Николай Павловичъ въ 1829 году заявилъ желаніе быть особо коронованнымъ въ Варшавѣ польскою королевскою короною, то ни упомянутой короны Владислава, ни другой какой-либо короны древнихъ польскихъ королей не нашли, и для вѣнчанія императора на польскій престолъ пришлось изготовить совсѣмъ новую корону. Алькаръ приводитъ въ своей монографіи появившійся тогда таинственный слухъ о томъ, что всѣ польскія царскія регаліи были куда-то нарочно запрятаны, но, къ сожалѣнію, слухъ этотъ, основанный на современной замѣткѣ одной изъ французскихъ газетъ, не разъясненъ польскимъ историкомъ. Вообще, по словамъ газеты, монографія Алькара имѣетъ лишь видъ сырого матеріала, который, однако можетъ послужить при разработкѣ хотя и мелкихъ, но все же интересныхъ фактовъ, касающихся и древней Польши, и древней Москвы.

—— По поводу назначенія новаго директора Восточнаго Нумизматическаго Музея въ Іенѣ мюнхенская Allgem. Zeit. даетъ свѣдѣнія объ этомъ музеѣ. Начало ему было положено покупкой монетъ, собраныхъ Г. А. Цвикомъ за 18-лѣтнее пребываніе его въ Сарептѣ, Саратовской губерніи. Затѣмъ въ теченіе лѣтъ сдѣланы новыя значительныя прикупки и явились пожертвованія. Императоръ Александръ II пожертвовалъ Музею въ 1867 г. 583 дублета изъ русскихъ находокъ; въ 1866 г. великій герцогъ пожертвовалъ собраніе доктора Joret. Особенно замѣчательны пять персидскихъ слитковъ золота, вѣсомъ болѣе двухъ фунтовъ: такими даритъ шахъ высшихъ сановниковъ; іенскіе экземпляры входили въ составъ дани уплаченной Персіей Россіи въ 1828 г.

и пожалованы Музею великой герцогиней Маріей Павловной. Въ Музеѣ имѣются также 44 восточныя свинцовыя печати и найденный въ развалинахъ Сарая золотой вѣнецъ Джанибека.

—— Членомъ французскаго археологическаго института въ Римѣ („École Française") г. Грэлло сдѣлано важное археологическое открытіе. Въ началѣ Понтійскихъ болотъ, между Неттуно и Кори, въ разстояніи 10 килом. отъ перваго внутрь материка, у сліянія двухъ ручьевъ стоитъ замокъ Конца. Фундаментъ замка опирается на развалины крѣпости до римскаго періода, обводныя стѣны которой, составленныя изъ туфовыхъ камней, прочно скрѣпленныхъ между собою безъ всякаго цемента, можно ясно различить еще и теперь. Путешествуя по Италіи, профессоръ Грэлло заинтересовался названною мѣстностью и предпринялъ раскопки, увѣнчавшіяся съ самаго начала блестящимъ успѣхомъ. При видѣ холма, находящагося на разстояніи двухъ километровъ къ сѣверу отъ замка Конца, ученому пришла въ голову мысль, что здѣсь долженъ былъ находиться древній храмъ, что и оправдалось въ первый же день раскопокъ. Скоро показалась часть верхнихъ обводныхъ стѣнъ,—громадныхъ размѣровъ туфовые камни, нагроможденные другъ на друга безъ всякаго признака цемента, подобно стѣнамъ Ардеи. Мѣстность считается мѣстностью древняго г. Сатрикума, взятаго Коріоланомъ во время войнъ римлянъ съ вольсками. А новооткрытыя развалины храма пр. Бернабеи отожествляетъ съ храмомъ Matris Matutae, не разъ упоминаемомъ у Ливія. Въ постройкѣ храма видны пять періодовъ: изъ первоначально этрусскаго храма созданъ позднѣе простой небольшой храмъ (aedicula,—„часовня"), далѣе греческій *περίπτερος*, далѣе опять aedicula и наконецъ *δίπτερος*. Разнообразныя терракотовыя украшенія стѣнъ соотвѣтствуютъ этимъ строительнымъ періодамъ. Къ VI в. до Р. Х. относится сооруженіе периптера съ прекрасно раскрашенными статуями архаическаго греческаго стиля; послѣдняя перестройка совершена, повидимому, въ IV в. до Р. Х., отъ котораго осталось и множество обѣтныхъ приношеній. Внутри храма открыта stips votiva—углубленіе, гдѣ хранились такія приношенія, остатки которыхъ оказались тутъ же на глубинѣ полутора метра подъ землею, прекрасно сохранившимися, и представляютъ настоящій кладъ въ качествѣ памятниковъ изящнаго искусства того времени. Вообще найдено множество сосудовъ всевозможныхъ видовъ, начиная отъ самыхъ маленькихъ мѣстнаго ручного издѣлія и кончая этрусскими вазами большаго размѣра, не считая греческихъ сосудовъ въ коринѳскомъ стилѣ; затѣмъ множество маленькихъ просверленныхъ вещицъ изъ разныхъ матеріаловъ, которыя находятъ въ этрусскихъ могильникахъ. Сохран-

лись бусы изъ стекла и амбры, браслеты, кольца и аграфы изъ серебра и бронзы, короче сказать, цѣлая масса предметовъ, которые не оставляютъ никакого сомнѣнія на счетъ характера историческаго памятника. Между упомянутыми уже терракотовыми архитектурными украшеніями, представляющими главный интересъ открытія, находится цѣлый рядъ изображеній женскихъ головъ, долженствовавшихъ украшать собою край кровли, головъ съ типичною улыбкою, свойственною архаической скульптурѣ. Часто встрѣчается группа фавна, обнявшаго нимфу. Найдены также остатки обширной группы, служившей также украшеніемъ кровли или акротеріона, съ изображеніями мужскихъ головъ въ архаическомъ стилѣ, сдѣланной изъ терракоты, тонкая отдѣлка которой сохранила свою красоту еще и по настоящее время. Можно предположить, что храмъ былъ покинутъ въ четвертомъ вѣкѣ вслѣдствіе постепеннаго опусканія и увлажненія почвы. Кромѣ раскопки храма, дальнѣйшими раскопками установлены границы города и некрополя.

—— Въ южной части Зеландіи, въ окрестностяхъ Скаллерупа, въ могилѣ бронзоваго вѣка найденъ бронзовый котелъ, припаянный къ четырехколеснымъ дрогамъ. Котелъ этотъ признанъ «этрусскимъ» произведеніемъ IV вѣка. Онъ состоитъ изъ двухъ частей: нижней и верхней, съ коей висятъ кольца изъ желтой бронзы; онъ весь орнаментованъ, а по концамъ оси имѣются изображенія птицъ; внутри котла остатки пережженыхъ человѣческихъ костей. Первая такая находка была сдѣлана въ началѣ нынѣшняго вѣка въ Пеккателѣ (Мекленбургъ), позднѣе найдены котлы на колесахъ: близъ Лунда въ Швеціи, въ окрестностяхъ Радкесбурга въ Седмиградіи и близъ Сатцвародеръ-Стуля въ Венгріи. Вновь открытый котелъ доставленъ въ Копенгагенскій Національный Музей.

—— О пріобрѣтенной Лувромъ *„тіарѣ Сайтафарна“* мы доселѣ не говорили въ виду тѣхъ сомнѣній, которыя возбуждены были при первыхъ свѣдѣніяхъ въ Россіи объ этой покупкѣ. Но съ апрѣля и до сихъ поръ вопросъ не выяснился, и споръ разгорается все болѣе. Касаясь лишь тѣхъ сообщеній и мнѣній, которыя появились въ печати, исторія этихъ споровъ представится приблизительно такой. — Сначала въ Вѣнѣ, когда русскіе продавцы привезли туда эту тіару, какъ добытую при роскопкахъ въ Керчи, вѣнскіе ученые раздѣлились на двѣ партіи въ вопросѣ о подлинности тіары; верхъ взяли скептики: тіара не была куплена вѣнскими музеями (Neue Freie Presse). Британскій Музей отвергъ ее какъ поддѣлку (ibid.). Лувръ пріобрѣлъ, какъ сокровище, за 200,000 фр., и въ Temps появилось описаніе и рисунокъ тіары (до продажи продавцы не дозволяли фотографировать тіары).

Когда рисунокъ явился и въ „Новомъ Времени“, Н. И. Веселовскій выступилъ въ этой же газетѣ (№№ 7263 и 7313) рѣшительнымъ противникомъ подлинности тіары, указывая на извѣстныя ему поддѣлки въ томъ же родѣ, для коихъ существуетъ и особая фабрика. Къ нему примкнулъ и Фуртвенглеръ (Мюнх. Allg. Zeit.). Хранитель Луврскаго Музея Вильфосъ и директоръ французскихъ національныхъ Музеевъ Кемпфенъ горячо защищаютъ тіару, а по сообщенію послѣдняго въ Figaro, и хранитель Музея Древностей въ Императорскомъ Эрмитажѣ г. Кизерицкій, осмотрѣвъ тіару въ Парижѣ, призналъ ее античной и уполномочилъ заявить о томъ. Въ то же время (Нов. Вр.) въ штутгардтскую Antiquitäten Zeitung пишутъ изъ Кракова, указывая на рядъ золотыхъ поддѣлокъ того же происхожденія, на нѣкоторыя изъ которыхъ попадались и Музеи.

Что касается самой тіары, то она имѣетъ видъ сахарной головы, 22 сант. вышиною и 16—18 сант. въ нижнемъ діаметрѣ; вся изъ золота, отличной работы, она дѣлится на три пояса. Въ среднемъ, главномъ, изображены: гнѣвъ Ахилла и погребеніе Патрокла, въ безупречномъ греческомъ стилѣ. Въ нижнемъ ярусѣ, подъ виноградной вѣтвью, среди маковъ, хлѣба и кустовъ—рядъ скиѳскихъ сценъ изъ жизни охотничьей, сельской, семейной и изъ миѳологіи, сценъ, слишкомъ пестрыхъ по содержанію и живо напоминающихъ нѣсколько разныхъ образцовъ. Въ верхнемъ ярусѣ, между двумя рядами сквозныхъ завитковъ, чешуйчатое поле. На самомъ верху тіары подымается завернувшаяся въ кольца змѣя. Орнаментъ по нижнему ободу тіары, между ярусами и внутри ярусовъ набранъ изъ пальметокъ, оваловъ, шнуровъ, разводовъ. Внизу средняго яруса проведена городская стѣна съ башнями о трехъ зубцахъ, а по ней надпись: *Η ΒΟΥΛΗ ΚΑΙ Ο ΔΗΜΟΣ Ο ΟΛΒΙΟΠΟΛΕΙΤΩΝ ΒΑΣΙΛΕΑ ΜΕΓΑΝ ΚΑΙ ΑΝΕΙΚΗΤΟΝ ΣΑΙΤΑΦΑΡΝΗΝ*. Начертанія буквъ совершенно точно соотвѣтствуетъ начертаніямъ извѣстныхъ подлинныхъ надписей (будучи воспроизведены гальваническимъ путемъ, какъ думаетъ Н. И. Веселовскій, указывающій, что эта точность стала теперь обычной у очаковскихъ поддѣлывателей).

„Въ той же гробницѣ“ (Temps) найдена ваза съ краснымъ рисункомъ, а „въ одной сосѣдней гробницѣ“ превосходное ожерелье (un admirable collier), также изъ массивнаго золота. Обѣ вещи пріобрѣтены Лувромъ.

VIII.

Засѣданія Ученыхъ Обществъ.

Императорское Русское Археологическое Общество.

Въ предъидущемъ № у насъ не было сообщено объ *общемъ засѣданіи Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества 17 мая*. Читалъ С. А. Жебеловъ „О фрескахъ вновь открытой Керченской катакомбы" (см. „Арх. Изв. и Зам.", стр. 110). Докладчикъ обращалъ особое вниманіе на сцену Калипсы и Гермеса, ибо сюжетъ этотъ очень рѣдко разрабатывается въ древнемъ искусствѣ и встрѣчается только на геммахъ. Анализъ этихъ изображеній свидѣтельствуетъ, что художникъ точно воспроизвелъ въ нихъ встрѣчу Калипсы съ Гермесомъ, разсказанную въ Одиссеѣ. Судя по стилю фресокъ и сопоставляя ихъ съ открытыми въ 1867 и въ 1873 гг., докладчикъ и вновь открытыя фрески относитъ ко II в. по Р. Х. Въ ПБ. доставлены акварельные рисунки съ фресокъ.

Туркестанскій Кружокъ Любителей Археологіи.

Въ засѣданіи 11 декабря 1895 года Туркестанскій Кружокъ Любителей Археологіи открылъ свои дѣйствія подъ почетнымъ предсѣдательствомъ барона А. Б. Вревскаго, туркестанскаго генералъ-губернатора. Избрано правленіе Кружка: вице-предсѣдатель Н. П. Остроумовъ, секретарь Н. С. Лыкошинъ и казначей С. А. Лидскій, и обсуждались мѣры по объявленію во всеобщее свѣдѣніе объ открытіи дѣйствій Кружка, по привлеченію въ него всѣхъ лицъ края, интересующихся археологіей, и по сохраненію мѣстныхъ памятниковъ древностей.

Въ засѣданіи 22 января 1896 года Е. Т. Смирновъ прочелъ докладъ: „Древности въ окрестностяхъ г. Ташкента". Докладчикъ останавливалъ вниманіе на большихъ буграхъ и насыпяхъ, обильно разсѣянныхъ въ ташкентскомъ культурномъ районѣ, въ долинахъ рѣки Сыра и притоковъ ея. Далѣе докладчикъ отмѣтилъ насыпи, ясно сохранившія слѣды очертанія валовъ или стѣнъ, а иногда и рвовъ вокругъ, и наконецъ группы мелкихъ кургановъ, высотою въ $1^1/_2$—2 сажени, разсыпанныхъ иногда по нѣскольку саженъ въ одномъ мѣстѣ. У такихъ бугровъ находятъ въ землѣ урны (въ 1886 г. найдено цѣлое кладбище ихъ), овальнымъ коробомъ, съ крышками, на ручкахъ съ изваяніями птицъ съ распростертыми крыльями, на бокахъ и изображеніями людей; внутри урнъ перемѣшанныя человѣческія кости безъ слѣда огня.

Большіе бугры лежатъ какъ по притокамъ Сыра, такъ и по сосѣднимъ бугристымъ лесовымъ степямъ въ тѣхъ мѣстахъ, куда достигала когда-то ирригаціонная вода. Какъ на болѣе могучія сооруженія этого рода можно указать

на слѣдующія: въ русской части г. Ташкента ярмарочный холмъ (который считается почему то развалинами дворца Афрасіаба) ,остатки укрѣпленія Ханаватъ (верстахъ въ 7 къ югу отъ Ташкента), остатки укрѣпл. Юганъ (близъ сел. Ніазбатъ), холмы Султанъ - имамъ (тамъ же), холмы близъ сел. Той-тюбе— по преданію остатки столичнаго города Джанадиля, занимавшаго площадь нынѣшнихъ селеній Той-тюбе, Пскента и ихъ окрестностей, въ длину будто бы 80 верстъ.

Далѣе докладчикъ подробно остановился на описаніи и выясненіи значика, главныхъ оросительныхъ каналовъ, выведенныхъ изъ Сыръ-Дарьи, Чирченія Ангрена и Келеса. Они носятъ на себѣ слѣды несомнѣнной древности хотя бы только потому, что по ихъ магистральнымъ (отчасти и по разводнымъ) вѣтвямъ расположено наибольшее количество загадочныхъ искусственныхъ насыпей. Нѣкоторые изъ нихъ носятъ древнія арійскія имена: Сакаръ, Кайкаусъ, Захъ. Въ заключеніе докладчикъ разсматривалъ вопросъ о мѣстонахожденіи въ древности главнаго города нынѣшняго ташкентскаго раіона. Селеніе Иске-Ташкентъ (Старый Ташкентъ) на р. Чирчикѣ у арыка Купкульдака не сохранило теперь развалинъ; но по топографіи весьма правдоподобными представляются преданія, что древній Иске-Ташкентъ смытъ Чирчикомъ. Развалины въ другомъ селеніи того же имени, тоже на правомъ берегу Чирчика, на арыкѣ Джунѣ слишкомъ малы, чтобы представлять большой городъ, и лежатъ при томъ на второстепенной вѣтви канала. Нынѣшній Ташкентъ сталъ центральнымъ городомъ по всей вѣроятности уже послѣ нашествія монголовъ.

Докладчикъ склоненъ видѣть древнѣйшій центръ страны въ возвышенной мѣстности Канка или Канга (по арыку Канъ изъ Ангрена), самое названіе которой онъ сближаетъ съ названіемъ мѣстности Канга въ Авестѣ, Магабхазатѣ, Шах-наме и гдѣ много остатковъ древней культуры въ видѣ бугровъ насыпей и валовъ. Собственно Канка есть большое сомкнутое укрѣпленіе неправильной продолговатой формы съ буграми въ сѣверномъ углу.

Въ засѣданіи 26 февраля были доложены краткія сообщенія: Н. Ѳ. Петровскаго (изъ Кашгара) съ указаніемъ на нѣкоторыя древности близъ Ауліе-ата и въ Старомъ Ташкентѣ; Н. С. Лыкошина—о кварталѣ Парчабабъ въ Ташкентѣ (жители этого квартала, повидимому, позднѣе другихъ приняли исламъ); В. А. Каллаура о киргизскомъ родѣ Китай (Кутай, Ктай), изъ котораго прислано было на осмотръ Общества древнее знамя; М. С. Косцѣнича—о древностяхъ г. Пенджекента и о холмѣ Хан-абадъ близъ Ташкента. И. Т. Пославскій описалъ осмотрѣнные имъ развалины г. Термеда на правомъ берегу Аму: особенно замѣчательны кирпичныя башни, тщательно выложенныя на гидравлическомъ цементѣ и кирпичной кладки стѣны въ толщѣ насыпи.—М. С. Андреевъ прочелъ докладъ: „Мѣстности Туркестана, интересныя въ археологическомъ отношеніи“ (Средне-Азіатскій Вѣстн., май). Сообщивъ нѣсколько легендъ, связанныхъ съ Ходжентомъ, докладчикъ указалъ на интересный родъ развалинъ вблизи Ходжента, по правую сторону

Сыра, въ цѣпи горъ Моголъ-тау. Это—остатки каменныхъ жилищъ, называемыя у туземцевъ *Хана-и-мугъ* (жилища хановъ)—невысокія, куполообразныя, слегка продолговатыя сооруженія, около 5×2 арш. въ планѣ; входное отверстіе у нихъ около 1 кв. арш.; стѣны, сложенныя изъ неотесаныхъ камней, очень толсты; при постройкѣ не употреблено ни желѣза, ни цемента. Въ Ферганѣ встрѣчаются сооруженія подобнаго же рода и все съ тѣмъ же именемъ *Хана-и-мугъ*. Названіе „мугъ" распространено среди туземцевъ, обозначая огнепоклонниковъ, язычниковъ. Напр., выше Ходжента верстахъ въ 25 по Ходжентскому ущелью развалины крѣпости называются *Кала-и-мугъ* „крѣпость муговъ"; здѣсь найдена между прочимъ „слезница" изъ огнеупорной глины, какія у туземцевъ называются „*мугъ-кузагасы*"—„кувшинчикъ муговъ". Далѣе докладчикъ отмѣтилъ мусульманскую надпись на скалѣ въ ущельѣ Битыклыкъ, въ тѣхъ же горахъ; надпись писана почеркомъ *насръ*: „Нѣтъ Бога, кромѣ Бога, а Магометъ посланникъ Божій. Произведеніе Амира-Масъ-уда... Ходжиба. Лѣтосчисленіе сафоръ, 624 года". На окружающихъ скалахъ выбиты изображенія змѣя, гончихъ собакъ и горныхъ козъ, которыми въ старину славилась мѣстность. Отмѣчая обиліе остатковъ древности въ долинѣ р. Ангрена, докладчикъ указалъ между прочимъ на Теляу, гдѣ находили особенно много сосудовъ, монетъ и т. п., и на мѣстность между Карахтаемъ и кишлакомъ Той-тюбе, гдѣ цѣлые ряды холмовъ, повидимому могильныхъ, тянутся на далекое пространство, скрываясь изъ глазъ; туземцы называютъ эту мѣстность „*мингъ-тепе*—тысяча холмовъ" (см. о ней выше, въ докладѣ Е. Т. Смирнова, стр. 242). Наконецъ, очень любопытно было сообщеніе о пещерѣ Кон-и-гутъ (Кокандскій уѣздъ), которой, повидимому, пользовались люди въ весьма давнія времена (лѣстница въ спускѣ), и о письменахъ при входѣ въ нее какъ бы руническихъ, судя одному отмѣченному г. Андреевымъ знаку.

Въ этомъ же засѣданіи съ благодарностью принято предложеніе члена-учредителя Е. Т. Смирнова печатать протоколы Кружка и труды членовъ въ издаваемомъ имъ ежемѣсячномъ журналѣ „Средне-Азіатскій Вѣстникъ".

Въ засѣданіи 1 апрѣля М. С. Андреевъ доложилъ о совершенной имъ, совмѣстно съ Н. Г. Маллицкимъ, по порученію Кружка, поѣздкѣ для осмотра пещеры „Кон-и-гутъ" и ущелья Варухъ и о снятыхъ имъ надписяхъ у входа въ пещеру и въ ущельѣ. Поѣздка выяснила обширность и интересъ пещеры если не въ археологическомъ, то въ геологическомъ и энтомологическомъ отношеніяхъ, но указано и на необходимость большихъ силъ и приспособленій для изслѣдованія ея: на глубинѣ 30 саж. не доставало аркана и людей. Рѣшено осмотрѣть пещеру лѣтомъ, а надпись изъ ущелья Варухъ доставить въ Ташкентъ.

IX

Библіографія.

Сергій, архіеп. Владимірскій, Д. Б.—Мѣсто рожденія Великаго Государя Царя и Великаго князя Михаила Θеодоровича. Спб. 1895 г. (оттискъ изъ декабрьской книжки „Странника“); 16 д., 33 стр.

Преп. Михаилъ Малеинъ. Трехсотлѣтіе рожденія Благ. Вел. Гос. Царя и Вел. Кн. Михаила Θеодоровича, 12 іюля 1596—1896 г. Вязники, 1896 г.—16 д., стр. I—II+32+12.

Статья высокопреосвященнаго Сергія написана по случаю исполнившагося трехсотлѣтія со дня рожденія царя Михаила Θеодоровича. Маститый агіографъ былъ въ 1860-хъ годахъ настоятелемъ Знаменскаго монастыря въ Москвѣ и издалъ (въ 1866 г.) „Историческое описаніе“ этого монастыря, созданнаго на мѣстѣ дома Θеод. Ник. Романова. Въ „Описаніи“ онъ занялся и изслѣдованіемъ о семьѣ Θеодора Никитича. Въ новой статьѣ, шагъ за шагомъ, осмотрительно, надежно и ясно устанавливается, что и при отсутствіи теперь документальныхъ данныхъ нельзя сомнѣваться въ томъ, что Михаилъ Θеодоровичъ родился въ наслѣдственномъ отъ Никиты Романовича домѣ своего отца, въ Китай-городѣ, гдѣ нынѣ Знаменскій монастырь. Въ 1594 г. Θеодоръ Никитичъ писанъ псковскимъ намѣстникамъ, но жилъ на Москвѣ, участвуя по мартъ, въ переговорахъ съ Николаемъ Варкочемъ, посланникомъ императора Рудольфа II. Въ сентябрѣ 1594 (не 1595) года выгорѣлъ Китай, и въ 1595 г. Θеодоръ Никитичъ, вѣроятно, исправлялъ поврежденія своего дома. 3 апрѣля 1596 г. царь Θеодоръ приказалъ ему быть вторымъ воеводою полка правой руки на Окѣ, слѣдовательно, онъ стоялъ или въ Тарусѣ, или Мышегѣ (нынѣ тарусскаго уѣзда), или въ Алексинѣ. Но супруга за нимъ туда не могла слѣдовать, особенно на 6-мъ мѣсяцѣ беременности и имѣя трехъ малолѣтнихъ дѣтей (Татьяну, Іоанна и Льва) въ возрастѣ 1—4 лѣтъ. Архивъ Знаменскаго монастыря (основаннаго царемъ Михаиломъ въ 1631 г.) большею частью погибъ въ 1812 г.; но въ 1760 г. архимандритъ Николай Грузинскій (род. въ 1673 г., настоятель съ 1738 г.), а въ 1775 г. игуменъ Сафроній Младеневичъ, ссылались на жалованную отъ царя и патріарха въ 1631 году монастырю грамоту, по которой значилось, что царь родился въ покояхъ, находящихся „о срединѣ монастыря“. Это свидѣтельство подтверждается заботой царственной земли о Знаменскомъ монастырѣ, и полнымъ единодушіемъ преданія о мѣстѣ рожденія царя, при совершенномъ отсутствіи подобнаго почитанія какого либо другого мѣста, между тѣмъ какъ и великой инокой Марѳой, и нисходящимъ потомствомъ Михаила Θеодоровича такъ свято хранилось все связанное съ первыми годами перваго царя изъ рода Романовыхъ. Несомнѣнно и то, что въ этомъ же домѣ Михаилъ провелъ первые пять лѣтъ своего младенчества (по іюль 1601 года).—Болѣе

половины брошюрки составляютъ набранныя мелкимъ шрифтомъ примѣчанія, куда отнесены подробныя доказательства. Нѣкоторыя изъ нихъ должны быть особо упомянуты. Въ прим. 7 опредѣляются годы рожденія дѣтей Ѳеодора Никитича: Татьяны, Льва и Іоанна, причемъ для выводовъ высокопреосвященный Сергій пользуется и свѣдѣніями агіографическими: святые съ именемъ Льва есть только въ февралѣ; сопоставляя это свѣдѣніе съ указаніями: о рожденіи Татьяны Ѳеодоровны въ январѣ 1594 или 1595 г. и о кончинѣ младенца Льва Ѳеодоровича въ 1597 г., получаемъ выводъ, что Левъ Ѳеодоровичъ родился до Михаила, а именно въ 1595 году, около 18—20 февраля, вскорѣ послѣ кончины дяди своего Льва Никитича (5 февр. 1695 г.). 8 прим.—доказательства, что церковь Знаменія создана еще Никитой Романовичемъ. Прим. 13 — соображенія о времени возвращенія Марѳы Ивановны въ Москву послѣ изгнанія (возвратилась, вѣроятно, осенью 1609 г.). Прим. 14—подробныя доказательства (кратко затронутыя въ Истор. описанія Знам. монастыря) о созданіи монастыря въ 1831 г. въ память великой инокини Марѳы Ивановны, скончавшейся 27 января 1631 г., а дотолѣ владѣвшей семейнымъ домомъ. Знаменская же церковь на дворѣ Романовскаго дома была поставлена, вѣроятно, Никитой Романовичемъ, который былъ воеводою въ Новгородѣ.

Ко дню 12 іюля, владыка издалъ также, переводя съ греческаго, житіе ангела царскаго, Михаила Малеина. Любопытно, что житіе этого святаго впервые появляется на русскомъ языкѣ. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ было составлено въ честь преподобнаго слово и помѣщено подъ 12 іюля въ прологѣ; но тутъ имѣются лишь немногія свѣдѣнія о жизни св. Михаила Малеина, извлеченныя изъ житія знаменитаго ученика его, Аѳанасія Аѳонскаго, во имя котораго въ новозданномъ Знаменскомъ монастырѣ царь и патріархъ и построили теплый каменный храмъ въ 1632 г., такъ какъ въ Кремлѣ уже было (въ Вознесенскомъ монастырѣ и въ Благовѣщенскомъ соборѣ) два храма во имя преп. Михаила Малеина (нынѣшній монастырскій соборъ на мѣстѣ этого храма воздвигнутъ въ 1679—1684 гг.).

Къ „Житію“ присоединена статья, цѣль коей духовное поученіе, а не археологія: „Преподобный Михаилъ Малеинъ, какъ небесный покровитель царя Михаила Ѳеодоровича“; но какъ эта статья, такъ и примѣчанія, которыми снабжены и она и „Житіе“, цѣнны и археологическими, и историческими указаніями (выводъ времени жизни Михаила Малеина: 894—962 гг.; свѣдѣнія о Знаменскомъ монастырѣ, выводъ, что ангеломъ Ѳеодора Никитича былъ не в. м. Ѳеодоръ Стратилатъ (8 февр. и 8 іюня), а свм. Ѳеодоръ Пергійскій (21 апр.); разборъ вопроса о днѣ вступленія русскихъ въ Кремль въ 1612 г., причемъ высокопр. Сергій, соглашаясь съ Казанскимъ, принимаетъ 22 октября, и т. п.).

О прекрасной ясности изслѣдованій высокопреосвященнаго Сергія, о точности и сжатости его изложенія, гдѣ устранено все сомнительное и не идущее къ дѣлу, о кристальной простотѣ его рѣчи нѣтъ, конечно, надобности распространяться.

Г. М.—Замѣтка о домѣ Романовыхъ („Русск. Стар.“ 1896 г., іюль, 113—117).

Г. М.—Замѣтка о родѣ князей Шуйскихъ вообще и о младшей его вѣтви князей Горбатовыхъ-Шуйскихъ (тамъ же 118—125).

Редакція „Русской Старины“ сопровождаетъ эти *замѣтки* примѣчаніемъ слѣдующаго содержанія: „Помѣщаемыя въ родословныхъ сборникахъ росписи членовъ русскихъ родовъ вообще и дома Романовыхъ въ особенности крайне неудовлетворительны въ научномъ отношеніи. На этомъ основаніи Костромская Архивная Коммиссія уже нѣсколько лѣтъ занимается собираніемъ историческихъ матеріаловъ для возсозданія прошедшаго предковъ царя Михаила Θеодоровича, какъ со стороны его матери—великой инокини Марѳы, такъ и со стороны отца—святѣйшаго патріарха Филарета. Собранные Коммиссіею матеріалы на столько обширны и важны, что побудили предсѣдателя Коммиссіи, Н. Н. Селифонтова, ходатайствовать объ учрежденіи при Коммиссіи особаго *Романовскаго отдѣла* библіотеки и архива Коммиссіи. Сюда войдутъ какъ документы, собранные и собираемые Коммиссіей, такъ и всякаго рода замѣтки, ученыя изслѣдованія и монографіи, касающіяся дома Романовыхъ. Къ числу такихъ замѣтокъ принадлежатъ и двѣ замѣтки, нынѣ издаваемыя“.

Замѣтки Г. М. изданы къ 300-лѣтію со дня рожденія царя Михаила Θеодоровича. Первая изъ нихъ установляетъ родство Михаила Θеодоровича съ Рюриковымъ домомъ.

Предокъ царя, Глянда Камбила Дивоновичъ, выѣхавшій въ Россію въ 80-хъ годахъ XIII в. (изъ Пруссіи, какъ думаютъ большею частью, или изъ Литвы, какъ вѣроятнѣе признавать), былъ знатенъ, ибо и сынъ его Андрей Ивановичъ Кобыла, и внукъ Θеодоръ Андреевичъ Кошка стали боярами и занимали высшія должности, были близкими и довѣренными людьми у московскихъ великихъ князей, а дочь Θеодора, Анна, вышла замужъ за сына великаго князя Михаила Александровича Тверского, Θеодора Михайловича Микулинскаго—первое родство Романовыхъ съ Рюриковскимъ домомъ. Такое родство происходило впослѣдствіи неоднократно: внучка Θеодора Кошки, дочь сына его Θеодора Голтяя, Марья, была за княземъ Ярославомъ Владиміровичемъ Боровскимъ, правнукомъ Ивана Калиты, а дочь ея, Марья Ярославовна, была супругою великаго князя Василія II Темнаго (на этой свадьбѣ произошелъ знаменитый споръ о поясѣ); далѣе идетъ бракъ Анастасіи Романовны и наконецъ бракъ брата ея Никиты Романовича съ княжной Евдокіей Александровной Горбатой-Шуйской (22 колѣно отъ Рюрика), дочерью князя Александра Борисовича, казненнаго Іоанномъ 4 февраля 1565 года.

Авторъ замѣтки доказываетъ, что отъ этого, втораго брака Никиты Романовича, а не отъ перваго (съ Варварой Ивановной Ховриной) родился Θеодоръ Никитичъ, и что такимъ образомъ въ Михаилѣ Θеодоровичѣ текла Рюриковская кровь. Именно, въ виду того, что Θеодоръ Никитичъ вступилъ въ бракъ послѣ 1586 года, что опала 1601 г. застала его въ цвѣтѣ лѣтъ,

а скончался онъ въ 1634 г., въ полнотѣ силъ и дѣятельности, Г. М. заключаетъ, что онъ не могъ родиться до 1552 г. (когда скончалась первая супруга Никиты Романовича), а, слѣдовательно, родился отъ втораго брака, состоявшагося между 1555 г. (возвращеніе князя Александра Борисовича Горбатаго-Шуйскаго, будущаго тестя Никиты Романовича, съ воеводства въ Астрахани) и, вѣроятно, 1560 г. (кончина царицы Анастасіи) [1].

Во второй *замѣткѣ* Г. М. вмѣстѣ съ Соловьевымъ противъ Карамзина, Устрялова и гг. Петрова и Экземплярскаго ведетъ родъ Шуйскихъ отъ Андрея Александровича, сына св. Александра Невскаго, а не отъ брата Александра, Андрея Ярославича. Особенно вѣскимъ доказательствомъ авторъ считаетъ свидѣтельство царя Василія Ивановича Шуйскаго (въ грамотѣ объ избраніи его на царство), что онъ происходитъ отъ Александра Невскаго: при силѣ мѣстническихъ понятій, ни ошибка, ни обманъ тутъ немыслимы (вопреки мнѣнію А. В. Экземплярскаго). Бракъ же Андрея Александровича въ 1294 году, то есть, всего за 11 лѣтъ до брака Михаила Андреевича, предка Шуйскихъ, слѣдуетъ признавать, вмѣстѣ съ Карамзинымъ, вторымъ бракомъ. Далѣе, авторъ замѣтки приводитъ въ пользу своего положенія новое въ литературѣ предмета доказательство, ссылаясь на тотъ фактъ, что князья Суздальскіе, соперничая въ Ордѣ съ Московскими, постоянно ссылались на свое старшинство: а Андрей Ярославичъ былъ моложе брата, между тѣмъ, какъ изъ дѣтей послѣдняго Андрей былъ старше Даніила Московскаго. Далѣе, авторъ исправляетъ ошибки въ статьѣ о Шуйскихъ словаря Брокгауза и „Исторіи родовъ русскаго дворянства„ П. Н. Петрова.

Sitzungsberichte d. Kurländischen Gesellschaft f. Literatur u. Kunst, u. Jahresbericht d. Kurl. provinzialmuseums aus d. J. 1895. Mitau. 1896.

Курляндское Общество Литературы и Искусства отдаетъ значительную долю своихъ занятій и археологіи. Въ „Извѣстіяхъ“ Общества за 1895 г. отмѣтимъ докладъ г. Арбузова по исторіи замка Бауске (сооруженъ въ 1443 г.) и его окрестностей; сообщенія г. Боя о раскопкахъ его: а) съ (В. И. Сизовымъ—въ Оглей и Мезотенѣ (Курляндія); б) въ Штокмансгофѣ Лифляндія) и в) въ Цеемальденѣ (Курляндія); сообщеніе г. К. Лёвисъ-офъ-Менара „Къ исторіи построенія комтурій Нѣмецкаго Ордена въ Курляндіи“. Мы остановимся здѣсь на трехъ послѣднихъ докладахъ.

Комтуріи—замки рыцарскихъ меньшихъ общинъ (конвентовъ), съ ихъ настоятелемъ, комтуромъ (comendator, praeceptor), во главѣ каждой, были сборными мѣстами военныхъ силъ Ордена. Полумонашеская, полувоенная жизнь рыцарской братіи отражалась на зданіяхъ контурій. Это обыкновенно квадратъ, съ галлереей во внутреннемъ дворѣ, соединяющей отдѣльныя помѣщенія. Въ зданіи: обращенная на востокъ церковь для ежедневной общей

[1]) Послѣдній терминъ, если можетъ быть отодвинутъ, то лишь до начала 1565 г., въ которомъ, 4-го апрѣля, былъ казненъ князь Александръ Борисовичъ.

Г. М.—Замѣтка о домѣ Романовыхъ („Русск. Стар.“ 1896 г., іюль, 113—117).

Г. М.—Замѣтка о родѣ князей Шуйскихъ вообще и о младшей его вѣтви князей Горбатовыхъ-Шуйскихъ (тамъ же 118—125).

Редакція „Русской Старины“ сопровождаетъ эти *замѣтки* примѣчаніемъ слѣдующаго содержанія: „Помѣщаемыя въ родословныхъ сборникахъ росписи членовъ русскихъ родовъ вообще и дома Романовыхъ въ особенности крайне неудовлетворительны въ научномъ отношеніи. На этомъ основаніи Костромская Архивная Коммиссія уже нѣсколько лѣтъ занимается собираніемъ историческихъ матеріаловъ для возсозданія прошедшаго предковъ царя Михаила Ѳеодоровича, какъ со стороны его матери—великой инокини Марѳы, такъ и со стороны отца—святѣйшаго патріарха Филарета. Собранные Коммиссіею матеріалы на столько обширны и важны, что побудили предсѣдателя Коммиссіи, Н. Н. Селифонтова, ходатайствовать объ учрежденіи при Коммиссіи особаго *Романовскаго отдѣла* библіотеки и архива Коммиссіи. Сюда войдутъ какъ документы, собранные и собираемые Коммиссіей, такъ и всякаго рода замѣтки, ученыя изслѣдованія и монографіи, касающіяся дома Романовыхъ. Къ числу такихъ замѣтокъ принадлежатъ и двѣ замѣтки, нынѣ издаваемыя“.

Замѣтки Г. М. изданы къ 300-лѣтію со дня рожденія царя Михаила Ѳеодоровича. Первая изъ нихъ установляетъ родство Михаила Ѳеодоровича съ Рюриковымъ домомъ.

Предокъ царя, Глянда Камбила Дивоновичъ, выѣхавшій въ Россію въ 80-хъ годахъ XIII в. (изъ Пруссіи, какъ думаютъ большею частью, или изъ Литвы, какъ вѣроятнѣе признавать), былъ знатенъ, ибо и сынъ его Андрей Ивановичъ Кобыла, и внукъ Ѳеодоръ Андреевичъ Кошка стали боярами и занимали высшія должности, были близкими и довѣренными людьми у московскихъ великихъ князей, а дочь Ѳеодора, Анна, вышла замужъ за сына великаго князя Михаила Александровича Тверского, Ѳеодора Михайловича Микулинскаго—первое родство Романовыхъ съ Рюриковскимъ домомъ. Такое родство происходило впослѣдствіи неоднократно: внучка Ѳеодора Кошки, дочь сына его Ѳеодора Голтяя, Марья, была за княземъ Ярославомъ Владиміровичемъ Боровскимъ, правнукомъ Ивана Калиты, а дочь ея, Марья Ярославовна, была супругою великаго князя Василія II Темнаго (на этой свадьбѣ произошелъ знаменитый споръ о поясѣ); далѣе идетъ бракъ Анастасіи Романовны и наконецъ бракъ брата ея Никиты Романовича съ княжной Евдокіей Александровной Горбатой-Шуйской (22 колѣно отъ Рюрика), дочерью князя Александра Борисовича, казненнаго Іоанномъ 4 февраля 1565 года.

Авторъ замѣтки доказываетъ, что отъ этого, втораго брака Никиты Романовича, а не отъ перваго (съ Варварой Ивановной Ховриной) родился Ѳеодоръ Никитичъ, и что такимъ образомъ въ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ текла Рюриковская кровь. Именно, въ виду того, что Ѳеодоръ Никитичъ вступилъ въ бракъ послѣ 1586 года, что опала 1601 г. застала его въ цвѣтѣ лѣтъ,

а скончался онъ въ 1634 г., въ полнотѣ силъ и дѣятельности, Г. М. заключаетъ, что онъ не могъ родиться до 1552 г. (когда скончалась первая супруга Никиты Романовича), а, слѣдовательно, родился отъ втораго брака, состоявшагося между 1555 г. (возвращеніе князя Александра Борисовича Горбатаго-Шуйскаго, будущаго тестя Никиты Романовича, съ воеводства въ Астрахани) и, вѣроятно, 1560 г. (кончина царицы Анастасіи) [1].

Во второй *замѣткѣ* Г. М. вмѣстѣ съ Соловьевымъ противъ Карамзина, Устрялова и гг. Петрова и Экземплярскаго ведетъ родъ Шуйскихъ отъ Андрея Александровича, сына св. Александра Невскаго, а не отъ брата Александра, Андрея Ярославича. Особенно вѣскимъ доказательствомъ авторъ считаетъ свидѣтельство царя Василія Ивановича Шуйскаго (въ грамотѣ объ избраніи его на царство), что онъ происходитъ отъ Александра Невскаго: при силѣ мѣстническихъ понятій, ни ошибка, ни обманъ тутъ немыслимы (вопреки мнѣнію А. В. Экземплярскаго). Бракъ же Андрея Александровича въ 1294 году, то есть, всего за 11 лѣтъ до брака Михаила Андреевича, предка Шуйскихъ, слѣдуетъ признавать, вмѣстѣ съ Карамзинымъ, вторымъ бракомъ. Далѣе, авторъ замѣтки приводитъ въ пользу своего положенія новое въ литературѣ предмета доказательство, ссылаясь на тотъ фактъ, что князья Суздальскіе, соперничая въ Ордѣ съ Московскими, постоянно ссылались на свое старшинство: а Андрей Ярославичъ былъ моложе брата, между тѣмъ, какъ изъ дѣтей послѣдняго Андрей былъ старше Даніила Московскаго. Далѣе, авторъ исправляетъ ошибки въ статьѣ о Шуйскихъ словаря Брокгауза и „Исторіи родовъ русскаго дворянства„ П. Н. Петрова.

Sitzungsberichte d. Kurländischen Gesellschaft f. Literatur u. Kunst, u. Jahresbericht d. Kurl. provinzialmuseums aus d. J. 1895. Mitau. 1896.

Курляндское Общество Литературы и Искусства отдаетъ значительную долю своихъ занятій и археологіи. Въ „Извѣстіяхъ“ Общества за 1895 г. отмѣтимъ докладъ г. Арбузова по исторіи замка Бауске (сооруженъ въ 1443 г.) и его окрестностей; сообщенія г. Боя о раскопкахъ его: а) съ (В. И. Сизовымъ—въ Оглей и Мезотенѣ (Курляндія); б) въ Штокмансгофѣ Лифляндія) и в) въ Цеемальденѣ (Курляндія); сообщеніе г. К. Лёвисъ-офъ-Менара „Къ исторіи построенія комтурій Нѣмецкаго Ордена въ Курляндіи“. Мы остановимся здѣсь на трехъ послѣднихъ докладахъ.

Комтуріи—замки рыцарскихъ меньшихъ общинъ (конвентовъ), съ ихъ настоятелемъ, комтуромъ (comendator, praeceptor), во главѣ каждой, были сборными мѣстами военныхъ силъ Ордена. Полумонашеская, полувоенная жизнь рыцарской братіи отражалась на зданіяхъ контурій. Это обыкновенно квадратъ, съ галлереей во внутреннемъ дворѣ, соединяющей отдѣльныя помѣщенія. Въ зданіи: обращенная на востокъ церковь для ежедневной общей

---

[1]) Послѣдній терминъ, если можетъ быть отодвинутъ, то лишь до начала 1565 г., въ которомъ, 4-го апрѣля, былъ казненъ князь Александръ Борисовичъ.

молитвы; рядомъ съ церковью зала совѣта; далѣе общая трапезная (refectorium), и наконецъ, общая спальня (dormitorium). Близъ трапезной помѣщалась и кухня. Снаружи—башни съ оборонным ходомъ, передъ замкомъ обыкновенно—форбургъ, передовыя постройки, и система укрѣпленій. Въ Курляндіи, вмѣстѣ съ областью Мемельской, отошедшей въ 1328 г. къ Пруссіи, было пять комтурій: Добленъ, Гольдингенъ, Мемель, Митава и Виндава; далѣе значительная территорія отходила къ комтуріямъ, лежавшимъ внѣ Курляндіи: Ашерадену и Дюнабургу; наконецъ, курляндскія комтуріи Хейлигенбергъ, Опемала, Терветенъ, м. б., Мезотенъ (до 1346 г.) — были недолго комтуріями и не имѣли большаго значенія.

Г. Лёвисъ-офъ-Менаръ *) задавался вопросами: съ которыхъ поръ основанъ данный изъ пяти замковъ, созданъ ли онъ сразу для комтуріи и слѣдовательно, можно ли искать въ немъ постройки этого типа? Что осталось или оставалось на археологической памяти отъ стараго зданія комтурій? Установляя исторію комтурій, докладчикъ не разъ дополняетъ и поправляетъ списокъ орденскихъ комтуровъ, данный въ 6 томѣ Mittheilungen aus der Livländ. Geschichte.

Добленъ, укрѣпленіе въ Зимголѣ, считался во власти Ордена съ 1253 г., по дѣлежу произведенному тогда между архіепископомъ, соборнымъ капитуломъ и Орденомъ. Въ дѣйствительности Орденъ лишь спустя нѣсколько десятилѣтій взялъ и разрушилъ туземный Добленъ. Рыцарскій замокъ сооруженъ здѣсь въ 1335—1359 гг., но нѣтъ возможности опредѣлить, сразу ли предназначался онъ для конвента. Отъ рыцарскихъ временъ остались только развалины окружной стѣны, а въ XVII в. сохранялись кромѣ того: круглая башня на 4-ре-угольномъ основаніи, и, м. б., постройки внѣ замка: domus annonae militaris и domus gubernatoris по плану 1661 г. Предположенія объ остаткахъ конвентныхъ зданій въ позднѣйшемъ зданіи церкви — не имѣютъ серіозной опоры.

Гольдингенскій замокъ построенъ не позднѣе лѣта 1244 г., сразу въ качествѣ комтуріи и при томъ столь вѣской, что въ 1290 г. гольдингенскому комтуру, по указу магистра, подчинена была вся Курляндія. Отъ несомнѣнно обширныхъ орденскихъ построекъ нынѣ не уцѣлѣло почти ничего; но на рисункѣ Вейгандта 1729 г. видно четырехугольное трехэтажное зданіе конвента, съ оборонным ходомъ по верхнему этажу и съ тремя сохранившимися еще тогда угловыми башнями; передъ замкомъ двухэтажное строеніе форбурга; къ форбургу принадлежитъ и замковая мельница, почти постоянное строеніе при замкахъ, для спуска и утилизаціи воды изъ рвовъ. Нынѣ мѣсто заровнено и на немъ разбитъ садъ; уцѣлѣлъ одинъ погребъ и часть стѣны.

Укрѣпленіе Мемель (Нѣманъ) построено первоначально въ 1242—1245 г., а замокъ Мемель, и именно какъ комтурія, построенъ въ 1253 г. Въ 1328 г.

---

*) Издавшій въ прошломъ же году карту средневѣковой Лифляндіи, съ объясненіями (Livland im Mittelalter, Reval, 1895, 80).

двѣ трети Мемеля съ областью отошли къ Пруссіи, а въ 1392 году отошла и остальная треть. Самое зданіе комтуріи и здѣсь было квадратное съ угловыми башнями. Въ 1815 г. послѣднее крыло этого зданія снесено по ветхости но двѣ башни оставались до 1821 года; теперь на мѣстѣ замка куча мусора.

Замокъ митавскій построенъ въ 1265 г. (не въ 1336 г., какъ думали Польманъ и Биленштейнъ), и, по всей вѣроятности, какъ комтурія (извѣстны его комтуры съ 1272 г.). На мѣстѣ орденскихъ построекъ и герцогскихъ зданій XVI в. въ стилѣ Возрожденія, стоитъ нынѣ дворецъ Растрелли. Но докладчикъ представилъ „доселѣ, повидимому неизвѣстный" планъ новаго замка, сдѣланный въ 1738 г., гдѣ показаны и старыя строенія, и герцогскія и орденскія. Эти части плана находятъ себѣ полное подтвержденіе въ рисункахъ съ 1659 г. по начало XVIII в. На планѣ зданіе конвента—четыреугольное, 30 × 35 метровъ, съ квадратнымъ (въ 7 — 8 метровъ сторона) угловыми башнями; галлереи на планѣ нѣтъ, но первоначально, вѣроятно, была деревянная.

Замокъ виндавскій построенъ въ 1290 г. въ качествѣ комтуріи. Лишь въ немъ, изъ курляндскихъ комтурій, уцѣлѣло зданіе конвента, сохранившееся въ двухъ нижнихъ и отчасти въ верхнемъ этажѣ нынѣшняго замка. Зданіе построено изъ большихъ кирпичей 10×16×30 сант., отчасти съ добавленіемъ известняка и плитняка. Главныя ворота имѣютъ ширину 3,65 метра, длину 10 метровъ. Старая деревянная галлерея (быть можетъ, на каменной аркадѣ) уничтожена на глазахъ прошлаго поколѣнія. Въ нижнемъ этажѣ сохранилась большая часть древнихъ сводчатыхъ помѣщеній и въ томъ числѣ кладовая съ нишами. Въ главномъ, второмъ этажѣ, особенно замѣчательна церковь, помѣщавшаяся въ восточномъ выступѣ. Романскія формы орнамента на высокихъ консоляхъ ея, указываютъ на древность ея постройки; современную построенію замка (1290 г.). Такой же выступъ съ востока для церкви имѣется въ Венденѣ. Въ 1890—93 г. этотъ выступъ въ Виндавѣ заняли массивной каменной лѣстницей. Рядомъ идетъ зала въ три крестовые свода, которая или составляла часть церкви (она служила затѣмъ евангелической церковью, нынѣ служитъ православной, съ алтаремъ къ югу), или назначалась и для залы совѣта. Въ сѣверномъ крылѣ находился большой залъ $13^1/_2 \times 8$ м., въ два нефа, подъ шестью звѣздчатыми сводами, на двухъ колоннахъ (подобный типъ подъ этимъ и въ нижнемъ этажѣ): изъ каждаго, вѣроятно, осьмиграннаго столба, выходило здѣсь, повидимому, не 8, а 12 или 16 реберъ, эффектъ коихъ еще увеличивался раскраскою. Эта зала могла служить или для совѣта, или, скорѣе, была трапезной. Нынѣ изъ нея сдѣланы три жилыя комнаты. Ни въ западномъ крылѣ, гдѣ нынѣ полицейское управленіе, ни въ южномъ, не сохранилось древнихъ помѣщеній. Въ третьемъ этажѣ уцѣлѣла отъ старины небольшая часть оборонного хода съ сѣвера. Кромѣ того, уцѣлѣла во всѣхъ трехъ этажахъ квадратная юго-восточная башня.

Г. Бой, на раскопкахъ въ Штокмансгофѣ, при участіи гг. Бухгольца и Якша, разрылъ трех-ярусное кладбище. Верхній ярусъ, почти на поверхности земли, былъ, по словамъ стариковъ, чумнымъ кладбищемъ; въ немъ найдены русскія монеты начала прошлаго вѣка. Затѣмъ, фута на три глубины, лежали могилы, къ которымъ принадлежали высившіеся нѣкогда здѣсь округленные камни, съ высѣченнымъ на нихъ орденскимъ крестомъ, какихъ много въ Лифляндіи (напр., у Кокенхузена); верхнія части камней, съ крестомъ, исчезли, но сохранились подъ землей нижнія части, укрѣпленныя въ четырехугольномъ отверстіи каменныхъ плитъ. Скелеты лежали съ ЮЗ. на СВ.; на груди — бронзовыя пряжки, подковообразныя фибулы, бронзовые кольца и рижскія монеты (сольди) 1663—1665 гг.; эти скелеты погребены были уже въ гробахъ изъ тонкихъ досокъ, съ желѣзными гвоздями. Еще ниже шелъ новый рядъ погребенія, но все еще безъ характерныхъ признаковъ могилъ языческаго періода. Старѣйшими на кладбищѣ, XIII—XIV в., представлялись двѣ дѣтскія могилы на склонѣ холма, раздѣленныя вертикально стоявшимъ камнемъ, съ грубо высѣченнымъ на немъ крестомъ. Кости почти совсѣмъ разсыпались; на обоихъ скелетахъ было по богатому ожерелью изъ множества раковинъ (cypræa moneta), янтаря, бѣлыхъ и цвѣтныхъ бусъ, бронзовыхъ ромбоидальныхъ пластинокъ и колокольчиковъ, какъ украшеніе изъ Ронебурга, въ Necrolivonica Крузе, табл. 27, 1; найдены и части одежды съ вплетенными кусочками бронзы.

Раскопки г. Боя въ Цеемальденѣ. Въ своемъ, очень заботливо составленномъ отчетѣ г. Бой сообщаетъ о предшествовавшихъ случайныхъ раскопкахъ въ томъ же мѣстѣ, даетъ дневникъ своихъ раскопокъ, общій обзоръ ихъ, подробныя измѣренія черепа, сдѣланныя г. Холландеромъ, въ Кенигсбергѣ, и приводитъ свои соображенія о народности и религіи погребенныхъ; при этомъ, руководясь для опредѣленія народности географическими распредѣленіями Билленштейна и Бецценбергера, а для опредѣленія религіи отчасти житіемъ Ансгарія, склоненъ приписать могильникъ латышамъ, какъ язычникамъ, такъ и христіанамъ. На девяти фототипіяхъ въ 4-ку изображены въ сильно уменьшенномъ видѣ, съ масштабомъ, всѣ предметы, добытые раскопками, а цинкографіи въ текстѣ изображаютъ: планъ мѣстности и могильника, внутренность одной могилы, интересную сложную (изъ мѣдныхъ пластинокъ и спиралекъ) привязь ножа и т. д. Въ общемъ весь матеріалъ, собранный г. Боемъ, переданъ и читателю, которому предоставлена такимъ образомъ полная возможность дѣлать и свои наблюденія, чѣмъ мы и воспользуемся.

Цеемальденъ лежитъ въ Салльгальнскомъ приходѣ, Баусскаго уѣзда, на возвышенности у лѣваго берега Аа. Могильникъ плоскій: нѣтъ ни камней, ни насыпей, при чемъ послѣднія, можетъ быть, и были, но уничтожены вѣками распашки. Г. Бой раскопалъ 27 могилъ, и одна пришлась уже подъ стѣной смежнаго кладбища, гдѣ поневолѣ остановились раскопки. По разсказамъ, при рытіи новыхъ могилъ на кладбищѣ постоянно натыкаются на

старыя могилы, которыя, по разсказамъ же, не разъ встрѣчались и въ прилегающихъ къ кладбищу и могильнику поляхъ.

Скелеты находятся на незначительной глубинѣ: въ сѣверной части глубина около 30 сант., въ южной—отъ 50 до 90. Скелетъ лежитъ обыкновенно на землѣ, на спинѣ, съ вытянутыми ногами; руки почти всегда, говоритъ г. Бой, были расположены такъ: правая на поясѣ, лѣвая на груди, въ направленіи къ правому плечу. И въ сѣверной, и въ южной половинѣ вскрытаго пространства, однѣ могилы обращены головой, вообще говоря, къ югу, другія, вообще говоря, къ сѣверу (именно: къ ЮЗ.—9 и къ ЮЮЗ.—1, къ Ю.—3, къ ЮВ.—2 (или одна?) [1]); далѣе, къ СВ.—4, къ СЗ—3 (или 4?), къ С. — 2; затѣмъ двѣ — къ западу и одна къ востоку. По находкамъ могилы первой группы (головой къ югу) отличаются отъ второй (голова къ сѣверу): въ первыхъ нѣтъ оружія, а есть мирныя мотыки и есть грудныя цѣпи, и въ большей подгруппѣ—плечевыя булавки съ крестообразной (въ четыре круга) головкой; среди металлическихъ украшеній этой группы (гривны, спиральные цилиндрики, спирали-браслеты, цѣпи, кольца, черепки, фибулы), нѣтъ серебра, кромѣ серебряной накладки съ круговымъ украшеніемъ на крестовидныхъ булавкахъ, названныхъ уже нами, и одной куфической монеты; какъ неупомянутые доселѣ предметы, назовемъ рѣдкія желѣзныя: кольца и (въ первой подгруппѣ) булавки съ плоскимъ, стоячимъ кружкомъ вверху; бусы (бронзовыя спирали, синее стекло, янтарь); ножики простые и серповидные. Въ самой южной части могильника являются могилы (5, которыя мы назовемъ второй подгруппой первой группы), нѣсколько отличныя отъ первыхъ: въ нихъ есть мотыки и цѣпи, нѣтъ оружія и серебра, но въ нихъ нѣтъ булавокъ, зато является изобиліе подвѣсокъ: коньки, птицы, вырѣзные кружечки, ключи, бубенчики и колокольчикъ и, наконецъ, крестики христіанскіе, узорчатыхъ формъ, освоившихся на Западѣ того времени (въ двухъ могилахъ по три, въ одной дѣтской—одинъ); является тонкая витая проволока для подвѣски, и только въ нихъ, изъ обращенныхъ головой къ югу, есть подковообразныя фибулы; наконецъ, строеніе наперстной цѣпи здѣсь иное, чѣмъ въ первой подгруппѣ: тамъ звенья—тройныя, здѣсь—двойныя. Еще рѣзче отличіе могилъ второй группы (головой къ сѣверу) отъ всей первой группы. Лишь въ этихъ, обращенныхъ головой къ сѣверу, могилахъ и въ нихъ почти постоянно [2]), встрѣчается оружіе: желѣзные односторонніе мечи, желѣзные копья, гарпунъ, боевые топоры (т. е. рукоять по направленію лезвія), въ этихъ же могилахъ головки подковообразныхъ фибулъ не круглы, какъ во второй подгруппѣ первой группы, а гранены; въ нихъ найдена прекрасная фибула самопаломъ и плотное по виду (мягкое и растя-

---

[1]) Могила № 1 въ текстѣ указана обращенной съ ЮВ. на СЗ., слѣдовательно, головою на ЮВ. Но на планѣ головой скелетъ лежитъ къ СЗ., и это послѣднее направленіе соотвѣтсвовало бы найденнымъ вещамъ (ножевидный мечъ и копье).

[2]) Въ одной могилѣ, съ головой, обращенной къ СВ., не найдено ни оружія, ни вообще какихъ либо вещей; о другой, головой на С., см. ниже.

жимое на дѣлѣ) толстое кольцо изъ тѣхъ, что такъ смущали прежде изслѣдователей вопросомъ, какъ надѣть ихъ на руку (почему и рѣшали—было что цѣль ихъ—натягивать тетиву); въ нихъ найдены и красивые поясные наборы и пряжки съ украшеніемъ насѣчкой, есть насѣчка зигзагами и на спиральномъ браслетѣ; есть пряжка кольцомъ о трехъ радіусахъ. Наконецъ, въ этихъ могилахъ нѣтъ ни мотыкъ, ни бронзовыхъ гривенъ, ни булавокъ, ни цѣпочекъ; встрѣчается ожерелье (можетъ быть и головной уборъ, изъ спиральныхъ цилиндриковъ, нити которыхъ бываютъ и при цѣпяхъ первой группы; есть и обычные ножики. Къ этой же второй группѣ, несомнѣнно, надо отнести могилу, случайно разрытую за нѣсколько дней до поѣздки г. Боя: тамъ найденъ односторонній мечъ съ рукояткой, фибула подковой съ гранеными головками, мягкій массивный браслетъ и серебряная гривна, у которой концы загнуты простыми крючками. Въ одной изъ могилъ этого рода, кромѣ обычныхъ вещей найденъ точильный брусокъ и кусокъ кремня. Въ другой могилѣ, головой также къ СЗ. любопытны остатки досокъ, которыя съ боковъ, поставленныя ребромъ, ограждали трупъ; въ другихъ могилахъ не было слѣда досокъ. Далѣе отличаются особенностями и обѣ могилы, обращенныя головой прямо на С. Въ одной изъ нихъ скелетъ лежалъ на лѣвомъ боку, съ подогнутыми, какъ въ сидячемъ положеніи, ногами; при немъ найдены: два желѣзные перстня и бусы изъ рыбьихъ позвонковъ, подобныя которымъ есть въ Рижскомъ музеѣ, но изъ южной Франціи (раскопка пещеры въ Ментонѣ). Другая могила съ головой на С., можетъ быть, также имѣетъ отношеніе къ рыбной ловлѣ: ибо въ ней, кромѣ боеваго топора и ножика, найдено то орудіе, которое г. Бой склоненъ признать гарпуномъ (копьеобразный, но односторонній желѣзный наконечникъ, съ загнутымъ противоположнымъ концомъ для прикрѣпленія къ древку). Въ могилѣ, обращенной головой къ В., не найдено вещей. Обѣ могилы, направленныя головой къ З., отличаются отъ другихъ. Въ одной найдены: двѣ бронзовыя гривны, у которыхъ однако концы изогнуты не сѣдлообразной петлей, ни сведены на утонченіе (два способа въ могилахъ первой группы), а плоско обрублены, и пара плечевыхъ булавокъ, но расположенныхъ не по обоимъ плечамъ, какъ въ первой группѣ, а обѣ на правомъ плечѣ, накрестъ, и отличаясь формой головки: это ромбъ, съ маленькими кружочками по краямъ (такъ что здѣсь крестообразной формы, собственно говоря нѣтъ), а въ серединѣ раздѣленный на четыре ромбоидальныхъ же гнѣзда для эмали. Другая изъ могилъ съ головой къ З. отличается среди всѣхъ 27 тѣмъ, что скелетъ въ ней лежалъ на каменномъ помостѣ, а не просто на материкѣ; при скелетѣ здѣсь найдены двѣ синія стеклянныя бусы и остатки бронзоваго перстня, но вещи эти тотчасъ разсыпались. Могилу, обращенную головой на ЮВ. мы отнесли къ первой группѣ; но въ ней есть нѣкоторыя отличія: тутъ, на остаткахъ кожанной шапки, найдена круглая бляха, у которой на приподнятомъ среднемъ щиткѣ сквознымъ переплетомъ вырѣзанъ крестъ; три бронзовые гривны, витыя, съ сѣдлообразными концами, скрѣпленныя вмѣстѣ проволокой; на

плечахъ двѣ крестовыя обычныя булавки, а держась на нихъ цѣпь колѣнчатая, парами бронзовыхъ спиральныхъ цилиндриковъ (сант. въ 5), соединенныхъ желѣзными суставами; въ ржавчинѣ одной изъ этихъ желѣзныхъ связокъ нашлись двѣ синія стеклянныя бусы; остатки желѣзнаго ножика и его ноженъ съ мѣдной накладкой; перстень бронзовый спиральный, два желѣзныхъ перстня, треугольная привѣска (парой) бронзовая, остатки спиралей бронзовыхъ, маленькая янтарная буса; наконецъ, на гривнахъ лежалъ серебряный диргемъ съ куфической надписью, битый по опредѣленію бар. Тизенгаузена, въ 291 г. гиджры (903/4 г. по Р. Х.) въ Шушѣ (Ташкентѣ).

Мы не рѣшаемся опредѣлять племени погребенныхъ, но думаемъ, что тутъ надо различать по крайней мѣрѣ два племени, при чемъ одно племя (могилы головой на СВ., СЗ. и С.), можетъ быть, было представлено лишь пришлой военной дружиной.

Городъ Каменецъ-Подольскій. Историческое описаніе. Священника Е. Сѣцинскаго. Кіевъ. 1895 г.

Трудъ священника Е. Сѣцинскаго изданъ на средства каменецкаго городскаго управленія въ память исполнившагося въ 1893 году столѣтія возсоединенія Подоліи съ Россіей. Цѣлью автора было дать русскимъ читателямъ историческія свѣдѣнія о Каменцѣ-Подольскомъ: въ то время, какъ на польскомъ языкѣ существуетъ довольно обширная литература, посвященная спеціально исторіи этого города, на русскомъ языкѣ есть только одна книга г. Сементовскаго „Каменецъ-Подольскій", сдѣлавшаяся теперь библіографической рѣдкостью, и кромѣ того уже устарѣвшая (вышла въ 1862 г.). Для составленія своего описанія о. Сѣцинскій воспользовался не только всей литературой русской и польской, но и различными сборниками актовъ (Акты Юж. и Зап. Рос., Арх. Ю. З. Р. и другіе) и даже нѣкоторыми ненапечатанными еще документами. Пользуясь главнымъ образомъ польскими пособіями, авторъ старался освѣтить факты съ русской точки зрѣнія. Книга дѣлится на двѣ части. Въ первой, меньшей по объему, изложенъ краткій историческій очеркъ внѣшнихъ событій, во второй же заключается историческое обозрѣніе внутренней жизни города и описаніе современнаго Каменца. Здѣсь авторъ прежде всего излагаетъ исторію крѣпости, а затѣмъ переходитъ къ обозрѣнію церковно-религіозной жизни трехъ общинъ: русской, польской и армянской, и къ исторіи ихъ самоуправленія, торговли и промышленности. Больше всего вниманія онъ удѣляетъ исторіи русской общины и описанію памятниковъ православія. Сказавъ нѣсколько словъ о просвѣтительныхъ и благотворительныхъ учрежденіяхъ, авторъ въ заключеніе сообщаетъ свѣдѣнія о населенности города въ различныя времена и о современномъ его состояніи. Книга украшена фототипическимъ портретомъ императрицы Екатерины II, въ царствованіе которой Подолія возсоединилась съ Россіей, и видами города, изъ коихъ гравюры заимствованы изъ изданія П. И. Батюшкова „Подолія"

Н. Чулковъ.

Отчетъ Рязанской Архивной Комиссіи за 1894 г.

Дѣятельность Коммиссіи по осуществленію главнѣйшаго ея назначенія— разбора архивовъ и выдѣленія изъ нихъ дѣлъ, подлежащихъ храненію въ Историческомъ архивѣ, была направлена главнымъ образомъ на разборъ архива губернскаго правленія, но дѣло это подвигалось крайне медленно (разобрано 3421 дѣло) вслѣдствіе того, что только немногіе члены Коммиссіи являлись на засѣданія, назначенныя для разбора архивныхъ дѣлъ. Систематизація и описаніе дѣлъ, выбранныхъ для храненія въ Историческомъ архивѣ, тоже находились въ печальномъ положеніи за неимѣніемъ средствъ нанять писца для переписи описей. Въ архивъ поступаютъ дѣла не только изъ мѣстныхъ учрежденій: изъ сенатскаго архива поступило 25 дѣлъ, имѣющихъ отношеніе до исторіи Рязанскаго края. Сдѣлано нѣсколько пожертвованій частными лицами и нѣсколько пріобрѣтеній на средства Коммиссіи.—Гораздо успѣшнѣе шла археологическая дѣятельность Коммиссіи благодаря ассигнованію денежныхъ средствъ на роскопки Императорской Археологической Коммиссіей. На эти средства А. И. Черепнинъ произвелъ раскопки Кузьминскаго могильника (въ 35 в. отъ Рязани на Окѣ); найдено было 70 обыкновенныхъ погребеній и 5 погребеній съ остатками трупосожженія и добыто большое количество бронзовыхъ украшеній, оружія и др. предметовъ, представляющихъ матеріалъ для ознакомленія съ доисторическимъ прошлымъ Рязанскаго края. Раскопки, произведенныя тѣмъ же лицомъ близъ с. Вакина и Окоемова, не дали никакихъ результатовъ: два кургана оказались уже разрытыми мѣстными кладоискателями. Совмѣстно съ А. Д. Повалишинымъ А. И. Черепнинъ произвелъ раскопки близъ с. Шагрицъ, при чемъ рядомъ со старорязанскимъ городищемъ былъ обнаруженъ большой языческій могильникъ, а при раскопкахъ съ проф. А. Я. Кожевниковымъ найдены были 2 погребенія: мужское съ оружіемъ и женское съ бронзовыми украшеніями. Затѣмъ А. И. Черепнинъ осмотрѣлъ цѣпь кургановъ близъ г. Спасска, оказавшихся однако естественнаго происхожденія, а не могильными. Въ Зарайскомъ уѣздѣ онъ произвелъ раскопки въ урочищѣ Большой лѣсъ и нашелъ остатки стоянки каменнаго вѣка: найдены были каменныя орудія изъ кремня, обломки глиняной посуды и одно погребеніе, въ которомъ костякъ истлѣлъ, черепъ же и кости расплющены тяжестью земли. Древности отправлены въ Императорскую Археологическую Комиссію. Описаніе ихъ будетъ помѣщено въ трудахъ Рязанской арх. Коммиссіи. Музей Коммиссіи обогатился многими предметами, какъ пожертвованными, такъ и купленными, въ особенности же расширился нумизматическій отдѣлъ; большинство вновь полученныхъ монетъ относится ко времени Іоанна IV. Пожертвованы въ музей между прочимъ зубъ и волосъ архіепископа рязанскаго Гавріила. Музей привлекъ въ отчетномъ году до 1,000 посѣтителей. Помѣщеніе его крайне неудобно, часть коллекцій установлена въ темной комнатѣ. Дѣятельность Коммиссіи по наблюденію за сохраненіемъ памятниковъ древности проявилась только въ томъ, что было обращено вниманіе на запущенное состояніе могилы св. Василія

Рязанскаго. Библіотека обогатилась 384 изданіями и книгами, пожертвованными разными лицами, полученными въ обмѣнъ на изданія Коммиссіи и пріобрѣтенными на собственныя средства. Изданіе трудовъ Коммиссіи затруднялось обремененіемъ губернской типографіи срочной работой. Въ отчетномъ году выпущено было всего 2 выпуска трудовъ: 2-ой за 1893 г. и 1-й за 1894 г., „Списокъ именъ замѣчательныхъ дѣятелей Рязанскаго края" и нумизматическій каталогъ. Въ очередныхъ собраніяхъ Коммиссіи сдѣлано было нѣсколько сообщеній (о раскопкахъ Борковскаго могильника, первоначальныхъ обитателяхъ Рязанскаго края, разселеніе славянъ по Восточной Европѣ и въ частности Вятичей примѣнительно къ теоріи Д. Я. Самоквасова, о славянскихъ поселеніяхъ въ Западной Европѣ и др.), Кромѣ того, Коммиссія выработала программу празднованія 800-лѣтія Рязани. Средства архивной Коммиссіи были крайне скудны, главнымъ образомъ, вслѣдствіе неисправнаго поступленія членскихъ взносовъ. Годъ пришлось закончить съ дефицитомъ около 250 р., покрытымъ пожертвованіемъ г. Буймистрова и пособіемъ отъ нѣкоторыхъ уѣздныхъ земствъ. *Н. Ч.*

Труды Рязанской ученой архивной Коммиссіи за 1895 г.

Въ 1895 г. вышло по обыкновенію 2 выпуска трудовъ Коммиссіи, заключающихъ въ себѣ какъ историческіе матеріалы, такъ и отдѣльныя изслѣдованія по исторіи края. Послѣднія принадлежатъ перу А. Д. Повалишина. Имъ составлены 2 изслѣдованія: о рязанскихъ помѣщикахъ и ихъ крѣпостныхъ въ XIX в., по дѣламъ архивовъ присутственныхъ мѣстъ, и о состояніи Рязанской губерніи за время съ 1848 по 1873 г. по Всеподданнѣйшимъ отчетамъ губернаторовъ. Затѣмъ находимъ нѣсколько статей по этнографіи и археологіи. И. И. Проходцевъ написалъ о предбрачныхъ обычаяхъ и убыткахъ (т. е. убыткахъ, понесенныхъ во время сватовствъ, которые взыскиваютъ въ случаѣ отказа отъ брака), по книгамъ рѣшеній волостныхъ судовъ Рязанской губерніи, А. И. Черепнинъ продолжалъ описывать Борковскій могильникъ, а С. Д. Яхонтовъ описалъ братины и кружки Рязанскаго архіерейскаго дома. Историческіе матеріалы, напечатанные въ 2 выпускахъ, касаются преимущественно исторіи Переяславля-Рязанскаго. Такова опись укрѣпленій этого города 1651 г., подлинникъ которой хранится въ библіотекѣ Петербургскаго Артиллерійскаго музея, и описныя книги 1690 г. изъ Архива Министерства Юстиціи. Изъ мѣстныхъ матеріаловъ напечатана вкладная книга Николо-Радовицкаго монастыря. Къ первому выпуску приложена карта славянскихъ памятниковъ и урочищъ въ Европѣ, составленная ген.-лейт. А. Ф. Риттихомъ по Шафарику, Гильфердингу и др. Тутъ же находимъ и объясненія къ ней. Составитель полагаетъ, что славяне нѣкогда населяли всю Европу. Южная Англія и испанская Галиція—славянскіе земли. Для примѣра приведемъ нѣсколько словопроизводствъ г. Риттиха: Ліонъ — это Ленъ (потому что здѣсь выдѣлывались льняныя произведенія), Русильонъ—Русъ изъ Ліона, Хорассанъ—Хорсъ (богъ) рассанъ. Вся статья наполнена подобными филологическими измышленіями автора.

Въ 1896 г. Рязанская Коммиссія выпустила въ свѣтъ брошюру „Празднованіе 800-лѣтія Рязани". Кромѣ описанія торжества книга заключаетъ въ себѣ и рѣчи, произнесенныя въ засѣданіи Коммиссіи и на актѣ въ гимназіи. Онѣ посвящены исторіи Рязанскаго края, его святынямъ и замѣчательнымъ дѣятелямъ (вел. кн. Олегъ Ивановичъ, митрополитъ Стефанъ Яворскій). А. И. Черепнинымъ написанъ по случаю юбилея обширный очеркъ о доисторическомъ прошломъ Рязанскаго края. Къ брошюрѣ приложено нѣсколько видовъ города. *Н. Ч.*

Дѣйствія Нижегородской губернской архивной Коммиссіи. Т. II, вып. 15.

15-мъ выпускомъ начинается новый томъ. Первый томъ былъ напечатанъ подъ редакціей покойнаго А. С. Гацисскаго. Съ 15 же выпуска начала свою дѣятельность новая редакціонная коммиссія, состоящая изъ предсѣдателя архивной Коммиссіи А. А. Савельева и 3 членовъ, въ числѣ которыхъ находится В. Г. Короленко. Планъ изданія измѣненъ новой редакціей: журналы засѣданій выдѣлены въ особое изданіе, „Дѣйствія" же будутъ заключать въ себѣ статьи и сообщенія членовъ Архивной Коммиссіи, разные историческіе документы, описи архивныхъ дѣлъ и алфавитные указатели, напечатанныхъ уже статей и матеріаловъ. Первый отдѣлъ (т. е. отдѣлъ статей и сообщеній) начинается матеріалами о постройкѣ церкви въ дворцовой Починковской волости за XVII и XVIII столѣтія, извлеченными В. И. Холмогоровымъ изъ документовъ Архива Министерства Юстиціи. В. Г. Короленко напечаталъ обширную переписку знаменитаго механика-самоучки И. П. Кулибина съ дѣтьми, А. И. Звѣздинъ изложилъ исторію основанія нижегородскаго археологическаго музея, а В. И. Снѣжневскій сдѣлалъ извлеченіе изъ дневника раскопокъ Гагинскаго могильника. Могильникъ при с. Гагинѣ, Сергачскаго уѣзда, обнаруженъ весной 1894 г. при рытьѣ ямъ для фундамента: рабочими вырыты были человѣческія кости и металлическія вещи. Раскопки могильника, по порученію Императорской Археологической Коммиссіи, произведены г. Снѣжневскимъ въ началѣ сентября. Раскопки обнаружили 61 погребеніе съ костяками въ разнообразномъ положеніи, но преимущественно головами на сѣверъ и сѣверо-западъ. Найдено 3 случая двойныхъ погребеній. Костяки чаще всего лежали на землѣ, въ нѣкоторыхъ же случаяхъ на подстилкѣ изъ конскаго волоса. Найдено было болѣе 400 предметовъ, значительную часть которыхъ составляли серебряныя и бронзовыя украшенія: бусы, перстни, браслеты, пряжки. Съ мужскими костяками найдены кремни съ огнивомъ, топоры, ножи. Между прочимъ, найдены деревянный гребешокъ съ золотой, повидимому татарской, надписью и 9 серебряныхъ татарскихъ монетъ XIV в. Судя по найденнымъ вещамъ можно предположить, что могильникъ мордовскій. Въ числѣ историческихъ документовъ напечатаны Чиновникъ Нижегородскаго Спасскаго собора и благословенныя грамоты патріарха Іоанна и митрополита Стефана на построеніе церквей. Остальные документы относятся къ XIX вѣку.

Отдѣлъ описей заключаетъ въ себѣ подробную опись дѣлъ, хранящихся въ архивѣ Коммиссіи. *Н. Ч.*

Извѣстія Таврической Ученой Архивной Коммиссіи № 24 (годъ десятый). Подъ ред. правителя дѣлъ Арсенія Маркевича. Симферополь, 1896; 163 стр. и таблица.

Эта книжка извѣстій кромѣ архивнаго матеріала (*Г. К. Кирьенко*,— „Ордера кн. П. А. Зубова правителю Тавр. обл. за 1795 г.", продолж.; *В. В. Оглобинъ*—„Матеріалы для исторіи Крыма въ XVII в. въ расходныхъ книгахъ Сибирскаго приказа; *Ѳ. Ѳ. Лашковъ*.—„Историч. очеркъ Крымско-татарскаго землевладѣнія", продолженіе и „Сборн. докум. по ист. Кр.-тат. землевладѣнія", продолженіе) содержитъ въ себѣ: статью *А. О. Кашпара*— „Раскопки кургановъ въ окрестностяхъ Симферополя, произведенныя Н. И. Веселовскимъ въ 1895 г." *Отчетъ* Коммиссіи за 1895 г. и *протоколы* ея отъ 21 сентября 1895 г. и 17 января 1896 г.

Отчетъ указываетъ, что 1895 г. былъ въ Коммиссіи менѣе плодотворенъ, чѣмъ предъидущіе. Вслѣдствіе отъѣзда А. Х. Стевена въ началѣ отчетнаго года въ Петербургъ, должность предсѣдателя цѣлый годъ оставалась вакантной, товарищъ предсѣдателя И. И. Казасъ также выбылъ изъ Симферополя; избранный на его мѣсто Н. А. Султанъ-Крымъ-Гирей по дѣламъ службы большею частью былъ въ отъѣздѣ, а теперь получаетъ назначеніе на Кавказъ. Это отсутствіе главаря сказалось на ослабленіи дѣятельности Коммиссіи. Тѣмъ не менѣе Коммиссіей разобраны подлежащія уничтоженію дѣла архива Губернскаго Правленія, разсмотрѣны нѣсколько описей архивовъ Бессарабской и Ставропольской Казенныхъ палатъ и продолжали разсматриваться дѣла Канцеляріи губернатора и Губ. Правленія, касающіяся Бахчисарайскаго дворца и другихъ вопросовъ по исторіи края. Но вообще правительственные архивы края—новы, частныхъ архивовъ нѣтъ вовсе, и въ этомъ отношеніи широтой поля Коммиссія уступаетъ другимъ Архивнымъ Коммиссіямъ. Какъ и прежде Коммиссія изучала и охраняла памятники старины и заботилась о пополненіи своего музея древностей. А. О. Кашпаръ и Ѳ. Ѳ. Лашковъ участвовали въ раскопкахъ Н. И. Веселовскаго. Арс. Ив. Маркевичъ, по порученію Археолог. Ком., сотрудничалъ Ю. А. Кулаковскому въ его поѣздкахъ и трудахъ по составленію археологической карты Крыма. — Изъ пріобрѣтеній музея главные: переснимки съ плановъ Бахчисарайскаго дворца, сдѣланныхъ въ 1798 г., и 100 татарскихъ монетъ изъ г. Стараго Крыма. Всего въ музеѣ къ 1896 г. было около 3000 мон. и ок. 2500 разныхъ предметовъ. Въ библіотекѣ получено за годъ 838 названій. Изданы въ свѣтъ выпуски 22 и 23 *Извѣстій*. Денежныя средства свои Коммиссія считаетъ упрочившимися, годовой расходъ ея былъ около 400 р. (ок. 100 на покупки древностей, около 250 на два выпуска „Извѣстій", листовъ по 8).

— А. О. Кашпаръ заключаетъ такъ докладъ свой о раскопкахъ, про-

изведенныхъ, при его участіи, Н. И. Веселовскимъ въ окрестностяхъ Симферополя въ прошломъ году:

„Въ общемъ большая часть изъ 19 раскопанныхъ проф. Веселовскимъ кургановъ въ 1895 г. оказались разграбленными, а многіе изъ нихъ обильными только красными костями, между тѣмъ какъ раскопанные курганы на той же возвышенности, на земляхъ гг. Талаевыхъ и Пастака, въ 1891 и 1892 гг. дали прекрасныя находки, были богаты даже золотыми предметами весьма изящной работы (Всего въ этой мѣстности, на пространствѣ 16 верстъ въ длину и 6 въ ширину, раскопано по настоящее время 30 кургановъ, и остается нераскопаннымъ не болѣе пяти, и то небольшихъ. Кромѣ того, на противоположной возвышенности, на правомъ берегу Салгира, раскопано 9 кургановъ).

Во всякомъ случаѣ и раскопки истекшаго года нельзя считать безплодными въ научномъ отношеніи. Во первыхъ, въ нѣкоторыхъ курганахъ оказалось по три и даже четыре различныхъ типа погребенія: нижнія могилы—простыя ямы въ материкѣ, съ красными костями; затѣмъ, могилы надъ материкомъ, выложенныя деревянными балками и засыпанныя камнемъ; далѣе могилы въ насыпи, уставленныя со всѣхъ сторонъ большими и неотесанными плитами, и, наконецъ, могилы съ толстыми каменными стѣнами, правильной четыреугольной формы. При этомъ часто встрѣчались впускныя могилы—или изъ тесанныхъ плитъ, обыкновенно пяти, или просто обложенныя разной величины камнями. Во вторыхъ, въ могилахъ съ красными костями найдены были мѣдное копье, серебряныя серьги и пр., что представляетъ значительный интересъ. Наконецъ, въ третьихъ, въ нѣсколькихъ курганахъ въ раскопанныхъ могилахъ обнаружено погребеніе съ лошадью. Въ этихъ могилахъ находилось множество желѣзныхъ предметовъ—все части разнаго рода оружія: панцыри, длинныя сабли; наконечники копій; а возлѣ костяковъ лошадей въ нихъ были удила и стремена“.

Добавимъ, что въ могилахъ съ каменными стѣнами, стѣна одной представляла собой квадратъ въ $4^1/_4$ аршина, стѣна другой — квадратъ въ $3^3/_4$ аршина. Внутри лежало множество костяковъ мужскихъ, женскихъ и дѣтскихъ. Череповъ въ первой найдено 198, въ другой больше ста. Вещи среди костей: въ первой могилѣ—бусы глиняныя, стеклянныя, изъ массы съ мозаикой, мѣдныя и др.; глиняныя: солонка, бальзамарій, блюдце изъ черной поливы; кувшины и части ихъ, наполненные круглыми камешками; черепки амфоръ, чашъ горшковъ изъ красной и черной глины, мѣдные: уховертка, наконечники стрѣлокъ, проволочные браслеты; мѣдныя кольца, зеркальце, привѣски; серьги (одна съ стеклянной привѣской); золотыя и серебряныя колечки, малый серебряный браслетъ. Такія же вещи найдены и во второй могилѣ.

Въ одной могилѣ, устроенной изъ пяти каменныхъ плитъ, плиты эти внутри были разукрашены штрихами краснаго, голубого и чернаго цвѣта; въ могилѣ этой, при двухъ скелетахъ съ поджатыми ногами, головой на юго-

остокъ, нашлись: горшокъ изъ необожженной глины, каменный прекрасной
олировки молотокъ, круглое каменное точило и кусокъ кремня, — повиди-
му, лишь пережившіе случайно остатки каменнаго вѣка.

Одна изъ могилъ съ красными костями была и сама вся выкрашена
ой краской, и довольно большіе куски этой краски были найдены въ
, въ этой могилѣ найдено мѣдное шило, а подъ спиной много пепла.
изъ могилъ съ красными костями (четырехугольная, аккуратная) была
ть обмазана глиной.

новенная форма ямы при красныхъ костяхъ—овальная; могилы—
, положеніе согнутое (ноги поджаты) голова на В или СВ, ве-
лучаяхъ не найдено, въ одномъ найдены двѣ серебряныя серьги,
—мѣдное шило, въ третьемъ—мѣдное копье (см. ниже), въ 4 мъ—
ѣе 100 мѣдныхъ наконечниковъ стрѣлъ (этотъ скелетъ лежалъ
альной могилѣ (въ материкѣ), головой на З); въ пятой — черепки
ой посуды изъ черной глины, куски угля, у рукъ два кремневые скребка,
ное копье, въ три вершка длины и $1^1/_2$ ширины, сверху могила была при-
крыта деревомъ; кости черепа были вдвое толще обыкновенныхъ; разъ у
праваго плеча лежалъ камень; пепелъ подъ костяками, въ большомъ коли-
чествѣ, отмѣченъ два раза; одинъ скелетъ выдавался величиной: онъ былъ
2 арш. 10 в. длины. Лежалъ онъ въ одномъ изъ кургановъ съ нѣсколькими
погребеніями; въ этомъ же курганѣ, во впускной могилѣ, на глубинѣ $2^1/_2$
арш., покрытой деревомъ, при скелетѣ, головой на З, съ вытянутыми ру-
ками и ногами (но колѣни расходились) найдены: въ головахъ отличный не-
фритовый молотокъ, а въ ногахъ брусокъ, трехугольный, безъ дырочки;
подъ этой могилой, на $1^1/_2$ сажени глубже — могила, обложенная четырехугольными бревнами, покрытая бревнами же и засыпанная мелкими камнями; въ ней было два скелета, опять съ красными костями, очень истлѣвшими, головой на СВ; у головъ было мѣдное плоское копье въ $1^1/_2$ вершка длиною.

Въ протоколѣ засѣд. 17 января сообщено содержаніе доклада А. В. Новикова о принадлежащей его собранію скиѳской глиняной игрушечной телѣжкѣ (сходной съ имѣющейся въ Москвѣ въ Историческомъ Музеѣ). Телѣжка эта найдена въ Керчи, на Глинищѣ, въ дѣтской гробницѣ. Верхняя часть ея—башенка или печь, была отбита, въ Керчи на Глинищѣ, въ дѣтской гробницѣ, а площадка надъ ея переднимъ отверстіемъ была втиснута внутрь его. Подобной площадки или крышечки, выходившей наружу съ противоположной стороны, недостаетъ. Колеса телѣжки, равной величины, были найдено отдѣльно отъ телѣжки и прилажены уже потомъ. Отверстіе для дышла есть и спереди, и сзади повозки. Размѣры повозки слѣдующіе: длина 14 сантиметровъ, ширина 6 сантиметровъ, вышина съ вышкою 15 сантиметровъ. На игрушкѣ послѣ ея находки были слѣды ракушекъ или корешковъ, которые лучше всего доказываютъ ея древность.

Письма русскихъ государей и другихъ особъ царскаго семейства. V — письма царя Алексѣя Михаиловича. Изданіе Коммиссіи печатанія Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ, состоящей при Моск. Главн. Архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ. Москва, 1896 г.

Только что вышедшій, пятый выпускъ Писемъ Русскихъ Государей содержитъ въ себѣ 69 писемъ царя Алексѣя Михаиловича, къ сестрамъ. Изъ этихъ писемъ 65 писаны въ походахъ Польскомъ и Ливонскомъ 1654—1656 гг.; а остальныя 4 въ 1660 и 1670—1675 г. изъ богомольныхъ походовъ въ Троице-Сергіевъ и Саввинъ-Звенигородскій монастыри и изъ села Семеновскаго, гдѣ царь смотрѣлъ войско въ 1674 г. Въ письмахъ 1654—56 гг., царь даетъ вѣсти о прибытіи на новое мѣсто, о предполагаемомъ далѣе движеніи, о ходѣ войны, о побѣдахъ русскихъ и о сдачахъ непріятельскихъ городовъ, и эти письма, вмѣстѣ съ прежде изданными матеріалами, цѣнны какъ матеріалъ для исторіи походовъ 1654—56 гг. и завоеванія Бѣлоруссіи. Письма интересны и теплотою семейныхъ отношеній и проявленіями благочестія царя. Два письма писаны собственноручно; въ остальныхъ приписки рукою Алексѣя Михайловича. Подлинники хранятся въ С.-Петербургѣ въ Государственномъ Архивѣ (Мин. Ин. Дѣлъ). Почти всѣ письма издаются впервые. Къ изданію присоединено предисловіе, архивныя примѣчанія и двѣ фототипіи съ частей писемъ и съ трехъ печатей (двуглавый орелъ, Георгій Побѣдоносецъ, бѣгущій влѣво левъ надъ пятью розетками).

Въ виду собравшагося нынѣ Рижскаго Съѣзда укажемъ письма 60—62, писанныя царемъ изъ Прибалтійскаго края. Въ первомъ изъ нихъ описывается взятіе Динабурга: царь указалъ приступать къ городу 31 іюля (1656 г.) съ середы на четвергъ, въ ночи за два часа до свѣта. „И милостью Божіею, и Пресвятыя Богородицы заступленіемъ, и великихъ страстотерпцевъ Христовыхъ Бориса и Глѣба помощью, и отца нашего, гос. святѣйшаго Никона, архіепископа царствующаго великаго града Москвы и всея В. и М. и Б. Россіи патріарха молитвами, о нашемъ государскомъ и сына нашего благовѣрнаго царевича и вел. кн. Алексѣя Алексѣевича счастьемъ, большой городъ взяли за полчаса до свѣта, а меньшой городокъ зажгли гранадами; и какъ загорѣлися въ верхнемъ городкѣ дворы, и изъ нижняго городка пошли на верхній городокъ, и верхній взяли и высѣкли того жь часа“. Доселѣ писано рукою писца. Далѣе царь прибавляетъ собственноручно: „*А съ сеунчемъ послали къ вамъ Петра Матюшкина. Многолѣтствуйте, государыни мои и съ нами всѣми, и вы со мною, и съ новоосвященною церковью страстотерпецъ Бориса и Глѣба въ нововзятомъ городѣ Дивноборкѣ, нареченномъ Борисо-Глѣбовымъ городомъ, и съ нимъ, новымъ городомъ! Здраствуйте на многія лѣта!*

А на приступѣ всѣхъ нашихъ было 3,400 ч., а убито и ранено немного“. Въ концѣ опять рукою писца: „Писано въ нашемъ городѣ преже именованномъ Диноборке, а нынѣ въ нареченномъ Борисоглѣбовѣ городѣ, августа въ 3 день“. Изъ письма № 61, писаннаго цѣликомъ рукою царя приведемъ строки“. Царь пишетъ изъ Кукенойса, отъ 17—18 августа 1656 г. Со-

общивъ, что *„вашими, свѣтовъ моихъ, молитвами и слезами, Господь Богъ сподобилъ грѣшника обновитися святымъ покаяніемъ и пріобщитися Пречистому Тѣлу и Крови Своей Пречестнѣй, и люди всѣ ратные и съ служащими имъ обновилися, а иные и причащалися многіе“*, царь продолжаетъ: *„Да по явленію мнѣ страстотерпецъ Бориса и Глѣба, повелѣвающю мнѣ праздновати новому страдальцу царевичу Димитрію и церковь во имя его, и я потому и праздновалъ по тотъ день, какъ приступали, и церковь во имя его поставя. И освятился августа въ 17 день, въ недѣлю, Питиримомъ митрополитомъ сарскимъ и подонскимъ съ братіею. И отселѣ нарекли сему граду имя Царевиче-Дмитріевъ городокъ. А крѣпокъ безмѣрно, ровъ глубокій, меншій братъ нашему кремлевскому рву; а крѣпостью сынъ Смоленску граду: ей, чрезъ мѣру крѣпокъ. А побито людей нашихъ 67 чел., да ранено 430 чел.“*. Въ третьемъ письмѣ, отъ 22 сентября 1656 г., царь привѣтствуетъ поименно всю семью, изъ „своего государева похода, подъ городомъ Ригою“.

Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Моск. Унив. 1896 годъ, 3 (178), подъ завѣдываніемъ Е. В. Барсова. М. 1896 г.

Третья книга „Чтеній“ за нынѣшній годъ содержитъ въ себѣ. А) въ *Матеріалахъ:* Сарайская и Крутицкая епархія, документы Моск. Дух. Консист., вып. 2 (сообщ. о. *Н. А. Соловьевъ);* Русское сказаніе о Лоретской Богоматери (сообщилъ *А. И. Кирпичниковъ);* Какашъ и Тектандеръ, путешествіе въ Персію черезъ Московію въ 1602—1603 г., перевелъ съ нѣмецкаго *А. И. Станкевичъ* (окончаніе: указатель, дополненіе и справки). Б) Изслѣдованіе: *А. И. Прозоровскаго*—Сильвестръ Медвѣдевъ, гл. 4—6. В) Матеріалы: Планъ XVII в., части Москвы (Маросейка, Ильинка, Красная площадь); нѣсколько грамотъ 1606—1658 гг., изъ коихъ отмѣтимъ: жалованную грамоту царя Михаила Ѳеодоровича, 1613 г., „королевѣ-старицѣ“ Марѳѣ Владиміровнѣ о невзиманіи поборовъ съ Суздальской вотчины ея; приговоръ третейскаго суда 1621 г. между Суздальскимъ Спасо-Евфиміевымъ монастыремъ и помѣщикомъ Никитинымъ (обрядъ хожденія по межамъ съ образомъ и землею на плечахъ); грамота А. А. Ордыну-Нащокину о пожалованіи его въ думные дворяне и назначеніи въ посольство къ шведамъ; указъ царя Алексѣя Михаиловича 1658 г. вдовѣ околничаго княгинѣ Аннѣ Никифоровнѣ Лобановой-Ростовской о дачѣ ей помѣстій и вотчинъ мужа „для службы и многаго радѣнія бабки ея Ульяны Степановны“, что она, будучи у царя Алексѣя Михаиловича „отъ рожденія и до возраста“ за царемъ „ходила со всякимъ радѣніемъ безъ всякаго пороку“. Далѣе идутъ извѣстія о посылкѣ въ 1716 г. изъ Москвы въ Прагу для перевода книгъ двухъ учениковъ славяно-латинскихъ школъ; о пожарѣ г. Коломны въ 1739 г.; объ изданіяхъ Акад. Наукъ въ 1736 г. и наконецъ (по копіи въ сборникѣ гр. А. С. Уварова, № 451 (по Опис. арх. Леонида 1555), дѣло 1774—5 гг.; Отказъ рижскаго магистрата въ принятіи бывшаго вяземскаго купца Ив. Фатова въ

мѣщанство 1 гильдіи и высочайшій указъ Императрицы Екатерины II принять его въ мѣщане и купцы 1 гильдіи города Риги. Документы сообщены: А. Н. Зерцаловымъ, С. А. Бѣлокуровымъ, В. И. Холмогоровымъ и И. С. Бѣляевымъ.

Записки Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, т. VIII, вып. 3 и 4. Труды Отдѣленія Археологіи Древне-Классической, Византійской и Западно-Европейской. Книга первая. 1895. Съ таблицею и 116 рисунками въ текстѣ. Спб. 1896. стр. 1—448. Цѣна 2 р.

Въ годъ своего 50-лѣтія Императорское Русское Археологическое Общество кладетъ начало новому отдѣльному ряду томовъ въ своихъ „Запискахъ". Этотъ новый рядъ—труды Классическаго, Византійской и Западно-Европейскаго Отдѣленія—несомнѣнно будетъ столь же цѣннымъ и поучительнымъ вкладомъ въ нашу науку, какъ и прежде начатыя изданія почтеннаго Общества, и русскіе археологи искренно поблагодарятъ Общество за это новое начинаніе и пошлютъ по случаю его сердечный привѣтъ Классическому Отдѣленію.

Въ нынѣ вышедшей, 1-й книгѣ трудовъ Отдѣленія, большая часть, 306 страницъ, занята монографіей *А. А. Павловскаго — Скульптура въ Аттикѣ до греко-персидскихъ войнъ.* Раскопки послѣдняго времени, особенно раскопки аѳинскаго Акрополя въ 1885 — 1889 гг., открыли цѣлую область скульптуры въ Аттикѣ до греко-персидскихъ войнъ, дотолѣ извѣстную лишь по очень немногимъ образцамъ. Трудъ А. А. Павловскаго дорогъ уже тѣмъ, что въ немъ представленъ во всей полнотѣ матеріалъ этотъ, собранный въ залахъ Акропольскаго музея и дополняемый экземплярами Аѳинскаго національнаго и другихъ европейскихъ музеевъ: представленъ въ изложеніи добросовѣстнаго и талантливаго ученаго, который изучалъ матеріалъ на мѣстѣ, съ артистической тонкостью, черту за чертой, предметъ за предметомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ старательно изучилъ литературу предмета; представленъ, наконецъ, при помощи многочисленныхъ (110) цинкографій, въ которыхъ дано все сколько нибудь характерное въ разбираемыхъ памятникахъ. Уже внѣшнимъ образомъ монографія А. А. Павловскаго является сводомъ, ясно написаннымъ, систематично расположеннымъ, того матеріала, который рисуетъ скульптуру въ Аттикѣ до ея классическаго разцвѣта. Но кромѣ того, авторъ самостоятельно переработываетъ матеріалъ, и послѣ тонкаго анализа всѣхъ памятниковъ, даетъ имъ новое освѣщеніе, которое и ставитъ (въ заключительныхъ страницахъ труда), въ связь съ общимъ ходомъ аттической культурной исторіи.

Предоставляя эту сторону труда г. Павловскаго болѣе компетентной оцѣнкѣ, мы лишь укажемъ кратко содержаніе и выводы его книги. Стройная въ планѣ и въ изложеніи, она раздѣлена на 7 главъ: 1) характеръ скульптуръ, найденныхъ на Акрополѣ и скульпторы работавшіе въ Аттикѣ до греко-персидскихъ войнъ (декоративныя высоко рельефныя группы изъ

мягкаго пороса и мраморныя статуи, преимущественно смертныхъ, вѣроятно жертвователей, изображенныхъ въ актахъ богопочтенія); 2) скульптуры изъ пороса (преимущественно фронтоны: бой Геракла съ Гидрой, бой Геракла съ Тритономъ, борьба Зевса съ Тифономъ; группа быка, поваленнаго львами [1]); нѣсколько статуэтокъ); 3) мужскія мраморныя статуи („такъ называемый Аполлонъ"; мосхофоръ, храмовые писцы, статуи юношей, мужскія головы); 4) женскія мраморныя статуи (сидячія, ники, стоящія, совершая возліянія, женскія головы); 5) изображенія животныхъ (лошади, теленокъ у мосхофора, собака, гиппалектріонъ, сфинксы); 6) барельефы; 7) заключеніе. Особенно развиты главы 3—5. Авторъ разсматриваетъ всѣ извѣстные памятники, съ удивительной тонкостью и подробностью описывая малѣйшую анатомистическую и техническую черту ихъ, и такимъ образомъ получаетъ чрезвычайно точный матеріалъ для сужденія о стилѣ работы и о ходѣ развитія ваянія въ Аттикѣ за время отъ конца VII по начало V вѣка, обнимаемое акропольскими скульпторами.

Выводы А. А. Павловскаго таковы: Аттика соединяла въ себѣ и преимущества постепеннаго развитія изнутри, и богатое вліяніе извнѣ, свойства колоніальной страны и мѣстности съ исконнымъ населеніемъ; ея искусство, какъ и ея народность, сложились путемъ вбиранія въ себя новаго и переработкой его въ свое; послѣ реформы Солона Аттика гигантскими шагами пошла по пути развитія культуры и искусства и въ какое нибудь столѣтіе, переработавъ чужіе элементы, пріобрѣла всѣ средства для выраженія своихъ художественныхъ стремленій. Первымъ сказывается вліяніе Іоніи черезъ Коринѳъ, еще съ конца VII в., вѣроятно путемъ личнаго переселенія. Сначала въ Аттикѣ работаютъ на матеріалѣ близкомъ къ прежнему дереву—на мягкомъ поросѣ, но и на этомъ матеріалѣ искусство быстро развивается, повидимому подъ воздѣйствіемъ паросской мраморной скульптуры: аѳиняне схватываютъ, усвояютъ и развиваютъ близкій ихъ духу реализмъ, совершенствуются въ техникѣ и орудіяхъ. Высшаго развитія поросовая скульптура достигла во время Пизистрата (фронтоны Гекатомпеда); главнымъ героемъ ихъ является тогда Гераклъ, герой-богъ Аттики начала VI в. Уже въ этомъ періодѣ сказывается ясно индивидуалистическій духъ Аттики, даже въ идеальномъ изображеніи Тифона. Декоративную условную раскраску статуй авторъ вмѣстѣ съ Потье возводитъ къ египетской традиціи.

Широкое примѣненіе мрамора и полное измѣненіе техники связывается со временемъ Пизистрата и его сыновей, со временемъ высокаго культурнаго подъема Аттики и существеннаго измѣненія всего строя ея жизни. Мужскія статуи авторъ дѣлитъ на двѣ группы: въ центрѣ одной стоитъ Мосхофоръ, непосредственно примыкающій къ поросовой скульптурѣ, съ ея мало развитой техникой и условностью въ деталяхъ (мягкій поросъ легко крошился и требовалъ большихъ плоскостей); въ центрѣ второй—Аполлонъ

[1]) Эту группу, «скиѳскаго» типа, авторъ разбираетъ внѣ связи ея съ подобными внѣгреческими произведеніями, и оцѣнка его является поэтому неточной и неполной.

изъ Коливіи, древнѣйшее произведеніе, очевидно, еще пришлаго (изъ Пароса) художника (Аристіона?), но дающее тонъ новому направленію аттической скульптуры, реалистичному и развитому технически. Сначала развитіе это идетъ подъ могучимъ вліяніемъ греческаго востока (хіосская школа); среди женскихъ статуй къ этому вліянію относится делосскій типъ ники и аѳинины козы. Ранѣе, чѣмъ въ статуяхъ, аттическая школа достигаетъ самостоятельности въ барельефѣ, ибо онъ явился изъ живописи, рано развитой въ Аттикѣ (и совершенствовался подъ вліяніемъ высокаго рельефа, а не служилъ послѣднему исходнымъ пунктомъ). Послѣ паденія Пизистратидовъ, выступаетъ вліяніе Аргоса и Эгины, успѣвшихъ уже опередить Іонію, падавшую культурно подъ вліяніемъ персидскаго завоеванія; но аттическая скульптура уже настолько сильна, что вліяніе новыхъ школъ не является подавляющимъ, какимъ было вліяніе школы хіосской. Исполненную по времени естественности статую мальчика въ Акропольскомъ музеѣ № 698 авторъ вмѣстѣ съ Фуртвенглеромъ приписываетъ не школѣ Агелада, но несомнѣнно аттическому искусству и именно знаменитому Критію, видя въ ней первую попытку новаго типа. Въ школѣ сикіонца Агелада воспитываются аттическіе скульпторы: Миронъ и, весьма возможно, Эгій, учитель Фидія. Подъ вліяніемъ этой школы изъ іонійско-аттическихъ элементовъ вырабатываются чисто аттическія формы Фидія и его современниковъ. По содержанію скульптуры всего VI вѣка большею частью реально-индивидуальны: это вѣкъ выработки формы, а не идеальныхъ типовъ.

Размѣръ мѣста не позволяетъ намъ остановиться подробнѣе на интересныхъ статьяхъ *М. И. Ростовцева—Помпеи за 1893—1895 г.* (307—393) и *В. Г. Бока—Мнимый эмалевый* (въ дѣйствительности инкрустованный гранатами-кабошонами) *агнецъ на костяномъ окладѣ* (Евангелія) *Миланскаго собора* (394—398).

Въ отдѣлѣ Библіографіи (мелкимъ шрифтомъ, очень убористымъ, 399—429) данъ отчетъ о слѣдующихъ трудахъ: И. П. Кондаковъ—Византійскія эмали (В. Г. Бокъ); Д. В. Айналовъ — Мозаики IV и V в. (С. Ж.); А. В. Никитскій—Дельфійскіе эпиграфическіе этюды I—VI (С. Ж.); Н. В. Покровскій — Сійскій иконописный подлинникъ (Д. А.); Матеріалы по археологіи Россіи № 17 (С. Ж); Записки Имп. Одесск. Общ. Ист. и Древн., т. XVIII (С. Ж.); Архитектурныя изслѣдованія С. А. Иванова (русскій переводъ) Architektonische Studien von S. A. Iwanof (нѣмецкій текстъ), изданіе Имп. Германскаго Археолог. Инст: вып. I, Греція, вып. II, Помпеи (С. Ж.); Antike Denkmäler, II, 1 — 2, изд. Герм. Археол. Инст. (А. Щ. и С. Ж); Conre, Die attischen Grabreliefs, 1 — 7. (А. Щ.); De la Blanchère, Description de l' Afrique du Nord, musées et collections archéol. de l'Algérie et de la Tunisie, 1 — 5 (С. Ж.); Fröhner, La collection Tyszkiewicz, (въ Парижѣ) choix de monuments antiques, 1—4 (С. Ж.); Rohault de Fleury, Archéologie chrétienne, les saints de la messe et leur monuments, 1—3 (С. Ж.).

Далѣе идетъ списокъ „Новыя Книги" (1895 г.) и наконецъ Протоколы

засѣданій отдѣленія за 1895 г. подъ предсѣдательствомъ И. В. Помяловскаго. Въ Протоколахъ или указано сноскою, гдѣ напечатанъ данный докладъ, или онъ напечатанъ тутъ же мелкимъ шрифтомъ. Именно въ Протоколахъ изданы доклады: *Б. А. Тураева—Страница изъ исторіи древне-египетской литературы*, 432 — 435; *В. К. Эрнштедта* — сообщеніе о статьѣ датскаго ученаго Уссинга Midtgruppen jaa Parthenonfrisen (Центральная группа Партенона); *Б. В. Фармаковскаго*—Голова Эфеба школы Микона аѳинскаго въ Аѳинскомъ національномъ музеѣ 438—441, съ цинкографіей; *А. К. Щукарева—По случаю 70-и лѣтія берлинскаго члена Общества Адольфа Кирхгофа*, 441—443; письмо *Я. Ю. Смирнова* изъ Малой Азіи *о двухъ камняхъ* (повидимому „хеттейскихъ") изъ деревни Арабиссосъ (греч.), Ярпутъ (тур.), съ рисунками, и *замѣчанія* объ этихъ камняхъ *Б. А. Тураева*.

Цѣна книги очень дешева: 2 р. за 28 листовъ текста съ множествомъ рисунковъ.

Записки Восточнаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, подъ редакціею барона В. Р. Розена. Т. IX, вып. I—IV, съ таблицами. Спб. 1896 г.

Содержаніе этого тома, посвященнаго Отдѣленіемъ „Германскому Восточному Обществу" ко дню его 50-лѣтняго юбилея, составляютъ *протоколы* Отдѣленія съ 11 января 1894 г. по 13 дек. 1895. Статьи *А. Поздѣева—Калмыцкія сказки VII* (40 страницъ текста и переводъ); *Е. Такайшвили—Сигель грузинскаго царя Баграта IV (1027—1072 н.)*, текстъ (съ факсимиле), переводъ и разборъ; *Е. Аничкова—Св. Николай и Артемида Ефесская*, на основаніи сирской рукописи 936 года (текстъ старше) Британскаго музея, изъ коей *Чудеса св. Николая, еп. города Миръ*, переведены рядомъ г. *Коковцевымъ*, съ приведеніемъ въ подлинникѣ мѣста, касающагося св. Николая и Артемиды; *К. Остроумова „Пѣсня сатира Викторъ-бай* (сартская пѣсня на одного управляющаго конторы бр. Каменскихъ въ Кокандѣ); *Д. Поздѣева—Къ вопросу о пособіяхъ при изученіи исторіи монголовъ въ періодъ Минской династіи* по поводу труда г. Покотилова: „Исторія восточныхъ монголовъ"—по китайскимъ источникамъ: Спб. 1893. Авторъ указываетъ на важность пользованія китайскими же богатыми сводами матеріаловъ, чѣмъ устраняется сизифовъ трудъ; бар. *Д. Гинцбурга—Основы арабскаго стихосложенія, VII—X*, *Н. Петровскаго.—Замѣтки о древностяхъ Кашгара I, Ханъ-Уй.* (Передъ этой статьей редакція вспоминаетъ пожеланія покойнаго И. П. Минаева, чтобы русскимъ принадлежалъ починъ въ изслѣдованіи обильныхъ древностей „страны отъ Лобъ-нора до Хотана". Надежды эти оправдались въ трудахъ И. Ѳ. Петровскаго, русскаго консула въ Кашгарѣ, открывшаго рядъ любопытнѣйшихъ памятниковъ древнѣйшихъ культуръ Кашгара; памятники эти описываются на стр. Зап. Вост. Отд. и другихъ изданій различными спеціалистами, а подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ предполагается рядъ статей самого И. Ѳ. Петровскаго. Первая статья заключаетъ въ себѣ археологическій обзоръ мѣстно-

сти древняго Кашгара и мѣстности Ханъ-уй близъ него и краткое описаніе находокъ, изъ коихъ замѣтны: масса гвоздеобразныхъ, стеклянныхъ, бѣлыхъ, черныхъ, синихъ, зеленыхъ стеблей, уцѣлѣвшихъ отъ цвѣтковъ лотоса, разныя бусы и подвѣски изъ мастики, стекла, камня, кости, раковинъ, и монеты, изготовленныя повидимому изъ уплюснутыхъ клеймомъ мѣдныхъ прутьевъ. Къ статьѣ приложены интересные виды развалинъ и снимки съ таблицъ находокъ); *С. Ольденбурга—Буддійскія легенды и буддизмъ; Г. Кизерицкаго—Хотанскія древности изъ собранія И. Ѳ. Петровскаго* (Терракоты, рис. 1—23) людскія головки и статуэтки, статуэтки обезьянъ, верблюда, грифоновъ отпино-головыхъ и съ шишкой на головѣ, головы львовъ, рельефъ головы (маскатонъ), который г. Кизерицкій признаетъ „несомнѣннымъ" Издударомъ, лишь дивясь неожиданно позднему выраженію этого типа,—относятъ насъ къ индо-греческому искусству, которое г. Кизерицкій возводитъ не къ походамъ Александра, а къ V в., черезъ Персію; бронзы, рис. 24—35: буддійскія изображенія, изображеніе „кабана" (слона?) на пластинкѣ, собаки, привѣски въ видѣ животныхъ, сосудовъ, человѣчка; *Н. Марра—Мнимое географическое названіе вротостакъ, въ исторіи Агаѳангела* (руководясь грузинскимъ текстомъ „Обращенія Грузіи въ христіанство" и данными персидскаго языка, г. Марръ объясняетъ загадочное *вротостакъ* „Обращенія Арменіи въ христіанство" какъ „виноградникъ, орошеный каналами"); *А. Гаркави Утвержденіе мусульманъ объ упоминаніи Мухаммеда въ пятикнижіи Моисея* (на основаніи еврейскихъ писателей XII в. и мусульманскихъ свидѣтельствъ съ IX а, указывается гематрическое, т. е. посредствомъ буквъ-числъ, обозначеніе въ Бытія 17, 20 и размножу его, *весьма весьма*" „меодъ меодъ"); *И. П. Минаева* (посмертное изданіе подъ редакціей г. Ольденбурга)—*Матеріалы и замѣтки по Буддизму. II. Матеріалы по эсхатологіи; В. Тизенгаузена—Новыя нумизматическія пріобрѣтенія И. П. Линевича* (новыя изображенія обширной коллекціи восточныхъ монетъ, описанныхъ въ VI т. Зап. Вост. Отд.).

Изъ „мелкихъ замѣтокъ и извѣстій"—отмѣтимъ: *25-лѣтіе Туркестанскихъ Вѣдомостей* (передовая статья на 28 апрѣля 1895 „Турк. Вѣд."); *Буразанъ* донесеніе И. Ѳ. Петровскому отъ хотанскаго торговаго агента Абду с-Саттара о развалинахъ въ Буразанѣ (текстъ и переводъ); *А Поздѣева пять китайскихъ печатей* (должностныхъ, прошлаго вѣка; двѣ серебряныя принадлежатъ Эрмитажу; три деревянныя найденныя въ развалинахъ городовъ Верхне Илійской долины, доставлены Н. Н. Пантусовымъ въ Имп. Археол. Комм. и поступятъ въ Азіатскій музей акад. наукъ).

Очень любопытна замѣтка г. *Бартольда. Новое мусульманское извѣстіе о русскихъ*—изъ „Сборника анекдотовъ и собранія блестящихъ разсказовъ" персидскаго писателя Мухаммеда-ал-ауфи, въ VII в. гиджры. Несомнѣнно отсюда заимствовали свои свѣдѣнія Шукруллахъ и Мухаммедъ Кятибъ (Гаммеръ, Sur les Origines russes, st. Pét 1827), но у нихъ извѣстія исковерканы и урѣзаны. Текстъ, изданный г. Бартольдомъ, по ркпсмъ: СПБ. унив. (№ 648) и Имп. Публ. Библ. IV, 2, 33 и V, 4, 31 описываетъ Русовъ какъ морскихъ

разбойниковъ, живущихъ на островѣ въ три дня пути въ длину и въ ширину; въ 300 г. гиджры они приняло христіанство и вложили мечи въ ножны; но они не знали другого способа пропитанія, и жить имъ стало трудно; тогда они склонились къ исламу: ихъ царь, носящій титулъ Буладмита (*Владиміръ*), „какъ туркестанскій царь носитъ имя хакана", послалъ по этому дѣлу пословъ къ хотезмизаху; посольство было удачно, и Русы стали мусульманами и по прежнему пиратами; могуществомъ они превосходятъ всѣ народы, только у нихъ нѣтъ лошадей. Г. Бартольдъ указываетъ на интересъ этого сказанія, которое 1) единственное изъ мусульманскихъ приводитъ имя Владиміра Святого и 2) подтверждаетъ разсказъ Несторовой лѣтописи о посольствахъ для испытанія вѣръ.

Stewart Culin.—Korean Games with notes on the corresponding games of China and Japan. Philadelphia, University of Penrosylvania, 1895, 8°, XXXVI+177, съ 22 табл. въ краскахъ и 153 рис., 550 нумерованныхъ роскошныхъ экземпляровъ.

Стюартъ Кулинъ, директоръ Археол. и Палеонтологич. Музея при Пенсильв. Унив. въ Филадельфіи, уже прежде занимался играми Дальняго Востока: за 1889—94 гг. имъ издано четыре изслѣдованія о китайскихъ играхъ. Бесѣды съ Ф. Хамильтонъ-Кушингомъ (Cushing), изучающимъ древнія американскія учрежденія и игры, дали новое направленіе его трудамъ. Кулинъ „увидѣлъ средства перенести игры и родственные имъ обычаи изъ туманной области т. н. фольклора въ царство истинно-научнаго изслѣдованія". Книга о корейскихъ играхъ является поэтому „не только обзоромъ этихъ игръ, но и практическимъ введеніемъ къ изученію игръ всего земного шара". Вещественной основой ея послужило собраніе игръ, сдѣланное авторомъ (бывшее на выставкѣ въ Чикаго, а теперь принадлежащее Пенсильв. Археол. Музею); объясненія ихъ даны корейцемъ, живущимъ въ Америкѣ (авторъ самъ не былъ въ Кореѣ). Рисунки таблицъ сдѣланы въ Кореѣ мѣстнымъ художникомъ Ки-санъ, изъ деревушки Тчо-рянгъ у Фузана; они сдѣланы по заказу американки г-жи Шуфельдтъ въ бытность въ Кореѣ. Часть рисунковъ въ текстѣ сдѣланы японцемъ Теотику Моримото изъ Токіо другіе взяты изъ мѣстныхъ книгъ, третьи—сдѣланы по вещамъ Пенс. Музея.

Кулинъ полагаетъ, что игры вообще не—результатъ сознательнаго творчества съ цѣлью забавы, а остатки отъ прежнихъ условій, при которыхъ они возникли какъ магическіе обряды и главнымъ образомъ какъ способы гаданія. Ключъ къ пониманію происхожденія игръ дается въ древностяхъ американскихъ; но его нѣтъ для Европы, гдѣ, съ первыхъ временъ исторіи, игры существуютъ уже въ томъ же видѣ, съ тѣмъ же характеромъ забавы, какъ теперь. Переходъ отъ магическаго обряда къ забавѣ уловимъ въ Азіи.

Кулинъ отмѣчаетъ большое значеніе числа пять (и девять) на Дальнемъ Востокѣ, какъ числа частей свѣта (считается, какъ извѣстно, и „середина"): раздѣленіе на пять и на девять, по частямъ свѣта, проведено на каждомъ шагу жизни (начиная съ того, что каждый человѣкъ отнесенъ къ извѣстной

части свѣта) и господствуетъ въ гаданіи. Другимъ основнымъ элементомъ въ рядѣ гаданій, позднѣе игръ, является стрѣла. Стрѣла, помѣченная именемъ человѣка и его страны свѣта, представляетъ его въ гаданіи; стрѣлы позднѣе замѣняются палочками, сохраняющими сходство съ ними; замѣняются картами, на коихъ до сихъ поръ изображаются знаки, происшедшіе отъ перьевъ стрѣлъ. Изъ 97 игръ, описанныхъ въ книгѣ—тридцать три ведутъ начало отъ гаданія по стрѣламъ. Изъ остальныхъ игръ, атлетическія сначала совершались, отчасти совершаются доселѣ, при религіозныхъ торжествахъ, въ сакральной обстановкѣ. Третій разрядъ—игрушки, изъ коихъ очень многіе (напр., бумажные змѣи) имѣютъ религіозное происхожденіе. Вообще дѣти, играя въ разныя явленія семейной и общественной жизни, играютъ и въ религіозный обрядъ, который у нихъ и переходитъ на степень забавы.

Просматривая книгу, мы видимъ тожество значительной части корейскихъ игръ съ нашими. Не говоря объ играхъ завѣдомо заимствованныхъ (бум. змѣй, воланъ, домино, кости, шашечныя игры), мы встрѣтимъ тутъ и веревочную качель, и доску—равноконечный рычагъ—для качанія или для прыганья, и прыганье черезъ веревочку, и жмурки, и чехарду, и подбрасыванье и ловлю камешковъ. Въ виду указанія Кулина на сакральное значеніе числа *пять* любопытно и у насъ это число въ играхъ (пять картъ при сдачѣ „въ дураки", пять камешковъ при подбрасываніи и ловлѣ). Любопытна также простота элементовъ, дающая рядъ комбинацій при гаданіи палочками; это—двѣ черты: цѣльная и разрубленная (или съ нарубкой):— и — —; соединяя ихъ по три, получимъ восемь разныхъ фигуръ, которыя для гаданія располагаются въ кругъ, по частямъ свѣта (сѣверъ обозначается знакомъ ☰, югъ—знакомъ ☷, сѣв.-зап. ☶ и т. д. Комбинируя черты по шести, получаютъ 64 знака, которые для гаданія располагаются въ кругъ или квадратомъ. Интересно, что дѣтскій „счетъ" при играхъ стоитъ въ явной связи съ гаданіями. Вообще книга даетъ много матеріала и заслуживаетъ особаго изученія.

Некрологъ. † Алексѣй Яковлевичъ Фриде.

9 іюля въ Ярославлѣ скончался дѣйств. членъ Моск. Арх. Общ. А. Я. Фриде. И въ боевую свою службу при завоеваніи Туркестана, и въ мирное время, управляя Семирѣченской областью, а затѣмъ Ярославской губерніей, А. Я., прекраснымъ характеромъ своимъ снискалъ общее расположеніе и сослуживцевъ, и подчиненныхъ; поминаемый нашимъ же Обществомъ поминается съ искренной признательностью за то содѣйствіе и тѣ облегченія которыя онъ оказалъ Н. Н. Пантусову при изслѣдованіи несторіанскихъ кладбищъ и вообще древностей Семирѣченской области, и за радушіе, съ которымъ въ качествѣ ярославскаго губернатора, принималъ VII Археологическій Съѣздъ въ Ярославлѣ.

Печатано по опредѣленію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, на основаніи § 56 его Устава

Предсѣдатель *Графиня Уварова.*

Въ Императорскомъ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ находятся въ продажѣ слѣд. изданія:

Изданія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. Рекомендованы Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Опытанія Кіева. Соч. Закревскаго. Два тома и атласъ. 1868 г. Ц. 7 р.

Труды I-го Археологич. Съѣзда въ Москвѣ. Два тома и атласъ. 1871 г. Ц. 25 р.

Труды III-го Археологич. Съѣзда въ Кіевѣ. Два тома и атласъ. 1878 г. Ц. 10 р.

Труды V-го Археологич. Съѣзда въ Тифлисѣ. Два тома. Ц. 15 р.

Труды VII-го Археологич. Съѣзда въ Ярославлѣ. Тома I, II и III по 5 р.

Труды VIII-го Археологич. Съѣзда въ Москвѣ. Томъ I. Ц. 10 р.

Тоже, томъ II. Цѣна 8 р.

Труды IX Археологич. Съѣзда въ Вильнѣ. Томъ I. Ц. 8 р.

Труды Моск. Предв. Комм. X Археол. Съѣзда въ Ригѣ, вып. 1, Ц. 1 р. 50 к.

Матеріалы по археологіи Кавказа; вып. 1, 2 и 3-й. Кажд. вып. по 6 р.

Тоже, вып. 4-й, М. 1894. Ц. 8 р. 50 к.

Матеріалы по археологіи восточныхъ губерній. Вып. I. Ц. 3 р.

Древности. Труды Московскаго Археологическаго Общества:

Томъ I, два выпуска. 1865—67 г., ц. 6 р.
" II, три выпуска. 1869—70 г., ц. 6 р.
" III, три выпуска. 1870, 73 гг. Ц. 6 р.
Томъ IV, три выпуска. 1874 г. Ц. 8 р.
" V, 1885 г. Ц. 6 р.
" VI, три выпуска. 1875—76 г. Ц. 6 р.
" VII, три выпуска. 1877—79 г. Ц. 8 р.
" VIII, 1880 г. Ц. 8 р.
Приложеніе къ VIII тому:
Пятый Археологич. Съѣздъ. Труды предварител. Комитета, 1882 г. Ц. 6 р.
Томъ IX, три выпуска. 1882—83 г., ц. 8 р.
" X, 1885 г. Ц. 8 р.
" XI, три выпуска. 1886—87 г. Ц. 8 р.
" XII, два выпуска. 1888 г. Ц. 8 р.
" XIII, два выпуска. 1889—90 г. Ц. 8 р.
" XIV, 1890 г. Ц. 7 р.
" XV, два выпуска. 1894 г. Ц. 8 р.

Древности Восточныя. Труды Восточ. Комм. Т. I, три выпуска по 4 р.
Т. II, вып. I. Ц. 4 р.

Древности. Труды Славянской Коммиссіи. Вып. I. Ц. 4 р. 50 к.

Незабвенной памяти Графа А. С. Уварова. Рѣчи, прочитанныя въ соединенномъ засѣданіи ученыхъ обществъ 28 февраля 1885 г. (съ портретомъ Графа А. С. Уварова). 1885 г. Брошюра. Ц. 75 к.

Историческая записка о 25-лѣтней дѣятельности Моск. Арх. Общества. Ц. 2 р.

Памяти Н. С. Тихонравова. М. 1894 г. Ц. 2 р.

Археологическія Извѣстія и Замѣтки, годы: 1893—1895 по 3 р.

Уступка гг. членамъ Общества 20%, библіотекамъ учебныхъ заведеній - 25%, книгопродавцамъ—30%.

Изданія графа Уварова:

Археологія Россіи. Каменный періодъ. Соч. графа А. С. Уварова. Два тома. 1881 г. Ц. 18 р.

Меряне и ихъ бытъ. Соч. гр. А. С. Уварова. Одинъ томъ и атласъ. 1872 г. Ц. 8 р. (нѣтъ въ продажѣ).

Каталогъ собранія древн. гр. А. С. Уварова. Вып. I и II (въ одной книгѣ): Древности каменнаго и металлическаго вѣка, съ портр. гр. А. С. Уварова и 35 табл. рис. 1887 г. Ц. 4 р.

Вып. VII. Монеты Воспорскаго царства и древне-греческихъ городовъ, находившихся въ предѣлахъ нынѣшней Россіи, съ 5 таблицами. Состав. А. Орѣшниковъ. 1887 г., ц. 3 р.

Архим., Леонидъ. Систематическое описаніе Славяно-Россійскихъ рукописей собранія гр. А. С. Уварова, 4 т. М., 1893—94 г. Ц. 15 р.

Каталогъ Спасо-Преображенскаго монастыря въ Ярославлѣ, ц. 9 р. 50 к.

Византійскій Альбомъ—посмертное изд. гр. А. С. Уварова. Т. I. 1889 г. Ц. 15 р.

Кавказъ. Путевыя записки гр. Уваровой 2 тома. Ц. 3 р.

Уступка книгопродавцамъ и библіотекамъ учебныхъ заведеній 25%.

Продаются въ собственномъ домѣ Общества, въ Москвѣ, на Бересневѣ, у Большаго Каменнаго моста.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

выходятъ въ 1896-мъ году (4-й годъ изданія) по той же программѣ и въ томъ же объемѣ.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія рекомендованы для фундаментальныхъ библіотекъ учебныхъ заведеній Министерства.

Подписная цѣна съ пересылкою и доставкою въ годъ ТРИ (3) рубли

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Для **московскихъ** подписчиковъ:

1) Въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ, Берсеневская набережная, собств. домъ, ежедневно отъ 10 до 1 часу и въ часы засѣданій.

2) У А. В. Орѣшникова, Историческій музей, на Красной площади, ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 1 до 4-хъ.

3) Въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Моховая, противъ Стараго Университета, д. Коха (и его иногородн. отд.).

4) Въ книжномъ магазинѣ А. Ланга, на Кузнецкомъ мосту.

Иногородніе подписчики благоволятъ присылать подписные **три** рубля **исключительно** въ Императорское Московское Археологическое Общество (Москва, Берсеневская набережная, собств. домъ).

Подписчики, **не получившіе** выпуска или **перемѣнившіе** свое мѣсто жительства, благоволятъ обращаться съ заявленіями исключительно въ Московское Археологическое Общество.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція обращается съ просьбою ко всѣмъ прежнимъ сотрудникамъ журнала и ко всѣмъ любителямъ старины присылать свѣдѣнія о раскопкахъ, случайныхъ находкахъ древностей, объ имѣющихся въ частныхъ рукахъ выдающихся предметахъ древности—церковныхъ и бытовыхъ, рукописяхъ и т. п., а также газетныя извѣстія, заключающія свѣдѣнія археологическаго характера (отдѣльными №№ или просто вырѣзками съ помѣтою, изъ какой газеты и отъ какого числа); особенно желательны №№ провинціальныхъ газетъ.

Письма и посылки просятъ адресовать: въ Москву, въ Императорское Московское Археологическое Общество, Берсеневская набережная, с. д., въ редакцію „Археологическихъ Извѣстій и Замѣтокъ".

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES
Stacks
JUL 14 1980

ИЗДАВАЕМЫЯ

ИМПЕРАТОРСКИМЪ

Московскимъ Археологическимъ Обществомъ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

ГРАФИНИ П. С. УВАРОВОЙ.

№№ 9—10.

МОСКВА
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА
ДЕМИТРІЕВСКІЙ ПЕР., Д. МАМОНТОВА
1896

Кромѣ этого драгоцѣннаго музея елисаветинской церковной живописи, Алексѣевская церковь привлекаетъ вниманіе и какъ усыпальница нѣсколькихъ замѣчательныхъ русскихъ людей XVIII в. Здѣсь погребены: сподвижникъ Петровъ, фельдмаршалъ и рижскій генералъ-губернаторъ, кн. Аникита Ивановичъ Репнинъ (1726); ген.-фельдцейхместеръ кн. Вас. Аникит. Репнинъ (1749); капитанъ Меншиковъ (1754); генералы Вас. Абрам. Лопухинъ и Зубинъ, павшіе подъ Гросъ-Егерсдорфомъ (1757); ген.-губернаторъ рижскій, кн. Вас. Петр. Долгоруковъ, при которомъ обновлена была церковь (1761 г.).

О другихъ русскихъ церквахъ въ Ригѣ построенныхъ въ XVIII в.: Благовѣщенской и Александро-Невской см. въ „Трудахъ Предварит. Комитета X Археол. Съѣзда". т. II.

П. Л. Синайскій любезно сообщаетъ намъ относительно книгъ Музея, что древнѣйшія изъ нихъ — богослужебное евангеліе, изд. въ Вильнѣ въ 1574—75 гг. (второе виленское изданіе), и богослужебныя книги московской печати патріарха Филарета (съ 1621 г.). Изъ рукописей древнѣйшія — типиконъ и тріодь XIV—XV в. и минея „новые чудотворцы", со службами святымъ только сѣвернымъ (такъ что службъ кіевскимъ святымъ нѣтъ вовсе); минея эта поступила въ музей отъ преосвященнаго Павла Олонецкаго. Остальныя рукописи: церковно-славянскія, русскія и эстскія относятся къ XVIII и XIX в.

На одномъ сборникѣ изъ числа тѣхъ рукописей миссіонерской библіотеки, которыя были выставлены въ музеѣ, какъ и иконы, *на время Съѣзда* (миссіонерская библіотека помѣщается въ духовной семинаріи и библіотекаремъ ея состоитъ о. Плисъ), имѣется такая надпись: „лѣта ҂зка дала сію книгу княгиня Евфросинія Шуйскаго по мужѣ по своемъ по князѣ Василіе да по отцу по своемъ по князѣ по Димитріе да по матери по своей по княгине по Евпраксѣе". Эта надпись—повторная, въ замѣну постершейся прежней, на предъидущемъ листѣ: тамъ мы могли еще разобрать начало такое же по смыслу, но въ нѣсколько иной разстановкѣ словъ, а къ концу видно: „въ монастырь...". Цифры года не видно и, помнится, она должна была стоять въ концѣ подлинной надписи.

II

Рижская Малая Гильдія и ея Выставка.

Засѣданія X Археологическаго Съѣзда происходили въ большой залѣ Малой Гильдіи, которая устроила у себя къ Съѣзду и свою историческую выставку.

Нѣмецкіе ремесленники, явившіеся въ Ригѣ вслѣдъ за основаніемъ ея, уже въ XIII в. начали устраиваться цехами по образцу германскихъ. Въ гапсальскомъ городовомъ правѣ 1294 г., заимствованномъ у Риги, не разрѣшается никому производить ремесло иначе, какъ ставъ членомъ ремесленнаго союза: he hebbe denn de geselschap der amptlude erworwen. Отъ второй половины XIV в. извѣстны уставы нѣсколькихъ цеховъ (золотого, кузнечнаго, каменщиковъ, пекарей, скорняковъ, цирюльниковъ). По позднему извѣстію (второе изданіе уставовъ Гильдій въ XVII в.), уже въ 1352 г. рижскія Гильдіи получили уставы вестфальскихъ городовъ: Мюнстера и Зеста. Съ 1353 г. Гильдіи, повидимому, помѣстились на теперешнемъ своемъ мѣстѣ, въ полатахъ (домахъ): „Мюнстерской" и „Зестской", въ первой—Большая (купеческая) Гильдія св. Дѣвы Маріи, во второй—Малая (ремесленная) Гильдія, св. Іоанна Предтечи (статуи патроновъ Гильдіи, утративъ при протестантствѣ молитвенное значеніе иконъ, доселѣ помѣщаются въ залахъ засѣданій, какъ символы Гильдій—die Docken). Послѣ террора 1581—89 гг., въ 1589—1604 гг. сложилось на 300 лѣтъ городовое положеніе Риги, а съ нимъ и уставы совѣтовъ гильдейскихъ старшинъ (Aeltestenbank), дѣйствіе коихъ прерывалось лишь въ 1786—96 гг., когда Екатерина II ввела, а Павелъ I отмѣнилъ обще-русское городовое положеніе. Въ 1657 г. изданъ второй разъ, переработанный, уставъ Гильдій; но исключеніе изъ ремесленнаго сословія продолжало тяготѣть надъ туземными поселянами края. Въ 1710 г. фельдмаршалъ Шереметевъ, принимая сдачу Риги, возвѣстилъ, что отнынѣ всякому позволено по желанію обезпечить свое пропитаніе и заниматься промысломъ. Съ 1889 г. совѣтъ старшинъ не имѣетъ политическаго значенія (которое онъ дѣлилъ съ думой), но внутренними цеховыми дѣлами вѣдаетъ по прежнему.

Въ архивѣ Гильдіи хранятся старинные уставы цеховъ, законоположительные акты Гильдіи, далѣе два сборника, составленные въ концѣ XVII в., но свѣдѣнія коихъ, несомнѣнно по старшимъ источникамъ, восходятъ къ 1550 г.: Stammbuch der Stadt-Aeltermänner—списки головъ

СОДЕРЖАНІЕ №№ 9—10.

Стр.

I. Н. П.—Русская старина въ г. Ригѣ 269
II. Рижская Малая Гильдія и ея Выставка 273
III. Латышская Этнографическая Выставка. 275
IV. Десятый Археологическій Съѣздъ въ Ригѣ 277
V. Археологическая хроника. 363

1159

№№ 9—10 1896 г.

ИЗДАВАЕМЫЯ
ИМПЕРАТОРСКИМЪ МОСКОВСКИМЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ

I

Русская старина въ г. Ригѣ.

Наблюдая достопримѣчательности г. Риги во время нашего пребыванія здѣсь по случаю X-го Археологическаго Съѣзда, мы имѣли возможность ознакомиться съ многочисленными памятниками русской старины, находящейся въ этомъ городѣ. Присутствіе памятниковъ этого рода здѣсь, среди преобладающей нѣмецкой культуры, было для насъ полною неожиданностію. Три собранія древностей въ Ригѣ обращаютъ на себя вниманіе: первое находится въ церковно-археол. музеѣ (при Духовномъ Училищѣ), недавно основанномъ по иниціативѣ высокопреосвященнаго Арсенія, второе въ единовѣрческой церкви и третье въ старообрядческой молельнѣ. Въ *музеѣ* находится коллекція старинныхъ иконъ, среди которыхъ первое въ художественно-археологическомъ отношеніи мѣсто должно быть отведено иконамъ изъ мѣстнаго миссіонерскаго отдѣла, принадлежавшимъ прежде о. Павлу Прусскому. Часть этихъ иконъ находится еще въ библіотекѣ духовной семинаріи и предназначена для того же музея. Въ числѣ этихъ иконъ есть превосходные образцы русскихъ иконописныхъ школъ XVII вѣка, московской и

строгоновской. Съ иконографической точки зрѣнія заслуживаетъ вниманія композиціи: чинъ монашескаго постриженія; арх. Михаилъ, провожающій евреевъ въ пустынѣ; Благовѣщеніе съ служанкою; Похвала Богородицы, О тебѣ радуется. Въ томъ же музеѣ находится собраніе старинныхъ книгъ и рукописей церковно-славянскихъ XIV—XVIII вв. Среди послѣднихъ заслуживаетъ особаго вниманія свитокъ - азбука съ роскошными иниціалами, разными начертаніями буквъ и поучительными сентенціями, съ подписью въ концѣ: „*Зри, смотри, внимай всѣмъ сердцемъ прилежно и Господа Бога на помощь призывай. Великіе и превысочайшія пресвѣтлыя царскія степени. Отъ царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всея Русіі. Владыко человѣколюбче Господи, яко насытилъ мя земныхъ твоихъ благъ и не лиши мене небеснаго царствія твоего; словеса убо сія прейде въ конецъ*“. Первые два листка(а и б) не имѣютъ ни иниціаловъ, ни начертаній буквъ: они, повидимому сохранились несполна и даже, можетъ быть, попали сюда изъ другого экземпляра; листа съ буквою *с* нѣтъ, а на букву *е* два листа.

Второе собраніе древностей—въ единовѣрческой церкви. Обширный иконостасъ этой церкви представляетъ собою цѣлыя серіи превосходныхъ иконъ, отчасти съ басменными окладами и среди нихъ на видномъ мѣстѣ мученикъ Христофоръ въ традиціонной формѣ, съ головою животнаго, уже давно изъятый изъ обычнаго церковнаго употребленія и удержанный здѣсь, благодаря особому складу церковной единовѣрческой обрядности и особому отношенію къ ней со стороны церковной власти. Сверхъ того на хорахъ церкви находится еще довольно значительная коллекція иконъ, вышедшихъ уже изъ употребленія, но весьма важныхъ въ художественно-археологическомъ отношеніи. Иконы единовѣрческой церкви важны со стороны художественной и иконографической: всѣ онѣ принадлежатъ къ числу хорошихъ писемъ главнымъ образомъ московскихъ и отчасти, какъ кажется, новгородскихъ, напр., икона Спасителя. Есть здѣсь любопытные иконографическіе сюжеты, напр., „Херувимская пѣснь“ на сѣверныхъ дверяхъ, „Премудрость созда себѣ домъ“; сцены, составленныя на основаніи лимонаря, напр., чудо при случайномъ пріобщеніи въ церкви еврейскихъ дѣтей; видѣніе Евлогія о ликованіи ангеловъ на монастырскомъ бдѣніи. Любопытны сложныя композиціи Воскресенія Христова, Положенія ризы Богоматери, Страшнаго суда и др.

Старообрядческая молельня, подобно церкви единовѣрческой, представляетъ собою окаменѣлый музей. Предметы старины здѣсь — тѣ же иконы. Характеръ писемъ преимущественно московскій. Къ сожалѣнію

большая часть иконъ повреждена неискусною реставраціею. Въ композиціяхъ чрезвычайное богатство и разнообразіе,—таковы иконы: „Взбранной воеводѣ“; „Благовѣщеніе съ прядущею служанкою“; „Величитъ душа моя Господа“; „Всякое дыханіе да хвалитъ Господа“, — съ многочисленными изображеніями звѣрей, животныхъ, гадовъ, — василиска въ видѣ смѣшанной фигуры человѣка въ коронкѣ съ перьями и животнаго (нижняя часть отъ пояса), аспида въ видѣ крылатаго змѣя съ головою животнаго, аммона въ видѣ пегаса, ехидны и амалфета въ видѣ сирены, скимна и проч.; Рождество Христово (подробное); Воскресеніе Христово, св. Софія по новгородскому переводу; Спаситель съ строгимъ лицемъ, извѣстный подъ названіемъ „Ярое око“ и др.

Все сказанное не имѣетъ ни малѣйшаго притязанія ни на полноту описанія, ни на ученую оцѣнку. Замѣтка эта вызвана лишь желаніемъ обратить вниманіе любителей и знатоковъ русской старины на эти собранія памятниковъ стариннаго русскаго искусства и иконографіи.

10 августа 1896 г. *Н. П.*

Къ строкамъ почтеннаго автора добавимъ указаніе на Алексѣевскую церковь (при архіерейскомъ домѣ). Здѣсь стояла прежде, построенная въ XV в., церковь Маріе-Магдалининскаго женскаго монастыря (зданія котораго отданы были потомъ Стефаномъ Баторіемъ подъ іезуитскую коллегію); при бомбардированіи Риги въ 1710 г. церковь была разрушена, и Петръ Великій, взявъ городъ, построилъ въ развалинахъ ея православный храмъ во имя св. Алексія Божія человѣка, ангела царя Алексѣя Михайловича [1]). Императрица Елизавета Петровна въ 1751—61 гг. обновила всю церковь и добавила предѣлы: ап. Петра и вм. Екатерины. Церковь, вся полная превосходныхъ образцовъ чрезвычайно характерной елисаветинской живописи, производитъ цѣльное и сильное впечатлѣніе именно этой чистой, столь рѣдкой, стильностью своею (какъ соборъ Ново-Спасскаго монастыря въ Москвѣ — чистый памятникъ иконописи времени Алексѣя Михаиловича), и является въ этомъ отношеніи настоящимъ историко-художественнымъ перломъ. На иконахъ ея, по обычаю времени, встрѣчаются лѣтописи съ указаніемъ даты написанія иконы — что не особенно важно, ибо годы обновленія церкви извѣстны—и еще чаще встрѣчаются подписи художниковъ, что представляетъ большой интересъ.

---

[1]) О любопытныхъ письмахъ царя Алексѣя Михайловича изъ Ливонскаго похода 1656 г. см. стр. 260.

Кромѣ этого драгоцѣннаго музея елисаветинской церковной живописи, Алексѣевская церковь привлекаетъ вниманіе и какъ усыпальница нѣсколькихъ замѣчательныхъ русскихъ людей XVIII в. Здѣсь погребены: сподвижникъ Петровъ, фельдмаршалъ и рижскій генералъ-губернаторъ, кн. Аникита Ивановичъ Репнинъ (1726); ген.-фельдцейхместеръ кн. Вас. Аникит. Репнинъ (1749); капитанъ Меншиковъ (1754); генералы Вас. Абрам. Лопухинъ и Зубинъ, павшіе подъ Гросѣ-Егерсдорфомъ (1757); ген.-губернаторъ рижскій, кн. Вас. Петр. Долгоруковъ, при которомъ обновлена была церковь (1761 г.).

О другихъ русскихъ церквахъ въ Ригѣ построенныхъ въ XVIII в.: Благовѣщенской и Александро-Невской см. въ „Трудахъ Предварит. Комитета X Археол. Съѣзда". т. II.

П. Л. Синайскій любезно сообщаетъ намъ относительно книгъ Музея, что древнѣйшія изъ нихъ — богослужебное евангеліе, изд. въ Вильнѣ въ 1574—75 гг. (второе виленское изданіе), и богослужебныя книги московской печати патріарха Филарета (съ 1621 г.). Изъ рукописей древнѣйшія — типиконъ и тріодь XIV—XV в. и минея „новые чудотворцы", со службами святымъ только сѣвернымъ (такъ что службъ кіевскимъ святымъ нѣтъ вовсе); минея эта поступила въ музей отъ преосвященнаго Павла Олонецкаго. Остальныя рукописи: церковно-славянскія, русскія и эстскія относятся къ XVIII и XIX в.

На одномъ сборникѣ изъ числа тѣхъ рукописей миссіонерской библіотеки, которыя были выставлены въ музеѣ, какъ и иконы, *на время Съѣзда* (миссіонерская библіотека помѣщается въ духовной семинаріи и библіотекаремъ ея состоитъ о. Плисъ), имѣется такая надпись: „лѣта ҂зка дала сію книгу княгиня Евфросинія Шуйскаго по мужѣ по своемъ по князѣ Василіе да по отцу по своемъ по князѣ по Димитріе да по матери по своей по княгине по Евпраксѣе". Эта надпись—повторная, въ замѣну постершейся прежней, на предъидущемъ листѣ: тамъ мы могли еще разобрать начало такое же по смыслу, но въ нѣсколько иной разстановкѣ словъ, а къ концу видно: „въ монастырь...". Цифры года не видно и, помнится, она должна была стоять въ концѣ подлинной надписи.

II

Рижская Малая Гильдія и ея Выставка.

Засѣданія X Археологическаго Съѣзда происходили въ большой залѣ Малой Гильдіи, которая устроила у себя къ Съѣзду и свою историческую выставку.

Нѣмецкіе ремесленники, явившіеся въ Ригѣ вслѣдъ за основаніемъ ея, уже въ XIII в. начали устраиваться цехами по образцу германскихъ. Въ гапсальскомъ городовомъ правѣ 1294 г., заимствованномъ у Риги, не разрѣшается никому производить ремесло иначе, какъ ставъ членомъ ремесленнаго союза: he hebbe denn de geselschap der amptlude erworwen. Отъ второй половины XIV в. извѣстны уставы нѣсколькихъ цеховъ (золотого, кузнечнаго, каменщиковъ, пекарей, скорняковъ, цирюльниковъ). По позднему извѣстію (второе изданіе уставовъ Гильдій въ XVII в.), уже въ 1352 г. рижскія Гильдіи получили уставы вестфальскихъ городовъ: Мюнстера и Зеста. Съ 1353 г. Гильдіи, повидимому, помѣстились на теперешнемъ своемъ мѣстѣ, въ полатахъ (домахъ): „Мюнстерской“ и „Зестской“, въ первой—Большая (купеческая) Гильдія св. Дѣвы Маріи, во второй—Малая (ремесленная) Гильдія, св. Іоанна Предтечи (статуи патроновъ Гильдіи, утративъ при протестантствѣ молитвенное значеніе иконъ, доселѣ помѣщаются въ залахъ засѣданій, какъ символы Гильдій—die Docken). Послѣ террора 1581—89 гг., въ 1589—1604 гг. сложилось на 300 лѣтъ городовое положеніе Риги, а съ нимъ и уставы совѣтовъ гильдейскихъ старшинъ (Aeltestenbank), дѣйствіе коихъ прерывалось лишь въ 1786—96 гг., когда Екатерина II ввела, а Павелъ I отмѣнилъ обще-русское городовое положеніе. Въ 1657 г. изданъ второй разъ, переработанный, уставъ Гильдій; но исключеніе изъ ремесленнаго сословія продолжало тяготѣть надъ туземными поселянами края. Въ 1710 г. фельдмаршалъ Шереметевъ, принимая сдачу Риги, возвѣстилъ, что отнынѣ всякому позволено по желанію обезпечить свое пропитаніе и заниматься промысломъ. Съ 1889 г. совѣтъ старшинъ не имѣетъ политическаго значенія (которое онъ дѣлилъ съ думой), но внутренними цеховыми дѣлами вѣдаетъ по прежнему.

Въ архивѣ Гильдіи хранятся старинные уставы цеховъ, законоположительные акты Гильдіи, далѣе два сборника, составленные въ концѣ XVII в., но свѣдѣнія коихъ, несомнѣнно по старшимъ источникамъ, восходятъ къ 1550 г.: Stammbuch der Stadt-Aeltermänner—списки головъ

Гильдіи, съ замѣтками объ обстоятельствахъ и обычаяхъ времени, и Alte Nachrichten—изложеніе дѣлъ Гильдіи. Счетныя книги есть съ половины XVI в.

Дома Гильдій (die Stube von Soest и die Stube von Münster) извѣстны съ 1330 года (по одному позднему извѣстію можно заключить, что ранѣе 1330 года дома принадлежали монахамъ, которыхъ горожане затѣмъ выгнали). Домъ Малой Гильдіи (die Stube von Soest) подвергся значительнымъ перестройкамъ въ 1694, 1743 и 1831 г., и наконецъ въ 1863 сломанъ, а на мѣстѣ его сооруженъ въ 1866 г. новый, по проекту архитектора Фельско. Этотъ обширный, красивый готическій домъ, съ богатыми залами, убранъ росписными окнами (портреты старшинъ въ средне-вѣковыхъ костюмахъ), портретами государей и портретами гильдейскихъ головъ (съ 1610 года), стѣнописными видами: мѣстными, главныхъ городовъ Россіи и Балтійскаго побережья, разными коммеморативными таблицами, гербами губерній и цеховъ, нравоучительными и застольными подписями, знаменами, гобеленами, старинной мебелью и т. п.

Выставка Малой Гильдіи была устроена въ залѣ, предназначенной для цеховыхъ собраній. Здѣсь, подъ портретами государей, подъ цеховыми и гильдейскими знаменами, подъ памятными таблицами, вокругъ символическихъ статуй, размѣщены были памятники, принадлежащіе гильдіи и цехамъ: серебро и оловянные сосуды, деревянные ларцы, уставныя и счетныя книги, дипломы. Серебро и олово цеховъ — большею частью кубки и кружки; старѣйшій кубокъ — стекольщиковъ — 1553, съ изящнымъ фризомъ по срединѣ, изъ коего выдается шесть бюстовъ, подаренъ цеху „мастерами и стекольщиками... во славу Божію и св. Луки". Въ цеховой книгѣ стекольщиковъ (1539—1752 гг.) есть подробная запись объ этомъ заказѣ, исполненномъ Гансомъ Унна (или Уннавъ), который впослѣдствіи былъ старшиной золотого цеха (есть отмѣтка въ той же книгѣ и подробный пергаментный актъ и о другомъ кубкѣ стекольнаго цеха, изготовленномъ въ 1671 году). Два кубка—одинъ у бочарныхъ, другой у сапожныхъ подмастерьевъ—относятся къ началу XVII вѣка, остальное серебро—къ концу XVII, къ XVIII и къ XIX вѣку. При кубкахъ и цеховыхъ скипетрахъ имѣется масса дарственныхъ щитковъ, съ именами и датами съ 1635 г. (у мясниковъ); на иныхъ кубкахъ ихъ было по 50—80, у бочаровъ и каменщиковъ свыше 120. Порой тотъ или другой кубокъ оказывался вылитымъ изъ старыхъ щитковъ. Въ старину было серебро и у самой Гильдіи, но въ 1697 г. оно было украдено (кромѣ

двухъ кубковъ), а накопившееся вновь за XVIII в. продано въ 1819 году въ пользу гильдейской вспомогательной кассы. Изъ продажи этой изъяты было три вещи: большая кружка 1722 г., бокалъ 1779 г. и пуншевая ложка съ прусской монетой императрицы Елизаветы Петровны; кромѣ этихъ трехъ вещей, остальное серебро самой Гильдіи ново. Книги цеховъ восходятъ къ XVI вѣку. Изъ грамотъ выдавалась на выставкѣ пожалованная Стефаномъ Баторіемъ. Дипломы мастеровъ относятся къ XVIII и XIX в. Въ составъ выставки вошло и множество прекрасныхъ историческихъ альбомовъ, составленныхъ трудами нынѣшняго гильдейскаго головы (Stadt - Aeltermann der Kleinen Gilde), г. Фридр. Брунстерманна: портреты властителей Риги, домъ Гильдіи, гильдейскіе головы, нынѣшній составъ цеховъ, городской театръ, замѣчательные дѣятели и гости Риги. Въ альбомахъ напечатаны историческіе очерки (г. Бухгольца, г. Брунстерманна) [1]; все это памятники, живо интересующіе современниковъ и собирающіе любопытный матеріалъ для будущихъ поколѣній.

III

Латышская Этнографическая Выставка.

Изъ существующихъ въ Лифляндіи и Курляндіи 573 латышскихъ союзовъ (260 страховыхъ, далѣе—сберегательные, благотворительные, пѣвческіе), 19 носятъ клубный характеръ и, какъ и многіе изъ благотворительныхъ и пѣвческихъ, имѣютъ свои библіотеки, устраиваютъ образовательныя чтенія и т. п. Наиболѣе широка дѣятельность Рижскаго Латышскаго Союза (осн. въ 1868 г.), въ ряду отдѣльныхъ коммиссій котораго есть: научная, музейная, книжная, музыкальная. Этимъ союзомъ и его коммиссіями (при содѣйствіи и Митавскаго Латышскаго Союза) была устроена этнографическая латышская выставка во время Рижскаго Археологическаго Съѣзда. Это—цѣлый музей латышскаго пле-

---

[1]) Г. Брунстерманнъ (род. въ 1822 г., гильдейскій голова съ 1881 года), издалъ рядъ брошюръ о своей Гильдіи: Das Haus der St. Johannisgilde in Riga, 1887 и (часть 2-ая) 1890; Annalen der Stadt-Aeltermänner d. St. Johannis-Gilde zu Riga, 1888; Annalen der Aeltesten der Kleinen oder St. Joh. G. zu R., 1888; Geschäftsordnung d. Kl. oder St. Joh. G. zu R., 1888; Statistischer Bericht über das Kassa und Unterstützungswesen der Kl. od. St. Joh. G. zu R., 1891; Die Enstehung und Organisation der Aeltestenbank der St. Joh. G. zu Riga, 1896. По ремеслу г. Б.—позументщикъ и девизомъ себѣ избралъ: Arbeit ehrt.

мени, музей, начатый собираніемъ уже давно, но оживленно подвинувшійся въ 1894 - 96 гг., благодаря ожидавшемуся Съѣзду.

На выставкѣ въ обильныхъ образцахъ, чертежахъ, рисункахъ, моделяхъ и манекенахъ, въ богатомъ рядѣ діаграммъ были представлены земля и народъ: географическая карта, произведенія природы, антропологія, статистика, бытъ: жилища (были выстроены: курляндская [1]) и лифляндская избы прошлаго вѣка, изба современная, баня), нарядъ, обстановка; промыслы (особенно земледѣліе, пчеловодство, рыболовство, судостроеніе), право, искусство, языкъ, словесность и письменность, образованіе, вѣрованія и суевѣрія, обычаи и обряды. Въ саду давались латышскіе концерты и представлялись сцены изъ народной, особенно обрядовой жизни. Каталогъ, собственно обзоръ, выставки, напечатанный въ трехъ изданіяхъ: по-латышски, по-нѣмецки и по-русски, являлся сжатой, но всесторонней монографіей латышскаго племени.

Изъ антропологическихъ данныхъ на выставкѣ отмѣтимъ среднія цифры (въ милиметрахъ): ростъ латыша 1704,23; обхватъ груди 954,91, наибольшая ширина черепа 190,31, наибольшая длина черепа 153,21, длина спинного хребта 654,91, длина рукъ 765.

Народные латышскіе наряды, нынѣ все рѣже встрѣчающіеся, были представлены на выставкѣ богато и въ большомъ разнообразіи по губерніямъ. Интересны женскіе головные уборы: у дѣвушекъ—кокошники: изъ конскаго волоса, шерстяные или латунные (покрытые матеріей), обыкновенно убранные бисеромъ, поддѣльнымъ жемчугомъ, лентами; есть кокошники черные, есть цвѣтные въ одинъ цвѣтъ, есть пестрые. Замужнія женщины носятъ головной уборъ закрытый сверху (чепчикъ, шапку). Зимой женщины носятъ теплую шапку. Среди уборовъ замѣчательна характерная серебряная запона—saksta, то кольцомъ, то щиткомъ; есть и малыя sakstas, есть и большія—болѣе двухъ фунтовъ вѣсомъ; порой носилось нѣсколько концентричныхъ sakstas, образуя сплошной кругъ.

Курляндская изба по типу прошлаго вѣка построена была изъ нетесанной проконопаченной мохомъ сосны и ели, на каменномъ фундаментѣ. Крыша лубяная, подбитая еловой корой. Изъ сѣней, гдѣ стоятъ ящики, скрыни и т. п., одна дверь ведетъ въ лѣтнее помѣщеніе (безъ печи и потолка, съ ямой для огня, надъ которымъ вѣшался котелъ), другая—въ зимнее (съ печью посрединѣ, на балкахъ); окна, кромѣ одного стекляннаго, задвигались доскою. Въ лифляндской избѣ, крытой

[1]) Передъ этой избой посажены были цвѣты, о которыхъ поется въ народныхъ пѣсняхъ.

соломою, съ рѣзными козлами крыши, соединялись подъ одной кровлею: рига, овинъ и жилье. Зимою въ ригѣ и жили; лѣтомъ и осенью, пока шла молотьба, переселялись въ боковыя пристройки.

Среди многихъ манекеновъ, представлявшихъ типы, наряды и работы латышей, особенно интересна была обширная свадебная группа (невѣста бросаетъ подарки домашнимъ духамъ).

Среди образцовъ утвари отмѣтимъ собраніе старинныхъ музыкальныхъ орудій: бубны, дудки, рога, гусли о 5—12 струнахъ, волынку, трійдекснисъ.

IV

Засѣданія X Археологическаго Съѣзда въ Ригѣ.

Засѣданіе Совѣта Съѣзда 30 іюля 1896 г.

Засѣданіе открылось въ 7 ч. вечера въ залѣ Большой Гильдіи, подъ предсѣдательствомъ графини П. С. Уваровой и въ составѣ 58 депутатовъ ученыхъ Обществъ и учрежденій.

Въ предсѣдатели Съѣзда единогласно избрана графиня П. С. Уварова; въ секретари Съѣзда приглашены: В. К. Трутовскій и В. П. Вульфіусъ; въ Распорядительный Комитетъ: предсѣдатель Э. К. ф. Беттихеръ и члены: Н. Э. Крамеръ, Э. Р. ф. Штернъ, К. В. Левисъ офъ Менаръ, Ф. П. Гросвальдъ, С. К. Богоявленскій (секретарь) и И. Г. Лабутинъ (казначей).

Въ предсѣдатели Ученаго Комитета избранъ Ѳ. И. Успенскій.

Въ предсѣдатели отдѣленій Съѣзда: 1) древностей первобытныхъ — Д. Н. Анучинъ; 2) древностей историко-географическихъ и этнографическихъ — Е. Э. ф. Ноттбекъ; 3) памятниковъ искусствъ и художествъ и 7) древностей классическихъ, византійскихъ и западно-европейскихъ — А. И. Кирпичниковъ; 4) быта домашняго, юридическаго, общественнаго и военнаго — Д. А. Корсаковъ; 5) древностей церковныхъ Н. В. Покровскій; 6) памятниковъ языка и письма—А. А. Кочубинскій; 8) древностей Прибалтійскихъ— И. А. Энгельманъ; 9) древностей восточныхъ—А. А. Цагарели; 10) нумизматики и сфрагистики—баронъ Г. Бруйнингкъ; 11) памятниковъ археографическихъ—Д. И. Багалѣй.

Въ секретари отдѣленій приглашены: 1) Н. Ѳ. Бѣляшевскій; 2) К. В. Корвинъ-Піотровскій; 3 и 7) В. П. Бузескулъ и Е. К. Рѣдинъ; 4) М. Н. Бережковъ и А. И. Миловидовъ; 5) А. П. Голубцовъ; 6) Е. В. Пѣтуховъ; 8) Г. Геденштрёмъ; 9) К. В. Корвинъ-Піотровскій; 10) В. Г. Фогель; 11) Г. Фейерейзенъ.

Открытіе Съѣзда 1 августа.

Съѣздъ былъ открытъ въ залѣ Малой гильдіи (гдѣ затѣмъ и происходила большая часть засѣданій), при многочисленномъ собраніи представителей ученыхъ обществъ и учрежденій, членовъ Съѣзда, представителей мѣстнаго духовенства и членовъ высшей администраціи и сословныхъ учрежденій края.

Послѣ пѣнія архіерейскимъ хоромъ: „Днесь благодать Святаго Духа насъ собра", попечитель рижскаго учебнаго округа, Н. А. Лавровскій открылъ Съѣздъ рѣчью, въ которой отмѣтилъ общественное значеніе и научный интересъ Съѣзда.

Послѣ радушныхъ привѣтствій лифляндскаго губернатора В. Д. Суровцова и рижскаго городского головы Л. В. Керковіуса, взошла на каѳедру графиня П. С. Уварова, предсѣдатель бывшаго Предварительнаго Комитета Съѣзда. Разсказавъ исторію возникновенія Съѣздовъ, указавъ на научные результаты предъидущихъ девяти Съѣздовъ и на значеніе ихъ въ особенности для мѣстной археологіи и упомянувъ, что доселѣ не осуществлены два проекта, которые разсматриваются уже съ перваго Съѣзда—введеніе преподаванія археологіи въ университетахъ и упорядоченіе правилъ по сохраненію древнихъ памятниковъ, графиня доложила отчетъ о дѣятельности Московскаго Предварительнаго Комитета X Съѣзда и его Рижскаго и Ревельскаго Отдѣленій:

Московскій Предварительный Комитетъ былъ почтенъ предсѣдательствомъ Е. И. В. Великаго Князя Сергія Александровича, который изволилъ лично, съ особымъ вниманіемъ участвовать въ трудахъ Комитета и исходатайствовать субсидію для нуждъ Комитета и Съѣзда. Комитетъ пригласилъ къ участію въ Съѣздѣ и Выставкѣ ученыя учрежденія и общества и рядъ частныхъ лицъ въ Россіи и заграницей (заграницей, преимущественно, по берегамъ Балтійскаго моря), возбуждалъ ходатайство о сохраненіи мѣстныхъ древностей и упорядоченіи архивовъ, снарядилъ ученыя экспедиціи гг. Сизова, бар. Штакельберга, Покровскаго, Богоявленскаго и издалъ 1-й выпускъ своихъ трудовъ.

Въ Ригѣ главнымъ, энергичнѣйшимъ и усерднѣйшимъ дѣятелемъ по подготовкѣ Съѣзда было одно изъ старѣйшихъ въ Россіи ученыхъ обществъ—*Общество для Исторіи и Древностей Прибалтійскихъ губерній.* Оно какъ бы раздвоилось на этотъ разъ: изъ него, во-первыхъ, выдѣляется *Рижскій Предварительный Комитетъ*, въ составъ котораго вошли мѣстныя латышскія и эстонскія Общества, Лифляндскій и Курляндскій Губерн. Стат. Комит. Русскій Литературный Кружокъ, Курляндскія ученыя общества и членами высшія лица администраціи и сословныхъ учрежденій. Предварительный Комитетъ *этотъ* или вѣрнѣе *эта* часть Общества Исторіи и Древностей, избравъ себѣ въ предсѣдатели товарища рижскаго городскаго головы Э. К. Беттихера,

а въ секретари Н. Э. фонъ-Крамера и И. Г. Лабутина, приложилъ все свое стараніе, всѣ заботы къ принятію возможныхъ средствъ для успѣшнаго устройства Съѣзда съ матеріальной точки зрѣнія, то есть, обезпеченія пріѣзжающихъ членовъ удобными и недорогими помѣщеніями, устройства помѣщеній подъ Выставку и засѣданія Съѣзда, хлопоты касательно обѣдовъ и пріема членовъ, однимъ словомъ *достойной* постановки дѣла *перваго* Археологическаго Съѣзда въ столь культурномъ и богатомъ центрѣ, какъ Рига и вообще Прибалтійскій край. *Другая часть Общества* съ почтеннымъ предсѣдателемъ, барономъ Бруйнингкомъ, во главѣ, занялась ученой стороной дѣла: *разработкой* предложенныхъ на Съѣздѣ вопросовъ, отвѣтомъ на которыя явится значительное число рефератовъ на Съѣздѣ: *раскопками*—произведенными въ Кремонѣ, Клауэнштейнѣ, Звенекѣ, Кайпенѣ, на о. Моонѣ, Ринпекальнѣ и въ Кардисѣ, описаніе и научную разработку которыхъ находимъ въ Sitzungsberichte Общества за 1894 и 95 годъ [2]); *разработкой мѣстной старины и изслѣдованіями*—съ которыми знакомятъ насъ тѣ же отчеты Общества, или отдѣльныя изданія, выпущенныя въ свѣтъ ко времени Съѣзда, напр., Lövis of Menar—„Livland im Mittelalter",—карта Лифляндіи при Орденѣ; его же, вмѣстѣ съ паст. А. Биленштейномъ—„Die Burgen der Livländischen Schweiz", и Anton Buchholtz — Археологическая Библіографія Прибалтійскаго края—трудъ, предъ которымъ въ особенности преклоняюсь, такъ какъ онъ явится необходимымъ подспорьемъ въ нашихъ археологическихъ трудахъ и осуществляетъ мечту, къ которой безуспѣшно стремились послѣдніе Съѣзды; и наконецъ, *выставкой*, которая, занявъ верхнія залы Большой Гильдіи, представляетъ роскошную картину *всего* до сихъ поръ дѣланнаго по археологіи края [3]). Большую заслугу окажетъ эта Выставка Съѣзду уже потому, что ей удалось, дружными стараніями *всѣхъ* Балтійскихъ ученыхъ обществъ, собрать въ одномъ помѣщеніи находки и древности, сохраняемыя въ обычное время въ музеяхъ Риги, Аренсбурга, Феллина, Юрьева, Митавы и Ревеля, музеи, которые бы, по всему вѣроятію, остались непосѣщенными большимъ числомъ членомъ Съѣзда. Собранныя коллекціи позволятъ намъ изучать здѣсь, на мѣстѣ, всѣ эти сокровища; систематическій, но и въ высшей степени научно выдержанный *Каталогъ*, съ 34 прекрасно исполненными фототипными таблицами, 255 стр. описанія предметовъ, распредѣленныхъ въ 22 отдѣлахъ, и въ 85 стр. талантливаго *Вступленія* проф. Хаусмана — дадутъ всякому, кто захочетъ заняться, возможность составить себѣ *полную* картину археологическихъ изслѣдованій края.

Надъ каталогомъ поработали въ особенности, не считая проф. Хаусмана, члены Общества Исторіи и Древностей А. Буххольцъ, Фил. Шварцъ, Н. Бушъ и предс. Общества бар. Бруйнингкъ. Юрьевскій Университетъ,

---

[2]) См. стр. 121.
[3]) См. стр. 207.

Общество Литературы и Искусства въ Митавѣ, Ученое Эстляндское Литературное Общество въ Ревелѣ, Эстонское Ученое Общество въ Юрьевѣ, Общество для изученія острова Эзеля, Литературное Общество въ Феллинѣ и Ученое Латышское Общество въ Ригѣ, равно какъ и музеи всѣхъ упомянутыхъ городовъ оказали также самое теплое участіе дѣлу Выставки. Съ благодарностью должны быть названы гг.: *Бой* въ Митавѣ, *Ф. Ховекъ* въ Ревелѣ, *Гёрцъ* въ Юрьевѣ, *Вильде* въ Аренсбургѣ, *Ф. Рикюфъ* въ Феллинѣ.

Латышское Общество съ своей стороны устраиваетъ на время Съѣзда въ нарочно для того построенныхъ павильонахъ *Этнографическую Выставку*, которая должна познакомить насъ съ костюмами и обрядовой стороной жизни латышей и эстовъ, съ ихъ пѣснями, танцами и бытовыми особенностями.

Ревельскіе ученые и любители образовали свой особый *Предварительный Комитетъ* подъ предсѣдательствомъ фонъ-Ноттбека, при любезномъ содѣйствіи губернатора Н. Ев. Скалона, г. Губера и предводителя дворянства барона О. Р. Будберга. Комитетъ этотъ также не мало помогъ устройству Выставки и потрудился надъ раскопками и археологическими изслѣдованіями края, которыя послужатъ темою для нѣсколькихъ докладовъ на Съѣздѣ.

Было бы несправедливо не упомянуть еще о слѣдующихъ трудахъ, вызванныхъ предстоящимъ Съѣздомъ: Ученое Эстляндское Литературное Общество издало *Карту могильныхъ находокъ* въ Лифляндіи, Эстляндіи и Курляндіи, составленную кандидатомъ по истор. наукамъ *Sitzka*; Эстлянд. Губ. Статист. Комитетъ издалъ два выпуска *Временника Эстляндской губерніи*, гдѣ помѣщены, посвященныя Съѣзду труды: Н. Н. Харузина—*Обзоръ до-исторической археологіи Балтійскихъ губерній по трудамъ мѣстныхъ изслѣдователей*; его же—*Обзоръ документовъ, относящихся къ исторіи Балтійскаго края и хранящихся въ московскихъ архивахъ Мин. Ин. Дѣлъ и Юстиціи*, и статьи гг. Муравьева, Солодовникова, о. Тизика, гг. Трусмана, Ханзена, А. Н. Харузина. Юрьевскій университетъ посвятилъ Съѣзду изданные г. Саблеромъ русскіе документы архива графовъ де-ла-Гарди, а г. Лаутенбергъ—*Очерки изъ исторіи Литовско-Латышскаго народнаго творчества*. Православное же духовенство края доставило Моск. Предв. Комитету при посредствѣ высокопреосвященнаго Арсенія значительный матеріалъ историческаго и этнографическаго характера, выдержки изъ котораго войдутъ въ составъ 2 выпуска Трудовъ Предв. Комитета. Въ Москвѣ Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ издалъ къ Съѣзду особой брошюрой первые листы 3 вып. *Обзора внѣшнихъ сношеній Россіи* Бантыша-Каменскаго, посвященные Прибалтійскимъ губерніямъ и Финляндіи.

Далѣе, съ отрадою указавъ на живой откликъ, какой нашла въ мѣстномъ обществѣ и печати, внѣ кабинетныхъ ученыхъ, эта дружная работа, графиня отъ лица всѣхъ собравшихся выразила благодарность мѣстнымъ дѣятелямъ и учрежденіямъ за труды по предстоявшему Съѣзду, и заклю-

чила рѣчь благодарнымъ воспоминаніемъ о тѣхъ почившихъ дѣятеляхъ, которыми проложены пути въ изученію мѣстной старины: Крузе, Бэрѣ, Гревингкѣ.

Предсѣдатель Комитета Латышской Этнографической Выставки Ѳ. П. Гросвальдъ представилъ краткій отчетъ объ устройствѣ этой выставки, ознакомилъ слушателей съ трудами ея устроителей въ 1894 и 1895 гг., когда для полученія наиболѣе полной картины быта латышей, какъ древняго, такъ и современнаго, пришлось сдѣлать болѣе 20 экспедицій, разсказалъ планъ и характеръ выставки и указалъ на тѣсную связь ея съ задачами Съѣзда.

Затѣмъ были прочтены привѣтственныя депеши: отъ Августѣйшаго Предсѣдателя Съѣзда, отъ высокопреосвященнаго Арсенія, архіепископа Рижскаго и Митавскаго, отъ г. управляющаго Министер. Народнаго Просвѣщенія и отъ многихъ русскихъ и иностранныхъ ученыхъ, и послана благодарственная телеграмма Е. И. В. Великому Князю Сергію Александровичу.

Торжество закончилось пѣніемъ народнаго гимна, и все собраніе, съ графиней Уваровой во главѣ, перешло въ зданіе Большой Гильдіи для обозрѣнія прекрасной Археологической Выставки, устроенной Обществомъ Исторіи и Древностей Прибалтійскихъ губерній. При входѣ на Выставку, гдѣ въ группѣ тропическихъ растеній стояли бюсты Ихъ Императорскихъ Величествъ, члены Съѣзда были привѣтствованы предсѣдателемъ Общества Исторіи барономъ Бруйнингомъ. Объясненія по Археологической Выставкѣ давалъ профессоръ Юрьевскаго университета Рих. Хаусманъ. Отсюда участники Съѣзда съ графиней Уваровой и генераломъ Суровцевымъ съ супругой отправились на открытіе Латышской Этнографической Выставки, помѣщавшейся на обширной Яковлевской площади по берегу городского канала. Въ центральномъ зданіи, по срединѣ котораго подъ шелковымъ балдахиномъ окруженные тропическою зеленью и цвѣтами стояли на пьедесталѣ бюсты ихъ Императорскихъ Величествъ, прибывшіе были встрѣчены предсѣдателемъ Комитета Выставки г. Гросвальдомъ, сказавшимъ привѣтствіе.

Оркестръ и латышскій смѣшанный хоръ исполнили народный гимнъ. Затѣмъ почетные гости начали обходить Выставку въ сопровожденіи членовъ Комитета ея, дававшихъ объясненія. Для гостей былъ сервированъ чай. Въ то же время военный оркестръ и латышскій хоръ попеременно исполняли сочиненія латышскихъ композиторовъ и народныя пѣсни.

Первое общее засѣданіе Съѣзда 2 августа утромъ.

Почетный предсѣдатель Р. Вирховъ.

1. Проф. Ѳ. И. Успенскій прочелъ *„О Русскомъ Археологическомъ Институтѣ въ Константинополѣ“*.

Въ трехлѣтній періодъ между Виленскимъ и Рижскимъ Съѣздомъ русская археологическая наука пріобрѣла новое и обширное поле для своихъ

изслѣдованій. Съ основаніемъ въ Константинополѣ Русскаго Археологическаго Института, имѣющаго цѣлью изученіе письменныхъ и монументальныхъ памятниковъ въ областяхъ прежней византійской, нынѣшней турецкой имперіи, греческаго королевства и славянскихъ земель на Балканскомъ полуостровѣ, открылась возможность непосредственнаго изученія многихъ земель, съ которыми Россія тѣсно связана въ культурномъ отношеніи и которыя до сихъ поръ оставались ей мало доступны. Русскимъ археологическимъ съѣздамъ Константинопольскій Институтъ обязанъ глубокой благодарностью; нельзя забыть того единодушнаго и горячаго сочувствія, какое встрѣтила въ Московскомъ Съѣздѣ мысль объ учрежденіи института въ Константинополѣ; Институтъ можетъ быть разсматриваемъ какъ археологическая колонія на Востокѣ. — Институтъ имѣетъ научный инвентарь, вывезенный въ Константинополь; онъ обогатился пожертвованіями разныхъ ученыхъ обществъ и учрежденій. Организація библіотеки была первая работа Института. Наиболѣе крупныя покупки: Migne, Acta Sanctorum; Corpus Inscriptionum; Библіотека св. Марка.—Въ зимнее время устраиваются засѣданія; въ лѣтнее—предпринимаются экскурсіи. Исполнены экскурсіи: въ Анатолію, на Аѳонъ, въ Аѳины, въ Никею, Бруссу и Никомедію и въ Болгарію. Научныя пріобрѣтенія Института заключаются въ слѣдующемъ: древнѣйшее греческое евангеліе VI в.; древній христіанскій саркофагъ; древнія мозаики въ Софіи и др.; надписи на стѣнахъ и камняхъ; древніе монументальные памятники: стѣны, водопроводы, цистерны. Найдены новые тексты: жизнь св. Евгенія Трапезунтскаго; новые матеріалы для исторіи Италы; матеріалы для ученія богомиловъ; неизданныя сочиненія Льва Мудраго. Научныя предпріятія Института—русско-французская экспедиція на Аѳонъ и исторія древнихъ монастырей Константинопольскаго патріархата. Въ смыслѣ перспективы, открывающейся для Института въ ближайшемъ будущемъ, можно указать на широкое поле дѣятельности въ Болгаріи.

2. Докладъ проф. Р. Хаусмана, на нѣмецкомъ языкѣ, былъ посвященъ *„Обзору развитія археологическихъ изслѣдованій въ Прибалтійскомъ краѣ за послѣднее 50-лѣтіе“*.

Первый, обратившій вниманіе на балтійскую археологію, былъ рижскій бургомистръ Францъ Ніевштедтъ, жившій въ концѣ 16 вѣка. За нимъ слѣдовали Хупель, графъ Меллинъ, Кёрберъ въ 18 вѣкѣ. Но это были одиночныя попытки. Прочный фундаментъ археологія получила только со времени устройства публичныхъ музеевъ въ Митавѣ, Ревелѣ, Ригѣ, Юрьевѣ, которые стоятъ въ связи съ возникновеніемъ историческихъ мѣстныхъ обществъ и Хольцмайеръ въ Аренсбургѣ, Дёрингъ въ Митавѣ, Борнхауптъ въ Ригѣ и Гревингкъ въ Юрьевѣ могутъ считаться главными руководителями въ этомъ дѣлѣ. Что касается научной обработки балтійской археологіи, то можно различить три періода: 1) періодъ Крузе и Бэра; 2) періодъ Сиверса и Гревингка и 3) современный періодъ. Надежды, возлагаемыя правительствомъ

на Крузе, Юрьевскаго профессора, къ сожалѣнію не оправдались. Его „Necrolivonica“, сочиненіе, снабженное многими иллюстраціями, изобилуетъ гипотезами и лишено критики. Дѣятельность Бэра могла принести болѣе пользы; но безучастіе публики не позволило ему достичь своихъ цѣлей. Константинъ Гревингкъ, будучи въ продолженіе тридцати лѣтъ († 1887 г.) профессоромъ минералогіи въ Юрьевѣ, потрудился лично въ области балтійской доисторической археологіи. Въ 1859 г. была издана его геологія Лифляндіи и Курляндіи, въ 1861 сочиненіе о каменномъ вѣкѣ Балтійскаго края. Для перваго періода—до IX вѣка—его работы весьма цѣнны. Подъ его руководствомъ Эстонское Ученое Общество сдѣлалось центромъ балтійской археологіи. Ревностнымъ собирателемъ былъ гр. Карлъ Георгій Сиверсъ, отдавшійся съ безпримѣрною энергіею дѣлу отечественной археологіи. Онъ вошелъ въ сношенія съ Рудольфомъ Вирховымъ, посѣтившимъ Балтійскій край для археологическихъ изслѣдованій впервые въ 1877 г. Кромѣ Сиверса и Гревингка много потрудились надъ мѣстной археологіей Монтеліусъ, Вирховъ, Аспелинъ, который издалъ превосходный атласъ; затѣмъ Биленштейнъ, Крюгеръ, Дёрингъ, Рэсони въ Митавѣ, Борихауптъ въ Ригѣ, Хольцмайеръ въ Аренсбургѣ; изъ послѣдняго поколѣнія: А. Бухгольцъ, Левисъ-оф Менаръ, Якшъ, Бушъ въ Ригѣ, Бой въ Митавѣ, Хофманъ, Лешке, Шрёдеръ, Висковатовъ, Сизовъ. Весьма важную роль въ археологіи Балтійскаго края играетъ дѣятельность Георгія Лешке, бывшаго до 1889 г. профессоромъ исторіи искусствъ и классической археологіи въ мѣстномъ университетѣ. Съ энтузіазмомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и съ критическимъ тактомъ, онъ предался своимъ занятіямъ. Онъ надѣялся дойти до точнаго обозначенія типовъ могилъ, но переселеніе его въ Боннъ не позволило ему окончить начатыя работы. „Его дѣятельность останется незабвенной; мы идемъ по его слѣдамъ“.

Засѣданіе отдѣленія VII: Древностей классическихъ, византійскихъ и западно-европейскихъ. 2 августа днемъ.

Почетный предсѣдатель: Н. И. Петровъ.

1. Э. Р. фонъ-Штернъ прочелъ докладъ „*О поддѣлкахъ классическихъ древностей на югѣ Россіи*“.

Вопросъ объ этихъ поддѣлкахъ является весьма важнымъ и современнымъ въ виду того обстоятельства, что въ послѣднее время фальсификація античныхъ вещей достигла высокихъ размѣровъ; античныя вещи стали на столько искусно поддѣлывать, что нуженъ слишкомъ опытный глазъ, чтобы отличить фальшивыя отъ настоящихъ; въ заблужденіе вводятся ученые люди, вещи пріобрѣтаются въ музеи. Проф. фонъ-Штернъ въ своемъ докладѣ подробно остановился на различныхъ группахъ фальшивыхъ вещей (сосуды изъ глины, терракотты, надписи, золотыя вещи—серьги, ожерелья, короны (докладчикъ присоединяется ко мнѣнію ученыхъ, признающихъ пресловутую

тіару Сайтафарна [1]) подложною) и т. п., и указывалъ на признаки, по которымъ ихъ можно отличить отъ настоящихъ.

2. Въ докладѣ Д. В. Айналова „*О древне-христіанскомъ саркофагѣ, вновь найденномъ въ Константинополѣ*", прочтенномъ Н. В. Покровскимъ, изслѣдованы два замѣчательныхъ скульптурныхъ памятника, открытыхъ трудами Императорскаго Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ. Древне-христіанскихъ памятниковъ, особенно скульптурныхъ, на Востокѣ пока извѣстно мало; изученіе же ихъ весьма важно для исторіи христіанскаго искусства для рѣшенія вопроса о его началахъ.

Оба памятника—христіанскіе саркофаги. На одномъ, найденномъ въ турецкой деревнѣ Теккели-Кіой, начерчено изображеніе корабля съ распущенными парусами, но безъ людей; поверхъ мачты маленькій крестикъ, а по сторонамъ (не прочтенная еще) надпись. Судя по формамъ корабля, креста, саркофагъ IV в. (позже 326 года). На другомъ саркофагѣ (фрагментъ, боковая сторона), найденномъ въ Псаматіи (близъ Константинополя), въ трехъ нишахъ, образованныхъ витыми колонками, замѣчательной работы, три фигуры, выполненныя въ высокомъ рельефѣ: Христа юнаго въ нимбѣ и двухъ учениковъ (евангелистовъ); это памятникъ V вѣка; два же византійскихъ рельефа, находящихся по сторонамъ доски саркофага, съ изображеніемъ Богородицы Оранты и Архангела Михаила—времени послѣ паденія Византійской имперіи.

Засѣданіе отдѣленія VIII: Древности Прибалтійскія. 3 августа, утромъ.

Почетный предсѣдатель д-ръ А. Бецценбергеръ.

1. Баронъ Г. Бруйнингкъ въ пространной рѣчи далъ *Обзоръ возникновенія, развитія и дѣятельности историческихъ обществъ въ Прибалтійскомъ краѣ*. Уже первыя Общества, возникшія въ концѣ прошлаго и въ началѣ нашего столѣтія, каковы Лифляндское Общеполезное и Экономическое Общество и основанное въ 1803 г. „Litterärisch-praktische Bürgerverbindung", хотя имѣли въ виду только задачи практической жизни, все-таки занимались и изученіемъ исторіи этого края. Издаваемые съ 1810 г. „Rigasche Stadtblätter" служили и еще служатъ обильнымъ источникомъ для мѣстной исторіи. Въ 1816 г. основано Курляндское Общество Искусства и Литературы, посвящавшее свои труды менѣе изученію старины, чѣмъ общенаучнымъ изслѣдованіямъ, согласно свойственному тому времени направленію. Въ связи съ этимъ Обществомъ стоитъ Курляндскій Провинціальный Музей. Труды этого Общества даютъ сравнительно мало матеріаловъ для исторіи и археологіи. Въ новѣйшее время, благодаря реорганизаціи Общества, историческія и археологическія работы выдвинулись впередъ. Въ этомъ отношеніи отличались Юлій Дёрингъ, долголѣт-

---

[1]) См. стр. 239.

ній секретарь Общества, Дидерихсъ, А. и Э. Серафимъ. Въ 1893 г. учреждено было особенное отдѣленіе для генеалогіи, геральдики и сфрагистики. Основанное въ 1824 г. Латышское Литературное Общество, посвященное изученію латышской словесности, собирало и издавало народныя пѣсни и преданія латышей; въ новѣйшее время оно начало также заниматься топографическими и археологическими изслѣдованіями. На этомъ поприщѣ особенно выдвинулся нынѣшній предсѣдатель Общества д-ръ А. Биленштейнъ, замѣчательный трудъ котораго „Die Grenzen des lettischen Volksstammes und der lettischen Sprache in der Gegenwart und im 13 Jahrhundert" изданъ Императорской Академіею Наукъ въ 1892 г.—Научныя работы историка Напѣрскаго дали поводъ къ основанію въ Ригѣ Общества Исторіи и Древностей Прибалтійскихъ губерній въ началѣ 30-хъ годовъ. Между трудами этого Общества въ первое время занимала главное мѣсто археологія, потомъ работы по собиранію и изданію грамотъ. Какъ въ Митавѣ, такъ и въ Ригѣ основанъ былъ музей, инспекторомъ котораго въ теченіе 48 лѣтъ состоялъ д-ръ К. Борнхауптъ (1841—89). Библіотека Общества въ скоромъ времени развилась въ цѣнное собраніе рукописей и книгъ по ливонской исторіи, благодаря неусыпнымъ трудамъ ученаго директора д-ра Авг. Буххольца, который по кончинѣ Напѣрскаго состоялъ предсѣдателемъ Общества до своей смерти (въ 1875 г.). Много обязано Общество дѣятельности Георгія Бергхольца, бывшаго предсѣдателемъ послѣ кончины Буххольца. Быстрое процвѣтаніе Общества отразилось въ устроенной имъ культурно-исторической выставкѣ въ 1883 г. Особенное вниманіе было обращено на архитектурные памятники среднихъ вѣковъ. Въ 1884 г. учредили особенное отдѣленіе для реставраціи рижскаго лютеранскаго собора (Dombauverein), работы котораго увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Труды членовъ Общества, каковы „Das mittelalterliche Riga" Нейманна, Die Goldschmiedearbeiten in Livland, Estland und Kurland Антона Буххольца, „Die städtische Profanarchitektur der Gothik, der Renaissance und des Baroco in Riga, Reval und Narva" Карла фонъ-Левисъ-оф-Менаръ и „Die Werke der mittelalterlichen Holzplastik und Malerei in Livland und Estland" В. Нейманна пролили яркій свѣтъ на культурное положеніе прибалтійскихъ городовъ въ Средніе вѣка. Все болѣе и болѣе выяснялась потребность новаго зданія для музея и благодаря помощи, оказанной администраціей лютеранскаго собора и городской думой въ 1890 г., состоялось открытіе т. н. Соборнаго музея (Dommuseum). Вслѣдствіе обширности новаго зданія коллекціи музея въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ удесятерились. Въ то же самое время работы по изданію письменныхъ источниковъ быстро двинулись впередъ. Десятый томъ „Liv-, Est- und Kurländ. Urkundenbuch" только что вышелъ въ свѣтъ.—Нѣсколько лѣтъ послѣ рижскаго Общества основалось Эстонское Ученое Общество въ Юрьевѣ (въ 1838 г.). Главную задачу его составляетъ изученіе прошлаго и современнаго эстонскаго народа, его языка и словесности и страны, населенной имъ. Замѣчательными трудами

выдвинулись: Крейцвальдъ изданіемъ народного эпоса „Kalewipoeg", Видеманъ словаремъ эстонскаго языка, Б. фонъ-Шредеръ, Херманъ и другіе [1]. Но на-ряду съ работами на этомъ поприщѣ шли тоже чисто историческія. Сюда относятся труды проф. Ширрена „Verzeichniss livl. Geschichtsquellen in schwedischen Archiven und Bibliotheken" и „Der Codex Zamoscianus" (1865), проф. Винкельманна: „Bibliotheca Livonica" и др. Музей этого Общества особенно богатъ доисторическими предметами, добытыми на ежегодныхъ археологическихъ экскурсіяхъ. Способъ сохраненія археологическихъ документовъ, установленный проф. Хаусманомъ, сдѣлался образцомъ для другихъ Обществъ. Благодаря стараніямъ Гревингка, графа Сиверса, Хаусмана, Висковатова и Лешке, Юрьевъ сталъ центромъ балтійской археологіи.

Сборнымъ мѣстомъ для эстляндскихъ историковъ сдѣлалось Эстляндское Литературное Общество, основанное въ 1841 г. Учрежденная при немъ „Коммиссія для отечественной исторіи" обнаруживала особенно напряженную дѣятельность. Органомъ этой коммиссіи служилъ „Archiv für die Geschichte Liv-, Est- und Kurlands", основанный Фридрихомъ фонъ-Бунге. Во второмъ выпускѣ Архива помѣщено изданіе Ширрена: „Quellen zur Geschichte des Untergangs livl. Selbständigkeit" изъ шведскаго и датскаго государственныхъ архивовъ; „Третій выпускъ" посвященъ сокровищамъ ревельскаго городскаго архива. Сюда относятся: „Das älteste Witschopbuch der Stadt Reval" изд. Арбузовымъ, „Die Erbebücher der Stadt Reval", изд. Е. фонъ-Нотбекомъ и др. Для научныхъ статей учрежденъ былъ въ 1868 г. особенный органъ въ „Beiträge zur Kunde Est-, Liv- und Kurlands". Послѣ того какъ во всѣхъ трехъ губернскихъ городахъ и въ университетскомъ городѣ были учреждены Общества, казалось, научныя потребности были вполнѣ удовлетворены. Но несмотря на то, съ начала 60-хъ годовъ еще возникли новыя историческія Общества въ провинціальныхъ городахъ. Въ 1863 г. въ Нарвѣ по почину Большой Гильдіи было основано Нарвское Общество Древностей. Но уже къ концу 60-ыхъ годовъ оно прекратило свои занятія. Въ то же самое время основано было въ Аренсбургѣ Общество для изслѣдованія Эзеля, по почину заслуженнаго Хольтцмейера. Самое младшее Общ. Прib. края—Феллинское Литературное Общество, основ. въ 1881 г. Въ нынѣшнее время предполагается учрежденіе историческаго Общества въ Перновѣ, уставъ котораго уже утвержденъ.

Баронъ Бруйнингкъ окончилъ свой обзоръ, указывая на высокое нравственное значеніе, вытекающее изъ этой децентрализаціи научной работы въ Прибалтійскомъ краѣ. Она, распространяя повсюду любовь къ наукѣ,

---

[1]) Нельзя не вспомнить замѣчательные труды по эстонскому и родственнымъ языкамъ безвременно умершаго проф. Веске, который сначала дѣйствовалъ въ Юрьевѣ, потомъ въ Казани; его „Славяно-финнскія культурныя отношенія по даннымъ языка" (Казань, 1890) весьма интересны и для археолога. *Прим. редакціи.*

вызываетъ и питаетъ идеализмъ, который всегда составляетъ лучшее побужденіе ко всякому труду.

2. Пасторъ д-ръ А. Биленштейнъ докладывалъ *о древне-латышскихъ городищахъ.*

Первое лѣтописное извѣстіе о нихъ даетъ Римбертъ въ его „Vita Anskarii" (ок. 860 г.), разсказывая о походѣ шведскаго короля Олафа противъ куровъ. Шведы взяли приступомъ городище Апулію, находившееся вблизи нынѣшней Либавы при Шодонѣ на южной границѣ Курляндіи. Въ ливонскихъ грамотахъ 13 столѣтія эти городища часто упоминаются подъ именемъ „castra". Въ нынѣшнее время существуютъ въ Прибалтійскомъ краѣ еще остатки 300 этихъ земляныхъ укрѣпленій. Въ нихъ находятъ: уголь—остатокъ палисадовъ, сгорѣвшихъ при взятіи укрѣпленія, расплавленное желѣзо—остатокъ оружія и одинъ разъ, въ городищѣ Терветенѣ, найдено большое количество поджареннаго ячменя—прежній хлѣбный складъ. Потребность къ постройкѣ городищъ создавалась почти безпрерывнымъ военнымъ положеніемъ, въ которомъ находились древніе латыши. Но эти укрѣпленныя мѣста служили не только убѣжищемъ во время военное, но и постояннымъ мѣстожительствомъ: во 1-хъ, множество латышскихъ князей или предводителей (principes, seniores, какъ ихъ называетъ лѣтописецъ Гейнрихъ) получили свои наименованія отъ этихъ городищъ; во-вторыхъ, замѣчательная растительность почвы въ этихъ городищахъ, еще въ нынѣшнее время никогда не нуждающейся въ навозѣ, и множество могильниковъ въ окрестности каждаго городища указываетъ на то, что эти мѣста постоянно были заселены; въ-третьихъ, эти городища слишкомъ малы, чтобы они могли служить убѣжищемъ для всего населенія округа и для стадъ, и наоборотъ, мы знаемъ изъ лѣтописей XIII и XIV столѣтій, что во время опасности населеніе бѣжало въ трудно доступныя лѣсныя мѣста, окруженныя обыкновенно непроходимыми болотами. Но часто подъ древними городищами, кажется, находился огороженный палисадомъ небольшой поселокъ (Hakelwerk), что замѣчается также при древнихъ рыцарскихъ замкахъ. Укрѣпленіе состояло изъ одного или нѣсколькихъ рядовъ вала, рва и палисада на высотѣ крутого бугра или горы. Разницы въ укрѣпленіи и постройкѣ между городищами латышей и ихъ сосѣдей почти нѣтъ. Городища ливовъ имѣютъ тотъ же самый видъ, что, пожалуй, часто объясняется тѣмъ, что эти мѣста ранѣе были въ рукахъ латышей-аборигеновъ. Къ тому же самому типу принадлежатъ также городища литовцевъ и бѣлоруссовъ. Только эстонцы при постройкѣ вала пользовались обиліемъ камней въ ихъ странѣ. Что касается распредѣленія городищъ въ странѣ, то они гуще всего въ холмистыхъ мѣстностяхъ и на берегахъ рѣкъ, очень рѣдки въ равнинахъ. Очень часто можно замѣтить, что вблизи этихъ городищъ нынѣ стоитъ приходская церковь или находятся развалины рыцарскаго замка, т. е. при завоеваніи страны нѣмцами прежніе центры сохранились, только перемѣнивъ свой внутренній и внѣшній характеръ.

3. Пасторъ д-ръ Я. А. Хуртъ докладывалъ о своемъ обширномъ собраніи *произведеній эстонской народной словесности*, выставленномъ въ рукописяхъ въ залѣ Большой Гильдіи. Въ эту колекцію, состоящую изъ 163 томовъ, входятъ около 40,500 народныхъ пѣсенъ (считая и варіанты), около 8,500 сказокъ, около 45,000 пословицъ, около 37 000 народныхъ загадокъ (хотя тутъ много повтореній), далѣе около 52,000 записокъ объ эстонскихъ суевѣріяхъ, матеріаловъ о правахъ и обычаяхъ эстонскаго народа, о сновидѣніяхъ и ихъ толкованіяхъ (до 12,000), наконецъ образцы мѣстныхъ нарѣчій и характерныя поговорки. Основаніе этому собранію было положено въ 60-ыхъ и 70-ыхъ годахъ частью личнымъ трудомъ пастора Гурта, частью содѣйствіемъ Общества Эстонскихъ Литераторовъ въ Юрьевѣ. Но главная масса матеріаловъ собиралась отъ 1888 до 1896 г. съ помощью 860 лицъ изъ различныхъ мѣстностей [1]). Собранные матеріалы составляютъ весьма обширный и цѣнный источникъ для изученія эстонскаго народа; они ознакомляютъ изслѣдователя съ внутренней жизнью народа, съ его стремленіями и идеями, съ его радостью и печалью, съ его вѣрой и надеждой. Все, что въ теченіе столѣтій выработалось, какъ отличительная черта народа, отразилось въ пѣсняхъ и преданіяхъ, въ поговоркахъ и изреченіяхъ, въ правахъ и обычаяхъ. Вкратцѣ можно назвать эту коллекцію подробной и наглядной живой лѣтописью эстонскаго народа, написанной имъ самимъ. Нынѣ, благодаря средствамъ отъ Финскаго Литерат. Общества и Лифляндскаго дворянства, предвидится изданіе этихъ матеріаловъ.

4. Рефератъ К. А. Военскаго, прочитанный на французскомъ языкѣ, *О достопримѣчательностяхъ современной Митавы и объ исторіи Митавскаго замка*—составляетъ извлеченіе изъ его статей, напечатанныхъ въ іюнѣ, іюлѣ и августѣ настоящаго года въ журналѣ „Историческій Вѣстникъ"—подъ заглавіемъ „*Очерки Курляндской Старины*".

Отдѣленіе XI. Памятники археографическіе. 3 августа, днемъ.

Почетный предсѣдатель Н. А. Лавровскій.

1. Проф. Д. А. Корсаковъ посвятилъ нѣсколько словъ *памяти А. К. Жизневскаго*, отмѣтивъ главныя черты дѣятельности покойнаго, какъ замѣ-

---

[1]) Въ февралѣ 1888 г. пасторъ Хуртъ напечаталъ въ эстскихъ газетахъ воззваніе съ просьбою о записываніи и доставленіи ему произведеній народной словесности; въ маѣ онъ уже помѣстилъ въ тѣхъ же газетахъ первый отчетъ о полученныхъ присылкахъ, и съ тѣхъ поръ напечатано имъ (въ газетахъ Olewik, Postimees, Eesti Postimees) 122 такихъ отчета—указанія, отъ кого и что получено, краткая характеристика присланнаго, два-три слова благодарности и т. п. Этими мѣсячными отчетами постоянно поддерживался интересъ корреспондентовъ, кругъ которыхъ все росъ. Нынѣ Я. А. приступилъ къ составленію автографическаго альбома своихъ сотрудниковъ, который, повидимому, будетъ очень интересенъ; большею частью это—народные учителя, но вообще составъ очень разнообразенъ: тутъ есть и люди съ университетскимъ образованіемъ (лучшія записи), и земледѣльцы, старые и молодые.—*Прим. редакціи.*

чательнаго собирателя тверской старины и основателя и руководителя Тверскихъ Музея и Ученой Архивной Коммиссіи. Покойный, по происхожденію полякъ и католикъ, искренно и глубоко полюбилъ Россію и въ частности тверскую старину (онъ въ Твери провелъ 27 лѣтъ), умѣлъ добывать матеріалы для музея, привлекать молодыхъ сотрудниковъ по дѣлу устройства и обогащенія музея, представить всѣмъ работы по ихъ силамъ. Д. А. Корсаковъ обрисовалъ симпатичную личность покойнаго, пользовавшагося, наприм., въ средѣ православнаго духовенства—бѣлаго и чернаго, съ которымъ имѣлъ постоянныя сношенія по археологическимъ своимъ занятіямъ, полнымъ довѣріемъ и высокимъ уваженіемъ.

2. Проф. А. Н. Филипповъ прочелъ докладъ „*Матеріалы для исторіи Прибалтійскаго края въ русскихъ центральныхъ архивахъ*".

Референтъ указалъ на тѣ неисчерпаемыя богатства, какія содержатъ въ себѣ, главнымъ образомъ, Архивъ Министерства Юстиціи въ Москвѣ и Сенатскій Архивъ въ Петербургѣ по исторіи края не только со времени присоединенія къ Россійской имперіи Лифляндіи и Эстляндіи въ началѣ XVIII в., но и для эпохъ болѣе отдаленныхъ, объяснивъ, что сосредоточіе въ центрѣ разнаго рода документовъ по исторіи Прибалтики вызывалось какъ нуждами администраціи присоединенныхъ провинцій, такъ и интересами самаго населенія. Всѣ первоисточники, относящіеся къ исторіи Лифляндіи и Эстляндіи XVIII в., частію напечатанные, а еще болѣе хранящіеся въ названныхъ выше архивахъ, могутъ быть отыскиваемы либо въ актахъ тѣхъ обще-имперскихъ учрежденій, которыя такъ или иначе касались управленія названными провинціями, либо въ тѣхъ *особыхъ* учрежденіяхъ, или же *особыхъ* отдѣлахъ общеимперскихъ учрежденій, которыя уже въ началѣ XVIII в. были образованы въ центрѣ для лучшей администраціи этихъ провинцій. Перваго рода первоисточники могутъ быть находимы среди Высочайшихъ указовъ и повелѣній, а равно и среди протоколовъ, указовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, Кабинета министровъ, Пр. Сената, коллегій и прочихъ учрежденій, въ той или иной мѣрѣ, но постоянно втеченіе XVIII в. касавшихся Лифляндіи и Эстляндіи; второго рода документы отыскиваются въ актахъ дѣлопроизводства такъ назв. „Камеръ-конторы лифляндскихъ и эстляндскихъ дѣлъ". „Юстицъ-коллегіи" тѣхъ же дѣлъ, а также въ дѣлахъ „Лифляндской экспедиціи" Пр. Сената.

При обзорѣ первоисточниковъ мѣстной исторіи, разсѣянныхъ среди дѣлъ центральныхъ учрежденій XVIII в., А. Н. указалъ, во-1-хъ, на тѣ печатныя изданія документовъ XVIII в., какія стали появляться въ послѣднее время, во 2-хъ отмѣтилъ тѣ „Описи" этихъ документовъ, какія изданы въ недавнее время г. Барановымъ и какія значительно облегчаютъ первоначальное ознакомленіе съ содержаніемъ документовъ С.-Петербургскаго Архива Пр. Сената, а въ 3-хъ, привелъ цѣлый рядъ, частію изданныхъ, а частію неизданныхъ документовъ, которые могутъ служить для иллюстраціи

содержанія актовъ нашихъ центральныхъ архивовъ, касающихся мѣстнаго края. Таковы акты, имѣвшіе своимъ предметомъ ходатайства дворянства и городовъ о сохраненіи или расширеніи ихъ правъ и привиллегій, изданія общаго лифляндскаго уложенія, челобитія частныхъ лицъ и корпорацій по разнымъ поводамъ, акты, касающіеся представителей мѣстнаго дворянства, поступившаго на государственную службу, акты, относящіеся къ недвижимой собственности края и ея мобилизаціи, и т. д.

3. Н. Ѳ. Бѣляшевскій. *Инфляндская ревизія 1599 г. и инвентари ливонскихъ замковъ XVI в.* Одинъ изъ отдѣловъ такъ наз. *Архивовъ бывшаго Финансоваго Управленія Царства Польскаго*, состоящій при Варшавской Казенной Палатѣ, носитъ названіе *Старопольскаго* и составляетъ архивъ *Скарба Короннаго* Рѣчи Посполитой. Заключаетъ онъ въ себѣ около 4-хъ тысячъ книгъ и вязокъ, состоящихъ въ свою очередь изъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ отдѣльныхъ документовъ; большая часть документовъ — XVI, XVII и XVIII вв., но есть также конца XV вѣка. Матеріалы, хранящіеся въ Архивѣ очень цѣнны, касаются различныхъ сторонъ прошлой жизни (главнымъ образомъ экономической); обнимаютъ собой громадный раіонъ различныхъ областей, входившихъ въ составъ Польскаго государства, такъ что историкъ Южной Россіи или Галиціи, Прибалтійскаго края или восточныхъ провинцій Пруссіи, найдетъ обильный матеріалъ для своихъ изслѣдованій. Но, къ сожалѣнію, Архивъ этотъ до послѣдняго времени былъ очень мало извѣстенъ ученому міру, и референтъ, въ качествѣ представителя Архива на Съѣздѣ, считалъ бы свое порученіе исполненнымъ, если кто-нибудь изъ присутствующихъ ученыхъ направитъ свои изысканія въ Архивъ Скарба Короннаго или вообще будетъ способствовать распространенію свѣдѣній объ этомъ, такъ мало извѣстномъ еще, Архивѣ. Въ скоромъ времени выйдетъ общій указатель Архива, а всѣмъ лицамъ, желающимъ или заниматься въ самомъ Архивѣ, или получить изъ него нужныя справки, всегда будетъ оказано возможное содѣйствіе. Докладчикъ характеризовалъ нѣсколько историческихъ матеріаловъ Архива, касающихся собственно Лифляндіи и заключающихъ въ себѣ данные географическо-статистическаго и соціально-экономическаго характера. Это прежде всего, такъ наз. „*Инфлянтская ревизія*“ 1599, дающая описаніе цѣлаго ряда замковъ, именно: описаніе построекъ, вооруженія, перечисленіе поселеній, тянувшихъ къ замкамъ, съ поименованіемъ населенія и количества земли, повинностей и т. п. Въ ревизіи описаны слѣдующіе замки: Lucyn, Taurus (Tarwast), Wandzel (Waindsel), Kircholm, Lenowarth (Lenewarten), Kokenhaus (Kokenhusen), Lais, Aszkarod (Ascheraden), Rzezyca, Felin и Helmeth; въ другомъ мѣстѣ нашлось продолженіе этой ревизіи — ревизія замка Iberpol (Oberpahlen). Въ виду того значенія, какое имѣетъ Инфлянтская ревизія для исторіи мѣстнаго края, референтъ внесъ предложеніе о напечатаніи этой ревизіи въ трудахъ Съѣзда.

Нѣкоторые другіе матеріалы, находящіеся въ Архивѣ Скарба Короннаго,

носящіе отчасти такой же характеръ, какъ и упомянутая ревизія, именно, *инвентари*: Юрьева и относящихся къ нему поселеній—1582, 1585 и 1586 гг.; Taurus'a и Felin'a—1583, 1584 и 1585 гг.; Nowogrod'a (Neuhausen)?—1586, 1587 и 1588 гг.; Iberpol'я—1587 г.

4. Гр. Уварова передала просьбу Высшаго Училища въ Софіи, обращенную, черезъ посредство директора Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ, къ Съѣзду и его членамъ — объ установленіи обмѣна изданій русскихъ ученыхъ Обществъ по исторіи, археологіи и этнографіи на „Сборникъ за народни умотворени", издаваемый В. Училищемъ.

Засѣданіе Отдѣленія IV. Бытъ домашній, юридическій, общественный и военный. 3 августа вечеромъ.

Почетный предсѣдатель Н. Е. Бранденбургъ.

1. Докладъ К. фонъ-Штерна (на нѣмецкомъ языкѣ) „*Торговые пути Ганзеатовъ въ Великій Новгородъ*". Первый опредѣлилъ торговые пути, по которымъ слѣдовали въ Новгородъ нѣмецкіе купцы, покойный проф. Никитскій. Докладчикъ обратилъ вниманіе на культурно- или историко-географическое вліяніе, которое имѣли эти торговые пути и ганзейско-русская торговля вообще на основаніе городовъ въ древней Ливоніи. Основываясь на извѣстномъ фактѣ, что нѣмецко-русская торговля древнѣе чѣмъ нѣмецко-лифляндская колонія и что при основаніи послѣдней приняли выдающееся участіе нѣмецкіе купцы, г. ф. Штернъ, перечисливъ балтійскіе порты, которые лежали по пути нѣмецкимъ торговымъ судамъ, направлявшимся по Балтійскому морю, объяснилъ, какъ пути, ведущіе въ Новгородъ и Смоленскъ, соперничали между собою подъ вліяніемъ общаго политическаго положенія. Сюда должно отнести прежде всего отношеніе Новгорода съ одной стороны къ великому княжеству Суздальскому, а съ другой стороны къ шведской Финляндіи. Развитіе этихъ политическихъ отношеній и вытекающее изъ нихъ соперничество различныхъ торговыхъ путей имѣли самое большое вліяніе на исторію основанія ливонскихъ городовъ. Такъ какъ на это обстоятельство до сихъ поръ не обращено надлежащаго вниманія, то референтъ остановился въ отдѣльности на исторіи основанія городовъ Риги, Ревеля, Нарвы и Юрьева: такъ основаніе Риги стоитъ въ исторической связи съ закрытіемъ проѣзда по Невѣ, развитіе торговли Ревеля, основаніе Нарвы можно объяснить той же причиной. Не опуская изъ виду стратегической точки зрѣнія, докладчикъ рѣшительно выдвигаетъ на первый планъ политическое значеніе лифляндско-русскихъ торговыхъ путей для основанія городовъ.

2. Проф. Д. И. Багалѣй представилъ докладъ „*О Магдебургскомъ правѣ въ городахъ лѣвобережной Малороссіи*" — извлеченіе изъ обширнаго изслѣдованія на сказанную тему, въ параллель къ изслѣдованіямъ профессоровъ Владимірскаго-Буданова, и Антоновича о Магдебургскомъ правѣ въ городахъ

выдвинулись: Крейцвальдъ изданіемъ народного эпоса „Kalewipoeg“, Видеманъ словаремъ эстонскаго языка, Б. фонъ-Шредеръ, Херманъ и другіе [1]). Но на-ряду съ работами на этомъ поприщѣ шли тоже чисто историческія. Сюда относятся труды проф. Ширрена „Verzeichniss livl. Geschichtsquellen in schwedischen Archiven und Bibliotheken“ и „Der Codex Zamoscianus“ (1865), проф. Винкельманна: „Bibliotheca Livonica“ и др. Музей этого Общества особенно богатъ доисторическими предметами, добытыми на ежегодныхъ археологическихъ экскурсіяхъ. Способъ сохраненія археологическихъ документовъ, установленный проф. Хаусманомъ, сдѣлался образцомъ для другихъ Обществъ. Благодаря стараніямъ Гревингка, графа Сиверса, Хаусмана, Висковатова и Лешке, Юрьевъ сталъ центромъ балтійской археологіи.

Сборнымъ мѣстомъ для эстляндскихъ историковъ сдѣлалось Эстляндское Литературное Общество, основанное въ 1841 г. Учрежденная при немъ „Коммиссія для отечественной исторіи“ обнаруживала особенно напряженную дѣятельность. Органомъ этой коммиссіи служилъ „Archiv für die Geschichte Liv-, Est- und Kurlands“, основанный Фридрихомъ фонъ-Бунге. Во второмъ выпускѣ Архива помѣщено изданіе Ширрена: „Quellen zur Geschichte des Untergangs livl. Selbständigkeit“ изъ шведскаго и датскаго государственныхъ архивовъ; „Третій выпускъ“ посвященъ сокровищамъ ревельскаго городскаго архива. Сюда относятся: „Das älteste Witschopbuch der Stadt Reval“ изд. Арбузовымъ, „Die Erbebücher der Stadt Reval“, изд. Е. фонъ-Нотбекомъ и др. Для научныхъ статей учрежденъ былъ въ 1868 г. особенный органъ въ „Beiträge zur Kunde Est-, Liv- und Kurlands“. Послѣ того какъ во всѣхъ трехъ губернскихъ городахъ и въ университетскомъ городѣ были учреждены Общества, казалось, научныя потребности были вполнѣ удовлетворены. Но несмотря на то, съ начала 60-хъ годовъ еще возникли новыя историческія Общества въ провинціальныхъ городахъ. Въ 1863 г. въ Нарвѣ по почину Большой Гильдіи было основано Нарвское Общество Древностей. Но уже къ концу 60-ыхъ годовъ оно прекратило свои занятія. Въ то же самое время основано было въ Аренсбургѣ Общество для изслѣдованія Эзеля, по почину заслуженнаго Хольтцмейера. Самое младшее Общ. Приб. края—Феллинское Литературное Общество, основ. въ 1881 г. Въ нынѣшнее время предполагается учрежденіе историческаго Общества въ Перновѣ, уставъ котораго уже утвержденъ.

Баронъ Бруйнингкъ окончилъ свой обзоръ, указывая на высокое нравственное значеніе, вытекающее изъ этой децентрализаціи научной работы въ Прибалтійскомъ краѣ. Она, распространяя повсюду любовь къ наукѣ,

---

[1]) Нельзя не вспомнить замѣчательные труды по эстонскому и родственнымъ языкамъ безвременно умершаго проф. Веске, который сначала дѣйствовалъ въ Юрьевѣ, потомъ въ Казани; его „Славяно-финнскія культурныя отношенія по даннымъ языка“ (Казань, 1890) весьма интересны и для археолога. *Прим. редакціи.*

вызываетъ и питаетъ идеализмъ, который всегда составляетъ лучшее побужденіе ко всякому труду.

2. Пасторъ д-ръ А. Биленштейнъ докладывалъ *о древне-латышскихъ городищахъ.*

Первое лѣтописное извѣстіе о нихъ даетъ Римбертъ въ его „Vita Anskarii" (ок. 860 г.), разсказывая о походѣ шведскаго короля Олафа противъ куровъ. Шведы взяли приступомъ городище Апулію, находившееся вблизи нынѣшней Либавы при Шодонѣ на южной границѣ Курляндіи. Въ ливонскихъ грамотахъ 13 столѣтія эти городища часто упоминаются подъ именемъ „castra". Въ нынѣшнее время существуютъ въ Прибалтійскомъ краѣ еще остатки 300 этихъ земляныхъ укрѣпленій. Въ нихъ находятъ: уголь—остатокъ палисадовъ, сгорѣвшихъ при взятіи укрѣпленія, расплавленное желѣзо—остатокъ оружія и одинъ разъ, въ городищѣ Терветенѣ, найдено большое количество поджареннаго ячменя—прежній хлѣбный складъ. Потребность къ постройкѣ городищъ создавалась почти безпрерывнымъ военнымъ положеніемъ, въ которомъ находились древніе латыши. Но эти укрѣпленныя мѣста служили не только убѣжищемъ во время военное, но и постояннымъ мѣстожительствомъ: во 1-хъ, множество латышскихъ князей или предводителей (principes, seniores, какъ ихъ называетъ лѣтописецъ Гейнрихъ) получили свои наименованія отъ этихъ городищъ; во-вторыхъ, замѣчательная растительность почвы въ этихъ городищахъ, еще въ нынѣшнее время никогда не нуждающейся въ навозѣ, и множество могильниковъ въ окрестности каждаго городища указываетъ на то, что эти мѣста постоянно были заселены; въ-третьихъ, эти городища слишкомъ малы, чтобы они могли служить убѣжищемъ для всего населенія округа и для стадъ, и наоборотъ, мы знаемъ изъ лѣтописей XIII и XIV столѣтій, что во время опасности населеніе бѣжало въ трудно доступныя лѣсныя мѣста, окруженныя обыкновенно непроходимыми болотами. Но часто подъ древними городищами, кажется, находился огороженный палисадомъ небольшой поселокъ (Hakelwerk), что замѣчается также при древнихъ рыцарскихъ замкахъ. Укрѣпленіе состояло изъ одного или нѣсколькихъ рядовъ вала, рва и палисада на высотѣ крутого бугра или горы. Разницы въ укрѣпленіи и постройкѣ между городищами латышей и ихъ сосѣдей почти нѣтъ. Городища ливовъ имѣютъ тотъ же самый видъ, что, пожалуй, часто объясняется тѣмъ, что эти мѣста ранѣе были въ рукахъ латышей-аборигеновъ. Къ тому же самому типу принадлежатъ также городища литовцевъ и бѣлоруссовъ. Только эстонцы при постройкѣ вала пользовались обиліемъ камней въ ихъ странѣ. Что касается распредѣленія городищъ въ странѣ, то они гуще всего въ холмистыхъ мѣстностяхъ и на берегахъ рѣкъ, очень рѣдки въ равнинахъ. Очень часто можно замѣтить, что вблизи этихъ городищъ нынѣ стоитъ приходская церковь или находятся развалины рыцарскаго замка, т. е. при завоеваніи страны нѣмцами прежніе центры сохранились, только перемѣнивъ свой внутренній и внѣшній характеръ.

3. Пасторъ д-ръ Я. А. Хуртъ докладывалъ о своемъ обширномъ *собраніи произведеній эстонской народной словесности*, выставленномъ въ рукописяхъ въ залѣ Большой Гильдіи. Въ эту колекцію, состоящую изъ 163 томовъ, входятъ около 40,500 народныхъ пѣсенъ (считая и варіанты), около 8,500 сказокъ, около 45,000 пословицъ, около 37 000 народныхъ загадокъ (хотя тутъ много повтореній), далѣе около 52,000 записокъ объ эстонскихъ суевѣріяхъ, матеріаловъ о нравахъ и обычаяхъ эстонскаго народа, о сновидѣніяхъ и ихъ толкованіяхъ (до 12,000), наконецъ образцы мѣстныхъ нарѣчій и характерныя поговорки. Основаніе этому собранію было положено въ 60-ыхъ и 70-ыхъ годахъ частью личнымъ трудомъ пастора Гурта, частью содѣйствіемъ Общества Эстонскихъ Литераторовъ въ Юрьевѣ. Но главная масса матеріаловъ собиралась отъ 1888 до 1896 г. съ помощью 860 лицъ изъ различныхъ мѣстностей [1]). Собранные матеріалы составляютъ весьма обширный и цѣнный источникъ для изученія эстонскаго народа; они ознакомляютъ изслѣдователя съ внутренней жизнью народа, съ его стремленіями и идеями, съ его радостью и печалью, съ его вѣрой и надеждой. Все, что въ теченіе столѣтій выработалось, какъ отличительная черта народа, отразилось въ пѣсняхъ и преданіяхъ, въ поговоркахъ и изреченіяхъ, въ нравахъ и обычаяхъ. Вкратцѣ можно назвать эту коллекцію подробной и наглядной живой лѣтописью эстонскаго народа, написанной имъ самимъ. Нынѣ, благодаря средствамъ отъ Финскаго Литерат. Общества и Лифляндскаго дворянства, предвидится изданіе этихъ матеріаловъ.

4. Рефератъ К. А. Военскаго, прочитанный на французскомъ языкѣ, *О достопримѣчательностяхъ современной Митавы и объ исторіи Митавскаго замка*—составляетъ извлеченіе изъ его статей, напечатанныхъ въ іюнѣ, іюлѣ и августѣ настоящаго года въ журналѣ „Историческій Вѣстникъ“ — подъ заглавіемъ „*Очерки Курляндской Старины*“.

Отдѣленіе XI. Памятники археографическіе. 3 августа, днемъ.

Почетный предсѣдатель Н. А. Лавровскій.

1. Проф. Д. А. Корсаковъ посвятилъ нѣсколько словъ *памяти А. К. Жизневскаго*, отмѣтивъ главныя черты дѣятельности покойнаго, какъ замѣ-

---

[1]) Въ февралѣ 1888 г. пасторъ Хуртъ напечаталъ въ эстскихъ газетахъ воззваніе съ просьбою о записываніи и доставленіи ему произведеній народной словесности; въ мартѣ онъ уже помѣстилъ въ тѣхъ же газетахъ первый отчетъ о полученныхъ присылкахъ, и съ тѣхъ поръ напечатано имъ (въ газетахъ Olewik, Postimees, Eesti Postimees) 122 такихъ отчета—указанія, отъ кого и что получено, краткая характеристика присланнаго, два-три слова благодарности и т. п. Этими мѣсячными отчетами постоянно поддерживался интересъ корреспондентовъ, кругъ которыхъ все росъ. Нынѣ Я. А. приступилъ къ составленію фотографическаго альбома своихъ сотрудниковъ, который, повидимому, будетъ очень интересенъ; большею частью это—народные учителя, но вообще составъ очень разнообразенъ: тутъ есть и люди съ университетскимъ образованіемъ (лучшія записи), и землепашцы, старые и молодые.—*Прим. редакціи.*

чательнаго собирателя тверской старины и основателя и руководителя Тверскихъ Музея и Ученой Архивной Коммиссіи. Покойный, по происхожденію полякъ и католикъ, искренно и глубоко полюбилъ Россію и въ частности тверскую старину (онъ въ Твери провелъ 27 лѣтъ), умѣлъ добывать матеріалы для музея, привлекать молодыхъ сотрудниковъ по дѣлу устройства и обогащенія музея, представить всѣмъ работы по ихъ силамъ. Д. А. Корсаковъ обрисовалъ симпатичную личность покойнаго, пользовавшагося, наприм., въ средѣ православнаго духовенства—бѣлаго и чернаго, съ которымъ имѣлъ постоянныя сношенія по археологическимъ своимъ занятіямъ, полнымъ довѣріемъ и высокимъ уваженіемъ.

2. Проф. А. Н. Филипповъ прочелъ докладъ „*Матеріалы для исторіи Прибалтійскаго края въ русскихъ центральныхъ архивахъ*".

Референтъ указалъ на тѣ неисчерпаемыя богатства, какія содержатъ въ себѣ, главнымъ образомъ, Архивъ Министерства Юстиціи въ Москвѣ и Сенатскій Архивъ въ Петербургѣ по исторіи края не только со времени присоединенія къ Россійской имперіи Лифляндіи и Эстляндіи въ началѣ XVIII в., но и для эпохъ болѣе отдаленныхъ, объяснивъ, что сосредоточіе въ центрѣ разнаго рода документовъ по исторіи Прибалтики вызывалось какъ нуждами администраціи присоединенныхъ провинцій, такъ и интересами самаго населенія. Всѣ первоисточники, относящіеся къ исторіи Лифляндіи и Эстляндіи XVIII в., частію напечатанные, а еще болѣе хранящіеся въ названныхъ выше архивахъ, могутъ быть отыскиваемы либо въ актахъ тѣхъ обще-имперскихъ учрежденій, которыя такъ или иначе касались управленія названными провинціями, либо въ тѣхъ *особыхъ* учрежденіяхъ, или же *особыхъ* отдѣлахъ общеимперскихъ учрежденій, которыя уже въ началѣ XVIII в. были образованы въ центрѣ для лучшей администраціи этихъ провинцій. Перваго рода первоисточники могутъ быть находимы среди Высочайшихъ указовъ и повелѣній, а равно и среди протоколовъ, указовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, Кабинета министровъ, Пр. Сената, коллегій и прочихъ учрежденій, въ той или иной мѣрѣ, но постоянно втеченіе XVIII в. касавшихся Лифляндіи и Эстляндіи; второго рода документы отыскиваются въ актахъ дѣлопроизводства такъ назв. „Камеръ-конторы лифляндскихъ и эстляндскихъ дѣлъ". „Юстицъ-коллегіи" тѣхъ же дѣлъ, а также въ дѣлахъ „Лифляндской экспедиціи" Пр. Сената.

При обзорѣ первоисточниковъ мѣстной исторіи, разсѣянныхъ среди дѣлъ центральныхъ учрежденій XVIII в., А. Н. указалъ, во-1-хъ, на тѣ печатныя изданія документовъ XVIII в., какія стали появляться въ послѣднее время, во 2-хъ отмѣтилъ тѣ „Описи" этихъ документовъ, какія изданы въ недавнее время г. Барановымъ и какія значительно облегчаютъ первоначальное ознакомленіе съ содержаніемъ документовъ С.-Петербургскаго Архива Пр. Сената, а въ 3-хъ, привелъ цѣлый рядъ, частію изданныхъ, а частію неизданныхъ документовъ, которые могутъ служить для иллюстраціи

содержанія актовъ нашихъ центральныхъ архивовъ, касающихся мѣстнаго края. Таковы акты, имѣвшіе своимъ предметомъ ходатайства дворянства и городовъ о сохраненіи или расширеніи ихъ правъ и привиллегій, изданія общаго лифляндскаго уложенія, челобитія частныхъ лицъ и корпорацій по разнымъ поводамъ, акты, касающіеся представителей мѣстнаго дворянства, поступившаго на государственную службу, акты, относящіеся къ недвижимой собственности края и ея мобилизаціи, и т. д.

3. Н. Ѳ. Бѣляшевскій. *Инфляндская ревизія 1599 г. и инвентари ливонскихъ замковъ XVI в.* Одинъ изъ отдѣловъ такъ наз. *Архивовъ бывшаго Финансоваго Управленія Царства Польскаго,* состоящій при Варшавской Казенной Палатѣ, носитъ названіе *Старопольскаго* и составляетъ архивъ *Скарба Короннаго* Рѣчи Посполитой. Заключаетъ онъ въ себѣ около 4-хъ тысячъ книгъ и вязокъ, состоящихъ въ свою очередь изъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ отдѣльныхъ документовъ; большая часть документовъ — XVI, XVII и XVIII вв., но есть также конца XV вѣка. Матеріалы, хранящіеся въ Архивѣ очень цѣнны, касаются различныхъ сторонъ прошлой жизни (главнымъ образомъ экономической); обнимаютъ собой громадный раіонъ различныхъ областей, входившихъ въ составъ Польскаго государства, такъ что историкъ Южной Россіи или Галиціи, Прибалтійскаго края или восточныхъ провинцій Пруссіи, найдетъ обильный матеріалъ для своихъ изслѣдованій. Но, къ сожалѣнію, Архивъ этотъ до послѣдняго времени былъ очень мало извѣстенъ ученому міру, и референтъ, въ качествѣ представителя Архива на Съѣздѣ, считалъ бы свое порученіе исполненнымъ, если кто-нибудь изъ присутствующихъ ученыхъ направитъ свои изысканія въ Архивъ Скарба Короннаго или вообще будетъ способствовать распространенію свѣдѣній объ этомъ, такъ мало извѣстномъ еще, Архивѣ. Въ скоромъ времени выйдетъ общій указатель Архива, а всѣмъ лицамъ, желающимъ или заниматься въ самомъ Архивѣ, или получить изъ него нужныя справки, всегда будетъ оказано возможное содѣйствіе. Докладчикъ характеризовалъ нѣсколько историческихъ матеріаловъ Архива, касающихся собственно Лифляндіи и заключающихъ въ себѣ данные географическо-статистическаго и соціально-экономическаго характера. Это прежде всего, такъ наз. „*Инфлянтская ревизія*" 1599, дающая описаніе цѣлаго ряда замковъ, именно: описаніе построекъ, вооруженія, перечисленіе поселеній, тянувшихъ къ замкамъ, съ поименованіемъ населенія и количества земли, повинностей и т. п. Въ ревизіи описаны сдѣдующіе замки: Lucyn, Taurus (Tarwast), Wandzel (Waindsel), Kircholm, Lenowarth (Lenewarten), Kokenhaus (Kokenhusen), Lais, Aszkarod (Ascheraden), Rzezyca, Felin и Helmeth; въ другомъ мѣстѣ нашлось продолженіе этой ревизіи — ревизія замка Iberpol (Oberpahlen). Въ виду того значенія, какое имѣетъ Инфлянтская ревизія для исторіи мѣстнаго края, референтъ внесъ предложеніе о напечатаніи этой ревизіи въ трудахъ Съѣзда.

Нѣкоторые другіе матеріалы, находящіеся въ Архивѣ Скарба Короннаго,

носящіе отчасти такой же характеръ, какъ и упомянутая ревизія, именно, *инвентари*: Юрьева и относящихся къ нему поселеній—1582, 1585 и 1586 гг.; Taurus'a и Felin'a—1583, 1584 и 1585 гг.; Nowogrod'a (Neuhausen)?—1586, 1587 и 1588 гг.; Iberpol'я—1587 г.

4. Гр. Уварова передала просьбу Высшаго Училища въ Софіи, обращенную, черезъ посредство директора Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ, къ Съѣзду и его членамъ — объ установленіи обмѣна изданій русскихъ ученыхъ Обществъ по исторіи, археологіи и этнографіи на „Сборникъ за народни умотворени", издаваемый В. Училищемъ.

Засѣданіе Отдѣленія IV. Бытъ домашній, юридическій, общественный и военный. 3 августа вечеромъ.

Почетный предсѣдатель Н. Е. Бранденбургъ.

1. Докладъ К. фонъ-Штерна (на нѣмецкомъ языкѣ) „*Торговые пути Ганзеатовъ въ Великій Новгородъ*". Первый опредѣлилъ торговые пути, по которымъ слѣдовали въ Новгородъ нѣмецкіе купцы, покойный проф. Никитскій. Докладчикъ обратилъ вниманіе на культурно- или историко-географическое вліяніе, которое имѣли эти торговые пути и ганзейско-русская торговля вообще на основаніе городовъ въ древней Ливоніи. Основываясь на извѣстномъ фактѣ, что нѣмецко-русская торговля древнѣе чѣмъ нѣмецко-лифляндская колонія и что при основаніи послѣдней приняли выдающееся участіе нѣмецкіе купцы, г. ф. Штернъ, перечисливъ балтійскіе порты, которые лежали по пути нѣмецкимъ торговымъ судамъ, направлявшимся по Балтійскому морю, объяснилъ, какъ пути, ведущіе въ Новгородъ и Смоленскъ, соперничали между собою подъ вліяніемъ общаго политическаго положенія. Сюда должно отнести прежде всего отношеніе Новгорода съ одной стороны къ великому княжеству Суздальскому, а съ другой стороны къ шведской Финляндіи. Развитіе этихъ политическихъ отношеній и вытекающее изъ нихъ соперничество различныхъ торговыхъ путей имѣли самое большое вліяніе на исторію основанія ливонскихъ городовъ. Такъ какъ на это обстоятельство до сихъ поръ не обращено надлежащаго вниманія, то референтъ остановился въ отдѣльности на исторіи основанія городовъ Риги, Ревеля, Нарвы и Юрьева: такъ основаніе Риги стоитъ въ исторической связи съ закрытіемъ проѣзда по Невѣ, развитіе торговли Ревеля, основаніе Нарвы можно объяснить той же причиной. Не опуская изъ виду стратегической точки зрѣнія, докладчикъ рѣшительно выдвигаетъ на первый планъ политическое значеніе лифляндско-русскихъ торговыхъ путей для основанія городовъ.

2. Проф. Д. И. Багалѣй представилъ докладъ „*О Магдебургскомъ правѣ въ городахъ лѣвобережной Малороссіи*" — извлеченіе изъ обширнаго изслѣдованія на сказанную тему, въ параллель къ изслѣдованіямъ профессоровъ Владимірскаго-Буданова, и Антоновича о Магдебургскомъ правѣ въ городахъ

правобережной Малороссіи и въ западной Россіи вообще. На основаніи по большей части архивныхъ матеріаловъ, бывшихъ въ распоряженіи докладчика, онъ изложилъ 1) внѣшнюю судьбу Магдебургскаго права въ городахъ Переяславлѣ, Черниговѣ, Нѣжинѣ, Стародубѣ и въ городахъ менѣе значительныхъ, какъ Погарѣ, Почепѣ, Мглинѣ и пр.; 2) внутреннее устройство городского управленія и суда (по жалованнымъ грамотамъ, по сборникамъ правъ, оффиціальнымъ и частнымъ, и по разнымъ документамъ, изъ коихъ видно *фактическое* положеніе дѣлъ) и 3) послѣднюю историческую судьбу городского самоуправленія по Магдебургскому праву, съ указаніемъ причинъ и условій, неблагопріятствовавшихъ самоуправленію городовъ по Магдебургскимъ порядкамъ.

3. Проф. А. И. Маркевичъ докладывалъ о *Русскомъ городѣ Ригѣ на Дону*. Этотъ городъ былъ основанъ въ 1658 г. на перевалѣ между рр. Дономъ и Волгою донскими казаками, участвовавшими въ осадѣ Риги царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Основана была новая Рига съ цѣлью сдѣлать ее опорнымъ пунктомъ для грабежей по Волгѣ и Каспійскому морю, и потому, по распоряженію московскаго правительства, была разорена въ 1660 году донскими же казаками послѣ упорнаго сопротивленія. Разбѣжавшіеся изъ Риги казаки долго еще занимались грабежами по Волгѣ и въ иныхъ мѣстностяхъ. Докладчикъ указалъ слѣды сношеній Стеньки Разина въ 1670 г. съ жителями шведскихъ Прибалтійскихъ провинцій, а въ томъ числѣ и съ г. Ригою, и привелъ извѣстія, которыя передавались въ рижскихъ курантахъ того времени относительно важнѣйшихъ московскихъ событій: дѣла патріарха Никона и бунта Стеньки Разина.

Засѣданіе Отдѣленія III. Памятники языка и письма. 5 августа, утромъ.

Почетный предсѣдатель А. С. Будиловичъ.

1. Е. В. Пѣтуховъ прочелъ докладъ: „*О слѣдахъ непосредственнаго вліянія нѣмецкой литературы на древне-русскую*“. Въ доказательство существованія переводовъ съ нѣмецкаго языка на русскій до конца XVII в. докладчикъ привелъ слѣдующіе факты. При нѣкоторыхъ библейскихъ книгахъ (въ Московской Синодальной библіотекѣ: Библія полная, Псалтырь) есть указанія на переводъ съ нѣмецкаго или самаго текста или вступительныхъ къ нему статей. Весьма распространенное въ XVI и XVII вв. въ древней русской письменности „Двоесловіе Живота и Смерти“ есть переводъ нѣмецкой популярной книжки XVI в., основанной на одномъ изъ „масляничныхъ представленій“ (Fastnachtspiele), происхожденіе котораго относится къ XV в.; интересно, что русскій переводъ представляетъ „Двоесловіе“ въ болѣе полномъ видѣ, чѣмъ нѣмецкій оригиналъ, доселѣ извѣстный лишь въ отрывкахъ. Въ рукописяхъ Импер. Публичной Библіотеки (изъ собраній графа Толстаго и Фролова) есть списки XVII в., заключающіе въ себѣ переводъ съ нѣмецкаго

„Зрѣлища житія человѣческаго“, а также произведеній персидскаго поэта Саади и басенъ Локмана. По мнѣнію Тихонравова и Порфирьева, извѣстный энциклопедическій сборникъ „Люцидаріусъ“ также былъ переведенъ съ нѣмецкаго, на что указываютъ германизмы перевода. Въ XVII в. при устройствѣ впервые придворнаго театра въ Москвѣ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ большую услугу оказали нѣмцы и нѣмецкая литература; фанъ-Стаденъ, посланный царемъ для подысканія заграницей разныхъ „мастеровъ“, въ томъ числѣ и „актеровъ“, воспользовался также своимъ пребываніемъ въ Ригѣ, чтобы исполнить порученіе царя; но гораздо важнѣе этого посольства были результаты обращенія, за устройствомъ театральной „потѣхи“ къ мѣстной нѣмецкой слободѣ въ Москвѣ. Пасторъ I. Г. Грегори много потрудился не только надъ устройствомъ представленій, но и надъ первоначальнымъ созданіемъ репертуара изъ нѣмецкихъ источниковъ. Были переводимы въ XVII в. лѣчебники, календари, математическія книги. Наконецъ, не избѣжали нѣмецкаго вліянія, по изслѣдованіямъ г. Стасова и Д. А. Ровинскаго, и русскія народныя картинки, такъ называемые „потѣшные листы».

Сдѣлавъ этотъ перечень, докладчикъ замѣтилъ, что дѣйствительно замѣтный слѣдъ нѣмецкая литература на древнерусскую имѣла развѣ въ области театра; остальное же является болѣе или менѣе случайнымъ: при чемъ однако же для вѣрнаго представленія о размѣрахъ этого вліянія слѣдуетъ имѣть въ виду, что кромѣ непосредственнаго заимствованія, т. е. съ нѣмецкаго языка, было въ русской литературѣ XVI и особенно XVII в. и заимствованіе посредственное — главнымъ образомъ черезъ Польшу, въ польскихъ переводахъ и передѣлкахъ.

П. В. Владиміровъ, В. З. Завитневичъ и А. И. Соболевскій, подтверждая основное положеніе докладчика, дополнили сообщенные имъ факты. Проф. Владиміровъ, самъ имѣвшій случай сличать нѣкоторые библейскіе тексты съ нѣмецкими подлинниками, убѣдился въ вѣрности указаній на переводъ съ нѣмецкаго хотя, по его мнѣнію, замѣтки на книгахъ „съ лютеранскихъ (или нѣмецкихъ) книгъ“ и не всегда можно толковать въ смыслѣ нѣмецкаго *текста;* иногда это—просто указаніе лишь на мѣсто изданія книги въ Германіи. Проф. Завитневичъ указалъ на обильныя заимствованія изъ протестантской полемической литературы, сдѣланныя въ Южной Россіи во время борьбы съ католичествомъ, при чемъ эти заимствованія отразились и на русскомъ сектантствѣ (мнѣнія объ антихристѣ въ XVII в.). А. И. Соболевскій напомнилъ о переводахъ Герасимовымъ нѣмецкихъ книгъ по военному дѣлу, указалъ, что и весь сборникъ Имп. Публ. Библ., гдѣ находятся сочиненія Саади и басни Локмана, переведенъ съ нѣмецкаго (восточный сборникъ Олеарія) и въ особенности отмѣчалъ, что полонизмы въ переводѣ не свидѣтельствуютъ непремѣнно о посредствѣ польской переводной литературы въ передачѣ нѣмецкаго оригинала: они могли быть внесены нашими переводчиками, каковыми у насъ, для нѣмецкаго языка, обыкновенно, кажется

бывали, польско-литовскіе и южно-русскіе уроженцы (судя по фамиліямъ переводчиковъ Посольскаго приказа, нѣкоторыя изъ коихъ и привелъ А. И.).

2. В. Н. Мочульскій изложилъ содержаніе: *Апокрифическаго житія св. Петра*, по сборнику XVI в., повидимому, сербскому, изъ библіотеки Загребской академіи, № III, а. 10, лл. 45—49.

Церковная традиція объ ап. Петрѣ рано разбивается на двѣ вѣтви. Отсюда существуетъ двоякая легенда о Петрѣ. Первая указываетъ на страну при Черномъ морѣ (понтійская), другая на Римъ (римская), какъ главные пункты миссіонерской дѣятельности ап. Петра.

Апокрифъ, разсказанный докладчикомъ, представляетъ отчасти соединеніе понтійской и римской легендъ о Петрѣ. Но несмотря на заимствованіе общей канвы житія, въ немъ замѣчается интересная и при томъ оригинальная вставка о продажѣ Петромъ Христа, явившагося подъ видомъ отрока Корависту. Въ этой вставкѣ можно видѣть главную тенденцію житія—обличеніе симоніи.

3. Графиня П. С. Уварова доложила собранію письмо эстляндскаго вице-губернатора къ А. А. Чумикову съ просьбой обратиться къ Съѣзду за объясненіемъ непонятныхъ словъ „оспохна“ и „госпохна“, встрѣченныхъ при изданіи на русскомъ языкѣ актовъ Ревельскаго Городскаго Архива; при этомъ представлена была и та страница изъ приготовляемаго изданія, на которой находятся упомянутыя слова, въ отпискѣ намѣстника ругодивскаго, князя Ив. А. Звенигородскаго бургомистрамъ, ратманамъ и посадникамъ города Колывани 19 октября 1568 года. По поводу этого заявленія произошелъ обмѣнъ мнѣній, при чемъ проф. Соболевскій объяснялъ эти слова какъ „хозяйка“, „собственница“, а проф. Кочубинскій какъ собирательное „хозяева“.

Засѣданіе Отдѣленія III. Памятники искусствъ и художествъ и VII. Древности классическія, византійскія и западно-европейскія. 5 августа, днемъ.

Почетный предсѣдатель Ѳ. Г. Мищенко.

1. Проф. Ѳ. Г. Мищенко прочелъ докладъ подъ заглавіемъ: „*Извѣстія Геродота о внѣ-скиѳскихъ земляхъ Россіи*“. Сдѣлавъ общую характеристику древнѣйшихъ свѣдѣній Геродота, проф. Ѳ. Г. Мищенко подробно остановился на его извѣстіяхъ о Россіи. По степени точности и полноты извѣстія эти весьма неоднородны; къ тому же въ нихъ есть и противорѣчивыя показанія, при чемъ наличность противорѣчія не отмѣчена авторомъ. Изъ народовъ, внѣ Скиѳіи сидѣвшихъ, Геродотъ называетъ агаѳирсовъ, невровъ, андрофаговъ, меланхленовъ, будиновъ, гелоновъ, савроматовъ, тавровъ, іирковъ, ѳиссагетовъ, аргиппаевъ, исседоновъ, аримасповъ, гиперборeевъ. Нѣкоторые изъ этихъ народовъ помѣщены имъ въ нынѣшней европейской Россіи, другіе—въ азіатской и даже за предѣлами теперешнихъ русскихъ владѣній.

По мнѣнію проф. Ѳ. Г. Мищенка, гелоны—эллины, смѣшанные съ ски-

ѳами. Неправильно мнѣніе, по которому городище Укекъ, перстахъ въ 8 отъ гор. Саратова, есть остатокъ города Гелона. Будины, невры и агаѳирсы принадлежали вѣроятно къ народамъ иранскимъ; андрофаги, меланхлены, іирки, ѳиссагеты—къ финнамъ; аргиппаи, исседоны—къ монголамъ; тавры—къ кельтамъ; массагеты—есть коллективное названіе многихъ племенъ, въ число которыхъ входили нынѣшніе киргизы и киргизъ-кайсаки. Вообще Геродотъ несравненно больше интересуется народами Востока, какъ болѣе извѣстнаго эллинамъ и находившагося съ ними въ непрерывныхъ разнообразныхъ отношеніяхъ. Въ обозрѣніи западной Скиѳіи Геродотъ наибольше останавливается на днѣпровскомъ пути, тогда уже вѣроятно доводившемъ нѣкоторыхъ торговыхъ людей изъ южной Россіи къ янтарнымъ берегамъ Балтики. На обязанности русскихъ ученыхъ лежитъ изученіе Геродота, отца русской исторіи, какъ этнографа и археолога.

А. А. Спицынъ въ замѣчаніяхъ на докладъ признавалъ существованіе племени киммерійскаго, которому принадлежатъ курганы, преимущественно съ мѣдными вещами; курганы эти начинаясь съ Кавказа и Тавриды, кончаются въ нынѣшнихъ губерніяхъ: Курской, Саратовской, Астраханской.

2. И. Д. Четыркинъ прочиталъ докладъ „*О такъ называемомъ домѣ Марины Мнишекъ*“ въ Калугѣ. Домъ Коробовыхъ неправильно считается домомъ Марины: онъ въ актахъ называется каменнымъ, а каменные дома въ Калугѣ (по наблюденіямъ Преображенскаго) явились только со второй половины XVII вѣка. Докладчикъ, на основаніи лѣтописи Бера, полагаетъ, что Мнишекъ жила въ крѣпости (острогѣ), т. е. въ городѣ, а не на посадѣ, гдѣ находится съ XVII в. домъ Коробовыхъ.

3. Проф. Е. К. Рѣдинъ на основаніи доклада П. Д. Погодина „*Археологическая поѣздка по сѣверной Болгаріи*“ сдѣлалъ обзоръ результатовъ научной экскурсіи, совершенной членами Императорскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ по сѣверной Болгаріи: посѣщены многіе древніе храмы, монастыри, осмотрѣны ризницы, пещерные храмы, курганы, записаны нѣкоторыя народныя преданія, списаны греческія надписи, отмѣчены встрѣченныя въ церквахъ росписи.

Проф. Рѣдинъ предпослалъ обозрѣнію введеніе, въ которомъ отмѣтилъ: большинство памятниковъ, описанныхъ г. Погодинымъ — поздніе (XVI—XVII в.), но они интересны, какъ памятники національные; по своимъ связямъ, зависимости отъ византійскаго искусства, болгарскіе памятники представляютъ глубокій интересъ для науки русской археологіи, одну изъ задачъ которой въ будущемъ составитъ привлечь русскіе памятники искусства въ сравненіе съ болгарскими и установить, какъ проявлялось на тѣхъ и другихъ византійское вліяніе, какъ проявлялся въ подражательныхъ памятникахъ національный характеръ; быть можетъ, тогда возможно будетъ установить и генетическія связи между болгарскими и русскими памятниками.

Засѣданіе отдѣленія V-го (древности церковныя) 6 августа днемъ.

Почетный предсѣдатель Д. И. Иловайскій.

1. Н. И. Петровъ: *„Сказаніе о перенесеніи образа Св. Николая Зарайскаго изъ Корсуня, черезъ Ригу, въ Зарайскъ въ 1224—25 годахъ“*.

По этому сказанію, сохранившемуся въ двухъ редакціяхъ, образъ св. Николая Зарайскаго перенесенъ былъ въ 1224—25 гг. изъ Корсуни черезъ Ригу, Кессъ и Новгородъ въ Рязанскую землю, сначала воднымъ путемъ изъ устья Днѣпра въ моря русское и варяжское, а потомъ отъ Риги сухимъ путемъ. Но образъ св. Николая Зарайскаго не могъ быть въ Корсуни или Херсонесѣ Таврическомъ, а находился вѣроятно въ Кіевѣ, откуда перенесенъ былъ черезъ Смоленскъ, Ригу, Кессъ (вѣроятно Икесколу) и Новгородъ въ Рязанскую землю. На иконѣ изображено между прочимъ перенесеніе мощей св. Николая изъ Миръ въ Бари, слѣдовательно икона писана не въ греческой Корсуни. Недавно найденный въ Кіевѣ мѣдный образокъ св. Николая зарайскаго типа указываетъ, что въ древности былъ въ Кіевѣ какой-то чтимый оригиналъ этого типа, котораго затѣмъ въ Кіевѣ нѣтъ не вслѣдствіе ли перенесенія въ Смоленскъ? Изъ Смоленска послѣ 1223 г., когда возобновленъ былъ договоръ съ Ригой, образъ могъ быть перенесенъ въ Ригу для тамошнихъ русскихъ: извѣстна древнѣйшая Никольская церковь въ Ригѣ, имѣющая, быть можетъ, связь съ перенесеніемъ этого образа; любопытно, что въ рижскомъ церковно-археологическомъ музеѣ хранится принадлежащая наслѣдницѣ Никольской церкви, церкви Алексѣевской, древняя икона перенесенія мощей св. Николая. Сказаніе объ Евстафіи могло сложиться подъ вліяніемъ названія *Корсунскаго* письма иконы и приняло въ себя черты изъ легенды о странствованіяхъ ап. Андрея и Антонія Римлянина.

Поддерживая докладчика, С. И. Писаревъ указывалъ на существованіе въ Смоленскѣ въ XIII в. церкви во имя св. Николая и сообщилъ объ извѣстномъ ему въ рукописи сказаніи о перенесеніи той же иконы изъ Новгорода въ Зарайскъ: тамъ есть нѣкоторыя отличія сравнительно съ редакціями, указанными Н. И. Петровымъ.

А. И. Соболевскій: Вопреки обычному мнѣнію, чествованіе перенесенія мощей св. Николая перешло къ намъ именно отъ грековъ: сказаніе о перенесеніи св. мощей его въ Баръ-градъ—не русское, а переводное, составленное въ Константинополѣ, ибо Миры, по этому сказанію (списокъ XIV в., изд. Шляпкинымъ), лежатъ „на той сторонѣ моря“.—*Кессъ*, или *Кесь* лѣтописей постоянно=Венденъ.

Д. И. Иловайскій напомнилъ, что изъ Корсуня шелъ гораздо болѣе краткій путь въ Рязанскую землю: по Дону (на что указано въ его „Исторіи Рязанскаго княжества“ при разборѣ зарайскаго сказанія). Докладчикъ благодарилъ за разъясненіе названія Кессъ, сказаніе же о перенесеніи мощей

св. Николая признавалъ переведеннымъ не съ греческаго, а съ латинскаго; противъ пути черезъ Донъ именно и предостерегаетъ св. Николай пресвитера Евстафія въ сказаніи (не нести икону черезъ землю невѣрныхъ).

2. А. И. Кирпичниковъ: *„Старо-французскія сказанія о Рождествѣ Христовомъ и ихъ отраженія въ искусствѣ“*.

Проф. Кирпичниковъ говорилъ, преимущественно по рукописямъ Парижской Націон. библіотеки, о французскихъ поэмахъ XIII в. на новозавѣтныя темы. Необузданной фантазіей такихъ произведеній оправдывается усвоенное древней Русью отстраненіе отъ западныхъ сочиненій духовнаго содержанія. Указавъ вкратцѣ составъ и источники этого романа, онъ остановился затѣмъ на св. Анастасіи, замѣнившей Соломію въ легендахъ о Рождествѣ Христовомъ, и привелъ нѣсколько западныхъ иконографическихъ памятниковъ, гдѣ св. Анастасія (вар. Агнеса) исполняетъ ту же роль, и таблетку XIII—XIV в. съ греческою надписью, косвенно указывающею на существованіе сходной легенды на Востокѣ. Въ заключеніе референтъ изложилъ (по рп. № 1533 XIII в.) эпизоды объ избіеніи младенцевъ и о сѣятелѣ при бѣгствѣ въ Египетъ.

3. М. П. Истоминъ: *„Къ исторіи живописи въ Кіево-Печерской Лаврѣ“*.

Путемъ изученія исторіи живописи въ Кіевской Лаврѣ референтъ задался цѣлью опредѣлить: 1) эпоху, къ которой относится главнымъ образомъ въ нашей южно-русской живописи заимствованіе съ западныхъ образцовъ, и 2) тотъ путь, которымъ шло это заимствованіе. Въ библіотекѣ Кіево-Печерской Лавры имъ найденъ матеріалъ, который до извѣстной степени даетъ отвѣтъ на эти вопросы. Матеріалъ этотъ слѣдующій: 1) рисовальныя руководства, кужбушки (Kunstbuch), по которымъ обучались наши церковные живописцы конца XVII и первой половины XVIII вв.; 2) въ кужбушкахъ же и собственные рисунки ихъ, начиная отъ линій и фигуръ до воспроизведенія цѣлыхъ событій священной и церковной исторіи всегда съ подписью имени и датой; 3) рукописные реестры тѣхъ иконныхъ и портретныхъ изображеній, которыми были украшаемы стѣны Кіево-Печерскаго храма въ XVIII в. Къ первому роду относится множество рисовальныхъ альбомовъ, атласовъ и проч., изданныхъ въ Германіи, Венеціи, Италіи, Франціи, Голландіи и Англіи. Главнымъ образомъ это гравюры къ В. и Н. Завѣту. Такъ какъ южно-русскій художникъ встрѣчалъ здѣсь богатый матеріалъ, то эти гравюры и составили тотъ путь, чрезъ посредство коего въ южно-русскую живопись незамѣтно вкрадывалось западное вліяніе. Въ кужбушкахъ между пробными работами находимъ и такія, которыя очевидно уже служили эскизами для иконъ, позднѣе украсившихъ стѣны Кіево-Печерскаго храма (вѣроятно и другихъ кіевскихъ церквей), а оттуда массой разошедшихся по Руси въ лубочныхъ изданіяхъ. Вообще кужбушки представляютъ любопытный памятникъ кіевскаго обученія живописи въ XVII — XVIII вв. до основанія лаврской школы въ 1763 г.: обученіе это шло приватнымъ путемъ и

главнымъ образомъ по гравюрѣ. Съ конца XVIII в., когда прекратилась борьба съ католичествомъ и съ польской народностью, наступила реакція, и упадокъ энергіи сказался и въ живописи: лаврская школа не дала ни одного выдающагося дѣятеля, какихъ было не мало въ предшествовавшую пору частнаго обученія.

Рукописные перечни изображеній, покрывавшихъ стѣны Кіево-Печерскаго храма, весьма интересны для ознакомленія съ содержаніемъ и сюжетами ихъ. Собственно иконныя изображенія давали богатый матеріалъ вѣрующему; это была въ главномъ иллюстрація всего богословія православія съ прекрасно подобранными текстами. Въ иконной живописи замѣтна наклонность къ символикѣ, отзывающаяся иногда весьма древними чисто западнаго происхожденія композиціями. Кромѣ собственно иконныхъ изображеній, на стѣнахъ лаврскаго храма были помѣщены и изображенія благотворителей Лавры въ лицѣ разныхъ князей и княгинь. На основаніи изученія этихъ рукописныхъ сборниковъ, заключающихъ подробное содержаніе изображеній, покрывавшихъ стѣны Лавры въ XVIII в., референтъ пришелъ къ заключенію, что стѣнопись лаврскаго храма, традиціонно съ точнымъ сохраненіемъ сюжетовъ возобновлявшаяся много разъ въ XVIII и XIX вв., по выработкѣ содержанія относится ко времени м. Петра Могилы.

Засѣданіе отдѣленія VIII-ю (древности прибалтійскія) 6 августа днемъ.

(Доклады на нѣмецкомъ языкѣ).

Почетный предсѣдатель пасторъ д-ръ А. Биленштейнъ.

1. Предсѣдатель Силезскаго музея древностей д-ръ Гремплеръ сдѣлалъ докладъ „*О средневѣковыхъ бронзахъ, примѣнительно къ чашѣ, найденной въ Пэддесѣ*“.

Въ 1842 г. въ имѣніи Пэддесъ, на берегу моря въ Вирляндіи (Эстляндія), при пахотѣ было найдено 35 бронзовыхъ чашъ, изъ которыхъ 4 украшенныхъ рѣзнымъ орнаментомъ. Одна подобная чаша и съ ней того же типа тарелка находятся въ Юрьевскомъ музеѣ. Надписи на этой чашѣ состоятъ изъ помѣщенныхъ отдѣльно другъ отъ друга словъ „hudra“, „spes“, „idolatria“, „inres“, „ra“; а въ волнообразномъ орнаментѣ ея неоднократно повторяются слова „dolus“ и „odium“. По типу и характеру украшеній и надписей, эта чаша близко подходитъ къ подобному же сосуду, открытому еще въ 1819 г. въ Штаде (Ганноверъ), а затѣмъ такія же чаши оказались въ Національномъ Музеѣ Будапешта, въ частной коллекціи въ Ахенѣ, съ добавленіемъ изображенія св. Урсулы, въ Музеѣ Тріеста и, наконецъ, въ 1891 г. были найдены два такихъ экземпляра на горѣ Цуттенъ, въ Силезіи. Всѣ указанныя чаши приблизительно одинаковыхъ размѣровъ и отличаются словами надписей, ихъ расположеніемъ и варіяціями въ расположеніи орнамента. Назначеніе ихъ неясно. Большинство ученыхъ считаетъ ихъ пред-

назначенными для литургическихъ цѣлей, и только Ромеръ и Фриммель относятъ ихъ къ домашней утвари. Къ этому мнѣнію готовъ присоединиться и докладчикъ.

2. Профессоръ Бецценбергеръ (Кёнигсбергъ) прочелъ докладъ „*О Гудахъ*". Гуды (gudhi, gudaï и т. д.) упоминаются во многихъ памятникахъ и словаряхъ XVI—XVIII вв., и названіе это извѣстно и теперь у литовцевъ и латышей (въ Восточной Пруссіи, Курляндіи, Литвѣ) въ смыслѣ бранномъ (бродяга, бурлакъ). Въ этомъ имени думали видѣть отголосокъ преданія о готахъ, жившихъ нѣкогда въ пространствѣ между Чернымъ и Балтійскимъ морями. Но названіе gudhas, guden и т. д. объясняется иначе. Въ Восточной Пруссіи это имя встарину придавалось выходцамъ изъ Польши, вообще—западной Россіи (но не полякамъ). Литовцы (въ западномъ краѣ), судя по нѣкоторымъ стариннымъ преданіямъ, примѣняли его къ обозначенію своихъ недруговъ, по всей вѣроятности къ бѣлорусскимъ сплавщикамъ, гнавшимъ гонки по Нѣману. Происхожденіе этого названія можно искать въ литовскихъ словахъ, обозначающихъ—болото, кустарникъ, по вѣрнѣе, по мнѣнію референта, въ русскихъ словахъ — гуда, гудѣть и т. д., такъ какъ старинные разсказы о гудахъ рисуютъ ихъ веселымъ народомъ, любящимъ музыку и пѣніе.

3. Пасторъ д-ръ Биленштейнъ прочелъ „*О деревянномъ вѣкѣ латышей*", о деревянной культурѣ ихъ, продолжавшейся почти до послѣдняго времени и выражавшейся въ томъ, что многіе предметы домашняго обихода, вмѣсто металла, дѣлались у нихъ изъ дерева, такъ напримѣръ, посуда (даже употреблявшаяся для варенія пива и меда, съ помощью раскаленныхъ камней), замки и ключи, всѣ постройки (безъ желѣзныхъ гвоздей) и т. д. Останавливаясь на постройкѣ такого исключительно деревяннаго жилища, докладчикъ подробно описалъ внутреннее устройство латышскаго дома, состоящаго изъ трехъ частей. Первая часть—сѣни, по латышски „nams", безъ оконъ и потолка. Въ немъ разводится огонь на глинобитномъ полу. На лѣвой сторонѣ примыкаетъ къ намсу „istaba", т. е. горница, въ которой живетъ одна или нѣсколько семей. Она снабжена окнами, потолкомъ и печью. Напротивъ горницы находится такъ называемый „kambari", каморка для хозяйственныхъ нуждъ. Въ древнѣйшее время эта каморка не была соединена съ сѣнями, а стояла отдѣльно на дворѣ. Въ еще болѣе древнее время „istaba" была отдѣлена отъ сѣней. Практическія соображенія способствовали сліянію этихъ трехъ отдѣльныхъ помѣщеній въ одинъ домъ. Кромѣ того, на крестьянскомъ дворѣ—клѣть (klete) съ крытымъ крыльцомъ, построенная на высокомъ фундаментѣ. Она служитъ не только кладовой, но и квартирой семьи въ лѣтнее время. Третье строеніе — рига (rige), мѣсто для сушки хлѣба. При этомъ референтъ высказался противъ мнѣнія тѣхъ, которые считаютъ ригу первоначальнымъ домомъ латышей. По его мнѣнію, не рига, а также не баня (pirte), какъ предполагаютъ другіе, составляли первобытный домъ латышей,

но такъ называемый „naminsch“, т. е. лѣтняя кухня, построенная изъ шестовъ. Она походитъ на юрту сѣверныхъ кочевыхъ народовъ и вѣроятно въ древнѣйшее время такъ же, какъ у нихъ, была покрыта шкурами. Такой „наминшъ“ еще въ нынѣшнее время служитъ рыбакамъ Ангернскаго озера временнымъ жительствомъ.

4. Въ концѣ засѣданія прочитано было заявленіе д-ра Ялмара Аппелгрена, хранителя Гельсингфорскаго Историческаго Музея „*О новомъ способѣ чистки и сбереженія металлическихъ предметовъ*“.

Изобрѣтатель этого способа—норвежскій инженеръ Аксель Крефтингъ († 1887 г.), примѣнившій его въ Музеѣ Сѣверныхъ Древностей въ Христіаніи. Отъ него д-ръ Аппелгренъ получилъ описаніе новаго изобрѣтенія. По этому способу металлическіе предметы подвергаются дѣйствію на нихъ электрическаго тока, совершенно истребляющаго ржавчину. При примѣненіи этого способа въ Гельсингфорсѣ достигнуты были замѣчательные результаты: на предметахъ, покрытыхъ толстымъ слоемъ ржавчины, появлялись не только дамаскировки, но и инкрустаціи, орнаменты, клейма и надписи, составляющія первенствующее значеніе для археологической науки (ср. ниже).

Брошюра д-ра Аппелегрена, содержащая подробное описаніе Крефтингова способа, раздавалась желающимъ членамъ Съѣзда.

Засѣданіе отдѣленія I. Древности первобытныя. 7 августа утромъ.

Почетный предсѣдатель В. Б. Антоновичъ.

1. Н. Ѳ. Кащенко въ докладѣ: „*Къ вопросу объ одновременномъ существованіи человѣка и мамонта*“ описалъ находку костей мамонта, обнаруженныхъ въ апрѣлѣ этого года вблизи Томска, на глубинѣ около 5 аршинъ. Находка эта была подробно изслѣдована авторомъ. То былъ скелетъ одного молодого мамонта, почти полный; кости были въ безпорядкѣ разбросаны на слоѣ угля, подъ которымъ находился слой пережженой глины; нѣкоторыя изъ нихъ были разбиты или расщеплены (какъ указываетъ обломъ,—въ свѣжемъ состояніи): напр., черепъ былъ лишенъ свода, трубчатыя кости разбиты для добычи мозга. При костяхъ найдены кремневые скребки, ножи (въ 50 — 60 миллим.) — около 30 штукъ, нѣкоторые со слѣдами вторичной отбивки и кромѣ того около 100 случайныхъ осколковъ; тутъ же и обитые куски гальки; „ядеръ“ (nuclei) не найдено можетъ быть потому, что они остались незамѣченными при работѣ ломомъ въ промерзлой землѣ. Очевидно, это—мѣсто случайнаго пира тамъ, гдѣ палъ мамонтъ. Томская находка важна тѣмъ, что впервые доказываетъ одновременное существованіе человѣка и мамонта въ Сибири.

2. Д-ръ Гремплеръ сдѣлалъ на нѣмецкомъ языкѣ сообщеніе: „*О рисункахъ на до-историческихъ сосудахъ*“.

Указавъ на то, что въ числѣ предметовъ выставки при Съѣздѣ имѣется

весьма мало керамическихъ издѣлій, большей частью одни только черепки безъ орнамента или снабженные простыми черточками, и лишь славянская эпоха представлена сосудами, дѣланными на гончарномъ станкѣ, хорошо обожженными и украшенными извѣстнымъ волнообразнымъ орнаментомъ позднѣйшаго времени, референтъ замѣтилъ, что его сообщеніе имѣетъ въ виду керамику болѣе древней эпохи, V — III вв. до Р. Х., и именно сосудовъ, служившихъ для принятія праха умершихъ. Въ Прибалтійскомъ краѣ остатки сожженныхъ тѣлъ погребались въ землѣ безъ сосудовъ, окруженные лишь кругомъ камней; на Западѣ же для этой цѣли пользовались урнами (ossuaria), вокругъ которыхъ клались различные предметы, принадлежащіе умершему. Древнѣйшія урны были орнаментированы весьма грубо; позднѣе появляется геометрическій орнаментъ (точки, линіи, кружки), иногда глубоко врѣзанный, выполненный известью и рѣзко выступавшій на черномъ, покрытомъ графитомъ, фонѣ погребальныхъ урнъ. Около 500 л. до Р. Х., въ эпоху, приблизительно соотвѣтствующую Галльштадской, въ Силезіи уже появляются расписные сосуды, и притомъ какъ среди погребальныхъ урнъ, такъ и сопровождающихъ ихъ сосудовъ. Не менѣе важны, находимыя въ Западной Пруссіи и въ части Помераніи, лицевыя урны, т. е. урны съ изображеніемъ человѣческаго лица, до извѣстной степени индивидуализированнаго, или передающаго черты умершаго. Кромѣ того, на нѣкоторыхъ изъ этихъ урнъ встрѣчаются нацарапанныя изображенія — животныхъ, людей, хозяйственныхъ орудій и т. д. Граница этой оригинальной культуры доходитъ до сѣверной части Верхней Силезіи. Въ послѣднее время въ округѣ Воланъ (Wohlan), у м. Lahsa, найдена одна подобная урна, которая заслуживаетъ болѣе подробнаго описанія. Она имѣетъ форму террины, въ вышину 23,5 сант., въ ширину, вверху, 18 сант., покрыта графитомъ и представляетъ два боковыхъ выступа или утка. На ея горлѣ замѣтенъ орнаментъ изъ трехъ горизонтальныхъ и ниже—изъ одной зигзагообразной линіи, причемъ верхніе углы зигзаговъ показываютъ вдавленный орнаментъ изъ кружковъ, а нижніе — своеобразные грубо нарѣзанные рисунки, какъ то: двухъ оленей, стоящихъ рядомъ; двухъ оленей, преслѣдуемыхъ стрѣлкомъ-лучникомъ; всадника на лошади; такого же всадника рядомъ съ ѣздокомъ на оленѣ; оленя съ двумя маленькими; двухъ всадниковъ; оленя, преслѣдуемаго двумя всадниками, изъ коихъ одинъ тоже на оленѣ; наконецъ, всадника съ какой-то трудно объяснимой фигурой въ формѣ песочныхъ часовъ. Аналогичныя этимъ изображенія были опубликованы только д-ромъ Конвенцомъ (Conwentz) въ „Schriften der Naturforscher-Gesellschaft in Danzig", Bd. VIII, H. 3, Taf. IV.

3. Докладъ Н. Е. Бранденбурга: *„Какому племени могутъ быть приписаны тѣ изъ языческихъ могилъ Кіевской губерніи, въ которыхъ вмѣстѣ съ покойниками погребены остовы убитыхъ лошадей"*.

Референтъ, на основаніи своихъ раскопокъ въ Кіевской губерніи, въ треугольникѣ между Днѣпромъ, Росью и Ирпенемъ, устанавливаетъ положеніе

о кочевомъ бытѣ народности, оставившей эти могилы, въ которыхъ, напр., даже женщинамъ и дѣтямъ сопутствуютъ погребенныя съ ними лошади.

Изъ разбора культуры тѣхъ же могилъ, въ которыхъ встрѣчается много оружія, типичные шлемы, сабли и проч., а также многіе предметы тогдашней индустріи, золотыя и серебряныя украшенія, изъ коихъ нѣкоторыя аналогичны съ скиѳскими типами, другія (какъ серьги) напоминаютъ образцы Кіевскіе, третьи (напр., золототканныя матеріи) обнаруживаютъ происхожденіе византійское, референтъ заключаетъ, что строители тѣхъ же могилъ принадлежали какому-то племени воинственному, владѣвшему оружіемъ восточныхъ типовъ и находившемуся въ развитыхъ сношеніяхъ съ тогдашними культурными центрами; характерной чертой является также, что всѣ черепа изъ этихъ могилъ отличаются чистотой своего типа—всѣ ясно короткоголовые. Монетъ не встрѣчено, но судя по нѣкоторымъ частностямъ могильнаго инвентаря, погребенія могутъ граничить съ XI вѣкомъ.

Сводъ всѣхъ данныхъ и сопоставленіе съ лѣтописными свидѣтельствами побудили докладчика совершенно отвергнуть, высказанную другими ранѣе, мысль о принадлежности упомянутыхъ могилъ славянскому племени Полянамъ, обитавшимъ въ томъ же раіонѣ, а также и другія еще менѣе основательныя догадки въ томъ же отношеніи. Референтъ, цитируя византійскихъ писателей, отмѣчаетъ то соотвѣтствіе, которое обнаруживается между ихъ извѣстіями о кочевомъ племени пацинаковъ (печенѣговъ) и археологическими данными, добытыми изъ раскопокъ сказанныхъ могилъ. Отсюда получаютъ объясненіе напр., находки въ послѣднихъ предметовъ византійскаго и Кіевскаго происхожденія, ибо историческія данныя указываютъ, что именно печенѣги находились въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ греческими колоніями съ одной стороны и съ Кіевомъ — съ другой; равнымъ образомъ то, что извѣстно о вооруженіи пацинаковъ, объ ихъ погребальныхъ обычаяхъ, территоріальномъ распространеніи и проч., встрѣчаетъ также аналогію и въ археологическихъ данныхъ изъ тѣхъ же раскопокъ референта. Въ виду всѣхъ этихъ соображеній, описанныя могилы должны принадлежать ни кому другому, какъ именно тюркскому кочевому племени—печенѣгамъ.

Докладъ оживленно и продолжительно обсуждался. Д. Н. Анучинъ разсказалъ о двухъ, прекрасно перенесенныхъ Н. Е. Бранденбургомъ въ Артиллерійскій Музей скелетахъ всадниковъ на коняхъ, со всѣмъ, что найдено при нихъ, со столбами земли подъ ногами коня и т. д.; разсматривая далѣе типы конскихъ курганныхъ череповъ въ Россіи, Д. Н. приходилъ къ заключенію, что типовъ этихъ два: западный (европейскій) и восточный (азіатскій); черепа изъ могилъ Кіевской губерніи принадлежатъ къ первому типу. В. Б. Антоновичъ доказывалъ принадлежность этихъ могилъ Полянамъ: разсказъ о Претичѣ какъ разъ указываетъ, что тюркскія сабли переходили и къ Полянамъ; въ могилахъ съ конемъ находили не однѣ сабли, но и прямые мечи (Музей Кіевскаго университета); остальной инвентарь могилъ (шлемы,

цилиндрическіе желѣзные колчаны, серьги, орнаментъ, платиновыя зеркала) прямо свидѣтельствуетъ о Полянахъ; присутствіе коня въ могилѣ не говоритъ непремѣнно о племени кочевомъ, но только о племени воинственномъ, а такимъ были Поляне, объединившіе Кіевскую Русь. Д. И. Багалѣй поддерживалъ В. Б—ча. В. З. Завитневичъ и Ю. А. Кулаковскій отвѣчали, что не Поляне, а „русская" дружина Кіевскихъ князей завоевала окрестныя племена. А. И. Соболевскій и Ю. А. Кулаковскій указывали на Яссовъ—Аланъ. А. А. Спицынъ относилъ данныя могилы къ XIII—XIV в. На вопросъ Д. И. Иловайскаго, нельзя ли приписать это погребеніе Чорнымъ Клобукамъ, В. Б. Антоновичъ пояснилъ, что раскопки, произведенныя имъ въ части области послѣднихъ (именно по р. Ростовицѣ, въ области Берендѣевъ, единственно опредѣляемой лѣтописью), дали другіе типы погребенія.

Засѣданіе отдѣленія II. Древности историко-географическія и этнографическія. 7 августа днемъ.

Почетный предсѣдатель А. И. Соболевскій.

1. Проф. А. А. Кочубинскій прочелъ докладъ: *„Территорія доисторической Литвы"*.

Зерно литовскаго племени въ настоящую минуту Ковенская губ., а въ губерніи Виленской литовскій элементъ представляетъ узкую ленту (отъ 30 до 60 верстъ), которая все болѣе и болѣе съуживается, и бѣлорусскій элементъ расширяется на счетъ литовскаго. Съ котораго мѣста и съ котораго времени начался этотъ ассимиляціонный процессъ, сколько территоріи потерялъ литовскій элементъ со стороны юга?

Указавъ на значеніе языка вообще какъ на архивъ свѣдѣній для эпохъ доисторическихъ и раннихъ историческихъ (такъ христіанская терминологія въ языкѣ латышей указываетъ, что проповѣдь христіанства пошла отъ Востока, отъ древней Руси, ранѣе XIII вѣка), докладчикъ указалъ на особое значеніе языка земли, т. е. топографическихъ названій, и этимологическимъ анализомъ *гидрографическихъ* именъ Минской губерніи и отчасти смежныхъ, именъ главныхъ рѣкъ: Нѣмана (Namans), Двины (Daugava и Duna), именъ ихъ притоковъ, именъ притоковъ всей системы Березины и двухъ главныхъ притоковъ Птичя и именъ сѣверныхъ озеръ, доказывалъ, что эти имена или *буквально* воспроизводятъ латышско-литовскія слова (udra, выдра, bêbras, klevas, pelêks=Удра, Бобръ, Клева, Пеликъ), или въ основѣ большинства этихъ именъ лежитъ *литовско-латышскій* языкъ, тогда какъ только притоки второй руки и притоки притоковъ носятъ несомнѣнно славянскія названія, при чемъ опредѣлялась степень распространенности того или другого географическаго термина въ предѣлахъ нынѣшней Ковенской губерніи XVI вѣка и въ этнографическихъ предѣлахъ современной Литвы и Латыши. Этнографическая карта поселеній старыхъ обитателей Минской губерніи, *Дреговичей*

(имя отъ лит. dregnas, сырой), въ раннюю историческую или позднюю доисторическую была бы такая же, какую знаетъ историческая этнографія для нынѣшней Курляндіи XIII вѣка—т. е. карта *смѣшанныхъ* поселеній, литовскихъ и русскихъ; но чѣмъ позже, тѣмъ больше смѣшанный характеръ превращался въ однообразный, литовскій элементъ ассимилировался русскому, пока, наконецъ, онъ, въ предѣлахъ Виленской губерніи, не принялъ теперь формы узкой и постоянно съуживающейся полоски, т. е. повторился аналогическій процессъ Сѣвера—олатышеніе ливской Курляндіи. Такимъ образомъ территорія доисторической Литвы приблизительными границами своими съ юга имѣла бы сѣверный бассейнъ Припяти, съ востока бассейнъ Березины.

2. Н. Ф. Бѣляшевскій доложилъ *„О дневникѣ А. Полубинскаго изъ эпохи войнъ за Ливонію“*, найденномъ въ архивѣ Скарба Короннаго въ Варшавѣ. Полубинскій начальствовалъ надъ польскимъ гарнизономъ въ Вольмарѣ въ 1577 году, а по взятіи города Магнусомъ, былъ доставленъ, какъ плѣнникъ, въ станъ Грознаго. Докладчикъ прочелъ бесѣды царя съ Полубинскимъ, записанныя послѣднимъ, повидимому, весьма точно (заочное преніе съ Баторіемъ, генеалогическое и политическое хвастовство, попытки богословскаго спора).

3. Д-ръ Саксендаль прочелъ *„О значеніи печатей въ исторической наукѣ“*. Строгими правилами Ливонскаго Ордена св. Маріи запрещалась братіи частная переписка и владѣніе личными печатями. Печати были лишь должностныя. Магистры, съ 1241 по 1468 употребляютъ Ingesegel von Livland или puerperium, печать, мѣнявшуюся за этотъ періодъ три раза. Съ 1451 г. начинается употребленіе Majestätssiegels, куда магистръ вносилъ и свой личный гербъ. Малая печать магистра, Secretsiegel, съ 1367 по 1558 г. изображаетъ бѣгство въ Египетъ (мѣнялась также три раза), а съ 1558 г. замѣняется личной печатью магистра. Магистръ печатаетъ краснымъ воскомъ, ландмаршалъ и комтуръ ревельскій—зеленымъ, остальные начальники—желтымъ воскомъ, дворянство (грамота 1422 г.)—зеленымъ, епископы—краснымъ, города—желтымъ. Магистръ до инвеституры сохраняетъ порой печать прежней своей должности, но беретъ красный воскъ. Пользуясь данными сфрагистики, бар. Роб. Толль провѣрилъ списки магистровъ и исключилъ изъ нихъ шесть рыцарей; докладчикъ разсказалъ нѣсколько случаевъ, когда благодаря сфрагистикѣ опредѣлялась *дата* мѣстныхъ документовъ и личность писавшаго, и отмѣтилъ выдающуюся заслугу бар. Толля въ изданіи, въ IV т. Brieflade, богатаго собранія мѣстныхъ печатей, цѣннаго руководства для изслѣдователей и издателей.

Засѣданіе отдѣленія III. Памятники искусствъ и художествъ и VII. Древности классическія, византійскія и западно-европейскія. 7 августа вечеромъ.

Почетный предсѣдатель: Графиня П. С. Уварова.

1. В. В. Сусловъ прочелъ докладъ: *„Новгородскій Софійскій соборъ“*.

Указавъ въ главныхъ чертахъ на значеніе памятника, докладчикъ пояснилъ общее распредѣленіе частей храма и время ихъ построенія историческими данными. Описавъ состояніе храма до ремонта 1893—1895 г., докладчикъ изложилъ результаты своихъ работъ по ремонтированію храма и открытія, сдѣланныя при этомъ. Открыты замѣчательныя фресковыя изображенія: въ главномъ барабанѣ храма: ангелы и пророки, относимыя къ XII ст. (копіи съ этихъ изображеній въ краскахъ и въ натуральную величину были представлены вниманію Съѣзда), свв. Константинъ и Елена (XI в., въ Мартиріевской паперти). Указаны далѣе и другія фресковыя изображенія, найденныя въ другихъ частяхъ храма, но въ разрушенномъ видѣ. По удаленіи всѣхъ позднѣйшихъ наслоеній (штукатурки, живописи), довелось прочесть на стѣнахъ собора полную лѣтопись построенія собора и всѣхъ позднѣйшихъ ремонтовъ и передѣлокъ. Вмѣстѣ съ этимъ была обнаружена крайняя ветхость храма: арки оказались въ глубокихъ трещинахъ, зачиненныхъ деревянными клиньями; своды провисли и имѣли сквозныя щели, задѣланныя деревомъ; южная стѣна собора отклонилась до 10 вершк. и т. п. Описавъ характеръ ремонта за предыдущіе періоды времени, докладчикъ перешелъ къ поясненію всѣхъ видоизмѣненій храма. Оказалось, что древнѣйшій полъ (мозаичный) находился на глубинѣ $2^1/_2$ арш. отъ нынѣ существующаго. Кромѣ этого пола обнаруженъ второй полъ (изразчатый) на глубинѣ $1^1/_2$ арш. отъ современнаго. Въ алтарной апсидѣ изъ двухъ рядовъ тройныхъ оконъ устроенъ одинъ рядъ оныхъ. Надъ проходами въ жертвенникъ и діаконникъ оказались свѣтовыя арки, въ которыхъ обнаружены древнія фресковыя изображенія. Окна главнаго барабана заложены на половину. Окна малыхъ барабановъ задѣланы на половину въ высоту и въ ширину. По осямъ храма, подъ хорами, уничтожены круглыя столбы съ двойными арками (части столбовъ сохранились подъ существующимъ нынѣ поломъ). Въ стѣнахъ, граничащихъ главный четыреугольникъ храма, расширены арки и заложены свѣтовые проемы, повышены боковыя арки и задѣланы надъ ними окна. Древніе арочные проходы на лѣстницу и въ другія части храма задѣланы и новыя двери повышены. На хорахъ открыты ниши, большіе арочные проходы въ паперть, ризницу и библіотеку (во второмъ этажѣ надъ придѣлами и папертями); обнаружены квадратные свѣтовые проемы и десять наружныхъ оконъ (нынѣ выходящихъ въ чердачныя помѣщенія).

Въ боковыхъ пристройкахъ собора открыто: Въ *южной наружной стѣнѣ* — аркасоль, древняя наружная входная арка, цѣлый рядъ нишъ и оконъ, задѣлка древнихъ арочныхъ пролетовъ и проч. Въ *западной стѣнѣ* — четыре наружныхъ окна, двѣ ниши, три окна, выходившія на лѣстницу, свѣтовые проемы съ лѣстницы въ храмъ, цѣлыя помѣщенія въ углахъ лѣстничной клѣтки, древніе входы съ лѣстницы на хоры и въ ризницу. Сѣверная часть собора построена въ началѣ текущаго столѣтія заново, но на древнемъ основаніи. Изученіемъ искаженій и древнихъ формъ собора, выясняются и мате-

ріалы постройки, и способъ кладки пилястръ, столбовъ, стѣнъ, сводовъ, перемычекъ и проч. Наконецъ указано на устройство въ стѣнахъ собора голосниковъ, древнихъ деревянныхъ связей (обгорѣвшихъ и вырубленныхъ). При раскопкахъ, производившихся для разслѣдованія древнихъ архитектурныхъ формъ собора, обнаружены остатки древней орнаментальной росписи. Кромѣ разслѣдованій внутри собора были указаны разслѣдованія наружныхъ формъ. Въ заключеніе референтъ призналъ, что всѣ боковыя пристройки къ собору, которыя считались не одновременными съ средней частью его — построены одновременно, вслѣдствіе чего и въ лѣтописяхъ не упоминается о ихъ построеніи въ отдѣльности.

По прочтеніи доклада обсуждался вопросъ объ утратѣ нѣкоторыхъ изъ древнихъ надписей, открытыхъ въ соборѣ. Постановлено просить Совѣтъ Съѣзда обратиться въ Имп. Археологическую Коммисію съ просьбою впредь принимать мѣры при подобныхъ реставраціяхъ къ сохраненію *всѣхъ* остатковъ старины.

2. Н. И. Троицкій прочелъ докладъ: *„Вліяніе космологіи на иконографію византійскаго купола (по поводу новооткрытыхъ фресокъ въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ)“*. Византійскій куполъ христіанскаго храма, есть подобіе видимаго неба. Перенося представленіе о небѣ на куполъ, художникъ стоялъ на почвѣ библейской и въ зависимости отъ космологіи съ ея ученіемъ о небѣ, его силахъ, стихіяхъ и вѣтрахъ. Выше всего—въ днѣ купола—онъ помѣщаетъ изображеніе Христа-Вседержителя (на основаніи ветхозавѣтныхъ пророческихъ видѣній и историческаго событія вознесенія Господа), ниже — четырехъ серафимовъ (какъ ангеловъ четырехъ стихій: Апок. XIV, XVI), четырехъ архангеловъ (какъ чрезвычайныхъ вѣстниковъ воли Вседержителя: по кн. пр. Даніила), ниже архангеловъ—пророковъ (какъ видимыхъ носителей силы Духа Божія въ откровеніи преимущественно народу избранному—церкви Божіей). Взятыя вмѣстѣ всѣ указанныя изображенія, находящіяся и въ церкви св. Софіи Новгородской, представляютъ „небо—престолъ Вседержителя“, которому служатъ всѣ силы міра; престолъ держится надъ землею и соприкасается съ нею чрезъ особыя силы, представляемыя въ лицѣ четырехъ херувимовъ, соотвѣтственно четыремъ вѣтрамъ и четыремъ странамъ свѣта, и замѣняемыя позже четырьмя Евангелистами (по ученію св. Иринея, еп. Ліонскаго, они — четыре главныхъ носителя силы Духа Божія для вселенской церкви, какъ „небеснаго корабля“). Связь иконографіи купола съ представленіями космологіи ясно открывается и въ памятникахъ самой космологіи—въ космографіяхъ XII—XVII в., гдѣ отъ простого олицетворенія четырехъ вѣтровъ (космографія туринской библіотеки, XII в.) очевиденъ переходъ къ собственно иконографіи (изображеніе Христа-Вседержителя въ Typus orbis terrarum Gerhardi Mercatoris, 1608 г.).

3. Свящ. Л. С. Паевскій прочелъ докладъ: *„Каменецъ-Литовскъ и его древніе храмы“*. Изложивъ исторію основанія и судебъ Каменецъ-Литовска,

докладчикъ остановился подробно на нѣкоторыхъ древнихъ памятникахъ (храмахъ: Христорождественскомъ, Воскресенскомъ, Симеоновскомъ) и документахъ (грамота Петра Могилы).

Засѣданіе отдѣленія VI. Памятники языка и письма. 9 августа утромъ.

Почетный предсѣдатель В. С. Иконниковъ.

1. С. А. Бѣлокуровъ доложилъ „*О библіотекѣ московскихъ государей въ XVI вѣкѣ*". Приписываемыя Максиму Греку слова о великокняжеской библіотекѣ не принадлежатъ ему и находятся въ одномъ только сказаніи о немъ изъ семи доселѣ извѣстныхъ; сказаніе это составлено въ первой половинѣ XVII в., не позднѣе 30-хъ годовъ; кромѣ свѣдѣній достовѣрныхъ, почерпнутыхъ изъ сочиненій Максима, въ сказаніи находятся и ошибочныя извѣстія; все, что сообщается авторомъ о великокняжеской библіотекѣ, осмотрѣ ея Максимомъ, восторженномъ отзывѣ его („съ клятвою рече, яко ни въ Грецѣхъ толикое множество книгъ сподобихся видѣти"...)—исторически недостовѣрно и есть плодъ фантазіи автора.

Хроника Ніенштедта—„работа диллетанта, писана на память въ 1604 году, когда автору было 64 года" (Форстенъ), и свѣдѣнія ея о библіотекѣ, которымъ не довѣряли уже въ XVIII в. Бакмейстеръ и Маттеи, недостовѣрны; невѣроятны: пребываніе въ Москвѣ Веттермана, паства коего была разсѣяна по волжскимъ городамъ; внезапное и великое уваженіе царя къ нему; составъ коммиссіи, показывавшей библіотеку и долженствовавшей (вмѣсто духовенства) смотрѣть за переводомъ; невѣроятно и происхожденіе библіотеки. Далѣе списокъ проф. Дабелова, и по внѣшней своей исторіи, и по внутреннимъ признакамъ, является поддѣлкой. Разсмотрѣвъ оффиціальныя свѣдѣнія о книгахъ царей Михаила, Алексѣя, Ѳеодора Алексѣевича и семей ихъ, далѣе списокъ книгъ по описи имущества царей Ѳеодора Ивановича, Бориса Годунова и Василія Шуйскаго и, совпадающія съ указаніями этого списка, свѣдѣнія о книгахъ царя Ивана IV, докладчикъ заключаетъ, что у царя Ивана Васильевича была библіотека, главнымъ образомъ, русскихъ, литовскихъ и польскихъ печатныхъ книгъ и рукописей; тутъ была и одна нѣмецкая печатная книга (травникъ), и могло быть *нѣсколько* греческихъ рукописей; но 600 греческихъ, латинскихъ и еврейскихъ рукописей здѣсь быть не могло. Разсмотрѣніе судьбы оффиціально извѣстныхъ царскихъ книгъ (нѣкоторыя находятся теперь въ Оружейной Палатѣ, въ домѣ бояръ Романовыхъ, въ Московскомъ Архивѣ М. И. Д., въ Имп. Эрмитажѣ) приводитъ къ убѣжденію, что въ Московскомъ Кремлѣ подъ землей библіотеки царской—нѣтъ.

При преніяхъ г. Хаусманъ признавалъ извѣстіе Дабелова очень сомнительнымъ: Дабеловъ изслѣдователь поверхностный и ненадежный; но важно, что Клоссіусъ отнесся къ нему съ полнымъ довѣріемъ. Надобно сожалѣть, что

трудъ Клоссіуса о русскихъ библіотекахъ и архивахъ („Iter Rossicum"), приготовленный уже къ печати, не вышелъ въ свѣтъ, такъ какъ Клоссіусъ въ 1837 г. перешелъ изъ Юрьева въ Гиссенъ, а въ 1838 г. тамъ скончался; собранный имъ драгоцѣнный матеріалъ доселѣ не найденъ (г. Хаусманъ наводилъ справки въ Гиссенѣ). Что касается Ніенштедта, то въ общемъ должно его признать писателемъ правдивымъ и нельзя считать его разсказа о царской библіотекѣ вполнѣ недостовѣрнымъ: всѣ шесть свидѣтелей, имъ упоминаемыхъ (три русскихъ и три нѣмецкихъ)—лица вполнѣ историческія,—твердое, по мнѣнію проф. Хаусмана, доказательство истинности самаго событія; на основаніи извѣстій ливонскаго писателя XVI в. Бракеля, можно утверждать, что Ніенштедтъ видѣлъ Веттермана въ Юрьевѣ послѣ плѣна; Веттерманъ учился въ Виттенбергѣ у Лютера и Меланхтона и могъ поэтому обладать учеными познаніями. Въ отвѣтъ на просьбу докладчика, г. Хаусманъ сообщилъ свѣдѣнія о рукописяхъ Ніенштедта въ Рижской городской библіотекѣ, и указалъ, что въ лучшихъ рукописяхъ читается: Es hat der Moscoviter eine stattliche liberei... unter drei gewölben in *einem* (а не *seinem*, какъ въ печатномъ изданіи, рукопись котораго вообще изъ худшихъ, а не изъ лучшихъ) steinern gemache vermauret, что измѣняетъ смыслъ мѣста и заставляетъ искать библіотеку внѣ царскаго дворца.

А. И. Соболевскій въ пользу мнѣнія о существованіи библіотеки царя Ивана IV въ XVI вѣкѣ коснулся русскихъ извѣстій объ этомъ: если лѣтописи не говорятъ о библіотекѣ, то это потому, что лѣтописцы вообще книжными дѣлами интересовались очень мало. Степенная книга говоритъ о „многихъ греческихъ книгахъ", сгорѣвшихъ въ Москвѣ во время пожара 1547 г. Кромѣ того, мы имѣемъ и одно *современное* русское свидѣтельство лѣтописнаго характера, указанное П. М. Строевымъ въ его библіологич. словарѣ, именно, что въ пожаръ 1547 г. въ Москвѣ сгорѣло много греческихъ и русскихъ рукописей въ царской библіотекѣ, извѣстіе, которое для г. Соболевскаго не совсѣмъ ясно и которое Строевымъ взято изъ одной рукописи. Въ виду этого и свидѣтельство Максима Грека не заключаетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго. Въ пользу достовѣрности сказанія можетъ быть указано и на то обстоятельство, что въ сказаніи о Максимѣ Грекѣ попадаются извѣстія, отсутствующія въ другихъ памятникахъ, какъ, напр., имя старца Даніила, выбраннаго для посылки съ Аѳона въ Москву.

Докладчикъ пояснилъ, что указанная Строевымъ рукопись сохранилась до нашихъ дней: это Минея Четья за августъ Троице-Сергіевой Лавры № 9/681; названное извѣстіе находится на л. 156, въ довольно пространной статьѣ: „о великомъ и сугубомъ пожарѣ", подъ 2 августа, гдѣ она помѣщается и въ другихъ спискахъ (напр., графа Уварова № 419 въ листъ, по архим. Леониду № 1336). С. А. Б—въ прочелъ все относящееся сюда мѣсто, изъ коего ясно видно, что рѣчь идетъ не о царскихъ книгахъ, а о книгахъ въ церквахъ Москвы (погорѣло: „...множество безцѣннаго узорочья, много

церковныя утвари... и царскія драгія и преславныя... стяжанія, иже во святыхъ церквахъ божественныя иконы... и святыя многія книги греческія и русскія... ризы же и одежда и сосуды...“). Вмѣсто имени старца Даніила въ древнѣйшей и лучшей рукописи стоитъ Савва.

Проф. Кулаковскій указалъ на то, что въ перечисленіи Дабелова названы произведенія (De republica Цицерона, Historiae Саллюстія), или совершенно исчезнувшія для насъ, или сохранившіяся въ ничтожныхъ фрагментахъ; а такое сочиненіе, какъ Historiae Цицерона, даже никогда и не существовало. Эти сообщенія дѣлаютъ сомнительнымъ и остальное содержаніе списка, трактующаго о царской библіотекѣ.

Проф. Иконниковъ, высказываясь за положительное значеніе извѣстій о царской библіотекѣ въ XVI вѣкѣ, выразилъ мнѣніе, что библіотека эта могла существовать, но потомъ погибла въ пору московскихъ невзгодъ въ XVII вѣкѣ отъ пожара; во всякомъ случаѣ двойному свидѣтельству о нѣкогда существовавшей библіотекѣ (русскому и иностранному) должно быть оказано извѣстное довѣріе.

2. Проф. Ѳ. И. Успенскій прочелъ докладъ „*О вновь открытомъ пурпуровомъ кодексѣ Евангелія*“.

Въ концѣ 1895 года, черезъ Я. И. Смирнова, до Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ дошло извѣстіе, подтверждавшее ходившіе ранѣе слухи, что въ Малой Азіи въ деревнѣ Сармисахлы близъ Кессаріи имѣется весьма замѣчательный греческій списокъ Евангелія; Археологическій Институтъ ознакомился съ кодексомъ, который, при посредствѣ Института, по волѣ Государя Императора, и былъ пріобрѣтенъ въ русскую собственность. Прежде, чѣмъ отправить рукопись въ С.-Петербургъ, въ Археологическомъ Институтѣ директоромъ его Ѳ. И. Успенскимъ, секретаремъ г. Погодинымъ и г. Смирновымъ произведены были наблюденія надъ кодексомъ.

Хорошій, покрытый серебромъ переплетъ рукописи сдѣланъ, повидимому, въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія. Пергаменные листы ея окрашены въ фіолетовую пурпуровую краску, по которой текстъ писанъ серебромъ, а слова, заключающіе Имя Божіе, золотомъ. Текстъ писанъ чрезвычайно правильно, въ двѣ колонны, по 16 строкъ въ каждой. Рукопись въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пострадала отъ сырости и свѣта; иные листы разорваны. Всего на лицо имѣется 182 листа, занятыхъ частями текстовъ изъ четырехъ Евангелистовъ, расположенныхъ не въ полномъ порядкѣ. Вообще внѣшній видъ кодекса указываетъ на нахожденіе его до переплета въ весьма неблагопріятной для сохранности рукописи средѣ. Въ настоящемъ видѣ кодексъ сохранился не въ цѣломъ видѣ; въ немъ не достаетъ больше половины и именно, судя по сравненію съ полнымъ евангельскимъ текстомъ, около 270 листовъ. Какъ показываютъ сдѣланныя при переплетѣ помѣты по листамъ, уже послѣ переплета вырѣзаны были изъ него 4 листа, вѣроятно, предоставленные аген-

тамъ, которымъ поручена была его продажа, для показа покупателямъ: такой листъ былъ представленъ и Институту въ началѣ переговоровъ и нынѣ вложенъ на мѣсто.

Извѣстный Тишендорфъ (Monumenta Sacra inedita. Lipsiae, 1846) указалъ на существованіе отдѣльныхъ листовъ пурпуроваго кодекса N въ Римѣ (числомъ—2), Вѣнѣ (6) и Лондонѣ (4); Сакелліонъ (*Πατρικὴ Βιβλιοθήκη*, 1890, p. 50—51) на существованіе въ Патмосской библіотекѣ 33 листовъ также пурпуроваго кодекса; всѣ эти листы оказались принадлежащими одной и той же рукописи — кодекса N, котораго такимъ образомъ было извѣстно всего 45 листовъ. Вновь найденный въ Малой Азіи и пріобрѣтенный русскимъ правительствомъ кодексъ является составною частію того же кодекса N, по терминологіи Тишендорфа.

Упомянутые листы въ Ватиканской библіотекѣ въ Римѣ находятся тамъ еще съ XVI вѣка: значитъ, полный составъ кодекса разрозненъ былъ въ средневѣковую эпоху. Кромѣ текста, на листахъ кодекса имѣются помѣты разныхъ вѣковъ и разнаго характера; изъ этихъ помѣтъ видно, что уже въ въ XII—XIV вв. въ немъ не доставало около 150 листовъ. Счетъ по тетрадямъ, заставляющій предполагать первоначально въ кодексѣ 490 л., при сопоставленіи съ 456 листами, которыхъ было достаточно для помѣщенія полнаго евангельскаго текста, даетъ основаніе думать, что при текстѣ были еще какія-то прибавленія и быть можетъ миніатюры, отъ которыхъ теперь не сохранилось и слѣда.

Согласно изслѣдованіемъ Тишендорфа, Хорткаузена, Грегори, изучавшимъ уже извѣстные отрывки кодекса N, онъ относится къ V — VI вѣку. Но этотъ вопросъ, какъ и вопросъ о мѣстѣ происхожденія кодекса, нуждается еще въ новомъ изученіи, для котораго матеріалъ громадной важности представляетъ вновь найденная рукопись. Вообще пріобрѣтеніе это, представляя величайшую рѣдкость, имѣетъ очень большую научную цѣну, и слѣдуетъ весьма желать, чтобы соотвѣтственно этому было сдѣлано и достойное изданіе этой рукописи въ свѣтъ для пользованія всему ученому міру.

Засѣданіе отдѣленія III. Памятники искусствъ и художествъ и VII. Древности классическія, византійскія и западно-европейскія. 9 августа днемъ.

Почетный предсѣдатель В. К. Ернштедтъ.

1. В. К. Мальмбергъ прочиталъ докладъ „*Время и мѣсто происхожденія греческихъ и греко-варварскихъ издѣлій, найденныхъ въ южной Россіи*“.

Докладчикъ обратилъ главное вниманіе на двѣ группы вещей, найденныхъ на югѣ Россіи: 1) на сосуды и предметы украшенія изъ благородныхъ металловъ и 2) на предметы гончарнаго искусства—расписныя вазы. Первые находятся въ большихъ курганахъ, а послѣднія въ мелкихъ могильникахъ, или насыпяхъ. Предметы первой группы, очевидно—собственность мѣстныхъ

высокопоставленныхъ лицъ, считаемыхъ обыкновенно скиѳскими царями; а предметы второй—собственность эллинскихъ колонистовъ. Лучшіе образцы той и другой группы уже давно считаются въ наукѣ привозными. Въ спорномъ вопросѣ, слѣдуетъ ли эти предметы считать аттическими или малоазійскими, проф. Мальмбергъ относительно издѣлій изъ благородныхъ металловъ, большею частію IV вѣка до Р. Х., склоняется ко второму мнѣнію, въ пользу котораго приводитъ рядъ доказательствъ, ссылаясь при этомъ на свое изслѣдованіе „Курганъ Карагодсуашхъ" (Матеріалы по археологіи Россіи, № 13), и утверждая при томъ, что рядомъ съ привозными вещами бываютъ находимы вещи, сдѣланныя греческими мастерами въ предѣлахъ Россіи и чисто мѣстныя. Къ издѣліямъ греческихъ мастеровъ, жившихъ въ Россіи, онъ относитъ: знаменитую чертомлыцкую вазу и куль-обскую чашу съ изображеніемъ скиѳовъ. Какъ на примѣръ издѣлія греческаго мастера, поддавшагося вліянію мѣстнаго вкуса, выразившагося, между прочимъ, въ примѣненіи камней въ качествѣ украшенія, и забывшаго отчасти традиціи греческаго орнаментальнаго искусства, проф. Мальмбергъ указалъ на найденный Н. И. Веселовскимъ золотой предметъ ажурной работы.

Что касается расписныхъ вазъ, то лучшія изъ нихъ дѣйствительно вывезены изъ Аттики: это объясняется тѣмъ, что въ концѣ VI вѣка и въ теченіе V-го эта отрасль аттическаго искусства въ силу своего высокаго развитія устранила всякую конкурренцію и заполнила всѣ рынки. Однако, древнѣйшая ваза, найденная на Тимиръ-горѣ (близъ Керчи) и изданная акад. Стефани, какъ теперь дознано, родосская; того же происхожденія рядъ амфорныхъ ручекъ со штемпелями. Въ доказательство безпрерывности отношеній нашего юга въ Малой Азіи и къ ея искусству проф. Мальмбергъ приводитъ двѣ бронзовыхъ вещи конца V вѣка: горгону, найденную въ Херсонской губ. въ 1882 г., и женскую статуэтку, найденную около самаго Херсонеса въ нынѣшнемъ году.

2. А. А. Павловскій въ своемъ докладѣ *„О фрагментахъ классической скульптуры, найденныхъ Русскимъ Археологическимъ Институтомъ въ Константинополѣ"* ознакомилъ Съѣздъ съ результатами экскурсій Института въ Никею и болгарскую Софію. Экскурсіи эти фотографировали всѣ наиболѣе выдающіеся памятники, какъ византійскаго, такъ и классическаго искусства. Въ Никеѣ, гдѣ до сихъ поръ не было произведено никѣмъ надлежащихъ изслѣдованій, экскурсія нашла крупные остатки городскихъ стѣнъ съ воротами прекрасной архитектурной работы римской эпохи. Въ стѣнѣ около воротъ вдѣланы рельефы, содержаніемъ которыхъ, на сколько позволяютъ судить фотографіи, къ сожалѣнію, слишкомъ малаго размѣра, служатъ военныя и охотничьи сцены, а на одномъ Викторіи, увѣнчающія какую-то фигуру въ полномъ вооруженіи (не трофей-ли?), стоящую между колоннами съ раковинообразнымъ прикрытіемъ. При выкапываніи земли для фундамента мѣстныхъ казармъ было найдено много фрагментовъ статуарной и декоративной рель-

ефной скульптуры, которые и хранятся теперь въ зданіи этихъ казармъ. На фотографіи ясно видны фрагменты сидящей мужской фигуры въ типѣ и стилѣ ватиканской статуи Менандра, торсъ одѣтой женской фигуры, нѣсколько портретныхъ и идеальныхъ головъ, два надгробія, обычнаго позднеримскаго типа, одно съ длинной надписью—и много фрагментовъ съ рельефами и орнаментами, указывающихъ на богатство построекъ города. Наибольшій интересъ изъ всѣхъ найденныхъ здѣсь фрагментовъ предоставляютъ три, принадлежавшихъ, очевидно, одной композиціи. Старецъ, стоящій на колѣняхъ предъ фигурой сидящаго мужа и лобызающій его руку на одномъ изъ этихъ фрагментовъ, колесница съ мужскимъ тѣломъ, волочащимся за ней по землѣ, на другомъ—ясно указываютъ на сюжетъ изображенія: Пріамъ выпрашиваетъ у Ахилла тѣло Гектора. Третій фрагментъ представляетъ пару лошадей, запряженныхъ въ колесницу. Сохранились только нижнія части всѣхъ этихъ рельефовъ. Высокій рельефъ этихъ фрагментовъ затрудняетъ возможность считать его за украшеніе стѣны въ формѣ фриза, но недостатокъ свѣдѣній о задней сторонѣ плитъ лишаетъ возможности какихъ либо вообще соображеній о его назначеніи. Сюжетъ подходитъ для украшенія саркофага, стиль ясно обличаетъ работу римскаго времени. Эти случайныя находки ясно указываютъ, что Никея могла бы дать богатый матеріалъ для исторіи римскаго искусства при правильныхъ раскопкахъ.

Въ Софіи, въ музеѣ, помѣщающемся въ бывшей турецкой мечети Буюкъ-Джами, экскурсіей былъ сфотографированъ весьма интересный фрагментъ стелы VI или самое позднее начала V в. до Р. Х., на которое указываетъ очертаніемъ буквъ надпись надъ верхней частью рельефа. Къ сожалѣнію, надписи, неоспоримо дающей имя умершаго или художника, разобрать еще не удалось. Рельефъ этой стелы и по сюжету, и по композиціи, и по стилю очень подходитъ къ извѣстной оркоменской стелѣ работы Александра, конца VI столѣтія, но по моделировкѣ правой руки должна быть немного моложе. Какъ и когда такой памятникъ могъ попасть въ Болгарію за Балканскія горы (найденъ около Софіи), представляется неразрѣшимымъ пока вопросомъ, такъ какъ, когда Сарбика (Софія) была столицей, едва ли могли цѣниться такія архаическія скульптуры. Наоборотъ, къ этой эпохѣ по своему стилю какъ разъ подходитъ другой сфотографированный экскурсіей фрагментъ статуи, торсъ Діониса.

Свой рефератъ проф. Павловскій закончилъ пожеланіемъ такихъ же успѣховъ русскому Археологическому Институту, какихъ достигъ онъ за полуторагодовой срокъ своей работы на мѣстѣ. Конечно, личнаго состава Института (директоръ, секретарь и одинъ коммандированный) недостаточно для обработки собранныхъ уже и имѣющихъ быть собранными матеріаловъ, а потому референтъ находилъ желательнымъ, чтобы Институтъ посылалъ фотографіи съ найденныхъ памятниковъ въ музеи университетовъ въ полной увѣренности, что представители каѳедръ исторіи искусствъ пріймутъ

этотъ подарокъ Института съ искренней благодарностью и охотно пойдутъ на помощь къ нему по приготовленію къ обнародованію и изслѣдованію найденныхъ Институтомъ памятниковъ.

3. О. В. Вульфъ въ докладѣ *„Древности Никомедіи“* познакомилъ съ результатами археологической экскурсіи, предпринятой русскимъ Археологическимъ Институтомъ въ Константинополѣ, въ которой онъ принималъ участіе. Печальное состояніе Никомедіи въ настоящее время объясняется двукратнымъ ея разрушеніемъ въ IV и XIV вѣкѣ. Экскурсіей встрѣчено было много архитектурныхъ памятниковъ, надписей, но мало скульптурныхъ. Изъ поболѣе важныхъ памятниковъ г. Вульфомъ отмѣчены: остатки водопровода со слѣдами примыкающаго къ нему зданія римскаго времени; цистерна въ сел. Бачо—доюстиніановской эпохи; развалины церкви или дворца, орнаментные архитектурные памятники—капители (V в.) и др.; всѣ эти памятники были детально обслѣдованы докладчикомъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ была представлена реконструкція памятниковъ. Докладъ иллюстрировался множествомъ фотографій, снятыхъ участниками экскурсіи со встрѣченныхъ памятниковъ.

Засѣданіе отдѣленія IV. Бытъ домашній, юридическій, общественный и военный. 9 августа вечеромъ.

Почетный предсѣдатель И. А. Линниченко.

1. А. Я. Ефименко доложила: *„Объ архаическихъ формахъ землевладѣнія у германцевъ и у славянъ“*.

Въ замѣчательномъ новомъ трудѣ своемъ „Siedelung und Agrarwesen der Westgermanen und Ostgermanen, der Kelten, Römer, Finnen und Slawen, берлинскій профессоръ Мейценъ доказываетъ, что первоначальной формой землевладѣнія у германцевъ были независимые земельные участки и что верховенство въ дѣлахъ управленія находилось въ рукахъ свободной крестьянской общины. Но Мейценъ противополагаетъ клановую деревню, Gewanndorf, какъ исконную и исключительную особенность германскаго племени, славянскимъ формамъ землевладѣнія, каковы: міръ (община), задруга или же хуторъ. Такой взглядъ одностороненъ и несоотвѣтствуетъ русской дѣйствительности: изъ нашихъ актовъ XVII в. видно, напримѣръ, существованіе сѣвернорусской деревни, состоящей изъ небольшого числа дворовъ, владѣвшихъ землей въ патріархальномъ родственномъ союзѣ, дѣлившихъ ее по частямъ въ собственность и отчуждавшихъ ее, но съ соблюденіемъ на долгое время числа первоначальныхъ паевъ или участковъ: эта деревни тоже въ сущности, что Gewanndorf.

2. Проф. М. А. Дьяконовъ прочелъ докладъ: *„О монастырскихъ дѣтенышахъ въ Московскомъ государствѣ, въ XVI и XVII вв.“*.

Главная работа „дѣтенышей“ (иначе назыв. „дѣтины, дѣти“) была

пашня на монастырскихъ земляхъ; но они несли и другія работы, бывали пекарями, мукомолами, конюхами, пастухами и т. п. Нѣкоторые изслѣдователи предполагали, что монастырскіе дѣтеныши по ихъ происхожденію были безродные сироты, пріютившіеся въ монастыряхъ, либо дѣти крестьянъ бобылей, служившихъ монастырю. Но понятіе „дѣтенышей" шире: ибо въ число монастырскихъ дѣтенышей поступали бѣдныя дѣти боярскія, а также иноземцы, дававшіе на себя особыя „крѣпости", и разныя вообще лица по свободному найму, причемъ дѣтеныши-наймиты въ источникахъ отличаются отъ старинныхъ монастырскихъ дѣтенышей. Древнерусскіе монастыри вели большія запашки между прочимъ съ помощью наемныхъ дѣтенышей: иногда по источникамъ ихъ значится у иного монастыря больше чѣмъ крестьянъ; число дѣтенышей въ нѣкоторыхъ монастыряхъ увеличилось въ XVII вѣкѣ противъ предыдущаго вѣка: видно, что монастырямъ было выгодно хозяйство черезъ наемныхъ работниковъ. Можетъ быть монастырскія запашки съ помощью „дѣтенышей" были бы еще значительнѣе, если бы монастырскія пашни не были положены, на ряду съ землями частныхъ владѣльцевъ, въ сошный окладъ; монастыри стремились освободиться отъ такого оклада, или просили государей, по крайней мѣрѣ, сбавить этотъ окладъ, что и удавалось имъ, наприм., Троицкому Сергіеву монастырю въ началѣ XVII вѣка: часть его земель, обработываемыхъ „дѣтенышами", была выложена изъ оклада. Впрочемъ, въ первой четверти XVII вѣка была создана новая система окладного счета и новая окладная единица, такъ называемая „живущая четверть". Какъ эта новая система отразилась на положеніи монастырскихъ дѣтенышей, остается пока неизвѣстнымъ.

Засѣданіе отдѣленія VIII. Древности прибалтійскія. 10 августа утромъ.

(Доклады были читаны на нѣмецкомъ языкѣ).

Почетный предсѣдатель Д-ръ Гремплеръ.

1. Докладъ д-ра Р. Вирхова: „*О древнѣйшихъ жителяхъ сѣверной Европы и особенно Ливоніи*".

Древнѣйшимъ населеніемъ нынѣшнихъ балтійскихъ губерній можно считать финновъ и присоединившихся къ нимъ латышей. Нельзя видѣть въ могильникахъ Прибалтійскаго края древнѣйшихъ историческихъ свидѣтельствъ, такъ какъ погребеніе покойниковъ вездѣ обусловливалось нѣкоторой высотой достигнутой уже культуры. Высокая научная заслуга графа Сиверса въ здѣшнемъ краѣ заключается въ томъ, что онъ впервые обратилъ вниманіе на другіе источники древнѣйшихъ временъ, а именно на строеніе на сваяхъ въ Аррашскомъ озерѣ, на складъ кремневыхъ предметовъ, найденныхъ при Свейнекѣ на сѣверномъ берегу Буртнекскаго озера, и на богатый пищевыми отбросами холмъ Риннекалнсъ на лѣвомъ берегу Залиса при истокѣ этой рѣки изъ того же самаго озера. Но что для референта составляло предметъ

главнаго интереса—это обломки горшковъ, изготовленныхъ изъ смѣси глины и толченыхъ раковинъ. На нихъ изображенъ ямообразный орнаментъ (Grubenornament), образованный осколками раковинъ. Сопоставленіе этихъ обломковъ горшковъ съ похожими на нихъ обломками, найденными въ такихъ же курганахъ на берегу Ладожскаго озера, во Владимірской губерніи, въ Финляндіи и въ другихъ мѣстахъ, допускаетъ выводъ, что „kjokkenmödding" Риннекалнсъ не представляетъ изъ себя отдѣльнаго типа. Что касается другого свидѣтельства, т. е. Аррашскаго строенія на сваяхъ, то референтъ уже ранѣе доказалъ (Verh. berl. Ges. 1877; Verh. est. Ges. X), что оно не имѣетъ ничего общаго со швейцарскими строеніями на сваяхъ, но что должно отнести его къ гораздо позднѣйшему времени. Среди находокъ Риннекалнса не встрѣчалось ни желѣза, ни костей сѣвернаго оленя, но и не нашлось костей домашнихъ животныхъ за исключеніемъ собаки. Это обстоятельство даетъ намъ возможность опредѣлить время происхожденія этого холма, имѣя въ виду прежнее распространеніе сѣвернаго оленя по всей средней Европѣ до береговъ Средиземнаго моря. Такимъ образомъ должно предположить, что первые люди пришли сюда въ промежутокъ между періодомъ сѣвернаго оленя и періодомъ домашней свиньи. Череповъ этого періода, не было найдено въ Риннекалнсѣ, вслѣдствіе чего нельзя точно доказать національность строителей раковиннаго бугра. Но судя по формѣ череповъ, найденныхъ графомъ Уваровымъ въ такихъ же курганахъ въ Владимірской губерніи, и имѣя въ виду позднѣйшее населеніе въ мѣстностяхъ нахожденія этихъ кургановъ, можно думать, что аборигены Прибалтійскаго края принадлежали къ финскому племени. Проф. Вирховъ окончилъ докладъ указаніемъ на то обстоятельство, что черепъ, найденный два дня тому назадъ въ Трейденскомъ могильникѣ, по его мнѣнію, показываетъ всѣ характерныя формы латышскаго, а не финскаго племени, что, пожалуй, противорѣчило бы даннымъ древнѣйшихъ письменныхъ источниковъ Прибалтійскаго края.

2. Проф. Р. Хаусманъ прочелъ: „*О разныхъ типахъ ливонскихъ могильниковъ*". Могильниковъ, относящихся къ каменному вѣку, до сихъ поръ не найдено, между тѣмъ какъ только одно бронзовое копьецо, изъ кургана при Нейгофѣ, свидѣтельствуетъ о бронзовомъ вѣкѣ. Огромное большинство могильниковъ принадлежитъ къ времени по Р. Х. На югъ отъ Двины нашлись курганы со слѣдами сожженія, но въ большинствѣ случаевъ въ этихъ мѣстностяхъ преобладаютъ могильники съ костяками. Самое большое число могильниковъ первыхъ столѣтій по Р. Х. встрѣчалось на сѣверъ отъ рѣки Аа до Вейссенштейна. Здѣсь попадаются т. н. каменно-рядовые могильники (Steinreihengräber) въ направленіи съ сѣвера на югъ. Прежнее мнѣніе, будто бы эти могильники представляютъ изъ себя типъ корабля, теперь окончательно опровергнуто, такъ какъ тщательное изслѣдованіе ихъ конструкціи доказало, что форма этихъ могильниковъ образовалась тѣмъ, что въ теченіе времени присоединялись отдѣльные каменные четыреугольники другъ къ другу. Въ

нихъ найдено много сожженныхъ костей, горшечные черепки, разные желѣзные предметы; оружіе попадается лишь изрѣдка, нашлось только нѣсколько копій и кельтовъ; украшенія исключительно бронзовыя. Среди нихъ выдѣляются своей изящностью дугообразныя фибулы (Bügelfibeln), ясно показывающія римское происхожденіе. Часто встрѣчаются эмали, кольца, иголки, бронзовыя бусы. Только одинъ разъ нашлись монеты, а именно монеты римскихъ императоровъ перваго и второго столѣтій по Р. Х. Судя по находкамъ, эти могильники относятся къ первымъ пяти столѣтіямъ послѣ Р. Х. Болѣе къ сѣверу на берегахъ Эстляндіи раскапывались могильники, имѣющіе то же самое содержаніе, но не показывающіе такой правильной конструкціи. До сихъ поръ еще нельзя точно опредѣлить, объясняется ли эта разница погребенія различьемъ національности. Въ послѣднее время изслѣдованы были при Аллатцкиви и Паюсѣ на берегу Чудскаго озера каменно-рядовые могильники съ предметами, принадлежащими къ позднѣйшему времени: множество бронзовыхъ украшеній, а особенно оружіе, изготовленное эстонскимъ населеніемъ въ концѣ перваго тысячелѣтія, изъ чего слѣдуетъ, что эсты, вторгнувшіеся въ эту страну, заимствовали форму погребенія у аборигеновъ. Но на ряду съ каменно-рядовыми могильниками у эстовъ встрѣчаются также могильники съ костяками, содержащіе характерныя украшенія, особенно т. н. двухкрестныя иголки (Doppelkreuznadel) и плетеный орнаментъ (Bandflechtornament), далѣе въ эстонскихъ могильникахъ нашлось много оружія, конской сбруи, косъ. Извѣстно, что эсты славились желѣзными издѣліями. Могильники ливовъ на Двинѣ и на рѣкѣ Аа представляютъ курганы, подъ которыми обыкновенно хоронился только одинъ трупъ. Характерное украшеніе ливовъ — черепахообразная фибула (Schildkrötenfibel) и длинныя цѣпи съ разными привѣсками и амулетами. Часто попадается оружіе красивой выдѣлки съ серебряными украшеніями. Монеты, найденныя рядомъ съ костяками, принадлежатъ къ IX—XII столѣтіямъ. Въ эту группу входятъ и Трейденскіе могильники, частью раскопанные во время Съѣзда. Замѣчательны могильники съ каменными ящиками (Kistengräber) особенно тщательной постройки, но совершенно пустые. Но такіе же уже раньше встрѣчались, какъ напримѣръ, близъ Вендена въ Кейскумѣ.

3. К. Меттигъ сдѣлалъ сообщеніе *объ опредѣленіи происхожденія бронзовыхъ предметовъ, найденныхъ въ ливонскихъ могильникахъ.*

Въ городѣ Ригѣ въ Средніе вѣка цехомъ мѣдниковъ и кожевниковъ въ обширныхъ размѣрахъ изготовлялись изъ бронзы самыя разныя украшенія: кольца, браслеты, цѣпи, пояса, фибулы и т. п., т. е. предметы, которые составляютъ главную массу находокъ въ ливонскихъ могильникахъ (см. трудъ Штида и Меттига, недавно изданный: „Schragen der Gilden und Aemter der Stadt Riga bis 1621“). Такіе же цехи по всей вѣроятности существовали и въ другихъ прибалтійскихъ городахъ. Имѣя въ виду, что эти бронзовыя издѣлія массами распродавались среди крестьянскаго населенія, нужно пред-

полагать, что они не пропали безслѣдно. Поэтому слѣдовало бы въ нѣкоторыхъ случаяхъ отнести мѣсто происхожденія бронзовыхъ издѣлій, найденныхъ въ ливонскихъ могильникахъ, къ средневѣковымъ мастерскимъ г. Риги или вообще прибалтійскихъ городовъ.

Засѣданіе отдѣленія I. Древности первобытныя. 10 августа 1 ч. дня.

Почетный предсѣдатель: М. С. Карелинъ.

1. В. Б. Антоновичъ прочелъ докладъ: *„Памятники каменнаго вѣка, найденные въ Кіевѣ въ теченіе трехъ послѣднихъ лѣтъ“*.

Референтъ сообщилъ о цѣломъ рядѣ изысканій, обнаружившихъ послѣдовательный рядъ типовъ доисторической жизни въ предѣлахъ г. Кіева. Мѣстность, гдѣ производились изслѣдованія, — Кирилловская улица, одна сторона которой граничитъ съ поемнымъ лугомъ Днѣпра, другая представляетъ крутой высокій обрывъ. Въ 1893 г. при срѣзываніи въ одной усадьбѣ подножія этого обрыва были обнаружены бивни и кости мамонта. Благодаря вниманію, съ какимъ отнесся къ находкѣ мѣстный любитель и собиратель древностей, г. Хвойко, находка эта была обслѣдована референтомъ съ археологической точки зрѣнія, проф. же Армашевскимъ съ геологической. Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло со стоянкой палеолитической эпохи. Кромѣ костей мамонта здѣсь найдены и кремневыя орудія. Отъ другихъ стоянокъ этой эпохи, обнаруженныхъ въ Россіи, эта стоянка отличается глубиной того слоя, въ которомъ найдены остатки на границѣ съ третичнымъ пластомъ, и на этомъ основаніи ее можно считать древнѣйшей изъ доселѣ найденныхъ.

Выше этой стоянки обнаружена другая громадная стоянка, но уже неолитической эпохи. Состоитъ она изъ ряда очаговъ, на которыхъ и рядомъ съ коими найдены пищевые остатки, раковины двухъ видовъ, отбивныя и полированныя кремневыя орудія и особенно въ большомъ количествѣ издѣлія изъ рога и кости. Найдено также много предметовъ гончарства и даже цѣлыя гончарныя печи съ наполнявшими ихъ сосудами, иногда въ нѣсколько рядовъ. Тутъ же открыты 3 гробницы, относящіяся къ той же эпохѣ; скелеты въ нихъ лежали въ согнутомъ положеніи, а одинъ въ полусидячемъ. Мѣстность, гдѣ находилась стоянка, лежитъ вблизи оврага, въ которомъ гораздо раньше открыты пещеры той же неолитической эпохи, такъ что можно сдѣлать предположеніе, что пещеры служили зимними помѣщеніями, стоянки—лѣтними. Въ одной изъ сосѣднихъ усадебъ—художника Святославскаго—найдена подобная же стоянка. Среди пищевыхъ остатковъ преобладали кости рыбъ, среди орудій — кремневыя издѣлія. Особенно интересны найденные здѣсь черепки сосудовъ, покрытые живописью; быть можетъ это результаты сношеній съ обитателями другихъ мѣстностей; именно такіе раскрашенные сосуды часто встрѣчаются на Поднѣстровьѣ. Заслуживаютъ вниманія также глиняныя изображенія людей.

Третья группа памятниковъ, обнаруженныхъ въ этой же мѣстности, относится къ желѣзному вѣку. У подножія горы на большомъ пространствѣ тянется старо-славянское кладбище. Возлѣ скелетовъ, лежавшихъ головой къ востоку, найдены желѣзныя вещи, бронзовыя и серебряныя украшенія, бусы. Гробницъ найдено 80; 50% череповъ изъ этихъ гробницъ имѣютъ нѣкоторую особенность въ лобной кости, требующую еще изслѣдованія. Въ одномъ случаѣ встрѣтилось отличное отъ другихъ погребеніе: костякъ лежалъ головой на сѣверо-востокъ, у головы найденъ отдѣланный клыкъ кабана, возлѣ руки какое-то костяное орудіе, сколоченное желѣзными гвоздями; тутъ же находились кремни и раковины; быть можетъ въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ переходной эпохой—отъ каменнаго къ желѣзному вѣку.

По поводу этого реферата В. Д. Соколовъ высказалъ предположеніе, что быть можетъ глубина первой находки объясняется оползнемъ и тогда глубокая древность ея подлежитъ сомнѣнію. В. Б. Антоновичъ, не отрицая возможности сомнѣній, сослался на профф. Армашевскаго и Феофилактова, которыми были произведены геологическія изслѣдованія мѣста находки. Проф. Покровскій добавилъ, что пласты залегаютъ правильно, оползней нѣтъ и пластъ этотъ нужно считать переходнымъ между третичнымъ и слѣдующимъ за нимъ.

2. Д. Н. Анучинъ сдѣлалъ сообщеніе: „*О христіанскихъ крестахъ и образкахъ въ могилахъ средней и западной Россіи*".

Указавъ на то, что кресты, въ томъ числѣ несомнѣнно христіанскіе, были находимы неоднократно въ могильникахъ и курганахъ Прибалтійскаго края (Курляндіи, Эстляндіи, острова Эзеля и т. д.), равно какъ и въ сосѣднихъ губерніяхъ — Витебской, Петербургской и др., референтъ остановился особенно на древнихъ могилахъ X—XII вв. въ средней Россіи, гдѣ были находимы довольно часто не только кресты, но и образки (Божьей Матери и различныхъ святыхъ), напр. гр. А. С. Уваровымъ въ мерянскихъ курганахъ Ярославской и Владимірской губ., проф. А. П. Богдановымъ—въ курганахъ Московской губ., Ф. Д. Нефедовымъ и др.—въ Рязанской губ., г. Булычевымъ — въ Калужской и т. д. Если нѣкоторые кресты, напр., на большихъ булавкахъ въ Прибалтійскомъ краѣ или нашитые на кожу и служившіе для украшенія сѣдла въ Тобольской губ., или входящіе въ составъ сложнаго металлическаго убора съ красной эмалью, подобно найденному въ Масальскомъ у., Калуж. губ., очевидно, представляютъ собою просто украшенія, въ которыхъ крестъ играетъ роль только одного изъ мотивовъ орнамента, то относительно другихъ крестовъ (иногда украшенныхъ финифтью или даже изображеніемъ Распятія), а тѣмъ болѣе образковъ, не можетъ подлежать сомнѣнію, что они христіанскаго происхожденія, и вопросъ можетъ заключаться только въ томъ, составляетъ ли присутствіе ихъ въ могилахъ доказательство христіанства погребенныхъ, или же вѣроятнѣе, что эти христіанскіе символы носились часто и язычниками, какъ украшенія или

амулеты, безъ сознанія ихъ настоящаго значенія. Это послѣднее мнѣніе раздѣлялось большинствомъ изслѣдователей, начиная съ Крузе и гр. Уварова, но въ послѣднее время высказывались взгляды (напр., гг. Слуцкимъ и Боемъ), что подобные христіанскіе символы могли принадлежать и христіанамъ, только погребеннымъ по языческому обряду (а иногда и подвергшимся трупосожженію). Находки, сдѣланныя въ послѣднее время въ курганахъ Костромской губ. (Костромскаго, Нерехтскаго и Кинешемскаго уѣздовъ), раскопанныхъ по порученію Моск. Археол. Общества Ф. Ѳ. Нефедовымъ, способны бросить новый свѣтъ на этотъ вопросъ. Курганы эти, большей частью съ погребеніями, но иногда и съ остатками трупосожженія, представляютъ наибольшее сходство съ мерянскими, изслѣдованными гр. Уваровымъ. Мужскія могилы, сравнительно бѣдныя, заключаютъ въ себѣ часто только желѣзные ножики, топоры, пряжки и т. п., тогда какъ женскія часто богато обставлены бронзовыми и серебряными украшеніями: височными кольцами, шейными обручами, ожерельями изъ разнообразныхъ бусъ и привѣсокъ, серьгами, пряжками, браслетами, кольцами на пальцахъ и т. д. Отличія эти отъ собственно мерянскихъ кургановъ заключаются въ отсутствіи оружія, нѣкоторыхъ характерныхъ формъ топоровъ, украшеній норманскаго типа (овальныхъ скорлупчатыхъ фибулъ), ключей, семилепестныхъ височныхъ подвѣсокъ, золотыхъ вещей, янтаря, бронзовыхъ сосудовъ, нѣкоторыхъ формъ шумящихъ подвѣсокъ, западно-европейскихъ монетъ, тогда какъ восточные диргемы встрѣчаются довольно часто. Все это указываетъ на большую обособленность отъ сношеній съ западомъ и на большее тяготѣніе къ востоку, доказываемое и множествомъ привѣсокъ съ изображеніями животныхъ (коньковъ, собаки, барана, пѣтуха, курицы, утки и т. д.). Въ числѣ подвѣсокъ было найдено много (болѣе 40) крестовъ и образковъ, отчасти уже извѣстныхъ, отчасти новыхъ типовъ. Кресты встрѣчаются трояко́го рода: а) врѣзанные въ круглые медальоны съ ушкомъ, разнообразныхъ формъ; б) соединенные съ лунницей, при чемъ особенно любопытны кресты, укрѣпленные между рогами полумѣсяца; в) самостоятельные кресты, большей частью равноконечные, разныхъ формъ, нерѣдко съ финифтью. Образки, обыкновенно маленькіе, представляютъ три вида: а) Богородицы съ Младенцемъ на правой рукѣ; б) поясное изображеніе святого съ копьемъ,—вѣроятно св. Георгія, и в)—двухъ святыхъ (?). Большая часть этихъ крестовъ и образковъ была найдена на груди и шеѣ; очевидно, они входили въ составъ ожерелій или составляли отдѣльныя привѣски, иногда рядомъ съ диргемами и другими украшеніями, но 6 образковъ (2—Богоматери и 4—св. Георгія) были найдены, отчасти еще соединенные съ бронзовыми колечками, около черепа, и, очевидно, служили для украшенія серегъ, какъ и нѣсколько лунницъ съ крестами. Этотъ фактъ, впервые нынѣ констатируемый, доказываетъ довольно убѣдительно употребленіе образковъ не какъ предметовъ священныхъ, а какъ матеріаловъ для личнаго убора или наряда. Но съ другой стороны, въ тѣхъ

же курганахъ встрѣтился одинъ крестъ, принадлежащій, повидимому, несомнѣнно христіанину. Это — крестъ довольно большой, двустворчатый, съ изображеніемъ на обѣихъ сторонахъ одѣтыхъ фигуръ съ вытянутой одной рукой, держащей нѣчто въ родѣ перчаи; на одной сторонѣ находится надпись: ГЛБ, БО означающая, очевидно, „Глѣбъ“ или „Глѣ(бъ)“ и „Бо(рисъ)“. Подобные кресты извѣстны были и ранѣе, изъ южной Россіи; они указываютъ, очевидно, на XII или, можетъ быть, даже начало XIII вѣка. Крестъ этотъ былъ найденъ въ курганѣ, ничѣмъ не отличавшемся отъ другихъ сосѣднихъ, на пустоши Босихѣ, Кинешемск. у.; при истлѣвшемъ костякѣ оказались только бронзовая лунница и серебряная пряжка со слѣдами желѣзной иглы; крестъ же лежалъ не у самаго скелета, а вершка на два выше, въ землѣ, и нѣсколько въ сторонѣ, какъ будто онъ былъ положенъ уже по закрытіи тѣла слоемъ земли. Въ данномъ случаѣ, повидимому, не можетъ подлежать сомнѣнію, что мы имѣемъ передъ собою могилу христіанина. — Въ заключеніе референтъ привелъ нѣсколько этнографическихъ данныхъ, способныхъ служить параллелями къ указаннымъ археологическимъ фактамъ. У остяковъ встрѣчаются вышитые бисеромъ нагрудники, на которыхъ привѣшены, вверху — рядъ мѣдныхъ русскихъ крестовъ, а ниже рядъ прорѣзныхъ круглыхъ бляхъ, съ изображеніемъ всадника на конѣ, повидимому, представляющихъ одного изъ ихъ языческихъ боговъ, — посредника между высшимъ богомъ и людьми; иногда же, рядъ крестовъ замѣняется не имѣющими ничего священнаго привѣсками или жетонами. Этотъ фактъ показываетъ, какъ у народа, находящагося на переходной ступени отъ язычества (шаманизма) къ христіанству, христіанскіе символы могутъ соединяться съ языческими, и притомъ, какъ надо думать, не въ цѣляхъ только украшенія. Извѣстно, что различныя формы крестовъ служили предметами почитанія и религіозными символами у многихъ народовъ, задолго до появленія и утвержденія ученія Христа — въ Индіи, Китаѣ, Египтѣ, Центральной Америкѣ; крестъ пользуется значеніемъ и теперь у буддистовъ и шаманистовъ. Возможно допустить, что и въ эпоху появленія христіанства въ Средней Россіи, кресты и образки усваивались иногда населеніемъ, какъ извѣстные символы или амулеты, ранѣе усвоенія дѣйствительныхъ основъ христіанства, и заняли мѣсто рядомъ съ языческими религіозными символами. Что касается до соединенія креста съ лунницей, то референтъ указалъ на любопытный образчикъ переживанія, констатированный недавно въ Калужской губ. И. Д. Четыркинымъ, встрѣтившимъ у одного обывателя серьгу (въ одномъ ухѣ), въ формѣ лунницы съ утвержденнымъ на ней крестикомъ; по словамъ имѣвшаго эту серьгу онъ носитъ ее какъ предохранительное средство отъ грыжи. Подобные этнографическіе факты представляютъ несомнѣнно значительный интересъ, и, по мнѣнію докладчика, даютъ новое подтвержденіе тому, что этнографія является ближайшей помощницей археологіи (какъ и обратно—

археологія для этнографіи) въ дѣлѣ посильнаго разъясненія подробностей народнаго быта.

3. Проф. С. Ѳ. Платоновъ прочелъ докладъ А. А. Спицына: „*Общій обзоръ доисторическихъ древностей Прибалтійскаго края Россіи*". Плоды трехлѣтнихъ занятій А. А. Спицына прибалтійскими древностями будутъ изданы въ одномъ изъ ближайшихъ выпусковъ Зап. Имп. Русск. Археол. Общ. Выводы автора значительно расходятся съ выводами мѣстныхъ ученыхъ. Сколько было ливонскихъ племенъ, какова была ихъ культура и погребальные обряды, къ какому племени принадлежали куры—все это, по мнѣнію А. А. Спицына, еще открытые вопросы.

Засѣданіе отдѣленія II. Древности историко-географическія и этнографическія. 10 августа 4 ч. дня.

Почетный предсѣдатель: Р. Хаусманъ.

1. А. С. Будиловичъ прочелъ докладъ: „*О задачахъ славянорусской археологіи по отношенію къ областямъ и народностямъ нынѣшней Венгріи*". Русскую археологію необходимо изучать на всемъ пространствѣ разселенія русскаго племени, хотя бы и за предѣлами русскаго государства, притомъ же изучать не изолированно отъ археологіи прочихъ славянскихъ народовъ, а сравнительно съ нею, обращая вниманіе и на другіе смежные народы грекославянскаго культурнаго міра, на второмъ же планѣ—и на народы другихъ культурныхъ системъ. Венгрія, въ отношеніяхъ географическомъ, этнографическомъ и культурно-историческомъ, страна издревле славянская или грекославянская, отчасти и русская (по сю сторону Тисы), и для науки славянорусскихъ древностей чрезвычайно важны тѣ этнографическіе и культурно-историческіе вопросы, рѣшеніе которыхъ обусловлено археологическимъ изслѣдованіемъ Венгріи, въ родѣ напр., вопросовъ: о времени населенія славянъ на Карпатахъ и Дунаѣ; объ ихъ отношеніяхъ къ дакамъ и готамъ, языгамъ и иллирамъ, кельтамъ и волохамъ и т. п.; о времени образованія Закарпатской Руси; о бѣлой Сербіи и бѣлой Хорватіи; о Великоморавскомъ государствѣ и церкви; о паннонизмѣ въ церковно-славянской письменности и т. п. Слабая разработка древностей угрославянскихъ тормозитъ дальнѣйшее развитіе науки славянскихъ древностей вообще. Разсчитывать на пополненіе означенныхъ пробѣловъ археологами мадьярскими нельзя, въ виду постепеннаго ослабленія въ мадьярской исторіографіи интереса ко всему славянскому, стремленія замалчивать послѣднее какъ въ настоящемъ, такъ и въ прошедшемъ и вообще въ виду невысокаго уровня историко-географическихъ знаній въ теперешней Венгріи.

Далѣе референтъ указалъ на постепенное оскудѣніе вещественныхъ и бытовыхъ памятниковъ угрославянской старины вслѣдствіе пренебреженія къ нимъ мадьярскаго правительства и общества и успѣховъ мадьяризаціи

славянъ. Угорскіе румыны находятъ еще поддержку въ соплеменникахъ румынскаго королевства; угорскіе нѣмцы опираются на науку общенѣмецкую; сербы и хорваты до нѣкоторой степени находятъ поддержку въ ученыхъ учрежденіяхъ Бѣлграда и Загреба. Но худо положеніе словаковъ, особенно послѣ разгрома ихъ Матицы, подъ предлогомъ панславизма, т. е. поддержки народнаго самосознанія словаковъ памятниками ихъ старины, а также угрорусовъ, на половину уже охваченныхъ процессомъ мадьяризаціи.

На содѣйствіе сосѣднихъ русскихъ галичанъ угрорусы разсчитывать не могутъ, ибо эти галичане также переживаютъ критическую пору въ борьбѣ за свою народность и церковь и во всякомъ случаѣ не могутъ заняться археологическимъ изученіемъ Венгріи, не будучи въ состояніи справиться съ собственными остатками старины, въ родѣ, напр., церкви Преображенія отъ XII вѣка на развалинахъ древняго г. Галича.

Россія должна въ этомъ отношеніи пособить своимъ червонорусскимъ и угрославянскимъ соплеменникамъ хотя бы въ такой лишь мѣрѣ, какъ Румынія—по отношенію къ волохамъ Буковины, Семиградіи и Баната. Усилія частныхъ лицъ, напр., русскихъ славистовъ, діалектиковъ, историковъ, изрѣдка посѣщающихъ Венгрію съ научною цѣлью, при всей своей важности, недостаточны для спасенія и освѣщенія угрославянской старины. Это можно сдѣлать лишь совмѣстными усиліями археологическихъ Обществъ — русскихъ, сербо-хорватскихъ, чешскихъ и т. д., если бы имъ удалось снарядить туда одну или нѣсколько археологическихъ экспедицій. Возможныя затрудненія, между прочимъ и политическія, не трудно будетъ устранить путемъ предварительныхъ сношеній съ австро-венгерскимъ правительствомъ, какъ это сдѣлано было и гр. Зичи при снаряженіи имъ въ прошломъ году мадьярской археологической экспедиціи на кавказскую и прикаспійскую прародину—дѣйствительную или мнимую—Арпадовой орды.

Референтъ просилъ Съѣздъ выразить желаніе, чтобы русскія археологическія учрежденія и Общества, включивъ угрославянскую археологію въ рамку своихъ изслѣдованій, снарядили—одни или совмѣстно съ археологами западно-славянскими—археологическую экспедицію въ Венгрію и вмѣстѣ съ тѣмъ оказывали бы содѣйствіе частнымъ русскимъ и инославянскимъ археологамъ при изученіи и изданіи памятниковъ угрославянской старины.

2. И. П. Филевичъ прочелъ: „*Нѣсколько замѣчаній по поводу разработки географической номенклатуры*". Карта доселѣ изучается какъ пособіе, а не какъ источникъ. Между тѣмъ лишь изученіе всей суммы названій населенныхъ мѣстъ, урочищъ, водъ, холмовъ и т. д. извѣстной территоріи, то разноязычностью, то однородностью по языку, то искаженностью названій укажетъ то полосы встрѣчи двухъ племенъ, то древнюю территорію даннаго племени, то область взаимодѣйствія одного племени на другое.

Такія полосы ярко отражаютъ на себѣ вѣковые процессы взаимодѣйствія сосѣднихъ племенъ и при уясненіи вопроса о древнѣйшей территоріи

этихъ племенъ должны быть принимаемы въ соображеніе, хотя бы уводили изслѣдователя далеко за предѣлы, занимаемые племенемъ въ настоящее время. Славянская и въ частности русская номенклатура тянется и теперь далеко за предѣлы славянской и русской территоріи, съ другой стороны чисто русская номенклатура занимаетъ въ предѣлахъ Россіи сравнительно незначительное пространство. Слѣдовательно, надо расширить рамки номенклатурныхъ изученій, уяснить типичный характеръ номенклатуры въ мѣстахъ этнологически наиболѣе устойчивыхъ и по возможности возстановить правильныя формы названій въ мѣстахъ, гдѣ русская номенклатура, подъ чужимъ вліяніемъ, подверглась искаженіямъ. Должно бы къ каждому нашему Археологическому Съѣзду собирать такой матеріалъ въ области, гдѣ назначенъ Съѣздъ, должно бы вообще приступить къ такой работѣ по областямъ Россіи, дабы въ разныхъ нашихъ областяхъ появились труды, подобные труду д-ра Биленштейна о границахъ латышскаго племени.

Въ оживленныхъ преніяхъ по докладу указывали между прочимъ, на труды Статистическихъ Комитетовъ и Архивныхъ Комиссій, предлагали поставить изслѣдованіе въ связь съ предстоящей народной переписью, выражали сомнѣніе въ вѣскости топографической номенклатуры для опредѣленія измѣнчивыхъ границъ племени.

Засѣданіе отдѣленія V. Древности церковныя. 10 августа вечеромъ.

Почетный предсѣдатель Н. Ѳ. Красносельцевъ.

1. Н. В. Покровскій познакомилъ съ тремя собраніями русскихъ памятниковъ искусства, находящимися въ Ригѣ: 1) съ музеемъ при духовномъ училищѣ; 2) съ собраніемъ въ единовѣрческой церкви; 3) съ собраніемъ раскольничьей молельни (см. стр. 269).

2. А. П. Голубцовъ прочелъ докладъ *„О началѣ, первыхъ дѣятеляхъ и направленіи иконописной школы Троицкой Лавры“*.

Указавъ на факты существованія съ давнихъ временъ въ Троице-Сергіевомъ монастырѣ искусства иконописанія, пріобрѣтавшагося въ теченіе XV–XVII в. исключительно путемъ практическимъ, референтъ остановился на возникновеніи въ Лаврѣ иконописной школы въ половинѣ сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія. Въ 1744 году, по мысли и волѣ преосвященнаго Арсенія Могилянскаго, для обученія иконописи десяти учениковъ Троицкой семинаріи былъ приглашенъ художникъ Николай Степановъ Каменскій, который, по исправленію нѣкоторыхъ монастырскихъ дѣлъ, 22 сентября 1746 г. приступилъ къ преподаванію. Первыми его учениками были воспитанники семинаріи—дѣти разночинцевъ. Съ помощію рисовальныхъ азбукъ и гравированныхъ листовъ онъ и обучалъ ихъ до 10 марта 1748 года. Съ этого времени его мѣсто занялъ вызванный изъ Кіево-Межигорскаго монастыря іеромонахъ Павелъ Казановичъ, который усилилъ дисциплину, увели-

чилъ и улучшилъ рисовальныя и живописныя пособія, перевелъ учениковъ съ рисованія и живописи на иконопись, а главное, улучшилъ въ школѣ то направленіе, которое въ зародышѣ было дано ей и Каменскимъ. Это новое западное направленіе, сказавшееся на содержаніи и особенно на характерѣ исполненія иконографическихъ сюжетовъ, не встрѣтило протеста со стороны иноковъ и легло въ основу лаврскаго иконописанія почти на все послѣдующее время.

3. Е. К. Рѣдинъ въ докладѣ „*Мозаики равеннскихъ церквей*", представляющемъ отрывокъ изъ приготовляемаго имъ къ печати труда, посвященнаго спеціальному обозрѣнію указанныхъ мозаикъ, остановился подробно на извѣстныхъ въ литературѣ сочиненіяхъ, касающихся этихъ мозаикъ, раздѣливъ ихъ на двѣ группы въ отношеніи предлагаемыхъ въ нихъ теорій о происхожденіи мозаикъ, и отмѣтилъ историческіе факты, подтверждающіе стилистическій и этнографическій анализъ, приводящій къ заключенію о византійскомъ происхожденіи мозаикъ.

4. Н. Г. Добрынкинъ въ докладѣ „*Объ иконографическихъ формахъ великомученика Никиты*" разсмотрѣлъ изваяніе на западной стѣнѣ Дмитріевскаго Владимірскаго собора (XII в.), образки XIII—XV, далѣе XVIII вѣка и современные (въ Историч. Музеѣ, въ собраніи Моск. унив., въ Музеяхъ: Новгородскомъ и Тверскомъ, въ Ростовской Бѣлой Палатѣ, въ собраніи докладчика, въ обиліи у крестьянъ и торговцевъ Владимірской губерніи) и иконы съ XVI в. (въ Муромской Георгіевской церкви и въ собраніи Постникова). Повидимому, изображеніе св. Никиты, побивающаго бѣса оковами, перешло къ намъ съ XII в., вмѣстѣ съ легендой (какъ она изложена въ „Памятникахъ стар. русск. лит." графа Кушелева Безбородко по Торжественнику Рум. Музея XVI в.); въ XVI вѣкѣ Никита, въ иконописи, поражаетъ діавола крестнымъ знаменіемъ (двуперстнаго сложенія), въ XVII попираетъ діавола ногами; на образкахъ же съ XV по нашъ вѣкъ побиваетъ бѣса валькомъ.

5. И. Д. Четыркинъ прочелъ докладъ: „*Къ вопросу объ изображеніяхъ великомученика Никиты*". Св. Никита Готскій изображается неодинаково; но большею частію онъ представляется въ видѣ мужа-воина, поражающаго гадообразнаго или человѣкообразнаго дьявола. Никита изображается на крестахъ вмѣсто Спасителя (вѣроятно, древнѣйшее изображеніе св. Никиты), а также внизу крестовъ подъ Распятіемъ, на особыхъ образкахъ, а иногда вмѣстѣ съ змѣевиками. Встрѣчаются также въ храмахъ большія иконы съ изображеніемъ св. Никиты. Надписи къ изображеніямъ св. Никиты бываютъ различны (между прочимъ, „ники").

На развитіе сказанія о св. Никитѣ вліяли: содержаніе церковныхъ пѣснопѣній, относящихся къ 14 и 15 сентября, прологъ, апокрифическое житіе великомученика Никиты, сказанія о мученіяхъ его, связь апокрифическаго изображенія Никиты съ змѣевиками и, быть можетъ, привнесеніе въ

сюжетъ нѣкоторыхъ астрологическихъ понятій. Въ прологѣ подъ 14 сентября есть указаніе, что крестъ назывался *аникитой*. Въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ 15 сентября есть такое мѣсто: „*на томъ бо* (на крестѣ) *убивъ насъ убившаго*", т. е. на крестѣ былъ убитъ (побѣжденъ) виновникъ нашей духовной смерти. Вслѣдствіе этого Никита и изображается на крестѣ вмѣстѣ съ Распятымъ Спасителемъ, а иногда замѣняетъ Его или изображается отдѣльно поражающимъ дьявола, и понятія *ника*, *ники* (*νίκη*), *аникитъ* какъ бы смѣшиваются въ одномъ понятіи *Никита*. Въ спискахъ „сказаній" о мученіяхъ св. Никиты онъ называется врачемъ болящихъ, прогонителемъ и мучителемъ бѣсовъ и избавителемъ отъ всякаго зла, т. е. ему приписывается почти такая же власть надъ демонами, какая приписывалась нѣкогда печати Соломона, молитвамъ-заклинаніямъ Сисиніевскаго типа и змѣевикамъ, замѣстителями которыхъ и являются впослѣдствіи изображенія св. Никиты.

Такимъ образомъ, металлическіе кресты и образки съ св. Никитой употреблялись у насъ какъ оберегатели (профилактеріи) отъ всякихъ золъ, преимущественно болѣзней.

По поводу доклада А. И. Кирпичниковъ сопоставилъ Анику съ Никитой.

Засѣданіе отдѣленія III. Памятники искусствъ и художествъ, и VII. Древности классическія, византійскія и западно-европейскія. 11 августа утромъ.

Почетный предсѣдатель П. А. Кулаковскій.

1. Ѳ. И. Успенскій прочелъ докладъ: „*Археологическіе памятники города Никеи*". Памятники Никеи, вообще въ высшей степени замѣчательные и важные, принадлежатъ двумъ эпохамъ — римской и византійской. Первые чрезвычайно разнообразны, завлекательны и легко могутъ отвлечь вниманіе изслѣдователя отъ памятниковъ позднѣйшихъ, византійскихъ. Въ Никеѣ прежде всего поражаютъ наблюдателя великолѣпныя стѣны, съ 4 тройными воротами, украшенными барельефами и надписями; близъ города, въ полѣ находится колонна, посвященная нѣкоему Филиску и т. д. Институту удалось сдѣлать немало новыхъ находокъ: напр., въ городскихъ стѣнахъ найдена плита—доселѣ неизвѣстный декретъ въ честь императрицы изъ дома Антониновъ. Но вниманіе византиста особенно привлекаютъ памятники христіанскіе, византійской эпохи, и чтобы показать значеніе никейскихъ древностей, Ѳ. И. подробно остановился на одномъ изъ такихъ памятниковъ.

Никея—мѣсто перваго вселенскаго собора, и естественно является вопросъ, гдѣ происходили засѣданія этого собора? Въ Никеѣ есть мѣсто, называемое *Σύνοδος*. Это—площадь, заросшая травою; но что это не простая площадь, а развалины, доказываютъ остатки мраморной лѣстницы, находящіеся подъ поверхностью земли, слѣды четыреугольнаго зданія, остатки колоннъ и проч. Но былъ ли *Σύνοδος* мѣстомъ засѣданій собора, установить

невозможно. Другіе указываютъ на нынѣшнюю *митрополичью церковь*, гдѣ имѣются вообще любопытные памятники (напр., икона Богородицы), подробное изслѣдованіе коихъ отложено до осени. На эту церковь, какъ на мѣсто засѣданій собора, есть указанія въ иконографіи: въ Болгаріи, въ Бачковомъ монастырѣ, имѣется икона съ изображеніемъ Спиридона Тримиѳунтскаго, и на ней въ сторонѣ изображенъ храмъ, въ которомъ происходили засѣданія Никейскаго собора, храмъ, не шаблонный, и съ которымъ дѣйствительно можетъ быть сближена нынѣшняя митрополичья церковь.

На одной византійской надписи Ѳ. И. показалъ, какой любопытный матеріалъ представляютъ этого рода памятники, какъ надо пользоваться тѣмъ, что сдѣлано, и какъ необходимы новыя работы для раскрытія истиннаго значенія византійскихъ памятниковъ. Надпись эта находится на стѣнѣ, между Стамбульскими и Морскими воротами и издана Texier (Description de l'Asie Mineure, p. 41). Но въ первой строкѣ у Texier стоитъ имя „Сарацинъ" *(καὶ εἰσχυττρῶν Σαρακῆνων)*, тогда какъ на самомъ дѣлѣ въ надписи стоитъ *ΚΑΤΑΙΣΧΥΝΘΗ ΘΡΑΣΟΣ*. Далѣе въ виду упоминанія въ надписи именъ императоровъ Льва и Константина, Texier отнесъ ее ко времени Льва Мудраго, къ 912 г. Но тогда арабы не были особенною грозою для Византіи. Такою грозою они были въ VIII ст., въ эпоху императоровъ-иконоборцевъ. Texier не разобралъ въ послѣдней строкѣ надписи (всѣхъ строкъ 5) слова „артаваздъ" *(ΑΡΤΑΒΑΣΔΟΣ)*; между тѣмъ это слово даетъ ключъ къ пониманію надписи: армянинъ Артаваздъ былъ современникомъ и помощникомъ Льва Исавра, игралъ видную роль въ средѣ православныхъ и по смерти Льва провозглашенъ былъ ими императоромъ. Такимъ образомъ, памятникъ этотъ относится къ 726 — 739 и слѣдующимъ годомъ, освѣщаетъ эпоху и сообщаетъ имъ новыя данныя. Въ заключеніе докладчикъ указалъ на неудовлетворительное состояніе византиновѣдѣнія и на необходимость изученія византійскихъ памятниковъ не по книгамъ, а посредствомъ личнаго осмотра на мѣстѣ.

2. О. Ѳ. Вульфъ прочиталъ докладъ „*Возстановленіе Константинопольскаго храма св. Апостолъ на основаніи вновь найденнаго описанія*". Недостаточныя до послѣдняго времени свѣдѣнія о замѣчательномъ архитектурномъ памятникѣ, равномъ по значенію св. Софіи, восполняются найденною въ аѳонскомъ монастырѣ св. Лавры поэмою Родія, посвященною Константину Порфиророднному, весьма важной и по описанію многихъ другихъ памятниковъ Константинополя. Пользуясь матеріаломъ поэмы и другими источниками (Прокопій), докладчикъ представилъ полную реконструкцію храма. Онъ принимаетъ въ соображеніе извѣстія Прокопія: а) о крестообразномъ видѣ храма съ удлиненіемъ къ западу, б) объ окружающихъ храмъ снаружи стѣнахъ и двухъ-этажныхъ портикахъ, в) о мѣстонахожденіи алтаря въ центрѣ, объ устройствѣ кровли какъ св. Софіи, но меньшихъ размѣровъ, подъ четырьмя арками съ прорѣзными окнами, о равенствѣ другихъ безоконныхъ куполовъ. Далѣе принимаетъ во вниманіе описаніе Родія, который обозна-

чаетъ мѣстонахожденіе храма, описываетъ общій видъ, указываетъ на перестройку храма Константина и сообщаетъ имена архитекторовъ и составъ архитектуры храма: центральный квадратъ съ примыкающими четырьмя галлереями въ крестообразномъ видѣ, четыре столба въ центрѣ, боковые купола надъ сфендонами, отдѣленія при посредствѣ 16 столбовъ (и арокъ), раздѣленныхъ по высотѣ, общій внутренній видъ съ возвышеніемъ центральнаго купола, убранство храма: облицовкою, колоннами, рельефнымъ орнаментомъ, мозаикою куполовъ, сводовъ и междуарочныхъ стѣнъ до облицовки.

Данныя Родія, Прокопія сопоставляются съ данными предполагаемой копіи храма свв. Апостоловъ — церкви св. Марка въ Венеціи. Этими сопоставленіями разрѣшается вопросъ о способѣ возвышенія главнаго купола безъ тамбуровъ, о связи внутренней архитектуры, о способѣ крытія галлереи (внизу сводомъ, а вверхъ куполами), о возвышеніи куполовъ надъ послѣдними для освѣщенія, о существованіи абсиды и гипотетически о распредѣленіи мозаикъ, а именно: въ центральномъ куполѣ—Вознесенія, на сводахъ—евангелическихъ событій, въ 1-мъ куполѣ—Сошествія Св. Духа, въ 3-мъ—Пророковъ, 4-мъ и 5-мъ—символическихъ композицій, на столбахъ и междуарочныхъ стѣнахъ — святыхъ. Описаніе Родіемъ живописныхъ изображеній болѣе риторическаго, чѣмъ историческаго характера; но и оно указываетъ на характеръ росписи болѣе повѣствовательный, чѣмъ символическій.

3. А. И. Миловидовъ прочиталъ докладъ: *„Церковно-археологическіе памятники города Пинска“*. Прошлое города Пинска, бывшаго долгое время (XII — XVIII вв.) политическимъ и церковнымъ центромъ обширнаго припетскаго Полѣсья, имѣетъ многосторонній интересъ для археологіи. Не лишены интереса и пинскія церковныя древности, какъ памятники западно-русской церковно-исторической жизни, и именно религіозно-культурной и политической борьбы XVI—XVIII вв. Въ XVI вѣкѣ Пинскъ былъ вполнѣ православно-русскимъ городомъ не только по господствующему вѣроисповѣданію, языку и этнографическому составу населенія, но и по внѣшней физіономіи, выразившейся на древнемъ планѣ. Въ немъ было 16 православныхъ церквей и два монастыря. Сохранившіяся свѣдѣнія объ ихъ архитектурѣ, о священныхъ принадлежностяхъ (каменный престолъ, каменные кресты, кацея), а также письменныхъ памятникахъ (отрывки изъ апостоловъ XIV и XVI вв.) и эпитафіяхъ—говорятъ за давность и прочность насажденія православія въ краѣ и притомъ изъ Кіева и подъ непосредственнымъ кіевскимъ вліяніемъ, а не западнымъ (изъ Луцка), какъ утверждаютъ польскіе писатели. Западное вліяніе въ Пинскѣ начинается со введенія уніи и постепенно черезъ уніатовъ переходитъ на православныхъ. Въ области церковнаго зодчества оно отражается на искаженіи византійскаго стиля, въ области живописи оно высказывается въ подражаніи западнымъ католическимъ образцамъ (Mater dolorosa, картина Богоявленія); въ письменныхъ памятникахъ XVII в. являются польскія надписи, изображенія католическихъ символовъ

и эмблемъ. Въ XVIII в. Пинскъ становится городомъ католическо-уніатскимъ по господствующему христіанскому вѣроисповѣданію и польско-еврейскимъ по языку и населенію. Для незначительнаго числа православныхъ русскихъ людей остается одна церковь съ монастыремъ. Эта эпоха XVIII в. въ г. Пинскѣ характеризуется окончательнымъ исчезновеніемъ храмовъ византійскаго стиля, исчезновеніемъ церковно-славянскихъ и русскихъ письменныхъ памятниковъ и введеніемъ нѣкоторыхъ католическихъ церковныхъ принадлежностей (монстраціи) и усиленнымъ подражаніемъ западной живописи, даже съ католической тенденціей. Въ заключеніе референтъ указалъ на нѣкоторыя современныя оригинальныя издѣлія пинчуковъ для церкви (напр., соломенный иконостасъ). Мало извѣстный пинскій край любопытенъ, полонъ научнаго интереса, богатъ матеріаломъ и ждетъ своихъ изслѣдователей.

Засѣданіе отдѣленія VIII. Древности прибалтійскія. 11 августа днемъ.

Почетный предсѣдатель д-ръ Конвентцъ.

1. А. фонъ-Ховенъ сообщилъ о городищѣ Пуннамэгги (т. е. красная гора), находящемся въ Эстляндіи при Энгдесѣ, вблизи станціи Ракке, Балтійской желѣзной дороги, среди болотъ, на высотѣ 14 метровъ, со стѣнами изъ известняка и гранитныхъ блоковъ.

Д-ръ Конвентцъ, указывая на важность такихъ изслѣдованій, обратилъ вниманіе засѣданія на карту городищъ въ Восточной и Западной Пруссіи, находящуюся на выставкѣ, и на напечатанныя къ ней объясненія, помѣщенныя въ „Erläuterungen zu den vom Westpreussischen Provincial-Museum in Danzig ausgestellten Gegenständen“, которыя тутъ же раздавались членамъ Съѣзда.

2. Докладъ К. К. Боя: *„О Курляндскихъ могильникахъ“*.

Отмѣтивъ сдѣланныя доселѣ въ Курляндіи археологическія изслѣдованія и достигнутые ими результаты, референтъ подробно сообщилъ о могильникахъ съ костяками въ странѣ Курляндской Аа, населенной латышскимъ племенемъ Зимголой. Обширное поле съ костяками при Алтраденѣ, открытое наводненіемъ рѣки и изслѣдованное г. Боемъ въ 1886 г., было, по всей вѣроятности, мѣстомъ погребенія литовскихъ и латышскихъ воиновъ, павшихъ при Саулѣ въ 1236 г. Далѣе, референтъ сообщилъ о каменно-рядовыхъ могильникахъ при Франкъ-Сессау, раскопанныхъ имъ вмѣстѣ съ В. И. Сизовымъ, и описалъ рядъ могильниковъ при Цеемальденѣ, раскопка которыхъ предпринята была имъ по желанію графини П. С. Уваровой. Результаты этой экскурсіи изложены въ „Sitzungsberichte der Kurländischen Gesellschaft für Literatur und Kunst“ [1]) и представлены на разсмотрѣніе Съѣзда. Интересно, что здѣсь мужчины хоронились въ направленіи съ сѣвера, сѣ-

---

1) См. стр. 250.

веро-востока и сѣверо-запада на югъ, юго-западъ и юго-востокъ, а женщины въ обратномъ направленіи. Находка крестовъ въ этихъ могильникахъ доказываетъ, что это мѣсто еще въ XIII столѣтіи служило кладбищемъ.

Референтъ выразилъ надежду, что труды Съѣзда распространятъ повсюду въ Курляндіи интересъ и сочувствіе къ археологическимъ изслѣдованіямъ, и что найдутся средства, необходимыя для подробнаго и систематическаго изученія этой губерніи и примыкающихъ къ ней частей Ковенской губерніи.

3. Докладъ д-ра Хакмана изъ Гельсингфорса: „*О бронзовомъ вѣкѣ Финдляндіи*". Референтъ раздѣлилъ матеріалы, по бронзов. вѣку Финляндіи, на двѣ группы: на скандинавскую или западно-европейскую и на пермо-уральскую. Мѣста нахожденія бронзъ перваго типа находятся вблизи береговъ Ботническаго и Финскаго заливовъ и на рѣкѣ Вуоксѣ. Одна находка сдѣлана была въ сѣверной части области Саволакса: 4 меча, 7 кинжаловъ, 1 кольцо, 2 ножа, 13 кельтовъ и 2 очкообразныя фибулы. Большинство бронзъ — настоящаго скандинавскаго типа, и только нѣкоторыя являютъ западно-европейскій характеръ. Сравнительно большое число (13 предметовъ) относится къ древнему бронзовому вѣку, остальныя находки принадлежатъ IV и V періодамъ. Изъ всѣхъ находокъ 10 предметовъ нашлись въ 9 каменныхъ курганахъ (Steinhügelgräber). Другія бронзы случайно нашлись въ озерахъ, болотахъ и на открытомъ полѣ. Голые, не покрытые землею, курганы сотнями разсѣяны по широкой береговой полосѣ вдоль Ботническаго и Финскаго заливовъ и на Аландскихъ островахъ. Величина поперечника этихъ кургановъ отъ 2 до 25 метровъ, ихъ высота отъ 0,3 до 5 метровъ. Во многихъ изъ нихъ встрѣчается по нѣскольку каменныхъ ящиковъ, другіе построены вокругъ большаго каменнаго обломка, служившаго центральнымъ камнемъ. Во многихъ каменныхъ курганахъ нашлись сожженныя человѣческія кости; очевидныхъ слѣдовъ погребенія не замѣчалось въ курганахъ, изслѣдованныхъ учеными; но крестьяне разсказываютъ о костякахъ, будто бы найденныхъ ими въ каменныхъ ящикахъ. Въ 9 курганахъ попадались исключительно бронзовые предметы. Но цѣлый рядъ находокъ точно доказываетъ, что эти каменные курганы строились вплоть до VIII столѣтія по Р. Х.

Къ пермо-уральской группѣ относится только одна находка въ сѣверномъ Тавастландѣ, двѣ находки (ліяла для кельтовъ, обломки горшковъ, каменная посуда) на рѣкѣ Улео и одна находка (ліяло для кельтовъ) на рѣкѣ Торнео. Кромѣ того въ Швеціи, въ Норландѣ, при Ликселѣ найденъ былъ кельтъ, формы уральской.

4. Докладъ д-ра Конвентца изъ Данцига: „*О живыхъ свидѣтеляхъ старины въ Прибалтійскомъ краѣ*".

Во время Съѣзда референтомъ найдены были въ окрестности Риги живые свидѣтели старины, а именно борти, т. е. деревья (преимущественно

старыя сосны) съ искусственно выбитыми дуплами для пчелиныхъ роевъ. Такія борти, распространенныя въ Средніе вѣка по всей Средней Европѣ, теперь встрѣчаются очень рѣдко. Двѣ борти нашлись въ долинѣ рѣки Аа при Гильгенсферѣ, 5 въ южной Курляндіи вблизи Якобштадта. Но самое большое число такихъ деревьевъ встрѣчается въ лѣсахъ имѣнія Дондангенъ въ сѣверной Курляндіи; тутъ по настоящее время существуетъ то же самое бортовое пчеловодство, какъ въ старину.

Другой свидѣтель старины—тисъ (taxus baccata), исчезающій постепенно въ нынѣшнее время. Сохранились только жалкіе остатки прежнихъ сплошныхъ лѣсовъ, состоящихъ изъ этого хвойнаго дерева. Тисовыя вѣтви всегда служили символомъ печали, боязни; поэтому ими украшали могилы, но и церкви и дома, въ чемъ референтъ лично убѣдился на островѣ Эзелѣ. Благодаря замѣчательной своей твердости тисовое дерево въ былое время составляло предметъ торговли. Такъ, напримѣръ, вывозили его изъ Россіи черезъ Эльбингъ въ Англію. Изготовлялись изъ него главнымъ образомъ луки. Но приписывали ему и лѣчебныя, и волшебныя свойства, особенно противъ укуса бѣшеныхъ собакъ. На латышской этнографической выставкѣ находится тисовая дощечка, служившая для этой цѣли. Референтъ высказалъ надежду, что найдутся средства для сохраненія этой живой старины, представляющей часть исторіи культуры.

Засѣданіе отдѣленія IV. Бытъ домашній, юридическій, общественный и военный. 12 августа утромъ.

Почетный предсѣдатель А. В. Лонгиновъ.

1. А. В. Лонгиновъ въ дополненіе къ докладу Д. И. Багалѣя „*О магдебургскомъ правѣ въ городахъ Южной и Западной Россіи*“ (см. стр. 291), сообщилъ, что по изслѣдуемымъ имъ нынѣ грамотамъ въ XIII и XIV вв. Можно прослѣдить постепенное введеніе въ Зап. и Южн. Россіи магдебургскаго права, борьбу нѣмецкаго и русскаго права, существованіе русскихъ обычаевъ подъ господствомъ нѣмецкаго права и конечную побѣду русскаго права благодаря устойчивости его въ обычаяхъ края.

2. М. П. Истоминъ прочелъ „*Объ осадѣ Риги царемъ Алексѣемъ Михаиловичемъ въ 1656 году*“. До 1561 г. Рига пользовалась почти полной автономіей, какъ во внутреннемъ управленіи, такъ и во внѣшнихъ сношеніяхъ. Передавшись Польшѣ, рижане имѣли причины къ недовольству на польскую администрацію; тѣмъ не менѣе они мужественно боролись со Швеціей и уступили лишь силѣ. Швеція лишь выжимала доходы съ завоеванной провинціи и даже не спѣшила съ помощью для защиты Риги противъ русскихъ. Для исторіи осады Риги докладчикъ пользовался запиской пастора Зонтага, напрасно опускаемой изъ виду историками. Зонтагъ свидѣтельствуетъ, что періодъ шведскаго владычества былъ тяжелъ для Ливоніи и для Риги въ

частности, что при русскомъ наступленіи небольшой шведскій гарнизонъ высказалъ безучастіе, а граждане, по примѣру шведской администраціи, стали покидать Ригу; что связь между классами была слаба: немногіе рыцари явились на защиту Риги, а крестьяне и совсѣмъ неохотно защищали ее; что лишь протестантское духовенство, имѣя прочныя связи съ протестантской Швеціей, проявляло большую энергію въ защитѣ Ливоніи. Алексѣй Михайловичъ, болѣе опасаясь сильной Швеціи, чѣмъ анархической Польши, со 100,000-нымъ войскомъ двинулся на Ригу и взялъ по пути рядъ крѣпостей. Осада (съ 22 августа по 5 октября 1656 г.) была неудачна по отсутствію флота, способныхъ инженеровъ и цѣльнаго плана кампаніи, а также вслѣдствіе поздняго времени года, убыли въ людяхъ и слуховъ о приближеніи помощи изъ Швеціи.

Д. А. Корсаковъ обратилъ вниманіе на недавно вышедшій выпускъ писемъ царя Алексѣя Михаиловича изъ ливонскихъ походовъ [1]).

З. Я. И. Лудмеръ прочелъ „*О русской и нѣмецкой генеалогической литературѣ*". Перечисливъ русскія родословные труды XVIII и XIX в., докладчикъ перешелъ къ балтійской родословной литературѣ, отмѣчая въ послѣдней существованіе большаго числа монографій, посвященныхъ родословіямъ отдѣльныхъ родовъ, и указывая на значеніе этой литературы для воспитанія въ нѣдрахъ семей добраго чувства рода: хранящаяся въ каждой семьѣ, какъ настольная книга, исторія рода, читаемая съ дѣтства, крѣпкимъ цементомъ сплачиваетъ многочисленныхъ членовъ рода и отдѣльныя его вѣтви, что и придаетъ нѣмецкой стихіи края крѣпость и стойкость. И несмотря на распространенность въ мѣстномъ обществѣ этого интереса къ родной старинѣ, здѣсь года три назадъ создалось Генеалогическое Общество съ цѣлью изысканій въ области фамильной исторіи „для укрѣпленія фамильнаго чувства". Въ интеллегентномъ русскомъ обществѣ, наоборотъ, обычно пренебреженіе къ своему родовому прошлому. Историческое самосознаніе, необходимое для великаго народа, не придетъ, если нѣтъ интереса къ судьбамъ собственныхъ предковъ. Желательно учрежденіе русскаго Родословнаго Общества для разработки исторіи отдѣльныхъ родовъ.

Д. А. Корсаковъ возразилъ, что цѣль генеалогическихъ изслѣдованій— правда, а не слава рода и что русская генеалогія должна имѣть свой особый характеръ и свои пріемы изложенія, ибо само русское дворянство отлично по характеру отъ западно-европейскаго: у насъ не было ни феодализма, ни рыцарства, а было служилое дворянство, жившее въ простотѣ деревенскаго быта. Особый интересъ у насъ представляетъ исторія ассимиляціи пришлыхъ родовъ и изслѣдованіе вліянія ихъ на складъ русскаго дворянства и русской жизни. Въ Петербургѣ и Москвѣ возбуждена уже мысль объ основаніи Родословнаго Общества.

---

[1]) См. стр. 260.

3. Свящ. С. Е. Звѣревъ прочелъ докладъ: *„Слѣды христіанства на Дону въ до Монгольскій періодъ“*.

О времени распространенія христіанства на Дону до XII вѣка есть только косвенныя извѣстія (раннее заселеніе Придонскаго края славянами; сосѣдство съ епархіями Черниговской и Рязанской; давность христіанства въ Крыму и на югѣ Россіи вообще; грамоты XIV в. митрополитовъ Ѳеогноста и Алексѣя на Червленый Яръ, бросающія свѣтъ на время домонгольское); однако ихъ достаточно для убѣжденія въ томъ, что христіанство на Дону существовало уже въ домонгольское время. Къ этому выводу пришелъ и проф. Е. Е. Голубинскій, утверждающій, что значительная часть нынѣшней Воронежской губерніи входила въ составъ обширной тогда епархіи черниговской. Письменныя указанія подтверждаются вещественными находками, напр., въ Цимлянскомъ городищѣ: разнаго рода крестики находимы были на ряду съ вещами быта языческаго, до-христіанскаго (референтъ представилъ рисунокъ нѣкоторыхъ древностей).

Ю. А. Кулаковскій замѣтилъ, что христіанство въ Придонскомъ южномъ краѣ могло отчасти распространяться изъ земли аланъ, давнишнихъ христіанъ православнаго греческаго исповѣданія, не разъ приходившихъ на Донъ изъ Прикавказья. Д. И. Иловайскій указалъ, что къ мѣстности Цимлянскаго городища можетъ быть пріуроченъ городъ Орна или Орначъ, разрушенный татарами въ XIV в.; къ тому же приблизительно мѣсту можетъ быть относимъ одинъ городъ, упоминаемый въ Герберштейновомъ описаніи Московскаго государства.

4. А. И. Кирпичниковъ предложилъ докладъ: *„Къ литературной исторіи лѣтописныхъ сказаній“*.

Лѣтописныя сказанія давно изучаются не только съ исторической, но и съ литературной точки зрѣнія, какъ произведенія народной поэзіи. Рядомъ со сказаніями начальной русской лѣтописи по ея древнимъ спискамъ должны быть изучаемы и позднѣйшія ихъ передѣлки, въ которыхъ простыя изящныя сказанія начальной лѣтописи являются сильно измѣненными, разукрашенными, распространенными болѣе или менѣе удачно, смотря по литературнымъ вкусамъ перескащиковъ. Референтъ привелъ нѣсколько примѣровъ дополненныхъ и измѣненныхъ позже лѣтописныхъ сказаній (изъ лѣтописца Переславля Суздальскаго, изъ Степенной книги, изъ Новгородскихъ позднихъ лѣтописей, изъ сочиненія Каменевича Рвовскаго и пр.). Перескащики лѣтописныхъ сагъ пользовались разнообразными источниками и давали волю своей фантазіи, работавшей по общимъ законамъ эпическаго творчества, но притомъ сохраняли извѣстнаго рода почтеніе къ тексту начальной лѣтописи; во всякомъ случаѣ поздніе пересказы, если они имѣютъ въ себѣ мало историческихъ крупицъ, а больше тенденціозности и вымысловъ, сохраняютъ значеніе литературное. Въ заключеніе проф. Кирпичниковъ обратилъ вниманіе членовъ Съѣзда на книгу его покойнаго друга, Ѳ. А. Гилярова, подъ заглавіемъ

„Преданія русской начальной лѣтописи"; она была напечатана еще въ 1878 году, но доселѣ остается не опубликованною, тогда какъ книга есть плодъ многолѣтнихъ трудовъ автора и содержитъ весьма обильный матеріалъ историко-литературный.

Засѣданіе смѣшанное. 12 августа въ 12 часовъ.

Почетный предсѣдатель: П. В. Владиміровъ.

1. Докладъ В. И. Петра „*Объ гармоническомъ складѣ праарійской пѣсни*".

На основаніи сообщеній музыкальныхъ теоретиковъ и историковъ Греціи, Индіи, Персіи и Арабіи, а также сравнительнаго изученія старинныхъ пѣсенъ индійскихъ, персидскихъ, арабскихъ, далѣе бретонскихъ, ирландскихъ, шотландскихъ, литовскихъ, латышскихъ, славянскихъ, главнымъ образомъ русскихъ, а также дошедшихъ до насъ памятниковъ греческой музыки, приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Въ основаніи гармоническаго строя праарійской пѣсни лежалъ интервалъ кварты, пополнявшійся постепенно въ трихорды и тетрахорды, изъ которыхъ затѣмъ составлялись болѣе обширные звукоряды. 2) Въ мелодіи праарійской пѣсни преобладалъ одинъ характерный звукъ, къ которому она постоянно возвращалась и имъ оканчивалась. 3) Въ праарійской музыкѣ звуки принадлежали къ разряду натуральныхъ звуковъ, которые слышатся въ такъ называемыхъ верхнихъ звукахъ (Obertöne Гельмгольца), въ отличіе отъ современнаго темперованнаго строя. 4) Мелодія праарійской пѣсни двигалась впередъ преимущественно небольшими скачками или интервалами; интервалъ септимы, составляющій въ нашей музыкѣ такъ называемый вводный тонъ (Leitton) и не встрѣчающійся въ числѣ верхнихъ тоновъ, былъ совершенно исключенъ. Зато были въ употребленіи болѣе мелкіе интервалы, чѣмъ полутоны, т. е. четверти тона какъ наименьшіе интервалы. 5) Въ праарійской пѣсни мелодія, ритмъ и слова были между собою неразрывно связаны. Пѣсни исполнялись хоромъ унисоно, равно какъ и музыкальный инструментъ сопровождалъ пѣсню также унисоно.

Такъ какъ многіе изъ приведенныхъ характерныхъ особенностей встрѣчаются въ пѣсняхъ *не-арійскихъ* народностей Азіи, окружающихъ подгималайскую возвышенность, именно: малайцевъ, китайцевъ, японцевъ, монголовъ, татаръ, киргизовъ, калмыковъ, то очевидно, что здѣсь произошло заимствованіе, которое можетъ быть объяснено близкимъ сосѣдствомъ праарійцевъ съ названными не-арійскими народами. Мѣсто прародины праарійцевъ, слѣдовательно, нужно искать въ центрѣ того круга, который образуютъ выше названные не-арійскіе народы, т. е. тамъ, гдѣ его искали первые насадители сравнительнаго языкознанія.

2. Б. А. Тураевъ: „*Вопросъ о финикіянахъ въ Балтійскомъ морѣ*".

Вопросъ о предѣлахъ финикійскихъ морскихъ экспедицій — одинъ изъ

наиболѣе темныхъ пунктовъ исторіи древняго міра. Въ данномъ случаѣ онъ еще болѣе затрудняется вслѣдствіе недостаточныхъ литературныхъ указаній. Сообразно этому оба знаменитыхъ изслѣдователя Финикіи—какъ Бохартъ, такъ и Моверсъ, совершенно уклоняются отъ его рѣшенія. Иначе поступали многіе изъ прибалтійскихъ ученыхъ и уже въ прошломъ столѣтіи накопился матеріалъ для полемики по этому поводу; даже знаменитый Геренъ раздѣлялъ мнѣніе о непосредственныхъ сношеніяхъ финикіянъ съ берегами Балтійскаго моря, а Рутемонтъ даже составилъ хронологію этихъ сношеній. Кромѣ того, шведскій ученый Нильсонъ, на основаніи найденныхъ въ Швеціи и Мекленбургѣ бронзовыхъ предметовъ и скульптуръ, нашелъ возможнымъ представить подробную исторію финикійскихъ колоній балтійскихъ береговъ. Редслобу, Садовскому и Генте наука обязана изслѣдованіемъ сухопутныхъ торговыхъ путей древняго міра, болѣе научной классификаціей вещественныхъ памятниковъ и указаніемъ на роль въ торговлѣ янтаремъ, помимо финикіянъ, другихъ народовъ, особенно этрусковъ. Изъ древнихъ авторовъ Авіенъ, пользовавшійся финикійскими источниками, даетъ описаніе морскаго берега только до Нѣмецкаго моря и прибавляетъ, что до Британскихъ острововъ доходили кароагеняне, Имильконъ же ѣхалъ до нихъ 4 мѣсяца. Съ этимъ согласна вообще древняя литература: вообще при отсутствіи физической невозможности появленія въ Балтійскомъ морѣ кароагенянъ, нѣтъ для этого исторической необходимости, какая побудила, напр., финикіянъ принять участіе въ замыслѣ Нехао объѣхать Африку. Ихъ могъ привлекать только янтарь, но онъ въ то время находился еще въ изобиліи и на западѣ отъ Ютландіи и, при томъ, въ кароагенскую эпоху, не былъ предметомъ особеннаго спроса на берегахъ Средиземнаго моря. Что касается древнихъ финикіянъ, то ихъ эпоха, дѣйствительно, совпадаетъ съ тѣмъ временемъ, когда янтарь цѣнился, если не на Востокѣ (находимый въ Египтѣ рѣдокъ и не изслѣдованъ; изъ Библіи нельзя дѣлать выводовъ; теорія Опперта объ янтарѣ въ Ассиріи не выдерживаетъ критики), то въ Греціи (находка Шлимана). Являются вопросы: а) какимъ образомъ велась торговля янтаремъ? б) принимали ли въ ней участіе финикіяне? Вся древность указываетъ на рѣку Эриданъ, при чемъ послѣдняя является довольно неопредѣленной величиной, вызывая на предположеніе о семитическомъ происхожденіи ея имени. Сухопутные пути между Балтійскимъ моремъ и Средиземнымъ легко прослѣдить и констатировать при этомъ на нихъ янтарь и памятники юга, его покупавшаго, но все это относится уже къ греческому періоду, хотя, конечно, могло быть и раньше. Въ пользу морской торговли янтаремъ чрезъ посредство финикіянъ могутъ говорить: а) упоминаніе его вмѣстѣ съ оловомъ; б) разсказы объ Эриданѣ; в) разсказъ Эвлея въ XV пѣсни Одиссеи, гдѣ слово, соотвѣтствующее нашему „янтарь“, хотя и стоитъ въ косвенномъ падежѣ, но, по единогласному увѣренію всѣхъ филологовъ и знатоковъ древняго искусства, можетъ означать именно его, а не сплавъ золота и серебра.

Физико-химическія изслѣдованія Helm'а въ Данцигѣ доказали, что микенскія и италійскія бусы сдѣланы изъ балтійскаго янтаря. Такимъ образомъ ясно, что уже въ это отдаленное время наше побережье находилось въ сношеніяхъ, хотя бы косвенныхъ, съ культурнымъ міромъ.

Отдѣленіе I. Древности первобытныя. 12 августа 1 ч. дня.

Почетный предсѣдатель: В. З. Завитневичъ.

1. Ѳ. В. Покровскій представилъ сообщеніе на тему: *„Къ изслѣдованію кургановъ на литовско-бѣлорусскихъ окраинахъ"*.

Непосредственный предметъ сообщенія составляютъ одиннадцать курганныхъ группъ, расположенныхъ, на пространствѣ трехсотъ приблизительно квадратныхъ верстъ въ юго-восточной части Свенцянскаго уѣзда. Всѣхъ кургановъ насчитывается здѣсь до четырехсотъ, а средняя величина группы опредѣляется въ 28 кургановъ. Въ одной группѣ, будранской, кромѣ кургановъ, наблюдаются небольшія кольцеобразныя насыпи—валы, которые, по всей вѣроятности, имѣли значеніе приспособленій для погребальной тризны. Со стороны внѣшней формы изслѣдуемые курганы могутъ быть подведены подъ три категоріи: большіе сферическіе курганы, курганы коническіе и малые сферическіе. Большинство кургановъ окружено то кольцеобразными (съ перерывами) рвами, то круглыми или овальными ямами, а на многихъ изъ сферическихъ кургановъ по бокамъ наблюдается каменная обкладка. Кромѣ того, на вершинѣ многихъ, преимущественно малыхъ сферическихъ кургановъ замѣтны небольшія углубленія, образовавшіяся, по всей вѣроятности, вслѣдъ за самымъ возведеніемъ кургановъ. Наблюдаемый во всѣхъ почти курганахъ обрядъ погребенія—трупосожженіе, именно: прахъ сожигался на кострѣ внѣ кургана, и остатки праха вмѣстѣ съ уцѣлѣвшими предметами личнаго наряда и обиходными переносились на мѣсто предполагаемаго кургана, гдѣ они и помѣщаются чаще на грунтѣ и рѣже въ грунтовой ямѣ. Сожженіе личнаго праха въ нѣкоторыхъ случаяхъ сопровождалось погребеніемъ коня. Во многихъ курганахъ, кромѣ главнаго погребальнаго пятна, совпадающаго обыкновенно съ центромъ курганнаго основанія, наблюдается иногда по нѣскольку второстепенныхъ погребеній (большею частью женскихъ, судя по вещамъ) въ готовомъ уже курганѣ.

Изъ вещей, для малыхъ сферическихъ кургановъ наиболѣе характерны желѣзные римскія фибулы и такія же кренделевидныя пряжки, нагрудныя въ формѣ щипцовъ подвѣски, желѣзные эмблематическіе серпы и умбоны. Топоры и пики, составляющіе принадлежность обѣихъ категорій сферическихъ кургановъ, въ этихъ малыхъ курганахъ характеризуются: топоры—исключительно узкоклинковою формою, а пики — небольшими сравнительно размѣрами. По отношенію къ большимъ сферическимъ курганамъ наиболѣе обычными находками, кромѣ упомянутыхъ сейчасъ пикъ и топоровъ, оказы-

ваются бронзовые шейные обручи, такія же подкововидныя пряжки, а также нагрудныя привѣски, бронзовые, простѣйшей формы браслеты и перстни, и вообще предметы личныхъ украшеній, характеризующіе позднѣйшій для прибалтійскихъ странъ археологическій періодъ. Характернѣйшіе предметы коническихъ кургановъ—желѣзные обычной формы серпы и такія же удила и стремена, и вообще принадлежности конскаго убора.

Въ виду сходства обряда погребенія и большинства находокъ съ однородными предметами изъ кургановъ завѣдомо литовскихъ, и эти курганы должны быть признаны литовскими. Малые сферическіе—можно отнести къ VI—VIII вѣкамъ нашей эры, время же происхожденія остальныхъ кургановъ падаетъ на позднѣйшій для нашихъ мѣстъ археологическій періодъ.

2. В. Б. Антоновичъ: *„Попытка группировки городищъ по ихъ контурамъ въ бассейнѣ Днѣпра“*.

Въ общемъ на городища обращалось до сихъ поръ сравнительно мало вниманія и мало занимались распредѣленіемъ ихъ по типамъ. Считая сортировку городищъ по находкамъ или путемъ раскопки не дающей желаемыхъ результатовъ, референтъ предлагаетъ свой методъ—наблюденіе надъ контурами, сличеніе съ доисторическими курганами, сопоставленіе съ лѣтописными указаніями. При помощи этого метода референтъ сдѣлалъ обзоръ городищъ въ бассейнѣ средняго Днѣпра. Древнѣйшій типъ—*городища-майданы*, время и назначеніе коихъ до сихъ поръ не выяснено. Слѣдующій типъ—городища *циркулярныя*, съ круглымъ или овальнымъ валомъ, внутренняя площадь представляетъ выпуклость; объ этихъ городищахъ нѣтъ лѣтописныхъ указаній, но они находятся въ связи съ курганами, и ихъ можно считать первоначальными славянскими городищами. За этимъ типомъ слѣдуютъ *княжескія* городища—до половины XIII в., отличительная черта ихъ—валы, расположенные концентрически; референтъ придаетъ имъ названіе княжескихъ на томъ основаніи, что по лѣтописнымъ даннымъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ въ настоящее время городища, въ XI—XII вв. существовали города. Приведши нѣсколько примѣровъ, относящихся къ данному случаю, референтъ перешелъ къ слѣдующему еще болѣе новому типу; это *городища литовскаго времени* — съ начала XV в., когда вводится уже огнестрѣльное оружіе; бока такихъ городищъ выпрямлены, по угламъ находятся круглые выступы; указавъ одно изъ такихъ городищъ, именно Караулъ, построенный Витовтомъ, референтъ закончилъ характеристику городищъ городищами послѣдняго времени—XVI, XVII и XVIII вв.; они прямолинейны, съ бастіонами по угламъ, ихъ извѣстно много (напр., въ м. Бѣлой Церкви и въ Кадаки).

3. И. Н. Смирновъ: *„Дмитріевскій могильникъ Елабужскаго уѣзда“*.

Референтъ сообщилъ о раскопкѣ въ 1895 г. одной и, кажется, послѣдней могилы открытаго въ 1892 г. членомъ Московскаго Археологическаго Общества Ф. Д. Нефедовымъ могильника бронзоваго или мѣднаго вѣка.

Ногами на Ю., къ Камѣ, головой на С., на глубинѣ 12—16 вершковъ

подъ слоемъ мусора и угля, накопившагося послѣ пожара, который уничтожилъ стоявшіе на береговой терассѣ Камы дома, найденъ былъ женскій костякъ. Трупъ былъ положенъ на спину, лицемъ вверхъ, на лбу уцѣлѣло нѣсколько бляшекъ, украшавшихъ рядами повязку-діадему, которая закрѣплялась, повидимому, у основанія косы. Около груди по обѣ стороны находились бараньи лопатки—остатки жертвы. Принадлежность могилы бронзовому, или мѣдному, вѣку устанавливается нахожденіемъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ могилы въ томъ же горизонтѣ черепа съ двумя бронзовыми (или мѣдными) кельтами—не говоря уже о свѣдѣніяхъ отъ г. Нефедова.

Изложивши фактическую сторону своего сообщенія, референтъ на основаніи имѣющихся въ мѣстной литературѣ извѣстій выразилъ предположеніе, что бронзовыя или мѣдныя орудія и украшенія шли въ Дмитріевское, какъ и на все правобережье Камы до Перми, изъ степей Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областей, гдѣ древніе насельники разработывали залегавшіе въ верхнихъ горизонтахъ степи мѣдныя руды. О времени, позже котораго нельзя датировать камскія бронзовыя или мѣдныя орудія, можно судить по тому, что районъ древнихъ мѣдныхъ копей совпадаетъ съ территоріей массагетовъ, которые въ эпоху Геродота не знали иныхъ орудій, кромѣ мѣдныхъ.

4. Ю. А. Кулаковскій сдѣлалъ сообщеніе: „*О раскопкахъ Крымскихъ кургановъ лѣтомъ 1896 г.*“. Раскопки, произведенныя докладчикомъ лѣтомъ текущаго года, были продолженіемъ прежнихъ его работъ и преслѣдовали цѣль систематизировать данныя, добытыя относительно Крыма въ прежнее время разными изслѣдователями. Территоріей ихъ была мѣстность на югъ отъ Бахчисарая, точнѣе: пространство между нижнимъ теченіемъ рѣкъ Качи и Бельбека (южнѣе Бельбека уже нѣтъ кургановъ). Разрытые курганы обнаружили погребенія двухъ типовъ, принадлежащія, повидимому, одному и тому же населенію. Первый типъ—могилы, углубленныя въ материкѣ (размѣры ямы: 2 арш. длины и около $1^1/_2$ арш. ширины и глубины) и покрытыя деревомъ и рѣже камнемъ. Костякъ, большею частью красный, лежитъ на подстилкѣ изъ рѣчнаго камня или прямо на землѣ, съ поджатыми ногами, головой на СВ (съ отклоненіями въ ту и другую сторону). Краска (охра) часто лежитъ на землѣ въ видѣ тонкаго слоя или иногда цѣлыхъ кусковъ. Изъ предметовъ въ гробницахъ этого рода встрѣчаются только горшки грубой работы, безъ помощи гончарнаго колеса, и изрѣдка кремневыя орудія или ихъ обломки. Бронза встрѣчается только какъ украшеніе, въ видѣ тонкихъ пластинокъ, нашитыхъ, повидимому, на кожу. Другой типъ могилъ — каменные склепы, которые были воздвигаемы на готовыхъ курганахъ, заключавшихъ въ себѣ могилы перваго типа и получавшихъ послѣ того присыпку. Склепы сооружены изъ четырехъ большихъ плитъ, пригнанныхъ одна къ другой, которыя закрыты пятой; изнутри они украшены линейнымъ орнаментомъ (чередующіяся красныя и черныя полосы

въ сходящихся угломъ или округлыхъ линіяхъ). Размѣры склеповъ — такіе же, какъ и гробницъ перваго типа. Костяки, часто окрашенные, лежатъ также на подстилкѣ изъ рѣчнаго камня съ поджатыми ногами, въ томъ же направленіи. Встрѣчаются случаи погребенія въ сидячемъ положеніи и два костяка въ одномъ склепѣ. Изъ предметовъ находимы были горшки, кремневыя орудія и плоскіе бронзовые наконечники копій. Большинство кургановъ всей площади Крыма на югъ отъ Симферополя содержитъ гробницы этихъ двухъ типовъ; обиліе ихъ свидѣтельствуетъ о продолжительности пребыванія въ этихъ предѣлахъ населенія съ этой бѣдной культурой. Типъ этотъ, какъ извѣстно, идетъ далеко на сѣверъ отъ Крыма и принадлежитъ, повидимому, населенію, которое застали здѣсь скиѳы въ своемъ движеніи съ востока. Заключить это можно изъ того, что самыя нижнія впускныя гробницы, т. е. древнѣйшія, встрѣчающіяся въ этихъ курганахъ, могутъ быть съ увѣренностью усвоены скиѳамъ. Въ виду этого докладчикъ предлагалъ установить за этими типами погребенія наименованіе *киммерійскихъ*. Въ своемъ сообщеніи докладчикъ демонстрировалъ черепа и кости изъ раскопанныхъ имъ кургановъ, а также и образцы глиняной посуды.

Засѣданіе отдѣленія XI. Памятники археографическіе. 12 августа дневное.

Почетный предсѣдатель Ю. Ѳ. Крачковскій.

1. Д. И. Багалѣй указалъ на три рукописныхъ книги in folio, переданныя ему предсѣдателемъ мѣстнаго окружнаго суда, г. Максимовичемъ, и разсмотрѣнныя имъ вмѣстѣ съ секретаремъ отдѣленія А. И. Фейерэйзеномъ: а) „Желтая книга“ лифляндскаго хофгерихта (высшей мѣстной судебной инстанціи) содержитъ документы съ 1621 — 1673 г., а именно уставы, инструкціи и резолюціи по судебнымъ дѣламъ; въ томъ числѣ есть и такіе, которые подписаны собственноручно Густавомъ Адольфомъ и Христиною Шведской. б) „Черная книга“ лифляндскаго хофгерихта содержитъ копіи резолюцій шведскихъ королей и другихъ правителей на его рѣшенія, судебныхъ уставовъ и т. п. съ начала XVII в. до конца XVIII в.; есть и одинъ документъ на русскомъ языкѣ—рѣшеніе на пункты лифляндскаго дворянства 1712 г. в) Шведское земельное право короля Карла IX, въ переводѣ на нѣмецкій языкъ Филиппа Крузштерна въ 1648 г. (оно было напечатано уже въ 1618 г.); значенія не имѣетъ. Желательно, чтобы эти книги, составляющія лишь случайное явленіе въ составѣ документовъ окружнаго суда, были бы переданы въ учрежденіе, гдѣ бы ими могли пользоваться для научной цѣли.

2. Г. Дидерихсъ прочелъ докладъ: „*Герцогскій Архивъ въ Митавѣ*“.

Съ 1561 по 1701 г. Архивъ, увезенный Кетлеромъ изъ Риги, перемѣщался десять разъ, скитаясь между Митавой, Стокгольмомъ, Ригой, Ивангородомъ, причемъ въ Стокгольмѣ съ 1612 года осталась древнѣйшая (орденская) часть его, открытая тамъ лишь въ наши дни бар. Толлемъ и прикѣ-

ненная къ изслѣдованіямъ Ширреномъ. Съ 1772 г. Архивъ водворенъ въ новомъ герцогскомъ замкѣ, но и здѣсь судьба его преслѣдовала: проламывалась крыша, проваливался полъ, и архивъ летѣлъ въ погребъ; горѣлъ замокъ, и бумаги выбрасывались во дворъ. Въ 1795 г. герцогъ Петръ, при отреченіи, увезъ съ собой въ Саганъ бумаги своего времени и за вторую половину правленія отца. Въ 1797 г. по сенатскому указу бумаги спѣшно раздѣлены между высшимъ судомъ (судебные акты), камеральной палатой (финансы) и губернскимъ правленіемъ (политика). Камеральная палата позднѣе продала свою часть на макулатуру. Политическая часть сильно пострадала въ 1812 г., когда въ Архивѣ помѣстился лазаретъ прусскихъ войскъ. Въ первой половинѣ XIX вѣка Архивъ былъ въ такомъ хаотическомъ состояніи, что Крузе считалъ пользованіе имъ невозможнымъ. Съ 1840 г. курляндское дворянство начало заботиться о приведеніи Архива въ порядокъ и позднѣе устроило шкафы; въ 1857 г. бар. Альфонсъ фонъ Гейкингъ, безмездно принялся за первоначальное упорядоченіе Архива; въ 1865 году онъ же хлопоталъ о передачѣ Архива Курляндскому Обществу Литературы и Искусства, министръ Валуевъ не отклонилъ ходатайства Общества, но осуществить его не довелось. Названное Общество оказало важную услугу Архиву, поручивъ въ 1872 г. разработку его д-ру Шиману (нынѣ проф. въ Берлинѣ), который и привелъ Архивъ въ нѣкоторый порядокъ. Съ тѣхъ поръ Архивомъ неоднократно пользовались и мѣстные, и иностранные ученые. Ссылаясь на Шимановы Historiche Darstellungen und Archivalische Studien, докладчикъ указываетъ, что Архивъ, представляя огромный интересъ для исторіи Курляндіи, гораздо менѣе интересенъ для исторіи Россіи [1]). Въ виду всего, что сдѣлано для Архива курляндскимъ дворянствомъ, докладчикъ проситъ Съѣздъ ходатайствовать передъ правительствомъ о передачѣ Герцогскаго Митавскаго Архива курляндскому дворянству.

Д. А. Корсаковъ указалъ, что было бы весьма желательнымъ привлечь Курляндское Общество Литературы и Искусства къ ученой разработкѣ Архива, но внѣшняя администрація послѣдняго должна остаться у того правительственнаго учрежденія, въ вѣдѣніи коего Архивъ находится нынѣ.

По предложенію графини Уваровой постановлено передать вопросъ въ Совѣтъ Съѣзда для продолженія начатаго уже ходатайства.

3. Докладъ Д. И. Багалѣя: *„Роль Харьковскаго университета въ дѣлѣ изученія древностей“*. Археологи пока лишь случайно пользуются археографическими данными, между тѣмъ какъ было бы необходимо систематическое извлеченіе ихъ изъ такихъ источниковъ, какъ писцовыя книги, путешествія по Россіи XVIII и начала XIX вв. и т. п. Они бы пополнили наши пробѣлы по части исторіи находокъ, а безъ этой послѣдней невозможна науч-

---

[1]) О содержаніи Герцогскаго Архива см. статью г. Лудмера въ Трудахъ Предвар. Комитета Рижскаго Съѣзда, вып. 1.

вахъ новыхъ документовъ касательно жизни и дѣятельности Юрія Крижанича, изложилъ содержаніе ихъ, привелъ находящіяся въ нихъ біографическія данныя объ этомъ дѣятелѣ XVII вѣка и передалъ in extenso содержаніе неизвѣстного доселѣ сочиненія Крижанича—его „Сербскаго письма" (1659 г.), въ которомъ авторъ касается различныхъ вопросовъ: о написаніи титла царя въ грамотахъ, о библіотекѣ, о грамматикѣ и лексиконѣ, о Библіи и пр. Въ концѣ референтъ коснулся вопроса объ источникахъ для изученія факта ссылки Крижанича въ Сибирь.

Засѣданіе отдѣленія I. Древности первобытныя. 13 августа дня.

Почетный предсѣдатель П. Н. Смирновъ.

1. В. Д. Бокъ сообщилъ о своихъ опытахъ примѣненія способа Крефтинга для сохраненія металлическихъ древностей (см. стр. 300), предложилъ членамъ Съѣзда брошюры д-ра Аппельгрена подъ заглавіемъ „Kreftings Methode für Reinigung und Konservierung von Metallgegenständen. Mit Zusätzen und Anweisungen von Dr. Hjalmar Appelgren. Helsingfors, 1896" и представилъ нѣсколько желѣзныхъ и бронзовыхъ вещей, очищенныхъ по способу Крефтинга, причемъ оказывается, что пригодными для обработки являются вещи сравнительно хорошо сохранившіяся и не слишкомъ изъѣденныя ржавчиной.

1. Д. Н. Анучинъ прочиталъ „*Отчетъ о раскопкахъ рязанскихъ кургановъ лѣтомъ 1896 г.*", доставленный П. Н. Милюковымъ.

Упомянувъ о томъ, что до сихъ поръ въ Рязанской губ. можно было различить четыре типа кургановъ, П. Н. Милюковъ останавливается особенно на томъ типѣ, который характеризуется въ женскихъ могилахъ присутствіемъ височныхъ семилепестныхъ подвѣсокъ, а въ мужскихъ — особаго желѣзнаго орудія (неизвѣстнаго назначенія), иногда вложеннаго въ ножны и снабженнаго у верхняго конца (рукоятки) кольцомъ. Курганы этого типа были встрѣчены нынѣшнимъ лѣтомъ въ нѣсколькихъ группахъ въ Зарайскомъ уѣздѣ. Погребенія большею частію одиночныя, иногда двойныя (мужчина и женщина или женщина съ ребенкомъ), въ неглубокихъ ямахъ, со слѣдами коры или луба вокругъ костяка и подстилки изъ песку или золы, съ головами, обращенными на западъ, съ горшкомъ въ ногахъ и съ слоемъ угля на извѣстной высотѣ надъ костякомъ въ курганѣ, повидимому, остатки тризны. Украшеніе женскихъ могилъ, кромѣ височныхъ подвѣсокъ, состоитъ изъ шейныхъ обручей, ожерелей изъ бусъ (продолговатыхъ сердоликовыхъ, круглыхъ стеклянныхъ, синихъ и т. д.), металлическихъ гладкихъ кружковъ, а въ другихъ случаяхъ—еще крестовъ (въ одномъ курганѣ найдены были двѣ литыхъ свастики). На рукахъ были витые браслеты, на пальцахъ кольца, у пояса пряжки. Мужчины отличались ростомъ выше средняго; черепъ костяковъ большею частію субдолихоцефальный, остатки волосъ—темнорусые (въ

болѣе древнихъ могильникахъ той же губерніи они черные). Найдены были еще остатки шерстяныхъ тканей и парчи съ узоромъ, повидимому, византійскаго происхожденія, что вмѣстѣ съ крестами указываетъ на XI в. П. Н. Милюковъ приводитъ затѣмъ свѣдѣнія о нахожденіи семилепестныхъ височныхъ подвѣсокъ и о распространеніи вообще того же вида погребеній. Курганы этого типа идутъ на востокъ до Рязани (расположенные западнѣе рубцовскіе курганы относятся уже къ иному типу), на сѣверъ до границы Московской губ. съ Тверскою, на югъ и западъ до Тульской, Калужской, Смоленской и Мстиславскаго уѣзда Могилевской. Изъ этого распространенія П. Н. Милюковъ выводитъ заключеніе, что означенные курганы принадлежали кривичамъ и свидѣтельствуютъ о послѣдовательномъ разселеніи этого славянскаго племени.

2. А. И. Черепнинъ прочелъ *„О рязанско-окскихъ могильникахъ и преимущественно о находимыхъ въ нихъ женскихъ украшеніяхъ“*.

За послѣднія восемь лѣтъ въ Рязанской губерніи, по берегамъ Оки открыто шесть древнихъ могильниковъ, однородныхъ по времени образованія и культурѣ. Часть могильниковъ: Борковскій, Кузьминскій и Курманскій, уже изслѣдованы. Добытые изъ нихъ матеріалы представляютъ своеобразную и богатую культуру, охватывавшую, повидимому, обширную территорію: принимая площадь бассейна средней Оки за ея центръ, она, какъ кажется, направлялась къ С.-В. до береговъ Волги и на Ю. до средняго теченія Дона. Въ названныхъ могильникахъ найдено два вида погребеній: обыкновенное и погребеніе съ предварительнымъ трупосожженіемъ. Въ одномъ изъ бугровъ Борковскаго могильника было найдено 5 могилъ съ погребеніемъ въ сидячемъ положеніи. Обыкновенныя погребенія преобладали, составляя отъ 85% до 93% изъ общаго числа всѣхъ вскрытыхъ могилъ, тогда какъ трупосожженія колебались между 7% и 15%. Погребенія совершались безъ колодъ и гробовъ; ограничивались или подкладкою луба подъ умершаго, или обвертывали лубомъ все тѣло; въ ногахъ или въ головахъ ставили горшки; при мужскихъ костякахъ постоянно находилось оружіе: копья, дротики, топоры, рѣже мечи и стрѣлы. Мужчины щеголяли поясами, украшенными бляшками, серебряными гривнами, иногда носили браслеты и кольца. Украшенія женскія отличались чрезвычайнымъ разнообразіемъ и пестротою. Населеніе, оставившее эти могильники, вошло въ составъ великорусскаго народа и потому изученіе этихъ могильниковъ представляетъ большой интересъ.

3. Н. Ѳ. Бѣляшевскій *„Объ изслѣдованіи стоянокъ неолитической эпохи“*.

Рѣферентъ, указавъ на многочисленность стоянокъ, расположенныхъ по берегамъ рѣкъ, озеръ на песчаныхъ буграхъ, остановился на важности *систематичности* въ изслѣдованіяхъ, такъ какъ послѣднія, веденныя этимъ путемъ, могутъ дать указанія на географическое распространеніе стоянокъ, собрать данныя объ ихъ количествѣ, и такая статистика представляется весьма важной, давая намъ возможность дѣлать выводы о количествѣ и

вахъ новыхъ документовъ касательно жизни и дѣятельности Юрія Крижанича, изложилъ содержаніе ихъ, привелъ находящіяся въ нихъ біографическія данныя объ этомъ дѣятелѣ XVII вѣка и передалъ in extenso содержаніе неизвѣстного доселѣ сочиненія Крижанича—его „Сербскаго письма" (1659 г.), въ которомъ авторъ касается различныхъ вопросовъ: о написаніи титла царя въ грамотахъ, о библіотекѣ, о грамматикѣ и лексиконѣ, о Библіи и пр. Въ концѣ референтъ коснулся вопроса объ источникахъ для изученія факта ссылки Крижанича въ Сибирь.

Засѣданіе отдѣленія I. Древности первобытныя. 13 августа днемъ.

Почетный предсѣдатель И. Н. Смирновъ.

1. В. Д. Бокъ сообщилъ о своихъ опытахъ примѣненія способа Крефтинга для сохраненія металлическихъ древностей (см. стр. 300), предложилъ членамъ Съѣзда брошюры д-ра Аппельгрена подъ заглавіемъ „Kreftings Methode für Reinigung und Konservierung von Metallgegenständen. Mit Zusätzen und Anweisungen von Dr. Hjalmar Appelgren. Helsingfors, 1896" и представилъ нѣсколько желѣзныхъ и бронзовыхъ вещей, очищенныхъ по способу Крефтинга, причемъ оказывается, что пригодными для обработки являются вещи сравнительно хорошо сохранившіяся и не слишкомъ изъѣденныя ржавчиной.

1. Д. Н. Анучинъ прочиталъ „*Отчетъ о раскопкахъ рязанскихъ кургановъ лѣтомъ 1896 г.*", доставленный П. Н. Милюковымъ.

Упомянувъ о томъ, что до сихъ поръ въ Рязанской губ. можно было различить четыре типа кургановъ, П. Н. Милюковъ останавливается особенно на томъ типѣ, который характеризуется въ женскихъ могилахъ присутствіемъ височныхъ семилепестныхъ подвѣсокъ, а въ мужскихъ—особаго желѣзнаго орудія (неизвѣстнаго назначенія), иногда вложеннаго въ ножны и снабженнаго у верхняго конца (рукоятки) кольцомъ. Курганы этого типа были встрѣчены нынѣшнимъ лѣтомъ въ нѣсколькихъ группахъ въ Зарайскомъ уѣздѣ. Погребенія большею частію одиночныя, иногда двойныя (мужчина и женщина или женщина съ ребенкомъ), въ неглубокихъ ямахъ, со слѣдами коры или луба вокругъ костяка и подстилки изъ песку или золы, съ головами, обращенными на западъ, съ горшкомъ въ ногахъ и съ слоемъ угля на извѣстной высотѣ надъ костякомъ въ курганѣ, повидимому, остатки тризны. Украшеніе женскихъ могилъ, кромѣ височныхъ подвѣсокъ, состоятъ изъ шейныхъ обручей, ожерелей изъ бусъ (продолговатыхъ сердоликовыхъ, круглыхъ стеклянныхъ, синихъ и т. д.), металлическихъ гладкихъ кружковъ, а въ другихъ случаяхъ—еще крестовъ (въ одномъ курганѣ найдены были двѣ литыхъ свастики). На рукахъ были витые браслеты, на пальцахъ кольца, у пояса пряжки. Мужчины отличались ростомъ выше средняго; черепъ костяковъ большею частію субдолихоцефальный, остатки волосъ—темнорусые (въ

болѣе древнихъ могильникахъ той же губерніи они черные). Найдены были еще остатки шерстяныхъ тканей и парчи съ узоромъ, повидимому, византійскаго происхожденія, что вмѣстѣ съ крестами указываетъ на XI в. П. Н. Милюковъ приводитъ затѣмъ свѣдѣнія о нахожденіи семилепестныхъ височныхъ подвѣсокъ и о распространеніи вообще того же вида погребеній. Курганы этого типа идутъ на востокъ до Рязани (расположенные западнѣе рубцовскіе курганы относятся уже къ иному типу), на сѣверъ до границы Московской губ. съ Тверскою, на югъ и западъ до Тульской, Калужской, Смоленской и Мстиславскаго уѣзда Могилевской. Изъ этого распространенія П. Н. Милюковъ выводитъ заключеніе, что означенные курганы принадлежали кривичамъ и свидѣтельствуютъ о послѣдовательномъ разселеніи этого славянскаго племени.

2. А. И. Черепнинъ прочелъ „*О рязанско-окскихъ могильникахъ и преимущественно о находимыхъ въ нихъ женскихъ украшеніяхъ*".

За послѣднія восемь лѣтъ въ Рязанской губерніи, по берегамъ Оки открыто шесть древнихъ могильниковъ, однородныхъ по времени образованія и культурѣ. Часть могильниковъ: Борковскій, Кузьминскій и Курманскій, уже изслѣдованы. Добытые изъ нихъ матеріалы представляютъ своеобразную и богатую культуру, охватывавшую, повидимому, обширную территорію: принимая площадь бассейна средней Оки за ея центръ, она, какъ кажется, направлялась къ С.-В. до береговъ Волги и на Ю. до средняго теченія Дона. Въ названныхъ могильникахъ найдено два вида погребеній: обыкновенное и погребеніе съ предварительнымъ трупосожженіемъ. Въ одномъ изъ бугровъ Борковскаго могильника было найдено 5 могилъ съ погребеніемъ въ сидячемъ положеніи. Обыкновенныя погребенія преобладали, составляя отъ 85% до 93% изъ общаго числа всѣхъ вскрытыхъ могилъ, тогда какъ трупосожженія колебались между 7% и 15%. Погребенія совершались безъ колодъ и гробовъ; ограничивались или подкладкою луба подъ умершаго, или обвертывали лубомъ все тѣло; въ ногахъ или въ головахъ ставили горшки; при мужскихъ костякахъ постоянно находилось оружіе: копья, дротики, топоры, рѣже мечи и стрѣлы. Мужчины щеголяли поясами, украшенными бляшками, серебряными гривнами, иногда носили браслеты и кольца. Украшенія женскія отличались чрезвычайнымъ разнообразіемъ и пестротою. Населеніе, оставившее эти могильники, вошло въ составъ великорусскаго народа и потому изученіе этихъ могильниковъ представляетъ большой интересъ.

3. Н. Ѳ. Бѣляшевскій „*Объ изслѣдованіи стоянокъ неолитической эпохи*".

Референтъ, указавъ на многочисленность стоянокъ, расположенныхъ по берегамъ рѣкъ, озеръ на песчаныхъ буграхъ, остановился на важности *систематичности* въ изслѣдованіяхъ, такъ какъ послѣднія, веденныя этимъ путемъ, могутъ дать указанія на географическое распространеніе стоянокъ, собрать данныя объ ихъ количествѣ, и такая статистика представляется весьма важной, давая намъ возможность дѣлать выводы о количествѣ и

густотѣ первобытнаго населенія. Въ виду всего этого есть достаточно основаній, чтобы вопросъ о систематическомъ изслѣдованіи стоянокъ былъ поставленъ на надлежащую почву, и въ этомъ направленіи референтъ сдѣлалъ предложеніе, прося внести въ программу подготовительныхъ работъ къ будущему Съѣзду систематическое изслѣдованіе стоянокъ того района, изученію котораго въ археологическомъ отношеніи будетъ посвященъ Съѣздъ.

4. І. А. Хойновскій прочелъ *„О курганахъ окрестностей города Канева, Кіевской губерніи“*.

Засѣданіе отдѣленія II. Древности историко-географическія и этнографическія. 13 августа днемъ.

Почетный предсѣдатель А. И. Маркевичъ.

1. К. И. Якубовъ. Къ вопросу *„О происхожденіи имени Русь“*.

Докладчикъ указалъ какъ на неизвѣстное въ нашей литературѣ толкованіе слова Ruotsi, данное гельсингфорскимъ профессоромъ Ю. Крономъ, приведя, со своими поясненіями и дополненіями, въ переводѣ съ финскаго языка замѣтку Крона, въ которой доказывается на основаніи сличенія разныхъ реченій и формъ въ финскомъ и эстонскомъ языкахъ (Ruotsi, Rootsi veri, Ruija, Rootsi hobu, vana Rootsi и др.), что Ruotsi (Ruija) есть финскій переводъ имени норманновъ.

Въ обсужденіи доклада приняли участіе гг. Иловайскій, Успенскій, Филевичъ, Хойновскій, при чемъ указывалось, что происхожденія Руси и имени ея надо искать на югѣ, а не на сѣверѣ, что на югъ приводятъ насъ названія Угорской Руси, урочищъ, рѣкъ.

2. И. Н. Смирновъ прочелъ *„О древнемъ бытѣ восточныхъ финновъ по даннымъ этнографіи“*. Выдѣляя общее изъ чертъ нынѣшняго быта, можемъ вывести для быта древняго: двѣ формы жилища: коническое и пещеру-землянку; грубую утварь; въ нарядѣ вліяніе юга (въ покроѣ и особенно въ шитьѣ женской рубашки отраженіе византійскихъ саккосовъ и далматиковъ, въ коническомъ головномъ уборѣ скиѳскій уборъ); гетеризмъ; выбрасываніе уродливыхъ дѣтей, умерщвленіе больныхъ и стариковъ; анимистическое воззрѣніе на природу при отсутствіи божествъ отдѣльныхъ отъ стихіи; въ культѣ—матеріалистическій взглядъ на потребности боговъ и воспоминаніе о человѣческихъ жертвахъ. Попытки древняго финна разобраться въ явленіяхъ окружающей природы, объяснить себѣ генезисъ ихъ отразились въ сказкахъ, въ легендахъ о происхожденіи животныхъ и растеній отъ людей.

Засѣданіе отдѣленій: II. Древности историко-географическія и этнографическія и X. Нумизматика и сфрагистика. 14 августа утромъ.

Почетный предсѣдатель: прф. Ю. А. Кулаковскій.

1. А. Ѳ. Мѣржинскій прочелъ: *„О священномъ дубѣ въ Ромове“*.

Грунау сообщаетъ, что въ Ромове стоялъ священный дубъ, вѣчно зе-

леный. Почитаніе деревьевъ вообще—культъ широко распространенный. По вѣрованію литовцевъ, съ деревомъ была соединена жизнь человѣка, въ дерево переходила душа усопшаго, въ немъ проживала душа предковъ, а наконецъ въ немъ жило само божество. Ради лѣчебной силы почитали деревья, стволъ которыхъ разъединившись опять сросся съ собою, или вѣтвь котораго опять срослась со стволомъ. Черезъ отверстіе проходили, проскользали или перетаскивались страдающіе глазами, грыжей, изувѣченные, съ тѣмъ убѣжденіемъ, что болѣзнь свою оставятъ въ деревѣ. Примѣняя это къ разсказу Грунау, можно думать, что въ Ромове стояло священное дерево, но положительно нельзя доказать. Дусбургъ не упоминаетъо деревѣ въ Ромове. Вѣчную зелень дуба Грунау заимствовалъ у Адама Бременскаго; и остальное описаніе Ромове вообще указываетъ на посредственное заимствованіе у того же Адама. Оба источника сообщаютъ о вѣчно зеленомъ деревѣ, оба о почитаніи трехъ главныхъ божествъ, и объ обожаніи заслуженныхъ людей и оба придерживаются того же порядка въ изложеніи; другія сходства окажутся при критическомъ разборѣ отдѣльныхъ вопросовъ. Адамъ же Бременскій слышалъ у скандинавца подробности о деревѣ въ Упсалѣ и сообщилъ ихъ въ Схоліонѣ (№ 134); они сходны съ Эддою въ описаніи ясени Ygdrasills.

2. К. К. Рейснеръ доложилъ на нѣмецкомъ языкѣ: „*О финскихъ племенахъ въ доисторическую эпоху*".

3. Проф. А. И. Маркевичъ: „*О чеканкѣ русскихъ денегъ въ Кокенгузенѣ въ половинѣ XVII вѣка*".

Въ составленномъ въ половинѣ XVII вѣка Котошихинымъ описаніи Московскаго государства сохранилось случайное указаніе о чеканкѣ мѣдныхъ русскихъ денегъ въ Кокенгузенѣ. Такъ какъ Котошихинъ оказался весьма добросовѣстнымъ относительно приведенныхъ имъ фактовъ, нельзя подозрѣвать, что извѣстіе это вымышлено. Притомъ Котошихинъ, состоя при русскихъ послахъ, ведшихъ переговоры съ шведскими уполномоченными, имѣлъ полную возможность знать о Кокенгузенскомъ монетномъ дворѣ, существовавшемъ въ половинѣ XVI вѣка, когда рижскій архіепископъ чеканилъ тамъ монету. Вполнѣ вѣроятно, что этимъ монетнымъ дворомъ воспользовались и русскіе, когда они овладѣли Кокенгузеномъ, тѣмъ болѣе, что время этой чеканки совпадаетъ со временемъ усиленной чеканки мѣдныхъ денегъ въ Московскомъ государствѣ въ монетныхъ дворахъ: Москвы, Новгорода и Пскова.—Русскія мѣдныя деньги, чеканенныя въ Кокенгузенѣ, по сіе время не попадали въ руки нумизматовъ, которые легко могли не различить таковыхъ денегъ отъ московскихъ, новгородскихъ и псковскихъ алтыновъ, грошей и копѣекъ того же времени по неясности штемпеля. Къ тому же вѣроятно эти деньги были уничтожены вмѣстѣ съ другими мѣдными монетами вслѣдствіе указа 1663 г., который, впрочемъ, не упоминаетъ о кокенгузенскихъ деньгахъ, потому что этотъ городъ въ то время уже былъ возвра-

въ сходящихся угломъ или округлыхъ линіяхъ). Размѣры склеповъ — такіе же, какъ и гробницъ перваго типа. Костяки, часто окрашенные, лежатъ также на подстилкѣ изъ рѣчнаго камня съ поджатыми ногами, въ томъ же направленіи. Встрѣчаются случаи погребенія въ сидячемъ положеніи и два костяка въ одномъ склепѣ. Изъ предметовъ находимы были горшки, кремневыя орудія и плоскіе бронзовые наконечники копій. Большинство кургановъ всей площади Крыма на югъ отъ Симферополя содержитъ гробницы этихъ двухъ типовъ; обиліе ихъ свидѣтельствуетъ о продолжительности пребыванія въ этихъ предѣлахъ населенія съ этой бѣдной культурой. Типъ этотъ, какъ извѣстно, идетъ далеко на сѣверъ отъ Крыма и принадлежитъ, повидимому, населенію, которое застали здѣсь скиѳы въ своемъ движеніи съ востока. Заключить это можно изъ того, что самыя нижнія впускныя гробницы, т. е. древнѣйшія, встрѣчающіяся въ этихъ курганахъ, могутъ быть съ увѣренностью усвоены скиѳамъ. Въ виду этого докладчикъ предлагалъ установить за этими типами погребенія наименованіе *киммерійскихъ*. Въ своемъ сообщеніи докладчикъ демонстрировалъ черепа и кости изъ раскопанныхъ имъ кургановъ, а также и образцы глиняной посуды.

Засѣданіе отдѣленія XI. Памятники археографическіе. 12 августа днемъ.

Почетный предсѣдатель Ю. Ѳ. Крачковскій.

1. Д. И. Багалѣй указалъ на три рукописныхъ книги in folio, переданныя ему предсѣдателемъ мѣстнаго окружнаго суда, г. Максимовичемъ, и разсмотрѣнныя имъ вмѣстѣ съ секретаремъ отдѣленія А. И. Фейерэйзеномъ: а) „Желтая книга“ лифляндскаго хофгерихта (высшей мѣстной судебной инстанціи) содержитъ документы съ 1621 — 1673 г., а именно уставы, инструкціи и резолюціи по судебнымъ дѣламъ; въ томъ числѣ есть и такіе, которые подписаны собственноручно Густавомъ Адольфомъ и Христиною Шведской. б) „Черная книга“ лифляндскаго хофгерихта содержитъ копіи резолюцій шведскихъ королей и другихъ правителей на его рѣшенія, судебныхъ уставовъ и т. п. съ начала XVII в. до конца XVIII в.; есть и одинъ документъ на русскомъ языкѣ—рѣшеніе на пункты лифляндскаго дворянства 1712 г. в) Шведское земельное право короля Карла IX, въ переводѣ на нѣмецкій языкъ Филиппа Крузштерна въ 1648 г. (оно было напечатано уже въ 1618 г.); значенія не имѣетъ. Желательно, чтобы эти книги, составляющія лишь случайное явленіе въ составѣ документовъ окружнаго суда, были бы переданы въ учрежденіе, гдѣ бы ими могли пользоваться для научной цѣли.

2. Г. Дидерихсъ прочелъ докладъ: *„Герцогскій Архивъ въ Митавѣ“*.

Съ 1561 по 1701 г. Архивъ, увезенный Кетлеромъ изъ Риги, перемѣщался десять разъ, скитаясь между Митавой, Стокгольмомъ, Ригой, Ивангородомъ, причемъ въ Стокгольмѣ съ 1612 года осталась древнѣйшая (орденская) часть его, открытая тамъ лишь въ наши дни бар. Толлемъ и примѣ-

ненная къ изслѣдованіямъ Ширреномъ. Съ 1772 г. Архивъ водворенъ въ новомъ герцогскомъ замкѣ, но и здѣсь судьба его преслѣдовала: проламывалась крыша, проваливался полъ, и архивъ летѣлъ въ погребъ; горѣлъ замокъ, и бумаги выбрасывались во дворъ. Въ 1795 г. герцогъ Петръ, при отреченіи, увезъ съ собой въ Саганъ бумаги своего времени и за вторую половину правленія отца. Въ 1797 г. по сенатскому указу бумаги спѣшно раздѣлены между высшимъ судомъ (судебные акты), камеральной палатой (финансы) и губернскимъ правленіемъ (политика). Камеральная палата позднѣе продала свою часть на макулатуру. Политическая часть сильно пострадала въ 1812 г., когда въ Архивѣ помѣстился лазаретъ прусскихъ войскъ. Въ первой половинѣ XIX вѣка Архивъ былъ въ такомъ хаотическомъ состояніи, что Крузе считалъ пользованіе имъ невозможнымъ. Съ 1840 г. курляндское дворянство начало заботиться о приведеніи Архива въ порядокъ и позднѣе устроило шкафы; въ 1857 г. бар. Альфонсъ фонъ Гейкингъ, безмездно принялся за первоначальное упорядоченіе Архива; въ 1865 году онъ же хлопоталъ о передачѣ Архива Курляндскому Обществу Литературы и Искусства, министръ Валуевъ не отклонилъ ходатайства Общества, но осуществить его не довелось. Названное Общество оказало важную услугу Архиву, поручивъ въ 1872 г. разработку его д-ру Шиману (нынѣ проф. въ Берлинѣ), который и привелъ Архивъ въ нѣкоторый порядокъ. Съ тѣхъ поръ Архивомъ неоднократно пользовались и мѣстные, и иностранные ученые. Ссылаясь на Шимановы Historiche Darstellungen und Archivalische Studien, докладчикъ указываетъ, что Архивъ, представляя огромный интересъ для исторіи Курляндіи, гораздо менѣе интересенъ для исторіи Россіи [1]). Въ виду всего, что сдѣлано для Архива курляндскимъ дворянствомъ, докладчикъ проситъ Съѣздъ ходатайствовать передъ правительствомъ о передачѣ Герцогскаго Митавскаго Архива курляндскому дворянству.

Д. А. Корсаковъ указалъ, что было бы весьма желательнымъ привлечь Курляндское Общество Литературы и Искусства къ ученой разработкѣ Архива, но внѣшняя администрація послѣдняго должна остаться у того правительственнаго учрежденія, въ вѣдѣніи коего Архивъ находится нынѣ.

По предложенію графини Уваровой постановлено передать вопросъ въ Совѣтъ Съѣзда для продолженія начатаго уже ходатайства.

3. Докладъ Д. И. Багалѣя: *„Роль Харьковскаго университета въ дѣлѣ изученія древностей“*. Археологи пока лишь случайно пользуются археографическими данными, между тѣмъ какъ было бы необходимо систематическое извлеченіе ихъ изъ такихъ источниковъ, какъ писцовыя книги, путешествія по Россіи XVIII и начала XIX вв. и т. п. Они бы пополнили наши пробѣлы по части исторіи находокъ, а безъ этой послѣдней невозможна науч-

---

[1]) О содержаніи Герцогскаго Архива см. статью г. Лудмера въ Трудахъ Предвар. Комитета Рижскаго Съѣзда, вып. 1.

ная классификація археологическаго матеріала. Эта общая мысль была пояснена тремя типическими примѣрами, касающихся заслугъ Харьковскаго университета въ дѣлѣ изученія старины въ царствованіе Императора Александра I: авторъ сообщилъ о результатахъ археологической экскурсіи проф. И. С. Рижскаго касательно древней Ольвіи, о древнемъ камнѣ съ надписью, изслѣдованномъ проф. Роммелемъ, и о бронзовой статуэткѣ, найденной въ началѣ XIX в. въ Полтавской губерніи и описанной Бѣлецкимъ-Носенко.

Засѣданіе отдѣленія VI. Памятники языка и письма. 13 августа утромъ.

Почетный Предсѣдатель А. Ѳ. Мѣржинскій.

1. И. Д. Крюгеръ сдѣлалъ сообщеніе: *„О вліяніи русскихъ на общественный бытъ латышей по даннымъ языка“*.

Извѣстія Генриха Латыша, какъ и вообще извѣстія лѣтописей о латышахъ со стороны ихъ общественнаго быта, весьма скудны; въ виду этого приходится обращаться къ даннымъ языка. Пользуясь этими данными, референтъ устанавливаетъ вліяніе русскихъ на латышей въ древнѣйшую эпоху: 1) въ религіозномъ отношеніи, 2) въ отношеніи родового быта и зачатковъ образованія у латышей княжеской власти и 3) въ судебномъ отношеніи. Для иллюстраціи этихъ положеній, референтъ привелъ по всѣмъ тремъ названнымъ категоріямъ параллели русскихъ и латышскихъ словъ.

По поводу этого сообщенія были сдѣланы Ѳ. И. Успенскимъ и другими изъ присутствовавшихъ возраженія въ томъ смыслѣ, что общность нѣкоторыхъ названій въ указанныхъ областяхъ у русскихъ и латышей можетъ быть объясняема не только заимствованіемъ латышей у русскихъ, но и общностью заимствованія, и затѣмъ, что въ нѣкоторыхъ приведенныхъ примѣрахъ сходства латышскихъ и русскихъ словъ должно видѣть не вліяніе одного языка на другой, а исконное сходство основныхъ элементовъ славянскаго и литовскаго языковъ; указаны были и слѣды вліянія нѣмцевъ на латышей въ религіозномъ и судебно - общественномъ отношеніяхъ, а также примѣры общности названій нѣкоторыхъ понятій у русскихъ, латышей и нѣмцевъ.

2. Е. В. Пѣтуховъ прочелъ докладъ: *„О нѣкоторыхъ историческихъ и литературныхъ памятникахъ, связанныхъ съ именемъ Успенскаго Псково-Печерскаго монастыря въ XVI и XVII вв.“*.

Упомянувъ вначалѣ объ источникахъ для знакомства съ исторіей Псково-Печерскаго монастыря (Псковская лѣтопись; грамоты, акты, дарственныя записи; повѣсти и сказанія) и указавъ на особое положеніе этой обители на границѣ земель ливонскихъ и русскихъ, референтъ перечислилъ важнѣйшіе факты изъ исторіи Псково - Печерскаго монастыря въ XVI и XVII вв., т. е. въ то именно время, когда, получивъ прочное существованіе, благодаря въ особенности трудамъ игумена Корнилія († 1570), этотъ

монастырь неоднократно служилъ оплотомъ для русскихъ людей противъ поляковъ и нѣмцевъ, выдержавъ въ 1581 г. трудную осаду со стороны войскъ Стефана Баторія, а въ началѣ XVII в. подвергаясь всей тяжести военныхъ тревогъ смутнаго времени. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ тѣ же вѣка монастырь не былъ чуждъ и извѣстнаго просвѣтительнаго и книжнаго движенія: къ усердному жертвователю и благодѣтелю его дьяку Мисюрю Мунехину писалъ свои интересныя посланія старецъ Псковскаго Елезарова монастыря Филоѳей; извѣстный игуменъ Троице-Сергіева монастыря Артемій, обвиненный въ половинѣ XVI вѣка въ соучастіи ереси Башкина, въ молодые годы бывалъ и живалъ въ Псково-Печерскомъ монастырѣ; туда же, именно къ старцу Вассіану Муромцеву, писалъ свои посланія и кн. А. М. Курбскій; наконецъ, въ библіотекѣ монастыря найдено изданное не такъ давно „Слово о погибели русскія земли". Въ заключеніе референтъ указалъ и на современное весьма важное значеніе Псково-Печерскаго монастыря какъ православной святыни для Прибалтійскаго края въ мѣстности съ очень разнообразнымъ этнографическимъ составомъ.

3. А. А. Берзинь прочелъ докладъ: „*Собраніе и изученіе латышскихъ народныхъ пѣсенъ*". Слѣды латышской народной поэзіи встрѣчаются въ литературѣ XVII в. у Манцелія и Вишмана; болѣе пѣсенъ записано въ XVIII в., особенно Стендеромъ, но цѣлые сборники являются лишь въ началѣ XIX в.: таковы въ особенности сборники, изданные пасторами Бергманомъ и Варомъ (1806—1808 гг.). Въ 1844 г. вышелъ прекрасный сборникъ Бютнера „Пѣсни и баллады латышскаго люда". Изъ новѣйшихъ, весьма многихъ сборниковъ референтъ особенно остановился на трудахъ Спрогиса и Трейланда, удобныхъ для русскаго читателя тѣмъ, что текстъ въ нихъ напечатанъ русскимъ алфавитомъ и снабженъ русскимъ переводомъ. Весьма замѣчателенъ своимъ объемомъ (около 5,000 пѣсенъ) и хорошимъ распорядкомъ матеріала сборникъ Биленштейна, напечатанный нѣмецкой азбукой, но съ означеніемъ долготы слоговъ. Въ послѣднее время Барономъ и Виссендорфомъ предпринято огромное изданіе латышскихъ пѣсенъ; тутъ точно группируются варьянты около основныхъ мотивовъ; тщательно обозначается, кѣмъ и гдѣ пѣсня записана; при каждомъ отдѣлѣ имѣется хорошее введеніе научнаго характера. Въ латышскихъ народныхъ пѣсняхъ встрѣчаются только хорей и дактиль, метръ основанъ на нынѣшнемъ грамматическомъ удареніи (но избѣгается столкновеніе двухъ удареній) и передъ цезурою различаются въ окончаніяхъ словъ долгіе, короткіе и средніе слога.

По поводу этого реферата проф. В. З. Завитневичъ поставилъ вопросъ о возможномъ вліяніи бѣлорусскихъ пѣсенъ на латышскія въ отношеніе напѣва, а проф. А. А. Кочубинскій указалъ на желательность привести къ единообразію современную латышскую графику.

4. С. А. Бѣлокуровъ въ докладѣ: „*О новыхъ документахъ, касающихся Крижанича*", сообщилъ о находкѣ имъ въ разныхъ московскихъ архи-

вахъ новыхъ документовъ касательно жизни и дѣятельности Юрія Крижанича, изложилъ содержаніе ихъ, привелъ находящіяся въ нихъ біографическія данныя объ этомъ дѣятелѣ XVII вѣка и передалъ in extenso содержаніе неизвѣстного доселѣ сочиненія Крижанича—его „Сербскаго письма" (1659 г.), въ которомъ авторъ касается различныхъ вопросовъ: о написаніи титла царя въ грамотахъ, о библіотекѣ, о грамматикѣ и лексиконѣ, о Библіи и пр. Въ концѣ референтъ коснулся вопроса объ источникахъ для изученія факта ссылки Крижанича въ Сибирь.

Засѣданіе отдѣленія I. Древности первобытныя. 13 августа днемъ.

Почетный предсѣдатель И. Н. Смирновъ.

1. В. Д. Бокъ сообщилъ о своихъ опытахъ примѣненія способа Крефтинга для сохраненія металлическихъ древностей (см. стр. 300), предложилъ членамъ Съѣзда брошюры д-ра Аппельгрена подъ заглавіемъ „Kreftings Methode für Reinigung und Konservierung von Metallgegenständen. Mit Zusätzen und Anweisungen von Dr. Hjalmar Appelgren. Helsingfors, 1896" и представилъ нѣсколько желѣзныхъ и бронзовыхъ вещей, очищенныхъ по способу Крефтинга, причемъ оказывается, что пригодными для обработки являются вещи сравнительно хорошо сохранившіяся и не слишкомъ изъѣденныя ржавчиной.

1. Д. Н. Анучинъ прочиталъ „*Отчетъ о раскопкахъ рязанскихъ кургановъ лѣтомъ 1896 г.*", доставленный П. Н. Милюковымъ.

Упомянувъ о томъ, что до сихъ поръ въ Рязанской губ. можно было различить четыре типа кургановъ, П. Н. Милюковъ останавливается особенно на томъ типѣ, который характеризуется въ женскихъ могилахъ присутствіемъ височныхъ семилепестныхъ подвѣсокъ, а въ мужскихъ — особаго желѣзнаго орудія (неизвѣстнаго назначенія), иногда вложеннаго въ ножны и снабженнаго у верхняго конца (рукоятки) кольцомъ. Курганы этого типа были встрѣчены нынѣшнимъ лѣтомъ въ нѣсколькихъ группахъ въ Зарайскомъ уѣздѣ. Погребенія большею частію одиночныя, иногда двойныя (мужчина и женщина или женщина съ ребенкомъ), въ неглубокихъ ямахъ, со слѣдами коры или луба вокругъ костяка и подстилки изъ песку или золы, съ головами, обращенными на западъ, съ горшкомъ въ ногахъ и съ слоемъ угля на извѣстной высотѣ надъ костякомъ въ курганѣ, повидимому, остатки тризны. Украшеніе женскихъ могилъ, кромѣ височныхъ подвѣсокъ, состоятъ изъ шейныхъ обручей, ожерелей изъ бусъ (продолговатыхъ сердоликовыхъ, круглыхъ стеклянныхъ, синихъ и т. д.), металлическихъ гладкихъ кружковъ, а въ другихъ случаяхъ—еще крестовъ (въ одномъ курганѣ найдены были двѣ литыхъ свастики). На рукахъ были витые браслеты, на пальцахъ кольца, у пояса пряжки. Мужчины отличались ростомъ выше средняго; черепъ костяковъ большею частію субдолихоцефальный, остатки волосъ—темнорусые (въ

болѣе древнихъ могильникахъ той же губерніи они черные). Найдены были еще остатки шерстяныхъ тканей и парчи съ узоромъ, повидимому, византійскаго происхожденія, что вмѣстѣ съ крестами указываетъ на XI в. П. Н. Милюковъ приводитъ затѣмъ свѣдѣнія о нахожденіи семилепестныхъ височныхъ подвѣсокъ и о распространеніи вообще того же вида погребеній. Курганы этого типа идутъ на востокъ до Рязани (расположенные западнѣе рубцовскіе курганы относятся уже къ иному типу), на сѣверъ до границы Московской губ. съ Тверскою, на югъ и западъ до Тульской, Калужской, Смоленской и Мстиславскаго уѣзда Могилевской. Изъ этого распространенія П. Н. Милюковъ выводитъ заключеніе, что означенные курганы принадлежали кривичамъ и свидѣтельствуютъ о послѣдовательномъ разселеніи этого славянскаго племени.

2. А. И. Черепнинъ прочелъ *„О рязанско-окскихъ могильникахъ и преимущественно о находимыхъ въ нихъ женскихъ украшеніяхъ"*.

За послѣднія восемь лѣтъ въ Рязанской губерніи, по берегамъ Оки открыто шесть древнихъ могильниковъ, однородныхъ по времени образованія и культурѣ. Часть могильниковъ: Борковскій, Кузьминскій и Курманскій, уже изслѣдованы. Добытые изъ нихъ матеріалы представляютъ своеобразную и богатую культуру, охватывавшую, повидимому, обширную территорію: принимая площадь бассейна средней Оки за ея центръ, она, какъ кажется, направлялась къ С.-В. до береговъ Волги и на Ю. до средняго теченія Дона. Въ названныхъ могильникахъ найдено два вида погребеній: обыкновенное и погребеніе съ предварительнымъ трупосожженіемъ. Въ одномъ изъ бугровъ Борковскаго могильника было найдено 5 могилъ съ погребеніемъ въ сидячемъ положеніи. Обыкновенныя погребенія преобладали, составляя отъ 85% до 93% изъ общаго числа всѣхъ вскрытыхъ могилъ, тогда какъ трупосожженія колебались между 7% и 15%. Погребенія совершались безъ колодъ и гробовъ; ограничивались или подкладкою луба подъ умершаго, или обвертывали лубомъ все тѣло; въ ногахъ или въ головахъ ставили горшки; при мужскихъ костякахъ постоянно находилось оружіе: копья, дротики, топоры, рѣже мечи и стрѣлы. Мужчины щеголяли поясами, украшенными бляшками, серебряными гривнами, иногда носили браслеты и кольца. Украшенія женскія отличались чрезвычайнымъ разнообразіемъ и пестротою. Населеніе, оставившее эти могильники, вошло въ составъ великорусскаго народа и потому изученіе этихъ могильниковъ представляетъ большой интересъ.

3. Н. Ѳ. Бѣляшевскій *„Объ изслѣдованіи стоянокъ неолитической эпохи"*.

Референтъ, указавъ на многочисленность стоянокъ, расположенныхъ по берегамъ рѣкъ, озеръ на песчаныхъ буграхъ, остановился на важности *систематичности* въ изслѣдованіяхъ, такъ какъ послѣднія, веденныя этимъ путемъ, могутъ дать указанія на географическое распространеніе стоянокъ, собрать данныя объ ихъ количествѣ, и такая статистика представляется весьма важной, давая намъ возможность дѣлать выводы о количествѣ и

густотѣ первобытнаго населенія. Въ виду всего этого есть достаточно основаній, чтобы вопросъ о систематическомъ изслѣдованіи стоянокъ былъ поставленъ на надлежащую почву, и въ этомъ направленіи референтъ сдѣлалъ предложеніе, прося внести въ программу подготовительныхъ работъ къ будущему Съѣзду систематическое изслѣдованіе стоянокъ того района, изученію котораго въ археологическомъ отношеніи будетъ посвященъ Съѣздъ.

4. І. А. Хойновскій прочелъ „*О курганахъ окрестностей города Канева, Кіевской губерніи*".

Засѣданіе отдѣленія II. Древности историко-географическія и этнографическія. 13 августа днемъ.

Почетный предсѣдатель А. И. Маркевичъ.

1. К. И. Якубовъ. Къ вопросу „*О происхожденіи имени Русь*".

Докладчикъ указалъ какъ на неизвѣстное въ нашей литературѣ толкованіе слова Ruotsi, данное гельсингфорскимъ профессоромъ Ю. Крономъ, приведя, со своими поясненіями и дополненіями, въ переводѣ съ финскаго языка замѣтку Крона, въ которой доказывается на основаніи сличенія разныхъ реченій и формъ въ финскомъ и эстонскомъ языкахъ (Ruotsi, Rootsi veri, Ruija, Rootsi hobu, vana Rootsi и др.), что Ruotsi (Ruija) есть финскій переводъ имени норманновъ.

Въ обсужденіи доклада приняли участіе гг. Иловайскій, Успенскій, Филевичъ, Хойновскій, при чемъ указывалось, что происхожденія Руси и имени ея надо искать на югѣ, а не на сѣверѣ, что на югъ приводятъ насъ названія Угорской Руси, урочищъ, рѣкъ.

2. И. Н. Смирновъ прочелъ „*О древнемъ бытѣ восточныхъ финновъ по даннымъ этнографіи*". Выдѣляя общее изъ чертъ нынѣшняго быта, можемъ вывести для быта древняго: двѣ формы жилища: коническое и пещеру-землянку; грубую утварь; въ нарядѣ вліяніе юга (въ покроѣ и особенно въ шитьѣ женской рубашки отраженіе византійскихъ саккосовъ и далматиковъ, въ коническомъ головномъ уборѣ скиѳскій уборъ); гетеризмъ; выбрасываніе уродливыхъ дѣтей, умерщвленіе больныхъ и стариковъ; анимистическое воззрѣніе на природу при отсутствіи божествъ отдѣльныхъ отъ стихіи; въ культѣ—матеріалистическій взглядъ на потребности боговъ и воспоминаніе о человѣческихъ жертвахъ. Попытки древняго финна разобраться въ явленіяхъ окружающей природы, объяснить себѣ генезисъ ихъ отразились въ сказкахъ, въ легендахъ о происхожденіи животныхъ и растеній отъ людей.

Засѣданіе отдѣленій: II. Древности историко-географическія и этнографическія и X. Нумизматика и сфрагистика. 14 августа утромъ.

Почетный предсѣдатель: прф. Ю. А. Кулаковскій.

1. А. Ѳ. Мѣржинскій прочелъ: „*О священномъ дубѣ въ Ромове*".

Грунау сообщаетъ, что въ Ромове стоялъ священный дубъ, вѣчно зе-

леный. Почитаніе деревьевъ вообще—культъ широко распространенный. По вѣрованію литовцевъ, съ деревомъ была соединена жизнь человѣка, въ дерево переходила душа усопшаго, въ немъ проживала душа предковъ, а наконецъ въ немъ жило само божество. Ради лѣчебной силы почитали деревья, стволъ которыхъ разъединившись опять сросся съ собою, или вѣтвь котораго опять срослась со стволомъ. Черезъ отверстіе проходили, проскользали или перетаскивались страдающіе глазами, грыжей, изувѣченные, съ тѣмъ убѣжденіемъ, что болѣзнь свою оставятъ въ деревѣ. Примѣняя это къ разсказу Грунау, можно думать, что въ Ромове стояло священное дерево, но положительно нельзя доказать. Дусбургъ не упоминаетъо деревѣ въ Ромове. Вѣчную зелень дуба Грунау заимствовалъ у Адама Бременскаго; и остальное описаніе Ромове вообще указываетъ на посредственное заимствованіе у того же Адама. Оба источника сообщаютъ о вѣчно зеленомъ деревѣ, оба о почитаніи трехъ главныхъ божествъ, и объ обожаніи заслуженныхъ людей и оба придерживаются того же порядка въ изложеніи; другія сходства окажутся при критическомъ разборѣ отдѣльныхъ вопросовъ. Адамъ же Бременскій слышалъ у скандинавца подробности о деревѣ въ Упсалѣ и сообщилъ ихъ въ Схоліонѣ (№ 134); они сходны съ Эддою въ описаніи ясени Ygdrasills.

2. К. К. Рейснеръ доложилъ на нѣмецкомъ языкѣ: „*О финскихъ племенахъ въ доисторическую эпоху*".

3. Проф. А. И. Маркевичъ: „*О чеканкѣ русскихъ денегъ въ Кокенгузенѣ въ половинѣ XVII вѣка*".

Въ составленномъ въ половинѣ XVII вѣка Котошихинымъ описаніи Московскаго государства сохранилось случайное указаніе о чеканкѣ мѣдныхъ русскихъ денегъ въ Кокенгузенѣ. Такъ какъ Котошихинъ оказался весьма добросовѣстнымъ относительно приведенныхъ имъ фактовъ, нельзя подозрѣвать, что извѣстіе это вымышлено. Притомъ Котошихинъ, состоя при русскихъ послахъ, ведшихъ переговоры съ шведскими уполномоченными, имѣлъ полную возможность знать о Кокенгузенскомъ монетномъ дворѣ, существовавшемъ въ половинѣ XVI вѣка, когда рижскій архіепископъ чеканилъ тамъ монету. Вполнѣ вѣроятно, что этимъ монетнымъ дворомъ воспользовались и русскіе, когда они овладѣли Кокенгузеномъ, тѣмъ болѣе, что время этой чеканки совпадаетъ со временемъ усиленной чеканки мѣдныхъ денегъ въ Московскомъ государствѣ въ монетныхъ дворахъ: Москвы, Новгорода и Пскова.—Русскія мѣдныя деньги, чеканенныя въ Кокенгузенѣ, по сіе время не попадали въ руки нумизматовъ, которые легко могли не различить таковыхъ денегъ отъ московскихъ, новгородскихъ и псковскихъ алтыновъ, грошей и копѣекъ того же времени по неясности штемпеля. Къ тому же вѣроятно эти деньги были уничтожены вмѣстѣ съ другими мѣдными монетами вслѣдствіе указа 1663 г., который, впрочемъ, не упоминаетъ о кокенгузенскихъ деньгахъ, потому что этотъ городъ въ то время уже былъ возвра-

щенъ шведамъ. Такъ какъ эти деньги въ виду ихъ высокой, въ сравненіи съ дѣйствительной стоимостью, нарицательной цѣны обращались только въ Московскомъ государствѣ, то при общемъ крушеніи почти всѣ эти кокенгузенскія монеты и погибли.—На основаніи всѣхъ этихъ соображеній авторъ считаетъ показаніе Котошихина вѣрнымъ.

М. Н. Бережковъ возражалъ, не считая доказаннымъ существованіе монетнаго двора въ Кокенгузенѣ: въ военное время монеты бились и въ полѣ, могли биться и въ Кокенгузенѣ, но безъ штемпеля.

4. А. И. Черепнинъ: *„Новый матеріалъ къ вопросу о связи между денежной и вѣсовой системой“*.

Древне-русскія денежная и вѣсовая системы до сихъ поръ не получили надлежащаго освѣщенія и представляютъ много загадочнаго. Между тѣми и другими замѣчается постоянная связь и поэтому, при рѣшеніи вопроса о денежныхъ системахъ, необходимо угадать современныя имъ вѣсовыя системы.

Изслѣдованныя А. И. Черепнинымъ древнія гирьки, найденныя въ среднихъ, сѣверо-восточныхъ и частію западныхъ губерніяхъ въ кладахъ и курганахъ, относятся къ тремъ видамъ: 1) древнѣйшія изъ нихъ представляютъ части стараго бухарскаго ансыря, имѣвшаго около 136 и дѣлившагося на 72 части, приблизительно равнявшіяся 130 гранамъ. Вѣсовая единица въ 130 грановъ входила какъ основа въ мелкія гирьки; 2) болѣе позднія гирьки составляли части ансыря въ 128 золотн., дѣлившагося также на 72 части, каждая часть равнялась=122 гранамъ, и наконецъ 3-ій видъ гирекъ относится уже къ западно-европейскимъ вѣсовымъ единицамъ, употреблявшимся на Руси съ XIV столѣтія; тутъ мы встрѣчаемъ преимущественно части разнаго наименованія марокъ.

Отдѣленіе VIII. Древности прибалтійскія. 14 августа днемъ.

(Въ зданіи Домнузея; доклады были читаны на нѣмецкомъ языкѣ).

Почетный предсѣдатель: Д-ръ В. И. Нейманъ.

1. Докладъ пастора Э. Биленштейна: *„О значеніи латышскихъ народныхъ пѣсенъ для археологіи“*.

Референтъ указалъ на огромное собраніе въ нѣсколько 1000 латышскихъ народныхъ пѣсенъ, которыми доселѣ мало пользовались въ научномъ отношеніи, между тѣмъ какъ онѣ имѣютъ довольно важное значеніе для археологіи. Благодаря имъ во-первыхъ сохранилась масса древнихъ словъ и характерныхъ формъ и окончаній, исчезнувшихъ уже въ современномъ латышскомъ языкѣ. Во-вторыхъ эти пѣсни даютъ намъ множество цѣнныхъ матеріаловъ для изученія древней культуры и быта латышскаго народа. Въ пѣсняхъ упоминается много предметовъ, извѣстныхъ намъ по археологическимъ изслѣдованіямъ, напримѣръ, бронзовыя спирали, серебряные пояса, разное оружіе, найденное нынѣ въ могильникахъ. Далѣе онѣ описываютъ

жизнь въ городищахъ, погребеніе покойниковъ и т. п. Все это какъ и миѳологическія названія въ народныхъ пѣсняхъ указываютъ на отдаленное возникновеніе ихъ.

Особенно много матеріаловъ въ нихъ для древнихъ обычаевъ и ихъ дальнѣйшаго развитія, что референтъ доказалъ спеціально по отношенію къ формамъ брака, наглядно выясняющимъ прежнее общественное положеніе латышской женщины. Въ третьихъ народныя пѣсни, столь богатыя поэтической красотой, представляютъ собой предметъ эстетическаго и нравственнаго интереса. Лишь на основаніи ихъ возможно было бы написать цѣлую этику латышскаго народа.

2. Д-ръ Саксендаль прочелъ докладъ „*Система вѣса XI и XII в. въ Лифляндіи, Эстляндіи и Курляндіи*".

Въ трехъ балтійскихъ губерніяхъ вмѣстѣ съ о. Эзелемъ найдено доселѣ 25 вѣсовъ и 63 гири. Вѣсы небольшіе, складные: чашки, висѣвшія на цѣпочкахъ или снурахъ, складное коромысло, помѣщавшееся въ чашкѣ; строеніе то же, что въ находкахъ нѣмецкихъ, шведскихъ, русскихъ—вѣсы, съ весьма плохой чувствительностью. Форма гирьки: широкій сферическій слой, порой замѣтно сплющенный. При вѣсахъ находятъ монеты XI—XIII в. Гири дѣлятся на двѣ группы: однѣ построены на дуодецимальномъ дѣленіи, относятся къ унціальной системѣ и происходятъ отъ римскаго фунта. Эта система примѣнялась къ предметамъ малаго вѣса, и поэтому вѣсъ цѣлаго фунта приходилось опредѣлять черезъ умноженіе, т. е. значительно увеличивая неточность; такимъ образомъ по гирямъ въ Любенгофѣ фунтъ высчитанъ въ 305,6 граммъ, въ Пассельнѣ—272, въ Лапландіи и Готландѣ—289 и 290. Въ другой системѣ—кружками, очками (очки порой соединены дужками), точками обозначается число единицъ вѣса, но не видно единицъ разнаго размѣра. Указавъ на неудовлетворительность прежнихъ выводовъ объ этомъ вѣсѣ, докладчикъ изложилъ свой способъ изслѣдованія 48-ми гирекъ, при которомъ онъ точно отмѣчалъ свои данныя, чтобъ дать возможность къ провѣркѣ. Его единица оказалась колеблющейся между 4,085 и 3,998 грамма, что г. Саксендаль объясняетъ не только приблизительностью вычисленія, но и различіемъ мѣстностей (относя сюда и отсутствіе и присутствіе дугообразныхъ черточекъ между очками и степень выпуклости шарового слоя). Не имѣя ничего общаго ни съ готландской, ни съ рижской марками, извѣстными съ 1211—1232 гг., эта система вполнѣ совпадаетъ съ греко-римской драхмо-денарной системой. Послѣдняя процвѣтала въ Римѣ въ концѣ республиканскаго періода и въ началѣ монархіи, до Нерона. Чеканка денаровъ, но въ вѣсѣ значительно упавшемъ, возобновлена Карломъ Великимъ. При саксонскихъ и франконскихъ императорахъ бьютъ много монеты, но вѣсъ ея колеблется до 40°. Тѣ же колебанія и между странами и внутри странъ въ монетахъ Англіи, Даніи, Ирландіи, Швеціи, Норвегіи въ X—XII в. Разнообразіе увеличивалось восточными монетами, которыя были

больше и тяжелѣе и разсчитаны иначе. Одно было общаго во всѣхъ этихъ монетахъ, обращавшихся обильно въ Балтійскомъ краѣ: всѣ онѣ были изъ чистаго серебра. Отсюда единственный способъ считать ихъ: на вѣсъ, и для этого-то и служили гири второй группы, связанныя съ греко-римской денарной системой и дававшія норму денара.

3. Н. И. Андерсонъ прочелъ докладъ: „*Этимологія названій kantele, kankles и т. д.*“, положивъ въ основу доклада переводъ разсужденія Томсена объ этихъ словахъ, помѣщеннаго на стр. 178—181 книги „Beröringer meleem de finske og de baltiske Sprog“ (Копенгагенъ, 1890 г.). Томсенъ ошибается: 1) отрицая существованіе звукоподражательныхъ корней kar- и kal въ финскихъ языкахъ; 2) считая подозрительнымъ суффиксъ -les; 3) въ финскомъ kannus (бубенъ) видя лишь искаженіе лопарскаго gobdas и непосредственно сопоставляя финское сочетаніе звуковъ -nn- (вмѣсто -nt-) съ лопарскимъ -bd-. Это слово kannus не имѣетъ ничего общаго съ kannus (вмѣсто kantus) „шпора“, а произошло изъ kamtus=лопарскаго koamtas, kūmdes, kobdas, gobdas и т. д. и тождественно съ черемисскимъ komdoš, komdyš (крышка). Koamtas слово производное отъ kōmta=финское kansi (основа kante, вмѣсто kamte) крышка. Отъ того же слова произведено и лопарское koamtalas „крышка“, которое точно соотвѣтствуетъ финскому kanteles, kantele. „Корень“ kam- очень распространенъ въ угро-финскихъ языкахъ и не подлежитъ сомнѣнію, что kantele слово финскаго происхожденія, и заимствовано литовцами въ давнишнія времена вмѣстѣ съ другими словами, относящимися къ музыкѣ (напр., играть, игрокъ). Менѣе ясно отношеніе славянскихъ словъ „гусли, гудокъ“ и т. д. къ финскимъ, и референтъ пока не рѣшается положительно утверждать заимствованіе у финновъ, хотя и склоняется къ такому предположенію.

4. К. А. Германъ представилъ рефератъ „*Объ эстонскихъ названіяхъ мѣстностей*“.

Названія поселеній должны имѣть дѣйствительное значеніе, а у эстовъ такія названія часто связаны съ ихъ миѳами, древними сказаніями и историческими воспоминаніями. За краткостью времени докладчикъ объяснилъ лишь названія: Metsepole—лѣсная сторона, Saccala—новь, Sontagana—мѣсто за болотомъ и Tarbato, Dorpat, Дерптъ, Tartu—сокращеніе изъ Taara abuda, помощь Тары (верховнаго бога эстской миѳологіи). Желательно объяснить по возможности всѣ названія эстскихъ поселеній, какъ латышскія объяснены пасторомъ Биленштейномъ.

5. К. фонъ Левисъ-оф-Менаръ сообщилъ о своей уже вышедшей въ свѣтъ картѣ „*Livland im Mittelalter*“.

Давши обзоръ прежнихъ картъ средневѣковой Ливоніи, референтъ указалъ на трудности составленія ихъ, вслѣдствіе чего прежнія попытки не удались. Потомъ онъ подробно изложилъ методъ, по которому имъ составлена была карта. Вкратцѣ упомянувъ о точныхъ результатахъ, достигнутыхъ

имъ (эти результаты помѣщены въ напечатанныхъ къ картѣ объясненіяхъ), референтъ указалъ на послѣдовательную и умную территоріальную политику тевтонскаго ордена, наглядно выясняющуюся изъ его карты. По поводу критическихъ отзывовъ, появившихся въ мѣстныхъ и иностранныхъ журналахъ и газетахъ, референтъ энергично высказался противъ мнѣнія, будто бы уже теперь было бы возможно съ полной точностью отмѣтить на картѣ границы прежнихъ католическихъ епархій: онѣ были пропущены только за недостаткомъ положительныхъ данныхъ.

Въ заключеніе референтъ обратилъ вниманіе Съѣзда на удобный масштабъ своей карты 1 : 1,000,000 (т. е. 1 миллим. = 1 килом.), по которому также начерчены карта городищъ Ливоніи въ языческое время (Burgberge Alt-Livlands aus heidnischer Zeit) и 2 археологическихъ карты Ливоніи, составленныя кандидатомъ Ситцка для Археологическаго Съѣзда.

Засѣданіе смѣшанное.

Почетный предсѣдатель: В. И. Модестовъ.

1. В. И. Сизовъ. *„Характерныя черты могильника въ Пасильнѣ въ Курляндіи“*. Раскопка могильника въ Пасильнѣ произведена референтомъ по порученію Имп. Моск. Археологическаго Общества лѣтомъ 1895 г. Въ томъ же году имъ были произведены раскопки и въ другихъ мѣстахъ Курляндіи, по теченію р. Виндавы и Хазавы, гдѣ могильники по погребенію посредствомъ сожженія и характеру вещей были сходны съ могильникомъ въ Пасильнѣ, давшимъ однако наибольшее количество вещей. Указавъ на нѣкоторыя характерныя особенности украшеній и оружія, референтъ обратилъ особое вниманіе на богатое украшеніе сбруи боеваго коня и на прекрасную технику и прекрасныя оригинальныя формы украшеній изъ желѣза. Повторяемость типовъ характерныхъ вещей придавала этому могильнику цѣльный, своеобразный характеръ, рѣзко отличавшій его отъ могильниковъ латышей, ливовъ и эстовъ. Оригинальность культуры Пасильна и несходство ея съ культурой латышей и ливовъ даетъ основаніе приписать ее или курамъ, или вендамъ. Но такъ какъ куры, по опредѣленію мѣстныхъ ученыхъ, были народомъ смѣшаннымъ изъ ливовъ и латышей, то уже à priori культура куровъ должна была отличаться смѣшаннымъ, а не оригинальнымъ характеромъ. Особо почетное боевое значеніе коня, замѣченное въ раскопкахъ Пасильна, заставляетъ вспомнить о святилищахъ Рюгена и Штетина и о другихъ религіозныхъ и бытовыхъ чертахъ жителей этихъ мѣстъ, по описанію преимущественно Оттона Бамбергскаго. На это родство указываетъ между прочимъ и сходство вещей, находимыхъ въ поморскихъ мѣстахъ сѣв. Пруссіи. Съ другой стороны, существованіе *вендовъ* въ балтійскомъ краѣ подтверждается извѣстіями Генриха Латыша, упомянувшаго объ ихъ переселеніи съ р. Виндавы къ г. Вендену.

2. К. А. Германъ далъ рефератъ „*О суммерійскомъ языкѣ и его отношеніи къ угро-алтайскимъ языкамъ*“. Опперъ, Ленорманъ, Раулинсонъ, Смисъ, Сайсъ, какъ и финляндцы Кастренъ, Альквистъ, Юрьё Коскиненъ считаютъ суммерійцевъ народомъ угро-алтайскаго, а именно даже угро-финскаго происхожденія. Противъ этого мнѣнія были: Галеви, Хауптъ и финскій ученый Доннеръ. Докладчикъ указалъ на сходства самого суммерійскаго языка съ угро-алтайскими языками; 1) по фонетикѣ, 2) по этимологіи и 3) по лексикографіи. Суммерійскій языкъ имѣетъ по фонетикѣ сходную конструкцію и вокальную гармонію, по этимологіи похожія формы въ именахъ существительныхъ и числительныхъ, мѣстоименіяхъ и глаголахъ, а по лексикографіи цѣлое количество идентичныхъ словъ. Такое сходство не случайно и можетъ быть объяснено только родствомъ.

3. Н. И. Андерсонъ сдѣлалъ докладъ: „*Объ этимологіи названія Біармія, Пермь, Пермяки и Зыряне*“. Норвежско-латышская форма Bärma, Biärma, Biärmas тожественна съ чисто финскимъ словомъ слышнымъ въ „Пермь“, „Пермяне“ и обозначаетъ „пограничный, крайній, за [волокомъ] находящійся“ (отъ финскаго perä). Зырянинъ, въ древнихъ памятникахъ также Сырянинъ, Серянинъ, Сурянинъ—очевидно, соотвѣтствуетъ финнскому Syrjäinen—„крайній“ (отъ Syrjä—„край“). Между прочимъ, докладчикъ объяснилъ названіе Москвы изъ зырянскаго языка: mosk-va, mösk-va значитъ по-зырянски „коровья рѣка“.

Засѣданіе общее и закрытіе Съѣзда. 15 августа днемъ.

Предсѣдатель: графиня П. С. Уварова.

Послѣ панихиды, отслуженной въ 12 часовъ дня, въ каѳедральномъ соборѣ въ присутствіи г. Лифляндскаго губернатора, г. попечителя Рижскаго Учебнаго Округа, графини П. С. Уваровой, членовъ Съѣзда и многихъ молящихся по въ Бозѣ почивающемъ Императорѣ Александрѣ III, по Монаршему указанію коего X Археологическій Съѣздъ былъ созванъ въ Ригѣ, въ 1 часъ дня состоялось послѣднее (общее) засѣданіе X Археологическаго Съѣзда.

1. Ѳ. И. Успенскій, представилъ докладъ „*О Болгаріи въ археологическомъ отношеніи*“.

Напомнивъ о неосуществившемся проектѣ археологической экспедиціи въ Болгарію и указавъ, что въ научномъ отношеніи русскихъ ожидаетъ въ Болгаріи благодарная почва, референтъ перешелъ къ результатамъ предпринятой Конст-польскимъ Институтомъ развѣдки. Историческій и археологическій интересъ есть у правительственныхъ классовъ Болгарскаго княжества, но небольшая группа ученыхъ, профессоровъ высшей школы, недостаточна для того, чтобы взять въ свои руки разработку древней исторіи, изученіе монументальныхъ и письменныхъ памятниковъ, изслѣдованіе народной лите-

ратуры, языка, права и обычаевъ. Научныя потребности осязательны, а практически подготовленныхъ людей нѣтъ,—нѣтъ художниковъ, архитекторовъ, профессоровъ. Вотъ почему представляется желательнымъ привлеченіе ученыхъ силъ изъ Россіи. Далѣе, референтъ указалъ на наиболѣе важныя археологическія задачи въ Болгаріи и на замѣчательныя и драгоцѣнныя археологическія сокровища, ожидающія ученыхъ въ Болгаріи. Докладчикомъ отмѣчены были: курганы, памятники ѳракійскаго времени, памятники древнехристіанскіе, развалины св. Софіи, монастыри: Рыльскій и Бояновъ; вопросы о рукописяхъ, миніатюры и шитье, рядъ вопросовъ историческихъ и этнографическихъ.

2. Э. Е. фонъ-Нотбекъ сдѣлалъ сообщеніе (на нѣмецкомъ языкѣ) *о мѣрахъ къ сохраненію памятниковъ зодчества въ Прибалтійскомъ краѣ.*

Указавъ на положеніе этого дѣла въ западно-европейскихъ государствахъ и на ст. 980 и 981 т. III Св. Мѣстн. Узак. Губ. Остзейск. (основанныхъ на Высочайшихъ указахъ 1826 — 1848 гг.), референтъ сообщилъ объ учрежденной по его иниціативѣ ревельской городской коммиссіи и о секціи эстляндскаго литературнаго общества, заботящихся о сохраненіи древностей, и предложилъ учредить таковые органы и въ остальныхъ балтійскихъ губерніяхъ. Графиня Уварова по этому поводу выразила пожеланіе, чтобы во всей Россіи были приняты такія же мѣры къ сохраненію древностей.

3. Предсѣдатель Ученаго Комитета Съѣзда, Ѳ. И. Успенскій, представилъ отчетъ *объ ученой дѣятельности X Археологическаго Съѣзда въ Ригѣ.* Дѣятельность Съѣзда продолжалась 15 дней. Ученыя собранія, посвященныя чтенію рефератовъ, происходили въ теченіе 12 дней. Всего было 33 засѣданія, на которыхъ было сдѣлано 98 рефератовъ.

Перечисливъ дѣятельность Съѣзда по Отдѣленіямъ, Ѳ. И. Успенскій закончилъ свою рѣчь словами: „Подводя итоги всему представленному выше, беру на себя смѣлость утверждать, что X Археологическій Съѣздъ въ Ригѣ долженъ быть признанъ вполнѣ достигшимъ своей цѣли. Дружная серьезная работа, направленная къ разрѣшенію научныхъ проблеммъ, выдвинула много важныхъ вопросовъ, которые частію разрѣшены, частью твердо постановлены. Своимъ успѣхомъ настоящій Съѣздъ обязанъ какъ прекраснымъ подготовительнымъ работамъ среди мѣстныхъ ученыхъ, такъ и обилію и разнообразію научнаго матеріала, привнесеннаго пріѣзжими членами Съѣзда. То и другое, въ соединеніи съ полнымъ довѣріемъ и взаимнымъ уваженіемъ придали Съѣзду цѣльность и стройность, которыми и обусловливается его научный успѣхъ“.

4. Рѣчь предсѣдателя Съѣзда, графини П. С. Уваровой:

„Мм. гг., нашъ X Археологическій Съѣздъ черезъ нѣсколько минутъ будетъ закрытъ. Мы покончимъ свои работы; частью разойдемся по всей Руси великой, частью переберемся за ея границы и разнесемъ въ разныя части Европы слухъ о нашихъ трудахъ, нашихъ успѣхахъ и неудачахъ. . .

Мы разойдемся, и труды наши, какъ всякое общественное дѣло, станутъ достояніемъ если не исторіи, то, по крайней мѣрѣ, всевозможныхъ слуховъ, толковъ и пересудовъ. Но отдаваясь въ полное распоряженіе общественнаго мнѣнія, которое *очень дорого* нашему дѣлу и которое нельзя устранить, когда дѣло ведется открыто, честно, съ любовью и съ полною увѣренностью на возможность успѣха, въ нашей совѣсти можетъ однакожъ возникнуть сомнѣніе въ томъ, исполнили мы въ точности всѣ надежды, возлагаемыя на насъ Державнымъ Повелителемъ земли Русской, нынѣ усопшимъ Государемъ Александромъ III, которому угодно было указать на желательность созыва настоящаго Съѣзда именно въ Прибалтійскомъ краѣ? Надежды эти, мнѣ думается, были двоякія: Его Императорское Величество, въ высшей степени дорожившій древними памятниками на Руси, ихъ изученіемъ, сохраненіемъ и научнымъ возстановленіемъ, и напоминающій этою чертою своего характера Державнаго Дѣла, Государя Николая Павловича, вѣроятно, надѣялся, что, съ одной стороны, *ученые изъ внутреннихъ частей Россіи* не упустятъ случая, указаннаго имъ свыше, чтобы ознакомиться болѣе близко съ нашею западною окраиною, съ ея учеными силами, тѣмъ вліяніемъ и связью, которыя существовали между древней Русью и Балтійскимъ поморьемъ. Съ другой стороны, Его Величество могъ надѣяться, что мѣстные власти и ученые, ознакомясь во время подготовительныхъ работъ съ своими восточными собратіями по наукѣ, окажутъ Съѣзду, его трудамъ и членамъ всякое ученое содѣйствіе для ознакомленія съ краемъ, его изслѣдованіями и коллекціями, его учеными обществами и мѣстными изслѣдованіями. Его Величество могъ надѣяться, что эти мѣстные ученые заинтересуются работами Съѣзда и найдутъ желательнымъ и возможнымъ дальнѣйшее ученое общеніе съ тѣми лицами и учеными обществами и учрежденіями, съ которыми ознакомятся и сойдутся во время Съѣзда. Какъ же исполнили обѣ стороны свои задачи?" Указавъ на многочисленность Рижскаго Съѣзда, число членовъ котораго (664) превышаетъ на 118 число членовъ Виленскаго Съѣзда, графиня Уварова отмѣтила, что въ Съѣздѣ участвуютъ 185 человѣкъ изъ внутреннихъ губерній, въ томъ числѣ *50 профессоровъ и 62 представителя* другихъ ученыхъ учрежденій, что они составили 37 засѣданій, на которыхъ ими представлены были 70 рефератовъ. „Приведенныя цифры", продолжала графиня, „и указанія вполнѣ удовлетворяютъ насъ, и мы, пріѣзжіе, можемъ сказать, что не отстранились отъ дѣла, возлагаемаго на насъ совѣстью и отвѣтственностью предъ памятью въ Бозѣ почившаго Императора".

Вторая группа заинтересованныхъ, т. е. мѣстные власти и ученые: приложили всѣ свои старанія, чтобы поставить дѣло Рижскаго Съѣзда, какъ подобаетъ оное въ такомъ культурномъ центрѣ, какъ нашъ Прибалтійскій край. Графиня напомнила о выставкахъ: *археологической*—въ Большой гильдіи, съ ея научнымъ каталогомъ, представляющимъ цѣлое ученое изслѣдованіе о мѣстныхъ древностяхъ, *цеховой*—въ Малой гильдіи и *латышской*

этнографической; о томъ, что въ отдѣленіи прибалтійскихъ древностей было 7 засѣданій, на которыхъ прочитаны были 21 рефератъ мѣстными учеными и 6 пріѣзжими изъ-за границы; напомнила о сочувствіи и въ высшей степени предупредительномъ и просвѣщенномъ отношеніи къ Съѣзду: лифляндскаго губернатора, лифляндскаго дворянства, городовъ Риги и Митавы, попечителя учебнаго округа, давшихъ мѣстнымъ ученымъ возможность собрать со всего края научныя коллекціи и издать каталогъ этихъ коллекцій, великолѣпно размѣстившихъ выставки и засѣданія, пріютившихъ большое число пріѣзжихъ членовъ. „Они (т. е. власти и представители городовъ и дворянства), приняли, обласкали, чествовали насъ, они облегчили намъ знакомство съ мѣстными памятниками старины... Да будетъ же мнѣ позволено высказать имъ здѣсь, съ этой каѳедры, глубокую, сердечную признательность, глубокую сердечную благодарность отъ лица всего Съѣзда". Въ заключеніе графиня Уварова отмѣтила одну въ высшей степени симпатичную черту Рижскаго Съѣзда:—широкое развитіе, приданное изученію и изслѣдованію *мѣстныхъ* могильниковъ, мѣстныхъ памятниковъ старины, мѣстныхъ архивовъ, этнографическихъ и бытовыхъ особенностей, которые такъ широко представлены какъ учеными изслѣдователями края, такъ и болѣе скромными представителями онаго: пасторами, учителями и др. Указавъ затѣмъ на труды пастора Биленштейна, извѣстнаго изслѣдователя латышской народности, пастора Хурта, представившаго въ высшей степени интересное собраніе эстонскихъ пѣсенъ, сказокъ, повѣрій и успѣвшаго привлечь къ участію въ своихъ трудахъ цѣлыя сотни сотрудниковъ въ отдаленнѣйшихъ углахъ нашего обширнаго отечества, и, наконецъ, на выставку цеховъ графиня Уварова отмѣтила значеніе подобныхъ явленій, какъ высокихъ проявленій самосознанія и культурнаго къ нему отношенія.

Затѣмъ графиня Уварова прочитала нижеслѣдующія постановленія совѣта Съѣзда:

1) Съѣздъ ходатайствуетъ объ организаціи архивовъ Прибалтійскаго края (шведскаго и генералъ-губернаторскаго въ Ригѣ и герцогскаго въ Митавѣ) съ цѣлью дать имъ соотвѣтствующее помѣщеніе и ученыхъ архиваріусовъ и такимъ образомъ сдѣлать ихъ доступными для пользованія и изученія.

2) Просить Императорскую Археологическую Комиссію, чтобы вещи, добываемыя на казенныхъ земляхъ изъ могильниковъ извѣстной мѣстности, если онѣ не нужны главнымъ музеямъ Имперіи—Императорскому Эрмитажу и Императорскому Россійскому Историческому Музею памяти Императора Александра III — предоставлялись музеямъ тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ найдены эти вещи. Вмѣстѣ съ тѣмъ просить Комиссію въ сношеніяхъ ея съ мѣстною администраціей по вопросу о случайныхъ находкахъ разъяснять этимъ властямъ, что на основаніи существующихъ законовъ Имперіи вещи, находимыя на земляхъ частныхъ владѣльцевъ, принадлежатъ симъ послѣднимъ и отчуждаемы быть не могутъ.

3) По поводу сообщенія академика Суслова о реставраціи храма св. Софіи Новгородской возникли пренія, изъ которыхъ выяснилось, что при реставраціи частію пострадали нѣкоторые важные памятники древностей, частію совсѣмъ уничтожены: Съѣздъ выражаетъ по этому случаю свое глубокое сожалѣніе и проситъ Императорскую Археологическую Комиссію принять мѣры предупрежденія подобныхъ нежелательныхъ случайностей.

4) Въ виду важности и необходимости дальнѣйшей разработки русскими учеными древностей Балканскаго полуострова, прилегающихъ къ нему славянскихъ государствъ и малоазіатскаго полуострова, Съѣздъ ходатайствуетъ объ увеличеніи средствъ и ученаго персонала Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ.

5) Въ виду поднятаго французскимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія вопроса о совмѣстномъ обслѣдованіи и изданіи рукописныхъ сокровищъ Аѳона, Съѣздъ ходатайствуетъ о предоставленіи средствъ Русскому Археологическому Институту въ Константинополѣ на осуществленіе этого важнаго научнаго предпріятія.

6) По поводу предложенія проф. А. С. Будиловича о снаряженіи археологической экспедиціи въ Венгрію, Съѣздъ выражаетъ свое сочувствіе къ мысли о снаряженіи подобной экспедиціи.

7) Предложеніе проф. фонъ-Штерна Съѣзду—выработать циркулярное сообщеніе о поддѣлкахъ классическихъ древностей на югѣ Россіи на главныхъ европейскихъ языкахъ для распространенія его во всѣхъ спеціальныхъ органахъ, общихъ журналахъ и газетахъ—принять и просить проф. Штерна выработать проектъ подобнаго циркуляра и представить таковой въ Императорское Московское Археологическое Общество.

8) Въ виду печальнаго положенія многихъ губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій, не имѣющихъ ни опредѣленнаго помѣщенія, ни опредѣленныхъ денежныхъ средствъ, обратить вниманіе министерства внутреннихъ дѣлъ на большую государственную пользу, приносимую комиссіями, и ходатайствовать, чтобъ имъ оказываема была помощь и субсидія при посредствѣ гг. губернаторовъ.

9) Выразить отъ имени X Археологическаго Съѣзда глубокую благодарность Обществу Исторіи и Древностей Прибалтійскихъ губерній, Ученому Эстонскому Обществу въ Юрьевѣ, Эстляндскому Литературному Обществу, Императорскому Юрьевскому Университету, Курляндскому Обществу Искусствъ и Литературы, Литературному Латышскому Обществу въ Митавѣ и всѣмъ мѣстнымъ ученымъ дѣятелямъ, издавшимъ и посвятившимъ свои ученые труды Съѣзду и принявшимъ дѣятельное участіе въ устройствѣ археологической выставки и Рижскому Латышскому Союзу, устроившему этнографическую выставку и народные концерты, — за ихъ сердечное отношеніе и глубокое сочувствіе къ Съѣзду.

10) Избрать мѣстомъ будущаго Съѣзда Кіевъ, при чемъ предвари-

тельный комитетъ собрать въ Москвѣ при Московскомъ Археологическомъ Обществѣ.

11) Повергнуть предъ *Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Сергіемъ Александровичемъ* почтительное ходатайство о благосклонномъ принятіи будущаго XI Археологическаго Съѣзда въ Кіевѣ и его Предварительнаго Комитета подъ Августѣйшее Почетное Предсѣдательство *Его Высочества*.

12) Поручить печатаніе „Трудовъ" X Съѣзда Императорскому Московскому Археологическому Обществу, предоставивъ ему выборъ мѣста печатанія.

Далѣе графиня Уварова сообщила содержаніе телеграммы, отправленной 14 августа *Его Императорскому Высочеству Великому Князю Сергію Александровичу*, Августѣйшему Почетному Предсѣдателю Съѣзда, и отвѣтъ *Его Высочества*, а именно:

Телеграмма Съѣзда: Археологическій Съѣздъ въ Ригѣ, оканчивая завтра свои занятія, собирается сегодня вечеромъ, чтобы избрать мѣсто будущаго Съѣзда и повергаетъ предъ Вашимъ Императорскимъ Высочествомъ горячую надежду, что Ваше Высочество станете во главѣ будущаго Съѣзда и его Предварительнаго Комитета. Рижскіе ученые сегодня высылаютъ на имя Вашего Высочества роскошный экземпляръ каталога ихъ прекраснѣйшей Выставки и почтительнѣйше просятъ Ваше Высочество благосклонно принять его какъ знакъ ихъ глубочайшаго почтенія.

Отвѣтъ Его Высочества: Съ искреннею радостію принимаю на себя предсѣдательство на будущемъ Съѣздѣ и отъ всего сердца благодарю всѣхъ за каталогъ. Очень огорченъ, что не могъ быть съ вами всѣми.

Сергій.

Окончивъ оффиціальный отчетъ, графиня Уварова просила позволенія высказать еще отъ себя лично нѣсколько пожеланій. Указавъ на различнаго рода важные запросы, вопросы, мнѣнія, предположенія, рѣшенія, высказывавшіеся и принятые на нынѣшнемъ Съѣздѣ и требующіе разработки и выясненія, графиня сказала:

„Всѣ эти заявленія, замѣчанія, постановленія указываютъ какъ нельзя болѣе, что работы предстоитъ еще много и что для общей этой работы весьма желательно болѣе тѣсное ученое общеніе мѣстныхъ ученыхъ силъ съ учеными внутренней Россіи, ея музеями и архивами, — и я позволяю себѣ здѣсь выразить надежду на то, что это обоюдное общеніе продолжится, укрѣпится и будетъ поддержано обѣими заинтересованными сторонами".

Попечитель рижскаго учебнаго округа, академикъ Н. А. Лавровскій, обратился къ собранію съ слѣдующею рѣчью:

„Мм. гг.! Археологическіе съѣзды въ Россіи, повторяющіеся каждые три года, въ своемъ хотя и недалекомъ прошедшемъ представляютъ поистинѣ отрадное явленіе не только по достигнутымъ ими результатамъ изслѣдованій

въ своей спеціальной области знанія, но и потому, что они какъ то скоро привились у насъ и пустили сильные и здоровые корни, какъ то скоро установились къ нимъ добрыя и живыя отношенія не только общества, но и правительства, каждый разъ не отказывавшаго имъ въ весьма значительномъ матеріальномъ пособіи. Обращаться къ этому прошедшему, какъ извѣстному всѣмъ членамъ Съѣзда, излишне, притомъ существенное изъ него было уже предложено вашему вниманію высоко уважаемымъ предсѣдателемъ въ обозрѣніи дѣятельности всѣхъ предшествовавшихъ девяти Съѣздовъ при открытіи настоящаго Десятаго Съѣзда. Надежды на будущее, притомъ еще болѣе свѣтлыя, покоятся на твердомъ основаніи прошедшаго и особенно на усиливающемся съ каждымъ годомъ сочувствіи къ Съѣздамъ представителей науки археологіи. На это сочувствіе въ будущемъ мы можемъ смѣло разсчитывать: эта наука по мѣрѣ ея развитія съ возрастающею силою будетъ и впредь привлекать на Съѣздъ посвятившихъ себя ея изученію для удовлетворенія ихъ внутренней потребности высказывать то, что накопилось въ душѣ въ процессѣ долгой работы мысли, провѣрять собственныя соображенія и выводы обмѣномъ мыслей съ ея представителями и выслушивать то, что принесли съ собою на Съѣзды работающіе въ той же области знанія.

„Успѣху нашихъ Съѣздовъ безспорно весьма много содѣйствовало и присутствіе особой и необходимой силы, которую я назвалъ бы силой почина и порядка, силой возбуждающей, собирающей и укрѣпляющей Съѣзды съ ихъ довольно сложнымъ механизмомъ. Эта сила во всѣхъ десяти Археологическихъ Съѣздахъ, къ счастію, была прекрасно и съ полнымъ достоинствомъ представлена въ лицѣ ихъ предсѣдателей — незабвеннымъ графомъ А. С. Уваровымъ и по его кончинѣ высокочтимой его супругой, не знающей досуга и задолго до Съѣздовъ въ распоряженіяхъ по ихъ устройству и во все ихъ продолженіе. Въ минуту закрытія настоящаго Десятаго Съѣзда почтимъ память перваго предсѣдателя первыхъ Археологическихъ Съѣздовъ, оставившаго неизгладимые слѣды въ наукѣ русской археологіи, и выразимъ глубокую сердечную признательность предсѣдателю настоящаго Съѣзда за его неослабные труды по устройству его и предшествовавшихъ Съѣздовъ.

„О какихъ-либо обобщеніяхъ, выводахъ по содержанію предложенныхъ многочисленныхъ и разнообразныхъ докладовъ, обнимающихъ собою время отъ первобытной эпохи до послѣдняго истекшаго вѣка включительно, конечно не можетъ быть рѣчи. Возможные обобщенія и выводы по обнародованіи всѣхъ докладовъ не заставятъ себя долго ждать, чему вѣрнымъ ручательствомъ служитъ тотъ живой и непрерывавшійся интересъ, какой возбуждали эти доклады на всѣхъ многочисленныхъ засѣданіяхъ Съѣзда. Пожелаемъ же, чтобы наши Археологическіе Съѣзды продолжали расти и множиться при столь же благопріятныхъ условіяхъ, какъ и по сіе время, и продолжали вносить въ науку археологіи все большіе вклады; чтобы упомянутая мною сила почина и порядка продолжала столь благотворно дѣйствовать на пользу

Съѣздовъ, не прерываясь, преемственно и наслѣдственно; чтобы число участниковъ Съѣздовъ съ каждымъ годомъ также росло и множилось, а для того пожелаемъ, чтобы давнее ходатайство одного изъ предшествовавшихъ Съѣздовъ и доселѣ неудовлетворенное, на которое было указано предсѣдателемъ при открытіи Съѣзда, а именно—*объ учрежденіи при всѣхъ русскихъ университетахъ особенной каѳедры русской или лучше славяно-русской археологіи*, получило скорое и полное удовлетвореніе, и тогда могъ бы быть устраненъ и тотъ недостатокъ ученыхъ силъ въ Русскомъ Археологическомъ Институтѣ въ Константинополѣ, на который такъ горько жаловался на одномъ изъ засѣданій Съѣзда глубокоуважаемый директоръ Института, выразившій даже опасеніе, какъ бы надвигающаяся масса археологическаго матеріала при недостаткѣ рабочихъ рукъ не подавила собой скудныя наличныя силы Института.

„Напутствуя оставляющихъ Ригу дорогихъ гостей наилучшими пожеланіями и тѣмъ, чтобы знакомство съ обширнымъ мѣстнымъ археологическимъ матеріаломъ вызвало не одно посѣщеніе здѣшняго края и не одинъ опытъ разработки этого матеріала, я объявляю Десятый Археологическій Съѣздъ закрытымъ“.

Поѣздки, осмотры и раскопки.

Во время Съѣзда произведены были осмотры Митавы и Риги и раскопки въ имѣніи Трейденъ.

4-го августа члены Общества ѣздили въ Митаву и тамъ подъ руководствомъ мѣстныхъ знатоковъ были осмотрѣны: Музей Общества Исторіи и Искусства (портреты герцоговъ, Паткуля и др.; часы Людовика XVI), католическая церковь (ложа Людовика XVIII съ художественной лѣстницей къ ней), гимназія—прежній герцогскій дворецъ, затѣмъ Academia Petrina (по имени герцога Петра) и наконецъ Gymnasium illustre — съ ея библіотекой, второй въ краѣ по богатству (свыше 45,000 томовъ и много рѣдкихъ книгъ), Троицкая лютеранская церковь, основанная супругой Готтарда Кетлера, Анной Мекленбургской (рѣзной молитвенный стулъ 1619 г., картины и гербы; частныя часовенки, надгробные камни, знамена вынесены изъ церкви, когда Екатерина II запретила погребенія въ церквахъ; при обновленіи въ 1854 г. уничтожены многіе остатки древности), замокъ — постройка Растрелли, а въ немъ: герцогскій склепъ, помѣщеніе Статистическаго Комитета (собраніе книгъ, видовъ, картъ, портретовъ — между прочимъ, Эрнста Бирона и Растрелли—фотографій), церковь и царскіе покои (ковры шитые Бенигной Биронъ въ Сибири и въ Ярославлѣ).

---

8 августа до 200 членовъ Съѣзда присутствовали при раскопкѣ могильника на землѣ Путель въ имѣніи Трейденъ. Здѣсь 40 кургановъ, изъ коихъ кургановъ 12 нетронутыхъ.

Обществомъ Исторіи и Древностей Прибалтійскаго края уже въ іюлѣ произведено здѣсь предварительное изслѣдованіе [1]), а 7-го августа г. Хаусманъ, принявшій на себя руководство поѣздкой, выѣхалъ на мѣсто съ кружкомъ археологовъ (гг. Богоявленскій, Левисъ-оф-Менаръ, Трутовскій, Яшъ и др.) и началъ раскопку. Въ этотъ день раскрыто 6 кургановъ: въ четырехъ оказалось погребеніе, въ одномъ—сожженіе, а одинъ (вѣроятно, вскрытый раньше) не далъ ничего. Скелеты лежали головой на сѣверъ; при нихъ найдены: двѣ англосакскія монеты XI в., арабская диргема X вѣка, пара скорлупчатыхъ „ливскихъ" наплечныхъ фибулъ, бронзовая гривна, золоченыя бусы и т. д. Въ одной изъ могилъ, у хорошо сохранившагося костяка лежали: у праваго плеча два копья, у бедра боевой топоръ, на груди части суставчатой цѣпи и наборъ пояса; въ ногахъ скелетъ собаки. Въ могилѣ съ сожженіемъ найдены серебряныя, богато украшенныя ножны съ клинкомъ.

8 августа пріѣхали члены Съѣзда. Графиня Уварова и гг. Антоновичъ, Бецценбергеръ и Сизовъ приняли личное участіе въ раскопкахъ, а гг. Вирховы, отецъ и сынъ, занялись препарированіемъ скелета воина.

Вновь было раскрыто 4 кургана. Въ наибольшемъ скелетъ лежалъ головой на сѣверъ, на грунтѣ, на деревянной подстилкѣ; боковыя деревянныя стѣнки были обозначены черными линіями; слѣды верхней доски можно было замѣтить только въ ногахъ, гдѣ надъ доской была кладка большихъ камней; на мѣстѣ головы оказался также камень, отъ давленія котораго черепъ подвинулся вбокъ, за предѣлы черныхъ линій перегноя; въ доскахъ попадались гвозди. Костякъ перегнилъ. Трупъ былъ одѣтъ въ длинную одежду, спускавшуюся ниже ногъ, убранную, по всей длинѣ, вотканными бронзовыми колечками и стеклянными бусами и отороченную каймой изъ бронзовыхъ спиралекъ. На плечахъ двѣ скорлупчатыя фибулы, соединенныя цѣпочками (разорваны); при цѣпочкахъ янтарный привѣсокъ, медвѣжій зубъ и диргема. У пояса ножъ въ бронзовыхъ ножнахъ, на подвязахъ изъ спиралей. У праваго локтя плохо сохранившееся желѣзное остріе; выше груди — желѣзныя ножницы. Особенно интересна *бронзовая чаша* въ ногахъ на доскѣ—unicum въ краѣ. На СЗ. отъ гроба, приблизительно въ 0,5 м.—черепки раздавленнаго горшка. Въ другомъ курганѣ найдены два скелета, спирали, бусы, диргема. Въ третьемъ, чрезвычайно низкомъ и очень широкомъ, тотчасъ подъ

---

[1]) Именно Н. Н. Бушъ опредѣлилъ составъ могильника (14 раскопанныхъ кургановъ и поровну цѣлыхъ и тронутыхъ), вырубилъ лѣсокъ, сдѣлалъ планъ и раскопалъ на пробу одинъ изъ тронутыхъ кургановъ. Скелетъ лежалъ на перегноѣ (доскахъ), на грунтѣ, головой на сѣверъ; на груди бронзовый цилиндрикъ (спиралевидный); далѣе при скелетѣ найдены: желѣзный ножъ, топоръ, клинокъ меча, части ноженъ (дерево и кожа съ бронзой); на 0,9 м. къ С. отъ черепа—копье въ 0,3 м., убранное серебромъ, и рядомъ другое, меньшее копье, а западнѣе глиняные черепки безъ орнамента, два ножа съ роговыми ручками, два точила. Въ западной части, съ середины высоты и до грунта спускались остатки мертвы, принесенной на огнѣ: уголь, камешки со слѣдами огня, зубъ животнаго.

верхнимъ слоемъ оказался круглый курганъ изъ камней, сверху мелкихъ, внизу крупныхъ. Въ могилѣ ничего не найдено. Четвертый курганъ (раскопанный ранѣе) далъ лишь нѣсколько бусъ.

Владѣлецъ имѣнія, бар. Кампенгаузенъ пожертвовалъ всѣ вещи, добытыя теперь и ранѣе, рижскому Общ. Ист. и Древн. Часть гостей отправилась съ пасторомъ Биленштейномъ осматривать находящіеся вблизи, такъ называемые ливскіе окопы, на берегу Аа, и башни замковъ Трейдена и Кремона. По пути же къ мѣсту раскопокъ, любезно принятые владѣлицей имѣнія Зегевольда, кн. Крапоткиной, члены Съѣзда осмотрѣли чудныя развалины Зегевольдскаго замка—характерной комтуріи XIII в. [1]).

Въ Ригѣ, 9-го августа, члены Съѣзда обозрѣвали подъ руководствомъ гг. Левисъ-офъ-Менара и Неймана памятники старины: соборныя зданія (Dom), гдѣ древнѣйшія части относятся къ началу XIII в. и носятъ романскій характеръ, церковь св. Іоанна—того же времени, домъ Черноголовыхъ—XIV в., церковь св. Петра съ остатками начала XV в., Пороховую башню и т. д. Древніе храмы Риги чрезвычайно интересны. Стили: романскій, готическій разныхъ эпохъ, возрожденія, бароко, рококо; время католическаго монашества и лютеранства; иконоборства начала XVI в., „обновленія“ и „очищенія“ конца прошлаго столѣтія; различные періоды многовѣковой политической, общественной, сословной жизни Риги—все это отразилось на этихъ храмахъ или въ лѣтописяхъ ихъ.

11 августа осмотрѣнъ былъ рижскій замокъ, гдѣ члены Съѣзда были приняты губернаторомъ и руководимы при осмотрѣ губернскимъ архитекторомъ г. Лунскимъ. Присутственными мѣстами въ замкѣ занята бывшая Андреевская домовая церковь магистровъ. При осмотрѣ архивовъ замка, объясненія давалъ г. Бухгольцъ. На чердакѣ замковой башни помѣщенъ шведскій генералъ-губернаторскій архивъ. Когда Петръ началъ осаждать Ригу, архивъ этотъ былъ отвезенъ въ Швецію и возвращенъ русскимъ правительствомъ только въ нашемъ вѣкѣ, при посредствѣ оберъ-суперинтендента Зонтага. Реэстровъ ему нѣтъ и занятія въ помѣщеніи его крайне затруднительны. Архивъ русскихъ генералъ-губернаторовъ помѣщается рядомъ съ канцеляріей губернатора, въ помѣщеніи довольно хорошемъ, но для занятій все же неудобномъ. Здѣсь хранятся письма государей съ Петра Великаго (они изданы покойнымъ Чешихинымъ, единственнымъ русскимъ, работавшемъ въ архивѣ). Остальныя бумаги и описи идутъ съ 1760 года. Гдѣ бумаги съ 1710 по 1760 г.—нѣтъ слѣдовъ.

Отдѣльными группами члены Съѣзда посѣщали различные музеи и собранія, гдѣ повсюду имъ былъ предложенъ свободный и безплатный входъ и любезнѣйшимъ образомъ давались объясненія. Такъ посѣщаемы были Со-

---

[1]) Ср. стр. 248.

борные Музеи (Domtuseum) и прежде всего Музей Общества Исторіи и Древностей съ его собраніемъ средневѣковыхъ памятниковъ по архитектурѣ, домашнему и военному быту (между прочимъ, собранія изразцовъ, рѣзьбы, оружія) и исторической галлереей; на время Съѣзда здѣсь была устроена выставка фарфора и изящныхъ бездѣлушекъ изъ частныхъ собраній, большею частью XVIII и начала XIX вѣка. Далѣе Музей Естественно-Историческаго Общества; городской архивъ (богатые отдѣлы: Moscovitica et Ruthenica и Polonica); городская библіотека, картинная галлерея. Галлерея художественнаго Общества; церковно-археологическій музей (въ помѣщеніи коего выставлены были на время Съѣзда древнія рукописи миссіонерской библіотеки, и церкви: Благовѣщенская и Алексѣевская, читальня Русскаго Кружка, домъ Латышскаго союза.

За краткое время Съѣзда, конечно, далеко нельзя было овладѣть всѣмъ богатымъ матеріаломъ, который даетъ Рига археологу и историку; но многое, что успѣло быть отмѣченнымъ, скажется, конечно, въ нашихъ дальнѣйшихъ работахъ, а также и привлечетъ не одного изъ насъ вновь въ Ригу, для болѣе продолжительнаго изученія ея научныхъ сокровищъ.

Нѣкоторыя Рижскія ученыя Общества привѣтствовали Съѣздъ въ особыхъ засѣданіяхъ. Такъ наканунѣ открытія Съѣзда засѣданіе *Рижскаго Латышскаго Союза* началось рѣчью предсѣдателя, г. Вебера, привѣтствовавшаго прибытіе въ Ригу X русскаго Археологическаго Съѣзда, чрезвычайное событіе для края. *Засѣданіе же Общества испытателей природы 10 августа* было устроено спеціально для членовъ Съѣзда. Здѣсь первымъ читалъ д-ръ Конвенцъ „О рогульникѣ (Wassernuss, trapa natans), исчезающемъ родѣ, который въ Швеціи принадлежалъ третичному періоду, въ Англіи—междуледниковому, въ Даніи и Финляндіи—поледниковому; на югѣ Россіи, у Астрахани, онъ встрѣчается часто; въ Курляндіи лишь у Якобштадта въ Клаузенскомъ озерѣ; въ Восточной Пруссіи только у Кенигсберга, въ Западной встрѣчается также. На югѣ Европы воздѣлываютъ особый видъ рогульника (verbanensis), дѣлая изъ него четки; въ Японіи и Китаѣ рогульникъ воздѣлываютъ и пекутъ хлѣбъ изъ смолотыхъ плодовъ его. Исчезаетъ рогульникъ отъ высыханія поверхности земли. Затѣмъ г. Шедеръ, надъ многочисленнымъ собраніемъ костей, прочелъ „О млекопитающихъ, исчезнувшихъ изъ балтійскихъ губерній": бобрѣ, россомахѣ, гренландскомъ тюленѣ, дикомъ кабанѣ, благородномъ и сѣверномъ оленѣ, первобыкѣ, ласкѣ, носорогѣ и мамонтѣ. Кромѣ того и прежде находили и теперь находятъ остатки китовъ на берегу. Въ заключеніе д-ръ Вальденъ прочелъ „Объ услугахъ химіи для археологіи": часто лишь при помощи химіи опредѣляется время и мѣсто происхожденія предметовъ, а равно и даются указанія о поддѣлкѣ.

Не менѣе привѣтливо отнеслось къ гостямъ и общество Риги. Кромѣ того, что было сдѣлано для удобствъ ихъ городомъ, сословіями, администраціей, учебнымъ вѣдомствомъ, желѣзнодорожнымъ начальствомъ, Съѣздъ чествовался: вечернимъ праздникомъ отъ города въ Стрѣлковомъ саду, обѣдомъ и раутомъ отъ дворянства, обѣдами у губернатора, городскаго головы, попечителя учебнаго округа и гостепріимствомъ частныхъ лицъ. Также въ поѣздкахъ своихъ члены Съѣзда встрѣчали повсюду самый радушный пріемъ.

Мѣстныя газеты съ большимъ сочувствіемъ и интересомъ отнеслись къ Съѣзду, печатали подробныя сообщенія о засѣданіяхъ, о выставкахъ, а также нѣкоторые доклады: такъ въ Düna Zeitung помѣщены были почти цѣликомъ доклады гг. Биленштейна, Дидерихса, Саксендаля, въ Rigaer Tageblatt—г. Буша свѣдѣнія о Трейденскомъ могильникѣ, между тѣмъ какъ „Рижскій Вѣстникъ“ посвятилъ этому первому русскому научному Съѣзду въ краѣ рядъ серіозныхъ передовыхъ статей, а также напечаталъ статью г. Миронова по поводу доклада Пѣтухова. Въ газетахъ столичныхъ являлись какъ отдѣльныя статьи и общія корреспонденціи о Съѣздѣ, такъ и („Русск. Вѣд.“) отчеты о засѣданіяхъ. Съ отрадою отмѣчаемъ, что пресса разныхъ направленій и разно судившая объ обстоятельствахъ Съѣзда, была единодушна въ признаніи его несомнѣннаго успѣха и благотворности.

Поѣздка въ Кенигсбергъ, Маріенбургъ и Данцигъ.

На Рижскомъ Съѣздѣ было иностранныхъ гостей больше, чѣмъ бывало прежде, и мы съ искренней благодарностью и отзывчивостью вспоминаемъ ихъ дружеское, сердечное отношеніе къ русскимъ собратьямъ. Тутъ были: г-жа Нуталль изъ Филадельфіи; гг. Бецценбергеръ изъ Кенигсберга; Бульмерингъ изъ Марбурга; Бухгольцъ, Вирховы отецъ и сынъ, Коссина, Фоссъ—изъ Берлина; Гремплеръ изъ Бреславля, Конвенцъ изъ Данцига, Мунро изъ Эдинбурга. Изъ нихъ д-ръ Конвенцъ привезъ на выставку слѣпки съ вещей Данцигскаго Музея и нарочно для Съѣзда изданный объяснительный текстъ; г. Бецценбергеръ посвятилъ Съѣзду свою брошюру о раскопкахъ въ Роминтенъ и организовалъ поѣздку въ Кенигсбергъ, Маріенбургъ и Данцигъ.

Для участниковъ этой поѣздки прусское правительство вдвое понизило цѣну проѣзда; представители общества, съ намѣстникомъ провинціи, г. Гослеромъ во главѣ, радушно встрѣчали и принимали русскихъ гостей, а ученые собратья привѣтливо руководили осмотрами музеевъ и другихъ достопримѣчательностей. Всего поѣздка взяла шесть дней, 16 — 21 августа. Въ Данцигѣ былъ осмотрѣнъ подъ руководствомъ проф. Іенша Восточно-Прусскій Провинціальный музей: естественно-историческій и археологическій, гдѣ хорошо представленъ каменный вѣкъ, бѣдно, какъ и въ нашихъ балтійскихъ губерніяхъ, бронзовый, богатъ и разнообразенъ желѣзный. Далѣе въ Худо-

жественно-промышленномъ музеѣ интересы были старинныя нѣмецкія издѣлія изъ желѣза и рѣзныя работы изъ дерева, а также образцы фарфора берлинскаго и мейсенскаго. Въ королевской библіотекѣ привлекала вниманіе „серебряная библіотека“ герцога Альбрехта, вся въ серебряныхъ—чеканныхъ, гравированныхъ, позолоченныхъ переплетахъ XVII в. [1]). Далѣе, въ первый день осмотрѣны были: университетъ, королевскій зàмокъ, янтарный музей г. Беккера. На другой день, подъ руководствомъ г. Бецценбергера, смотрѣли музей археологическаго Общества Prussia (Prussia—Museum), помѣщающійся въ отдѣленіи стараго королевскаго замка. Какъ въ Провинціальномъ музеѣ, такъ и здѣсь, особенно поучительна строгая научная систематичность въ распредѣленіи предметовъ. Кромѣ рисунковъ, иногда обрядъ древняго погребенія иллюстрируется цѣлыми костяками, представленными въ томъ положеніи, въ какомъ они были найдены въ курганѣ. Длинныя полки заняты погребальными урнами различныхъ размѣровъ. Много рыцарскихъ доспѣховъ исторической эпохи. Осмотрѣнъ далѣе готическій соборъ—усыпальница герцоговъ, а затѣмъ въ окрестностяхъ города янтарныя копи г. Беккера и замокъ гр. Денгофа ф. Фридрихштейнъ, съ восточнымъ собраніемъ ковровъ и серебра, съ историческими портретами и картинами.

Въ Маріенбургѣ, гдѣ принималъ гостей г. Гослеръ, осмотрѣнъ зàмокъ—резиденція магистровъ тевтонскаго ордена въ XIV в. (прусское правительство приступило къ обширной реставраціи замка, руководясь отчасти остатками зàмковъ въ нашихъ прибалтійскихъ губерніяхъ). Небольшой дворъ окаймленъ аркадами и галлереями, на которыхъ можно замѣтить вліяніе Востока. Въ длинныхъ, высокихъ залахъ рыцарскихъ собраній сохранились фресковые портреты магистровъ; въ одной изъ комнатъ собраны старинные доспѣхи и сундуки. Въ капеллѣ св. Дѣвы—фрески XV в., рѣзной золоченый алтарь, рѣзныя дубовыя мѣста для рыцарей.

Въ Данцигѣ интересна была уже самая поѣздка по городу, сохранившему вполнѣ физіономію стариннаго сѣверо-нѣмецкаго и при томъ весьма красиваго и богатаго города. Оригиналенъ былъ чай въ биржевой залѣ, въ вечеръ пріѣзда: высокіе готическіе своды украшались паникадилами, какія еще можно встрѣтить въ нашихъ старинныхъ церквахъ, а изъ глубины сводовъ спускались внизъ старинныя модели парусныхъ кораблей, указывающихъ на торговое могущество Данцига въ былое время. Стѣны украшены старинными фресками, изображающими миѳологическіе или историческіе сюжеты. Мѣстами бросались въ глаза лѣпныя и раскрашенныя фигуры историческихъ лицъ; между прочимъ, выдѣлялась на стѣнѣ большая фигура польскаго короля Казиміра Великаго, свидѣтельствующая о томъ времени, когда Гданскъ былъ польскимъ городомъ. Въ одномъ изъ угловъ залы обращаетъ на себя

---

[1]) Описаніе ея роскошно издано въ Лейпцигѣ: Schwenke u. Lange - Die Silberbibliotek Herzog Albrech v. Preussen, 1894.

вниманіе изразцовая печь огромной высоты замѣчательной работы — изъ изразцовъ съ рельефными портретами и орнаментами въ стилѣ ренесансъ.

Утромъ г. Конвенцъ показывалъ провинціальный музей, гдѣ особенно интересно было собраніе лицевыхъ погребальныхъ урнъ и вещи изъ славянскихъ городищъ и могилъ. Далѣе, смотрѣли ратушу съ превосходнымъ собраніемъ старинной мебели и соборъ, богатый драгоцѣнными тканями (арабскія X—XI в.). За городомъ осмотрѣнъ цистеріанскій Оливскій монастырь.

V

Археологическая хроника.

По недостатку мѣста, мы ограничимся въ этомъ выпускѣ указаніемъ на немногія, особенно выдающіяся находки и открытія.

—— Во Владимірѣ на Клязьмѣ, при земляныхъ работахъ, нашли позади древняго городскаго вала, у Владимірской часовни, на глубинѣ 2 аршинъ, глиняный горшекъ съ драгоцѣннымъ кладомъ княжескаго времени. Вещи сходны съ кладомъ, найденнымъ во Владимірѣ же въ 1865 г. (принадлежитъ Императорскому Эрмитажу и описанъ В. В. Стасовымъ въ VI т. Изв. Имп. Археол. Общ.). Его составляютъ: 1) Серебряная витая гривна. 2) Кружево изъ сквозныхъ репьевъ, убранныхъ сканью и укрѣпленныхъ по три въ рядъ на стержняхъ увитыхъ нитью; 12 такихъ проволокъ съ репьями соединены въ рядъ витой проволокой; вся работа серебряная. 3) Двѣ совершенно одинакія подвѣсныя золотыя „запоны“ (серьги?) съ перегородчатой эмалью: изображеніе молодого мученика (юноша въ нимбѣ, съ крестомъ въ правой рукѣ, въ богатой одеждѣ), а кругомъ, въ особыхъ кружечкахъ, орнаментъ елочкой; къ „запонамъ“—золотыя цѣпочки. 4) Три запястья изъ серебряныхъ прямоугольныхъ пластинокъ, скрѣпленныхъ по двѣ на петляхъ, съ выбитыми вглубь рисунками въ стилѣ византійскихъ перевитыхъ заставицъ, геометрическихъ и звѣриныхъ. 5) Четыре большіе дутые звѣздообразные репья изъ серебра съ зернью. 6) Серебряный витой браслетъ, съ разъединенными концами.

—— Въ Пермской губерніи, на лѣвомъ, нагорномъ берегу Камы, въ 18 в. ниже Перми и въ 3 в. выше селенія Нижніе Мулы, Н. Н. Новокрещеныхъ, предсѣдатель Пермской Архивной Коммиссіи, произвелъ раскопку Гляденовскаго городища. Площадь болѣе 200 кв. саженъ

была покрыта необожженными костями, подъ которыми шелъ слой плотно слежавшагося костянаго пепла, въ серединѣ до $2^1/_4$ аршинъ. Въ пеплѣ найдено множество вещей, большею частью порознь, рѣдко группами. По послѣднимъ извѣстіямъ, найдено было: *бронзовыхъ* вещей до 600, въ томъ числѣ 26 идоловъ или изображеній людскихъ (2 всадника, 1 въ лодкѣ), 180 изображеній животныхъ, птицъ, змѣй, пчелъ и мухъ, 180 бляшекъ (8 съ орнаментомъ), 4 стрѣлы и около 200 вещей неопредѣленныхъ; около 800 *костяныхъ* стрѣлъ и 30 другихъ костяныхъ подѣлокъ; *желѣзныхъ* вещей свыше 1000 (100 стрѣлокъ, 140 ножиковъ, 15 топоровъ, большая часть—вещи неопредѣленныя); *бусъ* бронзовыхъ и стеклянныхъ (простыхъ и золоченыхъ) 500; одна *серебряная* бляха съ изображеніемъ человѣка, стоящаго на животномъ; не менѣе 100 *глиняныхъ* цѣлыхъ чашекъ и горшечковъ и множество черепковъ; множество *череповъ* оленей и хищныхъ животныхъ и масса *зубовъ* и *костей* животныхъ.

—— Хранитель Минусинскаго Музея, Н. М. Мартьяновъ, послѣ 23-лѣтняго пребыванія въ Сибири посѣтивъ этимъ лѣтомъ музеи Европейской Россіи и Кавказа, былъ и на Рижскомъ Съѣздѣ, гдѣ, сообщая въ частныхъ бесѣдахъ немало новыхъ и интересныхъ данныхъ по сибирской археологіи, показывалъ недавно найденную пряслицу съ рунической надписью (и, можетъ быть, также съ китайскими знаками). Это первый извѣстный образчикъ обиходнаго предмета съ сибирскими рунами. Нынѣ эту пряслицу изучаетъ акад. Радловъ.

—— По берегамъ Флориды впервые открыты за это лѣто и изслѣдованы Ф. Гамильтономъ Кушингомъ городища построенныя изъ морскихъ *раковинъ*, съ богатыми остатками культуры близкой но не тождественной съ культурой доисторическихъ поселеній Юкатана.

Поправка. По просьбѣ г. Косцюшко-Валюжинича исправляемъ ошибку, получившуюся при сокращеніи статьи его (изъ „Крымскаго Вѣстн.") для нашей „Хроники", стр. 230: предметы перечисленные въ 3-мъ абзацѣ страницы („Продолжаю перечень... зеленою глазурью") принадлежатъ не къ новой находкѣ г. Косцюшко-В., а къ инвентарю Парутинскаго могильника.

Печатано по опредѣленію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, на основаніи § 56 его Устава.

Предсѣдатель *Графиня Уварова.*

Въ Императорскомъ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ находятся въ продажѣ слѣд. изданія:

Изданія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, Рекомендованы Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Описаніе Кіева. Соч. Закревскаго. Два тома и атласъ. 1868 г. Ц. 7 р.

Труды I-го Археологич. Съѣзда въ Москвѣ. Два тома и атласъ. 1871 г. Ц. 25 р.

Труды III-го Археологич. Съѣзда въ Кіевѣ. Два тома и атласъ. 1878 г. Ц. 10 р.

Труды V-го Археологич. Съѣзда въ Тифлисѣ. Два тома. Ц. 15 р.

Труды VII-го Археологич. Съѣзда въ Ярославлѣ. Томъ I, II и III по 5 р.

Труды VIII-го Археологич. Съѣзда въ Москвѣ. Томъ I. Ц. 10 р.; томъ II. Цѣна 8 р.

Труды IX Археологич. Съѣзда въ Вильнѣ. Томъ I. Ц. 8 р.

Труды Моск. Предв. Комм. X Археол. Съѣзда въ Ригѣ, вып. 1, Ц. 1 р. 50 к.

Матеріалы по археологіи Кавказа; вып. 1, 2 и 3-й. Канд. вып. по 6 р.

Тоже, вып. 4-й, М. 1894. Ц. 8 р. 50 к.

Тоже, вып. 5-й, 1896 г.

Матеріалы по археологіи восточныхъ губерній. Вып. I. Ц. 3 р.

Древности. Труды Московскаго Археологическаго Общества:

Томъ I, два выпуска. 1865—67 г., ц. 6 р.
„ II, три выпуска. 1869—70 г., ц. 6 р.
„ III, три выпуска. 1870, 73 гг. Ц. 6 р.
Томъ IV, три выпуска. 1874 г. Ц. 8 р.
„ V, 1885 г. Ц. 6 р.
„ VI, три выпуска. 1875—76 г. Ц. 6 р.
„ VII, три выпуска. 1877—79 г. Ц. 8 р.
„ VIII, 1880 г. Ц. 8 р.
Приложеніе къ VIII тому:
Пятый Археологич. Съѣздъ. Труды предварител. Комитета, 1882 г. Ц. 6 р.
Томъ IX, три выпуска. 1882—83 г., ц. 8 р.
„ X, 1885 г. Ц. 8 р.
„ XI, три выпуска. 1886—87 г. Ц. 8 р.
„ XII, два выпуска. 1888 г. Ц. 8 р.
„ XIII, два выпуска. 1889—90 г. Ц. 8 р.
„ XIV, 1890 г. Ц. 7 р.
„ XV, два выпуска. 1894 г. Ц. 8 р.

Древности Восточныя. Труды Восточ. Комм. Т. I, три выпуска по 4 р.
Т. II, вып. I. Ц. 4 р.

Древности. Труды Славянской Коммиссіи. Вып. I. Ц. 4 р. 50 к.

Незабвенной памяти Графа А. С. Уварова. Рѣчи, прочитанныя въ соединенномъ засѣданіи ученыхъ обществъ 28 февраля 1885 г. (съ порт. ретомъ Графа А. С. Уварова). 1885 г. Брошюра. Ц. 75 к.

Историческая записка о 25-лѣтней дѣятельности Моск. Арх. Общества. Ц. 2 р.

Памяти Н. С. Тихонравова. М. 1894 г. Ц. 2 р.

Археологическія Извѣстія и Замѣтки, года: 1893—1895 по 3 р.

Уступка гг. членамъ Общества 20%, библіотекамъ учебныхъ заведеній — 25%, книгопродавцамъ — 30%.

Изданія графа Уварова:

Археологія Россіи. Каменный періодъ. Соч. графа А. С. Уварова. Два тома. 1881 г. Ц. 18 р.

Меряне и ихъ бытъ. Соч. гр. А. С. Уварова. Одинъ томъ и атласъ. 1872 г. Ц. 8 р. (нѣтъ въ продажѣ).

Каталогъ собранія древн. гр. А. С. Уварова. Вып. I и II (въ одной книгѣ): Древности каменнаго и металлическаго вѣка, съ портр. гр. А. С. Уварова и 35 табл. рис. 1887 г. Ц. 4 р.

Вып. VII. Монеты Боспорскаго царства и древне-греческихъ городовъ, находившихся въ предѣлахъ нынѣшней Россіи, съ 5 таблицами. Состав. А. Орѣшниковъ. 1887 г., ц. 3 р.

Архим., Леонидъ. Систематическое описаніе Славяно-Россійскихъ рукописей собранія гр. А. С. Уварова, 4 т. М., 1893—94 г. Ц. 15 р.

Каталогъ Спасо-Преображенскаго монастыря въ Ярославлѣ, ц. 9 р. 50 к.

Византійскій Альбомъ — посмертное изд. гр. А. С. Уварова. Т. I. 1889 г. Ц. 15 р.

Кавказъ. Путевыя записки гр. Уварова. 2 тома. Ц. 3 р.

Уступка книгопродавцамъ и библіотекамъ учебныхъ заведеній 25%.

Продаются въ собственномъ домѣ Общества, въ Москвѣ, на Бережковѣ, у Большаго Каменнаго моста.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

выходятъ въ 1896-мъ году (4-й годъ изданія) по той же программѣ и въ томъ же объемѣ.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія рекомендованы для фундаментальныхъ библіотекъ учебныхъ заведеній Министерства.

Подписная цѣна съ пересылкою и доставкою въ годъ ТРИ (3) рубля

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Для **московскихъ** подписчиковъ:

1) Въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ, Берсеневская набережная, собств. домъ, ежедневно отъ 10 до 1 часу и въ часы засѣданій.

2) У А. В. Орѣшникова, Историческій музей, на Красной площади, ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 1 до 4-хъ.

3) Въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Моховая, противъ Стараго Университета, д. Коха (и его иногородн. отд.).

4) Въ книжномъ магазинѣ А. Ланга, на Кузнецкомъ мосту.

Иногородніе подписчики благоволятъ присылать подписные **три рубля исключительно** въ Императорское Московское Археологическое Общество (Москва, Берсеневская набережная, собств. домъ).

Подписчики, **не получившіе** выпуска или **перемѣнившіе** свое мѣсто жительства, благоволятъ обращаться съ заявленіями исключительно въ Московское Археологическое Общество.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція обращается съ просьбою ко всѣмъ прежнимъ сотрудникамъ журнала и ко всѣмъ любителямъ старины присылать свѣдѣнія о раскопкахъ, случайныхъ находкахъ древностей, объ имѣющихся въ частныхъ рукахъ выдающихся предметахъ древности—церковныхъ и бытовыхъ, рукописяхъ и т. п., а также газетныя извѣстія, заключающія свѣдѣнія археологическаго характера (отдѣльными №№ или просто вырѣзками съ помѣтою, изъ какой газеты и отъ какого числа); особенно желательны №№ провинціальныхъ газетъ.

Письма и посылки просятъ адресовать: въ Москву, въ Императорское Московское Археологическое Общество, Берсеневская набережная, с. д., въ редакцію „Археологическихъ Извѣстій и Замѣтокъ"

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES
Stacks
JUL 14 1980

издаваемыя

Императорскимъ

Московскимъ Археологическимъ Обществомъ

подъ редакціею

ГРАФИНИ П. С. УВАРОВОЙ.

№№ 11—12.

МОСКВА
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА
ЛЕОНТЬЕВСКІЙ ПЕР., Д. МАМОНТОВА
1896

СОДЕРЖАНІЕ №№ 11—12.

Стр.

Къ юбилею Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества . . . 365

I. **В. Т. Георгіевскій.** Новый археологическій кладъ, найденный во Владимірѣ на Клязьмѣ. 366

II. Реставрація палатъ Іерархшаго дома въ Ростовѣ Великомъ (табл. IX). 371

III. **В. М. Виттыгъ.** Археологическая поѣздка въ г. Раву, Петрок. губ. 373

IV. **В. А. Городцовъ.** Могильникъ на Черной горѣ, близъ с. Великаго, Ярославской губ. и уѣзда. 375

V. **Я. Аппельгренъ,** перевелъ **А. И. Станкевичъ.** Способъ Крефтинга для чистки и сохраненія металлическихъ вещей. 379

VI. Археологическая хроника 386

VII. Засѣданія ученыхъ Обществъ 405

VIII. Библіографія. 418

IX. Некрологъ. 444

1157

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ

ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ

ИЗДАВАЕМЫЯ

ИМПЕРАТОРСКИМЪ МОСКОВСКИМЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

И. А. ЛИННИЧЕНКА и В. М. МИХАЙЛОВСКАГО
(январь—мартъ)
и
Графини УВАРОВОЙ
(апрѣль—декабрь).

Томъ IV.

МОСКВА.
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА.
ЛЕОНТЬЕВСКІЙ ПЕРЕУЛОКЪ. Д. МАМОНТОВА.
1896

Печатано по опредѣленію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, на основаніи § 56 его Устава.

Предсѣдатель *Графиня Уварова*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Д-ръ Аппельгренъ (пер. *А. В. Станкевичъ*) — Способъ Крефтинга для чистки и сохраненія металл. вещей 379
Гр. Н. Богуславскій. Видъ г. Смоленска временъ Петра I (табл. III) 48
К. М. Быковскій. Докладъ о реставраціи Большаго Московскаго Успенскаго Собора 25
В. М. Виттынъ. Нѣсколько словъ къ исторіи г. Лэнчицы 134
— Археологическая поѣздка въ г. Раву, Петроковской губ. 373
В. А. Гамбурцевъ. Замѣтка о ремонтѣ Стараго Печатнаго Двора при Моск. Синод. типогр. 141
В. Т. Георгіевскій. Новый археологическій кладъ, найденный во Владимірѣ на Клязьмѣ 366
В. А. Городцовъ. Могильникъ на Черной горѣ близь с. Великаго, Ярославской губ. и уѣзда 375
Коммиссія по управленію Ростовскимъ Кремлемъ. Реставрація палатъ Іерархаго дома въ Ростовскомъ Кремлѣ (табл. IX) 371
Ю. А. Кулаковскій. Замѣтки по исторіи и топографіи Крыма 1
М. В. Никольскій. Фальшивая клинообразная надпись изъ Эриванск. губ. (табл. V). 99
Н. П. Русская старина въ г. Ригѣ 269
А. В. Селивановъ. Древности Иссыкъ-кульской котловины 216
В. И. Сизовъ. Предварительный отчетъ о поѣздкѣ лѣтомъ 1895 г. въ Курляндск. губ. (табл. I и II) 33
С. С. Московская выставка изображеній Христа (табл. VI, VII и VIII) 213
М. Н. Сперанскій. Къ вопросу о чешскихъ придорожныхъ крестахъ 105
Н. И. Троицкій. Перстень Юфбонъ-Амынъ-хана 6
Гр. А. С. Уваровъ. Рисунокъ символической иконы XVII в. (табл. IV) 93
Н. Н. Харузинъ. О нѣкоторыхъ свѣдѣніяхъ по исторіи Кокенхузена на основаніи документовъ Моск. Архива Мин. Юст 131
Памяти Николая I 211
Благовѣщенская церковь въ с. Турчасовѣ, Архангельской губерніи 213
Къ открытію Рижскаго Съѣзда 205
Рижская Археологическая Выставка 207
Рижская Малая Гильдія и ея Выставка 273
Латышская Этнографическая Выставка 275
Къ юбилею Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества 365

Археологическая хроника.

Раскопки и развѣдки; находки; древности историческія.

Стр.

Раскопки въ Виленской губ. (Ѳ. В. Покровскаго) 12
„ „ Херсонской губ. (В. И. Гошкевича и др.) 11, 53, 109, 155
„ „ Купянскомъ у., Харьк. губ (В. З. Завитневича) 58
„ „ Курляндіи (К. К. Боя) 67
„ „ Херсонисѣ (г. Косцюшка-Валюжинича) 108, 226, 364
„ „ Балтійскихъ губерніяхъ (вообще). 146
„ „ Костромской губ. (Костр. Арх. Комм.) 155
„ „ с. Малой Сквиркѣ, Кіевской губ. (Н. Е. Бранденбурга). 225
„ у Пскова (г. Ушаковъ). 225
„ „ Гродны 226
„ Глядѣновскаго городища, Пермск. губ. (Н. Н. Новокрещеныхъ). 364
„ въ Ай-Тодорѣ (Вел. Кн. Александра Михаиловича) 389
„ подъ Ташкентомъ (Н. П. Остроумова). 390
„ „ Томскомъ (бар. Бая и С. К. Кузнецова) 391
Изслѣдованіе городищъ по Камѣ (г. Пономаревъ) 15
(М. Муравьевъ). Курганы и могильники по р. Лугѣ 59
Ефаевскій могильникъ 62
Могильникъ подъ Астраханью. 389
Зайсанская долина. 391
Поселокъ Язно, Дисн. у. и его окрестности 389
Изслѣдованія Азовскаго моря. 154
Находка мамонта въ Томскѣ 153
„ „ близь Монса (Бельгія). 161
„ „ близь своб. Подгорной (Ворон. губ.) и въ Ярославлѣ. 225
Находки каменныхъ и металлич. орудій близь Усть-Кяхты. 16
„ за 1895 г. въ Херсонской губ. 53
Мнимыя фрески въ пещерѣ близь Кутаиса. 108
Новая катакомба въ Керчи. 110
Кладъ старо-польскихъ монетъ въ Варшавѣ. 112
Находка мѣдныхъ вещей въ Елисаветпольскомъ уѣздѣ 113
„ мѣдныхъ вещей въ Эчміадзинскомъ монастырѣ 113
Погребальная урна и другія находки въ Ловичскомъ у. 154
Надписи близь устья Амура 158
Кладъ римскихъ монетъ въ Балтійскомъ у. 232
„ сер. копеекъ въ Ижевскомъ заводѣ 232
„ рублей XVII в. въ Самарскомъ у. 232
Металлическія вещи при с. Домницы, Подольск. губ. 232
Владимірскій кладъ великокняжескаго времени. 363
Пряслица съ сибирскими рунами. 364
Находки въ Ю.-З. краѣ за лѣто и осень 1896 г. (сообщ. *В. Б. Антоновичъ*; новгородская монетная гривна, диргемы, монеты XVII вѣка, орудія каменнаго вѣка; бронзовыя: знамя и рукоятка и т. д.). 387
Кладъ въ Маріупольскомъ у. (греч. монеты и статуэтка). 389
Село Половцы, Гродненск. губ. 156
Древности Каменца-Литовскаго. 231
Названія: Герцике, Кукенойсъ и Валькъ 155
500-лѣтіе кончины св. Стефана Пермскаго. 148
300-лѣтіе рожденія царя Михаила Ѳеодоровича 223
Московская корона Владислава. 235
Подземные ходы въ Умани 59

Стр.
Подземелье въ Люблинѣ 114
Суда Петра Великаго въ Астрахани 113, 155
Уничтоженіе могилъ Кочубея и Искры 149
Рижскій Императорскій садъ 233
Жалованныя знамена XVIII в. у Бурятъ 396
Закладная доска 1804 г. въ Одессѣ 112

Охрана и уничтоженіе памятниковъ; памятники архитектурные; древности церковныя вообще; музеи и выставки; памятники письма.

Составленіе для Св. Синода списковъ древностей, хранящихся въ церквахъ . . . 10
Охрана памятниковъ Крыма 52
„ „ въ Эстляндіи 66
Возстановленіе Вейсенштейнскаго замка 224
Ремонтъ Моск. Успенскаго собора 107
200-лѣтіе Тверскаго собора 147
Уничтоженіе древней стѣнописи въ Кіевской Лаврѣ 149
„ могилъ Кочубея и Искры, тамъ-же 150
Церковь кн. Андрея Курбскаго въ Смольянахъ 155
Моск. храмы времени Михаила Ѳеодоровича 223
Возстановленіе Мстиславова храма 232
Состояніе Спасо-Мирожскаго собора 232
Работы подъ Успенскимъ соборомъ Троицкой Лавры 386
Моск. церковь Троицы въ Кожевникахъ (особ. плащаница) 392
Антиминсы, собранные въ Моск. Синодальную Контору и судьба ихъ 393
Черниговскій Преображенскій соборъ 394
Смоленская Петропавловская церковь . . . . . —
Смоленская Свирская церковь . . . . . —
Ремонты ревельской лютеранской Николаевской церкви 395
Изображенія сивиллъ въ Веневской Богоявленской церкви 16
„ „ въ Воронежскомъ Музеѣ 395
Голландскій колоколъ 1702 г., у Краснаго крыльца въ Москвѣ 150
Первый колоколъ завода Бакулева въ Слободскѣ 396
Музей Рязанской Архивной Коммиссіи 13
Братины и кружки архіерейскаго дома въ Рязани 14
Музей Общ. Археол. и Исторіи въ Казани 14
Слухи о Музеѣ въ Ферганской области 52
Херсонскій Музей 53
Музей Имп. Одесскаго Общ. Ист. и Древн. 59
Императорская Публ. Библіотека 108, 159, 235
Собраніе по каменному и бронзовому вѣку о. Масленникова въ Сибири 110
Церковно-Археолог. Музей въ Витебскѣ 113
Воронежскій Музей 147
Церк.-Археол. Музей въ Ригѣ 149
Церковное древнехранилище въ Якутскѣ 149
Бурятская религіозная коллекція г. Поздѣева 155
Нижегородскій Музей 223
Японская коллекція для Акад. Наукъ 235
Шаманская коллекція г. Шимкевича 396
Слюдяныя двери XVII в. . . . . —
Даръ Е. И. В. Вел. Кн. Сергія Александровича въ Историч. Музей топорика
великокняжескаго времени 387
Археологическая выставка въ Ригѣ 66, 145
Екатерининскія выставки въ Москвѣ 110, 395

Стр.
Историч. выставка въ Орлѣ 114
Латышская Этнографическая Выставка 146
Выставка собраній г-жи Шабельской 146
Коронаціонная выставка въ Воронежѣ 147
Выставка Имп. Археол. Коммиссіи 151
Нижегородская Выставка 110, 155, 233
Пурпуровое Евангеліе Имп. Публ. Библ. 108
Новооткрытая ркп. Эксаплы Оригена 402
Фотографіи съ Супрасльской рукописи 158
Надписи съ устьевъ Амура (чжурченское письмо XV в.) 158
Восточные акты, поступившіе въ Имп. Публ. Библ. 159
Акты XVII и XVIII вѣка, поступ. въ Имп. Публ. Библ. 235
„Описаніе китайской Имперіи“ Николая Спаѳарія въ спискѣ XVIII в. 396

Ученыя учрежденія и общества, предпріятія, съѣзды; изданія.

Императорская Академія Наукъ 157–159
Работы по Литовской Метрикѣ въ Моск. Архивѣ Мин. Юст. 67
Кіевскій Центральный Архивъ 159
Слухъ объ Архивной Коммиссіи въ Москвѣ 52
Костромская Архивная Коммиссія 109, 148, 155, 223
Тверская Архивная Коммиссія 149
Отдѣленіе по сохраненію древнихъ памятниковъ при Эстляндскомъ Литерат. Общ. 66
Общество ревнителей Русск. Истор. Просвѣщенія въ память Александра III . . 145
Археологическое Общество въ Перновѣ 397
Археографическая Коммиссія при Имп. Моск. Археологическомъ Обществѣ . . . —
Общество Нестора Лѣтописца . . . . . —
Археологическій Институтъ 398
Собираніе матеріаловъ по исторіи Харьковскаго университета 148
Обработка русско-татарской хронографіи при Имп. Акад. Наукъ 157
Изслѣдованіе Шугнана и Рошана 397
Матеріалы г. Юнга по Балтійскому краю 146
Эстонскіе матеріалы пастора Хурта (Гурта) 114, 146
Командировка Г. А. Халатова 159
Путешествіе г. Коробова за Мертвымъ моремъ 60
Командировка Н. П. Кондакова на Аѳонъ 397
Усовершенствованіе фотографіи г. Буринскаго 158
Памятникъ А. В. Потаниной 149
Премія Лазаревскаго Института 159
„ П. Н. Батюшкова 235
„ А. М. Сибирякова 235, 398
Рижскій Археологическій Съѣздъ 145, 224, 225
Предварительный Комитетъ XI Археол. Съѣзда въ Кіевѣ 386
Геологическій Международный Съѣздъ 1897 г. въ Спб. 235
Журналъ: „Музей Имп. Одесск. Общества Ист. и Древн.“ 59
Пожертвованіе И. А. Вахрамѣева на труды Ярославскаго Съѣзда 108
Археолог. отдѣлъ „Калужскаго Вѣстника“ 399
Журналъ Мин. Нар. Просв. 1896, 12 . . . . . —

Поддѣлки—Тіара Сайтафарна 239, 400
„ древностей въ Очаковѣ, Одессѣ, Кіевѣ и Бердичевѣ 399, 400

Хроника иностранная.

Стр.
Гробница мемфисскаго періода въ Оивахъ . . . 18
Раскопки на Кипрѣ . . . 18
Новый домъ въ Помпеѣ . . . 68
Развалины въ Немейскомъ озерѣ . . . 74
Бронзовый кладъ близь Ангулема . . . 75
Греческія надписи островов . . . 76
Некрополи на о. Родосѣ . . . 76
Вліяніе Египта на греческое искусство . . . 76
Находки въ Дельфахъ . . . 77
Находка монетъ въ Микенахъ . . . 77
Нагія богини въ восточныхъ и греческомъ искусствѣ . . . 77
Раскраска въ античной скульптурѣ . . . 78
Галло-римское святилище въ деп. Луары . . . 78
Монета Императрицы Ѳеодоры 1051—1055 гг. . . . 79
Византійскій триптихъ XI в. (Вѣна. Венеція) . . . 79
Раскопки въ Коринѳѣ . . . 115
„ въ Египтѣ . . . 115
Могила Аннибала . . . 116
Раскопки на о. Филе . . . 116
Рисунки съ колонны М. Аврелія въ Римѣ . . . 117
Скиѳскія древности на Западѣ . . . 161
Г-жа Нуталль и Пенсильванское Археол. Общ. . . . 161
Надпись фараона Меремптаха . . . 161
Раскопки на о. Мелосѣ . . . 162
Антикварская выставка въ Лондонѣ . . . 162
Венгерская юбилейная выставка . . . 163
400-лѣтній юбилей Васка де Гама въ 1897 г. . . . 163
Международный съѣздъ Оріенталистовъ въ 1897 г. . . . 163
500-лѣтній юбилей Гуттенберга . . . 164
Нумизматич. музей въ Іенѣ . . . 237
Древній храмъ въ Понтійскихъ болотахъ . . . 238
Бронзовый котелъ въ Зеландіи (Данія) . . . 239
Раковинныя городища во Флоридѣ . . . 364, 402
Даръ Е. В. Султана Лувру изъ раскопокъ Сарзека . . . 401
Англійское законодательство о наслѣдованіи древностей . . . —
Гробница Луитпранда . . . —
Gazette des Beaux-Arts о древностяхъ Южной Россіи . . . —
Новооткрытая рукопись Эксаплы Оригена . . . 402
Аргентинское собраніе Цавалетти . . . 404

Засѣданія ученыхъ обществъ.

Императорское Московское Археологическое Общество. 28 ноября 1895 года: бар. Р. Р. Штакельбергъ „Предварительное сообщеніе о поѣздкѣ въ Прибалтійскій край“.—12 декабря, К. М. Быковскій „Реставрація Московскаго Большого Успенскаго Собора“; В. Н. Сизовъ „Отчетъ о поѣздкѣ въ Курляндскую губернію“.—9 декабря, І. І. Кузнецовъ „Новыя лѣтописныя данныя о построеніи Московскаго Покровскаго (Василія Блаженнаго) Собора“; С. О. Долговъ „Синодикъ Воронинской пустыни 1662 г.“; Х. И. Поповъ „Находка кувшина близъ ст. Великокняжеской“; Г. К. Богуславскій „Видъ Смоленска временъ Петра I на иконѣ смоленскихъ чудотворцевъ“.—13 февраля

1896 г., И. К. Корсунскій „Графъ М. В. Толстой и его значеніе для археологіи“.—20 февраля, В. А. Грингмутъ „Дипломатическій архивъ XIV в. до Р. Х.“; Г. А. Муркосъ „О путешествіи Макарія антіохійскаго въ Россію въ XVII в.“; Р. Ѳ. Брандтъ „Черты доисторическаго быта славянъ по даннымъ языка“. 23 февраля: обсужденіе вопроса объ „Арх. Изв. и Зам.“ и выработка указаній для Самаркандскаго Музея (117—119); Годичное засѣданіе 26 февраля 1896 г.: В. К. Трутовскій „Отчетъ о дѣятельности Общества за 1895 г.“; Ф. Д. Нефедовъ „Предварительныя свѣдѣнія о раскопкахъ въ Екатеринбургской губерніи“; В. А. Городцовъ „О дюнахъ въ бассейнѣ Оки“; о. І. І. Кузнецовъ „Еще новыя данныя о построеніи Моск. Покровскаго, Василія Блаженнаго Собора“.—5 марта, А. С. Павловъ „Источникъ преданія о первомъ русскомъ митрополитѣ Михаилѣ“.—15 марта: граф. П. С. Уварова „Вещи изъ могильника на р. Огеръ въ Лифляндіи; С. С. Слуцкій „Кресты въ Прибалтійскихъ раскопкахъ“.—24 апрѣля, Х. И. Кучукъ-Іоаннесовъ „Армянскія рукописи г. Оханджаньяна“; 8 мая, В. М. Сысоевъ „Поѣздка къ верховьямъ Б. Зеленчука, Кубани и Теберды“ (164—169). 5 ноября 1896 г.: гр. Уварова „Отчетъ о Рижскомъ Съѣздѣ“; Д. Н. Анучинъ „О чудскомъ жертвенномъ мѣстѣ на Глядѣновскомъ городищѣ“; В. Т. Георгіевскій „Новонайденный Владимірскій кладъ“; гр. Уварова „Топорикъ антикварія Иванова“.—21 ноября 1896 г. И. Н. Корсунскій „Высокопреосвященный Савва и его значеніе для науки, особенно археологіи и исторіи“; М. Н. Сперанскій „Археологическіе и палеографическіе труды в.-пр. Саввы“; Ѳ. И. Буслаевъ „Воспоминіе о в.-пр. Саввѣ“; А. И. Кирпичниковъ „Къ біографіи в.-пр. Саввы“; А. Ѳ. Мѣржинскій „Поминка по А. И. Павинскомъ“; В. А. Ульяницкій „Поминка по графѣ Э. К. Гуттенъ-Чапскомъ“ (405—411).

Восточная Коммиссія Импер. Московск. Археол. Общества. 23 декабря 1895 г.: М. В. Никольскій „Новые труды по ассиріологіи и библейской наукѣ“. — 15 февраля 1896 г.: А. Е. Крымскій „Картины изъ исторіи суффизма въ IV вѣкѣ гиджры“; М. О. Аттая „Рукописный арабскій переводъ псалтири въ стихахъ“ (170).

Славянская Коммиссія Импер. Моск. Археол. Общества. 7 ноября 1895 г.: П. А. Лавровъ „О жизни и ученой дѣятельности П. І. Шафарика“; Р. Ѳ. Брандтъ „Обозрѣніе трудовъ Шафарика, какъ изслѣдователя славянскихъ языковъ и письма кирилловскаго и глаголическаго“ (стр. 19). — 8 декабря В. Ѳ. Миллеръ „Былина объ Иванѣ, Гостинномъ сынѣ“; П. А. Лавровъ „О переводчикѣ Александріи Псевдо-Калисѳена въ архивномъ спискѣ“; М. В. Довнаръ-Запольскій „Къ исторіи польско-литовской борьбы за Волынь (договоры 1366 г.)“ (80—81). — 4 января 1896 г. И. А. Линниченко „Князья и бояре Гурко“; А. Е. Крымскій „О похоронныхъ причитаньяхъ сѣвернаго края“; Ирина А. Ѳедосова „Пѣсни, причитанія, присказки“.—1 марта С. О. Долговъ „Второе хожденіе Варсонофія въ Св. землю“; А. И. Яцимирскій „Литературныя произведенія, приписываемыя Павлу Митр. Сарскому“.—13 апрѣля: М. Н. Сперанскій „Гадательныя псалтири“ (171—172).—1 октября 1896 г.: А. И. Яцимирскій „Повѣсть о Дракулѣ въ трудѣ румынскаго ученаго, Богдана“; П. А. Лавровъ „Языкъ грамотъ султана Селима къ вел. кн. Василію Іоанновичу“; онъ-же „Кѣмъ, когда и гдѣ была напечатана первая болгарская сказка“ (411—412).

Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ при Москов. Университетѣ 27 января 1896 г.: В. О. Эйнгорнъ „Заказъ московскаго правительства Кіево-печерской типографіи въ 1669 году“; С. М. Сироткинъ „Къ исторіи канонизаціи въ русской церкви“.—24 февр. М. К. Любавскій „Къ исторіи литовско-русскаго сейма“.—18 марта 1896 г., В. О. Ключевскій „О нѣмецкихъ школахъ въ Москвѣ въ первой четверти XVIII в.—24 апрѣля, В. О. Ключевскій „Св. Стефанъ епископъ Пермскій“ (172—174). — 24 октября 1896 г., А. Н. Зерцаловъ „Новыя данныя о раскопкахъ въ Московскомъ Кремлѣ въ XVIII в.“ 6 ноября 1896 г.: В. О. Ключеский „О трудахъ Императрицы Екатерины по русской исторіи (412—413).

Московское Архитектурное Общество. 13 октября 1996 г.: В. А. Гамбурцевъ „Обрядъ оклада деревянныхъ и закладки каменныхъ зданій“.—24 октября К. М. Бы-

ковскій „По вопросу о собираніи матеріаловъ для исторіи русскаго зодчества". — 7 ноября 1896 г., А. А. Потаповъ „О кремлевскомъ дворцѣ XVII в." (413—414).

Императорское Русское Археологическое Общество. Общія засѣданія. Годовое засѣданіе 12 марта 1896 г.: Отчетъ за 1895 г. (174).—17 мая: С. А. Жебеловъ „О фрескахъ вновь открытой Керченской катакомбы" (241).—6 ноября А. Н. Щукаревъ „О тіарѣ царя Сайтаферна" (414).

Русское Отдѣленіе Импер. Русск. Археол. Общ. 2 декабря 1895 г.: А. А. Спицынъ „Доисторическія древности Саратовскаго края"; М. Н. Крашенинниковъ „Письма царя Іоанна Грознаго къ импер. Максимиліану".— 19 декабря; Ѳ. А. Браунъ „О бастарнахъ въ Южной Россіи"; М. А. Дьяконовъ „Къ вопросу о бобыляхъ древней Руси". (19—20)—30 января 1896 г.: Н. И. Веселовскій „О погребеніи съ конемъ на сѣв. Кавказѣ и въ Крыму"; С. А. Адріановъ „О древнѣйшихъ поселеніяхъ пермскаго племени". (82)—27 февраля: Н. П. Павловъ-Сильванскій „Закладничество въ Моск. государствѣ XVI—XVII вв."; Н. И. Веселовскій „Мѣдный котелъ изъ Туруханска" (176—177). 29 октября: С. В. Рождественскій „О служилыхъ земляхъ"; С. В. Платовъ „Какъ сложилась территорія опричнины"; Н. К. Реттихъ „Раскопки послѣднихъ лѣтъ въ курганахъ Водской пятины" (414).

Классическое Отдѣленіе Импер. Русск. Археол. Общества. 15 января 1896 г.: Я. И. Смирновъ „О нѣкоторыхъ христіанскихъ памятникахъ Эпира, Ѳессаліи, Солуни и Кипра"; С. А. Жебеловъ „Алжирскіе и Тунисскіе музеи" (21). 5 февраля; Я. И. Смирновъ „Поѣздка по Малой Азіи"; В. В. Латышевъ „Надпись III в. до Р. Х. изъ Горгоніи (Анапа)". 19 февраля: С. А. Жебеловъ „Архитектурныя изслѣдованія С. А. Иванова"; М. И. Ростовцевъ „Помпеи за 1893—95 гг.". — 11 марта: Ѳ. Ф. Зелинскій „Софоклъ-врачъ". 16 апрѣля 1896 г.: Р. Х. Лепперъ „Тридцать тирановъ"; П. А. Сырку „Два христіанскіе рельефа изъ Чепина въ Болгаріи". 10 мая 1896 г.; С. А. Жебеловъ „Inscriptiones graecae insularum maris Aegaei"; К. Н. Лишинъ „Вновь открытое Евангеліе VI—VII вв. (175—176).—14 октября: Б. В. Фармаковскій „Стѣнная живопись Микенской эпохи"; С. А. Жебелевъ „Левинская надпись-рецептъ". 18 ноября 1896 г.: С. А. Жебелевъ „Объ аѳинскихъ тираннахъ Аѳиніонѣ и Аристіонѣ" (414).

Восточное Отдѣленіе Импер. Русск. Археол. Общества. 31 января 1896 года: Г. Д. Кудрявскій „Грихья-Сутра какъ источникъ для изученія индо-европейской бытовой культуры" (83).—29 февраля: В. Д. Смирновъ „Иносказательная апологія дервишизма"; Б. А. Тураевъ „Неизданный поэтическій памятникъ коптской эпиграфики". 14 марта: А. Я. Гаркави „Новыя находки въ собраніи рукописей Фирковича"; Н. П. Веселовскій „Надгробная мечеть Тимура"; бар. В. Р. Розенъ „Персидская версія повѣсти о Варлаамѣ и Іосифѣ".—9 мая 1896 г.: А. К. Марковъ „О нѣкоторыхъ монетахъ Газанъ-Махмуда"; Н. Я. Марръ „Грузинскій изводъ повѣсти о Варлаамѣ"; А. О. Ивановскій „Молитвенныя знамена" (177). 11 октября 1896 г.; В. Д. Смирновъ „Сказаніе о Шейлокѣ въ турецкой версіи"; бар. В. Р. Розенъ „Диванъ Ибнъ-Хозмана въ изд. бар. Гинцбурга" (417).

Императорское Общество Любителей Древней Письменности. 1 дек. 1895 г.: Н. В. Волковъ „О степени сохранности древнѣйшихъ новгородскихъ церковныхъ книгъ и о не-новгородскомъ происхожденіи діакона Григорія, писца Остромирова Евангелія"; С. Ѳ. Платонова „Къ исторіи политической письменности въ Смутное время" (21). — 26 января 1896 г.: Н. П. Барсуковъ „Къ исторіи изданія пушкинскаго (лаврентьевскаго) списка лѣтописи преп. Нестора", В. Н. Перетцъ „Апокрифическое пророченіе о Христѣ въ кумирнѣ Аполлона" (83).—16 февр.: В. В. Стасовъ „Нѣсколько миніатюръ греческихъ и болгарскихъ рукописей X—XIV вв., и джагатайской XVI в.", С. В. Максимовъ „Секта бѣгуновъ".—1 марта: А. Н. Петровъ „Азбуковники по Аѳанасьевскому сборнику конца XVII в.;—15 марта: А. К. Бороздинъ „Нѣкоторыя сочиненія Андрея Денисова" изъ собранія Богданова"; Н. А. Смирновъ „Къ вопросу о педагогикѣ въ Московской

СОДЕРЖАНІЕ №№ 11—12.

Стр.

Къ юбилею Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества . . . 365

I. **В. Т. Георгіевскій.** Новый археологическій кладъ, найденный во Владимірѣ на Клязьмѣ. 366

II. Реставрація палатъ Іерархшаго дома въ Ростовѣ Великомъ (табл. IX). 371

III. **В. М. Виттыгъ.** Археологическая поѣздка въ г. Раву, Петрок. губ. 373

IV. **В. А. Городцовъ.** Могильникъ на Черной горѣ, близъ с. Великаго, Ярославской губ. и уѣзда. 375

V. **Я. Аппельгренъ,** перевелъ **А. И. Станкевичъ.** Способъ Крефтинга для чистки и сохраненія металлическихъ вещей. 379

VI. Археологическая хроника 386

VII. Засѣданія ученыхъ Обществъ 405

VIII. Библіографія. 418

IX. Некрологъ. 444

7157

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ

ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ

ИЗДАВАЕМЫЯ

ИМПЕРАТОРСКИМЪ МОСКОВСКИМЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

И. А. ЛИННИЧЕНКА и В. М. МИХАЙЛОВСКАГО
(январь—мартъ)
и
Графини УВАРОВОЙ
(апрѣль—декабрь).

Томъ IV.

МОСКВА.
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА.
ЗЕОНТЬЕВСКІЙ ПЕРЕУЛОКЪ. Д. МАМОНТОВА.
1896

Печатано по опредѣленію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, на основаніи § 56 его Устава.

Предсѣдатель *Графиня Уварова*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Д-ръ Аппельренъ (пер. *А. В. Станкевичъ*) — Способъ Крефтинга для чистки и сохраненія металл. вещей 379
Гр. Н. Бобуславскій. Видъ г. Смоленска временъ Петра I (табл. III) 48
К. М. Быковскій. Докладъ о реставраціи Большаго Московскаго Успенскаго Собора 25
В. М. Виттыгъ. Нѣсколько словъ къ исторіи г. Лэнчицы 134
— Археологическая поѣздка въ г. Раву, Петроковской губ. 373
В. А. Гамбурцевъ. Замѣтка о ремонтѣ Стараго Печатнаго Двора при Моск. Синод. типогр. 141
В. Т. Георгіевскій. Новый археологическій кладъ, найденный во Владимірѣ на Клязьмѣ 366
В. А. Городцовъ. Могильникъ на Черной горѣ близь с. Великаго, Ярославской губ. и уѣзда 375
Коммиссія по управленію Ростовскимъ Кремлемъ. Реставрація палатъ Іерархаго дома въ Ростовскомъ Кремлѣ (табл. IX) 371
Ю. А. Кулаковскій. Замѣтки по исторіи и топографіи Крыма 1
М. В. Никольскій. Фальшивая клинообразная надпись изъ Эриванск. губ. (табл. V). 99
Н. П. Русская старина въ г. Ригѣ 269
А. В. Селивановъ. Древности Иссыкъ-кульской котловины 216
В. И. Сизовъ. Предварительный отчетъ о поѣздкѣ лѣтомъ 1895 г. въ Курляндск. губ. (табл. I и II) 33
С. С. Московская выставка изображеній Христа (табл. VI, VII и VIII) 213
М. Н. Сперанскій. Къ вопросу о чешскихъ придорожныхъ крестахъ 105
Н. И. Троицкій. Перстень Юффонъ-Амынъ-хана 6
Гр. А. С. Уваровъ. Рисунокъ символической иконы XVII в. (табл. IV) 93
Н. Н. Харузинъ. О нѣкоторыхъ свѣдѣніяхъ по исторіи Кокенхузена на основаніи документовъ Моск. Архива Мин. Юст. 131
Памяти Николая I 211
Благовѣщенская церковь въ с. Турчасовѣ, Архангельской губерніи 213
Къ открытію Рижскаго Съѣзда 205
Рижская Археологическая Выставка 207
Рижская Малая Гильдія и ея Выставка 273
Латышская Этнографическая Выставка 275
Къ юбилею Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества 365

Археологическая хроника.

Раскопки и развѣдки; находки; древности историческія.

Стр.
Раскопки въ Виленской губ. (Ѳ. В. Покровскаго) 12
„ „ Херсонской губ. (В. И. Гошкевича и др.) 11, 53, 109, 155
„ „ Купянскомъ у., Харьк. губ (В. З. Завитневича) 58
„ „ Курляндіи (К. К. Боя) 67
„ „ Херсонисѣ (г. Косцюшка-Валюжинича) 108, 226, 364
„ „ Балтійскихъ губерніяхъ (вообще). 146
„ „ Костромской губ. (Костр. Арх. Комм.) 155
„ „ с. Малой Сквиркѣ, Кіевской губ. (Н. Е. Бранденбурга). 225
„ у Пскова (г. Ушаковъ). 225
„ „ Гродны 226
„ Глядѣновскаго городища, Пермск. губ. (Н. Н. Новокрещеныхъ). 364
„ въ Ай-Тодорѣ (Вел. Кн. Александра Михаиловича) 389
„ подъ Ташкентомъ (Н. П. Остроумова). 390
„ „ Томскомъ (бар. Бая и С. К. Кузнецова) 391
Изслѣдованіе городищъ по Камѣ (г. Пономаревъ) 15
(М. Муравьевъ). Курганы и могильники по р. Лугѣ 59
Ефаевскій могильникъ 62
Могильникъ подъ Астраханью. 389
Зайсанская долина. 391
Поселокъ Язно, Дисн. у. и его окрестности 389
Изслѣдованія Азовскаго моря. 154
Находка мамонта въ Томскѣ 153
„ „ близь Монса (Бельгія). 161
„ „ близь своб. Подгорной (Ворон. губ.) и въ Ярославлѣ. 225
Находки каменныхъ и металлич. орудій близь Усть-Кяхты. 16
„ за 1895 г. въ Херсонской губ. 53
Мнимыя фрески въ пещерѣ близь Кутаиса. 108
Новая катакомба въ Керчи. 110
Кладъ старо-польскихъ монетъ въ Варшавѣ. 112
Находка мѣдныхъ вещей въ Елисаветпольскомъ уѣздѣ 113
„ мѣдныхъ вещей въ Эчміадзинскомъ монастырѣ 113
Погребальная урна и другія находки въ Ловичскомъ у. 154
Надписи близь устья Амура 158
Кладъ римскихъ монетъ въ Балтійскомъ у. 232
„ сер. копеекъ въ Ижевскомъ заводѣ 232
„ рублей XVII в. въ Самарскомъ у. 232
Металлическія вещи при с. Домницы, Подольск. губ. 232
Владимірскій кладъ великокняжескаго времени. 363
Пряслица съ сибирскими рунами. 364
Находки въ Ю.-З. краѣ за лѣто и осень 1896 г. (сообщ. *В. Б. Антоновичъ*; новгородская монетная гривна, диргемы, монеты XVII вѣка, орудія каменнаго вѣка; бронзовыя: знамя и рукоятка и т. д.). 387
Кладъ въ Маріупольскомъ у. (греч. монеты и статуэтка). 389
Село Половцы, Гродненск. губ. 156
Древности Каменца-Литовскаго. 231
Названія: Герцике, Кукенойсъ и Валькъ 155
500-лѣтіе кончины св. Стефана Пермскаго. 148
300-лѣтіе рожденія царя Михаила Ѳеодоровича 223
Московская корона Владислава. 236
Подземные ходы въ Умани 58

Стр.
Подземелье въ Люблинѣ 114
Суда Петра Великаго въ Астрахани 113, 155
Уничтоженіе могилъ Кочубея и Искры 149
Рижскій Императорскій садъ 233
Жалованныя знамена XVIII в. у Бурятъ 396
Закладная доска 1804 г. въ Одессѣ 112

Охрана и уничтоженіе памятниковъ; памятники архитектурные; древности церковныя вообще; музеи и выставки; памятники письма.

Составленіе для Св. Синода списковъ древностей, хранящихся въ церквахъ . . 10
Охрана памятниковъ Крыма 52
„ „ въ Эстляндіи 66
Возстановленіе Вейсенштейнскаго замка 224
Ремонтъ Моск. Успенскаго собора 107
200 лѣтіе Тверскаго собора 147
Уничтоженіе древней стѣнописи въ Кіевской Лаврѣ 149
„ могилъ Кочубея и Искры, тамъ-же 150
Церковь кн. Андрея Курбскаго въ Смольянахъ 155
Моск. храмы времени Михаила Ѳеодоровича 223
Возстановленіе Мстиславова храма 232
Состояніе Спасо-Мирожскаго собора 232
Работы подъ Успенскимъ соборомъ Троицкой Лавры 386
Моск. церковь Троицы въ Кожевникахъ (особ. плащаница) 392
Антиминсы, собранные въ Моск. Синодальную Контору и судьба ихъ 393
Черниговскій Преображенскій соборъ 394
Смоленская Петропавловская церковь . . . . . —
Смоленская Свирская церковь . . . . . —
Ремонты ревельской лютеранской Николаевской церкви 395
Изображенія сивиллъ въ Веневской Богоявленской церкви 16
„ „ въ Воронежскомъ Музеѣ 395
Голландскій колоколъ 1702 г., у Краснаго крыльца въ Москвѣ 150
Первый колоколъ завода Бакулева въ Слободскѣ 396
Музей Рязанской Архивной Коммиссіи 13
Братины и кружки архіерейскаго дома въ Рязани 14
Музей Общ. Археол. и Исторіи въ Казани 14
Слухи о Музеѣ въ Ферганской области 52
Херсонскій Музей 53
Музей Имп. Одесскаго Общ. Ист. и Древн. 59
Императорская Публ. Библіотека 108, 159, 235
Собраніе по каменному и бронзовому вѣку о. Масленникова въ Сибири 110
Церковно-Археолог. Музей въ Витебскѣ 113
Воронежскій Музей 147
Церк.-Археол. Музей въ Ригѣ 149
Церковное древнехранилище въ Якутскѣ 149
Бурятская религіозная коллекція г. Поздѣева 155
Нижегородскій Музей 223
Японская коллекція для Акад. Наукъ 235
Шаманская коллекція г. Шимкевича 396
Слюдяныя двери XVII в. . . . . —
Даръ Е. И. В. Вел. Кн. Сергія Александровича въ Историч. Музей топорика великo-княжескаго времени 387
Археологическая выставка въ Ригѣ 66, 145
Екатерининскія выставки въ Москвѣ 110, 395

Стр.
Историч. выставка въ Орлѣ 114
Латышская Этнографическая Выставка 146
Выставка собраній г-жи Шабельской 146
Коронаціонная выставка въ Воронежѣ 147
Выставка Имп. Археол. Коммиссіи 151
Нижегородская Выставка 110, 155, 233
Пурпуровое Евангеліе Имп. Публ. Библ. 108
Новооткрытая ркп. Эксаплы Оригена 402
Фотографіи съ Супрасльской рукописи 158
Надписи съ устьевъ Амура (чжурченское письмо XV в.) 158
Восточные акты, поступившіе въ Имп. Публ. Библ. 159
Акты XVII и XVIII вѣка, поступ. въ Имп. Публ. Библ. 235
„Описаніе китайской Имперіи“ Николая Спаѳарія въ спискѣ XVIII в. 396

Ученыя учрежденія и общества, предпріятія, съѣзды; изданія.

Императорская Академія Наукъ 157–159
Работы по Литовской Метрикѣ въ Моск. Архивѣ Мин. Юст. 67
Кіевскій Центральный Архивъ 159
Слухъ объ Архивной Коммиссіи въ Москвѣ 52
Костромская Архивная Коммиссія 109, 148, 155, 223
Тверская Архивная Коммиссія 149
Отдѣленіе по сохраненію древнихъ памятниковъ при Эстляндскомъ Литерат. Общ. 66
Общество ревнителей Русск. Истор. Просвѣщенія въ память Александра III . . 145
Археологическое Общество въ Перновѣ 397
Археографическая Коммиссія при Имп. Моск. Археологическомъ Обществѣ . . . —
Общество Нестора Лѣтописца . . . . . —
Археологическій Институтъ 398
Собираніе матеріаловъ по исторіи Харьковскаго университета 148
Обработка русско-татарской хронографіи при Имп. Акад. Наукъ 157
Изслѣдованіе Шугнана и Рошана 397
Матеріалы г. Юнга по Балтійскому краю 146
Эстонскіе матеріалы пастора Хурта (Гурта) 114, 146
Командировка Г. А. Халатова 159
Путешествіе г. Коробова за Мертвымъ моремъ 60
Командировка Н. П. Кондакова на Аѳонъ 397
Усовершенствованіе фотографіи г. Буринскаго 158
Памятникъ А. В. Потаниной 149
Премія Лазаревскаго Института 159
„ П. Н. Батюшкова 235
„ А. М. Сибирякова 235, 398
Рижскій Археологическій Съѣздъ 145, 224, 225
Предварительный Комитетъ XI Археол. Съѣзда въ Кіевѣ 386
Геологическій Международный Съѣздъ 1897 г. въ Спб. 235
Журналъ: „Музей Имп. Одесск. Общества Ист. и Древн.“ 59
Пожертвованіе И. А. Вахрамѣева на труды Ярославскаго Съѣзда 108
Археолог. отдѣлъ „Калужскаго Вѣстника“ 399
Журналъ Мин. Нар. Просв. 1896, 12 . . . . . —

Поддѣлки—Тіара Сайтафарна 239, 400
„ древностей въ Очаковѣ, Одессѣ, Кіевѣ и Бердичевѣ 399, 400

Хроника иностранная.

Стр.
Гробница мемфисскаго періода въ Оивахъ. 18
Раскопки на Кипрѣ. 18
Новый домъ въ Помпеѣ. 68
Развалины въ Немейскомъ озерѣ 74
Бронзовый кладъ близь Ангулема 75
Греческія надписи островов 76
Некрополи на о. Родосѣ 76
Вліяніе Египта на греческое искусство 76
Находки въ Дельфахъ. 77
Находка монетъ въ Микенахъ. 77
Нагія богини въ восточныхъ и греческомъ искусствѣ 77
Раскраска въ античной скульптурѣ 78
Галло-римское святилище въ деп. Луары 78
Монета Императрицы Ѳеодоры 1051—1055 гг. 79
Византійскій триптихъ XI в. (Вѣна. Венеція) 79
Раскопки въ Коринѳѣ. 115
„ въ Египтѣ 115
Могила Аннибала 116
Раскопки на о. Филе 116
Рисунки съ колонны М. Аврелія въ Римѣ. 117
Скиѳскія древности на Западѣ 161
Г-жа Нуталль и Пенсильванское Археол. Общ. 161
Надпись фараона Меремптаха 161
Раскопки на о. Мелосѣ. 162
Антикварская выставка въ Лондонѣ 162
Венгерская юбилейная выставка. 163
400-лѣтній юбилей Васка де Гама въ 1897 г. 163
Международный съѣздъ Оріенталистовъ въ 1897 г. 163
500-лѣтній юбилей Гуттенберга 164
Нумизматич. музей въ Іенѣ. 237
Древній храмъ въ Понтійскихъ болотахъ 238
Бронзовый котелъ въ Зеландіи (Данія) 239
Раковинныя городища во Флоридѣ 364, 402
Даръ Е. В. Султана Лувру изъ раскопокъ Сарзека 401
Англійское законодательство о наслѣдованіи древностей. . . . . —
Гробница Луитпранда . . . . . —
Gazette des Beaux-Arts о древностяхъ Южной Россіи . . . . . —
Новооткрытая рукопись Эксаплы Оригена. 402
Аргентинское собраніе Цавалетти 404

Засѣданія ученыхъ обществъ.

Императорское Московское Археологическое Общество. 28 ноября 1895 года: бар. Р. Р. Штакельбергъ „Предварительное сообщеніе о поѣздкѣ въ Прибалтійскій край“.—12 декабря, К. М. Быковскій „Реставрація Московскаго Большого Успенскаго Собора“; В. Н. Сизовъ „Отчетъ о поѣздкѣ въ Курляндскую губернію“.—9 декабря, І. І. Кузнецовъ „Новыя лѣтописныя данныя о построеніи Московскаго Покровскаго (Василія Блаженнаго) Собора“; С. О. Долговъ „Синодикъ Воронинской пустыни 1662 г.“; Х. И. Поповъ „Находка кувшина близъ ст. Великокняжеской“; Г. К. Богуславскій „Видъ Смоленска временъ Петра I на иконѣ смоленскихъ чудотворцевъ“.—13 февраля

1896 г., И. К. Корсунскій „Графъ М. В. Толстой и его значеніе для археологіи“—20 февраля, В. А. Грингмутъ „Дипломатическій архивъ XIV в. до Р. Х.“; Г. А. Муркосъ „О путешествіи Макарія антіохійскаго въ Россію въ XVII в.“; Р. Ѳ. Брандтъ „Черты доисторическаго быта славянъ по даннымъ языка“. 23 февраля: обсужденіе вопроса объ „Арх. Изв. и Зам.“ и выработка указаній для Самаркандскаго Музея (117—119); Годичное засѣданіе 26 февраля 1896 г.: В. К. Трутовскій „Отчетъ о дѣятельности Общества за 1895 г.“; Ф. Д. Нефедовъ „Предварительныя свѣдѣнія о раскопкахъ въ Екатеринбургской губерніи“; В. А. Городцовъ „О дюнахъ въ бассейнѣ Оки“; о. І. І. Кузнецовъ „Еще новыя данныя о построеніи Моск. Покровскаго, Василія Блаженнаго Собора“.—5 марта, А. С. Павловъ „Источникъ преданія о первомъ русскомъ митрополитѣ Михаилѣ“.—15 марта: граф. П. С. Уварова „Вещи изъ могильника на р. Огеръ въ Лифляндіи; С. С. Слуцкій „Кресты въ Прибалтійскихъ раскопкахъ“.—24 апрѣля, Х. И. Кучукъ-Іоаннесовъ „Армянскія рукописи г. Оханджаньяна“; 8 мая, В. М. Сысоевъ „Поѣздка къ верховьямъ Б. Зеленчука, Кубани и Теберды“ (164—169). 5 ноября 1896 г.: гр. Уварова „Отчетъ о Рижскомъ Съѣздѣ“; Д. Н. Анучинъ „О чудскомъ жертвенномъ мѣстѣ на Глядѣновскомъ городищѣ“; В. Т. Георгіевскій „Новонайденный Владимірскій кладъ“; гр. Уварова „Топорикъ антикварія Иванова“.—21 ноября 1896 г. И. Н. Корсунскій „Высокопреосвященный Савва и его значеніе для науки, особенно археологіи и исторіи“; М. Н. Сперанскій „Археологическіе и палеографическіе труды в.-пр. Саввы“; Ѳ. И. Буслаевъ „Воспоминіе о в.-пр. Саввѣ“; А. И. Кирпичниковъ „Къ біографіи в.-пр. Саввы“; А. Ѳ. Мѣржинскій „Поминка по А. И. Павинскомъ“; В. А. Ульяницкій „Поминка по графѣ Э. К. Гуттенъ-Чапскомъ“ (405—411).

Восточная Коммиссія Импер. Московск. Археол. Общества. 23 декабря 1895 г.: М. В. Никольскій „Новые труды по ассиріологіи и библейской наукѣ“. — 15 февраля 1896 г.: А. Е. Крымскій „Картины изъ исторіи суффизма въ IV вѣкѣ гиджры“; М. О. Аттая „Рукописный арабскій переводъ псалтири въ стихахъ“ (170).

Славянская Коммиссія Импер. Моск. Археол. Общества. 7 ноября 1895 г.: П. А. Лавровъ „О жизни и ученой дѣятельности П. І. Шафирика“; Р. Ѳ. Брандтъ „Обозрѣніе трудовъ Шафарика, какъ изслѣдователя славянскихъ языковъ и письма кирилловскаго и глаголическаго“ (стр. 19). — 8 декабря В. Ѳ. Миллеръ „Былина объ Иванѣ, Гостинномъ сынѣ“; П. А. Лавровъ „О переводчикѣ Александріи Псевдо-Калисоена въ архивномъ спискѣ“; М. В. Довнаръ-Запольскій „Къ исторіи польско-литовской борьбы за Волынь (договоры 1366 г.)“ (80—81). — 4 января 1896 г. И. А. Линниченко „Князья и бояре Гурко“; А. Е. Крымскій „О похоронныхъ причитаньяхъ сѣвернаго края“; Ирина А. Ѳедосова „Пѣсни, причитанія, присказки“.—1 марта С. О. Долговъ „Второе хожденіе Варсонофія въ Св. землю“; А. И. Яцимирскій „Литературныя произведенія, приписываемыя Павлу Митр. Сарскому“.—13 апрѣля: М. Н. Сперанскій „Гадательныя псалтири“ (171—172).—1 октября 1896 г.: А. И. Яцимирскій „Повѣсть о Дракулѣ въ трудѣ румынскаго ученаго, Богдана“; П. А. Лавровъ „Языкъ грамотъ султана Селима къ вел. кн. Василію Іоанновичу“; онъ-же „Кѣмъ, когда и гдѣ была напечатана первая болгарская сказка“ (411—412).

Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ при Москов. Университетѣ 27 января 1896 г.: В. О. Эйнгорнъ „Заказъ московскаго правительства Кіево-печерской типографіи въ 1669 году“; С. М. Сироткинъ „Къ исторіи канонизаціи въ русской церкви“.—24 февр. М. К. Любавскій „Къ исторіи литовско-русскаго сейма“.—18 марта 1896 г., В. О. Ключевскій „О нѣмецкихъ школахъ въ Москвѣ въ первой четверти XVIII в.—24 апрѣля. В. О. Ключевскій „Св. Стефанъ епископъ Пермскій“ (172—174). — 24 октября 1896 г., А. Н. Зерцаловъ „Новыя данныя о раскопкахъ въ Московскомъ Кремлѣ въ XVIII в.“ 6 ноября 1896 г.: В. О. Ключевскій „О трудахъ Императрицы Екатерины по русской исторіи (412—413).

Московское Архитектурное Общество. 13 октября 1996 г.: В. А. Гамбурцевъ „Обрядъ оклада деревянныхъ и закладки каменныхъ зданій“.—24 октября К. М. Бы-

ковскій „По вопросу о собираніи матеріаловъ для исторіи русскаго зодчества". — 7 ноября 1896 г., А. А. Потаповъ „О кремлевскомъ дворцѣ XVII в." (413—414).

Императорское Русское Археологическое Общество. Общія засѣданія. Годовое засѣданіе 12 марта 1896 г.: Отчетъ за 1895 г. (174).—17 мая: С. А. Жебеловъ „О фрескахъ вновь открытой Керченской катакомбы" (241).—6 ноября А. Н. Щукаревъ „О тіарѣ царя Сайтаферна" (414).

Русское Отдѣленіе Импер. Русск. Археол. Общ. 2 декабря 1895 г.: А. А. Спицынъ „Доисторическія древности Саратовскаго края"; М. Н. Крашенинниковъ „Письма царя Іоанна Грознаго къ импер. Максимиліану".— 19 декабря; Ѳ. А. Браунъ „О бастарнахъ въ Южной Россіи"; М. А. Дьяконовъ „Къ вопросу о бобыляхъ древней Руси". (19—20)—30 января 1896 г.: Н. И. Веселовскій „О погребеніи съ конемъ на сѣв. Кавказѣ и въ Крыму"; С. А. Адріановъ „О древнѣйшихъ поселеніяхъ пермскаго племени". (82)—27 февраля: Н. П. Павловъ-Сильванскій „Закладничество въ Моск. государствѣ XVI—XVII вв."; Н. И. Веселовскій „Мѣдный котелъ изъ Туруханска" (176—177). 29 октября: С. В. Рождественскій „О служилыхъ земляхъ"; С. В. Платоновъ „Какъ сложилась территорія опричнины"; Н. К. Реттихъ „Раскопки послѣднихъ лѣтъ въ курганахъ Водской пятины" (414).

Классическое Отдѣленіе Импер. Русск. Археол. Общества. 15 января 1896 г.: Я. И. Смирновъ „О нѣкоторыхъ христіанскихъ памятникахъ Эпира, Ѳессаліи, Солуни и Кипра"; С. А. Жебеловъ „Алжирскіе и Тунисскіе музеи" (21). 5 февраля; Я. И. Смирновъ „Поѣздка по Малой Азіи"; В. В. Латышевъ „Надпись III в. до Р. Х. изъ Горгоніи (Анапа)". 19 февраля: С. А. Жебеловъ „Архитектурныя изслѣдованія С. А. Иванова"; М. И. Ростовцевъ „Помпеи за 1893—95 гг.".—11 марта: Ѳ. Ф. Зелинскій „Софоклъ-врачъ". 16 апрѣля 1896 г.: Р. Х. Лепперъ „Тридцать тирановъ"; П. А. Сырку „Два христіанскіе рельефа изъ Чепина въ Болгаріи". 10 мая 1896 г.; С. А. Жебеловъ „Inscriptiones graecae insularum maris Aegaei"; К. Н. Лишинъ „Вновь открытое Евангеліе VI—VII вв. (175—176).—14 октября: Б. В. Фармаковскій „Стѣнная живопись Микенской эпохи"; С. А. Жебелевъ „Левинская надпись-рецептъ". 18 ноября 1896 г.: С. А. Жебелевъ „Объ аѳинскихъ тираннахъ Аѳиніонѣ и Аристіонѣ" (414).

Восточное Отдѣленіе Импер. Русск. Археол. Общества. 31 января 1896 года: Г. Д. Кудрявскій „Грихья-Сутра какъ источникъ для изученія индо-европейской бытовой культуры" (83).—29 февраля: В. Д. Смирновъ „Иносказательная апологія дервишизма"; Б. А. Тураевъ „Неизданный поэтическій памятникъ коптской эпиграфики". 14 марта: А. Я. Гаркави „Новыя находки въ собраніи рукописей Фирковича"; Н. И. Веселовскій „Надгробная мечеть Тимура"; бар. В. Р. Розенъ „Персидская версія повѣсти о Варлаамѣ и Іосифѣ".—9 мая 1896 г.: А. К. Марковъ „О нѣкоторыхъ монетахъ Газанъ-Махмуда"; Н. Я. Марръ „Грузинскій изводъ повѣсти о Варлаамѣ"; А. О. Ивановскій „Молитвенныя знамена" (177). 11 октября 1896 г.; В. Д. Смирновъ „Сказаніе о Шейлокѣ въ турецкой версіи"; бар. В. Р. Розенъ „Диванъ Ибнъ-Хозмана въ изд. бар. Гинцбурга" (417).

Императорское Общество Любителей Древней Письменности. 1 дек. 1895 г.: Н. В. Волковъ „О степени сохранности древнѣйшихъ новгородскихъ церковныхъ книгъ и о не-новгородскомъ происхожденіи діакона Григорія, писца Остромирова Евангелія"; С. Ѳ. Платонова „Къ исторіи политической письменности въ Смутное время" (21). — 26 января 1896 г.: Н. П. Барсуковъ „Къ исторіи изданія пушкинскаго (лаврентьевскаго) списка лѣтописи преп. Нестора", В. Н. Перетцъ „Апокрифическое пророченіе о Христѣ въ кумирнѣ Аполлона" (83).—16 февр.: В. В. Стасовъ „Нѣсколько миніатюръ греческихъ и болгарскихъ рукописей X—XIV вв., и джагатайской XVI в.", С. В. Максимовъ „Секта бѣгуновъ".—1 марта: А. Н. Петровъ „Азбуковники по Аѳанасьевскому сборнику конца XVII в.;—15 марта: А. К. Бороздинъ „Нѣкоторыя сочиненія Андрея Денисова" изъ собранія Богданова"; Н. А. Смирновъ „Къ вопросу о педагогикѣ въ Московской

Руси XVII в.; Х. М. Лопаревъ „Посланіе русскихъ людей къ Сиксту IV".—Годовое засѣданіе 5 апрѣля: Д. Ф. Кобеко: „Посланіе іерусалимскаго патріарха Іоакима къ в. кн. Василью Васильевичу"; В. В. Майковъ „Рукописный сборникъ 1707 г., съ гравюрами, изъ собранія графа С. Д. Шереметева (178—181).—1 ноября: В. В. Майковъ „О моленіи Даніила Заточника"; П. К. Шефферъ „О рукописи Кирши Данилова"—22 ноября: В. И. Ламанскій „Прологъ Спасо-Прилуцкаго монастыря, XIV в."; А. И. Соболевскій „Изъ исторіи русской переводной литературы XVI—XVII вв."; Н. П. Лихачевъ: а) „Объ иконописцахъ краткаго подлинника"; б) Прозвище в. кн. Ивана III"; в) „Родъ Адашевыхъ и Государевъ родословецъ" (416—417).

Антропологическое Общество въ СПб. 23 ноября 1896 г.: В. В. Передольскій „Поѣздка по берегамъ р. Енисея" (417—418).

Историческое Общество Нестора Лѣтописца. 20 ноября 1896 г.: Н. М. Каманинъ „Чигиринскій подстароста Даніилъ Чаплицкій"; В. Г. Ляскоронскій „Историческія карты и атласы XVI и XVII вв. съ данными по исторіи Южной Россіи"; М. Ю. Ясинскій „Рижскій Археолог. Съѣздъ".

Туркестанскій Кружокъ Любителей Археологіи: 11 декабря 1895 г. открытіе кружка. 22 января 1896 г.: Е. Т. Смирновъ „Древности въ окрестностяхъ г. Ташкента"—26 февраля 1896 г. Н. Ѳ. Петровскій, Н. С. Лыкошинъ, В. А. Каллауръ, М. С. Косцѣвичъ, И. Т. Пославскій—краткія свѣдѣнія о мѣстныхъ древностяхъ, М. С. Андреевъ „Мѣстности Туркестана, интересныя въ археологическомъ отношеніи".—1 апрѣля 1896 г.: М. С. Андреевъ „Осмотръ пещеры Кон-и-гутъ и ущелья Варухъ" (241—242).

Русскій Археологическій Институтъ въ Константинополѣ: Ѳ. И. Успенскій „Причины раздѣленія Римской Имперіи и большей устойчивости Восточной ея половины" (131).

Стр.

X Археологическій Съѣздъ въ Ригѣ . . . . . 277—363

Засѣданіе Совѣта Съѣзда. 277
Общія засѣданія Съѣзда 278, 281, 333, 349, 350
Засѣданія отдѣленій: древностей первобытныхъ 300, 317, 335, 342
„ древностей историко-географическихъ и этнографическихъ . 303, 321, 344 bis
„ памятниковъ искусствъ и художествъ 294, 304, 310, 325
„ памятниковъ быта домашняго, юридическаго, общественнаго и военнаго 291, 313, 330
„ древностей церковныхъ 296, 323
„ памятниковъ языка и письма 292, 306, 340
„ древностей классическихъ, византійскихъ и западно-европейскихъ. 283, 294, 304, 310, 325
„ нумизматики и сфрагистики 344
„ памятниковъ археографическихъ. 288, 338

Доклады и рѣчи:

Айналовъ, Д. В.—Древне-христіанскій саркофагъ, вновь найденный въ Константинополѣ 284
Андерсонъ, К. И.—Этимологія названій: kantele kantles и т. д. 348
„ Этимологія названій: Біармія, Пермь, Пермяки и Зыряне 350
Антоновичъ, В. Б.—Памятники каменнаго вѣка, найденные въ Кіевѣ въ теченіе трехъ послѣднихъ лѣтъ 317
„ Попытка группировки городищъ по ихъ контурамъ, въ бассейнѣ Днѣпра 336
Анучинъ, Д. Н.—Христіанскіе кресты и образки въ могилахъ средней и западной Россіи. 318

Стр.
Аппельгренъ, Я.—О новомъ способѣ чистки и сбереженіе металлическихъ предмет. 300
Багалѣй, Д. И.—Магдебургское право въ городахъ лѣвобережной Малороссіи . . 291
„ Книги лифляндскаго хофгерихта XVII в. въ архивѣ рижскаго окружнаго суда 338
„ Роль Харьковскаго университета въ дѣлѣ изученія древностей 339
Берзинь, А. А. Собираніе и изученіе латышскихъ народныхъ пѣсенъ 341
Бецценбергеръ, А.—О Гудахъ. 299
Биленштейнъ, пасторъ А.—Древне-латышскія городища 287
„ Деревянный вѣкъ латышей. 299
Биленштейнъ, пасторъ Э.—Значеніе латышскихъ народныхъ пѣсенъ для археологіи. 346
Бой К. К.—Курляндскіе могильники 328
Бокъ, В. Д.—Опыты примѣненія способа Крефтинга 342
Бранденбургъ Н. Е.—Какому племени могутъ быть приписаны тѣ изъ языческихъ могилъ Кіевской губерніи, въ которыхъ вмѣстѣ съ покойниками погребены остовы убитыхъ лошадей 301
Бруйнингъ бар. Г.—Обзоръ возникновенія, развитія и дѣятельности историческихъ Обществъ въ Прибалтійскомъ краѣ 284
Будиловичъ А. С.—Задачи славяно-русской археологіи по отношенію къ областямъ и народностямъ теперешней Венгріи 321
Бѣлокуровъ, С. А.—О библіотекѣ московскихъ государей въ XVI в. 307
„ О новыхъ документахъ, касающихся Крижанича 341
Бѣляшевскій Н. Ф.—Инфлянтская ревизія 1599 г. и инвентари ливонскихъ замковъ XVI в. 290
„ Дневникъ Полубинскаго изъ эпохи войнъ за Ливонію 304
„ Объ изслѣдованіи стоянокъ неолитической эпохи 343
Вирховъ Р.—О древнѣйшихъ жителяхъ сѣв. Европы и Ливоніи 314
Военскій К. А.—Достопримѣчательности современной Митавы и исторія Митавскаго замка 288
Вульфъ, О. В.—Древности Никомидіи 313
„ Возстановленіе константинопольскаго храма свв. Апостолъ на основаніи вновь найденнаго описанія 326
Высшее Училище въ Софіи (Болгарія)—Предложеніе обмѣна изданій 291
Германъ К. А. Объ эстонскихъ названіяхъ мѣстностей 348
„ Сумерійскій языкъ и его отношеніе къ угро-алтайскимъ языкамъ 350
Голубцовъ А. П.—О началѣ, первыхъ дѣятеляхъ и направленіи иконописной школы Троицкой Лавры 323
Гремплеръ д-ръ. О средневѣковыхъ бронзахъ, примѣнительно къ чашѣ найденной въ Пэддесѣ 298
„ О рисункахъ на доисторическихъ сосудахъ. 300
Гросвальдъ Ѳ. П.—Отчетъ объ устройствѣ Латышской выставки 281
Дидерихсъ—Герцогскій архивъ въ Митавѣ. 338
Добрынкинъ Н. Г.—Иконографическія формы великомученика Никиты 324
Дьяконовъ М. А.—Монастырскіе дѣтеныши въ Московскомъ государствѣ въ XVI XVII вв 313
Ефименко, А. Я.—Археологическія формы землевладѣнія у германцевъ и у славянъ 313
Звѣревъ, о. С. Е.—Слѣды христіанства на Дону въ домонгольскій періодъ 332
Истоминъ, М. П.—Къ исторіи живописи въ Кіево-Печерской Лаврѣ 297
„ Осада Риги царемъ Алексѣемъ Михаиловичемъ въ 1656 г 330
Кащенко, Н. Ѳ.—Къ вопросу объ одновременномъ существованіи человѣка и мамонта 300
Кирпичниковъ, А. И.—Старофранцузскія сказанія о Рождествѣ Христовѣ и ихъ отраженія въ искусствѣ 297
„ Къ литературной исторіи лѣтописныхъ сказаній. 332
Конвентцъ, д-ръ—Живые свидѣтели старины въ Прибалтійскомъ краѣ 329
Корсаковъ, Д. А.—Памяти А. К. Жизневскаго. 288

Стр.
Кочубинскій, А. А.—Территорія до-исторической Литвы 303
„ объясненіе слова „оспохна“. 294
Крюгеръ, И. Д.—О вліяніи русскихъ на общественный бытъ латышей по даннымъ языка. 340
Кулаковскій, Ю. А.—Раскопки крымскихъ кургановъ лѣтомъ 1896 г. 337
Лавровскій, Н. А.—Рѣчи. 278, 335
Левисъ офъ Менаръ, К.—Карта Ливоніи въ Средніе вѣка 348
Лудмеръ, Я. И.-О русской и нѣмецкой генеалогической литературѣ 331
Мальмбергъ, В. К.—Время и мѣсто происхожденія греческихъ и греко-варварскихъ издѣлій, найденныхъ въ южной Россіи 310
Маркевичъ, А. И.—Русскій городъ Рига на Дону 292
„ О чеканкѣ русскихъ монетъ въ Кокенхузенѣ въ половинѣ XVII вѣка . . 345
Меттигъ, К.—Объ опредѣленіи происхожденія бронзовыхъ предметовъ, находимыхъ въ ливонскихъ могильникахъ 316
Миловидовъ, А. И.—Церковно-археологическіе памятники Пинска 327
Милюковъ, П. Н.—Раскопки рязанскихъ кургановъ лѣтомъ 1896 г. 342
Мищенко, Ѳ. Ѳ.—Извѣстія Геродота о внѣ-скиѳскихъ земляхъ Россіи 294
Мочульскій, В. Н.—Апокрифическое житіе св. Петра. 294
Нотбекъ, Е. Э. фонъ—О мѣрахъ къ сохраненію памятниковъ зодчества въ Прибалтійскомъ краѣ 351
Паевскій. о, Л. С.—Камснецъ-Литовскъ и его древніе храмы 306
Павловскій. А. А.—Фрагменты классической скульптуры, найденные Русскимъ Археолог. Институтомъ въ Константинополѣ 311
Петровъ, Н. И.—Сказаніе о перенесеніи образа св. Николая Зарайскаго изъ Корсуня, черезъ Ригу въ Зарайскъ въ 1224-25 гг 296
Петръ, В. И.—Гармоническій складъ праарійской пѣсни 333
Погодинъ, П. Д.—Археологическая поѣздка по сѣверной Болгаріи 295
Покровскій, Н. В.—Русская старина въ Ригѣ 323
Покровскій, Ѳ. В.—Къ изслѣдованію кургановъ на литовско-бѣлорусскихъ окраинахъ. 335
Пѣтуховъ, Е. В.-Слѣды непосредственнаго вліянія нѣмецкой литературы на древнерусскую 292
„ Нѣкоторые историческіе и литературные памятники, связанные съ именемъ Успенскаго Псково-Печерскаго монастыря въ XVI и XVII вв 340
Рейснеръ, К. К.-Финскія племена въ доисторическую эпоху. 345
Рѣдинъ, Е. К.-Мозаики равеннскихъ церквей. 324
„ введеніе къ докладу П. Д. Погодина 295
Саксендаль, д-ръ.—О значеніи печатей въ исторической наукѣ 304
„ Система вѣса XI и XII в. въ Лифляндіи, Эстляндіи и Курляндіи. . . . 347
Смирновъ, И. Н.—Дмитріевскій могильникъ Елабужскаго уѣзда. 336
„ Древній бытъ восточныхъ финновъ по даннымъ этнографіи 344
Сизовъ, В. И.—Характерныя черты могильника въ Пасильнѣ въ Курляндіи. . . . 349
Соболевскій, А. И.-объясненіе слова „оспохна“. 294
Спицынъ, А. А.—Общій обзоръ доисторическихъ древностей Прибалтійскаго края Россіи 321
Сусловъ, В. В. Новгородскій Софійскій соборъ 304
Тураевъ, Б. А.-Вопросъ о финикіянахъ на Балтійской морѣ 333
Троицкій, Н. И.-Вліяніе космологіи на иконографію византійскаго купола (по поводу новооткрытыхъ фресокъ въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ) . . 306
Уварова, граф., П. С.—Отчетъ Предварительнаго Комитета Съѣзда. 278
„ Итоги Съѣзда. 351
Успенскій, Ѳ. И.—Русскій Археологическій Институтъ въ Константинополѣ . . . 281
„ Вновь открытый пурпуровый кодексъ Евангелія 309
„ Археологическіе памятники города Никеи 325
„ Болгарія въ археологическомъ отношеніи 350
„ Отчетъ объ ученой дѣятельности Съѣзда 351

Стр.
Филевичъ, И. П. - Нѣсколько словъ по поводу разработки географической номенклатуры 322
Филипповъ, А. Н. Матеріалы для исторіи Прибалтійскаго края въ русскихъ центральныхъ архивахъ 289
Хакманъ, д-ръ.—Бронзовый вѣкъ Финляндіи 329
Хаусманъ, Р.—Обзоръ развитія археологическихъ изслѣдованій въ Прибалтійскомъ краѣ за послѣднее 50-лѣтіе 282
„ Разные типы ливонскихъ могильниковъ 315
Ховенъ, А. фонъ - Городище Пунамэги 328
Хайновскій, І. А.—Курганы окрестностей г. Канева Кіевской губ. 344
Хуртъ, пасторъ, Я. А —Собраніе произведеній эстонской народной словесности . 288
Черепнинъ, А. И.—Рязанско-окскіе могильники 343
„ Новый матеріалъ къ вопросу о связи между денежной и вѣсовой системой 346
Четыркинъ, И. Д.—Такъ называемый „домъ Марины Мнишекъ“ въ Калугѣ . . 295
„ Изображенія великомученика Никиты 324
Штернъ, К., фонъ. - Торговые пути ганзеатовъ въ Великій Новгородъ 291
Штернъ, Э. Р., фонъ.—Поддѣлки классическихъ древностей на югѣ Россіи . . . 283
Якубовъ, К. И. О происхожденіи слова „Русь“ 344

Поѣздки, осмотры и раскопки 357
Засѣданія: Рижскаго Латышскаго Союза 31 іюля и Рижскаго Общества Испытателей Природы 10 августа 360
Поѣздка въ Кенигсбергъ, Маріенбургъ и Данцигъ 316

Библіографія

Алексѣй Михаиловичъ, царь,—Письма (Письма Русскихъ Государей, вып. V. Изд. Комм. печ. Гос. Грамотъ и Дог. М. 1896 г.) 260
Антоновичъ, В. Б.—Археологическая Карта Кіевской губ. (приложеніе къ XV т. „Древностей“ Императ. Моск. Археол. Общ., Москва 1895 г. 84
Архивныя Коммиссіи:
Нижегородская - см. „Дѣйствія“.
Рязанская—см. „Отчетъ“ и „Труды“.
Симбирская—см. „Отчетъ“.
Таврическая—см. „Извѣстія“.
Н. Н. Бантышъ-Каменскій.—Курляндскія, Лифляндскія, Эстляндскія и Финляндскія дѣла въ Моск. Главн. Архивѣ Минист. Иностр. Дѣлъ 424
Бахрушинъ, А. П. — Ризница ставропигіальнаго Симонова монастыря въ Москвѣ, Москва, 1895 г. 186
Бокачевъ, Н.—Каталогъ русской исторической и археологической библіотеки т. II, вып. 2 и 3 Спб. 1896 г. *(С. Щуровъ)* 191
Виленская Публичная Библіотека - Описаніе рукописнаго отдѣленія - Вильна 1895 г. (*М. Д.-З.*). 190
Выставка изображеній Христа — см. „Каталогъ“ и „Фишеръ К. А.“.
Г. М —см. (Мещериновъ Г.).
Дѣйствія Нижегородской Губернской Архивной Коммиссіи, т. II, вып. 15. (*Н. Ч.*) 256
Записки Имп. Русс. Археологическаго Общества т. VII, вып. 3—4 Спб. (*М. Сп.*) 120
„ „ „ Археол. Общ. т. VIII, вып. 3—4 Классич. Отд., кн. I. Спб. 1896 г. 262
Записки Восточнаго Отд. Имп. Русс. Археол. Общества т. IX, 1—4. Спб. 1896 г. 265
Записки наукового товариства імени Шевченка (У Львови 1895) т. V - VIII (*М. Д.-З.*) 91
Ивановъ, П. А.—Историческія судьбы Волынской земли съ древнѣйшихъ временъ до конца XIV в., Одесса 1895 г. 87

Стр.
Извѣстія Таврической Ученой Архивной Коммиссіи, № 24. Симфер. 1896 г. . . . 257
Канавинъ, А.—Рижская Троице-Задвинская церковь. Рига 1896 г. 438
Каталогъ Выставки типовъ Христа. М. 1896 г. 182
Коммиссія Печатанія Госуд. Грам. и Дог.—см. Алексѣй Михаиловичъ.
Матеріалы по археологіи Кавказа, собранные экспедиціями Импер. Моск. Археол. Общ., снаряженными на Высочайше дарованныя средства, вып. V: Клинообразныя надписи Закавказья, изслѣдованіе М. В. Никольскаго. 442
М(ещериновъ), Г. (И.)—Замѣтка о домѣ Романовыхъ (въ „Русс. Старинѣ" 1896 г. 7). 246
„ „ „ о родѣ князей Шуйскихъ (тамъ же) 246
Никольскій, М. В.—Клинообразныя надписи Закавказья—см. Матеріалы по археологіи Кавказа, вып. V. 442
Оссовскій, Г.—Отчетъ (4-й) объ археологической экскурсіи въ Галиціи въ 1892 г. Krakow, 1895 г. (*Н. Янчукъ*). 88
Отчетъ Рязанской Ученой Архивной Коммиссіи за 1894 г. (*Н. Ч.*) 254
Отчетъ Симбирской Ученой Архивной Коммиссіи за 1895 г. Симб. 1896 г. 189
Петровъ, Н. И.—Отчетъ Церковно-Археологическаго Общества при Кіевской Духовной Академіи. Кіевъ 1896 г. 188
Письма русскихъ госуд., вып. V, см. Алексѣй Михаиловичъ.
Поливановъ, В. Н.—Муранскій могильникъ. Москва 1866 г. (*В.—ій*). 437
Г. Саблеръ.—Собраніе русскихъ памятниковъ изъ архива графовъ Делагарди 424
Сергій, архіеп. Владимірскій, Д. Б.—Мѣсто рожденія В. Госуд. и Царя Михаила Ѳеодоровича Спб. 1895 г. 244
Сергій, архіеп. Владимірскій, Д. В.—Препод. Михаилъ Малеинъ. Вязники 1896 г. . 245
Синицынъ, П. В.—Преображенское и окружающія его мѣста. М. 1895 г. . . . 187
Смирновъ, И. Н.—Мордва (историко-географическій очеркъ). Казань, 1895 г. (*Н. Х.*) 90
Страховъ, свящ. С.—Московская Воскресенская въ Кадашевѣ церковь. Москва 1895 г. 440
Сѣцинскій, свящ. Е.—Городъ Каменецъ-Подольскій. Кіевъ 1895 г. (*Н. Чулковъ*) . 253
Труды Моск. Предвар. Комитета X Археологическаго Съѣзда въ Ригѣ, т. II. М. 1896 г. 444
Труды Рязанской Ученой Архивной Коммиссіи за 1895 г. 24, 255
Таврическая Ученая Архивная Коммиссія—Извѣстія, № 24. Симферополь. 1896 (*Н. Ч.*) 257
Трусманъ, Ю. Ю.—Чудскія письмена. Ревель 1896 г. 436
Фишеръ, К. А.. художественная фототипія—Въ память Выставки изображеній Христа М. 1896 г. 182
Церковно-Археол. Общ. въ Кіевѣ—см. Петровъ, Н. И.
Черепнинъ, А. И.—Очерки доисторическаго прошлаго Рязанскаго края. Рязань, 1896 г. (*В. И. Сизовъ*) 84
Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и древностей Россійскихъ 1896 г. кн. 3 (178) 261
Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ 1896 г. кн. 4 (179) 439
Щукинъ, П. И.—Краткое описаніе Щукинскаго Музея въ Москвѣ. М. 1895 г. . . 182
Щукинъ, П. И. и Е. В. Федорова.—Опись старинныхъ вещей собранія Щукина, часть I. М. 1895 г. 185
Яцимірскій, А. И.—Опись старинныхъ славянскихъ и русскихъ рукописей собранія Щукина. М. 1896 г. 185

A.—Z dziejów Warszawy. Grobowiec carów Szujskich. Krakow, 1894 (*В. У.*) 194
Beiträge z. Kunde Ehst-, Liv- u. Kurlands, herausgegeben v. d. Ehstn. Literär. Gesellsch., V, 1, 1896. 430
Bezzenberger, A.—Das Gräberfeld bei Rominten. Königsberg i. Pr. 1896 434
Fr. Bienemann jun.—Briefe u. Aktenstücke z. Geschichte d. Verteidigung u. Kapitulation Dorpats 1656 (*С. С.*) 427

Стр.
A. Buchholtz.—Bibliographie d. Archäologie Liv-, Est- und Kurlands. Riga, 1896. . 418
Bysantinische Zeitschrift, IV Band, III - IV Heft. Leipzig, 1895 (*Е. Рѣдинъ*) 23
„ „ V B., I Heft (*Е. Рѣдинъ*) 196
Culin, Stewart. - Korean games. Philadelphia, 1895 267
Dorn, B.—Bemerkungen auf Anlass einer Wissenschaftlichen Reise in d. Kaukasus, St.-P. 1895 (*А. Хахановъ*) 195
Hedenström A. v.—Die Beziehungen zw. Russland u. Brandenburg während des ersten nord. Kriegos. Marburg, 1896. 429
Heydeck, J.—Preussische Armbrustfibeln u. ihre römischen Nachbildungen (таблица; *С. С.*). 435
Jahrbuch d. Kais. deutschen Archäol. Instituts, Band XI, 1 Heft, Berlin, 1896 (*М. Сп.*). 199
Katalog der Austellung z. X Archäol. Congress in Riga, 1896 (*С. С.*). 419
K. Löwis of Menar.—Livland im Mittelalter (Карта). Reval, 1895 420
Mittheilungen d. Kaiserlich Deutschen Archäol. Instituts. Römische Abtheilung, B. X, Rom, 1896 (*М. Сп.*) 200
E. v. Nottbeck und Wilh. Neumann.—Geschichte u. Kunsdenkmäler d. Stadt Reval, B. I. Reval, 1896. 422
Repertorium f. Kunstwissenschaft, XVIII B., 5 Heft (*Е. Рѣдинъ*) 196
Römische Quartalschrift für christliche Alterthumskunde u. f. Kunstgeschichte, 4 Heft, 1895 (*Е. Рѣдинъ*) 22
S. Sitzka-Archäologische Karte von Liv-, Est- und Kurland, Jurjew, 1896 (*С. Б.*) . 421
Sitzungsberichte der Gesellschaft für Geschichte u. Alterthumskunde der Ostseeprovinzen Russlands aus dem J. 1895. Riga, 1896 (*С. С.*) 121
Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft, 1895. Юрьевъ, 1896 (*С. С.*) . 125
„ d. Archäolog. Gesellschaft zu Berlin (*М. Сп.*) 200
„ d. Kurländischen Gesellschaft f. Literatur u. Kunst., 1895. Mitau, 1896. 247
Snellmann, A.—Auszug aus d. Abhandlung „Die Ostseefinnen zur Zeit ihrer Unabhängigkeit“ (*Н. Х.*) 433
Transche-Roseneck A. v.—Die Eingeborenen Altlivlands im XIII Jahrh. (*Н. Х.*) . . 433
Weinberg, R.—Ueber einige Schädel aus älteren Letten-, Liven- u. Estengräben, 1896 (*Н. Х.*) 432
Wissenschaftlische Mittheilungen aus Bosnien u. d. Herzogovina, B. III. Wien, 1895 (*М. Сп.*). 197

† Некрологъ.

А. П. Богдановъ. 128
А. К. Жизневскій 129
Баронъ О. А. Бюлеръ 201
Н. И. Суворовъ 202
А. Я. Фриде 268
Савва, архіеп. Тверской . . . . . (444)
А. П. Павинскій. . . . . (444)
Прот. П. Г. Лебединцевъ. 444
П. А. Голышевъ 445

1896 г. №№ 11—12

издаваемыя
Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ

Къ юбилею Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества.

15 декабря одно изъ старѣйшихъ нашихъ археологическихъ Обществъ, Императорское Русское въ С.-Петербургѣ, праздновало свой пятидесятилѣтній юбилей. Редакція „Археол. Изв. и Зам." приноситъ свой сердечный привѣтъ, свое выраженіе глубокаго почтенія заслуженному и славному старшему брату Моск. Археол. Общества.

Съ глубокой признательностью почитая заслуги Русскаго Археологическаго Общества для роднаго просвѣщенія, для развитія пониманія старины, для строго научнаго изслѣдованія ея, благодарно вспоминая рядъ превосходныхъ, поучительныхъ трудовъ, обнародованныхъ Обществомъ въ его „Мемуарахъ", „Трудахъ", „Извѣстіяхъ" и „Запискахъ", и въ отдѣльныхъ величавыхъ изданіяхъ,—мы съ особенно теплымъ чувствомъ оглядываемся на тѣ братскія, сердечныя связи, которыя сохранялись между нашими обоими Обществами въ теченіе 30 слишкомъ лѣтъ. Связи эти отличались особенной живостью въ первые годы нашего Общества, юнаго, нуждавшагося въ поддержкѣ и основаннаго однимъ изъ тѣхъ, кто въ 1846 г. стоялъ въ числѣ учредителей Петербургскаго „Археолого-нумизматическаго Общества". Но онѣ не ослабли и теперь.

И донынѣ всякій новый просвѣщенный трудъ, всякое новое начинаніе одного Общества находятъ живой, сочувственный откликъ въ другомъ, и донынѣ оба Общества дружно работаютъ на пользу науки.

Сердечный привѣтъ и благія пожеланія Императорскому Русскому Археологическому Обществу на новые годы просвѣтительной дѣятельности!

I

Новый археологическій кладъ, найденный во Владимірѣ на Клязьмѣ.

Тридцать лѣтъ тому назадъ въ саду одного изъ владимірскихъ обывателей, учителя семинаріи Н. Е. Бѣляева, по Нижегородской ул., найденъ случайно весьма цѣнный въ научномъ отношеніи кладъ, состоявшій изъ остатковъ великокняжескихъ одеждъ и украшеній серебряныхъ и золотыхъ, тогда же отправленный въ Петербургъ и поступившій въ число коллекцій Эрмитажа. В. В. Стасовъ, описавшій этотъ владимірскій кладъ, находитъ его однимъ изъ самыхъ важныхъ, интересныхъ и примѣчательныхъ. По счастливой случайности русская наука о древностяхъ обогатилась недавно еще новой находкой, имѣющей ближайшее сходство съ кладомъ, вырытымъ въ 1865 году.

Обстоятельства, сопровождавшія счастливую находку, были слѣдующія. Близъ Владимірской часовни въ Кремлѣ въ текущемъ году правительствомъ разрѣшено было построить зданіе для мѣстнаго отдѣленія банка. Въ виду тѣсноты мѣста, отведеннаго для новаго зданія, пришлось срыть часть древняго вала, насыпаннаго здѣсь еще первыми князьями владимірскими (вѣрнѣе всего—Андреемъ Боголюбскимъ). Въ августѣ мѣсяцѣ, въ самомъ началѣ землекопныхъ работъ, рабочіе, дѣлавшіе примѣрную выемку земли сбоку вала съ западной стороны около Васильевскихъ казармъ, накладывая 4-ю колымажку на глубинѣ около $1^1/_2$ арш., въ грунтѣ, вблизи вала, разбили глиняный горшокъ продолговатой формы, высотою нѣсколько болѣе 6 вершк., изъ котораго и высыпались остатки хранившагося здѣсь клада. Рабочіе не догадались тотчасъ же пріостановить работу и дать знать о находкѣ. Выбравъ изъ земли въ платокъ попавшіяся имъ вещи, они продолжали работу и увезли черепки отъ найденнаго горшка и землю въ оврагъ и завалили ихъ тамъ безслѣдно новыми многочисленными возами земли. Найденныя вещи не сразу были доставлены начальству, а нѣсколько дней гостили въ частныхъ рукахъ,

а затѣмъ переданы были черезъ городского голову въ думу и отсюда уже поступили къ испр. долж. владимірскаго губернатора, вице-губернатору князю Урусову, передавшему ихъ въ Императорскую Археологическую коммиссію.

Благодаря отсутствію лицъ, компетентныхъ въ археологіи при раскопкахъ случилось то, что кладъ по всему вѣроятію собранъ былъ далеко не во всей цѣлости и далеко не въ сохранномъ видѣ, — между тѣмъ вещи, найденныя здѣсь, весьма цѣнны и замѣчательны.

Кладъ состоитъ изъ слѣдующихъ вещей:

1) Изъ серебряной гривны, имѣющей видъ обруча, посрединѣ довольно толстаго и къ концамъ, которые не доходятъ одинъ до другого, постепенно дѣлающагося болѣе тонкимъ. Обручъ этотъ имѣетъ видъ въ срединѣ серебрянаго жгута и углубленія въ этомъ жгутѣ заполнены тонкой веревочкой, сплетенною изъ серебряныхъ нитей. Концы обруча загнуты и, вѣроятно, связывались шелковымъ шнуромъ. Гривна, если разогнуть ее, около 10 вершк. Словомъ—это обычное украшеніе, носимое на шеѣ въ древности не только князьями, но и вообще людьми знатными и богатыми. Подобныя гривны въ видѣ обручей, крученыхъ или плетеныхъ, или чеканенныхъ изъ серебра или золота попадались довольно часто въ курганахъ, раскопанныхъ граф. А. С. Уваровымъ, въ Суздальской области, и нынѣ хранятся въ собраніяхъ Румянцевскаго Музея.

2) Гораздо рѣже встрѣчалось другое украшеніе, имѣющее въ цѣломъ видъ серебрянаго кружева (шириною около 6 вершковъ), найденное въ этомъ новомъ кладѣ. Сохранилось только три звена этого кружева. Оно устроено слѣдующимъ образомъ: на тонкій серебряный стержень, или стволикъ, насажено по срединѣ и близко къ концамъ, на небольшомъ разстояніи другъ отъ друга три небольшихъ овальныхъ шарика (репьи). Шарики эти внутри пустые, и въ нихъ пробито по 8 круглыхъ отверстій въ каждомъ. Каждое отверстіе обведено по три раза тонкою серебряною крученою нитью (сканью); изъ этой же скани сдѣланы — поперечный толстый поясокъ на шарикахъ и два продольныхъ двойныхъ и болѣе узкихъ; этой же сканью обвитъ каждый стержень отъ шарика до шарика и отъ шариковъ до концовъ стержня. Оба конца стержня или стволика, на которомъ насажены шарики или репьи, закручены въ скобочки, и за эти скобочки все украшеніе прикрѣплялось къ другимъ предметамъ, вѣрнѣе всего къ одеждѣ. Всѣ эти стержни съ насаженными на нихъ шариками (всѣхъ стержней найдено 12) соединены между собой крученой серебряной проволокой, идущей въ двухъ мѣстахъ между средними шариками. Проволока эта въ двухъ мѣстахъ

порвана, и все кружево состоитъ изъ трехъ звеньевъ; въ одномъ звенѣ соединено шесть стержней съ 18-ю нанизанными на нихъ шариками, и въ двухъ звеньяхъ соединено такими же двумя кручеными проволоками по 3 стержня съ 9-ю шариками въ каждомъ.

Что же это за украшеніе и какое назначеніе оно имѣло? Судя по описанію владимірскаго клада, составленнаго В. В. Стасовымъ (Изв. Имп. Арх. Общ., т. VI, 131 стр.), тамъ найдено 7 такихъ же стержней съ нанизанными на нихъ круглыми шариками, совершенно тождественными съ нашими, только не изъ серебра, а изъ золота, и стержни не соединены ничѣмъ между собою. Такія же стержни съ репьями и при томъ серебряные, а не золотые, найдены и въ Переславлѣ (См. Древн. Росс. Госуд., Отд IV, табл. 37). Слѣдовательно, мы имѣемъ здѣсь одно изъ древнихъ украшеній русскихъ одеждъ, характерныхъ и нерѣдко встрѣчавшихся въ великокняжескій періодъ, къ которому относится весь кладъ, судя по многимъ даннымъ, которыя мы приведемъ въ своемъ мѣстѣ. Стасовъ дѣлаетъ предположеніе, что эти репьи, насаженные на стержни, служили „аграфами вродѣ петлицъ или бранденбурговъ и нашивались на груди къ верхнему платью посредствомъ оставленныхъ для того скобочекъ". Эти петлицы, по его мнѣнію, напоминаютъ тѣ петли, которыми украшена одежда князя Святослава въ извѣстномъ его Изборникѣ. Можно сдѣлать и другое предположеніе относительно этого украшенія. Это серебряное кружево могло служить и оплечьемъ и могло быть нашито на верхнее платье кругомъ ворота. Что оплечье древнихъ одеждъ русскихъ князей и вообще людей знатныхъ украшалось золотомъ и серебромъ, на это есть указанія въ русскихъ лѣтописяхъ и во многихъ памятникахъ искусства (См. графа А. С. Уварова „Суздальское оплечье". Древности, т. V, вып. 1-й).

3) Кромѣ этихъ серебряныхъ стержней съ насаженными на нихъ овальными шариками, скрѣпленныхъ между собой проволоками, въ кладѣ найдены два разрозненныхъ подобныхъ же стержня изъ золота съ шариками, украшенными золотою сканью и зернью, также съ прорѣзными дырочками и внутри пустыми. Разница этихъ стержней отъ серебряныхъ въ томъ, что шарики нанизаны на нихъ лишь около одного конца, а не посрединѣ и при томъ одинъ длинный конецъ стержня не обвитъ сканью и имѣетъ пробитую дырочку, за которую онъ очевидно прикрѣплялся къ одеждѣ или къ другому какому-либо предмету; другой конецъ стержня свернутъ въ трубочку.

4) Двѣ серьги, имѣющія видъ овальнаго мѣшечка, составленнаго изъ двухъ золотыхъ, въ формѣ раковинъ, съ вырѣзкой вверху, пластинокъ, поверхъ коихъ имѣются ушки, заканчивающіеся дужкою. Серьги

украшены съ обѣихъ сторонъ финифтью или перегородчатою эмалью (émail cloisonné), прекрасно сохранившеюся и имѣющею одинъ и тотъ же рисунокъ. На наружной сторонѣ каждаго образка находится поясное изображеніе св. мученика въ юношескомъ возрастѣ безъ усовъ и бороды, съ четырехконечнымъ крестомъ въ правой рукѣ; одежда мученика (исподь и приволока) украшена по краямъ широкой каймой. Эмаль разноцвѣтная, фонъ — зеленовато-голубой. Вокругъ изображенія мученика разставлены въ 4-хъ кругахъ эмалевые орнаменты въ видѣ „криновъ", которые, служа символомъ святости и непорочности, нерѣдко изображались на иконахъ вблизи святыхъ. На обратной сторонѣ въ 7 кругахъ помѣщены тѣ же крины или, вѣрнѣе, пятилопастные листочки, что и на наружной сторонѣ. Эти крины встрѣ-

Серьга и наручники изъ Владимірскаго клада 1896 г.

чаются въ видѣ орнаментовъ и въ стѣнописи XII в. Владимірскаго Успенскаго собора. Опредѣлить—кто изображенъ на серьгахъ—трудно: это — или великомученикъ Георгій, или великомученикъ Димитрій, а

можетъ быть и великомученикъ Пантелеймонъ, изображеніе котораго встрѣчается на древнихъ тѣльникахъ, панагіяхъ и даже на шлемахъ (См. Полн. собр. лѣт., II, 64). Серьги совершенно тожественны двумъ такимъ же, найденнымъ во владимір. кладѣ 1865 г. Такія серьги съ эмалевыми изображеніями мучениковъ были находимы и раньше. Такъ въ 1822 г. подобныя серьги были найдены въ Старой Рязани и описаны въ письмахъ Калайдовича къ Малиновскому (См. эти письма. М. 1823 г., стр. 10—11). Изображенія ихъ находимъ и въ Древн. Рос. Госуд. Отд , II, 33 т.

5. Далѣе найдено шесть широкихъ серебряныхъ четыреугольныхъ пластинокъ, округло загнутыхъ и скрѣплявшихся между собою (по двѣ) посредствомъ круглыхъ скобочекъ, припаянныхъ по краямъ пластинокъ; скобочки эти, входя въ промежутки однѣ другихъ, сдерживались особымъ стержнемъ, вдвигавшимся въ скобочки и вынимавшимся въ случаѣ нужды. Пластинки эти украшены орнаментомъ, выбитымъ вглубь на наружной сторонѣ ихъ и представляющемъ изъ себя перевитыя линіи, лепестки акантовыхъ листьевъ и птицъ (орловъ?). Орнаменты эти весьма напоминаютъ обронныя украшенія, вырѣзанныя на камнѣ, снаружи Дмитріевскаго собора во Владимірѣ. Одна изъ пластинокъ повреждена. Пластинки, однородныя этимъ, найдены были и въ кладѣ 1865 г., но онѣ были сильно повреждены, и г. Стасовъ принялъ ихъ за остатки пряжекъ отъ пояса. Безъ сомнѣнія эти парныя пластинки есть не что иное, какъ запястья, или наручники, подобныя тѣмъ, которые найдены близъ г. Терехова, Кіев. губ. и хранятся въ Императорскомъ Эрмитажѣ.

6. Затѣмъ идетъ въ кладѣ нѣсколько дутыхъ репьевъ серебряныхъ, въ видѣ шестиконечныхъ звѣздъ украшенныхъ зернью (сохранилось пять репьевъ). Эти репьи или носились въ ушахъ, или привѣшивались къ ожерелью. Они совершенно тожественны съ репьями, недавно найденными въ с. Старой Рязани и описанными г. Селивановымъ въ II т. Тр. VII арх. Съѣзда (стр. 208).

7. Наконецъ, повидимому, браслетъ, состоящій изъ толстаго серебрянаго жгута, концы котораго не соединены вмѣстѣ.

Всѣ найденныя вещи, судя по орнаментамъ и по работѣ, весьма изящной и тонкой, безъ сомнѣнія принадлежатъ къ великокняжеской эпохѣ и составляютъ часть личныхъ украшеній XII—XIII в., скрытыхъ въ опасныя минуты въ землю и забытыхъ тамъ. Такихъ опасныхъ минутъ въ исторіи г. Владиміра было не мало. Съ большею вѣроятностію кладъ можно отнести къ эпохѣ Боголюбскаго. Лѣтописецъ, сообщая объ убіеніи этого князя Кучковичами, подробно описываетъ мятежъ въ

Іераршій домъ въ Ростовѣ Великомъ до и послѣ реставраціи 1896 года.

гор. Владимірѣ и Боголюбовѣ, сопровождавшій это ужасное событіе. Во время этого мятежа слуги великокняжескіе разграбили все имущество князя и его приверженцевъ, а также ограбили и золотыхъ дѣлъ мастеровъ, жившихъ у князя. Не были ли эти вещи также похищены изъ великокняжеской сокровищницы челядинцами и скрыты на время мятежа въ землѣ — а затѣмъ за смертью, можетъ быть, внезапною, скрывшаго кладъ вещи такъ и остались до настоящаго времени?

Можно отнести этотъ кладъ и ко времени вел. кн. Георгія Всеволодовича, когда городъ былъ взятъ татарами въ 1238 г. и когда сокровища великокняжескія и боярскія также могли быть скрыты въ землѣ въ концѣ великокняжеской усадьбы, вблизи городскаго крѣпостнаго вала.

Во всякомъ случаѣ этотъ новый владимірскій кладъ имѣетъ еще большее значеніе, чѣмъ первый, найденный въ 1865 г. Онъ полнѣе и цѣлѣе сохранился, во многомъ дополняетъ и выясняетъ первый кладъ и даетъ возможность съ большею вѣроятностію возстановить форму великолѣпныхъ украшеній древнихъ одеждъ великокняжеской эпохи.

В. Георгіевскій.

II

Реставрація палатъ Іераршаго дома въ Ростовѣ Великомъ.

О реставраціи палатъ Іераршаго дома Коммиссія по административно-хозяйственному управленію Ростовскимъ кремлемъ сообщаетъ Императорскому Московскому Археологическому Обществу:

„Согласно утвержденному Обществомъ проекту, послѣдовавшему при отношеніи предсѣдателя Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, отъ 28 марта сего года за № 716-мъ, Коммиссіей произведены слѣдующія работы:

На фасадной сторонѣ (табл. IX), у проѣздныхъ воротъ подъ Водяной башней, вмѣсто новѣйшихъ деревянныхъ полотенъ устроены желѣзныя, съ росписаніемъ ихъ эмблемами по образцу древнихъ воротъ — нынѣ существующихъ подъ Воскресенскою церковью; у двухъ боковыхъ дверей, вмѣсто новѣйшихъ четыреугольныхъ перемычекъ, возстановлены каменныя круглыя перемычки, согласно очертанію прежнихъ перемычекъ; существовавшія здѣсь прежде 6-ть оконницъ возстановлены по слѣдамъ прежнихъ ихъ очертаній, въ той же ихъ первобытной формѣ,

т. е. съ каменной трехцентровой перемычкой, при чемъ украшающіе фасадъ этого зданія карниза, поясы и пилястры простѣнковъ съ розетками и пряслицами возстановлены въ совершенной ихъ формѣ, согласно уцѣлѣвшимъ здѣсь прежнимъ ихъ образцамъ; оконные переплеты рамъ сдѣланы по образцамъ слюдовыхъ рамъ, нынѣ сохраняющимся въ мѣстномъ музеѣ. Оконницы эти были разысканы Коммиссіей на чердакахъ ростовскихъ кремлевскихъ церквей и ростовскаго Успенскаго собора; а что въ настоящихъ палатахъ существовали прежде слюдовыя рамы-оконницы, тому доказательствомъ служитъ слѣдующій документъ, который озаглавленъ: „Опись втораго апартамента дому Его Преосвященства ветхости, что въ прошедшій пожаръ въ 1730 году сгорѣло“ [1]). Въ этой описи, во 2-мъ отдѣлѣ обгорѣвшихъ зданій, значущихся подъ № $^{22}/_{24}$, говорится: „Надъ показанными водяными воротами (въ галлереѣ и палатахъ) слюдяные окошки погорѣли, вмѣсто сгорѣвшихъ надлежитъ сдѣлать вновь“.

На фасадѣ между окнами, въ простѣнкѣ, древнѣйшее фресковое изображеніе Спаса съ предстоящими святыми было тщательно отмыто отъ наслоенія новыхъ красокъ (иконописцемъ Лопаковымъ), и къ иконѣ этой подвѣшенъ старинный слюдовый фонарь для теплоты въ немъ масла.

Устроенная въ новѣйшее время деревянная лѣстница, по распоряженію Коммиссіи, уничтожена, такъ какъ раскопками произведенными Коммиссіей подъ этою лѣстницей обнаружены ступени прежней каменной лѣстницы, гдѣ на томъ же мѣстѣ и возстановлена Коммиссіей лѣстница—каменная.

Внутри палатъ Іерарш. дома деревянные потолки подъ сводами уничтожены, самые своды и дверныя арки ремонтированы; открыты и существовавшіе здѣсь прежде тайники и печуры, которые оказались заложенными кирпичемъ—на сухо и замазанными штукатуркой. Деревянный полъ уничтоженъ и замѣненъ каменнымъ, чрезъ настилку кирпичемъ въ ёлку.

Устроенныя здѣсь исказителями старины русскія печи уничтожены и возстановлены печи изъ каѳелевыхъ изразцовъ, которые—по распоряженію Коммиссіи—были изготовлены на гончарномъ заводѣ,—по образцамъ старинныхъ изразцовъ сохраняющихся въ Ростовскомъ Музеѣ [2]).

Въ смежной съ этой палатой галлереѣ, обращенной фасадомъ на

---

[1]) Смотр. Дѣло о пожарѣ въ Ростовскомъ Кремлѣ въ 1730 г., хранящ. нынѣ въ Ярославской Духовной Консисторіи.

[2]) Большая коллекція этихъ каѳелевыхъ изразцовъ была найдена Коммиссіей при раскопкахъ въ Ростовскомъ Кремлѣ, близъ развалинъ Красной палаты, въ которой—до разрушенія ея въ 1843 году—существовали печи изъ вышеупомянутыхъ каѳелей.

юго-востокъ, угрожавшіе разрушеніемъ своды вычинены, вычинена также и расколовшаяся здѣсь стѣна [1]) посредствомъ перевязи ея желѣзомъ и проборкой ея кладки.

Настоящія помѣщенія какъ въ этихъ палатахъ, такъ и подъ Водяною башней (нынѣ тоже реставрированною) имѣется въ виду приспособить подъ помѣщенія мѣстнаго музея, а потому квартировавшія здѣсь лица духовнаго званія — по распоряженію Коммиссіи — нынѣ удалены отсюда безвозвратно.

Реставрація настоящаго памятника древности обошлась въ суммѣ 2685 р 26 коп. Денежныя средства на этотъ предметъ были представлены въ Коммиссію уроженцемъ гор. Ростова, живущимъ нынѣ въ гор. Томскѣ, почетнымъ гражданиномъ Всеволодомъ Ивановичемъ Королевымъ, въ количествѣ 2700 руб.".

III

Археологическая поѣздка въ г. Раву, Петроковской губ.

Въ августѣ мѣсяцѣ с. г., пользуясь свободнымъ временемъ и хорошей погодой, я отправился осмотрѣть нѣкоторыя мѣстности края, замѣчательныя чѣмъ либо въ исторіи. Между прочимъ, заѣхалъ я въ г. Раву, расположенный при рѣчкѣ Равкѣ, старинный главный городъ князей, а послѣ земли Равской, замѣчательный остатками замка, построеннаго въ романскомъ стилѣ.

Когда основанъ замокъ и городъ, нигдѣ слѣдовъ найти нельзя; но уже въ половинѣ XIII вѣка городъ и замокъ существуютъ и представляютъ столицу младшей линіи князей мазовецкихъ и лишь въ 1462 г., послѣ безпотомной кончины Владислава, князя Равскаго и Белзскаго, возсоединяется съ Польшей. Въ то время, повидимому, это былъ городъ богатый и торговый, который, вѣроятно, уже въ XIV столѣтіи пользовался нѣмецкимъ правомъ, такъ какъ въ 1439 г., послѣ пожара города, Александра, вдова Земовита кн. Мазовецкаго, возобновляетъ и подтверждаетъ городу право пользованія нѣмецкими законами.

Повидимому, замокъ былъ сильно укрѣпленъ не только отъ природы, (окруженъ болотами), но и искуственно, какъ свидѣтельствуютъ нынѣшніе остатки толстыхъ стѣнъ и башня. Здѣсь то, послѣ возсоединенія

---

[1]) На этой стѣнѣ существуютъ и въ настоящее время древнія фрески, изображ. Деисуса.

съ Польшей, именно съ XVI вѣка, было устроено помѣщеніе для заключенія важныхъ государственныхъ узниковъ. Такъ, въ продолженіе шести лѣтъ до 1569 г. находился здѣсь въ заключеніи Христофоръ, кн. Мекленбургскій, коадъюторъ рижскаго архіепископа; здѣсь же содержался нѣсколько лѣтъ Карлъ Гельденгильмъ, незаконный сынъ короля шведскаго Карла IX, взятый въ плѣнъ въ 1601 г. гетманомъ Замойскимъ; даже при Іоаннѣ Казимирѣ равскій замокъ исполнялъ свое назначеніе, именно: здѣсь помѣщали взятыхъ въ плѣнъ шведскихъ и бранденбургскихъ генераловъ.

Замокъ былъ замѣчательнаго устройства. Сохранившаяся до сихъ поръ одна сѣверо-восточная башня и часть стѣны свидѣтельствуютъ о томъ. Башня, вышиною въ 10 этажей, представляетъ замѣчательный памятникъ романской архитектуры XIII вѣка, и по своей красотѣ и по самому способу постройки достойна особеннаго вниманія: восьмиугольная, изъ толстыхъ полутора аршинныхъ стѣнъ, со входомъ во внутрь на половинѣ своей высоты, она заканчивается крышей въ воронку, сдѣланной изъ такого же кирпича, какъ и стѣны башни; въ стѣнахъ имѣется коридоръ, кажется потайной, прекрасно до сихъ поръ сохранившійся; кажется, что именно эта башня и была мѣстомъ заточенія для узниковъ, такъ какъ другая, по словамъ старожиловъ, помнящихъ ее прекрасно, была ниже и коридора внутри стѣнъ не имѣла; разобрали ее для своего употребленія горожане. И этому еще уцѣлѣвшему до сихъ поръ памятнику древней архитектуры тоже угрожаетъ опасность окончательнаго уничтоженія!

Замокъ расположенъ на городскихъ земляхъ и горожане считаютъ его своей неоспоримой собственностью, слѣдствіемъ чего разбираютъ стѣны и башни для своего употребленія: недавно разобрали одну башню, чтобы изъ вынутаго кирпича сдѣлать ограду для костела и усадьбы священника; мѣстный же бургомистръ г. Алексѣевъ, заявилъ, что право на сторонѣ крестьянъ (?) и что онъ препятствовать имъ въ разрушеніи замка не можетъ безъ наказа отъ высшаго начальства!

И это творится не только въ Равѣ, но и повсюду. Душа болитъ смотрѣть на подобныя варварскія уничтоженія старины! На западѣ подобные памятники заботливо охраняются, затрачиваются значительныя деньги для поддержки ихъ—у насъ иначе!

Нельзя всю вину сваливать на административныя власти. Младшіе чины на подобные памятники не обращаютъ вниманія; высшимъ—некому доложить, такъ что они не въ состояніи услѣдить за всѣми случаями варварскаго уничтоженія памятниковъ старины. Отчасти можно винить и интеллигентное общество, и именно въ томъ, что оно не принимаетъ

мѣръ для охраны памятниковъ, хотя бы ограничиваясь увѣдомленіемъ мѣстнаго губернатора о подобныхъ самовольныхъ поступкахъ. Конечно, всего этого мало. Здѣсь является единственный и дѣйствительно вѣрный способъ охраны древности—основаніе мѣстныхъ *обществъ охраны древнихъ архитектурныхъ памятниковъ*, задачей которыхъ было бы не только ходатайствовать у правительства распоряженій объ охранѣ извѣстныхъ памятниковъ архитектуры, но также умѣючи поддерживать тѣ же памятники отъ такого же сильнаго врага, именно отъ дѣйствія времени.

Такимъ только способомъ, на нашъ взглядъ, можно бы было охранить отъ окончательнаго уничтоженія уцѣлѣвшіе до-нынѣ остатки величія прежней архитектуры, и пора бы приняться за дѣло, такъ какъ ни одного потеряннаго года наверстать невозможно.

В. Виттыгъ.

IV

Могильникъ на Черной горѣ, близь с. Великаго, Ярославской губ. и уѣзда.

Къ югу отъ с. Великаго, по направленію д. Кудринской, тянется почти на двѣ съ половиною версты одна узкая возвышенная гряда, увѣнчанная тремя рельефно очерченными высотами или, по мѣстному выраженію, горами, изъ которыхъ сѣверная называется Мельничной, средняя—Крестовой и южная—Черной.

На вершинахъ каждой изъ этихъ горъ сохранились остатки типичной моренной глины, изобилующей мелкими и крупными валунами, преимущественно сѣверныхъ кристаллическихъ породъ. Послѣднее обстоятельство послужило причиною развитія у мѣстныхъ крестьянъ особаго промысла по добыванію булыжника и дресвы, требуемыхъ для мостовыхъ и шоссейныхъ дорогъ. Этотъ промыселъ здѣсь существуетъ около 50 лѣтъ и, благодаря его, вершины всѣхъ трехъ горъ въ настоящее время являются или совершенно, или очень сильно перерытыми.

Для насъ весьма важно, что при рытьѣ южной вершины Черной горы, рабочимъ, время отъ времени, попадались остатки человѣческихъ погребеній.

У великосельскихъ крестьянъ существуетъ преданіе, что Черная гора нѣкогда покрывалась непроходимымъ лѣсомъ и служила притономъ

разбойниковъ. Это преданіе легко объясняло рабочимъ причину нахожденія въ каменистыхъ нѣдрахъ горы человѣческихъ погребеній, въ которыхъ усматривались простые остатки жертвъ разбоя. Только, въ 1889 году, находка при одномъ костякѣ красиво полированныхъ каменныхъ орудій возбудила толки среди рабочихъ и вообще мѣстныхъ обывателей и привела къ научнымъ изслѣдованіямъ мѣстности.

Именно, при работѣ въ обширныхъ каменоломняхъ великосельскаго кр. Михаила Чулкова (работающаго нѣсколько лѣтъ въ самой богатой площади могильника и чаще другихъ встрѣчавшаго остатки погребеній), въ 1889 г., открытъ былъ на глубинѣ 2-хъ аршинъ хорошо сохранившійся костякъ, лежавшій на спинѣ съ вытянутыми конечностями. При костякѣ было собрано болѣе десятка плоскихъ каменныхъ кружковъ, похожихъ на пуговицы средней величины, а недалеко отъ костяка въ осыпавшейся землѣ найдены красивой формы полированный каменный топоръ и остроконечное, также полированное, кремневое долото.

Всѣ эти вещи сначала хранились у Чулкова въ домѣ, но въ послѣдствіи топоръ и долото были переданы ярославскому исправнику, а затѣмъ члену Яр. Уч. Архивной Коммиссіи Я. А. Ушакову, каменные же кружки понемногу затерялись.

Спустя около двухъ лѣтъ, Черную гору посѣтилъ и впервые обслѣдовалъ Я. А. Ушаковъ. Къ сожалѣнію о результатахъ его изслѣдованія у меня не имѣется никакихъ положительныхъ свѣдѣній; мнѣ лишь извѣстно, и то по частнымъ сообщеніямъ, что найденныя при этомъ вещи, равно какъ и вышеупомянутыя каменныя орудія, найденныя кр. Чулковымъ, Ушаковъ препроводилъ въ Мос. Общ. Люб. Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

Въ 1895 году, вторично обслѣдовалъ Черную гору А. А. Спицынъ, при чемъ, въ небольшой заложенной имъ траншеѣ былъ обнаруженъ костякъ въ скорченномъ положеніи; при костякѣ найдены два глиняныхъ круглодонныхъ сосуда и заостренныя кости. Помимо этого, г. Спицыну удалось собрать на днѣ старыхъ ямъ кремневые ножи и обломки древней глиняной посуды, извлеченные, какъ онъ справедливо полагаетъ изъ могилъ, при безпорядочномъ вскрытіи ихъ во время эксплоатаціи валуннаго матеріала горы [1]).

Въ 1896 году, Имп. Археологическая Коммиссія, ассигновавъ вполнѣ достаточныя средства, поручила мнѣ произвести окончательную

---

[1]) Свѣд. почерпнуты изъ частнаго письма А. А. Спицына и частію отъ рабочихъ, принимавшихъ участіе въ его раскопкахъ 1895 г.

раскопку могильника, къ каковой я и приступилъ 3-го сентября, продолживъ работу включительно до 7 сентября. Въ результатѣ были открыты два погребенія и установлено, что могильникъ, если не весь, то большею своею частью уничтоженъ, что три погребенія, изъ которыхъ одно было открыто въ 1895 г. Спицынымъ, а два остальныхъ — мною, уцѣлѣли въ небольшомъ островкѣ нетронутой почвы, случайно сохранившейся надъ двухаршиннымъ слоемъ мусора, выброшеннаго изъ окружающихъ его почти со всѣхъ сторонъ старыхъ рытвинъ и карьеровъ, что, наконецъ, если на изслѣдованной площади Черной горы и остались еще погребенія, то поиски ихъ правильными раскопками, благодаря каменистости грунта, должны быть настолько дорогими и въ этомъ смыслѣ рискованными, что продолжать ихъ я счелъ невозможнымъ.

Оба изслѣдованныя мною погребенія были въ могилахъ.

Первая могила оказалась болѣе чѣмъ на половину перерытою, и несомнѣнно крестьянами, во время добыванія ими валуннаго матеріала. На днѣ могилы, на глубинѣ 1 арш. 9 вершковъ, найдены остатки сильно истлѣвшаго, неполнаго костяка; положеніе его осталось не выясненнымъ; встрѣченныя кости лежали на крупныхъ камняхъ, при чемъ на одномъ изъ камней, помѣщенномъ въ восточномъ углѣ могилы, взято полное ожерелье, составленное изъ звеньевъ звѣриныхъ зубовъ и птичьихъ костей, обрѣзанныхъ въ видѣ продолговатыхъ цилиндровъ. Ожерелье представляло широкую оригинальную ленту, въ которой цилиндры птичьихъ костей были связаны рядами не вдоль, а поперекъ ожерелья. Весьма интересно, что находки ожерелій изъ сочетаній звѣриныхъ зубовъ и мелкихъ обрѣзныхъ костей пока извѣстны лишь на югѣ Россіи. Проф. Д. Я. Самоквасовъ нашелъ ихъ въ курганахъ погребенія Екатеринославской губерніи, гдѣ костяки имѣли скорченное положеніе и сопровождались кремневыми, костяными и бронзовыми орудіями [1]).

Могила второго погребенія оказалась почти неповрежденною. Она имѣла форму овально-продолговатаго ящика съ крупными неправильными боковыми стѣнами. Ко дну ея, съ восточной стороны, шелъ ступенчатый, желобовидный спускъ, отъ котораго хорошо сохранилась лишь нижняя часть съ одною ступенькою, оказавшеюся засыпанною свѣтло-сѣрымъ пескомъ, попавшимъ сюда, несомнѣнно, со дна могилы. На днѣ могилы, вдоль сѣвернаго бока, лежали четыре крупныхъ валуна, составлявшіе какъ бы искусственный барьеръ. Стѣны могилы слагались изъ бурой моренной глины, а дно — изъ свѣтло-сѣраго песка.

---

[1]) Отч. Имп. Археологической Коммиссіи. 1883—84 г., стр. XLIV—L.

Таковы устройство и внѣшній видъ могилы. Здѣсь привлекаютъ вниманіе: спускъ ко дну, засыпка его ступенекъ пескомъ и укладка крупныхъ камней на днѣ могилъ въ видѣ барьера. Всѣ эти особенности, повидимому, вызваны условіями почвы и техникою работы. Опытъ раскопокъ на Черной горѣ показалъ, что для удаленія изъ траншей безпрерывно встрѣчаемыхъ въ почвѣ тяжелыхъ камней, необходимо оставлять пологій спускъ или аппарель, по которой легче выкатывать камни. Гладкость или неровность, переходящая даже въ ступенчатость спуска здѣсь часто обусловливается каменистостью почвы. Такъ какъ самые крупные камни въ моренной глинѣ Черной горы залегаютъ какъ разъ внизу, непосредственно на подстилающихъ глину свѣтло-сѣрыхъ пескахъ, то при выкатываніи камней со дна могилы, спускъ или аппарель ея должна была необходимо засыпаться или засоряться пескомъ. Наконецъ, самые крупные камни древній могильникъ могъ и не выкатывать со дна могилы, сдвинувъ ихъ къ ея стѣнамъ по одиночкѣ или въ видѣ барьера, какъ это случилось въ нашей могилѣ.

Въ почвѣ, которою была засыпана могила, встрѣчено нѣсколько темныхъ пятенъ, состоящихъ изъ земли, по цвѣту и составу одинаковой съ растительнымъ слоемъ. Подъ растительнымъ слоемъ, приблизительно на глубинѣ 4—5 вершковъ отъ поверхности, найдены зола и угли, представлявшіе какъ бы остатки небольшаго костра. Вершка на четыре ниже золы и угля, встрѣчена настилка изъ отборныхъ валуновъ среднихъ размѣровъ. Растительный слой надъ могилою былъ замѣтно выпуклымъ. На днѣ могилы, на глубинѣ 2 арш. 8 вершк., покоились остатки простаго погребенія. Костякъ принадлежалъ женщинѣ среднихъ лѣтъ, положенной на правомъ боку, головою на З., съ сильно подогнутыми нижними конечностями. Верхняя часть костяка была нѣсколько выше нижней. Въ виду всего сказаннаго можно полагать, что первоначальное положеніе покойника было скорченное, полулежачее или полусидячее.

У запястья правой руки поднята небольшая бронзовая пластинка, свернутая трубочкой. У локтя той же руки лежалъ сдавленный небольшой горшечекъ, покрытый по шейкѣ и горлышку довольно красивымъ орнаментомъ изъ городковъ. Въ ногахъ костяка лежалъ второй, еще меньшихъ размѣровъ, сдавленный горшечекъ лишенный всякаго украшенія, а близь него два костяныхъ орудія, изъ которыхъ одно оказалось орнаментованнымъ. Непосредственно подъ черепомъ замѣченъ черный слоекъ, который распространялся, немного поднимаясь вверхъ, до западной стѣны могилы, надъ спиною же и конечностями такого слойка не оказалось.

Помимо описанныхъ погребеній, на площади могильника, въ старыхъ рытвинахъ, найдено нѣсколько разбросанныхъ человѣческихъ костей, обломковъ орнаментованной посуды и одинъ небольшой кремневый скребокъ. Все это являлось свидѣтельствомъ разрушенія древнихъ могилъ въ періодъ эксплоатаціи валуннаго щебня на Черной горѣ.

Въ заключеніе намъ остается сказать нѣсколько словъ о культурной эпохѣ могильника.

По словамъ великосельскихъ крестьянъ, раскопавшихъ наибольшую часть погребеній Черной горы, послѣднія исключительно сопровождались вещами, сдѣланными изъ камня, глины и кости. Тоже самое было подтверждено и раскопками А. А. Спицына. Такой характеръ вещей указывалъ на принадлежность могильника къ каменному вѣку; степень же совершенства и изящность фабрикаціи этихъ вещей опредѣляли мѣсто ему въ концѣ неолитической эпохи. Но мы видѣли, что съ вещами, характерными для послѣдней эпохи, въ могильникѣ появляется и обработанный металлъ. Правда, количество металла очень миніатюрно, но все же его достаточно, чтобы могильникъ отнести хотя къ началу, но другой, уже металлической, эпохи и поставить его въ одномъ ряду съ Фатьяновской стоянкой и могильникомъ [1]), описанными гр. А. С. Уваровымъ [2]), который далъ столь живую характеристику этой переходной эпохи (Кам. вѣкъ, I, 195).

Почти всѣ мысли, высказанныя графомъ по поводу Фатьяновскаго могильника, при настоящемъ уровнѣ нашего знанія, могутъ быть отнесены и къ изслѣдованному нами могильнику Черной горы.

В. А. Городцовъ.

V

Способъ Крефтинга для чистки и сохраненія металлическихъ вещей [1]).

I. Когда я, весною 1887 года, предпринялъ путешествіе въ Скандинавскія государства для изученія принятыхъ тамъ способовъ храненія

---

[1]) Ярославскаго уѣзда, близъ ст. Уткиной, по Вологодской жел. дорогѣ.

[2]) Гр. А. С. Уваровъ. Каменный періодъ, т. I и II.

[1]) О сообщеніяхъ д-ра Аппельгрена и В. А. Бока на Рижскомъ Съѣздѣ о способѣ Крефтинга, см. стр. 300 и 342. Способъ этотъ, бывъ послѣ Съѣзда испробованъ въ Историческомъ музеѣ въ Москвѣ, далъ превосходные результаты. Переводъ настоящей статьи съ нѣмецкаго любезно сдѣлалъ для нашего журнала дѣйств. членъ Общества А. И. Станкевичъ. *Примѣч. редакціи.*

предметовъ древности, то мнѣ въ Христіаніи сообщили, что инженеръ Аксель Крефтингъ пользуется въ музеѣ сѣверныхъ древностей тамошняго университета новымъ, имъ самимъ изобрѣтеннымъ, способомъ для очистки желѣзныхъ и другихъ металлическихъ предметовъ отъ ржавчины посредствомъ гальваническаго тока. Нѣсколько времени спустя, я самъ имѣлъ случай видѣть этотъ способъ чистки въ лабораторіи Крефтинга, при чемъ онъ мнѣ далъ письменное изложеніе сего способа, съ разрѣшеніемъ воспользоваться имъ, пока лишь у себя на родинѣ, и затѣмъ сообщить ему мои наблюденія. Осенью того же года, я получилъ отъ него письмо, помѣченное 28-мъ сентября, изъ Трондгьема, гдѣ онъ занялъ мѣсто ассистента по химіи при тамошнемъ техническомъ училищѣ: онъ освѣдомлялся о результатахъ своего способа. А такъ какъ я лишь въ ноябрѣ вернулся изъ путешествія по Сибири, предпринятаго мною въ теченіе лѣта, и могъ только весною начать опыты по его указаніямъ, то я и сообщилъ ему объ этомъ и предложилъ нѣсколько вопросовъ, возбужденныхъ его письмомъ. Мое первое письмо я послалъ въ декабрѣ, второе—въ іюнѣ слѣдующаго, 1888 года; оба они остались безъ отвѣта, вслѣдствіе чего и я, съ своей стороны, прекратилъ переписку. Крефтингъ сообщилъ мнѣ свой способъ какъ тайну, которую я до сей поры и хранилъ, но, такъ какъ до свѣдѣнія моего дошло, что Крефтингъ умеръ, и что описаніе его способа, находящееся у меня, есть единственное, существующее на свѣтѣ, то я считаю своею обязанностію не скрывать отъ науки важный для изслѣдованій матеріалъ, открываемый этимъ способомъ, имѣющимъ силу обнаруживать орнаменты и надписи. Обнародывая сей способъ я, вмѣстѣ съ тѣмъ, исполняю желаніе многихъ иноземныхъ археологовъ. Въ нѣмецкомъ переводѣ, описаніе Крефтинга гласитъ слѣдующее:

Новый способъ очистки древнихъ предметовъ отъ ржавчины и ихъ сохраненія.

Единственнымъ раціональнымъ способомъ предохранить металлическіе предметы древности отъ постепеннаго разрушенія ржавчиною, было бы очистить ихъ совершенно отъ послѣдней, такъ какъ блестящая ихъ поверхность позволяла бы тогда имѣть постоянный надъ ними контроль. Въ настоящее же время драгоцѣннѣйшіе экземпляры въ музеяхъ, по большей части, покрыты толстымъ слоемъ ржавчины, увеличивающейся постоянно, не взирая на лаки разнаго рода, назначеніе коихъ предохранять предметы отъ воздуха и сырости (но которые сами способствуютъ ихъ разрушенію).

Этотъ слой ржавчины упорно скрывалъ до сей поры много прекрасныхъ подробностей, обнаружить кои было бы весьма важно. Правда, въ послѣднее время пытались удалить слой ржавчины различными механическими путями, изъ коихъ выщелачиваніе, хотя и требуетъ много времени и терпѣнія, дало превосходные результаты, но при самыхъ осторожныхъ механическихъ процессахъ нельзя избѣгнуть того, что нѣкоторыя мельчайшія подробности будутъ уничтожены.

Изъ химическихъ процессовъ, пока, еще ни одинъ не оказался удобнымъ, такъ какъ вмѣстѣ съ ржавчиной они уничтожаютъ и самый металлъ.

Изобрѣтеннымъ мною, *возстановляющимъ способомъ* (Reductionsmethode), который скорѣе можно назвать электрическимъ, нежели химическимъ, ржавчина удаляется, при чемъ ни одинъ атомъ металла не пропадаетъ.

Способъ основанъ на возстановляющемъ дѣйствіи зарождающагося (nascierenden) водорода на ржавчину. Послѣдняя, представляющая собой соединеніе желѣза съ кислородомъ, снова обращается въ желѣзо, тогда какъ водородъ соединяется съ кислородомъ въ воду.

Достигаютъ этого процесса тѣмъ, что въ, подлежащемъ обработкѣ, предметѣ, прежде всего, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (тамъ, гдѣ можно это сдѣлать), металлъ очищается механическимъ путемъ (н. п. при помощи напилка), затѣмъ предметъ обвертывается цинковою полосою и кладется въ растворъ щелочи. Желѣзо при этомъ наэлектризовывается *отрицательно*, цинкъ же *положительно*. Вода въ растворѣ при этомъ разлагается, при чемъ водородъ производитъ на желѣзо вышесказанное дѣйствіе, а кислородъ, выдѣляясь, соединяется съ цинкомъ въ окись цинка (Zink-oxid). Послѣдняя растворяется въ щелочи, такъ что поверхность металла постоянно пребываетъ блестящею, и процессъ можетъ продолжаться безъ перерыва. Желѣзо, образующееся при этомъ, представляетъ собою родъ чернаго порошка, не особенно крѣпко пристающаго къ предмету, такъ что его легко можно удалить посредствомъ обтиранія съ мелкимъ пескомъ, и мельчайшія подробности предмета древности появляются на свѣтъ.

Цинкъ можно пріобрѣтать въ листахъ, кои разрѣзываются на узкія полосы; щелочь же, употребляемую при этомъ, крѣпостью въ 8° по ареометру Боме, можно получить на мыловаренныхъ заводахъ. Она должна быть свѣжа, и воздухъ не долженъ имѣть къ ней доступа. Я полагаю, приблизительно, 1 литръ на цѣлый мечъ. Сосудъ, въ которомъ происходитъ процессъ чистки, долженъ быть стеклянный или изъ глазированной, обожженой глины, приблизительно въ 1,70 метра длины и

0,30 метра ширины. Лучше всего употреблять два такихъ сосуда, изъ коихъ одинъ наполняется слабымъ растворомъ сѣрной кислоты — приблизительно 3—4 части кислоты на 100 частей воды. Дѣло въ томъ, что при обтираніи щелочь дѣйствуетъ разъѣдающимъ образомъ на пальцы; этого можно избѣжать, положивъ предметъ, по окончаніи возстановляющаго процесса, въ помянутый растворъ кислоты. Пока на металлѣ еще находятся остатки цинка, кислота на металлъ не дѣйствуетъ.

Послѣ сего предметъ обмывается водою, остатки цинка удаляются, и черный желѣзный порошокъ стирается мелкимъ пескомъ [1]). Для этого можно пользоваться кистью (щеткою) изъ стальной проволоки. Очищенный, такимъ образомъ, предметъ кладутъ (безъ цинка), приблизительно, еще на полчаса въ щелочный растворъ, для уничтоженія всякаго дѣйствія кислоты, а затѣмъ, на одну недѣлю, въ чистую воду. Для этого можно брать любой сосудъ, если только онъ достаточно великъ.

Послѣ сего древній предметъ готовъ для процесса *сохраненія*. Его тщательно вытираютъ до-суха и кладутъ на желѣзную пластинку, нагрѣваемую посредствомъ газовыхъ рожковъ, приблизительно, до 250° по Цельзію. Черезъ полчаса вся сырость будетъ удалена изъ его поръ. Тогда его смазываютъ растворомъ изъ 200 граммъ чистаго парафина на 1 литръ очищенной нефти. При сушкѣ, желѣзо, конечно, немного окисляется, но эта окись удаляется при смазываніи его парафиномъ.

Когда предметъ охладится, нефть окажется уже испарившейся, такъ что парафинъ покрываетъ предметъ совершенно, на подобіе оболочки.

Для покрытія предметовъ такою оболочкою нельзя употреблять веществъ, содержащихъ въ себѣ кислородъ и подверженныхъ, посему, измѣненіямъ; существуетъ только одно такое безусловно, неизмѣняющееся вещество, для сего пригодное, это—парафинъ.

Настоящимъ письмомъ я позволяю Финскому Обществу древностей примѣнять мой способъ въ видѣ опыта.

Христіанія.
29 апрѣля 1887 г.

Съ глубокимъ уваженіемъ
Аксель Крефтингъ.

Теперь я сообщу нѣсколько наблюденій, которыя я сдѣлалъ при опытахъ съ способомъ Крефтинга.

II. Къ какого рода предметамъ примѣнимъ способъ Крефтинга?

Вообще говоря, способъ Крефтинга можетъ примѣняться ко всякому металлу, однако, дѣло хранителя музея—рѣшить: какіе предметы

---

[1]) Или наждакомъ.

могутъ подвергаться ему безъ ущерба для ихъ внѣшняго вида или орнаментаціи. Такъ какъ, по электрическому способу, предметы очищаются отъ всего слоя ржавчины, то, само собою разумѣется, что мелкія и тонкія вещи, въ которыхъ металлъ весь пропитанъ ржавчиною, не могутъ быть очищаемы по способу Крефтинга, потому что они при этомъ легко могутъ разсыпаться, или же утратить такія мелкія подробности отдѣлки, которыя для археолога неоцѣнимы. Изъ числа таковыхъ можно назвать, напримѣръ, желѣзныя фибулы и булавки для закалыванія одежды, а равно и тонкіе браслеты и пряжки, которые легко можно сломать уже при обматываніи ихъ цинковою полосою. Сильно проржавѣвшій ножъ, представляющій, при вынутіи его изъ земли, характерную, рѣзко выраженную форму ранняго желѣзнаго періода, можетъ, при обработкѣ его электрическимъ способомъ, потерять такъ много, что всякіе характерные признаки исчезнутъ. Типическое лезвіе топора или наконечника копья изъ ранняго желѣзнаго періода, равно какъ и, въ одинаковой степени, типичный острый конецъ желѣзнаго меча, могутъ появиться совершенно неузнаваемыми послѣ электрической ванны, если ржавчина въ нихъ глубоко проникла. Мечъ, рукоятка и крестовина (крыжъ) котораго таушированы [1]) мѣдною проволокою или листовымъ золотомъ или серебромъ, или у котораго клинокъ украшенъ надписями въ видѣ инкрустаціи, золотой, серебряной, или мѣдной—такой мечъ можетъ, въ случаѣ, если ржавчина забралась подъ эти украшенія, совершенно испортиться при мало-мальски неосторожномъ примѣненіи къ нему электрическаго способа, такъ какъ эти украшенія будутъ отдѣляться, вмѣстѣ съ находящейся подъ ними ржавчиной, отъ чистой желѣзной поверхности. Словомъ, къ предметамъ, сильно проржавѣвшимъ, не должно примѣнять способа Крефтинга, а должно ограничиваться только смазываніемъ ихъ смѣсью изъ копалового лака и льнянаго масла, для предохраненія отъ окончательнаго разрушенія.

Изъ всего вышеприведеннаго явствуетъ, что хранитель музея долженъ быть хорошо знакомъ съ характерными формами и стилями отдѣльныхъ эпохъ, и съ большимъ уваженіемъ относиться къ нимъ.

Такъ какъ невозможно установить твердыхъ правилъ для каждаго отдѣльнаго случая, то нѣсколько общихъ указаній, пожалуй, будутъ здѣсь умѣстны.

Можно, вообще, считать правиломъ, что предметы, въ которыхъ металлъ еще не тронутъ, и коихъ только поверхность покрыта слоемъ ржавчины въ 1 миллиметръ толщины, легко могутъ быть очищаемы.

---

[1]) Таушъ—видъ насѣчки.

Толщину слоя ржавчины легко можно узнать посредствомъ скобленія (напилка). Если чистое, блестящее желѣзо обнаруживается лишь на глубинѣ 2—3 миллиметровъ, или вовсе не обнаруживается, то необходима крайняя осторожность. Можно также судить по звуку, насколько металлъ цѣлъ или проржавѣлъ. Предметъ, слегка заржавѣвшій (мечъ, наконечникъ копья, топоръ и т. п.), звенитъ, при ударѣ по немъ концомъ напилка, звонко, тогда какъ сильно проржавѣвшіе предметы издаютъ звукъ слабый и глухой. Иногда можно осторожнымъ соскабливаніемъ узнать, имѣются ли на предметѣ украшенія изъ другого металла, кромѣ желѣза. Если же возникаетъ сомнѣніе, выдержитъ ли предметъ процессъ очищенія или нѣтъ, или же окажутся слѣды, закрытой желѣзною окисью, насѣчки, золотой или серебряной, или относительно ея можно опасаться, что ржавчина забралась подъ нее (если, напримѣръ, окажется отдѣлившаяся серебряная проволока), то предметъ должно подвергнуть сперва *подготовительному* процессу. Простѣйшій и наиболѣе безвредный изъ нихъ слѣдующій:

Предметъ кладутъ въ чистую воду на нѣсколько дней. Когда ржавчина начнетъ слегка окрашивать воду въ коричневый цвѣтъ, то его вынимаютъ, осторожно очищаютъ щеткой изъ стальной проволоки его поверхность, смываютъ, отдѣлившуюся при семъ, ржавчину и кладутъ опять въ ванну. Такимъ образомъ поступаютъ черезъ день или два въ теченіе трехъ недѣль, но не болѣе. За это время обыкновенно снимается столько ржавчины, покрывающей украшенія, что можно разобрать ихъ стиль. (Другой, употребляемый въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, способъ, заключающійся въ томъ, что желѣзные предметы кладутся въ воду на 2—4 мѣсяца, при чемъ ихъ время отъ времени только очищаютъ щетками, я нахожу совершенно непригоднымъ, такъ какъ часто случается, что внутрь кусковъ ржаваго слоя, отдѣляющихся при этомъ, попадаютъ золотыя, серебряныя и мѣдныя украшенія). Если послѣ сего замѣчается, что украшенія начинаютъ отдѣляться вмѣстѣ съ находящейся подъ ними ржавчиной, то предметъ нельзя подвергать электрическому способу очистки; если же украшенія остаются на своихъ мѣстахъ, и кое-гдѣ показывается чистое, свѣтлое желѣзо, то способъ Крефтинга можно примѣнить.

Если предметъ подвергается способу Крефтинга безъ этого подготовленія, то полезно удалить сперва ножомъ, попадающіеся иногда, ржавчатые пузыри, дабы цинковая полоса плотнѣе прилегала къ предмету. При обматываніи необходимо надо обращать вниманіе на то, чтобы цинковая полоса непосредственно соприкасалась съ чистымъ металломъ тамъ, гдѣ онъ открытъ.

Бываютъ случаи, что лишь одна часть предмета можетъ быть отчищена, а другая—нѣтъ. Въ такомъ случаѣ, цинковой полосой обматываютъ ту часть, которая лучше сохранилась и опускаютъ лишь ее одну въ растворъ щелочи. По окончаніи процесса, кипятятъ неотчищенную часть, или весь предметъ, въ смѣси копаловаго лака и льнянаго масла, но, въ послѣднемъ случаѣ, должно масло отереть съ части, подвергавшейся электрическому процессу, дабы оно не покрыло металлической поверхности густымъ слоемъ.

Если одну часть предмета надо отчистить въ бо́льшей степени, нежели другую, то первая обматывается тѣснѣе и нѣсколько разъ цинковою полосою.

Значокъ (этикетка) съ номеромъ охраннаго каталога прикрѣпляется къ предмету мѣдною проволокою.

Прежде чѣмъ подвергать предметъ древности *возстановляющему способу*, необходимо тщательно измѣрить его во всѣхъ направленіяхъ, а также и сдѣлать рисунокъ съ него въ натуральную величину.

Дальнѣйшія указанія.

Вмѣсто, употребляемой Крефтингомъ, щелочи, я пользовался обыкновенно ѣдкимъ натромъ (natrum causticum), въ пропорціи 3—4 фунтовъ (250—340 грам.) на 10 литровъ воды. Стеклянный сосудъ, въ которомъ приготовляется этотъ растворъ, долженъ имѣть крышку, ограждающую отъ доступа воздуха. Черезъ сутки натръ растворится совершенно и будетъ готовъ къ употребленію. Обернутые въ цинкъ предметы могутъ, пролежавъ одну ночь въ этомъ растворѣ, на другое утро уже быть отчищаемы щеткой. Предметы непрочные, я, смотря по ихъ состоянію, оставляю въ растворѣ отъ 3-хъ до 6-ти часовъ. Предметы, недостаточно отчищенные съ перваго разу, можно положить въ электрическую ванну во второй разъ, если только они могутъ вынести ее.

Если предметы, отчищенные по способу Крефтинга, почему-либо пролежатъ болѣе продолжительный срокъ времени (напримѣръ, нѣсколько недѣль) въ водѣ, то желѣзо начнетъ снова окисляться. Во избѣжаніе сего слѣдуетъ прибавлять въ воду гашеной извести. Я полагаю приблизительно 1 литръ извести на 120 литровъ воды. Для воды должно брать цинковый сосудъ цилиндрической формы, 35 сантиметровъ, приблизительно, въ поперечникѣ, съ крышкою, дабы известковая вода не утратила своей силы слишкомъ быстро, вслѣдствіе прямого сообщенія съ воздухомъ: пока известковая вода сильно дѣйствуетъ, на ея поверхности образуется тонкая корочка и металлическія поверхности не тускнѣютъ.

Насколько мнѣ извѣстно, способъ Крефтинга примѣнялся лишь имъ

самимъ въ Христіаніи, и мною въ Гельсингфорсѣ. Но я слышалъ, что г. Бокъ, хранитель Эрмитажа въ Петербургѣ, производилъ также удачные опыты по тѣмъ указаніямъ, которыя онъ получилъ отъ меня чрезъ г. Спицына.

Д-ръ Ялмаръ Аппельгренъ,
хранитель Историческаго Музея въ Гельсингфорсѣ.

VI

Археологическая хроника.

—— Предварительный Комитетъ XI Археологическаго Съѣзда, имѣющаго собраться въ Кіевѣ въ 1899 году, созывается въ Москву на 4—7 января 1897 года.

—— Въ 10-й книжкѣ „Русскаго Архива" была помѣщена замѣтка „Объ Успенскомъ соборѣ Сергіевой Лавры". Главныя мѣста этой замѣтки—слѣдующія:

„Въ недавнее время въ Лаврѣ были предприняты работы по расширенію крипты (подвала) подъ Успенскимъ соборомъ. Въ Сергіевомъ посадѣ говорятъ, будто начальство лаврское предприняло расширеніе крипты съ тою цѣлью, чтобы устроить подъ соборомъ усыпальницу для богатыхъ людей. Мы отказываемся вѣрить этому, потому что до сихъ поръ въ лаврскихъ храмахъ за деньги никого не хоронили.—Успенскій соборъ—величественный памятникъ архитектуры XVI вѣка. Столпы соборные утверждены на бутовомъ фундаментѣ изъ громадныхъ камней и имѣли кромѣ того, для большей прочности, широкіе каменные откосы во всѣ стороны; ихъ то и рѣшено было сломать, чтобы расширить крипту... Надо замѣтить, что строители собора вполнѣ основательно положили такое солидное основаніе для столповъ собора, потому что въ Троицкой Лаврѣ подпочвенныя воды стоятъ весьма высоко... Желая расширить крипту, принялись ломать откосы у соборныхъ столповъ; было вывезено уже 30, если не больше, возовъ мусору, какъ вдругъ столпъ, у котораго находится лѣвый клиросъ, осѣлъ нѣсколько, и арка, связывающая его съ алтарной областью, дала трещину, а также лопнула желѣзная связь, соединяющая въ этомъ мѣстѣ части зданія. Тогда, опасаясь за цѣлость древняго храма, поспѣшили прекратить эти работы, и нанесенныя ими поврежденія были исправлены; но кто знаетъ не представляется ли дальнѣйшей опасности для цѣлости собора?"

Затѣмъ, приведя историческія справки о соборѣ и о погребеніяхъ подъ нимъ, авторъ спрашиваетъ:

„Неужели даже подъ Москвой столь цѣнные памятники древности не безопасны отъ разрушенія и искаженій? Дало ли свое согласіе на расширеніе крипты подъ Успенскимъ соборомъ Императорское Московское Археологическое Общество или, быть можетъ, эти работы были произведены помимо этого Общества?“

Можемъ сообщить, что Московское Археологическое Общество впервые узнало о работахъ въ Лаврѣ изъ приводимой статьи. На запросъ, обращенный по поводу статьи въ Лавру, о. намѣстникъ Павелъ, отношеніемъ отъ 17 ноября за № 1107, увѣдомилъ Общество, что „въ Лаврскомъ Успенскомъ соборѣ никакихъ работъ прошлымъ лѣтомъ не производилось, а лишь въ подвальномъ этажѣ, гдѣ погребаются Московскіе Святители, выровнена земля и покрыта асфальтомъ, для большаго приличія, а также откосы колоннъ, по которымъ безобразно торчали бутовые камни, облицованы кирпичемъ, чѣмъ не только не причинено никакого поврежденія зданію, а напротивъ, придана столбамъ бо́льшая устойчивость. Нелѣпые слухи, распространяемыя газетами, будто здѣсь предполагаются мѣста для погребенія богатыхъ людей, совершенный вымыселъ. Подвальный этажъ Успенскаго собора Лавры служитъ мѣстомъ погребенія Московскихъ архипастырей-митрополитовъ, какъ настоятелей Лавры,—и больше ни для кого“.

—— Е. И. В. Великій Князь Сергій Александровичъ изволилъ пріобрѣсти и пожертвовать Историческому Музею въ Москвѣ топорикъ—unicum великокняжеской эпохи, разсмотрѣнный въ засѣданіи Моск. Археол. Общ. 5 ноября (см. ниже).

—— В. Б. Антоновичъ любезно сообщилъ намъ о слѣдующихъ извѣстныхъ ему находкахъ въ юго-западномъ краѣ за лѣто и осень нынѣшняго года:

1) Въ маѣ, въ селѣ Мышеловкѣ надъ Днѣпромъ, вблизи Китаевской пустыни около Кіева, крестьянинъ, копая погребъ, нашелъ большой глиняный сосудъ, въ которомъ лежали: 11 монетныхъ серебряныхъ гривенъ, по вѣсу новгородскаго типа (46—47 золотниковъ въ каждой) и наборы пряжекъ и украшеній серебряныхъ отъ 3 поясовъ: 1) Однѣ украшены золотою инкрустаціею по серебру: на двухъ изъ нихъ инкрустированы изображенія святыхъ (сіянія около головы), окруженныя надписью въ 2 строки какимъ-то восточнымъ шрифтомъ (армянскимъ или грузинскимъ). 2) Другія украшены арабесками черньюю по серебру. 3) Украшены человѣческими фигурами и вѣтками растеній haut-reliefs.—Кладъ этотъ пріобрѣтенъ музеемъ Кіевскаго университета.

2) Въ Бердичевскомъ уѣздѣ, Кіевской губ., въ августѣ выпаханъ на полѣ кладъ, состоящій изъ серебряныхъ польскихъ монетъ Сигизмунда III; кладъ находился на землѣ фермы Черемошно, близъ села Дергановки.

3) Волынской губ., въ Заславскомъ уѣздѣ, на земляхъ села Шельвовъ выпахана группа кремневыхъ довольно крупныхъ ножей (до 20); ножи лежали гнѣздомъ, представляя какъ бы связку, и ни одинъ изъ нихъ не носилъ слѣдовъ употребленія; можетъ быть, это продуктъ мѣстной фабрики. Ножи пріобрѣтены г. Любою-Радзиминскимъ.

4) Подольской губ., Ольгопольскаго уѣзда, въ селѣ Трибусовкѣ крестьяниномъ выкопана (въ сентябрѣ) большая глиняная амфора.

5) Черниговской губ., Борзенскаго у., въ хуторѣ „Подсудковъ", выпаханъ на полѣ кладъ, состоящій изъ 300 съ лишнимъ диргемъ саманидскихъ X—XI столѣтія.

6) Екатеринославской губ. и уѣзда, близъ Никополя, въ селѣ Лыса-Гора крестьяне раскопали курганъ, въ которомъ нашли, между прочимъ, бронзовый весьма интересный предметъ (знамя ?). Предметъ этотъ на нижнемъ концѣ представляетъ втулку, отъ которой расходятся четыре вѣтви въ видѣ плоскихъ полосъ; на каждой полосѣ стоятъ четыре звѣря (лисицы?), на вершинѣ же ихъ изображены орлы съ распростертыми крыльями, и висятъ на цѣпочкахъ привѣски. На стержнѣ надъ втулкою фигура человѣка нагого съ бородою, съ фаллическимъ характеромъ; на головѣ у этого человѣка такой же орелъ съ распростертыми крыльями. Предметъ этотъ пріобрѣтенъ кіевскимъ коллекціонеромъ В. Ч. Хвойко.

7) Въ Кіевскомъ уѣздѣ, въ селѣ Старыхъ Безрадичахъ найдены: рукоятка бронзовая со втулкою, въ видѣ изящной бараньей головки, бронзовое кольцо, сдѣланное изъ скрученныхъ проволокъ, и бронзовый крестикъ, украшенный эмалью (пріобрѣлъ коллекціонеръ г. Гезе).

8) Въ Каневскомъ уѣздѣ, Кіевской губ., въ мѣстечкѣ Степанцахъ найденъ бронзовый кинжалъ, лезвіе широкое, округленное, рукоятка ажурная; напоминаетъ типы уральскіе (пріобрѣлъ г. Хвойко).

9) Въ селѣ Яблоновѣ, Каневскаго уѣзда, крестьянинъ выкопалъ глиняный горшекъ, въ которомъ лежали 34 серебряныя монеты первой четверти XVII ст.: 3 голландскіе талера, 1 прусскій ортъ, 23 орты и 7 шостаковъ польскихъ Сигизмунда III (пріобрѣтены для музея Кіевскаго университета).

10) Въ Подольской губ., въ Литинскомъ уѣздѣ, на поляхъ села Севериновки г. Венгржыновскій открылъ стоянку каменнаго вѣка, на которой собралъ 61 орудіе — отбивныя и полированныя. Въ томъ же

селѣ найдены въ другомъ мѣстѣ: сердоликовая буса и римская монета императрицы Луциллы.

11) Волынской губ., Кременецкаго у., близъ мѣстечка Ямполя крестьянинъ, копая ровъ, нашелъ два горшка, наполненные мелкою польскою монетою короля Яна Казимира (середина XVII в.).

—— Его Императорское Высочество Великій Князь Александръ Михаиловичъ, во время пребыванія въ своемъ имѣніи Ай-Тодоръ, на классической почвѣ древней Тавриды, предпринялъ подъ личнымъ своимъ наблюденіемъ нѣсколько археологическихъ раскопокъ, увѣнчавшихся успѣхомъ. Кромѣ обычныхъ находокъ (разныхъ бронзовыхъ украшеній), было найдено множество древнихъ монетъ, преимущественно херсонесско-римской эпохи. Его Высочество настолько заинтересовался научнымъ разслѣдованіемъ этой мѣстности, что рѣшилъ собирать коллекціи монетъ греческихъ колоній въ нынѣшней южной Россіи. Уѣзжая въ ноябрѣ въ Петербургъ, Его Высочество телеграфировалъ, по словамъ „Крым. В.", завѣдующему раскопками въ Херсонессѣ г. Косцюшко и возложилъ на него порученіе слѣдить за появляющимися въ городѣ въ продажѣ древними монетами съ цѣлью пріобрѣтенія таковыхъ для коллекціи. Въ короткое время своего пребыванія, Его Высочество сдѣлалъ много цѣнныхъ нумизматическихъ пріобрѣтеній; между прочими, извѣстная севастопольская коллекція П. П. Вакье съ ея богатымъ херсонесскимъ отдѣломъ куплена Его Высочествомъ за 7 тыс. руб. (Сынъ От. 314).

—— Въ Маріупольскомъ уѣздѣ былъ найденъ кладъ: десятка полтора монетъ (на одной надпись βασιλέως Φιλίππου) и статуэтка, изображающая сидящую женщину, съ чашей въ рукѣ, съ какимъ то животнымъ на головномъ украшеніи; хвостъ животнаго лежитъ по пьедесталу; на задней сторонѣ статуэтки надпись πολοκοσυγα (Екатериносл. вѣд.).

—— Лѣтомъ этого года бельгійскій энтомологъ г. Густавъ Жильсонъ наткнулся подъ самой Астраханью на древній могильникъ, обнаружившійся при работахъ на одномъ кирпичномъ заводѣ. Видно было множество скелетовъ. Попробовавъ отрыть одинъ изъ нихъ (оказавшійся, повидимому, женскимъ) г. Жильсонъ нашелъ въ костяхъ лѣвой руки разбитый флаконъ изъ зеленоватаго, съ радужнымъ налетомъ, стекла, круглый, съ узкимъ, длиннымъ горлышкомъ.

—— Въ Дисненскомъ уѣздѣ, въ 16 в. отъ города, лежитъ поселокъ Язно, который въ актахъ упоминается съ начала XVI в., и съ XVI же вѣка составляетъ собственность рода Корсаковъ. У мѣстныхъ жителей есть разные разсказы о старинѣ (между прочимъ, будто бы Язно было нѣкогда цѣлымъ городкомъ съ 10-ю церквами). Какъ дѣйствительные остатки старины обращаютъ на себя вниманіе вблизи Язна:

городище, церковище, камень съ изваяніями и дер. Волотовки. Городище, расположенное въ верстѣ отъ села, на берегу меньшаго озера, представляетъ собою правильный четырехугольникъ, который узкою полоской соединяется съ круглою площадкой. Окруженное болотами, городище возвышается надъ ихъ уровнемъ футовъ на сорокъ; на половину высоты, по ребру городища, проходятъ ровъ и валъ, прорѣзывающіе дважды соединительную полосу; круглая же площадка ихъ не имѣетъ. При весьма сильномъ профилѣ (почти 45 градусовъ), все городище простирается въ длину почти на 70 саженъ, въ ширину же отъ 30-ти (главная часть) до одной (соедин. полоса). Верхняя площадь гладка, словно утрамбована, только у входа, со стороны круглой площадки, находится нѣсколько камней, а подъ ними, по словамъ старожиловъ, склепъ, нынѣ засыпанный, но лѣтъ 50 назадъ имѣвшій небольшое отверстіе, впускъ въ которое былъ невозможенъ по причинѣ вонючихъ газовъ. Недавно городище было осмотрѣно и измѣрено мѣстными любителями, а затѣмъ изрыто (разумѣется, безплодно) кладоискателями; благодаря послѣднимъ теперь можно видѣть, что верхній пластъ состоитъ изъ золы, обгорѣвшихъ костей животныхъ, черепковъ и т. д.

Церковище—сейчасъ за селомъ, на берегу того же озера,—представляетъ собою отдѣльный холмъ. Крестьяне берутъ изъ церковища глину и песокъ; при этомъ обнаружено кладбище, гдѣ хоронили иногда безъ гробовъ, прямо въ глину, найдены черепки глиняной посуды, много польскихъ грошей средины XVII и начала XVIII в. и гранитный крестъ, грубой, массивной работы, высотою около аршина; на одной сторонѣ высѣченъ четырехконечный крестъ съ одною подставкой. По разсказамъ, на церковищѣ „до уніи и за унію“ стояла церковь, а въ концѣ XVIII ст. былъ найденъ крупный кладъ.

Въ полуверстѣ отъ имѣнія, въ лѣсу, находится большой полусферическій валунъ, на которомъ высѣчены изображенія сосуда, подобіе ложки и двузубца. По разсказу крестьянъ, это память о бывшемъ здѣсь въ незапамятныя времена пирѣ по случаю примиренія, узнавшихъ другъ друга, брата и сестры. Близъ дер. Волотовки находится четыре полураспаханныхъ кургана. Древнее имя „Волотовки“ не имѣетъ среди крестьянъ объясненія, а про курганы говорятъ, что тамъ похоронены великаны. Въ озерѣ былъ года два назадъ случай находки гранатовъ, вкрапленныхъ въ гнейсъ (Вил. В. 230).

—— Товарищъ-предсѣдателя ташкентскаго кружка любителей археологіи, Н. Н. Остроумовъ и командиръ сапернаго баталіона Г. Я. Мейеръ приступили истекшей осенью къ раскопкѣ холма Шаш-тюбе, въ 12 верстахъ отъ Ташкента. Было найдено небольшое помѣщеніе

подъ кирпичнымъ сводомъ, слѣды ходовъ въ холмѣ; замѣчены въ лёсѣ, составляющемъ строеніе холма, прослойки золы и красной глины; найдено очень много черепковъ глиняной посуды, изъ коихъ немногіе—съ глазурью. Одна изъ разбитыхъ чашекъ очень хорошо глазурована, а на глазури имѣется рисунокъ, съ перваго взгляда напоминающій надпись. Между черепками найдены глиняныя изображенія головы собачки, служившія, повидимому, для украшенія посуды. Многіе черепки имѣютъ ручки, нѣкоторые украшены выдавленнымъ по сырой глинѣ незатѣйливымъ рисункомъ. Попадались также кости верблюда и барана, шлаки и кусочки стекла; изъ металлическихъ предметовъ найдены серпъ и ножъ изъ желѣза, совершенно окислившагося.

—— Баронъ де-Бай, путешествовавшій лѣто по Пріуралью, въ августѣ былъ уже въ Томскѣ, вблизи котораго на Тояновомъ городищѣ, раскопалъ, при содѣйствіи библіотекаря томскаго музея, С. К. Кузнецова, 15 кургановъ. Находки изъ кургановъ, по свѣдѣніямъ изданнымъ въ мѣстныхъ газетахъ, могутъ быть раздѣлены на двѣ группы. Въ новѣйшихъ, не старше XVI столѣтія, найдены костяныя, рѣже желѣзныя стрѣлы и желѣзные топоры, ножи, пряжки; при женскихъ скелетахъ—грубые перстни и проволочныя серьги; въ болѣе древнихъ, относимыхъ вглубь до XII столѣтія, найдены въ изобиліи бусы, большія серьги, ножи съ костяной рукояткой, тщательно исполненной, мѣдные котлы, перстни съ рѣзьбой и тонкіе серебряные браслеты. Добыта цѣлая коллекція череповъ и костяковъ (Н. В. 7370).

—— Сиб. Вѣстн. сообщаетъ нѣсколько свѣдѣній о памятникахъ стараны въ Зайсанскомъ уѣздѣ. По Чиликтинской долинѣ (между Тарбогатаемъ, Сауромъ и Монракомъ) тянется рядъ кургановъ, числомъ до 70-и, изъ коихъ выдѣляются по необыкновеннымъ размѣрамъ 20. Все это круглыя земляныя насыпи съ углубленіемъ вверху; у подошвы два или три концентрическіе круга камней, вросшихъ въ землю. На вершинахъ большихъ кургановъ теперь красуются киргизскія могилы, съ ихъ характерными по неприхотливой архитектурѣ памятниками изъ сырцоваго кирпича. На той же долинѣ, близь прохода Чоганъ-обо есть два кургана, рѣзко отличные отъ другихъ. Они съ котлообразными углубленіями въ вершинѣ и завалены массивными камнями, когда-то, какъ видно, наложенными въ порядкѣ. На пути изъ долины къ Иссыку („ворота") между Монракомъ и Тарбогатаемъ, около рѣчки Тейсъ-айрыкъ есть много кургановъ, обложенныхъ концентричными кругами изъ камней бѣлой кварцевой породы. Здѣсь же, на правомъ берегу той же рѣчки, на могилѣ, почти сравнявшейся съ окружающей мѣстностью и дающей знать о себѣ только вросшими въ землю кам-

нями, расположенными кругомъ, стоитъ каменная баба изъ песчанника, высясь надъ землею не болѣе аршина (Спб. В., 239).

—— Въ алтарѣ церкви Св. Троицы въ Кожевникахъ, въ Москвѣ, была открыта лѣтомъ подъ новой масляной краской старая стѣнопись: изображеніе апостола или пророка на западной стѣнѣ, противъ жертвенника, и изображеніе Іакова, брата Господня (въ нынѣшнемъ архіерейскомъ облаченіи, съ палицей) на восточной стѣнѣ, южнѣе жертвенника. Стѣнопись, осмотрѣнная двумя членами Моск. Археологическаго Общества, оказалась плохой сохранности, плохого качества и восходящей никакъ не далѣе второй половины XVIII вѣка. Затѣмъ при осмотрѣ храма сдѣланы слѣдующія отмѣтки. Мѣстныя иконы середины XVIII в., къ сожалѣнію, усердно подновлены; на сѣверныхъ изъ нихъ ризы 1768 года, съ очень изящнымъ и трезвымъ уборомъ rocaille и черневыми медальонами съ каждой стороны ризы. Къ XVIII же вѣку относятся: весь иконостасъ, и въ томъ числѣ красивая рѣзба у царскихъ вратъ, съ ихъ сквозными, полыми (рѣзными, въ видѣ лозы) позолоченными столпами; серебряная рама рококо, лежащая поверхъ иконы, которая, въ ризѣ, покоится на деревянномъ, въ рѣзбѣ, краскахъ и позолотѣ, аналоѣ вида широкой вазы съ живописными медальонами изъ жизни ап. Петра. Аналой этотъ стоитъ на солеѣ сѣвернаго предѣла; на солеѣ южнаго предѣла, находятся новая дружка къ этой рамѣ, лежащая сверхъ дски со св. мощами, у которой на ризѣ стоитъ штемпель 1813 г. Ризы мѣстныхъ иконъ съ южной стороны большаго иконостаса также носятъ клейма 1813—1817 гг. Археологическое сокровище въ храмѣ представляетъ *плащаница* (покровъ), вѣроятно, XVII в., превосходно шитая шелками по западному рисунку, хотя и греческой рукой. Она изображаетъ плачъ надъ Спасителемъ во гробѣ. По угламъ— евангелисты; вверху—по двѣ лампады съ каждой стороны; слѣва Голгоѳа, съ тремя крестами, и орудіями Страстей, лежащими на землѣ (клещи, молотокъ, *три* гвоздя, копіе, губа, мѣшокъ съ высыпавшимися сребренниками, рукомойникъ), а ниже церковь; справа Іерусалимъ, а ниже ангелъ, возсѣдящій на отваленномъ камнѣ гроба, среди ограды, и благовѣствующій Воскресенье; внизу нашиты, на приготовленныхъ мѣстахъ серебряные алавастры. На зеленомъ полѣ по плащаницѣ— пестрые цвѣты. Имѣются греческія надписи шитыя золотомъ и серебромъ: *ὁ ἐπιτάφιος θρῆνος*, имена евангелистовъ и (уставомъ) начала ихъ евангелій (лишь у Луки книга обращена переплетомъ къ зрителю); имена святыхъ и ангеловъ: Никодимъ, Гавріилъ, Саломія, Мароа, Іосія (жена), Михаилъ, Іосифъ; Матерь Божія (прильнувшая къ лику Сына) и Марія Магдалина (лобзающая Его ноги). Наконецъ внизу плащаницы подпись:

Ἔι... ντήθη παρὰ τοῦ ἱεροδιακόνου καὶ κοινοῦ τῶν Σερβῶν ζωγράφου Χριστοφόρου Ζεφάρ—(отъ первой буквы и черты съ которой начиналась слѣдующая, остался подъ позднѣе пришитымъ золотымъ кружевомъ (XVIIIв.?) только тонкій слоекъ бумаги, служившей основою для вышивки буквъ). Перевести эту подпись можно такъ: „.. (воздѣто? т. е. *ἐπεν(ε)δύθη*, искаженное подъ вліяніемъ новогреческаго произношенія подобно тому, какъ въ первыхъ словахъ Ев. Іо. стоитъ *ЕN АРХН ІN* вм. *ЕN АРХН НN*) іеродіакономъ и общимъ живописцемъ Сербовъ, Христофоромъ Зефаромъ". — Въ церкви сохранилась начатая старостой Щукинымъ въ 1769 г. запись свѣдѣній о церкви. По приведеннымъ здѣсь выписямъ видно, что строительныя книги знаютъ на этомъ мѣстѣ деревянную церковь въ 1658 г.; въ 1686 г. стояла уже каменная колокольня; каменная церковь освящена въ 1702 г. Заглавный листъ выписей украшенъ искуснымъ рисункомъ тушью (Св. Троица), съ орнаментомъ въ стилѣ rocaille. Въ томъ же стилѣ рисунки на послѣднихъ страницахъ книги, изображающіе святыхъ, тезоименитыхъ священникамъ церкви; наверху каждой страницы стоитъ рисунокъ, а далѣе сообщаются, если извѣстны, свѣдѣнія о поставленіи священника, прохожденіи его службы и жизни. Подъ первымъ рисункомъ (ап. Іаковъ Алфеевъ) свѣдѣній нѣтъ: листъ предназначался, очевидно, для записи о священникѣ Іаковѣ Гурьевѣ (который въ 1722 г. давалъ показаніе о построеніи каменной церкви въ 1702 году); второй листъ посвященъ священнику Аѳанасію Савельевичу (посвященъ въ 1741 г., скончался въ мартѣ 1751 г., 39-и лѣтъ и 8-и мѣсяцевъ отъ роду). Запись эта сдѣлана рукой самого Щукина, „чтобъ знали и по упокоеніи поминали". Далѣе идетъ еще нѣсколько исполненныхъ записей; къ свѣдѣніямъ о священникѣ порой прибавляются свѣдѣнія о семейныхъ его (такъ на оборотѣ перваго наполненнаго изъ этихъ листовъ значится, что вдова о. Аѳанасія, Парасковія Борисовна, скончалась 16 февраля 1776 г.); есть свѣдѣнія и о діаконахъ, и причетникахъ церкви.

—— Въ Московскую Синодальную (Патріаршую) ризницу были доставлены на храненіе 5,614 антиминсовъ изъ церкви вологодскаго архіерейскаго дома и 3,282 изъ ризницы новгородскаго Софійскаго собора. Нѣкоторые изъ названныхъ антиминсовъ представляютъ рѣдкую древность въ виду освященія ихъ до учрежденія въ Россіи патріаршества, а остальные принадлежатъ ко временамъ патріарховъ и позднѣйшимъ. Поступленіе антиминсовъ въ ризницу послѣдовало, по словамъ „Церк. Вѣд.", на основаніи указа св. Синода епархіальнымъ начальствамъ: въ Вологду, Новгородъ, Тверь, Владиміръ и Пермь,—представить древніе антиминсы изъ числа хранившихся въ ризницахъ архіе-

рейскихъ домовъ, въ соборныхъ и монастырскихъ церквахъ, съ тѣмъ, чтобы Московская Синодальная Контора изъ числа поступившихъ древнихъ антиминсовъ высылала годные для употребленія въ единовѣрческія церкви по ходатайству преосвященныхъ, съ условіемъ чтобы въ Синодальной ризницѣ отъ времени каждаго изъ первыхъ пяти всероссійскихъ патріарховъ оставалось по одному антиминсу (Прав. В., 160).

—— Черниговскій Преображенскій соборъ, куда перенесены новооткрытыя мощи св. Ѳеодосія, есть древнѣйшій изъ уцѣлѣвшихъ русскихъ храмовъ. Онъ заложенъ княземъ Мстиславомъ въ 1024 г. Древнія стѣны его сохранились доселѣ, отличаясь толщиной и крѣпостью. Въ 1239 г. онъ былъ опустошенъ татарами, а затѣмъ много разъ возобновлялся. При обновленіи 1796 г. случайно былъ пробитъ сводъ склепа, находящагося надъ поломъ: видны были кости и кусокъ парчи, покрывавшей ихъ, видны были другіе гробы и на одномъ большой мечъ. Склепъ былъ тогда же засыпанъ.

—— 750-тилѣтіе со времени основанія смоленской Петропавловской церкви, построенной въ 1146 году смоленскимъ княземъ Ростиславомъ Мстиславичемъ, праздновалось этимъ лѣтомъ въ Смоленскѣ. Названный храмъ до XVII столѣтія существовалъ въ первоначальномъ видѣ; по взятіи Смоленска королемъ польскимъ Сигизмундомъ III, въ 1611 году, онъ былъ превращенъ въ католическій костелъ. Въ 1655 г. при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ въ церкви возстановлено православное богослуженіе. Въ 1757 г. была надстроена обширная въ два свѣта церковь во имя св. великомученицы Варвары; въ 1782 г. пристроенъ отдѣльный теплый придѣлъ у сѣверной стѣны древняго храма въ честь преподобнаго Нила, столбенскаго чудотворца. Въ настоящее время, по словамъ „См. Еп. В.“, древній храмъ св. ап. Петра и Павла остается почти въ первобытномъ видѣ, производя впечатлѣніе строгостью архитектурныхъ линій и массивностью стѣнъ и колоннъ, поддерживающихъ арки, на которыхъ покоится куполъ (Рж. В., 171).

—— Въ Смоленскѣ, въ Свирской церкви, поставленъ на особую подставку, осѣненъ навѣсомъ и снабженъ доскою съ надписью бѣлокаменный гробъ князя смоленскаго Глѣба-Давида Ростиславича, найденный еще въ 1835 г. въ развалинахъ Борисоглѣбскаго монастыря на рѣкѣ Смядыни (при которой былъ убитъ св. Глѣбъ Владиміровичъ). Гробъ былъ найденъ въ стѣнѣ храма, за зелеными кафлями, и при вытаскиваніи изъ стѣны разбили его крышку. Внутри оказались человѣческія кости, немного песку, а въ изголовьѣ три кирпича. Рядомъ былъ найденъ меньшій гробъ, а въ немъ остовъ съ княжеской короной. Гроба были позднѣе признаны гробами Глѣба Ростиславича и

12-лѣтняго сына его, которые оба были погребены въ Б.-Гл. монастырѣ. Но гробъ сначала оставался у смоленскихъ мѣщанъ и служилъ корытомъ для свиней, и много времени спустя мѣстные любители старины разыскали его и перенесли въ Свирскую церковь (Витебск. Губ. В., 61).

—— Въ Ревелѣ, при ремонтѣ шпиля Николаевской лютеранской церкви, нашли въ верху шпиля, въ шарѣ подъ крестомъ мѣдный ящикъ, а въ немъ на нѣмецкомъ и на латинскомъ языкахъ запись о ремонтѣ того же шпиля при шведскомъ владычествѣ. Ремонтъ начался въ 1681 г., возобновленъ въ 1685 и конченъ въ 1695, когда и былъ поставленъ мѣдный вызолоченный шаръ; въ записи вслѣдъ за этими свѣдѣніями перечислены власти, всѣ чины магистрата, пасторы всѣхъ четырехъ церквей и строители, и заключается запись молитвой. Другая запись на нѣмецкомъ языкѣ говоритъ о ремонтѣ той же башни при императорѣ Николаѣ I въ 1833 г. (Риж. В., 165).

—— Въ концѣ ноября устроена была въ Дашковской портретной галлереѣ Румянцевскаго Музея Выставка актовъ, автографовъ, печатныхъ изданій и портретовъ главныхъ дѣятелей эпохи Екатерины II.

Тутъ были изъ собраній Музея жалованныя грамоты: адмиралу Чичагову, кн. П. А Голицыну, Румянцеву, Сонцову (нѣкоторыя съ очень изящными миніатюрами), письма, черновые указы, собственноручныя рукописи Екатерины; письменные отвѣты великаго князя Павла законоучителю его Платону; допросные пункты Платона Новикову съ отвѣтами послѣдняго и т. д.—П. А. Ефреновъ выставилъ превосходное собраніе гравированныхъ и литографированныхъ портретовъ Екатерины (27) и около 80 портретовъ ея современниковъ; Н. П. и В. Н. Рогожины дали изъ своихъ собраній: рѣдкія книги временъ Екатерины (Тайна противонелѣпаго общества, 1759—списокъ членовъ коммиссіи по уложенію 1768 и 1769 г., Путешествіе Радищева, 39-ая ч. Россійскаго Ѳеатра съ „Вадимомъ“ Княжнина и т. д.) и нѣсколько рѣдкихъ портретовъ; и гг. Рогожиными, и Музеемъ выставленъ рядъ печатныхъ сочиненій императрицы, а Музеями кромѣ того бюсты: Екатерины и Державина и знаменитое державинское кресло съ двумя столбиками шкаповъ по бокамъ.

—— Въ Воронежскій Музей пожертвовано Толшевскимъ Спасопреображенскимъ монастыремъ шесть большихъ иконныхъ изображеній сивиллъ, помѣщавшихся нѣкогда на клиросахъ одного изъ монастырскихъ храмовъ. Въ тотъ же Музей пріобрѣтена глиняная маленькая кубышка, заключающая въ себѣ $1^1/_2$ ф. серебряныхъ копѣекъ XVI—XVII вв., найденная въ землѣ въ с. Рудкинѣ Воронежскаго, уѣзда.

—— Г. Шимкевичъ пожертвовалъ Румянцевскому Музею въ Москвѣ богатую и любопытную коллекцію вещей шаманскаго культа, собранную имъ въ Пріамурскомъ краѣ.

—— Въ Музей Имп. Общ. Поощренія Художествъ (въ Спб.) поступили слюдяныя двери русскаго дѣла XVII в. (Спб. В., 275).

—— Въ Нижнемъ-Новгородѣ былъ выставленъ наслѣдницею Н. А. Бакулева, Л. Н. Куршаковой, съ колокольнаго завода въ г. Слободскѣ, Вятской губерніи, первый колоколъ, отлитый этимъ заводомъ въ 1758 г. На колоколѣ надпись: „Лилъ сей колоколъ города Слобоцкаго Сысой Никитинъ Бакулевъ. Раченіемъ тое жъ церкви священноіерея Трофима Аѳанасьева. Въ село Рождественское церкви святѣй Рождеству Христову. Вѣсу 19 п. 20 ф.". Колоколъ украшенъ изображеніемъ св. Троицы и ангела съ косою. Намъ отрадно отмѣтить этотъ случай, являющій въ промышленномъ кругу любовь къ своей промысловой старинѣ и попеченіе о ней.

—— Въ трудѣ Н. А. Крюкова: „Вост. и Зап. Забайкалье въ сельско-хоз. отн.", сообщается между прочимъ о знаменахъ, пожалованныхъ бурятскимъ родамъ Петромъ II, Павломъ I и Николаемъ I и донынѣ хранимыхъ родами. Знамя Петра II, пожалованное въ 1728 г. Подгородному роду селенгинскаго вѣдомства, хранится у бурята этого рода, Жигрита Нансуева. Оно изъ голубой китайской узорчатой канфы, $1^1/_2 \times 2^1/_4$ арш. На немъ изображены: восходящее солнце (въ лѣвомъ верхнемъ углу) и крестъ изъ пяти звѣздочекъ (въ серединѣ), сверхъ креста надпись: „Никому не уступаетъ", а внизу: „Виватъ, всегда Августусъ Петръ Вторый Всероссійскій Императоръ". Знамена пожалованныя имп. Павломъ 14 августа 1800 г. Забайкальскому иррегулярному войску, шелковыя, около 2×2 арш., бѣлыя въ серединѣ, а по краямъ — бѣлыя съ краснымъ; съ обѣихъ сторонъ по двуглавому орлу въ вѣнкѣ съ надписями: при одномъ — „Не намъ, не намъ а имени Твоему", при другомъ — „Симъ знаменемъ побѣдиши"; по угламъ въ красныхъ поляхъ золотые вѣнки съ надписью: „Благодать" (Спб. В., 196).

—— „Рижск. Вѣстн." сообщаетъ о рукописи, принадлежащей одному обывателю Риги. Она въ 260 листовъ, въ четвертку, и на ней надписи: на оберткѣ — „Николая Спаѳарія влаха, посольскаго приказа переводчика, бывшаго посломъ въ Китаѣ. Описаніе Китайской Имперіи и сопредѣльныхъ съ нею странъ, въ 1678 году сочиненное. А. Рогозинскій 1778 г."; на оборотѣ — „Сію книгу въ Казани 1778 года подарилъ мнѣ поручикъ и кавалеръ графъ Петръ Ѳедоровичъ Апраксинъ, которую получилъ онъ въ Далматовѣ монастырѣ и гдѣ онъ на-

ходился подъ началомъ за увезеніе фрейлины графини Разумовской и за бракосочетаніе на ней при живой женѣ"; въ концѣ рукописи: „Сія книга сочинена Николаемъ Спаѳаріемъ, родомъ волохомъ, бывшимъ посольскаго приказа переводчикомъ, а потомъ Россійскаго царя посланникомъ въ Китай"; наконецъ еще одна надпись: „отъ числа книгъ Успенскаго Далматова (Пермской губ.) монастыря настоятеля архимандрита Іакинѳа". Въ книгѣ 80 главъ.

—— Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія утвержденъ уставъ Археологическаго Общества въ гор. Перновѣ. Согласно уставу, въ кругъ дѣятельности Общества входитъ: а) собираніе историческихъ и археологическихъ памятниковъ и рукописей; б) обсужденіе историческихъ вопросовъ, разсмотрѣніе вновь открытыхъ матеріаловъ и вновь появляющихся изслѣдованій; в) изданіе трудовъ Общества и г) устройство публичныхъ чтеній. Коллекціи Общества должны храниться въ городскомъ музеѣ, при которомъ можетъ быть учреждена и библіотека.

—— При Имп. Моск. Археолог. Обществѣ образована Археографическая Коммиссія, задача коей—разработка теоретическихъ вопросовъ по археографіи, архивному дѣлу и палеографіи. Предсѣдатель Коммиссіи—А. И. Кирпичниковъ, тов. предс. В. И. Холмогоровъ, секретарь—М. В. Довнаръ-Запольскій.

—— Въ предсѣдатели Историч. Общества Нестора Лѣтописца въ Кіевѣ избранъ В. Б. Антоновичъ, въ тов. предс. А. М. Лазаревскій.

—— По предложенію В. Г. Васильевскаго, Императорская Академія Наукъ командируетъ въ 1897 г. Н. П. Кондакова на Аѳонъ для продолженія работъ Савостьянова и обозрѣнія ризницъ аѳонскихъ.

—— Съ разграниченіемъ на Памирахъ и съ переходомъ въ текущемъ году Шугнана и Рошана изъ-подъ власти Афганистана въ вѣдѣніе бухарскаго эмира, впервые явится возможность всесторонне изучить эти интересныя общины, сумѣвшія, несмотря на неблагопріятныя условія, сохранить въ теченіе многихъ столѣтій въ неприкосновенности свои особенности. Страны эти, по политическимъ причинамъ, могли быть изслѣдованы только отчасти и то лишь въ самое послѣднее время въ одномъ топографическомъ отношеніи; этнографія же ихъ, языкъ, вѣрованія и археологія, съ сохранившимися памятниками древности, изъ коихъ многіе указываютъ на существовавшее тамъ прежде христіанство, остаются неизученными, какъ и геологія этихъ странъ.

Въ виду этого главный начальникъ Туркестантскаго края, баронъ А. Б. Вревскій, обратился въ Императорское Русское Географическое Общество съ просьбою объ ученой экспедиціи въ Шугнанъ и Рошанъ лѣтомъ будущаго года (Спб. В., 239, по Турк. В.).

—— Въ Археологическомъ Институтѣ въ этомъ году читаютъ: В. И. Сергѣевичъ—Юридическія древности, Н. В. Покровскій—Церковную археологію, А. И. Соболевскій—Славяно-русскую палеографію, Н. И. Веселовскій — Первобытную археологію, С. М. Середонинъ — Историческую географію, А. К. Марковъ—Нумизматику, Г. Ф. Церетели—Греческую палеографію, А. П. Вороновъ — Архивовѣдѣніе, С. М. Гольдштейнъ—Польско-литовскія древности (Н. В., 7403).

Въ Институтѣ возобновились, какъ было въ первые его годы, вечернія собранія любителей археологіи и исторіи. 29 ноября было первое такое собраніе: Н. В. Покровскій сказалъ рѣчь о цѣли и значеніи этихъ собраній, а А. В. Соболевскій прочелъ о поѣздкѣ своей этимъ лѣтомъ въ Краковъ, Львовъ и Прагу.

—— *Геологическій Международный Съѣздъ 1897 г.* [1]). Предсѣдательство въ Предварительномъ Комитетѣ Съѣзда соизволилъ принять Августѣйшій Президентъ Академіи Наукъ, предсѣдателемъ состоитъ А. П. Карпинскій, товарищемъ предсѣдателя А. А. Иностранцевъ, секретарями гг. Чернышевъ и Андрусовъ. О поѣздкахъ и путешествіи, устраиваемыхъ при Съѣздѣ, теперь извѣстны слѣдующія подробности:

Первая общая большая поѣздка будетъ имѣть цѣлью Уралъ и и предположена ранѣе открытія конгресса—съ 17-го (29-го) іюля по 10-е (22-е) августа, подъ руководствомъ гг. Карпинскаго, Никитина, Чернышева, Краснопольскаго, Штукенберга. Маршрутъ этой экскурсіи включаетъ въ себя Москву, Рязань, Пензу, Сызрань, Самару, Уфу, Златоустъ, Челябинскъ, Кыштымъ, Екатеринбургъ, Тагилъ, Кушву, Пермь, Казань, Нижній. Одновременно будутъ организованы три меньшихъ поѣздки, одна по берегамъ Волги отъ Самары до Казани, другая въ Эстляндію и третья—въ Финляндію (подъ руководствомъ Зедергольма и Рамзая). По окончаніи Съѣзда проектировано путешествіе на югъ, раздѣляющееся на три вѣтви. Первая посѣтитъ Донецкій каменноугольный бассейнъ, Харьковъ, Владикавказъ и кавказскія минеральныя воды; вторая направится изъ Нижняго по Волгѣ и затѣмъ во Владикавказъ; третья — въ Кіевъ на пароходѣ по Днѣпру и также во Владикавказъ. Собравшись во Владикавказѣ, путешественники направятся по Военно-Грузинской дорогѣ въ Тифлисъ, причемъ осмотрятъ по пути ледники Казбека, а изъ Тифлиса посѣтятъ Баку и Батумъ (Тквибуль), изъ Батума переѣдутъ въ Керчь, осмотрятъ различныя мѣстности Крыма и закончатъ Севастополемъ, гдѣ и послѣдуетъ окончательное закрытіе Съѣзда. Все это путешествіе потребуетъ около мѣсяца времени. Кромѣ

---

[1]) См. стр. 235.

того, проектированы спеціальныя поѣздки для болѣе подробнаго осмотра Донецкаго бассейна, для посѣщенія ледника Гвеналь-дона, на Эльбрусъ, на озеро Гокчу и Араратъ, въ Кутаисъ чрезъ Мамисонскій перевалъ и частныя поѣздки по Крыму. Всѣмъ геологамъ, записавшимся въ члены комитета и выразившимъ желаніе принять участіе въ экскурсіяхъ, будетъ предоставлено, съ Высочайшаго разрѣшенія, право на даровой проѣздъ въ I-мъ классѣ, до и послѣ засѣданія Съѣзда, включая всѣ поѣздки. Размѣръ прочихъ расходовъ по каждой поѣздкѣ для каждаго изъ ея участниковъ будетъ своевременно сообщенъ записавшимся (Русск. В., 250).

—— Выходящая съ 1 сентября газета „Калужскій Вѣстникъ" завела у себя отдѣлъ археологіи. И. П. Четыркинъ, руководящій этимъ отдѣломъ, въ первомъ № газеты обратился къ читателямъ съ просьбою о сообщеніи свѣдѣній и статей для отдѣла. Въ газетѣ помѣщены между прочимъ статьи: И. П. Четыркина—„Стоянка-мастерская доисторическаго человѣка у устья р. Калужки", съ 2 цинкографіями (изслѣдованія автора въ 1892—5 гг.); его же: „Городища, на которыхъ въ древности находился городъ Калуга", съ цинкографіей; его же: „Историко-топографическія данныя о Калугѣ XVII в. и такъ называемый домъ Марины Мнишекъ", съ цинкографіей; г. П. Трейтера: „Купчая 1693 г.", „Служилая кабала 1694 г."—примѣры актовъ и объясненія ихъ съ канцелярской, процессуальной и реальной сторонъ; В. Кашкарова: „Первый Калужскій намѣстникъ М. Н. Кречетниковъ"; В. Шангина: „Пугачевскій бунтъ" (текстъ правительственныхъ объявленій).

—— Въ декабрьской книжкѣ Ж. М. Н. Пр., кромѣ отчета о Рижскомъ Съѣздѣ, помѣщены доклады, читанные на Съѣздѣ: Ѳ. Ѳ. Мищенко „Извѣстія Геродота о внѣ-скиѳскихъ земляхъ Россіи" и весьма важный практически докладъ Э. Р. фонъ-Штерна „О поддѣлкѣ предметовъ классической древности на югѣ Россіи".

—— Извѣстный владѣлецъ музея древностей въ Кишиневѣ, г. Суручанъ, арестовалъ и привлекъ къ суду очаковскаго антикварнаго торговца г. Гохмана, обвиняя его въ мошенничествѣ,—въ продажѣ въ музей г. Суручана, втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ, поддѣльныхъ надписей на камнѣ, золотыхъ вещей (года два назадъ куплены г. Суручаномъ у Гохмана: „Викторія" и „Купидонъ на кентаврѣ" за 350 р.) и т. п. Г. Гохманъ, защищаясь, говорилъ, что онъ самъ вѣрилъ подлинности вещей, которыя нынѣ оказались поддѣльными. Судъ въ искѣ отказалъ (указывая, повидимому, судя по „Од. Л.", что при подобныхъ покупкахъ экспертомъ долженъ быть самъ покупатель).

Мы съ искреннимъ уваженіемъ относимся къ тому поступку г. Су-

ручана, что, разъ убѣдившись въ поддѣльности извѣстныхъ вещей своего собранія, онъ не сталъ скрывать своей ошибки ни отъ себя, ни отъ другихъ. Что касается братьевъ Гохмановъ въ Очаковѣ, то имя ихъ не разъ упоминалось въ послѣдніе мѣсяцы по поводу „тіары Сайтафарна". Въ докладѣ на Рижскомъ Съѣздѣ: „О поддѣлкѣ классическихъ древностей на югѣ Россіи" проф. фонъ-Штернъ называетъ особенно Гохмановъ, какъ продавцевъ множества поддѣлокъ.

Въ „Кіевской Старинѣ" Н. Ф. Бѣляшевскій, представляя отчетъ о Съѣздѣ, подробно излагаетъ докладъ фонъ-Штерна и прибавляетъ слѣдующее указаніе, которое заслуживаетъ вниманія:

„Замѣтимъ, что въ Кіевѣ и, кажется, въ Бердичевѣ, имѣются мастерскія древностей, правда по работѣ очень уступающія одесскимъ; поддѣлываются тутъ древности, главнымъ образомъ, великокняжескаго періода, такъ какъ таковыя чаще всего попадаются въ нашемъ краѣ. Кіевскіе коллекціонеры знакомы съ ними, и не мало ихъ перешло черезъ руки извѣстнаго кіевскаго торговца Богданова; при сбытѣ вещей употребляются и одинаковые пріемы: дѣйствуютъ черезъ подставныхъ лицъ, обыкновенно крестьянъ, распускаютъ слухи о находкахъ, помѣщаютъ среди поддѣлокъ нѣсколько настоящихъ вещей и т. п. Кіевскія поддѣлки пока еще довольно грубы; но благодаря тому, что нѣкоторые изъ кіевскихъ любителей древностей не обладаютъ въ достаточной мѣрѣ ни знаніями, ни опытомъ, онѣ все-таки имѣютъ сбытъ".

—— Борьба вокругъ „тіары Сайтафарна" за границей шла оживленно: на горячую статью Фуртвенглера, который, взглянувъ на тіару въ Луврѣ, призналъ ее „возмутительной поддѣлкой", отвѣтилъ хранитель Лувра Вильфоссъ въ Debats и очень горячо въ Gaz. des Beaux-Arts, Т. Рейнакъ, который восторженно описывалъ тіару въ маѣ; появилось нѣсколько замѣтокъ въ защиту тіары и въ нѣмецкихъ газетахъ, порой исходя очевидно отъ Рейнака же. Защита сводится къ слѣдующимъ указаніямъ: въ среднемъ медальонѣ ожерелья „найденнаго вмѣстѣ съ тіарою" скрытъ несомнѣнно античный флаконъ для духовъ, не замѣченный ни продавцами, ни покупателями и указанный лишь г. Кизерицкимъ; въ самой тіарѣ по крайней мѣрѣ два гвоздика со внутренней стороны признаны даже Ф—мъ за подлинные; цвѣтъ золота тіары (отсутствіе общаго краснаго налета и оттѣнокъ пятенъ его въ неровныхъ мѣстахъ) не смущаетъ такого знатока, какъ г. Кизерицкій, положительно утверждающій подлинность тіары; сборный характеръ изображеній объясняется эклектизмомъ эпохи; для тѣхъ чертъ, которыя казались необыкновенными (напр., въ надписи винительный падежъ вмѣсто ожидаемаго дательнаго)—указываются примѣры (большею частью въ недавнихъ, сравнительно, наход-

кахъ); наконецъ нѣмецкій проф. Коерр въ Allg. Zeit. открываетъ причину нападеній на тіару—въ анархистическихъ тенденціяхъ: вся цѣль похода „профановъ"—потрясеніе авторитета установленныхъ правительствомъ музейныхъ властей (Chron. des Arts сочувственно перепечатала эту замѣтку). На серіозныя указанія противная сторона отвѣчаетъ, что ни подлинность частей другой вещи, ни подлинность хотя бы и четырехъ гвоздочковъ тіары не доказываютъ подлинности самой тіары; что нѣтъ непогрѣшимыхъ авторитетовъ, и нашъ Эрмитажъ не избѣгъ участи другихъ музеевъ относительно „ольвійскихъ" древностей; что сборъ изображеній и украшеній на тіарѣ слишкомъ пестръ и источники слишкомъ очевидны, чтобъ повѣрить ея подлинности. Указываютъ также на то, что Лувромъ доселѣ не выяснено происхожденіе тіары: продавцы вслѣдъ за продажей, не замедлили скрыться. У насъ поддѣльность тіары доказывалась въ вѣскомъ докладѣ проф. ф.-Штерна на Рижскомъ Съѣздѣ (Ж. М. Н. Пр. 1896, № 12) и А. Н. Щукаревымъ въ Русск. Археол. Общ. (см. ниже).

—— Султанъ подарилъ Луврскому музею нѣсколько предметовъ изъ лучшей части находокъ де-Сарзека трудящагося уже 16 лѣтъ надъ раскопками въ Телло. Выборъ дѣлалъ Heuzey. Онъ привезъ изъ Константинополя: надпись царя Эаннаду (царь ястребиной стелы) о своемъ царствованіи; бронзовое или мѣдное копье въ 86 сант., съ гравированнымъ изображеніемъ льва и имени царя страны Кишъ; бычачью голову изъ бронзы, съ глазами изъ перламутра и ляписъ-лазури; два обломка стелы, гдѣ въ надписи упоминается имя города Агаде; четыре большихъ глиняныхъ таблицы второй династіи г. Ура и 20 малыхъ таблицъ очень интересныхъ исторически: здѣсь, говоритъ Heuzey, впервые является дата Саргона Древняго и его сына Нарам-сина, около 3800 лѣтъ до Р. Х. Что касается имени царя, то Менанъ и Опперъ, отказываются видѣть въ немъ Саргона Древняго (Опперъ читаетъ имя: Biaganissanéres); но они единогласны съ Heuzey въ опредѣленіи даты памятниковъ и въ признаніи чрезвычайнаго научнаго значенія ихъ.

—— Англійская палата общинъ освободила отъ пошлины за наслѣдство всѣ предметы, имѣющіе общій интересъ, научный или художественный, съ условіемъ, чтобы наслѣдники въ опредѣленные дни безплатно предоставляли ихъ обзору публики (Chron. des Arts, 306).

—— При реставраціи церкви св. Петра in Ciel d'Oro въ Падуѣ, открыта гробница короля ломбардскаго Луитпранда (712 — 744) и обломки латинской надписи, отмѣчающей сосѣднее погребеніе его отца, Ансиранда (Chr. d. Arts, 287).

—— La Chronique des Arts (приложеніе къ Gaz. des Beaux-

Arts) помѣстила (288 — 9) статью г. S. R. (С. Рейнака?) о „Греческихъ древностяхъ южной Россіи". Здѣсь сообщается объ изданіяхъ: Н. П. Кондакова и гр. Толстаго и Императорской Археологической Коммиссіи, а также о послѣднихъ находкахъ г. Косцюшка-Валюжинича и о золотыхъ вещахъ, арестованныхъ въ Парутинѣ въ концѣ мая (предметъ торговли гг. Гохмана, Лифшица и Кулиша); авторъ статьи отмѣчаетъ, что Очаковъ является и центромъ поддѣлокъ, и мѣстомъ обильныхъ подлинныхъ находокъ.

—— Въ Миланѣ открытъ отрывокъ одного изъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ древне-христіанской литературы Ἑξάπλα Оригена. Эксапла, расположенная въ шести столбцахъ, содержала въ себѣ еврейскій текстъ Ветхаго Завѣта, тотъ же текстъ въ греческой транскрипціи, и переводы: Симмаха, Аквилы, 70-и и Θеодотіона. До насъ дошли отдѣльныя примѣчанія и варіанты изъ Эксаплы, самое же изданіе считалось рано погибшимъ. Нынѣ г. Дж. Меркати нашелъ въ палимпсестѣ отрывокъ Эксаплы, въ пять столбцовъ (недостаетъ перваго), содержащій текстъ и переводы одиннадцати псалмовъ. Рукопись относится къ X вѣку, и это даетъ нѣкоторую надежду, что удастся найти и другіе отрывки кодекса.

—— Мы упомянули уже (стр. 364) объ изслѣдованіи островковъ у береговъ Флориды, которое совершилъ этимъ лѣтомъ г. Кушингъ (по порученію Археологическаго Отдѣла при пенсильванскомъ университетѣ и Смитсонова Института) и которое открыло новый своеобразный археологическій мірокъ—раковинныя сооруженія и свайныя постройки племени, культура котораго была близка къ доисторической культурѣ Средней Америки (племя Майя въ Юкатанѣ). Островокъ, спеціально изслѣдованный г. Кушингомъ, какъ и всѣ другіе изъ „тьмы острововъ", посѣщенные имъ, оказались дѣломъ рукъ человѣческихъ. Подъ деревьями, травою и перегноемъ открылись правильныя, построенныя изъ морскихъ раковинъ террассы и платформы, мощеныя дороги, открылись древніе пруды и каналы, а въ прудахъ—свайныя поселенія. Начавшись на коралловыхъ рифахъ и устричныхъ отмеляхъ, островки эти росли и устраивались, благодаря сознательной работѣ ряда поколѣній, и достигали порой высоты 50—60 футовъ надъ поверхностью моря и пространства въ сотни акровъ (акръ=0,37 десятины). Кушингомъ изслѣдованъ бывшій прудъ на одномъ изъ такихъ острововъ. На днѣ его вдоль береговъ, оказались низкія плотныя платформы изъ раковинъ и глины, фута на 3—4 ниже уровня воды, когда прудъ былъ полонъ ею. По краямъ этихъ платформъ большею частью и найдены остатки жилья: всевозможная посуда, орудія, игрушки, идолы, оружіе, маски, уборы—изъ

дерева, раковинъ, кости, зуба (и на оружіе идутъ всѣ эти матеріалы), но кромѣ того балки, стропила, сваи, переплеты, постилки, крыши и загородки отъ стоявшихъ тутъ нѣкогда, на разнообразныхъ сваяхъ, длинныхъ, узкихъ, одноэтажныхъ домовъ. Средина пруда оставалась свободной для лодокъ; найдено много разнообразныхъ игрушечныхъ изображеній лодки, найдено длинное остроконечное весло, борты лодки и якори изъ пары раковинъ, наполненныхъ пескомъ и зацементованныхъ. Деревянная посуда, орудія, оружіе, игрушки часто отлично отполированы и украшены превосходной рѣзбой (узоры и изображенія живыхъ существъ), превосходно же рѣзаны изъ дерева и маски. Вещи очень часто раскрашены, большею частью символическими узорами и изображеніями (тотемы); найдены картины, служившія стѣнками то „алтаря", то ящика: на одной изображенъ ящеръ, на другой профиль лани, на третей (2×1 футъ) черной, бѣлой и синей краской изображенъ богъ-птица съ разными аттрибутами; въ одной двустворчатой раковинѣ нарисованъ человѣкъ въ маскѣ, въ другой раскрытая рука со старательно выведенными линіями ладони. Найдены, какъ думаетъ Кушингъ, останки человѣческой жертвы и при нихъ изображенія коршуноподобнаго бога смерти (изъ кости) и бога-кагуара. Линіи и фигуры, которыми раскрашены маски, впервые нашли здѣсь, по мнѣнію Кушинга, объясненіе, благодаря тому, что при каждой маскѣ найдено соотвѣтствуюшее ей деревянное же изображеніе лица извѣстнаго животнаго, тоже символически раскрашеннаго: лани, волка, лисы, ящера, черепахи, пеликана и разныхъ другихъ морскихъ птицъ.

Кушингъ съ увлеченіемъ рисуетъ, на основаніи своихъ находокъ, картины жизни и вѣрованій жителей „эпохи раковины и зуба"; но намъ думается, что эти картины пока мало надежны, какъ и общіе выводы автора, полагающаго, что данное племя приплыло изъ Южной Америки (гдѣ доселѣ есть свайныя постройки, по Маракаибскому заливу), и отсюда уже перешло на материкъ Средней Америки и положило начало тамошней цивилизаціи: въ раковинныхъ сооруженіяхъ своихъ островковъ Кушингъ видитъ основы плановъ для юкатанскихъ храмовъ и дворцевъ.

По пути къ островкамъ, задержанный на материкѣ ожиданіемъ судна, Кушингъ посвятилъ два мѣсяца на раскопку, у деревни Тарпонъ-Спрингсъ на берегу моря, большаго могильнаго холма сооруженнаго, какъ ему думается, тѣмъ же племенемъ, но въ позднѣйшую, материковую эпоху. Во всякомъ случаѣ поучительно сравненіе этихъ находокъ съ островными. Здѣсь добыто до 600 скелетовъ и выяснено два главныхъ рода погребенія, совершавшагося не тотчасъ послѣ смерти,

а массами, послѣ ряда лѣтъ, при богатой тризнѣ. Одни (высшіе вожди и жрецы?) хоронились или вытянутымъ скелетомъ или свернутымъ на подобіе перувіанскихъ мумій. Отъ большей же части хоронились просто перемѣшанныя вмѣстѣ кости; но и среди этого послѣдняго разряда встрѣчались скелеты, кости которыхъ были только разобраны, но не спутаны съ другими; они уложены были пачками: большія кости — снизу, малыя сверху, а на самомъ верху черепъ и первоначально обмотаны были матеріей, отъ которой осталась одна пыль. Встрѣчались и другія особенности погребенія. Такъ два раза вокругъ скелета лежали, въ порядкѣ, похожемъ на очертанія лица, масса черепковъ и поврежденныхъ сосудовъ; другіе рода могилы съ вытянутыми скелетами были очерчены, обложены и завалены массой битой посуды. Надъ головой убитыхъ (стрѣлы въ костяхъ, поврежденный ударомъ черепъ) непремѣнно оказывался опрокинутый круглый глиняный горшокъ, а надъ нимъ большая чашка изъ раковины, причемъ и горшокъ и чашка были съ продыравленнымъ дномъ. Младенцы хоронились въ большихъ раковинныхъ чашахъ, неповрежденныхъ, ибо то былъ лишь гробъ, а не посуда для замогильнаго употребленія умершему. Посуда же, какъ мы видѣли, вся билась или повреждалась, вообще „убивалась", чтобъ духъ ея ушелъ вмѣстѣ съ духомъ умершаго въ загробный міръ; черепки всѣ оставались на мѣстѣ и при терпѣніи можно подобрать всякій горшокъ. Въ свое время эта посуда, наоборотъ, была „оживлена", на ней были нарисованы, вытѣснены, наколоты знаки или части знаковъ личности и клана умершихъ (личные и клановые тотемы и символы); такъ на одномъ горшкѣ нарисована окровавленная лапа пантеры, а весь горшокъ раскрашенъ почти совершенно также какъ лицо и нарядъ одного флоридскаго воина, зарисованные экспедиціей Ралея въ XVI вѣкѣ. На другихъ сосудахъ были иныя изображенія: символъ воды (наутилусъ), символъ лѣпной работы (оса); на одномъ горшкѣ была нарисована рыбья маска и сцены рыбной ловли. Формы глиняной посуды произошли очевидно отъ формъ посуды тыквенной и деревянной (особенно напр., обращенный куполъ, миски), на деревянный же прототипъ указываетъ и рѣзьба на многихъ горшкахъ. Каменныя украшенія и предметы священные—прекрасной работы и разнообразнаго матеріала: тутъ есть и мягкія породы, и діоритъ, и горный кристаллъ, и гематитъ, и слюда. Есть и старательно выдѣланныя мѣдныя украшенія; такія, напр., найдены были въ одной черепковой могилѣ и висѣли на груди женщины, на ниткѣ крупныхъ пестрыхъ бусъ, причемъ, благодаря окиси мѣди, сохранились остатки одежды изъ тонкой ткани.

—— Французскія газеты извѣщаютъ, что аргентинскій археологъ

г. Цавалетта привезъ въ Парижъ любопытное собраніе доисторическихъ памятниковъ горнаго племени Кальчакковъ, нѣкогда упорно боровшагося со спутниками Пизарро, а нынѣ исчезнувшаго. Близкія къ древностямъ пеуранскимъ, вещи эти имѣютъ свой оригинальный отпечатокъ. Преобладающая черта ихъ—весьма выразительный символизмъ въ формахъ, въ рисункахъ, порой и въ орнаментѣ; въ нихъ сказывается несомнѣнный художественный вкусъ, замѣчательный инстинктъ симметрій рядомъ съ прихотливостью и богатствомъ воображенія, и дѣйствительное искусство отдѣлки металла (мѣдь, бронза, золото, серебро). Въ собраніи, кромѣ металлическаго оружія, орудій, украшеній, изображеній живыхъ существъ, много гончарныхъ издѣлій: тутъ 150 глиняныхъ погребальныхъ урнъ, изъ которыхъ особенно богато украшенье живописью урны съ младенческими скелетами (жертвъ?): на нихъ нарисованы идолы, кондоры, чудища и т. п., а особенно постоянно змѣя—хранительница тѣней. Далѣе идутъ разныя вазы, съ оригинальнымъ (порой фаллическимъ) орнаментомъ, идолы, фетиши и амулеты изъ терракоты; преобладающія краски на нихъ: черная, красная, желтая и бѣлая; обожжены они прекрасно. Изъ 86 идоловъ нѣтъ ни одной пары одинаковыхъ фигуръ: извѣстное божество всегда легко узнается по своимъ аттрибутамъ, но изображается весьма разнообразно, по внушенію подвижной фантазіи. Особенно любопытно изображеніе бога смерти, съ длинными рѣсницами и со слезами въ глазахъ. Въ коллекціи не мало и каменныхъ орудій и утвари, и искусно отдѣланныхъ костей. Въ антропологическомъ отдѣлѣ до сотни череповъ и нѣсколько мумій.

VII

Засѣданія ученыхъ Обществъ.

Императорское Московское Археологическое Общество.

Засѣданіе 5 ноября происходило въ присутствіи Е. И. В. Великаго Князя Сергія Александровича. Граф. П. С. Уварова прочла отчетъ о Рижскомъ Съѣздѣ. Д. Н. Анучинъ сообщилъ о находкѣ чудскаго жертвеннаго мѣста на Глядѣновскомъ городищѣ, въ Пермскомъ уѣздѣ (см. стр. 363). Докладчикъ, занимающійся въ настоящее время изученіемъ нѣкоторыхъ видовъ чудскихъ древностей, въ особенности изображеній летящихъ птицъ и связанныхъ съ ними звѣриныхъ образовъ, остановился преимущественно на этихъ изображеніяхъ, на представляемыхъ ими варіаціяхъ, ком-

бинаціи птичьихъ признаковъ съ звѣриными, вѣроятномъ религіозномъ ихъ значеніи и вліяніи, подъ которыми могли создаться подобныя формы, отчасти занесенныя съ юга, изъ болѣе культурныхъ странъ, отчасти явившіяся въ подражаніе мѣстнымъ животнымъ формамъ или сложившіяся подъ вліяніемъ мѣстныхъ повѣрій и анимистическихъ воззрѣній. На основаніи этнографическихъ сближеній Д. Н. объяснялъ изображенія летящей птицы назначеніемъ—возносить къ небу жертву, при чемъ на груди птицы, по мнѣнію докладчика, изображается само жертвенное животное или человѣческая жертва. Переходъ формъ съ юга на сѣверъ докладчикъ уяснялъ изображеніями ящера и „драконовъ", коимъ съ теченіемъ времени оказалась усвоенной, напр., морда лося. Что касается до находокъ на Глядѣновскомъ городищѣ, то о нихъ можно было составить себѣ понятіе только по доставленнымъ 11 фотографіямъ, изображающимъ не болѣе 550 вещей, т. е. не болѣе $^1/_{23}$ общаго числа. Но уже изъ этихъ фотографій видно, что добытая коллекція предметовъ представляетъ большую важность для изученія чудскихъ древностей и заслуживаетъ самаго обстоятельнаго описанія.—В. Д. Соколовъ сообщилъ о стоянкѣ каменнаго вѣка на берегу оз. Тургоякъ, въ южномъ Уралѣ, гдѣ докладчикомъ были найдены остатки древней каменной постройки изъ сложенныхъ глыбъ и различныя кремневыя орудія и черепки горшковъ, очевидно, неолитической эпохи.—В. Т. Георгіевскій сдѣлалъ докладъ о новонайденномъ владимірскомъ кладѣ (см. стр. 365). Графиня Уварова представила богато убранный желѣзный топорикъ великокняжескаго времени, пріобрѣтенный недавно московскимъ антикваріемъ г. Ивановымъ, а имъ предоставленный на разсмотрѣніе О—ва. Топорикъ этотъ обложенъ серебромъ, по которому идетъ золотая инкрустація, изображающая въ стилѣ рукописныхъ заставокъ: птицъ и плетеную букву ѧ (драконъ, пронзенный норманскимъ мечемъ), выше нѣчто вродѣ буквы *А*, на самомъ верху крестики.

Засѣданіе 21 ноября 1896 года, посвященное памяти высокопреосвященнаго Саввы, А. И. Павинскаго и графа Э. К. Гуттенъ-Чапскаго.

13 октября скончался одинъ изъ старѣйшихъ членовъ Московскаго Археологическаго Общества, высокопреосвященный Савва, архіепископъ Тверской и Кашинскій. Благотворная и незабвенная въ лѣтописяхъ московской науки дѣятельность его въ качествѣ синодальнаго ризничаго; его печатные труды, высокоцѣнные для археологовъ, историковъ литературы, палеографовъ и у насъ, и на Западѣ; его содѣйствіе трудамъ такихъ ученыхъ, какъ Буслаевъ, Бодянскій, Викторовъ, Соловьевъ, Тихонравовъ; его исполненная теплоты связь съ Московскимъ Университетомъ, на праздникъ коего, 12 января, владыка обыкъ пріѣзжать и изъ Твери; его постоянно дружественное, сердечное отношеніе къ нашему Обществу, членомъ коего онъ сталъ съ перваго засѣданія 4 октября 1864 года, его участіе въ трудахъ и заботахъ Общества, а за послѣднее время его появленіе на Московскомъ Археологическомъ Съѣздѣ 1890 г., теплыя слова, которыми онъ при-

вѣтствовалъ Общество въ день юбилея его, предсѣдательство въ засѣданіи отдѣленія церковныхъ древностей на Съѣздѣ; возстановленіе въ 1885 г. по его почину и подъ его, какъ представителя отъ Общества, наблюденіемъ Михайловскаго храма, въ с. Никуливѣ Городищѣ (XIV в.); поддержка и дружба, какую онъ оказывалъ въ Твери А. К. Жизневскому, и вообще вниманіе и любовь къ старинѣ, забота о сохраненіи ея и памяти о ней, проявлявшіяся имъ во все время управленія епархіями, до послѣднихъ мѣсяцевъ жизни [1]), все это вмѣстѣ съ любвеобильнымъ и искренно смиреннымъ нравственнымъ обликомъ почившаго принадлежитъ къ дорогимъ страницамъ въ воспоминаніяхъ Общества.

21-ое ноября, сороковой день по кончинѣ преосвященнаго Саввы, постановлено было посвятить памяти его и двухъ другихъ скончавшихся за лѣто археологовъ: А. И. Павинскаго и графа Э. К. Гуттенъ-Чапскаго.

Передъ началомъ засѣданія членомъ Общества о. Валентиномъ Остроумовымъ, въ сослуженіи съ приходскимъ священникомъ о. Горетовскимъ, совершена была панихида по почившемъ архипастырѣ. Затѣмъ приступлено къ чтенію докладовъ.

И. Н. Корсунскій прочелъ докладъ: „Высокопреосвященный Савва и его значеніе для науки, особенно археологіи и исторіи". В.-пр. Савва, въ мірѣ Иванъ Михаиловичъ Тихоміровъ, родился 15 марта 1819 года въ предѣлахъ Владимірской губерніи, изобилующей древностями церковными, гражданскими и бытовыми. Его школьное воспитаніе и самообразованіе (посредствомъ чтенія книгъ, преимущественно духовнаго и историческаго содержанія) незамѣтно, но неуклонно вело къ тому, чтобы ему явиться дѣятелемъ, какимъ оказалъ онъ себя впослѣдствіи, и между прочимъ, на служеніи наукѣ. Окончивъ курсъ въ Московской духовной академіи въ 1850 г. со степенью магистра богословія, онъ въ томъ же году былъ опредѣленъ митрополитомъ Филаретомъ на должность синодальнаго ризничаго, которую исправлялъ почти девять лѣтъ, до 18 мая 1859 года. На этой должности, которая требовала отъ него не только храненія древностей и богатыхъ сокровищъ прежней патріаршей, нынѣ синодальной ризницы и греческихъ, а также славянскихъ рукописей той же библіотеки, но и ознакомленія съ ними другихъ, любопытствующихъ или нуждавшихся въ ихъ изученіи, онъ неизбѣжно самъ сталъ изучать и древности и рукописи. Исполняя же порученіе начальства, составить для печати указатель и описаніе ризницы и библіотеки, онъ еще болѣе углубился въ это изученіе, а потомъ даже и пристрастился къ археологическимъ занятіямъ, „возлюбилъ было", какъ самъ признавалъ въ 1862 году, „искать" въ предметахъ археологіи „слѣдовъ древней церковной жизни". И составленный имъ, впервые изданный въ 1855 году, а затѣмъ не разъ повторенный изданіемъ *Указатель для обозрѣнія патріаршей (нынѣ синодальной) ризницы и библіотеки* былъ первымъ, но весьма

---

[1]) Ср. стр. 147.

серьезнымъ, полезнымъ и вполнѣ научнымъ опытомъ его и любви къ археологіи, и изученія ея, и археолого-библіографическихъ занятій по должности.

Дальнѣйшія, быстро слѣдовавшія одно за другимъ, передвиженія его по службѣ въ духовно-учебномъ вѣдомствѣ и въ архіерейскомъ санѣ, естественно, отвлекали его отъ археологическихъ занятій, но не охладили любви къ археологіи. Не говоря о такомъ капитальнѣйшемъ трудѣ, какъ „*Палеографическіе снимки съ рукописей синодальной библіотеки*, вышедшіе въ печати уже въ 1863 году, даже самыя поѣздки преосвященнаго Саввы по епархіямъ, преемственно ему ввѣряемымъ (Московской, Полоцкой, Харьковской и Тверской), были своего рода археологическими экскурсіями. Кромѣ того, подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ другихъ обстоятельствъ, особенно же по случаю разбора матеріаловъ для біографіи многолѣтняго друга его и сослуживца преосвященнаго архіепископа Ярославскаго Леонида († 1876), онъ развилъ въ себѣ вкусъ къ церковно-историческимъ работамъ, рядъ которыхъ начинаетъ *Воспоминаніями* объ этомъ самомъ архіепископѣ Леонидѣ (Харьковъ, 1877) и кончаетъ *Сборникомъ писемъ* разныхъ лицъ къ архіепископу Ростовско-Ярославскому *Арсенію (Верещагину)*, напечатаннымъ уже въ 1893 году въ Твери, и обнимаетъ собою цѣлыхъ два столѣтія (XVIII и XIX) русской церковно-исторической жизни. Изъ этихъ работъ самою крупною и важною въ различныхъ отношеніяхъ являетъ изданное имъ многотомное *Собраніе мнѣній и отзывовъ митрополита Московскаго Филарета* (Спб. и Москва, (1885—1888).

Какъ въ своихъ археологическихъ собственно работахъ преосвященный Савва раскрылъ передъ ученымъ міромъ, особенно въ своемъ *Указателѣ для обозрѣнія ризницы*, одну изъ богатѣйшихъ сокровищницъ древностей, настолько важную и настолько хорошо имъ обслѣдованную, что И. М. Археологическое Общество во второй же годъ по своемъ учрежденіи положило имѣть трудъ почившаго въ основаніи, какъ источникъ и авторитетъ, при составленіи „Матеріаловъ для археологическаго словаря“, а въ *палеографическихъ снимкахъ* проложилъ путь научной палеографіи, такъ въ своихъ церковно-историческихъ работахъ онъ раскрылъ многое, что совершенно измѣняетъ существовавшіе дотолѣ и уже утвердившіеся было въ наукѣ взгляды на нѣкоторыя лица и событія. Вообще, его работами дается сильный толчекъ научному движенію въ показанныхъ областяхъ знанія, и этого значенія, этой заслуги его для науки не должны забывать ни Общество, ни ученый міръ вообще.

Были доложены сообщенія о в.-пр. Саввѣ М. Н. Сперанскаго, Ѳ. И. Буслаева и А. И. Кирпичникова.

Докладъ М. Н. Сперанскаго разсматривалъ „Археологическіе и палеографическіе труды преосв. Саввы“. Дѣятельность общительнаго и любящаго науку, внимательнаго къ посѣтителямъ и ученымъ труженикамъ, синодальнаго ризничаго Саввы въ 1850—59 гг., составила эпоху въ научныхъ судьбахъ моск. синодальныхъ ризницы и библіотеки, далеко подвинувъ впередъ

и развитіе, и увеличеніе научнаго и общественнаго значенія ихъ. Въ 1855 г. вышелъ плодъ и его личной, тогда пятилѣтней, работы здѣсь—„Указатель для обозрѣнія моск. синодальной (патріаршей) ризницы“ (8-ка, 155 стран.); большую часть книжки составляло описаніе предметовъ ризницы, описаніе немногословное, точное, съ приведеніемъ записей и надписей на предметахъ, со справками по старымъ описямъ разницы; изъ библіотеки указаны были лишь наиболѣе интересныя рукописи и впервые дана, хотя краткая, исторія библіотеки. Въ работѣ своей авторъ руководился немногими, но весьма старательно изученными изданіями, какъ: Исторія іерархіи (М. 1822 г.), Софійскій Временникъ (1820—21 гг.), Исторія Карамзина, Описаніе Госуд. Архива старыхъ дѣлъ (Иванова, М. 1850), Памятники Моск. древности (Снегирева). Трудъ этотъ заслужилъ и одобреніе митрополита, и сочувствіе публики, быстро разойдясь двумя изданіями; но уже въ 1858, въ третьемъ изданіи, трудолюбивый ризничій даетъ коренную переработку „Указателя“. На основаніи значительно уже расширеннаго знакомства и съ печатной литературой и особенно съ матеріаломъ московскихъ архивовъ, о. Савва снабдилъ первую часть множествомъ любопытныхъ и важныхъ археологическихъ справокъ и указаній, въ большинствѣ случаевъ почерпнутыхъ прямо изъ первоисточниковъ: изъ рукописей, грамотъ, старинныхъ изданій; вторая же часть являлась совершенно новымъ трудомъ: въ ней, значительно расширивъ изложеніе исторіи библіотеки, о. Савва далъ краткое, въ алфавитномъ порядкѣ перечисленіе всѣхъ рукописей, какъ греческихъ такъ и славянскихъ—доселѣ единственный полный указатель библіотеки, значеніе котораго для развитія пользованія библіотекой было и остается весьма велико. Къ указателю приложенъ „Пояснительный словарь неудобопонятныхъ словъ“, составленный съ большой тщательностью и знаніемъ. Въ 1859 — 1862 гг., въ должностяхъ ректора Моск. семинаріи и дух. академіи, и затѣмъ, въ 1862 — 66 гг., викаріемъ московскимъ и вновь въ кругу своихъ ученыхъ друзей, пр. Савва не покидалъ занятій археологіей: онъ напечаталъ отдѣльно первую часть „Указателя“, выдѣливъ для нея собственную часть словаря и присоединивъ къ изданію 15 таблицъ рисунковъ (1863, М., 4-ка), и въ томъ же 1863 г. издалъ свои „Specimena palaeographica — палеографическіе снимки съ греческихъ и славянскихъ рукописей моск. син. библ., VI—XVII в.“ (4-ка). Докладчикъ далъ очеркъ предшествовавшей палеографической литературы нашей, начиная съ письма Оленина „О Тмутараканскомъ камнѣ“ (1806 г.) и западной (для греческой палеографіи), начиная съ труда Монфокона (1708). Трудъ пр. Саввы даже передъ такими работами, какъ Востокова, Погодина, Буслаева, имѣетъ то чрезвычайной важности принципіальное премущество, что прекрасно исполненные снимки его изданы для славянскихъ текстовъ исключительно, для греческихъ почти исключительно (кромѣ трехъ рукописей VI—VIII вв.), съ рукописей *датированныхъ*. Значеніе труда пр. Саввы не сравнено и позднѣйшими работами Срезневскаго и арх. Амфилохія. Греческая часть труда пр. Саввы представляетъ собой первое послѣ Монфокона

собственно палеографическое изданіе, и первое, собравшее палеографическій матеріалъ по минускулу и курсиву. Знаменитыя послѣдовавшія работы Тишендорфа сосредоточились опять на унціальномъ письмѣ, и лишь къ концу 1870-хъ годовъ, послѣ мало распространенныхъ изданій англійскаго палеографическаго Общества, явился въ 1878 г., въ Гейдельбергѣ, трудъ Фельзена и Ваттенбаха, составляющій продолженіе изданія Саввы.

Ѳ. И. Буслаевъ, въ краткой запискѣ вспоминалъ главнымъ образомъ о началѣ своего знакомства съ ризничимъ Саввою въ 1853 г., во время усиленной работы въ синодальной библіотекѣ къ празднованію университетскаго юбилея.

А. И. Кирпичниковъ въ докладѣ „Къ біографіи в.-пр. Саввы" въ теплыхъ словахъ вспоминалъ о томъ впечатлѣніи, какое производили на него и его товарищей студентовъ разсказы ихъ учителей: Ѳ. И. Буслаева, Н. С. Тихонравова и также А. Е. Викторова о преосв. Саввѣ, ихъ почти восторженные отзывы о московскомъ викаріѣ, такъ живо интересовавшемся научными и особенно археологическими вопросами и такъ близко принимавшемъ къ сердцу университетскія дѣла и интересы учащейся молодежи, какъ будто бы самъ онъ былъ однимъ изъ лучшихъ членовъ университетской корпораціи; съ третьяго курса студенты знакомились съ монументальнымъ палеографическимъ трудомъ преосвященнаго, достойнымъ временъ Монфокона. Авторъ говорилъ далѣе о личномъ своемъ знакомствѣ съ тверскимъ владыкою въ 1890 г. на Археологическомъ Съѣздѣ въ Москвѣ: о его благодушіи, ободряющей простотѣ обращенія, поразительной скромности, о истинно христіанскомъ любвеобиліи и смиренномудріи. Даже и при меньшихъ собственно ученыхъ заслугахъ, чѣмъ какія были у в.-пр. Саввы, іерархи съ его направленіемъ „совершаютъ великое культурное дѣло: они ровняютъ съ землею тотъ, по счастью, неглубокій ровъ, который по примѣру нашихъ западныхъ учителей сталъ было образовываться и у насъ между науками духовной и свѣтской (какъ будто есть двѣ науки! какъ будто есть двѣ истины!)".

Доложена поминка А. Ѳ. Мѣржинскаго объ А. И. Павинскомъ:

Скончавшійся 12 августа Адамъ-Станиславъ Ивановичъ Павинскій, былъ уроженцемъ г. Згержа Петроковской губерніи, былъ воспитанникомъ Юрьевскаго (Дерптскаго) университета, слушалъ лекціи въ Берлинѣ и Геттингенѣ и съ 1868 г. читалъ лекціи по всеобщей исторіи въ Варшавѣ и состоялъ сначала въ правительственной коммиссіи юстиціи, съ 1875 — начальникомъ варшавскаго главнаго архива древнихъ актовъ, а съ 1883 — предсѣдателемъ коммиссіи для разбора упраздняемыхъ архивовъ. Плодотворная архивная дѣятельность Павинскаго посвящена была разбору и ученому изданію актовъ. Въ университетѣ, помимо ряда курсовъ по римской и средней исторіи и по общей исторической методологіи, онъ читалъ: источники первобытной цивилизаціи, дипломатику и хронологію среднихъ вѣковъ, латинскую палеографію, исторію балтійскихъ славянъ, и велъ особенно драгоцѣнные для слушателей

семинаріи, гдѣ при своемъ знаніи палеографіи, спокойномъ критическомъ тактѣ и необыкновенной даровитости въ сопоставленіи фактовъ, на примѣрахъ училъ опредѣленію документовъ, и разработкѣ ихъ матеріала. Изъ архивныхъ изданій покойнаго назовемъ здѣсь II — XVI тома *Zródla Dziejowe* (1875—1895)—акты XVI вѣка, пять томовъ *Dzieje Ziemi Kujawskiej* (1884—1888)—акты съ эпохи выборныхъ королей до раздѣла Польши. Изъ многочисленныхъ историческихъ трудовъ—докторскую диссертацію „*Полабскіе Славяне*" (Спб. 1871) и „*Sejmiki Ziemskie*", 1374—1505 (Warsjawa 1895); наконецъ, археологическіе труды: „*Погребальные обычаи у Западныхъ Славянъ*" (Спб. Археолог. Съѣздъ, 1870), „*Доисторическое время въ Ц. Польскомъ*" (Варшава, 1875), „*L'incinération chez les peuples slaves* (Антропологическій Международный Съѣздъ въ Лиссабонѣ, 1881), „*Вопросъ о существованіи человѣка въ третичной формаціи*" (Варшава, 1882), *Отдѣлъ 10-й, губерніи Западныя* въ „*Каменномъ Вѣкѣ*" графа Уварова, и также докладъ, читанный имъ на Виленскомъ Археол. Съѣздѣ, 1893 г.: „*Подляшское воеводство въ XVI столѣтіи*". Послѣднимъ, недоконченнымъ трудомъ является статья Dyplomatica для Wielka Illustrowana Encyklopedia (гдѣ и будетъ напечатана). Въ Археологическихъ Съѣздахъ А. И. участвовалъ, начиная со второго С.-Петербургскаго Съѣзда: членомъ Моск. Археол. Общ. былъ съ 1875, а Общ. Ист. и Древн. Росс. съ 1884 г.

Въ заключеніе В. А. Ульяницкій прочелъ поминку о графѣ Э. К. Гуттенъ-Чапскомъ, очертивъ его нумизматическіе труды.

Въ Славянской Коммиссіи Общества, въ засѣданіи 1 октября 1896 г. А. И. Яцимирскій доложилъ „Повѣсть о Дракулѣ въ трудѣ румынскаго ученаго, Богдана". Въ трудѣ своемъ: „Владъ Цепешъ и нѣмецкія и русскія сказанія о немъ, съ пятью портретами, Букурештъ, 1896 г." (на румынск. яз.), г. Богданъ, по новымъ документамъ, вопреки обычному у румынскихъ изслѣдователей представленію валашскаго господаря (1456—1462 и 1476) Влада Цепеша—„Дракулы" русской повѣсти — какъ дѣятельнаго народнаго героя, жестокаго но справедливаго, являетъ намъ Цепеша слабымъ и ничтожнымъ человѣкомъ, маніакомъ - тираномъ, вродѣ Нерона, Калигулы. Сказанія нѣмецкія и русскія о немъ подтверждаются мѣстными источниками и ими авторъ пользуется поэтому какъ историческимъ источникомъ. У г. Богдана напечатаны нѣмецкіе тексты и четыре русскіе. Трудъ г. Богдана преимущественно историческій, и докладчикъ далъ нѣсколько дополненій историко-литературныхъ: сообщилъ о неизвѣстномъ доселѣ спискѣ русской повѣсти 1490 г., т. е. переписанномъ всего 8 лѣтъ по составленіи повѣсти; соглашаясь съ мнѣніемъ г. Б., что авторомъ повѣсти всего вѣроятнѣе былъ извѣстный дьякъ Ѳеодоръ Курицынъ, бывшій въ 1482 г. при дворѣ Матвѣя Корвина и видѣвшій семью Дракулы, докладчикъ указалъ на спеціальныя статьи посвященныя Курицыну и на переводъ имъ Лаодикійскаго посланія; въ заключеніе отмѣтилъ путаницу въ учебникахъ Галахова и Порфирьева въ немногихъ словахъ

посвященныхъ ими повѣсти о Дракулѣ.— П. А. Лавровъ сдѣлалъ два сообщенія: „На какомъ языкѣ были писаны грамоты турецкаго султана Селима в. кн. Василію Іоанновичу?“ и „Кѣмъ, когда и гдѣ была напечатана первая болгарская сказка?“ Выводы перваго слѣдующіе: изъ трехъ дошедшихъ до насъ грамотъ двѣ по языку — сербскія, сходныя съ грамотами отъ того же султана, посланными въ Дубровникъ и напечатанными въ Monumenta Serbica Миклошичемъ. Третья сохранилась въ русскомъ пересказѣ [1]). Во второмъ сообщеніи было указано на опускаемую изъ вниманія библіографами болгарскую сказку, записанную сербскимъ поэтомъ Милутиновичемъ и напечатанную имъ въ изданной въ 1826 г. поэмѣ „Сербіянка“. Сказка записана была въ Видинѣ и помѣщена съ посвященіемъ молодому болгарину, Христофору Хаджи Іоанновичу въ благодарность за доставленныя имъ поэту средства на окончаніе печатанія „Сербіянки“. Особенности сѣв.-зап. болгарскаго нарѣчія въ фонетикѣ, формахъ и словахъ сохранены М—чемъ въ значительной степени, какъ видно изъ сравненія съ образцами изъ этой мѣстности въ Сборникѣ Болг. Мин. Нар. Просв. Два другіе варіанта этой сказки (въ „Читанкѣ“ Эрбена и въ сборникѣ народныхъ сказокъ Шапкарева), повидимому, передѣлки текста Милутиновича, при чемъ у Э. особенности зап.-болг. говора сглажены, а у Ш. языкъ передѣланъ по-охридски. Подобный новоболгарскій пересказъ напечатанъ въ книгѣ докладчика „Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей болгарскаго языка“, какъ одинъ изъ эпизодовъ статьи, въ Новоболг. Сборникѣ XVIII в. проф. Н. С. Тихонравова, о св. Андреѣ.

Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ.

Въ засѣданіи 24 октября А. Н. Зерцаловъ представилъ „Новыя данныя по вопросу о раскопкахъ въ Московскомъ Кремлѣ въ XVIII в.“. Докладчикъ уже два года тому назадъ указывалъ на неправдоподобность донесенія пономаря Конова Осипова о двухъ палатахъ полныхъ сундуками въ кремлевскихъ тайникахъ. Новыми поисками докладчика въ Архивѣ Мин. Юстиціи выяснилось, что раскопки, произведенныя въ 1725 г. по указанію Осипова, не привели ни къ чему и данъ былъ сенатскій указъ, „той поклажи больше не искать“. Но въ 1736 году Осиповъ вновь просилъ начать раскопки и по наведенной тогда подробной справкѣ выяснилось какъ существованіе помянутаго указа, такъ и то, что Кононъ Осиповъ съ 1713 г. состоялъ по подряду должникомъ казнѣ на 398 р.; въ 1718 г. онъ временно отвелъ взысканіе долга заявленіемъ въ Преображенскомъ приказѣ о растратѣ подьячимъ Ильей Корнауховымъ казенной мѣди. Въ 1735 г. послѣдовалъ именной указъ о сложеніи съ должниковъ казенныхъ недоимокъ до 1718 г., но дѣло съ Корнауховымъ „продолжало тяготѣть надъ нимъ: кто изъ нихъ

---

[1]) Докладъ напечатанъ въ 3 кн. „Извѣстій Второго Отдѣленія Имп. Ак. Наукъ“.

оказался правъ и не было ли поклепа со стороны Осипова, остается неизвѣстнымъ". Докладчикъ считаетъ несомнѣннымъ, что мысль о возобновленіи раскопокъ возникла у Осипова „изъ желанія отдѣлаться отъ долга и слѣдствія, которому онъ подпалъ въ нѣсколькихъ учрежденіяхъ".

Въ засѣданіи 6 ноября В. О. Ключевскій читалъ „О трудахъ императрицы Екатерины II по русской исторіи". Онъ заявилъ, что хочетъ только напомнить, что̀ сама императрица писала о русской исторіи, о своихъ заботахъ и занятіяхъ по этому предмету, какъ смотрѣла на его значеніе, на способъ и средства его разработки и т. п. Въ ея отзывахъ и замѣчаніяхъ обнаруживаются различныя побужденія, понуждавшія ее къ изученію исторіи ея втораго отечества,—побужденія политическія, патріотическія и педагогическія или народно-воспитательныя. Изложивъ ихъ, референтъ упомянулъ объ изданіяхъ по русской исторіи, которымъ императрица прямо или косвенно содѣйствовала (Татищева, Миллера, Новикова, Стриттера и др.), а также и объ ученомъ историческомъ обществѣ или учрежденіи, которое по указу 4 декабря 1783 г. предположено было основать подъ руководствомъ гр. А. П. Шувалова „для составленія записокъ о древней исторіи, наипаче касающейся до Россіи". Затѣмъ референтъ привелъ выдержки изъ писемъ Екатерины II о томъ, какъ, по какому плану, съ какой цѣлью, по какимъ источникамъ и при чьемъ сотрудничествѣ составляла она свои „Записки касательно Россійской исторіи" и какія дидактическія приспособленія введены ею въ этотъ трудъ съ цѣлью облегчить изученіе русской исторіи; отмѣчены также: вліяніе „Опыта о нравахъ" Вольтера на этотъ трудъ Екатерины и ея взглядъ на направленіе, въ какомъ должна писаться русская исторія, которая (письмо императрицы къ Мордвинову въ 1790 г.) должна служить потомству предметомъ соревнованія и зерцаломъ, поддерживая умы, ободряя и направляя ихъ къ той высотѣ, которая ведетъ къ великимъ дѣламъ.

Московское Архитектурное Общество.

Въ засѣданіи 13 октября В. А. Гамбурцевъ читалъ докладъ: „Обрядъ оклада деревянныхъ и закладки каменныхъ зданій". Указывая на древность этого обряда В. А. ссылался на свидѣтельство лѣтописи о закладкѣ Бѣлгорода княземъ Владиміромъ и на икону Петра митрополита въ Московск. Успенскомъ Соборѣ. Суть обряда въ томъ, что въ этотъ моментъ раздѣляютъ работу каменщика и плотника и хозяинъ дома, и митрополитъ, и царь.

Въ засѣданіи 24 октября предсѣдатель Общества, К. М. Быковскій, представилъ докладъ „По вопросу о собираніи матеріаловъ для исторіи русскаго зодчества". Докладчикъ указалъ на дѣятельность О—ва въ продолженіе болѣе чѣмъ четверти вѣка по собиранію матеріаловъ для исторіи русскаго зодчества. Результатами трудовъ О—ва являются: коллекція копій, исполненныхъ во время Политехнической выставки 1872 г. съ рисунковъ

Мартынова, Гримма, Горностаева и др., даръ бывшаго предсѣдателя О—ва П. А. Герасимова—рисунки реставраціи Спасскихъ воротъ, и коллекція рисунковъ покойнаго предсѣдателя О—ва Д. Н. Чичагова по реставраціи иконостаса Успенскаго собора; кромѣ того, оригинальные рисунки Даля и Авдѣева служатъ матеріаломъ для исторіи зодчества настоящаго времени. Указавъ на важность собиранія матеріаловъ по исторіи русскаго искусства не только въ до-Петровскій періодъ, но также и памятниковъ зодчества XVIII и начала XIX в., докладчикъ предложилъ: 1) привести въ порядокъ и систематизировать имѣющійся въ О—вѣ матеріалъ, составить альбомы и внести въ каталогъ подробный перечень рисунковъ; 2) сдѣлать публикацію о томъ, что Моск. Архитект. Общ., озабочиваясь собираніемъ матеріаловъ для исторіи русскаго зодчества, обращается къ любителямъ русской старины съ просьбой сообщить объ имѣющихся у нихъ матеріалахъ съ цѣлію пріобрѣтенія ихъ для коллекціи Общества. Предложенія докладчика приняты Обществомъ.

Въ засѣданіи 7 ноября А. А. Потаповъ прочелъ докладъ: „Кремлевскій дворецъ въ XVII вѣкѣ".

Императорское Русское Археологическое Общество.

Въ засѣданіи Восточнаго Отдѣленія 11 октября В. Д. Смирновъ прочелъ докладъ: „Сказаніе о Шейлокѣ въ турецкой версіи". Сказаніе найдено г. Смирновымъ въ одномъ сборникѣ османскихъ новеллъ, въ рукописи XVI в. Здѣсь есть разсказъ объ евреѣ, требующемъ по уговору осуществленія своего права вырѣзать у должника кусокъ мяса; разсказъ о судѣ вполнѣ напоминаетъ русскій Шемякинъ судъ. Баронъ В. В. Розенъ представилъ фототипное изданіе сборника испано-арабской поэзіи „Диванъ Ибн-Хозмана" (Гузмана), исполненное въ Пб. у Вильборга по заказу бар. Гинцбурга. Гузманъ—испанецъ, писавшій по-арабски, авторъ XII в. Единственный сохранившійся сборникъ его стиховъ заключается въ рукописи XIII в., принадлежащей азіатскому департаменту нашего министерства иностранныхъ дѣлъ.

Въ засѣданіи Классическаго Отдѣленія 14 октября доложены были сообщенія Б. В. Фармаковскаго („Стѣнная живопись микенской эпохи") и С. А. Жебелова („Левинская надпись — рецептъ" и „О новомъ изданіи Павзанія"). Б. В. Фармаковскій сообщаетъ свои выводы и соображенія относительно открытаго въ 1893 году фрагмента пола Микенскаго дворца съ изображеніемъ въ краскахъ торса мужской фигуры. По мнѣнію Н. П. Кондакова, сказанный фрагментъ представляетъ образчикъ техники поливныхъ кирпичей, на что указываетъ рельефно выступающій вокругъ всей фигуры контуръ. С. А. Жебелевъ, какъ авторъ книги „Религіозное врачеваніе въ древней Греціи" (Спб. 1893), останавливается на вновь прочитанныхъ двухъ надписяхъ, найденныхъ на островѣ Критѣ изъ левинскаго святилища Асклепія. Въ этихъ надписяхъ благодарность за исцѣленіе сопровождается указа-

ніемъ средства, примѣняемаго и въ современной медицинѣ (Ж. М. Н. Пр., ноябрь). Новое изданіе Павзанія (Pausaniae Graeciae Descriptio) произведено подъ редакціей Hitzig'a и Bluemner'a и отличается полнотою комментарія. Вышедшій первый томъ заключаетъ въ себѣ первую книгу Павзанія.

Въ засѣданіи Русскаго Отдѣленія 27 сентября И. Шляпкинъ доложилъ „О Рогволодовомъ и Двинскихъ камняхъ", излагая добытое поѣздкой своей, совершенной по порученію Императорской Археологической Коммиссіи. Между прочимъ г. Шляпкину удалось получить лучшія прежнихъ воспроизведенія камней. Надпись на крестѣ хранящемся нынѣ въ Истор. Музеѣ въ Москвѣ, онъ читаетъ: „Сулиборь хрьстъ" = „Сулиборовъ крестъ".—Ѳ. А. Браунъ освѣтилъ физіологическими данными этнографическія свѣдѣнія древнихъ писателей о нынѣшней южной Россіи въ первые вѣка христіанства по великое переселеніе народовъ включительно.

Въ засѣданіи Русскаго Отдѣленія 29 октября С. В. Рождественскій читалъ о „Служиныхъ земляхъ" относя этотъ терминъ, середины XVI в. (вторая тверская писцовая книга) къ землямъ, жалованнымъ князьями ихъ слугамъ въ наслѣдственное владѣніе подъ условіемъ службы. С. В. Платоновъ въ докладѣ: „Какъ сложилась территорія опричнины", указывалъ, что въ опричнину были записаны по преимуществу города, служившіе станами по торговымъ путямъ московскаго государства. Н. К. Реттихъ прочелъ о „Раскопкахъ послѣднихъ лѣтъ въ курганахъ Водской пятины", произведенныхъ имъ и являющихся продолженіемъ разысканій покойнаго Л. К. Ивановскаго.

Въ общемъ собраніи 6 ноября, А. Н. Щукаревъ прочиталъ: „О тіарѣ царя Сайтферна". Первая часть доклада состояла въ разсмотрѣніи литературы pro и contra тіары. Референтъ рѣшительно сталъ на сторону Фуртвенглера, доказывающаго, что тіара есть наглый подлогъ, а, какъ композиція, простой пастишь изъ фигуръ и деталей разныхъ временъ и разныхъ стилей. Для нижняго фриза ея фигуры взяты съ южно-русскихъ золотыхъ вещей, причемъ нѣтъ необходимости предполагать особыхъ библіографическихъ познаній фальсификатора, не пошедшаго дальше рисунковъ, имѣющихся въ „Русскихъ древностяхъ" Толстого и Кондакова. Для верхняго фриза сцены изъ Иліады скомпанованы по другимъ оригиналамъ, но и здѣсь всю библіографію съ удобствомъ замѣняетъ атласъ Вейссера. Въ виду субъективнаго характера сужденій о тіарѣ по стилю (то, что у французскихъ защитниковъ тіары превосходно, Фуртвенглеру кажется отвратительнымъ), референтъ указалъ на важность надписи, какъ главной улики фальсификатора. Формы буквъ ея, какъ и ряда другихъ поддѣльныхъ надписей на золотѣ и камнѣ, тождественны, композиція—не безупречна, городская стѣна попадается на другой, несомнѣнно поддѣльной, коронѣ и т. д. Благодаря надписи, мы можемъ поставить тіару въ группу поддѣлокъ уже извѣстныхъ и относительно надписей на мраморѣ, давно изобличенныхъ уже академикомъ В. В. Латышевымъ. По поводу доклада А. Н. Щукарева высказался также Н. П. Кондаковъ, который, соглашаясь въ принципѣ и по собственному впечатлѣнію отъ тіары

съ безусловной поддѣльностью ея, находилъ, что не слѣдуетъ, подобно Фуртвенглеру и референту, подробно и объективными доводами доказывать поддѣльность подобныхъ вещей. По его мнѣнію, авторитетнымъ лицамъ слѣдуетъ судить, главнымъ образомъ, по стилю и техникѣ.

Въ засѣданіи Классическаго Отдѣленія 18 ноября, докладчикомъ явился С. А. Жебеловъ, прочитавшій: „Объ аѳинскихъ тираннахъ Аѳинїонѣ и Аристїонѣ", дѣйствовавшихъ около 88 года до Р. Х. въ качествѣ ставленниковъ Митридата, царя Понтійскаго. Разборомъ историческихъ свидѣтельствъ докладчикъ устраняетъ смѣшеніе во-едино этихъ двухъ лицъ, выступившихъ одно за другимъ. Въ томъ же засѣданіи были разсмотрѣны отдѣленіемъ послѣднія новости археологической литературы: 1) Émile Molinier „Histoire générale des arts appliqués à l'industrie du V-e à la fin du XVIII siecle". Вышедшій первый томъ этого роскошнаго изданія заключаетъ въ себѣ изслѣдованіе о художественныхъ поддѣлкахъ изъ слоновой кости; 2) „La Glyptothèque ny Carlsberg". Это первый изъ появившихся, но второй по плану изданія выпускъ художественно выполненныхъ у Брукмана, въ Мюнхенѣ, воспроизведеній античныхъ скульптуръ, входящихъ въ составъ коллекціи Якобсена въ Копенгагенѣ; 3) „Die attischen Grabreliefs", издаваемые вѣнской академіей наукъ. Въ этомъ году вышелъ VIII выпускъ этого изданія.

Императорское Общество Любителей Древней Письменности.

Въ засѣданіи 1 ноября 1896 г. А. Я. Лященко прочелъ некрологическія замѣтки о бар. Ѳ. А. Бюлерѣ и Н. И. Суворовѣ, а В. В. Майковъ о преосв. Саввѣ. А. Я. Лященко доложилъ „О моленіи Даніила Заточника": упоминаемый въ „Моленіи" князь есть Ярославъ Всеволодовичъ, жившій въ 1191—1246 гг. и бывшій одновременно княземъ южнаго Переяславля и Новгорода; въ Новгородѣ дѣятельность его особенно замѣтна между 1223 — 1236 гг., и къ этому времени должно отнести составленіе „Моленія". П. К. Шефферъ въ докладѣ „О рукописи Кирши Данилова" сообщилъ объ открытой Н. В. Чоховымъ, въ библ. кн. М. Р. Долгорукова, рукописи, съ которой Калайдовичъ издалъ въ 1823 г. „Древнія россійскія стихотворенія Кирши Данилова", и которая считалась утерянной. Оказывается, что въ печатномъ текстѣ сглажены діалектическія особенности и крайне неудовлетворительно изданы ноты; кромѣ напечатанныхъ пѣсенъ, рукопись даетъ интересный варіантъ стиха о Голубиной книгѣ, пѣсню о старцѣ Игреницѣ и нѣск. другихъ. Сама рукопись есть несомнѣнно копія съ болѣе ранняго оригинала и написана не ранѣе 1781 года.

Въ засѣданіи 22 ноября, В. И. Ламанскій представилъ писанный на пергаментѣ въ XIV в. „Прологъ", принадлежащій Спасо-Прилуцкому монастырю. Этотъ „Прологъ" является самымъ полнымъ по объему и представляетъ большую важность въ виду сохранившихся въ немъ многихъ древнихъ формъ языка. Содержаніемъ своимъ „Прологъ" имѣетъ краткія житія греческихъ и

русскихъ святыхъ и поученія. Въ особенности г. Ламанскій указалъ на житіе св. кн. Михаила Черниговскаго, отличающееся новыми подробностями о привезеніи тѣла кн. Михаила, и на житіе свв. Кирилла и Меѳодія, которое проливаетъ новый свѣтъ на исторію составленія славянской азбуки. Второе сообщеніе: „Изъ исторіи русской переводной литературы XVI—XVII в.“ было сдѣлано А. И. Соболевскимъ. Представивъ очеркъ состоянія переводнаго дѣла въ Россіи за XVI — XVII в., г. Соболевскій затѣмъ обратилъ вниманіе на переводы: 1) Сказанія о сарацынской вѣрѣ, 2) Географіи Помпонія Мелы и 3) Ариѳметики, при чемъ указалъ, что первые два перевода, сдѣланные нескладно, плохимъ церковно-славянскимъ языкомъ, принадлежатъ, вѣроятно, грекамъ, а переводъ „Ариѳметики“ съ нѣмецкаго языка исполненъ, вѣроятно, литовскимъ полонянином­ъ Георгіемъ, переводчикомъ Луциларія и двухъ врачебныхъ книгъ въ XVI в. Три слѣдующія сообщенія принадлежали Н. П. Лихачеву; въ первомъ, подъ заглавіемъ: „Къ вопросу объ иконописцахъ краткаго иконописнаго подлинника“, г. Лихачевъ опредѣлилъ время дѣятельности двухъ великокняжескихъ иконописцевъ—Ярца и сына его Ивана Дермы; во второй замѣткѣ: „Прозвища в. кн. Ивана III“, г. Лихачевъ сообщилъ, что имъ найдены въ документахъ XV в. прозвища „Правосуда“ и „Калиты“; наконецъ, въ сообщеніи „Родъ Адашевыхъ и государевъ родословецъ“, г. Лихачевъ изложилъ свое мнѣніе о происхожденіи Адашевыхъ отъ Олговыхъ, выяснилъ ихъ мѣсто въ государевомъ родословцѣ, а затѣмъ выяснилъ соотношеніе между древнимъ родословцемъ и Бархатною книгой, гдѣ многія родовыя росписи оказываются искусственно приписанными къ основному тексту родословца.

Антропологическое Общество въ Спб.

Въ засѣданіи 23 ноября В. В. Передольскій доложилъ о поѣздкѣ своей по берегамъ рѣки Енисея. На берегу рѣки, у села Коломцы въ Красноярскомъ округѣ, открыты на глубинѣ 6 аршинъ, подъ наносной почвой, въ культурномъ пластѣ, слѣды громаднаго селенія, существовавшаго, вѣроятно, въ доисторическое время и — какъ убѣждаютъ нѣкоторые найденные предметы — въ каменный періодъ. На шесть верстъ выше Коломцовъ, въ Базайскомъ поселкѣ, подъ четырехъ-саженнымъ слоемъ дюннаго песку, г. Передольскій нашелъ слой темной супеси отъ $^1/_2$ до 1 арш. толщины и въ немъ также слѣды пребыванія человѣка, между прочимъ бронзовый ножъ. Тутъ же найденъ камень-писанецъ, на которомъ изображена битва пяти человѣкъ: побѣдители—пѣшіе стрѣляютъ изъ луковъ во всадниковъ. Это даетъ поводъ заключить, что здѣсь было столкновеніе коренныхъ жителей съ какимъ-нибудь кочующимъ народомъ. На происходившія здѣсь битвы указываютъ три костяка, найденные въ этомъ же пластѣ; въ грудной клѣткѣ одного изъ нихъ оказался наконечникъ стрѣлы, у бедра другого остатки щита изъ костей мамонта. Черепъ одного раздробленъ, вѣроятно, палицей и т. п.

Особенный интересъ представляютъ здѣсь же найденные, вмѣстѣ съ различными предметами домашней утвари, кремневыми наконечниками стрѣлъ и т. п., красный янтарь, въ отдѣльныхъ кускахъ и въ подѣлкахъ со сверленіями для ношенія на шнуркѣ, и нѣкоторыя горныя породы Урала. Красный янтарь, по мнѣнію докладчика, указываетъ на связи съ балтійскимъ бассейномъ, именно съ бассейномъ Ильменя. Что новгородцамъ давно извѣстна Сибирь, это можно видѣть изъ новгородской лѣтописи, гдѣ есть извѣстіе XIII в., что новгородскіе молодцы и дѣти боярскіе отправились на р. Обь.

VIII

Библіографія.

Anton Buchholtz. Bibliographie der Archäologie Liv-, Est- und Kurlands. Riga 1896, 8-ка, IV+61 стр.

По порученію рижскаго Общества Исторіи и Древностей, г. Бухгольцъ составилъ драгоцѣнный библіографическій указатель по археологіи края. Въ предисловіи указаны предшественники автора: Напьерскій въ 10-омъ выпускѣ Трудовъ Курляндскаго Литер. и Худ. Общества (1851 г.), Винкельманъ въ Bibliotheca Livoniae historica (въ 1878 г. второе изданіе), Аспелинъ на обложкѣ 5 вып. Antiquités du Nord finno-ougrien, и наконецъ въ ежегодно съ 1880 печатаемыхъ (сначала издавалъ г. Mettig, съ 1882 г. г. Poelschau) Извѣстіяхъ о лифляндской исторической литературѣ. Авторъ указываетъ, что къ сожалѣнію не имѣлъ сотрудниковъ по латышской и эстской литературѣ. Библіографія г. Бухгольца не даетъ оцѣнки работъ, но перечисляетъ ихъ годъ за годомъ, указывая и рецензіи на нихъ. Одно указаніе приведено подъ 1604 г. (свѣдѣніе о курганахъ въ хроникѣ Ніенштедта), затѣмъ съ 1745 по 1834 г.—22 указанія, съ 1834 (основаніе Общества Ист. и Древн.) по 1865—130, а съ 1865 г., когда началась дѣятельность Гревингка—618, (въ томъ числѣ изъ изданій 1896 г. поименованы уже 16). Въ спискѣ помѣчаются собственно только книги или статьи, прямо посвящаемыя археологіи (до XIII в.), такъ что тутъ не должно ожидать указаній на археологическія изслѣдованія, входящія въ составъ трудовъ историческихъ, и нѣтъ, напримѣръ, указанія на книгу г. Благовѣщенскаго объ о. Эзелѣ (въ ней помѣщенъ единственный на русскомъ языкѣ обзоръ древностей Эзеля, подробно сдѣланный по Хольцмайеру и снабженный таблицами). Но то, что входило въ программу, подобрано съ большой тщательностью: книги, брошюры, газетныя замѣтки, доклады въ ученыхъ Обществахъ. За хронологическимъ перечнемъ идутъ алфавитные указатели: 1) имена авторовъ, переводчиковъ, рецензентовъ нѣмецкихъ книгъ; 2) имена русскихъ авторовъ, писавшихъ по-

русски; 3) указатель мѣстностей, упомянутыхъ въ заглавіи нѣмецкихъ трудовъ; 4) такой же указатель для русскихъ работъ. Такъ какъ по плану труда признано нужнымъ указывать лишь имя автора, стоящее на заглавномъ листѣ, то напр., на изслѣдованіе Люцинскаго городища (Матеріалы по Археологіи Россіи, 13) нѣтъ указанія при имени В. И. Сизова, а имени Е. Р. Романова совсѣмъ нѣтъ въ спискѣ авторовъ. Самое же изслѣдованіе внесено въ хронологическій списокъ, и найти его можно по слову Люцинъ.

Katalog der Austellung zum X archäologischen Kongress, in Riga 1896. 8-ка, стр. LXXX + 255 съ 34 таблицами рисунковъ. Цѣна 1 р. 50 к.

Среди изданій, вызванныхъ Рижскимъ Археологическимъ Съѣздомъ, обращаетъ на себя особое вниманіе названная книга. Этотъ каталогъ выставки, собравшей въ системѣ весь богатый археологическій матеріалъ края, каталогъ, снабженный 34 прекрасными таблицами рисунковъ, даетъ возможность подробно и наглядно познакомиться съ типами находимыхъ въ краѣ древностей. Уже благодаря этому, книга утрачиваетъ значеніе изданія, имѣющаго лишь временный интересъ, и становится полезнымъ подспорьемъ для всѣхъ занимающихся археологіей балтійскихъ губерній. Главная, наиболѣе обширная часть выставки, отдѣлъ раскопокъ, былъ устроенъ гг. Хаусманомъ и Бухгольцемъ, и каталогъ этого отдѣла снабженъ не только указателемъ мѣстностей, но и обширнымъ введеніемъ г. Хаусмана, и такимъ образомъ изъ справочнаго изданія получаетъ характеръ научнаго труда. Во введеніи г. Хаусманъ, занимающій столь видное мѣсто среди балтійскихъ археологовъ и за послѣдніе годы передъ Съѣздомъ пересмотрѣвшій всѣ хранилища края съ цѣлью отбора вещей на выставку, даетъ сжатый, но весьма важный въ научномъ отношеніи обзоръ археологическихъ данныхъ и также выводовъ, къ которымъ привели его собственныя изслѣдованія и труды другихъ изслѣдователей и любителей. Каменный вѣкъ доселѣ мало изслѣдованъ въ балтійскихъ губерніяхъ; бронзовыхъ орудій найдено такъ ничтожно мало, что нельзя признавать существованія когда-либо въ краѣ бронзоваго вѣка. И такъ, этимъ двумъ періодамъ г. Х. посвящаетъ лишь очень малую часть своего труда (5 стр.). Между прочимъ онъ предполагаетъ, что нѣкоторыя кремневыя хорошо обработанныя орудія (табл. I, 36, 37, 40) занесены на сѣверъ балтійскихъ губерній съ запада. Мы позволимъ себѣ не согласиться съ такимъ мнѣніемъ: эти предметы тѣсно подходятъ къ орудіямъ нашихъ сѣверо-западныхъ губерній (съ которыми губерніи балтійскія связаны и географически), и мы раздѣляемъ мнѣніе Вирхова, что вообще культура каменнаго вѣка балтійскихъ губерній примыкаетъ больше всего къ областямъ, лежащимъ на востокъ отъ нея. Желѣзный вѣкъ края г. Х. дѣлитъ на два періода: съ I по VIII в. и съ VIII по XIII. Первый періодъ характеризуется особенно фибулами: пружинною и перекладочной; такихъ могилъ, которыя можно было бы отнести къ VI—VIII вѣку, пока найдено очень мало. Во второмъ періодѣ г. Х. считаетъ уже возможнымъ этнографически распре-

дѣлить могильники и именно дѣлаетъ попытку освѣтить и доказать археологическими данными выводы извѣстнаго труда д-ра А. Биленштейна „О границахъ латышскаго племени“. Но останавливая вниманіе на главныхъ народностяхъ, населявшихъ край въ началѣ XIII в. (эпоха, отъ которой дошли единственные точные источники), именно на курахъ, ливахъ, латышахъ и эстахъ, авторъ даже не упоминаетъ о возможности существованія другихъ народностей въ краѣ втеченіе полтысячелѣтія, отдѣляющаго VIII в. отъ XIII-го. Имени скандинавовъ, вендовъ, русскихъ, славянъ, литвы не встрѣчается во „введеніи“. Намъ кажется, что отъ такого ограниченія распредѣленіе могилъ по народностямъ становится въ значительной степени искусственнымъ: то приходится слишкомъ мало считаться съ различіями похоронныхъ обрядовъ въ разныхъ мѣстностяхъ и въ разныя эпохи; то, наоборотъ, придавать слишкомъ большое этнографическое значеніе признаку недостаточно существенному (скорлупчатой фибулѣ для ливовъ, двукрестной булавкѣ для эстовъ). Въ частности, относительно могильниковъ съ сожженіемъ въ зап. Курляндіи г. Х. признаетъ необходимость болѣе подробнаго изученія ихъ, но все же теперь уже готовъ приписать ихъ курамъ. Этими замѣчаніями, относящимися только къ общимъ выводамъ автора, мы не уменьшаемъ, конечно, значенія его труда. Трудъ этотъ заслуживаетъ глубокой благодарности и весьма назидателенъ, поскольку онъ стоитъ на почвѣ изученія типовъ предметовъ и варіантовъ основныхъ мотивовъ. Прекрасный знатокъ этихъ типовъ, г. Х. детально разбираетъ ихъ, изучаетъ ихъ варіанты и въ этомъ отношеніи доходитъ до такой тонкости въ установленіи группъ и подгруппъ, которая возможна только для ученаго, посвятившаго массу работы на изученіе раскопокъ извѣстнаго района.

Самый каталогъ г. Хаусмана, какъ и каталоги остальныхъ отдѣловъ составлены чрезвычайно тщательно, обстоятельно и подробно. Г. Ант. Бухгольцъ снабдилъ свой каталогъ выставки монетнаго дѣла краткими, но весьма цѣнными вводными указаніями, которыя въ сжатой формѣ очерчиваютъ исторію монетнаго дѣла въ краѣ. *С. С.*

K. von Löwis of Menar. Livland in Mittelalter, eine kartographische Darstellung, mit einem Hefte Erläuterungen. Reval, 1895. Карта и къ ней брошюрка, въ мал. 4-ку, 29 стр.

Это—карта внѣшнихъ границъ, внутреннихъ разграниченій и населенныхъ мѣстъ Ливоніи за нѣмецкое время, до распаденія въ 1562 году. На картѣ начерчены собственно послѣднія распредѣленія границъ, извѣстныя до 1562 г. Но въ „Объясненіяхъ“ собраны всѣ доступныя автору указанія и развита настоящая документальная исторія измѣненія внѣшнихъ и внутреннихъ границъ Ливонія. Здѣсь тщательнѣйшимъ образомъ употребленъ богатый матеріалъ, въ который вошли не только изданные труды (Bunge, Urkunden-Buch; Hildebrandt, Livonica; Toll, Brieflade; Stryk, Beiträge zur Geschichte der Rittergüter Livlands; Buxhövden, Geschichte der Oeselschen Landgüter; Pau-

ker, Estlands Landgüter; Klopmann, Kurländische Güter-Chroniken; Droysen, Histor. Handatlas; Napiersky, Beiträge z. Gesch. d. Kirchen zu L.; Hollander, Die livl. Städtetage и т. д.), но и неизданные матеріалы, какъ собраніе бар. Бруйнинга (свыше 2,000 актовъ) и карточный каталогъ къ нему, свѣдѣнія по Курляндіи, сообщенныя бар. Густавомъ Мантейфелемъ, отдѣльныя мѣстныя свѣдѣнія разныхъ лицъ. Ни малѣйшаго указанія г. Л. офъ М. не пропускаетъ безъ точной ссылки на источникъ, и такія примѣчанія (нерѣдко заключающія въ себѣ вѣскія поправки для прежнихъ изслѣдованій) занимаютъ добрую половину убористаго текста. Такъ тщательно, подробно и строго обслѣдованы (перечисляемъ рубрики брошюры): Внѣшнія границы Ливоніи (въ примѣчаніяхъ поправки относительно смѣшенія у Бунге и другихъ Псковской и Полоцкой областей—Pleskauer и Ploskauer). Внутреннія границы Ливоніи: 1) земля архіеп. рижскаго; 2) архіеп. курляндскаго; 3) эзель-викскаго; 4) юрьевскаго; 5) городовъ: Риги, Ревеля и Нарвы; 6) земля Ордена. Ливонскіе города (16 по оттискамъ печатей: Аренсбургъ, Везенбергъ (Раковоры), Вейсенштейнъ, Венденъ, Виндава, Вольмаръ (Володимерецъ), Гапсаль, Дерптъ (Юрьевъ), Кокенхузенъ, Лемзаль, Нарва, Перновъ, Ревель (Колывань), Рига, Ропа (Роопъ), Феллинъ; четыре засвидѣтельствованы документами: Газенпотъ, Гольдингенъ, Мемель и Пильтенъ; кажется, пользовался городовыми правами и Бауске въ 1511 г. Валькъ уже въ 1424—1426 былъ большимъ поселеніемъ и назывался oppidum (не civitas) но, повидимому до 1584 г. не имѣлъ городоваго права; далѣе указанъ рядъ oppida 1555 г. Церкви и часовни: кромѣ городскихъ, замковыхъ и монастырскихъ, по документамъ опредѣляются 162 церкви. Монастыри (въ городахъ—доминиканскіе, францисканскіе и женскіе цистеріанскіе, въ Леалѣ цистеріанскій съ XIII в.; внѣ городовъ: цистеріанскій въ Динаминде съ 1305 и его продолженіе въ Падисѣ и Фалькенау; св. Бригитты у Ревеля; Антонія въ Ленневаденѣ съ 1514 г.). Въ этой же рубрикѣ перечислены орденскіе комтуріи съ ихъ воинско-монастырскимъ складомъ. Далѣе перечислены фогства Ливонскаго Ордена, и указаны до 150 рыцарскихъ замковъ. Малыя мѣстечки, дворы, деревни, крестьянскіе дворы—указаны преимущественно изъ послѣднихъ томовъ Urkenden-Buch'а изъ остальныхъ лишь важныя исторически.

Вся карта вмѣстѣ является нагляднымъ изображеніемъ значенія Ордена для края: Орденъ, въ своихъ разнообразныхъ положеніяхъ, глубоко проникъ исторію края XIII — XVI вв. Интересно отмѣтить, что Орденъ, постоянно отдѣляя одну отъ другой земли архіепископовъ, порой и пересѣкая ихъ своими владѣніями (земли архіеп. рижскаго и архіеп. курляндскаго), свои земли держалъ постоянно связанными, хотя бы полосой въ десятокъ верстъ ширины. На Эзелѣ и Даго (архіеп. эзель-викскій), часть острововъ принадлежала Ордену, Моонъ былъ за нимъ цѣликомъ, Вормсъ за архіепископомъ.

S. Sitzka.—Archäologische Karte von Liv-, Est- und Kurland, im Auftrage der Gelehrten Estnischen Gesellschaft. Jurjew (Dorpat), 1896.

По порученію Ученаго Эстонскаго Общества г-нъ Зитцка составилъ двѣ

археологическія карты Балтійскихъ губерній, одну для періода до VIII вѣка, и другую отъ VIII до XIII вѣка. Къ картамъ приложенъ алфавитный указатель мѣстъ находокъ съ указаніями на литературу и съ краткими свѣдѣніями о характерѣ находокъ. Подобнаго рода общіе обзоры весьма важны при занятіяхъ археологіей, такъ что нельзя не быть благодарнымъ г-ну Зитцкѣ за тотъ тяжелый трудъ, который онъ на себя принялъ; но нельзя еще удовлетвориться этой первой попыткой. Особенно интересна первая карта, такъ какъ на ней различными знаками указаны: обрядъ погребенія и характеръ находокъ. На второй картѣ такихъ указаній нѣтъ, и карта теряетъ бо́льшую половину своего значенія. Конечно, составителю пришлось бы дѣлать множество справокъ, но, если бы онъ воспользовался хотя бы только тѣмъ матеріаломъ, который собранъ имъ въ приложеніи, а особенно замѣтками каталога выставки при Съѣздѣ, то значительно поднялъ бы значеніе своей карты. Напримѣръ, можно было бы знаками указать, гдѣ былъ наблюдаемъ обрядъ погребенія, гдѣ сожженія, гдѣ были насыпаны курганы и пр. Въ такомъ случаѣ получилась бы дѣйствительная картина, въ которой съ одного взгляда можно бы прослѣдить границы распространенія извѣстнаго обряда.

Въ приложеніи составитель ограничивается краткими, очень неопредѣленными замѣтками о характерѣ находокъ: Alterthümer, Broncen, Schmuck. Много затрудненій доставилъ составителю вопросъ, въ какую карту помѣстить находки, древность которыхъ невозможно опредѣлить. Потому нельзя поставить въ вину составителю допущенной имъ нѣкоторой произвольности, хотя можно бы избѣгнуть такихъ недосмотровъ, какъ, напр., вещи изъ Кайнена (Лифляндія) отнесены къ древнѣйшему періоду, находки въ Эртенѣ (Эстляндія) обозначены на двухъ картахъ и пр. Желательна бы также бо́льшая полнота указаній. Напр., каменныя орудія не обозначены въ Нурмухузенѣ, Альтъ-Раденѣ, Постенденѣ (Курляндія); въ Вейссензее, Оденсее, Лоддигерѣ (Лифляндія); въ Лиголѣ, Кегелѣ (Эстляндія) и пр., и пр. Нельзя обойти молчаніемъ и географическихъ неточностей. Особенно пострадала отъ этого Курляндія, очевидно, менѣе знакомая составителю. Не на мѣстѣ обозначены Пушкальнсъ, Лайдзенъ, Рутенъ, и пр. Въ Эстляндіи, напр., очень неопредѣленно обозначено городище Аллолинъ, какъ извѣстно, отстоящее отъ Гаакхофа въ 2—3 верстахъ. Вообще, на основаніи богатаго матеріала, собраннаго къ Съѣзду, можно бы приступить ко второму, переработанному изданію карты (по хорошей географ. картѣ—напримѣръ, Генеральнаго Штаба), при чемъ, можетъ быть, всего удобнѣе было бы воспользоваться системой, выработанной Московскимъ Археологическимъ Обществомъ для изданныхъ имъ картъ. *С. Б.*

E. v. Nottbeck u. Wilh. Neumann. Geschichte und Kunstdenkmäler d. Stadt Reval (I. Die Geschichte d. Stadt bis zum Beginn d. Schwedenherrchaft. Burg- u. Stadt-befestigung (96 рис., 2 таб., Рев. 1896. стр. 100+32, 8°).

Изъ всѣхъ городовъ балтійскихъ губб. Ревель преимущественно сохра-

нилъ много интересныхъ памятниковъ, относящихся какъ къ среднимъ вѣкамъ, такъ и къ періоду XVI—XVII вв. Со своими древними укрѣпленіями, старинными церквами, множествомъ частныхъ домовъ XVI—XVII вв. онъ представляетъ какъ бы живой осколокъ давно минувшей эпохи. Но и здѣсь чувствуется разрушающая рука времени: уничтожено не мало старинныхъ зданій, древнихъ надгробныхъ плитъ, и обыватели, приглядѣвшись къ своимъ памятникамъ, порой готовы уничтожать и древнія стѣны, и старинные дома, чтобы замѣнить ихъ новыми строеніями, расширить узкія средневѣковыя улицы и пр. Вслѣдствіе этого работа гг. Нотбека и Неймана, имѣющая главной цѣлью составить инвентарь сохранившихся до нашихъ дней древностей города, представить ихъ детальное описаніе и рисунки, и сохранить, такимъ образомъ, драгоцѣнные остатки старины для потомства— не можетъ не вызывать живѣйшаго сочувствія. Такъ какъ памятники прошлыхъ вѣковъ получаютъ особенно яркое освѣщеніе лишь при знакомствѣ съ исторіей, съ условіями, вызвавшими ихъ къ жизни, такъ какъ сами слѣды старины являются какъ бы живыми свидѣтелями исторіи, то нельзя не признать методъ описанія, принятый авторами въ отношеніи къ Ревелю, вполнѣ удачнымъ: второю частью своей задачи они ставятъ—въ связи съ инвентаремъ дать исторію города, и ихъ трудъ представляетъ наиболѣе полную сводку данныхъ, касающихся внѣшней и внутренней жизни Ревеля, сводку, служащую фономъ для детальнаго описанія остатковъ старины. Вышедшій 1-й выпускъ содержитъ описаніе укрѣпленій и очеркъ исторіи Ревеля до шведскаго владычества въ краѣ, т. е. до 2-й половины XVI вѣка. Дальнѣйшіе два выпуска будутъ посвящены описанію церковныхъ и др. памятниковъ и исторіи города до новѣйшаго времени. Историческій очеркъ, составленный г. Нотбекомъ, представляетъ работу очень интересную, (отчасти компилятивную) мозаично собранную, главнымъ образомъ, на основаніи изданныхъ архивныхъ матеріаловъ (съ постоянными ссылками на первоисточники), причемъ обращено особенное вниманіе на внутреннее управленіе города втеченіе описываемаго періода и на роль его не только какъ военнаго укрѣпленія, но и какъ торговаго и культурнаго центра. Въ зависимости отъ источниковъ, которыми пользовался г. Нотбекъ, именно исключительно нѣмецкими, стоитъ нѣсколько одностороннее изложеніе и освѣщеніе авторомъ нѣкоторыхъ событій исторической жизни края, въ которомъ приходилось играть роль и Ревелю, напр. періоды знаменитой Ливонской войны. Описаніе укрѣпленій, представленное г. Нейманомъ, является вполнѣ самостоятельнымъ трудомъ; оно обнаруживаетъ большое детальное знакомство автора съ памятниками старины, а многочисленные рисунки и чертежи даютъ наглядное представленіе о способахъ постройки и о пріемахъ средневѣковыхъ архитекторовъ. Этой послѣдней стороной трудъ г. Неймана дѣлается чрезвычайно интереснымъ не только для исторіи Ревеля, но и для исторіи средневѣковой крѣпостной архитектуры вообще. Изданіе красиво исполнено и удобно распредѣлено въ типографскомъ отношеніи и, кромѣ

названныхъ рисунковъ и чертежей, снабжено цинкографіями съ древностей города.

Выполненіе всего труда, а особенно составленіе инвентаря ревельскимъ древностямъ требовало значительныхъ тратъ (между прочимъ одному изъ сотрудниковъ пришлось долко жить въ Ревелѣ). Средства на этотъ предметъ доставлены рижскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей Балтійскаго края, къ коему присоединились: Эстляндское Литературное Общество, Ревельская Большая Гильдія и ея старшина бар. Жираръ де-Сукантонъ, Курляндское Общество Литературы и Искусства, а особенно городъ Ревель и Эстляндское дворянство. Такъ осуществился этотъ прекрасный трудъ, заслуживающій глубокой признательности со стороны всѣхъ любителей старины и просвѣщенія.

Къ X Археологическому Съѣзду въ г. Ригѣ. Курляндскія, Лифляндскія, Эстляндскія и Финляндскія дѣла въ Моск. Главн. Архивѣ Мин. Иностран. Дѣлъ.—Изданіе Коммиссіи Печатанія Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ. Москва, 1896 г. 8-ка, III+74 стр.

Подъ приведеннымъ заглавіемъ Архивъ издалъ къ Съѣзду первые пять листовъ III-го выпуска „Обзора внѣшнихъ сношеній Россіи", составленнаго Н. Н. Бантышомъ-Каменскимъ. Обзоръ дѣлъ Курляндскахъ (1646—1783 гг.) занимаетъ большую часть этого отдѣла (стр. 1—62). Старанія герцога Іакова вступить въ сношенія съ Россіей, увѣнчиваются успѣхомъ лишь съ Ливонскаго похода, когда Россіи былъ нуженъ союзникъ на мѣстѣ; отъ этого времени сохранился въ патріаршей ризницѣ подарокъ герцога патріарху Никону—янтарный посохъ; тогда же были присланы царю два большіе, наслѣдственные яхонта. Вліяніе Россіи въ Курляндіи тогда уже установилось прочно.—Мирныя сношенія съ Лифляндіей представлены на всемъ протяженіи XVI вѣка (1503—1600 гг.), — причемъ отмѣтимъ предоставленное Іоанномъ IV Юрьеву, при взятіи его въ 1558 г., въ числѣ другихъ сохраненныхъ вольностей, право бить монету, съ изображеніемъ съ одной стороны клейма россійскаго, а съ другой—городскаго. Этимъ правомъ Юрьевъ, повидимому, уже не воспользовался, и чеканка монеты въ немъ, начавшаяся съ половины XIV в., въ 1558 г. прекратилась навсегда [1]). Отъ XVII в. имѣются лишь: договорныя статьи при взятіи Юрьева въ 1656 г. и пріѣздъ въ Москву юрьевскихъ посланцевъ въ 1657 г. Лифляндскія дѣла имѣются въ Архивѣ по 1759 г.

Георгій Саблеръ.—Собраніе русскихъ памятниковъ, извлеченныхъ изъ семейнаго архива графовъ Делагарди. Посвящается X Археол. Съѣзду въ Ригѣ. Иждивеніемъ Имп. Юрьевскаго Университета. Юрьевъ, 1896 (Recueil des documents russes, tirés des archives de famille des comtes de la Gardie...), 8-ка, стр. XIII+79 и 2 фототипіи.

Большая часть архива гр. Делагарди хранится въ Швеціи, въ замкѣ

[1]) Katalog der Ausstellung zum X Archäolog. Kongress, 222.

Лёберёдъ [1]). Часть же бумагъ графовъ Понтуса и Якова, перенесенная въ Ливонію, принадлежитъ съ 1848 г. юрьевскому университету. Гг. Лоссіусъ и Кордтъ [2]) издали: архивъ графа Понтуса (XVI в.) и каталогъ, отчасти тексты архива гр. Якова. Русскіе же бумаги (архивъ Якова Д.) нынѣ изданы впервые, починомъ А. С. Будиловича и трудами университетскаго архиваріуса, г. Саблера, въ Ученыхъ Запискахъ Имп. Ю. У., 1896 г., № 3 и отдѣльной книжкой. Русскихъ документовъ въ архивѣ 15 (и къ нимъ, какъ замѣчаетъ г. Саблеръ, можно прибавить изданный Лоссіусомъ нѣмецкій протоколъ допроса трехъ плѣнныхъ русскихъ бояръ 17 іюня 1614 г. о московскихъ дѣлахъ,—а вѣроятно и нѣсколько другихъ бумагъ, какъ напр., нѣмецкій переводъ съ листа кн. И. А. Хованскаго къ шв. полковнику Кобрену отъ іюля 1618 г.—Лоссіусъ, 145). Къ 1608—1610 гг. относятся: грамота кн. М. В. Скопина-Шуйскаго изъ Новгорода шведскому державцу въ Ругодивъ о союзѣ Россіи со Швеціей; вѣсти, данныя по его приказанію, 30 апрѣля 1609 г., Якову Делагарди о городахъ, добившихъ челомъ царю Василію, и о пораженіи и ослабленіи воровъ подъ Москвою; два отпуска листа шведскаго воеводы въ Колывани къ русскимъ воеводамъ въ Орѣшекъ (рѣзкіе упреки въ несоблюденіи союза). Первый отпускъ, или скорѣй подлинникъ (подписанный), хотя непосланный, очень интересенъ правописаніемъ: написанъ онъ чрезвычайно безграмотно, съ преизобиліемъ буквы *ѣ* и съ *ъ* въ концѣ словъ послѣ гласной, съ формами не только, какъ: *хачю, шптанія, хрѣсново цолованя, прѣтивъ* (противъ), *лживѣ* (лживо) или съ замѣной *я* черезъ *ѣ*, какъ *довѣдюсѣъ, боитѣсѣъ, мылнѣъ*, но и съ такими слѣдами шведскаго произношенія, какъ *ѳісо* (все), *саписи* (записи), *дѣршите* (держите, хотя есть и *дѣржитѣъ*); *королъ, царъ, отповѣдъ* (отповѣдь), и особенно любопытныя, вызываемыя шведской фонетикой: *чужонского* (чухонскаго) и *задерхѣныѣ* (задержаны), или такой синтаксическій оборотъ какъ: *выъ, которысъ выъ въ Орѣшкѣъ сидитѣъ* (вообще изложеніе нестройно); въ тоже время морфологія и согласованіе всюду правильны и потому, кажется, слѣдуетъ предположить, что грамота писана не иностранцемъ, а ошведившимся, забывшимъ русское письмо, русскимъ; второй отпускъ—листа, очевидно, замѣнившаго первый, написанъ правильно и стройно, обычнымъ приказнымъ языкомъ и письмомъ. Далѣе идутъ отъ 1615 — 1619 гг.: листъ отъ Горна 1615 г. въ боярскую думу—длинная и горячая отповѣдь за споръ о взаимномъ титулованіи и наставленіе о посольскихъ обычаяхъ; листъ отъ русскихъ псковскихъ воеводъ (Плещеева и Собакина) въ Порховъ шведск. воеводѣ (Геннингу Грассу, какъ выяснено г. Саблеромъ): воровъ, приходящихъ изъ Порховскаго уѣзда въ Псковъ и уѣзды его, будутъ наказывать „не для

---

[1]) P. Wieselgren—De la Gardiska Archivet, 20 томовъ, Стокгольмъ и Лундъ, 1839—1843 гг.

[2]) Joh. Lossius—Die Urkunden der Grafen de Lagardie in d. Universität zu Dorpat, 1882; В. А. Кордтъ — Изъ семейнаго архива гр. Де-Ла-Гарди (Ученыя Зап. Имп. Ю. У., т. II, 1881 г., № 2).

Особенный интересъ представляютъ здѣсь же найденные, вмѣстѣ съ различными предметами домашней утвари, кремневыми наконечниками стрѣлъ и т. п., красный янтарь, въ отдѣльныхъ кускахъ и въ подѣлкахъ со сверленіями для ношенія на шнуркѣ, и нѣкоторыя горныя породы Урала. Красный янтарь, по мнѣнію докладчика, указываетъ на связи съ балтійскимъ бассейномъ, именно съ бассейномъ Ильменя. Что новгородцамъ давно извѣстна Сибирь, это можно видѣть изъ новгородской лѣтописи, гдѣ есть извѣстіе XIII в., что новгородскіе молодцы и дѣти боярскіе отправились на р. Обь.

VIII

Библіографія.

Anton Buchholtz. Bibliographie der Archäologie Liv-, Est- und Kurlands. Riga 1896, 8-ка, IV+61 стр.

По порученію рижскаго Общества Исторіи и Древностей, г. Бухгольцъ составилъ драгоцѣнный библіографическій указатель по археологіи края. Въ предисловіи указаны предшественники автора: Напьерскій въ 10-омъ выпускѣ Трудовъ Курляндскаго Литер. и Худ. Общества (1851 г.), Винкельманъ въ Bibliotheca Livoniae historica (въ 1878 г. второе изданіе), Аспелинъ на обложкѣ 5 вып. Antiquités du Nord finno-ougrien, и наконецъ въ ежегодно съ 1880 печатаемыхъ (сначала издавалъ г. Mettig, съ 1882 г. г. Poelschau) Извѣстіяхъ о лифляндской исторической литературѣ. Авторъ указываетъ, что къ сожалѣнію не имѣлъ сотрудниковъ по латышской и эстской литературѣ. Библіографія г. Бухгольца не даетъ оцѣнки работъ, но перечисляетъ ихъ годъ за годомъ, указывая и рецензіи на нихъ. Одно указаніе приведено подъ 1604 г. (свѣдѣніе о курганахъ въ хроникѣ Ніенштедта), затѣмъ съ 1745 по 1834 г.—22 указанія, съ 1834 (основаніе Общества Ист. и Древн.) по 1865—130, а съ 1865 г., когда началась дѣятельность Гревингка—618, (въ томъ числѣ изъ изданій 1896 г. поименованы уже 16). Въ спискѣ помѣчаются собственно только книги или статьи, прямо посвящаемыя археологіи (до XIII в.), такъ что тутъ не должно ожидать указаній на археологическія изслѣдованія, входящія въ составъ трудовъ историческихъ, и нѣтъ, напримѣръ, указанія на книгу г. Благовѣщенскаго объ о. Эзелѣ (въ ней помѣщенъ единственный на русскомъ языкѣ обзоръ древностей Эзеля, подробно сдѣланный по Хольцмайеру и снабженный таблицами). Но то, что входило въ программу, подобрано съ большой тщательностью: книги, брошюры, газетныя замѣтки, доклады въ ученыхъ Обществахъ. За хронологическимъ перечнемъ идутъ алфавитные указатели: 1) имена авторовъ, переводчиковъ, рецензентовъ нѣмецкихъ книгъ; 2) имена русскихъ авторовъ, писавшихъ по-

русски; 3) указатель мѣстностей, упомянутыхъ въ заглавіи нѣмецкихъ трудовъ; 4) такой же указатель для русскихъ работъ. Такъ какъ по плану труда признано нужнымъ указывать лишь имя автора, стоящее на заглавномъ листѣ, то напр., на изслѣдованіе Люцинскаго городища (Матеріалы по Археологіи Россіи, 13) нѣтъ указанія при имени В. И. Сизова, а имени Е. Р. Романова совсѣмъ нѣтъ въ спискѣ авторовъ. Самое же изслѣдованіе внесено въ хронологическій списокъ, и найти его можно по слову Люцинъ.

Katalog der Austellung zum X archäologischen Kongress, in Riga 1896. 8-ка, стр. LXXX + 255 съ 34 таблицами рисунковъ. Цѣна 1 р. 50 к.

Среди изданій, вызванныхъ Рижскимъ Археологическимъ Съѣздомъ, обращаетъ на себя особое вниманіе названная книга. Этотъ каталогъ выставки, собравшей въ системѣ весь богатый археологическій матеріалъ края, каталогъ, снабженный 34 прекрасными таблицами рисунковъ, даетъ возможность подробно и наглядно познакомиться съ типами находимыхъ въ краѣ древностей. Уже благодаря этому, книга утрачиваетъ значеніе изданія, имѣющаго лишь временный интересъ, и становится полезнымъ подспорьемъ для всѣхъ занимающихся археологіей балтійскихъ губерній. Главная, наиболѣе обширная часть выставки, отдѣлъ раскопокъ, былъ устроенъ гг. Хаусманомъ и Бухгольцемъ, и каталогъ этого отдѣла снабженъ не только указателемъ мѣстностей, но и обширнымъ введеніемъ г. Хаусмана, и такимъ образомъ изъ справочнаго изданія получаетъ характеръ научнаго труда. Во введеніи г. Хаусманъ, занимающій столь видное мѣсто среди балтійскихъ археологовъ и за послѣдніе годы передъ Съѣздомъ пересмотрѣвшій всѣ хранилища края съ цѣлью отбора вещей на выставку, даетъ сжатый, но весьма важный въ научномъ отношеніи обзоръ археологическихъ данныхъ и также выводовъ, къ которымъ привели его собственныя изслѣдованія и труды другихъ изслѣдователей и любителей. Каменный вѣкъ доселѣ мало изслѣдованъ въ балтійскихъ губерніяхъ; бронзовыхъ орудій найдено такъ ничтожно мало, что нельзя признавать существованія когда-либо въ краѣ бронзоваго вѣка. И такъ, этимъ двумъ періодамъ г. Х. посвящаетъ лишь очень малую часть своего труда (5 стр.). Между прочимъ онъ предполагаетъ, что нѣкоторыя кремневыя хорошо обработанныя орудія (табл. I, 36, 37, 40) занесены на сѣверъ балтійскихъ губерній съ запада. Мы позволимъ себѣ не согласиться съ такимъ мнѣніемъ: эти предметы тѣсно подходятъ къ орудіямъ нашихъ сѣверо-западныхъ губерній (съ которыми губерніи балтійскія связаны и географически), и мы раздѣляемъ мнѣніе Вирхова, что вообще культура каменнаго вѣка балтійскихъ губерній примыкаетъ больше всего къ областямъ, лежащимъ на востокъ отъ нея. Желѣзный вѣкъ края г. Х. дѣлитъ на два періода: съ I по VIII в. и съ VIII по XIII. Первый періодъ характеризуется особенно фибулами: пружинною и перекладочной; такихъ могилъ, которыя можно было бы отнести къ VI—VIII вѣку, пока найдено очень мало. Во второмъ періодѣ г. Х. считаетъ уже возможнымъ этнографически распре-

дѣлить могильники и именно дѣлаетъ попытку освѣтить и доказать археологическими данными выводы извѣстнаго труда д-ра А. Биленштейна „О границахъ латышскаго племени“. Но останавливая вниманіе на главныхъ народностяхъ, населявшихъ край въ началѣ XIII в. (эпоха, отъ которой дошли единственные точные источники), именно на курахъ, ливахъ, латышахъ и эстахъ, авторъ даже не упоминаетъ о возможности существованія другихъ народностей въ краѣ втеченіе полтысячелѣтія, отдѣляющаго VIII в. отъ XIII-го. Имени скандинавовъ, вендовъ, русскихъ, славянъ, литвы не встрѣчается во „введеніи“. Намъ кажется, что отъ такого ограниченія распредѣленіе могилъ по народностямъ становится въ значительной степени искусственнымъ: то приходится слишкомъ мало считаться съ различіями похоронныхъ обрядовъ въ разныхъ мѣстностяхъ и въ разныя эпохи; то, наоборотъ, придавать слишкомъ большое этнографическое значеніе признаку недостаточно существенному (скорлупчатой фибулѣ для ливовъ, двукрестной булавкѣ для эстовъ). Въ частности, относительно могильниковъ съ сожженіемъ въ зап. Курляндіи г. Х. признаетъ необходимость болѣе подробнаго изученія ихъ, но все же теперь уже готовъ приписать ихъ курамъ. Этими замѣчаніями, относящимися только къ общимъ выводамъ автора, мы не уменьшаемъ, конечно, значенія его труда. Трудъ этотъ заслуживаетъ глубокой благодарности и весьма назидателенъ, поскольку онъ стоитъ на почвѣ изученія типовъ предметовъ и варіантовъ основныхъ мотивовъ. Прекрасный знатокъ этихъ типовъ, г. Х. детально разбираетъ ихъ, изучаетъ ихъ варіанты и въ этомъ отношеніи доходитъ до такой тонкости въ установленіи группъ и подгруппъ, которая возможна только для ученаго, посвятившаго массу работы на изученіе раскопокъ извѣстнаго района.

Самый каталогъ г. Хаусмана, какъ и каталоги остальныхъ отдѣловъ составлены чрезвычайно тщательно, обстоятельно и подробно. Г. Ант. Бухгольцъ снабдилъ свой каталогъ выставки монетнаго дѣла краткими, но весьма цѣнными вводными указаніями, которыя въ сжатой формѣ очерчиваютъ исторію монетнаго дѣла въ краѣ. *С. С.*

K. von Löwis of Menar. Livland in Mittelalter, eine kartographische Darstellung, mit einem Hefte Erläuterungen. Reval, 1895. Карта и къ ней брошюрка, въ мал. 4-ку, 29 стр.

Это—карта внѣшнихъ границъ, внутреннихъ разграниченій и населенныхъ мѣстъ Ливоніи за нѣмецкое время, до распаденія въ 1562 году. На картѣ начерчены собственно послѣднія распредѣленія границъ, извѣстныя до 1562 г. Но въ „Объясненіяхъ“ собраны всѣ доступныя автору указанія и развита настоящая документальная исторія измѣненія внѣшнихъ и внутреннихъ границъ Ливонія. Здѣсь тщательнѣйшимъ образомъ употребленъ богатый матеріалъ, въ который вошли не только изданные труды (Bunge, Urkunden-Buch; Hildebrandt, Livonica; Toll, Brieflade; Stryk, Beiträge zur Geschichte der Rittergüter Livlands; Buxhövden, Geschichte der Oeselschen Landgüter; Pau-

ker, Estlands Landgüter; Klopmann, Kurländische Güter-Chroniken; Droysen, Histor. Handatlas; Napiersky, Beiträge z. Gesch. d. Kirchen zu L.; Hollander, Die livl. Städtetage и т. д.), но и неизданные матеріалы, какъ собраніе бар. Бруйнинга (свыше 2,000 актовъ) и карточный каталогъ къ нему, свѣдѣнія по Курляндіи, сообщенныя бар. Густавомъ Мантейфелемъ, отдѣльныя мѣстныя свѣдѣнія разныхъ лицъ. Ни малѣйшаго указанія г. Л. офъ М. не пропускаетъ безъ точной ссылки на источникъ, и такія примѣчанія (нерѣдко заключающія въ себѣ вѣскія поправки для прежнихъ изслѣдованій) занимаютъ добрую половину убористаго текста. Такъ тщательно, подробно и строго обслѣдованы (перечисляемъ рубрики брошюры): Внѣшнія границы Ливоніи (въ примѣчаніяхъ поправки относительно смѣшенія у Бунге и другихъ Псковской и Полоцкой областей—Pleskauer и Ploskauer). Внутреннія границы Ливоніи: 1) земля архіеп. рижскаго; 2) архіеп. курляндскаго; 3) эзель-викскаго; 4) юрьевскаго; 5) городовъ: Риги, Ревеля и Нарвы; 6) земля Ордена. Ливонскіе города (16 по оттискамъ печатей: Аренсбургъ, Везенбергъ (Раковоры), Вейсенштейнъ, Венденъ, Виндава, Вольмаръ (Володимерецъ), Гапсаль, Дерптъ (Юрьевъ), Кокенхузенъ, Лемзаль, Нарва, Перновъ, Ревель (Колывань), Рига, Ропа (Роопъ), Феллинъ; четыре засвидѣтельствованы документами: Газенпотъ, Гольдингенъ, Мемель и Пильтенъ; кажется, пользовался городовыми правами и Бауске въ 1511 г. Валькъ уже въ 1424—1426 былъ большимъ поселеніемъ и назывался oppidum (не civitas) но, повидимому до 1584 г. не имѣлъ городоваго права; далѣе указанъ рядъ oppida 1555 г. Церкви и часовни: кромѣ городскихъ, замковыхъ и монастырскихъ, по документамъ опредѣляются 162 церкви. Монастыри (въ городахъ—доминиканскіе, францисканскіе и женскіе цистеріанскіе, въ Леалѣ цистеріанскій съ XIII в.; внѣ городовъ: цистеріанскій въ Динаминде съ 1305 и его продолженіе въ Падисѣ и Фалькенау; св. Бригитты у Ревеля; Антонія въ Ленневаденѣ съ 1514 г.). Въ этой же рубрикѣ перечислены орденскіе комтуріи съ ихъ воинско-монастырскимъ складомъ. Далѣе перечислены фогства Ливонскаго Ордена, и указаны до 150 рыцарскихъ замковъ. Малыя мѣстечки, дворы, деревни, крестьянскіе дворы—указаны преимущественно изъ послѣднихъ томовъ Urkenden-Buch'a изъ остальныхъ лишь важныя исторически.

Вся карта вмѣстѣ является нагляднымъ изображеніемъ значенія Ордена для края: Орденъ, въ своихъ разнообразныхъ положеніяхъ, глубоко проникъ исторію края XIII — XVI вв. Интересно отмѣтить, что Орденъ, постоянно отдѣляя одну отъ другой земли архіепископовъ, порой и пересѣкая ихъ своими владѣніями (земли архіеп. рижскаго и архіеп. курляндскаго), свои земли держалъ постоянно связанными, хотя бы полосой въ десятокъ верстъ ширины. На Эзелѣ и Даго (архіеп. эзель-викскій), часть острововъ принадлежала Ордену, Моонъ былъ за нимъ цѣликомъ, Вормсъ за архіепископомъ.

S. Sitzka.—Archäologische Karte von Liv-, Est- und Kurland, im Auftrage der Gelehrten Estnischen Gesellschaft. Jurjew (Dorpat), 1896.

По порученію Ученаго Эстонскаго Общества г-нъ Зитцка составилъ двѣ

археологическія карты Балтійскихъ губерній, одну для періода до VIII вѣка, и другую отъ VIII до XIII вѣка. Къ картамъ приложенъ алфавитный указатель мѣстъ находокъ съ указаніями на литературу и съ краткими свѣдѣніями о характерѣ находокъ. Подобнаго рода общіе обзоры весьма важны при занятіяхъ археологіей, такъ что нельзя не быть благодарнымъ г-ну Зитцкѣ за тотъ тяжелый трудъ, который онъ на себя принялъ; но нельзя еще удовлетвориться этой первой попыткой. Особенно интересна первая карта, такъ какъ на ней различными знаками указаны: обрядъ погребенія и характеръ находокъ. На второй картѣ такихъ указаній нѣтъ, и карта теряетъ бо́льшую половину своего значенія. Конечно, составителю пришлось бы дѣлать множество справокъ, но, если бы онъ воспользовался хотя бы только тѣмъ матеріаломъ, который собранъ имъ въ приложеніи, а особенно замѣтками каталога выставки при Съѣздѣ, то значительно поднялъ бы значеніе своей карты. Напримѣръ, можно было бы знаками указать, гдѣ былъ наблюдаемъ обрядъ погребенія, гдѣ сожженія, гдѣ были насыпаны курганы и пр. Въ такомъ случаѣ получилась бы дѣйствительная картина, въ которой съ одного взгляда можно бы прослѣдить границы распространенія извѣстнаго обряда.

Въ приложеніи составитель ограничивается краткими, очень неопредѣленными замѣтками о характерѣ находокъ: Alterthümer, Broncen, Schmuck. Много затрудненій доставилъ составителю вопросъ, въ какую карту помѣстить находки, древность которыхъ невозможно опредѣлить. Потому нельзя поставить въ вину составителю допущенной имъ нѣкоторой произвольности, хотя можно бы избѣгнуть такихъ недосмотровъ, какъ, напр., вещи изъ Кайнена (Лифляндія) отнесены къ древнѣйшему періоду, находки въ Эртенѣ (Эстляндія) обозначены на двухъ картахъ и пр. Желательна бы также бо́льшая полнота указаній. Напр., каменныя орудія не обозначены въ Нурмухузенѣ, Альтъ-Раденѣ, Постенденѣ (Курляндія); въ Вейссензее, Оденсее, Лоддигерѣ (Лифляндія); въ Лиголѣ, Кегелѣ (Эстляндія) и пр., и пр. Нельзя обойти молчаніемъ и географическихъ неточностей. Особенно пострадала отъ этого Курляндія, очевидно, менѣе знакомая составителю. Не на мѣстѣ обозначены Пушкальнсъ, Лайдзенъ, Рутенъ, и пр. Въ Эстляндіи, напр., очень неопредѣленно обозначено городище Аллолинъ, какъ извѣстно, отстоящее отъ Гаакхофа въ 2—3 верстахъ. Вообще, на основаніи богатаго матеріала, собраннаго къ Съѣзду, можно бы приступить ко второму, переработанному изданію карты (по хорошей географ. картѣ—напримѣръ, Генеральнаго Штаба), при чемъ, можетъ быть, всего удобнѣе было бы воспользоваться системой, выработанной Московскимъ Археологическимъ Обществомъ для изданныхъ имъ картъ. *С. Б.*

E. v. Nottbeck u. Wilh. Neumann. Geschichte und Kunstdenkmäler d. Stadt Reval (I. Die Geschichte d. Stadt bis zum Beginn d. Schwedenherrschaft. Burg- u. Stadt-befestigung (96 рис., 2 таб., Рев. 1896. стр. 100+32, 8°).

Изъ всѣхъ городовъ балтійскихъ губб. Ревель преимущественно сохра-

нилъ много интересныхъ памятниковъ, относящихся какъ къ среднимъ вѣкамъ, такъ и къ періоду XVI—XVII вв. Со своими древними укрѣпленіями, старинными церквами, множествомъ частныхъ домовъ XVI—XVII вв. онъ представляетъ какъ бы живой осколокъ давно минувшей эпохи. Но и здѣсь чувствуется разрушающая рука времени: уничтожено не мало старинныхъ зданій, древнихъ надгробныхъ плитъ, и обыватели, приглядѣвшись къ своимъ памятникамъ, порой готовы уничтожать и древнія стѣны, и старинные дома, чтобы замѣнить ихъ новыми строеніями, расширить узкія средневѣковыя улицы и пр. Вслѣдствіе этого работа гг. Нотбека и Неймана, имѣющая главной цѣлью составить инвентарь сохранившихся до нашихъ дней древностей города, представить ихъ детальное описаніе и рисунки, и сохранить, такимъ образомъ, драгоцѣнные остатки старины для потомства— не можетъ не вызывать живѣйшаго сочувствія. Такъ какъ памятники прошлыхъ вѣковъ получаютъ особенно яркое освѣщеніе лишь при знакомствѣ съ исторіей, съ условіями, вызвавшими ихъ къ жизни, такъ какъ сами слѣды старины являются какъ бы живыми свидѣтелями исторіи, то нельзя не признать методъ описанія, принятый авторами въ отношеніи къ Ревелю, вполнѣ удачнымъ: второю частью своей задачи они ставятъ—въ связи съ инвентаремъ дать исторію города, и ихъ трудъ представляетъ наиболѣе полную сводку данныхъ, касающихся внѣшней и внутренней жизни Ревеля, сводку, служащую фономъ для детальнаго описанія остатковъ старины. Вышедшій 1-й выпускъ содержитъ описаніе укрѣпленій и очеркъ исторіи Ревеля до шведскаго владычества въ краѣ, т. е. до 2-й половины XVI вѣка. Дальнѣйшіе два выпуска будутъ посвящены описанію церковныхъ и др. памятниковъ и исторіи города до новѣйшаго времени. Историческій очеркъ, составленный г. Нотбекомъ, представляетъ работу очень интересную, (отчасти компилятивную) мозаично собранную, главнымъ образомъ, на основаніи изданныхъ архивныхъ матеріаловъ (съ постоянными ссылками на первоисточники), причемъ обращено особенное вниманіе на внутреннее управленіе города втеченіе описываемаго періода и на роль его не только какъ военнаго укрѣпленія, но и какъ торговаго и культурнаго центра. Въ зависимости отъ источниковъ, которыми пользовался г. Нотбекъ, именно исключительно нѣмецкими, стоитъ нѣсколько одностороннее изложеніе и освѣщеніе авторомъ нѣкоторыхъ событій исторической жизни края, въ которомъ приходилось играть роль и Ревелю, напр. періоды знаменитой Ливонской войны. Описаніе укрѣпленій, представленное г. Нейманомъ, является вполнѣ самостоятельнымъ трудомъ; оно обнаруживаетъ большое детальное знакомство автора съ памятниками старины, а многочисленные рисунки и чертежи даютъ наглядное представленіе о способахъ постройки и о пріемахъ средневѣковыхъ архитекторовъ. Этой послѣдней стороной трудъ г. Неймана дѣлается чрезвычайно интереснымъ не только для исторіи Ревеля, но и для исторіи средневѣковой крѣпостной архитектуры вообще. Изданіе красиво исполнено и удобно распредѣлено въ типографскомъ отношеніи и, кромѣ

dische Waffenstillstandsverhandlungen in den Jahren 1574—1575. Объ этихъ переговорахъ и участіи, которое принимали въ нихъ императоръ и Данія доселѣ было очень мало извѣстно. Г. Ноттбекъ сообщаетъ о нихъ по цѣлому ряду новыхъ свѣдѣній изъ ревельскаго городскаго архива; документами русскими онъ пользовался большею частью въ древнемъ нѣмецкомъ переводѣ, ибо подлинники отправлены въ Импер. Археографическую Коммиссію.—5) A. Howen—Ausbrabungen in Ehstland—краткое свѣдѣніе о раскопкахъ г. Ховена въ имѣніи Фэхтъ и въ Пуннамягги, къ Рижско-Археологическому Съѣзду (см. „Труды Предв. Ком. Съѣзда", т. II),—6) книжка заключается отчетами Общества за 189³/₄ и 189⁴/₅ года. Общество понесло тяжкую утрату въ лицѣ Іордана, ревностнаго археолога, который 37 лѣтъ былъ хранителемъ Ревельскаго Провинціальнаго Музея. Къ Съѣзду произведены г. Хаусманомъ раскопки въ Куккерсѣ и Тюрсалѣ и вещи, пожертвованныя владѣльцами имѣній: барономъ Толль и г. Веттеръ-Розенталемъ, поступили въ Музей (каталогъ Рижской Выставки, №№ 389 и 390); это большею частью бронзовыя украшенія, — но конечно никакъ не бронзоваго *вѣка* (какъ говоритъ г. Ховенъ въ отчетѣ), а желѣзнаго. Далѣе, отчетъ сообщаетъ, что конченъ каталогъ библіотеки Общества (около 33000 названій и свыше 53000 томовъ) и идутъ работы по дополненію музейнаго каталога, изданнаго Іорданомъ и Хаманномъ въ 1874 г.; число посѣтителей музея было въ послѣдній годъ около 2000.

Rich. Weinberg: Ueber einige Schädel aus älteren Liven, Letten und Estengräben (16° стр. 13, оттискъ изъ Sitz. d. gel. Estn. Ges., 1896).

Подъ этимъ заглавіемъ г. Вейнбергъ опубликовалъ результаты измѣреній нѣсколькихъ череповъ, добытыхъ въ Балтійскомъ краѣ, изъ могильниковъ X—XII вв. Въ виду важности краніометрическихъ данныхъ для археологіи—съ одной стороны, и вслѣдствіе ничтожнаго количества работъ въ этомъ направленіи въ Балтійскихъ губ.—съ другой, брошюрка г. Вейнберга заслуживаетъ полнаго сочувствія. Но авторъ не археологъ и слишкомъ довѣрчиво относится вслѣдствіе этого къ мнѣнію г. Р. Хаусмана, по которому могильники, а слѣдовательно и черепа, должны быть непремѣнно относимы съ полной опредѣленностью къ одной изъ трехъ національностей: эстамъ, латышамъ или ливамъ. Если отдѣленіе эстонскихъ могильниковъ отъ латышскихъ во многихъ случаяхъ достигается съ легкостью на основаніи археологическихъ данныхъ, то этого же никакъ нельзя сказать относительно могильниковъ, приписываемыхъ ливамъ: для выдѣленія ихъ въ особую группу археологія еще не обладаетъ достаточнымъ количествомъ достовѣрныхъ данныхъ. Если оставить въ сторонѣ дѣленіе авторомъ измѣренныхъ имъ чере-

---

и изданы два отрывка изъ него (мята, розмаринъ); Fischer-Benzon, Altdeutsche Gartenflora, Kiel u. Leipzig 1894; Pabst, въ Beitr. E. L. G., Band 1 сообщеніе о розовомъ садѣ; Amelung, Revaler Alterthümer 1884. Авторъ пользовался также книгой Hehn'a: Culturpflanzen u. Hausthiere in ihrem Uebergange aus Asien... Berlin, 1874.

повъ по національностямъ, мы получимъ небольшую работу по измѣренію 10 череповъ, что въ связи съ тѣми немногими работами въ этомъ же направленіи, которыя уже извѣстны въ печати, можетъ составить матеріалъ для будущихъ изслѣдователей, которые пожелали бы серьезно заняться изученіемъ, на основаніи остеологическихъ данныхъ, физическаго типа древняго населенія Балтійскихъ губ. *Н. Х.*

Astav v. Transehe - Roseneck: Die Eingeborenen Altlivlands im XIII Jahrhundert (8°, стр. 80).

Сторонникъ взглядовъ Мейцена на доисторическій періодъ жизни финновъ по берегамъ Балтійскаго моря, авторъ мало останавливается на эпохѣ, предшествовавшей нѣмецкому покоренію края: онъ признаетъ, что скудость источниковъ не даетъ права говорить опредѣленно о древнемъ бытѣ населенія совр. балтійскихъ губ., и переходитъ затѣмъ къ эпохѣ завоеванія. Матеріаломъ автору служатъ свѣдѣнія хроники Генриха латышскаго: повѣствуя преимущественно о военныхъ дѣйствіяхъ и о ходѣ распространенія нѣмецкаго владычества въ первой четверти XIII в., лѣтописецъ сообщаетъ интересныя свѣдѣнія, разбросанныя въ разныхъ мѣстахъ хроники, о бытѣ населенія. Собрать ихъ въ систематическомъ порядкѣ и освѣтить темныя мѣста лѣтописи и было задачей автора, съ которой онъ справился вполнѣ удачно. Въ случаяхъ, когда Генрихъ латышскій не даетъ достаточнаго количества свѣдѣній, авторъ прибѣгаетъ къ литературнымъ источникамъ, старавшимся на основаніи данныхъ языка и др. возстановить бытъ населенія и выяснить вопросы о взаимномъ вліяніи разныхъ народностей, которыхъ нѣмцы застали въ краѣ при своемъ прибытіи. Въ общемъ статья автора даетъ яркую картину уровня культуры туземнаго населенія балтійскаго края въ XIII в. Пробѣлы, которые чувствуются въ статьѣ, объясняются тѣмъ, что авторъ не имѣлъ цѣлью представить самостоятельное изслѣдованіе и такимъ образомъ находился въ зависимости отъ характера источниковъ, послужившихъ ему при составленіи его работы. *Н. Х.*

Auszug aus A. H. Snellmans Abhandlung: Die Ostseefinnen zur Zeit ihrer Unabhängigkeit. (Отт. изъ Finska Fornminnesföreningens Tidskrift. XVI. 8°, стр. 27).

Г. Снелльманъ дѣлитъ исторію балтійскихъ финновъ въ періодъ ихъ „независимости“ на четыре отдѣла: 1) доисторическій періодъ, до прихода финновъ на берега Балтійскаго моря (ок. 500 г. по Р. Х.); 2) жизнь ихъ до начала Русскаго государства; 3) исторію участія финскихъ народностей въ основаніи Руси; 4) періодъ жизни финновъ отъ начала Руси до нѣмецкаго владычества. Работа автора представляетъ компиляцію, основанную преимущественно на трудахъ Томсена, Мюлленгофа, Смирнова, Альквиста, Ундсета, Ворзэ, Гревинка, Шёгрена и др., на толкованіи извѣстій скандинавскихъ сагъ и начальной нашей лѣтописи. Какъ таковая, работа г. Снелль

мана представляетъ мало новаго, и ея достоинства, равно и недостатки должны быть отнесены на счетъ авторовъ, труды которыхъ ему послужили источниками. Мы хотѣли бы только указать на нѣкоторое несоотвѣтствіе между заглавіемъ и содержаніемъ названнаго труда. Имѣя въ виду представить исторію балтійскихъ финновъ въ періодъ ихъ независимости, авторъ останавливается наоборотъ, какъ разъ на эпизодахъ изъ исторіи финновъ, рисующихъ ихъ зависимость сначала отъ готовъ, которыми авторъ населяетъ современныя балтійскія губ. до Чудскаго озера, потомъ отъ викинговъ и затѣмъ отъ русскихъ до прихода нѣмцевъ и шведовъ на восточный берегъ Балтійскаго моря. Причина указаннаго несоотвѣтствія заглавія и содержанія лежитъ какъ въ источникахъ, сообщающихъ свѣдѣнія о финнахъ до XIII в., такъ главнымъ образомъ и въ самомъ ходѣ историческаго развитія балтійскихъ финновъ: если до XIII в. не всѣ балтійскіе финны входили въ составъ того или иного государства, то во всякомъ случаѣ большинство ихъ стояло въ тѣхъ или иныхъ зависимыхъ (временныхъ или постоянныхъ) отношеніяхъ къ своимъ болѣе культурнымъ сосѣдямъ запада и востока. *Н. Х.*

A. Bezzenberger. Das Gräberfeld bei Rominten. Königsberg i. Pr., 1896. Dem Zehnten russischen archäologischen. Congress als Willkommen in Königsberg gewidmet, 8-ка, стр. 22, и три таблицы.

Какъ привѣтъ X русскому Съѣзду при посѣщеніи Кенигсберга, д-ръ Бецценбергеръ издалъ изслѣдованіе о раскопкахъ, произведенныхъ при Роминтенъ (на рѣчкѣ Роминтѣ, впадающей въ Писсу, въ верхнемъ бассейнѣ Прегеля), въ 1895 г., въ присутствіи императора Вильгельма. Находки при этомъ сдѣланы не богатыя, но въ описаніи Б—а, тщательно изученныя и сравненныя съ другими раскопками Вост. Пруссіи, онѣ получаютъ выдающійся интересъ. На картофельномъ полѣ, подъ группами камней, мѣстами сохранившихъ слѣды правильнаго расположенія, оказались погребенія и сожженія. При погребеніяхъ трупъ полагался головой къ сѣверу, прямо въ землю, на глубинѣ 60—70 сант.; у головы ставился одинъ или два глиняныхъ горшка (съ ѣдой?); сверху насыпалась земля и затѣмъ клался помостъ изъ камней; вещи желѣзныя: узкій топоръ, кельтъ, пряжки, иглы и булавки; бронзовая гривна (концы круглой площадкой). При сожженіяхъ, урны съ пепломъ и обожженными костями или совсѣмъ окружались камнями, или только стояли на камнѣ и были прикрыты камнемъ, или ставились просто въ землю, безъ камней; глубина урнъ въ землѣ 13—35 сант.; вещи рѣдко встрѣчались: простой, безъ украшеній, бронзовый узкій браслетъ, бронзовая булавка, съ головкой, расплющенной въ треугольникъ и сверху свитой, съ узоромъ кружками и точками, бронзовая витая проволочка, желѣзная игла и пряжка.

Сравненіе съ другими раскопками въ Вост. Пруссіи, въ которыхъ мѣстами дата опредѣляется фибулами, а особенно замѣчательно тщательное изученіе и сравненіе глиняныхъ сосудовъ (имѣющихъ, какъ замѣчаетъ Б., передъ другими вещами, важное преимущество несомнѣнной принадлежности,

и по происхожденію, къ мѣсту и времени погребенія), приводятъ автора къ такимъ выводамъ:

Могильникъ въ Р.—старше, но немного, III-го столѣтія (на основаніи критеріевъ Тишлера), погребенія и сожженія въ немъ приблизительно одновременны (погребенія нѣсколько старше какъ типъ), относясь къ одному и тому же племени въ переходную эпоху; племя это—прусско-литовское, именно надровцы или судовцы (судины Птоломея), причемъ лично Б. избираетъ послѣднихъ. Дальнѣйшее изученіе родственныхъ находокъ, преимущественно глиняныхъ горшковъ, даетъ выводы: вещи въ Р. относятся къ области культуры Ла Тенъ, и культура ихъ стоитъ въ непосредственной связи съ бронзовымъ вѣкомъ въ Вост. Пруссіи, указывая на непрерывное историческое развитіе и на стойкое, духовно и политически независимое населеніе въ Восточной Пруссіи за тысячелѣтній періодъ, съ 500 лѣтъ до Р. Х. Съ другой стороны, все яснѣе открывающіеся здѣсь слѣды распространенія Ла-Тенъ указываютъ, что В. Пруссія, какъ уже въ каменный вѣкъ, такъ и позднѣе была въ живомъ общеніи съ просвѣщеннымъ югомъ Европы.

Dr. J. Heydeck.—Preussische Armbrustfibeln und ihre römischen Nachbildungen. Dem X russischen archeologischen Congress aus Anlass seines Besuches in Königsberg namens der Alterthumsgesellschaft Prussia gewidmet.—Таблица рисунковъ съ текстомъ (Кенигсбергъ, 1896).

Таблица Хейдека раздѣлена на двѣ части. Въ первой изображены тѣ типы фибулъ самострѣломъ, которые, встрѣчаясь или только на востокъ отъ Вислы или и вообще въ сѣв. Германіи, но больше всего къ востоку отъ Вислы, и не имѣя ничего римскаго въ украшеніи, должны быть признаны, по мнѣнію автора, мѣстнымъ произведеніемъ. Продольная (съ дугообразнымъ выгибомъ) полоса самострѣла вылита отдѣльно отъ поперечной и, снабженная на главномъ концѣ дыркой, надѣта на поперечную полосу, которая служитъ ей шарниромъ; игла составляетъ конецъ спирали (пружины), наверну-

той на поперечную палочку и образующей кромѣ того петлю (дугой или прямоугольно), для коей поперечникъ служитъ хордой. Украшенія состоятъ изъ кружковъ разнаго радіуса [1]) наложенныхъ другъ на друга или на разстояніи, съ орнаментомъ нарѣзами; изъ граненыхъ шишечекъ и поверхностей; изъ 10-ипалой лопасти на концѣ. Эти фибулы употребляются со II по V в., а

[1]) Сравни „ступенчатыя" фибулы Балтійскаго побережья.

въ V в. начинаютъ измѣняться („Das Grabenfeld von Daumen", Prussiabericht, 1895, p. 41).—Во второй части представлены фибулы съ поздне-римскимъ орнаментомъ, встрѣчающіяся большею частью въ римскихъ провинціяхъ по Рейну и Дунаю. У нихъ игла ходитъ на шарнирѣ, пружины нѣтъ, а поперечная перекладина отлита вмѣстѣ съ продольной, представляя такимъ образомъ лишь внѣшнее подражаніе первоначально-варварской фибулѣ. Одна изъ шишечекъ поперечной перекладины служитъ головкой *винта* (для шарнира), а винтъ тогда былъ извѣстенъ только на югѣ. Эта фибула извѣстна съ половины III в.; къ нимъ относятся фибулы изъ гробницы Хильперика V в.— Въ этой же части представлены двѣ фибулы изъ могилъ римскихъ солдатъ германскаго происхожденія (сѣв. Италія и Кельнъ), фибулы изъ Босніи и Герцоговины и оттуда же надгробные римскіе барельефы съ изображеніемъ людей, у которыхъ на правомъ плечѣ плащъ застегнутъ такой фибулой. На этихъ барельефахъ фибула обращена поперечной перекладиной книзу, а конецъ продольной большею частью возвышается надъ плечомъ; складка плаща пропущена подъ выгибомъ продольной полосы. Сообразно съ этимъ положеніемъ фибулъ на барельефахъ, всѣ рисунки г. Хейдека обращены поперечной перекладиной книзу, что, конечно, болѣе правильно, чѣмъ принятый у насъ обратный способъ изображенія. Во всякомъ случаѣ, разъ памятники указываютъ на такое положеніе фибулы,—неудобнымъ становится говорить о плоскомъ концѣ продольной перекладины какъ о „ножкѣ", а термины „Fibel mit oberer Sehne", „Fibel mit unterer Sehne" (Каталогъ Выставки при X Съѣздѣ) лучше передавать выраженіями: (пружинная) „фибула съ хордой" (пружинная) „фибула съ дугой". *С. С.*

Ю. Ю. Трусманъ—Чудскія письмена. Ревель, 1896 г., 8-ка, 23 стр. и три литогр. таблицы.

Г. Трусманъ даетъ чтеніе двухъ доселѣ извѣстныхъ „пермскихъ" надписей, изданныхъ: одна—Фризомъ въ Nova Acta Acad. Petrop., t. XIV, 1790, а другая Шегреномъ (Sjögren's gesamm. Werke I, 406). Это — надписи на иконахъ, найденныхъ въ Вожемскомъ погостѣ, Вологодской губ.: икона посѣщенія Авраама св. Троицей и икона Сошествія св. Духа. Обѣ надписи обширны. Ключемъ къ чтенію ихъ послужили для г. Трусмана начертанія имени Авраама и Сарры надъ изображеніями ихъ и затѣмъ надписи надъ тремя ангелами, которыя Ю. Ю. прочелъ: dzets bus (по-вотяцки — Святый Духъ), en (Богъ) и njunj (Сынъ). Уже въ виду неудовлетворительности копій съ надписей, въ значительной степени стершихся, понадобятся, вѣроятно, поправки отдѣльныхъ мѣстъ въ чтеніи Ю. Ю—ча, который самъ не считаетъ себя достаточно свѣдущимъ въ восточно-чудскихъ нарѣчіяхъ. Но въ общемъ опытъ, очевидно, плодотворенъ. Вторая часть брошюры даетъ указанія для исправленія орхонскаго алфавита, какъ его читаютъ гг. Томсенъ и Радловъ. Нельзя не согласиться, что алфавитъ, принятый пока этими учеными, требуетъ еще переработки, и въ этомъ отношеніи весьма цѣненъ методологическій ха-

рактеръ указаній г. Трусмана. Онъ опредѣляетъ характеръ ряда звуковъ по тѣмъ случаямъ, гдѣ у г. Радлова, для звука тожественнаго, знаки чередуются: случаи варіантовъ и орѳографическихъ отступленій. Къ статьѣ приложены: обѣ надписи (по Фризу и Шегрену) и сравнительная таблица алфавитовъ.

В. Н. Поливановъ. Муранскій могильникъ. М. 1896 г. 8-ка, 42 стр., планъ и 10 фототип. таблицъ.

Одинъ изъ интереснѣйшихъ и богатѣйшихъ могильниковъ восточной Россіи — Муранскій, находится въ Симбирской губ., въ 25 в. отъ г. Сызрани, на р. Усѣ. Какъ и большинство подобныхъ ему остатковъ старины и этотъ могильникъ постоянно подвергался систематическому разграбленію, пока на него не обратилъ вниманія симбирскій помѣщикъ, любитель археологіи, нынѣ предсѣдатель Симбирской Ученой Архивной Коммиссіи, В. Н. Поливановъ, и не предпринялъ, при содѣйствіи Императорской Археологической Коммиссіи, систематическаго его изслѣдованія. Уже первые результаты раскопокъ оказались чрезвычайно важными и интересными въ научномъ отношеніи и въ 1890 и 1896 гг. на выставкахъ Московскаго и Рижскаго Съѣздовъ обратили на себя всеобщее вниманіе. Дальнѣйшія же раскопки еще болѣе усилили значеніе этого могильника. Всего, по настоящее время, раскопано въ Муранкѣ 377 могилъ, давшихъ различныхъ предметовъ свыше 1,400 экз. Первое сообщеніе объ Муранскомъ могильникѣ было сдѣлано г. Поливановымъ на VIII Съѣздѣ; затѣмъ, французскій археологъ, баронъ Ж. де-Бай, помѣстилъ въ томъ же 1890 г. въ „Revue Archéologique“ особую статью, посвященную могильнику, подъ названіемъ „La Nécropole de Mouranka“. Спустя 3 года, г. Поливановъ напечаталъ небольшое о томъ же сообщеніе въ „Извѣстіяхъ“ Казанскаго Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи и наконецъ въ нынѣшнемъ году издалъ трудъ, названный выше и содержащій въ себѣ обстоятельный отчетъ объ изслѣдованіи могильника. Отчетъ этотъ составленъ чрезвычайно тщательно и интересно; результаты сгруппированы по характеру найденныхъ вещей; случайныя находки отдѣлены отъ данныхъ раскопокъ и, въ заключеніе, сдѣланы нѣкоторые очень осторожные выводы. Сопоставляя находки другихъ, по характеру подходящихъ къ Муранскому, могильниковъ и изучивъ мнѣнія и взгляды ученыхъ какъ о тѣхъ, такъ и о Муранкѣ, авторъ высказываетъ предположеніе, что Муранскій могильникъ можно считать памятникомъ финской народности, и именно буртасо-чувашскимъ, причемъ древнѣйшія его вещи онъ относитъ къ XI—XII ст.

Издана книга изящно, а приложенныя къ ней 10 прекрасныхъ фототипическихъ таблицъ съ изображеніями наиболѣе интересныхъ и характерныхъ вещей и тщательно составленный планъ раскопокъ вызываютъ искреннюю благодарность В. Н. Поливанову. Появленіе подобныхъ работъ, съ такимъ осторожнымъ отношеніемъ къ выводамъ и тщательной критикой чужихъ мнѣній не можетъ не быть крайне желательнымъ. *В.—ій.*

Алексѣй Канавинъ. Рижская Троице-Задвинская церковь. Историческій очеркъ. Рига 1896 г. Половинная 4-ка, стр. 4+88.

Историческій очеркъ г. Канавина былъ первоначально напечатанъ въ газетѣ „Рижскій Вѣстникъ" за 1893 г.; въ настоящемъ же изданіи онъ является дополненнымъ новыми данными. Въ первой главѣ авторъ на основаніи, главнымъ образомъ, сочиненія В. Гутцейта „Die griechisch-kathol. Kirchen Riga's" разсказываетъ о православныхъ церквахъ, послѣдовательно существовавшихъ въ Ригѣ въ XVI, XVII и началѣ XVIII вѣковъ. При составленіи же исторіи и описанія Троице-Задвинской церкви онъ пользовался документами архивовъ епархіальнаго и церковнаго и церковною лѣтописью, написанной въ недавнее время. Троицкая церковь является преемницей тѣхъ церквей, которыя существовали въ Ригѣ въ XVI—XVII в. Хотя еще въ концѣ XVI в. городъ отнялъ церковь у православныхъ, но православное богослуженіе въ Ригѣ никогда не прекращалось: каждое лѣто по Двинѣ приплывали сюда струговщики, и пріѣзжавшіе съ ними іеромонахи изъ бѣлорусскихъ монастырей совершали богослуженіе въ палаткѣ съ антиминсомъ въ честь Св. Троицы. Впослѣдствіи явилась на правомъ берегу Двины и деревянная церковь Св. Троицы, снесенная въ 1770-хъ годахъ; взамѣнъ же въ 1781 году была освящена новая церковь во имя Св. Троицы на лѣвомъ берегу Двины, почему она получила прозваніе Задвинской. Авторъ, на основаніи надписи на верхней доскѣ престола, исправляетъ Гутцейта и другихъ лицъ, утверждавшихъ, что освященіе церкви происходило въ 1780 году.

Планъ старой церкви—въ $30^1/_4 \times 12^1/_2$ арш.; пятигранный алтарь и притворъ (послѣдній подъ колокольней) составляютъ отдѣльныя, пониженныя пристройки; построена церковь изъ обнесенныхъ и обструганныхъ съ обѣихъ сторонъ сосновыхъ брусьевъ, безъ обшивки; подъ крышей карнизъ; церковь въ два свѣта, при чемъ верхнія окна—горизонтальными овалами, а нижнія—большія съ полукруглымъ свѣтомъ; колокольня съ высокимъ шпилемъ; передъ алтаремъ шестигранная главка.

Внутри церкви одинъ алтарь за трехъярусным деревяннымъ иконостасомъ съ золочеными колоннами, рѣзными головками херувимовъ и ангелами надъ царскими вратами; южныхъ вратъ въ иконостасѣ нѣтъ. Сохранилось много книгъ прошлаго вѣка и въ томъ числѣ: Типиконъ 1713 г., Апостолъ 1759 г. съ надписью по листамъ: „Троицы побережной рижской купеческой"; та же надпись, съ дополненіемъ въ началѣ: „Пресвятыя" есть на Тріоди постной (1782 г.?); четыре книги изданы въ 1761—62 гг., и изъ нихъ на напрестольномъ Евангеліи надпись о доставленіи его въ церковь Троицы въ 1764 г.; затѣмъ рядъ книгъ изданъ въ 1777—82 гг., другой въ 1794—1798 гг. Такъ намѣчаются, повидимому, три послѣдовательныя обновленія церкви книгами.

По непонятной причинѣ церковь, весьма еще твердая и хорошо сохранившаяся, была упразднена и замѣнена новою постройкою въ полъ-верстѣ отъ старой. Упраздненная церковь, за которую ратуютъ всѣ прихожане, была

осмотрѣна членами Рижскаго Арх. Съѣзда, при чемъ по ходатайству предсѣдателя Имп. Моск. Арх. Общества Рижская Дух. Консисторія выдала одной изъ прихожанокъ, Л. В. Зенченко, книгу на сборъ подаяній для возстановленія древней святыни.

Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Россійскихъ при Моск. Унив., 1896 г., кн. 4 (169-ая), издана подъ завѣдываніемъ Е. В. Барсова.

Новая книга „Чтеній" содержитъ въ себѣ: 1) Историческіе матеріалы о церквахъ и селахъ XVI — XVIII ст.; сообщены В. и Г. Холмогоровыми; вып. 9-й, Волоколамская десятина, I—VI+1—94 (приведены архивныя свѣдѣнія о 47 церквахъ, 3 монастыряхъ и 25 церковныхъ мѣстахъ; въ приложеніи—сотная 1544 года). 2) Путешествіе антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII в., описанное его сыномъ архидіакономъ Павломъ Алепскимъ. Переводъ съ арабскаго проф. Г. А. Муркоса (по рукописи Моск. Главн. Архива Мин. Ин. Дѣлъ), вып. 1-й: отъ Алеппо до земли казаковъ; I—IX+1—156. 3) Сильвестръ Медвѣдевъ, А. Прозоровскаго (окончаніе): приложенія изъ 2-й части изслѣдованія 379—606 (о фамиліи „Медвѣдевъ"; С. Медвѣдева—Врученіе привиллегіи на Академію, Епитафія С. Полоцкому, Оглавленіе книгъ, Хлѣбъ животный, Праведный отвѣтъ, Манна; Евфимія — Показаніе и Опроверженіе; Лихудовъ — Акосъ; Аѳанасія — Неистовнобреханіе; Указатель личныхъ именъ). 4) Смѣсь, 1—8 (сообщено С. А. Бѣлокуровымъ): Лѣтописныя замѣтки за 7030—7132 года (съ 13-й замѣтки; на 5-и столбцахъ, съ надписями на 4 ст. на оборотѣ: „справил Сенка Борисовъ, справил Семенъ Григорьевичь Борисов, справил Івашка Яковлевъ" (послѣднее 5 разъ); О Записномъ Приказѣ (записывати степени и грани царственныя) 1656 г.; Тайное письмо Аѳанасія Ордына-Нащокина царю Алексѣю, 1656 г.; Царская грамота воеводамъ въ Смоленскъ о сыскѣ двухъ бѣглыхъ поляковъ, 1658. 5) Протоколы засѣданій Общества за 1895 г., 1—46 изложено содержаніе докладовъ: Е. В. Барсова—Историческій очеркъ догмы о моленіи царстѣмъ въ безпоповщинѣ, періодъ 2-й, конецъ XVII и первая половина XVIII в., С. А. Бѣлокурова—О библіотекѣ и архивѣ царя Ивана IV; В. О. Ключевскаго—Рѣчь при открытіи засѣданія въ память П. І. Шафарика; П. А. Лаврова — О найденныхъ имъ произведеніяхъ валашскаго воеводы Нѣгоя (съ отрывками текста); М. К. Любавскаго — О малороссійскомъ казачествѣ, по поводу сочиненія г. Каманина; С. М. Сироткина—Новые документы по исторіи брачнаго права на Руси за XVII—XVIII вв.; М. Н. Сперанскаго — О сношеніяхъ Шафарика съ Востоковымъ, Погодинымъ, Бодянскимъ, Григоровичемъ и Прейсомъ; А. С. Хаханова — О грузинскомъ поэтѣ XII в. Шота-Руставели и его поэмѣ Барсовой кожѣ; В. О. Эйнгорна — Объ А. Л. Ординѣ-Нащокинѣ и его сынѣ Воинѣ (съ конца 1660-хъ годовъ).

Свящ. Сергій Страховъ.—Московская Воскресенская, что въ Кадашевѣ церковь въ ея настоящемъ видѣ. Общій очеркъ ея двухсотлѣтней (1695—1895 г.) исторіи.—Москва 1895 г., 8-ка 19 стр.

Намъ давно не случалось читать описанія старинной церкви съ такимъ отсутствіемъ разочарованія, съ такимъ живымъ удовольствіемъ: ибо давно не случалось встрѣтить труда, составленнаго съ такой любовью и съ пониманіемъ того, что требуется отъ подобнаго изслѣдованія, съ такой строгой точностью, тщательной подготовкой матеріала и обстоятельной полнотой,—какъ въ этой маленькой книжкѣ. Вмѣсто того, чтобъ разводить водой скудный матеріалъ, повторять вещи давно извѣстныя, мало интересныя или сомнительныя, авторъ внимательно и умно вглядѣлся въ свой древній храмъ, вчитался въ архивъ его, прислушался къ его преданіямъ, — и тщательно извлекъ изъ этихъ сокровищницъ, драгоцѣнную черту за чертой, соединивъ всѣ ихъ затѣмъ въ стройное, выработанное цѣлое и освѣтивъ дополнительными справками, осмысленными, а не случайными, изъ путеводителей по Москвѣ прошлаго вѣка, изъ трудовъ: Мартынова и Снегирева, Филимонова, Забѣлина, Павлинова, Розанова. У автора—хорошая школа, а съ нею не страшны, и тѣ пробѣлы, которые чувствуются пока въ его археологической подготовкѣ,—какъ слабое знакомство со старинной иконописью и съ живущими доселѣ традиціями ея; въ Москвѣ, гдѣ не мало превосходныхъ собраній древнихъ иконъ (въ церквахъ и молельняхъ, въ Историческомъ Музеѣ, у частныхъ лицъ), гдѣ живы пятисотлѣтнія преданія иконописанія и пониманія его, гдѣ легко доступна литература предмета, пробѣлъ этотъ для серіозной любознательности не долженъ оставаться не восполненнымъ. Приведемъ наиболѣе яркій примѣръ: икону Іоанна Крестителя съ чашей, гдѣ покоится Младенецъ Христосъ, авторъ, не только непримѣнимо въ подробностяхъ, но и совершенно невѣрно объясняетъ „символическимъ указаніемъ на то, что на иконѣ изображенъ *Креститель Христовъ*". Значеніе этой иконы въ живой традиціи обще-извѣстно доселѣ вездѣ, гдѣ сохраняется традиція нашей церковной старины: икона указываетъ на слова Предтечи: „Се Агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра", и Младенецъ Христосъ на ней—евхаристичный Агнецъ,—способъ изображенія, стоящій въ глубокой связи съ иконописнымъ преданіемъ Востока (изображеніе души въ видѣ младенца, отстраненіе изображенія Агнца въ видѣ животнаго, мистическій, а не историческій смыслъ всей иконы—на что указываютъ и крилѣ Предтечи, „Ангела" посланнаго уготовать путь Спасителю). Мы рады возможности указать о. Страхову на статью Ѳ. И. Буслаева въ трудахъ I Археологическаго Съѣзда (стр. 848—852): „Для иконографіи души", и вообще на Труды Археол. Съѣздовъ (особенно обоихъ Московскихъ, Петербургскаго, Кіевскаго и Ярославскаго), на 15 томовъ „Древностей" Моск. Археол. Общ., на обширные Труды Русск. Археол. Общ. (начиная съ извѣстной работы Ровинскаго по русской иконографіи, въ 1856 г.): во всѣхъ этихъ изданіяхъ онъ найдетъ богатый матеріалъ. Насъ удивило также и то, что на икону изъ собранія

Моск. Археол. Общ. о. Страховъ ссылается по газетной замѣткѣ: помѣщеніе Общества открыто всѣмъ во время засѣданій, а Историческій Музей, куда постепенно поступаютъ собранія Общества, и того болѣе, ибо даже залы закрытыя пока для публики, всегда доступны для ученаго изслѣдователя.

Церковь Воскресенія въ Кадашевѣ построена въ 1687—95 гг. и стройная и высокая, со своими двумя ярусами, съ легкой изящной колокольней, принадлежитъ къ красивѣйшимъ въ Москвѣ. Въ народѣ колокольню ея звали „свѣчею"; Баженовъ отмѣчалъ „пріятство церкви Воскресенья съ ея легкой колокольней"; митроп. Филаретъ, викарій Леонидъ особенно любовались ею. (Для характеристики художественнаго чувства въ еп. Леонидѣ, авторъ приводитъ въ сноскѣ слова письма его изъ Ярославля: „Я радъ видѣть церкви столь прекрасныя, что можно полюбить зданіе какъ живое существо". Мы мысленно примѣнили эти слова къ самому о. Страхову, прочитавъ у него слѣдующую превосходную характеристику впечатлѣнія, производимаго церковью Воскресенія: „Дѣйствительно—она красива и вблизи, и издали. Издали по стройности и легкости она представляется какъ бы *летящею къ небу* въ сравненіи напр. съ величественною, но болѣе тяжелою Климентовскою, что на Пятницкой, церковью"). Внутри церкви красу ея составляетъ иконостасъ и иконы иконостаса и трапезы въ верхней церкви. Такихъ иконостасовъ всего два въ Москвѣ (другой—въ Космодаміанской, въ Кадашевѣ же, церкви): *всѣ* 52 столба его шестиярусной высоты—изъ сквозной рѣзбы, представляющей виноградную лозу. Нерѣзныя части иконостаса были выкрашены въ старину въ лазурь (рѣзба—въ позолотѣ). Иконы писаны царскими изографами: однимъ изъ лучшихъ учениковъ Симона Ушакова, „жалованнымъ мастеромъ" Петромъ Ѳеодоровымъ Билиндинымъ (лѣтописи на иконахъ Воскр. церкви впервые сообщили фамилію его; на одной есть и годъ 1690), Петромъ Бѣляевымъ, Николаемъ Соломоновымъ, („Вургаровымъ" добавляетъ лѣтопись на иконѣ) и Петромъ Коробовымъ. Объ этихъ прекрасныхъ иконахъ, „достойныхъ особаго описанія", авторъ пока даетъ краткія и нѣсколько диллетантскія указанія, замѣчая между прочимъ: „отъ лика Іоанна Богослова не хочется оторвать глазъ". Кромѣ иконъ, современны началу храму три панникадила передъ иконостасомъ („Leonhard Gerstner 1690") и нѣсколько священныхъ книгъ. Интересенъ и отличный колоколъ, литый Константиномъ Слизовымъ (1750 г.).

Въ книжкѣ интересно и документально излагается исторія храма, для которой рѣдкая тщательность автора съумѣла собрать и дѣльный, и богатый матеріалъ. Мы видимъ въ этомъ изложеніи примѣры тому, какъ трудно отстоять старину, и какъ приходится испытывать это и прихожанамъ, и священнику. Въ 1802 г. уничтоженъ ходъ за верхнимъ алтаремъ (и слѣдовательно круговой обходъ церкви сталъ невозможенъ), а одна изъ лѣстницъ ведшихъ въ эту церковь замѣнена двухярусной папертью, несмотря на протестъ прихожанина архитектора Залусскаго противъ искаженія „прежняго по наружности великолѣпнаго вида". Въ 1860 г. расширена нижняя церковь,

и при этомъ, къ горю настоятеля, о. І. С. Маргаритова, уничтожена вся боковая, подъ навѣсомъ, галлерея вокругъ верхней церкви (вродѣ той, что въ Николо-Столповской церкви въ Москвѣ)—одна изъ характерныхъ особенностей XVII вѣка. Въ числѣ древнихъ иконъ церкви была икона Распятія съ двумя предстоящими и съ изображеніемъ 7 таинствъ въ кругахъ (нѣкоторыя въ двухъ кругахъ; таинство покаяніе—и раскаяніе ап. Петра, причащеніе—и Тайняя Вечеря, крещеніе—и Крещеніе Господне). „Весьма сожалѣемъ, говоритъ авторъ, что не успѣли въ свое время выполнить свое намѣреніе подробно описать этотъ образъ...: образъ этотъ неожиданно для насъ былъ переписанъ въ 1887 г. и прежняя достопримѣчательность превратилась въ самый обыкновенный образъ Распятія Господня съ 4 (вмѣсто прежнихъ двухъ) предстоящими".

Матеріалы по археологіи Кавказа, собранные экспедиціями Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, снаряженными на Высочайше дарованныя средства.—Выпускъ V, подъ редакціей графини Уваровой, Москва, 1896 г.: клинообразныя надписи Закавказья, изслѣдованіе М. В. Никольскаго.— 4-ка, стр. 3+133+4, таблицъ 33.

Пятый выпускъ „Матеріаловъ по археологіи Кавказа" является *отчетомъ* со стороны М. В. Никольскаго о результатахъ поѣздки его и А. А. Ивановскаго, по порученію Общества, на Кавказъ въ 1893 г.; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ представляетъ собою полное пока *собраніе* закавказскихъ клинообразныхъ надписей, ибо тутъ изданы не только надписи вновь найденныя или исправленныя въ чтеніи по подлинникамъ, но для полноты и всѣ остальныя, тѣмъ болѣе, что нынѣ, послѣ общаго изслѣдованія на мѣстѣ, онѣ выступаютъ въ новомъ свѣтѣ. Въ книгѣ надписи сгруппированы по мѣстностямъ, въ послѣдовательности группъ, опредѣляемой географическими и историческими соображеніями; дается введеніе къ каждой группѣ, фотографіи всѣхъ надписей, текстъ ихъ, транскрипція, переводъ и комментарій.

Для „Археол. Зам." мы извлечемъ здѣсь замѣчанія М. В-ча объ Армавирѣ. Раскопками, которыя произвели на Армавирскомъ холмѣ графъ и графиня Уваровы въ 1881 г., установлено, что остатки армянскаго поселенія на холмѣ относятся не далѣе какъ къ IV вѣку по Р. Х., и что тутъ нѣтъ возможности предполагать того Армавира, о которомъ говоритъ Моисей Хоренскій, 1, 12: Армавиръ, какъ первая армянская столица, основанная за 2000 лѣтъ до Р. Х. и просуществовавшая втеченіе долгихъ вѣковъ—долженъ быть отнесенъ къ области миѳовъ. Но нынѣ, когда у насъ имѣется 11 надписей съ холма и изъ его окрестностей, выясняется, что легенда имѣла нѣкоторое основаніе—въ до-армянскихъ судьбахъ мѣстности. Въ доказательствахъ, приводимыхъ М. В-чемъ тому, что древнѣйшія развалины на холмѣ относятся къ урартскому періоду, особенно интересно указаніе на способъ обдѣлки камней для построекъ: изъ сравненія матеріала и обдѣлки камней, имѣющихъ клинообразныя надписи съ остальными камнями построекъ

выясняется, что то и другое одинаковы: „камни съ надписями были обдѣлываемы въ ту характеристическую кубическую форму, какую имѣютъ всѣ архитектурные камни Армавира, еще до высѣканія на нихъ надписей. Отдѣлка камней въ четыреугольныя плиты съ возвышеніемъ на лицевой сторонѣ вродѣ bossage'а съ полоскою вдоль краевъ камня была характеристическою особенностью" урартскаго искусства IX и VIII в. до Р. Х., какъ и довольно глубокія круглыя выбоины на одной изъ сторонъ камня (для скрѣпленія камней): всѣ эти особенности являются одинаково на камняхъ безъ надписи и на камняхъ съ надписью, такъ какъ эти послѣдніе, безъ всякаго сомнѣнія вдѣлывались въ стѣны, наряду съ первыми (стр. 37).

„Камни съ клинообразными надписями, найденные въ Армавирѣ и его окрестностяхъ, архитектурнаго происхожденія, были частями построекъ, за исключеніемъ надписи вблизи Каракала, высѣченной на скалѣ. Подобные камни весьма удобны для переноски, и, насколько можно судить, большая часть найденныхъ камней съ надписями послужила матеріаломъ для позднѣйшихъ построекъ. Они представляютъ квадратныя плиты изъ темно-синеватой базальтовой лавы и обдѣланы вполнѣ одинаково съ остальными камнями, употреблявшимися для облицовки стѣнъ зданія. Нѣкоторые имѣютъ почти правильную кубическую форму около аршина по сторонамъ, но большею частью продолговатые, около аршина ширины и высоты и до двухъ аршинъ длины".

„На самомъ холмѣ и его окрестностяхъ осталось уже небольшое число подобныхъ камней, но о громадной массѣ ихъ можно судить по тому обширному хищенію, какому они подвергались и подвергаются до сего времени", Въ селеніяхъ ближайшихъ къ холму они—на каждомъ шагу: какъ фундаментъ для глинобитныхъ стѣнъ, лавки у воротъ для сидѣнья, украшенье вдѣланное въ стѣну: въ Сардарабадѣ, былой резиденціи сардаря эриванскаго, стѣны главныхъ воротъ выложены сплошь армавирскими камнями; даже въ сравнительно отдаленномъ Вагаршапатѣ ими выложены канавы и мосты по улицамъ селенія; мѣстный уѣздный начальникъ и старожилъ разсказывалъ о колоссальномъ хищеніи строительнаго матеріала съ армавирскаго холма въ его время (стр. 39—40).

На холмѣ и въ ближайшемъ съ нимъ сосѣдствѣ найдено доселѣ 12 надписей ванскихъ царей VIII и VII вѣка до Р. Х.: Аргишти I, Сардури II и Русы II. Городъ называется въ нихъ: Argištihinili, т. е. „городъ Аргишти"—потому (какъ позволяетъ заключить одна изъ надписей), что городъ этотъ былъ возстановленъ царемъ Аргишти. Въ виду того, что холмъ и доселѣ называется Армавиромъ, и что въ Арменіи еще въ I в. по Р. Х. существовалъ древній городъ съ этимъ именемъ (у Моисея Хоренскаго II, 39 подъ 79 г. по Р. Х. перенесеніе столицы изъ Армавира),—можно отожествить Argištihinili съ урартскимъ городомъ, упоминаемымъ въ надписяхъ Салманасара II ассирійскаго (860—825)—Aramali, т. е. „городъ (современнаго могущественнаго царя урартскаго) Араме" (стр. 31 и 38).

Труды Московскаго Предварительнаго Комитета X Археологическаго Съѣзда въ г. Ригѣ. Вып. II. Подъ редакціей графини Уваровой. М. 1896 г., 4°, 283 стр.

Гансенъ — Свѣдѣнія о Ревельскомъ Городскомъ Архивѣ (1 — 3); бар. Жираръ фонъ Сукантонъ (голова Б. Гильдіи) — Свѣдѣнія объ Архивѣ Ревельской Большой Гильдіи (4); Флорель (старшина Черноголовыхъ) — Свѣдѣнія объ Архивѣ Черноголовыхъ въ Ревелѣ (5); Сизовъ, В. И.—Предварительный отчетъ о поѣздкѣ съ цѣлью археологическихъ изслѣдованій въ Курляндскую губ. лѣтомъ 1895 г. (6—18); бар. Р. Р. Штакельбергъ и С. К. Богоявленскій — Отчетъ объ археологической экспедиціи лѣтомъ 1895 г (19 – 35); Покровскій, Ѳ. М.—Отчетъ о раскопкахъ 1895 г. (36—37); Выборка изъ свѣдѣній, доставленныхъ православнымъ духовенствомъ, по распоряженію высокопреосв. Арсенія, архіепископа Рижскаго (39 — 210); von Howen—Ausgrabungen in Fäht (211—213). Военскій, К. А.—Курляндія и ея прошлое (214—223); Ѳ. Шиманъ, перевелъ и дополнилъ К. А. Военскій — Систематическая роспись актамъ и документамъ Курляндскаго Герцогскаго Архива въ Митавѣ (224—283).

IX

Некрологъ.

Въ послѣдніе мѣсяцы этого года смерть унесла одного за другимъ нѣсколькихъ изъ старѣйшихъ членовъ Моск. Археол. Общества, нѣсколькихъ изъ тѣхъ, кто считались среди насъ сердечными хранителями преданій первыхъ лѣтъ Общества.

Въ октябрѣ скончался Савва, архіеп. Тверской, въ октябрѣ—о. Павелъ Гавріиловичъ Лебединцевъ и Иванъ Александровичъ Голышевъ. О высокопреосвященномъ Саввѣ и другомъ утраченномъ нами, глубоко чтимомъ сочленѣ, А. И. Павинскомъ говорилось выше, въ отчетѣ о засѣданіи Общества 20 ноября. Здѣсь скажемъ лишь нѣсколько словъ о двухъ новыхъ нашихъ потеряхъ.

† **О. Павелъ Гавріиловичъ Лебединцевъ**, — былъ двадцать восемь лѣтъ настоятелемъ Кіево-Софійскаго собора, и имя его знала вся просвѣщенная Россія. Онъ стоялъ въ первомъ ряду русскаго духовенства не только по своему служебному положенію, но по высокому образованію и научнымъ трудамъ, черты, которыя притомъ согрѣвались рѣдкой теплотой отзывчиваго сердца и озарялись искренней, глубокой простотою.—Покойнымъ издано множество матеріаловъ по исто-

ріи юго-западнаго края, извлеченныхъ изъ архивовъ петербургскихъ, кіевскихъ и малороссійскихъ; онъ участвовалъ въ трудахъ Кіевской Археологической Коммиссіи, 15 лѣтъ редактировалъ Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости, печаталъ свои статьи и замѣтки во многихъ ученыхъ изданіяхъ. Церковной археологіей и исторіей, особенно южнорусской церкви онъ интересовался живо и обладалъ значительными познаніями въ этихъ областяхъ. Библіотека его обширна и весьма цѣнна въ научномъ отношеніи. Членомъ Моск. Археол. Общ. покойный состоялъ съ 12 октября 1865 г., и добрыя связи между нимъ и обществомъ сохранялись съ тѣхъ поръ непрерывно. Ближайшимъ предметомъ археологическаго изученія для о. П. Г. явился, конечно, Софійскій соборъ, который при немъ былъ и реставрированъ (см. докладъ его на Кіевскомъ Археологическомъ Съѣздѣ 1875 г.; сравни докладъ на Одесскомъ Съѣздѣ 1881 г. объ иконахъ Софіи Премудрости Божіей: въ Новгородѣ и въ Кіевѣ). Обширное знакомство о. Л. съ церковнымъ прошломъ края не разъ оказывало услугу Обществу. Такъ и въ послѣдній годъ, когда поднялся вопросъ объ уничтоженіи древней стѣнописи въ Кіевской Лаврѣ, о. Л. снабдилъ насъ исторической справкой по сему предмету, коимъ ему приходилось уже спеціально заниматься.

† **Иванъ Александровичъ Голышевъ** былъ примѣромъ человѣка, который, выйдя изъ народа, сохранилъ, поддержанный дѣятелями Московскаго Археологическаго Общества, драгоцѣнное свойство народа: любовь къ родному преданью, любовь къ нашей старинѣ и пониманіе ея; человѣка, который не получивъ и средняго образованія, оказывалъ большія услуги русской археологіи, былъ истиннымъ любителемъ ея, а въ отдѣльныхъ отрасляхъ и отличнымъ знатокомъ (такъ въ техникѣ древне-русской иконописи, письма и литографіи онъ обладалъ свѣдѣніями, какія трудно встрѣтить въ средѣ ученыхъ археологовъ).

И. А., сынъ крѣпостнаго крестьянина, родился въ с. Мстерѣ въ 1838 г.; научившись грамотѣ въ мѣстной приходской школѣ, онъ отданъ былъ отцомъ въ Москву въ ученье къ литографу (дѣтство и юность свою И. А. описалъ въ „Русской Старинѣ“, 1879 г.); съ 1858 г. онъ заводитъ въ Мстерѣ литографію для изданія лубочныхъ картинъ и съ тѣхъ поръ неизмѣнно живетъ въ родномъ селѣ, все расширяя и разнообразя свое дѣло и сохраняя до кончины наслѣдственное званіе крестьянина. Издатель народныхъ листовъ и книгъ, торговецъ ими, иконописецъ, И. А дѣлалъ свое дѣло съ любовью: бе-

режно повторялъ излюбленные народомъ листы „Ерша Щетинникова“, „Погребенія Кота“, „Аники--воина“, вводилъ въ употребленіе листы съ рисунками къ Кольцову, Пушкину, Крылову; больше всего распространялъ книги духовныя, вообще назидательныя; въ иконописи съ благоговѣйной любовью продолжалъ работу древнихъ писемъ и любилъ, и умѣлъ составлять иконы „на случаи“: на событія въ государственной жизни Россіи или на событія лично ему близкія (такова икона на 25-лѣтіе Моск. Археол. Общ.). Въ началѣ 60-хъ годовъ И. А. сошелся съ К. И. Тихонравовымъ и съ графомъ А. С. Уваровымъ, — и та любовь къ родной старинѣ, которая жила въ сердцѣ юноши, загорѣлась въ немъ яркимъ сознательнымъ пламенемъ. Съ тѣхъ поръ И. А. отдался археологіи, изучая преимущественно русскую церковную, бытовую, письменную, художественную старину. Уже въ 1861 г. онъ былъ избранъ въ члены Владимірскаго Статистическаго Комитета; съ основаніемъ Моск. Археол. Общ., И. А. одинъ изъ первыхъ откликнулся на призывъ его, прославъ въ Общество рядъ докладовъ о Владимірской старинѣ [1]). За 35 лѣтъ дѣятельности имъ сообщено съ тѣхъ поръ въ разныя Общества и изданія свыше 500 статей и замѣтокъ по археологіи, этнографіи, иконографіи, обнародовано много актовъ, грамотъ, старинныхъ записей и т. д., издано 9 археологическихъ альбомовъ, нѣсколько книгъ и брошюръ (*„Древности Богоявленской церкви села Мстеры*, 1870 г., съ 20 рисунками; *Атласъ рисунковъ старинныхъ пряничнихъ досокъ*, 1874 г., 20 табл.; *Памятники старинной русской рѣзьбы по дереву*, 1877 г., 20 табл.; *Памятники деревянныхъ церковныхъ сооруженій во Владимірской губерніи*, 1879 г., 21 табл.; *Альбомъ русскихъ древностей Владимірской губерніи*, 1881 г. 40 табл.; *Памятники русской старины Владим. губ.*, 1883 г. 20 табл. *Альбомъ рисунковъ рукописей синодиковъ* XVII вѣка, 1885 г., 80 табл.; *Мѣсто упокоенія князя Пожаркаго*, 1885 г. т. д.). Послѣднее время И. А. кончалъ изданіе альбома: „Рукописная повѣсть о видѣніи Косьмы игумена, 1688 г.“

И. А. не мнилъ и не представлялъ себя ученымъ, а самъ признательно чтилъ труды другихъ, особенно тѣхъ, кто занимался и интересовался его родной владимірской областью (такъ, упомянемъ докладъ его въ М. А. О., посвященный „памяти старѣйшаго члена Владим. Стат. Ком. Лядова, всѣмъ владимірскимъ дѣятелямъ по изученію родного края“). Онъ охотно и щедро отдавалъ и свой матеріалъ, и собранныя имъ отовсюду и лично, и черезъ книгоношъ-офеней памятники: старинныя

[1]) Одной изъ первыхъ его статей были: „Древности Вязниковскаго уѣзда“ и „Иконописцы XVII столѣтія въ с. Мстерѣ Вязниковскаго уѣзда“.

рукописи, книги, гравюры, лубочныя картинки, бытовыя вещи, уборы и т. д.: имъ пожертвовано въ наши музеи нѣсколько сотенъ старинныхъ русскихъ вещей.

И. А—чъ былъ избранъ въ члены-корреспонденты Моск. Арх. Общества въ 1866 году, въ дѣйствительные члены въ 1883 году. Онъ состоялъ членомъ большинства русскихъ историческихъ Обществъ и учрежденій и дважды за его труды присуждены были медали Императорскимъ Русскимъ Археологическимъ Обществомъ. Въ Бозѣ почившіе Государи: Александръ Николаевичъ и Александръ Александровичъ, нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ и члены Царской Семьи много разъ являли И. А—чу знаки благоволенія.

Для И. А—ча старина не умирала, прошлое и настоящее составляли одно неразрывное цѣлое. Отдаваясь съ увлеченіемъ занятіямъ стариною и въ то же время заботясь объ улучшеніи быта людей, зависѣвшихъ отъ него, о распространіи просвѣщенія на своей родинѣ, тепло любя ее и въ настоящемъ, и въ прошломъ, И. А. былъ русскимъ, самоучкой пробившимся къ свѣту, человѣкомъ, свято сохранившимъ живую связь съ родной землей.

Печатано по опредѣленію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, на основаніи § 56 его Устава

Предсѣдатель *Графиня Уварова.*

Въ Императорскомъ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ находятся въ продажѣ слѣд. изданія:

Изданія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, Рекомендованы Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Описаніе Кіева. Соч. Закревскаго. Два тома и атласъ. 1868 г. Ц. 7 р.

Труды I-го Археологич. Съѣзда въ Москвѣ. Два тома и атласъ. 1871 г. Ц. 25 р.

Труды III-го Археологич. Съѣзда въ Кіевѣ. Два тома и атласъ. 1878 г. Ц. 10 р.

Труды V-го Археологич. Съѣзда въ Тифлисѣ. Два тома. Ц. 15 р.

Труды VII-го Археологич. Съѣзда въ Ярославлѣ. Томъ I, II и III по 5 р.

Труды VIII-го Археологич. Съѣзда въ Москвѣ. Томъ I. Ц. 10 р.; томъ II. Цѣна 8 р.

Труды IX Археологич. Съѣзда въ Вильнѣ. Томъ I. Ц. 8 р.

Труды Моск. Предв. Комм. X Археол. Съѣзда въ Ригѣ, вып. 1, Ц. 1 р. 50 к.; вып. 2.

Матеріалы по археологіи Кавказа; вып. 1, 2 и 3-й. Кажд. вып. по 6 р.

Тоже, вып. 4-й, М. 1894, Ц. 8 р. 50 к.

Тоже, вып. 5-й, 1896 г.

Матеріалы по археологіи восточныхъ губерній. Вып. 1. Ц. 3 р.

Древности. Труды Московскаго Археологическаго Общества:

Томъ I, два выпуска. 1865—67 г., ц. 6 р.
„ II, три выпуска. 1869—70 г., ц. 6 р.
„ III, три выпуска. 1870, 73 гг. Ц. 6 р.
Томъ IV, три выпуска. 1874 г. Ц. 8 р.
„ V, 1885 г. Ц. 6 р.
„ VI, три выпуска. 1875—76 г. Ц. 6 р.
„ VII, три выпуска. 1877—79 г. Ц. 8 р.
„ VIII, 1880 г. Ц. 8 р.
Приложеніе къ VIII тому:
Пятый Археологич. Съѣздъ. Труды предварител. Комитета, 1882 г. Ц. 6 р.
Томъ IX, три выпуска. 1882—83 г., ц. 8 р.
„ X, 1885 г. Ц. 8 р.
„ XI, три выпуска. 1886—87 г. Ц. 8 р.
„ XII, два выпуска. 1888 г. Ц. 8 р.
„ XIII, два выпуска. 1889—90 г. Ц. 8 р.
„ XIV, 1890 г. Ц. 7 р.
„ XV, два выпуска. 1894 г. Ц. 8 р.

Древности Восточныя. Труды Восточ. Комм. Т. I, три выпуска по 4 р.
Т. II, вып. I. Ц. 4 р.

Древности. Труды Славянской Коммиссіи. Вып. I. Ц. 4 р. 50 к.

Незабвенной памяти Графа А. С. Уварова. Рѣчи, прочитанныя въ соединенномъ засѣданіи ученыхъ обществъ 28 февраля 1885 г. (съ портретомъ Графа А. С. Уварова). 1885 г. Брошюра. Ц. 75 к.

Историческая записка о 25-лѣтней дѣятельности Моск. Арх. Общества. Ц. 2 р.

Памяти Н. С. Тихонравова. М. 1894 г. Ц. 2 р.

Археологическія Извѣстія и Замѣтки, года: 1893—1895 по 3 р.

Уступка гг. членамъ Общества 20%, библіотекамъ учебныхъ заведеній—25%, книгопродавцамъ—30%.

Изданія графа Уварова:

Археологія Россіи. Каменный періодъ. Соч. графа А. С. Уварова. Два тома. 1881 г. Ц. 18 р.

Мерянe и ихъ бытъ. Соч. гр. А. С. Уварова. Одинъ томъ и атласъ. 1872 г. Ц. 8 р. (нѣтъ въ продажѣ).

Каталогъ собранія древн. гр. А. С. Уварова. Вып. I и II (въ одной книгѣ): Древности каменнаго и металлическаго вѣка, съ портр. гр. А. С. Уварова и 35 табл. рис. 1887 г. Ц. 4 р.

Вып. VII. Монеты Воспорскаго царства и древне-греческихъ городовъ, находившихся въ предѣлахъ нынѣшней Россіи, съ 5 таблицами. Состав. А. Орѣшниковъ. 1887 г., ц. 3 р.

Архим., Леонидъ. Систематическое описаніе Славяно-Россійскихъ рукописей собранія гр. А. С. Уварова, 4 т. М., 1893—94 г. Ц. 15 р.

Каталогъ Спасо-Преображенскаго монастыря въ Ярославлѣ, ц. 9 р. 50 к.

Византійскій Альбомъ - посмертное изд. гр. А. С. Уварова. Т. I. 1889 г. Ц. 15 р.

Кавказъ. Путевыя записки гр. Уваровой 2 тома. Ц. 3 р.

Уступка книгопродавцамъ и библіотекамъ учебныхъ заведеній 25%.

Продаются въ собственномъ домѣ Общества, въ Москвѣ, на Бережковѣ, у Большаго Каменнаго моста.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

будетъ выходить въ 1897-мъ году (5-й годъ изданія) по то же программѣ и въ томъ же объемѣ.

Подъ редакціей **А. В. Орѣшникова** и **С. К. Богоявленскаго.**

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія рекомендованы для фундаментальныхъ библіотекъ учебныхъ заведеній Министерства.

Подписная цѣна съ пересылкою и доставкою въ годъ ТРИ (3) рубл

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Для **московскихъ** подписчиковъ:

1) Въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ, Берсеневская набережная собств. домъ, ежедневно отъ 10 до 1 часу и въ часы засѣданій.

2) У А. В. Орѣшникова, Историческій музей, на Красной площади, еже дневно, кромѣ праздниковъ, отъ 1 до 4-хъ.

3) Въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Моховая, противъ Старат Университета, д. Коха (и его иногородн. отд.).

4) Въ книжномъ магазинѣ А. Ланга, на Кузнецкомъ мосту.

Иногородніе подписчики благоволятъ присылать подписные **три** рубля **исклю чительно** въ Императорское Московское Археологическое Общество (Москва, Бер сеневская набережная, собств. домъ).

Подписчики, **не получившіе** выпуска или **перемѣнившіе** свое мѣсто жи тельства, благоволятъ обращаться съ заявленіями исключительно въ Московско Археологическое Общество.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція обращается съ просьбою ко всѣмъ прежнимъ сотрудни камъ журнала и ко всѣмъ любителямъ старины присылать свѣдѣнія о раскопкахъ, случайныхъ находкахъ древностей, объ имѣющихся въ част ныхъ рукахъ выдающихся предметахъ древности—церковныхъ и быто выхъ, рукописяхъ и т. п., а также газетныя извѣстія, заключающія свѣ дѣнія археологическаго характера (отдѣльными №№ или просто вырѣзками съ помѣтою, изъ какой газеты и отъ какого числа); особенно желательны №№ провинціальныхъ газетъ.

Письма и посылки просятъ адресовать: въ Москву, въ Импера торское Московское Археологическое Общество, Берсеневская набе режная, с. д., въ редакцію „Археологическихъ Извѣстій и Замѣтокъ"

CC13
R9A7
1895-96

Stanford University Libraries
3 6105 012 552 712

DATE DUE

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA
94305